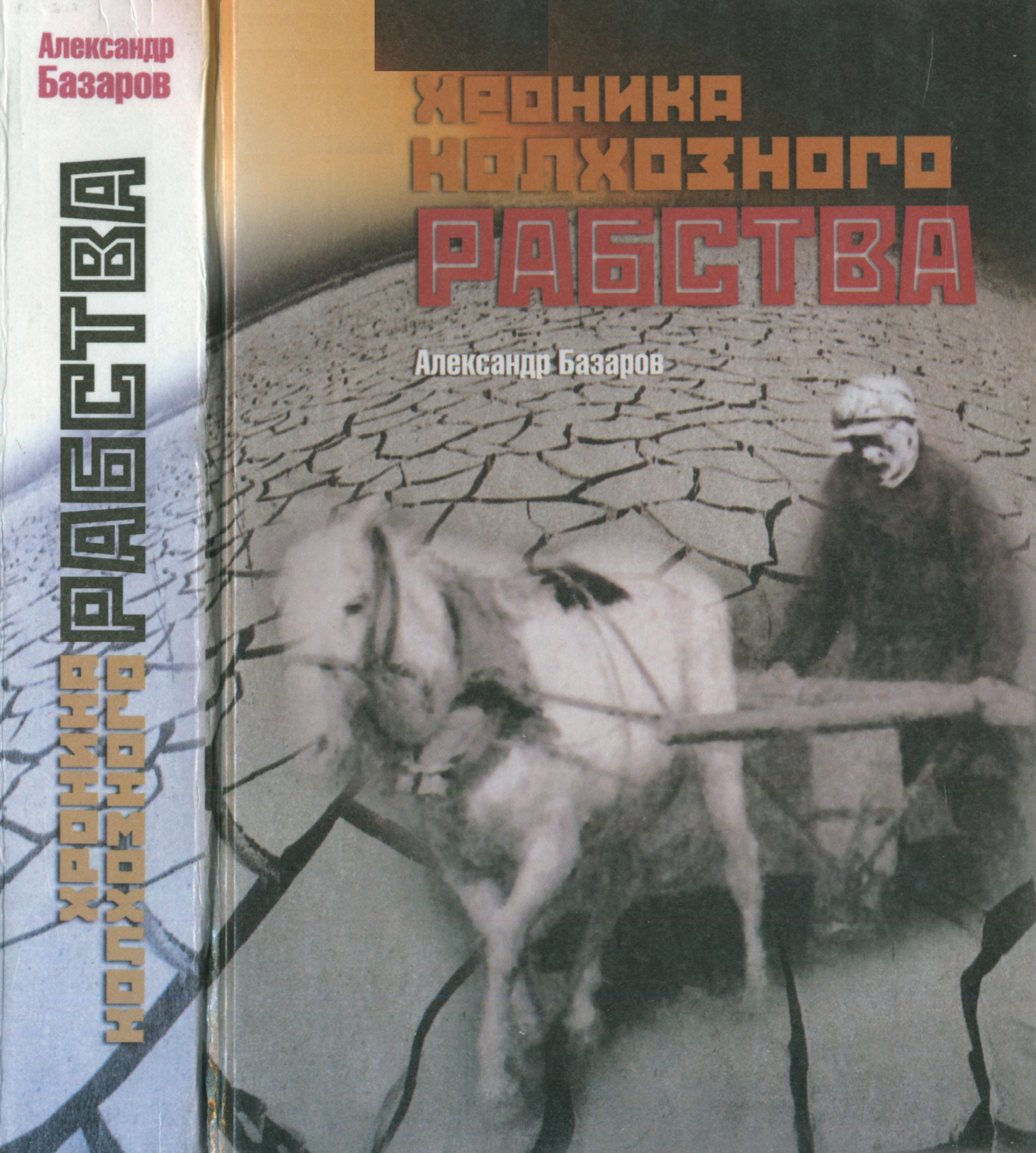
Александр Базаров

Хроника колхозного рабства

Хроника колхозного рабства

Александр Базаров



Светлой памяти
моей мамы
Завьяловой Таисии Ананьевны

Александр Базаров

ХРОНИКА КОЛХОЗНОГО РАБСТВА

Издательство
«Возвращение»
Москва 2004

ISBN 5-7157-0147-3

ХРОНИКА КОЛХОЗНОГО РАБСТВА

На теле и в душе России сталинский колхоз оставил шрамы, сравнимые с последствиями многовекового крепостничества. Раскулачка, ссылка, голодуха тридцатых, бабы и коровы под бороной, годы патриотического тылового ада для крестьянских детей, голодуха послевоенная.
И рабство духовное...
Другим так жить нельзя.
Мы выжили.
Книга адресована тем, для кого любовь к России покоится на сострадании к судьбе прародителей.

©Базаров А.А. 2004

От автора

Политическая наркомания трудно изводима. Как в обычном варианте зависимости тут возможны два пути: снять подручными средствами очередную ломку или лечить основательно и долго.

Радикальное средство против хронической и непреодолимой в ближайших поколениях нищеты — свежая государственная идея, придающая политико-экономической бестолковости устойчивую видимость национальной самобытности. Тот великодержавный патриотический ракурс, с которого бытовое и духовное прозябание соотечественников смотрится неиссякаемым героизмом, положительно выделяющим нас из цивилизованной благоустроенности и скуки окружающего мира.

Высокие национальные помыслы полезны в отдалённой перспективе полного излечения, если они порождены стремлением к благополучию народа и предусматривают рациональное использование экономического потенциала страны. Когда абсолютно нет спроса на гениальных вождей и героев, а государство ничуть не умнеее обычного гражданина, у которого все дома.

Любые попытки купить государственное величие за нищету и принудиловку большей части населения полагают спекулятивное обращение благой общественной идеи в агрессивную злонамеренную идеологию. В таком случае и национальная летопись подменяется сонмищем высоких пустых деклараций и творчески изощрённой политической лжи.

Перед вами хроника сталинского колхоза — идеального воплощения совершеннейшей идеологии. Неземная её часть читателю знакома по многочисленным редакциям капээсэсовцев от

исторической науки — как ветхозаветных, так и несколько обрусевших, — а также гениев социалистического реализма.

Теперь очередь за хроникой натурально навозной, доступной лишь нервно выносливому соотечественнику. Реальная история колхоза ниже порога чувственного восприятия закордонного читателя. Изложенная документально правдиво, она предстанет для эстетствующей публики явлением научно-литературного мазохизма. В целях доступности изложения и облагораживания российской исторической натуры надо либо художественно привирать во внешнем раскладе событий, либо придавать бесчеловечному режиму непостижимо высокий патриотический смысл.

«Хроника» является результатом двадцатилетних исследований, в которых я полагался исключительно на архивные, ранее и уже в новейшее время засекреченные, материалы партийных и карательных органов, частично — на имеющие документальное подтверждение свидетельства частных персонажей классически колхозной драмы. Хотя речь идёт о деревенщине опорного края державы, варварство, называемое столбовым путём социализма, и его социальные метастазы в настоящее единообразны для всех детей и внуков покойного Советского Союза.

Некоторые фрагменты «Хроники» отражены в ранее изданных книгах («Кулак и Агрогулаг». 1991 г., «Дурелом, или Господа колхозники», в 2-х томах. 1997 г.), журналах «Родина», «Посев», «Урал» и других. По материалам одной из глав снят документальный фильм «Сирота Страны Советов».

Искренне признателен многим десяткам моих добровольных корреспондентов, соотечественникам, не забывшим прожитого, но не потерявшим веры в лучшие времена России.

Особая благодарность и извинения за привередливость работникам уральских архивов.

Спасибо всем меценатам, покрывшим часть моих текущих исследовательских расходов в 1986-2004 годах.

Данная книга издана при финансовой поддержке
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа,
Уральской сельскохозяйственной академии,
Курганской сельскохозяйственной академии.

Глава 1
Остановите хозяина!!!

Скинулись. Доротделовский тракторист косоротился и демонстративно гнул в сторону от традиции. На это дело, известно, дважды не приглашают. Облокотившись на подножку «Кировца», он жевал соломину и одинаково равнодушно взирал и на торопливо вкушающих, и в бездонное вечное небо. От экономических видов на погоду деревенские давно отвыкли. Во времена пьяные, окаянные и переходные урожай зависит не от Бога. А на дворе стояло бабье лето, тёплое и сухое, с плывущими на мягком ветру паутинками, с запахами диких злаков и хлеба.

Обычной для предосени хозяйственной суеты теперь не было. Пара семейных кустов из старинных крестьянских дворов, обзываемых по-новому фермерами, вкалывает как-то тихо и незаметно; с работой справляется своими силами, а со стороны, если и приглашает, то на самые короткие и простые работы. Примешь надолго, обязательно запьёт и начнёт потихоньку приворовывать. Молодые работать не научились, последние пятнадцать лет мы больше делили да торговали, из работоспособных среднего возраста добросовестного батрака уже не воспитать никогда.

С горизонта совсем исчезло начальство. На уазиках теперь шныряют по полям только браконьеры да скотокрады. Легковые отечественного представительского класса тоже никого не пугают. Приехавший в деревню на «Волге» встретит искреннее сочувствие. Тут издалека знают, что приехал нищий районный управленец, что принесла его нелёгкая, ибо при нынешних бюджетах кататься на этих прожорливых и степенных, как баржа, персонал-

ках можно только на краденом горючем. Местные руководящие агрокадры, овдовевшие с кончиной КПСС и колхозной системы, скопом перешли было в хроническую оппозицию, но бессмысленно потолкавшись в агрессивной единообразной среде, до рукотряса умаяв чувства старосоветской риторикой, одумались, и кинулись в деревенскую приватизацию. Авто своей номенклатурной юности большинство из них остались верны.

Областной сельскохозяйственный штаб теперь называется департаментом, а кое-где даже министерством. Нищенский антураж присутственных мест и унылый облик сотрудников даёт основания полагать, что агрочиновнику живётся много хуже агрокомиссара, что государственный рубль здесь достаётся со скрипом, а взятки брать не за что. Делать из продукта деньги, а не наоборот, — кто раньше других понял суть нынешней экономики, тот приватизировал какую-нибудь из оптовых баз сельхозснаба и заложил на бывших братьев по партии всё, о чём не скажешь вслух.

А остальные тихо дошаивают на заседаниях областных правительств, балластируют на всяческих ежедневных совещаниях и возникают в случае крайней необходимости, когда надо заявить от имени всего прогрессивного человечества, что раньше было лучше. Красная власть сменилась на троешёрстную, но классические типажи прошлого остались в казённом седле и замылились в телеэкранах хуже «Аншлага». На азартных в демократически прошлом журналистов накинули административную узду, и местное телевидение снова морит зрителей кадрами бесконечных заседаний.

От агрокомиссара есть толк, если он с наганом или при деньгах. Управленцев без оного на деревне не жалуют. Если и вывезут вчерашних приверженцев орального (в смысле — орать) стиля управления на экскурсию в какое-нибудь передовое, но частное предприятие, то ведут они себя адекватно голой мудрости, избегая агрессивных назидательных претензий, томно вздыхают о прошлом и лукаво интересуются видами на чужой урожай и доход.

Которую осень тихо на колхозных токах. Не то что приезжих студентов, которых когда-то нагоняли курсами в каждое хозяйство, своих не увидишь. Держать и подрабатывать зерно в буртах под открытым небом сейчас не принято. Хлеб-то свой, потому всё под замком и бдительным хозяйским оком. Из восьми бункеров механизированного тока в уборочную восстанавливают только один, у остальных варварски выдрано нутро, всё, что можно сдать во вторчермет, что пригодилось в своём хозяйстве. О природной сметливости земляков можно судить походя. У одного кролы сидят в клетке из триерных сит, другой приспособил под огородную

ёмкость алюминиевый бак молокоохладителя. А чтобы цветмет не украли, залил фундамент, посадил бак на мощные болты. И резьбу забил. Вот уже второе поколение местных бичей вытаптывает огород в тщетных попытках уволочь ценную вещь.

В овраге, бывшем когда-то силосной ямой, свалены в кучу вышелушенные от меди останки электромоторов, трансформаторов, кабелей, приборов со всего тока и ферм. Тут же следы потребительских предпочтений аборигенов — скорлупа пивных банок и флаконы из-под «Композиции», дешёвого стоградусного напитка на спирту, лицензионного, по этикетке, изделия Парфюм-Париж, произведённого на Северном Кавказе и адресованного для протирания сантехники. Полтора десятка лет «новые деревенские», по-городскому — бомжи, шныряют заинтересованно и круглосуточно по развалинам колхозного социализма. Антураж хозяйственной разрухи обостряют до сюрреализма скрипящие на ветру голые столбы. Алюминиевый провод всей производственной электросети обрезали ещё в первые годы рыночного романтизма, когда воровали из-под ноги. Теперь же, чтобы не остаться вовсе без света, понижающий трансформатор за деревней огородили двумя рядами колючей проволоки.

Навсегда, кажется, отпали заботы с силосом и всякими там сенажами. По застойно советской поре сейчас бы в облаках пыли носились самосвалы с зелёным крошевом, распугивая кормящихся по дорогам гусей. Привычка работать не задумываясь, будет ли какой-то толк, работать в порядке навязанной ежедневной суеты, прошла. Кукурузу, эту королеву хрущёвско-брежневских колхозных полей, забыли как сталинский кок-сагыз. В экономике частный резон сильнее державного принципа. Собственную бурёнку кормить бражной зеленью никто не отважится, а общественное стадо исчезло непонятно быстро.

Для государственной скотины драма, называемая в людях реформой, обернулась трагедией. Раньше её спасал от колхозника святой, как полковое знамя, показатель выходного поголовья. И только планов не стало, корова приняла на себя все тайные грехи советского строя и пороки колхозные. Подобно временам раскулачки рынки страны завалили мясом, вскоре стала явью давняя колбасная мечта соотечественников. Убоиной рассчитывались за всё: за электроэнергию и горючее, за запчасти и дыры бесхозяйственности, на эти же ворованные средства в уютных пригородах и втихаря возводились особняки меняющих судьбу агрокомиссаров.

Колхоз тонул медленно, с дифферентом на животноводство. На МТМ ещё стучали по железу, а на фермах было пусто и гулко,

как в трюмах обречённого «Титаника». В кулуевском «Ленинском пути», просторы которого мы топчем, скотина окончательно вывелась прошлым годом. Чтобы не тянуть волынку с заготовкой кормов и зимовкой, осенью двадцать с чем-то голов раскидали по долгам, шесть — продали своим бывшим колхозникам, а четыре головы кто-то украл никануне. Ночью отоварили имущественный пай, весело отозвались на это событие бывшие коммунары.

С ликвидацией общественной скотины исчезла та, хотя бы формальная, хозяйственная забота, что связывала однодеревенцев в колхоз. «Ленинский путь», укрупнённый в пятидесятых скрещиванием «Коминтерна» с «Памятью Ильича», приказал долго жить. Зимой фермы забило снегом под крышу, первая же метель перехватила и робкие тропинки. По весне эти фундаментальные памятники колхозно-совхозной цивилизации испытали нашествие гуннов рыночной стихии.

Перво-наперво аборигены ободрали с ферм шифер, рамы, вырезали трубы, швеллер и прочий применимый в личном подворье полуфабрикат. Всё, что можно добыть с ломом наперевес. Потом пошли в товарный оборот неподручные деревенским железобетонные стеновые блоки и плиты перекрытий. Откуда-то пригнали краны и ладных ребят, которые бережно демонтировали и вывезли всякие там пэсээлы и ригеля. Больше двух месяцев самая суетная часть деревни билась на разработках. Вернулось было ложное чувство ежедневной причастности к чему-то.

Не назовёшь хозяйственную дикость земляков безрассудной. Вначале многие сокрушались по поводу творимого. Но к варварству побуждал страх ухватить меньше других, и бесчинствующая толпа нашла надёжное умиротворение зудящему рассудку, подкинув вину аж до Москвы. Жертвы короткого интереса крушили с искрой азарта в глазах и из-под кувалды, те, что поухватистее, машинами тянули стройматериалы и что можно на сторону. И все крыли последними словами новую власть вместе с приватизацией.

Так было почти везде. Вопиющим свидетельством очередной хозяйственной катастрофы встают по обе стороны провинциальных дорог России пепелища механизированной деревенской экономики. Если и встретится какой-то островок порядка, значит нашёлся тут местный Чубайс, способный личным авторитетом или силой денег остановить толпу оголтелых хозяев. Ведь совсем не важно, в какой собственности пребывает пасущийся у подлеска скот или ползающий над парами ДТ. Главное, что деревня живёт естественным порядком труда и быта, самостоятельно и честно ищет путь к долговременному благополучию.

В Кулуево победила пролетарская анархия. Начали было справедливо и подушно распределять отгоревшие листы шифера, погонные метры ржавых труб, но вскоре выяснилось, что социальная справедливость недостижима даже в отдельно взятой дыре. Потому и решили полагаться впредь на частную инициативу.

Деревенская общественность развалилась на три классические части: одни хотели жить по-старому, другие по-новому, а средние — нынешним днём. Староверы, понятно, вернулись к земле, залатали в складчину, кое-как и кое-чем изношенную технику и тянут жилы, чтобы прокормить себя и страну. Едят они трудный хлеб, и один Бог знает, когда наше государство научится помогать работающим, а не убогой лени. Отношение к ним классовых соседей по околотку тоже прохладное: пьют мало, только по праздникам и нервному случаю. Скупость вроде бы понятна, но неодобрительна.

Самые молодые и настырные подались за живым рублём на Север — в Хантымансию и на Ямал. На родине этих любовно окрестили олигархами. Вполне заслуженно. Возвратившись с вахты, старатели честно пропивают с друзьями всё, что не успела отобрать жена. Пару недель пролетарская сторона деревни проводит весело и содержательно. Местных собутыльников приглашают с собой в отход, жарко обсуждаются детали будущей работы. Но дальше грёзы дело обычно не идёт. Ранним-ранним утром, когда приходит долгожданный срок, жёны тихонько и тайно спроваживают пропившихся в лоскуты олигархов на очередную вахту.

Попили-поели...

Наиболее яркие фигуранты драмы, не привыкшие беспокоить судьбу трезвым умом, лениво поднялись с кормного места и взялись за ломы. Наступал последний день кулуевской Помпеи. Из всего возможного к реализации колхозного наследия остался мощный кирпичный фронтон четырехрядного коровника, возведённого халтурным армянстроем ещё в далёких семидесятых. Без стеновых плит фронтон готически возвышался над местностью и резал заинтересованный коммерческий взгляд живым силикатным кирпичом. Привлекало и другое. Чуть ниже выветрившегося обещания «Дадим Родине...!» кто-то во всю ширь сооружения вывел картерной отработкой созвучное новой эпохе: «МЫ — ЧМЫ!»

Намедни пробовали завалить фронтон, а заодно и железную водонапорную башню с помощью тракторных волокуш. Закинули тросы и поволокли нанятым «Кировцем». В тридцатых так валили церкви. Вопреки расчётам башня не упала, а только согнулась. Из ржавых внутренностей потекла бурая вонючая жижа и вывали-

лись клочья стеклоутеплителя. Кто-то догадался, что она стоит на анкерах и надо бы сварку. Отложили пока. С первого захода и торец фермы не поддался. Дёрнули его тросами. «Кировец» надсадно ломался в пояснице, юлил осями, потом внутри что-то хрястнуло, и движок стал работать с синей одышкой. Но дрогнул и фронтон. При первом рывке из щелей кладки, как при землетрясении или подземном атомном взрыве, пошла пыль.

Нынче решили его столкнуть. На этот раз тракторист категорически взял инициативу на себя. Работал он на паях, за тысячу штук кирпича, потому пресёк все претензии на общее руководство со стороны холерически шустрых, но нетвёрдо стоящих на ногах компаньонов. В стену упёрли брус, в другой торец которого стали давить лопатой бульдозера. Стена дрогнула, а потом тяжело и устало рухнула. Грохот падения перекрыл матерно радостный возглас победившего разума. Все кинулись с ломами вперёд.

К вечеру морщины прежней цивилизации окончательно разгладились. Даль открылась первозданная. С крыльца крайних домов виделись уходящая к закату поскотина и голубой Марьин колок. Гармонии не нарушал приземистый, доколхозной постройки сарай из красного кирпича. Через кованые решётки устало и мудро смотрели в мир его пыльные серенькие окна. В них отразился шальной век глухой зауральской деревни, от раскулачки до приватизации. Чуть справа вопросительным знаком резала небо изуродованная водонапорная башня, наградившая деревню неповторимым профилем. А ещё дальше, в зарослях дурной крапивы, ребрился остов собранной из железобетонных клюшек фермы, напоминающий скелет вымершего динозавра.

Колхозная эпоха, буйная в молодости, скончалась стариковски тихо. Отходила ко сну и деревня. Где-то в полевых сумерках тарахтел запоздалый трактор, на свежих руинах комплекса, прямо под вечным Сириусом, вспыхнул костёр и заметались кривые тени. Жизнь подошла к обрыву неопределённости. Прошлое, слава Богу, уже было. Настоящее, не дай никому крещёному, есть. А будущего, ты же, Господи, видишь, нету. От страданий души уводили окна домов, уютно мерцающие сполохами телеэкранов. По одному каналу шли «Менты», на другом — озабоченные депутаты и политики с ветра бились в поисках новой национальной идеи.

Глава 2
Рождество колхозное

Богато мой родной Урал так и не жил. Богато хотя бы в том ущемлённом смысле, когда не всё ежедневное существование затмевается поиском куска насущного. Большие дымные города, приземистые городишки с мощной кирпичной трубой, прокоптившей за два столетия всю округу, не такие нищие, как в нечернозёмной России, но всё же бедные деревни, – весь регион несёт на себе печать озабоченности и непреходящей нужды.

Наши претензии к власти и Богу просты. Если спать ложишься неголодным, день минувший можно назвать жизнью. Для моих земляков бытие не укладывается и в это – самое минимальное – требование. Действительно, большую часть прошлого века Урал прозябал на карточно-талонной системе распределения продуктов и элементарных вещей. Мы пережили три тяжких советских голодомора (1920=1923, 1930=1937, 194=1948 гг.), на фоне которых нищета промежуточная смотрелась терпимо. Нынешнее витринное изобилие никого не обманет и не насытит.

Сельское хозяйство Уральской области, которая включала до 1934 года большую часть нынешних Свердловской, Челябинской, Курганской, Пермской и Тюменской областей, носило характер преимущественно зернового производства, основанного на хищническом использовании естественных богатств. Так сказано в справочнике «Весь промышленный и торговый Урал» за 1927 год. Урожайность была низкой — по 8=10 центнеров с десятины. В лесостепной полосе хозяйственные итоги были значительно лучше. Экономика деревни оклемалась от первой советской голодухи и находилась на подъёме. Валовая сельхозпродукция росла на 10% ежегодно. Уральский хлебофуражный баланс 1926 года констатирует устойчивое хлебообеспечение населения. На городские рынки вывозили по 16=18 пудов на взрослую душу.

Баланс довольно точно отражает движение хлеба в единоличном хозяйстве. В Зауралье, например, 39% зерна шло на личное потребление, 50% — на хозяйственные дела, 11% составляли товарный запас.[1] Для типичного крестьянского двора южной зоны с 4-6 десятинами посева, выходило где-то 5–6 центнеров зерна на продажу. Обычная деревенская семья при собственном благополучии кормила трёх горожан. Хозяйство, имеющее десять гектаров посева и отнесённое к кулацкому, кормило, по меньшей мере, пятнадцать человек. Документ отмечает даже криминальные тонкости. Мои земляки с каждой души населения тайно перегоняли на самогон по 12 кило зерна в год. Перевод килограммов в литры доверяю жизненному опыту читателей.

Медленнее, но упрямо оживало животноводство. В основных аграрных районах к началу 1927 года на единоличное хозяйство в среднем приходилось две лошади и четыре головы крупного рогатого скота. Две трети к уровню 1916 года, но в сравнении с нищетой начала двадцатых прогресс был впечатляющим. Сравнения с дореволюционным периодом неприличны, данные покажутся оголтелой монархической пропагандой. В 1913 году Урал вывез 220 тысяч пудов мясопродуктов, 31 тысячу пудов мяса птицы и миллион пудов масла. Стоимость экспорта — 18 млн. рублей золотом. В том году Россия вывезла в Европу более четырёх миллионов пудов масла, один миллион был нашим — уральским.[2]

Похвалюсь нищей, но родной областью. До самой коллективизации Курганское объединение маслокооперации, робкий отросток закрытого большевиками Союза сибирских маслоартелей, поставляло продукцию на лондонский рынок. По 150–160 тысяч пудов ежегодно. Подумывали об экспорте в Америку. Утереть нос заокеанским фермерам не удалось. Зимой тридцатого около половины коров прирезали, многих мобилизовали в колхоз. Кормили мы гордую Европу и свининой. Курганский беконный завод до двадцать девятого отправлял на берега туманного Альбиона по 100 тысяч пудов нежного мясопродукта.[3] Социалистическую реконструкцию села местные свиньи перенесли ещё хуже.

Приобщение крестьянства к очередной идее началось с их кармана. В 1927 году ввели новый сельхозналог, в два с лишним раза тяжелее прежнего. Принудительно установили низкие закупочные цены на хлеб. Ужесточили формы финансового давления на деревню. Уже в конце двадцать седьмого недоимки снова стали обычными для крестьянского двора. По наивному упрямству мужик отказывался понять историческую важность момента и свою высокую жертвенную миссию в деле строительства социализма.

Циркуляр Уралсуда и облпрокуратуры от 28 декабря 1927 года, списанный с директивы Наркомюста, предусматривал «ряд решительных мер по оказанию должного содействия финансовым органам как в части выявления контингента неплательщиков, подпадающих под действие ст. 60 УК, так и в части наибыстрейшего прохождения дел, возбуждённых против неплательщиков».[4] «Напоминаем, — давит на психику следующая бумага этих инстанций, — что при проведении означенных жёстких директив необходимо соблюдать должный классовый подход». Неделей позднее облсуд разъяснил существо классового подхода с полной категоричностью. «Репрессии по 60, 62 статьям УК применять максимальные, особенно по 3-ей части ст. 60 и 1-ой части ст. 62 УК — лишение свободы на более длительное время, в отношении кулаков с конфискацией всего доступного в пределах закона... Приговоры приводить в исполнение самым быстрым темпом».[5] Расклад по статье 60 УК такой: опись имущества, принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей. Самым упрямым статья предусматривала и лишение свободы. Для начала до смешного мало - пару лет.

В административном сознании быстро прогрессирует убеждение, что крестьянские доходы являются природным достоянием советского государства, на пути практического использования которых стоит мелкобуржуазный, шкурный интерес единоличника. В политической терминологии и документах того периода стали обычными призывы к выброске денежных ресурсов деревни, решительной выкачке, изъятию денежных излишков и т.п.

7 января 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о налоге самообложения. По официальной версии, средства нового налога подлежали расходованию на социальные и культурные нужды деревни. Уралобком ВКП(б) приказал партийным и советским органам немедленно приступить к самообложению населения. Без нудных экономических обоснований – всякая ложь должна быть краткой и убедительной – определили спасительную для области сумму — 7,5 млн. рублей. Сумма удивительным образом совпала с занаряженной Кремлём.

По демократическому протоколу, налог-то назывался самообложением, полагалось принять сумму общим собранием деревни. Тонкий демократический нюанс превращал кампанию в практически невыполнимую. Крестьянство не оценило культурного почина государства и отнеслось к идее самообложения подозрительно, уловив иронию в самом названии налога.

В январе двадцать восьмого на места направили тысячи уполномоченных. Партийный актив области — в округа, окружное начальство — в районы, районное, естественно, туда, где пахнет навозом. Уполномоченный, объясняю молодым, командированный сверху чиновник, обязанный следить за вашей политической и профессиональной активностью. С ужесточением большевистского режима полномочия выездного комиссара расширялись до права немедленной расправы. В нашем случае командированным надлежало любыми средствами обратить мужика в мецената.

«Положение с самообложением обстоит отвратительно, — доносит в Курганский окружком уполномоченный по Чашинскому району Игнатенко, — во всех мощных селениях почти поголовно проваливают, вряд ли придётся провести этот вопрос вторично». И далее, уже не уповая на силу революционного слова, добавляет: «Нужно разработать особые мероприятия по району, видимо, без вмешательства ГПУ для изоляции некоторых кулаков хотя бы временно, ничего не получится».[6] Применение репрессий, по мысли всех комиссаров, было вернейшим средством образумить мужиков и придать деревенской демократии нужное направление.

Общие собрания проваливали идею самообложения сразу. Лицемерие наобум не проходило. Так как концепция социализма была выписана гениально и полностью, менять следовало что-то в демократии. Начали с резкого увеличения числа «лишенцев», то есть лиц, лишённых права голоса. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа РСФСР», принятой летом 1918 года, к лишенцам отнесены классово чуждые элементы: эксплуататоры, служители культа, осуждённые и сумасшедшие. Деревенской гнили в образе сельсоветчика пали в руки большие полномочия. Гамму указанных признаков он обобщал до понятного расклада - за Советскую власть или как все.

С утверждением списков не вдавались в юридические тонкости, посчитав, что авторитета райисполкома тут вполне достаточно. РИКи подмахивали списки оперативно и даже охотно. Кому не лестно вынуть соседа из шкуры гражданина? Работа, требующая больше решительности, чем ума, покатилась гладко. На селе быстро пухла прослойка бесправных, но глубоко обязанных. К 1930 году по Уралу осипло более четверти миллиона граждан. Пыл охладили секретные директивы, разъясняющие, что для пролетарского государства важнее не лишение эфемерных прав, а конфискация осязаемых вещей – денег и хлеба.

В проведении самообложения сельсоветам рекомендовалось опираться на бедняцко-середняцкий актив. У нас принято считать

бедняка объективным результатом эксплуатации и носителем светлой нравственности. Чем босее, тем прогрессивнее. Мы с детства воспитаны на подозрении ко всякому индивидуальному достатку, хотя природа находит себя во внутренней зависти. Бедным можно стать и помимо железных законов истории. По элементарной лени, например, общественной и личной бестолковости. Представления о справедливости у прогрессивного лодыря просты и радикальны — отобрать всё к чёрту и разделить поровну. Раз живём. Добровольно участвовать в ограблении мог только деревенский сухостой, те, у кого лакейство оставалось единственной добродетелью, а ленивую душу жгла зависть. Да восторженные алкаши, которых с похмелья тянет на высокое.

Вернёмся к документам. На собрание в селе Чулошное, что до сих пор прозябает в Половинском районе, было приглашено 34 человека из 360 имеющих право голоса. На другой день удалось собрать 71 человека. За самоналог проголосовало 48 человек, «большинство». Хватит ли того, спрашивал агрокомиссар у секретаря окружкома ВКП(б), а то иного выхода нет. Соберёшь много народа – обязательно налог провалят.

«Первое собрание не состоялось, — доносил из подопытной деревни другой эмиссар партии, — а второе — народу набилось в две комнаты, как сельдей в бочке!» Затем с гордостью излагает факт собственной политической расторопности. По приезде он встретил на улице пьяную женщину, от которой разило продуктом домашней выделки. Баба была немедленно арестована и заперта на целую ночь под замок. Наутро, угрожая тюрьмой, выпытал — у кого есть самогонные аппараты. В числе нарушителей оказалась абсолютная беднота, то есть потенциальные активисты. Не воспользоваться ситуацией было бы преступно. Амнистировав самогонщиков под обязательство голосовать за налог и активно призывать к тому собутыльников, удалось принять налог в этой маленькой деревне с первого захода.[7]

Об арестах. С самого начала кампании самообложения они были самыми вескими аргументами демократии. Рука, просто лежащая на кобуре, производила на деревенщину благоприятное впечатление. Уполномоченные добирали не словом, а теми, кто за ними стоял, – милиционером или следователем, сотрудником райотдела ОГПУ. «Отдано распоряжение об аресте», — самый распространённый фрагмент отчётов.

Демократия по-красному становилась резиновее благодаря ещё одной классовой закавыке. Решения о принятии налога вначале утверждались на собраниях бедноты, которую освободили от

его уплаты. Тут же решалось, кого из однодеревенцев пригласить на общее собрание. Да-да, именно пригласить. Сельское охвостье могло лишить права голоса по соображениям далеко не нормативным. Ну не нравится нам — и всё тут. Этот намедни не дал на выпивку, а тот гонит кнутом от дочери-невесты.

В дополнение к правилам голосования было установлено, что собрания действительны при одной трети жителей. Ежели они заупрямятся и на этот раз, назначать директивно новое собрание и голосовать при любом количестве собравшихся. Теперь при любом раскладе «классовых» сил деревня с третьего собрания обязательно заводилась в ярмо. Агрокомиссары жаловались, что мужики морально издеваются над представителями пролетарской власти, коими считали себя. День волком бегаешь вдоль деревни, а на еле согнанном общем собрании нет голосующих ни «за», ни «против». Только под ехидный смех толпы всплывает несколько рук воздержавшихся. Иногда действия приобретали прямо-таки анекдотический оттенок.

Уполномоченный по Режевскому району Антонов, получивший когда-то красное знамя за первое место по продразвёрстке, озабоченно доносил в окружком партии: «После доклада было голосование, получилась такая картина, что ни «за» никого нет, «против» — никого и воздержавшихся — один. Когда я навёл справки, оказалось, что этот воздержавшийся — колчаковский комендант, белогвардеец». Воздержавшегося арестовали, сам виноват.[8] Честность может быть инстинктивной, жулик всегда думает.

И уж совсем обнаглели щучанские мужики (ныне район Курганской области). На общем собрании бедняцкое большинство, которое по всем законам исторического материализма должно быть прогрессивным, дружно проголосовало «против». Зато робкая кучка зажиточных, льстиво сгрудившихся впереди, голосовала «за». Налог не прошёл, но ошарашенный агрокомиссар успел заметить в глазах «активистов» ехидный блеск.

Конфликт зрел. Вскоре ВЦИК и СНК принимают директиву, в которой «сельским Советам разрешается отступать от установленного способа раскладки самообложения в сторону усиления обложения особо мощных крестьянских хозяйств или установления льгот для малоимущих хозяйств».[9] Ведьмы существуют потому, что есть суды над ведьмами, утверждал ещё в сумеречное средневековье английский король Яков, автор «Демонологии». И подпирал силлогизм убийственным доводом, – святая инквизиция ошибаться не может! Пролетарское государство тоже поступает объективно. Потому демократию приказали отменить и довести

план обложения до каждого двора. А буде от кого культурному начинанию сопротивление — немедленно отправлять в тюрьму.

Сельские сходы, шумные в январе, постепенно рассосались. Агрокомиссары их не проводили, а расписывали налог по крепким дворам. Теперь можно было ехать домой. Закутавшись в тулуп и солому кошевы, уполномоченный глядел на верхушки уснувших в холоде берёз, на облака, на залатанный полушубок возницы и вспоминал. «Верхняя Алабуга — против, собрание будет отменено как незаконное, нет кворума, работа ведётся дальше. Мочалово — нет решения, видя, что вопрос не пройдёт, наши товарищи, пробившись до пяти часов утра, сняли вопрос с повестки дня, хотя собрание было законным, иначе выхода не было. Плотниково — за, первое было отменено как незаконное. Боровлянка — за, сразу. Берёзовое — за, первое было отменено как незаконное. Соснова-Отнога — первое собрание против, работа ведётся дальше...»[10]

Агрокомиссар плыл в полусне воспоминаний. О бок грелась полевая кожаная сумка, в которой лежали документы, удостоверяющие положительный итог командировки в Звериноголовский район. Лишь изредка, когда из памяти набегал неприятный факт игры в демократию, он, пугая тоже закемарившего кучера, вслух сокрушался: «Да-а-а! И какой же я был дурак! Все-таки умные люди сидят в Кремле!» После чего лез глубже в тулуп и старался вытолкнуть из головы каверзное, сосредоточенно перебирая в памяти лики деревенских молодух.

Кампания ушла в историю. В телеграмме Молотова от 8 января 1928 года, одновременно с выходом директивы о самообложении, предписывалось: «При обосновании указанного декрета необходимо отмечать, что с ростом благосостояния деревни и её культурных потребностей самообложение населения уже получило широкое распространение в последние годы по инициативе самого крестьянства, и что декрет лишь вводит инициативу в определённые нормы и уточняет цели самообложения».[11]

Вот так-то! Выходит, зря мужики ерепенились. Для официальной истории государства уже была заготовлена светлая рыба. С претензией на высокие цели, государственную мудрость и всенародную поддержку. Сладкий яд политической лжи превратил примитивную обираловку в восходящую героику, а прижимистого земляка — в мецената-энтузиаста.

Оперативно проведённая кампания самообложения выявила огромные возможности социалистической демократии в деле государственных приобретений. Когда исторические претензии значительно превышают наличный ум, государству не хватает денег. В

унылой советской экономике ограбление граждан есть единственно возможный промысел власти. В широкой гамме поборов, задрапированных большевистскими лозунгами, особое место по лицемерию занимают государственные займы.

Непременным условием размещения займов являются добровольность и выгодность покупки ценных бумаг, высокий уровень гарантий государства. Всё это не про нас. Тотальная бедность культивирует в народе упрямую веру в чудотворное и быстрое обогащение. Потому мы первобытно восприимчивы к лотереям, розыгрышам и многообразным афёрам, рассчитанным на экономическую невоспитанность. Ко всему тому, что известный английский утопист называл добровольным налогом на дураков. От нищеты и зависти отучить трудно. Государство нас кидало и расторопные частные учредители. Природа взяла своё. Стремление жить на халяву и поныне давит всякие сомнения рассудка.

Наши прародители жили исключительно своим трудом, на государственную милость не надеялись, а случись какой-то казус, — предпочитали, до того перекрестясь, лучше обмануть, чем быть обманутыми. Советской власти и облигациям деревенщина не верила, поэтому каждая кампания подписки на заём обещала быть интересной. По ту сторону фронта считали, что «реализация займов является важнейшей политической и хозяйственной задачей всех советских и общественных организаций».

Уполномоченные вылетели в народ с установкой – тянуть с мужика живым продуктом и мёртвой наличностью, для чего были вооружены чрезвычайными полномочиями и наганом. Демократия вышла из моды. В памятках распространителям займов рекомендовались личные беседы с сельчанами, с особенно прижимистыми — поздно вечером или ночью; многократные вызовы на актив, широкое использование общественного бойкота. «Провозившись с ними до четырёх утра, — устало лепит каракули комиссар из глубинки, – добился подписки на заём». Другой сообщает в окружком без оптимизма: «В нашем селении продано приблизительно 12% из пяти тысяч рублей. Надеемся на днях реализовать 30%, а то и более. Беднота денег совершенно не имеет, середняцкая часть берёт очень мало, а зажиточная часть не хочет брать совсем».

Помимо комми мужика брала в оборот вся общественность. В директиве от 27 сентября 1928 года Уралоблоно угодливо вверх и категорично вниз предлагало провести следующие мероприятия. «Школы первой и второй ступеней семилетки, школы крестьянской молодёжи развёртывают беседы среди учащихся во время занятий и на ученических собраниях, добиваясь, чтобы каждый

учащийся сделался активным участником-пропагандистом приобретения займа в своей школе, семье и среди окружающего его населения».[12] Учащимся профессионально-технических заведений предписывался подворный обход.

В борьбу за чужие деньги включились даже аполитичные медики. Пришёл, к примеру, мужик по болезни или в профилактических целях к фельдшеру. А тот ему в нос обращение областного отдела здравоохранения, где всем сельским медикам прописано участвовать в пропаганде займов. И их профессиональная зрелость связана с числом завербованных пациентов.

На облигации, всученные под пыткой, моральной или физической, крестьянин смотрел как на пустую бумагу, которую при первом же удобном случае норовил вновь обменять на деньги. В том стремлении его не останавливали самые святые заверения государства о высокой ликвидности облигаций и навязчиво показательные тиражи выигрышей. В начале тридцатого облисполком констатировал ажиотажный сброс населением облигаций прежних выпусков. Государству вернули 57% облигаций первого выпуска займа индустриализации, 44% — второго выпуска и 42% — облигаций укрепления крестьянского хозяйства.

Хитрозадому кредитору государство врезало по конечностям. При сельсоветах создали комиссии содействия займу. В полномочия таковых поставили контроль над движением облигаций. Отныне сдача облигаций стала возможной только с разрешения деревенской «общественности». Уралфинотдел в марте тридцатого разъяснил, что «выдача разрешений на продажу или залог облигаций предоставляется лишь тем комиссиям, которые хорошо знают займодержателя... Следует иметь в виду, что злостные сбросчики облигаций и спекулянты не остановятся перед переездом с места на место для сброски облигаций, если в этом отношении будут какие-либо послабления».[13]

В дальнейшем нашли более надёжным коллективное хранение облигаций в сберкассе. На руках у мужика осталась расписочка, отделяющая его от денег ещё одной степенью защиты. В академическом издании «История социалистической экономики СССР» с пафосом утверждается, что с 1926 по 1932 год число вкладчиков в сберкассах страны возросло в 20, а сумма вкладов — в 15 раз! Основой видится «глубочайшая заинтересованность трудящихся в обеспечении социалистической индустриализации финансовыми ресурсами...»[14] С голоду детишки на печи мёрли, так надо понимать, а отцы-пролетарии с просветлёнными рожами несли деньги на Магнитку. Рядовой общественной науки несёт чушь по незна-

нию, кандидат наук врёт временами, дёшево и стыдясь, доктор – за оклад без эмоций, академик — за оклад с восторженностью.

Политика вседозволенности подняла на местах активное штрафотворчество. Комиссарам разъяснялось, что «суммы, принятые по самообложению, взыскиваются в бесспорном порядке продажей имущества в размере принятой с каждого гражданина суммы обложения». «Составьте списки недоимщиков, — требовало партийное руководство, — производите принудительное взыскание путём описи, изъятия и продажи имущества. Независимо от описи и продажи имущества злостных неплательщиков сельхозналога (мощные хозяйства) привлекайте к судебной ответственности».[15]

Конфискованное продавали практически за бесценок сами экспроприаторы. Отчётные суммы ни в коей мере не отражают масштабов награбленного. Низовые активисты щеголяли в обновках, приобретённых по удачному случаю. Тащили домой смехотворно уценённые швейные машины, сепараторы, инструменты, ткани. Кое-где уже справляли новоселье. Щедрая на чужое советская власть растравливала в деревенской бедноте классовый азарт.

Чтобы финансовые величины тех лет стали чувственно воспринимаемы, взглянем на уровень личных доходов различных категорий населения по округам Большого Урала. В конце двадцатых сельский врач, к примеру, получал 100 рублей в месяц, агроном — 90, служащие госучреждений — 70–80, рабочие заводов — 50-60 рублей в месяц. А теперь о покупательной силе рубля. До начала политического шухера, т.е. в 1925-1926 годах, на крестьянских рынках Зауралья на один рубль можно было купить по выбору: 20 кг зерна, 3 кг говядины, 16 кг мяса птицы, 2-3 кг животного масла, 50 штук яиц.[16] Это, так сказать, исходный базис, с которого мы рванулись в будущее.

Годовая продукция единоличного двора приближалась к 400 рублям (аграрные округа Урала). Чистый денежный доход с учётом приработка на стороне составлял около 100 рублей в год. Что значило подписаться на сторублёвую облигацию? Продать корову или сто пятьдесят пудов хлеба. Чтобы мужики-кредиторы не ссылались на отсутствие наличности, ввели натуральный норматив подписки — два пуда зерна с десятины. Раньше бы держал кургусей, теперь расписочку на божнице. Облигации забирались в сберкассу на три года. Так было сказано вначале. Советский народ, соврать бы тут академически, проявил огро-о-мный интерес к долгосрочным вкладам.

Знакомство с основной коллизией предколхозных лет начнём с первоисточников. «За последнее время, — читаем партийную

классику, — нужно констатировать значительное усиление планово-регулирующей роли пролетарского государства на сельское хозяйство и рост влияния социалистических элементов в самой деревне... В области сбыта сельхозпродукции государственные органы и кооперация заняли решающее, в ряде важнейших отраслей сбыта (хлеб, хлопок, сахарная свекла и т.д.) — господствующее, почти монопольное положение».[17]

Ближайшим следствием регулирующей роли пролетарского государства — её основным моментом было снижение закупочных цен — стал продовольственный кризис. Крестьяне отказались продавать хлеб, причём сразу и по всей стране. Весёлая лютость поборов подсказывала земляку, что грядут смутные времена. На начало 1928 года было заготовлено хлеба только 30% к плановой величине. В переписке с центром не просматривалось какой-то тревоги. Заверялось, что планы заготовок выполнимы и требуют не чрезвычайных мер, а ответных поставок в деревню.

Вместо товаров на деревню прибыл десант агрокомиссаров. «Поставлен на ноги и брошен в сёла весь партактив, — цитирую один из боевых отчётов, — систематически прорабатывались контрольные цифры и отдельные вопросы заготовок». Только райуполномоченных хватило бы на полную фронтовую дивизию. Каждый осознавал, что вернуться домой он может в единственном случае, — выполнив план хлебозаготовок и денежного оброка. Любой другой расклад грозил судом. Простая эта истина определяла его отношение к деревне, которой он был совсем чужд. Жить длительное время в агрессивно настроенной среде и понимать свою зависимость от деревни — это ли не личная драма мобилизованных. Естественно, что в каждом крестьянине, берегущем свой хлеб, они видели косвенного виновника ссылки.

В январе Сталин телеграммно предупредил, что «в ряде районов хлебозаготовки принимают характер обмена товаров на хлеб, причём советские и хозяйственные органы берут на себя обязательство оплачивать хлеб полностью или значительной частью промтоварами». Вдогонку ЦК указал на «недопустимость установления непосредственного товарообмена хлеба на промтовары, так как такой порядок влечёт за собой расстройство товарооборота между городом и деревней, расстройство денежного обращения».[18] В последней части директивы экономические обстоятельства явно передёрнуты. Опасения вызывает вовсе не расстройство отношений между городом и деревней, а их возвращение через бартер к эквивалентной основе.

Чуть позднее попытались нагреть деревенщину по-иному. «ЦК считает возможным, — цитирую шедевр, — приём кооперацией от крестьян подписки на промтовары с получением от них при этом авансов, каковые могут вноситься в тех районах, где ход хлебозаготовок неудовлетворительный, а количество свободных денег у крестьянства достаточно велико, хлебом».[19] Принцип запродажи бендеровски прост — утром хлеб, вечером деньги, завтра хлеб, послезавтра облигации. Обмен, или обман через обмен, оказались эффективнее горячего партийного слова. Правда, они повлекли за собой дальнейшее обесценивание рубля. На рынках не стало ни товаров, ни хлеба.

«За последние дни в Кургане, — читаем сводку ОГПУ, — в магазинах рабкоопа создаются громадные очереди, пайщики стараются запасти муку». Подобное творилось во всех городских поселениях Урала. Ничего политически подозрительного в том не было. Все чувствовали, к чему идёт дело. Бросив возможное к продаже в сани или телегу, мужики обозами потянулись в Свердловск, Тюмень, Челябинск, Курган и даже в Киркрай, как тогда называли северные районы Казахстана. Там они надеялись продать хлеб и сразу отоварить доходы.

Милицейскими кордонами стала на их пути власть. Многие окружкомы Уральской области приняли решения о запрете на вывоз хлеба, чтобы не сорвать заготовки. Надо сказать, что такие запреты не нравились области. Внутриуральское движение продовольствия было ещё необходимо. Городские рынки оставались главным средством продовольственного обеспечения. И всё же местные власти старались пресечь экспортные намерения мужиков. Тайные обозы стерегли на дорогах, хлеб отбирали, а возниц обзывали спекулянтами и прятали в домзак.

Излагаемые события, в конечном счёте, привели к принудительной натурализации крестьянского хозяйства. Мужик выпал из рыночного оборота и попал в оборот советской власти. Его загнали в собственный двор, предоставив возможность либо сдать зерно на государственных условиях, либо, если не одумается, превратиться в «злостного зажимщика хлеба». Под популярную политическую кликуху советские правоведы торопливо подыскивали хорошую статью. В январе Уралобком ВКП(б) навёл правозащитные органы на мысль — применить в судебной практике статью 107 УК РСФСР. Областной суд и прокуратура супряжью поддержали большевиков, мигом предписав «за задержание (невыпуск) запасов хлеба, имеющегося в отдельных кулацких хозяйствах, предавать суду, квалифицируя преступление по статье 107

УК РСФСР... Строжайшее требование, предъявляемое в отношении производства, — быстрота. Сроки движения дел должны исчисляться буквально днями. Приговор приводить в исполнение немедленно».[20]

Переход к репрессиям не требовал нудных демократических процедур, промтоваров или, на худой конец, облигаций. Хватит политически зрелого судьи. Крестьянство просилось в ответчики. Подходящую статью успели отредактировать. Эпическая её часть изложена выше, в директиве облсуда. Скажу лишь о расценках. За сокрытие своего хлеба по единомыслию полагался год лишения свободы с конфискацией имущества. Преступный сговор удлинял срок заключения ровно в три раза.

Партия постоянно тыкала шилом в прокурорские и судейские штаны. «Работа нарсудов продолжает до сих пор оставаться явно неудовлетворительной, — злился Челябинский окружком, — и неограждающей советские законы». Для защиты законов от граждан найдено полезным: «Дела рассматривать в день поступления... репрессии должны быть усилены, как общее правило, до предельных размеров, установленных Уголовным Кодексом... при производстве взысканий и платежей последние преимущественно должны ограничиваться натурой — зерном».[21]

Так вот где собака зарыта! Безопасность советских законов гарантирована, оказывается, лишь в том случае, когда до упора усилены репрессии против граждан, честь, достоинство и имущество которых они призваны защищать. С точки зрения кавалерийской экономии, преступным признали естественное намерение деревенщины продать выгодно продукты своего труда. Единство экономики и политики освобождало право от оков формальной логики и здравого смысла. Делало его простонародно понятным и сивушно крепким. Чтобы качнуться от ветреной статьи 107-й, карающей каким-то годом, до солидной, гарантирующей концлагерь 58-й, достаточно было вслух выразить недовольство.

Толково по этому поводу сказал начальник Шадринского окротдела ГПУ Мовшензон: «Если не применять статью 107-ю, то для сопротивления кулачества, ведущего операцию против мероприятий государства, можно применять статью 58-ю, конечно, не в массовом масштабе, а умеючи».[22] О чём базар? Мегакубометры отечественного соцреализма убедили нас давно в том, что умение и чувство меры никогда не покидали сотрудников известных органов. «Вот где работают, черти!» — восхищался гепеусами один из героев Андрея Платонова.

Уголовной погоне за задержку хлеба в первые месяцы года подверглись крупные крестьянские дворы. В районах выбрали по два-три хозяина и устроили показательные суды над ними. Суды были многолюдными, проводились выездными бригадами облсуда и стали мощным средством устрашения. Народу дали понять, что упорство в защите своих интересов чревато уголовными, а то и политическими обвинениями. «Злостный зажимщик», пусть даже пары жалких пудов, мог стать кулаком со всеми вытекающими из этого превращения последствиями. Вслед за показательными судами пошли обычные. Репрессии заметно уплотнились. За первое полугодие по Уралу было осуждено по статье 107-й около тысячи человек. Совсем вскоре эти статьи и цифры покажутся смешными.

Но широкие трудящиеся массы струсили. «Суд над кулаками за невыброс излишков хлеба на рынок, то есть по статье 107-й, — радовался уполномоченный по Звериноголовскому району, — явился хорошим агитатором в деле хлебозаготовок. Так, например, если до суда шла заготовка хлеба от 200 до 300 центнеров в день, то после суда мы имеем от 400 до 1200 центнеров в день».[23] Показательные суды принесли и другой результат. Все сколь-нибудь заметные хлебные запасы были мгновенно спрятаны. Пока ещё не так капитально, как на следующий год, но отныне каждый хозяин бережно хранил хлебную тайну.

Вскоре под уголовное преследование за невыпуск хлеба попал рядовой единоличник. Всякие социальные ограничения на грабёж отбросили. Корректирующий циркуляр облсуда напоминал: «Общая установка при применении статьи 107-й УК РСФСР должна быть взята на имущественные меры социальной защиты, главным образом, на конфискацию хлебных излишков... По отношению к не кулакам 107-я статья УК должна ориентировать на конфискацию хлеба и короткий срок лишения свободы».[24] «Отдельные крестьяне, — директива на злобу дня, — начинают прятать хлеб, развозя его по вновь организованным выселкам, зарывая в ямы или солому на полях и т.д. Окружком предлагает принять все меры к тому, чтобы не допустить прятания хлеба и, в частности, произвести проверку на выселках, хуторах, выявить точное наличие хлеба и, если у них окажутся излишки, предложить им немедленно сдать таковые основным заготовителям».[25]

Властям оставалось одно — взяв в руки вилы, металлические щупы и другой поисковый инструмент, двинуться с обыском по дворам. Под остервенелый лай собак и взоры любопытствующих деловито осматривали чужие амбары и бани, тщательно прощупывали зароды сена и ветхие соломенные стены надворных построек.

Походя, переписывали всё, что представляло интерес для возможной конфискации. Наведывающиеся раз от разу активисты с подозрением замечали, что в обобранных ранее дворах невесть откуда вновь появляется хлеб. Чувствуя себя обманутыми в революционных начинаниях, они поставили обыски на уровень еженедельной профилактики и выметали сусеки подчистую.

Итак, виновен всякий, кто прячет хлеб. Заметьте — свой хлеб! В состав преступления вводится уже не сокрытие хлеба от продажи, а сам факт сокрытия. Власть зверела. «При обнаружении спрятанного хлеба ниже 250 пудов (свыше 250 пудов конфисковать по 107 статье) поступать следующим образом. На обнаруженный хлеб составлять акт. Акт передаётся в окружной суд для привлечения к ответственности. Никаких расчётов за хлеб с теми, у кого он изъят, не производить до получения директивы из округа».[26] Найденное зерно не взвешивали. Истина упростилась до афоризма: «Хлеб — Родине, хозяину — срок!»

Летом статью 107-ю отшлифовали ещё раз. Следствие по ней ограничили 48-ю часами, хлеб надлежало забирать весь и немедленно. В отношении конфискации другого имущества рекомендовался общий порядок, то есть изъятие по истечении 14 дней. Усугубляющие директивы поступали чуть ли не ежедневно. Читать их скучно, ибо партийная злость росла монотонно, без украшающих историю скачков. Среди бумажной рутины изредка встретится что-то весёленькое.

«При рассмотрении по 107-й статье УК по каждому району округа применять по одному выселению из пределов Уральской области из слоя злостных укрывателей зажиточного и кулацкого элемента деревни...». Ждёшь от государства возвращения благоразумия, и на тебе — Крайний Север! Дело было новое, выходящее за пределы даже советского правосудия. Нарследователи, гласит методическая бумага, при проведении этих дел «обязаны окрсуду прислать автобиографию на лицо, подлежащее выселению, с полной ясностью его политического и экономического положения и лояльности к Соввласти, с расчётом, чтобы окрсуду предоставилась возможность телеграфно известить суд о возможности применения или неприменения меры выселения».[27]

Чего тут весёлого? Да волокита бумажная. Ссылка воспринималась пока чрезвычайным наказанием, и документы на выселяемых оформляли скрупулёзно. Бумагу — туда, бумагу — сюда, аж противно. Через пару лет на Север погонят сотнями тысяч. Гнилостное буржуазное милосердие выдавливали безжалостно. Суды завалили окружные центры краткосрочно осуждёнными по из-

вестной статье. Были здесь караемые за недоимки и аполитичный воровской люд. Преступная орава заголодала.

Кому нужен зек-прикормыш? Постановлением ВЦИК и СНК СССР тысячи земляков-краткосрочников пересадили с камерной баланды на оздоровляющий труд. Судам запретили применять в качестве меры социальной защиты краткосрочное лишение свободы, заменяя наказание принудработами. Предвидя толпы краткосрочно голодных зеков по новым заготовкам, Наркомюст взял на опережение. «Строжайшим образом проследить за тем, — указывается служителям правокульта, — чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года. Указать судам, что в случае установления такого нарушения сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвинению в невыполнении распоряжений центрального правительства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы. Предложить судам во всех случаях, когда по УК предусмотрено лишение свободы до одного года, прибегать исключительно к принудительным работам, штрафам, высылке».[28]

Большинству читателей не приходилось упираться в альтернативу — год тюрьмы или год ИТР. Абстрактное изучение их сравнительной ценности — дело сложное. Реальные проблемы в другом. Массовые суды и аресты по линии ГПУ отнимали значительную часть трудресурсов деревни. К тому же, государство не могло справиться с такой массой краткосрочных зеков. ГУЛАГ только планировался через объединение лагерей ОГПУ, Наркомюста и других карательных органов. Перевод на принудительные работы, когда зеки помимо самосодержания дают доход, виделся временным выходом из проблемы. Позднее власть найдет более выгодным давать ни за что основательные сроки.

В 1929 год государство и крестьянство вступили с разными мыслями. Руководство надеялось, что мужичьё, убоявшись новых репрессий, будет покладистее. Деревня ждала благоразумия и верила, что насилие прошлого не вернётся. Надеялась, однако с первых дней уборки прятала хлеб капитально. Политическое вёдро быстро сменилось ненастьем. Первые трудности с хлебозаготовками начались в январе-феврале 1929 года.

На этот раз применили свежую тактику. Каждый уполномоченный привозил в кожаном планшете... Такой тонкий-тонкий и на длинном ремешке. Помните по кино, накидывается через плечо, но с другой стороны от кобуры. Так вот, из планшета вытаскивался план хлебозаготовок, изменить который в сторону занижения

не мог даже всевышний. План следовало лишь формально утвердить общим собранием деревни, чтобы авантюра выглядела демократически привлекательной. Делалось сие в меру отпущенной агрокомиссару хитрости и житейской проходимости.

«Вручать путёвки на собрании, — инструктировал подельщиков агрокомиссар по Белозерскому району, — если не голосуют «за» (а голосовать принудить всех), объяснить, что план хлебозаготовок утверждён свыше и поэтому хлеб будут сдавать те, кто голосует «против». При такой постановке вопроса вы добьётесь единогласного голосования». Соотечественник на слух демократию не воспринимает. После высоких слов ему полезно вразумительно врезать. Иначе впадёт в анархию. «Общее собрание должно длиться до тех пор (хотя бы это граничилось сутками и более), пока не выдадут обязательства на вывозку хлеба. Примите сверхчеловеческие усилия в деле выполнения плана хлебозаготовок. Невыполнение будем рассматривать как нежелание, как неумение выполнять директивы партии».[29]

На окольные формы воздействия у мужика сложился устойчивый иммунитет. В обещания он категорически не верил, на комсомольские игрища смотрел с иронией и боялся лишь откровенного произвола, который не заставил себя ждать. «Местные организации считают, — наставляла партийная ксива, — что хлеб сейчас должны сдавать только зажиточные слои деревни и кулачество. Бюро ОК считает такую установку неверной и предлагает РК и ячейкам призвать к сдаче хлеба всё крестьянство. Самым действенным мероприятием, помимо воздействия государственных органов, является общественный бойкот зажиточного и кулака, зажимщика хлеба всем крестьянством».

Психическая атака на хлебороба готовилась тщательно, ей лицемерно придали вид общественной инициативы. «Подготовляя бедноту и середнячество к организованному выступлению против кулака с бойкотом на общем собрании, помещая его на чёрную доску, устраивая специальные демонстрации и карнавалы с лозунгами и плакатами к домам кулаков, используя стенную газету, демонстрацию на ленте кино, широкая общественность должна окружить кулака всеобщим презрением и заставить его продать хлеб государству». То была директива одного из окружкомов Урала, списанная слово в слово с цековской бумаги.

Поразительное лицемерие! «Широкая общественность деревни» призывается к бойкоту в секретной директиве секретарю райкома партии. «Кроме общественного бойкота, — идём дальше, — следует применять бойкот экономический, придавая ему также

широкий общественный характер. Кулака, зажимщика хлеба нужно лишать размола муки на мельницах, промтоваров, исключать из кооперации и т.п. Общественный и экономический бойкот следует применять с расчётом получения общественного и экономического (сдача хлеба) эффекта».[30]

Рыночные цены уральских городов на муку подскочили до 7-9 рублей за пуд, что превышало нэповский уровень в пять раз. На севере Урала было ещё сложнее. «Положение с рынком, — гнали секретную очевидность пристяжные советские органы, — резко изменилось, в дальнейшем подвоз хлеба совершенно прекратился. Создавшееся положение вызвало панику среди населения — бросились запасать хлеб, опасаясь, что весной не будет, в силу чего цены поднялись. Отсутствие рынка, паника среди населения и повышение цен быстро передаются в деревню и вредят хлебозаготовкам. Рынок сейчас перешёл к крестьянину во двор».[31]

Напуганный горожанин отдавать свою судьбу в руки советской власти не собирался, потому кинулся в деревню. На сельских улицах появился ещё один враг хлебозаготовителей. Враг серьёзный, так как платил по взаимной договорённости. Дабы пресечь рыночную активность горожан, закупленный хлеб стали у них отбирать, вылавливая на просёлках тайные обозы. Судили пойманных за хлебную спекуляцию, которая хоть и имела место, но не определяла наличие контрабанды. В сознание настойчиво вбивалась норма, что морально оправдана только продажа хлеба государству, остальные сделки есть спекуляция.

Постепенно размотались все рычаги диктатуры. Ввели ежедневную отчётность. Строго секретную, разумеется, под личную ответственность и передаваемую только ночью. Сталинским временам вообще присущ ночной образ общественной жизни. Ночью принимали планы, ночью развёрстывали, ночью занимались демократией, то есть увещевали мужика или пытали...

В деревне начался форменный шабаш. Созданные с целью содействия сельские комиссии буквально терроризировали население. В 1928 году за итоги хлебозаготовок персонально отвечал уполномоченный и местное руководство. Теперь ответственность с ними разделили сельские комиссии. Членство в такой комиссии стало опасной общественной повинностью с непредсказуемыми последствиями. В случае невыполнения плана заготовок члены комиссии шли под суд по статье 121 УК РСФСР за халатное отношение к должностным обязанностям. Механизм репрессий, таким образом, смахивал на вечный двигатель, часть деревенских жителей сделали невольными палачами своих земляков.

«Хлеба у нас нет. С нашей деревни приходится 120 центнеров. Если собрать по деревне все сухари — не набрать этого!» «Нет хлеба. По два урожая в год не собираем, две хлебозаготовительные кампании проводить не можем». «Пусть хоть сколько угрожают бойкотом и высылкой, нам это не страшно. Всё равно крестьянин работает на казну, что дома, что в колонии исправдома». Приведены выдержки из выступлений крестьян на общедеревенских собраниях. Они взяты из информационных сводок окружного отдела ГПУ. По Уралу это целая библиотека в сотни архивных томов! Большая часть деревенских смутьянов занесена в графу «АСЭ» — антисоветские элементы.

Обязанностью сельских комиссий было подворное хлебообложение на основе навязанного деревне плана. После выдачи путёвок на вывоз хлеба комиссия следила за графиком отгрузки и вела ежедневную отчётность. Первой репрессивной мерой, назначаемой комиссией, был общественный бойкот. «Обстановка работы комиссий, — умилялся парткадр, — настолько авторитетна и серьёзна, что идут по деревне пьяные, не доходя до здания, где заседает комиссия, затихают и говорят: «Здесь работает комиссия». Такой метод надо продолжать и дальше».[32] Какой же метод обеспечил отрезвляющий авторитет заготовителей?

«29 марта вызвали на допрос в сельский Совет, — излагает Зирюкин Иван из деревни М-Николаевка Шумихинского района, — ждал двое суток. Ночью 2 апреля меня вызвали, допрашивали пять человек: избач, уполномоченный, председатель сельсовета и др. Сказали: «Вези хлеб и бери облигации!» Отказался. Тогда вызвали в 11 часов вечера. Шуховцев вытащил револьвер и сказал, что истратим на тебя только одну пулю. Рвал бороду. В два часа ночи пришёл избач Стариков и сказал, чтобы шёл в избу-читальню, что там будет — сам знаешь. Когда вошли в читальню, я сказал: «Что вам нужно, то и берите, оставьте только меня в живых». Стариков говорит: «Вывези весь хлеб и бери облигаций на 80 рублей». Но я заявил: «Оставьте хоть пудов пятнадцать». Он мне говорит: «Мы оперативная тройка. Если я оставлю, то меня расстреляют вместе с тобой». Я согласился. Написал расписку, чтобы я не говорил, как меня допрашивали».[33]

Денисову Степану, жителю той же деревни, избач (!) Стариков подносил к носу револьвер и угрожал шлёпнуть немедленно, если тот не вывезет хлеб и не купит облигации. Такую комиссию, понятно, не только пьяный — собака обойдёт стороной. Не станем пока нервничать в адрес шумихинских активистов. Угроза оружием была обычной в практике заготовок двадцать девятого. В три-

дцать седьмом трое из наших героев получат по червонцу, а один даже попадет (не догадаетесь!) в книгу памяти репрессированных. Они только угрожали. Осенью двадцать девятого стали кое-кого отстреливать. Садили и членов комиссии. Должность вроде бы общественная, а срок давали в натуральном виде. Да будь ты ангел ветрокрылый, а спастись от суда можно было только безусловным выполнением плана хлебосдачи.

«При вызове отдельных держателей хлеба, — осторожно ступает по корявой истине шадринская партийная комиссия, — преимущественно из зажиточных, недостаточно сдавших излишки хлеба, виновные допустили грубейшие меры физического воздействия, как-то: связывание за ноги, таскание связанных по полу, подвешивание за ноги к железной перекладине, сажали в подвал, провоцировали расстрел и т.д., что установлено следственными органами и личными показаниями обвиняемых».[34]

По собственному разумению дорога к Богу трудная. Сбежать в подлость можно разом и наутёк. Со временем некоторые члены сельских комиссий стали профессиональными энтузиастами и хозяйственными заботами себя не утруждали. Еженощные многочасовые проработки зажимщиков своего хлеба с привлечением активистов из молодёжи превратились в подлинные пытки.

Общественный» бойкот. Начинали, как правило, с запрета общения с бойкотируемыми. Буквально всем жителям села запрещалось под страхом наказания разговаривать с отверженными. Сразу отметим, что многие формы бойкота распространялись на всех членов семьи. В случае обнаружения нарушений наказывались обе стороны. Деревенщина униженно замолчала. Соседи перешли на конспиративный шёпот. Введенным под бойкот, как политически чумным, запрещалось появляться в общественных местах. Исключались всяческие деловые контакты с односельчанами. В ряде мест закрыли выезд из села и даже приём родственников. В докладах с мест попытки бойкотируемых отметить престольный праздник или справить религиозный обряд квалифицировались как политическая провокация.

Это был общий фон, на котором выписывались пикантные частности. Комсомолия, доводя абсурд до совершенства, забивала окна и ворота в домах бойкотируемых, затыкала дымоходы, мочилась в колодцы. Травили односельчан, как крыс. Еженощно устраивались шумные демонстрации. Детей-изгоев гнали из школы. Если запрещали это делать открыто, в школе создавали невыносимую психологическую обстановку. «Классовый враг в школе!» — шумела печать от стенной до центральной. Затравленные дети

порой публично отказывались от классово ущербных родителей. Подростковая дурь стала политической модой. Любой ответ на репрессии и произвол тенденциозно квалифицировался как кулацкий террор и заносился в большую историю.

Благодаря классике соцреализма в широких её проявлениях – в кино, литературе, живописи — комсомолец тридцатых предстает в нашем воображении восторженным иноком революции, по-детски чистым и до слёз беззащитным перед кулацкой жестокостью. В театре политических теней, выдаваемом за историю, фальшивы не только декорации, фальшивы его герои и сюжеты.

Маразм крепчал. В мартовской сводке хлебозаготовок по Уралу отмечено, что методы общественного бойкота «признаются как лучшие, дающие наиболее существенные результаты... Имеется ряд примеров, когда при правильном применении бойкот действует на выброску хлеба не хуже статьи 107-й... Бойкотируемые, — даётся образец применения, — в отдельных случаях лишаются рассудка, например, в Варгашах (Курганский округ) при объявлении бойкота одному кулаку он онемел и через сутки пришёл в себя, взялся за сортировку и вывоз хлеба». «Мы тебя так будем бойкотировать, — любили говорить наши сельские активисты, — что скоро могилой запахнет».[35]

Ещё более существенные результаты принёс экономический бойкот. Тут было полное разнотравье подлости: отбирали покосы, отказывали в приёме скота в общественное стадо, начали переселять бойкотируемых на худшие земли, что нашло широкое применение по всему Уралу. Челябинский, Тюменский и другие окружкомы ВКП(б) в нарушение Декрета о земле рекомендовали даже отбирать землю у зажимщиков хлеба. Начался массовый принудительный выкуп сельхозмашин и оборудования по переработке сельхозсырья. В случае отказа в продаже надлежало имущество конфисковать. Окончательно подрывало волю хозяина исключение из кооперации и запрет на покупку товаров.

В мае двадцать девятого банку приказали немедленно и досрочно взыскать с кулаков ссуды. Более ста местных представительств Селькредитсоюза на Урале были отданы под суд за примиренческое отношение к классовому врагу. Хозяйствам было повсеместно отказано в медицинской и ветеринарной помощи. Газеты печатали фамилии «злостных зажимщиков», сопровождая информацию злобными карикатурами.

Обухом красного топора соввласть крушила крестьянскую семью. В контрагентуру погромов вовлекли детей. Школьники проходили на занятиях азбуку хлебозаготовок, много дискутиро-

вали по сему предмету на ученических собраниях и определяли свою политическую позицию дома. Началось классовое размежевание в семье. Мальчиков, склонных присматриваться к отцу, учили присматривать за отцом. По газетным карикатурам визуально определяли классовую принадлежность знакомых. Искали и находили врагов в школе. Пионерия творила политических акселератов, недетски зло и подозрительно смотрящих в мир.

Активно проявили себя в заготовительной кампании 1929 года комсомольцы. Лёгкие на ногу и ум, они настырно лезли во все щели деревенской жизни. Власти провоцировали и поощряли их самые дерзкие начинания. Несмотря на юношеский максимализм, комсомольцы практически повторяли в своих поступках дела партийных организаций. В помощь деревенским активистам направлялись комсомольские бригады из городов. Они должны были содействовать сельским хунвейбинам в борьбе за хлеб. На местах формировались комсомольские посты и отряды лёгкой кавалерии, устраивающие налёты на зажиточные хозяйства, не останавливались, если обстоятельства позволяли, перед жестокостью.

Погромный экстремизм молодёжи удручающе однообразен. Не обошлось в уральской деревне без традиционных шутовских спектаклей изощрённого издевательства. В сёлах Тюменского и Курганского округов на дворах зажиточных и кулаков укрепляли объявления, что здесь живёт враг Советской власти. Во время общих собраний к задерживающимся с выполнением планов хлебосдачи или денег применялись творческие меры унижения: зачитывались сочинённые комсомольцами похабные частушки, навешивались на грудь оскорбительные плакаты, сжигались чучела недоимщиков. В Тюмени революционный поиск молодых дошёл до изобретения чёрных скамеек с царским гербом и надписью — «Друзья Чемберлена».

Отшугивать агрессивную зелень запрещалось. Поднимался вой и политический, и лицемерно гуманистический. Темнота, мол, патриархальная, на детей революции руку поднимаете! Стоило отцу проучить своего обалтуса, увиливающего от домашней работы во имя политических игрищ, сына провоцировали на отказ от родителя-изверга. Я не говорю обо всей деревенской молодёжи, хотя мы привычно связывали героику колхозного движения с комсомолом. Большинство сельских ребят постепенно врастало в крестьянский труд, кормило, как могло, страну и не помышляло о политике. Среди вербованных и заключённых преобладала трудоактивная сельская молодёжь, те нахрапистые и рвущиеся к дос-

татку будущие хозяева, с которыми ладить было бы труднее, да много легче и сытнее жить.

В печатную советскую продукцию попал только комсомол. «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Политические хирурги вырезали из истории всё, оставив потомкам только романтические грёзы о молодом тюменском трактористе Петре Дьякове.

История документальная обратила грёзы в пьяные слёзы. Писатель Александр Петрушин нырнул до дна этой коллизии и всплыл с горстью вонючей жижи. Ни вышедшей из леса кулацкой банды, ни героического деяния на самом деле не было. Как физическая особь, подавляющей чертой характера которой всегда оставалось желание выпить, Пётр Дьяков имел место быть. По пьяни колхозный трактор и сгорел. Набуровленная с похмелья героическая версия вчерашнего, с кулаками и белобандитами, следствие не удовлетворила. Зато подвернувшиеся газетчики сварганили из говна крепкую идеологическую бормотуху.[36]

Версию Александра Петрушина следует признать окончательной, потому как автор — один из руководителей Тюменского управления ФСБ, изучивший святые деяния Петра Дьякова на подлинных документах. Теперь, когда услышишь популярный мотив, остается сокрушенно хмыкнуть, и ловко же Петруша со товарищи прокатили всю Россию на тракторе. После того, как обули, нагрели и околпачили.

Общественно принудительные меры воздействия создавали благоприятный психологический климат для прямого произвола, который оставался самым эффективным средством заготовок. Комиссии вновь пошли по домам, теперь никого не пропуская. Это называлось самопроверкой. На руках были вымолоченные из мужиков обязательства, за спиной мощная поддержка партийного руководства и судебно-репрессивных органов. «Добиться от середняцкой части населения, — парил дикие места Уралобком ВКП(б), — выполнения своих обязательств по мобилизации заданий комиссии по заготовкам. Усилить нажим на злостных несдатчиков хлеба — кулаков». Обострение классовой борьбы, поддавал в хвост Наркомюст, — вызывает необходимость усиления репрессий. «Войти в соглашение с местными органами ОГПУ на предмет максимально быстрого проведения следствия по этим делам... Необходимо усилить судебные репрессии со стороны органов пролетарской власти».[37]

«Осуждено 29 человек, конфисковано 13009 пудов хлеба, — цитирую один из реестров награбленного, — 125 кг шерсти, 2 амбара, 1 баня, 1 лошадь, 2 коровы...» Пожаром понеслась над Ура-

лом скорая конфискация. Мужика обирали под корень. Брали всё, что хоть в какой-то мере удовлетворяло ненасытный государственный рот. Назавтра эти амбары и бани продадут за бесценок, чтобы выручить несколько жалких рублей. Принудительно продавались даже индивидуальные посевы.

В каждом дворе заготовителей встречали не хлебом-солью. Озлобленные хозяева оскорбляли активистов иной раз словом, а чаще оказывали прямое сопротивление. Революционная законность квалифицировала первое по статье 58-10, второе — по статье 61-й УК РСФСР. Политическая 58-10 гарантировала срок заключения не ниже шести месяцев. Матери, казалось бы, власть в хвост и гриву на все полгода. Как бы не так. Напомню тому, кто забыл, эта статья не имеет верхнего предела и упирается в вышак. По ней шли самые надёжные клиенты ГУЛАГа. Прозаическая статья 61-я сулила два года с конфискацией.

Проведём небольшой практикум. В одном дворе комсомольца встретили такими словами: «Ты ещё молод забирать у нас хлеб. Тебе нужно учиться у нас, как вести хозяйство. Вы научились только разрушать. Тебе нужно присматриваться к другим. Ведь умные люди отходят от коммунистов. Смотри — Бухарин, учёный человек, сам ушёл от коммунистов, особенно от вашей пятилетки». Что полагается не в меру образованному хозяину? Правильно! Пятьдесят восьмая. Это ему и припаяли

Другой пример. «Обрабатывали» двор Марковой Федоры в Лопатинском районе. Хозяйка-одиночка, имеющая лошадь, девять десятин посева и четырёх детей, выказала властям решительное возмущение. Не без мата. Что вполне допустимо, говорил Николай Васильевич Гоголь, русскому человеку в сердцах. Женщину превентивно изолировали в сарай. Выбравшись оттуда, она ударила палкой по рукам уполномоченного, выгребающего из сусека зерно. Успокоить её удалось только угрозой оружия.[38] Как бы вы квалифицировали действия Марковой? Совершенно верно! Статья 61 УК, два года лишения свободы. Правда, активистам объявили административное взыскание за угрозу оружием. И поделом! Не могли четверо мужиков справиться с бабой без нагана.

С особым азартом трясли духовенство. По социальному положению оно было приравнено к кулакам. В деревне Сычёво Варгашинского района имущество попа Иващенко конфисковали, а в дом въехал председатель сельсовета. Поп с горя умер. Лопатинского попа Семёнова обложили налогом в 500 рублей, а за клевету на марксизм добавили ещё столько же. Когда брати было нечего, измывались идейно. В селе Давыдовка, где и сейчас стоит одна из

красивейших церквей Зауралья, председатель сельсовета предложил попу проповедовать, что Бога давно нет. В противном случае служителю культа грозило выселение. Батюшка остался верен Богу. В сообщениях ГПУ констатируется печальный факт - гонения на попов укрепляют в народе веру.

В деревне Озёрны Звериноголовского района местному попу сказали: «Ходить с крестом по деревне мы тебе не дадим, потому что вы разносите сифилис». В активисте сидел выпивоха с интеллектуальной продрисью. Накануне он вычитал в популярной брошюре, что религия неизлечима, а потому страшнее сифилиса. На возразившего было попа наложили разовый налог в 40 рублей с закуской, обязав погасить сие в два часа.[39]

Бедные инквизиторы сталинизма! Сотрудники ОГПУ валились с ног в бесконечной погоне за классовой нечистью, агрокомиссары рисковали получить по загривку, шарясь по незнакомым амбарам, судьи теряли ощущение времени, разменивая столетия на сроки заключения. Последним надо было ещё блюсти резолюцию совещания председателей облсудов и прокуроров, которая сформулировала основной принцип советского лжесудия – «минимум формы, максимум классового существа».

Пример типичного. При проверке деятельности Мишкинского районного нарсуда установлено, что до октября 1929 года среднемесячно проходило 119 дел по статье 107 УК. Более тысячи осуждённых только по одной статье! Это в районе, который с крыши бани виден от и до. «Нарсудья и секретарь, — излагается в отчёте комиссии, — как правило, последние два месяца работали непрерывно без дней отдыха с 8-9 часов утра до 2-3 часов ночи. Во время заседаний нарсуда чувствовалась усталость нарсудьи до того, что при ведении следствия у него, так сказать, язык заплетался, а граждане в зале суда спали... И всё же остаток дел на 1 января 1930 года в Мишкинском нарсуде — 215, то есть полуторамесячная норма».[40]

За 1929 год деревня значительно поумнела. Экспромт чрезвычайщины изживал себя. У каждого кадрового большевика на душе становилось скверно от мысли, что снова весь год придётся болтаться по деревням, под плач детей и баб шариться по амбарам и тайникам, ночами, не досыпая, пытать упрямых мужиков и ежеминутно ждать расплаты. Хотелось к спокойному берегу, либо вернуться к относительно сытому рынку, либо, если уж верхи так запоносились социализмом, кастрировать мужика совсем. Выбить из него наглухо частный интерес. Но для этого маловато будет

деревенской шоблы с агрокомиссаром впереди. Тут требовалось учреждение основательное и надёжное...

Как тюрьма.

Летом двадцать девятого советская власть была не в духе. Директива прокурора республики о принудительном распределении хлебных планов по отдельным хозяйствам глядела в прошлое и вряд ли могла помочь. На лиц, не сдающих хлеб в указанный сходом срок, сельские комиссии налагали штраф, и гнали упорствующих в уголовку. «Суды должны практиковать в качестве меры репрессии наложение двойного размера количества хлеба с последующей продажей имущества в случае невзноса... Приговор приводится в исполнение без всякого промедления... Члены комиссии в случае халатного отношения и бездействия подлежат ответственности по статье 111-й УК как должностные лица...»[41]

Мальчишество всё это. Романтически-грабительское, но всё же детство. Хотелось чего-то свеженького, чтобы напуганный до поноса мужик сам выносил за ворота искомое, чтобы в проклятую деревню навсегда забыть дорогу. Пролетарское государство морщило лоб в идеях. Наконец-то, в июне, ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». Документ был последним приступом демократической грыжи, так как учил только бить. В целях обуздания кулацких элементов сельсоветам дали право налагать штраф «в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц».

«Пятикратка» сразу получила широкое применение, именно потому, что, по сути, была ультимативным средством, наложение пятикратного штрафа означало смертный приговор единоличному хозяйству. Это был удар не по мешку, а по ослу. По крестьянской недвижимости, нажитой целыми поколениями. Угроза потери всего имущества, по соображениям советской власти, должна была заставить мужика сдать наличное зерно и впредь не сокращать производства. Если что-то не так, пусть пеняет на себя.

Как это делалось? Да вот так. «Постановление Марковского общего собрания граждан и постановление президиума Марковского сельсовета от 6 июля 1929 года. Произвести взыскание штрафа в сумме 630 рублей с отражением на имущество через отчуждение и продажу с торгов следующего имущества, принадлежащего Носкову Петру Ивановичу (за несдачу излишков хлеба в количестве 18 центнеров). Амбар один — 75 руб. Машина-жатка

— 130 руб. Молотилка — 70 руб. Веялка — 40 руб. Ходок — 30 руб. Комод— 7 руб. Подушки 4 шт. — 8 руб. Пальто сук. на меху — 50 руб. Тулуп овчинный — 10 руб. Гармошка двухрядка — 25 руб. Лошадь рабочая — 65 руб. Лошадь нерабочая — 65 руб. Корова дойная — 40 руб. Корова молодая — 15 руб. Продажу указанного имущества с торгов поручить председателю Марковского сельсовета с начислением из вырученной суммы 25 % в фонд кооперирования бедноты и 75 % для перевода Госбанку наличными деньгами».[42]

Понятно? Раньше имущество изымалось через суд, что весьма утомительно. Теперь — никакой процессуальной волокиты, достаточно на тетрадном листочке накатать решение «президиума» сельсовета. Всего-то делов! Как в нашем примере. Протокола собрания в деле нет, сказано же в Москве — предоставить право сельсоветам. Кроме того, в распоряжении местных властей оставалась четверть суммы, вырученной от продажи чужого добра. У наших активистов к куску хлеба добавился устойчивый наличный заработок, подлость стала хорошо оплачиваемой услугой. Деревенский пролетарий оформился как класс и перешёл на содержание. Ценное имущество передавалось по акту прозябающим коммунам с трансформацией суммы в долги. Расторопная сельская общественность примеривала свежеконфискованные полушубки и суконные пальто на меху.

Апофеозом предколхозной жестокости стало широкое применение внесудебных репрессий, проводимых по линии ОГПУ. Судебная машина оказалась неспособной ни к масштабам, ни к тому уровню жестокости, который требовался для обращения в рабство целого народа. «Правительством поручено НКЮ и ОГПУ, — цитирую строго секретный циркуляр Наркомюста за № 22/сс от 5 октября 1929 года, — усилить меры репрессии вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти... В отдельных случаях, когда действительно требуется немедленная реакция, репрессию надо проводить через органы ОГПУ».[43]

И ещё один документ вдогонку уходящей эпохе. В ноябре 1929 года циркуляром Наркомюста определялось, что «осуждённые следственными органами РСФСР к лишению свободы на сроки три года и выше подлежат передаче, как в настоящее время, так и впредь, для отбывания срока лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ... В соответствии с этим ОГПУ обязано произвести расширение существующих уже ИТЛ и организовать новые ИТЛ».[44]

Дело ставилось по-сталински основательно и секретно. Через полгода ГУИТЛ ОГПУ обретёт новое имя — ГУЛАГ, который со временем даст метастазы в каждый угол страны, объединит в архипелаг концлагеря ОГПУ с лагерными системами республиканских НКВД и НКЮ. Вкупе с колхозом ГУЛАГ определит менталитет, лучше сказать — типичную конституцию ума и осязания соотечественника на десятки лет вперед. Заключённых, втуне знали тогда большевики, скоро будет очень много. А вслух запели о социалистическом крестьянском рае – колхозе.

Идея колхозов родилась не в головах учёных. Им предоставлено лишь подпевать. Отсюда изощрённость слов и дистрофия мысли. «Система мелкотоварного хозяйства, — пишут авторы академического труда «История социалистической экономики в СССР», — исчерпала свои возможности, она больше не в состоянии была обеспечить потребности страны. Наиболее остро ощущалось отставание производства товарной продукции сельского хозяйства, которая шла на удовлетворение потребностей населения городов в продовольствии...»[45]

Исчерпала, значит, себя. Выдохлась... Будто не колхозы затащили нас в две из трёх советских голодух. И миллионы тонн зерна мы покупали не в странах, где это товарное хозяйство махрово процветает. Академики-звонари украшают сединами симпозиумы и диссертационные советы дней нынешних. Соввласть провалилась в тартарары, колхозы отдали душу, хлеба по всей России — завались, а этим — хоть бы хны. Ни моль их не берёт, ни совесть. На протяжении всей писаной истории, сказал один толковый англичанин, было чрезвычайно опасно пристально вглядываться в механизм действия собственного общества. По-русски это можно сказать гораздо проще. Не академическое это дело — в истине ковыряться. Прикажут — и напишем.

Колхоз создан большевистским хозяйственным экспромтом. Осенью двадцать девятого было не до теории. Чтобы впредь не воевать за хлеб на каждом крестьянском дворе, властям нужна была такая хозяйственная единица, которая бы полностью подчинялась государственной экономической дисциплине, но не висела на шее. Наиболее подходящей организационной формой выглядел колхоз. В самом деле, основанный на обесцвеченном имуществе, колхоз создавал видимость полной самостоятельности. А привяжи-ка его к государству обязательными поставками и ценами, получишь многоголового раба. Единоличник превращался из хозяйственной особи в абстрактную тягловую единицу.

Творцы деревенского социализма сразу не промахнулись в одном, заложив в фундамент колхоза монолит общественной собственности, лишённой всяких личных претензий на долю. Никто не может претендовать на большее, чем трудодень. Отсутствие акций или простого стоимостного учёта трудового, имущественного и земельного пая делает продукт колхозного производства ничьим. Колхоз можно ненавидеть, но механизм экономического храповика, по меньшей мере, гениален. Общественную собственность легко создать, конфисковал — и вперёд, к победе коммунизма. Но её, как показала ближайшая история России, совершенно невозможно справедливо разделить. Её можно только разворовать!

Нырнём в классику. «Рухнули и рассеялись в прах, — писал Сталин в статье «Год великого перелома», — утверждения правых оппортунистов (группа Бухарина) насчёт того, что: а) крестьяне не пойдут в колхоз; б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом; в) «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация; г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба».[46]

«Колхозное движение, — патетически врали соратники, — превратилось в широчайшее движение бедняцко-середняцких масс и встало на путь быстрого развития крупных колхозов и сплошной коллективизации целых районов и округов... Происшедший в широчайших массах крестьянства перелом в отношении к коллективизации сельского хозяйства в предстоящую весеннюю посевную кампанию должен стать исходным пунктом движения вперёд... в социалистической перестройке деревни».[47]

Будущее деревни просматривалось с геометрической ясностью. Чем больше колхозов и размер последних, тем выше уровень культурно-политического развития мужика. Дело, таким образом, упиралось в темпы. Лиц, страдающих недугом экономического детерминизма, решительно изолировали от общества. Проведение кампании возложили на местные партийные и государственные органы, «бедняцко-середняцкий актив», поднаторевшие в деревенской демократии и издевательствах.

Заготовки приняли самые отвратительные формы. Мародеры революционно куражились. В Качкарском районе агрокомиссар во время заготовок систематически пьянствовал, обычно в домах обвиняемых по 107 статье — там лучше подавали. Набравшись, стрелял на улице из нагана, пытался изнасиловать свою квартирную хозяйку, угрозой оружия загнал десятки человек в озеро для

красного крещения. А непокорных пытался утопить.[48] Документ фиксирует незавершенный характер воспитательных актов.

В Черешково Лебяжьевского района все хозяева, у которых, по мнению сельсоветчиков, имелись хлебные излишки, сидели на собрании несколько суток. Есть и спать не разрешалось. Некоторые украдкой спали и уходили по одному есть, пока дремала охрана. На четвёртые сутки, когда обнаружилось, что запреты не выполняются, заложников посадили на поляну перед конторой и установили строгий надзор. Террорист с партбилетом Чуев тряс наганом и обещал: «Завтра из кулака будем кишки мотать до тех пор, пока не издохнет. А тогда на телегу и в яму».[49]

Зловещим предзнаменованием новых времён стала речь Сталина, с которой он выступил 27 декабря 1929 года на конференции агромарксистов. «Характерная черта работы нашей партии за последний год состоит в том, — говорил Сталин, — что мы, как партия, как Советская власть: а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни; б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные положительные результаты. Что это значит? Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к ликвидации кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике».

Планируя, что в 1930 году колхозы и совхозы увеличат объём товарной продукции в три с лишним раза (!), Сталин пришёл к выводу, что «теперь у нас имеется... материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех». И далее совсем решительно: «Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением».[50]

«Правда» скулила и льстиво прижимала хвост: «Ликвидация кулачества как класса неразрывно связана с проведением сплошной коллективизации... Коллективизация не может успешно развиваться без наступления на кулака в форме раскулачивания. Раскулачивание в районах сплошной коллективизации является сегодня составной частью образования и развития колхозов».[51]

Директивы о массовом раскулачивании в округах Уральской области прошли в двадцатых числах января 1930 года. На деле же раскулачивание вошло в практику местных властей с предшест-

вующей осени. Местные Мараты еще до теоретических откровений вождя уразумели, что загнать соотечественников в колхоз можно только сугубым страхом. «Директива о раскулачивании, — сообщает Ирбитский окружком, — была встречена с большим удовлетворением не только руководящими, но и низовыми практическими работниками, «измучившимися», особенно за последние годы, в борьбе с кулаками во время проведения разного рода хозяйственно-политических кампаний». Теперь можно было вздохнуть свободно и отомстить за каждое злое слово.

Воодушевлённые практические работники рванулись в бой. Раскулачивание, доносили с передовой, положительно сказалось на темпах коллективизации. Деревня стремительно попёрла в социализм. В каждом округе нашлось по несколько передовых районов, где намеревались к посевной тридцатого загнать в колхозы всех в поголовном учёте. Живописуя детали, Курганский окружком, к примеру, в феврале информировал центр, что в округе «коллективизировано 71724 двора... Наряду с организацией колхозов произведено обобществление пашни — 677550 гектаров, рабочих лошадей — 72863, молодняка — 16404, производителей — 603, дойных коров — 89334, быков-производителей — 851, молодняка КРС — 22974, свиноматок — 2579, молодняка — 1193, хряков — 265, овцематок — 77603, баранов — 759, гусей — 12855, уток — 1388, кур — 300100».[52]

Подвижники агропрогресса по всему Уралу под вой баб и собак, под мат мужицкий сгоняли в социализм продуктивную живность, по-хозяйски переписывали в неделимые фонды чужие амбары и постройки. Деревенские люмпены азартно гонялись по околоткам за визгливыми кулацкими хряками и глупыми бедняцко-середняцкими курами. Посланцы партии, приходуя живность и недвижимость, держались достойно великого дела.

Практика коллективизации в Челябинском округе интересна не только жестокостью. В порядке индивидуального творческого взноса в сокровищницу мирового революционного опыта был разработан, утверждён в инстанциях и пущен в дело проект образцового фаланстера на базе Щучанского района. Поскольку вклад уральцев в практику утопического социализма отражён пока слабо, привожу основные конструктивные узлы эскиза.

«В перспективе село Щучье или Чумляк преобразуются в агрогород. Всё население района сосредоточивается в агрогороде, где организуется полное бытовое и культурное его обслуживание. Обслуживание ферм должно производиться путём периодической доставки рабочей силы из агрогорода...

А) Питание должно быть обобществлено путём организации на фермах общих столовых...

Б) Организация ряда ферм с земельными массивами не менее 2000 га и количеством скота не менее 1500 голов... Населённые пункты менее 150 дворов постепенно ликвидируются.

В) В переходный период должно производиться укрупнение населённых пунктов.

Г) При каждой ферме должны быть организованы бани и механизированные прачечные, пошивочно-починочные мастерские.

Д) Водоснабжение ферм должно быть механизировано...

Е) При каждой ферме организуется Дом культуры, в котором помещаются: библиотека, клуб, театр и кинематограф (передвижной или стационарный). В Доме культуры организуются курсы, лекции и семинары для повышения общеобразовательного уровня взрослых...

И) При каждой ферме организуются детсад, ясли, школа... В административном центре — районные школы крестьянской молодёжи и повышенные различные курсы для обучения взрослого населения...

К) В фермах на домовых участках должны быть разведены плодовые и ягодные сады, которые в пятнадцатикилометровой полосе от железной дороги должны принять полупромышленный характер, в остальных пунктах они могут иметь потребительское значение...»[53]

Щучанский образцовый район-колхоз должен был давать экспортные продукты. Экономический фундамент сооружения рассчитали с инженерной точностью. В двухлетие предусматривалось увеличить урожайность пшеницы с 47 пудов до 100 пудов с гектара. Далее эскиз колхозного рая охватывал частности хозяйственного бытия вплоть до пчеловодства. Графические схемы довели идею до очевидности. В концептуальном плане эскиз смахивал на прожект платоновской Градо-Чернозёмной области за исключением канала в Месопотамию для сбыта экспортной продукции. По причине большой удалённости от оной.

Позднее создание районных коммун и колхозов нашли политически ошибочным и даже вредным. Едят-то в таком предприятии все, но совершенно не видно — кто работает. Райбогадельни запретили, их амбициозных прорабов отнесли к левым загибщикам. Согласно директиве Уралсовета, критерием левого заноса признаны: «организация крупных колхозов и укрупнение существующих с охватом одного или нескольких административных районов, принудительное обобществление жилых построек, птицы,

нетоварного скота, домашней утвари и предметов личного пользования». 43 общерайонных колхоза, созданных на Урале в угаре тотальной коллективизации, срочно распустили.

Зимой тридцатого Большой Урал превратился в сплошную бойню. Деревня, напуганная принудительной записью в колхозы, конфискацией имущества и скота, начала свёртывать производство. Нажитое годами продавалось за бесценок, что потом назовут провокационно – самораскулачиванием. Население двинулось в города и отдалённые углы России. Скот пошёл под нож. В информационной сводке Колхозцентра СССР от 11 января 1930 года отмечается повсеместно массовая распродажа и убой скота. Страна валилась в хозяйственную катастрофу, которая предопределила нищету нашу до конца двадцатого века.

«Великий перелом» легко сломал вектор душевого потребления мяса в регионе. В 1924 году на среднестатистическую душу приходилось 12,3 кг продукта в год, в благополучном 1928-м — 17,5 кг, а в переломном 1931-м — только 7 кг.[54] Впереди у всей страны и Урала просматривалась долгая постная история. Аграрные программы и директивы по развитию животноводства съели миллиарды рублей и мегатонны макулатуры. Всё зря. Отечественный социализм отдал душу вместе с неосуществлённой мечтой о куске натуральной копчёной колбасы.

В январе тридцатого ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота». Документ подписан Калининым. В целях борьбы с массовым убоем своего скота, который квалифицируется как кулацкое вредительство, местной власти предлагается «лишать права пользования землёй, а также конфисковать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подстрекают к тому других. Одновременно эти кулаки привлекаются к уголовной ответственности, причём суд применяет к ним лишение свободы на срок до двух лет с выселением из данной местности или без выселения».[55]

Авторы противоубойного документа заботились не о частной коровушке. Их волновала её будущая колхозная биография. Поэтому надёжно защитили скотину от хозяина. И впредь в системе социалистических ценностей колхозная корова всегда стояла намного выше самого колхозника, а о единоличнике и говорить нечего. Документ рекомендует исключать из колхозов тех лиц, которые перед вступлением забили скот. Заканчивается бумага вовсе интересно. Окружным властям предписывается принять меры, «воспрещающие как советским и коллективным хозяйствам,

так и единоличным хозяйствам убой молодняка, в особенности телят и поросят, ниже определённого возраста».

Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Мысль классическая. А массами, догадались классики тридцатых, можно овладеть силой. В диалектике нагана и революционной смекалки виделся перпетуум-мобиле общественного прогресса. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило документ «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», на основании которого началась ликвидация кулачества. Спустя сутки ВЦИК и СНК узаконили дело своими «мероприятиями», открывающими путь массовому грабежу и жуткой трагедии выселения. «В целях наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства» признано необходимым:

«1. Отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наёмного труда в единоличных хозяйствах...

2. Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам... право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов...

Конфискованное имущество кулацких хозяйств за исключением той части, которая идёт в погашение причитающихся с кулаков обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам, должно передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз».[56] Попутно, принимается постановление, запрещающее распродажу кулаками своего имущества и переезд в другие местности.

Ситуация приближалась к трагическому финалу. В уральской деревне свирепствовало узаконенное беззаконие, грабежи и насилие, выдаваемые за классовую борьбу и революционное обновление жизни. Место архивным материалам. «На второй день, — восторженно кричала газета «Красный Курган», — шикарные комнаты кулаков, обставленные дорогой мебелью, заняли коммунары — батраки и бедняки — и всё движимое и недвижимое имущество двадцати пяти кулацких хозяйств записали в неделимый капитал коммуны. С сегодняшнего дня не стало села Барашково, а вместо него родилась новая красная коммуна имени тов. Сталина».[57]

Восторгами по поводу решительности и революционной безжалостности коммунаров заполнились все газеты. «Арестовали шестнадцать семей, — жаловались крестьяне села Мельщиково Белозерского района, — потащили наше имущество по домам... В

два часа ночи потащили в сельсовет и начали нас раздевать донага и искать в рубахах и штанах деньги. В то же время актив и уполномоченный стали играть на гармошке, а актив пошёл в пляс. После ареста ходили по кулацким домам, пили водку, стряпали блины, варили яйца... При обыске женщин и детей было форменное издевательство, раздевали донага детей и женщин...».[58]

Дикостью взялась даже тундра. «Конфискованы у кулачки Филипповой Анны Екимовны серебряные рюмки, проба 84, в пользу Советской Республики». По решению Саранпаульского туземного совета часть имущества вышеуказанной кулачки на сумму 3239 рублей передана коммуне имени Карла Маркса, чум, кисы, постель и гусь (национальная одежда) проданы на торгах уполномоченным тузсовета Кожевиным.[59]

«Мы с раскулачиванием опоздали, — с сожалением констатировалось на заседании Уралобкома ВКП(б) 30 января 1930 года, — в значительной части хозяйств остались дом да горшки. Между речью Сталина (27 декабря 1929 года) и директивами обкома большое время, которое мы упустили». Навёрстывая упущенное, некоторые райкомы давали распоряжения раскулачивать «до пупа». Кампания переросла в массовый произвол и мародёрство. Несколько примеров из дней окаянных.

«В деревне Косаревой Ирбитского округа в качестве уполномоченного по коллективизации работал член ВЛКСМ Малков, который продержал всю деревню на общем собрании девять суток, арестовав при этом одиннадцать человек, из них семь выслал из деревни. Не вступивших в колхоз заставил освещать фонарями улицы деревни в ночное время».

«Кулацкие семьи, — информирует сводка окротдела ГПУ, — обирались до нитки, забирались даже медные иконы (пригодится для трактора как утильсырьё), забирались запачканные детские пелёнки. Часть ценных вещей - золотые изделия, монеты или не включались в опись, или зачастую исчезали бесследно. Хорошая одежда и обувь членами комиссии тут же присваивалась, а кулаку выдавалась скинутая, рваная. Найденное съестное: пельмени, мясо, водка — тут же съедалось и распивалось».[60]

«При раскулачивании, — другой угол Урала, — растаскивали и присваивали имущество не только рядовые колхозники, имеется ряд случаев, когда растаскивали это имущество члены сельсоветов, члены ВЛКСМ и ответственные районные работники». Документ секретный и составлен гепеушником. Для себя знали и сохранили свидетельства, что мародёрствуют и большевики обла-

стные. Потом, в камерах тридцать седьмого им напомнят даже поштучно украденное во времена раскулачки.

В оцепеневшей от страха деревне всё чаще разыгрывались омерзительные сцены открытого издевательства и пыток. Сарапульский округ Уральской области. В Фокинском районе «применен ряд физического насилия вроде подвешивания к потолку в петле на шее, истыкали шилом тело крестьянки, ставили к стене, угрожая револьвером и давая выстрел в сторону стоящего. По раскулачиванию создавались специальные бригады, которые пьянствовали... Имелись случаи избиения, догола раздевали женщин в поисках денег...»[61]

Тюменский округ. В Ново-Уфимском районе избач Иванов и учитель Пульников, призванные сеять разумное, доброе, вечное, пытали батрачку Матвееву, заподозрив её в том, что она скрывает имущество кулаков. Они вывели её на пруд, а затем спустили её головой в прорубь и держали до потери сознания.[62]

«После изъятия имущества, — читаем архивный материал по Лопатинскому району, — в избу-читальню вызвали кулака Осипова, истязали, требуя отдать золото, садили на стул, пред. сельсовета Катков бил его кулаком, секретарь комсомольской ячейки Фищенко взял ружьё и угрожал его застрелить. При этом присутствовал секретарь ячейки ВКП(б) Хлоптов. После отказа отдать золото Осипова поставили на стул, надели на шею шнурок от креста, привязали шнур к гвоздю на стене, убрали из-под ног стул, имея целью повесить Осипова...»

«На следующий день эта группа поехала в соседнюю деревню Забошное. Кулаков арестовывали, раздевали, хорошую одежду брали себе, а кулакам отдавали рваную одежду. Отбирали всё — тулупы, шубы, брюки, валенки, шапки и т.д. Так было изъято и растащено имущество в селе Требушинном и Забошное у тридцати кулацких хозяйств. В большинстве отобранные деньги и ценности присвоены.

В первых числах февраля ночью секретарь партийной ячейки Хлоптов, председатель сельсовета Катков и уполномоченный вызвали двух женщин из кулацких хозяйств, издевались над ними, ставили к стенке, угрожая расстрелом... Секретарь партячейки пытался изнасиловать Павлову... После Павловой Хлоптов занялся тем же самым с Езовских Верой... После издевательств их отпустили домой, а чтобы они не разгласили, что были арестованы, им было приказано из дома никуда не выходить. Позднее в ту же ночь вызвали кулака Семёнова, 72 лет, над которым всячески издевались, угрожая, и пытались удавить верёвкой».[63] Тут же,

констатирует документ, присутствовал и участвовал в конфискации «двадцатипятитысячник», присланный с Урала для передачи опыта революционной борьбы.

Холодеет душа от чтения газет «переломного» года. Большевистская печать либо тошнотворна от хвастовства, как это было во времена застойные, либо отталкивает оголтелым людоненавистничеством. Пресса сталинских времён и нынешние комгазетёнки вызывают брезгливость, будто в них заворачивали покойника. В 1929-м стоглавым клубком змей вилась информация с газетных разворотов. «Открыть ураганный огонь по левым загибщикам и правым слюнтяям, мешающим социалистической реконструкции сельского хозяйства!» И не по себе становилось низовым исполнителям злой воли, кто знает, в какую преступную категорию отнесёт их очередная партийная директива.

«Кулак в городе!» — набатом гремит с газетных полос. Тотчас организуется травля деревенских переселенцев на городских предприятиях. И жестокость опять подаётся как волеизъявление широких народных масс. «Рабочие города, — сообщает окружная газета, — из своей среды выделили 50 бригад по выявлению и ликвидации кулачества как класса в городе... Выявлены кулаки, устроившиеся на промышленные предприятия. Рабочие города требуют немедленной высылки кулаков...» Сначала, конечно, никто в написанное не верил. Потом повседневная ложь стала внешним оформлением наших примитивных убеждений. Дожили и до того, что врали с честной слезой на глазах.

А что же делать с бывшими хозяевами? Этот вопрос встал и перед специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б). Комиссия, в которую включили агрогениев — Я.Яковлева, С.Косиора, Т.Рыскулова, И.Варейкиса и других, разработала чрезвычайную программу ускоренной коллективизации. Поскольку вся концепция строилась на принудительной конфискации крестьянской собственности, раскулаченные оказались социальным балластом. В колхозы их принимать нельзя. Чувство хозяина трудно «привить». Оставь бывших хозяев в деревне, они будут живым укором колхозному произволу и бесхозяйственности.

Следующая комиссия, руководимая Молотовым, разработала страшную по масштабам и жестокости общегосударственную карательную операцию. Предусматривалось срочное и массовое выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала, Сибири с плохо скрываемой целью их физического уничтожения. Проведение операции умышленно спланировали на самый холодный период года - вторую половину зимы.

Партийное и советское руководство Большого Урала тонко прочувствовало основные политические акценты. Надо было спешить, чтобы не оказаться в правых слюнтяях. 22 января 1930 года на закрытом заседании бюро Уралобкома ВКП(б) поручили облисполкому в пятидневный срок осуществить следующее:

«а) Составить основные указания о порядке учёта производства, оценке по передаче и использованию колхозами конфискованного кулацкого имущества;

б) Исходя из хозяйственных, экономических и политических особенностей каждого округа и темпа коллективизации, конкретно определить округа и районы, из которых подлежат выселению кулаки, с учётом выселения по области 10-15 тысяч человек;

...Дать на места директивы по партийной, комсомольской и советской линии и органов ОГПУ о приведении в готовность всех аппаратов, чтобы они могли обеспечить успешное проведение кампании в борьбе с кулачеством».[64]

Ждали директив сверху. С масштабами выселения областное руководство обмишурилось. Схватив краем уха в кремлёвских разговорах что-то о пятнадцати тысячах, заложили эту цифру в документы как общее число выселяемых, надеясь на похвалу за верную оценку политической ситуации. Через неделю, с получением точных директив из Москвы, случился казус. С высоких кремлёвских башен классовая расстановка на Урале виделась более удручающей. Предписывалось выселить на Север более пятнадцати тысяч семей. В поголовном исчислении - тысяч девяносто. Кроме тех, что направлялись в концлагеря, и третьесортной классовой нечисти. Чтобы не рисковать шкурой, уральские лидеры решили в документах, направляемых в центр, впредь не спешить с математическими выкладками выселения.

«Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик, — заглянем в манифест раскулачивания, — право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их за пределы отдельных районов и краёв (областей)».[65] Бумага, подписанная лучшими из холуёв — Калининым, Рыковым и Енукидзе, пропитана большевистским лицемерием. Никаких прав у местных властей не было и в помине, партийные руководители областей сидели и ждали телеграммы из Москвы с информацией о масштабах выселения.

Сразу с получением точных установок из центра принимается постановление бюро Уралобкома «О ликвидации кулацких хо-

зяйств в связи с массовой коллективизацией», предусматривающее развёрнутые в пространстве и времени карательные меры.

1-я категория. Контрреволюционный кулацкий актив, участники контрреволюционных и повстанческих организаций, подлежат немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дела во внесудебном порядке по линии органов ОГПУ.

2-я категория. Наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики подлежат высылке в порядке принудительной колонизации в необжитые районы северных округов области.

3-я категория. Остальные кулаки расселяются в пределах района или данного округа на худших окраинных землях, вне коллективных земельных участков.

Далее бумага считает необходимым «установить количество ликвидируемых по всей области хозяйств по первой категории до 5000». Немного позднее в разнарядке ПП ОГПУ по Уралу, подписанной Нодевым, масштабы репрессии уточняются до 4685 семей. Ещё раз подчеркну — речь идёт о выселяемых по первой категории. Их следов на карте традиционных мест социалистической колонизации искать не надо. Таковые подлежали немедленному аресту и помещению в концентрационные лагеря. Вражина первой категории сразу украсил пенитенциарную систему большевизма.

Партией найдено лишними и подлежащими выселению из округов Урала по второй категории 15,2 тыс. семей. Привожу разнарядку по основным сельскохозяйственным округам. Челябинский округ — 2250 семей, Троицкий — 2250, Курганский — 1800, Ишимский — 1700, Тюменский — 1500, Шадринский — 1300 семей. Следует учесть, что единолично ведущие хозяйство крестьянские семьи были большими, выселялись они строго по кровородственному признаку и полностью. Из округов Уральской области планировалось выселение более 100 тысяч человек. Намеченное областным руководством количество выселяемых из округа распределяли по районам, а последние - по сельсоветам.

Продолжим изучение забытой трагедии. После определения общих параметров очистительной трагедии директива Уралобкома ВКП(б) уходит в организационные тонкости. И здесь она остаётся до ужаса похожей на материалы, представленные обвинением на Нюрнбергском процессе. «Из этих 15200 семей, — отмечено в протоколе, — первая партия 5000 семейств должна быть отгружена до 10 февраля, согласно развёрстке, сообщённой по линии ОГПУ. Остальные должны быть высланы в течение февраля и середины марта».[66] Документ принят 5 февраля. На всё и про всё сорока тысячам земляков оставили пять дней.

Особые заботы партийного руководства вызывали имущественные проблемы. Выселяемым разрешалось оставлять лишь самые необходимые предметы домашнего обихода и некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером работ на новом месте. Имелся в виду лесозаготовительный и строительный инструмент. Денежные средства и ценности изымались в пользу государства с оставлением 500 рублей для переезда и устройства. Оплата расходов по выселению, считала партия, есть дело самих выселяемых. Здесь мы не уступаем в лицемерии даже администрации фашистских концлагерей, требующей оплаты «специальных услуг».

«Некоторые ставят вопрос, – рассуждал председатель облисполкома Ошвинцев, – будет ли государство ассигновать средства на эти операции, значит ли, что мы должны платить за лошадей? Мы должны будем объявить трудовую повинность. Я лично считаю, что в этом вопросе надо быть наиболее осторожными и кулацкие элементы должны быть обеспечены за собственный счёт. И питание их должно быть обеспечено за счёт кулаков».[67]

Всё имущество и хозяйственные постройки раскулаченных передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов государству и кооперации. Облигации, сберкнижки и другие ценные бумаги приказывалось отбирать. В отличие от описей и торгов прошлых лет, когда размеры конфискации определялись суммой недоимок или нокаутирующего штрафа, раскулачивание было сугубо политической расправой. Всё забиралось безвозмездно. Начиная от дома крестового до «кадушки з груздями».

Движимое и недвижимое возводилось в высокий ранг государственной собственности, по-русски говоря, в ничьё. Поэтому во время раскулачки разыгрывались дикие сцены вандализма. Земляки, впадая в остервенение души, набрасывались вороньём на пепелище соседей. Заактированное имущество торжественно передавали в коммуны. В обмен на невзрачный и подписанный с лёту документ. Привожу один из таких оригиналов:

«Обязательство

1930 года, марта 2 дня. Я – нижеподписавшийся председатель правления Совета коммуны «Индустрия» выдаю настоящее обязательство финансовому отделу Юргамышского райисполкома в принятии конфискованного имущества, движимого и недвижимого, принадлежащего... (перечисляются бывшие владельцы – **А.Б.**), на сумму 18072 рубля и имеющуюся задолженность за указанны-

ми выше гражданами в сумме 2484 рубля... Сельхозкоммуна обязуется оплатить задолженность...»[68]

Вместе с имуществом раскулаченных, таким образом, на плечи колхозников тихо переложили провокационно вздутые и разорительные размеры задолженности. Счастливые коммунары почти не возмущались. Чего, в самом деле, куражиться? Долг впереди, а богатство — вот оно! И, чтобы отвязаться от настырного финработника, подмахивали обязательства о выплате кулацкой задолженности. Никому в голову не приходил элементарный вопрос, почему государство не продаёт кулацкое имущество, чтобы сразу с лихвой закрыть эту самую задолженность. Обязательства взяли со всех хозяйств. Потом в тихих кабинетах прояснилась общая аграрная перспектива. Государственный хомут перенесли с упрямого единоличника на шею покорного коммунара.

Боевая программа выселения определила характер всей общественной жизни Урала. К кампании оперативно подключились правовые органы. В начале февраля облпрокуратура штампует строго секретный циркуляр, в котором окружным органам предписывается «немедленно ликвидировать контрреволюционный кулацкий актив, применяя заключение в концлагеря, а против организаторов террористических актов, вдохновителей контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций не останавливаться перед применением высшей меры репрессии с конфискацией имущества».[69] Правосудие обязывали к произволу.

Во всех округах Большого Урала провели мобилизационные мероприятия. «Воинские части... к проведению кампании по выселению кулачества привлекаться не должны, — цитирую строго секретную директиву от 6 февраля 1930 года, — поэтому для экстренных надобностей и поддержания революционного порядка необходимо сформировать команды рабочих — членов ВКП(б) и ВЛКСМ по плану, разработанному ПП ОГПУ по Уралу». Проведение карательной экспедиции требовало огромной массы тяглового скота и транспортных средств. Искомое было развёрстано в мобилизационном порядке по сельским Советам. Движимый отеческой заботой об укреплении карательных органов, Уралобком постановил (5-2-1930) «направить в окружные отделы ОГПУ для постоянной работы ответственных партийных и советских работников».[70] Девяносто человек надели скрипящую в портупеях форму и пустили классические гэпэусовские мини-усы.

«Внедрить в сознание бедноты, батрачества и середняков, — дрожала ненавистью директива Челябинского окружкома ВКП(б) и окрисполкома, — что колхоз и кулак непримиримые враги и

жить одновременно не могут, что, обобществляя сельское хозяйство, переводя его на социалистические рельсы, надо стереть с лица земли враждебный класс — кулачество... Парторганизации должны сделать всё, чтобы организовать бедняков, батраков и середняков, потребовать от органов Советской власти немедленной конфискации имущества от кулака и выселения его за пределы села, района, округа».[71] Эти повсеместные злобные сентенции дают понять однозначно - кто виноват в трагедии русской деревни.

Организация карательной операции прямо-таки поражает. Даже в отдалённой зауральской глубинке кампания проводилась с несвойственной русской натуре педантичностью. Списки выселяемых и документы кампании разительно контрастируют с запущенной хозяйственной документацией тридцатого года, включая акты раскулачивания. Скрупулёзно учитывалась каждая предназначенная для ссылки живая душа, вплоть до грудных детей. Были спланированы время, место, станция отгрузки и высокая северная широта, где, по мнению властей, обеспечивались оптимальные условия для перевоспитания антисоветского элемента.

Получив директиву о выселении и занаряженный объём отгрузки, окружкомы ВКП(б) разносили его по районам. Разнарядки рассчитывались в процентах к населению, что вызывало законное возмущение у руководства нищих и северных округов. Зачем нас равнять с Южным Уралом, огрызались секретари Тобольского и Тюменского округов, там кулак на кулаке, а у нас туземцы да голь беглая. Раз к нам ссылают, рассуждали они трезво, значит, у нас жить плохо. Зачем же нам своих ссылать? И куда? Не вашего ума дело, отвечали из столицы Большого Урала, севера нет только на полюсе. Ссылайте в Обдорск.

Низовым советским органам предложили срочно оформить документы на всех выселяемых и с нарочным доставить их до 15 февраля. На выявление и оформление документов для тысяч ссыльных отводилось всего три дня. Пожарные сроки проведения всей операции тактически рассчитали на эффект внезапности, исключающей организованное сопротивление. Фактически же ситуация сводилась к лепивой советской практике — выдавать директивы с приказом — надо сделать вчера.

Не будем лукавить. Три дня на возню со списками вполне хватило. Нужно было подвести число репрессируемых под занаряженную сверху цифру. Морока вышла с изготовлением сопутствующих документов. Требовалось решение общего собрания деревни, да еще утверждённое президиумом сельсовета. Трудность

морального толка, надо было решиться на сплошную фальсификацию бумаг. С муками совести на местах справились.

Фальшивки, состряпанные на скорую руку местными подонками, попадали в райисполкомы на утверждение. Жёсткие сроки и огромные масштабы работы (дела на сотни крестьянских семей!) вынуждали районные инстанции предельно интенсифицировать подлость. Практически всё дело сводилось к заполнению протоколов, типичный экземпляр которого и привожу:

«Слушали: характеристику кулака Колупаева Исаака Фёдоровича деревни Колупаевки М.-Беловодского сельсовета. Постановили: характеристику утвердить, применить выселение из пределов Юргамышского района семьёй в числе семи человек и лишить избирательных прав». Вот так, легко и походя, решалась судьба целого крестьянского куста. Для многих выселенных семей короткая запись в протоколах райисполкома, засекреченная на шестьдесят лет, стала официальной эпитафией.

Теперь образчик подорожной ксивы. «Выписка-выдержка из протокола № 86 заседания президиума Варгашинского райисполкома Курганского округа Уральской области от 16-17 февраля 1930 года. На заседании участвуют члены президиума: Коренева, Богатырёв, Феоктистов, Карасёв, уполномоченный ОГПУ Белявшов, пом. прокурора Титов. Слушали: о ликвидации кулачества как класса и выселении из пределов района. Справка: материалы в деле каждого.

Постановили: Постановление общегражданского собрания и ходатайство сельсовета в части ликвидации и выселения из пределов района социально опасной части кулачества утвердить». Далее идёт список без малого двухсот семей. [72]

Окружные исполкомы действовали ещё круче. Тут не до индивидуальных судеб — под руками дела на тысячи семей! Списки оперативно утверждали. Строго требуемые политические характеристики никто не читал. В качестве выходного документа, открывающего транзит на Север, была личная карточка. Букет обычных реквизитов кулака. В большинстве дел взамен политической характеристики приводится трафаретная ссылка на постановление бедняцкого собрания.

Чтобы осуждённые на ссылку (как утверждалось – прилюдно, демократически и единодушно всей деревней) не узнали действительно о предстоящей горькой участи, посвящённым в тайны сельским активистам приказывалось не чесать по сему поводу языком. А для гарантии сорвали с них обязательства, подобные приведённому ниже.

«Подписка о неразглашении. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по раскулачиванию ранее кулаков и принадлежащих к раскулачиванию, проведя последний учёт по Падунскому сельсовету в селе Падун: 1) Пысин Кирилл Гаврилович, 2) Кирков Аполлон Фёдорович, 3) Шурупов Степан Осипович, ... 9) Холодилин Осип Васильевич, - обязуемся не разглашать о последнем. Мы должны отвечать по статье 121-й, нам объявлено, в чём и расписуемся».[73]

Колоссальная государственная ложь вырастала из тонких капилляров местной лжи и подлогов. Весть о выселении во многие семьи приходила внезапно, с командой о подъёме и оставляла на сборы и слёзы прощания короткие часы.

В неделю-полторы по каждому округу были разработаны маршруты движения колонн выселяемых. Внутри районов создали так называемые сборные пункты, где выселяемых ещё раз проверяли и формировали в большие колонны, которые затем направлялись этапом к железнодорожным станциям. Подъём ссыльных, формирование и движение всех колонн увязали с расписанием специальных железнодорожных составов для отгрузки людского балласта. Учёт и отправка возлагались на комендантские пункты, открытые на железнодорожных станциях. С половины февраля по заснеженным и вымороженным просторам Урала потянулись печальные обозы выселяемых. Политическая драма переросла в народную трагедию.

Горем захлебнулась уральская деревня той зимой. В петлю гнала мужика, вчерашнего кормильца России, советская власть. В ряде мест в момент выселения отмечены самоубийства. Мужики хорошо понимали, что их ждёт впереди. Но даже в эти трагические минуты, в отличие от карателей, их не покидало чувство человечности и ответственности за семью. Чтобы спасти семью от страшной участи, выселяемые шли в загс и брали развод с жёнами, с которыми прожили по 30-40 лет. В «классовом враге» верности и самопожертвования было несравненно больше, чем у государственных ублюдков, трусливо переносящих расправы над собственными жёнами, детьми и родственниками. Однако большинство семей совместно испили горестную чашу выселения. «Хоть в могилу, но вместе», — говорили многие и собирали детишек в страшную дорогу.

Вернёмся к бесчувственной статистике. Всего по Тюменскому округу было собрано на комендантских пунктах 1321 семья, около шести тысяч человек. За пределы округа в феврале «экспортировали» 13 эшелонов выселяемых — 5524 человека. Из них: 1682 мужчины, 1926 женщин и 1816 детей.[74] Основным местом выселе-

ния определили Берёзово и Сургут. Вся масса выселяемых (понимайте эшелоны как этапные партии) отправлены своим ходом в сторону Тобольска, ставшего главным пересыльным пунктом и столицей социалистической колонизации Северного Приобья. В пути на пересыльных пунктах обозы выселяемых нещадно грабила местная комсомолия. Чтобы остановить мародёрство, потребовалось вмешательство прокуратуры и Наркомюста. 23-24 февраля первые колонны выселяемых вышли за границы своего округа.

Через Тюмень гнали на Север ссыльных из других округов и районов Уральской области. По состоянию на 5 марта 1930 года через город было пропущено 16 эшелонов, в коих числилось восемь тысяч подвод, 4424 семьи, 22107 человек. В составе первопроходцев ровно шесть тысяч мужиков, 6600 женщин и 9438 детей. Карательная кампания в округе ещё только-только разворачивалась.[75]

Операция выселения катилась с запада на восток. Хамство советской власти достигло классического образа. Смотрите сами. Все райкомы Урала принимают обязательные постановления, за образец которых можно принять декларацию варгашинских большевиков. Кулакам и членам семей отныне воспрещается:

— Выезд или переселение из пределов места своего жительства и переезд из деревни в деревню куда бы то ни было без разрешения соответствующих органов. (Через пару лет беспаспортным режимом придавят задницей к земле и активистов, но пока они весело прыгали. — **А.Б.**).

— Оставлять своё имущество бесхозяйственно, как-то: скот без корма, уничтожать постройку на дрова и уклоняться от ремонта таковой, хранить машины и сельскохозяйственный инвентарь под снегом и дождём, умышленно производить его порчу...

— Оставлять семейства без средств к существованию...[76]

В директиве, как в капле янтаря, застыла вся мерзость большевизма. Стерегли земляков от побега, чтобы потом эшелонами отправить в мёртвую зимнюю тундру. Обязывали хозяйски относиться к тому, что варварски отобрали. Забота о семьях беглых кулаков лицемерием превосходит возможности человеческой натуры и психики. Через месяц те, кто сокрушался о благополучии кулацких детей, будут выбрасывать их окоченевшие трупы в снег. Как вдоль тракта Тюмень — Тобольск, забитого десятками тысяч подвод со спецпереселенцами, так и на страшном пути от Соликамска на Вишеру, от Надеждинска и Ивделя на Северный Урал.

Махровой дикостью взялась сельская глубинка. Было всё — произвол, издевательства, мародёрство... Юргамышский район: в

момент раскулачивания в доме застали умершую жену хозяина - сняли с покойной всё до последней тряпки. Рвали с кровью крестьянские семьи, отбирая для выселения родителей. «Тебя выселять не будем, — сказали Щедрину, жителю Белозерского района, — а жену выселим, на твоей обязанности лежит воспитание ребёнка». Во многих случаях при изоляции от семьи одного классово чуждого родителя власти обязывали вдовца воспитывать детей в советском духе.

«Интересен тот факт, — сообщает в окружком секретарь Мокроусовского райкома ВКП(б), — что дети кулаков в молодом возрасте до 25 лет не поддерживают родителей, дочери бегут замуж за бедняков и батраков, сыновья порывают с отцами и просятся в колхоз». И далее, перестав удивляться, ублажает начальство анекдотическим случаем кулацкой хитрости, над которым смеялся весь аппарат. Шестидесятилетняя кулачка приехала в районный центр зарегистрироваться с бедняком старше на пять лет.

Юродствовали палачи России, выдавая за кулацкую изворотливость стремление выселяемых семей выдать дочерей замуж за первого встречного. Парадом человеческой мерзости станет не год ссылки, а годы тридцать последние, когда наши активисты перед лицом глупой, к сожалению, смерти сбросят с себя элементарные человеческие признаки. Размажутся соплями доносов друг на друга и лжесвидетельств.

Напоследок заглянем в повагонные списки выселяемых, переданных по акту начальнику эшелона комендантом, к примеру, Варгашинского сборпункта. Итак, эшелон № 7030 — тысяча двести кулацких душ. А в нём выселенный Варгашинским сельсоветом Дёмушкин Андрей, 35 лет. С ним отправлены в Тобольск и далее на Север: семидесятилетние родители, жена, три сына в возрасте от семнадцати лет до трёх месяцев, три дочери — 15, 6 и 5 лет. Удивительный, видимо, был этот Дёмушкин, многожильный. На шее девять иждивенцев, а он на кулака вытянул.

Выселенный из Сычёвского сельсовета Мяготин Агафон. На Север его сопровождали жена, две Анны, Параскева, Агафья, Елизавета, Татьяна, Ульяна и Наталья. Радоваться бы счастью — восемь дочерей! От трёх до семнадцати лет. Но признанным чуждыми девчонкам была уготована судьба классовых врагов и, наверняка, не все из них вынесли выпавшую на детство беду.

После выяснения технологических мелочей выселения, кинемся в места отдалённые, куда эшелонами и пешим ходом гнали изгоев советской деревни. О судьбе взятых по первой категории можно только догадываться. На какие-то мысли наводит зловещий

тон директив, упоминания о концлагерях и открываемые в последнее время массовые тайные захоронения эпохи сталинизма. У ГУЛАГа нет погостов.

География расселения второй категории функционально проста: Соликамск, Надеждинск, Тобольск и всё остальное, что лежит ближе к полюсу. Север Приобья и Урала нашли самым подходящим местом для идейного перевоспитания широких кулацких масс. Из центральных и южных областей России в 1930 году сюда сослали 25 тысяч семей. Рядом с 15 тысячами семей земляков-уральцев. Разнарядка зам. начальника ПП ОГПУ на Урале предусматривает расселение этих 40 тысяч семей таким образом: Тагильский округ — 14000, Коми-Пермяцкий — 3000, Верх-Камский — 14000 семей, Ирбитский — 3000, Тобольский — 6000 семей.[77]

Один из наследников ссыльных в Березово, где сбегаются Сосьва и Обь, сказал мне с печальной гордостью: «Места-то какие, ну просто идеальные для страданий!» Разговор имел место в Пушкинском парке, бронзовый Александр Данилович Меншиков задумчиво смотрел в голубую тундру и не возражал. Ошибались, мне кажется, и светлейший князь, и мой собеседник. Посмотреть бы им окрестности Ныроба в Верх-Камье, или прибережье Лозьвы, что на очень Северном Урале. Тянуть ссылку там намного идеальнее, чем на матушке Оби.

В феврале-апреле тридцатого все пересыльные пункты и станции были забиты жертвами «великого перелома». Нечеловеческие условия транспортировки, холод и неустроенность на местах расселения приводили к смертным случаям, особенно среди стариков и детей. СНК РСФСР был вынужден принять срочные меры. «Учитывая опыт отправки первых очередей раскулаченных хозяйств, — читаем в одном из его постановлений, — в целях недопущения впредь большого их скопления на путях и перевальных пунктах, признать необходимым производить отправку на места поселения в первую очередь только трудоспособных членов кулацких хозяйств».[78] В первую очередь! Потом, летом, через Союз нерушимый пойдут на Север детско-стариковские эшелоны.

История общероссийской крестьянской ссылки когда-то будет написана. Пусть даже под влиянием медленной биологической эволюции ленивые постулаты большевизма из башки соотечественника выветрятся. Придётся осознавать, что по людским потерям крестьянская ссылка легко сопоставима с Отечественной войной, с потерями, которыми оплачена Победа. Мы научимся в такой же степени ненавидеть собственных палачей народа, как и палачей пришлых. А пока короткая информация из первых рук.

После проследования поезда № 1001 (эшелон № 503) по станции Зуевка 5 марта 1930 года кондуктором Зуевского резерва Семакиной на путях найдена записка следующего содержания: «Нас везут неизвестно куда по 45 человек в теплушке, на воздух не выпускают, воды не хватает, снегу даже не выпросишь. За что нас бросили в этот тёмный и смрадный вагон, который хуже тюрьмы... Если бы кто мог взглянуть в наш вагон, то каменное сердце и то бы содрогнулось и увидели бы такой ужас, которого не знают дикари. Позор сажать в тюрьму грудных детей, но наш вагон хуже тюрьмы. Негде сесть и лечь, мы ехали первые два дня совершенно без воды и кормили детей снегом... Позор вам, культурные люди!»[79]

Железнодорожные отделы ОГПУ приказали впредь останавливать эшелоны со спецпереселенцами только на крупных станциях, а по мере прибытия поездов не допускать к ним население с проявлениями жалости.

На сельских улицах ещё свирепствовало раскулачивание, а в северных широтах уже готовились к приёму «гостей». Ранней весной на пересыльные пункты, а таковыми стали Соликамск, Надеждинск, Тобольск, прибыли сотни эшелонов и этапных партий. «По предварительным сведениям, — из отчета Тобольского окружкома, — к нам должно быть направлено до 10-12 тысяч кулацких семейств. На каждый дом в северных районах приходится вселить не менее трёх-четырёх человек...». С наступлением лета планировалась миграция ссыльных на Север. До навигации, до тюремных барж надо было дожить. Перегон по зимнему тракту Тюмень—Тобольск десятков тысяч человек дал столько покойников, что даже отпетые большевики струсили.

Партийные органы призывали «максимально развернуть массово-разъяснительную работу среди населения районов, добиться, чтобы население к прибытию кулачества отнеслось с наибольшей советской активностью». Под ней понимались чисто деловые отношения безо всякого идеологического послабления и жалости. Власти даже опасались, что дружеские отношения коренного и ссыльного люда могут создать угрозу обволакивания и разложения аборигенов под влиянием более культурной ссылки.

В марте ссыльные попёрли стеной и со всей Руси Великой. «Эшелоны к нам движутся с такой быстротой во времени и с массовым напором, – жалуется в Уралобком ВКП(б) Игнатенко, — что безусловно застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает страшно чертовский холод, который доходит до 35-37 градусов. Приняли мы этой публики три тысячи семей. Сейчас идёт

спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества. Освобождаем буквально всё возможное, даже решили закрыть кино».[80]

Прибывшие расселялись в ближайших сёлах, в общественных зданиях. Повезло тем, кого растолкали по частным квартирам. В общественных зданиях прибывающие отчаянно мёрзли... Сейчас, шагая по тихим аудиториям Тобольской духовной семинарии, вступая под величественные своды Софийского собора, этой возрождённой обители света и духа, колыбели сибирского Православия, трудно себе представить ту бесовскую жуть, что творилась в святых стенах весной тридцатого. Сотни голодных, обмороженных людей, нары в три яруса, костры из икон, простуженный плач детей России...

Некоторые партии каторжан привозили прямо в заснеженный лес и приказывали самоустраиваться. Сразу же возникли проблемы с обеспечением. Особенно жалкими приходили партии, выселенные из ближайших округов. «Ишимский округ отличается в этом особенно, — сообщает партийная бумага, — к нам вместо рабочих рук едут голодные рты. Едут дети и старики. Есть случаи выселения девяностолетних стариков и инвалидов». Это что. В Лебяжьевском районе выселяли двух стариков (мужа и жену) Кабановых, которым исполнилось по 105 лет!

Сельсоветы ближайших округов, возмущается та же сводка, стремились вытолкнуть ссыльных со своей территории, не обеспечив их продовольствием. Рассуждали так. В стотысячных толпах всесоюзно сосланных аборигены как-нибудь вывернутся. К тому же на сборных пунктах, комендантских и пересыльных пунктах свирепствовало большевистское мародёрство. Озверевшая в конфискационном пафосе местная комсомолия обирала шествующих на голгофу подчистую.

Запланированная Москвой и обкомом ВКП(б) контрольная цифра выселений в 15,2 тысячи семей к осени тридцатого была близка к выполнению. По отправным окружным документам, на безопасный Север с Урала столкнули около 90 тысяч человек. Правда, часть намеченных к выселению успела сбежать.

Несколько слов о судьбе сосланных по третьей категории. Этим печальным новосёлам родных мест досталось не меньше. Вначале были конфискация и раскулачивание. А потом - необузданный произвол местных властей. Наиболее трудоспособную часть семей выхватили согласно разнарядкам на стройки пятилетки. Они-то и составили значительную часть тех «энтузиастов тридцатых», о которых сейчас тоскует ортодоксально революци-

онная душа. А обсевки крестьянских семей вытолкнули на худшие земли умирать с голоду или принудительно вывезли во вновь создаваемые совхозы.

Ссылка стала постоянным и действенным средством борьбы с инакомыслием и инакодействием народа. Последующие кампании выселения проходили более организованно; политическая ненависть обрастала листвой хозяйственного резона, а порой прямо диктовалась экономической стратегией большевизма.

Я не могу, к сожалению, дать более развёрнутой картины карательной кампании тридцатого, событий, происходящих на других перевальных пунктах Урала. История крестьянской ссылки, как история ГУЛАГа и всех партийно-государственных преступлений перед народом не востребована по причине нашей душевной анемии. Если интеллектуально и морально стойкие клиенты ГУЛАГа, пройдя десятилетия ада, могут ещё что-то сказать о преступлениях большевизма, то ужасы, пережитые покорными и безграмотными деревенскими каторжанами, независимо от того, чахли они на лесозаготовках или в рудниках, известны только Богу. «Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей».[81]

К тридцать третьему в деревне остались старики да бабы, то бишь последний патрон социализма. Высылать стало некого. Тогда-то и приняли эту «Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Директива запрещала массовые выселения. Но и не гарантировала тихой патриархальной оседлости. Сказано же, что «классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться...».

Так что скучно в колхозе не будет.

Глава 3
Трудодень за лень

На вчерне обобществлённую деревню, ещё идеологически тёмную и сытую, наползала, между тем, предрассветная колхозная сумеречь. Из тумана патриархальщины медленно вытаивало интригующее социалистическое будущее. В марте вышла статья Сталина «Головокружение от успехов». Нервный зигзаг вождя привёл местные партийные и советские власти в состояние реактивной остолбенелости. Их, отдавших коллективизации всю злость до последней капли совести, обвинили в левачестве.

В вечно буйном Талицком районе пьяные партийцы, объявив вождя белобандитом, под наганы и лютый мордобой снова сгоняли на колхозный двор демобилизованных было гусей и кур. Кадровые работники, шептали с мест политически зрелые соглядатаи, пьют как в последний раз, а по пьяному делу творят речи жутко изменные. Аж писать боязно.

Ещё больший шухер возник в Лебяжьевском районе, где кто-то пустил моментально обросший эффектными деталями слух, что в районе за огородами сел аэроплан, в котором прилетели Сталин и Крупская. Иосиф Виссарионович, якобы, лично раздает мужикам отчуждённое имущество, а Надежда Константиновна чистит по мордасам коммунистов и председателей сельсоветов. В некоторых деревнях возбуждённые мужики начали хватать за кадык активистов, требуя назад своё. В деревне Соломатовой сбросили всё начальство и ходили толпой по околоткам с красным транспарантом «Да здравствует единоличник! Долой коммуну!»

До райкома и ГПУ слух дошёл в расширительной трактовке — в соседнем Лопатинском районе то же самое, мол, творят Рыков с Калининым. Местная власть впала в прострацию, и только уполномоченная обкома Бушманова, баба разбитная и битая, осторожно выглядывая в окно, крутила ручку телефона. Обкомов-

ских аппаратчиков провинциальная новость поставила на уши и принудила — от этих цековских дураков можно ожидать всего — звонить в столицу. Когда истина восторжествовала, у обкомовских обмякло на сердце, а райкомовцы кинулись в народ, на ходу озлобленно засупонивая портупеи.[1]

Народ зашевелился. Если в начале марта, пока на станциях трамбовали эшелоны спецссыльным контингентом, в колхозах Урала числилось более 900 тысяч крестьянских дворов, то через месяц в коммунах осталась треть того. К лету, зажав седалище в горсть, побежали самые трусливые. Списочный состав артелей, если таковые оставались, исчерпывался междворным деревенским вертопрахом, которому было абсолютно всё равно где не работать. В колхозе даже лучше, оставалась живой надежда.

Обобществлённое имущество растащили в момент. Во многих крестьянских дворах ласково обихаживали и подкармливали демобилизованную скотину, ремонтировали побывавший в социализме инвентарь. Запустение царило только в огороженных наспех колхозных дворах, где жалобно ревел в небо голодный скот раскулаченных. Чужое имущество, удивлялись в отчётах агрокомиссары, дезертиры колхозного фронта, в отличие от преданных коммуне не тянут, вроде бы совестятся.

В ответ на ропот местного начальства мужики совали в нос окружные и центральные газеты, где государство беззастенчиво объяснялось в любви к единоличнику. «Недооценка роли единоличника в севе, — писалось там, — отказ ему в помощи, в организации говорит часто о явном непонимании низовыми работниками партийных задач». Эк-куда вывело! «Не задерживайте, — призывало ставшее вдруг ласковым областное земуправление, — возвращения имущества, скота и средств производства крестьянам, вышедшим из колхоза».[2]

«Вырывайте хлеб из земли!» — обращался к деревне окрпрокурор Овечкин. «Советский закон, — блеял он вчерашним жертвам статьи 107-й, — не запрещает крестьянину распоряжаться своими излишками как он захочет. Каждый крестьянин волен хранить свой хлеб где он хочет, хотя бы и в земле, но не портить его... Закопавший хлеб в землю должен немедленно его выкопать, не боясь ни ответственности, ни конфискации хлеба».[3]

А выкапывать было нечего. Председатель Ишимского окрисполкома Бусыгин в апреле тридцатого взывал о помощи продовольствием. «Люди пухнут от голода и бегут из пределов округа, — сообщал он в область, — необходимо 3800 тонн хлеба до нового урожая для голодающих районов». «От Советской власти можно

убежать только за границу и в могилу!» — гордо ответил проситслю областной Свердловск, в обкоме председателя обозвали паникёром. И, знаете, не зря. Голод только разбегался. Терпеть предстояло долго, до той счастливой осени тридцать седьмого, когда колхозника будут сгонять с вороха зерна во благо, чтобы не обожрался насмерть. Как ночующая в хлебах скотина.

Первые итоги хозяйственного авантюризма были очевидны и страшны, многие улавливали и причину набегающей голодухи. Кое-кому не давало покоя ощущение личной вины. Но дальше ерепениться стало опасно. Вся партийная низовка была повязана преступлением против народа. Открытое возмущение вертлявостью вождя пока каралось окольно. Омерзительные типы вроде троцкистов или бухаринцев появятся на селе позднее. Обычно дело поручалось ЦКК. Укомплектованная стойкими до кретинизма большевиками-ветеранами комиссия выполняла функции внутрипартийного суда.

Физическую расправу над подозреваемыми оголтелым старичкам не доверяли, не по слабости их здоровья, а из опасений за последствия спазматической ветеранской ненависти. Последнее качество оказалось незаменимым при производстве идеологических компонентов обвинения. Наложение отшлифованного хроническим склерозом марксизма-ленинизма на живую биографию и конкретный поступок давало многочисленные, если не прямо контрреволюционные, то очень подозрительные аномалии.

Творцы ускоренной коллективизации, пережив страх и обиду, бросились в ещё большее раболепие. Степным палом пошла по Уралу кампания единодушной поддержки сталинской статьи. Обкомовские верхи шустро отреагировали специальным документом о борьбе с перегибами, и пошли на тайные кадровые рокировки. В апреле 1930 года Уралобком разослал секретное письмо, содержание которого не требует комментариев. «В процессе коллективизации отдельные районные работники в связи с перегибами и ошибками, допущенными в этой работе, настолько дискредитировали себя в глазах населения, что дальнейшая их работа в этих районах навряд ли возможна и целесообразна... Поэтому оргинструкторский отдел считал бы необходимым переместить скомпрометировавших себя работников в другие районы или округа».[4]

За массовым выселением крестьянства последовало кучное переселение рьяного начальства. С комиссарами обошлись просто, их отозвали с мест привычного измывательства и с укоризной во взоре переадресовали в свежие палестины. Большая морока вышла с местными революционерами. Откровенных бандитов, всю зиму

терроризировавших село пьянками, погромами, стрельбой, насилием, следовало убрать как компрматериал. Холостые и одинокие как-то смирились с вынужденным выдворением, надеясь покуражиться на новом месте. А вот семейным — хоть в петлю лезь! Семьи погромщиков напрочь отказывались ехать в чужие дали. Партийное руководство оставалось непреклонным и ставило вопрос так – или едешь в другой район партийным активистом, или дома пойдёшь под суд за перегибы.

Плечо территориального сдвига зависело от груза заплечных дел. Среднеозлобленных можно было разогнать внутри района или округа, особо одарённых в бессердечии разбрасывали по области. «Окружные организации и уполномоченные, — делится опытом секретарь, усидевший на месте, с однопартийцем сдвинутым, — помогали нам колбасить с коллективизацией и раскулачиванием... Обвиняя низовку, надо обвинять и верхи, что они взялись строить куриный социализм. Колхоз нам насаждали директивно, грозили. Благо, что все такие директивы я выкурил».

Судебно-карательные органы отступали, как и положено, последними. Уралобком, подобострастно твердя о борьбе с перегибами, всё же предупреждал, чтобы на местах не очень широко ставили вопрос о добровольности вступления в колхоз. Демократия демократией, а терять голову за развал колхозов никто не хотел. Прокуратура даже огрызалась. «Во всех случаях агитации за выход из колхоза и разбор обобществлённого имущества, — стращал главный уральский прокурор Пальгов, — привлекать кулаков к уголовной ответственности по статье 58-10. Лиц, не относящихся к кулакам, — по статье 90 УК... Участников самовольного разбора обобществлённого имущества — по статье 90 УК. Следствие по указанным делам проводить во внеочередном порядке, максимум в течение трёх суток».[5]

Статья вождя вышла накануне посевной. Пусть колхозный дезертир, легко читается между строк, единолично и старательно отсеется. В колхозе, пока по его спине не подобран кнут, работы не будет. Пусть любовно, вытягивая поштучно хвосты осота, взлелеет свою надежду. Лучше, если даже хорошо уберёт урожай. Надеяться на только что созданный колхоз было смертельно опасно. В первый же год колхоз мог шутя заморить голодом (документы говорят — заморил бы) страну. И закрыть историю российского коммунизма. Пришлось проявлять гениальное предвидение и спасать дело Ленина от одержимости провинциальных оболтусов.

Признаки явной хозяйственной дебильности обнаружились у колхоза с раннего возраста. Уже первая большевистская весна по-

казала, что за зачатым в революционном хмелю детищем нужен глаз да глаз. Слабо выраженная реакция только на кнут на фоне прогрессирующего похеризма требовала сугубого государственного попечительства и строгого воспитательного режима.

К теплу, когда национализированный кулацкий продукт был почти съеден, местные активисты заскучали и озлобились. Запрет на ежедневную конфискацию и заискивание Москвы перед единоличником восприняли подлым предательством интересов деревенского пролетариата, а потому насели на сбыт обобществлённого имущества. Торговали нажитым в классовых боях инвентарём в наглую, но как брокеры недавних времён рыночного романтизма – навязчиво и бестолково. Единоличники, боясь обвинений в укрывательстве и хранении кулацких вещей, требовали скидки за страх и обычно получали таковую.

Оприходованное высокоимёнными артелями добро, даже занесённое в неделимые фонды, оказалось весьма текучим и, несмотря на многообразие в хозяйственном применении, нашло всеобщий натуральный эквивалент — бутылку «рыковки». При отсутствии эквивалента госразлива принимались самодеятельные суррогаты. В районах, где голод уже наступил на хвост, конвертируемым товаром было продовольствие.

Первой разлетелась скопом оприходованная малоценка. Всякие там лопаты, пилы, хомуты и прочий легко укрываемый под полой инвентарь. Властям оставалось лишь констатировать врождённую порочную наклонность коммунаров. Разводить судебные тяжбы по мелким хищениям оптом награбленного тогда не решились. Дело ограничилось злыми газетными сентенциями.

История неделимых фондов началась более содержательно. Реквизированное у кулаков жильё определили под сельсоветы, конторы, культовые учреждения или заселили победителями. Вскоре лучшие деревенские дома загадили до неузнаваемости. Хозяйственные постройки и поддающаяся лому фурнитура домов в первую же стужу пошли на дрова. Через год-другой сельские улицы стали щербатыми от пустырей с почерневшими и стонущими на ветру срубами, о теплящейся жизни в которых напоминали лишь многоочковые сортиры да коновязи для лошадей. Где-то тут и сформировался наш коммунальный стандарт — выбитые стёкла, осыпающаяся штукатурка, следы срочно справленной прямо с крыльца естественной потребности и иные детали невзыскательного пролетарского быта.

Толкнуть на сторону конфискованную сельхозтехнику оказалось сложнее. Обвинение в эксплуатации машин сразу гарантиро-

вало дальнюю дорогу, поэтому единоличники избегали даже разговоров на опасную тему. К радости новых собственников, отыскался неожиданный теневой рынок. Шла первая пятилетка, и в каждом околотке проходил большевистский фронт по сбору металлолома и утиля. Во имя высоких целей индустриализации сдирали оклады с икон и купола с церквей. Сдача утиля поощрялась морально и наличностью.

Коммуны «Коминтерн» и «Заветы Ильича» Далматовского района выступили со щемящим душу почином — стали наголо стричь коммунарок, чтобы на сданные в утиль волосы купить трактор. Утопизм затеи обнаружился вскоре, шерстяной эквивалент «Фордзона» превышал сырьевые возможности отдельно взятой коммуны. Для его погашения надо было сотню homoовец стричь ежемесячно в течение всей жизни. Конечно, эта высокая жертва не идёт ни в какое сравнение с аналогичными по форме действиями в двадцать девятом. Там кулаков кое-где стригли, чтобы подчеркнуть обратное — их социальную ущербность.[6]

Сознавая, что сдавать трактор или, к примеру, молотилку в натуральном виде неудобно, коммунары разбирали их до потери узнаваемости. В большом и показательном колхозе «Коминтерн» Шадринского района, сообщает типичное уголовное дело, перед посевной кто-то сдал в утиль один пуд свечей зажигания. Из-за чего 9 из 23 тракторов простояли почти всю посевную. Следствием установлено, что из сданного в утиль где-то шесть-семь килограммов свечей были вполне пригодными. Не удивляйтесь единице учёта. Она взята из отечественной метрической системы, в основе которой лежат социально выверенные эталоны — бутылка водки, трудодень и пять лет строгого режима.

Непонятная дематериализация сельхозтехники продолжалась до осени, когда ЦИК, во избежание подобного с урожаем, принял постановление о создании сельских судов. Действующим на общественных началах внебрачным детям Фемиды вменялось в обязанность пресекать пороки вороватых строителей новой жизни. Пресекать до тех пор, пока у самого государства не дойдут до дела руки. В газетах постановление повсеместно прошло под холодящей интеллект шапкой — «Приблизить суд к населению!»

Выведенные на поля лошади легко плавали на ветру и, пугливо подёргивая впалыми боками, восторженно-печально, как дряхлый старик, дотянувший до ещё одной весны, смотрели в парящийся горизонт. В зимние месяцы раскулачивания на Урале забили около половины скота. Осиротевшие кулацкие лошади, собранные на приспособленных под колхозный двор загонах, жут-

ко голодали и стыли. К живой составляющей неделимых фондов коммунары относились холодновато. Скотину нельзя было продать, национализированных животных государство передало по акту и ввело для колхозов показатель выходного поголовья. Лошадь не разберёшь на реализуемые части. Кроме того, требуемый повседневно уход налагал на коммунаров неприятные хозяйственные заботы. Управляться с чужой скотиной не хотелось. В колхоз большинство вступало под кредит благой государственной идеи, что работать будет трактор.

Сев начали позднее обычного. Заворожённые высокими темпами коллективизации, власти ещё зимой передали земельные наделы кулаков колхозам. Дабы споспешествовать скорому прогрессу, у единоличников отобрали лучшие и ближние к деревне наделы. Чёрный передел глухозимья исходил из того, что колхозы должны получить компактный земельный массив пашни и угодий, что единоличник если к весне не вымрет, то станет существом редкостно диким, коего можно загнать в медвежьи углы. А кулаку земельного надела совсем не положено.

С первыми весенними лучами идею покоробило. Дарованную артелям землю коммунары не смогли бы вспахать до самой осени. Единоличникам впору было уходить в хутора. Ещё деликатнее обстояли дела с кулаками. Если прямо сказать — кулак есть категория настроения. Как производящая особь он вызывал скрытое уважение. Поэтому на посевной он как бы растворялся в общей крестьянской массе, и настойчивые требования партии сеять больше адресовались именно ему. Вот когда делили урожай, его омерзительный образ моментально всплывал в партийных директивах и газетной лексике. Случалось, что районные газетёнки в мае хвалили мужика за успехи в посевной, а в декабре его же чистили, только шуба заворачивалась.

Когда я слышу от ностальжирующей публики, что социализм привычен России по природе нашей, внутренне соглашаюсь, но обращаю тоску не к экономике, а к биологии. Найди мы такую комбинацию хромосом, которая давала бы идеальный гибрид кулацкой трудоспособности с потребительской неприхотливостью колхозника, сейчас бы отдыхали на пеньке, поджидая отставшие цивилизованные страны.

Запоздалые землеуказания оказались простыми. Приказывалось наделить землёй в первую голову колхозы, потом всех способных пахать и сеять, исключая подлежащих ссылке. Пока было велено не ущемлять интересов частника и вернуть наделы. Земли на Урале хватило всем. Проблема состояла не в дефиците земли, а

в её избытке. Выкинуть из хозяйственного оборота осиротевшие земли сосланных было бы катастрофой. Следовало найти тонкий психологический ход, чтобы закрыть зияющие бреши, увеличить посевы колхозов и единоличников.

Прежде всего, колхозам установили впечатляющие планы, чем прямо-таки обескуражили свободолюбивых коммунаров. Под этот план из обобществлённого и награбленного хлеба им дали семенную ссуду. Выдавали, чтобы те не злоупотребляли государственной милостью, строго по норме высева и врастяжку, по мере засева площадей. В обмен на услугу стребовали с колхозов обязательства по хлебосдаче и контрактации.

Колхозники взволновались, но голод не тётка. Согласившимся жить с властью дружно пообещали продовольственную ссуду, увязав её пропорциональной связью с планом посева. Хлеб по ссуде не выдали во избежание халявы. Получивший хлебную ссуду мог и разочароваться в колхозе. Коммунаров перевели на режим прикормышей, выдавать продукт стали почти горстями, требуя взамен привязанности и мелких услуг.

Семенную и продовольственную ссуду дали под процент и отнесли на долги колхозов. Вкупе с долгами кулаков, переписанными на колхозы при передаче в неделимые фонды кулацкого имущества, сложилось огромное отрицательное сальдо. Ещё до начала производящей деятельности. Заговорили шестерни того перпетуум-мобиле, неисчерпаемый потенциал которого рождается из братской дружбы вечно убыточного податливого колхоза и безгранично щедрой советской власти.

С единоличниками дела провернули виртуознее. Обобществлённое зерно им твёрдо пообещали вернуть. Под план посева, который тут же сообщили истцам. У тех глаза полезли на лоб, он явно превышал всякие возможности. Желание властей переложить обработку земли сосланных на плечи оставшихся угадывалось с подхода. Итак, чем больше посеешь, тем больше своего хлеба вернёшь. Семенной материал выдавали опять же врастяжку и под запродажу урожая. Потом их нагрели вторично. Власть пообещала при выполнении плановых посевов остатки единоличного зерна возвратить. Когда некоторые, вытянув жилы, засеяли требуемое, дело упёрлось в новую задачу. Возвращение хлеба оговорили выполнением не индивидуальных заданий, а планов по сельсовету. Выходило так, единоличники должны были засевать ещё и колхозные поля. «Ну не даром же, — успокоили вставших на дыбы мужиков, — за деньги!» «Будут деньги!» — заверили тех, кто справедливо усомнился в платёжеспособности колхозов

Коммунары встретили партийную инициативу с восторгом, походя побросав семена в землю, коллективно запили. Пьянствовали, по сообщениям из аграрных районов, аж до Петрова дня. Придавая информации политический аромат, уполномоченные добавляли, что коммунисты повсеместно пьют вместе с колхозниками, но подают мужикам классовые враги. «Кулаки здесь действуют главным образом в направлении ослабления трудовой дисциплины в колхозах. Они прибегают к массовому спаиванию колхозников, те пьют иногда по несколько дней».[7] Взято из сообщения уполномоченного по Ирбитскому округу.

Колхозников такая версия устраивала. От выпивки они ни в коем случае не отказывались. В оправданиях же прибегали к проверенной методе алкаша — клятвенно обещать жене исправиться и хулить собутыльников, совративших на пьянку. Власти нашли аргументы убедительными, они придавали абстрактному образу классового врага отвратительные и живые черты.

Первый большевистский сев, в конце концов, закончился. С божьей помощью, а погода всю весну стояла благоприятная, запланированное почти забросали. Но сев затянули на две недели. Колхозники расписались совсем, и наёмные единоличники, измотавшись на своих полосах, еле добили общественный клин. Около трети колхозных посевных площадей. Последовательность хозяйственных операций смялась. Выползали с полей, когда уже закончился объявленный партией месячник животноводства.

Газеты сменили гнев на восторг и не находили меры в описаниях колхозного героизма. Дефицит реального материала давал простор индивидуальному творческому воображению и заставлял находить возвышенное в рядовой деревенской дури. «Крестьяне села Ачикуль Белозерского района Колосов Егор Константинович, 77 лет, бедняк, и Меньщиков Яков Филиппович, 80 лет, середняк, объявили себя ударниками на период подготовки и проведения посевной кампании. Ударники организовали три колхоза в соседних деревнях Большом и Малом Заполоях...»

Поздней весной тридцатого все газеты поместили сообщение о переносе времени партийного съезда. Причиной переноса указана затяжка с севом, произошедшая якобы из-за неблагоприятных погодных условий. Несмотря на казус, съезд прошёл в высоком оптимистическом режиме. Всем было воздано должное. Из речи генерального секретаря ЦК ВКП(б), полной искренней классовой ненависти ко всему зарубежному миру и нечисти отечественной, мне больше всего поправился заключительный аккорд.

«Я мог бы сказать, — и сказал Иосиф Виссарионович, — что мы достигли потрясающих успехов, но я не люблю пугать людей и потому скажу: мы достигли благоприятных результатов, ибо достигнутое нами лишь слабый прообраз того, что ещё увидит в ближайшие годы мир... Вы ещё узнаете, мистеры и джентльмены, какие вещи на языке большевиков называются потрясающими».[8]

Нарком земледелия Яковлев, развивая сталинскую угрозу мистерам и джентльменам вглубь, показал, что на языке большевиков называется благополучными результатами. Нарком начал с общего кризиса капитализма, который, к счастью, имел место быть. Тот факт, что американское сельское хозяйство переживает массовую тракторизацию и техническую революцию вообще, он отнёс к историческим случайностям и концентрировать своего внимания на том не стал. Любые реверансы в сторону Запада принимались симптомами идейного перерождения. Какой там к чёрту Запад? Робкие сторонники НЭПа уже сидели в ГПУ.

Хроническими пороками американской экономики были названы частная собственность и капиталистические отношения. Первая, по мысли докладчика, делала фермера жертвой корыстного интереса и препятствовала эффективному использованию техники. В самом деле, трактору не разбежаться на фермерских наделах, и поэтому хвалёной американской технике уготована судьба простаивать большую часть времени. Делегаты от души пожалели заокеанских пролетариев и логически вышли на главное преимущество социализма. На обобществлённой шестой части суши трактор можно сутками гнать в одну сторону.

«Вот почему, — укрепил правильные выводы нарком, — несмотря на то, что мы посадили на трактор малограмотного батрака, вчера ещё по 16-18 часов гнувшего спину на кулака, он, этот батрак, даёт вчетверо большую производительность трактора, чем цивилизованный американский фермер. Вот почему наш темп создания крупного хозяйства не имеет прецедентов в истории человечества, он подлинно невиданный в истории мира».[9]

В доказательство исторической уникальности нарком заявил, что в первую весну массового колхозного сева при меньшем, чем у американцев, числе тракторов налицо прирост площадей в двенадцать миллионов гектаров, что колхозы и совхозы по посевам заменили помещиков и кулаков. И, не давая сопартийцам выйти из оптимистического коллапса, выложил: «В машиноснабжении сельского хозяйства мы уже в будущем году не только догоним Америку, но уже и перегоним!» Зал стонал. Будучи опытным политиком и чувствуя, что нагородил лишка, Яков Аркадьевич ос-

торожно глянул в президиум и успокоился. Через пару лет по его приказу под плуг и борону пустят крестьянскую корову. А потом впрягут и деревенскую бабу.

Нарком Яков Аркадьевич Яковлев, под настоящей фамилией — Эпштейн выступать в качестве наркома земледелия было как-то неуютно, не вбил и кола в собственном подворье, но постарался вбить осиновый кол в могилу миллионов крестьянских семей. Активному соавтору программы раскулачивания были хорошо известны геологические масштабы трагедии, сделавшей легковесным предшествующий набор человеческой жестокости. Лубянка сделала из преступника жертву. Ровно через восемь лет и месяц его расстреляют на Коммунарке.

А пока он врал о приросте колхозных площадей. То были единоличные посевы озимых, переписанные колхозам при раскулачивании. Туда же пошли озимые мужиков, которых спихнули с лучших земель без компенсации, и посевы кулаков третьей категории. «Допустить в отдельных областях, краях как временную меру, — распорядился накануне посевной Наркомзем, — прекращение на время сева расселения третьей категории кулачества и оставления в данном селе...»[10] Последние, во всяком случае на Урале, самовольно засевали поля в надежде, что государство образумится. Умирать собираешься, а рожь сей. Треть колхозных полей, вспомним и это, засеяли по найму единоличники.

Что до батрака, вчетверо превышающего выработку американского фермера, его следует отнести на голый вымысел наркомствующего инородца. В колхозах работников, способных хотя бы сносно управлять техникой, не осталось. Бывшие владельцы-эксплуататоры валили лес в краях северных. Свежие механизаторы-однодневки умели только заводить трактор и садились за него больше для форсу. Машинами было вспахано менее шестой части колхозных площадей. Именно поэтому сразу после посевной тридцатого тракторы у колхозов отобрали, ссылаясь на необходимость концентрации техники в руках государства.

В совхозах и МТС дела обстояли не чище. Архивные тома трафаретно свидетельствуют о хамском отношении к технике и труду вообще. План посевных работ по всему хозяйству и экономиям сорван, привожу фрагмент донесения из самого крупного на Урале Макушинского совхоза. Причина — слабая организация работ и преступное отношение к технике. Механизаторы ленивы и технически безграмотны. За руль трактора, дробит обстановку агрокомиссар, они охотно садятся только в стадии опьянения выше средней. За посевную запороли четырнадцать тракторов. Один

пьяный в дым тракторист-троцкист умудрился загнать «Фордзон» под паровоз. Из 36 тракторов, числящихся на балансе совхоза, условно исправны только 10-15 машин.

«В момент сева, — взято из доклада по Щучанской МТС, — кулачеству удалось через подкулачника повлиять на трактористов, которые сделали забастовку. Бросив работу в самый ответственный момент, они предъявили требование — «Даёшь паёк и спецодежду!» Все сроки, намеченные планом окончания работ, МТС были сорваны. И это не смотря на то, что планы были лёгкие, преуменьшенные, с недоучётом всех возможностей, рассчитанные на показуху, пустую эффективность».[11] Мимо традиционных причин — кулачества и лени сельских тружеников — назывались и сугубо местные. За год в районе сменилось пять секретарей райкома и четыре председателя райисполкома.

Чертогон объяснялся просто. Щучанский район, вспомните, был выбран для срочного создания образцового агрогорода, своеобразного показательного соцрая. Москва отпустила на это деньги. Через год реальными оказались только затраты в двести тысяч рублей и несколько пухлых дел о казнокрадстве. Кадры решают всё. Когда надо заставить. Если власть финансирует создание вечного двигателя, кадры всё воруют. Многократные персональные перестановки не придали розовому миражу материальной ощутимости, и столица плюнула на затею. Вороватые щучанцы оказались недостойными раньше других вкусить от социализма, и их задвинули в общесоюзный строй.[12]

Изучив трудовой тонус колхозов, совхозов и МТС начала тридцатого, я понял методику сметливого наркома. Выпестовать из апатичного коммунара героя полей можно было простой арифметической операцией — разделить площадь посевов, сотворённых его классовыми антиподами, на число тракторов. Ошеломляющая производительность вчерашних батраков вытекает не из раскрывшейся при социализме одарённости оных, а из инстинктивно жуликоватой натуры агровождя.

Вернёмся к докладу Яковлева на съезде. Подчеркнув то обстоятельство, что фермерам приходится работать под властью капитала и в условиях жесточайшей конкуренции, опираясь на выводы ещё более компетентного агрария — Ленина, нарком быстренько нащупал хиреющую тенденцию американского сельского хозяйства. Делегатам были приведены убедительные тому факты. Фермерские хозяйства погрязли в долгах, а сами американцы вынуждены сократить душевое потребление мяса на один процент, а хлеба даже на двадцать. Возросшее потребление овощей, фруктов

и сахара нарком отнёс на свойственные американской истории казусы. Ближняя грёза социализма покоится на твёрдых желудочных убеждениях. Социализм голодного — когда картошки от пуза!

После съезда стратегия уступила место суетной тактике, вряд ли достойной высокого слога. Единоличники готовили инвентарь к страде, косили и метали сено. Тёплая до ломоты в костях работа отвлекала от грустных дум. Погода и посевы радовали. В колхозе трудились веселей. Тут развернули ударный заготовительный фронт, особый фронт борьбы с кобылкой, встретили и проводили всесоюзную силосную неделю. На рытьё траншей выходили под флагами. Правда, хозяйственные марши требовали индивидуальной побудки и настойчивого приглашения каждого коммунара. На все формы идеологической поддержки он пока не реагировал.

Газеты, придавленные скучными съездовскими «кирпичами», ожили и несли мелкую политическую чушь. Поругивали папу римского, призывали комсомол к силосопоходу, выпукло подавали успехи мирового пролетариата. Для вящей убедительности последних сообщалось о появлении советских денег в освобождённом китайском городе Тун-го. С изображением Маркса и Ленина. Крупные фотографии купюр давали основания полагать, что у каждого из классиков хотя бы один из родителей был китайцем.

Отечественные деньги в ту пору пережили инфляционный обморок. Весной тридцатого неожиданно из обращения исчезла мелочь. «Недостаток разменной серебряной монеты, — читаем информационную сводку ПП ОГПУ по Уралу, — начал ощущаться с апреля 1930 года. К концу мая из обращения совершенно исчезли серебряные полтинники, а в течение мая-июня назрел кризис мелкого разменного серебра... Следствием этого у обывателей и крестьянства появилось паническое настроение. Примером тому могут служить такие явления. К концу июля около магазинов Госшвеймашина, ЦРК и Уралторга стояли громадные очереди крестьян, скупавшие всевозможные машины, вино, пудру, одеколон и другие товары, кои мало применимы в крестьянском быту, словом, покупали исключительно всё, что только можно купить, лишь бы истратить бумажные деньги... Крестьяне сбывали свои продукты за серебро в шесть-семь раз дешевле, чем за бумажные деньги. Около касс, магазинов, железнодорожных касс и других учреждений стали появляться громаднейшие очереди в ожидании мелкой разменной монеты».

Дело, естественно, поручили ГПУ. Уважать советский рубль мы заставим, заверили чекисты и оказались на высоте задач. «Вследствие создавшегося кризиса с мелким разменным серебром,

— излагает гепеус-отчёт, — по области проводятся массовые операции с целью выемки серебра. Всего подвергнуто обыскам по состоянию на 30 августа 19169 человек, из них: кассиров — 1327, валютчиков — 422, торговцев-спекулянтов — 7582, служителей культа — 375, кулаков — 1025, лишенцев, домовладельцев — 8438. В результате обысков изъято мелкого разменного серебра советской чеканки на 87616 рублей, старой чеканки — 6894 рубля, золота старой чеканки — 7931 рубль, инвалюты — 660 долларов, платины — 1 фунт. Изъята масса ценностей – мануфактура, мыло, чай, сахар и другие дефицитные товары... Наблюдавшиеся очереди в июле и августе постепенно уменьшаются».[13]

Выемкой мы умеем заниматься лучше других. И вождями-пророками вроде не обделены. Но нет, по неисправимой людской природе слабы к чужому стороннему мнению. Что тут сорить словесами, самые амбициозные советские лидеры всегда играли на зарубежную публику и внешнее внимание ценили несравненно выше мнения родной общественности. Когда из-за кордона на нас смотрели откровенно зло или с издёвкой, приходилось онанировать чувство глубокого самоудовлетворения.

В тридцатом не преминули сослаться на чужие авторитеты. Газеты густо публиковали зарубежные отклики на коллективизацию и партийный съезд. В серьёзной зарубежной прессе до наших вывертов никому дела нет. А западных юродивых, как и своих, мы часто принимаем за пророков. По весне все газеты до районок излагали точку зрения американского фермера Томаса Кемпбелли, который посетил Союз. Сомлевший от ласки и внимания со стороны высших партийных чинов, он заявил, что в ближайшие два-три года (к самой-самой голодухе) СССР станет крупнейшим производителем и продавцом хлеба на мировом рынке, а Америку ждут продовольственные трудности. «Наголодуются бедолаги!» — жалел заокеанских мужиков читающий соотечественник. С американцами нам в прошлом не пришлось повоевать, поэтому и советская власть ненавидела их меньше других. До сорок пятого.

К августу число дезертиров возросло. Видя ужасающую бесхозяйственность первых колхозных месяцев, артельщики, державшие раньше единоличный двор, начали беспокоиться. С тоской сравнивали ухоженный частный скот с обобществлёнными доходягами. Особенно больно было смотреть на бывших своих коров, по привычке заходивших в родной двор. Бабы тихо ревели и упрашивали хозяина забрать отощавшую скотину из колхоза. На социалистические поля пала кобылка, луговой мотылёк и прочая антиагрономическая нечисть. Вдобавок к тому ленивые колхозные

пастухи часто загоняли скот на поля, а ночами там же павадились пасти лошадей единоличники.

Хлеб стоял на подходе, поэтому с разочаровавшимися в социализме заговорили по-иному. Газеты опять зашумели о новом подъёме и крупным шрифтом обещали «ударить по черепу оппортунистам, сдерживающим массовое колхозное движение». За что же били нас, размышляли активисты, пострадавшие за перегибы. Предателям и дезертирам, именно так называли подавших заявление, с протокольным звоном в каждой фразе разъяснили, что колхоз не проходной двор, а социалистическое предприятие. Ни о каком выделении индивидуального надела из колхоза, если даже сеял единолично, не может быть речи. Хлеб есть достояние колхоза, у последнего перед государством особые обязательства.

Увод «своего» скота с общественного двора, зловеще предупреждали прокуратуры, есть уголовное преступление. Бывшая частная скотина ела колхозные корма, пила общественную воду, претерпела колхозный уход. Всё означенное делало её скотиной вполне социалистической. А неделимые фонды потому так и называются, чтобы быть священными и неприкосновенными.

Первая большевистская осень оказалась не менее интересной, чем сев. Отощавшие на лебеде и свёкольной ботве колхозники вышли на поля дружно. Разгадавшие причину массового энтузиазма, уполномоченные писали вверх, что коммунары государственного интереса не имут, а из первых же намолотов пекут хлеб и растаскивают зерно по домам. Сбив голодную выть и закладывая традицию, колхозники так же дружно запили.

«Во многих сельсоветах как Бишкильского и Еманжелинского районов, — «строго секретно» доносит уполномоченный, — в особенности в социалистическом секторе, хлеба до 20% стоят неубранными. Сжатый же хлеб почти целиком находится в поле и в значительной мере лежит несвязанным». Основную причину задержки агрокомиссар видит в массовых пьянках.

«В деревне Белоярка, — «секрет» из другого района Большого Урала — в коммуне не убрано 40% хлеба. Между тем, в день местного престольного праздника — Фрола вся деревня и все коммунисты пьянствовали четыре дня. В селе Чатлык в престольный праздник всё село и многие из близлежащих сёл гуляли пять дней. Гуляли колхозники и коммунисты. Хлеб же стоит неубран, колхоз вынужден нанимать на уборку хлеба за бешеные деньги.., платят единоличникам за уборку гектара по 16 пудов пшеницы».[14]

Коммунар пьёт с первых дней колхозной биографии. Здесь национальное крупно совпало с революционным. Обождём с об-

винениями в адрес братьев-мучеников Фрола и Лавра. Заглянем в деяния святых от коммунизма. «Отмечая неудовлетворительную сдачу товарных излишков хлеба колхозами, — отчитывал Молотов секретаря Уралобкома Кабакова в секретной директиве, — считать необходимым... к задерживающим свой хлеб применять самые жёсткие меры воздействия путём закрытия кредитов, прекращения отпуска сельхозмашин, предания суду негодных руководителей колхозов, срывающих план пролетарского государства».[15]

На частников смотрели с инеем в глазах. Приведу один газетный абзац, дающий представление о деле. «С кулаками нам церемониться нечего, мы у них должны взять весь урожай хлеба, и кто пытается доказать, что в отношении кулака можно сделать «перегибы», тот ничего не имеет общего с интересами пролетариата, тот за кулацкое хозяйство и не хочет ликвидировать кулачество как класс. Борьба за хлеб — борьба за социализм. Эти слова Ленина надо помнить. Надо объявить самую беспощадную борьбу кулацким шпионам и тем, кто даёт поблажку кулаку, кто думает, что «кулак врастёт в социализм».[16]

Газета бьёт дуплетом по своим и чужим. Дело в том, что к тому времени в партии развернули травлю Бухарина и Рыкова. Какое, казалось бы, дело провинциальной газетке до московской свары? Есть, да ещё какое! Алексея Рыкова командировали на Урал для участия в партийной конференции. Обычная практика. Сопутствующую визиту экзотику на глаз не схватить. На Урал правого уклониста отправляли за тем, чтобы местная кадровая шелупень над ним хорошенько поиздевалась. В добром случае цековского гостя не знали бы чем накормить, чем изысканно напоить и какую бабу подставить. А тут голый протокол. Доклад Рыкова слушали, наливаясь ядовитыми чувствами. Науськанный Москвой секретарь Уралобкома Кабаков с первых слов начал придираться к сказанному и ломать принципиальность.

Единоличники имели богатый опыт прошлых хлебозаготовок и в иллюзии не впадали. Рыкова они знали по «рыковке», то бишь хорошо знали. В России автор любой народной водки может рассчитывать на уважение, будь он даже сволочью махровой. Деятель с подчёркнуто трезвым уклоном, наоборот, очень подозрителен. На том основании, что сам Богом обижен и другим мешает жить содержательно. Если бы вместо Сталина поставили Рыкова, мечтали тогда колхозники, водка была бы дешёвая, а нас бы отпустили по домам. Мечтая о том же, единоличники скорёхонько обмолотили полосы и растащили зерно по потайным норам.

Колхоз был ещё юношески глуп. Коммунары с первых намолотов с воодушевлением принялись за распределение. В колхозе все должны быть сытыми. Движимые этой благой целью, подсчитали число артельных ртов, прикинули годовую потребность на каждого человека и семью. Выходило где-то по 15-20 пудов на едока. Оставалось и на хозяйственные нужды. Тихими августовскими вечерами деловито развешивали тёплое зерно по кулям и развозили. Будущее обретало книжные черты.

Государственная концепция колхозного рая, однако, никак не стыковалась с деревенской утопией. Поэтому делёж по едокам, как и всякая распределительная самодеятельность, Москве жутко не понравились. Не для откорма коммунаров создавался колхоз. Идея оплаты по трудодням гуляла ещё по отделам Колхозцентра. Предвидя посягательства на обобществлённый корм, сие учреждение в июле месяце всегазетно разъяснило условия дружбы с пролетарской властью. В первую очередь колхозам предписывалось выполнить обязательные планы хлебозаготовок и покрыть сельхозналог. Потом у каждого колхоза есть перед государством долги по семенной и продссуде и просто долги. Напомнили и про зарплату единоличников на севе.

Газеты выкурили не читая. Зря! Когда по осени принципы распределения довели до ума каждого, в организмах колхозника опустилось всё. Между страдой и етьбой разверзся бездонный государственный карман. Урожай не покрывал и половины требуемого. А там ещё надо создавать семенной и страховой фонд. Даже фуражный фонд, в насмешку над колхозником, следовало формировать до распределения хлеба на еду. Недельный душевный взлёт сменился шестидесятилетним остервенением. В первую большевистскую осень особо злились на государственное предательство и на единоличников, которые кротами предусмотрительно растащили провиант по тайным ямам.

В такой вот меланхолии и застали строителя новой жизни слуги партийные и государственные. Понаехало их в советскую деревню видимо-невидимо. Да все с наганами и грамотами цековскими. Заглянем в одну из бумаженций. «Отмечаются случаи распределения хлеба по едокам, продажи на частном рынке.., раздел хлеба прямо на току. Бездействие, разгильдяйство, бесхозяйственность, правооппортунистическая ставка на самотёк – вот фон, на котором... не без агитации кулаков у отдельных колхозников появились ликвидационные настроения. Одной из усиливающихся форм кулацкой активности стала организация кулацких уголовно-политических банд».[17]

Немедленно были созданы и направлены в глубинку разъездные судебно-следственные бригады для «обслуживания» на местах. К прибытию полевого суда местные власти обязывались подобрать кандидатуры и соответствующий компромат для открытых судебных процессов. Теперь пугали не домзаком. В первый колхозный год по стране прошёл ряд крупных судебных процессов с вынесением расстрельных приговоров. Они широко освещались с выражением, разумеется, воли народных масс. «Расстрел 48 контрреволюционеров есть истинная воля и желание всего пролетариата, всех трудящихся Советского Союза. Никакой пощады контрреволюционерам! Рабочие консервного завода шлют пламенный привет храброму, неутомимому стражу пролетарского государства — ОГПУ и... просят наградить его орденом Красного Знамени!»[18] Общепринятая норма политических прохвостов – вещать от имени широчайших народных масс — обрела выраженную российско-коммунистическую специфику.

Злые посылы прессы о делах расстрельных не давали страху переродиться из активной творческой силы социализма в пассивную составляющую сельского бытия. А враз назавтра работники местной пимокатни единодушно пожелают прислонить тебя к стене. Практика стукнулась лбом о факт, совершенно не предвиденный классиками марксизма. Сельский пролетарий оказался гегемоном с изъянцем. Даже самые активные поборники колхозного строя, что вчера ещё азартно раскулачивали и обобществляли, получив первый урожай, моментально выпали в скупооппортунизм и решительно не хотели делиться с государством. Закрывая проблему, общие собрания многих колхозов принимали решения - «в заготовки зерна не возить, а правлению дать наказ – без нашего ведома не давать никому ни фунта хлеба». Закавычено типичное по сути резюме общего собрания колхоза «Ударник» Краснополянского района.

Интенсивная терапия новорождённого хозяйственного дауна открылась массовой заменой всего командного звена. Избранный по весне председательский корпус оппортунистически протух и требовал не омоложения, а выкорчёвывания. При торжественном вручении им планов хлебозаготовок, живописует отчёт Уралобкома ВКП (б), председатели округляли в ужасе глаза и наотрез отказывались от выполнения или, как страусы, прятали голову в грунт колхозной демократии.

«Товарищи, — жаловался контуженый председатель дома, — не принять планов было нельзя — у меня дети, а выполнять, вы знаете, нечем». Прведены прямые доводы председателя шадрин-

ского колхоза «Свобода». Немало нашлось и твердолобых, как Кочурин Иван, председатель одного из краснополянских колхозов, до упора стоявший на том, что «я лучше буду сидеть и отбывать принудиловку, чем вывозить хлеб и оставлять колхозников голодовать». Правления повсеместно и упрямо, как необученная скотина, шарахались от ярма заготовок.

Дефицит безжалостных руководителей бросил партию в творческий поиск. Вспомнилось принятое год назад постановление о «двадцатипятитысячниках». В горкомы ВКП(б) и комсомола запустили срочные обязательные наряды на «добровольцев». Собрав искомое количество таковых, каждому вручили памятку, концентрирующую внимание на основном вопросе — как отобрать у деревни хлеб. В двух-трёх лекционных часах десант ознакомили с основами сельскохозяйственного производства.

Не упустили и психологические моменты. Памятка рекомендовала «двадцатипятитысячнику» рельефно подчёркивать своё пролетарское нутро. В узкую щель сухого документа хлынула творческая инициатива мест. Питерцы обрядили своих посланцев, это естественно, в бушлаты и тельняшки, сводящие с ума наглых деревенских Лушек и заугольных Варвар. Уральские партийцы не ударили в грязь лицом. Активисты Перми, Свердловска, Тагила и Златоуста выехали в промасленных ватниках, изъятых у деповских рабочих, в котомках бренчал обязательный набор изношенного слесарного инструмента. Непонятливым внушили — так надо, едете на кормное место, там обрастёте.

К идее кадрового обновления пристегнули и армию. В любой тирании армия слывёт образцом управленческого опыта. Январём тридцатого Реввоенсовет принял специальное постановление «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве», обещалось подготовить сто тысяч организаторов сельскохозяйственного производства. Учебная программа кратких экономико-кавалерийских курсов предусматривала изучение четырёх предметов — диамата и политэкономии, озадачивающих стратегически, политики партии и строевой подготовки, обеспечивающих необходимый уровень тактической мобильности агрокомиссара. Взятым из пехотных частей курсантам довели азы пропагандистского труда, служба в кавалерии, тут прав Антон Павлович Чехов, сразу даёт полную гарантию культурности.

Аграрного прорыва в тот год не последовало. До теоретического анализа ошибок руки не дошли. Позднее Никита Хрущёв ещё раз попробовал идею на ощупь, пересадив теперь уже престарелых генералов в директорские кресла совхозов. Неудачно.

Поздней осенью партия взяла за загривок собственное детище. Колхозы хоть и занимали только треть посевных площадей, сразу же отняли у руководства основную массу физических и творческих сил. Поначалу предъявили колхозам обвинения в отказе от обязательных поставок хлеба. Но адресовали их не всему коллективу даже в том случае, если решения принимались общим собранием. Уродовать юридическую рожу советского предприятия местному судебному аппарату не дозволялось, колхоз вне подозрений, грешить могут колхозники.

На скамью подсудимых высадили председателей и членов правлений. На твердолобых немедленно оформлялись уголовные дела, которые столь же оперативно доводились до приговора разъездными бригадами судебно-прокурорского сервиса. Административный вакуум заполнялся привезёнными целевым назначением «двадцатипятитысячниками» и другими активистами со стороны. Их полномочия удостоверяла рекомендация райкома ВКП(б) и бумага, подписанная райколхозсоюзом. Свеженький и временный председатель выгребал амбары под метлу.

Изъять колхозный хлеб, как и предвидела партия, оказалось проще. Чтобы снять психологические стрессы, возникающие у колхозников при дневном грабеже, в чью-то светлую голову пришла своевременная идея перекрёстного вывоза. Артельщики, примером, колхоза «Путь Ильича» чистят амбары «Свободы», на подводах которой, в свою очередь, вывозится хлеб из колхоза имени Чапаева. Наружно этот сдвиг по фазе объяснили необходимостью лучше использовать гужтранспорт. Перекрёстный вывоз применялся повсеместно. Его механизм хотя бы частично отвечает на вопрос, откуда в дружно живущей деревне взялась многочисленная рать безжалостных вымогателей.

Достаточно было шепнуть колхозникам «Свободы», что путь-ильичёвцы вычистили их амбары до зёрнышка, и необходимый уровень пролетарского энтузиазма обеспечен. Он взлетал до остервенения, когда действие стали стимулировать материально - из сверхпланово конфискованного. Во имя социализма нищий грабил нищего. В актив антирелигиозной пропаганды занесли угасание русской традиции — справлять престольные праздники поочерёдно в той или иной деревне. Ярмарки и гулянья уступали место злой междеревенской потасовщине.

Обозлённые государственным произволом, коммунары стали интенсивно растаскивать общественный хлеб. Еженощно с колхозных амбаров слетали замки, а стены украсились намалёванными дёгтем дельными советами: «Бери, а то зимой сдохнешь!»,

«Пропивай, пока не всё отобрали!» Где-то об эту пору родилось укоренившееся до привычки исключение из заповедей Христовых. Воровать из колхоза считалось не греховным, а скорее даже благим делом. Могучий русский язык обогатился ещё одним обиходным неологизмом — скоммуниздил. Украл во благо.

Когда амбары опустели, колхозник и объективно, и в себе деградировал до единоличника. Пребывание в колхозе до посевной потеряло смысл, а бригады подворного шмона прощупывали личные дворы колхозников с не меньшим интересом. Хлеще того, в колхозах, не выполнивших плана заготовок, таких большинство, найденный у колхозника хлеб автоматически считался краденым, что удлиняло обвинение на пару статей УК.

К Рождеству уральская деревня заголодала. Датированный январём тридцать первого отчёт обкома партии следующим образом излагает обстановку: «Работа кулака находит отражение в отдельных сельсоветах и колхозах, вследствие чего мы имеем разговоры колхозников — «хлеба не дадите, на работу не пойдём, так как мы голодные и не имеем хлеба после того, как сдали его государству. Сначала нас накормите, а потом и работу спрашивайте». Прикрываясь отсутствием хлеба и голодом, усилился забой скота, - «что угодно делайте, хоть сегодня, хоть завтра арестуйте, а скот мы бить будем и голодом сидеть не намерены». В ряде мест массовые уходы из колхоза и деревни. На свинофермах огромный падёж, корма, предназначенные для свиней, съедают колхозники».[19] Картина будет вполне реалистичной, если вымарать ссылки на вездесущего кулака.

«Врёт деревня, — «секретно» нашёптывали с мест самые пробивные, — есть хлеб, есть. Надо только уметь взять». Почти так дружески доносил секретарю Уралобкома Мирзояну уполномоченный по Ярково, ссылаясь на собственную практику. В сельском доме, где остановился на ночлег этот ухарь, ему со вздохом печали подали на ужин несколько картошек в мундире и пару кисло-солёных груздей. Устроившись на полатях, он демонстративно захрапел, пребывая, однако, в состоянии повышенной бдительности и принюхиваясь. Где-то за полночь в свете луны он узрел, что хозяева тайком ужинают, едят хлеб и хлебают, судя по запаху, не постные щи. Тихонько вынув из-под подушки револьвер, гость полез с полатей...[20]

Не надо было мужику слазить с полатей. Спал бы спокойно до утра. Через семь с небольшим лет письмо стало аргументом для мясников из НКВД. Секретаря Уралобкома отправили в преисподнюю, не отвертелся от зоркоглазых и наш герой.

Ближе весна — крепче голод. По всему Уралу начали вспыхивать очаги организованного волнения. В качестве иллюстрации приведу типичный факт, взятый из информационной сводки ПП ОГПУ по Уралу № 17 «О поведении АСЭ в деревне». Факт, имевший место в казачьей станице. «С 6 по 12 марта в Воскресенке произошла уличная демонстрация, в которой приняли участие все женщины — кулачки, середнячки, беднячки и батрачки. Село находится на границе с Казакстаном, большой процент кулачества, которое занимается торговлей. Здесь жило два белогвардейских офицера и евангелисты. Всё это давало благоприятную почву для контрреволюционных действий. Брошенная райкомом бригада встретила сопротивление, начав отгрузку хлеба. Два дня подряд начинала и не смогла. Это подняло всю массу, собрались мужчины и женщины до тысячи человек, впереди беременные женщины, беднячки, красноармейки. Сразу же был мобилизован районный партактив, брошен начальник милиции, прокурор, уполномоченный ОГПУ, выехали туда секретарь райкома ВКП(б) и председатель РИКа...»[21]

Районный партактив, продолжаю по материалам уголовного дела, в первый же день трусливо сбежал из Воскресенки, и стал наполеоновским штабом на околице соседнего села. Деревню брали приступом вооружённые и посаженные на коней комсомольцы. Несколько раз воскресенцам пришлось разоружать парнишек и отеческими подзатыльниками выпроваживать их из деревни. Когда атакующие, размазывая сопли и слёзы, пешком добирались в расположение штаба, на бунтующую деревню вылетал очередной эскадрон юных будёновцев.

Успокоилась деревня спустя неделю, услышав хором данное клятвенное обещание — хлеб не вывозить и никого деревенских не преследовать. Власть обманула. Хлеб вывезли подчистую и устроили показательную судебную расправу.

Первая колхозная зима не выделила колхозника из общей массы ни трудом, ни достатком. Как и единоличник, он терпеливо дожидался непогоды, чтобы тёмной вьюжной ночью, не оставляя следов в утро, сходить в потайную яму за хлебом. В эти дерзкие ночи не спали и уполномоченные партии, выгоняя в дозоры на околицах пионерско-комсомольскую глупость.

У колхозников был ещё один ресурс — общественный скот, являющий собой после годовой беспризорности не продуктивных особей, а постно-статистическое поголовье. В дни, когда голод подпирал брюхо к позвоночнику и заглушал страх перед властями, коммунары выбирали самое тощее животное. «Павшую» ско-

тину тщательно актировали, окаменевшую тушу варварски, не оснимав, рубили на мёрзлые куски.

Первым в голодухе было слово. И это было слово микояново. На пленуме ЦК в январе тридцать первого выступил молодой нарком по снабжению с обещанием манны колхозной. «Мясо и овощи — в повестку дня! Успешно решив в течение года зерновую проблему, обеспечить рабочих мясом и овощами!»

Богатство непотопляемой наркомовской натуры будет удивлять ещё не одно поколение историков. Просидеть рядом со Сталиным ужасающие репрессии, не уронив волоса с собственной головы, десятилетиями вдыхать гремучую смесь большевистского лицемерия, грузинского феодализма, русской дикости и еврейской изворотливости, ежегодно обещать изобилие и заморить с голоду миллионы соотечественников, а после всего этого до глухой старости трясти кудрями в ареопаге развитого социализма, — тут не только ослепляющий исторический феномен, тут вся, выходящая за пределы рассудка, советская история.

Уральская деревня горькой пьянкой отмечала первую годовщину раскулачивания и ссылки, когда в райкомы пришла секретная директива — постановление ЦК ВКП(б) от 20 января 1931 года, принуждающее к новому подъёму колхозного движения. Уже в преамбуле документа констатировалось, что советский крестьянин прямо-таки рвётся в колхоз, и Урал должен быть коллективизирован абсолютно к началу следующего года. На местах вектор необходимого колхозного прогресса математически вычислили делением аграрного поголовья на двенадцать месяцев. Оставалось под выведенный таким манером процент спланировать объём психических и физических репрессий.

Главное психотропное средство подсказывала московская бумага. Обобщив, якобы, богатый опыт Центрально-Чернозёмной области, ЦК ВКП(б) рекомендовал использовать в колхозной агитации вербовочные и инициативные бригады. Членов бригады следовало набирать из числа ударников передовых колхозов, что свидетельствовало о незнании центральными властями реального положения дел, а скорее всего, об очередном подвохе. Колхозцентр, щекоча смешливую идею, предписал развернуть в деревне движение двадцати- и шестидесятитысячников. Первые — те самые передовые и вкусившие от колхозных щедрот, коим надлежало заманить единоличников в обобществлённое хозяйство. Уралколхоз решил выявить и мобилизовать таковых тысячу душ. Шестидесятитысячники — наоборот, молодые неопытные колхозники, которым предстояло обогатиться опытом труда и быта пере-

довых артелей. Тут решили, что пяти тысяч впитавших чужой опыт хватит для построения рая вчерне.

В районах и местных органах к московской затее и фантастическим цифрам математического сопровождения отнеслись с весёлой снисходительностью - дураки, но свои. Действительно, откуда взяться этакой прорве ударников, на первом году жизни гнездящихся на кулацких пепелищах колхозов? Рабский неоплаченный труд ещё не вбили в физиологическую норму. Заглянем в бумаги секретной бесхозяйственности. Вот, к примеру, отчёт Уралтруда о трудовой дисциплине и организации производства в колхозах Лебяжьевского района. Статистически — из средних, без экзотики. Местность ровная, как стол, лесостепь. Народ по менталитету советский — лучше недоесть, чем переработать.

Датированная мартом тридцать первого бумага бесстрастно фиксирует, что трудовая дисциплина, если под таковой понимать хотя бы элементарные хозяйственные обязанности, отсутствует вообще. В артелях нет даже списка колхозников. Число коммунаров мечется в широкой амплитуде — от максимальных величин при получении продовольственной ссуды до единичных экземпляров на утренних разнарядках. Практика привлечения к работе путём подворного обхода — классика колхозной дисциплины — имела в тридцать первом ограниченный эффект. Сначала коммунары прятались по стаям и лабазам от нарочных, а потом насобачились отсыпаться под навешенным снаружи замком.

В силу эпизодического участия многих в общественном хозяйстве и отсутствия всякого учёта, продолжает документ, выделить производственный актив из серой массы невозможно. Не любят работать в колхозе все и примерно одинаково. Ударников, как и способствующих ударничеству товарищеских судов, в колхозах района не обнаружено. Снующие вокруг начальства и колхозных складов особи инспекторам Уралтруда не понравились и были квалифицированы как лжеударники.[22]

Со вторым плечом вербовочной кампании дело обстояло ещё труднее. В желающих поглазеть на колхозный рай дефицита не было. Отсутствовал (ну ни единого экземпляра!) наглядный и методический материал. Не плодить же на селе контрреволюцию экскурсиями в жуткую колхозную бесхозяйственность. Хорошая мысля приходит опосля. Будут потом союзные, областные, районные сельхозвыставки. Будут обмен опытом и взаимопроверки с пьянками до коматозно-терминального состояния. До отруба! Будет ВДНХ, на муляжной панораме которой суждено разыграться киноклассической мелодраме пастуха кавказской национальности

и просторусской свинарки. Будет всё. А тогда преимущества «столбового пути» приходилось вымаячивать на пальцах.

Сунулись было в совхозы. Масштабы там, конечно, впечатляющие. Но сосредоточиться на поучительном куда сложнее. Судите сами, что могла идеологически девственная свинарка вынести из такой вот объективной реальности. По очень секретным данным Уралобкома ВКП(б), в тридцать первом году падёж молодняка в скотоводческих совхозах составил 32 %, молочных — 44 %, свиноводческих – 50 %, птицеводческих – 60 % поголовья. Региональный рекорд поставил Муравлёвский совхоз — 125 % падежа. Объясняю для слабых в иррациональной статистике. Пал весь советский приплод и четверть конфискованного у кулаков стада.[23]

Чтобы не выглядеть глупым, говаривали в древности, будь решительнее. Местное партийное руководство не раскладывало пасьянсов, а с получением директив сколотило из активистов штатные вербовочные бригады. Преимущество, понятно, отдавалось балагурам и артистически одарённым. Предстояло работать под мужика. Будучи обрамлены в лохмотья, сытые номенклатурные хари обрели неожиданную убедительную силу. Вид «передовиков» представлял колхоз учреждением невзыскательным, но сытым. Дабы не засветиться в родном районе, все бригады пустили в оборот по известному читателю перекрёстному графику.

Политическое скоморошество всегда предшествовало смутным временам. В деревне легко раскусили подвох. Ответ был однозначен по сути, рассыпавшись по форме на оттенки. Жители деревни Золотое были парламентски строги, каллиграфически исполненный протокол общего собрания подписали все. «Инициативную группу не создавать. Согласны пропадать, но в колхоз не пойдём. Научились в колхозе голодовать. Засыпать семенной фонд отказываемся, можете судить. Пойдем на работу на Урал, но не в колхоз... Платить МТС не согласны, нечем. Нас теперь не обдуришь, будем сеять на своих по силе-возможности».[24]

Скажу прямо, чаще деревня дурила. Над «передовиками» откровенно измывались. Например, выброшенная на периферию агитэкспедиция Чашинского райкома ВКП(б) вернулась пешком в ту же ночь, а её руководитель, курсант совпартшколы Нелюбин, потея от волнения, рассказал прямо-таки жуткую историю. Во время агитобхода деревни в одном из дворов партийных посланцев встретили мужики с топорами и бабы с литовками. Грозились зарубить. А руководителя вербовочной группы хозяйка даже ударила колом поперёк хребта. Потом, весело ухая, деревенские до

вечерних звёзд гонялись за агитаторами по заснеженным огородам. Во время операции исчез райкомовский иноходец Карька.[25]

Развитие социализма вширь, понимаемое как коллективизация лесотундры, изобиловало полярной экзотикой. «Трудность работы с туземцами (остяком, самоедом), — доносил ещё осенью тридцатого уполномоченный Тобольского округа, — по существу основным ловцом на Севере, обучение и приспособление к лову завезённых нами переселенцев (земледельцев), боящихся даже сесть в лодку, канитель с ними, тяжёлые ошибки в коллективизации на Севере, повлёкшие значительный уход ловца-туземца в тундру, — всё это создало чрезвычайно тяжёлые условия работы. Всё же я считаю, что с данным нам заданием мы справимся. Иначе и не может быть, жрать ведь совершенно нечего».[26]

Первая волна коллективизации смыла с берегов приполярной Оби коренное население. Когда летом тридцатого спускающиеся на Север баржи со спецпереселенцами подходили к береговым стойбищам аборигенов, на песок чаще всего вылетал одуревший от одиночества и гнуса гепеушник с докладом об успешно проведённой карательной операции. Для полярного жителя альтернатива - колхоз или Север — не трагична. Конечно же, Север! Если же в стойбищах имели место быть коренные жители, их немедленно выселяли гепеушники из сопровождения.

«Туземцы не выходят из тайги!» — сокрушались местные власти в ответ на требования ускорить второй вал коллективизации и отправку красных эшелонов с рыбой. Экспедиции в таёжную глухомань за основным элементом производительных сил возвращались с перепуганными туземками и детьми. Увязывая высокие задачи с местными особенностями, пришлось создавать исключительно женские тузколхозы.

Сразу же было отмечено, что предельно фенимизированные коммуны имеют ряд положительных моментов если не всемирно-исторического, то хотя бы континентально-российского значения. Главное — безответная исполнительность. Удивило и то, что у туземок чувство самосохранения выражено слабее, чем у цивилизованных особей. В утлый ялик они садились безбоязненно. Тонули чаще, но молча и гордо, освобождая власти от мук совести.

Перегибы с коллективизацией бесспорно были. Но вообще-то таёжный туземец оказался благодатным и податливым для идеологической ковки материалом. Это мнение вынес из командировки в Няземские юрты и уполномоченный Берёзовского райкома ВКП(б). Председатель — единственный мужик в артели, старый и сухопарый остяк — встретил его приветливо: «Хороший русский,

однако, очень хороший!» Поймав взгляд гостя, хозяин совсем растаял и без тонического нажима не то спросил, не то констатировал: «Сталина — Ленина видела?!» И правой рукой быстро сотворил какой-то символический жест, среднее между пионерским салютом и крестным знамением. Расчувствовавшись, гость рассказал о севе, коллективизации на юге, решениях партсъезда, последней оппортунистической выходке Рыкова и правоуклонистах вообще.

«Правый уклон, однако, — солидно поддерживал тему председатель, ритмично раскачиваясь на заднице, — вся Обь нынче ушла в правый уклон. Моя весной говорила, что сети надо ставить справа. Не будет у левого берега рыбы, не будет». Потом хозяин доверительно сообщил, что уже заметил правый уклон в походке некоторых подчинённых. Но имён пока не назвал.

Абориген тайги по природе склонен к рассудительности и компромиссу. Вот самоед или полярный остяк — дело совсем другое. С созданием северных колхозов большевики хлебнули горя. И дело не в том, что классики марксизма забыли про теорию строительства социализма в тундре. Тут вполне хватило бы постановления № 74 Тобольского комитета Севера от 1 января 1930 года. «Изменить родовую структуру органов туземного управления, — ставит задачу-минимум комтуземный манифест, — построив такую систему управления, которая, обезличивая род, укладывалась бы в рамки общей советской системы, а именно, создать тузсоветы укрупнённого типа по территориально-хозяйственному принципу. При проработке плана коллективизации Тобольского Севера взять установку на сплошную коллективизацию бедняцко-середняцких хозяйств с охватом в наиболее доступных районах Дальнего Севера и кочевых оленеводов».[27]

Если что-то не ясно, можно обратиться к Декрету ВЦИК и Совнаркома № 575 «Временное положение об управлении туземных народностей и племён северных окраин СССР». Чистейший образец полярного парламентаризма. Родовые советы, родовые собрания, районный туземный съезд, райтузисполком, тузсуд. Живи да радуйся! Не читал Карла Маркса? Не беда. Возьми в руки Конституцию РСФСР, найди статью 69. Там сказано, кого нельзя избирать во все тузы до самого полюса.

Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо. Так вот, практика коллективизации на Севере дала совершенно неожиданные по сравнению с подобной кампанией на Большой земле ответвления. Прежде всего, сказалась темнота патриархального рассудка. Туземец он и есть туземец. Выяснилось, что он никак

не в состоянии отказаться от родителей и родственников, чтобы называть отцом родным рябого грузина. Ну какая к чёрту Советская власть, если ты намерен уважать беспартийных родителей? Коммунизм показан только великороссам, прогрессивные экземпляры которых и поныне трясут портретами вождя-тирана. А ненец натурально и шибко любил родню, тундру да оленя.

Вторая особенность заполярной колхозной зари состояла в том, что кулаков, право-левых уклонистов и всяких вредителей отсюда решительно некуда ссылать. Без раскулачки и высылки ленинский кооперативный план страдает оппортунистической грыжей «постепенного врастания кулака в социализм». Раскулачка была, тоже на особицу. Высветим её фрагмент протоколом оргбюро по организации Ямальского (Ненецкого) округа. В оргбюро входили: Скороспехов и Шишкин (от окружкома партии), Колещук (окрмилиция), Щёголев (ОГПУ), окружной прокурор Урванов, Брусницын (окружная РКИ).

«Подвергнуть кулака Хораля Нарья за злостный убой оленей, — постановили лучшие представители кочевого населения, — к штрафу в размере 10-кратной стоимости убитых оленей, т.е. на сумму 11200 руб., конфисковать у него стадо оленей в количестве 5000 голов, оставив ему в пользование 250 штук... Подвергнуть кулака Охотытто Мыноги к штрафу в 10-кратном размере стоимости убитых оленей, в сумме 5600 руб., кроме того, конфисковать у него стадо оленей в количестве 2500 голов, оставив ему в личное пользование 250 штук... Конфискованных оленей передать интегралсоюзу для распределения по колхозам бесплатно».[28] Кое-где оленей честно отобрали, где «купили» за облигации, выдаваемые за новые советские деньги. Обобществлённые олени благополучно передохли в первую же зиму.

За ненцем и приполярным хантом советская власть гонялась до тридцать пятого. Видимая простота тундры обманчива. Партийцы поняли это в первый месяц коллективизации, когда полярный единоличник вместе с юртой и оленями растворился в белом безмолвии. В бесплодных погонях и облавах пришёл практический опыт — олень и собачья упряжка тут не в пример лучше лошади. Очень хорошо, что не подвела революционная бдительность, — активисты коллективизации успели арестовать по ближайшим стойбищам контрреволюционный самоедский актив.

По темноте племенного мировоззрения, схватывающего пошлые бытовые мелочи, а не историческую перспективу, туземцы сделали острый выпад. Повязав комиссаров осовеченных стойбищ, уволокли их в тундру. Попались и очень уполномоченные. Затем,

добирая до паритета в заложниках, потаскали отряды погони вдоль полярного круга и, в конце концов, взяли их еле тёпленькими. В вымороженных просторах Арктики советско-самоедский конфликт затянулся на годы. Лёгкие на подъём туземцы откочевали в труднодоступное междуречье Оби и Енисея, где основали нечто похожее на приполярную Сечь.

С туземным населением полярного Севера мучились не только уральские коммунисты. ЦК ВКП(б) вынужден был принимать в конце тридцать второго специальное постановление о порядке коллективизации отсталых народов. Последние газет не читали, а грамотная и кадрово-ответственная публика была бессильна. Полярная ночь страшна и контрреволюционно агрессивна. Наконец терпение лопнуло. Над секретарём Уралобкома ВКП(б) Кабаковым в Москве стали зло потешаться — герои Отто Юльевича Шмидта до самой Чукотки проложили северный морской путь, а у вас ещё и Советской власти нет!

В декабре тридцать третьего в Остяко-Ненецкую Сечь обком партии направил полномочную депутацию с мирным приглашением к социалистическому переустройству труда и быта. Основным аргументом парламентёров было цековское постановление, подчёркивающее глубочайшее уважение к обычаям и традициям кочевого населения. Непререкаемым оставался один тезис — надо немедленно начинать коллективизацию.

Аборигены опять заупрямились. 7 января 1934 года в Уралобком пришла строго секретная телеграмма из Берёзово. «Только что с радиопоста Нумто получили сведения о возвращении от ненцев посланной вами делегации. Делегация возвращается без заложников, ненцы отказались освободить их раньше, чем получат арестованных кулаков, вновь подтвердили требования, отказались вести какие-то бы ни было переговоры, подтвердили, что приезжающих русских будут вязать, туземцам запретили выполнять поручения русских, угрожая арестом.

Таким образом, все наши мирные мероприятия безрезультатны, наоборот, они ободряют кулачество, если учесть, что промысел Нумто не закрыт, продукция вывозится, детей в школу берут только с соглашения родителей, в работе фактории нарушений не установлено, то остаётся только факт исключительно политического требования — освободить кулаков. В связи с этим пришли к выводу о проведении следующих мероприятий. Первое — немедленно взять заложников из числа остяцких авторитетов и оставшихся в Казыме родственников бежавших в тундру, второе — провести операцию по изъятию кулачества и контрреволюцион-

ного элемента по данным ГПУ, связанными с событиями, третье - двигаться к Нумто и далее в тундру целесообразно только при наличии права применения оружия. Ждём ваших развёрнутых указаний. Чудновский. Булатов».[29]

Донесение подписано начальником специального военного отряда, призванного внедрять социализм среди нацменов тундры в тех случаях, когда глубочайшее уважение к их самобытности выветривается до сухой ненависти.

Окопавшийся в Остяко-Вогульске, что почти на тысячу вёрст южнее Берёзово, заведующий агитмассовым отделом обкома Сирсон, как и полагается профессионалу, увидел в событиях более глубокую суть. «По всем данным, — телеграфировал он в Свердловск, — мы имеем дело с давно подготовленным и широко задуманным планом контрреволюционных действий со стороны кулачества и шаманов... К востоку от Оби контрреволюционно настроенные элементы собираются между верховьями рек Казыма, Надыма, Тремюгана и Пима. Наша медлительность расценивается туземной беднотой и середняком как бессилие Советской власти и используется кулачеством для привлечения колеблющихся на свою сторону.

Считаю дальнейшее промедление опасным, могущим привести к широкому охвату тундры и возможному присоединению части приобских остяков к контрреволюционной части спецссылки. Моё мнение: первое — ввиду невозможности подкрепления нами отряда Булатова из-за отсутствия оружия необходимо поддержать отряд самолётами. Второе — перебросить в округ воинскую часть, человек двести, для размещения их в округе...»[30]

Слепой курице всё пшеница. В потоке сообщений с мест партийцы, разогревая себя в ненависти, прибегают порой к абсурдным аргументам в пользу применения оружия против непокорных туземцев — от потенциальной возможности всетундровой контрреволюции до массового исхода кочевников на Аляску.

Не менее страшная контра выкристаллизовалась на крайнем севере региона — в Ямальском (Ненецком) национальном округе. Драма началась с обычного сопротивления коллективизации. Отдавать своих оленей в руки русских большевиков аборигены наотрез отказались. «11 марта 1932 года кулак Май Солинтэр в присутствии ненцев Типчи Сыротэтто и Семёна Сыротэтто заявил уполномоченным Хэнского кооператива Витязеву и Ануфриеву, что он не признаёт постановление бедняцкого собрания о контрактации оленей... Тоже 11 марта кулак Тояндо Солинтэр заявил:

«От контрактации оленей отказываюсь, добровольно оленей не сдам, если шибко надо, возьмите силой...»

24 апреля 1932 года кулак Май Солинтэр при вручении повестки о явке на суд за эксплуатацию батраков сказал: «Судей ваших и советскую власть не признаю, у меня свои законы». После настойчивого требования со стороны ненца Рогалёва принять повестку он набросился на Рогалёва с ножом, был обезоружен. После этого организовал 12 человек из ближайших чумов с ножами, одновременно послал гонца для дальнейшего сбора людей с ближайших стойбищ. У райуполномоченного ГПУ т. Мурашкина, приехавшего в стойбище, кулаками были отобраны олени, он вынужден был идти пешком по тундре».[31]

По схеме развития катаклизма в двух углах уральской тундры можно судить о некоторых закономерностях революционного процесса в Заполярье. Потревоженные большевиками ненцы побежали в сторону полюса. Ранее разрозненные кулацко-шаманские группы, сообщалось в ЦК ВКП(б), к осени 1934 года объединились в многочисленную группу. В отчёте антисоветская группа именуется «Мандолыда», что в переводе на марксистско-русский близко к святому понятию «интернационал». Более того, приглашение к сотрудничеству — «ненцы всех стойбищ, — соединяйтесь!», с которым летали по Ямалу гонцы, щемит сердце тоской по временам революционной молодости.

«Основным местом действия «Мандолыды», — читаем информационную сводку № 104 от 20 декабря 1934 года, — является почти весь Ямальский полуостров и восточное побережье Байдарацкой губы с охватом части территории Приуральского района (вершина Байдарата, оз. Яры-то, р. Яркута). Наиболее сильное скопление чумов, входящих в организацию «Мандолыда», находится в районе оз. Яро-то, по рр. Юрибей и Яркута. Отдельные небольшие группы спускаются южнее указанных мест (Салита, Яда и другие)».[32]

О политических требованиях заполярного интернационала говорить даже смешно. Туземцы хотели жить по своим законам, то есть без коммунистов и советской власти, верить шаманам и пожилым, с русскими торговать на классическом условии — «товар-деньги-товар». Евро-русские большевики сразу догадались, что самоеды мечтают о светлом капиталистическом будущем.

«Обезглавливание антисоветских групп, — советует Москве местный, из великороссов, большевик, — облегчит дальнейшую работу по разложению «Мандолы» и ускорит восстановление трёх ликвидированных национальных советов в северной части Ямала,

также даст нам возможность наиболее успешно провести пушные заготовки, организационно-хозяйственно укрепить, а местами и вновь восстановить простейшие производственные объединения и артели...»[33]

Событиям, разыгравшимся на Крайнем Севере Урала, не нашлось места в самой подробной партийной истории. Как и в соцреалистической литературе. Тонкой струйкой редких и случайно сохранившихся документов тает память о военных рейдах против беззащитных детей Арктики, о мечущихся в ужасе туземцах под крыльями краснозвёздной полярной авиации, о заложниках и запредельной подлости колонизаторов - обо всём, что позднее назовут ленинской национальной политикой.[34]

С приближением тепла события в континентальном Урале набрали прогрессирующее ускорение. Если верить статистике, к лету земляки неожиданно прозрели и прямо-таки ломанулись в колхоз. Новый подъём коллективизации, когда две трети уральских крестьян сами полезли в ярмо, имел серьезные основания. По весне в обкомовских кабинетах уже знали об очередной кампании раскулачивания и массовых выселений. Местным кадровым дали понять, что подготовка списков выселяемых, как и самой операции, должны стать мощным фактором ускоренной коллективизации. Действовать, однако, предстояло тонко и изощрённо. Год назад выселение провели с сугубой секретностью.

Теперь было решено держать село в постоянном страхе. Обстоятельно и гласно началось составление списков на выселение. Реестр ориентировался на предельную жестокость. Где-то средний уровень нищеты предполагаемых к выселению освобождал обвинение от утомительных экономических выкладок, оно углублялось в прошлое или цеплялось за бытовые шероховатости. К попавшим в графу социально опасных, на удивление, не вламывались по ночам с конфискацией. В большинстве районов Урала даже не отобрали землю. Власти посетила здравая мысль — будет лучше, если наделы засеют до окончательного решения о ссылке. Помнилась глупость прошлогодняя, какой глупец надумал выселять зимой. Потом тянули жилы на посевной!

Контроль над выселяемыми до проведения операции, совсем смешно, возложили на самих кулаков. Их разбили на десятки и назначили для каждой группы старосту. С десятника отбиралось письменное обязательство о сотрудничестве с властями по следующим направлениям:

«1. Беспрекословно исполнять распоряжения сельсовета и требовать исполнения от вверенного мне десятка граждан.

2. Не допускать сборищ, самочинных митингов, антисоветской агитации, учинения беспорядков и их подстрекательства, побегов с постоянного места жительства, дебоша, хулиганства, кражи имущества, хранения всякого рода оружия и т.п.

3. Доносить сельсовету и другим представителям власти обо всех нарушениях советских законов и преступлениях, совершаемых во вверенном мне десятке.

4. Ответственность несу я...»[35]

В заключение небольшая правовая деталь — ответственность подпиралась не рядовой ссылкой. Если в действиях десятника улавливался сговор с деревенской контрой, ГПУ гарантировало ему концентрационный лагерь.

Посаженным на такой карантин землякам в голову лезли прогрессивные мысли. Заявление о вступлении в колхоз могло вынести прозревшего из опасного списка. Для остальных вероятность загреметь под северное сияние, естественно, увеличивалась. Математическую связь уловили, поток желающих жить посоциалистически нарастал, если в марте власти были рады каждому поданному заявление, то в мае месяце уже косоротились. Обуяла тревога, что под занаряженный объём ссылки не достанет контрреволюционного материала.

Разнарядка, подписанная секретарём ЦК ВКП(б) Постышевым, поступила в Уралобком 29 мая 1931 года. Приказывалось поднять и отправить в ссылку 12 тысяч крестьянских семей, что-то около 80 тысяч человек.[36] Кампания выселений тридцать первого, отмечалось в газетах, явилась не только актом пролетарского возмездия, но несла громадное созидательное начало. Повременно-премиальные историки потом перелицуют акт сотворения колхоза. Шальные мазки подревольверного страха уступят место фундаментальным и профессионально исполненным фрескам массового энтузиазма. Мы вытащим только нищий факт. Большая часть деревни стала колхозной. Потом, к зиме, когда выстуженные страхом души начнут оттаивать, мужики опять подадутся из колхоза.

Несправедливо холодны мы к своей истории, ой как холодны! Спроси у прохожего о свершениях тридцать первого и устыдишься. Для одного это время сплошного, но бессубъектного энтузиазма, явные герои и вредители материализуются несколько позднее. Другой увидит в нём бестолковое выморочное пространство. Читающим советские газеты СССР казался воплощением исторически неизбежных законов И только экономически дотошному открывалась истина — махина абсурда, размазанная во времени и пространстве, покоится на примитивном трудодне. На трудодне!

На той самой условной палочке, в замусоленной книжке бригадира, за которую десятилетиями работали миллионы колхозников. Воздадим каждому времени по заслугам. Трудодень изобрели и внедрили в тихом тридцать первом.

Начало было не гениальным. За выход на работу в свежесозданном колхозе платили сразу. Перспектива круто и убедительно гнула в полный социализм, от нараскулаченного добра — хлеба, ликвидного металлолома, носильных и бытовых вещей — ломились амбары. Законсервированным до будущих трат виделось имущество крепких, пока не раскулаченных хозяев. Продукты питания выдавались в семьи коммунаров по едокам или шли через общественный котёл. Носильные и хозяйственные вещи распределяло правление. Для артельщиков жёсткую увязку получаемого добра с трудовым эквивалентом считали излишней. Активисты и особенно партийные сидели на льготном потребительском режиме, что не вызывало, однако, противодействия со стороны рядовых членов. Все чувствовали свой долг по отношению к партийцам и в осознании той мысли, что кулацкое имущество есть продукт эксплуатации, и в реальном раскулачивании.

Явное преобладание потребительского потенциала над производительным, заложенное в протоколхознике, сказалось быстро. Общий котёл уже с мая месяца поддерживался в уральских колхозах только государственной продовольственной ссудой, к осени в уплату за труд единоличников ушли последние, побитые молью кулацкие тряпки. В голодающий интеллект лезли нехорошие контрреволюционные мысли о несовершенстве колхоза и даже самого социализма. Газеты ещё весело поносили кулаков, но на деревне было уже скучно, раскулачивать было некого.

Первоначальная задумка — связать трудодень с определённым денежным эквивалентом — отпала сразу, на кругу партийном. Забраковали не по причине сложности учёта трудовых затрат, технически и в перспективе это решаемая задача. Рядом был совхоз с погрошовым госучётом. Прожект не прошёл идеологически. Отдавать распределение продукта, да ещё текущее, в руки колхозников не входило в исходные условия создания колхоза. У Маркса в «Капитале» — пролетариат! А наши, это точно, всё проедят на корню, а ещё хуже — станут государственными прикормышами.

Основатели колхоза бились за предельную концентрацию сельхозпродукта в руках государства. Идея текущего денежного обеспечения трудодней, полагающая государственное кредитование деревни, с этой точки зрения казалась абсурдной. Первые же месяцы колхозной самодеятельности доказали, что каждый ком-

мунар в душе казнокрад. Единственно приемлемой формой учёта могла быть внутриартельная затратная единица, никоим образом не посягающая на взаимоотношения с государством. Таким и положили быть трудодню. На десятилетия он стал показателем нашей самобытности — жесточайшего из феодализмов с вульгарно подштукатуренной под социализм физиономией.

Да что там показателем! Если говорить объективно, трудодень - величайшее из изобретений отечественного социализма. С введением его в практику шальная идея стала самодостаточной и устойчивой. Хозяйственный строй рванувшего в сторону общества уже не нуждался в серьёзных конструктивных доработках. Экономическая мысль упёрлась в свод объективной истины и могла лишь эволюционно по нему растекаться.

Гениальная простота трудодня в его адекватности колхозно-социалистической идее. Тут классика почти в переборе, Шопен в исполнении Наума Штаркмана, да ещё в Рахманиновском зале. Трудодень, это раз, есть средоточие колхозной демократии. Смотрите сами. Нормы выработки, сложность труда и расценки в трудоднях устанавливались правлением артели. Правда, с первых дней сожительства колхоза с советской властью в уши гудели, нормы должны рассчитываться по выработке передовиков. На случай наглядности в каждой отрасли культивировались высокопродуктивные пробирочные мутанты или чистые муляжи.

Государству трудодень был тоже люб. Однако державные симпатии скользили мимо броской демократической видимости и концентрировались на той фазе дележа, которая предшествовала трудодню. И определяла его глубокий демократизм. Предваряющая конечное кормораспределение стадия уравновешивала всю систему, компенсируя шутовскую импровизацию трудодня уголовной ответственностью. Тут каждое хозяйственное движение было либо чревато, либо влекло за собой.

Треть колхозного хлеба надлежало сдать государству по обязательной контрактации, заменённой позднее обязательными госпоставками. Чуть более того уходило на натуроплату услуг МТС, грабёж со стороны которых был виден как на гравюре, и композиционно, и в мельчайших деталях. Но отказываться от «помощи» не было предоставлено, покушение на концепцию крупного производства, усиленное контрреволюционным скупердяйством, поднимало ненависть с душевных глубин.

Расклад общественного продукта продолжали долги по семенной и продовольственной ссуде, обязательные и хорошо изолированные от колхозников семенные, страховые, фуражные

фонды, ну там ещё проценты по ссуде, выплаты натурой за лесо- и землеустройство, натуральные взносы по займам... На остальное —гуляй, колхозничек! Играй в демократию. Дели по совести и всеартельно. Продукт общественного животноводства, не минуя навоза, государство забирало в заготовки.

Утверждение планов хлебозаготовок в том году упростили. Дебаты с упрямыми председателями посчитали излишними, а выслали на места подписанные всеми инстанциями наряды. Наказаний за самоуправство не боялись. Москва с середины лета регулярно долбила провинцию секретными прогнозами о всесоюзном недороде и приказывала в газетной и внешней информации избегать оценки будущего урожая. Именно с той уборочной данные об урожае и хлебозаготовках, урожайность и многие показатели аграрного производства стали сверхсекретными.

На агрессивную массу колхозников и единоличников налегли всей силой советского страха. Повсеместные деревенские бунты, крикливые, стихийные и беспомощные, выявляли людской контрреволюционный осадок. Через день-другой появлялось ГПУ и увозило дерзких. А в деревню вползал порожний обоз, украшенный актуально звучащими транспарантами. Одни с удовлетворенной, другие с затаённой мстительностью глядели, как грузится хлеб в честь досрочно задутой магнитогорской домны.

Ситуация не оставляла времени на заигрывания и реверансы. Среднеуральская урожайность - где-то около четырёх центнеров с гектара, не давала спать. Москва с самого начала уборки подсылала директивы одна строже другой. Хлеб любой ценой! В погашение поставок вывозились семенные фонды, нераспределённое продовольственное зерно, фуражные запасы. Степень выполнения плана не имела значения, наличие зерна полагало обязательную конфискацию. «Надо ставить вопрос так, — инструктировали заготовителей, — если хлеб не сдаёшь, то значит враг Советской власти». Колхозники пытались прятать хлеб, но всегда неудачно. Обязательно кто-то выдавал.

Единоличников сразу придавили уголовной ответственностью. «Кулаков, не выполняющих задания, —под суд!» — газетно и в осургученной информации довели до всех. Конечно, можно было каждого запоздавшего подвести под кулацкую или антисоветскую стать, а потом волочь в суд. Волокитное дело нашло творческий выход. Уралобком ВКП(б) рекомендовал колхозам обмолачивать (и сдавать в зачёт своего плана) полосы тех единоличников, которые тянут с выполнением индивидуальных заданий и вообще классово подозрительны.

Страдовать на чужом поле как-то веселей. Особой директивой обком всё же напомнил коммунарам, чтобы те не удовлетворялись в медвежьей радости только вершками, а описывали и конфисковали имущество должников. И не забыли отнести на них же затраты по уборке. Сельсоветы получили строжайшее указание — отбирать хлеб в первую очередь у единоличников, колхоз всё равно заставят сдать.

К Рождеству жестокость кипела ключом. В Тобольском округе, судя по отчёту о ходе заготовок, не выполнивших плановых заданий сталкивали на Север. В Коми-Пермяцком округе ссылка практиковалась вперемешку с массовыми арестами и пытками, повсеместно нашли эффективным устраивать над должниками спектакли расстрелов.[37] Солнце деревенского социализма оторвалось от горизонта. Колхозное утро уходило в день. Идеологический щебет о коллективном мужицком рае не гармонировал с окружающей дикой реальностью. Деревня доедала последний припрятанный кусок. В столице из списков централизованного снабжения размашисто выхеривали города и веси.

Уральское руководство впало в ужас от составленного статистикой строго секретного документа «О состоянии хлебных ресурсов Урала», где сообщалось, что дефицит зерна по региону составляет около ста тысяч тонн. Приехали прямо в социализм! Два месяца в году не есть совсем. Москва успокоила паникёров обещанием и даже выдала наряды на отгрузку хлеба из Нижнего Новгорода, Воронежа, Саратова и Уфы. Но впереди был год тридцать второй, и только Бог располагал, что не вкушать землякам дарёных хлебов.

Знали в областном центре и про то, что в прошедшем году пала треть скота рогатого и чуть больше трети скота лохматого. Лошади мёрли где-то тут же. Про свинью и говорить нечего, не ко двору она пришлась в колхозе, безжалостно обжирал её несознательный коммунар. Годовой хозяйственный отчёт, представленный только членам бюро обкома и самым доверенным лицам из президиума облисполкома, вытягивал ответственные морды в ужасе удивления.

В микробиологическом разрезе колхоз смотрелся еще хуже. «Животные представляют из себя скелеты. Это происходит вследствие недостатка кормов и небрежного их расходования. В телятниках высокая температура, сырость. Телята заражены экземой, с больными глазами, всегда стоят мокрыми, шерсть вылезает, чешутся... Скот заражён вшами, не говоря уже о таком заболевании, как повальное воспаление лёгких...»[38]

Революционная жалость была радикальной. Комсомольцам и партийным шнырям вменили в обязанность конфискацию кормовых культур. Законной видимости ради во многих районах распространили на живность принципы классового распределения. Социально взвешенный годовой рацион на одну потребительскую единицу, принятый, к примеру, Талицким райкомом партии (на родине первого Президента России), выглядел так. На особи советские — взрослый едок, лошадь, корова, гусь и курица — нормировалось соответственно 2,16 ц зерна, 4,8 ц овса, 0,86 ц зерна, 0,15 ц зерна, 0,1 ц зерна. На особи классово-чуждые в том же порядке — едоку нормы нет, 2,32 ц овса, 0,4 ц зерна, 0,06 ц зерна, 0,04 ц зерна.[39]

Да и в самом деле! Почему социально чуждая, тем более кулацкая, скотина должна жрать больше, чем прогрессивно обобществлённое животное? Исторически справедливее сделать наоборот. Впредь стали частные дворы выметать до зёрнышка и последнего навильника соломы, а потом выдавать национализированный кормовой ресурс в соответствии с установленными нормами. Солома и отходы на двадцать лет вперед стали основным расчётным средством в отношениях с колхозником.

К концу года тридцать первого колхоз в основном сформировался в хозяйствующую особь. Это было время становления, когда ярмо еще не притерлось по шее. А потому мозолило и раздражало. Скоро к нему привыкнут. Но надежд на скорое благополучие столбовой путь не навевал. «В колхозе хлеба не заработаешь», — говорили, наученные первым распределительным опытом коммунары. Бесхозность и государственный грабёж не давали возможности жить трудом.

В колхозе пока можно было только воровать.

Глава 4
«Дедушкин указ»

«Дорогой мой муж, Аристарх Фотеевич! Приму Ваш низкий поклон за горючими слезами. Я об Вас очень скучаю... Живу очень плохо — хлеба не дают. Не знаю, как мы проживём, может с голоду заморить хотят. Придёшь в правление, говорят — иди на лесозаготовки, там хлеб получишь. И весь разговор. А куда я пойду, когда ноги опухли, как колодки. Нам приходится помирать с голоду, больше делать нечего. Ваши детки каждый день дожидаются домой, но дождаться не могут своего отца. А я один час, одну минутку не могу, чтобы пошла и не зевала, дошла до того — где встаю, тут и валюсь. Свет в глазах теряется, наверное, Вас уже не увижу. У меня родных нет, призреть некому».[1]

«Добрый день, счастливая минута! Здравствуйте, дорогой мой муж Василий Ефимович от извечной твоей супруги и от родимой твоей мамоньки! Быстро спешим уведомить тебя, что мы поимели большое счастье, получив от тебя известие. Извещаем тебя, что на нас наложен какой-то налог временный 20 рублей и просят уплатить. Удостоверение, которое получили от тебя, носили в сельсовет, но льготу пока никакую не предоставляют. Просят налог выплатить и весь корм от нас увезли на ферму, а кормить у нас совершенно нечем стало. Кобыла стоит дома, на скотный двор не принимают, а ездить каждый день ездят... Скот на ферме пропадает, уже пало около 80 голов рогатого скота, лошадей пропало 40 голов...

Затем прописываем, что Малаху из избы вывели, прилюдно вывели. У Немирова Кирюху и Терёху тоже из изб выгнали... Затем передай пояснение Селиверсту Васильевичу от жены его Марии Афонасьевны — она очень печалится. Налог с неё просят 28 рублей 75 копеек. Денег нет, а просят обязательно уплатить... Затем с Петра Васильевича взяли налог и ещё, наверное, из дома

погонят. Хлеба в колхозе больше не дают. Нормы выработки очень велики, никому не выработать».[2]

Два письма – глас из жесточайшего тридцать второго — выловлены из солдатской переписки комиссаром 169 полка. Забота о высоком идейном и боевом духе красноармейцев подвигла начальство к изоляции служивых от событий, творящихся в деревне. Что тут придумаешь лучше сплошной фильтрации солдатских писем? Действовал принцип, доведённый до тотального правила, — лучше письма уничтожить, чем пропустить, не проверив. Корреспонденция, вылетающая в мир цивильный, особых хлопот не доставляла. Знающие обо всём красноармейцы писали складно про солдатское бытие, а про политику врали дословно, как было учено на политзанятиях. Дошлые да ушлые пытались умотать правду в намёки да метафоры, не догадываясь, что подозрительного содержания письма выбрасывались вместе с письмами дурного почерка.

Корреспонденция извне несла идеологическую заразу. Почту вредительского характера высеивали и отсылали в органы ОГПУ по месту отправления. На предмет оперативного реагирования. «Органы» не занимались благодеятельностью или поиском правды, интересовал только источник контрреволюционной крамолы. В нашем случае комиссар оградил двух подчинённых — красноармейцев Петровских Аристарха Фотеевича и Мальцева Василия Ефимовича, уроженцев Уральской области, от тлетворного влияния антисоветчины. А ОГПУ своевременно таковую пресекло, оперативного вмешательства потребовал лишь один факт. Петровских Мария до наказания не дожила.

Письма из голодухи выбраны мною не потому, что они содержательно ярки, нет, они типичны для долго засекреченного пласта людского горя. Наша история далека от судеб людских. Просто письма с Урала и датированы началом тридцать второго, о событиях которого пойдёт речь. Раб в пилотке — типичный персонаж советской истории. Подождём до лучших времён, всё равно кто-нибудь доберётся до этого тёмного угла и обнажит застывшие в боли солдатские души ещё одного континентального ГУЛАГа.

Все наши пятилетки великие одинаково, но омерзительна каждая по-своему. Тот год завершал первую пятилетку, встающую на горизонте прошлого резным профилем индустриальных гигантов. Скажем печальное «спасибо» рано вымершим под кнутом, но сотворившим. Даже у самого ортодоксального ценителя социалистических раритетов не повернётся язык хвалиться успехами тридцать второго. Веет могильным холодом расстрелов от одной из самых лихих годин российской истории.

Малоснежная зима опять обещала засуху. События тянулись медленно, почти эволюционно, накапливая потенциал для качественного сдвига жестокости. В свою вторую годовщину колхоз огорошил советскую власть и родную партию таким пронзительным хозяйственным вандализмом, которого не придумать самому отчаянному врагу большевизма. Полтора года вполне хватило, чтобы из прогрессивного экспроприатора выковать злонамеренного и агрессивного вредителя.

Планы заготовок Урал провалил. Вдогонку этому факту констатировалось резкое снижение качества сдаваемого хлеба, чувствовалось, что в огромном вытяжном механизме хлебозаготовок полно тайных щелей. Озабоченность опрокинулась в поиск. Агрокомиссаров, выкачавших из деревни, казалось бы, всё и уже собиравшихся по домам до весеннего призыва, насторожил массовый с дурными подозрениями факт — колхозники ночами стали повторно обмолачивать солому. Криминал подтвердился, коммунары спрятали часть урожая в плохо вымолоченной соломе.

Первые областные директивы предписали сплошную проверку соломы, последующие — обязательный вторичный обмолот. Солому единоличного сектора приказали перемолотить только в колхозе. Особая прокурорско-судебная бумага подчёркивала, что плохой вымолот должно квалифицировать не простой халатностью, а изощрённым, осмысленным, обманом пролетарского государства. Натурально домолоченный хлеб шёл в зачёт планов, а как факт — в состав преступления. У тех, кто успел перемолотить солому до означенных директив, вымели все продовольственные запасы. Из механизма пролетарского правосудия давно выбросили буржуазный храповик, исключающий обратное действие законов, педали репрессий легко крутились в обе стороны бытия.

Операция имела не столь хозяйственное, сколь воспитательное значение. Исправлять порочные устремления пришлось холодными зимними неделями, за которые трудодней, естественно, не начислялось. Уполномоченные мёрзли наравне со всеми, инструктивные материалы обязывали их контролировать вторичный обмолот с учетверённым вниманием. Судьба их, сказать к месту, отблагодарила. К моменту окончания вторичного обмолота итоги уральского хозяйственного года были Москвой закрыты. Большая часть вытрясенного пошла на спецраспределение.

Второй коварный замысел деревни в ту зиму только обозначился и получил развитие во времена более поздние. В предшествующую осень коммунары интеллектуально повзрослели. За один сеанс колхозного распределения в голове до упора засело — как

только доведёшь хлеб до ума, он вылетает в заготовки. Здравая мысль — не торопиться с подработкой зерна или красть его до того ушла по-русски в одержимую фантазию — сделать зерно вообще невывозимым. Во многих артелях осенью авансировали только отходами. Ко времени подведения итогов хозяйственного года голодали уже амбарные крысы. По трудодням шла полова да обмётки. Прямая связь благополучия с объёмом отходов схватывалась даже деревенскими дурачками.

Прямо жечь зерно в буртах не давала совесть. Оправдательным аргументом признавалось только глухое ненастье. Спасительная слякоть давала возможность держать хлеб в состоянии повышенной влажности, неприемлемом для элеваторного хранения и дальней транспортировки. Когда же власти почувствовали злонамеренность деревни, было приказано сдавать хлеб на спиртоводочные заводы. Пусть даже сгниёт, но в государственном кармане. Выросшие повсеместно и в самые голодные годы спиртоводочные заводы замыкали технологическую цепь социалистической бесхозяйственности, способствуя алкоголизации народа и нейтрализуя наивную мужицкую хитрость.

В радость был и другой хозяйственный казус – засорённость зерна, которой коммунары тайно и явно способствовали. Особенно засорённость трудноотделимыми взвесями. Куда до нас жуликоватым русским купцам, разбавлявшим экспортируемый в неметчину хлеб янтарным волжским песком? Ядрёный колхозный опыт вылился в сатанинскую антиагрономию вплоть до искусственного заражения зерна клещом, элеваторы шарахались в ужасе от такого продукта, а репрессивная машина билась в истерике бессилия. Но недолго. На всякий яд, солидно скажут гепеушники через полгода, есть противоядие. Бурты гнилого и заразного хлеба станут выше, а ворота лагерного архипелага распахнутся перед плотными колоннами доморощенных вредителей.

Где-то с той же поры стали исподтишка морить обобществлённую скотину, свежая пропастина дважды, во вторую и третью голодуху, спасала деревенщину от голодной смерти. Самые пожилые сельские соотечественники, наверняка, помнят, как ночами, тайно, обходя дороги, волокли со скотомогильников мороженые туши. Промышляли этим на моей памяти, в голод послевоенный. Ходили ночами и обычно дети. Особенно трудно было возвращаться: с грузом, вслепую, по снежной целине. В одну из ночей не вернулась из ходки соседская девчонка Харламова, имени не помню. Утром её нашли замёрзшей в степи рядом с непосильным куском окаменевшей пропастины...

«Скоро наступит весна, надо будет сеять, а у нас нет семян, лошади не ходят, коровы и лошади мрут десятками, люди чуть живы от голодного пайка. А что дальше будет — страшно подумать! Лошади, точно живые тени, бродят как скелеты, обтянутые кожей. Ну как на них будем работать, да и доживут ли, трудно сказать... Мясо, рыбу и масло, даже растительное, видишь только во сне, когда неосторожно выбранные советские работники получают и несут их на глазах у всех из закрытых распределителей...

Хорошая жизнь нашему крестьянству — хуже, чем жиду во времена царских погромов. Мужик дай хлеба, мясо, рыбу, масло, яйца, отдай лошадь, корову, шерсть, успей заработать себе паёк, получи за работу тридцать копеек, а пять рублей отдай в кооперацию, отдай налог самообложения и чёрт знает ещё что, а если спросить — что мужик получает... Голодный хлебный паёк, редьку, репу и немного картошки со своего огорода. Один из многих мужиков, осмеливающихся поднять свой голос как протест против голодной смерти».[3]

Поступали и думали ещё по уму. С зимы тридцать второго начался интенсивный гон против «кадушечничества» — одной из деревенских разновидностей оппортунизма. Не скажу, теоретически или практически советская власть вышла на аксиому, что шкура каждой отечественной скотины, независимо от места рождения и классовой масти, являет собой общенародное достояние и подлежит обязательной сдаче государству. В свете чего вынесенная из прошлого привычка шить полушубки, тулупы и прочая выглядела если не буржуазной, то откровенно рваческой.

В полушубке, готовом продукте, производственный процесс уже погас и законность прав на него уловить трудно. Объектом слежки мог стать только технологический процесс выделки. Благо, как всякий интенсивный химический процесс, он воняет. Средством классовой борьбы стало ещё одно достояние человеческой натуры — обоняние. Взятые на нюх нелегалы, называемые «кадушечниками», подпадали под уголовное преследование. Директивой облпрокуратуры от 27 августа 1932 года предписывалось «расследование по этим делам проводить в срочном порядке не позднее пяти дней с обязательным рассмотрением дел на предприятиях и в колхозах показательными процессами».[4]

С той забытой поры полушубок, тем более дублёнка, стали символом высокой должности. Мужику шуба при социализме не по чину. Номенклатурно дифференцированный государственный покрой с далёкого подхода выдавал секретаря райкома или просто уполномоченного. И наоборот, самодеятельно сварганенный ко-

жушок и фасоном, и швом выдавал государственного преступника, заслуживающего двухлетнюю отсидку. Пролетарский стандарт быстро нивелировался до классической телогрейки, в гражданском варианте которой имелись два эстетических аксессуара — застегивающиеся обшлага рукавов да шибко пижонистые, внутрь прошитые косые карманы.

Трехлетний гулаговский отпуск корячился и тем, которые опаливали свиные туши при забое. Только беззубый не любит пожевать хрустящую просолённую корочку сального шматка. Шкуру надо было сдать — авангарду рабочего класса требовалась выходная летняя обувь. Контроль упрощался сезонным характером забоя. Сложнее было с самодеятельным производством валенок, квалифицируемым по той же уголовной мере. Ну, право, не уследишь ведь за каждой овцой и за тем, когда её разденут. Навели, худо-бедно, порядок и здесь. Валенки, не проходящие спецодеждой, изымались в случае задолженности по закупкам шерсти. Ремесленников-частников выводили как крыс. В шестидесятых наш деревенский сосед Михаил Галкин, пимокат от Бога, брал заказы при условии изготовления штучной обуви в банях клиентов. Для солидарной ответственности.

Партийно-руководящий стандарт по этой товарной группе нашёл три ярко выраженные ступени, перечислю сверху вниз: светлые бурки, отороченные красной кожей, валенки-чёсанки и пимы заводской катки. Нетрудно представить большевика тех лет визуально, добавьте к сему грязно-зеленый китель, портупею, галифе и усы в сопельку.

Кожзаготовительный кодекс десятилетиями полировали в принципах и тонкостях. Наладили жёсткий учёт чужой живности, нашли действенные средства борьбы со злоумышленниками. Лиц, умыкнувших общественную шкуру, заставили возмещать её стоимость мясом. Шкура шла по рыночным ценам, а мясной эквивалент, естественно, по государственным закупочным. Ну-ну, здесь всё справедливо, ты же мог шкуру и загнать!

В пассив того года, если не принимать во внимание цену исторического опыта, занесём попытку сверхрадикального решения продовольственной проблемы. В её основе, вообще-то, заложен абсолютный биологический факт. Общеизвестно, что кролики до неприличия быстро плодятся. Поразительный феномен, будучи сопряжённым с двумя аналогичными — высокими темпами индустриализации и падежа копытного скота, вывел людей, обладающих достаточно революционным мышлением, к интегрированной сути: «Кролик — основа рабочего снабжения!»

Чтобы идея овладела массами, запустили директивы и планы. Всегазетно и всежурнально пошли комментарии (чуть выше закавычена популярная шапка, под которой они подавались) — от свидетельств, что крольчатина в постоянном ассортименте парижских гастрономов, до научных в слоге статей о неоспоримых преимуществах зайчатины перед скотским мясом. Самым сильным аргументом идеи были графики потенциального роста поголовья, напоминавшие притчу о плате за изобретение шахмат. Начинаешь вроде бы ни с чего, а итоги — ого-го, космического масштаба. Через три месяца завалим диетическим продуктом Европу! В редких колхозах и школах не завели крольчатников...

Идея быстро и бесславно ушла в грунт истории. Природа встала на пути хозяйственного экстремизма. На четвёртом-пятом помёте начался повальный мор поголовья. К тому же было замечено, но не объяснено, что у обобществлённого зайца прогрессивно падает половая активность.

Жизнь на деревне скручивалась в спираль, но укладывалась в принцип, уловленный сто лет назад нашим великим сатириком. Российская действительность, говаривал он, часто подводит соотечественника к оптимистическому выводу — всё, хуже уже не может быть! Ан — нет, назавтра ещё хуже. Постановлением ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 года была полностью запрещена частная торговля хлебом, сей шаг объяснялся необходимостью выполнения плановых госпоставок. Торговлю закрыли на десять месяцев, а там наползла голодуха. Через две недели подельщики — ЦИК и СНК — специальной директивой пообещали «принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистий».[5] Что тут скажешь, солидный документ, концлагерь с первого знакомства.

Темой спекуляции Советская власть спекулировала всегда, выдавая за злейшего врага пролетариата мужичонку, продавшего лишний пуд собственного хлеба. На тот раз броский демагогический пассаж отправил на голодную смерть ту часть деревенщины, которая не имела собственного посева. Государственного пайка деревне не полагалось, и осиротевшие прародители принудительно вербованных, заключенных по заготовительным делам, спецпереселенцев, отсортированные при погрузке, просто одинокие и безлошадные оказались между властью и смертью.

К середине тридцать второго Совдепия загнала мужика в угол, обрезала до костей мякопькие кусочки. Вышел земляк не в сказке, а наяву к тому вещему камню, от которого разбегались три

опасные дороженьки — бежать из колхоза, бежать из деревни или оставаться в колхозе, но по необходимости воровать. На каждой из них мужика ожидали предусмотрительно выставленные кордоны да волчьи ямы. По оперативным данным ОГПУ, бегство из колхозов приняло массовый характер, разваливая целые хозяйства. Страх на Руси быстро приедается. Как только за горизонт уходила очередная партия выселенных, мысль о выходе из колхоза сверлила головы оставшихся.

«Днём 20 июня 1932 года, — повествует докладная Кизеловского РУПа ГПУ, — в деревне Гулино Богоявленского сельсовета без разрешения власти и других организаций было созвано собрание колхозников и единоличников деревень — Гулино, Русскино, Патранят, Кильяново и Киселево Кузьмы-Демьяновского сельсовета и др. На собрании было решено выйти всем из колхозов, рожь разделить по прежним владениям, лошадей развести по домам, а тем хозяевам, лошади которых пали или были проданы колхозом, помочь всем миром. С 21 числа считаться всем единоличниками... 18 и 19 июня многие не вышли на работу... Уполномоченному РИКа было предложено уйти с собрания: «Надоело нам слушать разных представителей, не нужно нам их и Советской власти, которая грабит крестьян».

Дальше событие пошло в уголовный разнос. «Председателю сельсовета было сказано ещё ясней: «Дармоед, сидишь на нашей шее, выбросить его из окна, нам чужих не надо!» Экспансивная Ксения Лучникова запустила в должностное лицо при исполнении шаньгой и, задрав спереди подол, выдала: «Сидите на нашей шее, разорили, просите шерсти — нате, иди надергай!» По получении сведений, эта часть докладной менее интересна, сделан выезд на место происшествия. Арестовано 18 человек. По делу ведутся разработка и следствие.

Страх бывает временами, кушать хочется всегда. Скоро партия найдёт абсолютное средство в борьбе за сплошную коллективизацию — голод. Мужики и бабы со слезами будут проситься в колхоз, а исключение из артели станет равносильно смертному приговору. Но до голода надо было ещё дожить.

Первый раз громыхнуло на изломе лета с принятием постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». Бумага как бумага. В целях укрепления революционной законности статья четвёртая, к примеру, обязывала суды «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, особенно в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества, причём налагать

на виновных строгие меры взыскания». С чего бы так-то? Но самый густой туман гнала статья пятая. «Задача строжайшего соблюдения революционной законности в отношении колхозов и всей массы колхозников, — трактуется в ней, — является задачей особенно важной в условиях, когда большинство трудящихся и крестьян объединились в колхозы».[6]

Законность и колхоз — в документе они притёрты друг к другу, как кирпичи в сооружениях культуры майя, нож подозрений не просунешь ни в один паз. Можно умиляться, если не знать реальной колхозной истории. Самым дотошным лексическим анализом из документа не вышелушить сути, которая оказалась до банальности проста — защитить колхоз от колхозника. Виртуозная прелюдия к драме года звучала недолго. Через полтора месяца основная тема остудит чувства до ужаса.

А пока по стране объявили месячник революционной законности. Предварительной задачей кампании виделось создание комсодов (комитетов содействия) прокуратуре. Под знамёна революции и законности, совместимые только в воспалённом мозгу, призвали номенклатуру и контрагентуру. Поскольку юная душа особенно восприимчива к идее справедливости, поощрялось коллективное участие в работе комсодов комсомольских и пионерских организаций.

Вербовочная кампания стала предметом гордости уральских правозащитников. Судя по отчёту, готовность работать на прокуратуру выразили более ста тысяч человек.[7] Среднестатистическая плотность — пятьсот стукачей на район — оказалась одной из самых высоких в Союзе и обещала весёлую жизнь. Однако благодарность, которую высказала Москва облпрокурору Пальгову, носила, скорее всего, характер текущего морального поощрения. В тридцать седьмом власть о ней забыла, и сам Пальгов критически, видимо, оценил свои прежние заслуги, когда, опережая последний вызов на Лубянку, пустил себе пулю в лоб.

Через нищету и голодные обмороки тащилось село к новому урожаю. И вот, когда деревня уже молилась — слава Богу, нынче ещё не умрём, — на межу встала родная советская власть и защитила хлеб от... колхозника. 7 августа 1932 года вышло совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Документ, известный мировой общественности как «Закон о пяти колосках». В деревне он получил ходкое определение — «дедушкин указ». Про-

казливо-безжалостный староста Страны Советов подписывал самые грязные бумаги.

Заглянем в рафинированную жуть указа. «ЦИК и СНК СССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа... Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.д.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения...

Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

Не применять амнистии к преступникам, осуждённым по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества...

Калинин. Молотов. Енукидзе».[8]

Ну вот, до полного социализма добрались. Лютость довели до упора, теперь не нужно было балансировать на весах Фемиды объём имущества и срок заключения. Расстрелом карался сам факт покусительства. Обвиняемый просто вытряхивался из шкуры гражданина и становился врагом народа. Обратив гражданина в политического преступника, диктатура выносит его ногами вперёд за пределы права. Пусть даже права лакейски послушного. Для тоталитарной власти политическая нелояльность много опаснее любых уголовных преступлений.

Если исходить из идеологии и нормативных документов об относительной самостоятельности колхозной собственности и демократии, самому отпетому судье, который знаком с теорией права, а не практикой ревтрибунала, не подвести бы колхозника под вышку. Шестьдесят лет советская наука вилась ужом, чтобы связать реальное бесправие колхозника с его почётным декоративным статусом. Коль недочёт в понятиях случится, их можно словом заменить. В развитом социализме чего только не наплели по сему предмету. А в тридцать втором не коверкали язык в неологизмах. «Враг народа» — да и только.

Звенящий акцент на охране соцсобственности был, однако, фальшивым. Индивидуальное воровство росло медленно, но быстро деградировало в профессионализме и ассортименте; соотечественники пёрли безыскусно и самые элементарные, покрывающие

утробные потребности вещи. Порочные позывы голодных и пообносившихся граждан были не сравнимы с государственным грабежом и шкалой действующих судебных репрессий. За недоимки в мелких рублях отбирали дома или отправляли в лагеря.

Булыжник был адресован деревне. Дело, конечно же, сводилось не к заботе о неделимых фондах, что ритмично качались между обобществлёнными и частными хозяйствами. Надоело видеть колхоз сезонным, по кампаниям высылки, предприятием. Надо было сделать деревенскую жизнь невозможной вне колхоза. Отобранные у частника коровы, посевы, сельхозинвентарь получили нимб «священных и неприкосновенных», клапан коллективизации начал работать только в одну сторону.

Лепить с ходу вышку за ведро колосков было неудобно. Кого мучила совесть, и мир судей не без добрых людей, других настораживал куцый, без комментариев озлобленный документ. Ведь главное в судопроизводстве – нормативно закреплённая мера. А тут правовое пространство кривилось и плыло как в интеллекте основателя теории относительности. В самом деле, если за ведро собранных колосков стрелять, то за четыре ведра — четвертовать? А за ведро собранной мороженой картошки, которое проходит вещдоком и составом преступления по следующему делу?

Дабы уберечь стеснительных служителей Фемиды от мук совести и революционной необразованности, их вызвали в райкомы на семинары. Слушателям было рекомендовано немедленно выбросить из головы буржуазную, а заодно и аристотелевскую юридическую дребедень. В ответ на непонятные и подозрительные возражения мысль фельдфебельски скорректировали. Кое-что из старого хлама использовать можно, но в полезном делу социализма направлении. Потом с суровой миной присовокупили, что логика, было бы всем известно, наука сугубо классовая. Тут не всякому авторитету надо кланяться. Вот построим мировую коммуну, напишем свою, правильную логику.

Главная задача ликбеза — выбить из юристов страх за вынесение дешёвых смертных приговоров. Дожимали публику терпеливо и методично. Рекомендовалось, в первую голову, придавать процессам о хищении колхозного имущества ярко выраженный политический характер. Прокуратура тотчас же оформила цепное указание в неукоснительно соблюдаемую форму. К судьям, выводящим хищенческие дела из-под дедушкиного указа, напоминала специальная директива, будут приниматься самые серьёзные меры взыскания: снимать с работы и отдавать под суд. Профессионально упрямых идейно рихтовали передовицей «Правды». «В капита-

лизме, — вещало это средоточие периодической лжи, — безработные, из которых капиталистические хозяева выкачали все силы, прибегают к воровству, чтобы не умереть с голоду. У нас в Союзе другое положение...»[9]

В порядке первой практической задачи прокуратурам надлежало подобрать кандидатуры для премьерных показательных процессов. Со смертным приговором. Особо подчеркивалось, что ждать опубликования указа в местной печати и знакомства с ним населения не обязательно. Подобные документы тем и хороши, что сбивают с ног неожиданно. Предельный срок оформления показательно-подрасстрельных дел был установлен Уралобкомом ВКП(б) и облпрокуратурой в две недели. 20 августа все районы Большого Урала сообщили об успешном начале кампании и дали краткие характеристики первых кандидатов.

После стерилизации юристов взялись за служителей прессы. С теми трясти аргументами не стоило, услужливость входила в их служебные обязанности. Акцентировано было приказано начать предварительную идеологическую обработку населения с быстрым переходом на форсаж. Через два-три дня вся печать Союза заиндевела угрозами. Материалы о хлебозаготовках и происках международного империализма, ранее украшавшие первые полосы газет, полетели в корзину. От редакционных статей до бытовой хроники громился врождённый порок колхозника.

Броско, до интимных деталей, подавался компромат. Выворачивалось наизнанку прошлое и настоящее, каждому мелкому проступку объекта наэлектризованной злости придавался характер стратегической антисоветчины. От воображения следователей, гепеусов, идеологических звонарей и других должностных карателей, подталкивающих соотечественника к могиле, требовалась работа на предельных оборотах лжи и подлости...

Николай Шарманов сбежал в город прошлым летом. Жить в деревне стало невозможно. Продал кое-что из построек, а последнюю скотину и кур свёл на двор отца. Переехав в Карабаш, устроился там рабочим на медеплавильный завод. Предприятие то было важное, и дезертира назад не осмелились востребовать. На заводе приняли охотно, по договорам предприятий с Колхозсоюзом следовало за каждую крепостную душу платить пятерку, а тут человек достался бесплатно. Да и кого, кроме подневольной деревенщины, загонишь в медеплавильный цех? На Урале много беззащитных старинных городков, загаженных до лунного ландшафта местными заводами времен индустриализации и ядерной гонки: Кыштым, Касли, Серов, Уфалей, Красноуфимск, Кизел,

Губаха.... Украшает список Карабаш, давно позеленевший от ядовитых газов и копоти.

А Николай был рад и даже советовал старшему брату Герасиму бросить единоличное хозяйство и перебраться на завод. Милая деревенская наивность! И ваш покорный слуга когда-то променял свою землянку на цивилизацию, чтобы, завербовавшись в «Сороковку», всеизвестное теперь атомное объединение «Маяк», тосковать по сельской глуши. Да вечерами, выбравшись за колючку «объекта», собирать мутированные и крупные, как в палеозое, купавки вокруг радиоактивного первого промышленного реактора, любовно названного создателями «Аннушкой». Второй приступ ностальгии сжал сердце при виде нынешних, обезлюдевших руин отработавшего на историю страны 156 объекта.

Жалел Николай только отца, которому шёл седьмой десяток, и те три десятины, что остались беспризорными. Родственники в письмах избегали подробностей, ясно было одно, что его полосы остались неубранными, и деревенская нищета до самой зимы паслась на них. Отец с братом убирать не решились, Николай был обложен индивидуально, значит, всё намолоченное обязательно отберут в заготовки.

В августе тридцать второго Николай приехал домой. В материалах пухлого «Дела по обвинению по закону от 7 августа 1932 года Шарманова Герасима, Шарманова Михаила (отец), Шарманова Николая в хищении колхозного хлеба»[10] не сказано - совсем или на побывку. Скорее всего, в отпуск, потому как привёз в кармане даже кандидатскую партийную карточку. Парень он был работящий и не по-деревенски грамотный. Кулак он и есть кулак. Нехорошую усмешку президиума выдавил руководитель одного из передовых ссыльных леспромхозов, брякнувший на областном совещании: «Конечно, все они кулаки, но работают как лошади, сразу видно, что привыкли жить хорошо».

Сначала убрали рожь с наделов Герасима и отца, после чего решили взглянуть на брошенные Николаем полосы. На поле, густо забитом сорняком, пробивалась падалица. Попытались там да сям покосить. Хоть выбирали места, где самосев был погуще, овчина выделки не стоила. Решили вернуться сюда после того, как управятся с основной работой. Вернуться уже не пришлось. Выезжая с полосы, напоролись на кордон, выставленный сельсоветом; за ними, оказалось, давно следили.

Читателю многое будет непонятным, если не остановиться на вседеревенском детективном сюжете, предшествующем массовым судебным процессам. Оболгать человека до неузнаваемости, чтобы

земляк предстал перед общественностью вполне законченным мерзавцем, для которого расстрельный приговор выглядел бы справедливым, а для народа спасительным, — дело хлопотное, но выполнимое. Для того есть советская печать и народные суды. Сложнее другое — создать на селе психологический климат, приличный обстоятельствам. Нагнать ту степень психоза, при которой нормальный рассудок начинает давать сбои.

Мероприятия по охране соцхлебов открыли введением конных объездчиков. Днём и ночью по полям шастали, лепясь под песенных будёновцев, олошаженные активисты. Сытую и важную работу доверили, разумеется, самым преданным. Гарцевать с выпендрёжем на лице и револьвером на жопе много приятнее, чем, скажем, косить и молотить. О державной ответственности и говорить много не надо. Объездчик мог отправить любого под сень дедушкиного указа.

Ночами на перекрестках дорог, у крупных хлебных массивов и на околицах ховались, оперативно меняя дислокацию, проверяющие каждого святого и лешего дозоры. Острый дефицит стерегущих сельсоветы удумали покрыть обязательным по графику дежурством отработавших в день колхозников. Можно, разрешила власть вышестоящая, но при обязательном условии включения в каждый наряд активистов, состоящих на особом доверии райуправлений ГПУ. В оплате дежурства трудоднями, а ещё наглее - хлебной натурой, было решительно отказано. Бумажно подали чисто теоретический пассаж — охраняют-то своё. Фатально неизбежное — всё равно ведь нажрутся! — говорилось устно.

«Привлечь к охране кроме специально выдвинутого состава, — цитирую типичный райкомовский документ тех времён, — передовых колхозников, разъяснив товарищам, выдвинутым для охраны хлебов, что в случае хищения зерна с их участков они несут перед пролетарским государством строжайшую ответственность».[11] Про расстрелы за недогляд не скажу, развернуть ответственность в эквивалентные сроки заключения доверили местной прокуратуре.

Добро бы пугали только органы карательные. Нет, расстрелом грозил каждый на голову выше коммунара. «Предупреждаем все колхозы и колхозников, — пример политотдельской (МТС) ксивы, — что на полях района уже появились кулацкие парикмахеры, стригуны хлеба на корню и расхитители колхозной собственности. В ряде колхозов вырыты сотни гнёзд картофеля, пойманы на стрижке колосьев дети, посланные родителями... Запретить под угрозой штрафа и уголовной ответственности появление в посевах

колхозов».[12] «Караул! — кричали хором партийно-советские и карательные органы, — колхозники воруют колхозный хлеб!»

Каждому колхознику не поставишь за спину по партработнику или гепеушнику. Мешать ведь будут. На оперативной работе в деревне самым незаменимым остаётся милиционер. Конечно, идеологически он куда слабее, не дурак выпить, но на безрыбьи и мент защитник. Областное управление рабоче-крестьянской милиции предписано местным Анискиным «немедленно и тщательно проинструктировать и дать конкретные задания всей имеющейся осведомительной сети по выявлению фактов расхищения... Форсировать развёртывание широкой осведомительной сети в деревнях, на хуторах, производственных участках, на складах, скотных дворах, на базарах».[13]

Сексоты засели во всех тёмных углах сельской жизни. Поскольку их деятельность строилась на общественных началах, особой эффективностью она не отличалась. Как свидетельствуют оперотчёты, осведомители из-под навоза никогда не давали информации больше, чем стукачи-горожане. Деревенская простодырость и частые пьянки на ограниченном пространстве не располагают к секретной деятельности. Разве это оперативная работа, ругал начальник милиции областной начальника мишкинского, всего два осведомителя на село, оба ходят под одной крышей — «Серп» и с похмелья катают доносы друг на друга.

Местная оперативная инициатива сдерживалась узкой кормовой базой. Дайте немного хлеба, просил начальник Галкинского РО НКВД секретаря райкома, приходится стимулировать осведомителей за счёт пайка сидящих в КПЗ подследственных. Арестованные из-за этого голодают. Сокращайте агентурную сеть, мудро посоветовали сверху, в нашем районе давно нечего воровать.

Означенные события внесли в жизнь дерзкие криминальные штрихи. Директивами райисполкомов было запрещено появление жителей на колхозных полях до самой зимы. Плакали грибочки-ягодки. Всякого шатающегося по лесам и пустошкам естественно заподозрить в злонамеренности. Поэтому объездчики гоняли таковых нещадно, пойманных с пристрастием обыскивали. Застигнутый на полосе вне хозяйственного задания колхозник вызывал самые серьёзные подозрения. Выворачивали не только карманы. Обыскивали дом подозреваемого и его родственников. Для дела хватало и того, что находили в карманах или сумке.

«В период уборочной кампании, — обычный отчёт райисполкома, — совместно с комсомолом было организовано 68 вышек для охраны урожая и вовлечено в дозоры 317 пионеров и школь-

ников». Про вышки и сидящих на них излагать не стоит, тут многое и дельно сказано. Выразительный элемент советского ландшафта. Деревенский патриотизм подзуживает подчеркнуть одно обстоятельство. 68 вышек на микроскопический Лебяжьевский район — это вам ничуть не жиже, чем на легендарной Колыме! Согласен — вышки пониже, публика пожиже, но зато сплошь от Бреста до пролива Лаперуза.

Школа не могла стоять на обочине кампании. Сквозняком прошли директивы о привлечении детей к охране социалистической собственности. «Понято!» — нехотя ответили с мест и обломили летние каникулы. Разочарование с детских физиономий слетело мигом, когда мобилизованных разбили на отряды и взрослые дяди в портупеях поставили задачу. Игра с самого начала обещала быть страшно интересной.

За каждым отрядом закрепили отдельную колхозную полосу или иной объект наблюдения. Вскоре зелёная контрагентура партии, дрожа от доверия, засела в тихих дозорах, подстерегая неосторожных в голоде соседей и родственников. И невдомёк было одинокой старухе, насобиравшей тайком полведра колосков и в вечер арестованной, что заложил ее зоркоглазый соседский пострел, которого она в недавние сытые годы потчевала куличами и крашеными пасхальными яичками.

Сидеть долгими часами в дозорах томительно, больший интерес вызвала игра, вожатые называли её оперативной работой. Кто и что привёз домой с поля, о чём говорили меж собой чужие и домашние, почему скрипели ночью соседские ворота — обо всём этом следовало знать и назавтра, опережая других, рассказать. Тянулись на того парнишку, что сурово из-под ладони смотрел с плаката «Пионер, береги каждый колос!» Любопытство и мучительная детская зависть толкали на поиск. На сборе опять будут хвалить Федьку с пролетарского края, вчера вечером четвёртого вредителя взял. Так, или где-то так думал инфицированный подросток, деловито собираясь в ночную засаду.

Юное стукачество поощряли. Больше морально, добрым гепеусовским словом, заметкой в районке, иногда книжкой-игрушкой. Из самых талантливых, имеющих солидный послужной мартиролог, лепили героев времени и командировали в Артек. Тема повального детского героизма украшала печать и кинохронику. В государственном киноархиве России, что в Красногорске, нашёл интересный документальный фильм об одной из таких реальных героинь — пионерке Оле. Фамилию называть не стоит. Она сдала ОГПУ своих родителей, которых по «закону о пяти колосках» не

то посадили, не то расстреляли. Столь жертвенный и по-советски благородный поступок оценили. Из родной деревни Олю увезли в город, где показывали в школах на торжественных линейках, представляя живым и невинным воплощением чисто советского патриотизма, дарили цветы под пионерские салюты; ровесники, выпытывая подробности героического подвига, хором клялись быть на неё похожими. Когда с героиней познакомились все школы Казани, дело было там, девчонку скинули в детдом, где ей в одиночку предстояло осознать весь ужас содеянного.

Намеренно не хочу заводить долгий разговор о классических пионерах-великомучениках — Павлике Морозове и Коле Мяготине, реальные прообразы которых босиком носились по уральской деревне. Не хочу, потому что детально знаком с делами, сфабрикованными грязными руками, как знаком с беллетристическим навозом, который выпрел из этой идеологической ботвы. Нынешнюю ядовитость по поводу сыновнего предательства Морозовых считаю не менее аморальной, чем прежнюю гордость. Жертвы они, жертвы в более высокой степени, чем взрослые их современники.

Героями они стали потому, что «удачно», вскоре после показательных процессов над местной деревенской антисоветчиной, погибли. Способным мерзавцем надлежало быть, чтобы слепить из бытовой трагедии героический сюжет. Мальчишек морально уродовали при жизни, склоняя к измене родителям, а посмертно долгие годы восславляли предателями семьи. Фальшивой героикой малолеток закрыли гнуснейшее преступление взрослых — преступление перед их детством.

В реабилитацию изуродованных коммунизмом детей приведу ещё один сюжет. Первое августа 1934 года. В Челябинске проводится областной слёт пионеров-дозорников. Слёты проводились повсеместно и даже всесоюзно. Областные журлакеи в газетах дали фотографию пионерки Дуси Аксёновой и душещипательный рассказ о её недавнем подвиге. «Прут врезался в тело девочки... Эта встреча пионерского дозора из деревни Антошкиной Шумихинского района произошла 12 июля. В тот день кулачка Луканина избила пионерку Дусю Аксёнову и приказала ей никому не говорить о ножницах и мешке. Но пионерка-героиня не испугалась угроз кулачки... На днях Луканина будет стоять перед судом, а Дуся — делегат областного слёта пионеров-дозорников».[14]

На слёт собрали более двухсот «героев». В президиум, по протоколу утонченной тирании, посадили тени вождей кремлевских, а натурально — секретаря Челябобкома ВКП(б) Рындина, председателя облисполкома Советникова, секретаря обкома ком-

сомола Раскина... Украшала президиум возведённая в сан областной героини Дуся Аксёнова.

Героиня изумлённо смотрела в украшенный портретами вождей и Павлика Морозова зал, на сидящих рядом очень больших начальников и старалась не забыть, в каком кармане спрятан подготовленный дяденькой журналистом текст выступления. Надо было рассказать о случившемся так, как написано в газете. Правду она почти забыла, а сожалеть по поводу того, что у посаженной соседки остались сиротами две девочки, Дуся по детскому возрасту ещё не умела.

После приветствий от ЦК ВЛКСМ, оргбюро ВЦСПС (от имени 500 тысяч членов!), от обкома партии, НКВД и ещё многих друзей детства выступили сами герои. Все хвалили Дусю и обещали быть похожими на неё. Начальники пионердозоров рапортовали о числе задержанных и посаженных. После рапорта в адрес президиума отдавался пионерский салют, на который там искренне отвечали. Секретарь Челябобкома Рындин говорил последним и о самом главном. Он похвалил Дусю и рассказал, что героев, похожих на неё, в Челябинской области уже много. Примером пошла Тоня Чистова из Нязепетровска. Девочка написала в газету письмо о том, что её отец ворует с завода белое железо. Теперь отец сидит в тюрьме, а Тоня Чистова в этом зале. «Вот это новый человек! — отечески наставлял местный вождь, — вот какие у нас растут люди! Такими людьми мы хотим вас видеть!»[15]

Вернёмся теперь к Шармановым. Они в предзаке Аргаяшского райГПУ. Арестовали их в тот же день, а наутро переправили под конвоем в райцентр. И тут, ну что поделаешь, злую шутку выкинули окольные обстоятельства. Время подпирало к двадцатому числу, а кампания по внедрению «закона семь восьмых» шла в районе туго. Попадались, как на грех, убогие, мало пригодные для показательного судилища старушенции. Выбирать было не из чего, и звонок из Губернского, сообщивший о факте с подозрением на групповуху, оказался весьма кстати. Срочно выслали наряд. Надежды оправдались — во двор ввели ладно сбитых бандитов. С таким материалом можно было работать.

Обвинение предъявили сразу — хищение колхозного хлеба, подпадающее под указ от 7-8-1932. Мужики, считавшие случившееся недоразумением или самодурством председателя, тут не выдержали и взбеленились: «Какой указ, какое колхозное зерно?» Взыскующим спокойно объяснили суть — расстрел или десять лет. А обвинительный гарнир подавали по мере готовности. Вчерне версия сложилась быстро. «Косили?» — спросили каждого из

Шармановых на первом допросе. «Косили, — ответствовали те, — но своё». Признание давало делу ускорение, и следователи, расслабившись, ехидно улыбались при слове «своё».

На следующий день стало ясно, почему. У колхозного дезертира Николая Шарманова надел, оказывается, конфисковали и передали родному колхозу «Революция». Когда выяснилось, что бумаг, подтверждающих сию метаморфозу, нет, обвинители открыли было рты, но потом изящно подложили сущее под должное. С местного начальства за халатность взыщется, успокоили обвиняемых, но есть специальное на этот случай постановление правительства. В любом случае николаевский надел давно предписано считать священным и неприкосновенным.

На нашем наделе, полез в казуистику упрямый Герасим, колхоз не убирал осенью и не сеял весной, откуда же взяться колхозному хлебу. Раз земля де-юре общественная, дали понять темноте, значит каждая былинка на ней – достояние народное.

Для выявления материального ущерба, нанесённого пролетарскому государству, создали комиссию: председатель колхоза, член правления и секретарь партячейки. Очень заинтересованные персоны, обладающие богатым воображением и тонким политическим чутьем, установили, что пострадал примерно один гектар с видовой урожайностью 80 пудов. На месте был оформлен иск артели к обвиняемым на двенадцать центнеров хлеба. На нынешних посевах в колхозе уродилось до пяти без малого центнеров. А тут, видишь ли, падалица выдурела!

Протокол обыска солиден и красноречив, в двух дворах обнаружено почти шесть центнеров хлеба. «Рожь с братом и отцом с полей не воровал, — говорил на допросе Николай, — отец и Герасим никогда воровством не занимались, до революции отец батрачил... Откуда рожь у отца? Её дал Герасим, у него всё своё, с собственного поля». Две с лишком десятины отца и Герасима, убранные накануне и усложняющие следствие, из дела напрочь выбросили. Его бы тогда не слепить. Прикинь видовую урожайность падалицы на законно убранную площадь, — Шармановым самим впору писать заявление как потерпевшим. Сорок пудов с десятины, показанные Шармановыми, объясняли всё. Но Аннушка уже купила подсолнечное масло — ушёл рапорт в областную прокуратуру, озадачена местная печать. Следствие фатально покатилось в нужную сторону.

Общественное мнение не заставило себя ждать. Первой отреагировала советская власть. «Справка дана гражданину Шарманову Николаю в том, что он действительно обложен индивидуально,

лишён права голоса и ликвидирован как класс в 1930 году, что и удостоверяется. Губернский сельсовет. Аргаяшский район».[16] Такую же под трафарет выдали остальным.

Следствию документы не понравились, и власть тотчас характеристики усугубила. «Справка дана гр-ну Шарманову Николаю в том, что он в 1931 году пролез в колхоз «Революция» и вел агитацию, говоря, что колхоз не будет существовать, партия ведёт нас неправильно, что колхоз — это крепостное право. Всяческими мерами пытался разложить колхоз». «Ну вот, совсем другое дело!» — похвалили органы, такого подлеца и помимо хлеба не жалко прислонить к стене.

Польщенного председателя сельсовета понесло, он моментально накатал свидетельство, обозначив в конце даже свои партийные реквизиты. «Шармановы весной 1930 года практически развалили колхоз, спекулируя статьёй тов.Сталина, в результате чего колхозники растащили скот и инвентарь по домам». А самый резвый старший брат (опять этот Герасим), следовало в доносе, говорил, что статья тов.Сталина вышла не напрасно, Сталин, мол, струсил перед крестовым походом папы римского.

За это-то обязательно должны шлёпнуть, прикинул автор. Партия ненавидела папу римского всегда, в те времена аж до скрипа в челюстях. Через пару лет на нары отправят и председателя сельсовета Пряхина, но до изложения коллизий, связанных с таким печальным фактом, ещё три главы.

Газета «Карабашский рабочий» в статье «Не позволим кулакам расхищать колхозное имущество!» за подписью мифического Н. Северного заклеймила позором бывшего передовика медеплавильного завода Шарманова и потребовала расстрела всех бандитов. Сволочью оказался передовичок-то, все, оказывается, это видели. Единодушное требование смертного приговора подавалось от имени рабочих, но сопоставление текста статьи с одним протоколом допроса выдает с головой автора — политинспектора Карабашского ГПУ и склонного к выпивке сторожа.

Голос прогрессивной общественности загремел. На следующий день, крупным шрифтом известила газета, президиум Кузнецкого сельсовета полным составом единогласно потребовал расстрела. Президиум, забыла упомянуть газета, состоял из пяти человек. Маленькая деревенька, греющаяся под самым брюхом «Сороковки» и более известная милым названием Тютняры, так и не знает о своём вкладе в дело укрепления ревзаконности.

18 августа основные силы Аргаяшского и Карабашского ГПУ нагрянули в колхоз «Революция». Срочно приглашенных убогих и

преданных, кои обнаружили себя числом в восемнадцать душ, назвали бригадным колхозным собранием и вынесли резолюцию: «С постановлением карабашских рабочих о применении к Шармановым высшей меры социальной защиты — расстрела солидаризироваться». Голосовали единогласно.

Перед отбытием пригласили на допрос четырех соседей обвиняемых. Двое оказались покладистыми, попросив не разглашать деревенским содержание показаний. Двое отказались от сотрудничества с органами наотрез, о чём в сельсовет было дано соответствующее представление. Одного сразу же внесли в списки годных к высылке с краткой и неисправимой антисоветской характеристикой — кержак. С другим обстоятельно побеседовали — не мог, вражина, помочь родной советской власти!

К середине сентября дело вызрело как огурчик. Гепеушники располагали на общеуральскую славу. Позвонили в Свердловск, но оказались, увы, дале-е-ко не первыми. Затянули с подбором кадра. Открытый процесс над Шармановыми состоялся только 28 сентября. Изложение приговора не требует комментариев. «Суд, учитывая политическую важность совершения преступления обвиняемых как особо опасных для государства и общества, решил применить к ним полностью постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года и подвергнуть к высшей мере социальной защиты — расстрелу (каждого). Применить полную конфискацию имущества. Председатель суда Максимов».[17]

Определением судебной коллегии Верхсуда РСФСР от 14 октября 1932 года приговор в отношении Шарманова Михаила и Николая заменен десятью годами, Герасиму оставили высшую меру. У расстрелянного хищенца помимо жизни изъято в пользу пролетарского государства: «тулуп, прорезиненный плащ, часы настенные, одеяло стёганное, шуба, пара рубашек и калош, пальто суконное, две пары пимов, сани, три колеса, дуга, самодельный точильный станок и корова пёстрая (одна)».[18]

Так делались показательные процессы. Их было немного, один-два на каждый из двухсот районов Уральской области. Персонажи для них подбирались очень тщательно, во избежание чувства жалости со стороны населения отбраковывали престарелых и малолеток. Подрасстрельные дела следовало утверждать в Верховном Суде, и до его окончательного решения приводить приговор в исполнение запрещалось. С делами показательных процессов в Москве поступали так. Если следствие проведено искусно и из-под шапки не торчат уши, утверждали смертный приговор всем обвиняемым. Попутно добавлю, что при подборе

уголовного кадра предпочтение всегда отдавалось групповому хищению. «Кулацкая банда» на суде смотрелась куда выигрышнее, чем вор-одиночка. Когда же дело отдавало морёной липой, расстрел давали тому, кто лучше изъяснялся в антисоветчине. Остальных великодушно отправляли в концлагерь.

К началу октября показательные процессы отгремели, и суды перешли на режим тихой провинциальной жестокости. Отлетела в прошлое волокита, не надо было ждать выездной бригады. В ряде районов решили, что авторитета облсуда вполне достаточно и, после утверждения приговоров коллегией, осуждённых шлёпнули. Так поступать нехорошо, отечески пожурила торопливых облпрокуратура, надо бы подождать решения Верховного Суда. Все хорошо понимали, что творят. Даже последняя сволочь боится суда потомков. Большевики и их праволакеи боялись особенно. «Сведения по делам, связанным с законами от 7 и 22 августа, — строго обязывает Уралпрокуратура, — должны быть зашифрованы».[19]

Сурово глядели в сторону тех, кто ослаблял вожжи. Прошло несколько подстегивающих директив Наркомюста, Верхсуда и Прокуратуры СССР, на основании которых сердобольных взяли в оборот. «За ряд грубейших нарушений революционной законности, — сезонная бумага той осени, — за притупление и искажение классовой линии, выразившееся в оправдании кулацких хозяйств по суду за кражу колхозного хлеба, нарсудью Шарыкалова с работы снять».[20] Десятки судей слетели с тёплых мест. Тысячи приговоров были опротестованы. У нас таких случаев, к счастью, нет, говорил председатель Уралсуда Чудновский, но на коллегии Верхсуда приводились факты, когда судьи вместо того, чтобы вынести ВМН хищенцу, трусливо пускали пулю в себя.

Провинциальные правозащитники, верные больше себе, чем закону, подняли такой вихрь подрасстрельных приговоров, что ввергли в ужас даже власть предержащих. За первые шесть месяцев работы с «законом о пяти колосках» уральские суды отправили на плаху 763 хищенца. Коллегией Версуда СССР неоднократно указывалось, что местные суды во избежание упрёков в мягкотелости просто тиражируют смертные приговоры по всякому пустяковому обвинению в краже.[21]

Возмущение, всего скорее, вызывала не сатанинская свирепость, а факт перекладывания ответственности на московских чиновников. Не потому ли 90% следственных дел по «дедушкиному указу», преимущественно с подрасстрельными приговорами, было уничтожено. Осторожно раздвинем мох и заглянем в позеленевшую от времени глубину тихого судебного болота.

Дело по обвинению Балтыкова Гарифзяна и Балтыковой Шамсии внешним видом, почерком и следственной манерой тянет на шедевр туземно-революционной законности. События имели место в деревне Сюзана Бардымского района (под Сарапулом) и начались несколько поэтически. Нахиба, младшенькая, играла во дворе у стен соседского амбара, который полтора года назад со ссылкой хозяев стал колхозным. Очень наблюдательная, как всякий голодный, девочка заметила, что куры, нырнувшие под него, вылазят повеселевшими, бойко отряхиваются и даже проявляют интерес к петуху. Рыть пришлось недолго, и к полудню лаз был готов. В щель между половицами тихо струилось зерно. Напоточив карманы ржи, Нахиба вылезла и замаскировала ход.

Старший брат, узнав об открытии сестрёнки, велел той молчать, а в вечер отправились на дело вдвоём. Под амбар полезла сестра, ход был узенький, брат отнёс сумку ржи домой. Договорились под амбар без надобности не ходить. Сестрица не выдержала и назавтра, жалея голодную семилетнюю подружку, прямо при ней слазила в закрома и высыпала в маленькую пригоршню горсть зерна. Та, глупая и радостная, вылетела на улицу...

К Балтыковым пришли вскоре. Гарифзян начал было отнекиваться, заявил, что давно любит Советскую власть и она его тоже, в подтверждение чего показал депутатский мандат районного съезда. Мандат сунули в плоскую полевую сумку и велели собираться. У Шамсии не было ни льготных бумаг, ни жилистных нервов, и она от дурных предчувствий разрыдалась.

Родителей увели, а непосредственных исполнителей акции пригласили к допросу. Протокол допроса Балтыковой Нахибы открывают анкетные данные. «Возраст — 11 лет, социальное положение — доч кулака раскулаченного, род занятий — доч кулака, имущественное положение — доч кулака, семейное положение — несовершеннолетняя». По существу дела Нахиба показала, что под пол амбара ходила с разрешения матери. Так перевел всхлипывания малолетней хищенки толмач. Тринадцатилетний брат Гафият на допросе признался, что ходил под амбар с сестрой, но пионером оказался никудышным, твёрдо заявив, что ни мать, ни отец ничего об этом не знали.

Приглашенная на допрос семилетняя подружка Нахибы как только увидела дяденьку в портупеях, дала не воспроизводимого протокольно рёву. Следователю оставалось только ласково задавать вопросы, в ответ на которые не понимающая ни слова по-русски девочка испуганно кивала. Услуги толмача, подписавшего протоколы допроса старших, тут не понадобились. Можно обви-

пить меня в вымысле деталей. Но каждый нормальный человек поймёт, что дело было именно так. Протокола допроса девчонки в материалах нет, однако обвинительное заключение опирается на её показания, как одноногий на протез.

Тем временем на родителей жарился компромат. Экстренным заседанием Батырбаевского сельского Совета было установлено, что Балтыков Гарифзян до революции имел середняцкое хозяйство, в настоящее время это новый советский кулак. Из справки, поступившей вслед за этим, явствовало, что обвиняемый «разбазаривал своё имущество, а сам дизертир». За несдачу твёрдого задания в прошлом году оштрафован четырехкратно, и пришло время «через 24 часа изъять имущество и передать дело в суд для привлечения к ответственности». У нового советского кулака Балтыкова конфискованы «дом, топор, два серпа и сковоротка». Гарифзяну и Шамсие Балтыковым дали по десять лет концлагеря. Детей скинули в Сарапульский детприёмник.[22]

Следственное дело по обвинению Чапкасова Севостьяна Лукича, жителя Куединского района, в хищении общественного имущества совсем серенькое. Ни основной темой, ни бытовой обстановкой, в которой вызрело преступление, ни приговором, наконец, оно не выделяется. Кроме архивных реквизитов на титуле нет привычных отметок проверяющих инстанций, скорее всего после следователя его уже никто не открывал. Область и Москву дела не подрасстрельные интересовали мало.

Самым заметным документом дела является, пожалуй, акт председателя артели «Броня». Бывший кладовщик мыслил конкретно и хорошо умел писать акты на списание материальных ценностей. В акте на списание Чапкасова Севостьяна было указано, что поименованный имел до революции корову, лошадь, четверть молотилки и двенадцатую часть водяной мельницы. Развёрнутое обвинение кладовщик-выдвиженец закончил изысканно: «Просим привлечь преступника и растратчика к строгой ответственности как хищника колхозного имущества». И посоветовал судьям дать бывшему кулаку расстрел.

Теперь вместе со следователем послушаем обвиняемого. Ранней весной тридцать второго у Чапкасовых отобрали в колхоз двух коров, да так и не вернули. Начал было возмущаться, но в сельсовете пригрозили выслать. На Север не сослали, но под принудительную вербовку подвели. С первым же нарядом отправили в Свердловск на стройку. Летом вернулся в деревню. Под концлагерь подвели свои же кормилицы. «Бывшие мои коровы были в колхозе, — дословно по протоколу допроса, — но как-то в ию-

ле открыли ворота и сами вошли во двор, а жена моя возьми да и подои их...» Приговор от 10 января 1933 года — десять лет лагерей и конфискация всего имущества: пять грядок, топор, два ведра, рукомойник, два чугунка, две подушки, одеяло, две юбки, два сарафана.[23] Сам обвиняемый ходил в последнем. Как тогда говорили, что к Введенью, то и к е..нью.

Те же десять лет концлагеря, но с глубокой благодарностью принял Васильев Ефим из деревни Хохлы Шумихинского района. Бригадир поймал его с ведром колосков. В сопроводиловке, направленной прокурору, местные власти настоятельно просили дать преступнику расстрел. В ней-то и вся изюминка.

Год выдался неурожайный. Через засуху и ужасающую бесхозяйственность проглядывала голодуха. Да и «закон о пяти колосках» доказывал, что партийное руководство страны уже смирилось с неизбежностью голодомора, поэтому под страхом смерти предельно концентрировало хлебные ресурсы. Многим стало ясно — плановые заготовки никак не выполнить, значит, полетят по свежему снегу головушки холопов и ответработников. Одни безучастно уповали на судьбу, другие пытались сбросить с плеч хотя бы часть ответственности.

В дело Васильева Ефима вложили полезную дополняющую информацию о том, что в колхозе имени Махова, где числился обвиняемый, за время этой уборочной потеряно от срезания колосьев около 150 пудов хлеба. Скоро сотни центнеров и пудов, якобы потерянных от хищений, стали повальной модой в делах по «указу семь восьмых». Теперь понятно, почему руководство колхозов и сельсоветы старательно отлавливали хищенцев и слёзно просили влепить им вышку. Расстрел придавал взятым с потолка потерям характер судебно зафиксированного факта. Благодаря такому манёвру удавалось вместо себя отправить на тот свет или на нары мелочного хищенца.

В нашем случае полтораста пудов прозвучали убедительнее ведра колосков, и просьбу общественности уважили. 12 ноября 1932 года Ефиму Егоровичу вручили под расписку копию приговора с путёвкой на тот свет. Просидев в камере смертников ровно месяц, получил спасительное известие о замене расстрела концлагерем. Дело тут не в милосердии члена Верховного Суда РСФСР Нахимсона, подписавшего спасительную телеграмму. Просто в следственных документах не оказалось акта конфискации. Москва приняла это за халатность судей. Но акта и не могло быть. Васильев был гол как сокол с тех пор, как пришел из Красной Армии, в которой защищал новую власть от Колчака.[24]

Следственное дело по обвинению Дерюшева Еремея Евлампиевича, жителя деревни Колюшево Сарапульского района, можно отнести к классике советского правосудия. Оно могло бы стать и классикой соцреализма, попади в мастеровые руки. События здесь развиваются в закономерном историческом векторе, антагонизм классов доведён до цвета побежалости, и финал, несмотря на трагические нотки, звучит жизнеутверждающе.

Характеристику обвиняемого расшифровывать не стоит. Махровый в прошлом кулак, тусклый осколок прошлого, большой семейный куст которого сослали на Север. Анкета положительного героя безупречна: «Холмогоров Иван Александрович, образование — два класса сельской школы, социальное положение — бедняк, род занятий — ученик, партийность — пионер».

«После кина иду я домой часов в двенадцать ночи, — старательно выведено мальчишкой, — смотрю — идет Дерюшев Еремей и несёт один аржаной сноп...» Далее события уходят в чистый детектив. Злоумышленник тоже увидел мальчишку, положил сноп на землю и забежал в собственный двор. Укрывшись за столбом ворот, стал ждать, когда пройдет неожиданный свидетель. Пионер пошел на оперативную хитрость, завернул за угол, но тут же присел за палисадник и продолжил наблюдение. Преступник выскочил и, боязливо озираясь, упёр сноп во двор.

Из Вани Холмогорова успели выделать хорошего пионера, и он, да простит его Бог, утром рассказал всё кому надо. Хищенец варил аржаную кашу, когда за ним пришли. Обвинение по «указу о пяти колосках» и обещание расстрела он встретил совсем спокойно, как знал, что всевышний его спасёт. 20 января 1933 года, за неделю до суда, Еремей Евлампиевич умер в камере исправдома. Ему было семьдесят девять лет.[25]

Читателю может показаться тенденциозным подбор следственных дел. Нет, они взяты подряд из тех материалов, что сохранились в уральских архивах и имеют отношение к деревне. В тридцать втором страна катилась в бездну. Первой жертвой большевистского дурелома стала крестьянская старость. Колхозников ещё как-никак авансировали, не давая умереть с голоду. А весь несоциалистический угол деревни советская власть дедушкиным указом просто списала со счетов бытия. Мы подошли к другой тихой подлости коммунистического режима. Не воровство стало причиной безжалостного указа, а наоборот. Насильственный перевод колхозов с распределения по едокам, как-то спасавшего сельскую нищету, на строго контролируемое властью авансирование оставил всех неработающих наедине с голодной смертью. Отныне

всякая благотворительность со стороны артелей подпадала под хищение государственного имущества.

В августе вся опухающая от голода деревенская убогость выползла на поля. Вначале смиренно собирали колоски с убранных полей. Однако кремлёвские Плюшкины, пустившие по ветру великую страну, нашли собирательство противозаконным и выперли старых с полос. Взамен нагнали школьников, найденное ими называлось пионерским вкладом в урожай.

Старики в силу-необходимость, говорят у нас, стали красть. Злейшими врагами социализма объявили «парикмахеров», тайно срезавших колосья. Уголовный промысел «парикмахеров» мне хорошо знаком, могу сказать о нем довольно квалифицированно. До ночи обычно пережидали в лесу, по темноте выползали к хлебам и аккуратненько срезали колосья. Делать это надо было с толком. Если есть куда спрятать солому, режь пониже, чтобы не оставалось комельков. Когда полоса стояла на отшибе, ничего не поделаешь — резали самые вершки, но обязательно вразброс. Крайние колосья никогда не трогали, сразу заметят. Чтобы на полосе не оставалось заминов, вглубь посылали маленьких. Возвращались ночью, минуя дороги и возможные места засады, избегали дважды резать в одном месте.

Документально пройдусь по «парикмахерам» только одним делом. В деревне Скоблино Юргамышского района на колхозном поле орудовала «кулацкая банда». Её спугнули. Сторож на следствии нёс что-то про плохое зрение и осечку. Молодёжной засадой поймали одного из преступников — Петра Махнина. При нём оказалось ведро проса. От взятого чисто дедуктивным методом вышли на остальных. На скамью подсудимых сели: Дудина Вера — 45 лет, Репнина Татьяна — 56 лет, Дудина Парасковья — 70 лет, Дудин Леонтий — 77 лет и известный вам Петр Махнин — 80 лет. Приговором суда от 12-12-1932 преступницы подвергнуты лишению свободы на десять лет каждая с конфискацией имущества. Мужикам удалось обмануть советское правосудие, оба умерли до суда в камере Курганского исправдома.[26]

Из многих дел, связанных с хищением святой и неприкосновенной, это дело будет, пожалуй, самым классическим. В нём совершенно нет криминальной экзотики и даже тех обстоятельств, которые выходили бы за рамки колхозной обыденщины.

Итак, деревня Кокушки Исетского района (ныне Тюменская область), 17 ноября 1932 года. Колхоз «Коммунар», бабий более, чем на 80 %. Когда в молотилке что-то заклинило, бригадир Осколков Яков отогнал голодных женщин от вороха зерна и половы.

Те, прячась от холода, нырнули в скирду соломы. Занятый ремонтом агрегата бригадир, тем не менее, заметил, что сначала Викулова Наталья, а затем Викулова Апросинья подбежали к ворохам и нагребли что-то в корзины, которые крадучись зарыли в солому.

«Обнаружили, — читаю показания этого тридцатилетнего, но глупого мужика, — по 10 фунтов пшеницы у каждой... У Викуловой Апросиньи пшеницу изъяли и высыпали в ворох». Вторая, гласит протокол освидетельствования, высыпала украденное сама. По короткому ли уму, а может, по злой душе бригадир вызвал уполномоченного ГПУ. Чем, собственно, всё и решил. Женщин немедленно арестовали. Напомню, по указу не имело значение, воспользовался результатами кражи или нет.

Обвиняемая Викулова Ефросинья Герасимовна, 22 лет, показала, что «действительно нагребла в колхозе мякины с дороги, а не пшеницы, пшеницы совсем не было». Вторая обвиняемая — Викулова Наталья Ефимовна, 25 лет, тоже утверждала, что нагребла мякины, а не зерно. Свидетели ничего вразумительного сказать не смогли. Куда и зачем ходили бабы, никто не знал. Видели лишь то, что одна высыпала что-то в ворох отходов.

19 ноября 1932 года народный суд Исетского района приговорил каждую из обвиняемых к десяти годам заключения. На суде бабы просто ревели, у Натальи Викуловой уходила в сиротство семимесячная дочь. Сомнительность факта кражи и просьба жителей деревни простить молодух судом во внимание не были приняты. Судьи хорошо знали политическую суть «дедушкиного указа», состоящую в том, чтобы напугать деревню до смерти. По приговору у Натальи конфисковали в пользу государства дом, амбар, конюшню, стайку и корову — всего на 530 рублей. Остальное имущество обобществили в колхоз «Коммунар». У её «подельщицы» отобрали имущества на 460 рублей.

30 января 1932 года уголовно-кассационная коллегия областного суда оставила приговор без изменения. Оставлено без ответа коллективное письмо жителей деревни. 4 марта 1933 года в правление колхоза пришла открытка, на рисунке веером разлетались самолёты. «Посылая письмо воздушным путём, — призывал плакат, — способствуешь мощному росту авиации СССР!» На обратной стороне открытки сообщалось, что Викулова Наталья и Викулова Ефросинья благополучно прибыли в Пермский домзак.[27]

Вот так — расстрелами да лагерями вбивали в нас чувство общенародной собственности. Вбили до животного страха, глубже сознания. Теперь и не ясно, то ли инстинктивный страх, то ли боль обнаженной совести, взращённой той же вседержавной бед-

ностью, не дают кинуться в свору жадно приватизирующих и отхватить ломоть священной и неприкосновенной. С души тянет, слишком долго и щедро плачено судьбами за то, что сейчас так легко липнет к суетливым и очень немозолистым рукам.

Если ты так умён, говорят смешливые американцы, почему такой бедный. Хмурому соотечественнику заокеанского юмора не понять. Россия навечно избрала свою нищету. Никакой видимой связи ума и труда с собственностью у нас давно нет. Интеллектуально одарённые тлеют в гордости скудобытия. Велика беда — штаны заштопаны в серёдыше! Если шагать не размашисто, то и не видно. Их отдающий нафталином багаж во времена, когда бал правят барыш и похоть, годен разве что для внутридушевного самоистязания. Эти будут смиренно копаться в себе, либо за гроши эстетизировать чужое распутство.

Вернёмся к нашему историческому материалу. «С момента издания закона от 7 августа 1932 года, — читаем отчёт Уральского облсуда, — общее количество осуждённых увеличилось на 15884 человека... За период с августа 1932 года по май 1933 года осуждено 17643 человека. Нарсуды с момента издания закона к его применению относились весьма осторожно и проводили в жизнь более или менее дифференцированно. Были случаи недооценки закона и его политической сущности. За применение мягких мер социальной защиты облсудом вынесены выговора ряду судебных работников... За мягкость приговоров коллегией облсуда было отменено 1535 приговоров. С постановления Наркомюста от 10 февраля 1933 года отмечается перелом в судебной работе в сторону увеличения применения статьи 162».[28]

Поясню этот юридический ход. Жестокость провинциальных судов прямо-таки обескуражила Москву. Смертные приговоры подешевели, вошли в привычку и были поставлены на короткий конвейер — следственное дело, приговор, утверждение списком на коллегии областного суда и в столице. Пресса сифонила в такт репрессиям. «Общее собрание бригады № 1 колхоза «Красный броневик» к ворам колхозного хлеба требует применить высшую меру наказания!» Или: «Рабочие кожзавода требуют расстрела преступников и обязуются в ответ на классовую месть укрепить трудовую дисциплину, ряды общества содействия обороне, повысить классовую бдительность!» Как тут не уважить рабочий класс и трудовое крестьянство? Газетные заметки, старательно вшитые в дело, шли за документальное свидетельство общественности и выводили обвиняемых на плаху.

«Перестреляют всех, черти!» — подумали в Кремле и Наркомюсте. Но ругать или пугать судей не стоило. Их усердие даже радовало, работали они на износ. Верхи понимали — пошли сейчас погромную директиву, и судьи, облегченно вздохнув, завалят и революционную законность, и хлебозаготовки. Поэтому зимой тридцать третьего Наркомат юстиции осторожненько сдвинул карателей на применение статьи 162 УК, в которой расклад сроков заключения был впечатляющим, но без ВМН.

По данным Уралоблпрокуратуры на май 1933 года, 763 приговора — расстрел, 961 — десять лет заключения, 305 — менее десяти лет, 165 — принудительнве работы. «Основной контингент осуждённых — трудящиеся, колхозники, середняки, бедняки — 8163 человека — 74%. В основном колхозники — 3 616 человек. Кроме того, проводились суды и по другим кампаниям. Число осуждённых по хлебозаготовкам, налогам, недоимкам и т.д. составило 27,7 тысячи человек, в том числе 171 человек к расстрелу, 11 тысяч человек — от пяти до десяти лет. Среди всех осуждённых — около 50 тысяч человек — 87% трудящиеся».[29]

Если кому-то приведённые цифры покажутся неубедительными, расстреляно «всего» около восьмисот человек (без шлёпнутых по другим хлебным делам), то сначала подчеркну, речь идёт о полугодовых итогах, когда суды только раскачивались. И потом скажу главное — собака зарыта в самом отчёте.

Экономическое образование культивирует заложенную в человеке скупость, медицинское — мягкосердечие, а образование юридическое придаёт врождённой жуликоватости характер профессиональной изворотливости. В отчёте уральских юристов сказано, что по закону «о пяти колосках» осуждено более 17 тысяч человек, а приговоры даны на две с небольшим тысячи. Только классово однокровных трудящихся прошло по суду более восьми тысяч. Где же остальные пятнадцать тысяч преступников? Оправдали? Да за такую оппортунистическую слизь весь персонал уральского правосудия до поломоек поставили бы к стенке.

Хитрее было дело, хитрее! Многие тысячи судебных дел ждали утверждения в коллегии Верховного Суда. Там тоже работали не лошади. Умножьте-ка толпу уральских осуждённых на число краёв и областей необъятного Союза. На слух выйдет где-то недельная пулемётная очередь. А ведь каждое дело нужно зарегистрировать входяще и исходяще, хотя бы для видимости полистать, написать резолюцию, оприходовать итоги... Осуждённые в сентябре ждали решения своей судьбы порой по три-четыре месяца.

Однако большая часть дел консервировалась в Свердловске. В обкоме партии и облсуде рисковать не любили. Прежде, чем отправлять документы на коллегию Верхсуда, жизненно важно было знать степень ожесточения карателей столичных. Не по падоям же отчитывались. За материалы показательных процессов не боялись, приговоры по ним и шли в отчёт. Не один опорный край державы, все области и веси ждали полугодовой отчёт Верховного Суда и Прокуратуры СССР, чтобы скорректировать залежавшиеся приговоры под среднесоюзный уровень уголовной культуры. Местные предзаки молили партийное руководство что-то сделать — до расстрела или концлагеря многочисленную преступную рать надо было кормить и охранять. Чёрт с ним, с питанием. «Не хватает надзирателей, — бьёт челом об обком уральское ГПУ в конце тридцать второго, — их в три раза меньше, чем того требуется». Вскоре власть примет самые радикальные меры по разгрузке мест заключения.

Сложная это штука — юриспруденция, не уму она подвластна, а терпеливому осязанию. «Мне сначала дали пять, — вспоминает сосед-рыбачок про год сорок седьмой, — за ведро гороха. Отсидел два года, добавили два. Стало восемь». «Как это, — удивился я, — что-то тут с арифметикой не лезет». «Сразу видно, что не сидел, — разочарованно ответил сосед, — слабо петришь». Потом, когда закурили, дед лукаво улыбнулся и пояснил: «Коэхфициент два-то, а ишшо учёный!» Правда твоя, Иван, если из десяти лет вычесть два отбытых, получится где-то семь-восемь.

Пятнадцать лет кряду, до указа сорок седьмого, «закон о пяти колосках» охранял от деревенщины результаты её труда. Кампании то ужесточались, то уплывали на второй план. Всё зависело от того, проваливалась ли страна в голодомор или удерживалась на плаву терпимой нужды. Особенно лютовали первые три года. «Мало расстрелов!» — возмущался нарком юстиции Крыленко в директиве от 13 ноября 1932 года. Что за порядки, если в Западной области к расстрелу присуждено только 704 человека? Судам приказывалось не применять в делах о хищениях статью 51 УК как очень слабую. В исключительных случаях, когда обвинение было фальшивым от корки до корки, разрешалось кассационным коллегиям отталкиваться ею от истцов.[30]

Тому же Наркомюсту, столкнувшему зимой тридцать третьего судопроизводство на применение статьи 162 УК, исключающей расстрел, Кремль скоро накрутил хвост. Тотчас на места пошли разъяснения, статья не подменяет указа «семь восьмых», а лишь

выводит из-под него кражи, не имеющие политического значения. Пять лет за ведро колосков всё-таки справедливее расстрела.

В сентябре тридцать четвёртого Верховный Суд СССР рассмотрел вопрос «Об итогах судебных органов по борьбе с хищениями социалистической собственности». «Имеющийся материал об осуждённых, — читаем в резолюции, — говорит о сильном сокращении числа осуждённых по закону от 7 августа 1932 года». На Украине, с озабоченностью констатирует документ, доля следственных дел по «закону о пяти колосках» составляет только 5% от общего судопроизводства, общесоюзный же уровень стабилен — 12-13% от всех дел.[31]

Наши судьи смотрели на украинских коллег с укоризной. На Урале всё было в ажуре, под указ влезало почти каждое пятое дело. Тоску участников того же 48-го пленума Верховного Суда СССР вызвало резкое сокращение числа острых форм репрессий. Так на языке юристов-большевиков образно называется вышак. Действительно, ну о какой сохранности социалистической собственности можно говорить, если по показательным процессам осенью тридцать второго к расстрелу приговорили в среднем трёх с половиной человек из пяти обвиняемых, по результатам года тридцать третьего — каждого пятого, а в первом полугодии тридцать четвёртого – только каждого сто двадцатого?

Стрелять начали чаще. Но зимой тридцать пятого с голодом маленько отпустило, и постановлением Верховного Суда С-59/483 ситуацию выправили по горизонту. «Суды продолжают до сих пор применять закон от 7 августа 1932 года в случаях хищений, совершаемых трудящимися по нужде, по несознательности, при незначительности похищенного и в случаях, когда вовсе нет хищения соцсобственности».[32] Уральские прокуроры и эту мысль нашли своевременной, вдруг осознав тот оскорбительный для местного социализма факт, что девять из десяти осуждённых по указу – бедняки или трудящиеся, а восемь обладают чересдефисной совокупностью данных качеств.

Во времена совершенно забытого голода на изломе 1936–1937 годов «закон о пяти колосках», давя ссылки на нужду, несознательность и незначительность, опять взлетел до фортиссимо. Но вскоре, ещё могилы расстрелянных не просели, стих. Год тридцать седьмой выдался урожайным. На хлеб и врагов народа. Стрелять стали больше, но по другому поводу.

«Закон о пяти колосках», как норма прямого оглушающего действия, оказался инструментом универсальным, применительным во всех сферах социальной жизни. Из куцей бумаженции,

подписанной самыми лакеистыми из вождей, со временем вырос кукушонок, вытолкнувший из советского правосудия многие слабокарательные статьи. Под «семь восьмых» попал обычный падёж скота и птицы, порча хлеба и завышение цен, неплановые перевозки и перерасход горючего, потеря и порча запчастей,...

С вороватыми колхозами, как и колхозниками, расправлялись на месте. «За допущение потерь хлеба, — примерно так, — за массовое воровство, за укрывательство, за развал трудовой дисциплины, за громадный падёж скота... распустить колхоз имени Сталина Бутыринского сельсовета, колхоз имени Сталина Лихачёвского сельсовета...»[33] Сначала пробовали лишать артели высоких имён, но колхозники сожаления не выразили. Власть перешла от пустых деклараций к поступкам серьёзным.

Если думаете, что мужики обрадовались, выпав из коллективного ярма, то глубоко ошибаетесь. Значит, недооценили политическую сущность «дедушкиного указа». А заодно и мудрость соввласти. В конце тридцать второго инертный булыжник деревенского мировоззрения дал, наконец-то, классовые трещины. Информационные сводки ОГПУ, постоянно констатировавшие устойчивую и агрессивную неприязнь населения к большевикам, вдруг уловили обнадёживающие нотки колхозного эгоизма. Сейчас, сдадим всё, успокаивали себя колхозники, а потом будем получать ссуду. Голодом насидимся, но подохнуть не дадут.

Из колхоза путь лежал не в светлое прошлое, а на погост. Задумавшим вернуться к единоличному хозяйству пролетарская власть вынула из-под мышки две кукишки. Постановлением СНК от 3 сентября предписывалось решительное совершенствование колхозного землепользования. Конкретно так — вышедшим из колхоза добровольно и исключённым земельные наделы ни в коем случае не возвращались. Так же полагалось поступать с членами распущенных артелей. Идите и просите в земельном государственном фонде, ядовито советовали челобитчикам.

Немногим позднее пришла другая очень полезная бумага. «Изъятие у колхозов и колхозников проданного и переданного им имущества, лошадей и другого скота, — говорится в ней, — для возврата этого имущества единоличным крестьянским хозяйствам категорически запрещается... Возвращать суммы, указанные за проданное колхозам и колхозникам имущество..».[34] Стоимость — по конвенционным ценам. Это как? А вот так — за две здоровые лошади, отобранные в колхоз, получаешь денежный эквивалент обобществлённого барана за минусом всех недоимок и сельсовет-

ских обязательств по душевой подписке на заём завершающего года пятилетки. Бери-бери, контра, а то передумаем!

Принудительно распускать колхозы резонно в конце хозяйственного года, когда подступает время пожинать плоды. Так оно и было, тем более, что пик массового воровства приходился всегда на осень. В остальное время красть было нечего. Опасное развитие юридических коллизий отводилось логикой аргументов. Раз колхоза больше нет, то извините, нет и трудодней. Урожай шёл в погашение колхозных долгов; неделимые фонды, пройдя ту же ступень, передавались под расписку другим артелям.

Стоило власти два-три раза судорожно подёрнуть шкурой, и первичное право собственности растворялось без осадка. Мужику оставалось удивляться, как это его ранее единоличная кобыла Липа, отведённая уполномоченным во двор «Гегемона», успела за полтора года, погружаясь в водоворот общественной собственности, поработать в «Интернационале», «Памяти Ильича», и скоропостижно пасть в коммуне «Путь к свету».

Убирали в тот год с ошпаренными нервами. «Все враждебные социализму силы всячески изворачивались и, вползая во все щели, употребляют бешеное усилие для того, чтобы дезорганизовать хлебосдачу. Остатки кулачества пытаются дать бой пролетарской диктатуре, используя отсталых колхозников, разжигая неурожайные настроения и на утайку хлеба разными способами... Путь к успешному выполнению планов хлебосдачи только один — беспощадная борьба с кулацкой провокацией, беспощадная борьба с кулацко-оппортунистическим манёвром, направленным на срыв хлебозаготовок».[35]

Типаж гранулированной ненависти взят из резолюции совещания секретарей партячеек. Сразу видно, что документ коллективного разума, одному человеку так не разогреться. Ссылки на абстрактное кулацкое сопротивление в сплошь обнищавшей стране постепенно выходили из моды. Безадресная злость таяла в многомерном пространстве, не оживляя его. Мысль о том, чтобы радикально обновить ассортимент отрицательных персонажей истории, раньше пришла в головы стукачей и вождей.

Заглянем в два письма из осенней почты секретаря Уралобкома ВКП(б) Ивана Кабакова. В письмо подмётное и директивное. «Имени Вашего звания, товарищ Кабаков, — доносит бывший красный партизан Тургая, — есть совхоз, который не оправдывает Вашего звания. Забрался в него, в этот совхоз, негодный элемент — сын бывшего капиталиста и зять миллионера — некто Раваев, сам директор свинсовхоза. Этот укрывшийся элемент сумел про-

лезть в наши ряды партии. За время праздника 15-ой годовщины Октября лишил рабочих пайка на весь праздник и сделал подрыв строительству, рабочие ушли и три месяца не были, рогатое поголовье гибнет от холода. Ввиду этого вредители капитала бросают в грязь лицом наших вождей генеральной линии партии. Надо укрывателей капитала жечь горячим железом и гнать прочь из рядов партии... Все враги лезут и вредят, а районное руководство занимается укрывательством. Широков Артём. Партизан Тургая. 10 ноября 1932 года».[36]

Донос написан под впечатлением постных праздничных дней. Но как стильно! Истины ради скажу, анализ анонимных и ответственных доносов, поступивших осенью тридцать второго в обком ВКП(б), свидетельствует о крутом вертикальном сдвиге авторского интереса к местной номенклатуре. Поклёпы на деревенскую нищету маловыразительны и мелки в теме. Второй вывод касается масштабов самодеятельного почина. Гражданское ли правосознание, уязвлённое статьёй о недоносительстве, или нарождающаяся коммунистическая мораль подвигли массы, но пузырями доносов постепенно вскипала вся общественность.

На вывод о том, что кремлёвские власти осознали необходимость перемен, навела московская пресса, жарко и сердито заговорившая о вредителях с партбилетами, которые, предупреждала «Правда», много опаснее кулаков. Тут грохнуло сверху вниз. В светлые дни Октября, когда рабочие свиносовхоза имени Кабакова празднично и вместе со всей страной голодали, самому секретарю обкома вручили секретнейшую телеграмму из Москвы, которая надолго отбила настроение и аппетит. «Несмотря на предупреждение СНК и ЦК, хлебозаготовки в области продолжают снижаться. Ссылки на цифры об урожайности как причину невыполнения не могут быть приняты ЦК и СНК во внимание, так как цифры явно приуменьшены и рассчитаны на обман государства. Вы умыли руки, не сообщив ЦК и СНК о мерах, необходимых для ликвидации этой отсталости. ЦК и СНК предупреждают вас, что в случае, если в кратчайший срок не будет организован действительный перелом в хлебосдаче, они вынуждены будут прибегнуть к мерам репрессий, аналогичным репрессиям на Северном Кавказе...

8 ноября 1932 года. Молотов. Сталин».[37]

До того, в первые дни августа на деревню прибыли специальные комиссии по контролю над правильностью авансирования. Директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР раз и навсегда запрещалась любая распределительная самодеятельность. Колхозников следовало гнать в шею от намолоченного хлеба. Раз решились

стрелять за колоски, чего церемониться с ворующими горстями. Тока и склады огородили и выставили круглосуточную охрану. Хлебное авансирование без участия государственного контролёра, своевременно предупредила прокуратура, карается уголовно. Нормы же определялись так. Для авансирования колхозников разрешалось использовать не более одной десятой намолоченного хлеба. Кормить только работающих членов артели, выполнивших минимум трудодней. Но ни грамма иждивенцам и социально подозрительным! На Урале и Приобье обошлось где-то по полкило на трудодень.

Обождите есть! Это всего лишь расчётные данные. Внешне простые условия обернулись крючком в кармане. Теперь внимательнее. Раньше обмолачивали первые подошедшие полосы и выдавали натурой аванс. В дальнейшем сытые колхозники блюли традиционную последовательность страды — косили, вязали снопы, вывозили их и потом молотили. По цековской бумаге всё это летело к чёрту. Артелям до выполнения государственных заготовок категорически запрещалось создавать какие-либо зерновые фонды из опасения, что их просто съедят.

Ближайшее будущее опять разваливалось на альтернативы. Либо гнать колхозника в поле голодным, сбив выть обещанием честного окончательного расчёта, либо скошенный хлеб сразу же и молотить, чтобы изъять законно отпущенную десятую долю. Выбрали, естественно, второй вариант. Уборочная пала на четыре кости и поползла вперёд на карачках. Стало ясно, голода не миновать! Погожими днями бабьего лета коммунары преступно бросали косовицу и азартно молотили вязаные вчера снопы. У токов выстраивались очереди на авансирование.

С холодами все области России стали со страхом озираться на Северный Кавказ, где самый жестокий шмон творила шайка политбюро — Каганович, Микоян, Шкирятов, Гамарник, Чернов, Косарев, Ягода. «За явный срыв плана по севу и хлебозаготовкам, — шли секретно по райкомам итоги большевистского шмона, — занести на чёрную доску станицы Новорождественскую Тихорецкого района, Медведовскую Тимашевского района...

В отношении станиц, занесённых на чёрную доску, применить следующее. Немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение государственной и кооперативной торговли на месте, полное запрещение колхозной торговли, как для колхозников, так и для единоличников, прекращение кредитования и досрочное взыскание кредитов, проверку и очистку колхозных, кооператив-

ных и государственных аппаратов, изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа.

Предупредить жителей станиц, занесённых на чёрную доску, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок будет поставлен вопрос об их выселении из пределов края в северные области... Предложить крайпрокуратуре и крайсуду в ускоренном порядке рассматривать все дела по расхищению колхозного и государственного имущества, применив все меры суровых наказаний, предусмотренных декретом, с тем, чтобы в пятидневный срок было рассмотрено не менее 20 дел с опубликованием приговоров в печати...»[38]

Вот так, поучительно и в меру сердито, складывалось дело на Северном Кавказе. Освобождённое от следственной волокиты кубанское правосудие дало Союзу пример решительного внедрения «дедушкиного указа» в жизнь, простите, в смерть. Летучий микояно-кагановический отряд пролетарского гнева, сотворив революционную законность, отбыл в столицу, чтобы в свой очередной вылет поставить на колени вымирающую от голода Украину. То будет ровно через год.

Северный Урал под самый новый тридцать третий год приходовал на пересыльных пунктах Соликамска, Надеждинска и Тобольска крупную партию станичников-саботажников. «Каким ты был, таким ты и остался...» — слова из этой популярной песни писал человек сведущий. За пятнадцать с лишним лет до появления лощёной соцреалистической киномелодрамы, в которой она была музыкальным гвоздём, особенность лихой казацкой стати подметили коменданты пересылки, предупреждавшие комендантов ссыльных этапов, — они хоть нрава неунывающего, но упрямы, почти как хмурые и бессловесные двоеданы.

С получением сталинской депеши и угрожающих директив, спущенных вождями помельче, в деловом шуме сельскохозяйственного Урала прорезался кавказский акцент. Мало сказать, что у единоличников и колхозников отобрали всё наличное зерно. Ничего тут особенного нет. Почин нашёл себя в другом: у мужиков, не справившихся с планом хлебосдачи, стали отбирать земельные наделы и огороды. Без надела ты не крестьянин, а без огорода, известно, не жилец. Карательное подвижничество дошло до сноса бань и хозяйственных построек. Оно по-советски и понятно: стоит ли оставлять баню саботажника на общенародной земле? Про то, что крестьян за недоимки легко выбрасывали из собственных домов, мы помним с начала всей книги и этой главы.

Очень понравился уральским партийцам намёк на возможность ссылать непокорных целыми деревнями и колхозами. Подкупала тут и высокая действенность карательной инициативы, и особое географическое устройство Урала. Север у нас под боком, реки и транспортные пути имеют удачное полярное направление. Когда провидение судьбы наложили на актуальный хозяйственный факт — эшелоны, вывозящие лес и иные продукты социалистической колонизации, идут на север порожняком, — идея материализовалась в практику. Южный Урал в данном смысле имеет неоспоримые преимущества перед Северным Кавказом. Чтобы загнать деревню на баржу и столкнуть последнюю по течению, государственного ума Кагановичей и иных жгучеглазых варягов не надо. Достанет районного дуроломства.

Лидерами колхозно-ссыльного этапа на Урале стали артели «Красный партизан» и «Светлый ключ» Манчажского района, удумавшие выдать по трудодням не отходы, а зерно. Вдогонку им пустили членов артели «Любители труда» Шалинского района, коих обвинили в том же и определили для здорового увлечения в колонию ОГПУ.[39]

«Привет, колхознички!» — ехидно встречали земляков заматеревшие спецпереселенцы тридцатого. В душах прибывших вспыхивало осознание того, что советская власть есть продолжение нашей врождённой глухонеми. «Позор вам, изменники делу социализма, — кроют через газету коммунары-пичугинцы коммунаров-красинцев, — вы дали себя одурачить кулаку, пошли против общественных и колхозных интересов, пеняйте теперь на себя. Вам, кулацким прихвостням, подрывающим вместе с кулаками в угоду кулаку колхозный строй, пощады нет и не будет. Мы требуем от Курганского райисполкома распустить колхоз имени Красина за контрреволюционный саботаж!»

Такими обращениями местная печать расцветала каждую хозяйственную кампанию. Партия натравливала село на село. Красинцев тогда разогнали, уж потом, после того как их пасынками включили в ближайшую артель имени Сталина, в души вернулось смирение и тихая блаженная радость. В самом деле, соседи могли ведь попросить и о расстреле.

Сами пичугинцы, колхозники артели имени Пичугина, газет не читали и о своём принципиальном поступке узнали чуть ли не год спустя, во время совместно отмечаемого престольного праздника. На такое, решила деревня, из своих способны только двое - председатель сельсовета и избач, но оба подозреваемые в авторстве оказались уже далеко. Первый стал жертвой объективного

пасьянса событий. В тот год артельные поля начисто выела кобылка, власть осерчала, и каждому третьему-четвёртому председателю сельсовета выдала по два-три года. Избач исчез сам. В документах партийной чистки этот факт связывался с его патологической тягой к блуду с контрреволюционным извращением. Даже самая паршивая судьба хоть раз в жизни бывает пронзительно справедлива. Нашего героя из партии вычистили худосочные и политически злые комсомолки, компанию которых он вызывающе менял на сожительство с тёплым и мягким кулацким элементом.

Производительная сила бесчеловечной жестокости, если изобразить её графически, похожа на кардиограмму умирающего. Последние судорожные толчки жизни вдруг трагически обрываются в безысходную прямую — всё! Крестьянскую Россию добили, а эмбрион колхоза пух от голода в жидком растворе государственного авансирования. Уральское руководство тогда высидело, что можно объяснить погодой в Кремле и дома.

Что можно сказать о вечном и агрессивном враге колхозно-совхозного производства. В тридцать втором погода была удачно плохая. Советская земля — всегда зона рискованного земледелия. Партийное руководство тосковало в череде невыразительных хозяйственных лет, когда ни хлеба, ни сокрушающих ссылок на погоду. Люб был риск крайностей: урожай — все ходим в героях труда, засуха — мы герои чрезвычайных обстоятельств. Хоть херовую фуражку, да напялим набекрень! В тридцать втором, повторю, погода стояла из рук вон.

Приноровились и к погоде кремлевской. Всеуральский подхалимаж материализовался в огромном, словно энциклопедический словарь, фолианте поздравительных телеграмм вождю и ЦК ВКП (б) по случаю пятнадцатилетия Октября. Каждому предприятию вчинили в обязанность изготовить приличный юбилею материальный подарок. Всякое там шитьё-литьё. Фолиант передал адресату сам Кабаков, а штучные продукты революционного вдохновения отправили в столицу специальным вагоном.

Задобрили столицу и угодливой жестокостью по отношению к землякам. В сельскохозяйственные районы Урала и Приобья вылетели судебные бригады на осенний гон вредителей с партбилетами. Всей операцией руководил председатель облисполкома Ошвинцев. Состав бригад формировался строго по технологическому принципу: агроном - для определения видов хлебозаготовки, уполномоченный, придающий видам плановую жёсткость, прокурор, обеспечивающий соблюдение социалистической законности, следователь для протокольного оформления возможной

коллизии, судья со святым уложением в виде УК и гепеушник, контролирующий всех поименованных. Через две недели Льву Захаровичу Мехлису, ещё одному гению отечественной агроэкономики, правительственной телеграммой было сообщено, что «в каждый зерносовхоз направлена бригада из пяти человек. Производится обмолот и вывоз хлеба, очищается аппарат зерносовхозов от кулацких элементов и кулаков, происходит вторичный обмолот соломы и проветривание отходов». Информацию украшает реестр снятых и отданных под суд руководителей хозяйств.[40]

Кровавым закатом уходил в зимнюю ночь и историю год тридцать второй. Год расстрелов и разорения. Но в прошлом тонуло время, а не зло. Горе на Руси вброд не перейти, в нём у нас тонут поколения. Безнадёжность царила во всём, господь забыл российского мужика. Пришло и то, что должно было наступить, - вторая советская голодуха.

Глава начиналась с откровений деревенщины, перехваченных в солдатской почте. Закончу открытым письмом моей землячки и крестьянки Сталину, которое было выловлено ГПУ на месте преступления.

«Тов. Сталин. Я, бедная женщина-крестьянка, кругом обиженная. Наша власть на местах не выполняет твоих постановлений и приказов. Плакала я, плакала, да и решила написать к тебе, всё равно один конец. Но я надеюсь на тебя, на твою правду. Спаси меня и моих малых деток от смерти голодной.

Несмотря на то, что мой муж Василий Федосеев служил в Красной Армии, был раскулачен. Мы считались на деревне самые бедные, наш дом был ветхий и никудышный. Всё у нас отняли, меня больную гоняли-гоняли и, наконец, разрешили жить на задах в худой избёнке... Мужика сослали в ссылку - станция Усольская Уральской области, в 15 роту под ОГПУ. А у меня четверо детей, старшему 9 лет, а младшей 2 годика. Сама я нищая и больная. Верни мне нашего кормильца или прикажи совсем нас убить. Наши деревенские власти ничего не хотят делать по-хорошему, совсем замучили всех. Пусть убивали бы совсем, так лучше бы было, чем так мучить. Вся надежда на тебя, тов. Сталин, помоги нам, мы запонапрасну страдаем. Сколько лет мы работали Советам, а тут вдруг не нужны стали. Прости меня, бедную бабу.

Великое горе и нищета пишет тебе это письмо. Крестьянка деревни Сумки Половинского района Елена Федосеева».

Глава 5
Сирота Страны Советов

Утром боялись открывать. Потом долго не могли. Думали замело, что случалось нередко. Когда совсем рассвело, снаружи подошли взрослые, недолго повозились и освободили ребятню. На крыльце, как оказалось, насмерть замёрз очередной беглец с Севера. Это он с вечера бился в дверь, перепугав до слёз малолетних обитателей барака. С трудом оторвав от скобы примерзшую руку, покойника бросили за угол в сугроб, из которого каждая злая вьюга выдувала окостеневшие сизые тела умерших в зиму жителей посёлка. Хоронить было некому. Многие бараки вымерли полностью. На февральском снегу терялись даже легкие впадины от протоптанных по первозимью тропинок.

В этом бараке спецпосёлка при угольных копях начала свою сиротско-детдомовскую биографию девятилетняя кулачка, чей инвентарный номер 883 по Ирбитскому детскому комбинату зафиксирован историей. Как и биография, уложившаяся в одну строчку трёхтомной, на несколько десятков тысяч человек, оборотки детдомовского поголовья Уральской области дореломных лет. Рядом со строкой, отведённой её сестре.

«Носкова Наталья Кирилловна, 9 лет, поступила в Богословский при угольных копях детдом 6 февраля 1933 года. Переведена в Ирбитский детский дом в начале 1937 года. Есть сестра. Родителей нет».[1]

А ещё недавно было всё... С первой мировой Кирилл Носков вернулся в медалях. Сильный и хваткий, он выбрал и жену себе под стать. Привезённую из дальнего села Евдокию Мочалову восхищённые красотой и стройностью соседи называли Вербой. К началу тридцатых семья уже твёрдо стояла на ногах. В родном Патронном, что в пятнадцати километрах от Кургана, построили крепкий дом, баню, малуху, амбар. Завели хозяйство и огород.

Работали как двужильные. Бог помог, и сами постарались — в доме суетились пять девчонок и парень. Чуть позднее купили небольшой пай на владение Петровской мельницей. Её красного кирпича руины до сих пор тоскуют над запущенной речкой Утяк. Хозяин почуял неладное в первые месяцы принудительных заготовок. Чтобы переждать времена окаянные, уехал в Среднюю Азию на заработки, оттуда высылал с оказией необычные, но полезные вещи. Деньги копил на хозяйство.

Активисты зачастили в дом Носковых. Сначала регулярно выгребали съестное. В феврале тридцатого ввалились сельской комиссией раскулачивать. Переписали все постройки и дом. Тщательно и с едкими замечаниями осматривали каждую тряпку и вещь, особенно интересовало присланное отцом из Самарканда. Ну и живёт кулачьё! Постепенно наглели и входили в азарт.

Уполномоченный Яков Мельников ещё в прежние визиты положил глаз на тёплое верблюжье одеяло с азиатским орнаментом. Теперь пришло время. Он легко стряхнул малолеток с одеяла, по-хозяйски свернул и отложил в сторону. Для себя. Понятливому молодому активисту приглянулись валенки бабы Ани, 84 лет, сидевшей на печи, свесив ноги. Комсомолец рванул валенок на себя. Ветхая старушка полетела с печи. Она ползала по полу в одном валенке, стонала и беспомощно щупала пальцами воздух. Баба Аня была слепая. Свои глаза она выплакала по сыну Григорию, сложившему голову в гражданской. За красных.

Рвали с людей и со стен. Еле управились к полуночи - вывезли национализированное на санях. Матери разрешили связать оставленное в узел и выставили на мороз с шестью, от года до девяти лет, детьми и престарелой свекровью. Принимать на постой раскулаченных строго запрещалось. За нарушение грозили арестом, штрафами, переселением на худшие земли, а то и раскулачиванием. По чужим баням, малухам и стайкам пришлось скитаться полгода. Кто из жалости разрешал притулиться, кто торговал последнее тряпьё. Питались чем Бог послал.

Коммуняки сживали со свету. Комсомольцы пасли семейный узел, норовя обменять остатки кулацкой роскоши на самогон. Уполномоченный Мельников уже несколько раз водил мать на «расстрел». Каждый раз малолетки с рёвом висли на подоле матери Евдокии. Похотливому большевистскому кобелю нравилось загонять селян в состояние смертельного страха. Особую классовую ненависть он питал к раскулаченным молодухам. Пощёлкав вхолостую револьвером в сторону мечущейся в ужасе бабы, отходил и вкладывал революционный порыв в чисто мужское дело.

Кому пожалуешься? Отец уже давно сидел в тюрьме. Заслышав о деревенских погромах, поспешил было на родину. Но на вокзале станции Челябинск его арестовали. В местном отделе ГПУ его опознали как кулака в бегах и переправили в Курганский окружной домзак. Сидеть пришлось с оппортунистическими головушками из станицы Звериноголовской. Теми, что, удирая от государственного ярма, организовали самостоятельные кооперативы по пойме Тобола. Контрреволюция не прошла. Уклонистов партиями по три-пять человек ежедневно уводили на расстрел, а ночью трупы вывозили за город. Уклонистом быть очень плохо — поняла обычная бегло-кулацкая братия и была откровенно рада, когда её с очередным эшелоном ссыльных отправили на Север.

Августовским утром семье Носковых приказали собираться в ссылку. На прощание с опостылевшей родиной и слёзы отвели не больше часа. Узел с пожитками бросили в телегу, на которой сидели милиционер и уполномоченная по ссылке комсомолка. Медленно выползли из родной деревни в сторону Кургана. На историческую драму, грустно вспоминает Наталья Кирилловна, ситуация никак не тянула. За телегой, утопая босыми ногами в дорожный песок, шла мать. На плечах она несла в ссылку трёхлетнего Лёню, под мышкой поленом висела сестрёнка Маня. Трое старших сестёр шествовали в ссылку сами, держась за подол матери. Младшую Фросю Бог прибрал ещё по весне, баба Аня осталась в деревне один на один с властью. Комсомолка на телеге весело болтала ногами, грызла семечки и зло шутила.

Везли на Север в холодных, грязных вагонах. Было голодно, тесно и страшно. Нар не хватало, как и воды. На остановках, преодолевая стыд, оправлялись прямо у вагона. Отходить от эшелона не разрешалось, да и сами боялись отстать или потеряться. В пути многие малолетки простыли. В углу вагона, помнит Наталья Кирилловна, целые сутки умирал от тифа мужик откуда-то из-под Зверинки. Пассажиры еле удерживали плачущих и рвущихся к умирающему детей. Ведь заразный же! На одной из стоянок его вынесли и положили в степи.

Местом ссылки определили Богословские угольные копи. Ныне это город Карпинск Свердловской области. Прибывшего со ссыльным эшелоном отца направили на шахту, а мать на раскорчёвку леса. За два года голодной ссылки от них остались тощие тени. Летом 1932 года отца завалило в шахте — придавило ноги. Слёг насовсем, страшно было смотреть на его распухшие и посиневшие в гангрене ноги. Через две недели он умер. Семья за уве-

чье не получила ни копейки и села на единственный паёк работающей матери, переведённой с лесосеки на стройку.

Голод стал невыносимым. Пришлось переходить на подножный корм – то, что можно найти в тайге вокруг спецпосёлка. У матери начались голодные обмороки. Она, с испугом заметили девчонки, часто замыкалась в себе, плакала и неожиданно заговаривала с отцом вслух. Будто он живой и рядом.

Мать не выдержала ударной принудиловки, таяла на глазах и однажды не пришла с работы совсем. Дочери несколько дней с утра и до темноты разыскивали её на стройках. Лишь через неделю знакомая женщина сказала Наташе, отводя взгляд в сторону: «Ты, дочка, больше не ищи мать, нет её у вас». Позднее узнали, что мать почувствовала себя плохо и пошла в больницу за семь километров. Войдя в больницу, упала без сознания и к жизни не вернулась. Кем и где похоронена, никто не знает.

Смертно голодающих сирот передали в детдом. Урал обязан помнить эти детдома: в Богословске и Ирбите, Тагиле и Туринске, Кизеле и Красноуфимске, далее — везде. В Уральской области их тогда было ровно сто — 83 обычных и 17 — для умственно неполноценных детей. На конец 1931 года только в уральской лесной ссылке числилось около ста тысяч детей. «Естественный» отход родителей открывал перспективу системе детских приютов.

Осиротевшей поросли Носковых отвели нижние нары в фундаментальном, николаевских времён бараке, предназначавшемся при закладке под местную тюрьму и холодную. Помещение хорошо держало отрезвляющий режим, и воспитанникам приходилось почти круглосуточно жарить буржуйку. Промёрзшие стены постоянно мокли, от холодной сырости многие кашляли. У печки всегда было тесно, продрогшие во сне, никакого белья не выдавали, выходили погреться. На раскалённой спине буржуйки пекли ломтики мороженой картошки. Днём шарились по помойкам.

На четыре осиротевшие души выдали две чашки и деревянную ложку. Инструмента хватало с избытком. Ссылка жутко голодала, воспитанникам давали в сутки сто граммов хлеба и горячую воду. Особенно трудно было зимой. На голый паёк без подножного корма почти не выжить. К весне самые слабые пухли с голоду и, наглотавшись абы чего, исходили в поносах.

Не успев познакомиться с классовыми собратьями по бараку, Наташа слегла. Сначала были голодные обмороки и воспаление лёгких. А потом... Потом весь реестр хворей ссылки. В сплошном угаре болезни из жизни, если можно принять за таковую изложенное выше, выпало полгода. До слёз режет память только один

эпизод тех дней. Оживающее сознание начало различать звуки и предметы, кажется, пахло весной. «Эта, видно, снова оклемается, — внятно произнесло наклонившееся над ней лицо, — а соседку Бог прибрал, наконец-то отмучилась». Спустя немного, хватило сил повернуть голову и увидеть. На соседней койке высохшей щепкой лежала младшая сестрёнка Маня...

В памяти сестрёнка навсегда осталась пятилетней. И ещё беззащитной, цепляющейся за мир слёзной просьбой: «Нянечка, не бейте меня, я ведь и так мало хлеба ем». Братишка Лёня до сознательного ощущения жизни не дотянул. В одну из зимних ночей он тихо, никого не беспокоя, умер. Его завернули в тряпицу и зарыли где-то в снегу.

Первое детдомовское лето прошло в судорожных поисках еды. Воспитанники целыми днями мотались по тайге и просили милостыню в посёлке. Но кто мог подать? На то лето пришёлся пик второй советской голодухи. Боясь и рискуя, стали воровать. Как и моих сверстников, детдомовцев послевоенного времени, пойманных на краже, жестоко били. Ребята старшей группы както залезли в пристанционный склад и вскрыли бочку с солёными огурцами. К пойманным на месте «преступления» моментально прилетел директор детдома. Расправа была жуткой, на глазах всех он откровенно уродовал мальчишек: повалил с ног, пинал, схватил за волосы и бил головой об рельс.

Воровать не перестали. Вот пострадавшие не могли. Один из них вскоре от нанесённых побоев умер, а у Володи Комаровского отнялись ноги. Он хорошо запомнился Наташе по Богословскому и Ирбитскому детдому — прислонённые к нарам самодельные костыли и отрешённый недетский взгляд. В сороковом его направили в Тагильский детдом для инвалидов и умственно неполноценных. По дороге, чтобы больше не мучился, поставили укол.

Зимой тридцать седьмого двести воспитанников из Богословска перевели в Ирбитский детский дом. Среди них были и сёстры Носковы. В посёлке при угольных копях остались четыре родные могилы. В обожжённой горем душе осталось не только зло. Скорее, даже не оно. Наталья Кирилловна до сих пор помнит многих сверстников по Богословскому детдому, знает об их дальнейшей судьбе. Помнит потому, что ужасы ссылки и государственной безжалостности, как это ни странно, не убили в воспитанниках самого высокого человеческого начала — добра. Чем больше зверела власть, тем милосерднее они относились друг к другу. Братская солидарность была единственным спасением в мире лицемерия и безотцовщины, именуемом диктатурой пролетариата.

Голодные и нищие воспитанники оставались всё-таки поколением крестьянских детей. Поколением, что помнило, как можно и нужно жить, видело мир в естественных человеческих измерениях. Это не были покорно бестолковые бройлеры советского идеологического инкубатора. И сколь бы навязчиво и многолетне ни вливали в их души мысли о родной партии, комсомоле, добром правительстве, многие из них свято хранили память об отнятом родном доме и погибших родителях. Страшные ночи раскулачки, голод и сиротство были реальнее лозунгов.

В предмайские дни тридцать седьмого случилось неожиданное. В детский дом привезли новые пальто и платья. Радости не было предела. В обновках вчерашние голодранцы казались почти красивыми, особенно девочки. Хотелось даже верить, что наконец-то восторжествует справедливость. Родителей не вернёшь, но когда-то должны уйти в прошлое проклятая, как клеймо, кличка — «дети врагов народа» и время косых взглядов.

К празднику всех приодели и сфотографировали. Спустя несколько дней пришёл приказ — детей раздеть, а одежду срочно забрать. Попытку приодеть кулацких детей квалифицировали как бандитскую вылазку врагов народа. «Контрреволюционеров» от педагогики либо посадили, либо расстреляли. Репрессировали директора детдома, завуча, врача, кое-кого из областного отдела народного образования. Воспитанникам вернули лохмотья.

К концу тридцатых ссыльная детдомовская братия заметно повзрослела. Мальчишек в 14-16 лет отправляли на производство. Многие предприятия Урала использовали труд малолетних, но познавших всё пацанов. 1941-й разбросал судьбы самого младшего ссыльно-детдомовского поколения — кого на фронт, кого на заводы. Наташу направили на строительство мотоциклетного завода, а немного спустя — на 707-й завод Наркомата вооружений в Кургане. Парней-сверстников — Яшу Ривьера, Сашу Герасимова, Гришу Танасова и других — сразу же отправили на фронт. До победы они не дожили и погибли никем не оплаканные. Память о них осталась невостребованной навсегда.

Наталья Кирилловна после войны окончила педагогический институт, работала учителем. Всю взрослую биографию приходилось скрывать своё «контрреволюционное» прошлое. Кто знал и мог заглянуть в документы, не упускал случая оскорбить грязным словом и намёком. Плакала каждый раз — до чего же оподлел народ! К пенсии получила однокомнатную квартиру. В ответ на одну из моих статей написала письмо, подписала его фамилией матери. Для конспирации. Позднее насмелилась выложить всё и

была чрезвычайно рада найденным мною архивным документам, в которых реальные имена и даты свидетельствовали об её уникальной и благой памяти. Два года назад похоронила свою единственную в этой жизни радость — дочь.

Качается на ветру времён одинокая былинка двух некогда сильных крестьянских родов. Замели тогда и родственников по материнской линии. Два брата с семьями, малолетками и восьмидесятилетним дедушкой были сосланы под Кемерово. В родные места никто не вернулся...

*

* *

По наделу земли было пятнадцать десятин. Отец ещё брал в аренду у татар. Они посевом занимались очень мало. Платил за землю урожаем с любой на выбор десятой полосы. Трудился отец почти круглые сутки — упадёт, поспит два-три часа и снова за работу. Начинал хозяйствовать на одной фронтовой лошади. Оренбургские казаки призывались и возвращались из армии с конём. В двадцать шестом в хозяйстве было уже восемь лошадей: две выездные и шесть стригунков. Держали пятнадцать голов скота, около сотни овец, две свиноматки, гусей, индюков, кур. Управлялись с хозяйством трое — отец, старший брат Михаил и сестра Анна. Наёмных работников не имели. Отец завёл передовую по тем временам технику — лобогрейку, сенокосилку, сноповязалку. Мечтал о тракторе.

Николай, сын Афанасьев, наш главный герой, пас лошадей в ночном, а осенью двадцать шестого пошёл в первый класс. Деревня Малое Кукушкино затерялась в пологих склонах Зауралья. Удалённость от городов, до Троицка — сто пятьдесят километров, до Миасса — сто двадцать, спасала провинциальный быт и мужицкий хозяйственный резон от цивилизованного суемыслия. В зыбкой памяти деревня осталась как воспоминания о родителях, святой и красивой. С крепкими, брёвнышко к брёвнышку, домами в две улицы вдоль речки Увелки. С утренними туманами над водой и рыбалкой, октябрьскими кострами рябин в палисадниках. И ещё тёплым серебром лунных ночей, в котором пахло мёдом, и до утра вздыхала гармонь деревенской вечёрки.

В большевистских отчётах такие райские уголки российского благополучия стали потом называться оплотом кулачества. Вообще вожди мирового пролетариата с подозрением относились к зажиточным районам страны, будь то Украина, Северный Кавказ или Урал, и видели в их благополучии озлобляюще неоспоримый аргумент против социализма. Когда власть впадала в лютость,

массовые репрессии, прежде всего, обрушивались на этих государственных пасынков.

Уполномоченные охотно ехали в эти края непуганых кулаков. Останавливались в лучшем доме. Сняв самогонно-закусочный оброк со всей деревни и прокутив неделю-другую, посланец партии уходил в тяжёлый похмельный трясомонад, сопровождающийся обострённым революционным чутьём. Двоящиеся и троящиеся силуэты аборигенов вызывали классовое отвращение. На горничный стол вместо резных николаевских штофов и простеньких советских четвертей водружались наган с партийной директивой. Одновременно с бытовым антуражем менялся и облик главного персонажа. Морщины запоя в свете высоких задач обретали оттенок державной озабоченности и ответственности. Наступало время реализации объективных исторических закономерностей.

В начале двадцать восьмого семья Кочкиных отпраздновала свадьбу. Женили старшего — Михаила. Гуляли всей деревней, катались на тройках, а молодые — на рысаке, который в городе Челябинске на бегах занял первое место и приз — пятьдесят рублей. На эти деньги тогда можно было купить две коровы.

А потом всё пошло прахом. Предшествующий год выдался урожайным. Отец выполнил два заранее доведённых индивидуальных задания по продаже хлеба. Но в добрые не попал. Власти требовали ещё и ещё. Несколько раз обыскивали, выгребали подчистую. Потом приняли решение о конфискации имущества и бойкоте. Заколотили окна досками, нельзя было показываться на людях. Николая из школы выгнали, и, хотя отец обещал выучить самостоятельно, было до слёз обидно.

В день торгов во дворе, где могли спокойно развернуться две тройки, собралась толпа. Урвать клок счастья от чужой беды пришли желающие из Большого Кукушкино, Варламово, Житарей, Большаково. Ранее упоминалось, что «раскулачивание» в форме скорых распродаж имущества широко применялось в предколхозную пору принудительных хлебозаготовок. Отец во время торгов отрешённо смотрел в сторону, а мать безутешно плакала. Торговали до ночи, остались голые стены и сундук снохи Татьяны, которая была из бедной семьи и росла с малых лет сиротой. Через месяц отца арестовали. Сперва дали шесть месяцев по 107-й статье, ну а потом добавили три года. Оставшись за хозяина, Михаил потерял всякий интерес — пропади оно пропадом всё — и прирезал большую часть скота.

На север их смахнули зимой тридцатого в первую же кампанию. Эшелоном № 7006. Погрузили двадцать второго февраля в

зарешеченные телячьи вагоны, на полу солома, в углу два ведра для туалета. Двери закрыли на щеколды и открывали на остановках, чтобы вылить из вёдер. Вагоны совсем не отапливались, и малолетки, составляющие большинство классово репрессированных, тут же безнадёжно простыли.

В Тюмени переселенцев ждали десятки тысяч подвод, оперативно мобилизованных со всего Зауралья. До Тобольска добирались двадцать суток. К ужасному морозу и поголовной простуде добавился голод. Продуктов с собой брать не разрешили, не думали снабжать антисоветский элемент и в дороге. Уже где-то на полпути объявили — можно брать картошку, которую кучами сваливали у деревень прямо на снег. Стылые до звона картофелины на ночлегах варили и ели. Смерть стерегла изгоев по деревням и в пути. Покойников оставляли прямо у дороги, но уважающие революционную дисциплину огпушники не разрешали останавливаться даже подводам с родственниками умерших.

Всё шло строго по кремлёвскому графику. Сани шли друг за другом в три ряда. Весь профиль дороги был глубоко выбит. В сером крошеве снега и земли сани шли туго, и лошади выбились из сил. Сворачивать на обочину не разрешалось. В тот год выпало мало снега, земля промерзла и пошла глубокими трещинами. Лошади оступались в них и, ломая ноги, падали. Не было видно ни начала, ни конца обоза, казалось, весь мир потерял рассудок и двинулся к полюсу в этом марше абсурда и смерти.

Сибирский красавец Тобольск встретил «гостей» голодом и неожиданным пристанищем — тысячу ссыльных, в том числе и семью Кочкиных, поместили в старинный собор на высоком берегу. Софийский собор. С наступлением навигации переселенцев погрузили на баржи и отправили вниз по Иртышу. «Анастас Микоян» тащил три тюремные баржи — около шести тысяч человек. У пристани Самарово стояли три дня, а потом потянули вверх по Оби на Сургут. Трудоспособных в определённых местах высаживали на лесоразработки, не минул внимания и Кочкин Михаил.

Старых и малых дотащили до деревни Сытомино. Она стояла на старом обмелевшем русле Оби, и пароход не мог подойти близко к берегу. Переправляли на рыбацких лодках. Подали команду - в первую очередь грузить детей. Ирина с тремя детьми и снохой попали в первую лодку. Ошалевший от голода и мытарств народ рвался на берег. Когда отвалили от «Микояна», большой рыбацкий неводник едва не черпал бортами.

Беда случилась на полпути. Кто-то неосторожно засуетился, лодка качнулась и медленно пошла под волну. Крики ужаса по-

висли над Обью. В холодной весенней воде барахтались десятки человек. Николай схватил пятилетнюю сестренку Лизу и поплыл к берегу. Семилетнего Георгия спасла Татьяна, кто-то помог выбраться на берег матери. Утонуло несколько человек. И спустя семьдесят лет не выбросишь из памяти тот день. Чёрный силуэт «Анастаса» на фоне зари, разгрузка затянулась до полуночи, снующие по воде лодки. Одни перевозят перепуганных ссыльных, другие ищут утопленников. И над всей идиллией ада страшный даже в памяти крик матерей утонувших детишек. Женщины бились в истерике у самой кромки воды, судорожно рвали руками первобытно чистый речной песок и кляли весь этот свет, на злом краю которого потеряли самое дорогое.

К осени поредевшие семьи снова посадили на баржи и тем же пароходом сплавили вниз по Оби до Самарово. Выгрузили в кедрач в пяти километрах от пристани, там, где планировалось строительство нового города Остяко-Вогульска. На семью дали по лопате и приказали — стройте быстрее жильё, через два месяца зима. Лепили наспех шалаши, землянки да глинобитные печи. Ночами шалаши от костров горели свечой, унося в небо то, что не успело утонуть. В пару месяцев ссылка ушла в землю. После первого снега посёлок можно было принять за лесное кладбище, если бы не живые струйки дыма из-под горбатых накатов.

Зимой стало совсем невмоготу. На обессилевших от голода людей навалились цинга и эпидемия тифа. Мёртвых хоронить было некому, их складывали штабелями на больничном дворе и присыпали снегом. Забота о семье полностью легла на плечи Николая. В мальчишке уже сидели навыки кормильца и работника. Менял на съестное самодельные корзины, подрабатывал, где удастся, ловил петлями зайцев в лесу, рыбачил. Промысел давал необходимый для выживания разоставок к хлебному пайку. Иногда случались голодные обмороки.

Однажды в Самарово прямо на народе упал, потеряв сознание. Пришёл в себя только на третий день, это был сыпной тиф. Пластом пролежал в больнице сорок пять дней. Сыпняк как литовкой прошёлся по ссыльному поголовью, живыми из больницы выходили немногие. Из семи человек, лежавших с Николаем в маленькой больничной палате, шестерых покойниками снесли в штабель. Пока лежал в больнице, семью опять куда-то перевезли, попытки найти её следы оказались безуспешными.

Ссылку трясли нещадно. Лёгким на подъём антисоветским элементом оперативно латали пульсирующий дефицит и заморные прорехи планового трудообеспечения лесозаготовок, строек, заво-

дов и шахт. Поскольку же голод и дефицит являются врождёнными достоинствами отечественного социализма, уровень оседлости сельских контрреволюционеров определялся сложной взаимностью оных с дефицитом подвижного состава и тюремных барж. Хозяйственно окуклившиеся в вечной мерзлоте кулацкие особи власти решительно кастрировали ещё раз и сдвигали на одну природно-климатическую зону севернее.

Вернёмся в будущую столицу Ханты-Мансийского национального округа. Самостоятельному Николаю жизнь в детдоме, куда его определили как беспризорника, не приглянулась. Сразу же подумал о возвращении на родину. Через неделю решил окончательно, встал рано утром, спросил у прохожих дорогу на Тобольск и подался. Было страшно, ведь до Тобольска более пятисот километров, до Тюмени ещё триста и удастся ли там сесть в вагон. Спасала и гнала вперёд тёплая детская грёза — сейчас приду в родную деревню, а вся семья уже дома и ждёт...

О том, как питался, Николай Афанасьевич вспоминает нехотя и стесняясь. На обледенелых помойках подбирал рыбьи головы и картофельные очистки. Утром, пока люди не видят, обходил помойки, а потом шёл по домам просить милостыню. Все жили голодно и подавали плохо. Спросят, чей, откуда, долго не верят, что прошёл пешком сотни километров по морозу. Вынужден был рассказывать про Самарово, где есть рыбзавод, детдом и больница, где на горе строят город Остяко-Вогульск. Удивившись, садили за стол, что-нибудь совали на дорогу.

За первый месяц, полный неожиданностей и происшествий, осилил более половины пути до Тобольска. Особенно донимала пурга. Она на севере такая, что деревья ломаются, а человека тащит по снегу как мячик. И за три шага ничего не видно. Если пурга застигала в пути, отсиживался в глубоких снежных выемках, что выдувало вокруг мощных кедровых стволов.

На этот раз буран перехватил на подходе к Александровке. Повалил густой снег, через полчаса упали ранние зимние сумерки и подуло. Шагать стало невозможно. Вскоре понял — сбился с дороги и, чтобы не утянуться в сторону, решил заночевать. Набрал карманы молодых кедровых шишек, шелуша их, надеялся не уснуть, и устроился у огромного ствола. В голове сидело только одно - не спать. К утру прояснило, и мороз озверел.

От смерти спас исключительный случай. Той ночью в деревне, до которой оказалось километра два, крупно набедокурил медведь-шатун. С рассветом хищника увидели на краю деревни, и два охотника погнались за ним в лес. Убегая от преследователей,

зверь и вылетел к тому самому кедру, под которым сидел Николай. Обнюхав, он толкнул лапой замерзающего во сне мальчишку и поковылял дальше. Шевелящееся под деревом существо охотники едва не приняли за медведя. Удивляться было некогда, Николая вывели на дорогу, а подвернувшаяся почтовая подвода довезла до деревенского медпункта.

Обморозился парень здорово. Три дня совершенно ничего не видел, перепугался, что ослепнет насовсем. Заревел в голос от боли, когда с обмороженных рук начали сходить ногти вместе с мясом, а ноги сплошь покрылись пузырями. Лечили и кормили всей деревней и долго уговаривали подождать до тепла. Но парень знал дело туго, по весне все лога и низины возьмутся водой, и тогда уж точно до дома не добраться.

По теплу пришел в Тюмень. Столица ссыльной беспризорщины кишела беглой детворой. Когда товарняк на Свердловск, загремев суставами, тронулся, Николай (будь что будет!) прыгнул на подножку пыхтящего паровоза. Рассчитывать на тёплый приём не приходилось, беспризорщина в отчаянном стремлении сбежать мухами липла на поезда. Высунувшийся в окно машинист сначала обложил пассажира последними словами и пригрозил сбросить, а потом приказал подняться наверх. Ну никак не верили, что отмахал пешком почти тыщу вёрст. Пришлось доставать из-за пазухи записную книжку, в ней Николай аккуратно карандашиком записывал все пройденные им деревни.

Семьи в родных местах, конечно же, не нашёл; с нею, поредевшей наполовину, ему суждено будет встретиться только после войны, спустя пятнадцать лет. Остановился у тётки, целые сутки рассказывали друг другу о ссыльно-колхозной жизни и в переменку ревели. Дома горе было пожиже, но тоже досыта. В сельсовете, куда Николай обратился за метрикой, шёл высокий матерный разговор о севе, и потому гостя встретили неласково. Одни удивлялись, будто выходцу с того света, другие смотрели озлобленно — тут ещё не всех сослали, а этот уже припёрся обратно. За метрикой отправили в райцентр, сотня вёрст.

Сбегал. С получением прав на легальную гражданскую жизнь устроился вздымщиком — собирать смолу. От радости, что позволено не подыхать в ссылке, а работать, носился как угорелый по окрестным борам с пудовыми вёдрами. Выдавал до двух норм в смену. И через полгода судьба одарила Николая ещё одним остросюжетным зигзагом. По итогам года он занял первое место среди сборщиков живицы, а посему был командирован на слёт передовиков, проходивший в Свердловске. Ударнику вручили пятьсот

рублей, костюм с рубахой и посадили в президиум собрания за спинами областных вождей.

Дело было осенью тридцать четвёртого. По всем краям и весям шёл весёлый гон вредителей и саботажников, расплодившихся в микробном множестве. Кинь взор на советское отечество и увидишь только саботажников, ибо его законы абсурдны, как словосочетание «Русь Советская», писаны они теми, кому умственные движения противопоказаны с детства, и, как следствие, эти законы физиологически противны существу человеческому. В тридцать четвёртом брали пока вредителя крупного и визуально впечатляющего, не всматриваясь в биографические изъяны.

Тщедушный передовичок не был похож на сына кулацкого и благополучно, задами да огородами — в новом костюме появляться на людях стыдился — вернулся в дом сестры. О подробностях торжественного собрания никому не рассказал. И правильно сделал. В тридцать седьмом все почётные члены президиума хором попали во враги народа, и каждый получил свой срок или пулю.

Летом тридцать девятого молодых новобранцев вместе с автомашинами (Николай ушёл в армию шофёром) погрузили на железнодорожные платформы и отправили на восток. События на Халхин-Голе развивались стремительно, и уральский эшелон подоспел почти к самому шапочному разбору. Но судьба нашла своих и здесь — Николая контузило. Снаряд разорвался перед самой машиной, взрывной волной сорвало кабину, а его засыпало песком. Пока все ликовали, отлежался в полевом госпитале. На Урал возвращались с ценными подарками. По решению монгольского правительства победителям продали по очень низкой цене по паре сапог, отрезу на костюм и кожаному пальто.

На финскую успел в самый раз. Снега были в метр, морозы — под сорок градусов. Не только климат, но и война была другой. Здесь нас чистили в хвост и гриву. Николай на ГАЗ-А подвозил боеприпасы с тыловых баз. Комфорт полуторок известен. Однажды на пути к передовой перехватила пурга. За трое суток машины занесло по кабину. Костров не разводили — могли накрыть финские артиллеристы. Выручил лигроиновый трактор. Пожилые читатели, наверняка, помнят этот простой, как самовар, механизм, он ещё ломиком заводился. Пока откопались и доползли на тракторной тяге до своих, страшно обморозились. Всех направили в госпиталь, а двоих, самых тяжёлых, эвакуировали самолётом в тыл. Единожды обмороженный мёрзнет всю жизнь. Николай попал в челябинский госпиталь, что располагался в клубе ЧТЗ.

После госпиталя, форся сверкающей медалью «За отвагу», пришёл на Тракторострой. Огромный завод уже работал на полную мощность, собранную со всего Союза молодёжь направили на строительство цеха ширпотреба. Снова сутками Николай рвал гужи на своей полуторке и ревниво следил, чтобы его фамилия была первой в ежедневных сводках о выработке.

В пятницу 20 июня 1941 года получил первый отпуск. Накануне добился разрешения съездить на Север к родителям и заказал билет до Тюмени. На двенадцать ноль-ноль в воскресенье. Война и судьба распорядились по-своему. В воскресный полдень он выступал на митинге тракторозаводцев, где записался добровольцем на фронт. Военкомат отправил его в школу десантников под Свердловском, учитывая увлеченность парашютным спортом. Комиссар школы оказался много бдительнее и забрасывать сына кулацкого в тыл врага посчитал делом рискованным и для себя, и для отечества. Экс-курсанта вернули на тракторный завод.

Седьмого ноября сорок первого эшелон с уральскими новобранцами, в котором находился и наш герой, стоял на одной из товарных станций Москвы. Война гремела у ворот столицы, и было не до идеологической брезгливости. Утром восьмого числа, как только выползли за ближайшие пригороды, эшелон попал под массированную бомбёжку. Николай снова оказался в госпитале, опять в родном Челябинске. Теперь в госпитале, расположенном в десятой школе пятого участка ЧТЗ, в километре-полутора от места, где оживал после финской.

На областной встрече бывших спецпереселенцев Николай Афанасьевич очень волновался, суетливо, по-стариковски перекладывал из кармана в карман упаковку валидола и не выпускал стакан с водой из руки с неполным комплектом пальцев...

*

* *

Елизавета Ивановна то собирает, то веером раскладывает на столе реабилитационные справки на всех родственников, справки о сроках пребывания под надзором, выписки из личных и следственных дел. Потом бережно достаёт из пакета старинные, чудом сохранившиеся фотографии и, ласково заглянув в каждую, передаёт мне. Застывшие мгновения доабсурдного и родного прошлого. Мужественные, с бородой по пояс, хозяева деревенской России, не крепостная покорность, а достоинство во взгляде и позе, на груди, одинокая, делом добытая медаль, а то и Георгий. В женских образах та забытая по распутству души и плоти красота, что не в

родстве с бардачно-коммерческой сексапильностью и высоко именуется женственностью. Где же они таких находили?

Грусть и последнюю надежду испытываешь одновременно, глядя на эти фотографии. Грустно, что так внезапно оборвалась восходящая и подлинно национальная крестьянская культура. Стоит заглянуть в акты раскулачивания и убедиться - на мужицком дворе было многое из того, что определяло цивилизованное по тем временам ведение производства и психологию уверенного в себе хозяина. Реабилитированное спустя шестьдесят пять лет кулацкое отродье помнит эту культуру живой и, что вовсе поразительно, до бытовых мелочей — от дожелта выскобленных половиц церковного прихода до узора вышивки на домашних полотенцах. Как поимённо хранит в памяти всех родственников.

Понятие родины имеет для бывших переселенцев глубокое первоначальное значение. С точки зрения вчерашнего советского бройлера, озабоченного утробными проблемами дня текущего, кажется смешным, или фактом умственной сдвинутости, повышенный интерес кулацкого потомства к следственным делам родителей. А тем более — стремление восстановить в памяти свою родословную. Зачем? Разве недостаточно простой всеединой любви к нашему общему Отечеству?

Для многих, очень жаль, сознание по-прежнему определяет бытие — сначала быть сытыми, а потом, на досуге, поразмышлять о человеческом. Мы нищие, а потому осмысленно зрим только вбок. Спешим из ничего в никуда. Без благодарности пращурам, без надежды на светлую память потомков. Свидетельством тому заросшие могилы тихих деревенских погостов, неприбранные с войны останки отцов и развязные наши дети.

Елизавете Ивановне Воробьёвой, урождённой Разуменко,[2] не повезло задолго до рождения. В самый разгар столыпинской реакции, как сказал бы штатный летописец-марксист, её родители — Иван Назарович и Матрёна Павловна — побежали от украинского малоземелья на восток. С единственной целью — жить сносно. Долгими месяцами тянулись на телегах через всю Россию, пока не упёрлись в малонаселённые чернозёмы южного Зауралья. Остановились в хуторе Жохово, основанном первой волной перекатной голи с той же Украины. К зиме вдоль озера Лебединого улицей встали двадцать две хаты. После нищеты и межевых драк на родине новые места показались раем.

К первому переполоху, что позднее назвали Великим Октябрём, в хозяйстве держали четырёх лошадей и десяток голов рогатого скота. Гражданская, дважды прокатившись по Зауралью, сно-

ва загнала в нужду, но желания жить сыто не убавила. Ко второму деревенскому перевороту, вытолкнувшему на столбовой путь нищеты, скот восстановили, приобрели сельхозмашины и в складчину на несколько семей купили трактор. Хоть поработать на нём пришлось лишь один посев, Елизавета Ивановна вспоминает об этом приобретении с гордостью.

В отличие от многих бывших, традиционно и испуганно, как на допросе в ОГПУ, отрицающих применение наёмного труда, Елизавета Ивановна смеётся — конечно, нанимали. И на посев, и на уборочную. Но наотрез отказывается принять политическую кличку «кулаки». Аборигены соседней деревни Лебёдки, люди неторопливые и неприхотливые, с приездом столыпинских переселенцев начали потихоньку сдавать им землю, постепенно вошли во вкус, а некоторые совсем бросили хлебопашество. Если натуральной платы не хватало, легко шли подрабатывать к разбогатевшим соседям.

Великий перелом развёл судьбы соседей. Кулацкое Жохово намеривалось работать и жить по-старому, лебёдкинским пролетариям, осознавшим свою историческую миссию, хотелось чего-то новенького и прогрессивного. Морозным январём тридцатого развернулись главные события. На хутор налетели активисты, возглавляемые райуполномоченным. Комиссар, хоть и был трезвым, но вёл себя нарывисто и громко нёс что-то про классовую борьбу. Рядовые революционеры были «хорошими». Не умея изъясняться соответственно историческому моменту, они крыли матом скупых хохлов и требовали немедленно открыть амбары.

Витиеватость сюжета заключалась в том, что отец и дед, вызывающе эажиточные, ходили в большом почёте. Они слыли первыми в районе кузнецами, умелыми работниками и рыбаками. Иван Назарович водил дружбу с начальником милиции Дегтярёвым, бывал у них даже секретарь Челябинского окружкома ВКП(б) Финковский. На таких пока лаять было опасно.

Из-под следующей разнарядки на выселение, как ни ублажал отец власть, отдав лучших лошадей в коммуну, вывернуться не удалось. Кинулся было в район. Бывшие друзья, вчера ещё ласково заглядывавшие в задницу благодетеля, от встречи уклонились и спровадили Ивана на лесозаготовки. С семьёй, повисшей на плечах Матрёны Павловны — десять девчонок и двое пацанов, все от семнадцати до года, — расправились, как требовалось по партийной инструкции. Сначала дотла обобрали.

Стыдно было за людей, вспоминает собеседница, когда с нас, девчонок, нацепивших на себя по два-три платья, во дворе и при-

людно их сдирали. При этом все нехорошо смеялись. У четырёхлетнего брата Володи случился нервный шок, и на полгода полностью отнялась речь. Следующим же днём после раскулачивания во двор вошли комсомолки и по-хозяйски стали доить национализированных коров. Не кормить пришли, а сразу доить. На одной из активисток была шаль с кистями, в которой Лиза ходила в церковь. Подаренных коммуне лошадей и часть трактора, конфискованного год назад, занесли, чтобы оттенить социальную мерзость девчонок, в акт раскулачивания.

До станции Чумляк их гнали те же активисты, а напоследок, в ночь перед погрузкой в вагоны, ещё раз перетрясли и перещупали всё тряпьё в поисках кулацкого золота. Потом к этому привыкнут. На каждой ночёвке этапа и года три в ссылке их будут преследовать поголовные шмоны. Чем дальше, тем злее.

В двадцатидневном переходе по тракту крестьянского горя — от Тюмени до Тобольска — девчонки потерялись. Разве упрячешь в сани такую ораву? К тому же подростки старше четырнадцати должны были топать в ссылку пешком. Летающие вдоль сплошной колонны верховые нагайками расправлялись с нарушителями. Матрёне Павловне хватало заботы с двумя годовалыми двойняшками — Валей и Соней. При всей бесчеловечности творимого она оставалась матерью и на ночёвках, уложив малышей, собирала по дворам рассыпавшуюся семью.

Двойняшек только до Тобольска и довезли. В дороге пообморозились даже взрослые. Потом холодная сырость разрушенного Софийского собора и нары в три этажа, рубили и жгли иконы, чтобы обогреть детей. Потом стылые с забитыми окнами бараки нижнего города. Тут младшенькие и умерли.

Весенними баржами крестьянскую ссылку второй волны опять спустили по Оби. По берегам бушевали голод и тиф. Партию, в которой находилась семья Разуменко, высадили в посёлке Юрты-Резаны. С коренным населением — хантами — поступили круто. Гепеушники просто выбросили их из тёплых зимних юрт в летние. Пользуйтесь нашей добротой! — широким жестом пригласила кулаков к новоселью власть. Мужиков и всех трудоспособных отправили на речку Вогулку строить посёлок Ингисоим.[3]

Зимой основное занятие ссылки — лесозаготовки. Мужики и взрослые женщины уходили вглубь тайги на лесоповал промышленной древесины. Девчонкам и малолетнему мужскому подгону нарядили заготовку дров. Немного спустя, когда всех иждивенцев сняли с продовольственного снабжения, все, кто держался на ногах, пошли в лес. В штатные рабочие, претендующие на получение

мизерного суррогатного пайка, детей принимать запрещалось — социализм! Вот и оставалось одно — помогать старшим выполнить ударную норму, чтобы могли получить полный паёк.

Поленья надлежало пилить не короче семидесяти пяти сантиметров. Пилить ладно, как-то с трудом великим получалось. Но вот колоть! Почти ежедневно ревели девчонки, всадив топор в узловатый и неподъёмный комель. Было от чего расстраиваться: если не выполнишь норму или приёмщик найдёт в поленнице короткие дрова — лишали пайка. Заготовленные тысячи кубометров потом никуда не вывезли, они сгнили прямо в штабелях, и много скорее, чем кости малолеток, не выдержавших ада ссылки.

Летом трудоспособных и выживших перегнали на Обь. Вчерашних земледельцев сделали рыбаками. В первый ссыльный сезон идея тотального рыболовства пришла партийным властям наобум. Не то чтобы Советы испытывали острый недостаток очищающего интеллект фосфора, нет. Рыбу хорошо и в достатке ловили аборигены. Только покупай. Надо было занять огромную массу сплавляемого по северным рекам люда. На следующее лето удачный экспромт обрёл черты положительного начала в решении вечно актуальной продовольственной проблемы.

Назвать матушку Обь кормилицей крестьянской ссылки — значит, почти ничего не сказать. Значит, забыть, что рыбу ловили каторжане, что были планы простые и встречные, что всё выловленное подлежало отправке красными обозами и эшелонами. Что и тут в полную юридическую силу действует «дедушкин указ». Словом, картина Репина — «Лов рыбы на Оби в неуставной рыбартели имени ОГПУ».

Нештатное население приобской и лесной ссылки с наступлением тепла тоже меняло характер трудовых увлечений. Ничто не учит так основательно, как голод. Дотянув до лета, отощавшие старики и дети выходили на сбор и заготовку подножного корма. Делать это приходилось попутно, хотя заготовительные организации уже с интересом присматривались к лесным шатунам — нельзя ли из говна квас сделать.

Однако не подножный корм спасал ссыльное детство. Выжили преимущественно те, кто в суровые тридцать голодные жил с трудоспособными родителями или в крепком родственном кусте. Одиночек ссылка выжгла сразу. Потеря или увечье родителей были равносильны смертному приговору. «Ради Бога, не оставайтесь здесь, бегите домой, а то сдохнете!» — наказывал перед смертью сыновьям искалеченный на лесоповале отец. Один из них внял совету и выжил, написав про это мне. Братья остались и в

зиму тридцать третьего вымерли под Ныробом. Иван Разуменко почти вытащил семью из лютых лет. Почти.

Той осенью с планом рыбозаготовок было особенно плохо. Потому путину затянули под самые октябрьские праздники, когда по ночам мороз уже перехватывал льдом весь просвет реки. В одну из ночей тридцатитонная баржа, на которой работал Иван Назарович, вмёрзла окончательно. Вместе со сданной промысловыми бригадами рыбой. Двое суток мокрые и злые долбили лёд у бортов плашкоута, надеясь, что подойдёт буксир и спасёт. В конце концов, реку так закоробянило, хоть до полюса на коньках беги.

Дело случилось километрах в ста южнее Берёзово. Эту сотню налегке, в бродняк Иван со товарищи и отмахали. Пытались двигаться по льду, прожигал насквозь даже небольшой ветер вдоль реки, и лёд местами был сильно заторошен. Пошли лесом вдоль берега, прямо по снежной целине. Когда подходили к Берёзово, Иван Назарович находился в том сумеречном состоянии здоровья, при котором, кажется, легче умереть.

Утром в больнице с ужасом узнал, что жену Матрёну Павловну арестовали за какое-то вредительство и ещё вчера пригнали в Березовскую тюрьму. Бросился в ноги начальнику тюрьмы. Ссылаясь на то, что без помощи ему не дойти до дома пешком, что он передовик труда, это было чистейшей правдой, выпросил-таки жену, клятвенно пообещав — к десяти ноль-ноль утра та будет на своём месте в камере. Так и осталось неясным — человеческому состраданию или хорошему настроению начальника Березовской тюрьмы супруги Разуменко обязаны короткой и последней на этом свете встречей.

Утром мать ушла в тюрьму. А отец слёг всерьёз, по ночам страшно кашлял и при каждом стуке поднимался испуганно с кровати: «За мной идут!» Боялся злой памяти Советской власти, ведь по своим хозяйственным характеристикам он вполне тянул на первую категорию, которую разом смыли в концлагерь. Могли завести дело и по факту вмерзания плашкоута, в моде ходило вредительство. Может, и дождался бы гостей вправду, доживи он до первых чисел декабря, до того свирепого постановления, по которому душами таких вот «мужиков-вредителей» расквитались за сомнительное убийство Кирова.

В доме остался отец, ещё раньше свалившаяся с ног сестра Татьяна, двое младших братьев и Лиза. Две сестры работали на заготовках, двоих отправили за сто километров в Перегребное, в школу для спецпереселенцев. Стало невтерпёж. Вчера ещё уверен-

ный в себе пятидесятилетний мужик с ужасом видел, как разваливается семья. Он знал цену ссыльного сиротства.

Незаживающим шрамом памяти для каждого нормального человека остаётся взгляд умирающего родителя. В глазах отца Лиза ловила боль, вину и бессилие. «Нет на свете человека, которому сейчас хуже, чем мне», — пожаловалась она в тот день, 23 ноября, своей подружке. Нет, есть, возразила соседка-горемыка. Она ошиблась, в тот день умер Иван Назарович.

Отец лежал в доме больше недели, стал нехороший. Копать могилу было некому, соседи хотели вынести тело на улицу, но Лизе было жалко отца. Потом, когда умерли с голоду соседи-переселенцы Попов и Кутько, совместно выдолбили могилу и похоронили сразу троих.

Мать отпустили через три недели, вредительство не подтвердилось. Это и спасло семью. Матрёна Павловна всю дорогу до Ингисоима торопилась, будто хотела успеть к чему-то, а по посёлку, заснеженному и вымершему, пошла тише и тише, боясь взглянуть на родной дом. Дошла до крыльца и не выдержала. В дом её ввела повзрослевшая от горя дочь и хозяйка...

Ссыльное детство незаметно и естественно вросло в годы расстрельные. Ингисоим. Лето тридцать седьмого, покос. Наши малолетние персонажи уже вошли в трудоспособный возраст, тот возраст, когда следует жить не только деятельно, но и сугубо ответственно. У каждого дня достаточно своих забот, да не всегда хватит ума осознать это.

Возвращались с покосов, расположенных на другом берегу Вогулки, большой бригадой. К тому времени ссылка держала общественно-энкэвэдэвский скот. В неводник усаживались, шутливо толкаясь и подтрунивая друг над другом. Смех моментально стих, когда на берегу у посёлка увидели катер НКВД и четверых засупоненных сотрудников, расхаживающих по песку. Холодное предчувствие не обмануло. Прямо на берегу из бригады выдернули тринадцать молодых мужиков, а остальным приказали разойтись. В число арестованных попали родственники Иван и Александр Яковлевы, соседи по ссылке и земляки — Мальцев, Духонин, Шевелёв, Грачёв, Стариков и другие.[4]

В воскресенье целая депутация спецпереселенцев пошла в Берёзово выяснять причину ареста. Была среди них и Лиза. В здании НКВД играла музыка. Вышедший дежурный сотрудник сначала с глупой наивностью сказал, что и слыхом не слыхивал о таких, а потом, игриво сменив мину, угрожающе посоветовал просителям впредь ничего не узнавать, во спасение собственных

шкур. Больше арестованных никто не видел. На настойчивые, спустя пятьдесят семь лет, запросы Елизаветы Ивановны о родственниках Яковлевых было заявлено, что они расстреляны в октябре тридцать седьмого в Ханты-Мансийске.

Старшую сестру Феню вынули из пайковой очереди за контрреволюционные разговоры про то, что жрать нечего. По причине шестимесячной беременности дали только десять лет. Вообще-то Феня тянула на полноценного врага народа с летальной мерой социальной защиты, ибо творила преступное деяние на территориях, приравненных к военным, со строгим комендантским режимом. Казус спас её от солидной дроби 58-2 УК. Четырёхлетнего больного ребёнка бабушка взяла из омской тюрьмы. Все десять лет мать ничего не знала о нём. Брат Павел погиб в Белоруссии, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Перед отправкой на фронт ему купили первую фуфайку.

«Расскажите побольше о маме», — напоследок попросила меня Елизавета Ивановна. Что ей ответить? Каждая беседа со спецпереселенцами заканчивается такой просьбой. Не остывает в душах этих прадедушек и прабабушек сыновняя любовь и благодарность. Их родители действительно святые, и за то, что выстрадали, и за то, что сотворили. Спасибо и тем, кто хранит светлую память о родителях-спецпереселенцах.

Мы — дети Страны Советов, не помнящие родства. У полстраны оно с треском оборвалось в тюрьмах, лагерях и ссылках. Но мы — внуки и правнуки России! И это вселяет надежду. В нас гены великого народа, где честь и достоинство рода были надёжной гарантией служения Родине. Осознавшие или не забывшие, что единство российской истории состоит не в хронологической смене благонамеренных тиранов и реестра подвластных территорий, а в живой, не выпадающей из памяти связи поколений, даже в глухой старости торопятся оживить древо своего рода, очистить его от помоев большевизма.

На какой-то стадии социальной реанимации к нам вернётся здоровое ощущение того, что история не есть набор сюжетов про интимную жизнь монархов, вождей, генсеков, про криминальные выходки временщиков, снующих в современных информационных помоях. Успокоятся до нормы плоть и половое подсознание, взбудораженное многотиражной и всеэкранной похабщиной. Мы обречены стать нормальными людьми. Придётся сожалеть, что не нашлось желания, средств, бумаги, эфирного времени для того, чтобы выслушать исповедь принудительных строителей той цивилизации, на обломках которой так нетвердо стоим. А мы перейдём

от лирики личных воспоминаний к документальной прозе в режиме объективно заданного социалистического сюрреализма.

*

* *

Дети-спецпереселенцы. Хотя крестьянская ссылка была подана политической расправой с классовым врагом, главной жертвой стало деревенское детство. В эшелонах и обозах, конвоируемых на Север лютой зимой тридцатого, около половины репрессированных были моложе шестнадцати лет. В качестве совершенно типичных примеров даю расклад перемещённых лиц по двум районам Урала. Вечером второго марта 1930 года на станцию Лебяжье прибыла, а назавтра отправлена маршрутом на Тюмень, партия кулаков числом в пятьсот девяносто душ из средненького и серенького Мокроусовского района. Среди них 230 детей, 60 стариков, по 150 трудоспособных душ обоего пола.[5] И всё это в диапазоне от года до девяноста лет.

Доля кулацкой зелени в партиях, надо полагать, заранее не планировалась. Не в пионеры принимали. Относительно равный уровень по тридцати обследованным районам Урала вытекает скорее из сложившегося состава крестьянской семьи. Высшая математика ревинквизиции проглядывает в другом, разнарядки на репрессии по районам рассчитаны на каждого тридцатого.

Вооружённые математико-исторической закономерностью, сунемся в мир фактов. Богатому, с 25 тысячами населения, Белозерскому району, что тянется поймой Тобола, контингент лишних можете рассчитать сами. Совершенно верно, восемьсот тридцать три и три в периоде. РайГПУ и райисполком прикинули закон на местность, у них тоже получилось 853 кулацкие единицы, 300 детей, 100 стариков, остальные в пополаме между бабами и мужиками. Украсили Белозерский этап Худяков Иван Николаевич из деревни Скопино, родившийся за две недели до акции, и дедушка Бурцев Ион из села Пушкарёво, разменявший накануне второе столетие. Пятьдесят мужиков успели дать тягу, о чём внутренние органы советской власти помнили до самой реабилитации.[6]

Обобщённых и точных данных о размерах и возрастной структуре крестьянской ссылки не знают даже архивы ОГПУ, основные причины этого изложены в главе о раскулачивании. Однако промежуточные документы уральских перевальных пунктов (Тобольск, Надеждинск, Соликамск) свидетельствуют о том, что в тридцатом доля малолеток во всех партиях, прибывающих из России и Украины, зашкаливала далеко за треть. В тамошних

партийцах змеились такие же хромосомы огородного вора, в дури рвали самые крупные и зелёные семейные кусты.

Обратимся к кристально чистому авторитету. По статистике ПП ОГПУ на 1 января 1932 года, на Урале было расселено более 540 тысяч спецпереселенцев, что сделало опорный край державы лидером социалистической колонизации. Наше лидерство неоспоримо, поскольку зафиксировано в докладной записке Ягоды Сталину от 12 октября 1931 года.[7]

Пусть гепеусовская точность до десятка тысяч вас не обманет. Полмиллиона с лишком, приведённые в отчёте, учитывают только кулаков второй категории, пропущенных через всесоюзно организованные массовые кампании, и совершенно не принимают во внимание репрессированных по линии местной выселенческой самодеятельности. На ту же отчётную дату на кормовом балансе уральского ОГПУ числилось 484 тысячи спецпереселенцев, в том числе 170 тысяч детей и 130 тысяч стариков.[8] И к этому неоспоримому факту следует принюхаться. Опять косая треть приходится на детей. Позади был полуторалетний мор. Сколько же малолеток втоптала в грунт предшествующая ссылка?

Сообщения о гибели детей от холода пошли со многих комендантских пунктов. Они, правда, не имели самостоятельного информационного значения и писались в объяснение задержки с отправкой родителей. Отход детского поголовья на следующих этапах, вплоть до места постоянного проживания, не учитывался. Общепринятой учётной единицей оставалась кулацкая семья. Комендатура приходовала контрэлемент по факту. Контроль над детским населением не озаботил и комендантов спецпосёлков, если не принимать в расчёт редкие благие движения души.

Каторжан постоянно перегоняли с места на место по всем 68 районам расселения. Оставалось только подождать до очередного сдвига, новый комендант опять принимал по факту, вымершие детишки растворялись в статистическом вакууме. Сейчас мы жутко милосердны! За жизнь родителей и муки собственные бывшие спецпереселенцы получили бесплатный проезд в трамвае и оскорбительно мелкие, но обременительные для местных бюджетов услуги. Трохи кощунственно, но хорошо, что уже некому платить за погубленных в ссылке детей.

Бюджет не совесть — не всё выдюжит.

Пошли дальше. Перед нами «Меморандум № 1» Уральского областного комендантского отдела - ОКО (инстанция по управлению крестьянской ссылкой) от 5 апреля 1931 года. Взят он из

тома с политическими обзорами и донесениями ОГПУ в адрес Уралобкома. Конспективно пробежимся по страницам.

«При обследовании спецпосёлка при штольне имени Крупской в Губахе инспектором ОКО было установлено, что около 50 спецпереселенцев не получают в течение двух недель продуктов питания... При обследовании кулацкой ссылки в Кизеловском районе установлено, что спецпереселенцы промтоварами не снабжаются, вследствие чего отмечен ряд невыходов на работу за отсутствием обуви...

Обследованием спецпосёлков Надеждинского района установлено, что в большинстве посёлков наблюдаются перебои в снабжении продуктами питания и зачастую на длительный период семьи переселенцев оставляются без продуктов питания... На почве необеспеченности продуктами питания в районе появилась эпидемия сыпного и брюшного тифа...

В связи с необеспеченностью продуктами питания повсеместно отмечено снижение трудоспособности и увеличение заболеваний тифом и цингой... (Сосвинский и Гаринский районы).

В Ивдельском районе отмечены перебои с продовольственным снабжением переселенцев и полное отсутствие промтоваров. Участились случаи побегов ссыльных и заболеваемость...

В Берёзовском районе заболеваемость цингой приняла угрожающие размеры...

Чусовской район. По причине недостаточного питания массовая заболеваемость переселенцев, особенно детей...

Ныробский район. Обнаружен ряд случаев, когда ссыльные даже в мороз были совершенно разуты. Нет даже лаптей. На этой почве отмечены массовые заболевания. В районе за отсутствием муки переселенцам выдаётся хлеб с примесью 90% опилок...

Чердынский район. Спецпереселенцы совершенно не обеспечены продовольствием...

Тобольский округ. Массовое заболевание тифом...»[9]

Заканчивалась первая зима ссылки. По всему поясу социалистической колонизации полыхал голодомор. От тифа и голода вымирали целые посёлки. Ещё в конце тридцатого государство, ссылаясь на дефицит продовольствия, ссадило с обеспечения иждивенческий контингент переселенцев. Скрытое паскудство властей заключалось не только в том, что партия, не решившись прямо дать подлую директиву, приказала это сделать потребкооперации. Трудоспособные члены семей были принудительно объединены в производственные бригады и вывезены на лесозаготовки в тайгу, где безвыездно находились шесть — девять месяцев. Денег

им на руки не давали, зарплата уходила на погашение стоимости пайков. Что деньги, продуктов в свободной продаже не было даже в континентальном социализме.

Безответные дети, старики и женщины перешли на подножный таёжный корм. Перед фактом массовой детской смертности от голода комендантам посёлков дали понять, что не стоит строго блюсти инструкцию о ссылке, запрещающую покидать место отбывания. Не нужно, проинструктировали комендантов изустно, препятствовать уходу детей (только детей!) в лес и тундру в поисках продовольствия и попытках бегства в родные края. И уходило ссыльное детство в зимнюю тайгу, чтобы, заблудившись, умереть от истощения или стать жертвой хищников. По весне местные власти северных городков всего Урала с тревогой сообщали о выходе из лесов многих тысяч голодных беспризорников.

Алмазной россыпью осела в сокровищнице партийного опыта ссылка тридцатого. Следующей кампании надлежало стать бриллиантом, впаянным в ювелирное творение большевистской вразумительности. В тридцать первом ссылали больше, но в каждом репрессированном требовалось распознать трудоспособного или хотя бы примитивно полезного делу социализма раба. На станциях отгрузки и перевалки поставили селекционеров, способных походя и безошибочно определять общественную надобность отгружаемых. Как потом будут делать в Освенциме и других гитлеровских концлагерях.

Лучше всего для селекционной работы подходил райисполкомовский кадр, сочетающий легитимность должности с лютостью. Место, прямо скажем, ответственное. Попал селекционер сердобольный, честно отсеивающий зелёных да жухлых, в обком жаловались местные партийцы — саботирует, мол, контра классовую борьбу в деревне. Когда у вагона вставал идейно убеждённый, обкому жаловалась комендатура перевалки на то, что местные власти обманывают партию и вместо толстопузых кулаков сплавляют на Север потенциальных покойников.

На Север, встречным курсом малолеткам, бегущим из ссылки, двинулись полусироты тридцать первого. Одни самостоятельно, самоходом. Это их появлению с юга удивлялись, а потом чертыхались коменданты спецпосёлков. Других доставляли к месту перековки колёсно. Заглянем в один из эшелонов тридцать первого, чтобы убить фактом все сомнения. Страна уже привыкала к глухим стонам из пролетающих теплушек, присмотрелась к снующим вдоль меридианов спецэшелонам. Бесконечные этапы, растворяющиеся в дымке горизонта, стали обычными для уральского

зимнего ландшафта. Вагоны открывать не будем, развернём реестр душ, отправленных эшелоном из Юргамыша, скажем, в Надеждинск. Вагонов в составе семь, 237 человек переданных по акту. Из них 110 человек младше десяти лет![10]

Десятки тысяч детей, оставленных ссыльными в уральских деревнях — у родственников, знакомых и просто так, в расчёте на выживание, — первыми попали под голодуху. Рядом с ними горькую судьбину хлебали дети, родителей которых причислили к кулакам третьей категории. Тут забирали только трудоспособных членов семей, а детей и стариков, чтобы не омрачать панораму индустриализации бытовой убогостью, оставили в деревне. Но государственным вниманием не обошли. Об очередном повороте их судьбы напоминает вот эта партийно-гепеусовская ксива - телефонограмма № 95 ПП ОГПУ на Урале.

«Всем начальникам райуправлений ГПУ». Естественно, секретно. «В ближайшее время предстоит подъём кулацких семей... Выясните наличие трудоспособных женщин, мужчин-стариков, детей-подростков, могущих быть использованными на работе в совхозах: зерновых, скотоводческих, огороднических и на лесозаготовках...»[11] Третьесортный детско-старческо-бабий трудресурс мобилизовали и передали в вечное бесплатное пользование свежеорганизованным совхозам, а также лесотрестам.

Обсевки крестьянских семей из глубинки перегоняли вместе с гуртами конфискованного скота за сотни вёрст в совхозы-гиганты. Следовавшие за гуртами телеги или сани подбирали павших животных. Для учёта. За падёж скота снимали головы, лепили саботаж или вредительство. За естественный отход кулацкого поголовья не наказывали, почитая таковой необходимым следствием классовой борьбы. К зиме на тридцать второй многие уральские совхозы обросли таборами-экономиями национализированных детей, стариков и скота.

Со ссыльными на Север мы как-то познакомились, заглянем в лица тех, кому посчастливилось отбывать ссылку на юге. По разнарядке Курганского окружкома предписывалось направить из Юргамышского района в звериноголовский совхоз «Овцевод» 450 человек из числа выселенных по третьей категории.

Для подъёма общественного животноводства признали необходимым мобилизовать, к примеру, Хлызову Татьяну (Кипельский сельсовет), её свёкра и свекровь, которым на двоих было сто шестьдесят с гаком, семью Черепановой Натальи (Кислянский сельсовет) с дочерью 11 лет и сыновьями-погодками 1 и 2 лет, семейную бригаду Ситникова Якова Филипповича, 73 лет (Уби-

епский сельсовет), в составе жены 73 лет, снохи и годовалого внука, матери Екатерины Афонасьевны 92 лет. Из 437 человек, отправленных самоходом к месту отбывания, более двухсот детей младше четырнадцати лет и семьдесят стариков. И ни одного работоспособного мужика.[12]

Вал детской беспризорности захлестнул Урал и всю крестьянскую ссылку от Карелии до Сибири. Сиротством и нищенством расцвела колхозная деревня. В борьбе с голодом ссылка была бессильна. Скоро опустились руки и перед массовым сиротством. Поначалу комендантам спецпосёлков, особенно таёжных, не имеющих постоянной связи с внешним миром, пришло в голову создавать примитивные детские приюты на местах. Обычно в один из бараков помещали всех потерявших родителей детей. Скопление голодных и беспризорных детей провоцировало весь букет эпидемий, обычных для такой ситуации, — тиф, цинга, кишечные инфекции от употребления непотребного.

Облздравотдел пытался даже остановить приютскую самодеятельность, но безуспешно. «Забирайте сирот, если вы такие милосердные», — сердито отвечали коменданты спецссылки хором с областным комендантским отделом. Обе высокие стороны хорошо знали, чья кошка мясо съела, но молчали. Забирать беспризорников некуда, партийные власти надеялись, что проблема ссыльного сиротства утрясётся как-нибудь сама и удастся сохранить раздельное воспитание обычных детдомовцев и социально опасного кулацкого помёта.

Количество временных детских изоляторов, коими по существу были приюты ссылки, учёту не поддавалось. Как, впрочем, и число самих спецпосёлков. Ареал ссылки крупно дышал. С началом навигации таёжная глухомань оживала, слышались пронзительные для вековой тишины голоса робинзонов, стук топоров. Спустя два-три месяца под остывающим осенним небом вырастал очередной кулацкий скит. Весной подпирал голод, отдалённые спецпосёлки начинали вымирать, выживших перетаскивали в более крупные населённые пункты. Вместе с сиротами.

Короткая память, сиволапая жизнь. Природа и та забывает про годы лихие. Плешинами мелколесья среди тайги отмечены бывшие стойбища антисоветского элемента. Прошитая лиственницей крыша барака напоминает, что зло всё-таки конечно. Даже если оплачено многими судьбами. И только вблизи, когда притронешься к полусгнившим и тёплым срубам развалин, как на родном пепелище осознаёшь — всё это было почти вчера. Жуть про-

шлого перестаёт быть абстрактным историческим фактом, и в душе поднимается обычная человеческая боль.

Самодеятельные комендантские приюты не сдержали напора сирот. Беспризорники, опасаясь холода, ломанулись на юг. С января по июнь тридцать первого только с улиц Свердловска сняли более десяти тысяч бездомных детей. Свыше двух тысяч подростков снято с товарняков стрелковой охраной станции. Познакомимся с типичным, под грифом «Секретно. Срочно», документом времён детского исхода, поступившим в облисполком. «Березниковским районо, — читаем выцветшие строки, — в силу чрезвычайно большого притока беспризорников из спецпереселенцев организован детский интернат... Приток беспризорников ежедневно продолжается. Интернат переполнен... Из-за отсутствия денег, а также пайков находимся в крайне тяжёлом положении».[13]

Сообщения о наплыве малолетних каторжан летели со всех районов Урала. Пришлось сожалеть, что выпустили детей из ссылки. Пусть бы уж там и мрут. Просьбы о помощи продовольствием становились лаконичнее и истеричнее. «За последнее время принято более 500 спецпереселенцев. Положение их в отношении обмундирования и обуви очень плохое, в большинстве разуты и раздеты». «Детдом переполнен, средств нет!». «Вышлите деньги на детприёмник!».[14] Просьбы детдомов о помощи, набранные бисерной нонпарелью, не упрятать бы в том, подобный этому. Я взял за типичное стенания из приютов Тобольска, Очера и Нижнего Тагила.

Городские и районные попечители ещё взывали. Затерянные в таёжно-тундровых углах детские приюты вымирали тихо, безо всякой надежды. Движимые отчаянием, местные просвещенцы, на которых свалилась сотворённая другими беда, решались порой на поступок. Весной тридцать первого просвещенцы Надеждинска, сформировав пробную партию в двадцать пять сирот, направили их в распоряжение областного отдела просвещения; в сопроводительных документах ссылались на то, что не могут больше переносить картины смертно голодающих детей.

Младопереселенцев тотчас вернули отправителю и пожаловались в Уралобком ВКП(б) — каков сюжет, а? — на бездушное отношение к сиротам со стороны надеждинских педагогов. Под кредит искреннего возмущения удалось сварганить совместно подписанную бумагу, запрещающую перевалку детдомовцев без санкции областных контор. Документ оказался очень своевременным. С целью упреждения директиву разослали по районам, ею

же одарили отправленных восвояси подкидышей из Кушгура, Тагила и иных расторопных мест.

Одновременно с указаниями вглубь ушла директива тех же инстанций, подкреплённая постановлением Наркомпроса от 3 февраля 1931 года и устанавливающая месячные нормы питания для детдомовцев. Отправляли её самой несекретной почтой и в ироническом расположении духа. Причитающихся воспитанникам 12 кило хлеба, 2 кило мяса и, самое смешное, 15 штук яиц в месяц не получали со времён НЭПа даже ответственные работники облпроса.[15] По заборной книжке рядового совслужащего шло, при удачном направлении ветра, по 450 граммов хлеба в день, а писком гастрономического вкуса почиталась селёдка да квашеная капуста. А тут на тебе, какому-то кулачонку полкило сливочного масла в месяц! Чай не в капитализме живём.

Уральские педагоги совместно с партийными организациями демонстративно-суетно провели кустовые и областные совещания с обязательной повесткой «Об очередных задачах по охране детства», на которых было сделано более четырёхсот докладов и выступлений. Разработали планы мероприятий. Планы удались. Их украшали программа коммунистического перевоспитания детдомовцев и почин об организации общества «Друг детей».

От раздельного содержания социально здоровых и кулацких сирот увела обстановка. Детдомам разрешили принимать детей ссылки. На государственную милость места отреагировали естественным вопросом, — на какие средства содержать новичков? И, чтобы не попасть впросак, требовали разъяснений, — о каких спецпереселенцах идёт речь. О тех, кого выселяют, или о вселяемых. Вопрос-то серьёзный. Из всех районов Урала, кроме полярных, кулаков выселяли, а в 68 районов их вселяли. Сироты плодились по обе стороны ссылки.

Хотя все детдома Урала сразу же оказались переполненными, волны беспризорности они не остановили. Домашние сироты ещё как-то бились внутри деревень, ходили по миру, скитались по родственникам и знакомым; безотцовщина ссылки, в понимании того, что в следующей зиме не выжить, по теплу подалась на родину. По всему поясу колонизации. Естественным источником жизни для неё было воровство.

Горе приедается. Крикливые толпы грязных оборванных детей вызывали всё меньше сострадания, но растущее внимание со стороны известных органов. «За второй квартал 1932 года задержано 4065 детей-преступников, в третьем квартале 6274 человека. Детская преступность растёт особенно на ж.д. станциях... От мел-

кого воровства, хулиганства детская преступность заметно переходит к контрреволюционной деятельности под руководством классово враждебных контрреволюционных элементов»[16]

Для ГПУ, цитировался текущий отчёт одной из его уральских структур, беспризорники сразу стали преступниками. Партия же поступила адекватно своему нутру и выдала очередной кульбит абсурда и лицемерия. Была объявлена беспощадная борьба с беспризорностью, поданная как отеческая забота о детстве. Не более, не менее. Отеческая забота о тех, кого сделала сиротами и пустила по миру. По отношению к сироте естественно сострадание и стремление помочь. Когда человеколюбие треплется в лозунгах визгливой политической кампании, любви и состраданию места нет. Натуральность чувств выветривается. В ходу холодное лицемерие да вульгарная показуха поступков.

Почти одновременно с разрешением принимать беспризорников ссылки детдома перевели на новую методику отчётов. Формуляр текущего отчёта требовал строгого деления воспитанников по социальному происхождению, национальности и партийности. В показательных столичных детдомах почти против каждой фамилии — «СБР, пионер». С такими отчётами можно взывать о помощи. Положительный эмоциональный фон усиливали еврейские и латышские фамилии воспитанников. А где же взять «Сирот Борцов Революции» в уральской тмутаракани?

От крупных неприятностей спасала сама ситуация, многие дети поступали в приюты без документов и в таком истощении, что определить визуально кулацкую сущность не представлялось возможным. Поэтому по графе «социальное происхождение» многие проходили как неизвестные. Потерявшим самих себя предоставляли возможность начать новую жизнь. Тем, кто был постарше и волчонком смотрел в жизнь, советская власть навсегда осталась злой мачехой. По графе «партийность» обычно все подходящие по возрасту заносились в пионеры или октябрята. Безымянным малолеткам выправляли новые метрики, записывали день рождения на красные даты и давали достойные эпохи имена — Звездины, Энгельсины, Гиганты, Темпы.

Памятуя об основной цели борьбы с беспризорностью — не выпустить ссыльных малолеток из региона, власти создали мобильные пристанционные команды по отлову беглых. В местах наибольшего скопления беспризорников — Чердыни, Перми, Надеждинске, Свердловске, Ирбите, Тобольске и других городах — открыли стационарные детприёмники временного содержания. По инструкции отловленные дети должны содержаться в таковых

не более двух месяцев. Для снятия со станций бегущих с Севера малолеток закольцевали маршруты вагонов-детприёмников. Вдоль всего пояса колонизации формировалась санитарная зона, появление в которой беспризорных детей и взрослых беглецов поднимало в ружьё местные карательные органы. Чтобы не рассыпаться в деталях и эпизодах, пройдём вместе с сиротой кулацкой тернистый путь от того момента, когда её содрали с тамбура товарняка, до путёвки в большую самостоятельную жизнь.

Взятые облавой под охраной препровождались в детколлектор. Сии учреждения рождены партийно-педагогической фантазией для чернового этапа коммунистического воспитания. Обычно детприёмник, называемый коллектором, размещался в местном домзаке на правах детского филиала камеры предварительного заключения. Порой ввести детучреждение под одну крышу с домзаком или тюрьмой не позволяли площади, тогда подбирался какой-либо барак, одинокое заброшенное строение. Лучше всего для комвоспитания подходили церковно-культовые сооружения, особенно отдалённые от глаз мирских бывшие монастыри. Представлялось, что зарешеченные окна и надёжная внешняя охрана пресекут попытки к бегству, создадут благоприятный оазисный климат идейной перековки.

Самые фундаментальные сооружения достались детколониям усиленного режима и воспитательным учреждениям ОГПУ, тяготеющим к спокойствию и внутреннему порядку. Детприёмникам, как самым ветреным учреждениям, достались объедки. «В комнате 12 кв. метров находятся 30 мальчиков, — живописует документ будни Надеждинского детприёмника, — на 38 детей 7 коек, на которых спят дети-рецидивисты. Двое восемнадцатилетних обитателей изнасиловали техничку, ограбили магазин, пьют вместе с завхозом, сторожиха скупает краденое».[17]

«Дети сидят на грязных койках, — из быта свердловского детприёмника имени Луначарского, — играют в карты, которые нарезаны из портретов вождей, дерутся, курят, ломают решётки на окнах и долбят стены с целью побега. На обед их выводят строго по счёту и под охраной». Недостаток питания, отмеченный попутно комиссией, компенсировали духовным продуктом. Воспитанникам выдали газеты с материалами очередного съезда Советов.[18]

«Детприёмник переполнен, — секретно сообщали на другой веси, — вместо полагаемого двухмесячного проживания дети здесь находятся до шести месяцев и дольше. Детдома для детей из приёмника закрыли двери. Вагон-приёмник, не считаясь с положением дел, везёт к нам детей с улицы безо всяких разговоров...»[19]

Вскоре отношения между детдомами и коллекторами совсем испортились. Беспризорщина прибывала. Вагоны-приёмники на крупных железнодорожных узлах, имеющих стационарные приюты, быстренько освобождались от сиротского балласта и передавали его, чтобы не ругаться в затяг с местными педвластями, на попечительство дорожным отделам ГПУ. С гепеусами боялись конфликтовать, и те перегоняли детей в приюты.

Областной нарпрос утонул в заявках на размещение детей. Начался мерзостный сиротский биллиард. По разнарядкам, выданным облнарпросом, приёмники навадились отгружать надоевших клиентов в провинциальные детдома преимущественно южной полосы Урала. Провинция от детей наотрез отказалась. По причине отсутствия средств и богатого наличия местной беспризорщины. Дозрели те, что были оставлены ссыльными на селе. Часть прибывших воспитанников возвращали, не приходуя.

Не знаю, как там в остальной России, а на Урале избыток сирот усугубляло ещё одно обстоятельство. Ознакомимся с директивой Наркомпроса №1299/с.

«Всем Край и Облоно. Секретно.

Управление ГУЛАГа ОГПУ обратилось в Наркомпрос по вопросу о размещении в детдомах соцвоса детей заключённых. Учитывая, что:

— по положению о лагерях ОГПУ в них дети находиться не могут (исключая младенцев на период кормления),

— за последнее время значительно участились случаи оставления приезжающими на свидание с заключёнными их детей и подбрасывания у ворот лагерей детей-малолеток,

— в распоряжении лагеря никаких возможностей для организации и содержания детдомов нет...

Наркомпрос предлагает Вам размещать вышеуказанный контингент ребят в местных детдомах...»[20]

Отныне разнарядки на детей из лаготделений ВишЛАГа, что повис севернее над опорным краем державы, подлежали немедленному удовлетворению. Взаимополезный опыт сотрудничества двух основных воспитательных структур — ГУЛАГа и Наркомпроса — позднее оформился в замкнутый технологический цикл. Репрессии со стороны ОГПУ и позднее НКВД, дробившие семью до элементарных составляющих, поставляли исходный воспитуемый сырец — зеков и беспризорщину. Щедрые сроки заключения передавали детей осуждённых в монопольное владение соцвоса.

Только незабытые имя и фамилия выделяли ребёнка из массы подопытной комвоспитанием молоди. Отсаженные от груди

малолетки ГУЛАГа порой обкрадывались и тут. Если рождённого в лагере, тюрьме или заключённого в грудном возрасте ребёнка не забирали родственники, он скидывался в детдом. Срок заключения матери полностью определял его человеческие реквизиты. Шла она, скажем, по закону «о пяти колосках» или серьёзной дробь пятьдесят восьмой, пуповину, связующую младенца с уголовной роднёй, резали. Передавая грудничка в детдом, рекомендовали оформить документы на вымышленную фамилию.

Из ребёнка делали совершенно советского человека. Матери взывали к родственникам и знакомым — если не забрать детей на воспитание, то хотя бы проследить их судьбу до отбывания срока наказания. О подлой фантазии властей многие не догадывались. По выходе из заключения оказывалось, что ребёнок освободившейся вообще не поступал в детдомовскую сеть Урала. В редких случаях, когда удавалось проследить мытарства младенцев под чужой фамилией, материнство нельзя было доказать по суду.

Мы взглянули только на одну сторону взаимоотношений ГУЛАГа и детдомов, на постоянную подпитку последних беспризорниками. В реальности связь была более продуктивной. Соцвоспитание в массовом порядке готовило свежие кадры для системы ГУЛАГа, воспитанники детдомов и детколоний скоро станут украшением и старожилами взрослой лагерной жизни.

Под напором беспризорщины вся детдомовская система Уральской области затрещала по швам и морщинам. Нужда заставила творить. Помимо дополнительных обычных детдомов срочно открывались детгородки, детские колонии и коммуны, детколхозы и другие суррогаты родительского попечения. Воспитательную экзотику оставим на потом, сначала познаем типичное, побывав в некоторых детдомах обычного режима.

Итак, Ялуторовский детский дом, декабрь 1931 года. Время детского исхода. «Доски с коек изрублены на дрова, — бегло полистаем акт областной комиссии, — металлические остатки выброшены во двор; ребята спят на полу как беспризорные, обувь у воспитанников отсутствует. Никакой обстановки в комнатах нет — «всё равно сожгут, на них не напасёшься». Воды не бывает по несколько дней. Питаются плохо, кроме воды и картошки на обед ничего не получают. Посуды нет, едят из ковшиков. На 140 человек одна чашка, ложки отсутствуют, приходится есть по очереди и руками. Освещения нет, имеется одна лампа на весь детдом, но и она без керосина».[21]

Здесь всё нормально. Перемахнём из ныне Тюменской в ныне Курганскую область прежде единого Урала. «На 47 человек 8

коек, — излагает акт обследования Далматовского детдома, — спят на полу. Мальчики и девочки спят в одной комнате. При большой скученности всюду грязь. Воздух тяжёлый. С питанием очень плохо, утром вода и 100 граммов хлеба, в обед каша или суп из картошки, вечером 100 граммов хлеба».[22]

«Состояние весьма тяжёлое», — таким прологом открывается отчет комиссии, проверяющий Еткульский детдом Челябинской области. «Топлива не подвезено ни одного кубометра. Одеждой и обувью, исключая пальто, дети не обеспечены. В настоящее время все дети разуты — нет ни одной пары годной к носке обуви, для мальчиков нет костюмов, нет платьев для девочек. Не хватает постельного белья и нательного... Скученность размещения детей привела к вшивости, множеству клопов. Дети имеют запущенный вид — грязные руки и ноги, неумытые лица, одежда на них рваная. Дети не имеют самых элементарных навыков культурного поведения — грубы в обращении со старшими и между собой. Воспитатели тоже грубы — дают детям курить, рассказывают им похабные анекдоты».[23]

Датированное осенью тридцать восьмого сообщение из Спорновского детдома высвечивает самую обратную сторону государственного милосердия. «Пошив обуви для воспитанников не производится — хром растранжирили на куртки директору и жене, сапоги — всем сотрудникам. Воруют десятками метров мануфактуру. Детдом превратился в отдел социального обеспечения за счёт детского пайка... В вермишели, выданной на кухню, 20% мышиного кала... Ночная няня ведёт среди детей контрреволюционную агитацию разговорами о том, что детям плохо живётся, и воспоминаниями о семье».[24] В семи отчётах из десяти зафиксированы факты хронического объедания и обкрадывания малолеток.

Можно цитировать акты обследования почти всех открытых детдомов той поры. Они в архивах сохранились. Но вульгарный материализм нищеты приедается. Скажу о самом лучшем в жизни наших персонажей — о духовном. Известно, что нравственное богатство личности тождественно коммунистическому мировоззрению. Надо быть с детства похожим на дедушку Ленина. Всё, что выпирает за, или буржуазная труха, или антисоветская агитация. Патологическое казнокрадство активистов капиталистического обновления России делает иронию обоюдоострой. Но к документально обоснованному юмору в адрес современности путь лежит, вероятнее всего, через очередной переполох. Если выверпемся из хомута наследной номенклатурной мафии. Пока же вернёмся к нашему окаменевшему историческому материалу.

Генеральной задачей совприютов, подчёркивалось во всех директивах, является коммунистическое воспитание. В обычной семье идеологическая инфекция нейтрализуется наставлениями и образом действий родителей. Ребёнок к десяти-двенадцати годам хорошо усваивает, что нужно врать в школе и где вести себя естественно. Таким образом, между идеологией и рассудком провисает спасительный мостик диалектического двуличия.

Детдомовщина совершенно беззащитна, поэтому стала объектом самых безрассудных идеологических экспериментов. «По программе коммунистического воспитания вступили в МОПР, собрали шесть рублей в помощь китайским детям, разработан внутренний комсомольский устав по военному делу, стали членами ОСО, имеется план «Декада обороны СССР», план пятилетки, план антирелигиозных кампаний. Состоят членами сберкассы, подписались на заём «Пятилетка в четыре года» на 15 рублей».[25] Фантазии читателя не хватит угадать, где так кипела общественная жизнь. Дело было в Оханском детском доме нормального типа. Воспитуемый контингент — девочки от 10 до 12 лет.

Интенсивность идеологической дрессировки целиком зависела от сопротивляемости подопытных. Чем тщедушнее клиент, тем лошадиннее доза. Из девчоночьих душ вили тенёта. В режиме педагогического истязания держали убогих и больных. Приюты, переведённые позднее под крыло собеса, обязывались, согласно директиве облоно и благодетеля, организовать кружки по изучению истории революции и партии, политсуды над папой римским и ему подобными, викторины на темы политической жизни, политбои, лотереи в пользу сирот революции.

Документы помнят многое. Директор наркомздравовского детдома на методической конференции хвалился, что в подведомственном заведении силами педагогов имитирован шалаш Ильича в Разливе. Всё один в один, даже головёшки в костре натуральные. Воспитанники ежевечерне и по полчаса режимно благоговеют перед святыней.

Похвалить бы мужика надо. Всякая закономерность начинается с казуса, а гениев плодит провинция. Столица их начисто обкрадывает. Вскоре по инициативе ЦК комсомола музеи с «натуральными» кострами, шалашами, ленинскими ботинками, кепками и простреленными пальто появились во многих городах Союза. Бумага предписывала всячески избегать вопросов о подлинности экспонатов. В праздники детей строем выводили к святыням.

Работать с буйными и жизнь познавшими труднее. Сунься-ка в такой вот вертеп с предложением, к примеру, подписаться на

заём. «Днём 62 человека не пошли в школу, всё перебили и грозили убить замдиректора Пудова, которого называют очковым пуделем. Бегали с ножами за воспитателями, все стены изрисованы похабными карикатурами».[26] Похабные рисунки — ладно! Как и испражняться в высоту с кроватей. Но зачем бросать камни в портреты Сталина и маршалов? С воспитанниками Спорновского детдома, о них шла речь, провели беседу о жизни детей раньше и теперь, у нас и за границей. Вы хоть и сволочи, звучало в ней, но пока ещё маленькие и, к сожалению, наши.

«Детей в порядке наказания, — излагает бумага, поступившая в облоно из Поленовского детдома, — раздевают донага и выставляют на глазах всех воспитанников, что даёт положительный эффект. Педагог стукнула мальчика головой об стену, тот истекал кровью на глазах у всех... Политико-воспитательная работа с детьми поставлена очень плохо. Детям не разъясняется о коварных методах работы врагов народа в Челябинской области, а также не разъясняют о шпионско-диверсионных методах работы иностранной разведки и тем самым не вооружают детей на борьбу с врагами народа и их отребьем...»[27] О судьбах проверяющих не скажу, директора вскоре посадили, а детям прочитали лекцию о самодурстве царского строя.

Каждый акт обследования касается и медико-санитарного состояния. В последнем примере установлено заражение чесоткой большей части воспитанников. В приюте ежедневного общения с тенью Ильича зарегистрировано на момент проверки два костно-туберкулёзных больных, два случая сифилиса в третичной стадии, четыре факта глубокой умственной отсталости, из общего состава в 66 человек 31 серьёзно болен. И, наконец, об Оханском девчоночьем приюте, где ковали малолетних политических акселераток. При факте налаженной идеологической работы медотчёт констатирует, что из пятидесяти человек большинство больны чахоткой, треть ревматики и все малокровные. За предшествующий квартал 18 воспитанниц переболели тифом и трое умерло.[28]

Зафиксировали норму будней обычного детского дома? Душу согреем посещением заведения с весёленьким названием – «детгородок». Сказочные ёлки-волки на стенах, песочницы, пухлые карапузы под грибками-мухоморами, ласковые няни...

«Оборудование убогое, ни столов, ни стульев. На раскладушках спят по несколько человек. Помещение страшно загажено, из 100 человек 35 болеют трахомой. Большинство спят вповалку на полу. Дети заявляют, что голодные и хлеба им не хватает».[29] Это Шадринский детдом для сирот-дошкольников, середина послего-

лодного, но не сытого тридцать пятого. То были последыши, угодившие на Север до или вскоре после рождения. Первые пять лет ссылка собственных браков и детей не имела. Малышей, не унаследовавших элементарных навыков нормальной жизни, ожидали бесконечные мытарства по трахомным, чахоточным, дебильноприютским заведениям. Если кому-то выпало выжить, война добила их «самоотверженной» принудиловкой во имя победы.

Идея детгородков схвачена не с ветра. В отличие от детдомов, существовавших ранее, детские городки обязаны возникновением исключительно ссылке. Тут приоритет абсолютно наш, как в изобретении сорокаградусной. Сбившаяся на железнодорожных узлах и в центрах ссылки вороватая масса беспризорщины стала бичом для местного населения. Отчёты милиции запестрели фактами диких, в ответ, расправ над беспризорниками. Детдома были забиты до такой степени, что невозможно разместить воспитанников для сна. Разношёрстную и разновозрастную публику загнали под одну крышу. Университеты беспризорщины вместили всё — от злонамеренного рецидивиста до сопливого ясельного контингента.

«Нас кормят плохо, хлеба не дают, обуви нет, у всех, кто ходит босиком, все ноги иссеклись. Мальчишки лезут к нам, дерутся, воруют, ломают окна, чтобы пролезать к нам, бросают камнями, проламывают головы... Ловят девчонок, чтобы испортить. Девчонки бегут на улицу, чтобы не испортиться, и ждут, когда нас проводит милиционер...»

Письмо воспитанниц Чердынского детгородка в адрес облнарпроса похоже на девчоночью истерику. Акт проверки приюта не столь эмоционален. Видно, он составлен не женщиной, а совпедом. «Дети окончательно разложились без присмотра. Мальчики с девочками занимаются половой связью. Как ночь, нежелающие девочки убегают из детдома, а мальчики ломятся в двери, не глядя на устраиваемые баррикады». При осмотре первых же воспитанниц пятеро признались, что изнасилованы неоднократно... [30]

Свою историю детгородки отшумели погромами, злой поножовщиной, сплошным насилием. В кампанию типизации, с её задачами мы познакомимся, перепуганных и замордованных воспитанников разбросали по приютам и колониям. «Прошу Вас, увезите меня отсюда, — умоляла работников облоно воспитанница Нюра Магафонова, — а то меня забьют и не кормят!»[31] Умоляли многие, это письмо шеф облоно Перель зачитал на расширенном педсовете; сорвавшийся с девчоночьей души крик боли цитировался в докладах и выступлениях. Про Нюру забыли. В самом деле, на Луну её отправлять, что ли? Везде так, и все привыкают.

Историческую ретроспективу в эту сторону закрою пейзажем Югорского деткомбината. «Кухня детдома находится в безобразнейшем состоянии, плита и печки развалены, дым выходит прямо в помещения, в результате чего все продукты и посуда буквально подвергаются копчению... Ежедневно в пище обнаруживаются гвозди, подошвы, тряпьё и другой хлам. Повар систематически занимается хищением продуктов, состав воспитателей засорён. Дети предпочитают есть снег, а не пить грязную воду».

Ладно, с детгородками у нас как-то не получилось. Чужие дети растут поразительно быстро. Тщедушненький подкидыш за три-четыре года если и не вырастал телесно, то душой остывал до инея во взоре. Большинство мальчиков, замечено всеми комиссиями, к двенадцати-тринадцати годам становятся нервными и злыми, не поддаются никаким мерам педагогического воздействия. Взрослея, они превращаются в приютских тиранов.

Чтобы остановить разлагающее влияние собственного уголовного элемента, была создана сеть особых учреждений, плавно выводящих криминальных подростков в большую уголовно-советскую жизнь. Наиболее распространёнными были детские колонии и колхозы. Деткоммунами и ребячьими республиками мы восхищены с детства. По книгам и фильмам. У нас на Урале всё получилось как-то комом. Почитаем сухой, не эстетизированный творческим воображением и цензурой документ.

«Колония расположена в бывшем монастыре, здание разрушено. На площади пола около 240 кв. метров живут 115 человек... Матрасы отобраны воспитателями потому, что если их отдать воспитанникам, то они их сожгут или продадут. Воруют всё, что попадёт под руку... Обилие вшей. Много грызунов мелких и крупных. Все дети ходят грязные, оборванные, большинство босые... Для отправления естественных потребностей пользуются сараями и всякими тёмными углами... Питание детей за последнюю неделю состоит из хлеба, сахара и воды, получаемых три раза в день. Обеда не варится... На складе мука хранится вместе с невыделанными кожами... Отношение населения к ДТК недоброжелательное. Это объясняется тем, что детдом занимает бывший монастырь, но главным образом хулиганством и вредительством воспитанников...»[32]

Колчеданская коммуна ничем не выделялась из подобных заведений. Может, единственным ярким пятном на биографии был погром тридцать пятого. С попожовщиной и баррикадами. Но и то как-то скучно. Возня, слабое подражание январскому бунту в

Тагильской ДТК, где завинтернатом сразу посадили на перо, а милиция штурмовала здание целые сутки.

Умом Урала не понять, чего кидаться на Россию? Каким общим аршином измерить страдание сирот, фарс государственного милосердия или святотатственное пайкокрадство? Приюты гражданские гноились на виду. Про их обитателей можно что-то узнать в оборотках детдомовского контингента Уральской области. Тут на каждом листе вся география Союза, всех республик свободных осироченные дети.

К числу важных педагогических экспериментов отнесём возню с организацией крупных деткомбинатов. Где-то к тридцать шестому в столице нашли, что сирот полезнее воспитывать в большой куче. Идею двинули в жизнь и тысячи воспитанников перетрясли снова. Десятки интернатов объединяли в один укрупнённый деткомбинат. На Урале появились города с преимущественно сиротским населением. В Верхотурье, сообщал директор тамошнего заведения, мы занимаем чуть не половину посёлка. В деткомбинат вошли 18 интернатов и прочая мелочь, население — более тысячи сирот. На воспитанника приходится по 1,8 кв. метра жилья и 0,3 кровати.

«В результате поголовного осмотра девочек в вендиспансере обнаружено 40 девочек больных гонореей, в большинстве случаев хронического и субхронического характера, люисники не обнаружены. Лаборатория при центральной амбулатории будет производить реакцию Вассермана всем детям, но в месяц она может обслужить только 150-200 человек, необходимо дать задание Облздравотделу каким-то образом ускорить это дело, так как возможно, что по внешнему виду здоровые дети могут быть больны сифилисом».[33]

История образования закрытых детских колоний, ставших во второй половине тридцатых образцом коммунистического воспитания, просто замечательна. С началом ссыльной беспризорщины Наркомат просвещения обратился в Наркомат юстиции и ОГПУ с предложением организовать совершенно изолированные детские колонии для самых непослушных. В ЦК ВКП(б) идея ушла как соображение на троих. Вверху она вызвала восторг. Вскоре, к обложной радости всех, закрытые трудовые колонии для несовершеннолетних появились на Урале.

В плоскости практического применения идей интересы авторов пошли в разбег. Наркомпрос получил возможность освободить детдома от несовершеннолетних преступников. Блюдя закон, Наркомюст разрешил карательным органам скидывать туда же мало-

летних обитателей тюрем и домзаков. Естественный вопрос, кем станут новосёлы отхожих мест, так же натурально пришёл в головы просвещенцев. «В связи с организацией по постановлению обкома закрытых трудовых колоний для несовершеннолетних, — возмущался шеф Уральского облоно Перель в январе тридцать второго, — считаю необходимым настаивать на оставлении в домах заключения подростков до 15 лет». Предупреждение о возможности полной криминализации воспитанников детколоний направили в Наркомюст и УралоблИТУ.

Адресаты посмеялись над учительским слабодушием, они-то знали — в колониях воспитанников уже нет, в колониях есть только преступники. В слабеющих упрёках и обидах прошло два года. Партийным органам это надоело, учреждения передали в ведение инстанции, одержимой единственной и правильной целью — как можно больше садить. Речь про зоркое око пролетарской диктатуры, про ОГПУ-НКВД. Детколонии ОГПУ сразу доказали преимущества лагерного содержания детей. Недолгого пребывания в гепеусовском заведении хватало, чтобы из самого буйного беспризорника сделать угрюмого и демонстративно послушного зека, автоматически забрасывающего руки на задницу при ходьбе. Вообще сводки ОГПУ свидетельствуют об уникальных возможностях лагерной методики, сравнимой с деяниями Христа.

«Воспитанница Огонь-Догановская, кличка по воле Колокол и Звенит гора, — заглянем в отчёт образцовой Кунгурской колонии, — ворует семь лет, четырежды судима, но за год интенсивного воспитания перекована в секретаря учебной части». Другой воспитанник с неприличной кличкой, что-то близкое к долболюбу, в свои неполные шестнадцать лет судимый двадцать раз за грабежи и убийство, дорос до завхоза колонии.[34]

Всё хорошо у того, кто может врать безответственно. Комиссии, третировавшие гражданские приюты, в детколонии ГПУ не пускались и на порог. Проверять чекистов? — ну уж это наглость. В архивах документов ОГПУ-НКВД почти нет, включая материалы по детколониям. Вот если бы таковые можно было толкнуть, да за валюту! Сейчас бы пароходами отгружали. А за так — ничего, простите, нет, и завтра не будет. На нет и суда нет, говорят на Руси, а есть Особое совещание.

Про особое потом. Раз нельзя заглянуть за колючий аргумент детколоний, поверим на слово жертвам чудотворного исцеления. «Мы присланы делегацией из Кунгурской деткоммуны в числе семи человек. Мы бывшие правонарушители с очень большим уголовным прошлым на сегодня являемся участниками великой

социалистической стройки. Среди нас три товарища являются членами ВЛКСМ... Один из них с громаднейшим уголовным прошлым — десять раз судился, был в Соловках, теперь член ВЛКСМ... И сегодня мы, товарищи, имеем счастье отметить такое, что нет слов сказать, какое значение для нашего дела, в частности для нас, что мы Вам передаём от нашей коммуны пламенный привет. Оправдаем Ваше доверие и придём к 17 партийному съезду с большими достижениями и доведём наш коллектив до полутора тысяч человек!»[35]

В зале, всё происходило на областной партийной конференции, долго, услужливо и стоя аплодировали. На финальную глупость забывшего текст юного зека никто не обратил внимания, хлопали согласно ритуалу. Ведущий конференцию, что было знаком для всех делегатов, даже встал. «Товарищи, — забалдевший жиган поймал заученный абзац, — разрешите от имени семисот человек бывших воров, грабителей, ныне возвращающихся снова в свой родной рабочий класс, переделывающихся в Кунгурской трудкоммуне, передать пламенный коммунарский привет!»

Гепеушники ликовали и гордо смотрели на гражданских. Тем нечем было крыть, детдомовцев, даже предварительно помытых и приодетых, редко приглашали на торжества. Благодарить вождя и партию за счастливое детство обычно поручали розовощёким отпрыскам номенклатуры, а от категории перековываемых лучше смотрелись остроманерные и хитрые зека.

Вспомоществованием занимались все государственные и общественные организации. Каждая из них вносила свою толику. Партия, власть и ОГПУ обратили детей в воспитанников, потому считали себя главными родителями. Послушаем совет приходящей няни. Циркуляром облпрокуратуры от 8 января 1934 года каждому детдому предписали: образцово организовать подсобное хозяйство, создать крепкую и образцовую дисциплину, обеспечить и укрепить мастерские, связать детдома с рабочими предприятий, колхозами и совхозами, поднять на новую высоту шефство, обеспечить стопроцентный охват воспитанников пионердвижением...

Каждый помогал чем мог. Приюты опеленали обязательствами вплоть до контрольных цифр по сбору костей и золы. А самый главный уральский папаша хвалился всесоюзному дедушке: «Под руководством областного комитета партии, неукоснительно проводя директивы партии и правительства, на основе одержанных побед на фронте социалистической стройки Урал-Кузбасс, детская беспризорность на Урале в основном ликвидирована».[36] По высокому слогу телеграммы, отправленной Калинину и председателю

деткомиссии ВЦИК Семашко, по тонкому знанию эрогенных зон советского патриотизма угадывается совместное творчество партийных и педагогических кадров.

Меж тем, во всех углах советской жизни беспризорщина наглее и чаще трясла вшивыми лохмотьями. Её полку прибыло от указа «семь восьмых», приговоры, помните, гарантировали безотцовщину либо навсегда, либо до совершеннолетия. Потом голод тридцать третьего и последующих лет, чертогон борьбы с вредителями и саботажниками. С тридцать седьмого пошли дети германско-троцкистско-японских шпионов и прочей нечисти. Отруби классового помола оседали в системе соцвоса. Шлейф беспризорщины, оставленный каждой репрессивной кампанией, превышал возможности всех наличных приютов. Где-то количество мерзости переходит в качество. Подпёрло к горлу в тридцать четвёртом.

Если говорить о переходе мерзости в подлость, надо вспомнить типизацию детдомов, их разгрузку и патронирование. Начнём с типизации. Смысл сводился к тому, чтобы распределить воспитанников по специализированным детдомам, которые, якобы, смогут лучше обставить жизнь. Специализированные по полу, возрасту, состоянию здоровья и психики воспитанников приюты следовало передать под контроль ряду Наркоматов, ослабить бремя соцвоса. Кампания инициировалась постановлением ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности» и имела прямой смысл — за счёт перетряски приютского поголовья высвободить часть мест.

Значительное число нормальных детдомов осталось в ведении просвещенцев тех областей, которые выделились из Большого Урала. Мизерный бюджет гарантировал воспитанникам тонкое сочетание скудного пайка с идеологическим истязанием. Однако, благодаря перетряске в Свердловской области, удалось вытолкнуть из соцвоса только за один 1934 год более 14 тысяч детей. По региону выходило где-то тысяч под сорок. Самые компетентные органы стали опекунами десятка закрытых детских колоний, более тридцати детприёмников и ряда других детско-воспитательных заведений с решётками на окнах и колючкой по периметру.

Делая чекистов владельцами юных душ, обкомы партии отечески подметили, что те ещё слабо вошли в роль родителей и отправляют в нормальные детдома беспризорников больных, социально опасных и даже умственно помятых. Что за порядки? В Оханский детдом Пермский детприёмник сдал 17 детей, из них 6 больные, в том числе двое сифилисом. Свердловский детприёмник имени Луначарского отправил в Тагильский детдом ребят

больных конъюнктивитом, где они заразили всех хозяев.[37] С органов стребовали честное чекистское слово быть милосерднее.

В ведение Наркомздрава отошли Сысертский дом для туберкулёзников, Верхотурский детско-венерический, Невьянский трахомный и ещё пятнадцать специализированных приютов. Собесу достались детские дома для калек и слабоумных. Денег под постановление никому не дали, возмутившимся было ответили категорически — проводите в жизнь лозунг Сталина — «Кадры решают всё!» На готовенькие деньги и дурак всё сделает.

Селекция детей по возрасту, состоянию здоровья и темпераменту в клочья разнесла остатки крестьянских семей. В массовом переселении по специализированным приютам наши герои потеряли своих сестёр и братьев. Сработала тайно заложенная в мероприятие мина. Детдома сразу же попытались вытолкнуть за ворота непослушных воспитанников. Не имело значения, в какую сторону, в уголовники или дебилы.

Отечественная психотерапия обогатилась радикальным средством борьбы с мировоззренческими аномалиями в раннем возрасте. Оформляя документы на выживаемых, их неординарным поступкам приписывали характер устойчивой патологии с подозрением на дурную наследственность. Диагноз подпирали идейно, вписывая в графу «социальное происхождение» — «из кулаков». Такому одна дорога — в собесовские дурдома, где он со временем становился адекватным окружению.

Если же воспитанник на дебила не тянул и проявлял явную сообразительность, аномалиям тут же придавался характер благоприобретённых в кулацком быту пороков, не поддающихся исправлению режимом нормального детдома. Этих направляли в колонии. Не брезговали подделкой метрик, чтобы выбросить постылых за контингент по возрасту. В голодуху проявления юного возраста маловыразительны. Тощие смотрятся старыми.

Директор Аргаяшского детдома жаловался на конференции, что по типизации к ним поступил воспитанник — малолетка Исламутдинов с очень хорошей характеристикой. Маленький рост приёмыша исключал сомнения. Оказалось, что он пьёт, курит, ворует, ходит в девичьи комнаты без штанов, сквернословит при всех педагогах, а одну из них ударил кирпичом по голове. Выяснилось, что он злостный рецидивист соцвоса, ему четырнадцать лет и при такой одарённости не может вспомнить число мест воспитания за семилетний стаж детдомовца.

Сплошную идиотизацию сирот или превращение их в преступников приостановили лишь два года спустя. Инструкция от

16 августа 1937 года о комплектовании детдомов с особым режимом считает достаточным для выдворения из нормального детдома: систематическое нарушение порядка, оскорбление педагогов, злостную порчу имущества, выраженную сексуальность, условное осуждение. Дети до 12 лет, которые совершили проступки, подпадающие под указ «семь четвёртых» тридцать пятого года, тоже заслуживали режимного содержания. Дети старше 12 лет за эти же деяния направлялись в закрытые колонии НКВД.[38]

Постановление ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 года, «семь четвёртых», гласило: «В целях быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних, начиная с двенадцатилетнего возраста, уличённых в совершении краж, ... в убийствах или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания». Собес с Накромздравом и просвещением совместно подготовили методичку-дуромер. За критерий нормальности принято марксистское мировоззрение.

Вся суета с перемещением душ работала на основную тему окольно. Ну, растолкали по дурдомам и колониям самых бойких. Там они не пикнут. Но в детдомах-то ещё туго, за две ходки вагонзака-приёмника утрамбуется пуще прежнего. Надо решаться... «В ближайшее будущее время ожидается декрет о поголовном массовом изъятии детей с улицы. Детские дома переполнены на 30-40%. Количество изъятых с улицы беспризорных детей ожидается более 3000. Выход — перегрузка детдомовского населения».[39] Подобные директивы весной тридцать пятого прошили насквозь Союз. Цитировалась секретная директива Челябинского облоно.

Оценив критически ситуацию, власти нашли-таки внутренние резервы. Надо просто вытолкнуть из детдомов сирот спецссылки. На Урале их доля в приютском поголовье была много выше общесоюзной. Идея становится силой, когда попадает в руки НКВД. «Обязать НКВД найти родственников беспризорников и отправить им детей!» — повелел старший партийный брат чекистов Свердловской области. «Завести уголовные дела на родственников, уклоняющихся от приёма детдомовцев!» — был ещё категоричнее Челябинский обком ВКП(б). Не стоит лукавить дальше, их и всех других навело на идею и родственников постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с беспризорностью.[40]

Меж пытками и политзанятиями оперсотрудники тщательно выписали данные на деревенских в прошлом детдомовцев. При дефиците письменной информации ласково гладили сирот по головке и выспрашивали про папу-маму. В райотделы НКВД срочно и секретно ушли запросы — остались ли у поименованных

какие-то родственники. Благотворящие органы оказались на высоте, вскоре на деревню дедушкам и бабушкам, дяденькам и тётушкам пошли живые подарки от Советской власти с угрозой судебной расправы в случае отказа от усыновления.

Следственная работа по розыску родственников, легко догадаться, товар штучный и для массовых мероприятий мало пригоден. Оперативный кадр расточительно отвлекается от главной задачи — борьбы с вредителями и шпионами. Удручали затраты денег и сил по доставке сирот в частном порядке к месту усыновления. Хотелось живой работы с массами.

Не знаю, кому в голову пришла идея принудительного советского патронирования. Я бы дал её автору Нобелевскую премию. За лицемерие и выдающуюся подлость. Суть — здесь всё как у Малевича, просто, но не доходчиво. Глядя в «Чёрный квадрат», насилуешь воображение. Чтобы понять излагаемое ниже, надо вытереть чуни о мораль.

Итак, масса безродных детских душ делится на число административно-территориальных единиц. На последовательных ступенях таковыми могут быть районы, сельсоветы. Разрабатываются разнарядки на принудительное родство, доводятся планы, а затем любыми средствами достигается их выполнение. Немножко бесчеловечно? Если читатель задаётся этим вопросом, надо открывать книгу сначала. Когда листаешь тома с планами распределения сирот по чужим дворам, знакомишься с документами, удивительно похожими на ведомости-оборотки молодняка (тут про крупный рогатый скот), берёт оторопь национального стыда.

Из отчёта Свердловского облоно секретарю обкома Кабакову. Май 1935 года. «В настоящее время в детдомах области имеется 5419 человек, изъятых из спецпосёлков. Осталось ещё около 3000 детей, которые находятся в тяжёлых условиях. Устроить их нет никакой возможности. Надо отдать их на патронирование. За 1934 год на патронирование отдано 7976 детей, кроме того, возвращено родственникам ссыльных 6844 ребёнка. За четыре месяца 1935 года отдано на патронирование 935 человек, отправлено родственникам 1092 человека».[41]

Шёл, напоминаю, тридцать пятый. Уже два года не практиковали массовых кампаний выселения. Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1934 года сократили сферу карточного распределения продуктов. А ссылка продолжала вымирать, о чём свидетельствовали ручейки беспризорщины, струящиеся с высоких широт, и страшная сиротско-секретная бухгалтерия облнарпросов. Особо скверное положение наблюдалось в Чердыни, в Красновишерском,

Ныробском, Чусовском, Сосьвинском, Гаринском, Ивдельском, Берёзовском районах, Коми-Пермяцком округе, где «естественный» (смерть и побеги) отход детского населения превысил две трети.[42] Северный Урал и Приобье стали братской могилой безгрешных иноков России, кладбищем её будущего и малой частью неоплаченного счёта моей родины к коммунистическому режиму.

Согласно планам трёх областей Урала, на тридцать пятый год предполагалось осчастливить принудительным патронированием более двадцати тысяч сирот. На следующий год запланировали в полтора раза больше. Размах ограничивал дефицитный родитель. В первом творческом озарении мыслилось создать повсеместно дома колхозных ребят и в ораве обобществлённой нищеты растворить надоевших всем беспризорников.

Колхозникам идея непорочного зачатия совсем не понравилась. Но отбросили её в сторону не в согласие с их взглядами. Беспризорников было очень много и прятать надлежало срочно. Пришлось работать с детьми в розницу. Планы патронирования разбросили по районам, которые разверстали цифры по сельсоветам. Тем предписывалось обеспечить поступающих детей родителями. Разрешалось обещать согласившимся на усыновление разовую денежную помощь 200 рублей, что эквивалентно затратам на месячное содержание ребёнка.

Партийные органы, впадая в предельный маразм, советовали передавать сирот передовикам производства. Самые толковые из номенклатурных работали на стыке политики и подлости. По постановлению ЦК ВКП(б) шла борьба с бескоровностью колхозников. Наделение молодняком местами осторожненько связали с согласием принять на воспитание пару-одного детдомовца. В голодающей деревне сердобольных оказалось всё-таки недостаточно. Соотечественника вроде бы не укоришь черствостью. Но к тому времени голодом обморозило многие семьи, подсушило старых и малых. Брать приёмышей, чтобы пережить боль потерь сызнова, никто не решался.

Сразу скажу, что никакой разницы между усыновлением, связанным с изменением фамилии детдомовца, и патронированием, обязательством воспитывать в течение оговорённого срока, не было. Власть врала во все тяжкие, дабы поскорее сбыть беспризорников. Принимать детей по окончании срока патронирования не собирались, мифом отлетели в историю и те двести рублей, обещанные опекуну при сделке. «Средств на патронирование не выделено, — жалуется провинциальный подвижник областному, — опекуны согласно заключённым договорам предъявляют к нам

требование об уплате по 200 рублей на человека. Не все пока требуют выполнения этого пункта договоров, но сейчас нужно срочно 600 рублей. В дальнейшем нужно иметь резервные средства на патронирование».[43]

От патронированных часто отказывались или сводили их пребывание в семье к простому батрачеству. Сменив две-три семьи, подростки возвращались в подзаборный режим абстрактных сирот Страны Советов, жили в банях, на скотных дворах, при колхозных конторах. Эта записка нервно прыгающими каракулями смахивает на те, перед которыми благоговеют академики-лакеи. На последние наставления умственно помятого вождя мирового пролетариата. Исторической ценности письмо крестьянки Ольги Кручининой не имеет. Так, иллюстрация второго плана.

«Наша семья бедная, по социальному происхождению бедняки, но нам дана девушка беспризорная Лидия Паршина семи лет из детдома на наше воспитание. Но мы её прокормить не можем, ни воспитывать, ни одевать не в силах... Поэтому прошу Вас девушку Лидию Паршину взять с моих рук и передать её в детдом или на воспитание другим, так как мы её воспитывать не в силах...»[44] О судьбе несчастной девочки история больше не вспоминает. Справка сельского Совета удостоверяет абсолютную нищету принудительно назначенной мамаши.

Идея может быть бедна, но к совершенству путь богаче. Искательно заглядывать в колхозников очи никто не стал. Под руку подвернулось коллективное патронирование. Нашли папашу с побитой юридической физиономией. Вытолкнутых из соцвоса детей сдавали по договору колхозам. Чтобы те не увернулись от принудительного благодеяния, коллективное патронирование выделили особой и главной статьёй планового деторазпределения.

К моменту принятия конституции победившего социализма в уральском сиротообороте царило строгое совершенство. Кулачат комплектовали в группы по месту высылки и садили в вагон. У конвоира в кармане френча покоился вид на будущее — «При сем направляются для устройства сироты Вашей области». Областные отделы просвещения тотчас же расписывали и оказией расталкивали гостей по районам. В сопроводительных документах дважды ссыльные именовались «сиротами Вашего района». В плече от райцентра до родного сельсовета их сиротский статус ещё раз конкретизировался. Если родственный куст был вырублен полностью, ребёнок становился колхозным приёмышем.

Сядем и мы в голубой вагон с сиротами Страны Советов. Отложим до лучших минут взятую в киоске пресс-порнуху дней

нынешних и вглядимся в светлое прошлое. Чердынский район отправляет в Еловский район сирот-спецпереселенцев из штата переполненных детских домов. «Вместо октября месяца, — читаем о прелюдии событий, — дети в числе 101 человека из Красной Вишеры были отправлены лишь 15 декабря 1934 года. Причём Еловский район детей не принял, так как план патронирования по ним был выполнен за счёт других районов. Тогда по распоряжению Облоно дети были распределены так: 59 человек в Воткинск, а 42 человека в Алапаевск».

Поехали. «Организация переброски детей в числе 101 человека, в возрасте от 3 до 6 лет (до 11 лет было только 10 человек) поставлена исключительно безобразно. Дети за всё время пути находились в чрезвычайно плохих условиях: 1) из Вишеры дети были доставлены на станцию Соликамск 15 декабря 1934 года, при отправлении их из детдома воспитательнице Селезнёвой (член ВЛКСМ), сопровождавшей детей, не было дано денег для покупки билетов...».

Ребятишки три дня сидели на вокзале голодом, после всю сотню погрузили в один вагон. «При отъезде из Вишеры дети не были снабжены одеждой, 50% были полураздеты настолько, что у них выглядывало голое тело, а остальная часть имела ветхую оборванную одежду. Запасного белья на дорогу выдано не было, и дети в течение двух недель ехали в грязном несменяемом белье. В вагоне дети не имели посуды для кушания и питья, на 101 человека было только три кружки. В пути следования дети не имели горячей пищи, хлеба было мало и даже ввиду отсутствия посуды водой снабжались недостаточно... В Воткинске встреча детей не была организована...».

Опять два дня сидели на вокзале голодом. Полсотни детишек попытались устроить в холодном, заброшенном и без стёкол доме. Воспитатель Селезнёва категорически отказалась оставлять детей на морозе и привела их в городской комитет ВКП(б). Остальная часть сиротской партии продолжила круиз и 27 декабря прибыла в город Свердловск. Через пару дней их погрузили в поезд на Алапаевск.[45]

Один этап на пути к принудительному усыновлению сироты благополучно преодолели. История ничего не говорит о том, как они добирались до деревень, попали ли они к добрым людям или отчимом стал колхоз...

Почти весь этот детский балласт социализма, прошлёпавший босыми сердцами путь от сироты Страны Советов до сироты колхоза, вымер в войну и обрамляющих её голодухах. Только самые

памятливые соотечественники могут вспомнить размытые временем лики Вань Патронировавших, Митек Приёмышей, Федь Беспризорных, других властью пришибленных и составляющих небогатую экзотику деревенского детства.

Путь из детдомовцев в энтузиасты начинался в четырнадцать лет, а то и раньше, если тебя угораздило вымахать крупнее сверстников. По нормативным документам, достигшие трудовой зрелости подлежали немедленной отправке на промышленное производство. Детдомам таковые, как перестарки, оскверняли отчёты и отягощали бюджет, предприятия тоже не распахивали в радости объятий. Трудресурс был мелкий, нервный и анархичный, к тому же разутый-раздетый и без жилья. Всё уладила партийная директива, обязывающая областные отделы народного просвещения и облпромсоветы заключить договоры на поставку воспитанников детдомов в возрасте 14-16 лет.

Высокие договаривающиеся стороны жульничали каждая по-своему. Приюты завышали возраст выталкиваемых в люди, предприятия, ссылаясь на отсутствие рабочих мест и жилья, уныло разводили руками и возвращали подростков при первом же нарушении трудовой дисциплины. Невыполнение планов трудоустройства, имелись и такие, объяснялось ещё проще.

«В горсовет прибыл представитель Свердловского облоно, — сюжет из героической Магнитки, — с требованием трудоустроить в цехах комбината имени Сталина 100 человек детей из детдомов Свердловской области. В Магнитогорске имеется три детдома и один детприёмник-распределитель, из которых надо вывести и трудоустроить детей... Горсовет не может принять детей из Свердловской области. Кроме детей, находящихся в детдомах и приёмниках, в городе имеются дети-сироты. Горсовет не может устроить даже своих детей...»[46]

Малолетки, раскидываемые по предприятиям безжалостной рукой государства-отчима, плохо вживались в ядрёную советскую действительность и, в конце концов, основали ту часть класса-гегемона, жизненные интересы которой легко замыкались на куске хлеба насущного. Его самую забитую и безответную часть. Смутные инстинктивные позывы к самостоятельности — обычно пьяный кураж, в той степени осоловелости, когда условные идеологические рефлексы оглушались алкоголем, сменялись по трезвости ещё большей покорностью, смешанной с чувством вины.

Времена и родину не выбирают, из них можно только при случае выбраться. Воспитанники приютов вместе с путёвкой в большую жизнь получили и героическую юность, начавшуюся с

режима ежовых рукавиц. Указ Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года обязал «ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по два человека молодёжи мужского пола в возрасте 14-15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16-17 лет в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхозов...»[47]

Всю систему детдомов и детских реформаториев, так приучали называть колонии для малолетних, прошили директивы о мобилизации воспитанников в государственные трудовые резервы. Вчерашний людской мусор оказался мясом индустриализации. Но о деталях детского трудового героизма разговор впереди.

Закончу главу письмом классической сироты. Варвары Степановны Сидоровой, высланной ребёнком из деревни Баженово Лебяжьевского района. «Поздней осенью свалили нас в телегу и отвезли на станцию Лебяжье, там, на полу, голодные и раздетые, ждали эшелон. Нас охраняли с винтовкой, даже детей без охраны не выпускали по нужде. Один маленький ребёнок у нас умер в то время. Погрузили нас в товарные, телячьи, вагоны, как скотину, и повезли неизвестно куда. Везли на верную гибель, на Север, на лесозаготовки. Где строился Беломорканал имени Сталина. Разгрузились около тайги в снег... Многое помню, и пока сердце бьётся, не забуду всех этих пыток и страданий, которые достались на нашу семью. Отец через месяц умер, мама заболела тифом, ревматизмом и дистрофией...

Мы выжили только потому, что убегали просить Христа ради, нам подавали корочки, спали и прятались на кирпичном заводе, где калят кирпичи. За 10 километров относили корочки маме и брату, он работал на лесозаготовках, ему было 18 лет. Он пил солёную воду, говорил, не так хочется есть. От голода, холода, работы и солёной воды он опухал. А мы, четверо малолеток (14, 10, 7 и 5 лет), убегали и прятались. Маму садили в холодную за то, что мы убегали. А из холодной её выносили на носилках... Уже нет давно в живых наших родителей и старших братьев, но до сих пор болит душа за всё пережитое...».

Позднее Варваре Степановне и двум её старшим братьям пришлось ещё повоевать на фронтах Великой Отечественной. За Советскую Родину. Братья вернулись инвалидами и, как большинство окопных фронтовиков, а не артистов, штабистов и особистов, протянули не долго.

Глава 6
Ребячье мясо

В России натуральным результатом любого общественного переполоха, называемого революцией, перестройкой или реформой, всегда был голод. Независимо от вектора событий и расклада сил, ибо расточительные счета отечественных реформаторов неизменно оплачивались деревней. Были продовольственные кризисы и по причине неурожая, но последние не ломали тенденции, а усугубляли её. Вернее сказать, что скупость земли проистекала чаще не из природного зла, а из основной стати национального менталитета - чудотворной бесшабашности.

Николай Бердяев прав отчасти, мы не только ждём чуда. Упорным стремлением сначала отчудить, а потом надеяться на положительное чудо россияне обязаны, вероятно, неудачному сцеплению социальных хромосом. К следствиям того отнесём народную мудрость про бедность, что не порок, работу, которая не волк, привычку к голоду либо тяжёлому перееданию, пока Бог подает. Попытки найти иную, не жгущую самолюбия, версию нищеты сбегаются в политико-агрономическую демагогию о зоне рискованного земледелия. Пусть кому-то смешно, но на собственный рассудок действует успокоительно. Полупатриот отыщет здесь махровую самобытность, патриота полного даже вздует национальная гордость — и отчаянный же мы народ, однако!

Взять первую советскую голодуху. Большевики «дали» крестьянину землю. «Право частной собственности на землю, — так в «Декрете о земле», — отменяется навсегда... Вся земля обращается во всенародное достояние». За высоким слогом большевистских тезисов обычно кроется гольная ложь. Более половины пахотных земель страны, находившихся в частно-трудовой собственности, выстраданных в послереформенных коллизиях и столыпинских переселениях, было реквизировано.

Крупные хозяйства стали жертвой первых революционных агроувлечений. Преобразованные наспех в госхозы, они дали густые всходы бесхозяйственности. Державные батраки затосковали, барин хоть и спрашивал работу, но кормил лучше. Распределенные между безземельной и малоземельной деревенской нищетой наделы, что большевики ставили себе в особую заслугу, благосостояния нации не повысили. Жлоб паровоза не сгондобит, говаривал один из умных персонажей Андрея Платонова. Ублажённые сельские пролетарии скорёхонько проели в коммунах национализированный харч и эволюционировали в пропагандистов. Поля пришли в запустение, трудолюбия и хозяйственного опыта недоставало. А до продуктивного влияния марксизма на агротехнику ни академики штатные, ни академики народные ещё не добрались.

Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, допускал какую-либо возню только вокруг форм землепользования. Что-то в идее землевладения Ильич позаимствовал у гениальных предшественников, что-то у эсеров, но главное взял из личного житейского опыта. Краткосрочная ссылка неприятно озадачила его — уважающая частную собственность и свободный труд Сибирь плодила «крестьян сытых, крепких, не склонных к социализму». Для воплощения революционных идей требовался мужик голодный, квёлый, трусоватый и хорошо отзывающийся на кнут.

Выходом из первой советской голодухи мы обязаны отнюдь не замене разверстки продналогом, озарившей вождя метастазом в ум. Государственной милостью можно лишь варьировать пропорции между голодным очень и просто голодным. Извечная проблема России, заметил как-то великий сатирик, производство, а не распределение. Распределят и съедят те, кому съесть положено. В мае 1922 года власти под давлением голода продали святыни — разрешили аренду земли и наёмный труд.

Уже на следующий год заброшенные было земли пошли в активный хозяйственный оборот частного предпринимателя. Кулака, по большевистской терминологии. Условия аренды и частного найма значительно упростили. Деревня задышала. Опухший от голода и безделья сельский революционный сухостой нашёл себя полезным в батрачестве, ел честный трудовой кусок и не догадывался, что власть готовит ему новую историческую миссию.

Голод в России особенно неприятен потому, что наступает как-то скоро. Даже тогда, когда его вроде бы ждёшь. В этом смысле вторая советская голодуха показательна. Ещё в Рождество двадцать девятого ели до упора, в феврале тридцатого убоина шла вместо хлеба. Предчувствия дурные, правда, были. Документы

ОГПУ свидетельствуют — у всех! «Теперь пролетариат обречён на смертельную голодовку, — устало поведала сестричке станционный врач Шагалова, — голодная смерть самая страшная, люди будут пухнуть и умирать. Надежды на колхозы нет, ибо там одни лентяи. В скором времени все колхозы развалятся, если не всех, то часть кулаков возвратят к месту прежнего жительства и разрешат им свободно развивать хозяйство».[1] Эскулапу эскулапово. Когда врач несёт про политику, его надо сразу же садить. За бесстыдную правду.

Садить надо было многих. Тома с информационными сводками ОГПУ тридцать голодных забиты откровениями соотечественников, свидетельствующих об антисоветском, то бишь здравом состоянии рассудка. Да как хорошо думали! Много лучше нас. «Порядка нет, — сокрушался почти про себя макушинский стрелочник, перекладывая балансир, — придётся, как в древней Руси, поехать к варягам и сказать: земля наша велика и обильна, приходите и княжьте нами». Кому знать, что у его подслеповатого напарника был отменный слух. За контрреволюционный эпос автору цитаты сразу дано три года безусловно.[2]

С нормирования жратвы начинается всякий социализм. На строгую диету уральские горожане пересели в двадцать девятом, в едином строю со всем Союзом. Первыми заголодали северные провинциальные городки и деревня. Ареал весенней голодухи определяли не погодные условия, положили зубы на полку районы, особо отличившиеся в зимних хлебозаготовках. Вчерашние передовики обивали пороги областных контор с просьбой и тоской. Кто же везёт хлеб в деревню? — делали круглые глаза в области. Городская мещанская братия страдала по иной причине. Запрет на частную торговлю хлебом загнал в гроб региональный рынок. Напрасно каменных да железных дел мастера всматривались в горизонт, хлебные и мясные обозы стёрлись с него навсегда.

Тридцатый год. Конфискованный уральский продукт поплыл за границу, поэтому местная распределительная инициатива вылилась в поиск «внутренних резервов» и выяснение исторического вопроса — кого стоит кормить. Выполняющим норму работникам самых важных предприятий положили по 850 граммов хлеба в день и полтора кило мяса в месяц.

Драму зимних выселений Бог компенсировал хорошим урожаем. Но, как у нас водится, не в коня овёс. Чем выше урожай, тем меньше паёк. «Ход заготовок на Урале, — телеграфировал в ноябре месяце Микоян, — дает возможность, если не ослаблять хода заготовок, перевыполнить годовой план на 8-9 миллионов

пудов в порядке организации встречных планов в районах и колхозах. Прошу принять все меры к недопущению ослабления темпов заготовок».[3] Указания Анастаса Ивановича выполнили. Колхозам вздёрнули планы. Хлеб, розданный колхозникам по натуроплате, заставили тут же вернуть, обвинив правления в буржуазном самоедстве. В газеты запустили жирную идеологическую утку о страстной тяге колхозников к встречным планам.

В марте тридцать первого Уралсовет принимает решение о полном учёте городского населения с целью выдачи единых заборных книжек на продовольствие. Одновременно в Москву, тому же Микояну, направляется пулемётная очередь телеграфных прошений. «Фактически отпущенный Наркомснабом фонд не покрывает на 19 тысяч тонн установленного контингента. Создаётся совершенно нетерпимое положение на заводах и стройках». С точки зрения кормовой статистики это означает, что более 50 тысяч уральцев-горожан не должны есть в течение года.

За три месяца до того Наркомснаб разработал списки городов и социальные категории для нормированного распределения продуктов. В первый список внесли крупные промышленные города. На Урале — Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Надеждинск, Златоуст, Пермь (только Мотовилиха).

Во втором эшелоне хлебной очереди стояли промышленные города поменьше. Замыкало очередь тихое захолустье, выпавшее из планов индустриализации. Те Кунгуры, Шадрински, Троицки, которые привыкли жить божьей милостью. Витрине социалистического мира — Москве и Ленинграду — установили особо льготный товарный режим. В силу удачного географического положения Уралу разрешили выделить четвёртую категорию — для районов преимущественно туземного населения. Эти могли рассчитывать на помои да случайный кусок, пролетевший мимо четырёх миллионов голодных ртов.

Социальные категории формировали строго по классовому признаку. Самый высокий паёк полагался индустриальным рабочим крупнейших предприятий и строек. Отнесённые ко второй категории работники небольших заводов имели укороченный паёк. В третью соцкатегорию высеивалась прочая советская публика, исключая деревенщину и классово чуждых. На Урале под государственное обеспечение попало 2,3 миллиона человек. Из них полмиллиона рабочих первой категории, 240 тысяч — второй и полтора миллиона служащих и иждивенцев.[4]

Примерно в ту же пору секретарь Уралобкома ВКП(б), анализируя централизованные наряды на продукты, уловил в них

рост доли серого зернофуража, о чём, как бы наивно, испросил разъяснений. Хотя всем известно, что ржа пролетарского организма не берёт, а наоборот, создает большее в сравнении с хлебом пшеничным ощущение сытости и продуктивной работы желудка. И то, что в ржаном хлебе воды намного больше, никому рассказывать не надо. Ежегодно дублируемые директивы предписывали отоваривать ржаниной карточки нижних категорий, а в городки, приближённые к деревне, завоз пшеничного хлеба запретить.

Ареал условно сытых быстро таял. Первыми отлетели от государственной кормухи слабые — иждивенцы третьей категории, в решающем году пятилетки паёк урезали до пронзительного стыда, а в завершающем сняли со снабжения совсем. Судьбу иждивенцев разделили провинциальные интеллигенты, и этим на прощание посоветовали бить челом в местные органы советской власти.

Жалобы обречённых, снегом осыпавшиеся на все областные конторы и канцелярии московских вождей, сразу отправляли в мусор. Постановление ЦК ВКП(б) о работе с письмами трудящихся выйдет несколько позднее, при облсоветах создадут отделы жалоб, и те выдадут на-гора многотомье окаменевших слез. Но история великодушно сохранила редкие, художественной ценности письма заголодавших первыми. Такие, как коллективное письмо пятерых детишек кыштымского учителя Семёна Кичина дедушке Калинину с приложением очаровательных рисунков от каждого из соавторов. Или изящного старославянского слога прошение в тот же адрес от дьякона Свято-Троицкой церкви с заманчивым предложением — спасти душу всесоюзного старосты в обмен на заборную книжку. Интриговать не буду, Михаил Иванович состоял в воинствующих атеистах и сентиментальной жалостью к детишкам не был ущемлён.[5]

Скинув с централизованного снабжения около миллиона человек, уральские власти от головной боли не избавились. Телеграмма из Шадринска. Молния. Уралобкому ВКП(б). Апрель 1931 года. «На складах нет муки. За вторую половину марта и апрель выдачи пайков нет. Срывается рабочее снабжение. Положение с мукой катастрофическое. Хлебозавод остановлен». «Положение с продовольствием в колхозах, — валится в ноги секретарь Бродоколмакского райкома, — катастрофическое. Из-за отсутствия хлеба срывается сенокошение, борьба с вредителями, прополка, вспашка пара. В случае невысылки хлеба ставите в прямую угрозу срыва всех работ». Голод, колхозники бегут с полей — вот содержание сотен телеграмм из аграрных районов.[6]

Чёрт с ними, с колхозниками и интеллигентами. На их вопли можно не отвечать. В холодный пот вгоняли гиганты индустрии, заканчивалась первая пятилетка, и за срыв планов могли сорвать голову. «Положение катастрофическое, — трафаретно стучит телеграмма из легендарной Магнитки, — работы сорвались. Рабочие расходятся». Более детальный отчет констатирует массовые забастовки на стройке, недовольство плохим питанием и нечеловеческими условиями труда. «Люди устали и болеют. Не хватает даже лаптей. Земляные работы зимой проводятся вручную кирками и клиньями, причем на 15 рабочих приходится только один клин».[7]

«Заставьте дать хлеб на сплав, — взывают с лесозаготовок сначала к тресту «Ураллес», — вода уйдёт и лес останется. На наши телеграммы молчат. Преступление делаем перед партией остановкой экспортного леса». Трест ни гу-гу. «В «Ураллесе» есть вредители, — телеграфирует через неделю проситель, теперь в обком ВКП(б), и, пытаясь взять на испуг и этих, заканчивает, — ответа не будет — телеграфирую выше!»[8]

Чего выть на луну? Замолчали все, ибо делить было нечего. Онемела красно-престольная. «Недоснабжение городов и посёлков Урала поставками Наркомснаба, — жаловался Микояну председатель Уралсовета Ошвинцев, — достигает 60-20%. В итоге систематическое недообеспечение хлебом целых регионов. Сокращается снабжение рабочего населения Урала и фабрично-заводской продукцией. Просьба улучшить снабжение Урала».[9] В наркоматах печальные депеши с мест использовали утилитарно. Москва слезам не верит, а любит тех, кто голодает втихаря. Местная власть клянчила не дать, она клянчила оставить часть вывозимого за границу хлеба. За три предшествующих голодных года страна экспортировала его 12 миллионов тонн.

Вторая советская голодуха началась обычно — с пленума ЦК ВКП(б), который вошел в партисторию под титулом «январский». За ним последовал первый всесоюзный съезд колхозников-ударников. Всеобщее уныние отменили, и эмоциональный тонус общественной жизни подскочил до нервотряса. Газеты, вчера ещё давившие саботажников и хищенцев, пошли радужными пятнами восторга. На пленуме было отмечено, что, как и завещал нам великий Ленин, деревня провалилась в социализм. Производство по всем товарным группам сократилось в раз, раз и раза. Можно бы привести статистические данные, но я не верю ни одной официально опубликованной советской цифре.

По данным статсборника тех лет, из которого академическая наука черпает истину вёдрами, поголовье скота, к примеру, за

первую пятилетку сократилось всего в полтора раза. Достаточно лёгкого знакомства с низовыми документами начала тридцатых, чтобы заглянуть в пропасть между туфтой и истиной. С двадцать восьмого вся сельхозотчётность приказала долго жить. Государство интересовало лишь одно — масса содранного с деревни продукта и денег. Что говорить про Союз и области, районы совершенно не знали наличного поголовья скота! Массовый падёж и замаскированный под него забой ничьей колхозной скотины делали всякую отчётность и условной, и изысканно фальшивой.

Дабы не подставлять шею под топор за бесхозяйственность, вошло в моду принудительно переписывать частный скот в колхоз. Коровушка жила и питалась дома, но статистически пребывала о двух головах — колхозной и единоличной. Противоречие материализовалось в конфуз весной тридцать третьего, когда четыреста тысяч уральских коров мобилизовали на посевную. На поля удалось выгнать лишь (поверим на слово секретарю Уралобкома Кабакову) сто шестьдесят тысяч. Занаряженного скота не оказалось. Отчётно он имел место быть. Но не заведёшь же в ярмо статистическую тень коровы, которая уже боронит.

В великий пост зрелого социализма, когда праздником шёл добытый по талонам и в драку кусок варёной колбасы, отчётно мы обжирались, как в купеческом клубе. Валовое производство скоромного рассчитывалось по методике привесов, освоенной самым тупым скотником — взвешиванием опоенной, как верблюд, скотины. Потом скотина ссала, потела и вымерзала, к весне тощала на тухлом силосе до арматуры; отчётный пузырь благополучия утешал тех, кто верил больше газетам, чем собственному брюху.

Тому партийному пленуму Россия обязана изобретением политотделов. Отметив успехи исторического масштаба: все стало нашим, деревня получила колхоз, а почти каждая деревенская баба по колхознику в дом, партийцы сошлись в едином тактическом мнении, что коммунары мало работают и много жрут. Потому нуждаются в мерах активного воспитательного воздействия. При МТС создали спецорганы с неограниченными педагогическими средствами — политотделы. Деревенскому варианту ЧК поручили присматривать за поведением коммунаров.

Начальник политотдела назначался ЦК партии, одновременно являлся заместителем директора МТС, имел личное оружие и право расправы. Местным райкомам он не подчинялся, отчего полуторагодовалая история политотделов вылилась в собачью склоку с райкомовской братией. В штат политотдела входили ещё два заместителя по работе с партийной и комсомольской клиентурой,

женорг и редактор многотиражки. Трое из них в любой комбинации могли при надобности стать политотдельским судом. Помимо заготовок, в задачу политотделов входило искусственное культивирование коммунизма в деревне. Местные активисты суетились инстинктивно, больше ради дешёвого гонора и лёгкого куска хлеба. Истинные большевики, способные озлобляться на почве мыслительной диалектики, попадались редко.

«В какой партии состоите? — В партии политиканов. — Какую работу ведёшь с колхозниками? — Когда начнёшь говорить с колхозниками, дак они говорят — ты лучше молчи. — Партучёбой занимаешься? — Нет, потому что огня никогда нет. — Что ты делал во время уборочной кампании в бригаде? — Ничего не делал. — Что делаешь на ферме? — Ничего не делаю, сколько ни говорю — меня никто не слушает».[10] Легендарным типажам коллективизации так говорить не пристало, приведены показания типичного, но реального лица — Чаусова Якова, колхозника артели имени Сталина Бродоколмакского района. Большевика-одиночки эпохи палеолита. Из такого оковалка не слепить поучительного образа даже гению соцреализма. Может, где-то была другая советская власть, из сотен дел по чистке 1933–1934 годов я не нашел ничего хотя бы контурно героического. Экзотика была, но без подвига.

«Антонов (секретарь ячейки) пытался вначале изнасиловать Голикову (член бюро ячейки) на глазах её сестры Горбуновой, а потом пытался изнасиловать Тихонову (кандидат в члены партии)... Пьяный ломился к колхознице Чернышовой Дарье и Темниковой Дарье...» Дело происходило в Чесменском сельсовете Троицкого района, где коллективные пьянки и дебоши местного триумвирата вкупе с рядовыми партии криминально оживили застывшее в голоде село. Было разобрано на дрова и пропито 50 домов выселенных, после раскулачки дров в зиму не заготовляли, тащили со складов реализуемое и внутрь потребляемое, списывали с колхозников до половины трудодней. В ответ на возмущение коммунаров председатель «Красного партизана» говорил: «Привыкли траву жрать, жрите и дальше!»[11]

Событий глухой, но славозвучной веси хватило бы на полносюжетный исторический роман. С глубоким жизнеутверждающим финалом, ибо тот же секретарь, отвечая на вопрос партследователя: «Почему ВКП(б) является вождём всех угнетённых пролетариев-трудящихся?», — оказался идейно непорочным: «Она опора рабочего класса по освобождению своих подчинённых!» А на выходе из чистилища пообещал сделать колхоз большевистским, зажиточным и в ближайшее время перестроиться.

Тут неграмотному Макару Нагульнову, по-уральски говоря, делать вообще не хер. Лихой вышел бы роман. Правда, одухотворить тугой переплёт жестокости, блуда и казнокрадства до поучительных образов под силу только очень талантливому человеку. Здесь Уралу, увы, не подфартило.

Документы безучастно фиксируют и судьбы тех, память о которых теплит сердце искренней жалостью. Колхоз «Октябрь» опять Бродоколмакского района, скотница и случаем член партии Бабыкина Хеврония. «Детей пять человек, — из её ответа партследователю, — самому большому тринадцать лет, самому малому полтора годика. Не могу их обеспечить, паёк дают по полфунта мякины... Живу одна, муж осуждён за то, что был животноводом и падал скот, дали десять лет, сидит в Димитрове».

Кто такие Карл Маркс и Троцкий полувдова не знала. Колхозники в голос показали, что баба почти круглые сутки вертится на работе, оставив детей на соседей. Да, о хорошем. У каждого на счастье свой аршин. Пятеро детей — не только забота, это и радость. Вытянула ли их Хеврония Васильевна? Впереди детей ждали две голодухи и война посередине.[12] Правление колхоза наградило ударницу тремя метрами ситца. Из-за отсутствия мануфактуры на складе Хевронию премировали пимами, содранными с колхозника, отказавшегося ехать на лесозаготовки.

После пленума и съезда ударников все сразу озаботились посевной. Контуры той кампании, самой, по-моему, колхозной в истории, двоились в любом трезвом уме - чем пахать землю и что в неё бросать. Засыпать семенные фонды по осени не дали. Власти готовы были живьём жарить всякого, тормозящего заготовки. Тот, кто засыпает семена в марте, должен молотить не снопы, а колхозника. И инструментом обладать соответствующим. Областной суд и прокуратура во исполнение директив трёх правозащитных союзных организаций (Наркомюста, Верхсуда и Прокуратуры СССР) издают приказ. «Для усиления работы органов юстиции по вопросам борьбы за сбор семян, ремонт тракторов и своевременную подготовку к весенней посевной кампании, командировать в районы судебные бригады...»[13]

Аграрный массив Урала разбили на три больших угла и запустили в каждый по комплексной бригаде. Отсутствовал в них только палач в буквальном смысле слова. Руководили три самых отпетых юриста, двое через четыре года получат вышку, а третий успеет застрелиться до вызова на Лубянку.

Сеять надумали много, чтобы выйти к изобилию в обход колхозной бесхозяйственности. Значит, и семян нужна прорва. План

предусмотрел рост посевных площадей почти в полтора раза, на треть в сельхозрайонах плюс земли таёжные. Холодным душем пролились на деревенских земляков плановые клинья. «В Краснополянском районе, — ходовой документ эпохи, — некоторые низовые партработники возражали против немыслимого увеличения посевных площадей. Но проходивший в это время пленум райкома, разбив пораженческие настроения, вынес решение...»[14]

Пораженцев повылазило — в каждом районе! Низовому кадру приказали поднять актив в поход за пшеницу (буде рожь — тоже брать!), а массы пусть изучают, как травить проклятую кобылку и до распутицы вывозят на поля удобрение. В кружки агроминимума записали всех неглухих, до каждого двора по всем полезным компонентам — навозу, птичьему помёту и золе — довели задания.

Обомшелым камнем лежит на дне отечественной истории самородок первой советской целины. Все высокие слова и память достались той кампании начала пятидесятых, что разворотила тёплые казахстанские степи. Какой разговор, трудно было, но потом боль мышц сменилась золотухой брежневской «Целины». В натуре, что за легенда под треск ДТ или НАТИка? Скука, круиз с женой по ленинским местам. Если бы бабам вручную корчевать пни, да потом боронить по хрустящим апрельским лужам, да под храп усталых туберкулёзных коров, — это была бы легенда. Она и была за двадцать лет до целины всеизвестной.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Весной тридцать третьего запланировали широко развернуть производство зерновых там, где даже господь такого не полагал. В местах таёжных. Чутошный слой подзола вкупе с суровым климатом уравновешивался богатым, вроде бы, славянским опытом подсечного земледелия — выжили ведь! Решающим стал довод классовый — кулак он и здесь, стервец, прорастет.

Сквозные директивы призвали «пересмотреть расположение вновь завозимых спецпереселенцев, исходя из интересов сельхозпроизводства с тем, чтобы уменьшить долю их для Казахстана и увеличить долю для Севера, концентрируя их на Северном Урале не только по Тоболу и Оби, но и по Каме, и в районах между этими реками». По черновым расчетам, каторжный яровой клин уложился между 58 и 61 параллелями северной широты.[15] С планированием тундровой озими дело отложили до осени. Комендатуры ссылки получили план сева в разрезе площадей и культур.

Социализм по-чёрному тут оформили в неуставные артели. Тот же материковый колхоз, но безо всяких демократических декораций. Колхоз в чём мать родила. Коллективизация бывших

кулаков прошла без осложнений. Основной ссыльный кадр как валил лес, так и продолжал валить. При комендатурах посёлков создали подсобные хозяйства, использующие маломощный иждивенческий корпус. Ползала, к примеру, бабуля в тайгу за грибами. Ползай, милая, дальше и чаще, но по плану и в общий котёл. Социализм, мамаша, это прежде всего учёт!

Третье направление посевного фронта в том году развернуть не удалось. Долго думали, стоит ли искушать класс-гегемон частным интересом. Летом, однако, пригородные и придорожные пустоши зазеленели лоскутами самодеятельных посадок. Нелегальная картошка горожан зацвела вдоль и поперёк Союза. Так бы со всеми проблемами, подумали вожди и, пропустив вперёд директиву про обязательные поставки овощей, издали уже в декабре месяце разрешающее постановление. «Идя навстречу пожеланиям рабочих, — говорится в нём, — обзавестись небольшими огородами для работы на них собственным трудом в свободное от производства время...»[16] Идеологически директива безупречна до последней точки. С пяти соток много вероятнее нажить грыжу, чем захворать капитализмом. Выделялось полтора миллиона участков. Урал авторитетом края опорно-голодного выпросил 250 тысяч.

После озадачивания уполномоченные по семенам вылетели к местам промысла, не успев погладить галифе. Над уральской деревней заклубилась пыль очередного шмона. Пятидневные информации ОГПУ отстукивали предельный пульс. Познакомимся с засекреченной сутью одной из них. «Москва. ОГПУ. Ягоде. Прокофьеву. 5 марта 1933 года. ...Областной план засыпки семян по состоянию на 3 марта выполнен на 50%. Ишимский и Троицкий районы заявляют об отсутствии семян. Продолжаем вскрывать факты хищений и укрытия хлеба. За последнюю пятидневку по четырём районам найдено индивидуально похищенного хлеба 2500 пудов, скрыто в колхозах пяти районов 12800 пудов... По всем фактам виновные привлечены к ответственности...» Сводку подписал начальник ПП ОГПУ на Урале Раппопорт.[17]

Я продолжаю утверждать, что материалы ОГПУ являются наиболее достоверным источником экономической информации. Тогда откуда же сотни тысяч пудов уворованного индивидуально хлеба? Где же суды со страшным указом «семь восьмых»? Соображать надо! — было сказано юристам народным. Гепеушники держались в манерах блатного перед младшим, впервые и неудачно укравшим братом, — «Колосочки-горсточки!»

Тут в самом деле надо шляпу снять и тонко внять. По директивам, регулирующим делёж урожая, засыпка семян предшествует

натуроплате по трудодням. При этом не имеет значения то, когда директива писана. Категорический императив социализма - колхозник должен есть последним. Прибывая к месту засыпки, опергруппа ГПУ интересовалась в первую очередь наличием семенного фонда. Таковых у большинства колхозов не было. При подобном раскладе всё имеющееся у колхозников зерно легко квалифицировалось как похищенное, а владелец становился хищенцем.

Заглянем в будни великого. «12 марта в 4 часа утра явились к колхознице Сухогуловой (слепая). Зайдя в дом, члены бригады закричали: «Чего долго дрыхнешь? Одевайся, ты направлена на лесозаготовки!» При обыске всё съестное в доме было взято, после чего стали издеваться над хозяйкой, пускали дым в глаза, подносили горящую папиросу и тыкали пальцем в глаза, смеясь: «А она ведь мигает!» Так издевались до двух часов дня».[18] Ужас погромов тридцатого вернулся на деревенские улицы. Ночные повальные обыски снова вошли в моду, жизнь научила и колхозника прятать кусок, припасённый даже на утро.

Если жива душа, представьте состояние многодетной крестьянской матери в тот момент, когда налётчики раздражённо рассыпали по полу последние фунты травяной муки, намятой во спасение от голода самими ребятишками. После обыска бабы порой лезли в петлю. На угрозу немедленного ареста и ссылки с конфискацией был уполномочен каждый врывающийся в чужой дом. От себя добавляли обещание поставить к стенке. Саботажников семфронта кое-где вычищали из колхоза без возвращения имущества и скота, в других углах распускали колхозы совсем; но много чаще раскулачивали (колхозников!) и распродавали имущество в погашение задолженности по семенам.

Райкомы и райисполкомы щекотали нервы директивными шедеврами. «Принимая во внимание наличие противодействия против мероприятий Партии и Правительства, выразившееся в категорическом отказе от засыпки семенного материала и агитации отсталой части населения колхозников и единоличников против засыпки семян, лишить земельных приусадебных угодий...».[19] Под многоточием разумеется список крестьян Петуховского района, у которых по завалинку обрезали огороды.

У каждого погромщика, выступал ли он пьяной рожей деревенского активиста или в качестве трезвого юридического лица, имелось документально оформленное право на произвол, выданное той же народной властью. Да, имеется в виду подворный обязательный план выброски семян. До его выполнения любая подлость в отношении хозяина не мутила советской совести. Чуть

позднее контрольная комиссия ВКП(б) по Уралу признает — «в целом ряде районов при даче заданий по самообязательствам колхозников в семенной фонд допущены левацкого порядка перегибы, размер обязательств был во многих колхозах выше, чем колхозники получили из урожая 1932 года по заработанным трудодням».[20] Вас не умиляет «дача заданий по самообязательствам»? Ничего, это вещь очень тонкого вкуса.

«Что такое социализм в деревне?» — часто спрашивали школьников тридцатых. «Колхоз плюс трактор!» — бойко отвечали пять из пяти. Отечественные тракторы появились не в той пропорции, с которой вымирала лошадь. Поэтому с каждой полевой кампанией деревня проваливалась в неожиданную щель между постылым прошлым и механизированным раем будущего. Перед посевной секретарь Уралобкома ВКП(б) обратился к Сталину. «При наличии благоприятных условий в 1932 году сев продолжался с 25 апреля по 20 июня. Он тем более может затянуться в 1933 году, если не будет пополнен тягловой силой... Уралобком просит отпустить к весне 1933 года дополнительно 2548 тракторов». В письме Сталину от 7 декабря 1932 года Кабаков, ссылаясь на высокую загрузку лошадей, попросил 8 тысяч тракторов.[21]

Тонкие цифры заявки создают впечатление тщательного расчёта. Прикинем и мы. По принятой тогда пропорции пересчёта тракторной тяги в лошадиную (1:15) выходило, что у вождя просится эквивалент 150 тысяч лошадей. Как раз того табуна, что издох на лесозаготовках и в колхозах. Развернутых тракторных колонн, присно памятных по кинематографу художественному и документальному, уральцы не дождались. Вместо них на исторический горизонт по всей картушке компаса выползли супряги тощей коровы и унылой бабы.

Наркомземовские бумаги, перепевая директивы партийные, приказывали выгнать на посевную всё коровье поголовье. В бой кинули последний ресурс социализма. Колхозным бурёнкам по высокому статусу обобществлённой особи надлежало быть авангардом, частные коровы колхозников и единоличников попали под мобилизацию. Я не творю макрополитической истории, моё дело - не высохшие лавровые венки вчерашних кумиров, а идущая кубометрами серая житейская труха, потому вполне довольствуюсь скромным букетом дуростоя провинциального.

«С 10 мая привлечь к посевным работам весь рогатый скот, находящийся в единоличном пользовании и у колхозников... Имея ввиду, что ещё значительная часть коммунистов и комсомольцев не обучила своих коров, чем помогают кулацким сабо-

тажникам сева, райком ВКП(б) постановил: к невыполняющим настоящего постановления принимать меры колхозного воздействия согласно колхозного устава, а кулацких дезорганизаторов предавать суду».[22] Продукт двойной руководящей тяги Петуховского райкома и райисполкома.

Истина конкретна, судьба колхозника тех романтических вёсен напрямую определялась интеллектуальными способностями его скотины. Если аромат отдельного факта не даёт ощущения истории, можно сложить десятки подобных директив всех местных учреждений, имеющих право помыкать чужой коровой и бабой (в архивах они сохранились), умножить на сотню сельских районов Большого Урала и приплюсовать директивы областные. Получим шлакоблок концентрированной листовой дури, способной воспроизвести кайф раннего социализма.

Общие масштабы уральской скотомобилизации подсчитать нетрудно. Умножим 150 тысяч издохших в том году лошадей на четыре. Согласно методике перерасчёта лошадиной тяги в коровью, утверждённой Наркомземом. Получилось 600 тысяч коров! Эта цифра и была первоначально размазана по районным разнарядкам. Колхозную скотину вдели в ярмо сразу по получении директив. Бурёнки то изумлённо глазели в неожившую жёлтую степь, то инстинктивно дёргались к клочкам вымороженной прошлогодней травы. Под провисшей на холках шкурой четверти лошадиной мощи не угадывалось. Частный скот выглядел справнее, но мороки хватили с ним досыта.

Упирающихся колхозников сломали об устав. Мало сказать, что коммунар, которому своя скотина ближе социализма, есть нарушитель устава, он кулацкий саботажник. Сей блестящий силлогизм я уворовал из памятки, вручаемой каждому выезжающему на скотомобилизацию. Саботажников следовало отдавать в руки правосудия. Суд не суд, но на страх взяли каждого. Кто не струсил, из колхоза вышибали, а скот переписывали в неделимые фонды.

Нет худа без добра. Вместе с частной скотиной на поля, чего никак не ожидали пролетарские власти, вышла вся женская рать, включая бабьё единоличное. Ну какая хозяйка отдаст свою кормилицу в похабные колхозные рученьки? Деревенский житель знает, что весна — время растёла, что ставить в ярмо сырую или стельную корову бесчеловечно. Отчёты с мест стали похожими на зооветеринарные анализы.

«По колхозу «Новая жизнь», — доносит уполномоченный Куртамышского райкома, — до сих пор коровы единоличного сектора не используются. Причина в следующем. Есть корова у пред-

седателя сельсовета, его корова не работает в поле. Против работы коровы он говорит, что корова стельная и начинает выменеть. На самом деле корова не выменеет, потому что пустая. Это подтверждают ряд колхозников и единоличников. У секретаря сельсовета Силина корова также не работает в поле, а сельсовет в ус не дует по последней мобилизации, считая авторитет секретаря выше всей посевной кампании в колхозе».[23]

Ссылки на стельность коров из райкомов и исполкомов приказали считать оппортунистическими уловками. Уполномоченных, с другой стороны, научили визуально, осмотром подхвостки, определять состояние скотины. Надобность в мужицких консилиумах отпала, теперь посланец партии мог, заглянув куда надо, принять объективное и принципиальное решение.

«В Зауралье ещё слабо дело с дисциплиной в колхозах, — писал Сталину и Кагановичу секретарь Уралобкома партии, — с поголовным вовлечением в производственную работу колхозного актива. Производим сильный нажим... Проводим жёсткую линию по привлечению коров, привлекаем колхозниц к работе на своих коровах... По Зауралью выведено на посевную 120 тысяч коров».[24] Саботажников взяли за седалище. Директивой наркома земледелия всей деревенской России было предписано: «1. Мобилизовать всех работников против снижения темпов сева. При всех условиях пахать и даже сеять вручную. 2. Заставить райкомы отчитаться в репрессиях против лодырей. 3. Отобрать подписки от председателей колхозов, а последним от бригадиров, в том, что полную норму они будут выдавать тем, кто выполняет полностью норму работы, полнормы — за полнормы работы и не выдавать ничего тем, кто выполняет меньше полнормы».[25]

Партийные и комсомольские уполномоченные, гепеушники и судебно-прокурорские каратели, сельсоветчики и временщики-председатели привычной всенощной пыткой давили хозяина. Обещали немедленно отправить в тюрьму и в придачу разорить дотла, если к утру не выведет корову на боронование. Председатель Уралоблсуда Чудновский в тридцать седьмом, за две недели до расстрела, скажет, что в Ишимском районе он выгнал на поля две тысячи коров, которые после работы доились кровью.

С подачи агрономов-марксистов сев был объявлен сверхранним, что обещало невиданные при капитализме урожаи. Давя копытами апрельский ледок, лошади скоблили подтаявшую грязь полей, после чего на сверхраннюю пашню выползали коровы. Картина, если отвлечься от географических широт и температур, напоминала фрески о хозяйственном быте времен Рамсеса Второ-

го. С той лишь уничижающей отечество разницей, что парокоровью борону следовало не только сопровождать, но и тянуть.

Тому причиной цепь историко-анекдотических событий. Лошадь очень умное животное. Русская кобыла, к примеру, и борозду хорошо держит, и дорогу домой по ночи найдёт. Лошадь казахской национальности вообще универсальна: хоть над ковылём лететь, хоть доиться. Корова же умом слаба от природы, при попытке научить её чему-нибудь путному стоически терпит побои с матом, однако интеллекта не морщит. Развёрнутая тогда кампания срочного коровьего всеобуча биологии не отменила. А грызло Марте в пасть не вставишь, зубы у них не так растут.

Самые дошлые из коммунаров, отметив внешнее сходство коровьего хребта с рулевой тягой первых «Универсалов», когда та идёт по капоту, намерились было придавать тяглу нужный вектор движения скручиванием хвоста в ту или иную сторону. Тягло не вняло. После обязательных краткосрочных курсов редкая особь могла тянуть борону самостоятельно - на пару со своей хозяйкой. Неволя заставила менять технологию, одна баба супряжь тянула, другая погоняла. В целях экономии баб впрягать стали по две коровы, установив двойную норму.

Счетверённый агрегат исторически себя не оправдал. Математических выкладок дать не смогу, но косвенными доказательствами мысль подопру. В реестре ударниц тридцать третьего много колхозниц, боронивших в одну коровью силу. И совсем нет ударниц среди работавших в супряге. Да и всеуральский рекорд о чём-то говорит. Он установлен бригадой из 8 делегаток в артели «Смерть Капиталу» Варненского района. На собственных коровах они боронили по полтора гектара в день.[26]

Спустя четыре года использование коров на посевной найдут злостным вредительством. Обвинение в высоком юридическом смысле чего-нибудь стоит, если опирается на безупречную логику криминальных фактов. А факты, вскрытые летом тридцать седьмого, таковы. У двух коров восемь ног, у двух баб ещё четыре. Итого двенадцать ног. А у бороны, таскаемой этим агрегатом, всего девять зубьев! Выходило, что топтали больше, чем боронили. Изощрённое вредительство поставили в заслугу германо-японской разведке и в вину её местным агентам.

В тридцать третьем ног не считали. Тут светило сесть за не использование живого тягла. И садили некоторых. Но только за дело! Почему в Ишимском районе под ярмом ходили даже глупые тёлки, а в Троицком, к примеру, — из четырёх тысяч пожилых коров боронили только шестьсот?

Сев из сверхранних как-то незаметно перешёл в сверхпоздний. Первых авангардных коровёнок, избитых и обессилевших, вывели с полос под слёзы жалости. В глазах скотины висел туман. Раньше бы сказали, что она впала в охоту, теперь они туманились от неохоты жить. Сострадание мерцало даже в лицах местных активистов. Хилым душой большевики раскиснуть не дали. «Колхозы, окончившие сев, несмотря на категорическое запрещение, всё же продолжают устраивать после сева отдых лошадям, тракторам, коровам. Этими вредными оппортунистическими настроениями в первую очередь заражены сами руководители колхозов, сельсоветов, работники МТС и отдельные районные работники... Немедленно переключить всех освободившихся коров, лошадей и тракторы на борьбу за большевистские темпы подъёма зяби».[27]

Людское тягло жалели ещё меньше. Колхозной бабе — самому живучему из существ — единственно опасны соболезнования. Взглянув на себя со стороны, она может разреветься или закатить истерику. Потому не мировоззрения ей нужны, а сплошная работа. Как тогда говаривали, — днём под ярмом, а ночью под уполномоченным. От великого до смешного один шаг. Сказал бы кто-нибудь гениальный, сколько шагать назад – от смешного до великого. От юмора, к примеру, такого. Баба с лошадью, обе мобилизованные, ходят в плуге и одновременно на сносях. Как, допустим, в колхозе «Красный Север» Кишертского района. На пермском «Севере» кобыла не выдержала и ожеребилась досрочно, прямо в борозде. А бабе хоть бы хны, опросталась благополучно и в срок. Какими огородами бежать отсель до светлого будущего?[28]

«Переключить бороньбу с коров на женщин!» - запестрело в директивах районов, где сев стал совсем поздним. Перестроились. Ярмо заменили удобными сыромятными ремнями. По мощности, в переводе на мягкую пахоту, баба шла за полскотины или осьмушку лошади. Так как в одиночку борону не уволочь и крепкому мужику, боронили агрегатом в четыре души. Дневная норма выползала за гектар. Тем, кто слаб в кривой геометрии, объясню в примитиве. За трудодень надо было пробежать под бороной 12 километров. Где-то так, за основу я взял расценки серенького Куединского района.

Москва использование женщин в качестве тягла запретила. Но в тридцать четвертом коров стало меньше, на дикость стали смотреть сквозь пальцы и требовали лишь одного, чтобы лямку тянули бабы социально чуждые. Таковые сразу оказались в дефиците, поэтому по требованию колхозной общественности в ярмо вдели колхозниц, вошедших в артель без скота. Инициативу в

райкомах не поддержали, объяснив бестолковым, что по марксизму-ленинизму, чем человек беднее, тем он прогрессивнее. Чистый пролетариат, мол, начинаете эксплуатировать!

Слезу вышибает кадр послевоенной хроники, где ребёнок идёт за бороной, которую волокут женщины. Слезу искреннюю. Женщин, боронивших задолго до войны, в кино не снимали. Да и чего тут реветь? Беда от собственной дикости — не беда, а всего лишь золотой исторический опыт.

В большинстве уральских колхозов сеяли «пятирядкой», вручную. Так приказал нарком Яков Эпштейн. Приказал сердито, но не очень обдуманно. На местах живо сообразили, что значит отдавать мешок зерна голодному мужику, уходящему за горизонт. Наверняка он кинет горсть-другую себе в пасть. Ещё хуже — унесёт домой. Поэтому в севачей отбирали как на партийный съезд, в их среду внедряли доверенных до способности донести. И всё-таки ошиблись. Колхозник оказался много хуже.

В сельскохозяйственной зоне Урала, сообщал в ЦК ВКП(б) секретарь Уралобкома, совершенно не взошли посевы на трети посевных площадей. Низкую всхожесть он объяснял засухой. Дома знали истину другую. Невиданное трудолюбие севачей сразу насторожило, те готовы были работать от зари до зари. Гепеушники и члены судебных опербригад не верили театрально широким порывам мужицких душ, стерегли коммунаров на пути домой, налетали с внезапными проверками. Полуистлевшие папки уголовных дел того времени помнят многое...

Рельефные силуэты севачей, уходящих на закат босыми и в тлене одежд, смотрелись библейски. В придорожных кущах пели райские птицы. Казалось, над полями юргамышской артели «Переходная жизнь» бытие снова смыкается с красотой и истиной... Разъезд ГПУ, вызванный бригадиром Колтышевым, разворотил идиллию до мерзости. Эпические сеятели, выяснено проверкой, занимались трудовым извращением и разводили пустыми горстями. По факту изощрённого хищения тут же завели дело.[29]

«На одну полосу сеяли пшеницу, всходов не оказалось, давай сеять просо. Когда сеяли, выборонили мешок пшеницы в борозде. Сеял вручную старик. Нашли его, сказал, что не сеял, а хотел съесть, но забыл, где спрятал...» Дедушка получил десятку за злокачественный склероз.[30] Дело обычное, но в данном случае речь о Бродоколмакском районе.

На пленуме и съезде ударников было твёрдо решено — в течение года путём расширения посевных площадей скинуть с плеч зерновую проблему. Пропагандистские хлеба вылетели в дудку,

когда по полям ещё носилась вьюга. Под будущее изобилие Уралоблисполком составил план ускоренного развития общественного питания. Общий котёл, общий стол и одинаковой ёмкости ложки, словом общепит, со времен тихо сдвинутых утопистов считался идеалом справедливости.

Планом предусматривалось строительство сотен хлебозаводов, фабрик-кухонь. Обещалось в 1933 году обеспечить всех земляков печёным хлебом промышленной технологии, а через три года накормить всех через общепит. Спрогнозировали необходимое количество детских и взрослых обедов, распределили их по цене, умственно сбалансировали по калорийности. Чтобы убедить себя и остальных, на заводах разместили заказы на миллионы тарелок, кастрюль и ложек.[31]

Похлебать вволю казённых щей не привелось. Вместо сытого общепита получился общеголод. Под шум и гам посевной кампании централизованный паёк Уралу урезали ещё на 40%. Списки на хлебообеспечение пошли в раскрой. По категориям и городам. С визгом отлетели провинциальные городишки, получив на прощание спасительный совет, заняться самоснабжением. За ними пошли коллективы малозначительных предприятий.

На деревню, как вороны на падаль, слетелись заготовители из разных ЗРК (закрытых рабочих кооперативов) и пребывающих в посту городских учреждений. Сами снискать хлеб насущный они не могли, поэтому услужливо ассистировали партийным уполномоченным, умеющим профессионально бить деревню по осердю. Взволновалась снятая с пайка городская провинция. Прибоем жалоб и просьб ударилась она о стены обкомовские. И брызгами боли застыла в перевязанных тесёмками архивных томах строго секретной голодухи. Начнём с бумаг деловых.

«Недопоставки» зерна за первый квартал 1933 года, телеграфировал секретарь Троицкого райкома ВКП(б), составили 120 тысяч пудов, район превращается в зону повального голода». Двоемыслие «недопоставок» станет ясным, если сказать, что было занаряжено 180 тысяч пудов. Вместо полкило на человека в день, ещё доступнее, по сто пятьдесят граммов. С каждым днём, сообщается далее, увеличивается прилив детей-беспризорников из сельской местности в город, особенно из прилегающих районов Киркрая.[32] Так тогда называли Казахстан.

«Положение со снабжением нашего завода за третий и четвёртый квартал 1932 года и начало 1933 года, — впадал в тоску секретарь Молотовского горкома, — чрезвычайно катастрофическое». В адрес обкома ежедневно поступал мешок взывающих к

милосердию телеграмм от местных партийных органов. Надо было что-то предпринимать. Паникёров собрали на специальное инструктивное совещание и зло предупредили, чтобы те впредь кадилом не размахивали, а больше занимались поиском внутренних резервов. В ЦК ВКП(б) и Уралобкоме, мол, всё знают, но трагедии не ломают. Люди мрут везде, но надо сделать так, чтобы первым отходил к Богу социально чуждый элемент. Забивать деловую переписку сообщениями про обычный голод запретили, поручив это дело ОГПУ и прокуратуре. Вверх разрешалось обращаться только по фактам вопиющей голодухи, чтобы последние можно было подвести под внимание указанных органов.

«Разве это голод, — успокаивал моих земляков в тридцать первом опытный «двадцатипятитысячник» с Поволжья, — вы ещё ребячьего мяса не ели». Голод настоящий стоял на пороге, а пророков у нас через раз. Да вот он — первый. Петя Хромцов, избач колхоза им. Сталина Ординского района. «Чем больше вас сдохнет, тем скорее мы построим социализм!» Тут всё сразу: и марксизм-ленинизм, и комсомольский рационализм.

Райпросы и работники культуры интеллигентненько плакали в платочек и пытались разжалобить кротостью. Ладно врачи, тем и большевик, и буржуй анатомически равны. Но учитель-то всегда был в авангарде пролетарской культуры. От понятого при раскулачивании до последнего защитника ценностей социализма в нынешней школе. У кормухи он привык быть предпоследним. В затылок ему дышал лишь представитель чистой культуры.

В школах Висима, доносит заинтересованное лицо, дети на уроках часто спорят, доказывают, что при царе жизнь была лучше. Тут же ходит подозрительный разговор. Раньше был царь Николашка — мяса бери хоть ляжку, пришёл Ленин — стало всего мене, пришёл Сталин — давать ничего не стали! К отчёту автор приложил четыре страницы антисоветских анекдотов. Обкомовские, закрывшись в кабинетах, хватались за брюхо.

В ГПУ, куда поступила копия отчёта, полагалось не смеяться, а бдить. Анекдоты про Семён Михалыча и Михал Иваныча отдавали хорошим одесским вкусом, и это значило, что составлены они умным старорежимным человеком. По линии дознания делу дали ход, сфокусировав внимание на пожилых составляющих педколлектива. Методическая помощь обернулась обязательным конферированием уроков. Всё гениальное просто. Если глядеть с задницы, наша простодырость местами гениальна. Педагогическое открытие, называемое конферированием, заключалось в присутствии на уроках местных пролетариев. Гегемон мог материться даже

во сне, быть ни разу не грамотным, существенное значение имела его классовая первородность.

«В связи со снятием со снабжения городского контингента города Чердыни, — сообщал заместитель ПП ОГПУ Тучков, — имеют место волынки. 8 января учителя не вышли на конференцию, требуя накормить. Служащие, пожарники, учителя толпами с детьми ходят в районные организации с требованием хлеба... Для ликвидации этих непорядков по нашей линии указания даны».[33] События в Чердыни не назовёшь забастовкой, так — слабо выраженная истерика таёжного интеллигента. Ни тут, ни в Уфалее, Златоусте и иных городах, где голодные просвещенцы как-то шевелились, особых усилий не понадобилось.

Отечественный интеллигент духовно тонкошкур как июльская картошка. Он помнит деда крепостным, если сам не ходил в юности под кнутом. Рявкни на такой первоцвет осивушенным матом, и он облезет до пролетарского нутра или тихо двинется умом. Зачинщиков голодного ропота обязали глубоко и письменно раскаиваться, а основная педагогическая масса поняла, что лучше голодовать дома, чем сидя.

Крестные ходы во власть большевиков, тем не менее, ярили. Пугал не голод, пугала возможность организованных выступлений. Боялись даже тогда, когда народ согнали с улиц. В письмах второй голодухи старательно вылавливались те моменты, где угадывался хоть какой-то намёк на предумышленную организацию. Всенародный голод – социализм. Это истина молчаливого потребления, прилюдные разговоры о нищете нашей есть контрреволюционная агитация, пресекаемая статьей 58-10. А если затевать что-то коллективное, мера пресечения сдвигается под дробь 58-7. Лагерь, но с запахом вышки.

Храбрость даётся нам на краю могилы, и потом она называется героизмом. Жил — юлил, а в петле взял да и дёрнулся! Весной тридцать третьего угроза голодной смерти затмила земные страхи. «Послано три письма с ходатайством о хлебном пайке, — доставали Уралобком воткинские пенсионеры, — ответа нет. Знаем, что Советская власть не может оставить тысячу четыреста пенсионеров голодом. В «Уральском рабочем» говорили, что не должно быть ни одного обиженного. Мы обречены на голодную смерть».

Что тут говорить, жутко. Вчера ещё ветерана усаживали в президиум торжеств, грели восторженными взглядами. Вызубренные воспоминания о революционном прошлом, казалось, обеспечат почётную сытую старость. Начал было уважать себя. Реальная биография пасынком слонялась по задворкам памяти. «Просим

расследовать, — взывали идейные, — какие враги народа устраивают вопиющее безобразие и дать им по заслугам. За февраль и январь не получили ничего. 2 марта 1933 года».[34]

Мучительная агония событий, называемых голодом, ускорилась по теплу. С государственного пайка скинули иждивенцев, теперь всех. Старики и дети третьей потребительской категории давно жили на режиме известной и выносливой цыганской лошади, которой, к сожалению, Бог не дал веку. Добежала очередь до пролетарского отродья. «Моя семья сидит голодом вот уже восемь суток, — пишет рабочий одного из заводов Уфалея Хромушин, — детишки просят хлеба, а его нет. И вот сегодня я начал было их душить, но руки опускаются... Решил обратиться к вам, если не дадите, то видимо придётся умирать с голоду».[35]

«По имеющимся у нас сведениям, — спокойно реагирует на обстановку сытое ГПУ, — рабочим ряда предприятий Уфалея на 15 апреля совершенно не выдаётся паёк». Понятно, лояльно подыхающих пролетариев, вроде токаря Хромушина и восьми его иждивенцев, в актив агентурной работы не впишешь. Иное дело события такого плана. «Зарегистрированы факты настроений отдельных коммунистов о выходе из партии, роспуск различных провокационных слухов, а также резкие отрицательные настроения среди беспартийных рабочих». «До чего мы докатились, люди едят кошек и собак... Вот до чего народ довели. Хлеба кругом завались, урожай был хороший, а кто виноват — не поймёшь».

Любознательные да приметливые — подручный для дознания контингент! «Всех правил Советского Союза, — под сапогами иной раз хрустели самородки антисоветчины, — надо давно расстрелять за то, что всех рабочих заморили голодом, дойдём до того, что будем есть друг друга. Заморили всю Россию с голода, придётся браться за оружие... Всё равно жизни не будет».[36] Ляпнувший такое стрелочник пустил под откос свою судьбу. Это у них профессиональное. Под стук колёс тянет на высокое. А в ту сторону думать вредно, с ума соскочишь, либо срок схлопочешь.

Ситуация мало изменилась и после того, как у пролетариата отрубили иждивенческий хвост. Хлеба всё равно не хватало. Нужно было рубить другие конечности. В начале марта сбросили со снабжения все подсобные цеха и заводы великих строек. От голода взвыли любимцы. В обзоре снабжения чёрной металлургии Урала констатировалось: рабочие в отрасли обеспечены пайками только на 60% и почти все иждивенцы занятых не получают продовольственных карточек. «За апрель месяц Отдел подсобных предприятий... остался без пайков. Тысячи детей и иждивенцев

рабочих остались голодом... Москва урезала контингент снабжения по Пермской железной дороге на 51 тысячу пайков, поэтому второстепенным предприятиям в снабжении отказано. На 15 апреля с предприятий ушло до 40% рабочих».

«Ещё раз ставлю Вас в известность, — жалуется руководитель треста «Уралтальк», — что питание рабочих угрожающе плохое. В последнее время на руднике имеются случаи, что рабочие падают на работе от голодного истощения и даже умирают... Если не будут приняты меры к нормальному и полному снабжению наших рабочих, не будет увеличена норма иждивенцев, то в недалёком будущем рудник останется без рабочей силы».[37]

Промышленный Урал застывал в голоде. Маленькие предприятия и городские учреждения усохли до юридического скелета. Работники разбегались по деревням в поисках случайного куска. Великие стройки надсадно дышали, перемалывая в прах остатки подневольных энтузиастов — спецпереселенцев и заключённых. Бунты и очереди по бесполезности сошли на нет. Опорный край державы впал в коматозное состояние, когда есть советская власть и плюс больше ничего. Голый социализм.

Если не сыт класс-гегемон, думать о социально чуждых неуместно. Спецссылка заголодала сразу. От кулацких замашек отвыкли ещё на пути к месту идейного выздоровления. Обобранные активистами попутных мест и охраной, ссыльные эшелоны с первых дней пребывания на Севере сели на подножный корм. В континентальном социализме голод улавливался только интуитивно, а Обь-Иртышский ареал ссылки уже практически голодал. Тому способствовали два случайных обстоятельства.

Первое — чисто организационное. В карательной политике коммунистов до последнего патрона просчитан начальный эффект. За ним следует обычная социалистическая неразбериха, усугубляемая национальным авось. Всесоюзная ссылка тридцатого была спланирована централизованно только до основных перевальных пунктов, Соликамск, Надеждинск, Тобольск. Далее полагались на демографический и хозяйственный экспромт.

Баржи первых переселенческих партий долго и медленно мотались по бассейну средней и северной Оби, Сосьвы, Камы. Не хватало, как всегда, плавсредств, топлива, охраны и прочего. Смешно, что ссыльных не знали куда деть. Мужиков отдавали случайным просителям дармового тягла, основной кулацкий массив размазывали по редким посёлкам и туземным стойбищам.

Лесотресты пока разнарядок не имели, поэтому важную политическую кампанию в голову не брали. Когда получили наспех

сработанные планы трудоустройства, ссыльных стали снимать с берегов и теми же баржами вывозить в места обетованные. Тюремные струги подходили к унылым осенним берегам, и сусанины из ОГПУ уводили классово чуждых вглубь тайги. Печальные экспедиции остановили заморозки, посёлки приказали строить там, где прихватила поздняя осень. «Пункты для постоянного поселения и устройства посёлков, — читаем жалобу на Бога уральского ОГПУ, — выбирались и намечались наспех, ориентировочно, без действительного учёта сырьевой базы, обеспечивающей работу спецпереселенцев на длительный срок. Места под застройку посёлками заняты неудобные, болотистые...»[38] Позднее выяснилось, что некоторые посёлки совершенно не имеют питьевой воды, другие весной были смыты паводком.

Большая часть спецпосёлков приобской ссылки ушла в зимовку безо всякой транспортной связи с внешним миром. Это было не обстоятельством, а приговором. Потоки спецпереселенцев документально прослеживаются только со второй волны, с карательной операции 1931 года. Отсутствие информации о каторжанах-первопроходцах косвенно свидетельствует о том, что власти не знали географии расселения и полагались исключительно на волю исторических закономерностей.

Второе обстоятельство, раздувшее пожар приобской ссыльной голодухи, можно отнести в вину капризной северной погоде. К сентябрю месяцу власти составили план снабжения, в котором каждому работающему каторжанину обещалось по 800 граммов хлеба в сутки и половина того всякому иждивенцу. До грамма рассчитанные нормы суточного потребления масла, овощей, рыбы и иных деликатесов советского стола способны сбить с крыла доверчивого историка. Убедить его в вере, что партия пребывала в заботе и делала всё возможное. Слезу умиления выжмет не нищета, пять граммов масла в сутки — что съесть муху во щах, среднемизерная доза пронзит душу справедливостью дележа.

Планы снабжения каторжан просто перекинули на кормовой баланс лесотрестов. Те сразу полезли в пузырь, продовольственных фондов не хватало вербованным полурабам. Лесная и интегральная (приполярная) кооперация делила съестное покусочно. Хлеб отпускался в тайгу строго под план лесозаготовок, под кубометры. Большая же половина ссыльных, старые да малые, к лесоповалу была мало пригодна. Многие из них вымрут, грустно прикидывало руководство, но сколько до того успеют съесть.

Подлость и жестокость для вождей, принимавших решения под бой курантов, есть политика. Для прозябающих внизу жесто-

кость всегда остаётся жестокостью. Полагаясь на то, что уж кого-кого, а ребятишек пролетарская власть не кинет на голодную смерть, администрация лесозаготовок (не советская, а хозяйственная) разрешила хлебообеспечение и работающих, и убогих.

К новому году, аккурат в самый разгар лесоповала, хлебные фонды съели. Хуже того, заметно вгрызлись в фонды следующего года. Советская власть отреагировала моментально. Постановлением Уралсовета от 28 января 1931 года выдача нетрудоспособным членам семей продуктов за счёт лесозаготовительного фонда была запрещена, и содержание их относилось за счёт пайка, получаемого за свою работу трудоспособными членами семьи.

Тут следует вспомнить, что трудоспособные каторжане были вывезены из посёлков в тайгу на весь лесозаготовительный сезон, и помочь оставшимся не могли. Директивой Уралсовета ссылку перевели на полуголодный режим. Повальная смертность и детский исход стали первым её итогом. После выхода директивы руководителей лесотрестов вздули за перерасход хлебных ресурсов. Куда это годно, в Петропавловском, например, леспромхозе умудрились поставить на довольствие около двадцати тысяч дополнительных душ. Не пролетарская диктатура, а какой-то сплошной собес! Моральные шоры растратчиков отметались с зубов. А в ответ на каверзные упрёки — не с неба, мол, свалились тысячи голодных и оборванных переселенцев — власть представляющие многозначительно скрипели зубами.

«Вы только приезжайте, — приглашал письменно членов политбюро ВКП(б) каторжанин Федосий Лобода, — и посмотрите на переселенческие посёлки. 75% оставшихся (многие удрали и многие умерли) пухлые, а причина основная — голод. Можно видеть картину: подросток идёт раздобыть где-то кусок хлеба или даже украсть, ибо голод не свой брат, по дороге падает и умирает и, кроме того, валяется несколько дней как бревно... Виноватых нет. Вы запросите комендатуру, пусть она даст сведения, сколько у них имеется налицо, сколько сбежало и сколько умерло. Она даст, но сведения не будут отражать действительность. Когда меня сюда привезли, здесь было очень много людей... Я не обращаюсь к коменданту, ибо большинство из них только способно говорить: «захочу — посажу, с голоду заморю».[39]

Теперь слушаем ту же арию в исполнении профессионального дуэта — оперуполномоченного ПП ОГПУ на Урале Кирюхина и начальника областного комендантского отдела Баранова. «Наступивший продовольственный кризис окончательно ослабил мускульную силу спецпереселенцев, в особенности же на дальних

посёлках, в связи с наступлением весны и бездорожья, оторванных от какого-либо общения с ближайшими населёнными пунктами, вследствие чего переселенцы буквально голодали, потребляя в пищу мясо павших животных, мох, берёзовые листья и другие лиственные суррогаты, не имея возможности приобрести продукты питания...

Не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных условий, к концу лесозаготовок они окончательно стали нетрудоспособны, в большинстве своём инвалиды».[40] Напомню, цитировался отчёт главных руководителей уральской ссылки, которым должно шкурой отвечать за содеянное.

В марте тридцать первого Уралсовет принимает ещё один шедевр лицемерия — постановление о самообеспечении ссылки. Подумать только, самоснабжение стариков и детей в тайге да ещё в самый лютый период года. Нет, в Уралсовете осознавали подлость, но куда важней колебаний души был инстинкт самосохранения, хотелось документально отмазаться от голодухи.

Продукты, обещанные иждивенцам ссылки, так и не поступили. Но винить в том Советскую власть запрещалось. Комендантам спецпосёлков рекомендовали с подчёркнутой печалью убеждать голодающих, что хлеб де был отгружен, но где-то далеко в пути баржи вмёрзли в лёд. А буде тому вера, говорить, что и совсем затонули. Инстинкт сомнения — «а были ли баржи-то?» - отдаёт классикой, но бессодержателен, как вопрос врача из старого еврейского анекдота: «Потел ли покойный перед смертью?»

На начало 1932 года на кормовом балансе уральской ссылки числилось 484679 человек. Тут арифметика ложна до оснований. Документы ОКО и ПП ОГПУ отмечали постоянное несовпадение между отчётным населением ссылки и дислокационными данными. Излишек выявлялся не бухгалтерской сверкой документов. Хлеб отпускался под отчётный контингент, выпавшие из него спецпосёлки заявляли о себе голодным воем. Если таковой неприятно впечатлял, ПП ОГПУ обращалось с ходатайством о выделении хлебных фондов к старшему брату — Главному управлению лагерей (ГУЛАГу). Не ищите милосердия во взгляде Сатаны. Всё дело в режимных тонкостях советского бытия: отобрать пайку у заключённого проще, чем у каторжанина на поселении.

«Отношение к спецпереселенцам, — время частностей, — в течение всего 1932 года было действительно варварским и преступным. Уже тот факт, что за 1932 год было 10 тысяч смертей и 6,5 тысяч дезертирства, говорит об этом достаточно ярко. Систематический недовоз продуктов питания во второй половине 1932

года привёл к значительному истощению людей».[41] Рядовое сообщение из Надеждинска. «Отмечается значительное ухудшение снабжения продовольствием повсеместно, — стон из Кизела, — резкое обострение цинготных заболеваний, принимающих тяжёлый характер с трансформацией, делающей нетрудоспособными на значительный отрезок времени и стойкую нетрудоспособность».[42]

«Говорили, что к концу пятилетки дети будут кушать конфетки, оказалось, что с картошки протянули ножки». Повсеместного хода антисоветские афоризмы не объяснить лишь инерцией озлобления. Государство и в завершающем тридцать втором играло в прятки со ссыльными стариками и детишками. Хлебные фонды на зимний лесозаготовительный сезон долго, с 73 до 59 тысяч тонн, уточнялись Наркомснабом и конторой «Уралхлеб». Когда фонды выбрали и до нового года успели съесть, СНК СССР огорошил телеграммой, что 16 тысяч тонн ижди венческого хлеба входят в общие фонды. Так что, голубчики, будьте добры и докармливайте чем хотите кулацкий сухостой. Лесная кооперация голосила о дополнительных поставках, но получала в ответ директивы о том, как правильно разделить давно съеденное.

«Питание спецпереселенцев недостаточно по количеству и качеству. Родилось за год 87 человек, умерло 347... Констатируются факты обнаружения больных с отёками и изъязвлениями роговой оболочки с последующим выпадением радужной оболочки глаза и слепоты, часто встречается аменорея (отсутствие месячных у женщин), изложенное квалифицируется как недостаток питания... Особенно скверно с питанием переселенцев на лесозаготовках. Полное отсутствие мяса и жиров...»[43]

Россыпью частных фактов искрятся секретные документы ОГПУ, сводных данных нет ни по умершим от истощения, ни по покойникам эпидемическим. Данных и не было, никто не знал числа живым, сводки ОГПУ и леспромхозов по одному и тому же контингенту разбегаются в 30-50 тысяч душ. Следственные дела тридцать седьмого дают понять, что большинство высших партийных работников Урала только с голодомором осознало масштабы трагедии. Уходящие в небо упрёки и холодный страх улавливаются во всех донесениях о голоде.

Когда хлеба не хватает даже на пайки работающим, есть ещё один эффектный выход. Поставь задачу корректно, то есть математически бездушно, и решение найдёт мало-мальски грамотный человек. Правильно! Надо сократить число работающих. Тут можно работать по известному в кругах проектантов методу усечения древа. На лесоповале главный тот, кто дёргает пилу. Остальная

суетливая публика фонирует — обрубает ветки, катает-кантует, относит-подносит. Словом, по чину обязана первой и не есть. Нельзя сказать, что в тридцатых до этого добрались своим умом. Больше ума — больше скорби. Повторюсь в практических целях. Выверните известный афоризм наизнанку, дабы понять, что суеумие наше от вечной скорби живота рождено.

Первоначально годовой план заготовок для Ивдельского леспромхоза утвердили в миллион фест-метров. Под план, исходя из дневной нормы выработки, полагалось рассчитать снабжение. В тайгу завезли тысячи пил, топоров, поворотных крючьев и необходимый сплавочный такелаж, по лесомассивам выстроили 99 бараков и куреней. Однако трест «Уралсевлес» неожиданно стал корректировать задание в сторону снижения и в самую лютую пору февраля программу Ивдельского ЛПХ закрыл совсем.

«Большинство трудоспособных переселенцев в связи с сокращением, а впоследствии и снятием производственного задания, оказались без работы». Часть трудоспособных каторжан вырвали из семей и перегнали в другие леспромхозы и тресты. «В результате неиспользования такого огромного количества трудоспособных спецпереселенцев, — гневно бичует Бога, ни за что не догадаетесь, — начальник ПП ОГПУ на Урале Раппопорт, — начиная с января месяца, резко ухудшилось и материальное положение всей ссылки района... Даже при наличии продовольствия на складах многие спецпереселенцы были поставлены в условия полуголодного существования: ели древесную кору, разные суррогаты, павших лошадей и т.д. Есть случаи, когда отдельные из них ели даже убитых лошадей, болевших сапом. Многие занимаются нищенством...»[44]

В аксиомах грешно сомневаться. Сосредоточимся на попутных обстоятельствах, благодаря которым в отечестве мутировалась уникальная социальная особь – безработный каторжанин. В первую ссыльную зиму по всему диколесью Урала квадратились штабеля лесоматериала. И требующей мужицкого пота деловой древесины, и наколотых детскими руками дров. Летом вывезти заготовленное не сумели. Как свидетельствуют документы секретной бесхозяйственности, проблемы навалились ко времени весеннего сплава. То выяснилось, что реки текут не в ту сторону, то до них не добраться, то совершенно неожиданно передохли лошади. Штабелями занялся короед, и дальнейшая заготовка леса на самых отдалённых участках потеряла всякий смысл. Леспромхозам разрешили вести работы под возможный объём вывозки. Фонды

продовольствия, понятно, пристегнули к кубам вывезенным. Оставшись без работы и хлеба, каторжане могли спокойно умирать.

Комендатуры спецпосёлков, отправляя за околицу очередной этап кормильцев, молили во избежание голодной эпидемии забрать и остальных. Жгла жуть остаться крайним. Для руководства леспромхозов кулацкая миграция обернулась хронической головной болью, все вопросы бытоустройства дважды и трижды сосланных власть великодушно доверила местным хозорганам.

Шальной ветер нынешних перемен ободрал до сруба ещё один замечательный советский феномен, который в местах и летах ссыльных получил если не рождение, то крещение-то наверняка. Я говорю про общепит. Впадая в материалистическую схоластику, можно утверждать, что индивидуальный гастрономический вкус есть предтеча расшатанности мировоззрения.

Позывы желудка первичнее шороха мысли. Сие безо всяких зигзагов выводит на идеологический императив — чтобы все одинаково думали, надо их одинаково кормить. Убить биологические аномалии в человеческой особи трудно. На что Полиграф Шариков, скороспелый человеческий полуфабрикат, и тот явно предпочитал харчеваться с профессорского стола. Чарльз Дарвин открыл теорию биологической эволюции, но наверняка не догадывался, что ее можно легко развернуть взад.

Привести мысли в текучее состояние, желчно вещал когда-то Гегель, много труднее, чем бытие. Массовое внедрение общественных кормух в ссылке опередило чистую теорию и возникло из соображений суетных. При индивидуальном распределении каждый трудоспособный, получив паёк, нёс его домой. Морально здоровый человек догадается, кто в семье ел первым. Тут-то и зарыта собака. «Из месяца в месяц всё возрастает смертность, и кривая её идёт вверх. Если в 1932-ом исключительно преобладающими причинами смертности были заболевания простудного сезонного порядка и лёгочные, то в 1933 году на смену является новая причина смертности - истощение. После уменьшения нормы пайка иждивенцам с 8 до 5 килограммов (в месяц — **А.Б.**) последние стали обузой работающим и поедали в значительной мере его паёк, уменьшая тем самым его паёк и ведя к постепенному истощению... Более того, в феврале было выдано только от 3 до 1 килограмма».[45] Попавший в семью кусок съедали лица, не имеющие прямого отношения к строительству светлого будущего. Иждивенцев отстегнули от работающих системой общественного питания. Паёк погнали через общий котёл, распределение стало абсолютно социалистическим.

Общепит даёт не сытость, а временное отвращение к еде. Поэтому качественных характеристик своей работы не имеет. Он хорош именно тем, что в общий котёл можно загнать всё даже визуально тошнотворное. Обзоры о снабжении ссылки с лёгкой укоризной говорят о том, что обычно называется свинством. Гнилые перемороженные овощи, крупы с мышиным калом, антисанитария и варварские условия приготовления, рассчитанные на пролетарскую грубость потребности, — тут и метод превращения продукта в средне-государственную баланду, и моральная мука тех, кто привык сносно жить, благодаря святому отношению к хлебу.

«Столовая Капитальная 2, — натюрморт с натуры Кизеловского района, — обслуживает до 1000 человек. Вокруг столовой грязь, очереди за получением громадные. Спецпереселенец должен простоять 3-5 часов для того, чтобы получить обед, тогда как перерыв предоставляется только один час. Посуды в столовой нет, получают в банки из-под консервов, в кружки и т.д., помещение столовой настолько маленькое, что есть можно только на улице.».[46] Если подумаете, что в Кизеловском районе жить было страшно, ошибётесь. Когда такие отчёты поступали в отдел спецссылки ОГПУ, там радовались. Хоть в подвале, лишь бы дали.

Роль общего котла исторически неоценима в культивировании социалистической дисциплины и ударничества. С похлёбки можно было ссадить за невыполнение завышенной нормы и неважное качество труда, за работу на субботнике (он же ленинский, то бишь бесплатный), за каторгу сверхурочную, где паёк и не запланирован, в порядке текущего штрафа и просто за косой взгляд на десятника. Общепит породил целый класс пышнотелых трутней, роящихся подле котла общественного. Лишённые элементарных моральных инстинктов, они озоровали на всех ступенях похлёбочной технологии — от раскладки пищересурсов до поганого ведра. Смело, не озираясь на Бога, крали из котлов детдомовских, детсадовских и школьных, изощрённо — из котлов заводских, студенческих и общих столовых, с лакейской изворотливостью тянули со стола номенклатурного.

«Чтобы рационализировать питание, — сообщается о котлованаторах Ныробского района, — есть детская столовая. Качество питания из-за отсутствия жиров и мяса низкое. Паёк делится на три варки, вследствие чего получается разжиженный суп с низкой калорийностью. Более взрослым детям данное питание недостаточно, и они дополняют его кореньями и травой в лесу».

Массовый переход соотечественников на подножный корм и падаль по советским стандартам голодом не назовёшь, необходимое, скажем мягко, дополнение к пайку. Если говорить о голоде возвышенно, то таковой наступил в тридцать третьем. «На первый квартал центральными организациями фонды для членов семейств спецпереселенцев специально не выделены — обезличены в общих фондах, выделенных лесоорганизациям. Наркомлес же выделил фонды организациям только 1 апреля и все ранее выделенные фонды в 3 и 4 кварталах для членов семейств засчитаны полностью в покрытие общей потребности заготовительных организаций... У лесоорганизаций нет заботы о необходимости обеспечения членов семейств в счёт полученных и имеющихся фондов, последние распределяются лесоорганизациями в первую очередь с учётом производственной программы... В настоящее время снабжение семейств переселенцев поставлено под полную угрозу срыва».[47]

Ни хрена не понятно? Тут нужна привычка к слогу и поступи советской власти. Под план лесозаготовок и сплава в 1933 году Наркомлесом Уралу было занаряжено 79 тысяч тонн муки. По кило в день на каторжанина. Наркомснаб нашёл паёк оскорбительным для пролетарского государства и урезал весь годовой фонд до 66 тысяч тонн, до семисот граммов в день на классово чуждую душу. Позднее опять телеграфно уведомили, что спецфонды для иждивенцев входят в общую сумму поставки. Власть в третий раз сэкономила на стариках и детях ссылки. Сделано это было привычно подло. Предприятия получали фонды, не покрывающие даже производственную программу. Как только хлеб съедали, Москва закатывала истерику — обожрали, мол, детей!

Объёмы централизованного снабжения уже обеспечивали надёжный голод. Но сермяжная правда истории заключается в том, что и плановых хлебов каторжане не получали. Хлеб, большие тысячи тонн, надо было завозить сразу, по зимним дорогам. С апреля по ноябрь таёжные посёлки оторваны от материкового социализма бездорожьем. Вся страна к тому времени тлела по принципу — день прошёл — и слава Богу. Ни такой прорвы хлеба, ни транспорта не было. В конце марта лесопредприятия и кооперация умоляли до распутицы отгрузить хлеба хотя бы по 5-6 килограммов на иждивенца в месяц. Просили не на год, до травы, чтобы не все передохли!

«Из-за недостаточности нормы иждивенческого пайка в особенности нетрудоспособные спецпереселенцы в действительности употребляют разные суррогаты, подмешивая к ним сено, травы, мох. Наблюдается катастрофическое сокращение рождаемости при

полном отсутствии браков». «Во многих трудпосёлках создались весьма тяжёлые материальные условия, налицо бегство, заболевания, нищенство, истощение на почве голода. В целом по системе «Западолеса» убыль ссылки за время её существования за счёт смертности и побегов составляет 56%».[48]

Читать эти сообщения с открытым сердцем страшно, без сердца — скучно. Сведения тщательно просеивались даже в секретной внутренней переписке. Все боялись осложнений со свирепым покровителем ссылки — ОГПУ. Отсюда осторожные и тонко подобранные фразы о перегибах, перебоях в снабжении, имеющихся случаях эпидемий и смертности. Пастельные разводы секретных сообщений сгущаются до эскизных очертаний бытовой советской голодухи в бумагах строго секретных.

«На кладбище, — доносит в Уралобком ВКП(б) и транзитом в Москву областной прокурор Виноградов (2 апреля 1933 года), — лежат на поверхности два гроба с умершими, причём при осмотре установлено, что у одного трупа отрезаны голова и ноги, а туловище похищено, у второго трупа отрезана мягкая часть ягодицы. Спецпереселенка... (Бог её простит) похитила труп, перерезала его на части с целью употребления в пищу. Группа спецпереселенцев 12 марта ночью с кладбища похитили труп человека, изрубили его на части и употребили в пищу».[49]

Так было в Сосьвинском леспромхозе. В Петропавловском леспромхозе один старик зарубил второго и приказал жене варить суп из «барана». Ссыльный Урал, констатируют отчёты выездных комиссий облпрокуратуры, вспыхнул пятнами каннибализма. Заметно, что большая часть впавших в поистине «вопиющую» стадию голодухи, приходилась на людей пожилых.

Каннибализм обычно расцветал в тех таёжных посёлках, на которые советская власть плюнула, выкачав трудоспособных. Голод был настоящим - ели и детей. В обзорах о голоде, направляемых в обком и прокуратуру РСФСР, приводятся многочисленные факты убийства детей с целью употребления в пищу. На этом фоне выигрышно смотрятся приводимые факты убийства детишек из духовных побуждений. Во имя спасения их от мук голода.

Путь от абстрактно-всеобщей и документально пожелтевшей истины до чувств закончу свидетельством Павла Андреевича Чернова. Свидетель хорошо помнит себя с тех далёких пор, в коих он шестилетним Павлушкой боронил вместе с отцом своё поле. Вместе — это когда отец садил его на Карьку и подвязывал ноги под брюхо лошади, чтобы помощник не свалился на полосу. А на пен-

сию Павел Андреевич ушёл с дирижёрского пульта известного в Челябинске оркестра Дома культуры металлургов.[50]

В свои неполные семь лет будущий маэстро стал полноценным врагом нации, и верно потому засёк в памяти, как их семью раскулачили и волокли на Север баржей по чарующе красивой Сосьве. Зима прижала их этап в Гаринском районе. Во второе ссыльное зимовье умер отец. Про ссыльную классику — повальный мор и травоед — вчерашний маэстро излагает с печальной гордостью: «Род наш старинный и чисто крестьянский, а голодовать и видеть, как едят своих детей, пришлось только мне...»

По какой, трудно вспомнить, надобности мать зашла в соседний двор, где ютилась вдова-переселенка из Белоруссии. Дело было весной тридцать третьего, когда посёлки уже замирали и вдовели. Хозяйки дома не оказалось, но в углу Татьяна Чернова увидела деревянную бочку, из которой торчали детские ноги. Тело ребёнка было разделано и частью съедено. Вызвали коменданта и понятых. В убитом малолетний Павел признал своего четырехлетнего соседа Конку, Конон полное имя.

Мать-убийца сразу же призналась, что сделала это в полном уме, и показала следователю, где закопала под дёрном внутренности. Поселковые бабы не голосили, к покойникам тут давно привыкли, но в глазах соседок висел немой ужас — как ты могла!? «Смогла, — ответила та, которой выпало решать непосильный для матери вопрос, — думала сберечь хоть старшенького, ела сама и его кормила. Троим бы нам не выжить, наложи руки на себя — оба сына умрут». Логика ссыльной матери замыкала в единый круг святость и святотатство. В самом деле, тут важно, в какую сторону бежать. Если справедлива власть, презренна детоубийца, если свято материнство, то в корне преступна власть. У соседей не хватило сил осуждать мать Полесья за страшный выбор. Лицемерный приговор ей вынесло пролетарское государство.

Павел Андреевич не знал, что людей жрали и на его родине — в некогда процветающем Полтавском районе. Юг нынешней Челябинской области. Но то была голодуха кумачовая, голодуха колхозная, к изложению исторических вех которой и приступаю.

Нашу историю лучше схватывать не образно, а системно. Варварство и грабежи, вырванные из контекста социалистического строительства, тянут на уродливую копию какой-нибудь английской Реформации. Эти же события в пересвете сумасбродных идей, жесточайшей принудиловки, каннибализма и вредительства обретают самоценность национального достояния. Другим так жить нельзя! На берегах Альбиона Реформация выродилась в пре-

сный парламентаризм. Мы дали миру уникальную общественную особь — колхозника. Особь, черты которой визуально или при недолгом общении улавливаются в каждом соотечественнике — от первого лица до последнего.

«Очень скверно с продовольствием, — жалуется в Уралобком активист колхоза имени Сталина Бродоколмакского района, — колхозникам дают хлеб изо ржи и суррогатов, за выработку нормы — 800 граммов. Но норму никто не выполняет. Лошади слабые, а коровы в плугу и бороне ходят плохо. Получая в среднем 300 граммов в сутки, колхозник думает ещё и о семье. Она ничего не получает, питаются всякими суррогатами вплоть до падали. Смертность велика, за первую неделю мая умерло 12 человек... Кражи — хоть не выходи из дома на работу...»[51] «Петуховский, Щучанский, Шумихинский районы, — гласит сводка ПП ОГПУ, — сигнализируют об отказах от работы на почве продовольственных затруднений, о массовом хождении колхозников в поле с целью сбора колосьев, употребления падали, полевых крыс. На этой же почве антисоветский элемент пытается сорвать сев».[52]

Хорошо голодать в тайге, там природа политически нейтральна, а в подножном корме, всякие там грузди-ягоды, даже благосклонна. Голодуха в советской деревне — вещь классическая, колхозник вынужден голодать в геополитическом пространстве социализма, где натура священна и неприкосновенна. После апрельских семенных погромов и коровьей мобилизации земляки подснежниками высыпали на поля. Осторожно ступая босыми ногами по проталинам, картина до боли знакомая, собирали гнилую картошку, отсыревшие редкие колоски. Научились выливать сусликов, крыс, хомяков и прочую съедобную живность.

Органы подозрения стали срочно запрашивать область — надо ли судить и садить полевых бродяг. С колосками и картошкой вроде бы ясно — неприкосновенные, но как быть с хищением грызунов и падали. Директивой наркома земледелия Якова Эпштейна было растолковано, что праздно шатающихся надо гнать не с полей, а на работу. Упорно снискующих етьбу на обочине столбового пути велено было гнать из колхоза.

От Наркомюста разъяснений вовремя не поступило, посему преследование хищенцев строилось на принципе местной революционной целесообразности. Скотомогильники залили известью и отравой до непотребности. Грызунов губить не возбранялось с той лишь ссылкой, что этим делом лучше заняться нетрудоспособной молодёжи. Выловленные крысы и хомяки в поштучном измерении

вошли в актив борьбы с вредителями сельского хозяйства. Как пионерский вклад в сталинский поход за урожай.

Чтобы избежать подозрений в предвзятости, пробегусь по карте региона сверху вниз. «Значительное количество колхозников, — акварельный пейзаж из Слободо-Туринского района, — питается суррогатами (льняная, конопляная и гречневая мякина, корни и стебли подсолнуха, рогоза и др.). Едят крыс и форменным образом воруют и растаскивают трупы павших животных, выкапывают на скотских кладбищах и могильниках. На почве систематического недоедания отмечаются заболевания, есть смертные случаи. Катастрофически сокращается посещаемость школ учащимися по мотивам отсутствия питания».[53]

Теперь сползём на благодатный уральский юг. Полтавский район, родина Павла Андреевича Чернова. По отчёту комиссии, возглавляемой областным прокурором Туморины, весной тридцать третьего зарегистрировано более 100 случаев смерти от истощения, главным образом среди казахов-нацменов.

Варненский район — более 50 случаев голодной смерти. Брединский район. «По ряду предприятий проведено большое сокращение рабочих. В совхозе «Овцевод» — 700 человек, по угольным копям — 400 человек. Сокращённые одновременно были сняты с продовольственного снабжения... Значительная часть сокращённых и членов их семей были вынуждены пережить острые продовольственные затруднения... Начинают учащаться случаи заболеваний, особенно среди казахов-нацмен (из которых состоит большинство сокращённых). По непроверенным данным отмечено до 50 случаев смерти от голода».[54]

Я проверил эти факты исключительно для того, чтобы определить степень математической достоверности партийных документов. В материалах партийной чистки по делу секретаря Брединского РК ВКП(б) Рожина Александра чёрным по белому записано следующее: «В конце 1932 и начале 1933 года в совхозе «Овцевод» произошло массовое сокращение около тысячи рабочих-нацмен, у которых в течение двух суток отняли продовольственные карточки, не произвели с ними расчёт и выбросили на мороз, в результате чего часть рабочих погибла... С наступлением оттепели было собрано и сброшено в шахту 200–250 трупов».[55]

Неспокойно было по всей границе Большого Урала с Казахстаном. Не скажу, как это должно быть, но, видимо, есть более вопиющая стадия голода, если в ядрёно голодающую Россию напролом рванулись тысячные толпы казахов. Ещё по осени тридцать второго в сводках ОГПУ отмечалось, что в приграничных

станицах нередко вспыхивают ужасные по зверству самосуды. Жестокостью местное население пыталось остановить волну беженцев из вымирающей республики. «По имеющимся в нашем распоряжении сведениям от Звериноголовского райаппарата ГПУ, — сообщал Кабакову главный чекист области, — за последнее время наблюдается усиленное бегство казахов-киргизов на территорию Урала. По неточному учёту, в один Звериноголовский район прибыло 252 семьи, из которых 150 семей вступили в члены колхозов названного района. В граничащем с нами Мендыгаринском районе Казахстана ряд колхозов и аулов целиком побросали места жительства и, забрав скот, группами перешли в районы Урала. Забранный скот из колхозов Казахстана нашим колхозам не сдавался, а реализовывался на частном рынке».

В тридцать третьем вдоль границ были выставлены военные кордоны. Пролетарский интернационализм натощак — вещь никчёмная. У казахов выбора не было, сотнями они умирали прямо перед военными кордонами.

Про казахов ладно, они теперь чужие. Вернемся к строго секретному. «Прокурору РСФСР, обкому ВКП(б), облисполкому. 10 июля 1933 года. 13 июня в деревне Усть-Турке вскрыто убийство мальчика четырёх лет с целью употребления в пищу своим отцом. Днём отец послал свою жену в поле за травой для супа и сказал, что будет варить краденого барана. В отсутствие жены он зарезал сына перочинным ножом, отрезал голову и конечности, остальное тело заложил в котёл и варил...

При осмотре тело мальчика было обнаружено варёным и, как видно, уже употреблённым в пищу... До того было съедено более 100 кошек и две собаки... За три месяца по Карьянскому сельсовету было зарегистрировано от голода 111 смертей. По заключению врачей, большинство смертей от истощения. В пищу употребляется разный суррогат (берёзовое и липовое дерево, ржаная и гороховая солома, крапива, пиканы и другая трава), многочисленны факты поедания кошек, собак, крыс...»[56]

Цитировался фрагмент донесения облпрокурора Уральской области Леймана в прокуратуру РСФСР. Документ просто ошарашивает многочисленными примерами каннибализма, где жертвой являются дети. Мною выбран факт, оригинальный лишь тем, что детоубийство совершено отцом. «Следствием установлено, — резюмирует прокурор, — убийства произведены исключительно из-за продовольственных трудностей».

Хронология событий тридцать третьего убеждает, что вторая советская голодуха выросла не на засухе. Голод крепчал по мере

вымирания единоличника. «Ты ешь траву, а я хлеб!» — мог говорить сельский хозяин колхознику ещё ранней осенью тридцать второго. После погромных заготовок и семенного шмона на траву сели все. Кулак, за которого в последнее время принимали любого единоличника, исчез, нырнул в вечность и как класс, и как деревенский индивид. «Инструкцией всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» весной 1933 года кампании массовых выселений закрыли.

«Теперь, — под этими словами стоит подпись Сталина, — задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только они и могут сберечь себя от опасности обнищания и голода. ЦК и СНК считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне...»[57]

Насилие открыло столбовой путь, голодуха создала «новую благоприятную обстановку» и «растущую тягу» к колхозу. Исторический процесс перековки человека в колхозника пошёл. Не хрен ждать милостей от природы. В антропогенезе восточных славян большевизм вызвал судороги, породив тип существ не только общественно прогрессивных, но и с более выразительной телесной организацией. Существ политически озабоченных, даже озлобленных, унылых от образа прозябания, приземистых от непосильного труда и пузатых от хронического травоядия. Вид на жительство в деревне получал только колхозник. Как типаж где-то предсоциалистический он переводился на строжайше нормируемый паёк.

Предвидя то, что тяга к пайку будет несоразмерной, партия сразу же сосредоточила теоретическую подозрительность на фундаментальных категориях — колхоз и колхозник. После углубленного научного анализа хозяйствам категорически рекомендовали переходить на устав артели. Коммуну, в которой к общему столу лезет без спроса и сопливый, и дряхлый, возненавидели. Другое дело артель. Здесь в штате только внесший пай и постоянно работающий. Вся остальная мелочь — иждивенцы, которые вправе просить, но не требовать.

Проблемы возникли с бабой. Казалось бы, классический типаж, свая колхозного строя. Думаете, её прямо с набегу взяли в артель? Ничего подобного! Долгое время она оставалась внештатной тягловой единицей, подлежащей мобилизации по зову партии. Заработанные бабой трудодни записывались родителю или мужу. Вот пайка ей не полагалось, потому как не член. Потом, когда

коммунаров-самцов замордуют и пересадят, она получит высокое звание колхозницы. Как наследный хомут и неоплатный патриотический, исторический, всякий другой долг.

После формального закрытия массовых выселений вызрел судьбоносный вопрос — «кого теперь?» Вождь провозгласил тезис о крутом нарастании классовой борьбы, особенно в деревне. Слово вождя сильнее факта. Чем суше голод, тем классово злее массы. Ядро диалектического противоречия обнаружилось в нутре самого колхозника. В режиме должного, как деревенскому гегемону, коммунару прилична прогрессивная самоотверженность. Как живая особь он вороват, ленив и не дурак поесть. В щель между должным и сущим следовало вогнать раскалённый клин классовой борьбы. Расщепить колхозника на ударника и вредителя.

Пришла беда — отворяй ворота. В тот год её привалило, хоть в зарод мечи. Голод, классовая борьба, кобылка, засуха. Ранним летом на деревенский Урал навалилась эпидемия ещё невиданной болезни. Начиналась она с кашля и подозрительной сыпи, потом слабость, понос и затем резкое изменение состава крови. Чаще всего дело заканчивалось смертью.

Первой диагноз поставила партия – кулацкий террор. В ружьё подняли всё уральское ГПУ и споспешествующие ему органы. «По имеющимся в областной прокуратуре сведениям, — читаем очень секретный документ от 1 августа, — за последнее время в области наблюдается большое количество падежа скота на почве отравления, а также и случаи массового отравления людей, особенно в колхозах и коммунах... Внутренности павших животных направляются для исследования в областную судебно-медицинскую лабораторию, причём при лабораторных исследованиях до 40% дают положительный результат на мышьяк... Всё это даёт основания полагать наличие умышленных вредительских действий, притом действий организованных, а не случайных и единичных».[58]

Логика подозрений безупречна. В самом деле, эпидемия в основном косила скот и народ, идущий по столбовому пути. Кулацкий вариант версии напрашивался сам собой. Как и то, что террористы могли успешно действовать только через колодцы и водопои. В профилактических и оперативных целях там выставили дозоры. Ежедневно, морщась и зеленея от страха, пробовали воду на вкус. Сельсоветы получили строжайшую директиву — подозрительных в деревню не пускать, а если объявятся, немедленно арестовывать и препровождать куда следует. Пионерский резерв сидел ночами у колодцев, сквозь сон мечтая о подвиге.

Деревенщина, между тем, продолжала отходить в вечность по изложенной выше технологии. К приятному удивлению властей обнаружилось, что Бог подбирает самых убогих. Начисто вымерло несколько посёлков. Местные медработники в ответ на озлобленные взгляды чекистов сокрушённо разводили руками. Кто-то из них догадался о причине эпидемии, но молчал. Связывать заболевание с голодом категорически запрещалось. Тому примером частный факт из жизни Ярковского района.

«Масла подлил в огонь фельдшер, который приходящим к нему на приём колхозникам давал заключение, что они болеют от недоедания и голода, и давал предписания правлениям улучшить питание. Он привозил в районную больницу образец хлеба и спрашивал — можно ли с такого хлеба работать. После осмотра 50 человек колхозников он сделал заключение, что они от недоедания и голода имеют старческий вид... За такие заключения, а также за другие поступки, направленные в помощь кулаку и против коллективизации и хлебозаготовок, сбора семян и лесозаготовок, этот фельдшер отдаётся под суд».[59]

Дальше — больше. В порядке следственного эксперимента закрыли в карантине несколько сёл. Не помогло, трудящиеся дохли и там. Если не работают местные причины, подумали партийно-советские лидеры Урала, не свалить ли всё на международный империализм. «Здесь налицо диверсионный акт, — категоричен секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков в письме Сталину, — и Урал выбран как «опытное поле» для применения бактериологической диверсии».[60] Далее он предупреждал вождя о возможности более широких бактериологических провокаций.

Прямой вины международного империализма установить, к сожалению, не удалось. Срочно выброшенные в районы эпидемии медицинские бригады из Москвы и Свердловска нашли, что население пострадало от чрезвычайно редкой в практике септической ангины, вызываемой употреблением в пищу перезимовавших колосьев. Опасную болезнь вызывают накапливающиеся в зёрнах токсины. Весной тридцать третьего вся заголодавшая деревня промышляла сбором колосков и гнилой картошки.

Научно болезнь зовётся алементарно септической алейкией, в народе её обозвали колхозным диатезом. Вот гнилая картошка, хочу сказать как человек опытный и переболевший септической ангиной в послевоенное детство, продукт абсолютно полезный. Положительного мнения не изменит даже пикантный момент приготовления картовных лепёшек. Червей, которые попытаются из них выбраться при нагреве сковороды, следует брезгливо, или не

привлекая внимания со стороны, смахнуть. А всё остальное — как при живом продукте.

Побочным результатом работы медкомиссий стал круглогодичный запрет на собирательную деятельность. С полей теперь выгоняли и под звон весенних вод. Жестокость указа «семь восьмых», таким образом, игриво переплелась с высоким гуманистическим порывом. Рухнула первоначальная версия однопричинности падежа скота и колхозников. Скотомор объяснялся банальным обстоятельством. Кормить бы его надо, осторожно посоветовали выездные ветеринарные комиссии. Создатель, к тому же, не полагал, что на коровах будут пахать.

Осень обещала быть сердитой. И убирать особливо нечего, но государственный взгляд наливался подозрительностью. К концу августа межрайонные комиссии были обязаны дать сведения о видовой урожайности по всем районам. Прессе запретили хотя бы окольно говорить о видах на урожай.

Под дых ударила другая нечисть — кобылка. С агрономической стороны штурмовой вариант решения зерновой проблемы выглядел авантюрой. Вся мыслимая и немыслимая этимологическая мерзость вылезла на беспризорные колхозные поля. Борьба с кобылкой приняла чрезвычайные советские формы. Первыми вытолкнули из окопов журналистов и пропагандистов. Потом пошла гвардия уполномоченных. Все человекообразные враги социализма, не исключая даже папу римского, в июле месяце получили передышку. Соввласть обрушилась на насекомых. Выгореть бы саранче дотла, умей она читать газеты. Местная печать потемнела гневными призывами, зрительное впечатление от которых усиливалось крупными некрологическими шрифтами.

На деревне ввели всеобщее агроминимальное образование, повсеместно создали кружки по изучению вредителей сельскохозяйственных культур. Местных активистов обязали сдавать агроэкзамен. Какой ты к чёрту коммунист, если не отличишь овса ото ржи или, скажем, вошь обыкновенную от более вредных общему благу насекомых. В смысле реальной борьбы с саранчой надо бы грустно вспомнить про поголовно мобилизованных баб, героически травивших кобылку и себя, так как работали безо всяких средств химзащиты. Они падали в обмороки, блевали и корчились от отравлений, но кобылку заморили.

Быть бы второй советской голодухе серым пятном на биографии покойного Союза, не окажись тридцать третий к тому же и годом перестроечным. Всякое реконструктивное начало придаёт соотечественнику ощущение крупной зыби и живой криминально-

сти бытия. Объектом реформирования стала система заготовок сельхозпродуктов, которая, по партийным директивам, отстала от злобы дня. Раньше продукт выжимался из деревни путём принудительной контрактации, то есть оформлением фиктивных договоров на кабальных условиях, диктуемых государством. Система была несовершенной, оставляя за мужиком, да и колхозом, право на юридическую волокиту.

Та перестройка нагрянула в конце тридцать второго. Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) существующую контрактационную систему, исключая пока зерно, отменили. Власть повелела отныне установить для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу закона твёрдые обязательства по сдаче мяса, молока и других продуктов. Цены назначало государство. Единоличный двор, имеющий 30 соток земли и независимо от имущественного положения, должен был сдать государству 45 кг мяса, 280 литров молока, 540 кг картошки и там всякие шерсть-яйцо. Колхозникам, имеющим хозяйство, оброк установили с некоторым послаблением — 29 кг мяса, 220 литров молока соответственно.[61]

В январе 1933 года постановлением — «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» устанавливались областные нормы сдачи зерновых с гектара посевных площадей. По Большому Уралу норму сдачи определили в два центнера с гектара. В июне село достали постановлением «Об оплате колхозами натурой работ, произведённых машинно-тракторными станциями по договорам с колхозами». «Натуральная оплата колхозами услуг МТС, — говорится в бумаге, — имеет важнейшее значение как для содержания и усиления существующих МТС, так и для покрытия расходов государства по созданию новых МТС».[62] Оброк взимался с урожайности, потому власть бдила видовую урожайность зорче колхозника.

«Колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в установленные... календарные сроки, подвергаются через сельские Советы денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательства, и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном взыскании всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке... Колхозная торговля хлебом будет разрешаться только после выполнения установленного плана хлебозаготовок в целом по республике, краю, области и полной засыпки после выполнения плана хлебозаготовок семенных фондов...». Единоличникам при осложнении событий гарантировался срок по статье 61.

«Предоставить машинно-тракторным станциям... право бесспорного взыскания натуроплаты с колхозов, задерживающих оплату натурой произведённых МТС работ... Причитающееся машинно-тракторным станциям от колхозов зерно по натуроплате за произведённые МТС в колхозе работы должно быть сдано машинно-тракторным станциям полностью и безоговорочно...».[63]

Теперь взглянем на общую картину системы хлебозаготовок, сложившуюся после безоговорочной капитуляции деревни. Итак, области, исходя из фактических площадей, устанавливается годовой план поставок. Если фактически засеянные площади меньше плановых, расчёт поставок идёт по последним. Доведённый до районов и хозяйств объём госпоставок загонялся в строгий календарный план по пятидневкам. Обычно он укладывался в первый месяц уборочной кампании. К плану жёстко привязывался график необходимых работ — кошение, обмолот и вывозка хлеба. Его соблюдение носило характер закона и отражало бездонную глубину государственного резона.

Темп сдачи должен быть предельно высоким. Если косовица и обмолот, к примеру, опережают план поставок, колхозники, весьма вероятно, почнут хлеб жрать. В равной мере преступно, что съедят в колосьях, что в чистом зерне. Пустобрюхий колхозник вкупе с мизерной урожайностью делают ситуацию криминальной. Коммунаров в этом случае надо авансировать. Пусть едят своё.

Подозрения на буржуазное потребительство рождает иная ситуация, когда темп хлебосдачи отстаёт от планового. Даже при нормальном ходе работ. ЦК ВКП(б) мудро предусмотрел наивную мужицкую уловку. У хозяйств, вспомним цитируемую часть постановления, отстающих от пятидневного графика хлебосдачи, подлежало выгребать всё до последнего зерна в зачёт досрочного погашения годового плана. И сверх того облагать штрафами.

Вопреки декларируемой хозяйственной самостоятельности колхозы сидели на солидарной ответственности. Если артель не могла вытянуть план, в тот год у трети хозяйств Большого Урала погектарная норма поставок превышала урожайность, хлеб изымался у более удачливых соседей. В порядке взаимного межколхозного кредита. Баланс сальдировался заоблачными долгами. Если раньше за гневными упрёками коммунаров одного колхоза к другому обычно скрывалась пропагандистская газетная провокация, теперь межартельная ненависть подпиралась экономически

Единоличник в заготовительных делах рисковал собственной шкурой и имуществом. Летом тридцать третьего было замечено, что индивидуалы и колхозники прибегают к тайным посевам.

Особенно в глухих углах. Хлебные заначки немедленно изымались, а хлеборобам давали десять лет по «дедушкиному указу».

Вторая часть первоочередных платежей – натуроплата за услуги МТС. У нас давно сложилось восторженное восприятие исторической роли этих заведений. Как же, техническая основа крупного механизированного производства! Впечатление настолько сильное, что порой толкает к недоумению как же в европах-то обошлись без них? Если читать секретные документы, а не газеты, выясняется, что МТС являются не продуктом организационной и технической мысли, а изощренным мошенничеством. Сейчас бы это назвали лохотроном.

МТС колхозного детства существовали больше на бумаге. Их штат исчерпывался руководящим звеном - директором, механиком, агрономом и бухгалтером. Трое последних сразу же главные. Штатное расписание, как и персонажи его заполняющие, утверждались Москвой. В основные фонды МТС записали сельхозорудия, которые были конфискованы при раскулачке или отобраны у колхозов в порядке централизации тракторного парка.

Своих рабочих не было. В качестве механизаторов привлекались колхозники. Сбитые таким манером тракторные бригады и работали в услугу. Всё как прежде: колхозный трактор с колхозником за рычагами, но теперь за это удовольствие надо было отдавать больше трети урожая дяде, который именовался МТС. Четыре эмтээсовские кадровые души давали государству около половины заготовок. Вот это технический прогресс!

Натуроплата рассчитывалась так. На все виды работ, при этом право выбирать их оставалось за старшим братом колхоза, устанавливалась жёсткая норма отчислений в натуральном измерении, в килограммах. Стоит ли обвинять МТС в том, что они любили хлеб убирать и лытали от посевных работ. Нормы завязывались на урожайности. С повышением её росли и ставки натуроплаты. Кроме того, МТС забирали 9% намолоченного зерна уже независимо от урожая. При обычных 7-8 центнерах услуги МТС стоили трети урожая. Помимо этого, артель несла затраты по обслуживанию тракторных бригад: оборудование полевого стана, подвозка горючего и запчастей. На халяву душа нараспашку. Наркомзем в тридцать третьем установил расценки для механизаторов не менее 2,5 рублей деньгами и 3 килограммов зерна на трудодень. Откуда такие хлеба и деньги у колхоза?

Рядовых работников МТС обвинять в грабеже деревни не стоит. Хлеб, намолоченный натуроплатой, пролетал мимо их рта и подлежал немедленной сдаче на пункты заготзерно. На всё про

всё механизаторам оставляли 5% хлеба при условии полного расчёта колхозов по натуроплате. Некорректное условие делало механизаторов заложниками колхозной нищеты. В конце концов, МТС разрешили засевать небольшие площади для себя.

Таким образом, спаренный агрегат госпоставки–натуроплата обеспечивал полное ограбление деревни при любых климатических условиях. Засуха и плохой урожай — хлеб изымается через госпоставки (с площадей), хороший урожай — колхоз стригут натуроплатой. В любом варианте вымолачивалось две трети урожая.

Быть бы колхознику ископаемым существом, живи он на один трудодень. На него можно лишь краткосрочно голодать. С потерей зернового семейного дохода сельский мужик присел на личное хозяйство. На первых порах крестьянский двор раздражал власть идеологически, как эмбрион капитализма. С ростом колхозной бесхозяйственности злость усугублялась. Частная корова необычно долго жила и доилась, а картошка на своих огородах вовремя цвела. Терпение лопнуло в тридцать третьем. Государство все-таки достало частника декретом о поставках продукции личных хозяйств.

Каждому двору первоначально прописали сдать 280 литров молока. Вскоре оброк подкинули до 415 литров. Эти бы литры да холёной европейской корове. Пустяк! Колхозная же корова есть существо универсальное. Было замечено, при использовании бурёнок на пахоте и бороновании, те провокационно сбрасывают надой и жирность. В зените коровьей эпопеи (1933–1935 годы) надой составлял по 700–800 литров на дееспособную особь.

В механику заготовок вложили тонкости, которые обнаружили себя позднее. Декретом установили жирность молока 4,2%. О такой мечтали даже в лучшие времена уральского маслоделия. При пересчёте на фактическую жирность оброк возрастал почти в полтора раза. Другая уловка тоже далёкого ума. План заготовок давали не на фактическое поголовье, а под плановое. Под стопроцентное, прямо говоря, покрытие. Промахнулась, к примеру, тёлка, и на тебе, покупай хозяин полтора пуда масла в погашение долгов по молоку. По подсчётам обзлемов, до сорока процентов коров, занятых в посевной, к быку не тянуло вообще.

Вечерами и утрами потянулась деревенщина с подойниками к приёмным пунктам, называемым молоканками. По всей стране и двадцать лет кряду. Коровёнка вроде бы своя, а молоко государственное. А впрочем, своя ли корова-то? Забой единоличной, скотины везде рассматривался как прямой саботаж заготовок. С уголовными последствиями. Падёж скота и там, и там подлежал

строгому актированию в свете подозрений на умышленное вредительство. Уголовных дел по этому поводу сохранилось мало, и сюжетно они скучны. Вот типичная ситуация. Вдова просит забрать у неё телушку хотя бы в зачёт мясозаготовок. Кормить её нечем, а если пропадёт, то хозяйку посадят. Заготовители вроде бы не прочь, но боятся соучастия в саботаже молокозаготовок.

Молока в госторговле не было и не стало. Большую часть продукта в первый год сгноили. Техническая база маслоделия была с остервенением разрушена при раскулачке. Приёмные пункты не могли переработать оброчное молоко. «Фактически дело обстоит таким образом, — итожил ситуацию секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков, — что не выполняется план, город не может получить литр молока, потому что пока план не будет выполнен, город не имеет права его продавать».

Секретарь говорил правду, до выполнения годового плана любая торговля предметами госпоставок каралась конфискацией и уголовным преследованием. Типичный из многих сотен документ той эпохи. «Запретить колхозную и индивидуальную крестьянскую торговлю картофелем на городских и сельских базарах, железнодорожных станциях и пристанях с 1 сентября... Установить, что колхозная и индивидуальная крестьянская торговля картофелем будет разрешена лишь после выполнения годового плана сдачи картофеля государству по республике, краю, области в целом». Бумага подписана Сталиным и великодушно разрешает продажу картошки только на перегонку в спирт.[64]

С мясозаготовками было ещё веселей. Принцип прежний — плати, или недоимки, конфискация в хвосте статьи 61 УК. По молоку план доводили хозяйствам, имеющим продуктивный скот, мясозаготовки носили вседворный характер. 45 килограммов мяса подлежало сдать двору, по которому и худая курица не перебегала. Под обязательные поставки попадали рабочие и служащие, если таковые держали индивидуальное хозяйство. Итак, каждый живущий своим двором крестьянин должен был ежегодно сдавать государству хлеб, молоко, 45 килограммов мяса, полтонны картошки, около килограмма шерсти, полторы шкуры с той же овцы и пятьсот яиц. Помимо платежей чистоганом, знакомых нам по первой главе. Нормы сдачи для колхозников и полугорожан были чуть ниже, но не обидными для власти.

Вокруг натурального оброка развернулась очередная деревенская драма, грустные обломки которой так и не всплыли на поверхность большой отечественной истории. Сначала всё было очень секретно, а теперь не очень актуально. Спору нет, история

авторитетных мнений намного дешевле систематизированного навоза прошлых поколений. Зачем нам про вчерашнее? Сегодня в идеале красно-полосатые штаны дяди Сэма, шагающего где-то далеко впереди.

Служил в красных, был пойман белыми и избит до полусмерти; в городе Шумихе судил военно-полевой суд - присудили к каторге, сидел в Александровском централе, освобождён красными. Позднее был признан кулаком и индивидуально обложен: 100 рублей сельхозналога, 200 рублей самообложения, 15 центнеров картошки, 25 центнеров сена, 5 центнеров мяса, 10 килограммов шерсти. За невыполнение конфискован и продан на торгах дом.

Привожу конспект жалобы крестьянина Ялано-Катайского района Морозова Егора. Слывя мужиком умным, он отправил жалобу сразу в два адреса — в родной исполком и председателю Совнаркома Молотову. Всё сделал вроде бы правильно, местная власть отправила жалобу в корзину. Не большевик ты, а кулачина хитрозадый — утвердился в первоначальном мнении РИК, когда из канцелярии СНК пришёл дубликат жалобы с нейтральной рекомендацией — разобраться. И в жалобе с вызовом отказал.[65]

Чтобы обращаться с жалобой по поводу неправильного ограбления, да ещё в высокие кабинеты, следовало быть скорее смелым, чем смиренным. Если жалобе давали ход, провинциальная власть в затребованных на истца документах поднимала такую густую ложь, что взыскующего впору ставить к стенке. «Характеристика на ярого участника бандита Тамбовцева Ивана Григорьевича деревни Мало-Приютинской Петуховского сельсовета... До революции имел ветряную мельницу и кулацкое имущество: дом пятистенный, двух лошадей, две коровы, мелкого рогатого скота до 10 голов... В америалистическую войну был младшим унтерофицером, после семнадцатого года хозяйство имел большое, в двадцать первом году участвовал в банде, был взводным командиром... Бежал в Монголию... В 1933 году за вредительство осуждён на 10 лет с конфискацией...»[66]

С такой биографией и на свободе? — удивились в райисполкоме. Власть с ужасом вспоминала ишимское восстание, а тут ещё и злостный хищенец. Ивану Григорьевичу пришлось забыть про отнятое и спасать себя. Живенько собрал показания свидетелей-деревенцев. Один под роспись свидетельствовал: обвиняемый до революции имел избёнку и одну лошадь. Подозреваемый «был в 1917 году с большевиками, — сказал и подписался под тем Фёдор Мандрыгин, — и во время взятия власти в свои руки чехословаками, которые выводили Тамбовцева Ивана на разстрел за веде-

ние разъяснительной работы среди масс за Советскую власть». Монголии не видывал, потому, как дальше соседней деревни не выезжал. Про суд писарь просто выдумал.

Сельсоветчик, однако, творил обдуманно. Вначале на жалобы отвечали трафаретно: «На основании постановления обкома ВКП(б) и облисполкома к мясозаготовкам привлекаются все без исключения единоличные крестьянские хозяйства и колхозные дворы независимо от имущественного положения и наличия скота. Обязательства на вас наложены правильно, имущество изъято законно». Потом низовку на совещаниях стали упрекать. Сволочи, мол, нет, что ошпарить жалобщика компроматом, вешаете всю вину на родную партию. Компромат не грузди, согласились кадры низовые, можно собирать круглый год.

«Имею честь доложить областному исполкому, — бьёт челом ещё один осколок прошлого, — что моё имущество: дом, скотину, инвентарь и одежонку в 1930 году взяли в государство без суда и следствия. Я тоже находился под судом, не глядя на то, что все налоги выполнял исправно. В настоящее время мой возраст 64 года, жене 60 лет. К труду я уже мало приспособлен. Живу на квартире, безработный. Нигде не принимают ни в сторожа, ни на производство за неимением паспорта. Обложен, однако, неподъёмным налогом: по мясу — 48 килограммов, по продналогу — 52 рубля и самообложению — 90 рублей, которые я уплатить не могу. Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу...»[67]

Жалоба Смолина Исаака Егоровича вполне заслуживает интеллигентного ответа. «Выполнение обязательств по мясозаготовкам может быть произведено любым видом скота. Если у Вас сейчас нечего сдать, а у близкого Вашего знакомого или сродственника есть бычок или овца, которая весит больше его сдачи, он может по договорённости сдать и за Вас...»

Но Исааку Егоровичу ответили без души. А эту великолепную эпическую вещь получила в ответ семидесятилетняя гражданка артели «Пламя революции» Звериноголовского района Ефросинья Добровольская. Богатых сродственников и щедрых знакомых она не имела, а из живности держала только кота.

«Прошу Вашего разрешения, — обращается во власть жительница Викуловского района Екатерина Степановна Калинина, — разобрать моё дело в обвинении как классовых людей, которым я не подлежу и в настоящее время я вдова, имею пятерых детей от 12 лет и ниже (12, 11, 9, 6 и 3 лет — **А.Б.**), сама нетрудоспособная... Наложили на меня твёрдое задание, взяли у меня корову в январе месяце и лошадь 25 июля 1933 года, без которой наше

семейство подвергается голодной смерти. Лошадь мою тут же продали единоличнику. Сорвали посевную кампанию, которую я должна выполнить, посевной план, который я должна по обязательству... сдавать и урожай ярового и озимого посева, что мне не придётся жать. А потому прошу снять с меня твёрдое задание и вернуть мне мою лошадь».

Добивающая часть этого сырого от бабьих слёз дела безупречна по меркам Гаагского трибунала. «План по пшенице Калининой Е.С. — 0,5 га. Выполнено — 0,11 га. Овёс —план — 0,5 га, выполнено — нет. Лён — 0,5 га, выполнено — 0,15 га. Итого невыполнение по основным культурам — 1,34 га. Постановили: на основании статьи 61, часть первая УК подвергнуть Калинину штрафу в пятикратном размере. Стоимость определить 200 рублей с га на сумму 1000 рублей. Предложить последней в течение 12 часов внести сумму штрафа, в случае невнесения взыскать в бесспорном порядке через продажу лошади».[68]

Закон есть закон. С иконы сталинского правосудия глядит в мир святая троица — статья 58, указ о пяти колосках и статья 61. За вредительство, за хищение, за недоимки. Иногда горечь отказа смягчалась сладкой пилюлей. Пострадавшим-лишенцам возвращали избирательные права. Дабы им, свежим гражданам, не вздумалось качать права, их предупредили, что «восстановление в избирательных правах вследствие утраты кулацких признаков основанием для возврата имущества служить не может».

Дом у них изъяли за невыполнение плана посева, хотя ни инвентаря, ни лошади уже не было. Всё осталось в артели, из которой их вычистили по старости. Просителям — супругам Кукловым из Миньярского района — было по семьдесят. Под просьбой вернуть лошадь и снять план обязательных поставок подписалось полдеревни. Дело металось по инстанциям два года, обрастая лохмотьями рукописных документов. Дошло до аппарата ВЦИКа. Справедливость опоздала. Оба старика по голоду умерли.[69]

На долгие времена заготовительные кампании стали самым подвижным местом деревенской жизни. Суета по сему делу понятна. До войны личное хозяйство Урала полностью кормило сельское население региона, наполовину городское и закрывало более трети государственных заготовок мяса, молока, шерсти. Про картошку и говорить нечего. Менялись нормы и сроки, но неизменными оставались деревенская убогость и внешний произвол. Ещё в голодуху кое-где отказывались было уводить со двора за недоимки последнюю корову. Что за единоличник без лошади или деревенская семья без коровы? Раз идёт борьба с бескоровно-

стью колхозников, рассуждали сельские политики, зачем забирать у него скотину. Пусть она, милая, проходит и по отчётам конфискованного поголовья, и по отчётам борьбы с бескоровностью. То есть передать мужику его корову в кредит.

Подлость в позолоте не понравилась ни Москве, ни области. От статистической акробатики государство проигрывало. Деньги от продажи конфискованного скота шли в бюджет, а снабжать колхозников коровами было предписано самим артелям. Приступ самодеятельности подавили циркуляром облпрокуратуры «О последней корове». «Взятая в порядке контрактации или в порядке самообязательств последняя корова, — сердится документ, — как правило, возврату не подлежит».

Хозяйственная война вылилась в тысячи уголовных дел помимо дел недоимочных. Мужик находил изощрённые уловки: прятал скот на хуторах, втайне сеял хлеб и картошку, рассчитывался по мясозаготовкам не убоиной, а свежей пропастиной, разбавлял и фальсифицировал молоко... Пролетарское государство бдило. «При каждой попытке классово враждебных элементов, — грозит директива Прокуратуры СССР, подписанная гением советского лжесудия Вышинским, — сорвать или затормозить выполнение планов поставки мяса органы прокуратуры должны нанести быстрый и концентрированный удар. Во всех этих случаях действия этих лиц следует квалифицировать по статье 111, статье 61 или статье 58-14».[70]

«Все дела, возникшие по срыву масло- и мясозаготовок, — брал вторым голосом Наркомюст, — рассматривать в трёхдневный срок и с таким расчётом, чтобы от каждого следственного дела был результат».[71] Один из персонажей Андрея Платонова ел глину, видя в ней самостоятельную сытость. Прокуратура учила репрессиями напрямую давить жиры из худосочного деревенского соотечественника. За сокрытие скота — статья 62 УК РСФСР, за сдачу фальсифицированного и снятого молока — статья 169 УК...

Социализм крепчал. Со временем обязательные поставки утратили явность грабежа. Оброчная система выкристаллизовалась в заготзерно, заготживсырьё, заготскоты, уполкомзаги и иные вроде бы необходимые по ближнему уму учреждения. Ладно уж власть, теперь каждая бюрократическая гнида помыкала народом как бесхозной скотиной. «Ко всем, уклоняющимся в выполнении обязательств, — директировал, к примеру, начальник Уралзаготскота Шлипперман, — применять репрессии, штрафы, бесспорное изъятие скота, к кулацким хозяйствам – судебные воздействия и принудительное изъятие скота».[72]

Про фон картовный, шкурный, шерстяной рассказывать не буду. Читатель, наверняка, разумел – из каких доходов произрастало наше советское могущество. И главное, в соотечественнике постепенно испарялась склонность к самобытию. Нищета не то по причине её всеобщности, не то из понимания её непреодолимости, а может под давлением идеологии, культивирующей самоотречение до последних порток, больше не воспринималась позором. Жить стало легче. В том смысле, что выпала внутренняя проблема бытия и, естественно, проблема личного выбора. Оставалась изощрённая способность выжить

Официально голодуху отменили рано. Приказом Наркомснаба за подписью Анастаса Микояна с сентября 1933 года в 29 городах Союза открывалась свободная продажа хлеба, на Урале — в Свердловске, Перми, Челябинске и Магнитогорске. Для каждого из облагодетельствованных мест установили строгий лимит коммерческой продажи. Булка пшеничного хлеба стоила четыре рубля, ржаного — два пятьдесят.

Мероприятие, проводимое во время голодного обморока страны, сочетало декоративное с доходным. От дефицитного карточного фонда отхватили кусмень для спекулятивной реализации. Спекуляции беззастенчивой, ибо у колхозов государство отбирало хлеб, платя за килограмм зерна всего десять копеек. Дефицит ничуть не уменьшился. Хитрость состояла в том, чтобы унизительную систему государственного распределения заменить местным нормированием, не так бросающимся в чужие глаза. Установить областные лимиты, а там пусть себе разбираются. Хлеба не больше, но без карточек.

«Очередь стала собираться с четырёх часов утра, — из хроники первых дней «свободной» торговли в Тюмени, — к шести часам она достигла до 250 человек, преимущественно женщины и подростки. Была ужасная давка и хлеб могли получить только самые бойкие. К девяти часам утра хлеба уже не было, и когда продавцы заявили об этом публике, поднялась паника, шум, крики, и в это время одна пожилая женщина, лет 45, оказалась раздавленной. Прибывший врач скорой помощи констатировал смерть. Тут же у одного подростка была сломана рука».[73]

«Приходится вставать в 12 часов ночи, чтобы купить хлеба. Пока выкупишь два кило ржаного хлеба (другого нет), проходит полдня. Не приходится уходить из очереди, хоть и купишь хлеба, записываешься на следующий день. И так изо дня в день. Наши дети вместо отдыха, вместо того, чтобы поправляться, мёрзнут в очередях с 4-5 часов утра до 5-6 часов вечера. Поправятся ли

сколь-нибудь дети? Хорошо ещё, что сейчас очереди с 12 часов ночи, вот в декабре не спали целыми сутками. Сутками стояли на улице... Нам всем это очень надоело».[74] Коллективное письмо домохозяек Асбеста живописует события под новый 1937 год.

В эти времена, утверждают наши историки-фундаменталисты, мы уже давно процветали. «Только в 1936 году, — читаем в академической «Истории советского рабочего класса», — семьи рабочих увеличили потребление мяса на 36%, сахара на 60,6%, яиц на 143,8%, сала на 202,3%».[75] Особливо умиляют десятые доли процента. Надо же так ювелирно высчитать чужие яйца! Как в собственном кармане.

Продолжим документально-гнусную правду. Чтобы она не показалась однообразной, разложу её по адресатам. «Колхозники, — письмо Сталину из Егоршино, — покидают самовольно колхозную землю и вынуждены продавать последнюю корову, вынуждены пойти на предприятия, уничтожать детей, убивать друг друга из-за куска хлеба... Рабочий, проработав 8 часов, идёт в очередь за двумя кило хлеба и стоит в ней по 14-16 часов. Много случаев, когда детишек 8-12 лет задавливают в очередях, убивали за два кило хлеба. Беременные женщины рожают в очередях... Ходит поговорка — если хочешь сделать аборт, иди в очередь».[76]

«Встала вся работа, — здесь тоже насмелились писать прямо Сталину, — вспахано только 180 га, а о бороньбе нечего и говорить. Навоз не вывозится, сеноуборка застряла. Вместо основных работ занимаются изысканием средств на покупку хлеба... Выехали за 160 километров в город Пермь покупать хлеба из хлебной лавки... В колхозе 112 дворов, 180 трудоспособных и состав детей и престарелых, в том числе обессиленных. Имеется смертность от голода не только среди детей, но и взрослых... В райцентре у хлебного магазина ежедневно скопление народа и очередь за хлебом превышает 1000 человек. Люди простаивают в этой очереди по несколько дней. Основная масса ожидающих — колхозники из близлежащих деревень. Лето 1937 года».[77]

За письмо крестьянки Верещагинского района, адресованное 8-му съезду Советов, сотрудники НКВД получили благодарность, а сержант госбезопасности, теперь, поди-ка, махровый ветеран, даже ушёл вверх. Читать чужие письма интересно поначалу. Скоро это надоедает. Поэтому чекисты часто поручали рутинное дело доверенным почтовым служащим. Те убивать время сплетнями страшились. С плакатов, развешенных по всем учреждениям, очень сердитая женщина призывала не болтать. В услуге, испра-

шиваемой чекистами, было что-то. Вроде бы заглядываешь через забор чужой души, а моральных мук никаких.

«Мы, трудовое крестьянство, — вещало отфильтрованное письмо, — колхозники, говорим правду, врать же никому не дадим. Мы родились в деревне, и помирать будем в деревне. Наш бывший вождь тов. Ленин говорил в 1918 году, что крестьяне не волнуйтесь, вас насильно в коммуну призывать не будут. Эти слова крестьяне помнят. А разве не было насилия при создании колхозов, и что же теперь из этого насилия получается? Сами палачи и угнетатели сбежали из колхозов и продолжают избегать, остаются же в колхозах в большинстве старики и недоростки. На их долю досталась колхозная каторжная работа.

Раньше каторга была в Сибири, а теперь в колхозе. Деревня оказалась без хлеба и семян. Амбары не охраняются, и нечего охранять. Хоть газеты и хвастают, как «Крестьянская газета». По весне текущего года писала, что в нынешний год боремся за двойной урожай, на самом деле засуха одолела. Пишут в газетах, где-то там, за горами, за морями получили на трудодень много хлеба. Всё это считаем обманом, и будем считать до тех пор, пока здесь у нас и в окружающих местах не осуществится хорошее положение в сельском хозяйстве...

Лошади против старых далеко не стоят, только лишь кожа да кости. Везде и всюду слышно со стороны колхозников — неужели ещё долго будет продолжаться такая жизнь. Работай как чёрт, а голодай как собака. Колхозники совершенно не знают, за что они работают. Целый год работают, при обсчёте заработка не оказывается... У каждого колхозника на корову налагают 265 литров, легко ли колхознику выполнить это количество? В каждой деревне многие ушли на производство, коровы у таковых не облагаются, хотя пасутся одним пастухом. Эти люди говорят, что мы Бога хвалим — вышли из колхоза. Колхозники остаются рабочими угнетёнными и проклятьем заклеймёнными...

Ещё опишем отношение к женщине, её равноправие. Отработает в летний сезон, не зная никаких выходных и праздничных дней. Не дождавшись отдыха от летних и уборочных работ, отправляют их на зимний сезон на Урал, на лесозаготовки, бродить в снегу по пояс, путаясь в юбке и со слезами на глазах. Бедная женщина. Немало женщин страдает от потери здоровья, немало их убивает в лесу... Все вышеуказанные факты не ложь, а правда и безусловно газета об этом не напишет. Разве это не правда, что растрёпана деревня: кто выселен, кто сам уехал, кто окна зашил.

Сила деревни мала. Коммунисты — горькие пьяницы, разгильдяи, бюрократы, многожёнцы...».[78]

Сильная вещь! Сильная вещь, тоже решили верещагинские чекисты, рассыпаясь мыслями в версиях. Пафосом и словом письмо явно превосходило способности провинциальной бабы, не гармонизировал с контрреволюционным нутром и детский почерк. Сравнительный анализ почерков местных школьников вывел на шестнадцатилетнего Мишу Пигалева. Тот признался, что писал со слов шестидесятилетнего и слепого дяди — Пигалева Павла Васильевича. Соавторам дали по статье 58 дробь 10. Старшему на убогость не скостили. И поделом! Будь вся Россия такой слепой, сейчас бы не по потерянному веку причитали, а снисходительно подавали на пропитание Европам.

«Свободная» продажа хлеба строилась на плановых началах. Районам довели строгие лимиты продаж. Но не всем. При выдаче лимитов руководствовались специальным постановлением СНК СССР. «Ограничить продажу булок и баранок, — говорится в нём, — лишь городскими пунктами. Продажу булок, баранок и других хлебобулочных изделий из высокосортной муки производить лишь через магазины госторговли в городах, разрешённых постановлением ЦК ВКП(б). Продажу хлеба печёного на селе производить преимущественно из ржаной муки».[79]

Бумаги местные рекомендовали торговле продавать хлеб деревенским в последнюю очередь. Районы догадались продавать только по паспортам со штампом о прописке и месте работы. Кое-где торговля хлебом шла по спискам райкомов. Лишнему и беспаспортному колхознику у прилавка делать было нечего.

Народ зашевелился. Тысячные толпы голодных мешочников носились от одного посёлка к другому. У магазинов всех городков Урала качались тысячные очереди. «По первости ходили в ближайший район Ныроб, — писали в «Известия», а попали в НКВД челноки из Чердыни, — но руководители района запретили продавать хлеб жителям другого района и сейчас пошли цепочки в Соликамск и Красновишерск. До Соликамска 118 километров, до Красновишерска 60».[80]

«Наступил голод, — письмо в обком ВКП(б) из Кунгура, — хлеба рабочим дают по 200 граммов на заводе. Очереди тысячные, бывают несчастные случаи. То раздавят в притворе ларька ребёнка, то задавят беременную женщину... Ужасы в очереди чуть ли не ежедневные, зачастую возникают побоища — точь-в-точь как собаки дерутся за выкинутую поваром кость».

Закрывая тему о неголодных временах в том куске Урала, который с 1934 года стал называться Свердловской областью, приведу типичный документ. Типичный потому, что сижу на принципе — если хочешь знать, как живёт провинциальная Россия, сходи в гости к школьному учителю.

«Учителя школ, — так было в Щ-Озёрском районе, — живут полуголодными, местами даже совершенно голодными. Они лишены продуктов питания на существование. За декабрь (1936 — **А.Б.**) месяц смогли получить всего по 3 килограмма. Обратите внимание, за целый месяц на всю семью 3 кило! За январь 1937 года — 3,5 кило. Учителя многих школ работают, не обедая целые дни. Бывают случаи, что по 2-3 дня не находят ни одного грамма съестных продуктов и вынуждены работать голодом. Они давно уже забыли думать о культурной весёлой жизни. Они ходят всегда мрачные, бледные, истощённые...»[81] Учителю хватило мужества под этим подписаться.

В южной сельскохозяйственной зоне Урала, большая часть которой при административно-территориальном разделе отошла к Челябинской области, «неголодные» 1934–1937 годы протекали ещё содержательнее. Не буду останавливаться на хлебообеспечении городов. Такие же очереди и метели жалоб. Горожанин сидел на общесоюзных лимитах и склонностью к тучности не страдал. Статистически и газетно всё было в ажуре. Ежегодно область отправлялась в сталинский поход за урожай.

Жить стало весело и легко. Как и написано в многотомной академической «Истории советского крестьянства»: «Характерным является тот факт, что в колхозной деревне возросла реализация продовольственных товаров через государственно-кооперативную торговлю. С 1934 по 1937 год она увеличилась почти в пять раз, в том числе хлебобулочных изделий в 26 раз с лишним, консервов более чем в 12 раз, рыбы — в 3,5 раза».[82] Щательней врать надо, старики. Моя мама сказала бы тут исчерпывающе: подставили м...у к щиле – котора шире?

Вернёмся к писаному секретно. Рабочим большинства совхозов не выдаётся хлеба по несколько дней, в силу чего начинается отход рабочих из совхозов. Этим создаётся угроза в подготовке к севу, ремонту тракторов и сельхозмашин, а также проведению важнейших мероприятий, взывал к Сталину в марте тридцать четвёртого Кузьма Рындин, секретарь Челябинского обкома.

В телеграмме Молотову, отправленной пять дней спустя, добавлено, что наблюдаются случаи заболеваний от голода, а в животноводческих совхозах области рабочие съедают комбикорма,

предназначенные для скота. Свеженький секретарь взывал прямо к вождям, ибо положение было действительно аховым. У совхозов, выдаваемых за образец социалистического хозяйствования, отмирали конечности – экономии, сгондобленные после раскулачки из обсева деревенских семей.

Год 1937 был очень юбилейным. Страна готовилась к 20-летию революции и пребывала в состоянии повышенной пролетарской бдительности. Весной, когда только-только пошёл враг народа, неожиданно вспыхнул голодомор, по самым аграрным районам Урала. Это был обычный весенний замор. Но для идеологической машины, пущенной на максимальные обороты хвастовства, то был казус. Газеты тотчас же приняли сторону широких народных масс и призвали разоблачать организаторов голода, намекая на то, что таковые обитают где-то в соседнем околотке. Версия о местных причинах голода обуяла и областных работников, выброшенных десантом в районы бедствия.

Итак, сельхозартель имени 14 партсъезда Щучанского района. Колхозник Худяков на 5 человек имеет хлеба только 15 килограммов, нет обуви. В холодную погоду дети не могут ходить в школу, а родители на работу. Колхозник Соколов на семь человек семьи имеет хлеба 38 килограмм, на выработанные в 1936 году 562 трудодня получено хлеба два центнера. Жена и дети совершенно не имеют обуви, из-за того жена не работает.

Колхозница Зырянова Мария хлеба не имеет совершенно. Семья состоит из шести человек. Дети не ходят в школу, самой не в чем ходить на работу. Колхоз «Освобождённый Урал». Получено на трудодень по 100 граммов хлеба, 70 граммов капусты, 40 граммов подсолнуха, 16 граммов лука и 10 копеек деньгами.

Картинки взяты из экономического обзора, но выбор не случаен. Маслобойни деревень, где прозябали «14 партсъезд» и «Освобождённый Урал», десяток лет назад имели фирменное клеймо, свидетельствующее о высоком авторитете на лондонской бирже.

«Заболеваниями, — сообщал о положении дел в Шатровском районе председатель облисполкома Советников, — на почве истощения от недоедания и случаями смерти особенно было задето село Камышино, которое до сих пор остаётся наиболее поражённым пунктом, село Шатрово, село Духовка. Основной причиной недоедания в отдельных колхозных семьях, особенно многодетных и среди единоличников, явилась беззаботность районного руководства...».[83]

Жить местному вождю оставался самый пустяк, через пару месяцев его шлёпнут. Предчувствия нехорошие были, но, казалось,

надежда на благоприятный исход бьётся в собственных руках. Поэтому он валил вину вождей московских на плечи мелкопоместных исполнителей, безжалостно выводя их на вошедшие в моду показательные расправы.

«После приезда в Шатрово в апреле медицинского отряда был развёрнут временный стационар для приёма больных на почве истощения. Сразу же поступило 152 человека. Из них 30 единоличников, а остальные колхозники... В апреле в стационаре умерло 8 человек...» «На почве недоедания, — это документ из Мокроусовского района, — а в некоторых колхозных семьях прямого голода, организованного руководителями колхозов, имеется множество смертельных случаев колхозников и главное детей».[84]

В сообщении члена обкома ВКП(б) Маракулина, датированном 19 мая 1937 года, ситуация детализируется до ужасающих штрихов. В колхозе имени Сталина, этот фрагмент излагаю конспективно, в течение марта-мая умерло от голода 12 человек детей и взрослых. В деревне Карпухиной 12 мая на почве истощения умерло 3 человека. Колхозница Карпова Таисия Семёновна, имеющая 5 детей, из-за отсутствия хлеба занималась ловлей крыс для употребления в пищу... В колхозе «Ленинские искры» братья Чернаковы, один 20 лет, другой 9 лет, умерли от голода — один на печи, другой — в печи...[85]

Судьбы двух семей даю в оригинальной редакции документа. «В деревне Утичьей 19 апреля в поле, в борозде умер Черепанов Иван, 12 лет. Иван пошёл со старшим братом в поле собирать прошлогодний горох, но в поле они разошлись в разные стороны и потерялись. Иван упал в борозде и умер от истощения. Его нашли только на третьи сутки... В книге актов гражданского состояния этот факт не отражён».

«Парахина Парасковья Дмитриевна, — продолжим чтение документа, — имела 5 детей, работала сторожихой, выработала трудодни полностью, в январе 39 трудодней, в феврале была снята с работы, в марте до дня своей смерти — 8 Марта, в Международный женский день, успела выработать 6 трудодней. Работала, не покладая рук, до самой смерти. Колхозники говорили о ней как о трудолюбивой женщине. За выработанные трудодни правление колхоза выдало из полученной от государства ссуды в январе 21 кг, феврале — 6,3 кг, в марте — 2 кг. Это на семью в 6 человек.

Сын Григорий, 19 лет, учился на курсах механизаторов и голодал, зарезал двух чужих гусей. Правление, ссылаясь на факт кражи, отказалось выдавать на него хлеб. Несколько раз безработный просил правление. В последний приход вышел из правления,

но до дома не дошёл, упал и умер. Умер в судорогах, хватал горстями землю и так умер на глазах всего села... Дочь Глафира и сын Виктор умерли от голода в апреле...»[86]

Двоим оставшимся детям посчастливилось умирать в интернате. В Мокроусово развернули госпиталь для голодающих детей. На сорок мест сразу претендовали более ста детей-сирот голода.

Советская власть, колхоз и голодуха. Самой изощрённой идеологией не скрыть их взаимосвязи. Да, с осени тридцать седьмого появился хлеб. Тому причиной, как и в последующие два года, благоприятные погодные условия. Хлебным трудоднём кратких предвоенных лет удачно замуровали память о семилетней голодухе. Я сказал «удачно», имея в виду то, что и в истории, и в народном сознании моих современников сложилось убеждение - война накрыла состоявшийся было колхозный рай.

То, что прописано о цветущих предвоенных колхозах, ложь пролетарская, ложь для внутреннего потребления. Она должна поражать голодное воображение пудами картошки. Посмотреть бы читателю ролик кинопропаганды тех лет «Почему не бастуют советские шахтёры», предназначенный для европейских (текст на французском) дураков. Как он, наш стахановец, проезжает на своём авто мимо своего особняка! У-ух! Дома мебель — мексиканским сериалам делать нечего вообще. Жена сервирует стол хрусталём из Эрмитажа. На фоне концертного рояля. Заканчивается бутафория совсем по-нашему. Хозяин, теперь на фоне библиотеки, сосредоточенно конспектирует «Капитал».

Первородная хозяйственная информация, взятая из секретных деловых бумаг Челябинского, к примеру, обкома ВКП(б), выглядит несколько антисоветски. «В целом по области, — речь о благополучном тридцать восьмом, – при распределении денежных доходов получается низкая оплата трудодня... Колхозники остались ещё должны. Например, в Лопатинском районе из 44 колхозов 21 безденежный, в Макушинском — из 78 не выдают денег 48, в Бродоколмакском — из 35 хозяйств 25... Средняя денежная оценка трудодня 23 копейки. Из 3,2 тысячи колхозов 694 не платили по трудодням вообще, 1288 — менее 20 копеек, 767 — менее 40 копеек». За булку хлеба средний колхозник должен был отработать месяц и полгода за штаны.[87]

Удирая из светлого прошлого, проскочим мимо серенькой-серенькой артели «Совет» Б-Сосновского района. Лошадей 14, бык 1, коров 2, овец 10, коммунаров 50. По итогам года колхозники остались должны артели 120 рублей, а колхоз государству более шести тысяч рублей. За год снято два председателя и четы-

ре бригадира (при одной бригаде). Политическое настроение масс, уточняет характеристику уполномоченный, ненадёжное, из колхозного штата правильно думают только 8 человек.[88]

Нищета и голод суть вещи разные. Голод — это нищета вопиющая. Тогда он погас осенью тридцать седьмого. А через четыре года вспыхнул вновь. Но то была голодуха особенная — героическая и самоотверженная. Какая, казалось бы, разница? Ан нет. Именно здесь, на уровне желудка, обнаруживается глубокое диалектико-материалистическое различие между человеком нормальным и патриотом. Для homo vulgaris всё едино, и там, и там просто жрать хочется. Патриоту должно колхозную голодуху забыть, а военной — зело гордиться. Без голодухи и самоотверженной принудиловки наша победа, как юбилейная медаль, быстро тускнеет.

Конечно, искреннее и тоньше любовь к Отечеству голодному, но жить предпочтительнее в России сытой.

Глава 7
Энтузиасты на этапе

Жизнь — сложная штука. Даже в смысле индивидуального прозябания. Прозябание, взятое как общественный процесс, обращает бытие в хаос мимолетных впечатлений, в котором нормальный человек пытается постичь замысел божий, а отмеченный печатью революционера — обубожить мир до собственных представлений. Путь первого — образование и труд, второму достаточно простенькой идеи капитального ремонта Вселенной.

Простота не противна истине. Выводы народного землеумельца о готовности почвы к севу, добытые погружением голого зада в зябь, могут совпадать с тезисами высокой умозрительной науки. Опасна простота оголтелая. Родиной реформистского пахрапа, несомненно, является Россия. Почти каждый исторический шаг её дерзок и бесшабашен, как прыжок пьяного с колокольни в надежде взлететь. За врождённое буйство души заплачено всенародной нищетой, потому мы вправе гордиться тем, что всякий заугольный наш политик не мечтает о меньшем, как шарахнуть в сторону всю Евразию, садануть под дых Западу и обозначиться монументом на углу мировой истории. Пророков, жующих экономические подробности, у нас не любят.

Мгновенное осознание того факта, что мы нищие, нищие без смягчающих вину обстоятельств, ввергло соотечественников в уныние. Пространство, время и все цвета жизни растаяли в сером вакууме неопределённости. Хозяйственная живость даже самых деятельных не идёт дальше спекуляции и инстинктивного казнокрадства. После привычной трудповинности возможность самостоятельно думать и жить кажется невыносимой обузой, все устремления скукожились на простом выживании.

Истерика — единственное живое проявление безысходности. И вот уже кричит ошпаренная свободой душа народа-люмпена, зовёт назад к ленивому, но гарантированному равенству в нищете.

К привычной и необузданной лжи самодовольства — от квасно-патриотической до красно-демагогической. Могильная жуть советского прошлого выветрилась до простительного казуса, скрытого за частоколом лозунгов, с коих простреленным черепом Роджерса снова улыбается в мир пролетарская простота. Хочется, решительно вздохнув, выбросить из головы всякие претензии интеллекта и встать в плотную колонну единоподобных.

Когда по весне тридцать третьего уполномоченный обкома ВЛКСМ Еремеев прибыл в колхоз имени Ворошилова Камышловского района, его поразила дикая патриархальщина. Пахали на быках, а боронили на бабах и коровах. Три ночи хватило, чтобы набросать проект коллективной бороны. Уполномоченный знал по «Капиталу» о преимуществах совместного труда. В материализованное на кузне орудие, названное технически изящно — «ЗИГ-ЗАГ», цугом впрягли двенадцать мужиков. Заборонили в неделю без малого пятьдесят гектаров!

Учение Маркса всесильно, потому что верно. В среднем на тягловую душу выходило чуть ли не по гектару в день. Это при дневной колхозной норме 0,7 гектара на паробабью борону. От предчувствия открытия у ВЛКСМовского пифагора запершило в горле. Во лбу идеи заворочались глобальные. Если сто пятьдесят миллионов да в одну общенародную упряжь, да под мудрым партийным руководством.

В серёдке концепцию удачно подпирал исторический факт, имевший место в соседнем Тупицинском сельсовете. Там по указанию агрокомиссара Токманцева к боронам приделывали дышло и постромки. Не шедевр, но два колхозника при среднем усердии боронили за день гектар. Автор «ЗИГ-ЗАГа» быстренько обобщил результаты эксперимента, а следующий проект более надежно привязал к местности. Дефицитный ресурс — мужики слонялись по лагерям и тюрьмам, поэтому широкозахватная борона нового поколения была рассчитана на двенадцатибабью тягу.[1]

Мир диалектичен, говорил один из персонажей Андрея Платонова, на каждого героя есть своя стерва. На изобретателя накапали. И весьма профессионально, адресовав злую бумагу прямо председателю областной комиссии по чистке Ройзенману. История не помнит, за что убрали талантливого парня. Как диверсанта ли, близко подобравшегося к теоретическому фундаменту социализма, или просто за оппортунистическое послабление к единоличным коровам. Ясно одно, новатора задвинули на работу, не располагающую к осмыслению глобального.

Снимем с божницы икону массового чудотворного героизма и пристально вглядимся в её простые лики. Алексей Стаханов, Никита Изотов, Паша Ангелина... «В буднях великих строек, — успокаивают рассудок святые слова Евангелия от Академии Наук, — раскрывались неисчерпаемые потенциальные возможности класса-гегемона, его способности и таланты.., высокая ответственность за судьбы социализма, выдержка и трудовой героизм.»[2] Жалко расставаться с золотым сном, где тонкие девушки в полосатых кофточках лихо управляются с тракторами, а парни с мужественными лицами самозабвенно истязаются в кубометрах, замесах, тоннах. Где усатый и добрый ветеран, штурмовавший когда-то Зимний и Перекоп, передаёт опыт восторженному комсомольцу.

Не иронизируя в адрес канонических образов советской истории, смею утверждать, что истинным героем индустриализации явился репрессированный деревенский мужик. А басни о классе-гегемоне отнести на счёт дублёной совести гегемонов от науки.

Сначала был призрак коммунизма, и по всему по этому родился Ленин. Ленин родил партию. Партия родила Яко.., простите, советскую власть. Власть родила партии колхоз и пятилетку. С колхозом наступал массовый энтузиазм... Такова библейско-академическая версия событий. До колхоза массового вдохновения не было, а царил мрак индивидуального корыстного труда. Розово замерцало в душах с появлением вербовки.

Исходно-утопически мыслилось, что путём организованного набора рабочей силы полностью закроется тягловая потребность социализма. В октябре тридцатого индустриальную барщину ввели в гражданские обязанности. Бумага называлась классически — «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью». Всем, кто способен командовать, предписывалось развернуть обязательную вербовку. Наряды на заготовку пролетариата не обошли последнего туземного стойбища. Не потому, что работать некому, а потому, что даром и груши околачивать в раю никто не станет.

Промышленный прогресс обычно начинается с лесозаготовок. Это вам подтвердит развитая, но рано облысевшая Англия. Уже в зиму десятки тысяч рекрутов индустриализации были доставлены к местам героических свершений. В леса. «Крестьяне горячо откликнулись на призывы Коммунистической партии!» — кокетливо соврала им вслед академическая наука. В документах ОГПУ ситуация протокольно серая. «Из Далматовского района с 9 по 13 ноября должны были перебросить 3000 человек и 290 подвод на лесозаготовки. Однако заявки на вагоны не удовлетворены. Вслед-

ствие изложенного создается большое скопление крестьян в центре района. На почве этого возникают недовольство, благоприятные условия для агитации отдельных антисоветских элементов против лесозаготовок. Крестьяне, прибывающие для отправки на лесозаготовки, на 80% в пьяном состоянии и с запасом вина. Нередки явления среди них скандалов и драк».[3]

Чёрные толпы дышали в небо паром и пьяно куражились на всех станциях перевалки. Под план заготовок тридцатого Уралтруд запланировал вербовку трёхсот тысяч человек — 140 тысяч пеших лесорубов и 160 тысяч коновозчиков. Ну и там по мелочи: трест «Востокосталь» добивался 11 тысяч рабочих, угольные предприятия требовали 15 тысяч рабов, оговорив, что нужен полноценный материал преимущественно для подземных работ, трест «Асбоцемстрой» настоятельно просил у партии 10 тысяч рабочих, «Машстрой» — 30 тысяч...[4]

Москва погоняла периферию как колхозную лошадь — тыча палкой под хвост. Ёкнув от неожиданности, уральское начальство бросалось в народ. Не успели наряды Уралтруда добраться до мест, грянула предновогодняя депеша председателя облисполкома Ошвинцева. «Требую немедленного со стороны предриков выполнения планов вербовки с превышением на 20%. В противном случае не останавливаться до снятия всего состава райисполкомов». Принцип работы заготовителя прост — либо ты вербуешь, либо попадаешь в энтузиасты сам. Самоотверженным трудом приятнее восхищаться со стороны и после. В силу важности и экстренности задания ответственному товарищу выдавались оружие и бумага, обязывающая всех к пособничеству.

Технология низовой работы имела хитрые узелочки. Первые вербовщики сразу кинулись в сельсоветы и, руководствуясь классовым подходом, углубились в загодя составленные списки кулаков. Энтузиаст пошёл. Но сверху спустили обжигающую бумагу - сельсоветам запрещалось уводить под вербовку потенциально ссыльный элемент. Этих мы и так заберём, возмущался Уралобком халявством вербовщиков, самим надо быть расторопнее.

«Поедешь на лесозаготовки или с первым этапом отправлять в ссылку? — спрашивали вызываемого в сельсовете, — век доживаешь, а белых медведей и не видывал». Зиму тридцатого в деревне помнили хорошо. Возмущались больше те, что сверкали по сугробам голыми пятками, от ветра спрятав муди в горсть. Чистый пролетариат. Кое-где попытались экипировать босяка в кулацкие обноски и вытолкнуть на лесосеку. Классовая природа брала своё, на первой же станции обмундирование пропивалось до

нитки, и одичавший пролетарий возвращался к посильным обязанностям деревенского активиста.

Первый год и в первый раз не бежать с вербовки было просто стыдно. Ночами, уперев нос в заиндевелый потолок барака, каждый думал об одном — как дать тягу. Побежали. У многих хватало ума зацепиться в городе, возвратившихся в деревню могли направить на лесозаготовки в административном порядке. Бегство с принудработ, так отныне квалифицировалась деятельность энтузиаста-рецидивиста, прямо выводило на скамью подсудимых.

Больше всего массовое дезертирство вербованных досаждало таёжным жителям. За поимку беглого спецпереселенца, при передаче его райуправлению ГПУ, выдавалась премия — мукой, крупой, охотничьими припасами, солью, нередко наличностью. В тридцать первом опытному следопыту на этом деле можно было сколотить состояние, чтобы впредь не таскаться по стылой тайге за обычной промысловой мелочью. Закавыка состояла в том, что ни визуально, ни по запаху ссыльного не отличить от вербованного. Не отличала его даже собака. За беглого энтузиаста полагалась, увы, только благодарность лесотреста. Сдавая живой товар властям, следопыты всё чаще сокрушались. Как над корзиной грибов, собранных подслеповатой старухой.

Переброска мобилизованных принимала размах военно-стратегических операций. Судите сами. Реэвакуация вербовки с лесозаготовок Урала в марте тридцать первого выглядела так. Для переброски 41 тысячи лесорубов подано 1240 вагонов, 23 тысяч коновозчиков — 650 вагонов, 23 тысяч лошадей — около трёх тысяч вагонов. Вся операция потребовала шесть тысяч вагонов, треть занятых добиралась до дома самоходом.[5]

Накануне осенней мобилизации тридцать первого голова шла кругом. «Положение с рабочей силой на Урале, — гнал истерику Уралсовет, — остается крайне напряженным. Если даже допустить, что в народное хозяйство может быть привлечено всё трудоспособное население (включая трудоспособных женщин), дефицит рабочей силы составит 106 тысяч человек. Фактический дефицит – 186 тысяч».[6] Выходило, что социализм на Урале строить некому. На путаников положили взгляд с последним предупреждением, а расчёты поручили Уралтруду, обязав «установить районам задания с применением классового подхода».

Сводный баланс рабочей силы по Уралу, смонтированный подрядчиком, открывал социалистическую перспективу настежь и выглядел так. Наличное трудоспособное население — 4,2 млн. человек. Потребности промышленности — 525 тысяч, сельского хо-

зяйства — 1,8 млн., строительства — 233, лесозаготовок — 240 тысяч человек. Положительное сальдо — 628 тысяч. Сальдирует, отмечают авторы документа, исключительно природный полуфабрикат — деревенское бабьё. Предусмотрено, что 156 районов Урала будут экспортировать рабсилу, а 28 — ввозить.[7]

Экспорт начали с душевным подъемом. Вошло в силу постановление о замене платных гужевых услуг принудительной мобилизацией лошадей. Большевики стали много хитрее и заложили в вербовку мину. Раньше мобилизованный при осложнении обстоятельств нырял в тайгу, оставив на память тресту паспорт. Через неделю-другую он выходил к околице родного села. От собственной и единственной лошади, мобилизованной заодно с хозяином, вербованный бежать не мог. Потому лямку тянули до конца. Весной на ближайшей к дому станции, размазывая слёзы жалости, выводил её, обессилевшую, на помочах из вагона.

Гранитные и бронзовые персоны, восседающие на гордом скакуне, украшают многие города мира. Но на полукружье моей страны не найти могильного камня второму великомученику и герою советской индустриализации — российскому Коняге. В те злые тридцатые и для него началась мучительная агония, которую в людях называли социализмом. «Лесозаготовительные организации, — информирует Москву Уралобком ВКП(б), — не имеющие собственного конского транспорта, ежегодно забирают у крестьянства области около 120 тысяч лошадей, которые возвращаются только к началу весенних работ. Как правило, эти лошади непригодны для работы в поле и требуют отдыха и подкормки. Потери поголовья лошадей на лесозаготовках достигают 20% от количества отправленных лошадей».[8] Председателю СНК можно врать смелее. В заготовки 1933 года, пишет Кабаков Молотову, мобилизовано 160 тысяч, более четверти издохло от бескормицы и варварской эксплуатации.

«12 мая 1932 года я был вызван к начальнику милиции, где мне было объяснено, чтобы я взял с собой продуктов на три дня, а также пару белья, так как меня направляют на работу... Я безоговорочно выполнил приказание начальника милиции и собрался. Меня в числе других направили в Курган и передали в ведение ОГПУ, где у меня был произведен обыск, отобрали все документы и справки, имеющиеся у меня. Просидел там три дня. Мне объявили, что я лишен прав. 18 мая я должен был направиться в город Челябинск, куда я и поехал...»[9]

Жизнеописание крестьянина Зверипоголовского района Амирова Хакима изнутри высвечивает механизм вербовки на «вели-

кие» стройки. Хаким был честным человеком, читал газеты и верил в новую справедливость. К жалобе на произвол и просьбе отпустить домой, что он направил в райком партии, приложил справку от сельсовета о политической благонадежности, от колхоза — о должном усердии в труде, от комиссии по хлебозаготовкам — об отсутствии недоимок, а также справку из школы и другие, положительно характеризующие его документы. И как главный довод защиты — ударную продкарточку «Челябтракторостроя» с тремя только выкушенными купонами.

Честный и умный был Хаким. Но Хаким не читал секретных партийных бумаг, поэтому удивился, получив отказ. Забрали и карточку — настоящий ударник не имеет права жаловаться на власть. В самом деле, вербовка на индустриальные стройки отличалась от лесозаготовительной мобилизации, хотя обе декларировались как формы добровольного найма. В тайгу волокли на сезон, с расчетом возвращения к посевной. Примитивная барщина. Вербуемым в котлован про сроки найма говорить не надлежало. Рабзаготовителю вменялось в должность только одно — любыми средствами выдернуть мужика из деревни. Инструменты хорошо известные — план и наган.

Первым попал под вербовку единоличник. Выкурить его из деревни не составляло особого труда. На сумму недоимок облюбованных вербовщиком мужиков скорёхонько оформлялись иски в суд. В сельсовете недоимщикам участливо предлагался альтернативный лагерю вариант искупительного труда. Методу интенсивно использовали более трёх лет. В тридцать четвёртом, после убийства Кирова, власть нашла вербовочную льготу неуместной. Должников стало выгоднее отправлять в лагеря

Надеяться в строительстве фундамента социализма лишь на двуличного единоличника, сами понимаете, глупо. Что он работает хорошо, сказал как-то Ильич, очень хорошо. Но идеологически он невыносим, потому что работает на себя. «Положение с рабочей силой прямо катастрофическое! — сообщал обкому ещё в тридцать первом Володя Шарапов, работавший до вайнеровского МУРа и Жеглова реальной руководящей единицей на строительстве дороги Магнитогорск — Карталы. «В июле ушло полторы тысячи человек по причине начала сенокоса и ввиду плохого питания. Вербовщики возвращаются безрезультатно».[10]

Единоличник привык много работать и хорошо есть. Колхозник, по мысли классиков, должен, прежде всего, думать о благе общем и в благоутробии быть невзыскательным. Постановление ЦИК и СНК СССР об отходничестве, вышедшее летом тридцать

первого, всячески поощряло переход коммунаров на индустриальные стройки. Бежать из колхоза желали многие. Однако, чтобы беглый не ускользнул в тёмную глубину советских пространств, переход надлежало документально огородить.

Завербованному следовало выправить разрешение на выезд от сельсовета или правления колхоза. Ну кто же отпустит трудоспособного мужика при грабительских планах хлебозаготовок? Правления пошли было на хитрость, задерживая вербованных под предлогом их задолженности колхозу. Москва пресекла начинание и обязала колхозы заключать со стройками договора на поставку рабочей силы. Отказываться от сотрудничества и занижать прописанную в крепостном акте норму, категорически запрещалось. Не задерживать вербованных должников, грозно предупредила директива, подписанная зампредом СНК РСФСР Рыскуловым, после отдадут из зарплаты.[11]

Колхозы легко смирились и даже намерились вывернуть директиву мехом наружу. А именно, при заключении договоров потребовали перечисления заработка вербованных в колхоз. Мы тут с голоду пухнем, а они будут карман набивать! В порядке возможного компромисса предлагалось конвертировать зарплату отшельников в трудодни. Вербовку моментально заклинило, очень пожилой соотечественник знает — голодать приятнее дома. И эту инициативу признали вредной.

Под самую четырнадцатую годовщину Октября вышла послабляющая директива. Заводам и стройкам предписывалось выплачивать колхозу по пять рублей за каждого завербованного. В деревне сначала вроде обрадовались, не забогатеешь (две буханки хлеба по коммерческой цене), но и доход-то неожиданный, как посылка от покойника. Торговля пошла бойко, но мимо денег. Сбывал колхозников оптом Колхозсоюз. Гиганты пятилеток тоже остались довольны, им денег не занимать, тысячи даром работающих ссыльных и заключённых обрабатывали покупку колхозников. Открыл торги трест «Ураллес», купивший у Колхозсоюза сразу 18 тысяч мужиков.[12]

Общеуральский план вербовки на тридцать третий год исходил из принудительного привлечения четверти миллиона человек, 195 тысяч из уральской деревни, 55 тысяч путём ввоза из Татарии, Башкирии и автономий Поволжья.[13] Переход к импорту покорных пацменов говорил о многом. На Север и индустриальные стройки Урала прогнали более миллиона переселенцев, поток каторжан спадал, весной закрыли массовые кампании выселения. Кулак кончился, а ряды энтузиастов зачернели людом туземным.

Власть и вербовка умнели наперегонки. Не заставляйте юристов беспомощно разводить руками, упрашивал Верхсуд РСФСР, сразу отбирайте у вербованных самообязательства, иначе беглых нельзя привлечь к суду. В конторах к бумажной кропоти относились канительно до тех пор, пока не поступило инструктивное письмо Верхсуда, обещавшее уголовную 61 статью УК бюрократам, у которых не обнаружится письменной присяги дезертира.[14]

К голодухе ситуация шарахнулась в сторону. Деревенщина поняла, что индустриальная барщина гораздо ближе к хлебу. Пусть по карточкам и крохи, но ближе. Народ побежал в города, мигом утопив их в трущобах самостроя. Большая часть бежала на временный заработок по найму, для молодёжи вербовка стала единственной путёвкой в жизнь. Выбитые из привычного уклада рваные деревенские толпы метались по вокзалам и предприятиям. К осени, столь же обычно, людская волна откатывалась в деревню с надеждой подкормиться на свежих хлебах.

В марте голодного постановлением СНК СССР отходничество совсем отрубили. «Исключать из колхоза тех колхозников, — требовала подписанная Молотовым бумага, — которые без разрешения уходят на производство, а потом (к уборке) возвращаются в колхоз, чтобы расхищать зерно». Про зерно здесь отвлекающе. За него бил по рукам «дедушкин указ» и статья 162 УК. Суть в другом, партия решила — быть отныне всем энтузиастами, одним в котлованах, другим — на столбовом пути. И заставила присесть суетно взыскующих личное благо. Директивой ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 года вводится всеобщая паспортизация населения и прописка. В целях «очистки населённых мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».

Кампания паспортизации, к чести её авторов, не впала в пустые эмоции — дать каждому серпастое удостоверение личности, вынув которое из широких штанин, можно было требовать гражданских свобод. Чего, в самом деле, удостоверять? Соотечественника за версту угадаешь по унылому крою хари. Главное не паспорт, а прописка. Учёт антиобщественного поголовья начали с жилого фонда. Проживающие в государственных и частных домах были проверены на право местопребывания, социально чистые и родственно близкие съемщику получили паспорт со штампом о прописке. К деревенским родственникам подозрений не скрывали, потому немедленно выселили.

Выдавать паспорт вербованному надо и нельзя. Надо для оформления документов по месту работы, для получения продуктовых карточек, места в общежитии, кровати, тумбочки и других

сопутствующих романтическому образу жизни вещей. Временный и принудительный характер вербовки культивирует естественное варварское отношение к материальной и духовной обстановке. Вербо-энтузиастам, чтобы нести ответственность за бытовую экипировку, нужен был хотя бы формально статус гражданина.

Давать вербованному паспорт на руки никак нельзя. Каждый колхозник мечтает стать гражданином. Просто сбежать в город от деревенской рутины, нищеты и бесправия. Не верьте патриотам колхозной деревни, но снизойдите до участливого понимания. Когда жизнь сгорела в многолетнем бесплатном труде, разменяна на кусочную суету, остаётся утешение лишь в деревенском патриотизме. В памяти розовеет прошлогодняя постылость, поизносившиеся чувства до слезы идеализируют развороченную «ДТ» и «Кировцами» околицу, стойкий аромат не то свежего навоза, не то прокисшего силоса. «Деревня моя, деревянная дальняя...»

Земляки тридцатых любили обитель реальную и по естеству чувств. Но больше хотели жить. Дай таким паспорт, а они дадут тягу. Лесотресты поначалу отбирали документы у вербованных. Те навадились бежать не после аванса, как раньше, а на пути следования к месту работы. Беглый с паспортом — дезертир в квадрате. А как же! Убёг из колхоза и с великой стройки. Постановлением Верхсуда СССР «Об ответственности завербованных рабочих за дезертирство» (27-10-1933) сбежавшим на пути к местам подвига посулили пять лет. Кидаться под откос перестали. За побег с места принудиловки давали в три раза меньше.

По окончании вербовки всем деревенским надлежало вернуться домой, но уже без паспорта. Теперь многие, особенно холостые, не рвались в голодный колхоз и пытались приткнуться хотя бы на временную городскую работу. Часто предприятия, зарясь на грошовую рабсилу, предпочитали сокращать постоянный штат и пользоваться услугами временных нелегалов. СНК СССР принял несколько жёстких директив, запрещающих применение наёмного труда с нарушением установленного паспортного режима. С населением скороспелых городских трущоб обошлись круче. Беспаспортных выселили, а их хибары уничтожили. Только на территории Уралмаша за первую половину тридцать третьего снесли более тысячи землянок самостроя.[15]

В толпе энтузиастов индустриализации и колхозного строительства вербованный элемент составлял заметную, но далеко не самую ударную часть. Лучшую половину массового энтузиазма монополизировали ссыльные. Тому вяще способствовал комендантский режим и невозможность гласно возразить. Ну и масшта-

бы эксперимента, разумеется. Первая кампания высылки, уже упоминалось, имела вид чисто репрессивного порыва с куцым осмысленным моментом - затолкать евших досыта поглубже в тундру. Классовая брезгливость преобладала над резоном. Документы о трудоустройстве выглядят скорее декорациями, чем директивами. Если говорить о хозяйственной истории спецссылки вообще, она чётко вписывается в принятую схему социального прогресса, образуя запоздалую ветвь — от большевистской дикости к советскому варварству.

Протокол заседаний фракции ВКП(б) Уралоблисполкома от 19 марта 1930 года утвердил общий план размещения кулацких семейств в северной части Уральской области по округам и районам — 39250 семейств. Из них предполагалось использовать: в тресте «Волгокаспийлес» — 10000 семей ссыльных, «Камураллесе» — 13200, «Уралмете» — 11100, «Рыбтресте» — 3000 семей.[16]

С географией расселения кулацких масс мы познакомились ранее. Сейчас перед нами план их хозяйственной дислокации. Должен сказать сразу, что все эти планы принимались с ветра. Ссылка оказалась сволочным сюрпризом даже для партсекретарей таёжно-тундровых райкомов. Для трестов-отчимов планы размещения оказались более неожиданными, чем майская озимь на лысую голову. Спецэнтузиасты сидели на мешках в Надеждинске, Соликамске и Тобольске, а порой и на родном берегу, когда поступили озадачивающие бумаги. Директивы преследовали не экономическую цель — сбросить лавину обездоленных и пугающую ответственность на чужие плечи.

У ссылки, таким образом, оказалось два хозяина. Подъёмом, транспортировкой и расселением командовало ОГПУ, указанные выше тресты должны были стать работодателями. Главный хозяин, чтобы разгрузить пересыльные центры, расталкивал жертвы абы куда — по посёлкам и стойбищам аборигенов, скидывал по берегам рек и давал взаймы нуждающимся в дармовом ресурсе. К серёдке лета, по расселении и установлении комендантского режима, намерились было доложить об исполнении. Ан нет! Теперь спецпереселенцев предстояло тащить к местам их хозяйственной прописки. Те же эшелоны и баржи, но теперь по планам трудокарательной операции.

Первое время, до начала зимнего лесозаготовительного сезона, ссыльные оставались безработными. В смысле государственной повинности. На просьбы «гостей» предоставить работу и соответствующий паёк и в ответ на директивы сверху, обязывающие эффективно использовать кулаков, комендатуры могли организовать

лишь ритуал работы. Вести обустройство посёлков, заготовку дров и иные не дающие дохода мероприятия.

В таёжной целине лесоразработки ведутся обычно по берегам рек, чтобы по большой воде можно было столкнуть древесину до пунктов переработки или перевалки. Зимой в приречных массивах ведут повал, санными дорогами брёвна вывозят и выкладывают на укатистом берегу в штабеля. Технология сыграла роковую роль в судьбе первой волны переселенцев. Обиталища спецссылки выросли там, где было приказано ГПУ. Леспромхозы не успели подготовить ни новых участков, ни построить жилья. Оставалось единственное решение, которое и запустили с начала ноября в жизнь, — сколотить из работоспособных бригады и отправить их на самые отдалённые участки лесоповала. На весь сезон, до июньской страды лесосплава. В семьях несчастных снова прощались, теперь с полной надеждой встретиться только на том свете.

Несколько иначе сложилась судьба приобской ссылки. Каторжане, прогнанные по вектору Тюмень — Тобольск, в основном зацепились в бассейне Оби и голодали особенно, с привкусом цинги. Ещё за пару недель до прибытия первых этапов там протокольно решили «принять меры к максимальному использованию прибывающих на лесозаготовках и рыбозаготовках, ставя их существование в зависимость от трудовой самодеятельности...» В целях полного использования дармового тягла Уралобком утвердил большую программу трудоустройства. Главную часть ссыльных намечалось занять на рыбо- и лесозаготовках вдоль нижней Оби. Было начато строительство железной дороги Тавда — Тобольск, трактов Тюмень — Тобольск и Тобольск — Самарово, Тобольского рыбоконсервного завода и ряда других предприятий. На слияния Оби и Иртыша развернули строительство нового города Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийск).

Нельзя сказать, что эти стройки явили собой рациональное применение человеческого материала, городили по древнеегипетской технологии прогоняемыми на Север ссыльными партиями, так что всё свершённое выглядело даром божьим. Нынешняя столица Ханты-Мансийского округа — город контрастов. Бараки, построенные рабами социализма, старчески завистливо глядят выцветшими окнами на стильные, с тонированными стеклами офисы неожиданно разбогатевших кампаний.

В тридцать первом отношение к ссылке заметно изменилось. Трудно сказать о причинах, голодомор ли зимы прошедшей, или сполохи экономической целесообразности, но изменения были. Высылать стали больше, по плану летнего завоза Уралу надлежа-

ло принять 50 тысяч кулацких семей, не считая сосланных в розницу. Кроме того, по постановлению облисполкома от 8 марта 1931 года затеяли внутриобластное переселение более десяти тысяч кулацких семей, отнесенных к третьей категории. Несмотря на возросшие масштабы ссылки, во всех её элементах стала просматриваться лёгкая хозяйственная осмысленность.

Весной была проведена первая попытка инвентаризации ссыльных, по данным следственно-оперативного управления ПП ОГПУ, на конец апреля 1931 года за 63 леспромхозами и горнорудными предприятиями Уральской области числилось более 47 тысяч кулацких семей. По карательной операции 1930 года было сослано оптом 40 тысяч семей. Выходит, тысяч десять-пятнадцать семей, беру минимальный «естественный» отход населения, стали жертвой классовых коллизий местного масштаба, и пошли репрессивной розницей.[17]

В марте тридцать первого Уралсовет внезапно озаботился положением ссылки и решил обревизовать её наличное поголовье на предмет трудоспособности. Раньше кулацкая масса шла статотчётным монолитом - в общедушевом измерении. Власть даже рделась лёгким стыдом при знакомстве с возрастным составом ссылки. С принятием «Положения о спецпереселенцах» пустые эмоции уступили место холодной категориальной дисциплине. «Прибывшие в спецпоселки спецпереселенцы, — излагает списанный с гепеусовской шпаргалки документ Уралсовета, — принимаются комендантом спецпосёлка, становятся на персональный учёт и в целях рационального использования подвергаются медицинскому освидетельствованию и в зависимости от результатов такового разбиваются на следующие 5 групп:

Группу «а» составляют способные к выполнению всяких физических работ; группу «б» — способные к выполнению только лёгких физических работ; группу «в» — неспособные к физическим работам, но могущие быть использованными на внутрипоселковых работах, лёгких кустарных промыслах и сезонных работах — сборах грибов, ягод, орехов и т.д.; группу «г» — вовсе неспособные к труду; группу «д» — дети в возрасте до 16 лет».[18]

Хаос кончился. Антисоветский элемент размазали по шкале полезности делу социализма. На свободу дали шифровку — садите в первые эшелоны группу «а», остальных отправите через два месяца, когда приезжие окопаются. Лесотрестам и вновь организованному областному комендантскому отделу (ОКО) строго наказали, что «трудоспособные спецпереселенцы должны быть использованы на работах только в лесу».

Если отдать очередную партию ссыльных в руки ОГПУ, задумались по весне в Уралобкоме ВКП(б), в зиму покойников будет ещё больше. Думали-думали и на одном из заседаний бюро решили: «Обязать Ураллес, Уралуголь, Рыбтрест, Востоксталь и Уралстройматериалы к 19 мая внести конкретную программу развертывания строительства (по месяцам и районам) для спецпереселенцев».[19] К началу августа планировалось дать крышу всем. За три месяца построить жильё для полумиллиона человек можно только в большевистском воображении. Человеку нормальному ясно — не построить и концлагеря.

К тому времени, когда ссыльному элементу надлежало справлять новоселье, из ЦК пришла почто-телеграмма, заляпанная грифами «совершенно секретно», «лично», «весьма срочно», ибо адресовалась секретарям обкомов. «В связи с передачей в ведение ОГПУ всех спецпереселенцев, — говорилось в бумаге, подписанной Постышевым, — некоторые крайкомы поняли это как освобождение их от обязанностей наблюдать за состоянием спецпоселений, рациональным использованием переселенцев на работах, нормальным и своевременным снабжением их продовольствием и всем необходимым. Такое отношение недопустимо».[20]

Пусть кулаки мрут, но не так же быстро. Организационный рокот прокатился по Большому Уралу. Созвали, как полагается, расширенное бюро, на котором заслушали доклад заместителя начальника ПП ОГПУ Нодева, возмутились творимыми в ссылке безобразиями; в пресечение оных впредь провели областное совещание комендантов лагерей и кустовые семинары для надзирателей-десятников. В столицу ушёл изящный, как моральный кодекс строителя коммунизма, план мероприятий. В нём было всё: и сытный паёк, и тёплое жилье, и светлые школы для подрастающего кулачья, и больницы, и даже земля под личные огороды.[21]

В директиве внутреннего пользования тем же ураллесам и уралуглям приказывалось к 1 октября построить жильё для прошлогодних и части нынешних переселенцев, а к 1 ноября — для энтузиастов последнего (июльского) завоза. «Преимущественным типом жилищного строительства, — разъяснялось валоватым трестам, — считать барачное строительство семейного типа с коридорной системой. Отмечая факты нерационального возведения жилищных построек барачного типа в Кизеловском районе (Усьва), где при размещении 420 человек предусмотрено только две печи, — предложить Уралуглю, т. Финкельштейну, по согласованию с ПП ОГПУ, в пятидневный срок внести изменения в жилищное барачное строительство для спецпереселенцев».[22]

История не помнит, на чём сошлись тов. Финкельштейн с тов. Раппопортом, документально и по свидетельствам выживших ясно одно — и вторую ссыльную зимовку большинство каторжан провело в самодельных норах или бараках с гулаговской архитектурной простотой. И третью зимовку, и четвёртую...

Теме голода и бытового убожества ссыльных можно принести в жертву не одну книгу. «Санитарное состояние большинства посёлков неудовлетворительное. Уборных нет, нет помойных ям, и отбросы выбрасываются у помещения или на улицу. Колодцев нет. Пользуются речной водой, в результате вспышка брюшного тифа 239 человек...»

«Санитарно-профилактическое состояние в отвратительном положении ввиду перегрузки жилой площади. Имеется большинство казарм, где койка от койки на расстоянии одной четверти, нет бака, умывальников, просьба прислать врача — глазника ввиду заболевания трахомой на 43% среди всех переселенцев...»

«Брюшным тифом за год заболело 138 человек. Причины эпидемии — антисанитарные условия во временных бараках, куда были помещены спецпереселенцы до отправки на участки. Чрезвычайная скученность. Неприспособленность некоторых временных бараков к жизни в них (холод), невозможность их отопления, загрязнение источников питьевой воды, недостаток продуктов питания. Сыпным тифом за год заболело 253...»

«Семьи в бараках не отделены. Значительное количество недостроенной жилплощади создало чрезвычайную скученность в бараках и избах, где, как правило, сплошные нары. Нередки случаи спанья под нарами за отсутствием места на последних... В настоящее время количество жилой площади для спецпереселенцев колеблется от 0,05 до 1,5 кв. метров... Площадь вокруг жилищ загажена и если зимой это представляет лишь некрасивое зрелище, то весной, с началом таяния, это составит реальную эпидемическую опасность...»[23]

То была круговая панорама Большого Урала, если смотреть из Свердловска, панорама легендарных тридцатых. Документальные сюжеты взяты из справки о медико-санитарном состоянии уральской ссылки (Коми-Пермяцкий национальный округ, Калатинский, Ивдельский и Троицкий районы), составленной в феврале тридцать второго и направленной в Наркомат здравоохранения. Сотни утомительных для чтения страниц о варварстве и ужасающей нищете по всему поясу колонизации. Редкие отклонения от единообразия трагикомическим смыслом больше тонируют безысходность, чем свидетельствуют о позывах к жизни.

Мелкотемье провинциальных фактов может породить сомнение — когда захолустная Россия жила сыто и содержательно? Надо сказать о главном, о Магнитке! Сейчас скажу. По первой инвентаризации за великой стройкой числилось более сорока тысяч ссыльных рабов. Вглядимся без эмоционального разгона в музейные фотографии тех лет. Панорама легенды смахивает на перенаселённое лебединое озеро. По всему горизонту — белые стаи палаточных и барачных посёлков. В них сорок тысяч ссыльных и примерно столько же принудительно вербованных. Заключенных чуть меньше, и их зоны горизонта не оживляют. Панорама, как социализм, впечатляет размахом, но совершенно не терпит пристального интереса.

«В центральном посёлке имеется 67 бараков и 8 9-10-квартирных блок-домов. Землянок 108, имеется 1 столовая, 1 магазин ЦРК, 4 хлебных ларька (на население около 20 тысяч человек. — **А.Б.**). Строится баня на 130 человек. Имеется 5 вошебоек. Из них работают 4. Северный посёлок — имеется 24 барака, баня заканчивается. Вошебоек — 2, жителей — 5500 человек. Туковский посёлок. Имеется 12 бараков. Землянок — 70, одна примитивно устроенная баня. Вошебойка строится. Население — 4 тысячи человек. Известковый посёлок. Имеется 3 больших барака и несколько землянок. Население 1900 человек. Площадь посёлка очищается, но вследствие скученности быстро засоряется... Пол во всех блок-домах и большей частью бараков земляной. Семьи в бараках не отделены. Находятся на общих нарах и под нарами. Отопление бараков плохое. Сырость. Печей недостаточно».[24]

Так легендарно бытовала Магнитка в завершающем году первой пятилетки. Не окраины, а подавляющая часть населения. Полезно бы воссоздать часть героического антуража, хотя бы пару «больших» бараков — на 420 персон каждый (две буржуйки и нары сплошняком), и селить туда на месячную адаптацию самых митинговых защитников социализма. Чтобы не затянуло буржуазным жиром пролетарскую кость.

«Эпидемическое состояние области, — предупреждал облздравотдел, — чрезвычайно тревожное. Прогрессирующее улучшение санитарного благополучия области, которое наблюдалось по 1930 год включительно, заменилось резким возрастанием эпидемической заболеваемости... Это повышение заболеваемости связано исключительно с новыми для области условиями ввоза массивных групп спецпереселенцев, административных ссыльных и перегрузки этапами мест заключения. Самые крупные вспышки заболеваний связаны именно с этими контингентами. Водворение

этих контингентов создало очаги эпидемии в Березниках, Соликамске, Чердынском, Ныробском, Ивдельском, Гаринском, Надеждинском, Таборинском районах».

Приводя данные о тысячах случаев заболеваний тифом брюшным, сыпным и неопределённым, скарлатиной, оспой, дифтерией, цингой, главный санитар Урала констатировал начало голодомора, то есть голода и эпидемического замора спецссылки. Объявил с годовалым опозданием, значит, не совсем точно. Год тридцатый попал в благополучные потому, что никаких сведений по санитарному состоянию ссылки облздрав не имел. До болезных ли и покойников? Не знали числа живым и здоровым.

Предварительно замечу, ко всей информации, касающейся массовых заболеваний и смертности каторжан, надо относиться с большим сомнением. Советская бухгалтерия поднаторела в грошовом учёте зарплаты, но совершенно бездарна в счетоводстве рабских душ. Между статистикой эпидемически больных, даваемой по линии режима, и сведениями облздрава несколько лет зияла полынья. ОГПУ, а потом НКВД, отвечали за поголовье и трудоспособность ссыльных, потому считали больными всех лихорадящих. Вроде бы поступали верно.

Областному медицинскому начальству такая метода была не по душе, ибо щипала его авторитет. Мало ли с чего каторжанина начнёт бить лихорадка? Может, он не тянет на эпидемического, за которых с облздрава был особый спрос, и попал в казус с подножной отравы или общепита. В областной медицинской конторе водить себя за нос не дали и включали в полноценно эпидемические скупо — только лихорадящих по справке, выданной фельдшером. Или уже госпитализированных.

По расчётам комендатур выходило, что охотнее болеют и мрут в ссылке таёжной, где голод ядрёнее и совершенно нет или мало медработников. Наоборот, по данным медучреждений, эпидемия прижилась больше в городе, в обоснование чего приводились отчёты медпунктов. Без кожуры аргументов правда до святости глупа. Эпидемия была там и сям, оттого две статистические родственницы правды жили душа в душу. Всё складывалось обоюдокругло: спецпереселенцы глуши хворали и умирали тихо, не оскверняя медицинской отчётности. Ссыльные при городских стройках мёрли в статусе эпидемических.

В последней фразе больше горечи, чем иронии. Что могла сделать медицина? Сокрушаться да взывать. «Первые 200 тысяч спецпереселенцев этого года, — дежурное письмо уральских медиков в Уралобком ВКП(б), — в значительной своей части остаются

без постоянных жилищ, проживая в палатках, шалашах, переполняя всякие имеющиеся неприспособленные постройки. Новая партия (июль, август), которая размещается по новостройкам и предприятиям Востокстали, привозится в условиях полного отсутствия работы по подготовке жилфонда... Та же картина на Магнитострое, где брюшной тиф получил благодатную почву для своего развития среди спецпереселенцев. Этот тесный контакт массы людей, не имеющих ни в какой мере самого необходимого для сохранения их от эпидемических заболеваний, с основными кадрами строителей социалистического Урала грозит дезорганизацией выполнения стройфинпланов».[25]

В тридцать втором эпидемии, как голодуха, стали вопиющими. Перехваченное ГПУ письмо коммуниста Тихонова, командированного на заготовки, сообщает, что колхозники мрут как мухи, идёт большое заболевание — эпидемия, каждого заболевшего пристреливают и все его манатки, включая дом, сжигают. Болтливого коммуниста посадили за антисоветчину. Рядом с доцентом строительного института Славиным, ляпнувшим студентам, что тиф не инфекционное, а сталинское заболевание. Голодуй и хворай на здоровье, — но чтобы тихо!

На полмиллиона каторжан в январе тридцать третьего приходилось 660 больничных коек, при этом основную часть стационара составляли срочно выделенные из жилфонда заразные бараки. Молоденькие, наспех подготовленные сестрички снопами ложились на пути эпидемий. В силу плохих условий работы, отмечает почти каждый отчёт Уралздрава, смертность среди медперсонала огромная. В северных районах ссылки за год погибала на эпидемическом фронте половина штата медсети.

«В этом году мы имеем невиданную эпидемию брюшного и сыпного тифа. Эпидемия с самого начала гнездится в среде спецпереселенцев. Это объясняется архиотвратительными санитарными условиями. Ведь невиданное дело — сколько вшей приходится сгребать с какого-нибудь больного сыпным тифом — лопатой, руками сгребать... Сколько нац-спецпереселенцев нельзя было загнать в баню. Приходилось прикомандировывать студентов, чтобы они учили мыться в бане».[26]

За один январь тридцать второго в Магнитогорске отмечено (по данным медпунктов) 460 заболеваний сыпняком, в Надеждинске — 1020, в Тагиле — 220, в Чусовой — 425 случаев. За один месяц! Плюс тиф брюшной и неопределённый, цинга, дифтерия, трахома...[27] Пожар эпидемии требовал крайней суеты. В областном центре и на местах создали чрезвычайные комиссии по борьбе с

тифом – Чекатифа. Срочно разработали программу противоэпидемических мер и запросили деньги в Наркомздраве. Там программу похвалили, но денег не дали ни копейки.

Любимым детищем советских и партийных учреждений всегда оставались проектно-плановые грёзы. Наклонностью к маниловщине со временем инфицировали даже такие отдалённые от политической проституции сферы, как медицина. Идеологически медицина глупа, поэтому в чрезвычайных комиссиях по тифу доминировали не эскулапы, а большевики. Они и решили ликвидировать эпидемию сыпного тифа до 15 марта, оспы — до 15 апреля, брюшного тифа — до 1 мая 1932 года. Остальным массовым недугам оставили жить и того меньше. С конкретными и ясными задачами уполномоченные, набранные из номенклатурного зелёного подгона, выехали на места.

Первым делом страдающие спецпосёлки перевели на жестокий карантин. Из-за невозможности сплошной амбулаторной проверки и дефицита средств санобработки здоровое население и больных в таких посёлках просто изолировали до радикального исхода. Чтобы пресечь занос инфекции свежими партиями, на узловых пунктах этапирования (Надеждинск, Соликамск, Чердынь, Нижняя Тура и др.) были устроены санитарные КПП.

Метод абсолютной изоляции совершенно непригоден для промышленных центров. Эпидемию здесь не переждать, приходилось полагаться на средства медицинские. При всех центрах ссылки открывались заразные бараки, в которые госпитализировали эпидемических. Рассеять исторические бредни про энтузиазм поможет знакомство с планами профилактики. К 1 марта 1932 года, то есть к концу второго года ссылки, категорически предписывалось построить в каждом спецпосёлке элементарную баню. Украшает план схема строительства вошебоек. Весьма срочное (в месяц!) возведение по всему Уралу 324 таких спецучреждений положено контрольной цифрой.

Эпидемическую драму 1931-1932 года можно бы принять за печальный фрагмент отечественной истории, но это типаж. В годы последующие многое повторилось и не единожды. Масштабов ссыльного замора никто не знает. Данных о смертности эпидемической и общей, признавался тогда облздрав, нет. Приблизительная смертность от сыпняка колеблется по районам от 4,5 до 7%. Выжившие с гордостью свидетельствуют - букетом эпидемических недугов переболели почти все. Вымершие скажут про себя на страшном суде. Неясные очертания предварительной истины доступны человеку с задатками экономического шпионажа. Итак,

проверим себя. По истории партийной, тридцать второй год мы пылали пафосом — Магнитка, Днепрогэс! 15 февраля того же года был создан уральский эпидемический фонд мыла в 25 тонн. Определите число больных, если норма расхода на одного человека 50 граммов и мыло совсем не отгрузили.

Теперь поступим математически некорректно. Может, даже преступно. Примем прародителей за дураков. Допустим, что они вняли большевистским словам и, забыв про хворь и голодную семью, с просветлёнными душами устремились в завтра. Поверим академической истории, из-за домны не увидевшей бытового дерьма. На пути в герои вставало ещё одно обстоятельство.

«Спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают её во время сна — ею же и укрываются, что привело одежду в чрезвычайно изношенный вид и одежда значительного количества спецпереселенцев, особенно из завезённых в первое время спецссылки, имеет вид лохмотьев... Рабочие рукавицами обеспечены только на 30%, работают с голыми руками и имеют случаи обморожения, тёплой одежды и обуви у спецпереселенцев нет... Жилищные условия на участках кошмарные, бараки не освещаются, в щели надувает снег, мокрую одежду и обувь сушить негде, в бараках теснота и грязь. Перебои в снабжении продуктами питания».[28]

Итак, за работу, товарищи кулаки! Сначала работали скопом и сдуру. До государственных планов лесозаготовок деятельность каторжан плелась за творческой фантазией комендатуры. «Труд преобладал неорганизованный, без достаточного наблюдения и руководства со стороны низового административно-технического персонала. В большинстве переселенцы не знали о своих заданиях по работе, о нормах выработки, не осознавали необходимость выполнения норм, так как к этому их не обязывали, не было к тому и стимула, так как многими леспромхозами снабжение производилось не за норму выработки, а в порядке уравнительном».[29] Никто ничего не знал: не то ссыльных прикажут расстрелять, не то заставят строить коммунизм. Потом выяснилось — надо пилить лес.

Без пафоса единственным основанием трудового энтузиазма остается сдельщина. Первородно каторжный хозрасчёт выглядел так. Паёк стали выдавать только выполняющим норму. В документах, определяющих трудовой режим, указывалось, что нормы и оплата труда одинаковые с вольнонаёмными. Однако ссылка – это даже не колхоз, и пространство между работой и едой здесь кривее. Осенью тридцатого индивидуальную норму по комплексу лесозаготовки, то есть до штабеля, установили в два кубометра. К концу этого сезона её повысили до 5 кубов. Росла она и позднее.

Повышение косвенно обязано технической революции, аппарат каторжного хозрасчёта на испытаниях дал неожиданные результаты. Поначалу пайковый кусок прямо привязали к норме лесоповала. Мысль о том, что спецпереселенцам придётся платить деньги, казалась не крамольной, а просто смешной. Натурманером выходило, что давшему норму каторжанину вынь да положи 800 граммов хлеба. Как полноценному советскому человеку. Таких хлебов в ссылке не бывало.

Проблема нашла два естественных выхода — повышение нормы выработки и понижение хлебного пайка. В сезон 1932–1933 года в Ныробском, к примеру, углу ссылки за 10 кубометров заготовленной древесины обещалось 6 фунтов муки. Власть потихоньку поняла, что с выработкой нормы надо связать факт выдачи пайка и не брать никаких обязательств относительно его величины. Кулак он и есть кулак, задай ему десять кубов — он упрётся, сделает и будет жрать в полное брюхо.

Тут и подвернулась самая гнусная форма богатства. Судьба товарно-денежных отношений в ссылке решилась однозначно. Переселенцам надумали платить деньгами. Заглянем в сюрреальное содержание заработной платы раба. Начисляли заработок по расценкам вольнонаёмных. 25% удерживалось в союзный каторжный фонд, то есть на содержание режима, около 10% съедал местный сервис — содержание своей комендатуры, ремонт обуви, строительство жилья и бань-вошебоек, штрафы, плата за инвентарь. Фонд зарплаты был безответной жертвой всех госзаймов и крикливых осоавиахимовских кампаний.

Заработок вперёд не звал. Скорее даже отодвигал от стола. Во-первых, продукты распределялись строго нормированно, и теперь за них следовало платить наличными. Средний уровень месячного заработка после вычетов колебался по ссылке от 10–15 рублей на предприятиях Рыбтреста до 30–40 рублей на копях угольной промышленности и строительстве. Заработка таёжной и рыбацкой ссылки для оплаты хлебного пайка не хватало. Во-вторых, денег просто не было. На протяжении всей предвоенной ссылки были обычными задержки зарплаты на полгода-год.

Со второго лесоповального сезона в моду ввели бригадный метод. Отечественный социализм до последних лет грезил бригадным подрядом и хитрой формой хозрасчёта, способной перешибить бестолковую советскую лень. На ссыльно-бригадный метод надеялись с умом. Дело в том, что нормы выработки, рассчитанные на нормального человека, для большинства ссыльных доходяг оказались непосильными. По данным отдела спецссылки ОГПУ,

на 1 марта 1932 года уровень выполнения норм переселенцами на лесозаготовках составлял 65=75% и был значительно ниже производительности вольнонаёмных. В промышленной зоне ссылки нормы выполнялись на 85%.[30]

Что делать? Объединить в бригаду трудоспособных с хилыми и дать единое задание. Пусть сильные за право получить прежний полный паёк загоняют в гроб слабаков, либо отдуваются за них. Открытие тотчас же ввели в обязательную норму. Жизнь изменилась к лучшему. Выработка поползла вверх. Раньше на лесосеке рожи доходяг бил штатный десятник, теперь это делал свой брат каторжанин. Теоретиками бригадного метода тихо советовалось формировать бригады из однодеревенцев и родственников, и выработка растёт, и мордобоя меньше.

Согласно конституции уральской ссылки, мерами педагогического воздействия на кулацкий элемент являлись: предупреждение, перевод на более тяжёлые физические работы, высылка в отдалённые местности, денежные штрафы и штрафная команда. Последнее считалось исчерпывающим воспитательным средством ссыльного режима, за которым, если клиент продолжал упрямиться и жить, полагался концлагерь. «Штрафные команды, — читаем документ Уралсовета, — образуются в целях исправительно-трудового воздействия на спецпереселенцев, не выполняющих норм выработки, производственных заданий и нарушающих установленный режим». Штрафники «обязаны выполнять установленные для них нормы выработки. Спецпереселенцы штрафной команды зарплатой не пользуются, удовлетворяются лишь бесплатным питанием из общего котла».[31]

Заключения в штрафную команду боялись - это значило конец. Потому в голодных обмороках, с кровавым поносом сорванного сверхчеловеческой натугой кишечника, голодные, раздетые и разутые, каторжане тянули лямку нормы до последнего, зарабатывая право считать самого себя человеком.

Казалось бы, статус каторжанина, ужасающие условия быта и труда говорят за себя и оставляют место лишь сочувствию. Нет, советская власть и тут взяла в руки моральный кнут. Не хотелось оставлять истории правду в её мерзкой наготе. Первые рекомендации развивать в ссылке ударничество и соцсоревнование прошли в директивах осенью тридцать первого. Организационное усердие предписывалось направить в два русла — оторвать молодёжь от родителей и повысить производительность труда.

«А) создать особые молодёжные бригады на производстве — читаем специальное постановление СНК СССР; б) вовлекать мо-

лодёжь из производства и сельского хозяйства в трудовое соревнование; в) прикрепить к молодёжным бригадам политруков в целях вовлечения молодёжи в просветительную работу; г) разрешить досрочное освобождение молодёжи из спецпосёлков за ударную работу и перевыполнение производственных заданий...»[32]

С начала тридцать второго эти установки прошли документом немедленного действия по комендатурам ссылки. Деревенские знают, что дрова лучше колются зимой. Советская власть с треском разваливала застывшие в голоде и холоде переселенческие семьи. Всячески поощрялось создание молодёжных бригад и отселение от семьи в бараки. Подростков третировали идеологически. Невероятными посулами провоцировали на публичный отказ от родителей-мироедов. Сыновнее предательство, возведённое в гражданский подвиг, культивировалось и в ссылке.

Святотатство обрастало мхом местного колорита. В лесозаготовках тех активистов, что польстились на особый паёк или лёгкую работу и бросили голодающих родителей, вытолкнули на передовой фронт. В куреня — посёлки из шалашей и курных землянок при месте лесоповала. Паёк теперь ели в одиночку. По зелени ума превращение человека в тягловую советскую скотину прошло вроде бы незаметно. Спустя совсем немного, активисты побегут от холода, бескормицы и зверств, творившихся в куренях. Побегут уже в никуда, в беспризорщину и безотцовщину. Многих найдёт осознание постыдного предательства, которое не стереть из памяти, не оправдать.

В ссылке городской отсаживание от родителей провоцировали активней. Тянули во всевозможные кружки и общественные мероприятия, участие в которых допускалось для осознавших и раскаявшихся. Любое поощрение на работе оговаривалось отрешением от прошлого, то есть родителей. Ударник ссылки мог получить премиальную, к примеру, телогрейку, если протокольно благодарил партию за заботу, а потом хулил своих родителей. В анкетах ударников-каторжан обычна фраза — «связи с родителями не имею даже письменной». В некоторых случаях рвущийся в передовики менял фамилию.

За спиной ссыльного энтузиаста, таким образом, маячил страх голодной смерти, штрафная команда и обман. Добавлю отдельно - ложь и зверская жестокость. Большая часть каторжандоходяг, попавших в историю ударниками, явилась жертвой отчётного вымысла. Выбить всё человеческое можно из немногих. Обычно поступали проще — молодёжь принудительно сгоняли в бригаду и проводили по отчёту ударной. «Решительно принять

меры к полному охвату трудовой деятельности, — читаем расхожую партийную директиву, — малотрудоспособных и подростков на лёгких видах работ кустарных мастерских, на лёгких заготовках — ягод, грибов, сырья для кустопроизводства и т.д., организуя их в особые группы бригады». Хотя производительность оставалась низкой, отчётное поголовье ударников прогрессивно росло, нередко опережая общее число работающих.

«Большинство молодёжи, — провоцировал предательство секретарь Уралобкома Кабаков, — своё прошлое ненавидит, хотят жить по-новому, хотят отбросить, забыть, какого они происхождения... Высылка молодёжи по Постановлению ЦК (имеется в виду освобождение из-под режима ссылки — **А.Б.**) должна открыть перспективы... Молодёжь обязана её завоевать, завоевать в борьбе вместе с нами...»[33] Корявая речь главного коммуниста Урала, законсервированная на одном из совещаний тридцать четвёртого, прозрачна в своей бесчеловечности.

Нельзя сказать, что изматывающая принудиловка царила везде. Картину ссылки творили разные ведомства, поэтому в одних её краях голодали в трудах непосильных, другие прозябали в принудительной безработице. В году тридцать четвёртом пришла идея запродажи ссыльных вербовщикам, которые измучились, шарясь по обезлюдевшим весям Большой земли.

«В случаях избыточности рабсилы против плана или фактического недоиспользования её хозорганизациями, — сообщалось всем очень заинтересованным, — ОСП по заявкам предприятий, где имеется недостаток рабсилы, допускает в районы с избыточной спецрабсилой вербовщиков с точным указанием количества спецпереселенцев, подлежащих вербовке».[34] Условия реализации живого товара разработали на принципе взаимного уважения интересов. Покупатель перечислял отделу спецссылки ОГПУ 5% заработка вербованных, но брал на себя всё, что полагалось сделать для бытового обустройства спецпереселенцев. Суета вербовщиков, а также тысячные партии душ, закупаемых Уралуглями, Уралмедями и иными Уралпромами, свидетельствовали в пользу того, что овчина стоила выделки.

Покупателя очаровывала цена и особенно это. «Для административного обслуживания переданных хозоргану спецпереселенцев... учреждается штат комендатур, на обязанности которых лежит: а) поддержание трудовой дисциплины спецпереселенцев; б) принятие мер по жалобам адмтехперсонала хозоргана; в) оказание помощи хозоргану и его предприятиям в повышении производительности труда спецпереселенцев и 100% выполнения

производственной программы...»[35] Ну кто, скажите на милость, откажется купить голимого ударника за пять процентов его же зарплаты?

Торговля закипела. Русские мужики и российские нацмены оптом шли из одной кабалы в другую. Главное управление лагерей своим высоким авторитетом утверждало договора купли-продажи. Наш каторжанин от вербовки свободнее и сытее не стал. Разве что статусно оброс — ссыльно-вербованный ударник. На новом месте режим был погуще. Старый хозяин требовал, прежде всего, покорности, покупателю-хозоргану подавай высокую производительность. Из голодного и квёлого энтузиаста её можно было только выбить, в чём скоро поднаторели и работники адмтехперсонала, и представители общественных организаций.

«Повсеместно и в каждом спецпосёлке были созданы арестантские помещения «каталажки», куда десятниками леспромхоза, бригадирами и комендантами беспричинно, а зачастую из корыстных личных побуждений, заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неотопленных помещениях, раздетыми по несколько суток и без пищи, систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и их смертельным случаям.

Издевательства... над спецпереселенцами по своей дерзости не находили себе границ. В этих арестантских помещениях, в домах переселенцев, на улице, в лесу на работах и во время отдыха переселенцев последние избивались, женщины и девицы подвергались также избиениям, понуждались и использовались в половом отношении, от спецпереселенцев бесконтрольно отбирались вещи, деньги и продукты. Были случаи вымогательства взяток. Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что, бесспорно, подтвердилось показаниями десятников, некоторых комендантов и других лиц...»[36]

Небольшой фрагмент взят из докладной записки начальника областного комендантского отдела Баранова, адресованной начальнику ПП ОГПУ на Урале Раппопорту, то есть из самой секретной и, разумеется, достоверной переписки двух главных инстанций уральской ссылки. Бумага датирована весной 1931 года и живописует быт первой ссыльной зимовки, когда и голод был пожиже, и народ посвежее. За общими фразами негодования скрывается истинная трагедия сотен тысяч каторжан и постыдное намерение скинуть вину на местные низовые власти. Советские

гиммлеры за десятилетие до гитлеровских оригиналов умели ломать хребты и комедию благородства.

Не в силе Бог, а в правде! Ну а тех атеистов, которых историческим фактом не ушибёшь, выведем на лесосеку Петропавловского, к примеру, леспромхоза. Не бойтесь, ребята, вы дома! Для начала определим вас в бригаду Ратушняка. Ударник, сочувствующий. Секретной архивной писанине никто из вас не верит принципиально.

И правильно! По данным уполномоченного оперотдела ПП ОГПУ на Урале Кирюхина, ваш бугор — изверг, «избивший всевозможными способами ряд спецпереселенцев, в результате чего спецпереселенец Мартыненко умер в арестантском помещении; насиловал женщин и девушек, произвёл ряд ограблений на дороге, был вдохновителем десятников по избиению спецпереселенцев и говорил: «Переселенцев всех надо уничтожить!»

Не нравится? Понятно. До нас сказано — беда, коли хохол взводный. Давайте-ка пойдём в бригаду члена ВКП(б) Калугина Ивана. Русский, правда, в народе он ходит под кличкой Ванька Каин за изуверское отношение к собратьям. «Избил ряд переселенцев, — излагает ссыльно-библейский сюжет гепеусовская бумага, — в результате чего переселенец Луговой умер».

Милости просим под начало старшего десятника Кривощёкова и просто десятника Щелагина. Члены партии и ударники. Это главное, плюньте на то, что старший десятник «избил целый ряд спецпереселенцев, в результате чего от побоев умерли Самойленко и Деомид Сидоренко. Последнего Кривощёков толкнул в горящий костёр». На весёлый нрав десятника Щелагина спишите его попытку похоронить ещё живую, но строптивую спецпереселенку. Перед могилой та давай ворочаться.

«Бригадир Суетнов, член ВКП(б), — продолжим про тех, кто командовал ротами, — избил ряд переселенцев в соучастии с бригадиром Мерзляковым, в результате чего переселенцы Терпугов и Дудников умерли от избиений».

«Десятник Смышляев. Избил прутом железным Харченко Ивана на глазах переселенцев за то, что последний употреблял в пищу мясо павшей лошади. Избивал других переселенцев».

«Конвоир штрафного участка Болотов Иван. Систематически избивал спецпереселенцев, от чего умерли: Саледин Мустафа и Борда Феодосия. Отличался особой жестокостью. Среди переселенцев известен под кличкой Ванька-палач».

«Поселковый комендант Деев, беспартийный, был главной фигурой избиений и убийств спецпереселенцев. Избил ряд спец-

переселенцев, из коих Мирошниченко от его побоев умер. Отбирал вещи от переселенцев, вымогал взятки...»[37]

Можно дальше цитировать сообщения спецуполномоченных ПП ОГПУ о повсеместном изуверстве. Цитировать рога в рога с идейно остекленевшими. Можно открыть пухлые тома с материалами партийной чистки, где преступные факты обрастут листвой деталей, и упадут на соломку смягчающих обстоятельств. Хорошо бы заглянуть в уголовные дела да послушать кряду битых и изнасилованных. Увы, такие материалы ушли в пустопородный отвал советской истории.

При проведении массовых кампаний выселения вопрос о сроках ссылки обычно не возникал. Власть рассматривала раскулачивание и последующие меры естественным актом расправы над классовым врагом. Физическое уничтожение активной части кулачества полагалось основной целью. С другой стороны, значительный удельный вес молодёжи и детей обязывал придать карательным операциям хотя бы декоративный воспитательный вид. А значит и обоснованный временной горизонт ссылки.

Пять лет или до потери кулацких признаков — так по чёрному определили срок ссылки. До кристальной пролетарской нищеты спецпереселенцы добрались сразу, оставались лишь физически неустранимые признаки социального происхождения. Пятилетнего срока заключения действующие лица нашей драмы ожидали разно. Спецпереселенцы — с естественно смутной надеждой. Лесотресты, которым надоели моральные муки людомора и связанная с ним повседневная суета, мечтали о чистой вербовке. В отличие от каторжанина вербованный приезжал без семьи, с собственной сытой лошадью и только на заготовительный сезон. Заткни ему рот куском хлеба да дай норму выработки. Всего-то и забот. Ни сирот, ни эпидемий, ни вошебоек. В Уралсовет и Уралобком поступили даже запросы на десятки тысяч вербованных взамен подлежащих освобождению переселенцев.

Власть осталась при особом мнении. Чаяния лесотрестов партсекретарь ссыльно-Свердловской области обозвал политическим хулиганством. «Мы спецссылку, — развеял он грёзы, — должны укрепить в лесу. Это первое основное положение, из чего мы должны исходить. Второе — укрепить не только до конца ссылки, но и укрепить так, чтобы они (спецпереселенцы) и после освобождения остались в лесу. Эксплуатировать лес без постоянных кадров в лесу мы не можем...»[38] Понятно, что сказано это не со своего ума. Какой же смысл, думала столичная власть, перетаскивать полудохлую ссылку в деревню.

Единственно верный выход выглядел таким вот образом. Ссыльных никуда не отпустили. Каторгу выкрасили в светлые освободительные тона. Отныне ссыльных повелели называть трудпоселенцами, а их убогие пристанища — трудпосёлками. Из пяти лет ссылка обратилась в пятнадцатилетнюю.

Не дождались вольной и великостроечные каторжане. По истечении декларированного срока ссылки те вознамерились либо вернуться в деревню, либо вернуть гражданство. Как бы не так. С окончанием строительства всё режимное поголовье переводилось в штат нового предприятия. Сия метаморфоза обычно обставлялась с большой помпой. Цените, мол, советскую власть. Были вы отбросами общества, а теперь доверено работать на передовом соцпредприятии. Польщённые доверием упрямо смотрели в лес и старались выправить какие-нибудь документы.

Каторжан тайги и тундры ещё можно было как-то удержать, но индустриально-режимные, безнадёжно покачав права, к началу тридцать пятого толпой подались в вольнонаёмные. Оборотни нарывались на грубость. «По ряду районов, — забеспокоились прокуратуры, — отмечаются массовые случаи выдачи трудпоселенцам всевозможных документов... Нами обнаружена масса таких справок, в которых совсем не указывается, что лицо, удостоверяемое документом, является трудпоселенцем, а обычно именуется гражданином. Подобная безответственность с выдачей документов открывает и даёт широкие возможности к бегству трудпоселенцев из посёлков, беспрепятственному устройству бежавших на работу в учреждениях, хозорганах и заводах».[39]

О резюмирующем обстановку ходе властей можно догадаться и без знания силлогистики. В переводе на старосоветский он звучит так. «Категорически запретить выдачу непосредственно на руки трудпоселенцам каких бы то ни было документов, справок, характеристик и отзывов, в случае надобности выдавать их только через районные и поселковые комендатуры НКВД... Нарушающие настоящее указание, будут привлечены к уголовной ответственности за покровительство и содействие трудпоселенцев к побегам». Март 1935-го, бумага подписана начальником отдела трудпоселений НКВД по Свердловской области.[40]

Авангард режимного энтузиазма — клиенты ГУЛАГа. От изложения деталей их бытового и трудового героизма освобождает российская классика. «Один день Ивана Денисовича» тут скажет больше, чем все засекреченные бумаги. Общего количества зеков-энтузиастов, мотавших срок на стройках Урала, не знает никто. Автор «Архипелага...» неоднократно сокрушался по поводу того,

что не удалось поработать с документальными первоисточниками ГУЛАГа. Не знаю, прав ли глубокоуважаемый Александр Исаевич в надеждах на пользу такого действия. Если допустить фантастическую возможность пропуска ко всем бумагам пенитенциарной системы, положительный итог, по-моему, весьма проблематичен. Даже с точки зрения масштабов режимного энтузиазма.

В статистике репрессированных, сужу по нашему Уралу, не найти концов. В самом деле, армия заключённых пополнялась из множества ручьёв и родников, до которых учётное дело никогда не доставало. Суды народные, лагерные и линейные, трибуналы военные, НКВД и железнодорожные, тройки НКВД и просто тройки, коллегии... В местах ссылки ряды зеков уплотнялись спецпереселенцами во всём их ассортименте.

Потоки арестованных и осуждённых прокачивались через клапаны уральской системы УИТЛ (Управление исправительно-трудовых лагерей). Рядом с гулаговским патриархом — ВишЛагом — подрастали режимные акселераты: Магнитка, ТагилЛаг, ИвдельЛаг. Формирование контингента зек-энтузиастов определялось потребностями ускоренной индустриализации. Отсутствие семейного хвоста, жёсткий режим, мобильность и низкие затраты на содержание — всё это делало заключённых гвардейским корпусом строителей социализма, вызывало высокий спрос.

Букет основных статей, по которым энтузиаста гражданского лицевали в зек-энтузиаста, читателю отчасти знаком. Подбор статей УК и приложения к нему, с набега воспринимаемые как чисто правовой лимит поведения, эстетически образованного исследователя поразит тонкостью и отменным вкусом. Недоимочные статьи УК, по которым срезали хозяина двора, давали наиболее трудоспособную часть деревенских заключённых. Ту смиренную в поведении часть энтузиастов, которая отметилась в лагерном статусе как мужики, работяги, ломом подпоясанные. Что, в самом деле, за строитель светлого будущего. Дали три года, из них год прокантовался под следствием, а остальное вбил в полтора года зачётами. Только-то и хорошего, что можно посадить сызнова.

Именно в краткосрочности заключения состоял главный недостаток карательных мер по недоимкам. Статьи хищенческие и закон о пяти колосках сняли указанное недоразумение. Тут подавляющая масса осуждённых попадала в энтузиасты на две пятилетки кряду, ибо на таковых не распространялась амнистия. С хищенцами проблемы вспухли в другом месте. Если помните, в первый год действия указа семь восьмых под него влетало старьё да гольё. Не работники, словом. Позднее выход нашёлся через

расширение карательного ареала, под «дедушкин указ» стали привлекать за падёж скота, перерасход горючего, порчу имущества, срыв плановых перевозок и за многое другое.

Безграничные возможности указа «о пяти колосках» натолкнулись на правовую рутину. Действительно, каждого хищенца надо было протаскивать через судебную машину. А если хищенцев миллионы? То-то и оно.

К концу тридцать второго в системе набора зек-энтузиастов случился запор. Между арестом и трудовым героизмом заскрежетала судебная машина. Даже при самой простой процедуре (дела рассматривать в день поступления!) карательный механизм захлёбывался, катастрофически росло число подследственных, а точнее — просто арестованных. Милиция, ГПУ, уполномоченные, местное начальство, директора совхозов, начальники политотделов МТС, сельсоветы — все подсылали арестованных, не сообразуясь с возможностями домзаковских площадей и пропускной способностью судов. Куда хуже, ОГПУ телеграфно приказало райотделам не пересылать репрессированных без разрешения.

Не успевали отгружать и энтузиаста, суд проскочившего. Не хватало охраны сопровождения, воронков, вагонзаков, жилбараков по месту трудового подвига, колючей проволоки и всего-всего другого. Осуждённые илом оседали в камерах предварительного заключения и местных тюрьмах. Истощение заключённых, сообщалось оттуда, вызывает опасение за их жизнь. Сыпняк, секретно сообщал начальник областного УИТУ в Уралобком, бушует по колониям и лагерям, за один апрель 1933 года отмечено две тысячи очагов эпидемии.[41] Мрёт зек бесчисленно.

Надвигающийся ужас сняла «Инструкция...» ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 года. Прежде всего, документ приказывал упорядочить производство арестов. Отныне запрещалось арестовывать следующим лицам: предрикам, районным и областным уполномоченным, председателям колхозов и сельсоветов. Дело впредь доверили милиции, органам прокуратуры и ОГПУ.

Бумага, подписанная Сталиным и Молотовым, вызвала ропот недовольства у ответственных товарищей. Без ствола с мужиком ничего не поделаешь! Соломоново решение выглядело так. Оружие у парткадров оставили. Директива была шибко секретной, мужику незачем знать, кто его может брать за загривок. Вытаскивать наган и положительно воздействовать им на деревенщину можно, читается между строк документа, а вот стрелять, дорогие товарищи, нельзя. Арестовывайте на здоровье, но пригласите людей компетентных. Как, к примеру, уполномоченный Уралобкома

Страховский. «Пришлось ехать в колхозы, — излагает правильный ход дела опытный кадр, — и на месте определять, что делается. Я беру с собой прокурора. Надо сказать, что прокурор сначала мялся. Потом я взял его с собой и тут же на месте чинили суд и расправу, это давало очень хорошие результаты».[42]

Второй спасительный ход сталинской инструкции связан с наведением порядка в местах лишения свободы. Не дело, когда арестованный переходит на государственный харч, пребывая в камерной безделице. Надо было разгрузить места лишения свободы. «Установить, — читаем манифест, — что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР».[43] К тому времени в камерах предварительного заключения и тюрьмах всей Страны Советов сидело около миллиона человек.

На чистку конюшен пришли разнарядки. Нам разрешили держать в кутузках до приговора 8500 человек, чем прямо-таки обидели опорный край державы. Столько вербованных, ссыльных и вообще антисоветского элемента и на тебе — какие-то крохи. Просьбы облпрокурора Пальгова об увеличении квоты на в КПЗ и тюрьмах пребывающих вызвали лишь раздражение центра. Жалко не контру и уголовщину, доходчиво объяснил Наркомюст, а то, что они бесплатно жрут.

Разгрузка закрытых отсидочных мест проектировалась так. Всех осуждённых на срок от одного до трёх лет надлежало перевести в статус условно осужденных и гнать на принудительные работы с удержанием 25% заработка. Отправлять разгруженных краткосрочников в деревню? Упаси Бог. Какая там четверть заработка. Ведро отходов в год. Тем паче, что с колхоза можно всё содрать в бесспорном порядке. Потому деревенскому зеккраткосрочнику одна дорога — на великие стройки. По режимному характеру труда и пещерности быта разгруженные почти не отличались от вкалывающих рядом ссыльно-пафосных.

И по окончании принудиловки далеко не сразу можно было сорваться в родную деревню. Как раз спустя год вышел циркуляр Наркомюста от 16 июня 1934 года. «В исправительно-трудовых колониях, на работах ряда крупнейших новостроек (Магнитострой, Челябстрой, Кузнецкстрой и т.д.) заняты десятки тысяч лишённых свободы. Многие из них подготовлены к работе на этих предприятиях в качестве вольнонаёмных (по окончании срока заключения)...» То была эпическая часть документа. Директивная суть сводилась к тому, чтобы отбарабанивших срок немедленно

переписать в пролетариат.[44] Провернуть это надлежало только — не выдавать бывшим заключённым ни паспортов, никаких других документов. Их, стервецов, из урок переводят в самый прогрессивный класс, пусть оценят.

Вернёмся к манифесту сталинскому. Осуждённых на срок от трёх до пяти лет отправляли в спецпосёлки ОГПУ. Туда попал и мелкоуголовный рецидив краткосрочной категории. Население спецпосёлков ОГПУ читателю уже знакомо. Грани между энтузиастами ссыльными и разгруженными из тюрем совершенно стёрлись. В разъяснение этого факта Уралпрокуратура и Уралсуд циркуляром от 7 июня 1933 года предписали «кулакам и рецидивистам, осуждённым на ссылку, заменять ссылку на лишение свободы, основываясь на эквиваленте репрессии».[45]

Не разбирающимся в карательных эквивалентах объясню доходчиво. Внешне зека разгруженного от мужика ссыльного не отличишь. Тут как с дворнягой, совет практический. Пнул — завыла, значит сука. Завыл — кобель.

Самую серьёзную публику, осуждённых на срок выше пяти лет, направляли в лагеря ОГПУ. Моментальная разгрузка тюрем и исправдомов высвободила для народного хозяйства страны около полумиллиона бесплатных энтузиастов. Бесплатных в том смысле, что в лагерях ОГПУ просить зарплату было не принято, а в спецпосёлках и на принудиловке заработок (за минусом удержаний) еле-еле покрывал стоимость продпайка. Уральская область почти уложилась в лимит закрытых мест лишения свободы (лимит — 8500 человек, фактически на 400 человек больше).[46]

Операция стоила героических усилий. Представьте себе, надо вытащить публику изо всех тюрем и исправдомов, рассортировать её, сформировать в этапы, препроводить к месту полезных свершений. Это при нехватке охраны, вагонзаков, транспорта местного, продовольствия. Да и везёшь публику не в пионерский лагерь, народ тут смотрит не в светлое будущее, а вбок. Вышла морока со своими кадрами. На всякое революционное дело нетрудно поднять лёгкого в ходу гепеушника, но не ленивого милиционера. К директивам относились серьёзно, в доказательство чего десятку начальников РО милиции за неусердие дали по 10-15 дней ареста.[47]

После этого ситуацию занесло в другую сторону. Суды гнали преступников ускоренным темпом, значительно превышающим отгрузочные возможности уральской милиции и ОГПУ. Наученные опытом начальники тюрем и милиции стали в третью позицию и наотрез отказались принимать сверхлимитных клиентов.

Лепите, мол, людям срок (это суду), так сами их и стерегите. А нам за них сидеть не хочется.

Заклинило в судебной машине. В 1934-1935 годах пошёл массовый вредитель, и конфликт разогрелся до цвета побежалости. Потребовался консилиум лучших умов советской пенитенциарной системы - наркома Внудел Ягоды, Прокурора СССР Вышинского, начальника ГУЛАГа Бермана, председателя Верховного Суда СССР Винокурова. В совместно подписанной директиве от 17 мая 1935 года все горячие точки карательного процесса, от ареста до освобождения, охладили до комнатной температуры. «Не допускать ни в коем случае, — читаем историческую бумагу, — отказа в приёме в тюрьмы лишённых свободы, на которых представлены надлежаще оформленные постановления или приговоры. В тех случаях, когда лимит данного следственного органа исчерпан, следственные принимаются на резервные места».[48]

Резервные места, естественно, никак не лимитировались. Умозрительно можно дело представить в таком вот ракурсе: на нарах возлежит зек исключительно лимитный, а резервные смиренно ждут своей очереди у параши. Гулаговская литературная классика утверждает, что реальный расход по нарам сильно отличался от идеального.

В лагеря выбрасывался всяк под руку попавшийся. А куда денешься? Зек-энтузиаст был на Урале в большом дефиците. Начальники великих строек испрашивали заключённых с отчаянием и даже различимой угрозой. Что могло сделать УралИТУ? Требовали все подряд. Но больше всех доставала легендарная Магнитка, ей вынь да положи сразу. «В связи с отказом Главного Управления ИТУ в пополнении исправительно-трудовых колоний Урала рабочей силой из других краёв и областей мы не можем пополнить за счёт своих ресурсов действующие колонии до количества, обусловленного с работодателями. Равно не можем дать в данный момент Магнитогорской колонии 4500 человек. Необходимость комплектования её для нас совершенно очевидна...» Во имя святого укоротили Чусовскую, Надеждинскую и Пермскую колонии. «Будут изъяты полностью срочные из закрытых мест лишения свободы, где наберётся 1000 человек, таким образом получим 4500 человек, которых сможем направить в Магнитку к имеющимся там 10300 человек».[49]

Если у России вспыхнет желание осознать себя всеисторически, не замкнувшись на хронологии дел монарших, дотошные исследователи доберутся до ворот каждого из советских концлагерей. Мы с читателями ещё пошатаемся по новостройкам

Магнитогорска классически большевистского года тридцать третьего. Чтобы понять причину столь острого дефицита зек-энтузиастов, подойдём к чёрному выходу Магнитогорской ИТК.

За год, предшествующий означенной просьбе, из боекомплекта колонии в 16 тысяч человек умерло более 1000 и сбежало 4500 заключённых.[50] Умерли от условий труда и быта, с которыми мы познакомились накануне. Правда, то был разговор о спецпереселенцах, лагерная жизнь на порядок хуже. Каждый третий энтузиаст дал тягу не по причине лопоухости охраны. Прозябающему в беспросветной нищете остаётся одна мечта — достойно умереть. Ежедневные видения скотской гибели близких по нарам сняли всякий страх. Бежали, сломя голову, от энтузиазма натурального, о котором в отечественной истории не сказано ни слова.

«Прокурору Республики. От прокурора Уральской области. Совершенно секретно. 28 марта 1933 года. Нами производится расследование о безобразном этапировании лишённых свободы из Магнитогорска в Нижне-Туринскую колонию... Оно произведено преступно небрежно. Подобное обращение и отношение к людям трудно себе представить. Совершенно больных людей привозили на автомобилях и бросали в вагоны. Среди указанных людей были ударники, выполнявшие норму на 100-120% и больше. Больные с температурой направлялись в этап, и абсолютно никто с этим не считался. Люди стали сразу же умирать в вагонах, даже тут же на станции Магнитогорск. Условия перевозки не содержали элементарных правил этапирования. Вагоны были совершенно не оборудованы, были лишены самых примитивных удобств: плохое снабжение даже питьевой водой, не закрыты люки, отсутствовали параши и т.д. По заключению врачей больше тысячи человек из прибывших живыми в Н-Туру не могли следовать этапом. Люди выползали из вагонов редко без посторонней помощи...»[51]

«В прибывшем эшелоне из Магнитогорска, — теперь по секретному документу ОГПУ, — привезено 18 трупов, при выгрузке умерло ещё 15 человек, в ночь умерло ещё 60 человек... В бараках мёртвых ложили вниз, а на них умирающих, и так продолжалась укладка... Был составлен акт на 4 умерших, а при снятии с них одежды оказались двое живыми. Они были отнесены в ванную, где продолжали оставаться живыми ещё 10 часов. Больные тифом не изолировались...»[52]

А теперь пейзажи конечного пункта этапирования. Виды Нижне-Туринской колонии. «Бараки и камеры переполнены сверх всяких пределов. Там, где нормально помещается 200-300 человек, было размещено 1300-1500 человек... Бытовые условия оказались

чрезвычайно тяжёлыми. Колония не смогла обеспечить заключённых не только питанием, но и водой; пруд, питающий колонию, обмелел и не обслуживал потребности в воде. Люди умирали не только от истощения, но и от жажды и других заболеваний.

Крайне тяжёлая обстановка (отсутствие белья, теснота и прочее) не позволяла развернуть рациональную медицинскую помощь больным, а в госпитальном лечении не менее 1000 человек. Ввиду этого смертность в колонии достигла громадных размеров. За время с 20 февраля по 20 марта умер 1271 человек. Большей частью от истощения. Большинство умирает по баракам и камерам. По заключению врачей, из оставшихся в живых обречены на смерть в течение ближайшего месяца не менее 1000 человек... С питанием в колонии дело обстоит также плохо. Калорийность дневного питания — для голодного ребёнка. В большинстве бараков отсутствуют крыши, грязно, сыро и громадная вшивость... И.О. облпрокурора Виноградов».[53]

Всё выше на Север лезли эшелоны с людскими отходами социализма. Здесь, в упрятанных лесами колониях, звучал финальный аккорд марша энтузиастов. Заканчивался живой конвейер индустриализации, начавшийся в разграбленной деревне. Между его полярными точками укладывалось полтора-два года «массового трудового героизма». Каждая великая стройка имела своё отхожее место, свой отвал. Пояс северных душегубок прятал концы преступной политики. Мы не освоили цивилизованных газовых камер и механизированных крематориев. К учёту убиенных не приучены идеологически. Замордованные энтузиасты мёрли на фоне богатой уральской натуры. Дохли бессчётно и тихо. Масштабы нам дались сразу, ибо гробили мы своих.

Разговор о массовом режимном энтузиазме вызовет улыбку тихой вины у нынешнего социалиста, если вам не противостоит кристальная оголтелость. Согласившись с тем, что в истории не без урода, проследуем в царство свободы и пылающих неподдельным пафосом душ. В колхоз. Труд, знают все в этом царстве, создал человека. Труд бесплатный возвысил человека до колхозника. Преимущество последнего состоит в том, что рационально он воспринимает кнут как осознанную необходимость, срабатывающую каждый раз, когда индивидуальные устремления входят в противоречие с партийным провидением.

Утро деревенского энтузиазма выдалось пасмурным и ознаменовалось строго индивидуальным приглашением к барщине. «Мария, вставай и на картошку к поповскому лесу!» — где-то так ежедневно будировал коммунаров парочный, для уверенности по-

стучав кнутовищем по раме. Марьи и Лукерьи, привыкшие работать сытыми, на себя и по собственному побуждению, не спешили торопиться. Вытянуть их на полосу могла только реальная надежда если не унести из колхоза чего-нибудь за пазухой, то хотя бы оперативно, отпугивая голод, пожевать. Более ленивая мужская половина артелей могла проспать из принципа. А секретное постановление райкома о срочном окучивании колхозной картошки срывалось и застывало пузырём брака в фундаменте социализма.

У отполированного диссертантами надгробия научной организации колхозного труда тепло вспоминаются первые попытки обуздать сельскую анархию... Уполномоченный обкома Гомзяков, человек по-военному прямой, строил коммунаров в затылок (артель «Труженик» Бродоколмакского района) и с наганом наголо выводил их в поле. Идеальную картину портил один штрих, коммунары не умели ходить в ногу, потому колонна деревенских энтузиастов напоминала этап свежезаключённых. Из кабинета председателя, сплошь да рядом свидетельствуют материалы чистки, есть два выхода — или под арест, или на работу. Сначала был важен факт выхода на работу, к коему шли через мордобой, угрозу заключения и голода.

Позывы к прогулам показаны всякому работающему даром. В этом плане социализм открывает безграничные возможности трудовых извращений. Работаем с 10-11 часов, письменно признавались Сталину коммунары одного из колхозов Суксунского района, когда единоличник, ехидно улыбаясь, садится обедать. Пробовали будить раньше — не получилось, в ответ колхозники или медленнее шли, или отсыпались на работе.

Зимой тридцать второго постановлением ЦК ВКП(б) решили перевести общественный сектор на бригадную форму. Колхозный монолит следовало разбить на производственные бригады и дать каждой твёрдое задание, закрепив за ней земли и инвентарь. Сколоченные бригады тотчас же перевели на коллективную сдельщину. «При установлении норм выработки, — повествует бумага Колхозцентра, — колхоз обязан равняться по количеству и качеству на выработку лучших колхозников и бригад, достигнутую в результате соцсоревнования и ударничества».

За созданием бригад стояло нечто большее, чем абстрактная сдельщина. Намерения властей сгустились до очевидности с выходом директив о немедленном оборудовании полевых станов. Трудоспособную деревенщину решили выкурить из деревни и поселить рядом с работой. По государственному уму мероприятие выглядело многократно полезным. Экономия рабочего времени

палицо, не надо ежедневно бить ноги колхозников и тягла несознательного. Оборудование полевых станов провели аврально в 1933—1934 годах. В самые глухие и отдалённые углы перекатали то, что осталось от кулацкого жилья. В расчёте на летнюю эксплуатацию станов, срубы перекатали не мша пазов и не настилая полов. Быт деревенского пролетариата, считалось разумеющимся, должен быть строго функциональным, лишённым разлагающих элементов буржуазного комфорта. Исключение сделали для буржуйки, в комплекте с которой шли актуальные лозунги и нормы выработки. Позднее к ним добавили плакаты, призывающие держать себя бдительно и не болтать. Дабы проходящий лесом англо-германо-японский шпион не выведал стратегических секретов.

Самым удачным моментом новой конструкции колхоза было то, что выселенные на полевые станы коммунары ели паёк в одиночку. Пещерные условия жизни имели высокий резон — отрубить у колхозника семейных иждивенцев. Пребывающих в бригаде садили за общий стол и записывали съеденное в аванс. Чтобы родственные чувства не обернулись ущербом, бригадирам вменили в обязанность — немедля гнать из бригады пришлых и пресекать любые позывы к милосердию у штатного состава.

Вскоре по образу и подобию колхозных организовали полевые станы тракторных бригад МТС. Туда перетащили технику и механизаторов. И по обстановке, и по уюту станы тракторных бригад мало отличались от колхозных. Вот с режимом там было строже, как-никак предприятие государственное.

Ну что, милости просим в гости. «Бытовые условия коммунаров в поле были антисанитарные. В бригадах имелось по одной полевой избушке без окон и полов, в помещениях теснота, по 15-20 человек, а в бригадах по 30–40 человек. Остальные в холодную погоду спали под открытым небом, вследствие таких условий получились систематические заболевания».[54] Верить этому можно, ибо картина тайно написана и отослана в столицу начальником Звериноголовского райГПУ, искренне верящим, что социализм это нечто иное. Те же пейзажи легко найти в отчётах медицинских, облземовских, партийных. В архивах всей России.

«В бригадном стане в виде маленькой бани с земляным полом по двум стенам нары, в углу стоит развалившаяся печка, закоптелое окошечко (какие бывают у омшаника). Тлеет полено в железной печке, помещение полно дыма. На нарах лежит тракторист, закрывшийся тряпьём... Ржавые бачки, старые вёдра и другой скарб. На полу грязь и кучи мусора, в ящике негодное железо. На нарах вагончика лежит брошенное и грязное (похоже на то,

что им трактор вытирали) переходящее красное знамя. Оказывается, это знамя в конце сева передано за лучшие показатели».[55] Талант не пропить и не украсть. Отчёт уполномоченного по Сухоложскому району покоряет не фактом, а вкусом к слову. Проворонил себя человек. А талантливо сказано про Курьинскую МТС.

Сплю на нарах, ем паёк. Географическое перемещение с полатей на нары далось не легко. Сначала колхозников выгоняли насильно. Те упрямо и ежевечерне бежали в село, чтобы утром, качаясь от усталости, снова явиться в бригаду. Надо было что-то сделать по хозяйству, присмотреть за престарелыми родителями и детьми, молодёжь обуревали чувства холостяцкие. Нередко беглые отказывались возвращаться на полевые станы и намеревались даже выходить из колхоза. Партия мудро посоветовала колхозам ввести жёсткий распорядок, увязав его с прикормом.

Из арсенала стимулов, которыми пороли колхозника, назову лишь самые эффективные. Беглых стали штрафовать, списывая заработанные ими трудодни. Ночь в родной кровати для пожилого коммунара обходилась в три-четыре трудодня. Парень за ходку на вечёрки обычно работал даром пять дней, по причине ветрености мотивов преступления. Штрафовали за всё: за неявку на собрание производственное и по случаю осуждения троцкистов, за неявку по повестке сельсовета, за опоздание и неусердие, за неучастие там, где уставно обязан быть...

Мужика сломили. Эффективнее всего на коммунара действует страх тюрьмы, вербовки, ссылки, ну и почётной патриотической обязанности. Сталинским колхозным уставом, принятым в тридцать пятом, пребывание в бригаде закрепили обязательной нормой. Для гарантии дело подпёрли постановлением СНК СССР от 16 июля 1937 года, в котором самовольный уход колхозника с места проживания, то бишь бригады, квалифицировался уголовным преступлением.

Молодость целых поколений удалось сгноить в произволе и грязи бригадного быта. Угодливые души назовут это романтикой и даже массовым энтузиазмом. «В бригаде процветала половая распущенность, возглавляемая председателем колхоза Гордеевым и бригадиром Лоскутниковым...» Дело было в усть-уйской артели «Коминтерн». Обвиняемые «принуждали девушек и женщин на половую связь, обсуждали — кто с кем будет спать, отдельным женщинам наносили побои, вследствие чего имел место упадок трудовой дисциплины в молотильной бригаде».[56]

Не ищите криминала сверху, деревенских баб перекрёстно жарили на многих полевых станах. Интересное сбоку. Райпроку-

рор Трегубов сразу влепил бригадиру и председателю по статье 58, дробь 11 и дробь 14. Такой букет обычно давался за организованные действия, направленные на ослабление государственного строя СССР. В принципе правильно, на току надо строить социализм. Дело попало на контроль в Уралпрокуратуру. Там в коминтерновской групповухе нашли только злоупотребление служебным положением, на основании чего Трегубову дали строгий выговор, а райпрокурорам остальным направили специальное предупреждение, чтобы впредь не путали политику с блудом.

Изложение фрагмента о чистом пафосе начну с материалов первого всесоюзного съезда колхозных ударников в феврале 1933 года. Делегатов от Большого Урала на него назначили. Не из тех, разумеется, что боронили на коровах, а политически хватких. В пользу того говорят пухлые персональные дела на каждого. Ударник должен быть и звать... Словом таким, чтобы мог без иронии в роже выслушать такое. «Величайшая заслуга в том, что наше колхозное движение пошло по правильному здоровому руслу, что оно было направлено по верному пути, принадлежит первому ударнику-колхознику тов. Сталину!» Сказал это мастер курчавой еврейской лести Лазарь Каганович. И призвал коммунаров двинуться в сталинский поход за урожай.

Делегаты раскатились по Союзу, чтобы стать живыми экспонатами республиканских, краевых, областных съездов ударников. Тут только и обнаружился великий резон, спрятанный в назначении делегатов союзного съезда. Кому нужен делегат, способный лишь смущённо мычать или инстинктивно материться? Побывавшие в столице должны источать восторг и уметь передавать его словесно. С тех времён вошло в привычку садить в торжественные президиумы номенклатурный сырец — обласканных угловатых ударников. Те сначала чувствовали себя неуютно, отчасти по причине неожиданно свалившейся славы, но больше из-за шевелящейся внутри совести. Потом пообвыкли, постепенно превращаясь в мохнатых трутней.

Съезды энтузиастов стали школой советского ритуала. В торжествующей нищете уже схватывались те милые черты, которые найдут совершенство в форумах эпохи застоя — с выносами хоругвей, с шутами со всего света в президиумах, с группами скандирования. В телепредставлениях, которые любил смотреть мой сосед по общежитию МГУ японец Ииси, объясняя ласково и ядовито, что таких спектаклей больше нигде в мире не увидишь.

Уральский слёт колхозных ударников состоялся в июне тридцать третьего. В самый разгар голодухи. Когда секретарь Урал-

обкома появился в президиуме, тренированный голос объявил: «Товарищи, лучший соратник товарищей Ленина-Сталина — Кабаков!» Стенограмма слёта констатирует бурные продолжительные аплодисменты. Времена определяются нравами. В тридцатых в протоколе была скромность. Местные вожди напропалую косили под вождя народов, снимая до тонкостей сталинскую привычку — появляться в президиуме с запозданием, как бы невзначай и усаживаться где-нибудь на краешке. Уральский вождь сыграл удачно и демонстративно приглушил овации.

Разогревали публику подсадные утки. Кто-то предложил послать приветственную телеграмму Сталину, другой — Калинину, третий — Кагановичу, четвёртый — вождю Красной Армии Ворошилову... Вскоре ситуация вышла из-под контроля, потому как из зала полетели фамилии вождей малозначительных. Перешли на лица юридические - ЦК ВКП(б), газета «Правда» и далее. Сарапульская делегация сделала смелый ход, передав красочно оформленное поздравление секретарю Уралобкома Кабакову. К этому, оказалось, были готовы и посланцы других районов. [57]

Посеяли много, укрепил в вере секретарь Уралобкома, теперь голода не будет. Развешенные по степам диаграммы и карты, на которых в зелёный цвет засеянных зон были выкрашены даже северный Ивдель и Остяко-Вогульск, произвели впечатление более сильное, нежели изустно сказанное. Погода в тот год подвела, отвыкать от голода не пришлось, а в северных районах, где засуха и кобылка не достали, аборигены по слабосознательности и агротехническому невежеству съели урожай на корню.

На слёте было признано, что судьбу весеннего сева решили коровы и бабы. Сей исторический факт был назван трудовым героизмом и занесён в актив ударничества. Председатель облсуда Чудновский призвал беречь колхозное добро и похвалился, что более двух тысяч кулаков осуждены по указу «семь восьмых». О десятках тысяч сидящих колхозников говорить не стал.

Вогнать соотечественника в пафос принудиловки Советской власти так и не удалось. Традиционные средства — паёк, угроза заключения и досрочное освобождение — провоцировали только выход на работу, но не усердие. Провоцировали слабо. Физиономия строителя социализма всегда выражала крайнее отвращение к труду, нутро же его либо изнывало в безысходности, либо впадало в трудовые извращения. Трудодень по своей призрачности требовал применения дополнительных реактивных средств, коими чаще выступали разовые прикормки и текущая бытовая жестокость.

История Страны Советов учит — жестокость продуктивна лишь в том случае, если она низведена до ежедневной подлости. Чтобы колхозник, к примеру, выполнил свою историческую миссию, надо, чтобы он больше всего на свете боялся ближнего начальника, бригадира. Чувство абстрактного страха есть тоска, а не стимул. Колхозник должен либо работать, либо сидеть. История ГУЛАГа почему-то сосредоточилась на блатных и политических. На Урале самым штатным клиентом ИТЛ был колхозник.

Артель «Память Ленина» Шумихинского района: из 160 трудоспособных более половины имеют раскулаченных родственников и тянущих срок членов семей. Колхоз «Память Ленина» (память об Ильиче взята за основу выборки) Краснополянского района, тот же тридцать четвёртый: из 30 колхозных мужиков сидят все, из оставшихся 60 трудоспособных, бабы, молодёжь и старики, осуждено 39 человек. В отчётном приложении к последнему факту уполномоченный Уралобкома ВКП(б) Квасов сетует на то, что в колхозе работают старики да бабы. Как только парень входит в силу, находится повод, чтобы его посадить.[58] В районном масштабе это выглядело так. Заугольно-тихий Лебяжьевский район. За три года колхозного строительства осуждено, по отчёту райсуда, 7985 человек из 33 тысяч населения.[59] В Большой Урал входило двести районов.

Тем, что колхозника били по харе, в России никого не удивишь. Били все, на то он и колхозник. В тон манерам и местное руководство назначалось. Образы председателей, сотворённые отечественной литературой и кинематографом, порой восхищают. Особенно в исполнении талантливых артистов. Грубоватый с виду такой, но где-то по большому правильный и добрый. А если и совершит какую-то благоглупость, секретарь райкома отечески подскажет. Жаль, что на Урале таких не было.

И не могло быть. Советскую власть устраивал только руководитель, способный ценой крайней жестокости и подлости выполнить её директивы, не оглядываясь на мораль и чужое мнение. Робкий теля и человек рассудительный могли попасть в номенклатуру случайно и на свою беду, ибо любое потакание колхознику считалось предательством интереса государственного. Вдоль времени и поперёк Урала тиражировались директивы партии, ОГПУ-НКВД, прокуратуры, суда и подмахивающих им органов, требующие пресечь антигосударственные тенденции руководителей. Исключить из партии, снять с работы, привлечь к уголовной ответственности — таков путь руководителя-доброхота. Разрешил, к примеру, зав. отделением совхоза «Большевик» жарить зерно

бабам, работающим в холодную ночь, — садись на три года. Дал голодающим колхозникам зерно до выполнения плана — получай срок. Выдал председатель хлеб по трудодням до разрешения райкома (Макушинский район) — тюрьма. Продал колхозникам обмолоченную на один раз солому (Бродоколмакский район) — через неделю зек. За невыполнение плана сидеть сам Бог велел.

В Англии король управляет королями, заметил когда-то один путешественник, во Франции король управляет людьми, в Германии человек управляет скотиной, в России — скотина командует скотиной. После обвинения путешественника в британском снобизме остаётся ещё момент истины. Практически весь придонный слой хозяйственной и партийно-советской номенклатуры тридцатых находился в текучем состоянии. Руководителя обычно хватало, чтобы провалить очередную хозяйственную кампанию, или до наезда очередной карательной бригады.

Изложение фактов самоспасительной председательской жестокости сделало бы книгу бесконечной. Отдадим дань внимания только жестокости талантливой и экзотической. К людям талантливым я отнесу уполномоченного Челябобкома ВЛКСМ Ваню Куликова. Приезжая, к примеру, в Мало-Грязнухинский сельсовет Каменского района, он слазил с ходка и с хода въезжал в харю местного начальства. Бил независимо от возраста, но, что удивляло колхозников, бил выборочно и как бы прицельно. Через день-два битых обычно садили.

За магическими способностями комсомольца, как это бывает всегда, скрывалась жуликоватость. Перед выездом в колхозы Ваня узнавал в райотделе НКВД фамилии руководителей, запланированных к аресту, проходящих по следственным делам.[60]

А теперь экзотическое, к сожалению, без соответствующего тексту национального звукового акцента. «Сообщаю издевательство над колхозникам предколхоз Файзуллин Фахрид колхоз имени Калинина Ембаевского сельсовета. 6 июня 1936 года. Файзуллин Фахри избил своих колхозников. Сафарбеков Сафа лежит в постеле не может подняться. Файзуллин била палками, расколол голова. Сафарбеков ошен руки не может поднять, из головы вышел кров в последстве остал без сознания.

Байдукова Гайша тоже лежит на постеле, она тоже не может подняться очень тяжело лежит, его топтали ногой в грудь и бил... У него сейчас опухло от доктора имеет справку для повреждения от избиения, имеет 6 детей. Сафарбекову Атаута тоже с палкой бил в голову, у него тоже голова раскололась. Бурундукова Ахата палком бил, он тоже не может поднять руки. Мирхалимову Баши-

ру всё окно разбил, ни одного стекла не осталось, так боялися жена его и дети. Председатель сельсовета Галеев никаких мер не принял, а наоборот вместе с Файзуллиным пьянствовал, также парторг Тимербаев Нурулла на место предупредить Файзуллина, даёт толчок побольше бить, чтобы колхозники во время допроса так на собрании молчали.

Колхозник сейчас говорит, что если мы скажем о недостатки колхоза, пред колхоза, то нам будит рабски наказания. Файзуллин Фахри прошлом году в одного колхозника за это дело ухо отняли у Тузбакова Ризвана. По просбе колхозников».[61]

Восток, Петруха, — дело тонкое. Это только сначала всё кажется страшным. Ну отхватили у мужика ухо. Колхозник не ворона — матом не спугнёшь. А тут хоть с одной стороны слышит, да дома! Цивилизованный председатель с уполномоченным сдали бы колхозника в НКВД с намёком на статью пятьдесят восьмую. Дальше хороший срок. Да тот же Тузбаков Ризван, пугани его десятилетним сроком, сам второе ухо подставит.

Духовная сторона колхозной принудиловки будет много богаче. Действительно, чтобы погасить ту крайнюю степень остервенения, которая естественно вспыхивает при мгновенном обращении свободного хозяина в раба и проявляется в варварском отношении к технологии, орудиям труда и продукту, необходимы прямо-таки психотропные государственные средства. Но коммунистическая власть, агрессивная по природе, не довольствуется малопроизводительной покорностью. Она вгоняет раба в состояние идеологического психоза, придавая вульгарной принудиловке характер самодеятельного героико-исторического действия. Декоративный пафос оправдывал и маскировал убогость.

Историю «массового трудового героизма» закрыли коммунистические субботники эпохи зрелого социализма. Фальшь их чувствовал каждый, почти каждый видел в них выветрившийся лоскут подлинного героизма тридцатых годов. Да, в субботниках сквозило лицемерие, но из их прецедента выветрился не героизм, а насилие. Ложь, подпёртая всей силой государства, может быть идеологией. Но насилие и героизм суть вещи разные.

Архивные документы дают понять, что партийная власть не обольщалась и всегда считала соцсоревнование и ударничество только второстепенным потогонным средством. Сферой блудотворчества пропагандистской и журналистской братии. Деловые секретные бумаги дуреломных лет ехидно относятся к моральным мерам поощрения и твёрдо стоят на том, что соотечественника гораздо полезнее драть.

Нам же, обозлённым потерей целого столетия, хочется не то поупрямиться, не то снова побренчать святыми советскими мощами. Душой и телесно ощутить романтику голодного пайка на дне холодного котлована. Может, потому, что давненько не сидели. Зек памятливее условно свободного. Отсидевшему лучшие десятилетия в розовые сны старости тоже приходят сопки Колымы и родные лица солагерников молодости. Но ему в голову не придёт придавать печальному раскладу биографии космическую ценность. Скорее всего, он поставит его в вину себе, судьбе или власти.

Естественными ударниками по должности были вожди. Сталина называли первым ударником во всех отраслях, в каждой с оттенком профессиональной лести. В деревне он первый колхозный ударник, в металлургии — первый сталевар. Всех обскакал Лазарь Каганович со своим локомотивом революции. Быть паровозом, судя по кинохронике торжественных мероприятий, Иосифу Виссарионовичу очень нравилось.

Вожди мелкой фракции, включая краеобластных, числились передовиками в пределах своей епархии и временно – до тех пор, пока не попадали во враги народа. Районному начальству лезть в вожди не рекомендовалось. Монополия партии на информацию и принудительная оседлость работали на убеждение — плохо живётся только здесь. При ударном местном начальстве невольно завяжется крамольная мысль, что такой бардак по всему Союзу.

Сильнее всего впечатляет личный пример соседа. На этом здоровом общепсихологическом фундаменте вызрела идея орденоносного авангарда. Ударничество, как внутреннее спонтанное желание даром и хорошо работать на дядю, можно смело отнести к биологическим аномалиям. Для искусственного его культивирования необходима живая демонстрационная модель. Коей и стали орденоносцы. Тонкий слой штатных ударников нагрузили двумя функциями. Во-первых, кавалеры государственной милости должны были доказать выполнимость колхозно-совхозных норм выработки. Во-вторых, стать образцом той колхозной зажиточности, которую сделали советской мечтой.

К подбору кандидатур относились скрупулёзно, ударнику надлежало быть эталоном идейной чистоты и высокородного пролетарского происхождения. Трудовые показатели почти не имели значения. Орден и сопутствующие блага давались авансом. Географически в выборе исходили из того, чтобы каждый район имел по знаменосцу. Профессионально выбор сосредоточили на основных видах сельхозработ. Зачем, скажите, орден бабе на току? Вот механизатор и животновод — дело другое.

Баловней судьбы поставили под опеку райкомов, обязав последних выделить орденоносцам хорошее жильё, новую технику и хороший скот. Районы отчитывались перед областью по каждой орденоносной особи. Если кавалер не тянул норму, в первую очередь доставалось местному руководству — либо плохо организовали работу, либо подставили под орден шалопая. Во спасение часто приходилось гнать туфту. Ударники же, войдя во вкус, вели себя как обнаглевшая старуха с разбитым корытом и, будучи чуть обиженными соседом или бригадиром, сразу писали круто вверх.

Достойно ли трудятся союзно обласканные? — поименно запрашивала области Москва. «Во время уборочной кампании для оказания практической помощи в работе к агрегатам комбайнеров-орденоносцев были командированы парторги. Для отдельных орденоносцев-комбайнеров по поручению секретаря обкома Рындина сельхозотдел подыскивал массивы...»[62] «Комбайнеру-орденоносцу Пономарёву, были даны плохие массивы, потребовалось вмешательство обкома ВКП(б) и специальные выезды на место работы для подыскания массивов и организации косьбы для Пономарёва. У орденоноски Художитковой (Половинский район) не были созданы хорошие условия — были поломки трактора. По указанию обкома Половинский РК прикрепил к ней постоянного механика». Орденоноску Лапину из Камышловского района заставили работать в плохом свинарнике и жить в маленькой и грязной квартире. Бюро райкома постановило передать ей чей-то новый дом, в тёплое помещение перегнали и подорденоносных поросят.[63]

Чтобы всё свести в ажур, прикреплённые парторги и механики готовы были бегать за махоркой и водкой для таланта. Иногда и этого не хватало. Тогда выручали единоличники. «Для покрытия дефицита в рабочей и тягловой силе колхозов, — читаем документ по сему поводу, — признать возможным и необходимым привлечь единоличников и трудоспособных членов их семей, а также лошадей и транспорт для работы в колхозах в порядке найма... Допустить натуральную оплату труда нанимаемых единоличников в размере от 800 граммов до 1,5 кг... Дневная норма выдачи хлеба колхознику должна быть выше нормы единоличника. Нормы для лошадей единоличников такие же, как и для колхозных».[64]

Единоличника на мякине трудодня не проведёшь. Он социально примитивен и блюдёт один принцип — работать там, где платят. В колхоз, основанный на вроде бы ином принципе — «где бы ни работать, лишь бы не работать», он вписался удачно. Мимолётный исторический прецедент с работающим в колхозе единоличником больше интересен в познавательном плане, ибо даёт

ниточку к пониманию бублика современной российской экономической философии — мы мало получаем оттого, что плохо работаем, или плохо работаем потому, что мало получаем.

«Большинство отстающих колхозов имеют вокруг себя единоличные хозяйства и вместо их коллективизации идут по линии найма в пору уборки. В 1934 году наём принял огромные размеры, и по существу единоличники в ряде колхозов сыграли роль своеобразной МТС, заработав огромное количество хлеба и денег. Например, «Борец Урала» — 28 нанятых колхозом единоличников убрали колхозу 350 га, а «хозяева» в числе 50 человек убрали лишь 159 га. В коммуне имени Карла Маркса 10 единоличников заработали и получили с коммуны 5 тысяч рублей и 62 центнера хлеба, а сама коммуна сидит без семян и хлеба».[65]

Артельщики с завистью смотрели на чужие доходы, всё чаще порываясь бежать в наёмники. С движением орденоносцев наём единоличников связан нелегально. Часть работ, выполненная наёмниками, переписывалась на штатных ударников. В первую очередь та часть, которая оплачивалась деньгами. В материалах РКК (партийной комиссии) такой подлог чаще всего связывается с фактами лжеударничества. Кредиты колхозу, таким образом, уходили на оплату найма, а выработка привлечённых со стороны заносилась на моральный счёт орденоносцев.

На фотографиях тех лет известные орденоносцы всегда в кругу восторженных почитателей. Молодое здоровое лицо, яркий орден на кителе от «Большевички», видел Сталина — всё это сведёт с ума хоть кого. Только не работающих рядом колхозников. Для них он всегда предатель. Водить дела с облизанным властью человеком считается дурным тоном в пролетарской среде. В деревне тридцатых, стоящей на том, что совместно хорошо только пить на халяву и воровать тяжёлое, прикормыш был у мужика в презрении. Иногда таковое буйно прорывалось...

«За обвинение орденоноски Ивановой в лжеударничестве и проституции виновный осуждён на 5 лет, за нападение на орденоносца Лихачёва — двое на 5 лет, за оскорбление орденоносца Шаврина — пятеро на 3 года и 8 лет, за оскорбление Епанчинцевой виновный осуждён на 5 лет...».[66] Вся карательная система страны стояла на защите лицемерия. Кто скажет, что деревенский мужик ангел? Ударников крестили последними словами, подвернётся случай и били. И не за живость в труде, таковой чаще не было, а за лизоблюдство.

Показное усердие пригретых толкало в ответ на тайную подлость — сунуть железину в агрегат, а то и просто житейски под-

сидеть. Дурной характер и юридическое невежество выводили на скамью подсудимых. Знай земляки циркуляр Наркомюста от 3 июля 1931 года, ударник мог смело ходить даже в престольную пьянку. А в циркуляре сказано холодно и ясно: «Квалифицировать убийство ударников, совершённое в целях воспрепятствия их деятельности как ударников, мести им за ударную работу со стороны отсталых или классово-чуждых элементов по статье 58-4 УК. К лицам, совершившим это преступление, применять расстрел».[67] И пугать энтузиаста, разъясняла секретная директива Вышинского, уголовно чревато. «Преследование стахановцев, когда эти действия не несут характера террористического акта, квалифицировать по статье 73 УК... Порчу машин, агрегатов, производимую с целью срыва работы стахановцев, квалифицировать как вредительство по статье 58-7».

Крупной ветвью «массового трудового героизма» явились многочисленные почины, провоцируемые партийным штатом. Ситуация разгонялась таким образом. На всесоюзном слёте ударников какой-либо отрасли настойчиво будировалось движение за максимальную выработку. Тут же демонстрировались ударные особи, якобы добившиеся таковой на деле. В большей части рекордная выработка была итогом жульничества. Не хочу обижать тех, кто действительно тянул жилы во имя личной славы. Скажу одно, реальность выработки не имела никакого значения. Требовалась субъективированная в какой-то персоне высокая норма. Эталон героя труда безо всяких комментариев.

Вслед за этим по партийным, советским и карательным каналам проходили директивы, обязывающие низовку всколыхнуть широкие народные массы. По отраслевой управленческой структуре директивы детализировались до норм ударной выработки, предписаний, кому и с кем соревноваться, контрольных цифр по охвату энтузиазмом и иные моменты, без которых, известно, пафоса из соотечественника не выжать.

Передо мной документ той эпохи — книжка ударника. Выдана она столяру стройбюро ПП ОГПУ на Урале Неугодникову Ивану Ивановичу в начале 1933 года. Водяные знаки с гербом ВЦСПС доказывают её всесоюзный статус. По такому документу при удовлетворительном заключении смотровой бригады, заверенном производственным сектором ФЗК, можно было получить продовольственные талоны, либо прорваться в закрытую столовую. При неудовлетворительном заключении комиссии – увы...

Владельцу книжки напоминалось, «самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной перево-

рот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Тут же, на первой странице книжки портреты двух авторов коренных переворотов - Ленина и Сталина. Внутренность документа контрастирует с внешним блеском. Все страницы разграфлены под производственные и общественные обязательства ударника и их выполнение. Производственная деятельность включает установленную администрацией ударную норму и превышающее таковую личное встречное обязательство. Без него какой ты ударник?

Власть провоцировала ударничество ради высокой выработки и спрашивала её в первую очередь. Самого же передовика мог соблазнить только дополнительный паёк. Количество ударников, таким образом, определялось условиями прикорма. При голоде объектом подозрительности смотровых комиссий становились общественные характеристики. Хомут обязательств ударника сработан профессиональными шорниками. Здесь активный помощник партии желудком отвечал за свой моральный облик: за прогулы, за посещение производственных совещаний, за личные способности к изобретательству и общественную работу вообще. С модных в тридцатые коллективных фотографий смотрят в мир нынешний строители социализма. Интерес интересом, но каждый лез в кадр по причине совершенно прозаической, повсеместно применялся метод фотофиксации присутствующих.

Контроль над общественной активностью человека – вполне достаточное средство, чтобы сделать его жизнь невыносимой. Если даже ограничиться нормами советского общежития и режимом бдительности. Полную гарантию давало привлечение в наставники лиц, страдающих холодной подозрительностью — облизанных властью ветеранов и впавших в идейный мазохизм старых дев.

«Повседневно заниматься повышением своего культурно-политического уровня и повышением квалификации, добиться в течение 1936 года 2-ой категории шофёра, аккуратно посещать политзанятия... Прочитать из художественной литературы «Поднятую целину» Шолохова за летний период, посещать кино... Заниматься повышением военных знаний, посещать военные занятия ОСО и получить звание «Ворошиловский стрелок» в течение лета...» Приведен типичный набор требований к ударнику, выполнившему производственную норму.

История забыла, осилил ли их шофёр Тестов или, бросив в угол «Поднятую целину», подался на рыбалку. Требования всегда привязывались к местности — как с хлебом. Надо было сократить

число прикормышей, смотровые бригады могли расширить круг претензий до участия в комсодах прокуратуре, подписных кампаниях и прочая, и прочая. «А скажи-ка нам, дорогой товарищ, в каком году был седьмой съезд партии? И ктой такой Плеханов? Ась?» Ответ совершенно не имел значения, вопросы задавались, чтобы столкнуть с пайка.

Возможности материального провоцирования ударной работы в колхозе отсутствовали вообще. Давать деньги колхознику запрещалось категорически. В трудодень никто не верил. Многочисленные директивы о развитии стахановского движения из года в год повторяли тезис, что в сельском хозяйстве приходится больше опираться не на силу слова, а силу без слов.

Показательны в этом массово будируемые в деревне почины «пятисотниц», «семисотников», «тысячниц и тысячников». Юрлинская МТС, год тридцать пятый. Души деревенских трактористов неожиданно вспыхнули желанием дать за сезон по семьсот гектаров обработки. Порыв удивительным образом совпал с недавней директивой обкома партии и годовалой давности бумагой московской. Печатный орган обкома искусно изумился. «Ваши письма с обязательствами дать за свою смену не менее 700 га, посланные в обком ВКП(б) на имя Кабакова И.Д., мы получили. Обком ВКП(б) будет следить о выполнении взятых Вами обязательств, а Вас просим сообщать обкому ВКП(б) о затруднениях в вашей работе и результатах работы семисотников в весенний сев и уборочную кампанию»[68] Инициаторам передали новую технику, оборудовали показательно-образцовый стан с библиотечкой, музыкальными инструментами и шашками. Ну и прочее: выбрали подручные для рекорда массивы, прикрепили механиков и выдали равный намерениям харч.

Каждый районный секретарь захотел, что вполне естественно, иметь семисотников в своей вотчине. Хорошо зная кухню энтузиазма и что стоит за почином, партлидеры выехали в тракторные бригады. Вскоре местные газеты радостно сообщили: будут и у нас свои семисотники! «Да?» — ехидно спросило областное начальство. Пусть ваши герои пашут хоть по тысяче гектаров, было сказано где-то так, но тихо. Поднявших звон предупредили, что количество часов и велосипедов для премирования рассчитано только на активистов, выдвинутых обкомом, что информация о местных героях может породить у них нездоровые ожидания. На местах устыдились и впредь разводили почины по чину.

Из-за нищеты в высокую моду вошли разовые и переходящие знамена — от шитых золотом хоругвей с изображением вождей

мирового пролетариата до кумачовых тряпок повседневного обихода. Все возбуждающие средства, не связанные с дополнительным пайком, а на деревне они были основными, отдавались на творческую выдумку. Красные и чёрные доски украшали каждую бригаду. Отстающим вручались рогожные и близкого тому достоинства знамёна. Психическое давление порой скатывалось до брезгливости. Ударники хлебали колхозную баланду из красного котла, простолюдины — из чёрного.

Местные ударные инициативы, генерируемые по погоде, особенно колхозников не доставали. Советскую историю они украшают как творческий продукт той романтической эпохи, когда прогресс достигался естественным порывом необразованной кадровой души. Потом понасядут люди с универсальными дипломами ВПШ, и жизнь станет схоластически скучной. «Заставить корову утроить надои!» — раскатывалось эхом по газетам Урала в конце тридцать четвёртого. И сонм причастных к животноводству объявляет войну оппортунистической яловости, поднимает знамя массового социалистического соревнования за стопроцентную случку. Намедни вышло постановление ЦК ВКП(б) о развитии животноводства, идеологическую каверзу которого можно сформулировать так: не пристало социалистической скотине доиться и жить в два раза меньше скотины единоличной.

Исходным моментом успеха, что известно каждому соотечественнику, является расстановка кадров. «В среднем по 29 районам, — с ужасом осознаёт документ Уралобкома ВКП(б), — один коммунист приходится на пять ферм и 748 голов скота. Хуже всего в Кизильском и Троицком районе, где на 20 фермах всего 8 коммунистов. На каждого коммуниста приходится по 2314 голов скота... Коммунисты в основном работают завфермами. В Режевском районе, например, из десяти коммунистов, работающих на фермах, все десять заведуют фермами. Нет почти партийного руководства за развитием животноводства со стороны райорганизаций. В большинстве колхозов уход за скотом поручен инвалидам, глубоким старикам и подросткам... Коммунисты и комсомольцы работать на ферме не хотят, а стремятся на курсы пропагандистов...».[69]

Толстокожую деревенщину лестью и уговорами не достанешь. Широко распространённые на заводах товарищеские суды в колхозе не прижились. Члену «товарищеского» суда могли пустить петуха. Сельские солидарно ленивы в колхозном труде. И это плохо. Но, в радость основоположникам социализма, завистливы в быту. Тут все и всё знают про соседа, отчего порой не совсем уютно на душе. Острым привкусом маразма отдаёт широко прак-

тикуемое в те годы селькоровское движение. Абсолютное большинство творческого персонала советской журналистики прошло эту школу анонимного осведомительства.

Деревенские стукачи-энтузиасты в миру старались жить тихо, не навлекая на себя внимания. В газетах и карательных органах они проходили под конспиративными кличками: Молот, Серп, Шило, далее, насколько хватит фантазии. Их грязные доносы принимались властями за проявление классовой бдительности и находили короткую дорогу в печать и следствие.

Газеты поддерживали регулярную связь со своими филёрами. В специальном отделе (обычно «Почтовый ящик» или что-то в этом роде) теневым подельщикам давались инструкции, индивидуальные задания, требовали разъяснений по представленным доносам. «Шило, материал будет принят, если назовёте фамилии». «Серп, передайте материал в сельскую комиссию». «Зоркий, для принятия мер необходимы фамилии, подробное изложение материала. Не увлекайтесь общими рассуждениями». Польщённые вниманием, доносчики лезли во все щели жизни и сочувственно провоцировали соседей на неосторожную откровенность.

Газетчики умели быть благодарными и строго блюли тайну авторства. Доносы, направляемые для принятия мер, сопровождались предупреждением, что «разглашение должностными лицами имён корреспондентов, а равно содержания заметок, передаваемых ими для расследования, является уголовно наказуемым преступлением; виновные привлекаются к ответственности по 96 или 121 ст. ст. УК (лишению свободы до 3 лет)».[70]

В деревне угораздило родиться — не жить тебе, а колотиться! Даже убеждённому коммунисту уютнее в буржуазной Швейцарии, чем в советском колхозе. Дома жрать хочется до того, что посадить или пришибить могут. Засветившихся авторов били с удовольствием. Чтобы стукачи не вывелись, власть огородила их уголовной статьёй и подружила с прокуратурой. «По всем возникающим делам против рабселькоров и стенкоров, — отечески волнуется Наркомюст, — производить расследование следователями под руководством прокурора... Прокурорам и нарсудьям рекомендуется шире использовать рабселькоров и стенкоров в качестве судебного актива (руководители ГСП, колхозных, производственных, сельских общественных судов), привлекать к работе по всем массово-политическим кампаниям».[71]

В феврале тридцать пятого колхозные энтузиасты выполнили самую грязную работу. Тщательно отобранные делегаты второго съезда колхозников приняли сталинский устав. Делегатов фильт-

ровали пуще прежнего. Фолианты личных дел на представителей Урала похожи на рукописи энциклопедического словаря. Входная анкета содержит более тридцати вопросов. От нашей депутации поручили выступить будущему народному академику. В выборе тоже не ошиблись, подготовленный Челябобкомом ВКП(б) текст он прочитал буква в букву.

На съезде приняли судьбоносное решение — передать колхозам землю в вечное бесплатное пользование, подтверждением чего стали государственные акты. Сейчас у колхозника дарственных бумаг на землю полная божница. Тогда это была бумага первая, однако, приличного событию восторга она не вызвала. Мужик затылком понял то, что родной солопец в Америку не увезёшь. За документом, насильно всученным колхозам, стояло только право вкалывать, вкалывать бесплатно. Акты на пользование землёй вручались под обязательный переход на новый устав. Супонь барщины в нём затянули до храпа, а приусадебные участки и личное подворье в нормах урезали. Началась свара. Колхозники отказывались принимать ударный устав.

Лубок в тему. Колхоз «Красная заря» Макушинского района. На общем собрании колхозников, с ужасом сообщается в райком, принят антиколхозный, кулацкий устав в отмену Сталинского устава сельхозартели. В первом разделе — «Цели и задачи» не приняты и не вписаны в свой устав такие слова из Примерного устава — «обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся... Колхозный путь — путь социализма — есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян». Кроме идейного вандализма за краснозаринцами замечены и корыстные наклонности.[72] В конце концов отпечатали уставы, до слова копирующие московскую шпаргалку, оставалось только проставить реквизиты хозяйства.

Первые опыты по культивированию массового трудового героизма проводились исключительно на мужиках. Бабы, малолетки, перестарки если и встречались, то проходили сопутствующим технологическим ресурсом. Не умаляя исторической роли мужчин, должен сказать ответственно и документально доказать, что украшением эпохи дурелома остаётся энтузиазм женский.

Итак, сначала был мужик. На Руси, особенно советской, он живёт торопливо и обычно не успевает даже толком поболеть. Лучшая треть его мрёт досрочно от водки, треть — от махорки или «Примы», треть господь оставляет, чтобы было кому поминать. Позднее, когда обнаружился невосполнимый дефицит энту-

зиастов мужеского пола, партия положила деловой взгляд на прекрасную половину Страны Советов.

19 мая 1931 года Наркомтруд СССР принял постановление «Об использовании женского труда в промышленности, в государственном и кооперативном аппаратах». Не буду комментировать идеологическую часть этого документа, утверждающую, что социализм и женщина едины, что именно социализм открывает для неё всё... Каждый советски образованный человек наплетёт тут сколько угодно. Скажу суть. Женщин освободили от цепей патриархального домостроя и мобилизовали к революционному переустройству мира. На конец 1931 года доля баб в советской промышленности составила 31,5%, на следующий — выросла до 33%. В 1933 году Наркомтруд запланировал мобилизовать дополнительно 700 тысяч женщин.[73]

Все силы партии и советской власти были брошены на помощь рвущейся к свету женщине. В тридцать третьем году провели совещание союзных наркоматов и ведомств по вопросу вовлечения женщин в народное хозяйство страны. Декабрём тридцать второго вышло постановление ЦИК СССР, в котором отраслям установили планы по феминизации промпредприятий и аппарата. Из бумаги, подписанной Калининым и Енукидзе, следует, что уже тогда русская баба была самой прогрессивной, ибо контрольные цифры по России в два-три раза превышали требования к разным там узбечкам и казашкам.

Трудовым ресурсом в высоком смысле бабу не назовёшь. Она, скорее всего, лишь природный полуфабрикат. Первыми это поняли леспромхозы, хлебнувшие горя с началом женской вербовки. Которая, путаясь в подоле, не успеет выбежать из-под падающей лесины, которая не вывернется из-под десятника. В тридцатых девок бросили на образование, всей системе профтехучёбы установили 50%-ый минимум женского набора. И тут проблем не возникло, план забили дочерями ссылки.

Всё новое пробивает дорогу со скрипом. Политически отсталым руководителям втолковывали, что женщина, как существо сугубо чувственное, способна любить завод и коллектив больше меркантильного мужика. Что женщина, особенно одинокая, до фанатизма устойчива в своих политических привязанностях и более активна в общественной работе. И самое главное — она покорна, менее склонна к перекурам, прогулам, забастовкам, пьянкам и прочему чисто мужскому куражу.

Обследование, проведённое по инициативе Наркомата труда среди станочников, показало — у женщин потери на прогулы, пе-

рекуры и скрытую пьянку составляют 4,5% рабочего времени, а у мужиков в два раза больше. «Возьмите Пермский завод, — бил консерваторов на областном совещании главный спец Урала по женскому вопросу Чижицкий, — женская бригада сверлильщиков даёт рекордную норму выработки, если мужчины производят в сутки не более тысячи дыр, то женская бригада даёт 1200 дыр». К тому же, за одинаковую работу прекрасной половине цеха платят почти в два раза меньше.[74]

Уральский регион включился в дело не сразу. Важнейшему центру социалистической колонизации пока хватало живого потока спецпереселенцев со всего Союза. Уралтруд постановлением от 25 апреля 1932 года рекомендовал развернуть работу по вовлечению женщин в народное хозяйство региона и установил контрольные цифры. Уралобком ВКП(б) тоже принял директиву о (чего тянуть!) стопроцентном вовлечении женщин в производство.

Первым делом специалистов по феминологии стал перечень специальностей и отраслей, где применение женского труда возможно или даже преимущественно. В горном деле женщинам отвели место бурильщиков на колонковых молотах, машинистов тяжёлых врубовых машин, конвейеров и скреперов, выборщиков породы и другие соответствующие женской натуре рабочие места. Первый опыт дал почти положительные результаты. В данных медкомиссии, проведённой по линии защиты материнства на кизеловских угольных копях, отмечено, что женщины- горнячки в основном физически здоровы, но поголовно беременны. Тут и ОГПУ только разведёт руками.[75]

В доменном производстве энтузиасток ждали на место весовщиков угля, руды, кокса и чугуна, наборщиков шихты, машинистов завалочных аппаратов, отчасти сталеваров, обрубщиков и обрезчиков. На цементных заводах под феминизацию попало более половины рабочих мест. Металлообработка, химпром и железнодорожный транспорт оказались идеальным местом приложения ласковых женских рук.

На 1932 год запланировали перетянуть в промышленность около трёхсот тысяч женских душ. Всем предприятиям установили контрольные задания. Уралжелдорстрою, Востокстали и стройиндустрии предписали феминизировать трудовые коллективы на 40%. Хотя план не был выполнен, социалистическая промышленность Урала выказала растущий интерес к прекрасной половине человечества. Особенно отрасли с варварскими условиями труда.

Практика подтвердила выводы проектантов и высокий авторитет опорного края державы. Ремонт железнодорожного полотна

до сегодняшних дней остаётся излюбленным делом уральских женщин. В тридцать третьем доля баб в региональной промышленности зашкалила за 30%. В отчётах хвалили Березниковский химкомбинат и Невьянский цемзавод с рекордным уровнем феминизации. Ложкой дёгтя казались крупные стройки. На Тракторострое, Цинкострое, Уралмашстрое доля энтузиастов в юбке составляла 22-27%, а по всем 47 крупным стройкам — 20%.[76] Ни бабьей, ни партийной вины здесь не было, на этих объектах преобладали заключённые. Среди энтузиастов-зеков женщин было мало. Женщины, выяснили американцы — авторы книжки «Наше (это они про себя — **А.Б.**) преступное общество», очень боятся тюрьмы, воруют по мелочам и не склонны к рецидиву.

Сколь бы ни была привлекательна идея феминизации промышленности, советская женщина всё-таки создана для колхоза. В основанную на произволе и директивной непредсказуемости колхозную систему робкая и выносливая соотечественница вписалась оптимально. Возник идеальный тип социалистического плантаторского хозяйства, где онаганенный большевистский мужской штат господствовал над вдовствующей и покорной бабьей деревней.

Вдовствующей почти всесоветски, ибо старшее поколение её мужиков сгнило в ссылке где-то под Ныробом или Вишерой, сыновья положили здоровье и жизнь на стройках индустриализации, а внуками оплачены страшные счета второй мировой. Всесоциалистически покорной потому, что единственным актом протеста, да и самоутешения, для одиноких женщин остаются только слёзы. Во времена коллективизации партия воевала с мужиком и хозяином, позднее система колхозных отношений строилась между всесильной властью и забитой женщиной.

Женщина начала работать в колхозе с момента его рождения. В самом начале столбового пути её права не были уставно оговорены, она оставалась мобилизационной тягловой единицей. По мере вымывания сильной половины деревни всё большая часть хозяйственных забот ложилась на женские плечи. «Женщина в колхозном производстве Урала, — констатирует документ Уралобкома ВКП(б) в 1933 года, — занимает преобладающее место. Как правило, женщин в колхозах находится 60-70% и даже 85% от общего состава трудоспособных».[77] Списочные составы артелей сельскохозяйственной зоны, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о правоте авторов секретной бумаги.

Уральский колхоз, таким образом, вскоре после рождения стал преимущественно бабьим предприятием. Всё бы тишь да гладь. Но на первом съезде колхозных ударников вождь народов

немного подумал и сказал: «Женщина в колхозе — большая сила, держать эту силу под спудом, значит допустить преступление». Демократически избранные руководители всегда несут косноязычную глупость, в чём беззащитны от юмористов, сорвавшихся с цепи журналистов и иной злоинтеллектуальной шавки. Вожди настоящие экспромтом говорят красиво, а с паузой — даже мудро. Восхищаться тем должно и для сохранения шкуры очень полезно. Про огромную колхозную силу Сталиным, повторюсь, сказано подумавши. Провинциальное начальство в преступники попадать не хотело и, смущённое тем фактом, что баба вроде и так не пребывает в лености, кинулось расшифровывать мысль вождя до конкретных ежедневных поступков.

Претензии советской власти к прекрасной половине деревни постепенно обострялись. Конечно, баба, как безупречное живое орудие, была незаменима на ферме, на току, в поле. Вместе с тем обнаружился дефицит по тем видам работ, которые до того считались исключительно мужскими. Массовые аресты крестьян, возведённых в сан вредителей и хищенцев, а также людской оброк великих строек оголили сельхозтехнику. Пацаньё, пропущенное через курсы механизаторов, больше гробило технику по беззлобному невежеству, чем работало. Смешно вспомнить, в пацменовских деревнях зелёные механизаторы-конюхи палками, как лошадь, забивали заглохшие тракторы.

Вымыванию мужиков из производства способствовала бурная бюрократизация, в которой мужик всплывал много быстрее. Принцип выдвиженчества работал безотказно, и уже в те годы закладывался ныне привычный стереотип — женоподобный в телесах, смачногубый мужик-руководитель и мужеподобная в повадках, широкая в кости баба-работница. В мае тридцать третьего секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков телеграммно жаловался Сталину, что «тракторный парк совхозов простаивает из-за дефицита запчастей и опытных механизаторов, тогда как на 100 тракторов приходится 150 человек административно-технического персонала». Вождь получал такие сообщения не только с Урала. Поэтому лозунг «Девушки — за трактор!» выглядел вполне уместным. Вскоре нашли мудрым посадить на технику молодую исполнительную девку вместо склонного к пьянке оболтуса.

Решение проблем с феминизацией механизаторских кадров свелось к созданию женских тракторных бригад. Опыт внедрения механизаторш в мужские тракторные бригады оказался неутешительным. Как бы сказать про то мягче. На полевом стане и галантность земная, ударниц повсеместно стали эксплуатировать в

их естественном предназначении. Пропущенной через курсы механизаторов деревенской девки хватало на один сезон.

Организация исключительно женских тракторных бригад и звеньев гарантировала физиологический карантин. Трудности выявились с подбором энтузиасток: выманить из семьи молодуху, чтобы на годы упечь её в одиночество тракторного стана, — тут нужны большие способности. При отсутствии таковых прибегали к обычной мобилизации. Кто тогда знал, что забавное дело — водить трактор — обернётся пожизненным ярмом?

В самом деле, эта категория деревенских женщин хлебнула горя сполна. До войны их держали в поле от первого тепла до белых мух, обзывая ударницами, в войну трубянить совесть и Бог велели, потом измор лет послевоенных. Целину скоблили опять ударницами, но теперь яркие тряпки и грамоты не могли обмануть. Приходило ощущение потерянной молодости, утонувшей в грязных спецовках, непосильном труде и пещерном быте полевых станов. Ощущение особенно тяжёлое для тех, которые не успели завести семьи, а если и прижили ребёнка, то не по любви, а мутным случаем. Сейчас позавчерашним ударницам где-то за восемьдесят. До них ли сегодняшней циничной, теперь откровенно циничной, России?

Ещё одним блоком в основание массового женского энтузиазма лёг дефицит младшего комсостава деревенской экономики. Быстрый моральный износ бригадиров, председателей сельсоветов и колхозов, а точнее, их эволюция из руководителей во вредители, обернулись острой кадровой проблемой. Попавшему на скамью суда, много хуже — в ОГПУ-НКВД, всё чаще не оказывалось замены на рабочем месте. Если в бригаде девять баб и один мужик, в начальники поставят последнего. Будь он даже убогий, потому как природно более приспособлен к орально-матерному стилю колхозного управления.

Уралобком предписал «выдвинуть на руководящую колхозную работу председателями колхоза по Уралу не менее 100 колхозниц, бригадирами — 20%, заведующими МТФ — 10% к общему составу». Уралсовет приказал срочно феминизировать органы деревенской власти. Районы получили контрольные цифры по женовыдвиженкам.[78] В местах коренного населения Урала вхождение баб в номенклатуру не стало проблемой. Авось будет не хуже. Для будирования вопроса в партаппарате создали женотделы, а на предприятиях ввели в штат освобождённых женоргов.

Труднее сложилось в нацменских районах. Шла кампания коренизации местного управления, то есть культивирования нацио-

нальных кадров. Любое сомнение в целесообразности такого шага обзывалось великодержавным шовинизмом. В перекрёстном свете двух идей выдвижение националки на руководящую работу играло бы бриллиантом в любом отчёте. Однако на запрос заведующей женотделом Уралобкома ВКП(б) Мальцевой, как обстоят дела с вовлечением нацженщин в производство и аппарат, из районов тундры ответили прямо: никак, тут, мол, мужики-то ещё дикие, как олени, а вы о бабах. Не утешали и ответы с промпредприятий. Планы феминизации с грехом пополам тянули, но баба шла исключительно славянской наружности.

«Проработав письмо сельхоза отдела обкома и совещания женщин-трактористок от 26-7-36 о включении всесоюзном соревновании женщин трактористок, а также проработав приказ по Свердловскому облзу от 25 июля 1936 года о женских тракторных бригадах, мы - женщины тракторной бригады № 3, глубоко приветствуем выдвинутые мероприятия и даём свой деловой практический ответ. Мы все, как одна, включаемся во всесоюзное соревнование женщин-трактористок и взяли обязательство выполнить на трактор за смену 700 га, это дело считаем выполнить и перевыполнить... Выдвигаемые условия для трактористок — метод устройства на тракторе зонтика, предохраняющего от солнечных лучей и дождя — это дело необходимо осуществить. Устройство мягкого сидения также необходимо».[79]

Сотни подобных писем, стилизованных под деревенскую неграмотность, реже неграмотных от души, стекались в партийные органы. Фабриковали их аппаратные энтузиасты в ответ на свежий почин или вылазку врагов народа. Обязующаяся сторона порой просто не знала о собственном героическом намерении да и льгот от власти не ждала. Советская техника, сосредоточенная на тягловом усилии, комфорт работника и дизайн не приемлет идеологически. Её эталон — Захарка (ЗиС-5), абсолютно приспособленный к войне и колхозу.

Тракторы без кабин и с деревянными сидениями ползали даже по пятидесятым, сохраняя, естественно, преимущества взаимоконтроля. Если на ходу засыпала трактористка, поделюсь своим опытом, и трактор вылезал из борозды, с прицепки бросал ей в спину камнями. Осторожно так, навесом. Когда начинал клевать я, она сдирала сон таким разбойничным свистом, на который способен только колхозный эквивалент мужика.

Биологически женщина тоньше. Методика воспитания энтузиазма схватила это сразу. Колхозная баба, выяснилось, не нуждается в предварительной идеологической ласке. Тут надо сразу

напугать, потом в страхотрясе легонько похвалить. И поплыла родная. У мужиков чаще было наоборот. Сначала растрезвонят о почине, а в конце концов — лжеударники. Поэтому скромные декларации о женском ударничестве соседствуют в архивах с примерами потрясающей самоотверженности землячек.

«Колхозница артели «Победа» Камышловского района ударница Песцова Анна день боронит на корове, норму выполняет на 130-140 %, а ночь на прицепке у трактора и она стала вырабатывать по 2.5 трудодня в сутки». «Выковать из колхозниц преданный партии и власти Советов актив!» — призывали газеты. «За социалистическое отношение к колхозному труду, — взято из другого манускрипта, — и систематическое перевыполнение норм выработки в посевную на бороновании своей коровой на 180 %, в сенокосную литовкой — на 150%, в уборочную на вязке снопов — на 140%, и за активную работу по мобилизации денежных средств с выполнением задания на 150 % колхозницу артели «Красный Октябрь» Петуховского района Осееву Клавдию Степановну наградить значком «Ударник Сталинского похода за урожай».[80] Вот так-то! Гордиться будем, мужики, нашими женщинами, или немножко стыдно?

Читатель вспомнит сейчас некрасовское: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Нарисует образ живого, сияющего здоровьем локомотива, женщину, эстетический стандарт которой увековечен в оптимистически мощной, как Т—62, мухинской «Колхознице». На то он и соцреализм. На самом деле деревенские землячки телом были дряблы и вид имели тоскливый. Потому как в энтузиастах ходили в основном женщины пожилые от голода или просто пожилые.

Чтобы убедиться в этом, заглянем в обкомовские реестры ударников. «В Заплатинском сельсовете (Варненский район) 78-летняя старуха Титова Дарья Григорьевна при норме 0,4 га заборонила на своей корове 1,3 га в два следа». Старики и старухи коммуны «Октябрь», что процветала под сенью Мехонской МТС, создали ударную бригаду и призвали к тому советское старчество всего Урала.[81] Инициатива прижилась. В Бардымском районе организовали рекордную по возрасту ударную бригаду. Курициной Афомии, Крыловой Агрофине, Ширинкиной Анне, Графильниковой Евгении и Ширинкиной Александре в сумме было 365 лет. Но они, радуется автор отчёта, посвятили свои деяния партии и заколачивали по трудодню в смену.[82]

Любая женщина — тайна. Трудовой героизм открыл прямотаки экзотические способности уральской натуры. Красные свахи

лучше мужиков справлялись с подпиской на заём. В Камышловском районе делегатка райслёта ударников Боровских Мария (артель имени ОГПУ) обучила 25 коров, которые потом выполняли норму на 130-140%. В Усть-Уйской МТС бабы обучили коров, да так, что те стали боронить по гектару в день и при этом лучше доиться. Ночью на коровах пашем, днём — доим. В Щучанском районе организовали 42 женские бригады с количеством 274 чело века для сбора семян. Сверхчувственные способности местных женщин проявились адекватно. Мария Ветрова с Медведского сельсовета выявила пять тайных ям с доколхозным зерном. В Каргапольском районе и того хлеще. Бригада делегаток районного слёта женщин нашла под снегом комбайн, семь конных граблей и много всяческого сельхозинвентаря.

Массовый женский героизм остался отчётно-газетной фальсификацией серой голодухи. Но имел место, вне сомнений, и энтузиазм высокородный. К таковому я отнесу будирующую деятельность прекрасной номенклатурной половины. Начну свысока. Во второй половине тридцатых кому-то пало в голову проводить всесоюзные съезды жён высших руководителей. Слёт жён командиров Красной Армии, съезд жён руководителей промышленности, конференция жён специалистов и иные подобные. Затем слёты отраслевые и областные. И в те времена местный управленческий штат образования, здравоохранения, культуры набивался жёнами и пассиями мужей номенклатурных.

Спать с кадровым работником и не быть энтузиасткой преступно. В общественную нагрузку партийно-советским невестам поставили шефство над всем и вся. Муж директор совхоза? Отлично, будешь внештатным женоргом. Твой работает агрономом? Это хорошо, шефствуй над тракторными бригадами и полевыми станами. Жёнам надлежало быть образцом советской морали и добродетели. Материалы о всесоюзных шабашах номенклатурных энтузиасток сохранились в Российском (Красногорск) госархиве кинофотодокументов. Забавные вещи! Сталин в прибое ошалевших от счастья женщин. Через год-полтора большинство из них станут ЖВН (жёнами, точнее — вдовами врагов народа) и до смерти будут клясть корявого недоноска. Я расскажу о событии местном — слёте жён директоров МТС Челябинской области.

Слёт состоялся в мае 1936 года. В торжественном президиуме сидели вожди: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Калинин, Чернов, Яковлев, Крупская, министр совхозов Калманович и секретарь Челябобкома ВКП(б) Рындин. Зритель-

но улавливался один Рындин. Остальные воспринимались только способными к медитации и спиритизму.

«Затем появились вожди, — открывают стенограмму воспоминания делегатки всесоюзного слёта спецбаб Тофило, — великое чувство радости охватило всех. Овации, несмолкаемые приветствия, выкрики, казалось, разорвут стены. А затем, когда скоро появился Сталин, ещё большие чувства прибавились, и это чувство вылилось через край. Женщины от избытка чувств стали плакать. Много, очень много слёз было. Редкая женщина не плакала. Это были слёзы радости. Вождей наших засыпали цветами. Зал был большой. Он вмещал три тысячи с лишним женщин. И вот цветы перебрасывались с задних рядов в передние, ближние подхватывали, так что весь зал представлял собой конвейер цветов... Товарищи, мы все с вами любим своих вождей, мы все с вами знаем, что такое вожди... Наши вожди, несмотря на великую работу, которую они проводят, все они выглядят прекрасно, все жизнерадостные и румяные... Я была на банкете у Орджоникидзе. Он с банкета ушёл последним в три часа ночи...»

«Я видела великого Сталина, — продолжила тему следующая всесоюзная делегатка, — вождя мирового пролетариата, этого гения, этого сверхчеловека. Не каждому дано счастье видеть Сталина. Я знаю, все женщины завидуют мне». Тепло отозвавшись о Серго Орджоникидзе, она всё-таки не стала рабою чувств и закончила выступление идеологически прилично: «Да здравствует лучший друг женщин товарищ Сталин!»

Очередь в Кремль, рассыпалась в приятных мелочах делегатка третья, занимали с четырёх часов утра, чтобы занять место поближе к президиуму. А женщины Азербайджана подарили вождю макет нефтяной вышки, фонтанирующий духами. Вспомнила про подарки другие. Под конец она не сдержалась и выдохнула с надломом души и голоса: «Да здравствует идейный руководитель женского движения Серго Орджоникидзе!»[83]

Женской натуры не отменить. Всё, что касается любви, должно быть крупным, впечатляющим и с усами. Тут вождь мирового пролетариата начисто проиграл вождю Тяжпрома. Проиграл, но хорошо запомнил. Нам не след впадать в пошлую ревность, мы простим замордованным нами женщинам их тайную любовь к лицам кавказского телосложения. Потому как сами не лучше.

Спецбабы, не видевшие Сталина, поделились опытом шефства и личного энтузиазма. «У нас есть один тракторист — Романов, — поведала жена директора Есаульской МТС, — он в прошлом году за лето один раз умылся, а сейчас он моется каждый день».

Шефством и нравственной перековкой деревенщины гордились многие жёны райноменклатуры. Раньше колхозницы матерились в бога и сплошь, теперь мата меньше и в процентном отношении, и качественно он стал мягче. Гостьи из Свердловской области поделились опытом проведения советских посиделок. На идеологические вечеринки в среднем приходило по 96 человек, хотя приглашались только девы социально непорочные. Да и как не придёшь, когда там прорабатывают вопрос об очередной вылазке троцкистов и борьбе с животноводством?

В ответ хозяйки могли похвалиться свежими ритуальными находками. В моду вошли красные «звездины», на которых младенцев погружали в купель под образами классиков марксизма, затем заворачивали в кумачовое полотнище и нарекали актуальными именами — Серпами, Гигантами, ВИЛами (Владимир Ильич Ленин), Домнами. По женской части предпочтение отдавалось революционной классике — Роза, Клара, Надежда.

«Вам, любимым руководителям большевиков Челябинской области, районное собрание жён специалистов, директоров МТС, стахановцев и ответственных работников Куртамышского района шлёт пламенный большевистский привет! Мы рады, что благодаря Сталинской заботе нас сегодня собрали на такой радостный праздник. Мы проработали итоги всесоюзного и областного совещания жён специалистов. Мы заверяем Вас, что со своей стороны примем все усилия для оказания помощи нашей любимой партии и вождю тов. Сталину в борьбе за 7–8 миллионов пудов хлеба в ближайшие 3–4 года, а по нашему Куртамышскому району не менее 100 пудов с гектара...»[84]

Сии верноподданнические послания повсеместно и регулярно (к праздникам, по случаю пуска очередной домны, цеха, завода) направлялись в парторганы. Как свидетельство должного политического рвения, заслуживающего сверхпайка. Самые цветистые послания иногда поощрялись. Корпус номенклатурных жён честно, со всей лютостью бабы, впавшей в бытовой коммунистический фанатизм, отрабатывал своё содержание.

«Ваши указания сделать кондитерскую промышленность Свердловской области такой же образцовой и хорошо работающей, как пищевая промышленность, возглавляемая наркомом пищевой промышленности Микояном, нами приняты как боевая большевистская директива...»[85] Легко догадаться, что обращение в обком писали жёны руководителей крахмалопаточных предприятий. Сладкого много. И чувств. Не грузин, к сожалению, но всё-таки Микоян! У простой работницы, получающей пятьсот грам-

мов хлеба на семью, эрогенные зоны искать бесполезно. Если она и расчувствуется, то в плане финальной ревизии прожитого.

Жена жене рознь. Одна, чтобы доказать верность мужу, должна была стлаться перед его начальством. Серое пролетарское супружество в чувствах грубее. Проституция духом и телом здесь презирается. Когда есть совесть, но ни ума, ни шарма, остаётся героизм трудовой. «В порядке социалистической помощи, — немного документальной пролетарской лирики, — жёны рабочих, дабы не допустить простоя вагонов под выгрузкой и погрузкой, выходили на субботники, разгружали руду, кокс, металлолом, заправочные материалы и погрузили готовую продукцию. По данным шести заводов (Чусовой), жёнами рабочих погружено и выгружено 9 тысяч вагонов. Только на Чермозском заводе жёны рабочих разгрузили 11 барж чугуна и металлолома... 168 тысяч кубометров дров заготовили жёны Надеждинского завода...»[86]

Тут надо обождать. Иначе перехватит горло от гордости за детско-бабий героизм. Обождать и подумать. Тогда и дыхание придёт в норму. Речь идёт о событиях 1933–1934 годов. На Севере полыхал голодомор вкупе с безработицей. Людей тысячами выбрасывали с заводов и предприятий. Наоборот, вагонов и барж катастрофически не хватало. Каждый руководитель шкурой помнил приказ Вышинского. «Во исполнение решения СНК и ЦК от 9 марта предлагаю предавать суду по закону от 7 августа как за хищение государственного имущества должностных лиц транспорта, парт-советских организаций за неплановые перевозки, злоупотребление своим положением, берущих взятки... По делам невыполнения государственного плана перевозок без вышеуказанных признаков... предавать суду по статье 59-3».[87]

Сидеть даже по пятьдесят девятой скучно, хотя она, в отличие от пятьдесят восьмой, не закрывает возможности попасть в зонные выдвиженцы — придурки. Обслуживать транспорт надо было срочно. На местах вагоны и баржи ждали как милость божью. Убогие да малые лезли разгружать оковалки не из чувства социалистической взаимопомощи, за авральную работу давали паёк и, следовательно, временное право на жизнь.

Жён пролетарских, а тем более деревенских, в Кремль не возили. Неудачно выбравшие мужей убивали здоровье на энтузиазме лесоповальном. Отличившимся на погрузке чугуна и на лесосеке вручали ударные книжки и премии. На Верх-Исетском металлургическом заводе ударным жёнам вручали по паре кур с петухом, на Чермозском — по паре разнополых кроликов.

Пишу эти строки не в насмешку над историей. Пишу в поклон и извинение перед оскорблёнными прародителями за короткую нашу память. Присмотритесь внимательнее к согбенным старушкам, что одиноко бьются у своих огородов и избёнок, что собираются по вечерам у городских подъездов. Это наша живая история. Загляните в их выцветшие от горя и слёз глаза, чтобы до боли сердечной понять, чьей судьбой оплачен наш политический авантюризм. Они это знают. Потому не обижайте их вопросами о массовом трудовом героизме. Вот все советские голодухи они помнят хорошо. И ту, что пришлась на детство, и ту, что была в юности, и послевоенную. За плечами у них только нищета, многие и сегодня живут в нищете кромешной...

Картина «массового трудового героизма» первых пятилеток будет и логически, и содержательно незавершённой, если не выписать хотя бы штрихами её главных персонажей — партийных легионеров, о которых так много писано, да не то сказано. Масштабы свершений тех лет от ГУЛАГа до агроГУЛАГа дают, так сказать, общий итог деяний партии, материализованный продукт её идейных устремлений. Будни же партийной номенклатуры, взятые в конкретной уральской обстановке, являли уникальные комбинации политического прохиндейства и произвола, корыстолюбия и внутриклановой грызни, морального разложения и прикрывающей всё примитивной до мракобесия идеологии.

Классовая свара за кусок хлеба, с позиций исторического материализма, есть основа общественного процесса. Кто гегемон, тот и чаще ест. В конце двадцатых по Уралу и стране прокатилась кампания муниципализации жилого фонда. Обращения в советскую собственность домов и квартир социально вредного элемента. В лучшую часть национализированного перебралась городская совпартноменклатура. Жильё похуже ушло под коммуналки пролетариату и советскому мещанству. Активист деревенский блаженствовал после раскулачки в домах сосланных. По схеме номенклатурной оседлости стала формироваться коммунальная служба. Городские сети водоснабжения, света, тепла запаутинились вокруг контор и жилья избранных. И тут, за несколько лет до голода, большевистский монолит под влиянием бытовой эрозии дал первые микротрещины.

Будучи профессиональным большевиком, платить за коммунальные услуги просто стыдно. Это что же получается, товарищи! Рвёшь жопу за мировой социализм, а за свет в туалете плати? Абсурдность ситуации уловили, и областной штат советской, партийной и карательной номенклатуры сразу вывели на льготы.

Правда, не весь. Из Москвы пришли директивы с раскладкой льгот до последнего пропагандиста.

Лучшее украшение всякой должности — зарплата. Преданность идеям мировой революции вообще-то ничего не стоит, если ты коммунист рядовой. Даже взносами приплачивать надо. Умственные потуги на этот счёт безвредны и хорошо упражняют интеллект. Другое дело, если ты кадровый или аппаратный работник. Вожделенная цель каждого рвущегося вверх выдвиженца не идейное совершенство, а позволяющее парить над нищетой жалование. Прикинем и мы цену беззаветной преданности идеям Октября деревенского, к примеру, большевика. Год тридцать шестой. На дворе развитой сталинский социализм, никто ещё не знает, что завтра будут снимать головы. Секретарь райкома ВКП(б) получает 350–400 рублей в месяц плюс на литературу и командировки, жалование инструкторов — 300–350, пропагандистов — 200 рублей. По райкому на зарплату, вместе с прислугой, уходит в месяц около четырёх тысяч целковых.

Голыми купюрами шелестеть не будем, а сядем сразу на чистейший марксизм и сравним доходы на основе трудовых затрат. В те годы совхозная доярка заколачивала на каждой корове по полторы копейки в день. Три литра по 0,5 копейки. Про колхозных доярок говорить неуместно. Когда я попросил знакомую бабу Катю, отработавшую всю жизнь на ферме, вспомнить хотя бы приблизительно свой годовой денежный заработок, она округлила его до «ни хера». Так вот, при тех надоях за рублёвку беспартийная энтузиастка должна была вручную подоить 70 коров. Чтобы отработать свой месячный заработок секретарю райкома на пару с заворгом надо бы доить половину всего колхозного поголовья района. Где-то по тысяче голов на кадра. Если доярка может управлять государством, то секретарю райкома мять вымя — самая подходящая по его средне-коридорному образованию работёнка.

Считать неявные статьи партийных, а равно и судебно-карательных расходов тогда не позволяла большевистская совесть. Почему последнюю намертво заклинило, в какой-то мере объяснит частный факт из жизни Челябобкома ВКП(б). Ровно за полгода до ареста Кузьме Рындину поступила бумага за подписью заворга ЦК партии Стецкого — смета расходов обкома на 1937 год по линии партийной пропаганды и агитации. Из республиканского бюджета (!) было ассигновано три с половиной миллиона рублей, из коих треть шла на содержание 66 парткабинетов, 250 тысяч — на парткабинеты заводские, 660 тысяч на оплату 125 штатных пропагандистов (по 5 тысяч на брата), 220 тысяч на содержание

трёх домов политпросвещения».[88] Был март, по деревням области от голодухи вымирало детство. Спасительная булка хлеба стоила трёшку. Партия сурово указывала перстом на врагов народа, уводя взоры нищих от номенклатурных кормух, над которыми густо роились идеологические трутни.

Денежное довольствие наёмных энтузиастов натурально подпиралось пайком. Это очень важное обстоятельство, ибо советский рубль до самой смерти оставался не всеобщим эквивалентом стоимости, а её тенью. Прямой выход на кусок хлеба гарантировал выживание. В году 1932-м, в Рождество Христово, настоящим большевикам выпало большое житейское послабление. Не от Бога. Постановлением Уралобкома от 7 января, с восторгом списанного с цековской директивы, партийный аппарат был переведён на гарантированный государственный харч. Районным и областным органам власти дали право оставлять часть продукции, выжатой из деревни, для внутреннего потребления. Но только при условии выполнения планов, любая задержка каралась сдачей всего зерна. И правильно, какой же хозяин кормит собаку перед охотой?

Государственное мародёрство, таким образом, гармонично увязывалось с алчностью местных большевиков. Процент, оставляемый на прикорм, был мизерным. И всё-таки радовала гарантия от голодухи и перевод грабежа из действия индивидуально творческого в нормативно государственное. Оставленный на местах продукт делился классово. Тезис о руководящей роли партии доминировал, хотя на объедках с московского стола сразу же повис целый рой прикормышей. Всё коммунистическое поголовье Урала — к тому времени сто тысяч членов и девяносто тысяч кандидатов — на усиленный паёк рассчитывать не смело. Обком партии директивно установил порайонный контингент прикормышей и их кровородственных нахлебников.

Система внутрипартийных ценностей обрела материалистически осязаемую меру — паёк. Снабжение сразу же строго дифференцировали во избежание обезлички кадров. Для сельских райкомов, это естественно, контингент и нормы определили поменьше. «Имейте же совесть, — парировали скулёж сельских коммунистов, — ведь на хлебе сидите! Чтоб человек с наганом, да при власти, да на деревне и не прокормил себя?» Райкомовской элите — членам бюро и членам президиума райисполкома — установили паёк по первой категории. Дабы дистанция улавливалась в быту, развесили пайки иждивенцам. В потребительском пространстве дед заворга, к примеру, отстоял от бабки секретаря райкома пропорционально иерархии номенклатурных внуков.

По второй категории питалась партактивная инструкторско-пропагандистская чернь. Во избежание мук зависти пришлось развести категории по разным магазинам или обслуживать в разное время. Судебно-репрессивный аппарат, включая ОГПУ, получил не шикарный, но калорийный красноармейский паёк, что вполне соответствовало характеру их работы и трудовых затрат.

По мере роста трудностей чекисты не стали ждать милостей от родной партии и аккурат под самое утро голодухи, 2 ноября 1932 года, ПП ОГПУ на Урале издаёт чрезвычайно полезную бумагу. В ней приказывалось «приступить к организации свиноводческих и кролиководческих хозяйств во всех районах, частях РКМ (Рабоче-крестьянской милиции — **А.Б.**), органах ОГПУ и ВПК с таким расчётом, чтобы к концу 1933 года все закрытые столовые, детясли и другие учреждения ОГПУ, РКМ и ВПК были переведены на собственное мясо и жиропродукты».[89]

Порядки в ГУЛАГе погуще, чем в колхозе, поэтому жиропродукты в чекистском котле не переводились всю голодуху. Суды и прокуратуры свинарников держать, естественно, не могли. Контингент в КПЗ временный и очень ненадёжный. Но, понимая свою значимость в деле строительства коммунизма, голодом сидеть никак не хотели. Поэтому с началом каждой репрессивной кампании правоподсобники донимали партийные органы требованиями пайка и льгот.

Советским учреждениям позволили открыть свои внутренние распределители, только без особых претензий. Ведомственные и иные распределители создавались с разрешения парторганов при наличии собственных источников съестного. Покусительство на партийный паёк квалифицировалось как заразнейшая форма оппортунизма. Ударные распределители, о которых упоминалось, росли из другого пенька. Здесь повышенная калорийность пайка достигалась элементарным распределительным действом - сокращением нормы основной, но не ударной массы.

Исходя из руководящей роли партии, большевики люто следили за ассортиментом закрытых кормух. «Райком предупреждает, что в случае проявления отсрочек, тормоза или нежелания выполнять решения об улучшении снабжения партактива, будут приняты меры партийного воздействия как за срыв решений обкома партии». Такие депеши повсеместно и срочно разбрасывали во все кормные места. Прикинем на руке месячный паек, к примеру, камышловского профессионального сельского революционера. Год 1933, тот самый, когда беспартийные и рядовые партии мёрли с голоду. Проходящая по первой категории кадровая особь получала

в месяц: муки — 18 кг, мяса — 3 кг, сахара — 2,5 кг, масла сливочного — 1 кг, масла растительного — 1 кг, рыбы — 3 кг, печенья — 2 кг.[90] Иждивенческий номенклатурный паёк чуть тоньше.

Строго по чинам распределялись и промышленные товары. Рядовые партактивисты могли легально шариться на районной торговой базе. Секретарь райкома был приписан к базе областной. На пути растущих потребностей вставал товарный дефицит. Большая часть местного аппарата выказала уникальные способности к промыслу на стороне. От наезда, как бы невзначай, к свежезабитой колхозной скотине или иному дележу, до творчески индивидуального объегоривания деревенских.

Саврасовский пейзаж с натуры тихого Багарякского района. Начальник райотдела милиции Русских вызвал колхозника на допрос и «предложил» ему продать свой хлеб за велосипед для главного милиционера. Колхозник согласился, не выслушав альтернативного варианта событий. Начальник райотдела НКВД Барышников, пронюхав о манёвре своего коллеги, вызвал к себе председателя одного из колхозов и вскользь выразил пожелание иметь часы, которые продавались только в обмен на хлеб. Председатель охотно не возразил. Таким же образом приобрёл часы следователь; редактор районки, управляющий отделением Госбанка и директор маслозавода выменяли на колхозный хлеб по велосипеду, а секретарь райкома партии — патефон...[91] И этой бумаге верить можно, ее написал Сталину председатель райпотребсоюза.

Эталоном социалистического распределения на Урале были обкомовские кормухи. В тридцать третьем, к примеру, на откорме столовой Уралобкома ВКП(б) состояло 1300 фуражных энтузиастов. Секретные финансовые документы спецмагазина № 36, обслуживающего обком партии и облисполком, свидетельствуют, что по централизованным фондам обеспечено стопроцентное выполнение планового товарооборота. Кроме того, во исполнение директив об улучшении снабжения партактива соответствующими отделами Уралобкома ВКП(б) были заключены прямые договора на дополнительную поставку со «Скотоводтрестом», «Маслопромом», «Союзрыбой», «Союзмолоком», «Уралохотсоюзом», Шарташским тепличным хозяйством и другими очень полезными организациями.[92] Многие предприятия, фальшиво удивлялись работники снаботдела, отказываются от всяких договоров и соглашаются услужить в любое время по доверительным запискам..

Чтобы пресечь всякое возвышенное нытьё про великодушие партийных руководителей и их заботу о простом народе, скажу, что ни один из двухсот райкомов Урала ни единожды, даже в са-

мую лютую голодуху, не отказался от номенклатурных пайков в пользу вымирающего детства. То же самое отнесите в адрес представителей родной советской власти, номенклатуры карательной и военной. Наоборот, в переписке с обкомами вновь образованных областей просьбы об увеличении аппаратного пайка есть изо всех без исключения райкомов. Тут время вспомнить про дополнительные льготы комиссарам деревенским. От сельхозналога и всевозможных индивидуальных заготовок освобождались секретари райкомов и предрики, прокуроры и судьи, гепеушники и уполномоченные комзага. Весь гвардейский карательный корпус деревенского большевизма.

Подлость многолика. Примером даю документальный штрих из хозяйственной жизни голодного тридцать третьего. «Решением обкома ВКП(б) от 5 марта 1933 года обязали наш комбинат отгрузить на экспорт в марте месяце бекона 40 тонн и языковых консервов 21200 банок... Языковых консервов отгружено 22929 банок, или 108% месячного плана, а квартальное задание выполнено на 130%. Бекона в марте отгружено только 9,6 тонн, невыполнение плана отгрузки бекона объясняется тем, что Заготскот и Свиноводтрест не выполняют решения обкома - подачи бексвиней в марте 1000 голов...»[93] Цитировалась служебная записка курганского мясокомбината в адрес Челябобкома ВКП(б). Но речь не о свиньях, которых, кстати, пять лет назад отправляли в Европу в пять раз больше и из сытой страны. Разговор о свинстве тех, кто тащил народ за волосы в социалистическую нищету.

За ублажённое брюхо и тщеславие кадровые энтузиасты платили лакейством, которое называлось большевистской преданностью. «Мы просим партийную конференцию, — читаем обращение работников Тракторостроя, — возбудить ходатайство перед вышестоящими организациями о переименовании Челябинска в город Коба — имя, которое носил тов. Сталин в славные годы своей подпольной революционной работы в рядах большевистской партии под руководством тов. Ленина. Город под руководством партии и её лучшего рулевого тов. Сталина вырастает в крупнейший индустриальный центр, не может больше носить названия Челябы (в переводе на русский — яма)».[94] Скоропостижное озарение 14-тысячного коллектива состоялось где-то часа в четыре пополудни 26 августа 1931 года. И всем захотелось Кобу. Не Виссариона или ещё лучше — Осю, а именно Кобу.

«Сегодня с утра, — вещала на следующий день газета «Челябинский рабочий», — на всех предприятиях и стройках города проходят массовые митинги-летучки, посвящённые обсуждению

обращения рабочих и специалистов Тракторостроя. Рабочие города единогласно поддерживают... Собрания проходят под лозунгом «Просьбу о переименовании Челябинска в город Коба подкрепим ударной работой по выполнению шести боевых указаний тов. Сталина». Гвоздём экстренного выпуска шло сообщение о собрании литейщиков завода имени Колющенко, состоявшемся в час ночи. Хоть и не вовремя приспичило, но поддержали единодушно. В ночной смене, кстати и совершенно случайно, оказался корреспондент областной газеты.

Из земляков делали дураков. Через три дня на партийной конференции секретарь горкома говорил от имени 70 тысяч пожелавших жить в Кобелянской или Кобылянской области. Спустя неделю горсовет отредактировал идею в ходатайство многотысячных масс трудящихся и передал таковое в Уралсовет. Там оно стало требованием всех трудящихся города с опостылевшим названием Челябинск. Бумагу отправили во ВЦИК.[95]

В Москве к делу отнеслись более спокойно. Во-первых, подмахнуть вождю норовил каждый обком и крайком партии, рассчитывая в итоге на послабления. И из политических проституток сначала снимают лучших. А тут лезет городишко пока даже не областной. Всякий проходимец, во-вторых, волею случая выброшенный в вожди, просто ненавидит своё никчёмное прошлое. Какому вождю народов, скажите пожалуйста, понравится, когда холуи лезут с прежней его бандитской кличкой.

На Урале и без того рябило в глазах от вождеимённых колхозов, предприятий, улиц. Это сейчас привычно, вроде в летах и при полном уме, а не шокирует. С площади Революции попал на проспект Ленина, свернул на Воровского, потом на Советскую, через пару кварталов — на Сони Кривой и вышел на Розы Люксембург. У национально девственной особи поехала бы крыша. Но когда всю жизнь прожил в Свердловске по улице Дзержинского, отработал до пенсии на фабрике имени Крупской, ни хрена с тобой не случится. Ум легче потерять, чем снова найти.

Особенно хороша в этой экзотике Пермь. От ультрареволюционных реквизитов веет осенью тридцать седьмого. Комсомольский проспект, Коммунистическая, Большевистская, Советская, Ленина... Весь старинный центр сверху похож на зарешеченное окно в коммунизм. Забываешь, на каком свете живёшь. Хочется в тон обстановке и связь эпох запеть на известный мотив Антонова — прошёл по Гитлерюгенда, свернул на штрассе Геббельса...

Вождей провинциальных жгло честолюбие. На карте страны появились Сталинград, Сталинабад, Сталино, Ворошиловград, не

один Ворошиловск, Калинин, Киров... Естественно было предположить, что и на карте Урала возможны свежие имена. Но, как положено при демократическом централизме, ждали, когда наедятся вожди кремлёвские. За ними пошли просто наркомы и вожди с неприличными фамилиями. Этим давали города и районы по окраинам Союза, азиату привычнее коверкать язык в разных там Орджоникидзебадах или Микоян-Шахарах.

К середине тридцатых дошла очередь до краевых вождей. Сначала их не баловали, так — совхоз или пару колхозишек обзовут. Но гвардия местных холуёв донимала центр «единодушными» пожеланиями трудящихся. Обкомовские присматривались к уральским городкам с невыразительными и устаревшими названиями. Районное звено грело душу мечтой о собственноимённой деревне или артели. В тридцать пятом пришла разнарядка на один город. Надеждинск переименовали в Кабаковск...

Льстили вверх, понимая, что лгут, били нижестоящих в осознании невиновности тех. Как только кто-то срывался, вслед ему неслись самые грязные слова бывших «товарищей». Умирал вождь, и на могилу выливались помои целой эпохи. Быть рабом подонка, – что может быть тяжелее и позорнее такого ярма. Когда наступят времена борьбы с врагами народа, кадровая душа совсем окаменеет от страха. Останется расторопное лакейство и глубоко запрятанная ненависть.

Низовой большевик и вовсе жил наобум. Райкомовские унтер-офицеры нервически шарахались из угла в угол, озадаченные очередной пожарной директивой. Соизмерять поступки с умом и совестью было некогда. Вышли мы все из народа, и, чтобы не сорваться туда снова, приходилось колотиться. Суета порождала толчею, та, в свою очередь, – внутриаппаратную грызню. Особенно невыносимую потому, что внешне она зализывалась обязательной протокольной вежливостью.

Комиссары в открытую травили деревенщину и втихаря изводили себя. О борьбе с мужиком многое сказано. Кроме, может, идейно-бытовых фантазий и самого мелочного промысла. Всесоюзно и в каждом дворе собирали на модные тогда дирижабли со звучными именами: «Клим Ворошилов», «Правда», «Наш ответ империалистам», самолёты назло папе римскому, комсомольские подводные лодки. Земляки регионально скинулись на танк «Уральский безбожник» и дирижабль «Выдвиженец». Брали деньгами и продуктом, барщиной и облигациями. Клянчили серьги, кольца и драгоценности. Не брезговали мелочью. «Беднячка Якимова Ефанасья внесла на постройку дирижабля 1 рубль 50 копеек,

бедняк Медведев — 50 копеек...» Гроши, собранные с нищеты, шли на сооружение обозначенных декораций или пропивались местными инициаторами. МОПРы, Осоавиахимы и иные кровососущие донимали жителей барачного социализма и идущих по столбовому пути колхозников...

Эпоха жестокости, подлости и лицемерия утонула в бездне времён. Закоптелыми окнами глядят в мир нынешний одряхлевшие гиганты первых советских пятилеток. Они помнят красную ложь плакатов, призывающих к труду коммунистическому, колонны зеков пятидесятых, работавших до обморока малолеток войны, своих оборванных и голодных строителей. Помнят всех не восторженными болванами, а страдальцами. Жаль, что седые руины немы и не могут укорить большевизм во лжи.

Проводим благодарным взглядом проходящую в небытие первую колонну советского «массового энтузиазма». Ложных и пышных слов не надо. Либо осени крестом прародителей и тихо забудь, либо помни о них.

Но помни только правду.

Глава 8
Чертогон

С первых дней аграрных экспериментов новой власти пришлось иметь дело с сырым биологическим материалом. Всё формально осовеченное население, исключая вождей, представлялось пассивным конгломератом, из коего следовало выделить общественно полезный ресурс, а остальное отправить в отвал истории. Система комвоспитания принимала в расчёт, что разом вышибить из человека веками формирующиеся пороки не удастся. Поэтому технология строилась на последовательной цепи воспитательных мер. От грубой перековки уравновешенного сознания и осмысленных житейских поступков в классово завистливое понимание мира и ритуальность поведения — на первом этапе, до тонкой доводки под большевизм высшей пробы — в перспективе.

С технической стороны, воспитательный процесс был схож с перегонкой нефти, или совсем близко, с изготовлением самогона. На каждой ступени социального подъёма подопытное население искусственно расщеплялось на основные компоненты — лояльных хотя бы по внешним признакам энтузиастов и элемент антиобщественный. Постепенное выжимание людского шлака действует в прогрессивном направлении, которое определено тезисом «народ и партия — едины!» Абсолютное тождество убило бы диалектику. Поэтому рафинирование десятой доли населения России в штатных коммунистов можно считать вполне приличным итогом семидесятилетней практики большевизма. Итог положительный в том смысле, что гарантирует преемственность и необходимый уровень оголтелости нынешних политических решений.

Черновой разброс деревни на нужных и ненужных начался в тридцатом. Кулаки, сказал в историю Ильич-классик, самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры. И потом добавил:

«Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно».

Раскулачка и ссылка открыли эту войну. На Урале массовое возникновение вооружённых мужицких банд отметили ещё весной тридцатого. «На территории Николаевского сельсовета Ирбитского округа появилась банда в 18 человек из кулаков, выселенных из этого же округа... Задержана и разгромлена банда на границе с Башкирской республикой...»[1] В самом деле, одновременно с кампанией ссылки повсеместно возникают скрывающиеся в лесах группы беглых. Практически в каждом районе. Если посмотреть на отгрузочные реестры выселений с комментариями райГПУ, то в некоторых деревнях количество хозяев, ударившихся в бега, превышает половину. Для многих дезертиров начало трагедии представлялось лишь демонстративным мероприятием власти, которое можно переждать. На первых порах никаких ответных или насильственных действий такие группы не предпринимали. Порой они поддерживали тайную связь с родственниками и пытались узнать о судьбе семьи.

Надежды на лучшее не оправдались. Уральская прокуратура директивно оповестила районные карательные органы, что фактом побега кулаки перевели себя в новый статус, ибо дезертирство из-под ссылки карается концлагерем. Как государственные преступники они должны быть немедленно арестованы либо уничтожены. Оперативные документы ОГПУ остаются закрытыми поныне. Приводимые иллюстрации взяты из оперсводок особого отдела ПП ОГПУ в адрес Уралобкома ВКП(б).

«23 февраля, — сообщает оперсводка от 3 марта 1930 года, — на территории Тавдинского района, граничащего с Тюменским округом, около деревни Миасской появилась вооружённая банда в составе шести человек из бежавших кулаков. Бандиты живут в землянках. Продукты питания доставляются семьями кулаков. Выброшенные Ирбитским и Тюменским окротделами ОГПУ опергруппы точного местонахождения банды не установили. Предполагается, что банда скрылась в Кондинских лесах Тобольского округа. Приняты меры к установлению точного местонахождения банды и её ликвидации».[2]

«Банды» возникали в Ишимском, Шадринском, Тюменском и других округах. Пассивное сопротивление нарастало и катилось волной за кампанией выселения. Поступающие в обком ежедневные оперативные сводки заметили эту взаимосвязь. В районы дали срочные директивы на предварительный арест всех мужчин из семей, подлежащих высылке. Успокаивало органы другое обстоя-

тельство. Большинство групп формировалось из местных беглых кулаков, они были территориально маломобильны. Всё это исключало возможность какого-то организованного фронтального выступления. К осени центр сопротивления постепенно сместился на Север, к столицам социалистической колонизации Урала. Беглые нащупывали путь к своим семьям.

Следующий год выдался буйным. Ударники лесозаготовок возвращались в вымершие и постаревшие спецпосёлки. Лишь высшая степень гражданской и интеллектуальной продажности толкнёт к поиску здесь массового энтузиазма. Скорее предположить то, что и произошло. Беспредел государственной жестокости заставил покорного даже при раскулачивании мужика броситься от отчаяния в бунт. Надо заглянуть в документы неизвестной гражданской начала тридцатых, чтобы оценить по-новому и «героизм» властей в подавлении народного гнева, и то, что мы и сейчас называем кулацким террором. Кстати, о масштабах последнего. По данным ПП ОГПУ на Урале, за 1930 год кулаками совершено 50 убийств, 146 покушений на то, 266 избиений активистов, 346 поджогов и 77 актов вредительства.[3] Сравнимо ли это с масштабами погромов раскулачивания и жертв ссылки? Той зимой только в петлю от горя залезли более двухсот баб. Вспомним про многие тысячи вымерших по пути.

Пережив лютую зиму и, натерпевшись всего, ссыльные напролом двинулись к югу. Веером рассыпались группы беглых по стране. Бежал не только местный, но и сосланный издалече. Бежал другой люд. Не выжидающий милости государства, а озлобленный до беспамятства. Значит, готовый на всё. Вспыхнула лесными пожарами тайга ссылки. Потом дошла очередь до колхозов. Были и те самые выстрелы из ночи. Типичное донесение тех дней: «Пожары принимают в Исетском районе угрожающие размеры. 7 июля сгорело колхозное имущество в Исетском. 16-го снова пожар в Исетском и других сёлах, 19 июля пожар в селе Красновал и Елешино, 28 июля пожары в Сунгуровском районе. Сейчас горят леса в Исетском районе, Боровлянской гослесдаче... Группируются кучки вооружённых бандитов, которые организуют вышеперечисленные пожары. Они же, есть случаи, берут колхозных лошадей на полях, забивают мелкий скот, распускают всевозможные контрреволюционные слухи и угрозы по адресу колхозов и отдельных лиц».[4]

Подобные сообщения практически поступали из всех районов Большого Урала. Тревожно застучали сводки ГПУ. «Еловский район — оперирует вооружённая банда в составе шести человек...

На границе Исетского, Суерского и Белозерского районов обнаружена группа бандитов в числе 8 человек. Банда состоит из бежавших с места ссылки преступников и кулаков. Бандиты вооружены винтовками, обрезами и наганами... Ялуторовский район. 23 июля была произведена облава для поимки скрывающихся бандитов-кулаков. Во время облавы бандиты отстреливались и скрылись в тайге... Ялано-Катайский район. Банда в числе 5 человек-татар приступила к активным действиям... Тавдинский район. Действует банда из бежавших от ссылки кулаков... Надеждинский район. За июнь-июль 1931 года участились побеги из ИТК и спецпереселенцев».[5]

Сводки Уральского областного отдела милиции отмечают в 1931 году резкий подъём бандитизма, грабежей и насилия. Большинство преступлений, судя по отчётам облсуда и прокуратуры, прямо или косвенно спровоцированы политическими обстоятельствами. Признают это и авторы отчётов, но без намёка на порочность государственной политики. Подозреваю, что они думали, вслух полагалось обвинять только кулака.

Пугал не только шастающий по лесу мужик, каждый пришлый в деревне испытывал косой взгляд власти. «В последнее время, — директива повсеместного значения, — наблюдаются случаи бегства кулачества из спецссылки. Беглое кулачество разбегается по сельской местности, укрывается по всевозможным ложным документам в колхозах, совхозах, МТС. Имея ненависть на Советскую власть, репрессированный элемент занимается хищениями социалистической собственности, поджогами, вредительством и т.д. В целях борьбы с побегами ссыльного элемента и предупреждения всякого рода вредительских действий: в случае появления кулаков без документов об освобождении на вашей территории немедленно их задерживайте и направляйте в распоряжение райотдела ОГПУ; всех вновь прибывших регистрируйте, тщательно проверяйте и обо всех подозрительных немедленно сообщайте в райотделы ГПУ».[6]

Власть хорошо помнила события десятилетней давности, когда мужицкое ополчение, вооружённое берданами и самодельными пиками, освободило территорию нынешней Тюменской области. Крайней жестокостью Ишимское восстание подавили. Толпы местных мужиков-шатунов и пробирающихся на юг беглых наводили на неприятные предчувствия. По всему поясу ссылки создали санитарную зону для отлавливания дезертиров.

Банду и судить надо за бандитизм. Хорошо, если перехваченные на бегу сумели что-то натворить. А если их поймали без до-

кументов, без оружия и без намерений? Проще, со второй половины тридцать первого все отловленные кучкой и в розницу пошли членами повстанческих организаций. Партия, укравшая власть вероломством, больше всего боялась ответной расправы. Пойманных и уличённых можно было подвести под террористический акт или вредительство, статья 58, дробь 8 и 9. В случае, когда дезертиры вели себя тихо и не выказывали контрреволюционных намерений, следствие садилось на статью 58-11.

«Всякого рода организованная деятельность, — так стучит последняя дробь, — направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы».

В свете данной поведенческой нормы сборище совграждан может быть квалифицировано трояко: как санкционированное партией общественное мероприятие (субботник, Союз писателей, комитет содействия прокуратуре и т.д.), антисоветская организация, политически нейтральная пьяная компания. Поскольку долгое время естественная потребность к общению удовлетворялась в нейтральной форме, многие сопровождающие эту процедуру моменты выродились в привычку. С объявлением нынешних свобод демократические организации, быстро разогревшись, стали нарывистыми, члены таковых, набравшись свободы до упора, начали молотить друг друга. Блестящие в прошлом демлидеры смотрятся суетно, особенно на фоне коммунистов, сохранивших и после воскрешения холодную мировоззренческую ненависть.

За совместный умысел по статье 58-й полагался «расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества».

Всё ясно? Теперь поставьте себя на место командира опергруппы ГПУ. Гоняться ли с риском для жизни за рвущимися насквозь бандами, к примеру, казаков и хохлов, или наловить без риска местных лесных шатунов, околачивающихся вокруг родной деревни? Второе предпочтительнее во всех отношениях. Раскинем умом. Там есть диверсия, а будут ли преступники — неизвестно. Значит, прохлопал и вредителей, и их преступные действия. Тут

всё наоборот. Злоумышленники — да вот они, и злодеяние предотвращено. А как же, рады стараться, товарищ командир! Шероховатости при оформлении бумаг мизерные. Бежали со ссылки вместе, преступная организация уже есть. Остаётся осторожно, без нажима назвать её повстанческой. Позывы к восстанию проходят по самой серьёзной — второй части статьи 58 УК. Где смягчающим обстоятельством может быть самодельная петля в камере.

Крестьянское сопротивление политике начала тридцатых. Это белое пятно в тёмной нашей истории. Сейчас не до него. Многие пишут о себе. Каждый, случаем продёрнутый через нынешнюю власть, торопится мемуарно заморозить себя в истории российской. История возвышенной лжи уступает место хронике озлобленных сплетен и самовосхваления. Кто примет за науку жизнеописание, где мужичьё-кулачьё оптом, а жизнь — за горсть зерна? В назойливость приведу ещё один документ, подготовленный ПП ОГПУ на Урале в ноябре 1931 года.

«Москва. ЦК ВКП(б). Тов. Сталину.

...Установлено, что повстанческими организациями велась работа ещё с августа месяца и постепенно охватила целый ряд районов бывшего Пермского, В-Камского и Коми-Пермяцкого округа. Повстанческие организации имеются в Косинском, Кочевском районах Коми-Пермяцкого округа, — в Майкорском, Камско-Берёзовском районе бывшего В-Камского округа, в Чермозском, Сергинском, Берёзовском, Усть-Кушерском, Кунгурском, Суксунском, Ординском, Лысьвенском, Чусовском районах бывшего Пермского округа. Во всех этих районах формировались повстанческие ячейки, при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков, бежавших заключённых из исправдомов и местных антисоветских элементов.

Наличие повстанческих организаций в этих районах подтверждается следствием и оперативной работой ОГПУ, и, по всей вероятности, они связаны с невыясненным пока руководством, находящимся в некоторых сельскохозяйственных районах и промышленных центрах...

Всего по повстанческим группировкам на сегодняшний день арестовано 87 человек. При аресте изъято оружие. 17 ноября предполагалось выступление в ряде районов и сельсоветов, но не удалось только потому, что это совпало с операциями органов ГПУ по этим районам и были сняты гонцы повстанческих групп, которые должны были оповестить о начале выступления. Выступление намечалось под лозунгами: «За новый порядок без коммунистов!», «За свободную торговлю!», «За вольный рынок!», «За

несдачу хлеба государству и оставление его на местах!». Повстанцы усиленно занимались вербовкой спецпереселенцев.

Наряду с этими повстанческими организациями на западном склоне Урала выявлена поповско-кулацкая монархическая повстанческая организация на востоке Урала (в бывшем Тюменском, Ишимском и Курганском округах). Эта контрреволюционная организация возглавлялась епископом Серафимом и начала свою деятельность с благословения Тихона и Петра Крутицкого ещё с 1924 года. По существу эта организация продолжала работу «Союза русского народа», который в этих округах в прошлом имел достаточно мощные ячейки. Почти каждый поп двух епископатов (Ялуторовского и Курганского) формировал вокруг своего прихода повстанческие группы из членов церковно-приходских советов и кулаков. Арестовано около 90 человек, в том числе два епископа, 4 благочинных, 20 попов, 8 монашек, остальные кулаки и бывшие бандиты. Из всех показаний арестованных вытекает, что эта организация должна была поднять восстание в момент интервенции. Контрреволюционная организация присвоила себе название «Союз благоспасаемой России».

Кроме того, ещё в сентябре ликвидированы две повстанческие организации (около 100 человек) в районах бывшего Нижне-Тагильского, Ирбитского и Тюменского округов. Эти организации состояли преимущественно из сбежавших и выселенных кулаков. Характерная особенность поповско-кулацкой организации состоит в том, что она развернула работу на более узких участках связи Урала с Сибирью (Омск — Тюмень, Омск — Курган), что, очевидно, вытекает из стратегической установки этой организации — в момент интервенции отрезать Урал от Сибири».[7]

Такими депешами из уральских, да и других российских палестин, чекисты доказывали, что едят хлеб не зря. В отличие от оперативных сводок в адрес Уралобкома ВКП(б), где россыпью шёл мелко-контрреволюционный факт, документы вождю тщательно редактировались. Канонически жёстко выдерживался букет определений контры. Следовало работать только в рамках терминологии, укрепившейся в столичном обиходе.

«Поповско-кулацкая организация», к примеру, по центральным директивам гуляла уже лет шесть-семь. Сначала, во времена измывательств над митрополитом, с угрожающим тоническим ударением на первой части эпитета, позднее — на второй. Пофантазируй урал-чекист куда-нибудь в сторону «поповско-троцкистской организации», пришлось бы давать объяснения, а то, глядишь, и излагать причины появления свежей пакости.

Хорошим тоном считалось хоть как-то пристегнуться к союзным карательным операциям. Начальник ПП ОГПУ Раппопорт удачно ввернул про связь с митрополитом Тихоном. Не с какими-то там «обновленцами», а именно с опальным митрополитом. Советская власть его ненавидела чуть меньше, чем папу римского. Такой ход, точно рассчитал гаулейтер Урала, наверняка понравится и Иосифу Джугашвили, и Минею Израилевичу Губельману — председателю секретной Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), вошедшему в советскую историю под стилизованной под Русь крышей — Емельян Ярославский.

Украшением темы массового вредительства стали национальные повстанческие организации, вдруг появившиеся в то же время. Большевистской идее унитарного государства с формальной декларацией национальных прав ненавистно всякое поднимание головы российских нацменьшинств, тем более противен антисоветский элемент с экзотическим оттенком. Ещё куда ни шло — туземец-большевик, но контра! Злонамеренных нацменов находили повсюду, но мы, для разнообразия, бросимся в пампасы западного уральского склона.

«Мы за то, — говорил Кабаков в 1931 году (по показаниям секретаря Коми-Пермяцкого окружкома Благонравова), — чтобы отдельные мелкие национальности в СССР растворились бы в русском народе; коми-пермяки — это такая национальность, которая не имеет собственной законченной культуры и над развитием хозяйства которой нет особой необходимости работать».[8] Аборигенам растворяться не хотелось. Позыв к самосохранению вылился в создание не санкционированного властью объединения представителей «незаконченной» национальной культуры, в которое вошли писатели и поэты (Зубов, Грибанов, Лихачёв). Судя по наличию абрамовичей в списке заговорщиков, дети суетного и талантливого племени приняли активное участие и в коми-пермяцком национально-освободительном движении.

Творческая группа тотчас же попала в повстанческие. Служители богемы — народ слабый, к допросам и пыткам не дюжий совсем. Интенсивное следствие вскоре установило, что основной задачей организации является вооружённое восстание против Советской власти. Это программа-минимум. В перспективе туземная контра мыслила объединение коми-пермяков с коми-зырянами, карелами, удмуртами и другими угро-финскими народами, создание угро-финской федерации. Сильным фрагментом обвинения звучит шпионаж в пользу Финляндии и ещё кого-то. Обвиняемые не могли вспомнить.

В краю, где спецпереселенцев и заключённых больше коренного населения, не обошлось без банд обычных, однако, будучи по преимуществу славянского состава, они программы-максимум не имели. Точного числа банд секретарь на допросе в НКВД не назвал, ограничившись неопределённым — много.

Весной 1931 года, когда ссыльные дезертиры потянулись на юг целыми косяками, домзаки и отчёты карательных органов страны, Урала в первую голову, забил повстанческий элемент. В моду вошло лепить пятьдесят восьмую каждому святому и лешему. Наркомюст издал тормозящий циркуляр. «Немедленно, — гласит документ, подписанный Крыленко, — прекратить практику произвольного расширения понятия контрреволюционного преступления, подводя под него лишь те действия, которые вызваны действительно мотивами классовой борьбы и классового сопротивления капиталистических элементов...

Полностью изжить вынесение необоснованных приговоров и искусственное отягчение обвинения по сравнению с тем, что действительно установлено материалами дела... Высшую меру социальной защиты применять как исключительную в случаях, когда это вызвано действительной необходимостью, имея в виду, что длительная изоляция, а тем более её максимальный срок — 10 лет со ссылкой и высылкой в условиях настоящего режима мест заключения являются мерой достаточно строгой и реальной... Прекратить практику передачи дел, по которым возможно применить расстрел, народным судам... Эти дела поручать исключительно постоянным и достаточно выдержанным членам краевых, областных и городских судов».[9] На деревне, рекомендует нарком, расстрел надо применять тоже с умом — только за поджоги, террористические акты и массовые выступления.

Естественные проявления жизни не подавить благочестивой наркомовской директивой. Жестокость вытекала из природы власти, поэтому советское правосудие и ухом не повело. Более того, через полгода облпрокуратура Урала категорически потребовала «ликвидировать оппортунистическое отношение к вопросам борьбы с вредителями путём привлечения к обычной уголовной ответственности...» Гнать их надо под пятьдесят восьмую! А ещё спустя полгода тот же Крыленко гневно испрашивает провинциальные суды — почему мало расстрелов?!

Для мощной карательной машины расправа с явным внутренним врагом не составила труда. Богатейший опыт борьбы совласти с вредительством в основном окостенел вокруг поиска и выявления сволочей тайных: либо засевших клопами в щелях

провинциальных, либо торчащих на виду, но удачно мимикрирующих под актуальные цвета политической жизни.

Экономическая природа колхоза такова, что не красть в нём невозможно. Как и невозможно быть не вредителями. Колхозная экономика постоянно плодит хищенцев и саботажников. На широкой платформе колхозной бесхозяйственности постепенно вырастает пирамида вредительства.

Если рядить о вредителе классическом, я бы начал с варварства технического. И вот почему. Не было ни одной колхозной молотилки, эксплуатация которой помимо основных функций не давала бы побочный уголовный продукт, то есть осуждённых работников. В самом деле, молотьба — тот технологический элемент, когда колхозник начинает работать непосредственно с зерном. Это втройне опаснее, чем шастающие по ночным полям «парикмахеры». Поэтому цепь технологических операций от молотьбы до элеватора нуждалась в сугубой охране.

Сначала всё выглядело по-детски. Местные уполномоченные и активисты, налёты пацанов «лёгкой кавалерии». Все они жрать хотят одинаково. «Потери зерна есть?» — сурово вопрошал партследователь бригадира. «Есть», — молвил тот. «Охрана была?» — «Круглосуточно». — «Откуда потери?» — «Охранники сами и пёрли!» Факт весьма обычный, а дословно взят из материалов чистки Бродоколмакского района.[10]

К четвёртой колхозной страде власть поумнела окончательно. На токах народных инициаторов заменили профессионалы. Постановлением Челябобкома от 2 августа 1934 года, исключительно примером, а не панорамой, в колхозные молотильные бригады направили более 1200 коммунистов и 500 комсомольцев. По два большевика на молотилку в дневную смену и по комсомольцу в ночь. Следить за энтузиастами. Чтобы партийцы бдили от души, их надо было кормить не из охраняемого бурта. «Командируемые в подшефные районы коммунисты и комсомольцы, — озаботилась партия, — используются на работе в качестве весовщиков и получают за свою работу зарплату и премии натурой от МТС, согласно постановлению правительства... Обязать все организации, в которых работают командируемые на уборку, сохранять за ними за всё время пребывания на уборке занимаемую ими должность».[11] Какая-нибудь местная Лукерья, способная стоять при весах за пустой трудодень, не проходила по морально-государственным признакам.

Вид тщательно взвешивающего твой хлеб большевика абсолютно неприятен. Холодный немецкий педантизм, например,

склонился бы в данном случае к рациональным мелочам и поиску компромисса. Мы совершенно другие. Хоть думаем тем же местом, но иначе. Сунуть первую попавшую под руку железину в барабан молотилки, чтобы агрегат заскрипел в судорогах, нам предпочтительнее и по духу, и по нашему аршину справедливости. В молотилки полетело всё. Чем меньше молотим, тем дальше от голодухи. Из уголовных дел по сельскому вредительству ясно, что порча молотильных агрегатов — излюбленный метод срыва работ. По факту порчи техники без околичностей давали статью 58-7. И ни в коем случае здесь не вылазить на статьи просто уголовные, предупреждал циркуляр Наркомюста от 1 июня 1934 года.

Были ли дела липовые? Были, примерно через раз. Приходилось порой инспирировать злой умысел при некриминальных обстоятельствах. Советская техника, было бы вам известно, сама по себе не ломается. Это, во-первых. Вредитель, во-вторых, нужен был всем. Его десятилетний срок как-то оправдывал отставание от плана и украшал отчёты органов бдящих. Какой же ты «зоркоглазый страж пролетарского государства», если уезжаешь из колхоза без саботажника? И судья ты не народный, а буржуазный прихвостень, если...

«Во время уборки были факты саботажа — сначала убирали худший хлеб для государства, а лучший оставляли себе (виновные сразу же осуждены)... Хлеб не сушат специально, потому что сырой хлеб элеватор не принимает...» (Лопатинский район). «Прокуратура и суд весь апрель, май, июнь месяцы были в разъездных судебных бригадах (обслужили все сельские советы, а 8 из них на 2 раза). Судом с участием прокурора проведены показательные процессы на местах. Все дела создавались и рассматривались немедленно». (Троицкий район).

«Меры судебного воздействия на уборочную, — это из Шумихинского района, — возбуждено 12 дел, привлечено к суду 25 человек (на всех отпущено 122 года — **А.Б.**). За время уборочной, обмолота и хлебозаготовок была организована охрана в виде контрольных постов, застав, засад и объездов... Охвачено 1595 человек. В колхозе «Большевик» до 15 сентября посевы охраняла Красная Армия».[12] «Суд закрыт, все ушли на уборку!» — щемяще знакомая надпись висела на дверях Омутнинского райнарсуда. Кому-то судьба уготовила снимать урожай, а кому-то сносить головы. За страду судом проведено 30 показательных процессов с числом вредителей за сто.

Трудности повседневной карательной работы становятся почеловечески понятными, когда читаешь отчёты прокуратур Урала.

Ночью в засаде, днём катаешь приговор. Домой вернёшься — обзовут оппортунистом. Лучше надо работать, товарищи юристы! — мог бы устало и с укоризной сказать многим прокурор безлюдного Бердюжского района, сумевший за полугодие тридцать третьего спрятать за решётку 559 вредителей.

Наряду с хлебом и инвентарём тока любимым объектом издевательств был трактор. Чего только не натерпелось это скромное творение из рычагов и колёс! Его судьба ничуть не лучше судьбы трактористок. Будь он живым существом, можно бы поставить свечку в покаяние. Правда, вредительство здесь не носило явной злонамеренности, скорее оно вытекало из варварской природы колхозного труда и быта.

Трактор для механизатора в условиях закрытого пребывания на полевом стане — и стол, и дом. Кто из пожилых колхозников не знает, что на тракторе можно сварить кашу и картошку? Заверни продукт в платок, опусти в пробку радиатора и через 15 минут можешь есть. Единственный кулинарный секрет сводится к тому, чтобы сделать это мимо посторонних глаз. Если не поймают, будешь сытым, накроют — вредитель. Ибо колёсник вовсе не рассчитывался на бытовую эксплуатацию. Варили почти все и называли трактор домашне ласково — чугунок.

Саботажником можно было стать по причине поломки машины в урочный час. Для карательных органов имел значение только факт вынужденного простоя, а не обстоятельства, его вызвавшие. Производственное качество отечественной техники — хуже некуда. Шестерни того же ЧТЗ порой висели на заусенцах, потому что сгондобил его заводской колхозник. Однако это был факт секретный, даже на совещаниях руководителей МТС об этом говорили вполголоса и намёками. Из выступлений механизаторов на слётах ударников выхеривали по-чёрному всякие сомнения относительно качества техники, оставляли лишь те пожелания, которые отражали переход от хорошего к отличному.

«Особенно резкие формы и широкие размеры вредительства, —читаем сводку о состоянии классовой борьбы на деревне, — имели по Ялуторовской, Троицкой, Ишимской, Режевской, Щучанской, Туринской, Б-Сосновской, Курганской, Полтавской МТС и совхозам: Ялуторовском, Нагайбакском, Шадринском, Макушинском... В этих хозяйствах выявлен 121 активный кулак-вредитель». Только в одном Петуховском совхозе 67 человек. В Шадринском зерносовхозе в радиаторе одного из тракторов нашли 2 кг картошки. Находили болты, стружку, тряпки».[13]

Без вредителя МТС и совхозы работать совершенно не могли. Головами саботажников рассчитывались за скверное качество тракторостроения, за постоянные поломки и простои, в оправдание ежегодной мобилизации коров, за безалаберность и бесхозяйственность. Руководители хозяйств и политотделы были прямо заинтересованы в постоянном шмоне и арестах механизаторов. Нет плана — давай на-гора саботажников. Подозрительность и желание скинуть страх на чужие плечи пронизали все звенья хозяйственной власти.

Иллюстрацией тому будет отрывок из стенограммы текущего производственного совещания Куртамышской МТС. Была весна. «Классовый враг здесь у нас орудует, но мы до сих пор не можем поймать врага!» — подкинул для затравки замдиректора Колесников. «Ход ремонта тракторов, — поддержал его агроном Падиков, — у нас идёт из рук вон плохо, под нашим носом вредят, но вредителей мы до сих пор не нашли, а отсюда вывод, что у нас отсутствует политическая бдительность». Жестянщик МТМ Бородин сначала откашлялся, как подобает чистокровному гегемону, и ударил в то же место: «В мастерской нездоровое дело, тут пахнет вредительским делом».[14] Полтора десятка выступающих развили тему до личных подозрений. К работе в тот день не приступали. Потом пошли доносы. Летом понаехало НКВД и во всём разобралось. Более двадцати человек получили срок через Тройку. В том числе двое из цитируемых.

Призрак вредительства витал над уральской деревней. С наступлением темноты изо всех щелей МТМ и тракторных станов начинало тянуть не то дымом, не то каким-то чадом. Испарина прошлого долго и неясно клубилась, а к полуночи рвалась и уплотнялась до плавающих над землёй призраков, похожих на газетные карикатуры. Сизые тени то мягко стлались по рядам уставших тракторов и комбайнов, то приторным ядом чужой идеологии окутывали улыбающихся во сне энтузиастов. И вредили, вредили, вредили...

Всё, больше лирически не умею. Голый материализм даётся мне лучше. Рост технического вредительства в середине тридцатых опережал рост тракторного парка. Дело тут такое. Нормальный срок работы трактора и всякой машины — амортизационный срок. Но статистически, на балансе предприятия, они живут до тех пор, пока их не спишут. Отечественной сельхозтехнике амортизационный срок как Герасиму до симфонии. Пролетарское государство проводило политику жёсткого запрета на выбраковку тракторов. На святое надо молиться, партия знала, что за изделия

с маркой ХТЗ и ЧТЗ замордовано пол-Украины и пол-Урала. И на тебе — на свалку?

Запрет на досрочное списание стареющей и юродивой от рождения техники вёл к обрастанию МТС и совхозов мёртвым железом. Перед самой войной, в сороковом, правительство ещё раз настрого запретило руководителям МТС и совхозов производить выбраковку и консервацию тракторов без разрешения Наркомзема и Наркомата совхозов. Постепенно закладывалась основа самоутешительного социалистического накопления — загонять в ошеломляющую чужой мир статистику всю рухлядь. У нас больше всех в мире коров, тракторов и профессоров! Да, и генералов, прости Господи.

Тракторный парк старел, а МТС постепенно превращались в пункты технической реанимации. Зимняя спячка уступила место многомесячной борьбе за своевременный ремонт техники. Борьбе потому, что и тут орудовал вездесущий вредитель. Пропасть между балансовым тракторным парком и машинами, способными хотя бы тарахтеть, неумолимо раздвигалась. В конце тридцатых четверть тракторов, принадлежащих МТС и совхозам, лежала в металлоломе. После запрета на списание таковых оставалось уповать только на массового вредителя. Заманить деревенского дурня на дряхлый трактор, а затем по причине постоянных поломок и простоев посадить. Кое-кто из дальновидных руководителей понимал, что и самому пора сушить сухари.

Почему колхозник воровал хлеб, гноил его и заражал клещом — понять можно. Все эти преступные деяния носили характер всенародного почина. В подтверждение приведу одну из ежегодно издаваемых директив. Секретное письмо наркома земледелия от 9 ноября 1935 года. «Некоторые колхозы сдают зерно, специально заражённое клещом, чтобы после его выбраковки на элеваторе вернуть его в колхоз. Эта преступная практика должна быть прекращена... Ставить под сомнение акт выбраковки и организовать специальные инспекции...»[15] Колхозник, наоборот, был заинтересован в том, чтобы хлеб вообще не убирать. А зимой, в конкуренции с зайцами, страдовать на осиротевшей полосе.

Колхоз — детище ленинского кооперативного плана и, следовательно, вне всяких подозрений. Корни поголовного воровства нашли во вредительских, почти на уровне чистой биологии, наклонностях колхозника. Тут пришлось поспорить. Общественная наука тех лет, стоящая на догме, что широкие народные массы тоже плохими не могут быть, выдвинула смелую версию: колхоз-

ник, мол, тянет всё по причине длительного в прошлом сожительства с кулаком, то есть абсолютно вредным типом.

По этому поводу я разделяю сомнение с уполномоченным по крайней тундре (Сале-Хард), который, попав в артель туземцев, не видевших живого кулака, страшно удивился. «И эти, сволочи, — сообщал он в Уралобком из-под самой Полярной звезды, — бессовестно жрут рыбу сами!» Судебная статистика тридцатых обычно выносила деревенского хищенца за скобки показателей по классическому вредительству. Не столько потому, что он имел свою уводящую на этап или в загробье норму бесправия, сколь по причине тайного понимания естественности преступных деяний. Не украв, колхознику не выжить — знали суд вершащие. Ещё лучше знали другое. Не судить хищенца нельзя — рухнет колхоз и вся экономическая конструкция социализма.

«Животноводство есть та отрасль, где классовый враг нашёл у нас самое уязвимое место». Гениальную по конструкции и смыслу фразу произнёс в 1934 году Кузьма Рындин, только-только взошедши на должность вождя выделенной из Большого Урала Челябинской области. Областному вождю допустимо временами говорить собственными афоризмами. На этот раз гениальное прозвучало рефреном к постановлению ЦК ВКП(б) о крутом развитии животноводства.

Иван Кабаков, вождь Свердловской области, высказался по тому же поводу многословно и скучно: «Сейчас мы имеем великолепное решение ЦК по развитию животноводства. Это решение указывает, как нужно развивать животноводство. Там говорится, как нужно скот обеспечить хорошими кормами, стойлами, хорошими дворами, нужно иметь хорошие зоотехнические кадры, что нужен хороший ветперсонал».

Партийная директива, подготовленная специалистами, не умеющими отличить ярку от доярки, прозорливо схватила, что скот надо кормить и держать в тепле. А причину всесоюзного скотомора нашла во вредительстве со стороны враждебных классов и не пришедших в коммунистическое сознание колхозников. Документ, между тем, очень своевременный. Выхватим наобум тихую уральскую весь. Петуховский район. Маленький городок, честнее сказать — приличную деревню, Петухово вы найдёте на самом востоке нынешней красно-Курганской области.

В этом статистически сером районе с 1928 по 1934 год число жителей сократилось с 68 до 39 тысяч, поголовье коров — с 25 до 6 тысяч, лошадей — с 20 до 2,5 тысячи, свиней — с 21 до 1,6 тысячи. Авторы отчёта заметили, что домашние животные мрут зна-

чительно интенсивнее хозяев. В колхозах «Просвет», «Мировой Октябрь», «Опыт» и других, читаем в справке райкома партии, на лошадь приходится по 300-400 гектаров.[16] Редкая свинья, образно сказал бы тут Николай Васильевич Гоголь, добежит до середины деревенской улицы. Район, извиняйте, я выбрал не с ветра, петуховские показатели почти точно совпадают с общеуральскими. Да, и секретарь райкома потом стал руководить всем сельским хозяйством Свердловской области.

Посетившая Большой Урал и всю Страну Советов экологическая катастрофа взывала к действию и бдительности. Ещё в апреле тридцать третьего ЦК ВКП(б) направил Кабакову срочно-секретную телеграмму с требованием «провести чистку заведующих фермами, скотников, свинарей, чабанов от чуждых кулацких вредительских элементов и лодырей».

Вредительство сквозило во все щели. Журналисты это чувствовали, но объяснить не умели. В августе тридцать четвёртого «Уральский рабочий» актуально волновался: в Пермском районе на пятьсот единоличных коров нет ни одного телёнка. Ясно же — хозяева тайно съели. В «Красном Октябре» Оханского района забастовали свиноматки, поголовно оставшись холостыми. В «Мировом Октябре» Манчажского района другое — колхозники съели фураж, а свиньи — собственный приплод.

Моментальная проверка в 56 районах области социального состава работников ферм дала следующие результаты: «Проверено 1396 ферм с числом работающих 14547 человек. Вычищено 105 завфермами, 29 бригадиров, 1073 прочих работника. На Анисимовской СТФ Махнёвского района, к примеру, при проверке классового состава свинарок выяснилось, что бригада № 8 полностью укомплектована кулацким элементом». Документ Уралобкома ВКП(б) спокойно информирует, что областная потребность в кормах обеспечена по сену на 13%, соломе — 18%, прочим кормам — на 11%. Резонные соображения о том, что на таком рационе корова не впадёт в охоту даже по глупости и молодости, были признаны вредительскими.[17]

Деревенское вредительство, взятое приближённо и скрытой камерой, то есть с доноса, много богаче. «После чтения статьи в «Уральском рабочем» о гнусной деятельности врагов колхозного строя в Егоршинском районе Журавлёва, Околовича и других должен Вам сообщить ещё ряд гнусных фактов, проделанных этими двумя презренными гадинами. По вине некомпетентного врача, жены вредителя, пала самолучшая в совхозе серая кобыла Мышь, потому что вражина вывернула своими ручищами ей матку при

родах».[18] Скелетный факт вредительства, сами видите, обрастает живым мясом усугубляющих его деталей.

Меры по выявлению саботажников на ферме, в МТМ, на току, разобщённые в самом истоке, со временем суммировались в мощную всесоюзную кампанию чистки, — кампанию борьбы с засорённостью деревни контрреволюционным чертополохом. Колоссальное агротехническое мероприятие проводилось совместно партийными и карательными органами с прислугой в образе сельсоветской власти. Во времени кампания совпала с деятельностью политотделов МТС, что придало ей совершенную форму конвейера. «Для большей увязки работы органов прокуратуры, — гласила директива Прокурора СССР Акулова, — выделить в аппарате Прокуратуры специального помощника прокурора, возложив на него обязанность по установлению живой связи с Политотделами и надзора за немедленным реагированием по линии Прокуратуры и Суда по сообщениям Политотделов... Срок по делам, представленным Политотделами, — 3 дня... Политотделы обязаны оказывать решительную поддержку органам прокуратуры и Суда».[19] Через «живую» связь политотдел — тюрьма прогнали значительную часть деревенской контры. Засорённость соцчуждыми оказалась плотнее, чем натура колхозных полей.

В силу расплывчатости нормативных параметров вредителя интенсивность прополки полагалась степенью классовой бдительности местного карательного аппарата. Критерии растекались в пространстве от массового замора скота и трудящихся до неприличной национальности. Сверху планов по вредителям не давали и ограничивались лишь одним требованием — чтобы вредителя было достаточно. Варьировались и методы пресечения. Работников МТС и совхозов садили сразу, колхозников по старой памяти иногда выселяли, что было всё равно, ибо с тридцать третьего ссылку деревенщине заменяли эквивалентным сроком лагеря.

Образчик классического низового вредительства возьму из практики выездной сессии Челябинского облсуда. Дело было в колхозе имени Сулимова Шумихинского района. «Кулаки, — читаем материалы суда, — вели в колхозе контрреволюционную агитацию такого плана — сколько ни работай, всё равно нам ничего не достанется, всё заберут! Под влиянием этой агитации трудовая дисциплина пала. Были массовые невыходы колхозников на работу. Эта кулацкая группа органами НКВД была разоблачена, арестована и предана суду. Вожаки группы — Звягинцев Иван, Букреев Тимофей выездной сессией приговорены к расстрелу, остальные 4 человека осуждены на 10 лет».[20]

Подобные и даже показательные процессы саботажников проводились в каждом районе. Почти везде с расстрелами, которые зачастую кассационная коллегия, при отсутствии явного злонамерения, заменяла десятилетним сроком. Ситуация способствовала числу таких дел. Треть колхозников, уже указывалось, не выполняла минимума трудодней, а прогулы по совхозам достигали 30-40% рабочего времени.

Массовые репрессии против низового деревенского саботажника использовались в качестве слабо действующего аргумента в оправдание бесхозяйственности. И, разумеется, имели вполне зримые границы. Во-первых, всех не пересадишь, кто-то ещё должен работать. По делам вредительства хорошо заметно, что женщин, даже при явной порочности намерений (кроме «дедушкиного указа»), старались не садить. Гуманизм здесь ни при чём. Без бабы колхоз, как случка без кобылы. Одни пустые желания. Во-вторых, если садить много, то срок надо давать маленький. Но тут рушится вся система социалистических ценностей. Кто на Руси будет уважать власть, способную дать какие-то полгода отсидки?

«Люди и районы должны трепетать при появлении начальника, — учил нас вождь Челябинской области, — бояться его, тогда дело пойдёт хорошо, а отсюда и уважение». Экономически связать уважение с длительным сроком заключения очень просто. Сроки надо давать прилично национальному опыту, но чаще проводить амнистии. Из этого, собственно, и пружинится восходящая спираль массового энтузиазма. В колхозе вкалывать, чтобы не загреметь в лагерь, а попал — упираться, чтобы заработать амнистию. Часть вредительского корпуса попадала под досрочное освобождение, рядовой колхозник предвоенных лет обычно имел за плечами две-три укороченные ходки за вредительство. Не будь амнистий, к тридцать четвёртому весь Союз нерушимый сидел бы в лагерях.

Кулак, как грубый и явный субъект вредительства, постепенно, уступает место вредителю с должностью. Уже в начале тридцать третьего местные газетёнки давали материалы под шапкой — «Враг с партбилетом страшнее кулака!», «Беспощадно разоблачать врагов с партбилетами!» Правда, материалы обычно не предвосхищали уголовного развития событий, а комментировали дела законченные. Из крикливого авангарда классовой борьбы при травле кулака газеты превратились в шавку на цепи.

Девятый вал арестов накрыл вначале председательский корпус. «Артель «Крестьянин» — председателем работал Пашнин, который снят с работы и осуждён. «Красный Уралец» — с начала года работал председателем Колыванов И., с работы снят и осуж-

дён за затяжку уборки и саботаж хлебозаготовок. «Великое дело» — председателем работал Сверчков Н., с работы снят и осуждён за саботаж хлебозаготовок и потери. «Прогресс» — работал Пименов, с работы снят за саботаж и затяжку сева, использование протравленной пшеницы в продовольственных целях. «Герой труда» — председателем работал кулак Смирнов, снят с работы за саботаж и затяжку уборки».[21]

Подавляющая часть вредителей председательского среза шла по классическому обвинению — за саботаж хозяйственных кампаний. Отставание от плана хлебозаготовок обычно заканчивалось тем, что деревенский комсостав отправляли в тюрьму, а руководство колхозом передавалось уполномоченным или представителям политотдела МТС. Те чистили колхоз в меру преданности идеям, то есть до нитки

С привлечением к суду облик вчерашнего энтузиаста мгновенно менялся. «В колхозе имени Свердлова Нязе-Петровского района орудовала группа вредителей: председатель колхоза Павлов (кулак, белогвардеец), бригадир Добычин (белогвардеец), весовщик Борисов (кулак, белогвардеец), счетовод Золотов (кулак, офицер колчаковской армии)».[22] Где-то до тридцать шестого все подсудимые становились кулаками и белобандитами. Позднее в моду войдут разношёрстные шпионы и диверсанты.

Даже по берегу океана Ледовитого, где вымерзает всё живое, кроме оленя да ненца, саботажник плодился почём зря. Осенью 1933 года, сообщает полярный большевик, стада оленей пришли с летнего каслания в половинном составе. Причина материковая — притупление революционной бдительности, бесхозяйственность, отсутствие борьбы за классовую чистоту пастушьего состава. Не помогают ни «Красный чум», ни «Красная лодка», ни другие идеологические средства. В тузсоветах сплошь сидят белобандиты 1921 года, поэтому колхозы уходят на летнее каслание без партийного руководства. План мясозаготовок в тундре, очень секретно шепчет документ, выполняется за счёт скупки оленей без денег, либо за облигации.[23]

Вредительство в советском аппарате деревни менее выразительно. Что может сельсоветчик, имеющий в распоряжении только гербовую печать? Может многое. «Сельский актив, — предупреждает письмо Уралобкома ВКП(б), — который должен учитывать выполнение обязательств, контролировать и дисциплинировать, сам является злостным неплательщиком. В некоторых сельсоветах организованный саботаж проходит мимо районного руководства, составляются даже акты с такой оценкой: «маломощный», «не

имеет хозяйства», «уплатить мясопоставки не может», «имущества не имеет», «брать нечего»... Ведётся организованный кулацкий саботаж по важнейшему государственному мероприятию — мясопоставкам. Как это называется? Притупление революционной бдительности».[24]

Во вредители залетали даже уполномоченные. Районных обычно садили вместе с провалившимся местным начальством. Тут обвинение требовало тонкой политической редакции. Иметь в аппарате кулаков и белобандитов как-то не хотелось. За потерю революционной бдительности дают больше, чем за аморалку. Классические недостатки командированного с властью и надолго мужика общеизвестны. Взятки, постоянная пьянка на халяву, стрельба по пьяни — так, мимо, принуждение аборигенок к половому сожительству. За кураж под пятьдесят восьмую сразу не подведёшь, если не резюмировать буйство срывом хлебозаготовок. От плана всё и зависело. Выполни его, будешь вспоминать деревенские события с лирической грустью. Сорвался — читай их сухую суть в обвинительном заключении.

Где-то об ту же пору начался выборочный отстрел руководителей совхозов. Решения по такому вопросу принимались на уровне обкомов партии. Поскольку руководители подобного ранга входили в союзную номенклатуру, репрессиям предшествовали согласования. Иногда репрессии инициировал местный аппарат. Но чаще залп по руководящим головам исходил из результатов московской проверки. Цековский уполномоченный обладал правом расправы над всеми. Полный объём репрессии — исключить из партии, снять с работы и отдать под суд — синтезируется тут сразу, без нудной переписки с наркоматами.

По совместному отчёту облсуда и прокуратуры Урала за зиму 1932-1933 года, первопроходцами высокономенклатурного саботажа стали 29 человек. Назову некоторых. Нагайбакский совхоз, директор — 3 года лишения свободы, Троицкий зерносовхоз, директор — 10 лет по закону «семь восьмых», Заводоуковский промсовхоз, директор — 3 года лишения свободы (еле вывернулся из-под 58-14), Петропавловский зерносовхоз, директор — 10 лет по указу «семь восьмых» и статья 58-7...[25]

Замечательной прелюдией всесоюзного чертогона прозвучала партийная чистка 1933 года. Решение о проведении санации принял пленум ЦК ВКП(б) в январе месяце. «Организовать дело чистки партии таким образом, — говорилось о целях кампании, — чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадёжных, неустойчивых и

примазавшихся элементов».[26] В семидесятилетней истории большевики неоднократно прибегали к прополке своих рядов. Чтобы понять натуральную необходимость чисток, надо сразу отказаться от хронической лжи — будто в партию принимались лучшие люди. Что принимались они добровольно. В действительности рост партштата определялся более прозаическими обстоятельствами.

При агрессивной неприязни подавляющей части населения к большевикам добровольное вступление в партию действительно порядочного человека сомнительно. Втянуть человека в очевидно преступную политическую организацию можно было крайними мерами принуждения. Связать с членством в ВКП(б) обучение, получение работы по специальности, профессиональный рост, получение жилья и т.д.

На вкус и цвет товарищей нет. С точки зрения «товарищей», лучший — это тот, кто поставит корпоративный партийный интерес выше интересов страны, семьи и совести. Способный пойти на любую подлость, а то и преступление, ради выполнения партийной директивы. Если сказать проще, партия или высасывала из народа готовых проходимцев, обращая худшие их черты в достоинства кадрового работника, либо культивировала таковых всей системой внутрипартийных отношений.

Членство в партии было условием выдвиженчества и получения должности, на которую свежий большевик в конкурентных условиях претендовать не мог. Замена в управленческом аппарате профессионала голым исполнителем (образование: начальное, профессия: начальник) заложила фундамент советской бесхозяйственности и необходимость капитального ремонта партии прямо на ходу. И поныне высший управленческий персонал российской экономики и государственной власти забит выдвиженцами КПСС, кавалерами универсально-мировоззренческого диплома ВПШ.

В ту далёкую пору партбилет ВКП(б) вместе с должностью спасал и от голода. Сеть закрытых распределителей кормила далеко не всех коммунистов, но деятельные функционеры пережили голодуху веселее героического советского народа. До гона вредителей с партбилетами, где-то до конца тридцать второго, членство в партии защищало от дурного ареста. Разрешение на то следовало испрашивать у партийных органов.

Твёрдые желудочные соображения гнали в партноменклатуру самую оголтелую часть населения. Для кого-то рост числа большевиков казался «ярким показателем полного доверия рабочего класса и трудового крестьянства к своей партии». У меня на этот счёт мнение особое. Конечно, большая часть ВКП(б) состояла из

принудительно мобилизованных. А дальше биография каждого формировалась по меркам собственной совести.

Быстрое моральное старение младшего комсостава советской экономики, особенно в деревне, где председатели и бригадиры менялись по несколько раз в году, разгоняло партбилетный оборот. Обычно взлёт деревенского большевика начинался с назначения на должность по решению уполномоченного. Чтобы не вздумал брыкаться, выдвиженца принимали в партию, а через три-четыре месяца он с выговором летел в бездну рядовой принудиловки. Потерявший должность коммунист прятал билет за икону и снова начинал верить в Бога или крыть в Бога власть.

Дно партийной жизни постепенно затягивалось мертвым илом бывших большевиков. Значительная часть вредителей уходила под суд, то есть с исключением из рядов партии. Высокая оборачиваемость состава затрудняла всякий учёт большевистского поголовья, что для самой передовой партии в мире, согласитесь, не к лицу. Партийных организаций на селе было мало. Беспризорных деревенских коммунистов предлагалось либо гнать в шею, либо объединять в устойчивые партийные организации, с которых можно бы спросить работу.

Параллельно чистке началась шумная кампания перестройки. Правда, требования той перестройки адресовались не всему прогрессивному человечеству, а райкомам ВКП(б). Чтобы те не оставили ни одного беспризорного коммуниста и немедленно создали партячейку на каждом предприятии. Мы не можем ждать милости от колхозника, решила партия, и в каждый колхоз приехал штатный парторг. Да-да, те самые Давыдовы, только не литературно прилизанные, а зло озадаченные.

Партийное чистилище создавалось по классическому образцу, в девять кругов. Большевиков и сочувствующих трясли на предмет принадлежности к следующим видам греховности: двурушники, классово-враждебные элементы, нарушители железной дисциплины партии и производства, зажимщики самокритики, пассивно пребывающие, сросшиеся с буржуазным элементом перерожденцы, карьеристы и шкурники, морально разложившиеся, великодержавные шовинисты. Образность всех формулировок давала намёк на творческий подход к делу.

Для проведения чистки на разных уровнях создавались специальные партийные комиссии. Руководил работой комиссии представитель вышестоящей организации. Уральскую областную комиссию возглавлял Ройзенман. В качестве содействующего кампании инструмента выступала РКК (постоянно действующий ор-

ган партийного контроля). Нам повезло и тут. В президиуме областной контрольной комиссии сидели лучшие представители уральского пролетариата — Маркус, Янсон, Элькинд, у которых представления о светлом будущем России были несомненно правильнее, чем, скажем, у моего деда Завьялова Анания или его соседки по околотку Матрёны Морковиной.

Вёл чистку партследователь, назначаемый райкомом партии. На должность инквизиторов подбирали людей, достойных целей чистки, — в меру бдительных и нарывистых. С ними время от времени проводили озлобительные инструктажи. На суд партследователь приходил не с голыми руками. Райкомами ВКП(б) создавалась сеть политинформаторов. В их задачи входил сбор компромата на проверяемых. Относительно содержания информации требования были самые универсальные. Нужны были тёмные факты из производственной деятельности, личной жизни, отдыха, отношений с друзьями и родственниками. Работа политинформатора считалась хорошей, если на собрании по чистке компромат был неожиданным для подсудимого и доводил его до прострации. Исходная убедительность компромата не имела никакого значения, пусть будут хоть грязные деревенские слухи. Проверяемый должен отмазаться от помоев.

Сбор теневой информации осуществлялся в основном с помощью доносов. В ряде мест печать и стенгазеты призывали давать собственные мнения, можно анонимные. Чуть позднее председатель областной комиссии запретил использование анонимок в обвинении. Однако проверка деятельности комиссий по чистке изобилует упрёками в том, что мало обращается внимания на факты, получаемые из анонимных источников. Следовало проверять истинность таких фактов, в случае подтверждения обязательно выносить в обвинение.

Можно догадаться, какой шквал анонимного народного творчества подняла чистка. Вскипели самые тёмные силы и мысли нации. Многотомьем только сокращённых протоколов чистки можно забутить тракт от Москвы до Владивостока. Кое-где сохранились уникальные первичные доносы! Этот палеолит советской истории требует особого научного интереса. Из сотен прочитанных мною материалов сделаю лишь общий вывод.

Устойчивого желания посадить друг друга хотя бы лет на пять-десять в доносах чистки ещё не просматривается. Оно придёт позднее. Советский человек ещё пребывал в молочно-восковой спелости. Информация носит характер абстрактной подлости, заметно лишь прогрессивное движение от общерусской шутки: на-

срать соседу в карман — к злодейству чисто советскому: чтобы душу вывернуло не от вони, а от боли.

Квалифицированный донос отличается от простого тем, что рассчитан не только на вред другому лицу, но и на получение благодарности за услугу. Накатав на соседа, обычный стукач не поставит внизу своей подписи и будет ночами тихо выглядывать в окошко — не приехали ли за Петром. Такие упражнения, показывает практика тридцатых, свойственны самым бдительным представителям советского пролетариата и колхозного крестьянства. Стукач партийный обязательно себя обозначит, дабы труд и износ душевный возмещёны были.

Для проверки степени греховности по каждой категории разослали специальные вопросы. Централизованно закрыли лишь идеологию, остальные тесты разрабатывались применительно к месту. На собрания по чистке обязали приходить всех, чтобы втянуть беспартийных в дрязги и взаимодоносительство, называемое в среде кадровых большевиков принципиальностью. В редком трудовом коллективе чистка не превращалась в дикую склоку, в результате которой нормальные отношения заменялись многолетним обозлением.

По всем девяти категориям поганцев на Урале вычистили четверть коммунистов. Большая часть исключённых попала под «классово-враждебные», «пассивно пребывающие», «нарушители железной дисциплины», «перерожденцы», «морально разложившиеся и политически тёмные». Деревенские кадры были настолько слабы, что не умели отличить отзовиста от, скажем, ветеринара.

Вычищенные по классово-враждебной категории в основном страдали за ущербность родителей и ошибки молодости. «С 1910 по 1921 год была женой белого офицера...». «Воспитывался в беленьких буржуазных пелёночках, а потому в партии не может быть...». Иногда контрреволюционное нутро вскрывалось прямо на чистке. «Чем отличается февральская революция от Октябрьской?» — «В февральскую скинули государя, царствие ему небесное...». За такую милость ненавистному царю и залетел нищий коммунар артели «Беднота». «Что делал у белых?» — «Возил раненых». «А почему не добивал?» — добил следователь другого колхозника «Бедноты» из Бродоколмакского района.[27]

Часто антисоветчина внешне простодырого колхозника выявлялась благодаря профессиональным качествам партследователя и тонкой процедуре предварительного дознания. «Интимную связь с сыном попа имела?». У Богатенковой Анисьи из колхоза имени Голубчикова (Шумиха) всё опустилось: «И как узнали!?». Потом

душа вспыхнула негодованием: «Все они мужики такие!» — и она раскололась. «При вступлении в партию, — сухо констатирует протокол чистки, — она скрыла социальное происхождение, отец её был спекулянт 21 года, был церковным старостой. Кроме того, она первый раз выходила замуж за кулака, который сейчас разоблачён».[28]

Сюжеты по выявлению нарушителей железной дисциплины мелкопредметны и серы. В промышленности — да! Там нарушения технологии в стремлении обмануть законы физики сплошь да рядом приводили к авариям, часто с человеческими жертвами. И опоздания на работу хорошо засечь. А в деревне проще. «Дан выговор за неиспользование своей коровы на севе». «Вспашка производилась вопреки постановлениям правительства фигурно». «Вывел на боронование и вспашку стельных коров, отчего у тех получились сплошные выкидыши». «Допустил большой падёж скота, 17 голов молодняка расклевали сороки».

В колхозе трудовой дисциплины нет вообще. Есть работник пьяный или пока с похмелья. Это не моё. Так ещё в восемьдесят первом сказал мой приятель Иван Додук, пилорамщик колхоза «Маяк» Половинского района. По большому счёту он прав.

«Где был в 1918 году? — Болел дома. — Как провёл праздник Октября? — 7-8-го был субботник, 9-го выпил. — Кто всесоюзный староста? — Не знаю. — Кто такой Молотов? — Два дня болит голова, забыл». Свидетели показали, что большевик-бригадир Полев Егор в бригаде не показывался всё лето, но как только привезут муку, он первый. В Октябрьскую два дня пил беспробудно, а на третий гонялся с ружьём за колхозниками.[29]

Вспомним прошедших чистилище удачно. Кто дорожил кормной должностью, вел себя искусно. «Образование нижнее, происхождение пролетарское, в оппозиции не состоял, во фракциях тоже, за границей не был и не собираюсь!». Сразу видно — наш в доску! По первости такие заявления партследователей очень умиляли, потом по протоколам обнаружилось, что многие говорят одинаково и исповедуются, видимо, не от души, а по шпаргалке. Членов комиссий призвали к бдительности.

Гораздо содержательнее дела, связанные с перерожденцами и разложившимися. Спектр тех, кто вначале был вроде бы ничего, а потом круто скурвился, чрезвычайно разнообразен. Зав. Бишкильским райзо Акатьев, к примеру, допустил буржуазное противопоставление интересов государства местным интересам, замечен в краже масла, штамповал втирательские сводки по урожаю, допус-

тил засорение аппарата дутовцами и анненковцами. Чиновника вычистили как чистого перерожденца.

Уполномоченный по заготовкам Аникин страдал пороком иным. Он, судя по протоколу, сплошь и рядом использовал в половом отношении арестованных антисоветских женщин. Действовал, якобы, по принципу: греби всех, Бог увидит — пошлёт большевичку. Из партии его «ушли» чистым разложенцем.[30] Вот секретаря Б.-Карасинской партячейки Томашева вычистили сразу по двум статьям — шкурник и сожитель с классовым врагом. При коллективизации он присвоил часть конфискованных вещей, к тому же до самой чистки злостно пользовал кулацкую дочь.

Тема антисоветского секса, кинься хоть на крайний север Урала, превалирует в обвинениях большевиков, имеющих право помыкать чужими бабами. Исчерпывающее объяснение порока мне слышится от вычищенца Соловьёва Архипа, утверждавшего, по словам свидетелей, что от советской власти надо взять если не едой, то п...ой. «Соловьёв Архип, — читаем материалы чистки одной из партийных ячеек ВИШЛАГа, — являясь старшиной Вижаихинского взвода и пользуясь своим служебным положением, изнасиловал заключённую Дубровину, предлагал половое сожительство заключённой Филимоновой, за отказ произвёл у неё незаконный обыск, при обыске угрожал оружием и расстрелом, занимался незаконными арестами, незаконно лишал зачёта рабочих дней заключённых. Безо всяких оснований называл заключённых женщин проститутками, присваивал деньги заключённых».[31] Ну и так, кое-что по мелочи — пьянствовал, открывал стрельбу, терроризировал заключённых, садил их вместо гауптвахты в дезокамеру...

Не брезговали этим делом и зоркоглазые стражи пролетарского государства. «Елькин Василий, — возьмём на вскидку Чердынский райотдел ГПУ, — являясь сотрудником на обслуживании спецпереселенцев, использовал своё служебное положение, принуждал к половому сожительству спецпереселенок, при этом обещал улучшить продовольственное снабжение». Разложенец разложенцу рознь. Сотрудник райГПУ Мальков Иван, смеётся над чужой глупостью председатель комиссии, женился на дочери офицера и как дуру притащил её на Север. Перед чисткой зять белогвардейский напился и давай объяснять секретарю ячейки, что вынужден выбрать не партию, а жену, потому что жить без неё не может. Вычистили с удовольствием.

Женострадальцев у нас не любят. Микрюкова Василия выперли из той же ячейки, но с пониманием. Он с женой развёлся

давно, однако, в блуде замечен не был. Тут совсем другой наклон. Он похитил две бутылки спирта из фондов райотдела ГПУ и пролетел на мякине, распил их с заключёнными по статье 58-10. А с ними даже взятое на свои деньги пить нельзя.[32]

Головы ответственных партийных товарищей пойдут оптом в тридцать седьмом. Показательные расправы над секретарями сельскохозяйственных райкомов в 1932-1936 годах познавательно интересны в том плане, что внутрипартийная убогость отражена в них более реалистично, чем в инспирируемых следствием показаниях тридцать последних.

Начнём с конкретного. «В результате изучения можно сделать совершенно бесспорный вывод, что предыдущее партийно-советское руководство района срослось с классово чуждым элементом (кулаками, белогвардейцами), что породило кулацкую политику, извращая и искажая директивы вышестоящих советско-партийных инстанций». Так было доложено в челябинский опер-сектор ОГПУ про состояние Нагайбакского района. Персонально маразм выглядел так. Зарипов Сафа — секретарь райкома ВКП(б) — зять бывшего управляющего золотыми приисками, занимался в районе развратничеством. Бургучёв — председатель РИКа — сын атамана-кулака, занимался антипартийными поступками. Пулатов — директор совхоза — поджигатель (на подозрении ОГПУ). Танаев — зав. канцелярией РИКа — белобандит, бежавший из Китая. Манзин — зав. агитпропом — сын церковного старосты, сорвал всю работу по политпросвещению. Зав. районо — нагайбак, кулак и белобандит. Зав. райфо — нагайбак, племянник белого генерала... Не советская власть, а контрреволюционный шабаш.

Лобовой атакой обвинения был скотомор. Действительно, ну ни в какие ворота. За два года основные продуктивные твари вымерли в районе на две трети, а свиньи, как мамонты, — начисто. Многостраничное описание касается всех сторон жизни, включая бытие интеллектуальное. «Делалось всё, чтобы оставить население неграмотным. Из 30 курсантов-комбайнеров, пропущенных через мандатную комиссию, 90 % не могли ответить на вопрос, кто такой Сталин».

Показательно для всего Урала район прочистили. Кому дали срок, кого выгнали без уголовных последствий. Материалы чистки пошли методическим пособием. Драму, разыгравшуюся в степном волчьем углу, венчает документ, достойный большой истории. Даю его в небольшом сокращении.

«Отчёт-заявление бывшего секретаря Нагайбакского райкома ВКП(б) Зарипова Сафы. Как мы очищались от чуждых.

1. Минеев М. — член войскового круга, атаман, организатор национальной травли, бухгалтер РИКа — несколько раз сажали по линии РУП ОГПУ, не могли судить, выгнали.

2. Красильников — бухгалтер РПО, кулак — неоднократным решением не могли судить, выгнали как больного.

3. Корсаков — бухгалтер РПС, офицер — выгнали, после этого выгнал ещё одного кулака — фамилию забыл.

4. Фадеев — бухгалтер Заготзерно, сын попа — судили, оправдали и выгнали.

5-6. Дюскины — в РСЖ — выселены как сыновья офицеров.

7. Долгих — инструктор и 8. Долгих — счетовод с Заготзерно — выгнаны как кулаки.

9. Ишменев — счетовод РКСЖ — выгнан как поп.

10. Ишимов — инструктор Заготзерно — осуждён как кулак.

11. Тихонов — инструктор по заготовкам РПС — выгнан как вахмистр.

12. Корсакова — сберкасса, выгнана как дочь офицера.

13. Фадеева — выгнана из районо как дочь попа и из зерносовхоза.

14. Фадеев — инспектор бюро ИТР — выгнали как недавно вернувшегося из Китая.

15. Байтурин — завуч ШКМ, выгнали как сына купца.

16. Семёнов — зав. почтой, выгнан как сын дворянина....

Всех не упомню...

Я до 1930 года работал пропагандистом, замещал РУП ОГПУ, так как у нас их не было. Когда я вступил секретарём РК..., исправились многие, сделали человеком тех, кто под влиянием кулачества и прежнего руководства стал разлагаться...

Алексеев Яков — сейчас ответственный секретарь райСО, а в 1929 году с ружьём в руках охотился за уполномоченным в Париже. (У нас на Урале два своих Парижа — Большой и Малый. — **А.Б.**) Соболев Илья был выдвинут в здравотдел РИКа, но заболел и в 1931 году умер. Соболев Константин начал было обрастать до кулака, выдвинут ветфельдшером. Егоров Владимир был выдвинут в Заготснаб, не мог себя удержать (постоянная пьянка), весной по его просьбе послали в сельпо».[33]

С точки зрения массового вредительства, классическим следует считать год тридцать четвёртый. Пристальное внимание к натуре колхозника обнаруживает букет антигосударственных наклонностей, которого вполне хватит для убедительного обвинения во вредительстве. И с позиций высокой политики дело шло к совершенству. Грабительский экспромт утонул в прошлом. Каждая

уборочная теперь разворачивалась во всесоюзную карательную операцию с хорошо осмысленной режиссурой.

В тридцать втором показательно разгромили Северный Кавказ, в тридцать третьем — Украину. Новая методика полагала фронтальное наступление по всем направлениям. С этой целью особым постановлением ЦК ВКП(б) в основные аграрные районы были направлены эмиссары с абсолютными полномочиями. Молотов курировал Западную Сибирь, Киров — Казахстан, Ворошилов — Белоруссию, Микоян — Курскую и Воронежскую области, Жданов — Сталинградский край, Чубарь — Средне-Волжский край. В Челябинской области шмон поручили наркому земледелия Чернову. В только что образованную область вошла большая часть сельскохозяйственных районов Большого Урала. Бить такую не грешно хотя бы в назидание.

Самое главное в ту кампанию было сказано сверху. На места поступили полиграфически безупречно выполненные материалы, которые назывались письмом Сталина. Пухлый секретный буклет назывался «О саботаже на Украине» и адресовался всем членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, крайкомов, райкомов и предрикам. Основная тема письма улавливалась с преамбулы — враг с партбилетом должен быть наказан строже, чем враг без партбилета! Технологию перековки упрямого мужика в трусливого колхозника вождь считал почти законченной. Надлежало перековать выдвиженца в палача.

Наглядно-методическим приложением к сталинскому письму стали материалы уголовной драмы, имевшей место в Днепропетровской и Харьковской областях, подпадающей под признаки эталонного вредительства. «Вам необходимо обеспечить себя полностью — оставить все фонды, как под посев, страхфонд и ряд других. Установить урожайность, не дающую в обиду колхозы». Такую крамолу, якобы имеющую широкое хождение среди местного начальства, председатель ГПУ Украины Реденс своевременно пресёк. По двум областям под суд подвели сотни кадровых работников. Материалы операции Реденс передал в ЦК КП(б) Украины Косиору. Тот переслал их вождю народов. Сталин решил проучить всю страну.

Самое ценное в сталинском письме — приложения. В них дана полная раскладка дел по номенклатурному вредительству — образцы инспирирования обвинения, пристрастного следствия, незаметных подлогов, а главное — приговоров. Чтобы привыкали кадровые люди к настоящему социализму. Письмо тщательно обсудили на всех уровнях и с надеждой, что Бог пронесёт, приняли

к неукоснительному исполнению. В довесок к жанру эпистолярному Москва спустила постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), приказывающее «принять необходимые меры воздействия по отношению к партийному и советскому руководящему составу в тех районах, где плохо поставлена работа по уборке, обмолоту и хлебозаготовкам... Принять все предусмотренные законами меры воздействия на сдатчиков хлеба: штрафы и досрочное взыскание невыполненной части всего годового плана хлебосдачи, по отношению к неисправимым колхозам и единоличникам — штрафы до пятикратного размера с привлечением к судебной ответственности по статье 61 УК... Направить на места две трети членов бюро обкомов, крайкомов и членов президиума крайоблисполкомов на весь сентябрь месяц».[34] Одновременно с этим всем областям подбросили планы и снизили собственное потребление.

Чернов появился на Южном Урале в начале сентября тридцать четвёртого. Сперва в холодный пот бросило провинциальное чиновничество. Было замечено, что нарком, прибывая в какой-либо район, по-большевистски выгонял на деревню конторский штат. Машинистки, счетоводы, почтари, привыкшие мало от родины требовать и получать, испуганно смывались с глаз. Действия наркома вписывались в среднюю ступень управленческого профессионализма, когда руководитель внутренне осознаёт своё ничтожество, а внешне маскирует его загадочными поступками.

6 сентября в «Правде» появилась разгромная статья «Почему молчит Челябинский обком?» Газета призывала сломить антигосударственные тенденции, возобладавшие, якобы, в Курганском, Лебяжьевском, Ялано-Катайском и других районах. «Правда» лаяла по расписанию. Каждый из обер-уполномоченных, будь он на Волге или в Сибири, получил в поддержку по подобной статье.

Уральские большевики засуетились. На следующий же день состоялось пожарное заседание Челябобкома ВКП(б) с резолюцией — снять, снять, снять... В областной газете появилась броская рубрика, в которой главный прокурор Леонидов из номера в номер давал списки арестованных руководителей. Районная печать выбирала из реестров знакомые имена, чего вкупе с сообщениями ТАСС и к радости журналистов хватало, чтобы забить полосы. К тому же этот дубина Каганович (со слов секретаря Челябобкома) заставил перепечатывать в местных газетах и постановление ЦК ВКП(б) по Челябинской области.

Да, такое постановление было. 30 сентября оно поступило за подписью Молотова и Кагановича. «Челябинская область, — говорилось в нём, — не только не даёт повышения темпов хлебосдачи,

но и снижает их... Предупредить Челябинский обком партии и оргкомитет Советов, что если они не добьются решительного подъёма темпов хлебосдачи, обеспечивающих выполнение плана, к ним будут применены строгие меры взыскания, а секретарь обкома Рындин, председатель оргкомитета Советов Советников будут сняты с постов как несправившиеся с работой».[35] Далее шли кары: за срыв плана было приказано арестовать несколько десятков местных руководителей.

Народный комиссар земледелия начал закручивать гайки со скрежетом. К действию подстёгивал душевный дискомфорт, вызванный кремлёвским инструктажем и постоянными запросами. Из вояжа по районам он вернулся не в духе и спешил найти крайних. Областным лидерам с побелевшими от страха губами было приказано срочно созвать партийно-хозяйственный актив.

Третьего октября провинциальные заготовители собрались в зале обкома партии. Над кворумом повисла тяжёлая предгрозовая тишина. Им, поднаторевшим в репрессивно-поборной суете, разгромная статья в «Правде» и цековское постановление показались эхом далёкой московской политики. Нервозная перетрусь областных аппаратчиков дала, однако, понять, что московский гость будет похлеще Кабаковых и Рындиных, что грядут большие осложнения. Что саботажников могут найти и в этом зале. «Уже сидят!» — шёпотом ползло по залу сообщение о судьбе упомянутых в московской директиве.

Когда местная номенклатура расселась по местам, и у дверей встали доверенные ребята, слово предоставили наркому. Встречных аплодисментов не зафиксировано. Михаил Александрович был человеком прямым и сразу взял публику на испуг.

— Присмотревшись к тому, что творится на месте, я прихожу к выводу очень серьёзному — секретари райкомов, начальники политотделов МТС, не говоря уже о директорах МТС, совершенно отошли от руководства уборкой. Вот впечатление, основанное на тех районах, в которых я был. Того, что я видел на Северном Кавказе, когда мы там были с тов. Кагановичем, на Украине и т.д., у вас тут и духу нет.

Нарком не рисовался, отнюдь. Читатель помнит, что творила шайка Кагановичей, Микоянов, Черновых на Кубани осенью тридцать второго. В затянувшейся преамбуле нарком поплыл было в лёгкую сентиментальность — вспомнил романтические эпизоды выселения целых станиц, перековку станичников из упрямых в шёлковых и многое другое, делая особое тоническое ударение на коротких дружеских связях с секретарём ЦК Кагановичем. Про

секретаря Михаил Александрович явно врал. Не за что ему было любить Кагановича. Шилом в заднице качалась секретная телеграмма из Москвы, в которой Лазарь Моисеевич обещал в случае срыва областных хлебозаготовок воздать «другу» то, чем тот стращал уральских аборигенов.

— Надо будет телеграфно предложить, чтобы в каждом районе выбрать два-три колхоза и оштрафовать их на основании закона. Но оштрафовать так, чтобы в течение трёх дней штрафные деньги были взысканы и чтобы об этом было опубликовано в районной и областной газетах.

Колхозных председателей на совещании не было, поэтому наркомовский тезис прошёл под аплодисменты. Оценили не тривиальную суть, а сам факт высокого цековского признания номенклатурного подвижничества. Садить председателей колхозов было делом привычным.

— Надо в каждом районе, — свирепел нарком, — выбрать сельский Совет, где буквально разорить дотла трёх или пять единоличников и выбрать для этого таких, которые имеют лошадей. А такие ещё есть. Оштрафовать их в пятикратном размере рыночной стоимости несданной части хлеба и привлечь по статье 161 УК. В течение двух-трёх дней, или сколько там полагается по прокурорским законам, привести эти судебные приговоры в исполнение. И опубликовать в районной и областной газетах.

И этот тезис вызвал одобрительный гул. Особое впечатление произвела облеченная в высокую художественную форму мысль о расправе над единоличниками. В обрастающей пухом номенклатуре просыпался живой интерес к свежей фразе и позе. Ещё далеко не каждый секретарь райкома прятал в штате составителя или, на худой конец, редактора докладов. Всем хотелось выглядеть умными. Впредь все местные директивы безбоязненно и со вкусом тиражировали наркомовское «разорить дотла».

Зал эмоционально сдох, когда Михаил Александрович предложил устроить учебно-показательные расправы над механиками МТС и совхозов, для чего приказал дать повсеместно открытые судебные процессы над предварительно подобранными особями. Все поняли восходящую наркомовскую логику, не допускающую сомнений относительно того, что скоро и сидящих в зале возьмут за вымя. И дождались...

— Что касается наших руководящих товарищей, я лично считаю, что сегодня одного из секретарей райкомов надо снять с работы и исключить...

Нарком, нехорошо улыбаясь, пробежался по аудитории взглядом, но ответного не встретил ни одного. Все прятали глаза, как от Вия. Передние с демонстративным усердием что-то записывали в блокнот, задние, съёжившись, старались вписаться в габариты впереди сидящих. Утробистым это не удавалось, и они ныряли за чужие затылки головой. Взгляды членов президиума тоже явили глубокую внутреннюю сосредоточенность и повисли в пыльной бесконечности. Сидеть не хотел никто. Хотя все понимали, что тем, которые сейчас попадутся на глаза, саботажников пришьют на полную катушку — для отчёта перед вождём народов. Могильную тишину нарушал уловимый только нервно обострённым ухом топот осенних мух по оконному стеклу.

В этот почти мистический момент откуда-то сверху и спасительно прозвучала фамилия первого секретаря Бишкильского райкома партии. «Крупин», — свистящим шёпотом полетело по залу. Тут же выяснился криминальный факт. Или потому, что хвост ему накрутили по месту жительства, или потому, что всё уже понял, но на собрание поименованный секретарь не явился. Уловив, что на этот раз пронесло, секретарская часть публики вскипела пролетарским гневом. «Судить его, подлеца, позорящего высокое звание коммуниста!» Президиум ожил, оттуда послышались варианты расправы один смелее другого.

После секретаря дошла очередь до директоров совхозов и начальников политотделов. Нарком предложил исключить из партии, снять с работы и отдать под суд по одному экземпляру от каждой категории. Возникающие при этом процессуальные тонкости Михаил Александрович обещал уладить.

— У нас получается так, — перешёл нарком к практическим рекомендациям, — то трактор стоит, то комбайн стоит. А почему бы уполномоченному ГПУ не вызвать комбайнера и тракториста и не допросить их? Не обязательно их арестовывать, можно только допросить. Или председатель колхоза хлеб не вывозит — почему не допросить? Или в бригаде у какого-нибудь бригадира непорядки. Почему бы не взять бригадира за шиворот? Когда вы этот нажим проявите, каждый случай вызова не останется бесследным. Вызова для переговоров с ГПУ мужик боится и поэтому, если узнает, что его соседа уже в ГПУ вызывали, он постарается, чтобы его не вызывали. И ваша работа в деле помощи хлебозаготовкам должна быть построена на этой основе».[36] Тонкий знаток мужицкой психики развернул программу действий для всех, заложив в каждый практический совет долю персонально дозированного страха.

О событиях, развернувшихся в уральской деревне после наркомовского инструктажа, поговорим с документами в руках. Первый — письмо одного из председателей Кочкарского района, которое он решился направить секретарю Челябобкома ВКП(б) Рындину, секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу и в партконтроль. Скажу сразу — писал мужик зря. Да и то сказать, где она — правда-то, хоть пока пишешь, душа остынет.

«7 октября 1934 года, — сообщает «товарищам» истец, — приезжают в колхоз уполномоченный от НКВД и райкома Захваткин и начальник милиции Насонов. Сразу же заявили о необходимости сдачи хлеба. Им было отвечено, что колхозники авансированы хлебом давно и излишков у них нет. Контрольная цифра заготовок была уже выполнена. На что было отвечено, что не выполнили план заготовок по сельсовету».

Материалы разборки упоминают, что при вызове колхозников к уполномоченным последние в воспитательных целях развесили по стенам наганы и иной милицейский такелаж. Да и вели себя подчёркнуто нарывисто. На требование председателя колхоза отоварить продаваемое сверх плана зерно уполномоченные заявили, что сейчас разговор не о том. Упрямство председателя всех развеселило, и ему в последний раз было сказано, что мы создаём колхозы большевистские, а не капиталистические. В том смысле, что если Советская Родина очень хочет жрать, интересы колхозника не имеют никакого значения. «Будет тебе товар, жмот!» — отмазался обещанием начальник милиции.

Срочно, с 11 вечера до 4 утра, с помощью «актива» прошли обыском всю деревню. С рассветом первые 49 центнеров частного и колхозного хлеба вывезли в сельпо. В колхозные бригады отправили нарочных со срочным указанием — за ночь обмолотить и к 10 утра вывезти весь хлеб. Молотили под первый мокрый снег, и утром было вывезено ещё 96 центнеров. В колхозе не осталось и горсти хлеба. Председатель вдогонку получил нагоняй за то, что для вывозки хлеба снял с пахоты 72 колхозные лошади. Тягло надлежало забрать у единоличников.[37]

Вскоре на Урал прилетел сам Каганович с двумя вариантами будущего. Либо отмерить местным вождям по сроку, либо выдавить план. Об этом он и сказал на заседании бюро Челябобкома ВКП(б), аврально созванном 9 октября. В ответ секретарь ЦК услышал благодарность за отеческую заботу. Потом ему с приятным искательством во взглядах сообщили, что хлеб, слава Богу, пошёл. В обоснование благой вести показали сводки о поступлении зерна на пункты Заготзерно и документы отгрузочные. Лазарь

Моисеевич стребовал с уральских большевиков обещание выполнить годовой план в октябре и расправиться с вредителями.

Большевик, прибывший в родную вотчину после встречи с третьим-четвёртым вождём Союза, пылал естественным подозрением. Предоставленная возможность самостоятельно отыскать и поставить к стене вредителя одновременно и окрыляла, и придавала собственной персоне вес. Делала настоящим, пусть пока районным, но всё-таки вождём. Найти бы такого вредителя, мечталось каждому, чтобы в Москве изумились!

Чаяния местного вождя проследим через поступки секретаря Каргапольского райкома партии Павла Потатуева, который ровно через три года пойдёт под расстрел в одной струе с вождями общеуральскими. «Типичная провинциальная сволочь», — так ёмко скажет о нём на допросе в тридцать седьмом секретарь обкома Кузьма Рындин.

«Почти во всех колхозах, — телеграфировал он тому же Рындину, — мы встречаемся с таким обстоятельством, что первый обмолот идёт на покрытие продовольственных потребностей колхозников. Несмотря на ряд указаний, которые были даны мною, этот саботаж до сих пор не сломлен... Хуже обстоит с единоличниками. Благодаря отсутствию должного контроля со стороны сельсоветов, мы столкнулись с таким фактом, что они сжали почти всю рожь, сушат в банях, мелют на ручных мельницах и едят, и ни одного килограмма не сдали государству... По этому делу принято специальное решение».[38]

Вредительские настроения, заметил секретарь, проскальзывают у некоторых партийных руководителей. Так как колхозники не имеют хлеба, надо, мол, в первую очередь накормить тех, кто хлеб убирает. «По этим вредным настроениям я крепко ударил». Эта сторона чертогона означала принудительное изъятие всякого хлеба и сопутствующие тому кары. В те годы модным было изъятие у населения ручных мельниц. Рушалками зовут их на Урале. Конфискация ветряных мельниц многое изменила в сельском быте. За размол на государственных мельницах следовало платить гарнцевый сбор, равный десятой доле привезённого.

Платили таковой и раньше. Подножка судьбы заключалась в другом, обращаясь на мельницу, колхозник или единоличник дешифровали себя. Давали понять, что хлеб у них ещё есть. Заготовитель подкарауливал крестьян на мельнице. Хлеб просто изымали. После подворного шмона наличие хлеба давало основание для уголовного преследования. На мельницы хлеб возить не стали. Через них пропускали только колхозный продукт, предна-

значенный для общепита. Практически деревня тридцатых жила тайным помолом, за который власть жестоко преследовала. Факт скрытого помола считался откровенным вредительством, так как сопровождался сокрытием от государства гарнцевого сбора.

В горных районах Урала переработка зерна велась обычно на рушалках с каменными жерновами. После недолгого притирания такая снасть при двойном пропуске даёт вполне приличную муку. Каменные жернова изготовить трудно, а разбить легко. Вскоре Урал перешёл на жернова деревянные, которые характерны для равнинного Зауралья. Сделать их просто. В жёрнов, выпиленный из узловатого берёзового комля, набиваются осколки чугунка. Сначала всё крутится туго и искрит, но потом постепенно притирается. Круглыми ночами деревня довоенная и послевоенная вредительски крутила это самодельное орудие.

Потому ночами, что боязно было. Карательные органы бдили, памятуя о директиве областной прокуратуры на сей случай. Возмущённая тайным помолом на ручных мельницах и ступах, она приказывала: «Лиц, производящих размол на ручных мельницах, привлекайте к уголовной ответственности, применяя закон от 7-8-1932 об охране социалистической собственности, статьи 58-7, 105 УК... Немедленно изымайте мельницы у их владельцев как средства преступления...»[39]

Злость давала метастазы во все члены и органы. «За период уборочной кампании, — объявил на совещании в РК Павел Потатуев, — мы в нашем районе имеем около 12 случаев террористических актов». «Эти акты, — продолжил он, — связываются с избиением комсомольца, избиением руководителя пионеротряда, избиением учителя, убийством бригадиров, убийством бригадира-женщины, избиением члена сельсовета в Игнатове, нападением на зампачполитотдела тов. Дерябина, нападением на моего заместителя и начполитотдела Буквина, убийством в колхозе «Огонёк». Большинство этих дел ещё не вскрыто».

Среди тех, кто отреагировал на ужас неадекватно, оказался молодой начальник райНКВД Кошкарев. Потребовали объяснений. «Может быть, я молодой чекист, — сказал он, робко откашливаясь и стараясь не встречаться взглядом с человеком, видевшим живого Кагановича, — может быть, я потерял классовое чутьё... Покушение на начальника политотдела и зам. секретаря РК, как бы я ни был политически близоруким, но все же придал бы делу серьёзное значение... Мы выехали и убедились, что в этом факте никакого покушения не было...»

Райкомовская версия событий была похожа на сценарий революционного детектива — два часа нашим плохо, но потом всё равно победят. Идёт начальник политотдела Буквин и секретарь РК по деревне Житниково. Навстречу бандитская группа в пять человек. Кого-то бандиты якобы схватили и давай трясти. Один из нападавших выхватил револьвер и закричал: «Ни с места, стоять!». Наши просто чудом спаслись.

«Оказывается, — искорёжил версию чекист, — они шли, идёт напротив них — пьяный человек, председатель колхоза выдвинулся вперёд. Дескать, чего ты шумишь? У этих товарищей (так он про бандитов. — **А.Б.**) кроме балалайки ничего не было. Все они находятся у нас под арестом незаконно.

Далее возьмём нападение на Дерябина — заместителя начальника политотдела. У нас есть заявление Дерябина, что нападения на него не было. Пришёл пьяный человек на собрание, начал кричать. Его вывели, он пришёл во второй раз. Потом кто-то говорит, что у него бердан. Захватили — никакого бердана не было. Сейчас этот человек осуждён за это дело, но говорить о нападении не могу. Нет никаких таких фактов...»

Зелёный от злобы секретарь райкома потребовал поддержки от начальника политотдела Каргапольской МТС — у тебя под носом такое творится! Тот долго юлил между правдой и должностью и оставил от факта одну кожуру. «Был случай, пришёл пьяный мужик, в прошлом исключённый за хулиганство, и поднял скандал. Узнав об этом, я поехал и привлёк его по закону от 7 августа 1932 года».[40] Чекисту больше слова не давали. Не тот попался чекист. После совещания ему объявили, что от должности он освобождён, ибо не имеет никаких способностей к самостоятельной оперативной работе.

Многие дела на навозного вредителя сработаны топорно. Сюжеты преступлений в основном завязаны на бытовой пьянке. Драма или трагедия вспыхивают обычно в том состоянии, когда ещё очень хочется, но уже ничего нет. Активный поиск приводит к обострению событий, из которых опытный следователь может высеять контру.

Частенько компромат лепился во время первого допроса. Пребывая в состоянии похмельной анемии, обвиняемый искренне изумлялся версии вчерашних событий, излагаемой следствием. Возражать он не мог, ибо выпал из рассудка задолго до их кульминации. Иногда пьянка и спасала. Скинулись на троих, выпивши потянуло на разговоры о троцкистах. Случайный и трезвый донес. Посадили только двух. У одного железное алиби — вырубил-

ся до разговора. Если говорить вообще, идеологическую гниль трудно отличить от наших национальных особенностей. Потому, верно, самым ходовым вопросом следствия по контрреволюционным делам был чистый юридический абсурд: «В чём конкретно вы признаёте себя виновным?».

Вредитель-интеллигент, в коем национальные черты потёрты образованием, обходил ловушку, неся какую-нибудь стороннюю чушь. Вредитель от земли выбивал клин клином: «Пиши сам, я же ни хрена не помню!» Вот и выходило, что по каждому делу следствие писало целый детектив.

Областные карательные органы работали тоньше и с сиволапым вредителем дел не имели. В центре показательных процессов, которые после визита Кагановича пошли по всему Уралу, вертелся деревенский комсостав. Газеты из номера в номер, разворотом, под шапкой «Нет пощады врагам народа!» громили район за районом. Под показуху выводили целыми колхозами, по делам пустили вредительско-бандитские организации. Кто из местных знал, что на район есть разнарядка — три правления под суд со сроком, одно под показуху с расстрелом.

Возьму типичный пример. 16 октября сессия облсуда открыла показательный процесс по бандитской группе из колхоза «Победа» Кочкарского района. Саботаж заготовок, падёж скота, укрывательство хлеба и иная классика вредительства. Про ужасную колхозную бесхозяйственность юристы с гневом говорили три дня. «Считая всех обвиняемых особо социально опасными», облсуд приговорил Дмитрия Соколова — председателя, Журавлёва Фёдора — счетовода и Лебедева Гордея на основании статьи 58-14 УК «подвергнуть высшей мере социальной защиты — расстрелять с конфискацией всего имущества». Двоим подсудимым дали по 10 лет по указу «семь восьмых».[41]

Год, начавшийся вроде бы спокойно, раскачался до ежедневного страха ареста и закончился событием, к которому всё шло. 1 декабря 1934 года в Ленинграде убили Кирова. Злодейски, скажут те, для кого после обвала коммунизма он остался олицетворением государственного ума и честности. Может и те, понимающие, что особое отношение к Кирову вызвано его гибелью до мясорубки тридцать седьмого, разделившей всех на хороших и выживших. «Собаке — собачья смерть!» — говорили вслед Кирову хлебнувшие горя от советской власти. И даже рисковали не выходить на обязательные траурные митинги.

Как ни крути, если мировая война неизбежна, кто-то должен стрелять в принца. Для перехода от борьбы с вредителями к борь-

бе с врагами народа нужен был яркий повод. Лучше смерти Кирова для причины не найти. Вечером 1 декабря 1934 года секретарь президиума ЦИК Авель Енукидзе подписывает документ, ради которого был реализован трагический сюжет. Акт вопиющего бесправия, который стыдно показать на свет мирской. Потом сотни тысяч подрасстрельных приговоров будут обязательно ссылаться на эту бумажку.

«1. Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».[42]

Вскоре страну порадовали сообщением Наркомвнудела о вскрытии террористического подпольного ленинградского центра. Расследованием было установлено, что «антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс, политически обречённую и ставшую, ввиду безнадёжности осуществления своих целей, на путь террора». Понятно, что замкнутая и безнадёжная. Менее года тому назад, на 17 съезде партии, названном съездом победителей, Сталин сказал, что СССР почти очищен от мерзости и вроде бить-то больше некого. Тем не менее, по партийной линии прошли строгие директивы, обязывающие немедленно и повсеместно провести собрания и митинги с суровыми резолюциями в адрес обнаруженной НКВД ленинградской контры.

В середине января тридцать пятого пошёл приговор по «московскому» центру (по 5-10 лет каждому) и списки на сотни фамилий, приговорённых Особым совещанием при НКВД СССР к ссылке. В тюрьмы Урала прибыла партия солидных заключённых. Как оказалось, в гости. Через полтора года кое-кого из них срочно вывезут в столицу, чтобы теперь расстрелять по делу «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра».

Собрания и митинги, инициируемые по поводу убийства Кирова и показательных процессов на рубеже 1934-1935 годов, не были пассивным проявлением скорби или солидарности с дейст-

виями НКВД. Каждый митинг, учила нас «Правда», должен стать школой классовой ненависти и пролетарской бдительности. «Долой позорную нейтральность!» — призывали партийные провокаторы и требовали строгого учёта присутствующих на митингах от коллективов и домоуправлений. Не явившихся сразу заносили в списки пособников международной и внутренней реакции. Прежде чем следить за быстрым окукливанием вредителей во врагов народа, бросим взгляд на эволюцию тайной, в основном деревенской, антисоветчины.

Советскую власть крестьянство не любило никогда. Но особенно в годы великого дурелома. Архивные материалы ОГПУ и НКВД о политических настроениях на Урале свидетельствуют, что деревня погрязла в антисоветчине. В нынешнем парадоксе сплошного её покраснения ни чувств, ни преданности идеям искать не надо. К колхозу и партии мы привыкли, забыв, во что они обошлись нашим прародителям. Если отсохла память о родителях, в душе нет места Богу. А с точки зрения желудочного материализма, лучший из колхозов тот, где можно безнаказанно воровать. Поэтому в памяти деревенской розовеют короткие времена расточительного развитого социализма.

Большевики-классики на сельских смотрели подозрительно, считая деревню рассадником мелкобуржуазной гнили. Больше всего раздражало упрямство мужика. Да, в поступках деревенский хозяин упрям, а в мыслях и вовсе тёмен. С позиций марксистского миропонимания, перед большевиками стоял примат. Перековка такового в большевика нашла два исторически безупречных направления: умиляющая до сих пор борьба с неграмотностью и статья 58 дробь 10 УК. Начну со статьи.

— Пропагандаили агитация — гласит мировоззренческий лимит — содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 — 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса». Не ищите Уголовный Кодекс 1926 года. Он теперь редкость. В этой статье, обещается расстрел, объявление врагом народа и лагерь при смягчающих обстоятельствах.

Второе направление борьбы с вредными наклонностями мужицкой головы прямо вытекает из вышеуказанной статьи УК и известной проповеди главного вождя — «учиться, учиться и ещё раз учиться!» Ученье — свет. Это истина абстрактная и, стало быть, буржуазная. В пролетарском государстве истина конкретна, поэтому полезный спектр всякого знания очерчен статьёй 58-10. Две трети каждой отрасли научного знания закрашивается этим лимитом в контрреволюционный цвет. Особенно не повезло экономической теории. Тут морально устарело почти всё, вследствие чего самые броские отечественные умы уже в тридцатом надёжно сидели в суздальском изоляторе для учёно-заключённых.

Широко развёрнутая борьба с безграмотностью имела естественные цели — плодить не анархически мыслящих, а головы правильного умосложения. Для деревенского мужика образование полезно в том плане, чтобы вырвать его из лап векового хозяйственного опыта и религиозно-нравственного восприятия мира. Первое полагалось заменить колхозным строем, второе — любовью к партии. Образованность, необходимая для соблюдения колхозного устава, чтения советских газет и творений соцреализма, делает ненужным многое из ранее написанного. Кампания ускоренного просвещения сопровождалась чисткой книжного фонда: изъятием учебников, художественной, научной и религиозной литературы.

Впредь советский ребёнок должен был учить, что ма-ма мыла ра-му, а всё хорошее создал дедушка Ленин с большевиками. Затем школьнику придётся восхищаться предреволюционными образами, куклами, сшитыми из обрезков творчества Пушкина, Лермонтова, Толстого. Куклы вместе с классиками полетят в поганое ведро, как только волны свободы вынесут на берег коммунистической робинзонады первые тома зарубежной похабщины.

Тема цензуры нашей жизни бесконечна и банальна. Кинем случайный взгляд в её провинциальную историю — и мимо. «В связи с тем, что за последнее время очень много запрещено драматических, вокальных и музыкальных произведений, как антисоветских, малохудожественных и антихудожественных и т.д., поэтому ни одно выступление (спектакль, концерт, выступление самодеятельности) не должно допускаться без разрешения начальника Райлит». Воспитательная бумага подписана Уполномоченным Главного Управления по контролю за зрелищами и репертуаром Жмаковым и Инспектором Управления Искусств по народному творчеству Бондаревым (Челябинский облсовет). В помощь растерявшимся даётся список вокальных произведений, пьес, оборонных, революционных, колхозных, комсомольских пе-

сен и инструментальных произведений, идейное содержание которых не вызывает опасений.

В тридцать две вещи, тщательно выбранные из мусора мировой культуры, вошли: «Интернационал», «Варшавянка», «Замучен тяжёлой неволей», «Конная Будённого», «Ворошиловский марш», марш ударников и т. п. «Народные песни, — разъясняют УГУ и ИУИ, — можно включать в репертуар, для чего предварительно утвердить у начальника Райлит».[43]

Идея интеллектуальной перековки соотечественников есть предтеча советского дарвинизма, открытого Лысенко. Суть его столь же гениальна, как и проста. Если человека долго кормить овсом, то он непременно когда-то заржёт. Учение Трофима Денисовича всесильно, мы заржали. Не все и не сразу, чему виной скорее патриархальное, чем интеллектуальное упрямство.

Антиколхозная ересь плодилась на каждом шагу столбового пути. В зарю коллективизации власть реагировала на неё только в том случае, когда это вытекало из потребностей заготовительной или хозяйственной кампании. При относительно нормальном ходе работ к творческому словоблудию в адрес колхоза относились сносно. Садить сразу не садили, но и мимо ушей не пропускали. Во времена бдительности за антиколхозную частушку могли повесить срок. В серой массе деревенской антисоветчины, забившей сводки ОГПУ, лишь изредка мелькнёт факт, достойный профессиональной бдительности и истории.

На первых порах все факты словесной антисоветчины невозможно было свести к какому-то общему смыслу, угадывалась лишь тенденция. В каждом углу Урала несли абы что, но всё на родную партию. Сын бывшего екатеринбургского купца Мартынов распространял по городу контрреволюционные слухи, что все серебряные деньги России вывезли в Палестину, так как в большевиках сплошь ходят евреи.

Еврейское происхождение нашего коммунизма не вызывало сомнений у последнего деревенского краснобая. Органы бдящие считали подобный наклон мыслей страшно контрреволюционным. «Карл Маркс еврей?» — пытался срезать лектора мой деревенский земляк. Другой бы пропагандист потерял лицо, выползая из-под неопровержимого и печального исторического факта. В данном случае нашла коса на камень. «Да, еврей, — было вызывающе сказано в ответ, — но он у них один такой умный, а у нас весь народ теперь думает правильно!»

Не успели взять купца-провокатора, шум поднял дьякон Ивановской церкви Лушников, призывавший паству не держать

на руках бесовские советские купюры, а менять их на золото или деньги приличные. И сам прилюдно занимался валютным обменом. Попа-капиталиста взяли немедленно. В Юго-Осокинском районе контра обнаглела. Там объявился и пребывал в большом авторитете «отец Иван», который, якобы, учился вместе с Лениным в Казанском университете. Батюшка знал Володьку Ульянова хорошо, но знал человеком очень хреновым, о чём и поведал своим прихожанам. Однокашника Ильича выследили и взяли.[44]

Позднее инакомыслие стало вызывать особую тревогу политического сыска. Почти в каждом даже захолустном районе вдруг объявились тайные пророки. Хорошо бы вещали о конце мира, такое на Руси не в диковину. Нет, околотошные саванароллы либо изустно, либо в подмётных письмах предсказывали конец советской власти. Чекисты не успевали сдирать с заборов и отправлять в область прокламации, призывающие то сбросить к чёрту советскую власть, то прогрессивно её реформировать, сохраняя «ленинские принципы».

Смешно сказать — мы в девяностых начали умнеть с того, что в тридцать первом можно было прочитать на заборе. До подхода, разумеется, гепеушника или визуально определимого стукача. И что сейчас можно найти в архивных информационных сводках ОГПУ. В самом деле, чем отличается от недавних демократических манифестов эта, к примеру, листовка, имеющая хождение зимой тридцать первого в Троицком округе?

«Текущие события в области политической жизни страны, в частности нашего края, дают определённое представление о том, что ждёт, в конечном счёте, Россию. Гибель её неизбежна, если только русский народ — рабочий и крестьянин теперь же, немедля не заявит законного права на основное существование. Если мы заглянем в историю русского государства, во времена самозванщины и другие смутные времена, то увидим, что Россия в целом такого разбоя и насилия не переживала. Недаром заграница заговорила о русской власти, основанной на бандитизме и, кажись, недалеко то время, когда сталинскому правительству будет предъявлен счёт к платежу. Всякого рода бахвальства о могуществе России — пустые слова. Где, в ком и чём видят коммунисты свою опору? В армии? Нет, пустые надежды! В ней сыны того народа, который теперь несёт разорение. Каждый боец знает, к чему он вернётся из рядов армии.

Смотрите, какое насилие творится над крестьянином-хлеборобом. Силой его толкают в колхоз, где он должен делиться своим достоянием, кормить ту голытьбу, на которую сделана ваша

последняя ставка. Разве случайно явление убийств советских активистов, рабкоров, селькоров и прочей большевистской сволочи. Это гнев народа. Такие акты совершаются не отбросами общества, а людьми прекрасно сознающими, что всё равно, ни сегодня-завтра умирать придётся тем, кои не дождутся помощи извне... Не пора ли вам, босяцким активистам, бросить сталинскую политику? Пока не поздно. Иначе, в годину расправы, пощады не будет. Пусть здравый рассудок будет вашим руководством».[45]

Несколько этих листовок содрали с заборов и направили на экспертизу. Перетрясли всю местную интеллигенцию, но автора, к счастью, не нашли. Так как в других регионах страны прокламация такого содержания не появлялась, нераскрытую контрреволюционную вылазку занесли в пассив уральского ОГПУ.

Зато дело с «Проектом обновления России» удалось закрыть быстро и эффектно. Автор проекта — потомственный дворянин Хопушанский К.П. — легально разослал свои посильные соображения во все партийные инстанции, ожидая в равной степени похвалы и критических замечаний. Содержательно идея явилась предтечей некоторых моментов солженицынской «Как нам обустроить Россию», сахаровского проекта конституции и горбачёвской перестройки. Сказано это никак не в обиду достойным сыновьям России и почётному гражданину Берлина, а исключительно в заслугу автору проекта.

Внимательно прочитав проект, адресаты вынесли авторитетный диагноз обращаться с подобными мыслями в партийные органы может только человек надёжно сумасшедший. ГПУ за таких деньги платят, а тут сам пришёл! Жизнь зла. Почти каждый гений в житейских поступках больше смахивает на дурака. Дворянина арестовали. Шесть месяцев пребывания в следственном изоляторе выявили у реформатора клинически опасные симптомы прогрессирующего демократического радикализма. С чем и определили его в пермскую психушку.[46]

Леволиберальные проекты совершенствования социализма носили сугубо местный характер, следствие они волновали в меньшей степени. Писали их преимущественно престарелые ветераны Октября и гражданской. Авторы легко высвечивались по корявому почерку, гармонирующему с неандертальской простотой мысли. Будучи доставленными в ГПУ, они покорно принимали курс идеологической терапии. Если классовое происхождение не отягчало вины, с подследственных брали подписку о благонамеренном впредь поведении и выпинывали за дверь.

Расклеенная, например, по деревне Долинской Тобольского округа листовка характеризовала своего создателя истинным революционером с человеческим лицом, глубоко оскорблённым жестокой сталинской деспотией. Срочно прискакавшего из райцентра уполномоченного ГПУ событие озадачило двумя взаимоисключающими версиями. Обвинительно-аналитическая часть преступного документа была изыскана в слоге и отпечатана на машинке. В деревне столь подозрительно одарённых не числилось. С другой стороны, в заключающем манифест лозунге, выведенном химическим карандашом, — «вставай, Ленин; вставай, дедка, — за...ла нас пятилетка!» — улавливалось нечто деревенское. «Ленин встал, развёл руками — что поделать с дураками!» Это удачное продолжение шедевра чекисты стёрли со стены туалета в тресте «Востоксталь», что в самом центре Свердловска.

Классика не стареет. С этого же, хотя лексически огранённого призыва, начинал всякий бьющийся на слуху нынешний отечественный политик. Со слёзной ностальгии по забытым ленинским принципам. Кастрированный по НЭП Ильич трепетал на знамёнах перестройки. Сейчас, вырвавшись в пампасы свободы, адепт и выдвиженец КПСС кроет святых матом и размашисто крестится, уверяя, что начинал революционно-демократическую практику ещё с антисоветских надписей в туалетах ВеПеШа.

Зоревая пролетарская антисоветчина, разнообразная по смыслу, сводилась к общему знаменателю разочарования — знать бы, что такое Советская власть, сам бы пошёл воевать против. Со временем контрреволюционное осознание собственной глупости пришло во все сферы уральского общества и обогатило практику классовой борьбы милыми частностями, без которых от истории остаётся лишь арматура исторического материализма.

Естественно, что контра в первую очередь поразила гниль человеческую — интеллигенцию. Начальные пробы на наличие в высших и средних учебных заведениях троцкистского вируса дали выраженную положительную реакцию. Хорошо бы обнаружились какие-нибудь двурушники или косвенные пособники. Нет, пошёл отборный идеологический негатив! В январе тридцать пятого НКВД представляет Свердловскому обкому ВКП(б) обширный список вузовских преподавателей, отчасти снятых с работы, отчасти уже посаженных за антисоветчину. Компромат получен из трёх классических источников — из оперативно-сыскной работы, из доносов и проверки студенческих конспектов.

Ум — самое опасное человеческое приобретение. Больше ума — больше скорби. Простой человек, положительное ощущение

жизни в котором замыкается чувством сытости, и как государственная особь более предпочтителен. Инстинкт буйства просыпается в нём по зову желудка. Если такового нечем кормить, заморить червячка можно либо обещанием светлого будущего, либо сивухой. Умственно жадный склонен кривить рожу по соображениям интеллектуальным и язвить по адресу самых святых.

Чего бы, казалось, надо профессору химии университета Маковецкому, которого ГПУ взяло зимой тридцать второго? Паёк? Есть. Ну и гони свою безобидную для дела революции неорганику. Нет, извернулся-таки! Почти каждую свою лекцию он начинал сожалениями, что Советская власть пришла рано. Опоздай она хотя бы лет на десять, резонировал гад, можно было бы дожить до смерти спокойно. Учёную контру отправили на три года в ссылку, чтобы лучше освоил органику.

Оппортунизм многолик. В глуши его физиономия деревенски проста — какой-нибудь падёж скота, порча хлеба и т.п. В сфере уральской богемы крамола много изощрённее, порой необходим высокий профессионализм, чтобы отличить вещь художественную от вещи вредительской. «С начала сезона 1931-1932 года, — сообщение о вредительстве духовном, — в Свердловском оперном театре отмечен ряд безобразных явлений, вредно отражающихся на работе. В театре процветает педерастия, возглавляемая балетмейстером Сергеевым. По имеющимся у нас сведениям, из балетного цеха оперы — 70% педерасты». Сексот-общественник детально излагает факты половой эксплуатации артисток и, это уж ни в какие ворота, использования артистами спецраспределителя для иностранцев. При опере был создан буфет, обслуживающий европейских и американских специалистов.

Криминал контр-музыкального жанра выглядел так. «Артист Коробейченко по квалификации лирический тенор, а исполняет партии драматического тенора (в «Борисе Годунове» — Самозванец, в «Пиковой даме» — Герман). Театральная общественность обратилась к секретарю партячейки театра — на 15-ом году Советской власти подобные явления не могут быть допустимы в нашем театре! Публика Коробейченко хорошо принимает потому, что не разбирается в голосах».[47]

Хронологический генезис антисоветчины — не лучший метод изложения материала. Как всякий творческий процесс, он более подвластен личности и случаю, чем законам, вскрытым классиками марксизма. Гений может выпасть недоношенным. Другое дело — борьба с антисоветчиной. Тут количество переходит в качество своевременно. До конца тридцать четвёртого чертогон вредителей

в основном осуществлялся самой властью и карательными органами. В последующие два года охота на контру приняла характер общенародной художественной самодеятельности. Повсеместные и обязательные митинги, провоцируемые закрытыми письмами по поводу смерти Кирова и показательными процессами над троцкистско-зиновьевским блоком, были похожи на ту степень коллективного творческого озлобления, когда хор ещё не в голосе, но провокатор-дирижёр уже профессионал.

Действительно, Кирова большинство населения страны и не знало. Не вгони большевики вслед за ним в могилу сотни тысяч безвинных, умер бы мужик в честном бесславии. Преобладающее мнение что-то слышавших о ленинградском секретаре памяти о нём не святило. «Одним партийным вонять на свете меньше будет», — сказал (дано в протокольном изложении) колхозник из-под Еланской МТС Фалалеев и надёжно сел за это. Ну убили одного большевика, вслух рассуждал на народе комсомолец Семухин из деревни Макуй Слободо-Туринского района, значит, хлеб на пятак дешевле будет. К бестактному выводу он пришёл на в принципе верном наставлении отца, что чем меньше коммунистов в России, тем больше хлеба. Отделы ГПУ Еланского и соседних районов доносили, что по рукам ходят контрреволюционные «кругосветные» (прочитай и передай другому) материалы — толстые тетради с антисоветскими частушками и поэмой на смерть Кирова, написанной под общеизвестного «Луку Мудищева».

Кадровым партийным работникам в кампаниях осуждения предстояло вогнать широкие трудящиеся массы в состояние пролетарской бдительности. Раскачать народ на взаиморазоблачения. С этой целью на каждое собрание заранее из местного материала подбирались кандидатуры для обвинения в троцкизме и двурушничестве. На них переносилась ненависть после того, как публика разогреется на осуждении вредителей московских.

Лучшим экспериментальным материалом считались партийцы, замаранные в какой-либо прежней фракционной деятельности. Таких выволакивали на свет за милую душу и требовали публичного саморазоблачения. Идейных меньшевиков и троцкистов в городской провинции очень мало, а в деревне про них не знают совсем. Ближайшим суррогатом троцкизма пошёл народ с тёмным прошлым и белыми пятнами на нём. На подозреваемых кадровики составили биографии с реестром провокационных вопросов.

Стенгазеты и иная печать обратились напрямую к народным массам с требованием давать письменный, пусть даже анонимный, компромат на местных троцкистов. Доносительство маскировалось

патриотическим порывом — помочь органам НКВД в разоблачении контрреволюционных гадов. Всё напоминало события годовалой давности. Вычищенцы той чистки, кстати, повсюду проходили потенциальными кандидатами в троцкисты.

Первый показатель пролетарской бдительности — число выявленных и разоблачённых вредителей. Тут, как и везде, нужна была сугубая осторожность, ошибаться в ту или иную сторону было опасно. Много троцкистов — куда, сволочи, раньше смотрели? Мало вредителя — опять плохо, потеряли классовое чутьё.

Выход подсказал опыт. Вредителей попадалось много, их вычищали, требовали саморазоблачения, а потом дела передавались в НКВД. Таким образом, на-гора шёл вредительский полуфабрикат, решать судьбу которого поручалось органам на то компетентным. Проблем с массой троцкистов не существовало и по той фатальной причине, что неосторожный на язык и злую шутку народ наш для привередливого суда чистый подарок.

Слесарю «Автотранса» Баранову почему-то захотелось выступить. «Отдельные члены партии, — солидно и самокритично начал он, — крепко виноваты в смерти Кирова». «Кто конкретно?» — прервал его вопрос из бдительного президиума. Обвинитель почти услышал, как за его спиной захлопнулась дверь мышеловки. Местные большевики сидели в президиуме, а из московских на памяти болтался один Сталин.

Молчать было страшнее, посадят, ещё вероятнее — шлёпнут за сокрытие и пособничество. Слесарь поплыл умом, понёс что-то про склероз и медленно оседал на ватных ногах. Надо было прыгать через собственную могилу. После собрания он аллегорически разводил руками, как в том анекдоте про случку двух ежей, холодно потел, потом прослезился и, написав покаяние, приказал жене собирать вещи.

Другой выступающий начал классически. «Товарищ Сталин выдумал правильный лозунг — «Кадры решают всё!» И, смело посмотрев в зал, хотел было критиковать троцкистов. «Выдумывали Пушкин да Лермонтов, — нарывистым тоном перебил председатель собрания, — а товарищу Сталину, было бы вам известно, ничего выдумывать не надо. Он и так всё знает!». Договорить оратору не дали, а отправили готовиться к завтрашнему саморазоблачению и посоветовали разобраться в различиях между пустой литературой и вечно живым марксизмом.[48]

При проведении кампаний осуждения обращали пристальное внимание на качество и ассортимент вредителей. Всенародное обсуждение писем ЦК и приговоров Верхсуда означало, что троц-

кизм должно выкорчевать изо всех сфер жизни и предприятий. Одной деревенщиной, предупредили сверху, на этот раз не отделаетесь. Элитный троцкист получался из вредителей с партбилетом. Это была и самая трусливо-податливая часть троцкистов.

С архивных страниц тихо осыпается труха окаменевших лакейских слёз. Читать противно. Редко встретишь порядочное отношение к року. «Разрабатывается вопрос принципиального характера, а для этого нужна какая-то жертва, и более подходящим для этой цели оказался я. Ну что же, если это нужно в интересах партии и в интересах рабочего класса, пускай я буду этой жертвой».[49] Такое выдал, уходя во вредители, один из руководителей Полевского района. Конечно, тоже корова, но не зло мычащая, а впавшая в глубокомыслие перед воротами бойни.

Обвинения в контре единоабсурдны, но по разоблачённым троцкистам и двурушникам требовалось разнотравье. Образцом троцкиста-технаря можно взять исследователя Свердловского пединститута Иванова. Того самого, что прилюдно критиковал Сталина за техническую безграмотность, ударничество на домнах называл авантюризмом, печатался в зарубежных фашистско-научных журналах. После отказа в защите диссертации в родном институте этот гад надумал отправить документы в Академию наук Швеции. В области политической был ещё махровее, ибо говорил студентам, что в Испании воюют не добровольцы, а регулярные советские части.[50]

Не избежал сурового суда своих товарищей и тёзка антисоветского инженера — студент химфака Ваня Иванов. Попытка держать себя на особицу от здорового в целом коллектива обошлась ему боком. На обвинительном собрании он молчал как рыба, но показаниями бдительных товарищей его контру доказали полностью. В разговорах химик неоднократно заявлял, что Калинин в правительстве — старушка с клюшкой, которой поручают подписывать самые грязные документы, что свободная продажа хлеба есть хитрая уловка скрыть его недостаток. Вундеркинда перевели на гулаговское довольствие.[51]

В организации старых большевиков при Ленинском райкоме ВКП(б) города Свердловска числилось семь человек. Почётные большевики тихо паразитировали на партийном стаже, воспоминаниях о подпольной работе и редких приглашениях в какие-нибудь очистные комиссии. С получением разнарядки на выявление одного пока внутреннего троцкиста ветераны не взроптали и приняли её как намёк на сокращение штатов.

В организации состояло пять мужиков, что по законам внутрипартийной демократии предопределило исход. То, что из двух старых большевичек в троцкисты попала Уфимцева, надо отнести на волю случая. Причиной, вполне допустимо, мог стать отказ выступить с воспоминаниями о борьбе с троцкизмом в годы подполья. Уфимцева пыталась сослаться на хронический склероз. Тогда товарищи по партии помогли ей вспомнить, что её муж тоже ходил в троцкистах. Сожительство с идейно чуждыми в Стране Советов считалось последним грехом. Вспомним указ сорок седьмого о запрете браков с иностранцами.

Отлучение ветерана от большевизма сопроводили шедевром, в котором, как в «Короле Лире», изящный слог гармонирует с высоким трагическим содержанием. «Строительство нового социалистического общества встречает и будет встречать на своём победоносном пути сопротивление умирающих враждебных классов. Попытки, хотя бы и бесплодные, остановить неумолимый закон своей неизбежной гибели, не останавливаясь перед самыми гнусными и подлыми методами...». Хорошо, одним словом, проводили старуху.[52]

Деревенские собрания по осуждению троцкистских отщепенцев проходили вяло. Во-первых, на село разнарядок по троцкистам не давали. Тут достаточно садили по делам уголовно-земным. Вторую фундаментальную причину изложила колхозница Губина из Еланской МТС. «Нас никуда не возили, мы ничего не знаем и не понимаем, нас надо учить, а лучше бы совсем исключить из партии». «Дура ты! — сказал ей глазами сосед по собранию и вслух добавил, — разве не видишь, что за троцкизм садят больше счетоводов да механиков, то есть людей с тямом. Выучимся, как ты говоришь, и загремим все в троцкисты». «Так оно, — согласился механик МТС Демидов, — коммунистам надо учиться, а они беспробудно пьют».[53]

Колхозники неохотно шли на злые собрания, зная, что вслед за осуждением бывших вождей начнут требовать повышенных обязательств и пилить за плохую работу. А тут можно и сорваться. Как, к примеру, председатель сельхозартели «Первое Мая» Частинского района. Митинг был в другое время и по поводу кончины другого вождя, но в конце опять завели про падёж скота. «Орджоникидзе хорошо жилось, — в сердцах ляпнул наш председатель, — да и то умер, а чего вы хотите от наших коров, которых неделями нечем кормить?».

Как бы ни были интересны и трагикомичны сюжеты местного чертогона, надо всё-таки взлетать. Лавинообразная масса дел, пе-

редаваемых в НКВД с мест коллективного разоблачения, и ужасала, и радовала. Народ озверел до состояния пролетарской бдительности, и это было хорошо. С другой стороны, десятки тысяч индивидуальных дел (только по Уралу) на троцкистов явных и слабоподозреваемых делали следственную работу, да и судебную процедуру, утомительной до невозможности. Интенсификация классовой борьбы пошла по двум основным направлениям.

Одно из них напрашивалось логикой событий. Надо было отбросить к чёрту всю уголовно-процессуальную сторону расправы. Если блюсти мелочи даже советского процессуального протокола, не хватит ни ума, ни вещественных доказательств, чтобы засадить в лагерь самую изворотливую и опасную контру. К концу пятилетки обещалось построить бесклассовое общество, а тут бумажной работы до пенсии. Поиск дал лучшее изобретение отечественного правосудия — тройку.

Технологические изменения носили здесь эволюционный характер. Заметно, что с середины тридцать пятого стихию индивидуальных дел по троцкизму упорядочили в крупную зыбь дел по вредительским группам. К резолюциям собраний и митингов теперь НКВД относилось критически. За троцкистов в розницу с укоризной выговаривали. Вытаскивать на особое совещание какого-нибудь языкастого слесаря — много ему чести, а прогонять через суд народный — много писанины.

Секретным циркуляром от 2 июня 1935 года, который подписали Ягода и Вышинский, процессуальную волокиту утопили в прошлом. Бумага предписывала тройкам УНКВД все дела по обвинению проживающих вне областного центра рассматривать без вызова обвиняемых. «У-у-х!» — облегчённо вздохнули местные юристы-каратели. Их освободили от психических мук работы с наличным контрреволюционным материалом. Выносить приговор заочно много спокойнее.

Из той же экономии судебно-следственных мук вышли на правило — если в низовом коллективе разоблачено более трёх троцкистов или зиновьевцев, выгоднее вязать их в сноп контрреволюционной организации. Болтали, скажем, студенты политкурсов про дела насущные. Нехорошо про них говорили, с матом, а слушатель Спицын и вовсе положил с верхней полки член на тов. Сталина. Ну чем не контрреволюционная группа? Раньше бы возились поодиночке с каждым. А теперь взяли их кучкой, всем пришлось по статье 58-10, а Спицыну ещё плюс дробь 8, за террористические намерения.

Банду и судить, и разоблачать много приятнее. По всему Уралу райкомы партии, а порой и бдительная администрация предприятий, вязали троцкистов в снопы и везли под ригу НКВД. «Довожу до Вашего сведения, что в настоящее время в Куртамышском сельпо работает бухгалтером Колодкин, который является ярым врагом народа, а именно у него имеется ненависть к Советской власти... Вот почему Куртамышское сельпо из квартала в квартал не выполняет плана товарооборота, и растут расходы... Нужно Нетесова, Панова, Колодкина привлечь к уголовной ответственности, так как они работают в райпотребсоюзе и сельпо не за нас, а против нас...».

«Довожу до Вашего сведения, что мастер пищекомбината Сметанин А.Д. является сыном кулака Усть-Уйского района, зав. внуторга Завьялов является сыном кулака... Старший агроном Маслов, отец которого был министром земледелия при временном правительстве Сибири...».[54]

Доносы, доносы, доносы... Доводили до «Вашего сведения» и тюрьмы на всех этажах советского общества — от высокой и почти святой власти до утонувшей в дерьме колхозной фермы.

Что ни говори, а наиболее яркой формой антисоветчины всегда было острое слово в адрес любимой партии и вождей. Чем страшнее репрессии, тем образнее и живее на язык становились мои соотечественники. Шедевры деревенского соцреализма входят обязаловкой в школьные программы. Лучшая часть контрреволюционного народного творчества тлеет в засекреченных оперативных документах ОГПУ-НКВД.

Был Первомай. На землянки Чёрного спецпереселенческого городка, который потом назовут Еманжелинском, с полей тянуло запахами ожившей земли и первой зелени. В такие дни особенно хочется домой, в деревню. В нетерпении выбраться в поле, чтобы хозяином постоять на подсыхающей полосе, почувствовать ладонями тёплый ветер степи и наедине попросить Бога о помощи. Весной приходят мечты о счастье и осеннем благополучии.

А в спецпосёлке шумел новый советский праздник. Кадровый и комендантский штат суетно собирал режимных на митинг. После речей стали выступать самодеятельные плясуны и поэты. Последние не так складно, но громко говорили о светлом будущем. Ссыльные ядовито улыбались в бороды и громко язвили. Тут Валерий Михайлович и не выдержал. Про себя он с молодости любил складывать слова в ажурные поленницы. И вот здесь, назло всему происходящему, заставил себя сказать вслух. Вышел вперёд и продекламировал:

Не видать земли ни пяди,
Испоганили всю б...и.
С красным знаменем вперёд
Оголтелый прёт народ.
Нет ни совести, ни чести —
Всё с говном смешали вместе.

Дебют получился хреновым. Поэта сразу забрали в комендатуру, а потом увезли в ГПУ. Дознанием установлено, что спецпереселенец Якунин Валерий Михайлович, 60 лет, написал первое стихотворение в своей жизни, в чём искренне раскаивается. При определении меры пресечения раскаяние было отклонено, так как антисоветская агитация имела место на режимной территории и велась лицом подрежимным.[55]

Хорошо жить в демократическом обществе. Вся грязь общественной истины и лжи в средствах массовой информации. На самый дурной и изощрённый вкус. Не нравится — не читай газет, по телевизору смотри только переживательные сериалы и футбол, тогда и душа от частой стирки не полиняет. В тридцатых любознательные сидели на голодном пайке. В газетах всё про успехи и тех, кого посадили. Использовать газету утилитарно тоже опасно. Вдруг окажется с портретом вождя, а ты её намеревался, прости господи. Даже резать для козьих ножек надо было с умом.

Нормальная жизнь билась в слухах и сплетнях преимущественно антисоветского характера. «Ходят слухи, что Алилуева покончила жизнь самоубийством, не принимая политики Сталина». «Кирова убили по приказу вождя». «В очередях и на рынке рассказывают контрреволюционные анекдоты про наших вождей». Я привёл образцы самых обычных сообщений, направляемых в адрес обкомов партии и УНКВД.

Вообще-то низовая массовая антисоветчина оставалась грубой и косноязычной. Поток фактов, во всяком случае до начала 1937-го, мало годится для расцветки исторической ретроспективы, скорее он определяет тенденцию. Нарастающий вал доносов, повышение профессионального уровня писанины, когда стук мотивируется не личной неприязнью, а бдительностью, всё говорило о том, что вот-вот количество перейдёт в новое качество. Лишь изредка встречался факт, шутливым или трагикомическим смыслом выступающий из конгломерата серой антисоветчины.

Сижу и пишу. Городские общественные туалеты в эпоху вредительства стали очагами самой оголтелой контры, доставив органам компетентным и администрации предприятий много хлопот. Было замечено, что стены туалетов в учебных заведениях исписа-

ны до безобразия. Однако вандализм здесь был политически нейтральным, бился вокруг проблем возраста. Разве что в институтах. В солидных организациях, наоборот, народ там сидит степенный, в смысле секса уже устоявшийся, поэтому склонный к писанине политически вредного содержания. «Сталин — старый духовный семинарист!», «Сталин — самодержец и кровопийца!» Это в конторе треста «Востоксталь», гордости уральской промышленности.

По факту позорной антисталинщины собрали партбюро. Решили урезать двери туалетов сверху и снизу так, чтобы посетитель мог за ними укрыться, только сложившись в позу, характерную для соответствующего физиологического процесса. Сбросили у кабин внутренние крючки, появилась возможность как бы невзначай и быстро проверять сидящих. Самым доверенным поручили почаще заглядывать в это заведение или, время от времени, пребывать там в засаде.

В «Востокстали» контру только напугали, а в Наркомлесе и ряде других организаций удалось засечь авторов на очке. Отрываться от общественности даже по нужде стало опасно. Зашёл, скажем, в сортир, ну развернулся, сел, а с двери на тебя падает такой вот шедевр:

Полюбила командира
Эскадрона конного,
Он хоть ростиком с Ежова,
Член — как у Будённого!

Шутка на полные десять лет лагеря. Если судьба мимо них пронесёт, от страха до смерти будешь колитом мучиться.

Чертогон вредителей заметно ускорил ритм советской жизни. События перешли на рысь. Отстающих и сторонних становилось меньше. Пространство и время стали взаимозависимыми до очевидности. Раньше бы три года тихо проспал с марухой на сеновалах да по баням, мира бы не увидел. А теперь! Побывал в выдвиженцах-председателях — за что-то дали полчервонца, отбарабанил пару лет в лагере — попал под амнистию. Сейчас вот опять взяли, но пока не знаю, что дадут.

На поле классовой борьбы шла страда. Однако вредитель, массовый в числе, заметно мельчал и деградировал в качестве. Вырождался как картошка по картошке. В селекции нового человека напрашивалось что-то радикальное.

Глава 9
В преисподней коммунизма

Тридцать седьмым на Урале запахло почти за год до его наступления. Из многих политических и экономических обстоятельств, тому споспешествующих, остановимся на двух. Во-первых, внутрипартийная московская грызня. Тут достаточно много и мутно сказано. Одни защищают местных великомучеников-сатрапов, павших от произвола вождя-тирана. Канонизированные правоуклонисты теперь украшают историю того осколка КПСС, представители которого предпочитают европейский костюм и социализм с человекообразным лицом. Сторонники ветхозаветного ленинизма видят в событиях тридцать последних справедливую кару, нашедшую вероотступников. У фундаменталистов всегда в моде китель с портупеей, любую власть, кроме своей, они намерены не переизбирать, а расстреливать.

Пока в народном сознании всё так и остаётся. Выяснять исторические нюансы из жизни простых смертных почти глупо. Рыночные соображения здесь просты и фатальны, как приговор. Кому нужно духовно острое, скажет обычный потребитель, когда желудок урчит. Творчески производительная особь тоже задумается, безопасно писать, как прикажут. В стране оголтелых путь к храму может обернуться самой короткой дорогой на погост.

В феврале тридцать шестого местные органы НКВД получили директиву о ликвидации всех троцкистско-зиновьевских групп и усилении репрессий против исключённых из партии в процессе чистки. В приближении к земле это выглядело так. Обвинённых по чистке в уклоне явно или косвенно, то есть через нарушение плановой и технологической дисциплины, лихо сказанное, проходящих по категориям классово-чуждых и перерожденцев, следовало репрессировать, если таковое не сделали раньше. Репрессия распространялась и на вычищенных в кампанию проверки пар-

тийных документов. В первую голову приказали брать тех, кто замарал себя фракционной деятельностью. Действительно, часть вычищенцев сошла с дистанции на второй ступени конвейера «исключить из партии, снять с работы и отдать под суд». Надо было исправить ошибку РСДРПовской юности, устранить всякую возможность выскочить из партии, минуя скамью подсудимых.

«Основной задачей наших органов на сегодня, — из оперативной директивы Ягоды (март 1936-го), — является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников. Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья».[1]

В провинциальных органах НКВД бумага вызвала некоторую растерянность. Хорошо, одолевали сомнения, вычищенных можно отыскать и арестовать, с натягом обозвать троцкистом. Но подобрать факты под сколь-нибудь обоснованное обвинение совершенно невозможно. Многие понимали, что в большинстве случаев пятьдесят восьмую придётся давать авансом. Особенно пугала перспектива ведения индивидуальных следственных дел по многим тысячам потенциальных уклонистов. На Урале 33 тысячи большевиков стали меньшевиками по чистке, да ещё 13 тысяч оказались с липовыми партдокументами. Послушный земляк-каратель нуждался в методической помощи и централизованно поданном практическом примере.

Теоретически столица помогла вскоре. В августе 1936 года по местам разослали строго секретное закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Письмо вышло за месяц до показательной расправы с так называемым «антисоветским объединённым троцкистско-зиновьевским центром». 25 августа по приговору ВК Верховного Суда СССР все 16 обвиняемых по этому делу были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, который, на основании постановления ЦИК от 1 декабря 1934 года, был приведён в исполнение немедленно.

Это была опытная кампания по заведению под вышку вчерашних вождей, потому процесс тщательно готовили. Подследственных методами большевистского дознания заставили признаться в самых абсурдных обвинениях и дать показания на других. Кадры, призывающие к пролетарской стойкости, сами оказались не на высоте. Материалы обвинения и подготовка процесса контролиро-

вались вождём. «Всех арестованных НКВД троцкистов, уличённых следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1-12-1934 г. расстрела...».[2] Этот приговор ещё не допрошенным обвиняемым политбюро вынесло за полгода до суда.

Для выведения обвиняемых в «юридический» статус мерзавцев, то бишь троцкистов, террористов, диверсантов и прочая, и прочая, им шилась связь с Троцким. Ильич считал Троцкого Иудушкой, Иосиф Виссарионович сделал из него Сатану. Данный фрагмент обвинения фактологически остался самым слабым, потому как идеологический оборотень жил далеко за океаном.

При обсуждении итогов процесса на собраниях выяснялось, что троцкисты наверняка найдутся в любом коллективе. Пока к ближним присматривались. Движимый справедливой ненавистью, народ требовал от НКВД расстрелять Троцкого на пару с папой римским. Некоторые, видя виноватые улыбки чекистов, настоятельно просили отправить их с таким поручением за границу. Плотник одной из куртамышских мастерских предложил НКВД упороть пешком со шпионским заданием в Америку, через Чукотку, если в райкоме его научат говорить по-ихнему.[3]

«Объединённый центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока, — читали пособие местные каратели, — своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева». Данный фрагмент закрытого письма написан самим Сталиным. Косиора вождь включил в список зря, не полагая, видимо, что и его через пару лет придётся шлёпнуть.

В сентябре 1936 года по крайкомам и обкомам разошлась ещё одну директива «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Бумага была тотчас же переведена на язык циркуляров прокуратуры и НКВД, освобождая следствие от процессуальной волокиты и переводя обвинение в сферу чистой большевистской ненависти. Судите сами.

«А) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились ещё больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестован-

ных, следствие по делу которых уже закончено.., но и тех, которые были раньше высланы».[4]

Летом 1936 года НКВД развернуло очередную кампанию по выявлению так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Были арестованы семнадцать предполагаемых руководителей этой организации (Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков, Князев и другие). В предыдущем процессе слабо звучала шпионская версия. Троцкист — существо мерзопакостное, но это враг идеологический. Названный шпионом выгодно смотрится врагом национальным. Такого поставить к стенке потребует и беспартийный колхозник.

Процесс над «параллельным центром» можно отнести к классике советского лжесудия. А как наглядное пособие для местных карателей просто незаменим. Все обвиняемые пошли под расстрел германо-японскими шпионами, что дало свежий след провинциальному следствию. Пусть ваш арестованный станет хоть бразильским, но шпионом. Приговор даже по статье 58 без дробей 3,4,5,6, карающих за шпионаж, смотрелся паровозом без тендера. Следователи глубинки взялись за географию.

Всех обвиняемых приговор называет террористами, намеревавшимися физически уничтожить высшее советское руководство. К списку планируемых к устранению вождей, данному в закрытом письме ЦК ВКП(б), по блату добавлен Ежов, назначенный в сентябре 1936 года наркомом внутренних дел СССР. Для местных энкаведюг целенаправляюще звучит тезис о том, что преступники создали во многих районах страны подпольные террористические группы, чтобы покуситься на вождей местных.

Предыдущий процесс был эталоном процессуальным. Как сфабриковать и поставить дело из ничего. Азбука борьбы с врагами народа. Процесс над «параллельным центром» был откровенной провокацией сверху и практической помощью местным карательным органам. В самом деле, на местах начали было завидовать Москве и Ленинграду. У вас, мол, полно живых троцкистов, можно кое-кого попутать на связях с иностранцами. Наконец у вас под боком жили вредительские классики — тот же Зиновьев, Пятаков, Каменев и иже с ними. Вы попробуйте притянуть к троцкистам Ивана, вслух пославшего Сталина по самому торному на Руси адресу. Скорее у Ивана уши оборвутся.

Землякам-чекистам помогли хорошо. Двое из тринадцати сразу расстрелянных, Князев и Турок, до того работали на Урале. Первый руководил Южно-Уральской железной дорогой, второй был заместителем начальника Свердловской железной дороги.

Местным карателям и партаппарату оставалось взять след, подсказанный бдительной Москвой.

Основные события по борьбе с врагами народа на Урале развернутся уже после нового 1937 года. А пока остановимся на втором важном обстоятельстве, определившем восходящий вектор государственной жестокости. Тридцать шестой опять случился неурожайным. Голодуха статистически и очевидно просматривалась с середины лета. В Москве понимали, что к двадцатилетию Октября хуже подарка не придумаешь. Хлебные очереди и массовое недовольство может вылиться в организованные выступления. Однако набор обычных мер пресечения антисоветских настроений был давно исчерпан. Да и у населения уже выработался определённый иммунитет к уголовному страху.

Колхоз и колхозная система остались прежними. Убеждён, выпади тридцать шестой урожайным, или хотя бы просто благоприятным, ранее развёрнутая кампания борьбы с мифическим троцкизмом осела бы только суетой московской. Всё смёл бы вал самодовольства и хвастовства успехами. Природа тут, увы, подвела. В оправдание голода, вторично за десятилетие посетившего Страну Советов, нужен был свежий враг. Вражина крупный, зримый до ощупи. Колхозным бригадиром и месяц работающим председателем здесь не отделаешься.

В перекрестье двух процессов — голода и политических провокаций вождя народов — к местным вождям, по признаниям следствию, впервые пришло предчувствие трагического исхода своей судьбы. Сознательно творящего зло разум невольно подвигает к мысли об ответственности перед народом и Богом. Если местный парткадр накануне тридцать седьмого, не веря ни на грамм обвинениям в адрес бывших идейных кумиров, находил в действиях НКВД какую-то большевистскую целесообразность, то вождям региональным оставалось занимать очередь на погост. Конец пришёл раньше и не по зову Бога.

Дурной год рано настаёт. Год грядущий будет очень мясным — предупредила «Правда» (4 января) редакционной статьёй о пролетарской бдительности. Мало сказать, что подозрительность и шпиономания возвышались до национального умопомрачительства. Бдительно жить, выживать, стуча на опережение, лучшие люди того времени научились с лёта. «Раздавить гадов! Нет им места на родной земле!» — хором скандировали вслед за «Правдой» все газеты, имея в виду разоблачённых врагов и тех, кого таковыми вскоре назовут. Отсутствием большевистской бдительности объяснялись провалы хозяйственной жизни. Но самым ядовитым жа-

лом кампании было требование удесятерить бдительность к хозяйственным руководителям и местным вождям. Отныне тем уже не купаться в волнах тёплой мыльной лести, их души будут студить бдительные взгляды завистливых подчинённых.

На обязательную кампанию по обсуждению правдинской передовицы и раздуванию пролетарской бдительности ушло где-то три недели. В основном дело касалось ужесточения пропускного режима, трудовой и технологической дисциплины, проверки на вшивость работников. Собрания в коллективах проводились на манер практических учений, то есть с привлечением местного материала, как то — засекречивание производственной информации и результатов работы, выявление гадов, марающих стены антисоветскими лозунгами, нарушителей трудовой дисциплины.

В конце января в полный разворот всех без исключения газет пошли материалы процесса над «параллельным центром». Сначала дали обвинительное заключение, потом ход судебных заседаний, потом приговор. Остальную часть информационного космоса забили откликами советской общественности. Измочаленные как вехти обвиняемые были готовы на всё. Пятаков, например, во спасение живота умолял Ежова разрешить ему лично расстрелять всех приговорённых по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Факты личного маразма подсудимых оживляли процесс и работали на государственное обвинение.

Ситуация развивалась по сценарию. Во всяком случае, так виделось по газетам. «Мы требуем от нашего пролетарского суда беспощадной расправы, мы требуем уничтожения презренных выродков!» Так на страницах «Правды» негодовали советские учёные: президент АН Комаров В., академики Архангельский А., Вавилов Н., Губкин И., Кржижановский Г. и другие. Может, негодовали искренне, может, помня злой абзац из полугодовой давности закрытого письма ЦК ВКП(б). Вот этот абзац.

«Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтов, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске».[5] На сей раз учёные проявили если не большевистскую бдительность, то лакейскую расторопность, которую НКВД всё же не сумело оценить.

Беспощадной расправы с вероотступниками требовали профессора и доценты, аспиранты и соискатели. Да что там наука, педагоги со школьниками и те проникались. «Учитель прорабатывал с нами процессы над контрреволюционными бандами, — ста-

рательно плели каракулями письмо Кабакову и Перелю шестиклассники Бродской неполной средней школы, — изучал наших лучших вождей — Ленина и Сталина, призывал ответить контрреволюционерам отличной дисциплиной и отличной учёбой...».[6]

Детям тоже хотелось, чтобы нехороших дядей обязательно расстреляли. В двенадцать лет человек умеет отличить хорошее от плохого визуально. Шестиклассникам троцкисты и зиновьевцы представлялись клубком отвратительных, ядовито шипящих змей, которых на ходком в те времена плакате намертво давила пролетарская рука в «ежовых» рукавицах. За письмо их никто не похвалил. К тому времени, когда они сдавали экзамены за шестой класс, и секретарь обкома, и главный просвещенец области уже надёжно сидели в камерах московской и свердловской Лубянки.

«Военной коллегии Верховного суда СССР. Т. Ульриху». Цитирую письмо председателей колхозов Свердловской области, съехавшихся на курсы переподготовки. «Не видеть фашистским гадам нашего колхозного хлеба, мяса и масла! Не воскресить никакими силами кулака! Осиновый кол забит навечно! От имени 700 тысяч колхозников требуем расстрела.. Требуем судить уличённых в измене Родине Бухарина, Рыкова, Угланова!».[7] Не видели сладких колхозных кусов и сами повышенцы, но тут шла речь не о желудке, а о спасении собственной шкуры.

Больше всех, разумеется, старались партийные аппаратчики, у которых с началом московских процессов захолодело меж лопаток. Когда летят головы бывших вождей, сверлила рассудок нудная мысль, много ли надо, чтобы прихлопнуть областную или районную партмуху? В безудержной лести и безграничной ненависти искал выход трясомонад часующей души. Областные вожди в самом начале года дали программные статьи, кои начинались с плевка в адрес троцкистов, затем приглашали в сталинский поход за урожай и заканчивались признанием собственной ничтожности перед вождём народов.

«Да здравствует неутомимый борец за дело трудового народа, наш друг, наш вождь, наш заботливый отец — товарищ Сталин!» Так говорил Кузьма Рындин, секретарь Челябобкома, за десять, точка в точку, месяцев до ареста. Председатель облисполкома Михаил Советников, выступая на чрезвычайном всероссийском съезде Советов, от имени жителей области, от стариков до детей, успел в последний раз выразить чувство великой благодарности и безграничной любви творцу конституции, гению человечества — родному Сталину. Этому соловью до расстрела оставалось семь месяцев, его возьмут сразу же по возвращении из

районов детского голодомора. Одним из первых среди высокой партийной и советской номенклатуры Урала.

Ничтожество вождей районных положено принципом демократического централизма, потому в изощрённых аргументах не нуждается. Здесь требуется лишь конкретно-историческая преданность. В январе тридцать седьмого расторопные штамповали такие вот свидетельства единодушия. «По обсуждению обвинительного заключения Прокурора СССР тов. Вышинского и хода процесса над «параллельным центром» рабочие, колхозники, служащие, студенты и интеллигенция нашего района требуют от Верховного пролетарского суда Советского Союза этих гадин, германо-японских агентов, фашистов высшей меры наказания – расстрел».[8] Автора данной декларации тоже расстреляли. И даже очень скоро, будто не расстрел он выпрашивал троцкистам, а орден Ленина.

Если смотреть в газетные страницы через лупу, пропадает ощущение истории, зато картинки оживают сценами деревенского соцреализма. «До чего дошли палачи колхозов, — якобы с жаром говорил престарелый пышминский колхозник Иван Соболев, — видимо, не по душе троцкистам сталинские колхозы. Распустить их собирались. Просчитались ироды. Меня вот никогда из колхоза не выгонишь. Пусть только сунутся фашисты — узнают нашу силу!». Паршева Афанасия из колхоза имени Тухачевского Куртамышского района, прослушав райкомовского пропагандиста, тоже, якобы, вознегодовала и молвила буквально так: «Пусть помнят враги, что у них ничего не выйдет! На вылазку врагов народа беру на себя обязательство — собрать золы два центнера и куриного помёта два центнера».[9]

Жизнь исковеркала навозную социалистическую идиллию. Через три месяца Тухачевский попал во враги народа и трижды шпионы. Артель переименовали, но на колхозников стали смотреть как на неявных пособников выродка. Да и с двух тощих фаниных кур, что любили по весне купаться в пыли оттаявшей завалинки, по центнеру помёта не собрать и в пятилетку.

Надо сказать, что большинство сюжетов низовой поддержки придуманы наспех, и с художественной стороны, и содержательно они не идут ни в какое сравнение с массовой и живой антисоветчиной. Порой, однако, находишь и бриллианты, отличающиеся от подделок чистотой народной глупости.

«Этих презренных гадов, — по трезвому уму сказал колхозник из Сосновского района Завьялов, — изменников Родины надо расстрелять, а особенно Троцкого-подлеца. Как бы достать и расстрелять! Смести с лица земли, чтобы больше не мутил. Куда это

годно, чтобы товарища Сталина убить. Этого мы не позволим. Шпионов германского и японского фашизма расстрелять!» «Ах, как бы достать Троцкого, — принародно мечтал о том же коммунар из соседнего колхоза, — и разорвать на мелкие дребезги, чтобы не коптил цветущую жизнь нашей Родины!».

Рабочий дизельного цеха ЧТЗ Куприянов на митинге тоже хотел сказать что-то мерзкое, а получилось хуже. «Наши троцкисты...», — выпало нечаянно из зубов. Когда он вернулся — не скажу. За «наших троцкистов» меньше червонца не давали.[10]

Тринадцать «троцкистов-параллельщиков» расстреляли, а остальным дали по достойному обстоятельствам сроку. Накануне приговора случилось два знаменательных события. Постановлением ЦИК СССР наркому внутренних дел Ежову присвоили звание генерального комиссара государственной безопасности. Такую бумагу, само собой разумеется, мог подписать только Калинин. Прежнего шефа НКВД Ягоду отправили в запас, уволенный сразу и правильно понял, что скоро расстреляют.

Второе событие носило экспериментальный характер, но оправдало себя и даже понравилось. По всему Союзу на митинги выгнали миллионы соотечественников. Выводили предприятия и организации под поимённый контроль. Трудовым коллективам были занаряжены определённого содержания транспаранты, перед выходом сверили написанное с утверждённым. Во имя святого в городах разогнали хлебные очереди. Угрюмые серые толпы производили впечатление железной поступи пролетариата. Тонко подобранные выступающие впечатление усиливали. И как мы не додумались до этого раньше — светло удивлялись вожди. В Свердловске удалось прогнать по улицам семьдесят тысяч человек, в Челябинске несколько меньше. Для первого раза, согласитесь, результат отличный.

Опыт второй превзошёл самые дерзкие ожидания. На траурный митинг в Свердловске, по случаю неожиданной смерти Орджоникидзе, выдернули более двухсот тысяч человек. Почти всё способное ходить в колонне население. Помимо обычных средств принуждения, давили святостью мероприятия. Как-никак вождь умер. Однако на митингах в основном говорилось не о покойном. Краткие соболезнования по поводу безвременной кончины тонули в сожалениях, что по советской земле долго и вредительски топчутся враги народа — Николай Бухарин, Алексей Рыков и другие.

О голоде мы говорили. Теперь оторвёмся на миг от скорби и скуки политической, чтобы насладиться духовной обстановкой времён инквизиции. Прогрессивное человечество и его большеви-

стский авангард не забыли, что на февраль тридцать седьмого приходится столетие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Митингов по сему поводу решили не устраивать, но создали всесоюзный пушкинский комитет по проведению юбилейных мероприятий. В комитет вошли: нарком Ворошилов, нарком Бубнов, Жданов, нарком Будённый... Нет, кажется, ошибаюсь, Будённый руководил всесоюзным фуражным фондом.

Газеты повеселели, перемежая обвинительные заключения изумительными пушкинскими вещами. И критическими статьями, утверждающими, что Александр Сергеевич где-то по большому счёту революционер, может, даже предтеча большевика, что правых он не любил никогда, и, будь он жив, сейчас был бы первым помощником партии и товарища Ежова.

В столице Урала с успехом шли концерты хора консерватории, руководимого преподавателем Бендицким. Профессионально исполненная классика отвлекала от голодухи и троцкистской оскомины. Публика глупо аплодировала и вызывала артистов на «бис». Только органам компетентным да отделу культуры обкома было известно, что хор этот очень сомнительный, набран исключительно из непролетарских элементов. Что бригадир хора получил квартиру и попал в Свердловск по рекомендации профессора Московской консерватории Нейгауза, фамилия которого наводит на большие подозрения. Маэстро ведет себя вызывающе, набирает студентов только одарённых, игнорируя социальное происхождение, проводит занятия на дому, исключая, тем самым, контроль за их идейным содержанием...

Подпольную жизнь консерватории живописал в пространном доносе другой преподаватель, а потом заслуженный деятель советской культуры. «Мне необходима немедленная, серьёзная помощь, заканчивал он свой этюд, - как музыканту и педагогу, и, прежде — всего, — помощь от моей партии. Об этой помощи я вас прошу».[11]

Троцкист он и в музыке шпион. Помощь пришла с соседней улицы Вайнера, где располагалось управление НКВД. Консерватории помогли «делом». Не скажу, тянул ли срок Генрих Густавович Нейгауз (учитель С.Рихтера и Э.Гиллельса, кстати), но всех уральских музыкантов на идеологический слух проверили.

Челябинск слывёт городом чисто пролетарским, где духовное далеко не отлетает от материального. Из событий, культурно освежающих февральское глухозимье тридцать седьмого, отмечу лишь постановление облисполкома, коим разрешалась свободная продажа частной картошки на рынках области.

К весне захолодало. На февральском пленуме ЦК ВКП(б) добили Бухарина и Рыкова. А Жданов сделал программный доклад о демократизации партийной работы, призывающий открыть огонь критики по местным вождям. Газета «Правда», раньше подозрительная, как большевичка на пенсии, открыла свои площади для критики снизу. В марте на пленуме Сталин толкнул историю под дых докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». «Смерть троцкистским диверсантам! Стереть с лица земли троцкистскую гадину!» — перевели сие на новоречь советские газеты.

В мартовских газетах Урала, немыслимое ранее дело, стеной пошла критика секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Кабакова. «Ближайшего друга, соратника и способнейшего ученика великого Сталина» жарили как карася. Досталось и руководителям рангом ниже. В Перми отправили в троцкисты секретаря горкома Голышева. Сбросили секретаря горкома и в Челябинске, отдав должность по совместительству Рындину, дабы «решительно устранить все крупные недостатки и обеспечить подлинно образцовую постановку партийной работы».

С середины марта тень топора зависла над головами уральских вождей. В Москве начали колоться подследственные по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Колоться с треском, подмахивая в пытках самые абсурдные обвинения, давая показания на других. Во всех регионах стали внимательно прислушиваться к сообщениям московского радио. Молились, если среди свежих врагов народа не было своих выдвиженцев. Леденели душой, когда слышали фамилии бывших и, казалось бы, удачно сделавших карьеру сослуживцев.

Плохие вести пришли на Урал. В марте по делу московских правых арестовали некоторых наших. 14 марта взяли Чудновского. После ареста он был допрошен дважды, 4-5 и 10 мая 1937 года. На первом же допросе он признался, что является членом организации правых, в которую завербован восемь лет назад Зубаревым.

Короткая справка. Чудновский Самуил Гдальевич, 1889 года рождения, город Бердичев, еврей. До двадцати лет подмастерье в кожевенной мастерской, не умевший ни написать, ни сказать единого слова по-русски. Затем озарение и активная революционная деятельность. Нигде не учился. В 1918 году с отрядом направлен в Иркутск. После захвата города красными назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии и наркомом юстиции.

Ночью 7 февраля 1920 года, извините за эпический клин, вместе с военным комендантом Иркутска Барсуковым вошли в

камеру арестованного адмирала Колчака и зачитали ему приговор ревкома о немедленной смертной казни. После чего ознакомили с таким же приговором первого министра Сибирского правительства Пепеляева. Под конвоем арестованных вывели на берег Ангары. Было четыре часа утра, под тридцать градусов холода и совершенное полнолуние. Александру Васильевичу Колчаку перед расстрелом предложили завязать глаза, адмирал отказался. По команде неграмотного залётного инородца шестеро славянских оковалков дали залп... Трупы утопили в проруби.

В 1927 году «почётный чекист» назначается председателем Уральского областного суда. С этим фрагментом его биографии мы немного знакомы. За подлинно революционную жестокость в 1935 году Чудновского назначают председателем Ленинградского областного суда, власть пребывала в полной уверенности, что такой сатрап очистит область от троцкистской и зиновьевской мрази. В марте 1937 года чекист сам оказался клиентом НКВД. Большевистской стойкости он не проявил и на допросах лёг сразу. По приговору ВК Верхсуда СССР Чудновский приговорён к расстрелу, который приведён в исполнение 13 августа 1937 года.[12]

На первом допросе «почётный чекист» признался, что завербовал в организацию правых прокурора Уральской области Пальгова. Знакомый нам по антикрестьянским кампаниям облпрокурор не стал испытывать судьбу и, опережая арест, застрелился.

Зубарева взяли 15 марта 1937 года. Зубарев Прокопий, 1986 года рождения, деревня Зубари Вятской губернии, в момент ареста — заместитель наркома земледелия СССР, ранее второй секретарь Свердловского обкома. В паре с Зубаревым арестовали наркома земледелия СССР Михаила Чернова, хорошо знакомого Уралу по хлебозаготовкам 1934 года. Зам. наркома стоял перед следствием более месяца, отбиваясь от обвинений. 20 апреля на допросе стал давать показания на себя и других...[13]

В ту же пору НКВД взяло Головина, ранее работавшего секретарём Курганского окружкома ВКП(б), а затем председателем Свердловского облисполкома. После всех этих арестов ничего хорошего ждать не приходилось. «В марте 1937 года, — цитируются показания Альмы Костиной, секретарши Кабакова, — после разоблачения Головина Кабаков ночью собрал весь свой секретариат, в том числе и меня. Этот приход его в обком ВКП(б) ночью был вызван тем, что Кабаков был сильно встревожен неожиданным разоблачением Головина... Кабаков в срочном порядке редактировал заметку в «Правду» по вопросу о Головине, стараясь представить себя как инициатора разоблачения Головина. При этом он

говорил — надо написать как можно резче о Головине, чтобы не навлечь на нас никаких подозрений... Особенно сильное беспокойство вызвал арест Зубарева и Чудновского».[14]

Такой расклад дел обещал скорую встречу с НКВД. По факту зловещих событий пожарно собрали пленум Свердловского обкома партии, который, естественно, вылился в недельную перепалку и единодушное осуждение уже арестованных. Стенограмма пленума похожа на запротоколированный шорох пауков в банке. Остановимся на некоторых фрагментах архивного тома. «Чудновскому удалось быстро объединить вокруг себя значительный круг лиц, стоявших на контрреволюционных позициях правых. На квартире Чудновского систематически проходили сборища, носившие характер консолидации сил правых на Урале».[15]

Расклад сил определился принципом — кто бывал у Чудновского на квартире, а кто нет. Кто дружил с разоблачёнными, а кто строил им козни. «Если бы я был информирован, — сокрушался Кабаков, — что там вырабатываются решения правых, то я бы давно вас оттуда как галок растаскал. Я просто считал, что вы там выпиваете». Незапятнанные члены обкома, будучи в меньшинстве, вели себя агрессивно, требовали вспомнить и назвать всех участников троцкистских сборищ, чтобы протокольно засвидетельствовать им своё недоверие.

Самым опасным симптомом приближающейся грозы было появление новых лиц в структуре УНКВД. Успокаивать себя тем, что обновление местного карательного аппарата связано с назначением Ежова наркомом внутренних дел, мог только слепой. Пока московские чекисты ломали хребты и иные кости высокоимённым троцкистам, доводя их до кондиции очевидного мерзавца, провинциальные каратели паразитировали на ловле блох.

В конце 1936 и начале 1937 годов, мельчили сводки Свердловского УНКВД, вскрыты контрреволюционные организации в Госуниверситете, мединституте, на географическом факультете пединститута... В убогом Шумихинском районе, прямо-таки издевается над революционной бдительностью сводка УНКВД по Челябинской области, выявлена и осуждена контрреволюционная организация, называющая себя РСДРП. Под святое на сей раз замаскировались не женевские интеллигенты, а мужики сиволапые. Но цель-то, цель-то какова — снова перевёртывание власти вооружённым путём.[16]

Тут, можно сказать, ночами не спишь, возмутились московские чекисты, мир пытаешься ошарашить, а вы... Глупо, товарищи! Глупо и преступно, обвиняемые! Начальника УНКВД Свердлов-

ской области Решетова вызвали в Москву и арестовали. Остальных, кого надо, взяли по месту жительства. Волну массовых арестов прежнего состава НКВД партийная история оплакивает как трагедию, унёсшую лучшие кадры ЧК, воспитанные самим Феликсом Эдмундовичем. Утрите слёзы крокодилу. Дело складывалось чуть-чуть не так. Палачи-мясники заменили палачей-изуверов. Нимбы последних коптят костры массовых репрессий хотя бы крестьянской истории тридцатых.

Нового начальника Свердловского УНКВД звали Дмитрием Матвеевичем Дмитриевым. Чтобы снять некоторое удивление членов обкома партии, он при знакомстве коротко рассказал о себе. Родился в 1901 году, еврей, в 1919 году состоял членом организации Поалей-Цион, вместе с Красной Армией участвовал в гражданской войне, в органах ЧК с 1920 года беспрерывно. Отец до революции был торговцем галантереи, после революции мастер завода в Днепропетровске. С отцом связь порвал в 1917 году. Фамилия отца Плоткин. Фамилию сменил в связи с вопросами работы в НКВД.[17]

С такой биографией, грустно думалось славянским партийным кадрам, ему бы не доверили Заготскот, а тут будет судьбами большевиков играть. Но юркого чекистика направил в область сам народный комиссар госбезопасности, поэтому язвительных вопросов не последовало. Все чувства, включая и большевистскую бдительность, выдавила трусость. С приходом новой команды НКВД жизнь в Свердловской области словно подморозило. Внешне всё было нормально, шла посевная, по районам гулял обычный весенний голод. Только было тихо, как в зимнем лесу, не слышалось идеологического звона, да исчезли со страниц газет имена местных вождей. Тому были основания.

Не распутывать связи московских троцкистов с уральскими приехал посланец Ежова, а рубить головы провинциальному руководству. Опорный край державы вполне заслуживает, решили в главном НКВД, иметь собственную приличную троцкистскую организацию. Назовём её, ну скажем так, подпольная организация правых на Урале. Хорошо вроде бы звучит. Разумеется, что террористическая организация, шпионская и прочая нехорошая.

Перед назначением к вам, объяснил ежовский назначенец большевикам-аборигенам, я прошёл 12-суточный интенсивный и квалифицированный курс учёбы по ленинизму, где 4-5 дней специально обсуждался вопрос о правых. Так что о правых я знаю всё и различаю их с подхода. Знаю и то, что на Урале есть подпольная организация правых.[18]

Отношения между местной властью и УНКВД совершенно изменились. «Решетову: разобраться. Кабаков», «Решетову: для исполнения. Головин». Такие резолюции на документах, направляемых в компетентные органы, свидетельствовали о руководящей роли партии в карательном процессе. Теперь подобные резолюции исчезли, даже доносы, поступающие в партийные органы, немедленно переправлялись в УНКВД. Потеряли контроль над чекистами и органы юстиции.

Раньше власть карательных органов ограничивалась постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 июня 1935 года «О порядке производства арестов». «Разрешение на арест членов и кандидатов ВКП(б), — читаем данный документ, — даётся по согласованию с секретарями районных, краевых, областных комитетов ВКП(б), в отношении коммунистов, занимающих руководящие должности, — в Наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учреждениях по получении на то согласия председателя комиссии партийного контроля».[19]

Во времена чертогона на вредителей указанная норма соблюдалась формально, разрешение на арест уже сидящих в НКВД подписывалось задним числом. Теперь, когда вредители стали врагами народа, никаких бумажных процедур не требовалось. Старший партайгеноссе узнавал об аресте своих подчинённых в газетах, а то и встречал их с тихой радостью в камере. Кто-то надеялся, что пронесёт и на этот раз, кто бросался в бега или сводил счёты с жизнью. В апреле расстреляли начальника строительства Уралвагонзавода Марьясина, проходящего рикошетом по делу Пятакова, спустя неделю покончил с собой заместитель председателя облисполкома Гольдич.

22 мая 1937 года арестовали секретаря Свердловского обкома Ивана Кабакова. Началась карательная операция по разоблачению подпольной организации правых на Урале. Вал большого террора катился через борта номенклатурного ковчега. О трагическом конце уже не большевика, а обычного смертного гражданина Кабакова мы поговорим позднее. До первых заявлений следствию ему жить целую неделю, несомненно, самую страшную неделю в жизни. Тенью будущего проскользнём утром того же дня в здание областного комитета ВКП(б), чтобы взглянуть на стриптиз ума, чести и совести нашей эпохи. Пусть в исполнении провинциальных большевиков.

Экстренный пленум Свердловского обкома не для всех был неожиданным. Лишь некоторые круглили удивлением глаза при сообщении об аресте Кабакова. Да и те играли. На самом деле все

похоронили вождя давно. Как только перестают льстить, обычная протокольная норма партаппарата, жди увольнения, обвинения и ареста. Президиум украшала фигура непотопляемого секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Андреевича Андреева. Тут же сидел, любопытно оглядывая зал, прибывший для исполнения обязанностей областного вождя Яков Абрамович Столяр.

Хуже всего пришлось второму секретарю обкома Пшеницыну. Надо было выпукло демонстрировать неожиданность произошедшего, расторопность, изворотливость... «Вот наглядный пример и урок большевистской, Сталинской бдительности, — начал он на правах хозяина, — именно этой бдительности у нас здесь и не было, вследствие чего 9-10 лет работал величайший, я бы хотел сказать двурушник, предатель, враг народа, контрреволюционер — Кабаков. И только именно эта Сталинская бдительность, эта работа органов НКВД, которая развернулась под руководством товарища Ежова, дала возможность вскрыть это гнездо».[20] Далее он стал ругать уже арестованных: Головина, Зубарева, Голышева.

Остальным выступать стало проще. Ориентировку дал новый секретарь обкома Столяр, обозвавший Кабакова «величайшим двурушником, предателем, врагом народа и руководителем подпольной организации правых на Урале». Кстати, к тому времени следствию не поступило никаких саморазоблачительных заявлений от арестованного, он ещё «стоял».

На краю общей могилы началась перепалка. Каждый, во-первых, старался отмазаться от Кабакова, хвалясь тем, что когда-то возразил вождю или был им ругаем. Те, у кого за плечами положительных примеров не было, кидались на откровенных фаворитов Кабакова. Только что назначенный секретарь Тагильского райкома Богачёв был вне подозрений, потому кинул опасную петлю, призвав «каждого секретаря райкома и горкома посмотреть под призмой того, что случилось». Далее он намекнул, что значительная часть врагов привезена Кабаковым из Тулы. Надо отрубить тульский хвост. Сидящему в президиуме Дмитриеву мысль про призму и тульский хвост понравилась.

Второй день пленума опять начался с казуса. Яков Абрамович, теперь на правах хозяина, встал и объявил, что вчера из столицы пришёл вызов для Пшеницына — второго секретаря обкома. Однако тот сегодня не выехал, потому что утром застрелился. Секретарь ЦК ВКП(б) Андреев вывел обстановку из шока, заявив, вчера этот враг распинался о преданности товарищу Сталину, а сегодня трусливо сбежал на тот свет. Враг так враг, согласились

аппаратчики, отрешённо и тупо упершись в фундаментальную мысль, что скоро все там будем.

После бессонной ночи публика стала спокойнее. Все дули в одну сторону. «Этого секретаря-провокатора, — крыл лидер Верещагинского райкома, который буквально двух слов не мог связать, мычал только, врага этого встречали по двадцать минут аплодисментами. Стоя встречали, стоя и провожали!». Тут сидят люди, подбросил кто-то, вчера ещё бегавшие с подписными листами о награждении Кабакова. Стали выяснять. Действительно, арестованный бог страдал известным пороком. Был город Кабаковск, совхоз имени Кабакова, пединститут, завод, на предпоследнем пленуме вождь надоедал предложением назвать своим именем пару колхозов. Нашли и людей, инициирующих это дело. Бегали, согласились те, но неохотно, по поручению Кабакова.

Солировал Столяр: «Этот мерзавец Кабаков приказал поджечь Надеждинский завод, был подожжён паросиловой цех. Организаторами этого поджога был руководитель Надеждинска — секретарь горкома Смирнов, директор завода Щербина и парторг Аверин. Вот эти три выродка, достойные Кабакова, и подпалили завод. Это сделано через диверсантов, японских шпионов и других... С 1930 года уже почти полностью в аппарате обкома хозяйничали враги. 5 секретарей сидят, все кроме Мирзояна входили в организацию (Кабаков, Зубарев, Головин, Киселёв, Самойлов). Из членов бюро обкома сейчас врагов оказалось 18 человек».[21] Мирзояна возьмут позднее, в тридцать восьмом.

Так что все наиболее героические парткадры Урала, загнавшие земляков в нищету, ссылку, голод и холодные котлованы гигантов бесхозяйственности, оказались врагами народа. Только не за преступление перед соотечественниками. Попав в жертвы политического сатанизма, им бы впору раскаиваться в содеянном. Кто скажет, что они думали наедине с собой в застенках НКВД. Откровения души не протоколировались, в делах остались лишь показания, выбитые ими из арестованных. Как, к примеру, это.

«Народному комиссару Внутренних дел СССР Н.И. Ежову. Заявление. Я хочу сообщить вам, что чувствую себя..... виноватым перед партией и Советской властью. Коммунистическая партия оказала мне большое доверие, создала мне все условия для большой ..... и руководящей, а я её позорно обманул.

Теперь я арестован и разоблачён. Мне остаётся только эту маску которую я носил в течение ряда лет начиная с 1929 года. Я действительно являлся участником подпольной организации правых, директивы которой выполнял до дня своего ареста.

Я прошу Вас, если возможно, поверить в мою искренность. Я не прошу пощады, так как знаю, что за свою измену достоин суровой кары. Обещаю Вам честно и до конца правдиво разказать всё то, что мне известно о подпольной контрреволюционной деятельности правых».[22]

Этим документом, если не принимать во внимание ордера на арест и описи изъятого имущества, открывается следственное дело № 10581 по обвинению Кабакова И.Д. Заявление на имя Ежова написано 28 мая 1937 года собственноручно бывшим секретарём Уралобкома и Свердловского обкома ВКП(б) Иваном Кабаковым, им и подписано. Почерк, стиль, пропуски слов, непростительные для образованного человека грамматические ошибки свидетельствуют о том, что заявление написано лицом, находящимся в состоянии маразма. Недели хватило мясникам НКВД, чтобы из «несгибаемого революционера и верного соратника тов. Сталина» сотворить человеческое тряпьё.

У нормального человека не поднимется язык хулить подследственных тридцать страшных за самооговор и даже показания на других. Добровольный донос и сказанное под пытками суть вещи разные. Стукач движим чувством благоприобретённой подлости. Наоборот, подследственные не сами выбирали кривую дорогу к смерти. Уверен, что самые отпетые из них в камере НКВД по-своему обращались к Богу. Иван Дмитриевич Кабаков был обычным человеком, как и репрессированные по его приказам тысячи деревенских мужиков. Естественно допустить, на Лубянке он думал о матери, отце, семье, сожалел о том времени, когда стал грешен большевизмом. В приступе стенокардии, сжимающем будущее в минуты, ценность политики равна нулю.

Столь же естественно предположить, что человеческие страдания следствие совсем не интересовали. Заказано сделать махрового руководителя подпольной организации. Следствие того добилось, ибо большинство показаний бывшего уральского вождя получено самым эффективным средством дознания в советском правосудии — превышением меры зла над физической терпимостью человека. Отношу данное обстоятельство ко всем изученным мною следственным делам.

Беззаконие и в отношении явных преступников предосудительно. Хочется врезать, да нельзя! Сподлить из-за забора закона можно. Оскорбительными для этой части репрессированных кажутся мне попытки оставить реабилитированных посмертно в скорлупе коммуниста, собачьи преданного идеям социализма. Умирали, мол, со словами преданности партии. Были такие и у

нас. Можно простить им и эту, последнюю надежду купить себе право на жизнь. Жить в ещё большей подлости, но жить! Неужели не ясно другое, если на краю могилы человек искренне вопиет о благодарности карателю, значит, умирает полный идиот. Перед которым даже стреляющий в затылок выглядит человекообразнее, потому как кормит с оклада семью.

Первый запротоколированный и подшитый в следственное дело допрос Кабакова, датированный 3 июня 1937 года, вёл помощник начальника 4 отдела ГУГБ майор ГБ Стромин. Понятно, что предшествующее заявление бывшего уральского вождя, тождественное самоприговору, явилось итогом многодневной физической и психической обработки. В практике таких процессов промежуточные допросы не протоколировались, потому, что обвиняемый либо вообще куражился, либо выбивался из предложенной ему версии. В отношении высокономенклатурных врагов народа допрос документально оформлялся только в том случае, когда арестованный хорошо держал борозду.

Гладкая, сбалансированная версия нужна была для показательных процессов. Излишняя детализация могла опрокинуть систему доказательств. Для обычных на Урале закрытых судилищ, проходящих через Военную Коллегию, требовался внешний упорядочивающий принцип. Первоначально следователи садились в лужу, когда выбивали из арестованных встречные взаимоисключающие показания. Примерно так. Арестованный Иванов показывает, к радости следователя Сидорова, что завербовал в троцкисты Петрова. А Петров в соседней камере подписывает заготовленную следователем рыбу, что он завербовал Иванова.

Гебистское правило упростило следствие и звучало так. По материалам следствия партийно-советский и хозяйственный руководитель должен вербовать подчинённых, но сам вербуем только вышестоящим работником. Принцип придал всесоюзной карательной кампании ньютоновскую стройность, следствие и обвинения обрушивались сверху вниз. Норма работала, исходя из служебной иерархии, сложившейся к моменту ареста.

В нашем деле Зубарев, как зам. наркома земледелия, обязан был вербовать секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Кабакова. Хотя в момент свершения этого криминального действия, якобы в 1929 году, Кабаков был рангом выше будущего земельного наркома. Если копаться в служебных дебрях прошлого, решили в НКВД, то голова пойдёт кругом. Правда, у Зубарева биография была более подручной для обвинения в троцкизме, как-никак член партии с 1904 года, участник лондонского съезда РСДРП.

Факт вербовки Кабаков подтвердил, почти с этого начинается протокол допроса. В качестве активных членов подпольной организации было названо более тридцати человек. В основном это была партийно-советская номенклатурная элита Урала, включая некоторых руководителей Челябинской области. Свидетельство в ущерб другому каждому подследственному давалось с моральными муками. За самооговор рассчитываешься собственной шкурой и судьбой семьи. Даже правдивые показания в сторону других неприличны, а лжесвидетельства — преступление. Поэтому наш исторический персонаж и другие подследственные старались называть уже арестованных или расстрелянных «сообщников». Однако следователи упрямо выводили их на заинтересованные лица и требовали однозначного ответа.

Лжесвидетельства бывшего секретаря Уралобкома ВКП(б) в ущерб жизни подчинённых зафиксированы историей документально. Однако я не имею морального права цитировать эти части протокола допроса, открывать имена бывших руководителей, названных Кабаковым членами организации правых и вскоре, естественно, арестованных. Сдавали партийных товарищей почти все арестованные большевики. «Если я не назвал кого-то из участников организации правых, то только в силу ослабления памяти». Так красиво пытался выйти из допроса арестованный Сулимов. Тоже мужик наш — уральский, в момент ареста председатель СНК РСФСР. Следствие быстро научилось выбивать у подследственных склеротические симптомы.

У меня совершенно нет намерений защищать коммуниста Кабакова. Его действия в качестве руководителя уральских большевиков, то есть до начала 1937 года, преступны. Он, во-первых, представитель преступной государственности и преступной организации. Инициируемые им директивы по карательным операциям, во-вторых, определяют его как физическое преступное лицо. Он преступен и как исполнитель, и деятельно. С мая 1937 года Кабаков — жертва режима, за который он стоял горой и дырой. И в качестве жертвы он ничуть не отличается от какого-нибудь мужика, забитого на ссыльной лесосеке.

С арестом и допросами вновь вскрытых членов подпольной организации следствие формирует систему взаимодобивающих свидетельств. Из нижестоящих врагов народа выбивались показания о конкретных фактах идейного предательства, диверсионной деятельности, шпионажа. Но каждое следственное дело адресовало инициативу преступных действий вверх. Мифическая организация правых начала давать тень. «Посмотри, что делается в твоём Ко-

ми-Пермяцком округе, — приводит на допросе слова, сказанные, якобы, Кабаковым, один из районных врагов народа, — сколько так называемых кулаков, являющихся в действительности основными тружениками деревни, выслано из центральных районов СССР в Коми-Пермяцкий округ и в каком положении они находятся. Может ли быть правильной такая политика, которая связана с издевательствами над людьми, с полным попранием человеческой личности?

Колхозы неминуемо придут к упадку и развалятся, однако можем ли мы сегодня сказать, что мы против колхозов. Конечно нет, это было бы равносильно собственной гибели. Поэтому мы должны делать так, чтобы для видимости осуществлять линию партии и произносить приветственные речи по адресу ЦК, тем не менее, строить своё поведение так, чтобы возрастали всякого рода недовольства. Мы должны иметь два лица».[23] История сейчас не вспомнит — катил ли туфту на врага-вождя враг районный или антисоветчина имела место быть. Всё мелкое забылось.

Не для пятьдесят восьмой дробь десять раскручивалась мощная карательная операция. С летних допросов и пыток полетели показания поувесистее. «Я за то, — сказал единожды Кабаков, по показаниям одного из прошлых его любимцев, — чтобы наша организация устранила Сталина путём физического уничтожения его, я за террор против всех сталинцев... Мы очень резко повернём крен в политике, капитализм будет шагом вперёд в сравнении с существующим положением вещей и мы за капитализм».[24]

«Меня завербовал в организацию в 1933 году Кабаков, он сообщил мне, что существует широкая организация правых, во главе которой стоят Рыков, Бухарин, Томский, Угланов. Цель организации — изменение политического строя и приход к власти правых сил.., непосредственное уничтожение Сталина и членов политбюро ЦК ВКП(б): Молотова, Кагановича, Ворошилова». Далее секретарь Ворошиловского райкома показал, что Кабаков руководит организацией правых на Урале, что предложению сотрудничать предшествовала длительная политическая обработка в духе контрреволюционных установок правых. «Беседы со мной вёл Шахгильдян, бывший секретарь Верх-Камского окружкома, который был доверенным лицом Кабакова».[25]

Десятки арестованных из личного и служебного окружения бывшего уральского вождя давали против него убойные показания. Так как следствие настаивало на конкретизации свидетельств, предавшие, спасаясь от пыток, резали правду-матку о положении дел в той или иной сфере. Без идеологических нарядов советская

действительность как голая старуха, она вызывает сложную помесь чувств, где невольная жалость заглушает неприязнь. Если правда звучала слабообвинительно, подследственных заставляли напрягать память.

«Особо крупное вредительство было произведено нашей организацией по линии рабочей силы. Известно, что для строительства Магнитогорского металлургического комбината не хватало рабочей силы. Решением директивных органов нам была направлена огромная партия спецпереселенцев. Вместо того, чтобы прибывшую рабочую силу использовать на все 100%, как это было указано мне лично Сталиным, мы сознательно не создали необходимых материальных и бытовых условий для спецпереселенцев и этим самым физически уничтожили до 40% прибывших людей. Физическое уничтожение спецпереселенцев ещё в большем количестве было допущено на лесных разработках. Здесь погибло до 50% завезённой рабочей силы».[26]

Цитировались показания начальника треста «Востокосталь», направленного на Урал лично Сталиным. Свидетельства такого рода, весьма правдоподобные или совершенно правдивые, с удовольствием приобщались к делу. Варварское отношение к родному советскому народу, пусть даже ссыльному, украсит любое обвинение. Здесь следствие становилось дотошным, ибо выполняло свою основную функцию — перебросить истинную вину людомора с Сатаны на чертей-исполнителей.

К месту упомянуть об интересной процессуальной манере следствия. Как только обвиняемый пытался в оправдание сослаться на директиву, с неукоснительным выполнением которой связаны его преступные действия, чекисты прерывали показания примерно так: «В заявлении о признании вины вы обязались давать правдивые показания о своей преступной деятельности. Об этом и говорите, а заниматься анализом государственных и партийных мероприятий ни вы, ни даже следствие не уполномочены. Так в чём конкретно вы признаёте себя виновным?»

Чтобы не терять темп дознания, наиболее яркие свидетельства преступной деятельности, выбитые уральскими чекистами, направлялись в Москву, где с ними знакомили Кабакова. В надежде вывернуться бывшие соратники толкали его к могиле. К осени Иван Дмитриевич вышел на последнюю прямую. Протокол допроса от 14 сентября 1937 года не оставлял в том никаких сомнений. «В 1935 году, — «признался» подследственный, — во время встречи с Рыковым последний дал мне директиву о создании в Свердловске областного повстанческого штаба...»[27]

Повстанческая организация да ещё штаб — из-под такого комплекта живым никто не уходил. Членами штаба были названы известные нам по предшествующему изложению кадровые лица. Одиозно смотрелся в штабе митрополит Холмогорцев, попавший в активные повстанцы по показаниям другого уральского большевика. Какой же крестовый поход против Советской власти без креста и попа? Тут следствию во вкусе не откажешь. Оторопь берёт от безвкусицы дней нынешних, когда проходимцы в рясе благословляют краснознамённые шабаши. Протяни с небес длань свою, господи, и возьми слуг бесовых за бороды!

Повстанческий штаб Урала, фиксирует протокол допроса, держал связь с центром через Тухачевского, Якира, Гамарника и Фельдмана. Всё, дальше некуда! Тухачевский, по милой случайности арестованный в один день с Кабаковым, Якир и Фельдман были расстреляны три месяца назад и за четыре месяца до расстрела вождя Урала. Гамарник застрелился сам.

Враг народа обязан быть совершенно плохим. Какой ты к чёрту троцкист, если нельзя обозвать диверсантом и шпионом? Следствие старалось оправдать мнение прессы и широкой советской общественности, сразу, с посадкой в чёрную марусю, покрывающих арестованного густым политическим матом. Перелицевать троцкиста в диверсанта хлопотно, но можно. Сплошной поток аварий на наспех сляпанных промышленных предприятиях по причине строительного брака, нарушения технологических режимов работы оборудования и самого производства, низкого качества рабочей силы давал обильный обвинительный сырец. Колхозный и совхозный скотомор принимал порой масштабы, наводящие на подозрение в бактериологической диверсии.

Не минули бывшие уральские вожди и помоев обыденщины. Косвенной задачей следствия являлась моральная дискредитация арестованных. Перевод из святых в подлые плохо воспринимается, если не подать троцкиста очевидным мерзавцем. Говорю не только о фактах, сопровождавших обвинение Кабакова. Речь о принципе подачи любых обвинительных материалов населению. Вспомним первые московские процессы, враги народа созрели для показухи в тот момент, когда стали творить поступки, не соотносимые с элементарной порядочностью.

Летом тридцать седьмого во все райкомы Свердловской области поступила бумага, подготовленная следствием для сведения партработников и ознакомления народа. В ней давались отрывки из показаний сотрудницы облпартаппарата на одного из секретарей обкома ВКП(б). «Тут я увидела настоящее его лицо, которое

он скрывал от партии... Он пытался меня использовать в самой пошлой до крайности извращённой форме, признаваясь в том, что удовлетворяет свои половые прихоти только как педераст... Он занимался педерастикой в служебном кабинете обкома со стенографисткой... и у себя на даче с экономкой... Его жена лесбиянка втянула меня на путь сожительства с ней».[28]

Местных, пока ещё не арестованных, аппаратчиков хватил столбняк. А как донести сие до широких народных масс? По показаниям (уже в пятидесятых) бывшего сотрудника органов Торопова, в УНКВД все удивлялись — как это Павлу Чистову удалось добыть такие циничные показания. Тем более от сотрудницы, слывшей интеллигентной и порядочной женщиной. Истина проста. Сотрудницу допрашивали двойной тягой сам Дмитриев, начальник УНКВД, комиссар ГБ 3 ранга, и его зам. — капитан ГБ Чистов. Авторитетный состав дознания в лице двух обер-палачей Урала наводит на мысль о крупной провокации.

С женщиной еле справились. По показаниям Файнберга во времена реабилитации, осуждённого в 1938 году, эту сотрудницу аппарата пытали. На стене своей камеры он видел её сообщение о пытке и подпись. В августе, на заседании ВК женщина отказалась от всех своих показаний и виновной себя не признала. В последнем слове она добавила, что лжесвидетельства из неё выбили следователи. А Кабаков пусть остаётся врагом народа, если он признался сам. Через несколько часов она была расстреляна».[29]

Перед мужеством простой сотрудницы головы никто не склонил, реабилитировали её оптом уже во времена горбачёвские. В тридцать седьмом следствие использовало потерявшие силу показания в дальнейших обвинениях. Вообще я обязан сказать, что представительницы слабого пола в мясорубке большого террора вели себя много достойнее мужской большевистской аристократии. Чувственный ли склад натуры, подавляющий преступные выверты боязливого рассудка, или инстинктивная осторожность перед мужским нахрапом, но на крючки подлости они садились реже. Выразительным примером может быть поведение жены Кабакова — Виноградовой Валентины.

Арестовали её 24 мая 1937 года. Арест санкционировал областной прокурор Лейман, которому оставалось ходить на свободе совсем немного. Несколько месяцев провела в камере, что уже говорит о многом. На первом (запротоколированном) допросе она себя вела даже вызывающе: «По существу предъявленного мне обвинения виновной себя не признаю, участницей контрреволюционной организации правых я никогда не была». На втором до-

просе назвала кучу показаний против неё сотрудников «Уральского рабочего» клеветническими, добавив при этом, что считает невероятным авторство некоторых из них.

На суде Виноградова осталась собой, сказав буквально следующее: «Считаю своим преступлением перед партией, что, зная Кабакова двенадцать лет и являясь его женой с 1928 года, я не увидела в нём врага народа и партии и до последних дней считала его преданным партии и Сталинскому ЦК человеком...». За идеологическую слепоту её приговорили к расстрелу.[30]

Обвинительное заключение по делу Кабакова И.Д., составленное опером ГУГБ старшим лейтенантом ГБ Иоселевичем, было передано в ВК Верхсуда СССР. На подготовительном заседании под председательством армвоенюриста Ульриха с участием заместителя прокурора СССР Рогинского было определено: «Дело принять к производству Военной Коллегии Верховного Суда СССР, предать суду Кабакова И.Д. по статье 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты, без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 года».

На следующий день Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кабакова И.Д. к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно». В деле имеется стандартная справка о приведении приговора в исполнение. Она датирует смерть 30 октября 1937 года.[31]

Определением ВК Верховного Суда СССР от 17 марта 1956 года № 44-03375 приговор в отношении Кабакова по вновь открывшимся обстоятельствам отменили и дело прекратили за отсутствием состава преступления.[32] Перед партией его оправдали. А за преступления перед народом его никто не судил.

Судьбы других уральских вождей и подвождей лежат где-то рядом. Уловимые различия с приведённым выше эталоном расправы состояли в том, что процедурная сторона дел была ещё похабнее, а приговоры выносила уже выездная бригада Военной Коллегии Верхсуда, уставшие от непрерывных командировок члены которой никакого интереса к обвиняемым не проявляли. Некоторые были пропущены как обычные смертные через тройку. Прежде чем вернуться в родную стихию и говорить про аграрный типаж врага народа, приведу короткие сюжеты о судьбе первых лиц красного Урала, тех, что упоминались ранее.

Секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Кузьму Рындина арестовали 12 октября 1937 года. Полгода пламя карательной операции в Свердловской области закрывало северный горизонт, обжигая разум и душу. Рикошетом доставалось и некоторым челябинцам. Председателя облисполкома Михаила Советникова взяли в начале мая, а в августе уже расстреляли. Тонкой струйкой надежды для Кузьмы Рындина оставался краткий срок пребывания в должности вождя. Челябинская область практически выделилась из Большого Урала к концу тридцать четвёртого. За два года в следственное дело много не намолотишь. По делам свердловских врагов народа создание троцкистской организации относилось на 1929-1932 годы. Здесь было полное алиби, в указанный период Рындин пребывал в Москве и даже состоял членом городского комитета ВКП(б). Но логика хороша для самооправдания. В августе месяце руководство УНКВД принял Павел Чистов, чекист очень способный и готовый абсолютно на всё.

Чистов прибыл в Челябинскую область без права сразу обломать рога Рындину. Ещё смешнее, первый месяц из обкома ВКП(б) директивные бумаги в адрес УНКВД шли с резолюциями, исключающими двоевластие. Где-то так. «Чистову. Прошу разобраться и доложить. Рындин. 15-7-1937». Каково было читать подобное чекисту, неделю с небольшим назад бившему по сопатке вождей покруче Рындина. Здешнего вождя думалось обложить следственными делами его районных соратников, после чего ставить естественный вопрос о руководителе областной подпольной организации. Как она лепится на допросах, этому нового начальника УНКВД учить не надо было.

4 августа взяли Петра Ессяка, затем Потатуева, Реутова... Первый был одно время секретарём Уралобкома ВЛКСМ, потом вождём Златоустовского района, со вторым мы встречались осенью тридцать четвёртого в Каргапольском районе, третий был секретарём Курганского райкома ВКП(б). Одновременно начались показательные процессы врагов народа районного масштаба. Каждое следственное дело упиралось в небосвод областной партийной и советской власти. С конца августа местные газеты подозрительно забыли про вождя, а в октябре...

«Область явилась притягательным местом для агентов иностранных разведок, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов... Об этом свидетельствует разоблачение в последнее время нашей славной советской разведкой шайки рыковско-бухаринских бандитов, которые в союзе с троцкистами и германскими шпионами, пользуясь притуплением бдительности со стороны парторга-

низаций, захватили в свои руки почти все руководящие посты в партийном и советском аппарате Челябинской области и на протяжении ряда лет проводила подрывную вредительскую работу».[33]

То был реквием вождям челябинским. По приговору ВК Верховного Суда СССР Кузьма Рындин как руководитель (вот вам и алиби!) подпольной террористической организации правых в Челябинской области был расстрелян 8 февраля 1938 года.[34]

Жизненный путь вице-вождей Урала завершился несколько скромнее. Второй секретарь Свердловского обкома Пшеницын, вспомните, застрелился через сутки после ареста Кабакова. Ближайший соратник Рындина Хитаров после ареста шефа должности вождя не успел почувствовать, так как сам ушёл под следствие. Его моментально заменил Огурцов, присланный ЦК ВКП(б) «в помощь челябинским коммунистам, чтобы возглавить борьбу с остатками вражеской погани».

Декоративные вожди от советской власти ушли под вышку раньше старших партийных товарищей. Бывший председатель Уралсовета Ошвинцев был переброшен ещё в 1933 году в Москву, став членом ЦИК. Там его и взяли 21 июня 1937 года. В течение двух лет предварительного заключения его четыре раза вызывали на допрос. На Ошвинцева, как человека уже далёкого, подследственные уральские партийные собутыльники валили самые пошлые показания. Барин, мол, вельможа, кутила и бабник.

Протоколы допросов, однако, делают ему честь. На пытках бывший голова категорически отрицал своё участие в контрреволюционной организации, а показания других называл клеветническими. На допросах он требовал очной ставки с Кабаковым, Зубаревым и другими руководителями Урала. После того, как выслушал приговор, сделал заявление, что следователь Морозов, ведущий его дело, есть уголовный преступник. Такое поведение даже у палачей следствия, привыкших к трусости подследственных, вызывало что-то вроде уважения или азарта погони.[35]

Председателя Свердловского облисполкома Головина арестовали в марте тридцать седьмого и по приговору ВК Верхсуда расстреляли. Его заместитель Гольдич покончил с собой в апреле месяце, сменивший его Иосиф Хорош поработал совсем немного, был арестован и уже 4 июля был расстрелян.

Хватит о городских. Выйдем на родную околицу. Советская деревня — живая физиономия отечественного социализма и его посмертная маска. В тридцать седьмом она ни визуально, ни статистически не тянула на прописанный ленинским кооперативным планом идеал. Москва себя в том виновной не считала.

Борьба с кадровыми уральскими сельхозвредителями пошла по двум направлениям. Во-первых, в столицах Урала, Свердловске и Челябинске, была арестована большая часть руководящего персонала областных земельных управлений, совхозтрестов, заготовительных организаций и предприятий переработки. Некоторые из этой категории аппаратных врагов народа удостоены персональным следственным делом.

Второй фронт борьбы с агротроцкизмом сформировался из опыта Свердловского УНКВД. После того, как за решёткой оказались областные руководители, в практику ввели карательные выезды в районы. Основной задачей внезапных налётов являлось разоблачение районных троцкистских организаций. И вот что удивительно — куда бы ни забросило бригаду УНКВД, шпионы и диверсанты обязательно находились! Работали интенсивно, дело заводилось сразу на весь преступный коллектив, чтобы вынести его на показательный процесс.

Прямо и сразу скажу главное. Дела по обвинению кадровых сельхозврагов украшают кампанию большого террора. Действительно, обвинения большевистских вождей в политическом предательстве сплошь да рядом пестрят подлогом, прямой ложью, лжесвидетельствами, показания подследственных добыты самой крайней степенью насилия. В делах врагов народа от промышленности очевидной фальсификации меньше. За обвинениями в подрывной и диверсионной деятельности маячат притянутые за уши факты действительных аварий и срывов производства.

Очень липово здесь выглядят только обвинения в шпионаже, поскольку лепятся на основе случайных и редких знакомств и смелых предположений следствия, наведённых пролетарской бдительностью. Доходило до казусов. В одном из отделов Свердловского УНКВД долго мучились с группой арестованных лиц кавказской национальности. Кто-то из следователей решил выпендриться и вывел их в шпионы английской разведки, когда принято было лепить разведку германо-японскую, на худой конец — польскую. Дело застопорилось потому, что в обвинительное заключение понадобилось записать полное название совратившего джигитов учреждения. Как называется английское НКВД, никто, убей Бог, не знал. Один начитанный вспомнил, что вроде как оно находится в Лондоне на улице имени Скотланда. Его и откомандировали найти в журналах имя секретного заведения.[36]

Обвинения сельскохозяйственных вредителей во лжи не нуждались. Здесь следствие упивалось морем мерзостной истины. Наоборот, самые едкие выпады следователя или лжесвидетельства

товарищей смотрелись наивными в сравнении с колхозно-совхозной действительностью. Показаний, подводящих под вышку, не надо было выбивать. Факты повседневной колхозной принудиловки, собранные по всему Союзу, в случае возникновения потребности в них, звучали бы не менее убедительно, чем доводы обвинения на Нюрнбергском процессе.

«Вредительская деятельность, возглавляемая ставленником врагов народа, сидевших в обкоме и облисполкоме, Самойловым, привела целый ряд обслуживаемых совхозов к развалу... Все ответственные посты в Совхозтресте возглавляются исключительно ставленниками Самойлова — Полыгалов, Вершинин, Гутман, Окулович, Шурнель».[37] Директива Свердловского обкома партии, работавшего в новом составе и отчаянно лебезившего перед УНКВД, нашла крайнего в нищете совхозной. Помимо подбора вражеских кадров совхозтресту ставилось в преступление создание крупных, плохо управляемых хозяйств, будто не Москва и обкомы утверждали номенклатуру руководящих работников и не нарком совхозов распинался о преимуществах крупного государственного сельскохозяйственного производства.

Обвинения против директоров совхозов до изжоги трафаретны. Вот их арматура: умышленное распространение заболеваний скота (в 42 совхозах поголовье заражено бруцеллёзом), колоссальный падёж скота, преступно плохая организация уборки и хлебосдачи, отсутствие элементарной агротехники, систематический срыв госпланов производства и заготовки сельхозпродуктов и т.д. «Чего же здесь преступного? — удивлялись подсудимые и пока свободные члены совхозов, — работаем нормально, как все».

Больше всего досталось областным земуправленцам, ведающим колхозным производством. Наиболее ярких троцкистов оттуда изъяли где-то вместе с вождями. Из земуправленцев в той и другой области УНКВД сформировали по гвардейской троцкистской банде и вытащили их на показательные процессы. Чистовое протравливание всего штата было поручено выжившим партийным товарищам и пришлось на весну тридцать восьмого. «С 25 мая по 2 июня 1938 года бригадой инструкторов обкома в аппарате облземуправления было выявлено 70 лиц с социально-чуждым происхождением».[38]

«Вредительскую работу, — сообщение Челябобкома партии, — вела банда правых, руководимая заместителем облземуправления Чучиным. В неё входили: Маринин — начальник Конеуправления, Ротермель — начальник планово-финансового управления, Корнелюк — начальник кормового отдела и заведующие отделами

животноводства во многих районах... Обвиняемые признались во вредительской деятельности... Вредители только по пяти районам уничтожили около 115 тысяч голов скота».[39]

Со временем придёт развитой социализм, окружающая нас ложь будет казаться естественной, ею тщательно заштукатурятся пазы истории. Мы выведем уникальные породы скота, круглогодично выдерживающего колхозную жестокость. В тридцать седьмом, всё только начиналось, вину за катаклизм между коровьей природой и большевизмом, сопровождающийся массовым скотомором, списали на робких чиновников. Остаётся сходить на показательный процесс, чтобы иметь представление о сельхозвредителе в футляре. Спасаясь от декабрьской стужи, сунемся в зал заседаний Челябинского облсуда, где как раз идёт показуха.

«В случную кампанию 1936 года, — признаётся заведующий отделом животноводства Белозерского райзо Рукавишников, — я провёл большую вредительскую работу. Я сделал так, что из имеющихся в районе 1061 конематки было покрыто только 431 конематка, или 41%». «Мы применяли свои вредительские действия для уничтожения скота, — фрагмент признаний заведующего Мокроусовским райзо Бенасика, — путём неправильного составления рациона для молодняка. Этим самым добились падежа приплода в Каменском мясосовхозе до 60%».[40]

Хочу уберечь читателя, воспитанного в духе соцреализма, от умозрительных химер. Земотдельские бюрократы не лазили тайно по коровникам и конюшням, не подсыпали отравы в кормухи, не сталкивали вредительски жеребцов с кобыл. «Так в чём конкретно вы признаёте себя виновным?» — испрашивал, зевая или пристально разглядывая ногти, следователь НКВД. Подследственный аграрий в недоумении круглил глаза, боязливо озираясь на кулаки стоявших сбоку чекистов-подсобников.

Из оцепенения выводил сам следователь. «А вы подумайте!» — и передавал арестованному годовой отчёт нужного отдела. Подследственный, оставшись один на один с отчётом, с удовольствием находил точные, до десятых долей процента, свидетельства своих преступных деяний.

В течение 1937-1938 годов областные и районные земуправленцы не слазили со скамьи подсудимых. Закончится процесс над бандой правых животноводов, на подходе вредители-семеноводы, в хвост за этими садятся троцкисты землеустроители. Последние по квалификации своей отпетые диверсанты. Хорошо, что уральский землемер Лёня Брежнев успел перебраться на активную комсомольскую работу, а то бы не видать нам зрелого социализма.

Судя по отчётам свердловской и челябинской прокуратур, землемеров садили с большим удовольствием. «Вредительские замеры, вредительское распределение, вредительское составление государственных актов, вредительское принуждение к принятию актов...» — так характеризовал челябинский облпрокурор исторический акт дарения земли колхозам в 1935 году. За вредительскую нарезку земли только в Челябинской области пошло под суд более 50 человек. И никто не вспомнил, что кампания нарезки земель проводилась в пожарном порядке и глухой зимой, когда распределение площадей можно сделать только на бумаге. Летом, по выяснении глупостей, все исторические бумаги уже были подписаны и сданы на хранение.

Когда колхозный строй есть, но нечего есть, виноваты враги народа. Таковые могут обнаружиться где угодно. Одновременно с судами над чистым аграрным чиновничеством УНКВД санировали отрасли и конторы, стоящие по обочине столбового пути. Скот, к примеру, интенсивно дох не только в колхозе. Когда обвинили во вредительстве начальника свердловского управления «Заготскот» Лиходедова, обнаружилась рваная дыра в мясном конвейере Урала. «В 1936 году вокруг мясокомбинатов стояло по дваполтора месяца около 15000 голов скота, на базах тоже около этого, переработать не могли. Скот отправляли обратно за сотни километров или распределяли мелкими партиями по ближайшим колхозам».[41] Тут время вспомнить про ужас деревенских мясозаготовок. В начале сентября 1937 года НКВД взяло Лиходедова насовсем. Началась кампания разоблачения вредителей, засевших в органах мясозаготовки.

В дефиците масла, легко догадаться, виноваты тоже правые. Обратим заинтересованный взгляд на юг Урала. «Помимо ареста бывшего директора треста, — речь о маслотресте, — врага народа Фёдорова в аппарате треста арестовали начальника сектора кадров, начсектора сбыта, начсектора заготовок, главбуха, технологов. Не исключена возможность выявления и ареста других работников... Весь руководящий состав треста оказался вредительским. На заводах и межрайонных базах руководящий состав не проверен и политически засорён... Основной причиной срыва заготовок является вредительская деятельность арестованных органами НКВД Гитера — Фёдорова и их сообщников».[42]

Любимой подследственной публикой НКВД в тот год были работники системы «Заготзерно». «В результате вредительства в органах комитета заготовок многие элеваторы, склады и мельницы оказались заражены клещом...». Это сказал сам Сталин, и ему

виднее. На всех пунктах «Заготзерно» врагов народа оказалось больше, чем грызунов.

Чем ближе к почве, тем гуще вредитель. Банальная биологическая истина оказалась применимой и в теории большевистской бдительности. Спустимся на одну ступень эволюционной лестницы, ведущей вверх. Разгром банды областных диверсантов дал многочисленные обвинительные метастазы во все районы Урала. Было бы неверным, инструктировали околоточных чекистов, лишь обрубать вредительские хвосты областей и не прилагать усилий к поиску самостоятельных районных и деревенских троцкистско-бухаринских банд. Положительному направлению поисковой работы содействовали некоторые инициативы.

Одновременно со следствием над областными вождями сначала Свердловской, а позднее и Челябинской области чекисты стали делать визиты в районы. При Свердловском УНКВД в карательных бригадах участвовали следователи Гайда, Боярский, Ардаев, Хольков и другие. В Челябинской области отрядами большевистского гнева руководили следователи Лапшин, Ворончихин, Луговцев, Мальцев...

В данном случае костяк обвинительного материала высеивался из показаний подследственных вождей. Ботва неоспоримых фактов изымалась из хозяйственной документации местных предприятий. Статистика деревенской жизни усугубляла обвинение и тянула подследственных к высшей мере. Процессы, подготовленные выездными бригадами НКВД, обычно заканчивались расстрелами. Каратели не жалели местных большевиков.

Разоблачение собственных вредительских организаций инициировал дух большевистской бдительности. В декабре тридцать седьмого «Правда» передовицей изрекла, что помощь органам НКВД в разоблачении врагов народа является делом чести каждого советского человека. Честолюбивых оказалось зело много. Доносы забили все артерии и капилляры советской жизни до нравственного тромбоза. Вот одно из писем, адресованное прямо генеральному комиссару госбезопасности Ежову. Написано оно сочувствующим из Ирбитского района.

«Вся группа вражеских последышей, засевшая, но ещё не разоблачённая, но никем не уважаемая, потерявшая в народе всякий авторитет, окружившая себя целой плеядой приспешников и подхалимов всех мастей и рангов, сознательных и бессознательных...» Так сказано про власть районную, которой ставится в вину «систематическое нарушение и игнорирование даже элементарных правил агротехники — сеяли каждый год пшеницу по пшенице и

даже рожь по ржи, засоряли поля вредительским овсюгом и другими сорняками, истощали почву, явно снижали урожай, срывали планы сева и хлебоуборки.., ставили посевы под удар засухи, градобития и других вредных сил природы. За такие дела всегда виновников расстреливали, а они вот сидят и ещё продолжают пакостить... Путём систематического администрирования колхозами, попрания колхозной демократии и колхозного устава дискредитировали принципы, святые для трудящихся нашей страны... Умышленно держат массы в темноте и невежестве. Это уголовное и сугубо партийное преступление, это искусственное задержание человеческой мысли и прогресса — это просто уголовщина!»

«Меркушев, — даёт автор характеристики, полезные для будущего следствия, — кум врагам народа Кабакову и Кобелеву. Резнер — вредил сознательно району, выколачивая последний хлеб у колхозника, оставляя скот на бескормицу, а колхозника на голод. Латышев — дошёл до того, что на пьедестал памятника Екатерине Второй поставил фигуру В.И.Ленина! Я нисколько не ошибусь, если выражу мнение трудящихся Ирбитского района, что их надо давно разоблачить, изгнать и судить как самых мерзостных людей... Такой же капитальный ремонт надо сделать и по другим районам области».[43]

В октябре тридцать седьмого газета «Уральский рабочий» дала развёрнутый материал о показательном судебном процессе банды врагов народа, окопавшейся в Ирбитском районе. Скамью подсудимых украсили: секретарь райкома Кобелев, председатель райисполкома Ячменев, заведующий земотделом Падерин, директор Ирбитской МТС Ананичев, уполномоченный Комзага Резнер и другие. Обвинение очень смахивает на письмо сочувствующего. По приговору военной коллегии областного суда пять человек получили расстрел, остальные длительные сроки заключения.[44]

С точки зрения стороннего наблюдателя события большого террора кажутся трагически-однообразными. Неверно это. Даже каждый маломальский районный показательный процесс — целая жизнь, пусть краткая, но содержательная. Московские процессы — театр высокой режиссуры, где декорации и текст выверены цензурой. Карательная классика. Деревенский процессуальный экспромт привлекателен то необычными обстоятельствами дела, то непредсказуемым поведением подсудимых, то оригинальностью правовершителей.

Взять процесс контрреволюционной организации правых в Шадринском районе Челябинской области. «Свиньи чумой болели? — строго спросил гособвинитель Еркин бывшего директора

свиносовхоза Ожигалова. — Болели, — ответил тот. — Оспой и рожей болели? — Болели. — Гнойным воспалением свиньи болели? — Болели. — Коровы бруцеллёзом болели? — Болели».

Экзотика дальше. Выяснилось, что варёным мясом павших животных кормили свиней живых. Ели и рабочие. Поступали так вынужденно, оправдывался директор, потому что работники воровали и съедали весь фураж. Областная газета, освещающая ход процесса, квалифицирует подсудимых «озверелыми контрреволюционными мерзавцами» и констатирует — приговор суда (семь человек к расстрелу, остальным где-то по семь-десять лет) встречен населением района с глубоким удовлетворением.[45]

Пропастину ели везде, этот факт трафаретно сквозит по всем показухам. «Когда в нашем колхозе свиньи заболели чумой, — показывает председатель колхоза на показательном суде в Увельском районе, — мы это мясо давали колхозникам в пищу». Враги народа, выяснилось, заставляли боронить и сеять на стельных коровах, что было отнесено к сознательной организации падежа. Здесь тоже расстреляли семь человек.

Областная газета, чтобы вывести читателей из глубокого удовлетворения, тут же даёт подборку материалов под шапкой «Жутко вспомнить про старое». Про времена николаевские.

«В Таборинском районе, — это из Свердловской области, — вскрыта вредительская группа, ставившая своей целью развал колхозов...». В группу правых попали: секретарь райкома Овсянников, предрик Мотырев, заведующий райзо Мешавкин, Сивков из отдела животноводства, председатель колхоза «Путь Ленина» Черенков и другие. Приговором Военной Коллегии облсуда пятерым названным дали по вышке, а другим — срок. Таборинский процесс шёл в области авангардом. Потом пошли судебные процессы банд правых в Коми-Пермяцком округе, Пермском и Надеждинском заготзерно, Егоршинском районе...

Каждый процесс, повторю, уникален. В последнем, например, четверых расстреляли, несколько человек посадили, а один пошёл даже недоноском. Попал под статью 58-12, карающую за недоносительство. «Знал ли, — спросил государственный обвинитель подсудимого Налимова, — что в хозяйствах творятся такие безобразия?» «Знал», — заглотил наживку следствия наивный подсудимый. - «А по-о-чему не донёс в НКВД?!»

Показательным процессом районного масштаба карательная операция по выявлению припочвенных троцкистов только начиналась. Точнее сказать — провоцировалась. Действия выездной следственной бригады, за три-четыре дня разоблачающей местное

начальство в пух и прах, как и оперативность выездной коллегии облсуда, с лёгкостью выносящей липу обвинительных дел и смертные приговоры, служили наглядным примером действенной пролетарской бдительности.

Местным чекистам вменялось в обязанность разоблачать диверсантов, окопавшихся в тёмных щелях колхозной деревни, используя след личных и служебных отношений осуждённых, а также их показания вниз. Нередко на показательном процессе государственный обвинитель требовал немедленного ареста того или иного лица, соучастие которого просматривается в показаниях подсудимых. Здесь совсем просто, надо только жевать.

После изучения трёх-четырёх следственных дел по каждой группе осуждённых закрытым заседанием Военной Коллегии приходит усталость. Редкий большевик, даже из прославившихся особым хамством по отношению к деревенщине, сорвётся раненой птицей с мясного конвейера репрессий. Большинство ломалось сразу и успевало пожить между лжесвидетельствами и надеждой, что вчерашний допрос не будет последним. Не приведи, господи, никому из крещёных испытать сие. Ужас физической боли от пыток, боли душевной от подлого предательства, последний вздох рассудка, осознавшего подлость сотворённого, — с этим, а не верой в большевистские идеалы уходили в последнюю ночь репрессированные соотечественники.

Обвинение против простой деревенской нечисти тонкостями не обрастало. Обычным поводом криминализации серого бытия становился арест ближнего руководителя. Взяли директора совхоза, на нары улетал управленческий штат и специалисты. Арест районного руководства, много хуже, если паровозом троцкистской банды, сопровождался активным подбором председательского контингента. Всякое следственное начинание, таким образом, ложилось на живой фундамент из тысяч крестьянских спин. Водопад обвинений начальства, мощный и многоцветный в радуге, внизу источался до простой констатации преступных телодвижений колхозника, которого, разумеется, не поволокёшь на заседание военной коллегии даже областного суда.

Жизнь умнее нас, она дала нам тройку. Каждый бывший советским человек про тройку знает много. Как же, рафинированная форма советского правосудия. Три ответственных мужика, вместо навильника следственных бумаг один донос, две минуты серьёзного разговора и готово. Червонец или вышак. В порядке административного взыскания. Без вызова свидетелей, естественно, без представителей обвинения, защиты. Тут даже самого обвиняемого

не надо. Раньше в тройку входили секретарь райкома, предрик и начальник ГПУ. В самые страдные мясные времена работали тройки и двойки НКВД, в которых заседали только чекисты.

Пролетарски простая формула кары покоится на элементарности обстоятельств, лежащих в колхозной действительности и советском праве. Ну сдохли с голоду артельные свиньи. Факт-то биологически элементарный. Ему соответствует простая юридическая норма. Если будет установлено, что «действия этих лиц (в нашем случае колхозники – **А.Б.**) преследовали цель: ослабление экономической мощи колхоза с целью подрыва колхозного строительства, действия эти должны рассматриваться как экономическая контрреволюция и квалифицироваться по статье 58-7 УК».

Бдительный чекист ослабление мощи улавливал, следовала ещё более простая процессуальная вещь. «Выписка из протокола заседания Тройки при УНКВД по Свердловской области от... Слушали... Постановили: расстрелять... Срок расстрела...». Далее подпись Дмитриева, Бермана и Грачёва. Ночами стреляли. В некоторых делах прилагаются справки времён реабилитации с фальшивыми сроками смерти, постигшей, якобы, заключённого при отбытии наказания.

А теперь сунемся прямо в камеры НКВД, чтобы иметь хотя бы смутные представления об интимной стороне репрессий. Масштабы большого террора не определить в границах одной области, не говоря о целом регионе. К оценочным суждениям прибегать не хочется. Через военные коллегии, всевозможные верховные, республиканские, областные суды, трибуналы, тройки, суды лагерные и отраслевые прошли сотни тысяч человек. Манера предыдущего изложения требует если не точного макрополитического итога, то хотя бы документального подтверждения фактуры событий.

Согласно актам проверки уральских КПЗ и местных домзаков за 1937-1938 год, быт заключённых можно без околичностей назвать скотским. Даже при том условии, что большая часть врагов народа шла в могильный отвал, лимиты по временно заключённым нарушались многократно. О каких ограничениях может быть речь, если идёт отстрел врагов народа? В камерах лечь и сесть негде, читаем жалобу клиентов Сухоложского предзака, потому круглые сутки работает живой конвейер. Задыхающиеся в углах постепенно пробираются к окнам, чтобы глотнуть свежего холодного воздуха. С этой целью выдавлены все стёкла. Вонь и влажность критическая. Параша не выносится сутками, оправляются по лёгкому в окно, по тяжёлому — в бумагу или тряпки, а потом выкидывают туда же. Острозаразные больные не изолируются.

Эпидемический разврат завершает масса клопов, блох и вшей. В камерах сидят до трёх месяцев, но ни разу не были в бане. На допросах грубое обращение со стороны сотрудников «с обнажением оружия». И многое, многое прочее...

Жалобу направили в адрес областного прокурора. УНКВД её перехватило и утопило в истории, сдав в архив. Прокурор уже сам сидел врагом народа, сидел, правда, в Свердловске и в камере-люкс, потому как ходил в «каменных колунах». Да и то надо учесть, ксиву накатал обычный уголовный элемент. Жалующийся на дискомфорт враг народа — это же хохма до колик!

«Прочитав Ваши статьи и постановление ЦК ВКП(б) о перегибах в органах НКВД, пришёл к твёрдому убеждению, что Вы не в курсе всех тех кошмарных ужасов, которые были допущены УНКВД по Свердловской области за последние два года. Десятки тысяч арестованных в большинстве без всяких на то оснований. Провокация вследствие вымогательства от арестованных ложных показаний, избиение арестованных, подлоги в протоколах допросов — это система работы Свердловского УНКВД и его периферийных органов. Протоколы допросов в 3 отделе составлял один человек, не видевший арестованных. Составлялись исключительно фантастические протоколы допросов и эти липовые протоколы заканчивались расстрелом».[46]

Так писал новому шефу НКВД Лаврентию Берия уполномоченный Свердловского УНКВД Гайда. Письмо датировано ноябрём тридцать восьмого. Автор ссылался на постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 февраля 1938 года, отмечавшее извращения в следственном деле, и приказ НКВД СССР № 00762 о приостановлении решений троек. Вал дешёвых расстрелов захлестнул страну. Лицемерными документами партии и карательных органов массовые репрессии, вернее сказать, преступления, квалифицировались перегибами в оперативно-следственной работе.

Каратель хорошо знал то, о чём говорил. Трудно сказать, был ли он движим воскресшей совестью или, скорее всего, животным инстинктом самосохранения, но признания его неожиданны. Палач тоже грел себя надеждой. По свидетельствам подопытных заключённых, в частности Файнберга, и сотрудников УНКВД, переживших кампанию ликвидации ликвидаторов и давших показания в годы пятидесятые, Гайда обращался к своему богу зря. Он сам был активным сторонником физических пыток арестованных. Если подследственные упирались, Гайда по ночам водил их в «мясную лавку» — помещение, где приводились в исполнение все смертные приговоры. Выщербленные пулями и забрызганные че-

ловеческой кровью стены производили на допрашиваемых хорошее впечатление.[47] Не хватало этого, упрямому обещалось следующей почью расстрелять его тут же.

Кое-какие представления о масштабах репрессий и технологии выявления контры дают материалы обвинения самих карателей. В частности, материалы ВТ войск НКВД Уральского округа от 20-26 июня 1940 года. По приговору этого отраслевого органа Лапшин, Ворончихин и другие каратели Челябинского УНКВД были расстреляны. «Являясь руководителями УНКВД Челябинской области, — читаем обвинительное заключение, — в конце 1937 года и главным образом в 1938 году наряду с разоблачением и арестом действительных врагов народа практиковали также массовые, явно необоснованные и незаконные аресты граждан, в том числе из социально близких Советской власти».[48]

Полного реестра сдуру загубленных душ Трибунал не мог установить ни в данном случае, ни в процессах других и менее впечатляющих по подбору преступников. «Много, преступно много», констатировалось в обвинении, и вышкой карателям спешно заравнивали могильные курганы. Затруднительным оставался даже учёт вскрытых контрреволюционных групп. Материалы обвинения обрывочны, как описание быта времён первых Рюриков. Да никто к логике и подробностям не стремился, для вышки прежним сатрапам вполне хватало того, что очевидно.

«В конце 1937 и начале 1938 года была искусственно создана эсеровская шпионско-диверсионная организация в количестве 531 человека. По этому делу решением Тройки с участием Чистова и Лапшина приговорено к высшей мере наказания 494 человека, из них 293 человека по явно необоснованным материалам...». В обвинении далее указывается, что эсеров расстреливали целыми семьями. «В начале 1938 года 4 отделом УНКВД была проведена повторная операция по эсерам.

Следствие по арестованным по этому делу велось в специально отведённом бараке исправительно-трудовой колонии под руководством работников 4 отдела УНКВД Мальцева и Меньщикова и было проведено возмутительно преступными методами. В результате сплошной фальсификации следственных материалов, а также вынужденных признаний обвиняемых под влиянием камерной обработки и применения физических мер воздействия... многие были осуждены к высшей мере наказания.

В декабре 1937 года бывшим 3 отделом УНКВД с санкции Чистова и Лапшина была искусственно создана белогвардейско-казачья офицерская контрреволюционная организация в количе-

стве 321 человека. Все осуждены к высшей мере. В это же время была создана искусственно повстанческо-террористическая организация. По ней осуждено к расстрелу Луговцевым, Ворончихиным и Лапшиным 236 человек... В 1938 году бывшим 3 отделом УНКВД под руководством Луговцева была проведена операция по иноконтингенту... Изучением выборочных материалов на 90 человек установлено, что 76 человек осуждены к высшей мере наказания, 10 — к исправительно-трудовым лагерям... В 1938 году работником УНКВД Кадкиным создана искусственно организация «ОЖРСБ»... 98 человек осуждены к расстрелу».[49]

На «ОЖРСБ» (Организация жестокой расправы с большевиками, — экие выверты следственной фантазии!) вышли через крайне возмутительный факт. На собрании автопарка облпотребсоюза, посвящённом выдвижению кандидатов в Верховный Совет, вместо занаряженных вождей была предложена кандидатура местного шофёра Паклина. Кухарка может руководить страной, рассуждали идеологически верно, шофёр — тем более! У Кагановича, к примеру, три класса образования, а у нашего кандидата пять. Паклин от лести поплыл и сдуру дал согласие. «Все арестованы», — закрывает казус отчёт Челябобкома ВКП(б).[50]

Если в областном центре подпольные организации обнаружены по две штуки в квартале, почему им не быть в районах, посёлках городского типа? Видно же, что советскую власть ненавидят кругом и всегда, пока в глазах земляков испуг не затмит разума. Изготовлением террористических организаций срочно занялись все районные и отраслевые подразделения НКВД.

Начальник дорожно-транспортного отдела НКВД капитан ГБ Николай Ревинов, например, прямо-таки саданул инициативу под дых. В газетах он подчёркивал фамилии критикуемых и выписывал ордера на их немедленный арест. Когда опыт перехватили чекисты других подразделений, капитан нашёл ещё более надёжный источник криминала. В органах ВКП(б) он затребовал списки всех исключённых из партии и стал их садить равномерно по каждой букве алфавита. При экономном выводе в расход потенциальных врагов народа хватило до приговора Военного Трибунала, которым к вышке списали самого смышлёного чекиста.[51]

Букет документальных частностей украшу фрагментом из следственного дела № 492 по обвинению Чистова Павла Васильевича по статье 58-1б, 58-11 УК РСФСР. За шесть месяцев своей деятельности в должности начальника Челябинского УНКВД (с июля 1937 по февраль 1938 года) Чистов приговорил на тройке 12480 человек, из них 5980 - к расстрелу.[52]

Нормальный человек подписывать себе смертный приговор не станет. Однако подавляющее число арестованных это делали. Показаниями попавших позднее под трибунал уральских карателей — Дмитриева-Плоткина, Лапшина, Ревинова, Гайды, Ворончихина и других — установлено, что повсеместно имел место подлог. Протоколы допросов корректировались под версию следствия, а то и просто фабриковались и подписывались сотрудниками УНКВД. Особенно часто фальшивые детективные сюжеты использовались в качестве показаний снизу.

Техника тут такая. По делу относительно крупного диверсанта сразу садили вражескую исполнительную мелочь из его окружения. На таких и лепили фальшь. Начальник ещё сидит под следствием, про себя повторяя оправдательную речь на показухе, а шестёрочную публику уже пропустили через тройку и шлёпнули. Пойди теперь разберись — сам ли покойный подписал приговор себе и шефу или следователи ухватистыми оказались.

«Какие там очные ставки?» — искренне удивлялся вопросу следователя подполковник-пенсионер Иван Торопов на беседе в 1956 году. Он в 1937-м работал в Свердловском УНКВД и сочинил обвинительное заключение на жену Кабакова Виноградову. Сочинил хорошо, ту, так и ни в чём не признавшуюся, расстреляли. К делу Виноградовой Торопов приобщил показания лиц, которые полностью отказались от своих лжесвидетельств против неё. Чекист-пенсионер объяснил, что не знал, живы ли эти подследственные, чтобы вызвать их на очную ставку.[53]

Он откровенно врал, как врали чекисты младше его и генералы, все знали — отказавшиеся от показаний должны быть расстреляны. Арестованных, обманувших следствие, отправляли на тот свет в первую очередь и тайны из этого не делали. Наоборот, факт расстрела изменивших показания был козырем следствия. «Вот, твой сосед отказался на коллегии от показаний, — сообщал следователь очередной жертве, — шлёпнули вчера».

Особо ненавидели жалобщиков. Бывший секретарь парткома Каслинского чугуно-литейного завода Бирюков, сидящий в Челябинской тюрьме, каким-то образом отправил жалобу в Москву. Дело было очень липовым, челобитную переадресовали в Челябинское УНКВД с предписанием — разобраться. Получив на руки бумагу, начальник следственного отдела, капитан ГБ Луговцев, вызвал следователей, слепивших дело, и приказал дать ответ, что жалобщик есть враг народа и отпетый клеветник на советскую власть. Письмо отправили в наркомат внудел, а Бирюкова бли-

жайшей ночью расстреляли. Прав вождь народов, нет человека — нет проблем.[54]

О фактах подделки показаний и поточного производства фальшивок, выводящих на расстрел, свидетельствуют буквально все бывшие работники УНКВД, привлечённые к допросам ВТ войск НКВД в 1939-1940 годах и при реабилитации в пятидесятых. Между тем сравнительный анализ почерков видных подследственных даёт основания полагать, что протоколы допросов подписаны ими собственноручно. Остановимся на манере дознания, способствующей самоубийственному движению души.

«Виновным в применении конвейерной системы допроса к подследственным, в применении стоек к ним по несколько часов признаю». Так открываются показания сотрудника ДТО НКВД Рязано-Уральской железной дороги сержанта ГБ Сергея Шишова. «Насильственные действия при допросах начались примерно с февраля 1937 года, то есть до приезда Ревинова Николая Харитоновича, но с прибытием его некоторые действия — беспрерывный допрос, стоянки по несколько часов и избиения арестованных — стали иметь особенно большое распространение... Арестованный Атемасов простоял на ногах, — вспоминает детали сержант, — более трёх суток, временами терял над собой контроль... В конце концов, подписал заявление о своей контрреволюционной работе».

Большевистская инквизиция обогатила мировой опыт пыток революционными подходами. Обычная боль, инициируемая классическими инструментами и методами пыток — калёным железом, испанским сапогом, иглами под ногти и так далее — эффективна для вытягивания сокрытой крамольной истины. В инквизиции советской применение классики — лишь хороший тон, но не более. Классически обрабатывался подследственный материал мелкой фракции. Многочисленных, безымянно осевших на дно уклонистов допрашивать было недосуг, следовало заставить таковых сломаться единожды и подписать сработанную следствием обвинительную рыбу. Физическая терпимость пытаемого полностью определяла продолжительность следствия и жизни. Не выдержал, подписал, — и к Богу.

Обращение следователя в мясника обставлено директивно. «Применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».[55] Всякий комментарий здесь вульгарен.

Для выработки лжесвидетельств требуется другой подход. Ну избил ты троцкиста в котлету намедни, вчера, сегодня, а дело-то стоит. Он же не знает вашей версии преступления. Тут надо дубить и шкуру, и рассудок. Ничего лучшего, чем конвейерная система допросов и камерная обработка, человечество после нас не придумало.

Новая система допросов пришла на Урал вместе с московскими кадрами НКВД. Смысл её состоит в том, что допрос ведётся непрерывно сменяющими друг друга следователями. Один отработал смену и пошёл спать, заступает другой. Объект допроса при этом находится под постоянным физическим и психическим давлением. Можно бить, можно измываться всесторонне, то бишь держать подопытного сутками в стойке, грозить арестом семьи, не давать засыпать и сходить по нужде...

«Работу» следователя с арестованным допросом в высоком смысле не назовёшь. Из арестованного не выжималась потаённая истина, в него вгонялась ложь, которую он мог бы изложить как собственные показания. Поскольку ложь следствия представляла угрозу собственной жизни и расценивалась как моральное преступление перед теми, против кого она направлялась, принять её мог только глубоко деградировавший человек. Вот и следовало стереть с него всё социальное, загнать в крайнюю степень физического и психического истощения, когда структура личности осыпается прахом ближайших физиологических потребностей. Выжить, лечь, поспать, забыться...

Во имя нужной лжи нещадно пытали, толкали в парашу головой, устраивали многосуточные стойки. Избивали, по словам начальника наказаний Александра Зинина (было такое подразделение в Челябинском УНКВД), до той степени, пока арестованные сами не побегут в очередь подписывать себе путёвки на тот свет. Не заглядывая в сфабрикованную липу протокола, не зная в лицо следователя-карателя.

Когда арестованного трудно взять на «понял?», его садят на круглосуточное попечение, в котором продолжительные пытки чередуются с камерной обработкой. Большая часть самооговоров и диких показаний на других подписана подследственными под влиянием психической агрессии следствия. Психология — вещь тонкая, и многие методы камерной работы привязаны к объекту воспитания и способностям энкаведешника. Остановимся на самых общих местах камерной психотерапии.

Уровень психической ковкости арестованного обычно определялся с первого знакомства. С выяснения того, признаёт ли

клиент себя сразу полным ничтожеством или намерен цепляться за человеческие достоинства. В первом случае, играя во взаимное лицемерие, он подаёт заявление с признанием абстрактной вины и просьбой (!) вызвать на допрос, где обязуется искренне рассказать о своей контрреволюционной деятельности. Часто просьба сопровождается «желанием» собственноручно изложить криминал. На самом деле он отдаёт себя в руки следствия и будет собственной рукой писать с чужих слов.

Массовая мода на заявления арестованных пришла с московских процессов. В качестве подсудимых там попадались лица, ранее действительно замеченные во фракционной деятельности. Когда злой закон начинает проседать в историю, обвинение в уклоне от генеральной линии партии, да ещё с видом на вышку, заставляет буйно соображать. Лучше быть живым разоружившимся троцкистом, чем просто мёртвым. Правильное движение рассудка выливалось в желание рассказать всё о прошлом, чем и выкупить будущее. Провинциальные энкаведешники работали с элементом, не имеющим в прошлом ничего идейно различимого, поэтому взыскание заявлений рассматривали как первую попытку пощупать арестованного за вымя.

Подавший заявление, под пыткой или обходя её, признавал себя абстрактной стервой. Врагом народа. Если на последующих допросах он хорошо ходил в узде, на него проливались некоторые льготы. По показаниям сотрудника Свердловского УНКВД Парышкина,[56] согласившимся на сотрудничество с карателями выделяли отдельные тёплые камеры. Среди обласканных преобладали «большевики-ленинцы», которых мы громко оплакивали в годы перестроечные. Лицам, активно сотрудничавшим с карателями, предоставлялись и продовольственные льготы. На подследственный паек в 400 граммов в день ломать принципиального трудно. Льгота состояла в предоставлении права получать передачи.

Тысячи человек ежедневно толпились у ворот уральских тюрем и учреждений НКВД в надежде узнать что-нибудь о судьбе арестованных родственников. Абсолютное большинство из них ушло из жизни в полном неведении или получило фальшивые справки во времена блатной реабилитации. Мягким подследственным разрешалось есть семейные блюда.

Время лечит забвением. Обычными соседями по моей архивной работе стали пожилые дети репрессированных, скорбно изучающие следственные дела родителей. Может, скажу неудачно, но скорбь больше идёт седой безотцовщине, чем ненависть. Животная злость в глазах её сверстников, что трясут портретами лысых

и усатых вождей на красных митингах, постоянно возвращает память к излагаемому моменту репрессий. Стояли под пытками упрямые да честные, пособничеством следствию, предательством идейно близких за сидор передачи прежде всего занимались партийные руководители и демагоги.

Цель оправдывает средства. В структуре большевистской власти карательные органы, по-моему, были самыми последовательными приверженцами этого принципа. Нет подлости, которая остановила бы следствие в фабрикации фальшивых дел. Судить можно хотя бы по манере подкупа арестованных лживыми обещаниями. Ложь первая, ложь на шару. Арестованному давали изустно или в письменной схеме несколько вариантов самооговора и ложных показаний на других. Подпиши, уговаривали его с доброй улыбкой, если дорога собственная жизнь и семья. И тут же излагали возможные варианты будущего: после суда над руководителями организации отпустят, следственные дела засекречены и никто про тебя не узнает, будешь жить в другом городе, дадут квартиру, хорошую работу. Некоторые подписывали и отбывали на тот свет напрямую.

По московским процессам, стало известно позже, редким и очень одарённым провокаторам даровали жизнь и даже благополучие. Доказавшим абсолютное рабство души обычно доверяли низовую идеологическую работу, преподавание водянистых наук вроде истории партии, марксистской философии и политэкономии, неприметные, но хлебные должности в общественных организациях. Высшая школа с трудом доживает эпоху заслуженных стукачей науки.

Уточню, что свобода даровалась не за факт пусть самого изощрённого, но пассивного лжесвидетельства. Ценился талант. За такового шёл способный убедительно и без тени смущения врать глаза в глаза на очных ставках. Даже лицу, которого совершенно не знаешь. Тут, согласитесь, на простой наглости не выехать, нужны особые природные задатки подлости. Не оскудел седой Урал и талантами с душком...

Ложь более правдоподобная выглядела примерно так. Подпиши вот эти показания, и следствие сделает всё, чтобы смягчить наказание. Соучастие к судьбе арестованных у сотрудников НКВД вспыхивало перед приездом военной коллегии, когда следственное дело уже полировалось обшлагом кителя. До вынесения приговора следователь головой отвечал за поведение своего подопытного. Чтобы тот не кинулся на суде в подляну, то есть не отказался от навранного, обещалось и, вроде как, виделось уже записанным в

черновик обвинительного заключения года два-три исправительно-трудовых лагерей. Ну, это пережить можно, шло сочувственно и доверительным шёпотом, а остальным — всем вышка! И следователь дружески подмигивал обнадёженному. За отказ от показаний, повторялось в дверях и предельно строго, обязательно расстрел.

Следственным бриллиантом считался самооговор, работавший на авторитет местного органа НКВД. Чистой воды ложь! В Нижнем Тагиле уговорили железнодорожника подписать заявление о том, что рабочие сортировки хотели пустить с горки пустые вагоны и смять вагон с наркомом тяжёлой промышленности Орджоникидзе. Диспетчеров и составителей пересадили, а чекисты доротдела НКВД ходили в героях, бдительно отогнав, якобы, вагон с наркомом в другое место.[57]

Свердловские энкаведешники пошли по тому же следу. Одного из арестованных — Смольникова Василия Семёновича, — показал бывший следователь УНКВД, долго уламывали подписать заранее составленный протокол допроса, где он вроде бы сознался в том, что с бомбой подбирался к вагону секретаря ЦК ВКП(б) Андреева. Когда он в мае месяце привозил на смотрины Якова Столяра. Сотрудники, следовало по протоколу, перехватили бомбометателя. Василий Семёнович на обещания не клюнул, хоть и легче ему от того не стало. Сомневаюсь, что удалось найти другого диверсанта-дурака. Вождей «спасали» на многих станциях Союза, это было однообразно навязчиво, но престижно. Материалов о героизме свердловских энкаведюг, закрывших телами Андрея Андреевича, в архивах я не встречал.

Ложь утончённая требовала обоюдной одарённости. Разумеется, ты не враг, уговаривали арестованного провокаторы высшей пробы, но для НКВД нужны секретные работники в контрреволюционной среде. Чтобы знать обстановку. Надо помочь родной партии и товарищу Сталину. Подписываешь, мы разоблачаем троцкистов, а ты вроде как враг народа, остаёшься на секретной и важной работе в исправительно-трудовых лагерях. Очень важная работа! Начальство там будет про тебя знать. Не трусь, вернёшься с орденом!

Кто не трусил и был склонен к авантюрам, ушёл на секретную партийную работу в раю. Только в мясной лавке чуток побыв в недоумении, почему же секретная операция развивается не совсем по плану. Вроде расстрела там не предусматривалось.

По каждой из методик следственной провокации можно было привести наглядные документальные эскизы. Слава Богу, садили

у нас много и разнообразно. Но я решил выбрать один документальный сюжет, гранями деталей отражающий многое из сказанного. Итак, салат из показаний бывшего начальника дорожно-транспортного отдела (ДТО) НКВД Нижнего Тагила Трепина Петра, уроженца села Новая пристань Саткинского района Челябинской области. Работавшего двенадцать лет в органах НКВД, дослужившего до звания младшего лейтенанта госбезопасности и осуждённого трибуналом на 10 лет.

«В последних числах мая 1937 года из ДТО Свердловска поступили выписки из показаний на 17 человек — работников транспорта в Нижнем Тагиле. Среди арестованных нами лиц находились: инженер Фурмавнин, секретарь парткома ст. Смычка Щербаков, секретарь парткома ст. Тагил Михайлов, редактор многотиражки Тагильского отделения железной дороги Копылов, зам. начальника отделения службы движения Боровой, зам. политотдела Н-Тагильского отделения Калугин или Кулагин...

За период примерно месячного пребывания в Свердловской внутренней тюрьме из числа арестованных бывшему начальнику ДТО Алексееву, как начальнику следственной группы, удалось расколоть Борового и Кулагина (или Калугина), и всю группу арестованных, в том числе и сознавшихся, привезли в Нижний Тагил для окончания следствия силами работников отделения ДТО в Нижнем Тагиле...

Первым на допрос был вызван Щербаков... По прибытии на допрос Щербаков на вопрос, намерен ли он давать показания, заявил, что «если нужно для партии и для тов. Сталина, то я подпишу любые показания». Я ему задал вопрос, почему для партии и почему любые показания. Но Алексеев, моргнув мне, заявил, что я могу так сорвать допрос, и взял на себя инициативу допроса. Я отошёл в сторону.

Алексеев продиктовал Щербакову текст заявления, которое начиналось словами: «Прошу вызвать меня на допрос, что я продумал своё положение и искренне желаю рассказать о своей контрреволюционной деятельности». Отобрав такое заявление от Щербакова, Алексеев предупредил его, завтра его вызовут, и он должен в духе заявления написать собственноручные показания. Из этого разговора и телефонного предупреждения Алексеева я понял, что Калугина и Борового следует посадить к несознавшимся арестованным; для меня было совершенно ясно, что Калугин и Боровой являются провокаторами, что никто другой как они подговаривают арестованных для дачи признательных показаний под предлогом того, что это нужно для партии...

С их рассказов я понял, что Алексеев поставил их на преступный путь провокации. Они рассказывали, что, не являясь врагами Советского Союза и служа делу партии, они принимают на себя звание врага народа, призывают к этому других лиц из числа арестованных, поскольку это нужно в интересах партии и страны для разоблачения в наглядной форме враждебной деятельности троцкистов и что, как им разрешил Алексеев, возможно их осудят и отправят в лагерь, там они будут проводить партийную работу...

При допросах Алексеев, а затем я и другие работники отделения подсказывали арестованным что нужно писать. Обычно было так. Арестованный говорил: «Хоть я и не враг, но раз надо, что же, я буду писать о враждебной работе». Ему говорили — пиши: будучи членом контрреволюционной организации, выполнял преступные указания руководителя контрреволюционной организации на железной дороге Шахгильдяна, но чтобы его собственноручные показания были более правдоподобными.

Требовали указать, кто его завербовал, кого он завербовал, и, следуя логике вещей, они писали, что каждый из них был завербован вышестоящим начальником, а он вербовал равных себе по должности или же нижестоящих, а во главе всей организации мы требовали указывать Шахгильдяна, так как в то время он был арестован и что Шахгильдян и Кабаков являлись руководителями право-троцкистов на Урале, что они являются злейшими врагами народа, о чём всюду много говорили и писали в газетах...

Летом 1938 года Фурмавнин и Сазонова отказались от своих показаний в письме, которое ими было послано в ЦК партии Сталину, и их затребовали в Москву... В Москве передопрос Фурмавнина и Сазоновой производил начальник 6 отделения Главного транспортного управления НКВД СССР Касимов совместно со мной... При допросе Фурмавнина я, как представитель по защите чести отдела ДТО, а также и Касимов примерно два дня его допрашивали, добиваясь подтверждения им показаний, которые он дал ранее, приводя ему доводы, что он показания дал добровольно. Несмотря на это Фурмавнин стоял на своём, заявляя, что он оклеветал себя и клеветал на других. Он даже написал заявление, чтобы его судили как клеветника и провокатора...

Я с Касимовым посоветовался о том, что группа работников транспорта, арестованных и привлечённых в Нижнем Тагиле, также сидят в тюрьме и ждут своей участи по материалам, не внушающим доверия. Он, Касимов, посоветовал мне воздержаться, так как эти дела прошли через малую тройку и были доложены в Наркомате, что будет неприятность.

В связи с этим Касимов рассказал, что Алексеев и Корнэль в Свердловске полтора года уговаривали Шахгильдяна на допросах и в камере, но признательных показаний не добились и, чтобы выручить их, Шахгильдяна пришлось брать в Москву, так как сотни людей уже расстреляны, а руководитель организации не признался. Касимов сказал, что в Москве Шахгильдяна допрашивали с применением 3-й степени, но признательных показаний получить не удалось. В чём выражалась «третья степень», конкретно я не знаю, но Касимов дословно сказал, что ему — Шахгильдяну — «все кости переломали». Касимов разговор заключил тем, что под суд Шахгильдяна отдать нельзя, так как его искалечили, и освободить нельзя, так как много людей расстреляли и что сейчас одна надежда, что он умрёт в тюрьме...»[58]

Архивные следственные дела дают лишь намёк на широкое использование провокаторов и подсадных уток. Обычно тонкости преступных методов дознания раскрывают бывшие сотрудники НКВД, дожившие до ветеранских седин. Кто в чинах и почёте, кто-то с лагерным прошлым. Некоторые из них были привлечены к выяснению обстоятельств в первую волну реабилитации. Вины своей они не чувствовали, никто их не пытался обвинять.

Тот же начальник Тагильского доротдела НКВД Трепин, показания которого выше цитировались, сопровождает таковые следующей просьбой: «Период моей службы в органах ОГПУ-НКВД, в период с 1926 по 1938 год, мне желательно чтобы как службу в армии приобщили к общему стажу работы, что связано с получением повышенной пенсии...». Вот так! Чекистов охотно отправляли на персональные пенсии, как же — умаялись родимые в борьбе с собственным народом. В музеях славы и галереях ветеранов труда, украшающих правозащитные учреждения, рябит в глазах от фотографий карателей.

По показаниям многих взятых за седалище чекистов в хорошем ходу камерной обработки были «каменные колуны». Каждому крупному следователю — специалисту по троцкистам — давали двух-трёх расколовшихся на допросах вождей. Их приличио одевали, подкармливали и подсаживали к арестованным. Вождь-провокатор, давя на подследственного авторитетом и орденами, склонял того к якобы полезной для дела партии лжи. Арестованные кололись как берёзовые чурки в феврале, с треском. У помнача 4 отдела Свердловского УНКВД Мизраха лучшим колуном был бывший областной прокурор, знакомый нам по материалам книги, следователь Варшавский очень дорожил своим колуном, который до того был управляющим крупнейшего треста в метал-

лургии Урала, у Боярского в подсобниках ходил завотделом обкома ВКП(б). Во второй половине тридцать восьмого, в связи с перестройкой работы органов НКВД, «каменных колунов» расстреляли заодно с самыми упрямыми арестантами.[59]

Следственная работа нашла, в конце концов, оптимальный режим и приняла исключительно творческий характер, где, как известно, конечный результат предопределён способностями ваятеля. Если таковых нет, учись на чужом опыте. «Чего вы стесняетесь, — учил сотрудников начальник Тагильского доротдела НКВД Алексеев, — враг никогда не скажет о себе всего, нужно писать в протоколе не то, что говорит враг, а то, что он думает».

Лейтенант ГБ Трепин, к примеру, по первости накатал протокол допроса на арестованного Суворова. Из бумаги выходило, что вражина признаётся в контрдеятельности, но в обоснование её жуёт серые обыденные факты. Ни террора, ни впечатляющего вредительства. Показали творение лейтенанту ГБ Шарикову из Свердловского ОДТО. Тот, прочитав, задумчиво постучал пальцами по столу и обещал передать бумаги сотруднику Соломатину, слывшему гением протокольного жанра.

Когда документы пришли из Свердловска, лейтенант Трепин понял, что всевышний раздавал таланты с похмелья. В протоколах всё было чин-чинарём: и террор, и вредительство, и даже шпионаж. У обвиняемого уши отвисли от навороченной лжи, и он отказался подписывать детектив. Трепин, однако, был человеком долга и дисциплинарную норму УНКВД — из камеры не выходить, пока не подпишешь протокол допроса, — соблюдал ревностно. Суворова по лету расстреляли.

Уфалейским РО УНКВД, держим образец чекистской липы, в городе Касли арестован парикмахер Блиновский, которого вскоре шлёпнули по обвинению в контрреволюционной деятельности. Но на каких понтах это сделали! По статье 58, дробь два, шесть, девять и одиннадцать! Шлейф не короче, чем у самого Лаврентия Берия в пятьдесят третьем. Парикмахер был сомнителен в национальном плане, хил в непролетарском происхождении, ну и вполне естественно панически боялся побоев. Такая подследственная особь любой энкаведюге в радость. Твори, выдумывай, пробуй. После обработки признается, что самолично уволок Христа на Голгофу.

Утащили робкого в челябинское УНКВД и давай писать изложение. Сначала наш парикмахер, якобы, совершил акт вредительства на каслинском мехзаводе, потом пустил под откос железнодорожный состав на станции Маук. И в завершение под-

палил скотный двор в колхозе «Красный партизан», где сгорело 120 телят, 15 овец и 64 ягненка. Под грузом фактов окрестной и типичной бесхозяйственности, взятых из районной газеты и удачно переведенных следователями Ворончихиным и Мальцевым в уголовный актив парикмахера, тот пошел на дно.[60]

«Дело на Тихонова П.Н. закончили следствием в два дня, - фрагмент письма Берии теперь от опера Свердловского УНКВД Жемчужникова Михаила, — протокол был написан мной заранее, ответы также были даны мной, никаких показаний от обвиняемого я не имел. Такие моменты как показания на других участников контрреволюционной организации, лица указывались также мной. Были такие случаи, что включались в протокол, когда обвиняемый этого человека совершенно не знает. Момент вербовки также писался заранее, не жалея красок, он не соответствовал действительности. В результате получался не протокол допроса, а фантастическое произведение».[61]

Работники УНКВД, сообщается дальше Лаврентию Павловичу, работают до 2-5 часов утра, а на работу выходят в 1 час дня. Завтра заседание тройки, отделу из пяти человек надо подготовить дела с расстрелом на 200 человек: составить повестки, фальшивые протокола, часть обвинительных заключений и прочую бумажную дребедень. Поневоле начнёшь сгребать завтрашних покойников в контрреволюционную организацию.

Отпускать арестованных из-под следствия было страшным грехом. Все ползали перед НКВД на брюхе, героические чекисты, следовательно, ошибаться никак не могли. Да и сам арест моментально превращал гражданина в гада. Пусть назло оказался чистым, но как отпускать, если в родном коллективе сразу, в день ареста, его гневно осудили и единодушно проголосовали за расстрел.[62] И, наконец, самое главное. Подследственный кадр всегда был в большом дефиците. Это гуманным потомкам кажется, будто жертв было много. А когда захолустному горотделу НКВД столица предписывает отлавливать по полсотни троцкистов в день, каждый арестованный на вес золота.

Арестовали, скажем в Тагиле 8 января 1938 года, сразу 80 человек. Сплошная морока до и после. Первая большая проблема — кого садить? Арестуй человек пять-шесть, наставлял сотрудников начальник Тагильского доротдела НКВД Алексеев, у каждого нормального человека есть до десятка знакомых. Хорошо побьёшь — вспомнит больше! Вот вам и террористическая группа. «Только в протоколе, — тут дословно, — должна быть обязательно дивер-

сия или террор... Нужно такие групповые дела из имеющихся одиночек провести по всем службам».

Заметную практическую помощь оказывали шифровки по иноконтингенту. Предписывалось арестовывать всех без исключения поляков, греков, иранцев... Нетипичная морда в толпе сразу будировала пролетарскую бдительность. Правда, действовать надо было с умом. Взял лейтенант Трепин, к примеру, грека Киракиади в протоколе допроса провёл его агентом греческой разведки. «Ты что, рехнулся?» — возопили в Свердловске. В самом деле, не хватало, чтобы ещё такая мразь завелась на Советском Урале, за такое голову могут снять. Киракиади пошёл под вышку членом пробританской террористической банды, к тому времени где-то успели арестовать ещё четырёх греков.

Героические будни уральских чекистов тех лет в большинстве случаев оборвались не мажорно. Хотя начинались неплохо. В декабре тридцать седьмого «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий» 10 чекистов наградили орденом Ленина и 400 — орденами меньшего достоинства. Наши — начальник Свердловского УНКВД Дмитриев и начальник Челябинского УНКВД Чистов — получили по ордену Ленина.[63] Вскоре Чистова откомандировали начальником Сталинского (Украина) УНКВД, что значительно удлинило жизненный путь нашего карателя.

Начальника Свердловского УНКВД Дмитриева-Плоткина приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР по статье 58-1а, 58-8, 58-11 расстреляли 7 марта 1939 года. Обвинением значится участие в контрреволюционной вредительской организации внутри НКВД. На допросах он чекистской стойкости не проявил, выдав следствию показания на карателей ближних и московских. Организации не было, но свой расстрел он заработал с лихвой.

Чистов убрался с Урала своевременно. Как он проявил себя на новом месте, я не скажу. 3 сентября 1941 года на Юго-Западном фронте близ города Конотопа немцами был взят в плен без сопротивления большевистский генерал-майор Павел Чистов. При нём оказались партбилет, орден Ленина, орден «Знак Почёта», мандат депутата Верхсовета. Об этом факте даже сообщило имперское радио. Войну провёл в немецком концлагере. Родная советская власть вспомнила о нём 26 сентября 1946 года и немедленно арестовала. Да нет, не за десятки тысяч трупов, коими забиты старые шахты близ села Шершни, за плен. Приговором от 7 марта 1947 года он получил десять лет заключения по статье 58-

16 и 58-11. На момент реабилитации его жертв (1956) справка констатирует, что Чистов Павел жив и находится в Магадане.[64]

Главные подельщики карателей были осуждены в 1939-1941 годах на трибунале войск НКВД. Начальники отделов получили по вышке, рядовые трудового следственного фронта — по 8-10 лет. Под реабилитацию они не попадают, следовательно, и прочитать их дела нет возможности. Но свято место пусто не бывает. Взамен расстрелянных карателей партийных и просто карателей прибыли чекисты с чистой, судя по представлениям, совестью и холодным умом. Свердловской области повезло вдвойне, секретарём обкома ВКП(б) назначили Валухина.

Бывший начальник Омского УНКВД — человек исключительно надёжный. Перед отбытием на повышение он доложил генеральному комиссару госбезопасности Ежову, что «операция по Вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11050 и по второй категории 5004. Приведение приговора 50 человек, рассмотренных сверх утверждённого лимита по первой категории, задержано...[65] За выполнение планов по расстрелам (первая категория) и посадке на долгие года (вторая) Валухин тоже получил орден Ленина и сан депутата Верховного Совета СССР от Тюменского избирательного округа. Ну и должность очередного вождя Свердловской области. Скромнее так — партийного руководителя. Вождь в стране остался один, холод расстрелов отвадил всех от высоких претензий.

А теперь коротко о первой волне реабилитации. Мероприятие это было внутрипартийное. Реабилитировали только своих и по сугубому блату. Дело поручили Комитету партконтроля при ЦК КПСС. Можно догадаться, какую правду искали аппаратные кадры, каждый из которых прошёл полный курс партийного лицемерия. «За истекшее после XX съезда КПСС время, — цитирую фрагмент отчёта КПК за 1956-1961 годы, — реабилитированы в партийном отношении 30954 коммуниста (многие посмертно). Среди них 3693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, 4148 руководящих работников советских органов, 6165 хозяйственных работников, 4394 командира и политработника Советской Армии».[66]

Блок беспартийных как-то не подсуетился. Но трагикомизм ситуации состоит не в том, что пропуск в рай получили только бывшие большевики. Восстановление партийной принадлежности рассматривалось выше любого иного понимания справедливости и законности. Выяснение обстоятельств гибели миллионов и наказание виновных, выходили за рамки поставленных задач. Первые

преступники ходили в вождях и членах, сидели в системе госбезопасности. С точки зрения человеческой реабилитации, надо было врать, но врать с горечью в голосе и миной на лице.

С 1939 года приказом по НКВД предписывалось врать так. На запрос родственника о судьбе арестованного отвечать, что он был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. В августе 1955 года с подачи ЦК КПСС КГБ выдаёт директиву, приказывающую сообщать относительно расстрелянных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания срока заключения. Дата смерти определяется органами КГБ произвольно в пределах десятилетнего срока от ареста. Предметом вымысла была и причина смерти. Местом смерти назывался адрес пребывания до ареста. Гремучая смесь кощунства, дикой лжи и спиритуализма так и не взорвалась.

«С 1955 года с ведома инстанций (ЦК КПСС — **А.Б.**) и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание №108сс органам КГБ, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решению несудебных органов (бывшей Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР)». Так начинается письмо председателя КГБ Семичастного в ЦК КПСС от 26 декабря 1962 года. Порядок лжи изложен выше.

«Представляется целесообразным, — продолжим чтение секретного письма, — впредь на запросы граждан о судьбе их родственников, осуждённых в несудебном порядке к расстрелу, устно сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в ЗАГСах их смерти производить датой расстрела, без указания причины смерти, как это делает Военная Коллегия Верховного Суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных приговором судов».[67]

Истина восторжествовала, потому как ЦК КПСС предлагаемый вариант лжи утвердил. На запросы о судьбе репрессированных письменно надлежало врать по-старому — сердчишко, мол, у бедного подвело, не дотянул до освобождения. Не трогали и окаменевший слой прежней лжи, справки о вымышленной смерти реабилитированных, полученные до шестьдесят третьего, приказали считать правдой. Теперь на запрос отвечали содержательно и гордо: осуждён — расстрелян — реабилитирован — восстановлен в рядах партии (посмертно). В этом месте по протоколу следовало сочувственно посмотреть в глаза родственникам убиенного сдуру и по-большевистски крепко пожать руку.

Свет горькой полуправды даже материализовался. Вместо пятнающего статуса ЖВН, ЧСВН, РВН семьи номенклатурно реабилитированных получили льготу. Их приравняли к семьям, потерявшим кормильца при исполнении служебного долга. Родственники тех, кто раскулачивал, ссылал, мордовал народ в котлованах, на лесосеках, потом успел ещё и пересадить тысячи соотечественников, встали в очередь за пособием.

От навороченности нашей истории голова кругом. Сидят рядом две старухи с помятой судьбой. Одна ссыльная, другая детдомовка. У одной отец кулак, у другой — партработник (но понятно — честный!). Первый умер в ссылке, второй расстрелян.

Возьмём в руки прекрасно изданную книгу «1937-й на Урале». Белоснежными соляными сталактитами окаменели в ней партийные слёзы по жертвам большого террора. Впечатление такое, будто мясные годы прошли верховым палом. В числе оплакиваемых исключительно партийно-советско-чекистский кадр. Книга памяти о номенклатурно-павших. 4 ноября 1954 года (раньше многих!) специальным заседанием ВК Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления был реабилитирован чекист Нодев Освальд Яковлевич. «После полувекового забвения, — сообщают авторы, — имя этого большевика-ленинца высечено на плите мемориала героям революции и гражданской войны».

Бывший руководитель Псковской губчека был награждён именными золотыми часами с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией от коллегии ВЧК. 20 декабря 1920 года». Часы, разумеется, сняли с кого-то из классово чуждых. В 1927 году Нодев назначается замом полномочного представителя ОГПУ на Урале. С началом выселений он руководит отделом спецссылки карательного органа. «Самое активное участие, — продолжим чтение, — Нодев принял в обеспечении строительства Магнитки, Уралмаша, Челябинской ТЭЦ, Челябинского тракторного завода, Березниковского химкомбината... Горячим партийным словом он воодушевлял рабочих».[68]

Действительно, сотни тысяч каторжан по директивам ОСП ПП ОГПУ скотом перебрасывались со стройки на стройку. С условиями их труда и быта мы хорошо знакомы. На костях репрессированных покоятся фундаменты гигантов индустрии. Вспомним про бытовой людомор взрослых и детей ссылки. Если выбить на мраморе тем же кеглем, что и имена святых палачей, фамилии замордованных на Урале соотечественников, памятных плит хватит замостить в Екатеринбурге весь проспект Ленина. И покрыть мрамором с фамилиями и многоточиями покойных детей кресть-

янской ссылки центральную площадь, где возвышается художественно исполненное чучело вождя,

Можно поверить в то, что каторжане вкалывали и мёрли вдохновляемые горячим партийным словом начальника ссылки. Тогда треба вызывать души других большевиков-ленинцев. Лаврентий Павлович, где вы там пропадаете? И кликните, пожалуйста, Колю Ежова. Ваши имена давно просятся на торжественно блестящий лабрадор. Вы ведь всем помогали и воодушевить умели до подрасстрельного самооговора.

В тазовской тундре следовало бы поставить монумент выше буровых. Судя по письму с просьбой о реабилитации, в этом полярном углу томился большевик самой высокой пробы. «Вождь и Учитель! К Вам, могущему предвидеть грядущее в веках, к Вам, олицетворению правды партии и могущества Родины, я обращаюсь. Я солдат партии, сын нашей Родины, во имя предвечной правды — символа партии Ленина-Сталина прошу Вашей помощи.

В прошлом я старый чекист школы Дзержинского, чекист из того отряда чекистов, имя которого было ненавистно врагам партии — Вашим врагам. Я никогда не был двурушником, никогда не был троцкистом, и не смотря на это, я пробыл восемь лет в заключении в лагерях НКВД как троцкист. Троцкист, которого сам Троцкий четвертовал бы, если бы политически своевременно его бы не четвертовала партия.

Восемь лет заключения не отняли у меня веру в партию. Вышел я из стен лагеря таким же большевиком-сталинцем, каким был до лагеря. Сейчас мне 58 лет. Личной жизни у меня никакой. Я совершенно одинокий человек... У меня не было, нет сейчас и не будет завтра других богов кроме партии и Вас — Великого».

В качестве основного аргумента чекист Вениамин Абрамов, а ныне зав. больницей посёлка Гыдоям Тазовского района, излагает автобиографию. Родился в Болховском уезде Орловской области, закончил два класса школы и губернские фельдшерские курсы. В юности примкнул к эсерам. В 1907 году за попытку изготовления бомбы осуждён выездной сессией Харьковской судебной палаты на три года. Каторги избежал по несовершеннолетию. Бежал. В 1915 году в Одессе снова арестован и определён на срок в Орловскую тюрьму. Освобождён февральской революцией.

В Октябрьскую революцию стал членом Орловского губревкома и комиссаром тюрем Орловской губернии. Был членом Орловского комитета левых эсеров. Позднее вступил в партию революционеров-коммунистов, а затем в ВКП(б). В 1921-1922 го-

дах состоял членом Черниговского губкома КПУ, членом губисполкома, председателем губчека.

С этих должностей переведён на работу уполномоченным Цукрчрезкома при СНК Украины, потом Николаевская губчека, уполномоченный по ликвидации петлюровского мятежа, член чрезвычайной пятерки (под руководством Фрунзе). В следующие три года жизнь профессионального карателя стала еще более крутой. Начальник ОГПУ Чеченской, Бурят-Монгольской, Амурской областей, затем командовал Охотско-Якутской военной экспедицией по ликвидации восстания на побережье Охотского моря, уполномоченный Дальбюро ЦК партии, и, наконец, консул СССР в Западном Китае (Синьцзян).

Когда воевать стало не с кем, чекиста перебросили на хозяйственный фронт. С 1931 года он начальник мобилизационного управления Союзбумпрома. Учёба в Промакадемии в силу известных обстоятельств не пошла, и Абрамова направили замом на строительство Камского бумкомбината. Долго в строителях он не задержался, через год его определили на Дальний Восток, в контору «Камчатнефть». Как-то незаметно подошло время борьбы с вредителями, хваткого на расправу чекиста взяли одним из первых. Но вскоре отпустили. По приезде в Москву его снова арестовали по ордеру, подписанному самим Ежовым.

Бутырка, лагерь... «Кулачьё и другая сволочь, собранная в лагере, открыто радовалась и ждала избавления от Гитлера. А я? А я ждал виселицы. В моём прошлом несколько тысяч расстрелянных контрреволюционеров всех мастей. Я ждал, что меня зарежут ночью где-либо в уборной, так как для окружающих я всегда оставался чекистом и ненавистным большевиком... Сейчас живу на севере в окружении тяжелобольных...

Если Вы, читающий мысли, удостоверитесь в том, что я не искренен в моих настоящих утверждениях, то поступите со мной как поступали в мифологии с теми смертными, которые дерзали обманывать богов. 23 февраля 1947 года».[69]

Да-а-а, удивились в окружном отделе ГБ, хорош гусь! Прямо Сталину, и кичится знакомством с Микояном и Ворошиловым. На запрос области округ ответил исчерпывающе. Проситель считает решения НКВД ошибочными, что попахивает троцкизмом неразоружившимся. К своей работе относится несерьёзно, занимается пьянкой, связался со ссыльными. И что самое плохое, «разглашает медицинскую тайну о том, чем больные болеют!».

Умилением заходится душа, когда читаешь о вынутых из бесславия честных большевиках. «Чёрная клевета залила дом старых

большевиков...». В каждом областном центре был свой дом на набережной. С изложения драмы, разыгравшейся в его стенах ежовыми годами, начался и быстро иссяк последний всплеск загнивающего социалистического реализма. В столице, известно, обласканный вниманием дом находится на улице Серафимовича и чешуёй мемориальных барельефов напоминает, как скоротечна жизнь политических наркоманов. Объектом ностальгии в Свердловске стал дом высокономенклатурных большевиков на улице 8 Марта. До того, как беда пришла в его подъезды, вихрь дурелома смёл десятки тысяч простеньких крестьянских гнёзд.

Преступники, производившие массовые аресты, фальсификацию следственных материалов, пытки, виновные в гибели тысяч людей, уходили сквозь пальцы партайгеноссе из КПК и КГБ, получив в назидание шлепок выговора с занесением. «За давностью совершённых проступков и положительную работу в последующие годы» карателям прощалось всё. Мерзавцы-ветераны цепляли на китель ордена тридцать седьмого и, растворившись в толпе соотечественников, ничем не отличались от щербатых, изуродованных и контуженых фронтовиков.

Перестроечные кампании реабилитации не могли быть столь щепетильными. Телеграфом на тот и этот свет сообщили, что все пострадали безвинно, чем казус исчерпали до дна. Поскольку индивидуальной следственной канители никто не разводил, вопрос о виновных за миллионы жертв отпал за беспредметностью. В пятидесятых реабилитировали за отсутствием состава преступления, сейчас потерялся субъект преступных деяний.

Изучение архивов привело автора к твёрдому убеждению, что высшим выражением классовой бдительности и советского менталитета вообще является донос. Партийно-чекистские директивы при дутых исторических претензиях всё-таки скучны. Частное событие, препарированное через ум и совесть бдительного гражданина, а затем изложенное письменно, тайно, своевременно и кому надо, обретает двойную ценность восстановленного факта и художественно исполненной вещи. Каждый донос есть овеществлённый итог естественной потребности и чувства гражданского долга.

Множество естественных наклонностей, побуждающих настучать на соседа или сослуживца, — классовая и патологическая ненависть, зависть, борьба за уютную должность, любопытство — делают стукачество неисчерпаемым источником для изучения натуры советского человека. Я хочу остановиться на доносах, обусловленных лишь тремя экстремальными обстоятельствами —

животным страхом и пролетарской бдительностью по краям, простой любознательностью в середине.

Донос, оформленный, к примеру, двумя слушательницами Свердловской партшколы на свою подружку, исторической ценности не имеет и может заинтересовать разве что романистов да учёных, шарящихся по потёмкам женской психики. В бумаге, дуплетом направленной в обком партии и УНКВД, сообщалось, что их соседка по комнате неоднократно спала с известным троцкистом, разоблачённым как враг народа. Более того, враг народа пользовал слушательницу, это было заметно лунными ночами, в извращённых позициях. Пособницу врага народа взяли. «Так ей, курве бухаринской, и надо!» — удовлетворённо вздохнули обойдённые мужиками соседки.[70]

Абстрактный положительный факт взят мною для мягкого перехода к целому жанру исторически содержательных доносов. Если мужика забирали в НКВД, его семья подлежала немедленному аресту. Жена, взрослые дети и близкие родственники под статусом ЖВН и ЧСВН попадали в лагерь, а детей расталкивали по приютам соцвоса. Робким призраком спасения оставался быстрый публичный отказ от родственника-предателя. Такая льгота предоставлялась редко и выборочно.

Когда известная в Челябинске артистка драмтеатра заявляет на собрании, что не знала о контрреволюционной работе мужа, а сейчас, узнав, категорически от него отказывается, сбрасывает с себя позорную фамилию и впереди родного коллектива голосует за немедленный расстрел, вероятность положительного исхода теплится. Заявление жены мелкого диверсанта, косноязычной и костистой самой по себе, вдохновляющей силы не имеет, а у следствия вызывает законное раздражение — «куда ты, старая верблюдиха, столько лет глаза пялила?»

Сюжетно богаче случаи с грешницами. По факту ареста крупного номенклатурного уклониста с периферии воронами слетались вести о его сексуальных вывертах. Доносы очень правдоподобные и аргументированные именами. Вслед тому поступали слёзные раскаяния грешниц. Аппаратная работа суетна. Ещё до приезда важного уполномоченного все знают, что он любит чай с лимоном, водку под рыбу и полненьких блондинок. Если вкусы гостя не экзотические, потребное берётся с продовольственных складов и из комсомольского аппарата. Отказывать в чём-то крупному большевику, сами понимаете, бестактно. Впредь пассия гостя имела продвижение по службе и, как залог хороших личных отношений с вышестоящим органом, переводилась на уси-

ленный паёк. Райуполномоченные пробавлялись случайным и менее изысканным женматериалом.

Теперь подбольшевистские дамы становились козырными тузами обвинения. Обычно после свежей любви мужик волнуется три недели, а баба четыре. Большевистская бдительность отменила сроки исковой давности. И не зря, аппаратный люд, оказалось, хорошо помнит грешные движения и намерения каждого. Стоило секретарю Звериноголовского райкома попасть за решётку, кто-то из бывших коллег выполнил священный долг, сообщив следствию, что арестованный «не был примером для партийного актива, а занимался пьянством и половой распущенностью, втягивал в пьянство партийный актив... Изнасиловал слушательницу совпартшколы, пытался изнасиловать жену одного из председателей колхоза...». Всё с указанием имён, мест и дат. Будто коллективом держали фонарь. «Он к ней ездил на квартиру спать — это подтвердит вся партийная организация райисполкома». Женщину, к которой ездил правоуклонист и председатель Кушвинского райисполкома, арестовали, а разложенческий факт украсил обвинение представителя власти.

Любовница — существо безответное. Труднее всего приходилось большевичкам и комсомолкам. Доводы раскаяния тут самые разные, но суть едина и лаконичнее всего выражена в письме секретарю Челябинского обкома от тайной пассии врага народа Кудрявцева — в интимных отношениях, признаюсь и сожалею, была, но идеологической связи не имела.

Доносы неприкрытого шкурного страха примитивней. «Как вам известно, — комсомольским фальцетом доносил Рындину секретарь Копейского РК ВЛКСМ, — в нашем районе долгое время работал враг народа Ессяк и позднее Потатуев». И далее легко сдавал в утиль старших своих товарищей — действующего секретаря райкома Маракулина, председателя горсовета Трофимова, редактора районки Приверженцева и других. Вместе, мол, ездили на охоту, ходили друг к другу в гости, пили. А по пьяни два из трёх чистая контра. Комсомолец опоздал. Информацию, полезную для расстрела врагов народа, раньше подбросили старшие большевики. Да и сам секретарь Челябобкома уже сидел под колпаком УНКВД и по ночам думал о вечном.

В стремлении выскочить из подозрений и откупиться чужими душами оставшиеся на свободе аппаратчики поступали беспредельно и порой глупо. Инстинктивная слепота, тем не менее, плела какие-то закодированные природой и неповторимые, как узоры на морозном стекле, кружева взаимных обвинений. Озна-

комившись с содержанием доносов, арестованные легко вычисляли авторов и на следующем допросе в окончательный расчёт называли их членами подпольных террористических групп.

«Прошу проверить деятельность и личность Трегубенко П.И., который в 1933-1934 годах работал начальником политотдела Петуховской МТС, в настоящее время работает в редакции «Челябинского рабочего». В то время секретарём Петуховского РК ВКП(б) работал Козубовский — сейчас разоблачён и арестован как враг народа вместе с врагом народа Кабаковым. У Трегубенко с Козубовским в то время были очень близкие связи и отношения. Трегубенко с Козубовским в районе творили всё, что вздумается — использование рогатого скота колхозников на полевых работах. Эта директива была дана врагом народа Кабаковым... Они давали распоряжение о лишении продовольственной ссуды те колхозы, где не работали на рогатом скоте».[71]

«В колхозе имени Ленина Симонов предложил сеять ночью. На возражения по этому поводу заявил, что мы заставим, а нужно будет, не постесняемся — стрелять будем... Арестовывали бригадиров тракторных отрядов и трактористов прямо на месте работы, забирали их с собой в машину, привозили и сдавали в НКВД... Секретарь РК имел такие же погрешности. Все члены бригады уполномоченных вели себя так же... В ряде хозяйств они взяли мясо, забив хряка в колхозе «Память Ленина», и 4 барана в колхозе «Путь социализма», не уплатив денег».[72]

Через неделю-другую авторы приведенных доносов сами улетели под арест.

Сотни однообразных в содержании и подлости доносов прочитаны мною при подготовке данной главы. Единственное, что сколь-нибудь их разнообразит, это их география. Писали отовсюду, изо всех краёв и отраслей хозяйства. «Уралвагонзавод строился под руководством бандита Марьясина. Эта банда крепко навредила в смысле пожарной охраны». И стукач-пожарник просит секретаря Свердловского обкома и УНКВД присмотреться к некоторым работникам охраны. Известный на Урале журналист тайно информирует Рындина, что редактор «Челябинского рабочего» Сыркин ведёт себя суетно и зачем-то втихаря ездил в Свердловск к находящемуся под подозрением НКВД редактору газеты «Уральский рабочий» Жуховицкому. Не контра ли, мол, слетается на шабаш. Третий убедительно просит «заняться по-настоящему» директором Пермской оперы Кузнецовым, а заодно и Свердловской оперы — Рычаговым.[73] Фамилии некоторых талантливых стукачей украсили послевоенную историю Урала.

В доносах часто угадывается возраст автора. Приступая к делу, старый большевик не претендует ни на что большее, чем переждать лихую годину. Молодёжи свойственно стремление жить восходяще. Доносы комсомольцев радикальны в обвинениях, выводах и очень редко анонимны. Не донос, а заявление на должность недостойного. «Недавно узнал, — к примеру так, — что бывший редактор «Комсомольской правды» В.Бубекин разоблачён как враг народа. А мне очень хорошо известно, что нынешний редактор... районной газеты Никифоров имел кое-какие отношения с Бубекиным...». Далее автор, молодой литсотрудник, пересказывает разговоры редактора о том, как они вместе с Бубекиным пили и хулиганили когда-то в Челябинском окружкоме ВЛКСМ. Кроме того, рассказывал похабные контрреволюционные анекдоты.

В обкоме ВКП(б) бумаге дали ход, в то время УНКВД шерстило редакцию «Челябинского рабочего», троцкист-газетчик был в большой цене. По рекомендации партийных товарищей молодой литсотрудник стал редактором районки и прожил достойную жизнь. Я его знал лично, доныне портрет ветерана-стукача украшает редакцию одной из районных газет.[74]

В тему любимую — аграрную — предлагаю фрагмент письма, направленного одновременно Сталину, редактору «Правды» и секретарю обкома, одним из бывших руководителей Овощетреста. «Окончив рабфак, а в 1932 году Воронежский сельскохозяйственный институт, где нас воспитали и дали Ленинский и Ваш стиль — смелость, риск и творчество в работе, я с этой путёвкой выехал в жизнь. За два года, 1933-1935, я организовал и построил с рабочими крупнейшую Быковскую бахчевую станцию в Сталинградской области исключительно на средства, найденные в земле... За эти два года я разоблачил из среды научных работников группу Скриппника и Бухоршта-Филова, Стреленко, Куприянова и др., выгнав их со станции и передав дело в НКВД...

Свердловский Овощетрест в январе 1936 года представлял из себя мёртвое тело... Заражённый Вашим духом, я решил поставить это гибнущее хозяйство на ноги и доказать, что у нас нет плохих хозяйств, а есть плохие руководители».

Обиженный внезапным увольнением, наш автор стал язвителен, как Николай Александрович Хлестаков. «Карпов — Облзу, ныне исключённый, великий лентяй. Рогожкин — бывший директор Свердловского Овощетреста, где по заданию Кабакова сгноил много тысяч овец на скотомогильниках. Друг Кабакова и Зубарева. Ныне работает нач. живуправления — заметает следы. Начальник Овощеуправления Облзу Абросимов — сын жандарма, за

пять лет полностью уничтожил овощи области и списал в расход теплично-парниковое хозяйство колхозов. Начальник землеустроительного отдела Глаголев — сын священника, через жену был связан с диверсантами...

Главный инженер Облзу Сергеев — сын священника, развалил механизацию области. На партсобрании сообщал, что коммунистом его сделал отец-священник и скрывал его от Колчака, и в эту басню все верят. Можно поверить только в том случае, если отец-священник учил его марксизму для шпионажа у нас в тылу... Секретарь Облзу Николаев — сын крупного кожевника, имевшего рабочих. Сбежал с белыми, а сын присосался здесь... Зам. начальника спецсектора Мясников — сын жандарма, отец сбежал с белыми, а ему, видимо, поручили пробраться к секретным документам и шпионить. Опорин — работник Облзу, крупнейший пьяница, опухший от безделья, замаскированный троцкист. Карташов — работник Овощетреста — паразит с партийным билетом. Безграмотный агроном, классический бездельник и лодырь. Пахтусов — начальник овощных совхозов НКЗ РСФСР — личный секретарь Зубарева на Урале.., неразоблачённый враг народа...

Дорогой тов. Сталин! Все эти враги на воле и работают».[75]

Доносы со страху и большевистской бдительности похожи на мумию. Или на рисунок с высоковольтной мачты. Другое дело — доносы любительские, в которых стук возвышен до уровня живого народного творчества. Это стук из глубин народной дикости, порой просто талантливый. В стране политического бесправия непоседливому труднее вдвойне. Он может придать разнообразие жизни, пустив, из чистой любознательности, соседа под срок или ошпарив склокой целый трудовой коллектив. Только для этого надо писать хорошо и высоко.

«Головка Челябинской области прибрата к рукам, — обращается в ЦК рабочий ЧТЗ Пятин, — но это ещё не всё... Шептулин, по-моему, исключительный карьерист.., выразился, что троцкизм сейчас мёртвый... Секретарём парткома отдела главной инспекции выбран Рупасов, я считаю, враждебный элемент. Про него я писал в «Челябинский рабочий»... Цыркин, правда, арестован, но политический руководитель парторганизации Рупасов ещё на свободе и может творить свои дела. Меня интересует — почему Челябинское УНКВД долго медлит с моим письмом... Передаю коммунистический привет Центральному Комитету Всесоюзной КП(б)!».[76]

Сей большевик завалил все инстанции просьбами немедленно расстрелять выявленных им троцкистов. Кого надо стрелять власти знали и без Пятина. Его пригласили на бюро Тракторозавод-

ского райкома для беседы и признали психически больным. Стукач, вполне допускаю, был с двойным дном и косил под смурного с пониманием, что маниакально-большевистский психоз есть единственная манера выживания в столь дурные времена.

Работника Егоршинского радиоузла и рабкора Бархатова пришлось обсуждать даже на заседании обкома партии. Чуть ли не ежедневно он направлял доносы в адреса многих центральных учреждений, особливо доставая ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Интересы стукача-добровольца простирались от высокой политики до интимных отношений, но более всего жгла боль за дела родного Наркомата местной промышленности. Автором было замечено и сделано несколько внушений двум главным вождям, что «на Егоршинском радиозаводе техническая учёба отсутствует, а качество репродукторов плохое». Про начальника радиоузла, он написал («Руководитель — не нашь!») Калинину, в НКВД и во все центральные газеты. В последнем перед вызовом в обком письме он после информации о местных троцкистах задал вождю народов три радикальных вопроса и сформулировал одно пожелание:

«1. Когда меня и мою семью пошлют лечиться на южный берег Крыма? 2. Когда в Свердловском управлении связи не будет на работе троцкистов и врагов народа? 3. Когда будут работать действительные большевики? 4. Хотел бы пойти на оперативную работу в НКВД».[77]

Большевистская бдительность породила особый вид тихой психической сдвинутости. Фанаты-стукачи донимали партийные и карательные органы до такой степени, что хоть на луну вой, хоть бери за жопу самих накатчиков. Как, к примеру, закрыть поддувало у беспартийного бухгалтера Свердловского облздравотдела, подавшего на предмет сочувствия и бдительности такой отчёт в обком партии. «Дано 60 сигналов: 12 в обком, 12 — в горком, 4 — Бухарину, 3 — в облпрокуратуру».

«Хлеб был от колхозников скрыт, а люди умирали преждевременной смертью...». Письмом тагильского крестьянина Сивкова Ивана «в ЦИК партии» закрываю тему доносов, потому как в этом послании есть всё. «Романов (председатель колхоза. — **А.Б.**), чувствуя себя царьком, тех, кто ему начинал подличать, снимал с должностей, а места запоражнивал из поповских сыновей поповского охвостья, певчими с клироса и белобандитами... В Тагиле народилось диверсии большой и маленькой до того, что у прокуратуры начали остывать руки к их ликвидации... О принятых по содержанию письма мерах прошу ЦИК партии меня уведомить.

Приложение: продолжение.

Прошу ЦИК партии дать распоряжение Тагилу и области об ограждении моей семьи красноармейца от издевательств-насмешек и нашему сельсовету, колхозу — также обслуживанию меня нужной помощью как много лет потерпевшему от головотяпства и разорения до нищеты и, в свою очередь, навести на мысль органы социального обеспечения Свердловской области об оказании мне нужной помощи как инвалиду войны и труда. Жена болеет 10 лет спорадическим аппендицитом. В случае дерзновения врагов на меня, как по смыслу или лживого деяния, а также насильного навязывания тюрьмы под разными предлогами, прошу ЦИК партии быть на страже».[78]

Штучная историческая вещь! Здесь суть как в хорошем соцреалистическом романе надо искать постепенно, нежно раздвигая художественные детали. Парткадр в доносах прямолинеен, и заметно, что накат делается во спасение собственной кожи. В стуке от пролетариата и трудового крестьянства тонкий резон — выменять шило на мыло — звучит в гармонии со словом.

Год тридцать седьмой захлёбывался в крови и демагогии. С большим террором началась и эпоха социалистической демократии. Захотелось с изжоги подлинного народовластия. Не буду распинаться на тему органичной связи диктатуры коммунистов и власти трудящихся. Для того надо родиться талантливым словоблудом или заканчивать ВПШ. В фундамент советской демократии загнали монолит — блок коммунистов и беспартийных. Судя по идеологическому аккомпанементу избирательной кампании, беспартийным отводилась роль положительно заряженной массы.

В конце сентября тридцать седьмого ЦК ВКП(б) разогнал по стране директиву под литером «Г» с таким акцентом. «Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий представить в ЦК ВКП(б) к 5 октября 1937 года свои окончательные предложения о кандидатах в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР». Первый экскурс в демократию, да ещё на фоне большевистской бдительности и террора, был обставлен сугубыми мерами предосторожности.

На места подали соответствующий обстановке документ. «Комиссия по кандидатам в члены Верховного Совета и в председатели окружных избирательных комиссий не будет принимать к рассмотрению материалы, не имеющие следующих данных: партийность, год вступления в комсомол и партию, номер партбилета или кандидатской карточки».[79] Все кандидаты в Верховный Совет утверждались ЦК ВКП(б).

Одновременно с этим в обкомы партии пришла директива за подписью Маленкова об обязательном выдвижении во всех округах лиц из «списка 32-х» — кремлёвской номенклатуры. В реестр безусловных любимцев народа вошли: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев, Калинин, Хрущёв, Косиор, Жданов, Будённый и другие.

По первому разу получилась путаница. Главных вождей расхватали по округам сразу, а второстепенных брать боялись — враз да завтра окажется врагом народа. Подвожди, понятно, здорово обиделись. Чуть позднее работу значительно упростили, святых разверстали по областям, настрого предупредив о недопустимости конкуренции со стороны местных выдвиженцев. Нам для выдвижения рекомендовались: Лазарь Моисеевич Каганович, Лев Захарович Мехлис, Анастас Иванович Микоян, Абрам Яковлевич Столяр, назначенный вместо расстрелянного Кабакова, директор профсоюзов Шверник и Николай Иванович Ежов.

Демократия по-красному выглядела так. Сначала выдвигались рекомендованные вожди. Местные большевики, не знакомые с разнарядкой, хотели только вождя народов, что следовало тактично пресекать доводом — честь выдвижения Сталина предоставлена лишь самым лучшим трудовым коллективам. Вот товарищ Мехлис, к примеру, тоже вождь неплохой. Есть ли возражения против данной кандидатуры?

Вторым номером шли собственные выдвиженцы. О персоналиях догадаться совсем легко. Время на дворе стояло горячее, под разоблачение ушла почти вся местная номенклатурная рать. Если кто из мелочи и остался, то на роль народного избранника не тянул. Единственными героями дня были зоркоглазые чекисты. В большинстве областей оберкаратели, начальники УНКВД, стали кандидатами в Верховный Совет СССР. Валухин в Тюмени, Дмитриев-Плоткин в Свердловске, Чистов в Челябинске...

Механизм становления советской избирательной системы объясняет многое в провоцировании массового террора. Сталинская конституция декларировала относительно демократические принципы формирования государственной власти. Что при реальном внедрении гарантировало летальный исход российскому социализму. Красным Советский Союз рисовали на географических картах. В ЦК ВКП(б) и НКВД хорошо знали о крайне антисоветских настроениях подавляющей части населения. Миллионы арестованных по пятьдесят восьмой статье УК говорят не только о злобности власти. Сохранение диктатуры при демократической

мине было возможно при однозначной и жёстко контролируемой динамике событий.

Первыми следовало устранить возможную оппозицию в центре. Последний деревенский хозяин из возможного выбора тайно проголосовал бы за правоуклонистов. С ними были связаны надежды на возвращение хотя бы в НЭП. «Если правоуклонистов не расстреляют, — выдала на собрании общедеревенскую мечту Кузнецова Ульяна (колхоз «Зерно» Куединского района), — то они отпустят нас из колхоза». Правоуклонистов тщательно и до выборов расстреляли, а прямоумой бабе дали срок.

Под довыборную ликвидацию шли и провинциальные вожди. Особенно в крупных хозяйственных регионах. Прохождение их в депутатский корпус не вызывало сомнений, в Москве знали, что те во имя личного интереса способны на любой подлог. Появление таких депутатов в Верховном Совете заметно ослабило бы власть кремлёвского ареопага. Так что подпольные организации правых появились на периферии совсем не зря.

Итак, кандидатами по каждому округу выходил занаряженный вождь и местный выдвиженец. Цековская разнарядка вовсе не означала, что вождь будет именно здесь баллотироваться. На каждого из 32-х приходилось по пять-шесть областей, и он мог выбирать. В те времена предпочитали баллотироваться в сытой Москве. Если вождь не баллотируется, на выборы выставляется местный выдвиженец. Дальше то, что называется предвыборной кампанией. Первым делом всех избирателей загнали на обязательные курсы по изучению «Положения о выборах». Тут взбеленился всяк второй. Драмы закручивались повсеместно.

«В ответ на призыв ежедневно посещать занятия по изучению положения о выборах, организованные при ЖЭКТе, — даю донос свердловского Швондера секретарю обкома, — один жилец пообещал обломать руки и ноги активистам, не давшим ему отдохнуть. Когда его вызвали на актив в 12 часов ночи, он симулировал припадок. Несмотря на это, ему вызвали следователя НКВД и доставили в холодную...».

Далее актив возмущается, что симулянту лепится уголовная, а не политическая статья. «Ведь было замечено, что он сорвал со стены портрет Ваш (писано Столяру. — **А.Б.**) и Шверника, а жена в припадках кричала — режь жидов!».[80] Предлагалось взять дело у прокурора и передать в НКВД. Там, мол, таких долго в живых не держат и голосовать ему придётся в преисподней.

Спектакль подготовки к выборам совпал с проведением 20-летнего юбилея Октября. Общий фон событий не располагал к

особой торжественности. Газеты до районок забиты под завязку материалами о процессах над контрой и расстрелах. Даже в праздничных призывах холодно искрилась большевистская ненависть к миру внешнему и своим инодумцам.

«Вся подготовка 20-ой годовщины Октябрьской революции, — читаем секретную директиву Челябобкома ВКП(б), — и само празднование должно проходить под знаком широчайшего показа и разъяснения трудящимся массам великих завоеваний рабочего класса и крестьянства в результате победоносной пролетарской революции, диктатуры пролетариата, в результате неуклонного осуществления генеральной линии большевистской партии и её ленинско-сталинского руководства, обеспечившего в жесточайшей борьбе со всеми классовыми врагами и их троцкистско-бухаринской агентурой окончательное торжество дела социализма в нашей стране, нашедшее своё наиболее яркое выражение в новой Сталинской Конституции Советского Союза».

Фу, передохнуть надо. Талантливый же чёрт писал рыбу для директив. Куча словесного говна, а лепота-то какая!

Многотысячный демагогический корпус лекторов, политинформаторов, беседчиков и прочих блудоязычных спецов выбросили в народ. Надо же было втолковать этому большому дурню, голодающему вторую пятилетку подряд и не вылезающему из хлебных очередей, что по большому счёту ему крупно повезло и весь мир пребывает в зависти, ибо у нас есть Сталин, колхоз, Магнитка с Днепрогэсом, всевидящее НКВД во главе с Ежовым.

К поздней осени агитировать за советскую власть стало легче. Год выдался очень урожайным. Хлеб появился в городе и деревне, что культивировало положительные слухи, будто предыдущая голодуха была организована врагами народа. Вдогонку лекторы громко цитировали постановление ЦК ВКП(б), где всем организациям запрещалось «устанавливать для колхозов и единоличных хозяйств встречные планы на поставку государству зерна.., что лица, виновные в даче встречных планов, будут привлекаться к уголовной ответственности».

Умытая советская власть смотрелась девкой хотя и битой, но телесно местами выпуклой. На которой наивного мужика можно женить ещё раз. Злобу НКВД вызывали не дураки, умеющие разглядеть в молодухе будущего домашнего аспида. Их самодельные листовки всё чаще соседствовали на заборах с предвыборной макулатурой и вызывали отчаянный интерес.

«Товарищи!» — взывала одна из прокламаций, содранная со стен полугородка Шумиха. — «Скоро в избирательных бюллете-

нях появятся имена таких мерзавцев, как Сталин, Калинин, Стаханов и другие. Выкорчёвывайте их к чёрту, товарищи. Ведь они кроме слёз ничего нам не принесут. Насядут они к нам на шею опять. Подумайте, товарищи! Уже 20 лет существует Советская власть, а в капиталистических странах рабочие и не думают о какой-то пролетарской революции, потому что они живут лучше нас. При Сталине мы опять будем ходить без штанов и давить друг друга в очередях. Ни одного голоса за этих сволочей! Комитет освобождения народа от сталинского гнёта».[81]

При всей смелости и уме авторы листовки страдали политическим романтизмом, полагая, что из сталинской диктатуры можно выскочить через свободные выборы.

Перед самым праздником УНКВД провели окончательную зачистку уральских столиц и близлежащей местности. Выселили всех подозрительных и уничижающих юбилейную панораму. О тревожных предпраздничных буднях земляков-чекистов скажу только одним документальным штрихом. «При подготовке к празднику Октября арестован 121 человек. Из общего количества арестованных изъято: агентов японской разведки — 4, террористов — 30, диверсантов — 87».[82]

После праздника выяснилось, что под японских шпионов работали три киргиза из местного Брединского района и яркий приезжий татарин из Уфы. Все четверо вызвали подозрение тем, что пялили глаза окрест и не понимали по-русски ни бельмеса. Дыма без огня не бывает. За неприличную, наводящую на подозрения внешность каждому дано по относительно короткому сроку.

Декабрь тридцать седьмого стал апофеозом во всём. Самые крупные уральские враги народа были уже расстреляны или доживали своё в камерах НКВД. Оберчекисты получили по ордену Ленина и готовились стать депутатами Верховного Совета. Газеты взялись пятнами крупных снимков, порой исторически вроде бы курьёзных. Хрущёв и Ежов мило улыбаются друг другу... Сталин, Молотов, Ворошилов и махонький Ежов голосуют за себя на одном из участков города Москвы.

Уральские газеты, ублажая тайные симпатии коренного населения, свидетельства о единодушной поддержке Кагановича, Столяра, Мехлиса и других микоянов дали прозой, но в полный разворот запустили поэму Джамбула Джабаева «Нарком Ежов».

Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов.

Так заканчивалась поэма. Заканчивалась хорошо. Нет вины художника в том, что жизнь шарахнулась в сторону. Через два

года Кольку Ежова шлёпнули, сволочью оказался паренёк. Народный поэт Казахстана долго гладил шёлковую бороду и не то в творческом кризисе, не то в ожидании чёрной «маруси» уныло и однообразно раскачивался.

Выборы тридцать седьмого явились хорошей школой пролетарской демократии. Состоявшиеся через год выборы в местные Советы никаких хлопот не доставили. Как и все последующие. Подозрительных успевали посадить или расстрелять, вожди кремлёвские на провинциальные должности не претендовали.

Сейчас выборы скучнее. По причине глубокого разочарования российской демократией народ на выборы не заманишь. Эйфория многопартийности и свободоблудия сменилась чувством глубокого похеризма. Мы напоролись на себя. Известно ведь, для демократии необходим предварительный уровень гражданского взаимоуважения и признания права частной собственности. Как раз того, чего у нас нет по большевистскому воспитанию. Привыкшим жить под деспотом, а не законом, свобода в больших дозах вредна. Поэтому любая комбинация власть предержащих по вертикали и географически определяется совершенно случайной пропорцией между желающими решительно бороться и желающими столь же решительно воровать.

А земным и смертным и того сложнее. Решительное освобождение от большевистской наркоты грозит опустошением души и интеллекта. Потому как всю жизнь чурались иного знания и веры.

Годы тридцать мясные не принесли деревенщине ни эффективности труда, ни благополучия. Три кряду урожайных года сняли проблему голодухи. К тому же в самом начале тридцать седьмого государство перед страхом замора несколько снизило нормы госпоставок хлеба и натуроплаты МТС. Вернее будет сказать так. Снизили нормы для колхозов, обслуживаемых МТС, и повысили всем остальным. Были отсрочены платежи по некоторым хлебным платежам. Так или иначе, но тем урожайным годом деревня впервые за колхозное время ушла в зиму с хлебом. По такой причине, повторюсь, родились байки о предвоенном колхозном рае. Да и как не запомниться, весной с голоду мёрли, а в ноябре ешь — не хочу.

Репрессии громыхали где-то поверху, в деревне садить было некого. Бабий и мальчишечий колхоз еле тянул государственный хомут. Устрашающее действие мясорубки закончило в основном эволюцию колхоза и колхозника. Из природного единоличного полуфабриката мутировалась социально прогрессивная особь, основным достоинством которой явилось исключительное послуша-

ние. Понимая, что любая инициатива стоит собственной головы, деревенские легли на спину. Теперь самое робкое хозяйственное движение инициировалось только директивой сверху.

«Установить Куртамышскому району срок косовицы зерновых 20 июля, срок проведения косовицы — 20 дней». «По Лебяжьевскому району плановые сроки окучивания картошки установить 15-25 июня». Пусть куртамышские бабы, ехидно косоротясь, валят хлеб в самом зеленостое, пусть еле взошедшую лебяжьевскую картошку варварски зарывают, ни у кого не шевельнётся желание возразить. Во всяком случае, если что-то не так, расстреляют, Бог поможет — только посадят, кого-то из ответственных товарищей. Наше дело — сторона.

Собственный народ большевики победили. На обломках великого перелома и большого террора мутировалась идеальная коммунистическая тирания.

Но пока только в отдельно взятой стране...

Глава 10
Глаза - на запад! Кулак - на взвод!

Каждое поколение считает себя самым мудрым безо всяких логических ухищрений, ибо это очевидно. Престарелые родители смотрятся воплощением патриархальной глупости и нищеты, в чём заслуживают снисхождения или жалости. Ветреные в помыслах и валоватые в поступках потомки, наоборот, раздражают пожилых, наводя грустные мысли о будущем. При взгляде вбок те и другие едины в мысли, что судьба слепа и тебя явно недооценила. Причины собственной ущербности, если таковая обнаружится, лучше искать во внешних обстоятельствах или прибиться к разогревающей самомнение мысли, что всевышний дарует счастье только посредственностям.

Жизнь сегодняшняя грёз не навевает. И почти никуда не зовёт. Даже из окна первого этажа видно, что наш капитализм есть продукт порочно-случайной связи событий и в антропогенезе отстоит от породистого европейского родственника как примат от homo sapiens. Дальтоникам по воспитанию искать собственную национальную идею трудно, то она зловеще отдаёт коричневыми символами нацизма, то столь же зловещим кумачом ненависти классовой. До осмысления прожитого не доходят руки, да и склерозному уму от него одна неразбериха. Где я, где наши, где враги? Россию добольшевистскую мы забыли. Боязнь, не получилось бы как всегда, бросает национально озабоченных в ренессанс просвещённого социализма. Как-бы, прихрамывая на левую, Россия не завалилась на второй век абсурда.

Тогда, на исходе сорокового, газеты возвестили о полном торжестве социализма. Земляки с тем охотно согласились. А куда ты, простой советский, денешься? Очередью выправляющих горбатого директив систему коммунистического рабства отполировали до восхищения, исключив всякую возможность жить и думать не по-нашему.

Начнём с фундамента советской принудиловки — указа президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Этим крепостным манифестом сограждан без шума обратили в приписных рабов. Перевели всех на режим колхозников. Отныне из ярма социалистического предприятия мог выскочить только сугубо болезный да покойник. Здоровый и живой выбирай свободно — родной завод или тюряга. Именно тут забил святой источник советского производственного патриотизма, тот умиляющий душу феномен рабочих династий, о котором без алмазной слезы на щеке не принято говорить. Потомок, удачно выбравший предка, сталкивает с кормного кресла отца, другому суждено заменить скрюченного батю на избитой тропе крепостных патриотов: ремеслуха — завод — погост.

Заглянем в немеркнущие строки. «Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно.

Директора предприятий и начальники учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия, привлекаются к судебной ответственности».

Запрет на самовольный уход с предприятий, как и установление рабочей шестидневки, — цветочки указа. Как тогда говаривали: без прописки только в лагерь, а с пропиской — никуда. Штамп предприятия в паспорте свинцовой гирей повис на шее каждого, пресекая любые движения в сторону.

Годом раньше свободным и трудоспособным, помимо, разумеется, заключенных и колхозников, стали выдавать трудовые книжки, отражающие производственную физиономию гражданина. Предприятиям запретили прием работников без документов, удостоверяющих социальную надежность. Хочешь работать на заводе? Докажи, что ты не колхозник, клади на стол паспорт и трудовую книжку.

К полному социализму мы привыкали трудно. «Дела на прогульщиков оформляются небрежно, — корили партийные органы

правозащитников Урала, — передача их в суд задерживается, судьи либеральничают, приговоры долго не приводятся в исполнение». Да и в самом деле, саботаж какой-то. В Челябинской области, к примеру, за первые две недели действия указа поступило в прокуратуру 1087 дел, из которых в суд передано 388, а рассмотрено в суде только 74.[1] В Свердловске и Перми нарушителей трудисциплины обнаружилось несколько больше, но темп уголовной взбучки неудовлетворительный. Так, товарищи дорогие, прогульщиков не пересадить до самого коммунизма.

Через месяц ЦК ВКП(б) подстегнул саботажников постановлением о проверке исполнения указа. Все забегали в поисках экономических врагов, стерегли их на проходных, в курилках, во всяких тёмных углах. Газеты нервничали, впадая то в идеологическую прострацию, то в патриотическую истерику. «Сложность международной обстановки, когда империалистические аппетиты о переделе мира растут не только в далёкой Японии, но и в Соединённых Штатах Америки, обязывает нас крепить оборону страны...». Про друга с характерной чёлкой, на пару с которым намедни сожрали Польшу, вспоминать не полагалось.

«Мимо суда в сортир не сходить» — так определили внутреннюю обстановку местные злоязычники. «Приказ № 216 от 9 августа 1940 года. За грубое нарушение трудовой дисциплины, выразившееся в самовольной отлучке в течение 7 минут с предприятия во время работы с целью покупки моркови, дело на Бабину И.И. передать в суд. Директор Ольшуков».[2] Куда смешнее?

У нас таких абсурдов есть, как говорят в Одессе. Не вышел на работу по причине похорон родственника — год тебе принудработ с вычетом из зарплаты четверти. Старайся хоронить родных по праздникам. Опоздала поезд — тот же год принудработ. Сам виноват, не таскай тебя черти за город. Сбегала Колташова Анна, сторожиха химзавода, по тяжёлому в сортир, а на беду высокая комиссия. Вместо покаяния обвиняемая принесла медицинскую справку о том, что на почве дурного питания страдает хроническим гемоколитом. Недуг с трудом приняли во внимание и скостили наказание до символического — месяц принудиловки.

«Указ от 26 июня 1940 года, — сообщается в секретном отчете Курганского райкома ВКП(б), — встречен трудящимися района с большим производственным и политическим подъёмом. В учреждениях и на предприятиях состоялись многочисленные митинги. Рабочие единодушно одобряют».[3] Одобряли по всей Стране Советов. Не считающий своих прародителей дураками ни за что не

поверит. И ошибётся-таки. Не в родителях, страх хорошо освежает интеллект, а в понимании нашей истории.

Был подъём — точно! Секретным бумагам надо верить. За первые три месяца действия указа, листаем тот же отчёт, в нарсуде одного района заведено на прогульщиков 413 дел, из которых уже 388 закончено с положенным сроком принудработ. На инструктаже в райкомах ВКП(б) руководителям предприятий доходчиво разъяснили: раз нет нарушителей, подавай выработку. Все без раздумий нашли правильный выход. Лучше подстеречь на проходной, или снять отдыхающего на очке гегемона, чем тянуть государственный план. Два года на Руси не срок, но ленивому уму назидание. Тут, не потягиваясь, за пару часов до гудка заводского поднимешься. И долг трудовой станет несравненно выше супружеских обязанностей.

Не поверите ещё раз, но и единодушие было. Здесь довод просто банальный. Из двух очень потенциальных возможностей получить срок выбирайте лучшее - сидеть ли два года по июньскому указу (статья 192а УК РСФСР), или тянуть десять лет по статье 58-10 за несогласие с политикой партии. Да к тому же, срок за опоздание или прогул давали в случае рецидива, с первого захода полагались исправительно-трудовые работы.

Указник пошёл стеной. Но вот какое хитрое дело обнаружилось. Нарушителей на каждом заводе валили снопами, а выработки как не было, так и не стало. Раз нет ни прогулов, ни выработки, догадались в органах партийных и компетентных, надо садить табельщиков вместе с бригадирами. Они врут, покрывая нарушения трудисциплины. Проверили блюстителей режима. Большинство из них бдило за страх. Отщепенцы нашлись чуть повыше. Руководители цехов и заводов покрывали прогульщиков из соображений логически обоснованных.

Сдай работягу на срок, завтра суши сухари сам, за саботаж государственных планов. Никто твоих ссылок на дефицит порядочных работников слушать не будет, а то ещё вдогонку обвинят в клевете на пролетариат. Не пропустишь мимо глаз опоздание, в конце месяца, когда придёт время штурмовщины, не упросить никого о сверхурочных. Начальник может наказать, а работник — подсидеть. От денежных штрафов, связанных с принудиловкой по месту работы, отбрыкивались по причинам вполне гуманным. Земляки сидели голодом на полной зарплате. Нормального в человеческом масштабе руководителя от административной суеты уводили элементарная жалость и стыд.

Прижатые к стене бросались в административный психоз. Надо вам начальников строгих и принципиальных? Держите карман шире. Директор Птичанской МТС Овсянников оформил оптом материалы на 45 трактористов и передал их в нарсуд. Судья Сысоев, ломая себя в ту же сторону, выехал на место преступления и дал всем по году исправительно-трудовых работ с вычетом четвертушки из зарплаты. Всё чин-чинарём, всё по УК и УПК. Обком партии и облпрокуратуру такой оборот дел насторожил. В факте просматривался не принцип, а язва. Конечно, судить надо, но не половину же штата МТС. А тут даже больше. На партхозактиве директору и судье припаяли грубую политическую ошибку.[4]

Юрист оказался дедуктивно изворотливым, пояснив активу, что от его действий никто, в сущности, не пострадал. Деревенским механизаторам абсолютно всё равно, не получать ли заработную плату полностью или с удержанием 25 % по приговору. К тому времени Отечественная была в самом провале, зарплата носила символический характер. Овсянников в оправдание сказал, что сначала больше жалел женщин-трактористок, теперь ему стало страшно за себя, и сослался на приказ Наркомюста, в котором руководителям, скрывающим прогульщиков, обещался срок.

И он был совершенно прав, с косящим от указа начальством расправились довольно-таки умело. Оперативной разработкой гуманистов-администраторов высветили и пустили по уголовной струе. В зависимости от погоды и местности — от мяконькой сто девятой до колючей пятьдесят девятой статьи УК. Где преступлением признается всякое действие, «которое, не будучи направлено непосредственно к свержению советской власти и Рабоче-крестьянского правительства, тем не менее, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления», ослабляет силу и авторитет власти. По региону за первые шесть месяцев действия указа от 26-6-1940 один уголовник-пацифист приходился где-то на семьдесят рядовых прогульщиков

Другую причину нашли в диалектической дыре между выходом на работу и самой трудовой деятельностью. Типично и конспективно это выглядело так. Ударную бригаду пятнадцатилетних землекопов-комсомольцев нарядили на рытье котлована под строительство нового цеха ЧТЗ. Дневная норма — 42 кубометра. Пришли на место, а в яме воды по пояс. Постояли, подумали. Пришло начальство и решило. Кинулись вычерпывать — нет вёдер. До обеда вычерпали подручными средствами, не хватает лопат. За смену, от гудка до гудка, осилили 4 куба грязи. Некого и не за что укусить. Ни нарушений, ни выработки, ни зарплаты.[5]

За что садить рабочих-то!? — наивничали местные энкаведешники, ещё недавно сорившие без волокиты ВМНами и долгими сроками. Выяснилось, что ежедневно рабочие простаивают в ожидании обеда по 3-4 часа. В каждой области провели обследование столовых при крупных заводах и одинаково ужаснулись. Пейзаж наугад. Копейск, центр угольного бассейна в Челябинской области, и весна сорокового. На шахте 2/3 на 500 человек столующихся 16 ложек, 20 тарелок, шахта 43-бис — на 600 человек 20 ложек и 30 тарелок. Комиссия отметила ещё один важный недостаток, «ни в одной из рабочих столовых нет ни одного портрета членов Советского Правительства».[6] Вот это страшнее. А баланду можно хлебать самодельной ложкой из самодельного деревянного корытца, которые насобачились резать голодные строители коммунизма.

Анализ десятков уголовных дел по указу вывел автора к мысли, что перевод промышленности на режим колхоза сдерживался по причине дефицита государственного ума и мелкого подручного инструмента. Люди средних лет помнят андроповскую кампанию по восстановлению социалистической дисциплины труда. На проходной дежурят парторг с профоргом, в сортире — представители общественности, на улицах и в магазинах облавы на дезертиров производства. Весело пожили. Правда, у нас любое благонамеренное казённое начинание обречено и заканчивается заменой пьянки по удачному случаю пьянкой хронической. За дешёвую андроповку советский народ простил Юрию Владимировичу всё. И то, что он натворил в Венгрии, и то, чего не успел напакостить дома.

Много ли надо времени, чтобы дурь вошла в привычку? В свободном пространстве социализма всего за полгода видовая дисциплина труда стала идеальной. Приказ Наркомюста СССР (январь 1941-го) положительно отметил, что «судебная репрессия в отношении прогульщиков и летунов усилилась». У нас всё по уму, сообщает в ЦК Свердловский обком партии, на 1 сентября 1940 года пропущено через указ 25 тысяч человек, подавляющее большинство с приговором на ИТР.[7] Благодать! Живёт дома, кормится дома, а на четверть зек.

По Союзу статистика выглядела не хуже. За четвёртый квартал 1940 года было осуждено на ИТР свыше трёх месяцев 79% прогульщиков. В числе юристов, получивших благодарность наркома за принципиальность и успешную работу, двое наших. Судьи Тюрин и Акатьев из Челябинска. Лауреаты обслуживали крупные предприятия, где нарушителей — пруд пруди. Среди получивших ценные подарки уральских правозащитников, к сожалению, нет.

Наркомюст вместе с Прокуратурой Союза выказал озабоченность по другому поводу. Скверно шли дела с дезертирами-заочниками. Сбежавшие с предприятий и строек заочно приговаривались к сроку или принудиловке, но отыскать их с целью возмездия было почти невозможно. С началом действия указа наладили было внутриведомственную переписку по зек-заочникам, но вскоре розыск забросили. Первый выпуск ремеслухи дал такой поток дезертиров, что бумажное дело оказалось и нерентабельным, и вообще немыслимым.

Дезертиры всплыли по причине замора военного. Вызывают, к примеру, человека на призывной пункт, а там он чистосердечно признаётся, что бежал с социалистического предприятия и готов понести за свой проступок суровое, но справедливое наказание. По закону — где-то полтора-два года очной тюрьмы. Куда его, такого трудного, спровадить? Лагерь ему во спасение, а на фронт посылать боязно. Убежавший с завода или стройки и на передовой будет смотреть за спину.

Два военных года тыловые судьи ломали голову. На фронте дезертиров стало значительно меньше, как только мы пошли на запад. Руководствуясь этим фактом, Пленум Верховного Суда СССР освободил провинцию от правотворческих мук. Заглянем в его постановление от 29 сентября 1943 года. «В судебной практике возник вопрос, — как поступать с дезертирами производства и лицами, живущими под заочным приговором, при призыве в РККА или Военно-Морской Флот...» Ответ адекватен времени. «Приговоры по таким делам подлежат, в порядке надзора, отмене с прекращением дела». Чуть позднее тезису придали нормативный вид. «Осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше 2 лет без ограничения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Красную Армию или Военно-Морской Флот».[8] Не хочет быть героем тыла — на фронт.

Другим основанием государственной печали стало повсеместное нарушение сроков прохождения дел по указу 26-6-1940. Протокольно на всё про всё, от проступка до приговора, отпускалось семь дней. Деревня тянула союзную статистику вниз. Во-первых, из-за неявки на суд. Абсурдно тащиться пешком по грязи, за полсотни километров до райцентра, чтобы получить срок или принудиловку. Надо посадить, пусть сами везут. А в суде тощий Серко да рассохшийся со времён раскулачки ходок.

Наш народ гениален везде, куда не утопит судьба. В отдалённые углы района уставший Серко приползал с вечерней зарёй.

Поутру народный судья с помощью председателя и бригадира собирал саботажников в конторе и за полчаса, чтобы успеть засветло вернуться домой, оформлял десяток-другой приговоров. Чувство восстановленной социалистической законности грело его в обратной дороге. Один х.., оценивала ситуацию деревенщина, привыкшая к колхозной метрической системе, что просто заберут, что платить по исполнительному листу.

С арестованными по ходу дела проблема прямо противоположная. В НКВД с тридцать седьмого привыкли к мысли: арестован, значит виноват. Поэтому выгребали из местных КПЗ всех там пребывающих и отправляли в областную тюрягу. Некоторых подследственных и кассационных в порядке соблюдения лимита местных домзаков отправляли даже в лагеря, откуда достать их было труднее. На запросы о возвращении подследственных на суд, в области недоуменно разводили руками. «Какой суд? Разводите там бумажный ветер. Человек давно сидит, привык, и уже ест честно заработанный лагерный паёк».

Стирание противоречий между зоной и не зоной нашло свои проблемы. «За четвёртый квартал 1940 года, — сообщали из мест, где дисциплина должна быть самой социалистической, — по данным лаготделений выявлено 35 тысяч отказов от работы... Руководство лаготделений объясняет рост отказников наличием инвалидов, вновь прибывшим контингентом, наличием рецидивистов, монашек, беременных женщин и женщин с грудными детьми». Фрагмент, взятый из отчета КВО политотдела Усольлага, отражает типичную картину для всех зон сидящего Урала.

Так как воспитуемые уже тянули срок, меры корректировки их поведения были своеобразными. Для начала директивой НКВД рекомендовалось «широко развернуть среди заключённых трудовое соревнование на право пользования отличительными знаками, установленными штабом социалистического соревнования». Для упорно не соблазняющихся отличительным знаком оставалась лагколлегия и высылка в северные лагеря. Вместо них прибывали указники в годах и молоденькие дезертиры-фезеушники.

Указ 26/6-1940 — залп поверх шапки деревенского коммунара. Во-первых, из колхоза он мог выехать по разовому разрешению и справке сельсовета не более чем на месяц. С обязательным указанием пункта назначения и отметкой по месту временного пребывания. Покидать бригаду и полевой стан запретили ещё в августе тридцать седьмого. Работать коммунар готов всегда, когда его найдут. Потому и, во-вторых, тянуть в суд колхозника за про-

гулы и опоздания можно было только по снегу, потому что с весны до глубокой осени он и спал на своём рабочем месте.

Судебный механизм надсадно заскрипел от раба казённого — эмтээсовского тракториста. Работает он по государственным нормам, но в колхозе. Приходилось приспосабливаться к сложившемуся в артели трудовому режиму. Завёл, к примеру, трактор с утра и пусть движок молотит, пока свободные коммунары — прицепщик, водовоз или сеяльщик не изъявят желания поработать. А те в охоте на труд социалистический с девяти тридцати до полдесятого. Так что и овцы сыты, и волки целы.

Техника не выдерживала такой хитрости. Развал трудовой дисциплины в тракторных бригадах, гонит тоску акт проверки всех МТС Зауралья летом предвоенного, умопомрачительный. Более 50% тракторов не вышли в поле из-за повальной расплавки подшипников. В сельхозотчётах всех областей региона о трудовой дисциплине механизаторов говорится одинаково трагически. А вот с подшипниками дело обстояло разнообразнее. На Западном и Среднем Урале они чаще плавились по сравнению с Зауральем. Не по причине более мятого колхозного рельефа.

Коммунары от работы откровенно лытают, писали в объяснительных механизаторы, а если трактор заглушить, то потом не заведёшь. Кому посчастливилось работать на «Сталинце» или «Натике» до сих пор щупает вывороченную рукояткой скулу. Отдача у них при запуске движка — как у гаубицы. Поэтому трактор тарахтит, пока есть горючее. Соответственно тому плавятся от безделья и недосмотра подшипники.

Деревенских технарей привели к дисциплине ранней осенью сорокового директивой прокуратуры, обязывающей прогульщикам не внимать, а решительно пересаживать их с техники на нары. На двенадцать лет вперёд, до известного пятьдесят третьего, деревенские трактористы стали главным украшением контингента «указников» в лагерях ГУЛАГа, и образцом трудового героизма между этим. «В войну я износила один, — говорила моя родная тётя, просидевшая на тракторе тридцать лет, — а кое-кто из баб и по два срока». Сказала легко и без обиды, в объяснение того факта, что Героя Социалистического Труда дали не ей, а тихой и послушной товарке по бригаде Маше Родионовой. Привычно лепимый по мелким нарушениям режима условный срок, делал осуждённого в лихие годы трижды героем трудового фронта — по велению души, директиве партии и приговору народного суда.

Под занавес года добрались до самых зелёных. По указу президиума Верхсовета СССР от 10 декабря несовершеннолетних,

начиная с 12-летнего возраста, уличённых в умышленном преступлении, следовало привлекать к судебной ответственности с применением всех мер уголовного наказания. Малолеток завели под сень особой части УК РСФСР, со статьёй 58 и видами на вышку. Где за ум короткий — срок большой. Аккурат под стреху года, 28 декабря, очередным вразумляющим указом, достали фезеушников. Власть догадывалась, что детдомовцы и мобилизованные крестьянские дети побегут из ремеслухи сломя голову. Дезертирам-малолеткам положили срок от трёх лет и выше.

Указы заметно изменили жизнь предвоенного года, мировоззренческая большевистская ненависть центральных газет нашла более тонкие и свежие нюансы. Недавние материалы о показательных процессах тридцать мясных вгоняли читателя в холодный абстрактный ужас и повседневный страх попасться не тому на глаза. Теперь же статьи о прогульщиках и дезертирах трудового фронта читались с живым интересом, излагаемую уголовную ситуацию можно было прикинуть, не холодея, даже на себя.

Вот для судебно-карательного аппарата времена изменились к худшему. Уголовные дела стали толще, следовательно, больше писанины. Намедни было как: арестовал подозрительного — молодец. Шлёпнул, или столкнул его на лагерные нары, — герой-чекист. А с героя какой бюрократический спрос? Теперь в следственные и судебные учреждения возвращалась процессуальная скукотища. Сложность не в том, что снова принуждали к правовому обоснованию бесправия. Очередь дисциплинирующих директив Верхсовета СССР изрешетила в дуршлаг Уголовный Кодекс и иные повседневные нормы советского бытия.

Провинция требовала от республиканских и союзных инстанций комментариев к применению свежих репрессивных норм. По одному из новых указов за порчу важного государственного имущества следовало давать малолеткам взрослый срок в случае умышленного преступления. Но статья 58 УК РСФСР, применительная к таким правонарушениям, послабляющих тонкостей не содержит, предписывая стрелять и садить, не озираясь на обстоятельства. Какой нормой руководствоваться, если, к примеру, двенадцатилетний щенок-злоумышленник отворачивает с рельсов гайки на грузила или спалил, тайком куря, колхозный сарай? Злого предумысла здесь никакого, по причине вполне естественного отсутствия ума. Высшей меры будет и многовато, и рановато.

Мудрость — достояние начальства, подчинённым уготована судьба. В правозащитных столичных верхах удивились патриархальному логическому упрямству провинциальных юристов, не-

умению думать уголовно-диалектически. Садите малолетних преступников по указу, а их родителей привлекайте по статье 58 УК. Со временем всё утряслось. Истина в последней инстанции материализовалась Указом Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 года, малолеток с 14-летнего возраста уравняли с пожилыми в ответственности по всему колеру Уголовного Кодекса.

В радость послушным и идеологически здоровым детишкам Страны Советов в том году сняли запрет на празднование Нового года у ёлки. Категорически исключались свечи, фантики и прочая старорежимная дребедень. Чтобы придать ритуалу «острую политическую направленность», райлиты срочно разработали типовой сценарий и реестр допустимых к исполнению вещей. Массовым тиражом вышел сборник «Песни Страны Советов», в нём никаких там «В лесу родилась ёлочка», от первой песни до последней всё о Сталине мудром, партии родной и комсомоле боевом. В прозе образцом правильного понимания детского вопроса шла опубликованная в «Пионерской правде» повесть Гайдара, в которой Тимур, агрессивный упитанный отпрыск советской номенклатуры, пророчески, опережая на полвека российскую быль, учил правильно жить деревенскую детвору. Чтобы не зарилась та на дачи сталинской номенклатуры.

Сразу после нового года центральные газеты опубликовали обращение ЦК КП(б) Эстонии, Латвии и Литвы к своим народам по поводу предстоящих выборов. Прибалтийским большевикам помогали, как могли, те не знали даже основ социалистической демократии и по невежеству могли спороть буржуазную глупость. Акт высокого внимания к новосёлам украшал изящный тезис о том, что вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в Союз Советских Социалистических Республик даёт возможность трудовому народу Балтии жить под лучами Сталинской Конституции. Тут же выражалась уверенность, что трудящиеся никогда этого не забудут.

Верно, не забыли. Особенно те, кому выпало наслаждаться конституционными благами в концлагерях Урала и Сибири. Оставшиеся на советской свободе явной благодарности не выказали, смотрели на восток исподлобья и при первой возможности дали тягу в капитализм. Инфицированные коммунизмом лишь до слабовыраженной патологии, трудящиеся массы этого близкого, но не родного Зарубежья склонны к поправке и, как представляется с заинтересованной нищей стороны, к следующему воссоединению успеют прилично прибарахлиться.

Обычно советскую демократию объявляет человек с ружьём или матрос с маузером. Потом под неё подводится карательный

фундамент единодушия. Взяв в руки местную газетку, соотечественник предвоенных лет гнул брови от удивления. Исторические аномалии обещали не то скорый коммунизм, не то конец света.

«Удовлетворить просьбу Народного собрания Западной Украины и включить Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением её с Украинской Советской Социалистической Республикой».

«Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Белоруссии и включить Западную Белоруссию в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением её с Белорусской Советской Социалистической Республикой».

«Идя навстречу пожеланиям трудящихся Бессарабии и трудящихся Молдавской Автономной Социалистической Республики о воссоединении».

«Удовлетворить просьбу Сейма Литвы и принять Литовскую Советскую Социалистическую Республику в состав Союза Советских Социалистических Республик».

«Удовлетворить просьбу Сейма Латвии и включить Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в состав Союза Советских Социалистических Республик».[9]

Оприходовали всех. Пресса прессовала трёхмерный рассудок соотечественников в сторону советского патриотизма. Зачем они к нам прут, удивлялись многие, поголодовать захотелось. Не найдя вразумительного ответа и не зная истины, большинство прибивались к согревающей душу народной мудрости: не смотри на него, что с хвоста обосран, в голове — одно сало.

А газеты сообщали, что на новых территориях устанавливаются советские законы во всём их преимуществе перед буржуазным строем. То бишь национализация банков, земли, предприятий, планы кооперации... Для них начиналось то, что пережили мы. Про западных братьев славян не скажу, им нечем хорошо вспомнить ни Россию, ни Польшу. Вот широким трудящимся массам Балтии пришлось туго. Сидели по хуторам в сытости и тишине. Социализм, мужики, это гораздо интереснее: всех взрослых — в Сибирь, малолеток — в ФЗО.

Но выборы тогда удались. Вскоре советская печать оповестила о том всё прогрессивное человечество. Прибалтика, оказалось, мечтала ночами о социализме. За блок коммунистов и беспартийных в Эстонии и Латвии, как в какой-нибудь красно-феодальной Средней Азии, проголосовало 96% населения. В Литве только 90%. Ну литовцам такое простительно, они всегда были поперёшными.

На политическом мелководье Урала и Приобья билась поэтическая молодь национально-туземного соцреализма, которой предоставлялось восхищаться действительностью во времена не совсем судьбоносные: в некруглые ленинские даты и проходные советские праздники. Поэмы и оды централизованно распределялись по местным газетам с указанием времени публикации:

Радуга легла над небосводом,
Карагайник росами омылся.
Возвестила зорька золотая,
На земле у солнца сын родился.

Повезло же курганцам читать такую прелесть! По прессразнарядке им выпал акын Иса Бейзаков с одой на день рождения Ильича. И не беда, что выдали ее к годовщине смерти вождя мирового пролетариата. Вроде бы тот же призрак коммунизма, но как подано! Не демоны с упырями над шпилями полуночной Европы, а торжествующая красота послеродовой натуры. Алеет восток, у нас опять родился святой! Синтез азиатской классики с большевистской дикостью. Сработано лучше, чем у аксакала советской поэзии столетнего Джамбула, выразившего готовность вести паровоз на врагов по первому призыву батыра Кагановича.

Вообще к смерти Ленина в те времена относились бережно, исключали говорить о ней как абсолютном биологическом факте. Спит Ильич, да и только. Сном вечным, но бдящим и всевидящим. Мистическое на первых порах восприятие действительности вскоре переросло в не шлифованную версию новой религии. Христос, приняв во искупление грехов человеческих смерть на кресте, воскрес и вознёсся на небеса. Для фундаментального материалиста — чушь непролазная. С другой стороны, коммунизм обещался навсегда, и противоречие между телом и делом Ленина рождало проблему. Воскреснуть Ильич не мог, на небеса его не брали. Пусть пока спит.

Процесс становления социалистической демократии в нашем регионе читателю знаком по одной из предшествующих глав. Теперь про этапы совершенства. Утро Сталинской конституции мы встречали в тридцать расстрельных, поёживаясь от холодка меж лопаток. Страх — лучший учитель для раба. К началу лет сороковых мы поднаторели в избирательных делах до инстинкта. Кому, как и за кого голосовать, уже не составляло проблемы, украшали такие мероприятия провинциальные мелочи, особливо экзотические, с туземно-большевистским заносом.

В нашем регионе экзотики — хоть отбавляй. Год сороковой, и Ханты-Мансийский национальный округ. Край уже победившего

социализма, потому что и своим административным обособлением, и десятилетней историей обязан исключительно советской ссылке. На выборы явилось 99,35% родных по крови финнам и двоюродных эстонцам аборигенов. Итоги выборов стали ярким свидетельством социального прозрения туземцев. «Трудящиеся нашего округа, — оповестила тундру местная газета (в юности — «Ханты-Манчи шоп»), — выразили свою горячую любовь к своей родине, к своей Ленинско-Сталинской партии, к своему мудрому другу, учителю и вождю, к своему родному великому Сталину!»[10]

Математически социальный сдвиг выглядел так. Среди депутатов окружного нацсовета 53% члены ВКП(б), 42% русские, 34% ханты, 15% манси. Не склеиваются проценты, члены и аборигены? Чтобы читатель не насиловал крышу в конфликте двух измерений — национальной и партийной принадлежности депутатов, приведу формулу общей взаимосвязи указанных величин, выведенную мною для континентального социализма.

Если из общего числа депутатов-партийцев вычесть лиц славянского происхождения, то останутся почти чистые евреи. Представители той нации, которая, в отличие от нас, впавших в коммунизм сдуру, приемлет таковой по глубокому профессиональному расчёту. В административной структуре тоталитарной власти, когда условия выживания обусловлены должностью, преимущественным ареалом их расселения помимо традиционной привязанности — товарно-денежного оборота являются либо карательные органы, либо сфера официальной идеологии. В зависимости от личного темперамента. Достаточно пристального взгляда в советскую историю, чтобы убедиться в этом. Структура управления НКВД, во всяком случае, на Урале тридцатых-сороковых, богато представлена евреями. Соответствующая взглядам этого же учреждения философия, и экономическая наука, до сих пор монопольно возделываются активным нацменьшинством.

В истории Агрогулага, предмете нашего интереса, лица указанной национальности играют второстепенную роль и активны лишь по периметру столбового пути. Сельское хозяйство, как сфера приложения дурной силы, а не изворотливого ума, вообще не входит в ассортимент житейских предпочтений еврея. Даже очень обрусевшего. Потому в колхозе он начисто отсутствует. Не хватит воображения, чтобы представить еврея хозяйствующим субъектом тундры тех лет. Как типаж аграрной истории он выступает либо начальником большинства структур ОГПУ-НКВД, выволокших деревню за волосы к социализму, либо клиентом соседнего классического ГУЛАГа. Одни садят и раскулачивают, дру-

гие сидят сами. Между этими крайностями покоится более спокойный массив избранной нации, придающий спекулятивную подвижность отечественной культуре и медицине.

Практика российских реформ изуродовала взаимосвязь исторических субъектов, определяющих судьбу нынешней тундры. Благополучие молодых городков Северного Приобья и Ямало-Ненецкого округа смотрится вызывающе на фоне всероссийской запущенности и свидетельствует лишь о том, что оазисы воскрессшего капитализма в большей мере обязаны своим происхождением не национальному прозрению и освобождённому таланту, а природной халяве.

Отбросим внешние атрибуты исторического беспамятства — монументы, проспекты имени вечно живых, но истлевших светочей, сгноивших здесь крестьянский цвет России. Устойчива изложенная выше суть. В олигархах ходят варяги непотопляемой нации, в столоначальниках позавчерашние аппаратчики КПСС, в мироедах рынка — лица южно-пробивного оттенка. Чумазый гегемон-вахтовик представлен невзыскательным славянином, реже расчётливым хохлом или во всём упрямым татарином. Там, где деньги, мы всегда последние. Тонкий национальный колорит — орнаментированные рога, снега, песцы, юрты — украшают подолы и кисы аборигенок, городские гербы и штандарты автономий.

Местный элемент нацсоветов предвоенных лет выполнял преимущественно декоративные функции, роль иллюстративного материала к вопросу о ленинской национальной политике. Внешний антураж тундропарламента не гармонировал с историческими декларациями, и контрастом национальных одежд с серым сукном типичных большевиков смахивал не то на замысловатые разводы культуры майя, не то полотна загнивающего импрессионизма. Ярким пятном Ханты-Мансийского окружного совета смотрелась старенькая представительница коренного населения, выдвинутая от Юрт-Угутских. Она умела ловить муксуна и бить белок, в остальном и на ухо была слаба. А по-русски не понимала ни слова.

«За генеральную линию партии, — конспективно озадачил депутатов начальник окружного НКВД Фефелов, — должен драться весь советский народ и каждый человек в отдельности». Нам-то понятно. Драться — не работать. Была бы классово чуждая рожа напротив, а повод въехать в неё подскажет ситуация. В тундре всё наоборот, каждому встречному принято радоваться. Поэтому туземные депутаты пребывали в недоумении, переходящем со временем в хронический испуг. От робости громко сказать до робости помочиться в тесном общественном сортире.

Каждая эпоха лелеет свои человеческие пороки. Чтобы расти большевистски в годы предвоенные, следовало иметь злой язык и дырявую совесть. Депутаты-аборигены, сужу по протоколам заседаний, в высокие люди не рвались. Говорили они мало и мелковато — всё про оленей да рыбу. Голосовали, — как скажут. Угнетали непонятные требования нового распорядка жизни, откровенные насмешки евро-русских кадровых товарищей по сему предмету.

Призрак коммунизма, безнадёжно покружив над воюющей Европой, тихо опустился на Ямал. Вслед за ним, в зиму с сорокового на сорок первый, над северными окраинами Урала и Приобья повис тёплый циклон обнадёживающих московских директив. Сначала вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК «О дальнейшем подъёме зернового хозяйства в восточных районах СССР», потом директива тех же инстанций «О переводе кочевого и полукочевого населения на оседание в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах». А в хвост оттепели — «О мероприятиях по увеличению товаров широкого потребления». Судьбоносными для тундры оказались две первые бумаги, последняя фундаментального значения не обрела, поскольку директировала планы сбора подснежной клюквы, кедровой паданки, грибов и иного не стратегического продукта

Попытка решения зерновой проблемы нахрапом была предпринята ещё в тридцать третьем, в наглухо забытую сталинскую целину. Тогда Большой Урал вместе со всем Союзом ССР улетел во вторую советскую голодуху, заложившую в нас положительную генетическую способность жить и творить натощак. Обещание хлебного рая со второго захода северяне встретили с нехорошим предчувствием, — либо к новому голоду, либо к войне. На этот раз сбылось худшее. Хоть уходи в последний раз за морошкой.

Не верила в сытое будущее и Москва. Но газетно во все тяжкие врала о том, что зерна впрок заготовлено на многие годы вперёд. Хлеба не было, и основной смысл очередной кампании сводился к тому, чтобы сбросить с централизованного снабжения периферийные районы страны. Набегала война, тезисом о вероломстве фашистов и миллионами погибших замазали преступную бездарность большевизма. Перед самой Отечественной попытались наспех исправить преступность экономическую.

Военная нищета пришла в соответствии со всеми законами биологии и отечественного марксизма. Полугодовая возня с бумажными мероприятиями интересна в том плане, что даёт представление о рае, который так моден в нашем современном

историческом кино и который, якобы, реально имел место до тех пор, пока в июньском небе не появились самолёты со свастикой.

Сделать регион не потребляющим, а производящим продукты питания -- такую норму определила Москва для краёв и областей, жующих привозной хлеб. Бумаги адресовались отсталым районам-прикормышам. Таёжно-приполярным и пустынно-азиатским углам Союза. У нас в таковых ходили национальные округа — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Вслед за партийными бумагами пришли планы посева, урожая и государственных заготовок, ориентированные на новейшие достижения пролетарской агротехники. Естественно, планы централизованного завоза либо сократили, либо закрыли совсем.

Ближайшая сессия окрсовета Югры единодушно поддержала московскую директиву и выработала программу-минимум «дальнейшего» развития зернового производства. Перспективы, как выяснилось, имелись неисчерпаемые. Более 80% посевов зерновых, сказал председатель Сургутского районного совета Власов, сейчас гибнет, средняя урожайность составляет 2-4 центнера с гектара. Пока больше сеем, чем убираем. Натуроплаты по трудодням в колхозах практически нет. Урожая не хватает, чтобы рассчитаться со ссудой и попенной оплатой. Тайга-то государственная, за каждую раскорчеванную лесину надо платить.[11]

Депутаты Ямало-Ненецкого окружного совета, руководствуясь решениями 18 съезда партии и мудрыми указаниями товарища Сталина, разработали план самообеспечения овощами и картофелем. Обещалось через три года перевести всё население округа на нормы, установленные СНК СССР 16 июля 1930 года. Эти нормы были разработаны ещё до коллективизации, авторы не предполагали, что они окажутся фантастическими для колхозного строя, — 275 кг картошки на человека, тонну сочных кормов на корову и 250 кг не менее сочных кормов каждой общественной свинье.

Организационные детали большого скачка были многообразны и творчески оригинальны. От научно-практических конференций в окружных центрах до агроминимума кочевому населению. Высоко и безупречно ситуацию обобщил директор Леушинской МТС: «Хлеб должен расти там, где есть земля. Надо только её заставить!» Согласитесь, сказано лучше, чем у Мичурина. Югорско-ямальские большевики сошлись в той мысли, что коренное население надо научить выращивать хлеб, предварительно доведя до сердца каждого аборигена мудрость партийных решений.

Аборигены вняли. После расстрелов серединой тридцатых, закрывших Казымское восстание и Ямальскую мандолу, они и в

мыслях разучились перечить власти. Сеять — так сеять. Партия сказала, самоед ответил — есть! Продолжая, по вековой привычке, пасти оленей и промышлять пушнину. Здесь уместно вспомнить, что Крайний Север не так жесток к трудолюбивому и сообразительному. Зерновые и овощи неплохо росли в личных хозяйствах спецпереселенцев и местных крестьян, имеющих богатый опыт земледелия. Даже на Ямале, судя по результатам опытной станции, созданной в те годы первым агрономом Заполярья Борисом Патрикеевым, имелись возможности продуктивного овощеводства. Невозможным оказалось одно — совместить опыт поколений с политической дурью большевизма.

Мудрость, как и беда, не приходит одна. Постановление ЦК ВКП(б) от 6 января 1941 года о принудительном оседании коренного населения тундры исправило, по сути, ошибку создателя. Научно сказать, отрубило слепую кишку эволюционной спирали. Логика намерений большевизма безупречна, простота и очевидность доводов пробивает даже интеллектуально ущербного от природы. Исторический материализм стоит на том, что колхоз и коммунизм являются фатально неизбежными этапами преднамеренной общественной эволюции. Материализм диалектический растянул данный постулат во времени. Коммунизм, или мировая коммуна, возможен только в том случае, если в колхоз удастся загнать всех — от спокойного добродушного ненца до дикого в наготе и каннибализме аборигена Тасмании.

Первые попытки коллективизации на Крайнем Севере показали, что кочевой люд в указанную схему никак не вписывается. Несколько лет угробили в бесплодных поисках. Проблемы плодились как гнус, стоило лишь записать оленевода в артель. Колхозника, во-первых, выпускать из деревни никак нельзя. А тут ни деревни, ни партячейки, ни НКВД. Круглый год болтается по лесотундре без присмотра.

Ещё хуже с защитой социалистической собственности. Как и чью скотину он пасёт? Кочевого колхозника не усадишь на казённый харч, не разольёшь из общего котла одинаковым черпаком. Ему надо оставлять своих оленей. Тут и вышла закавыка. Частный скот в колхозном стаде — идеологический маразм и чистая уголовщина. Сначала разрешили совместное каслание, пусть полярный колхозник вкушает своих оленей. Подозрения не давали спокойно спать. Где гарантия того, что олени издохли, а не пастух съел? В умеренных широтах социализма каждая павшая общенародная скотина актируется имеющим доверие ветеринаром. Уж потом, когда замор принял массовый характер, на душе отлегло.

И, наконец, последнее — как быть с трудоднём? Эталон социалистического распределения придуман, чтобы не платить денег. Натурой колхозник получал из того, что осталось, когда всё ушло в заготовки. За минусом хлебного аванса. В тундре оплата натурой теряет экономический смысл. Ну ввели в лучшем ямальском колхозе имени Ворошилова натуроплату — одного оленя на 150 трудодней и 70 копеек за шкуру, которая в государственном обороте стоит уже 35-40 рублей. За год ударник заработает 2 животины с хвостиком, а за время каслания издохнет не одна сотня советских общественных голов.

Куча проблем, связанных с выходом Заполярья на столбовой путь, решается очень просто. Надо посадить этих вечных странников на режим классического колхоза. С ежедневным контролем над мерой труда и мерой потребления. Планом мероприятий Омского обкома ВКП(б), тогда тундра ходила под ним, переход от дикости к социализму конкретизировали, поручив дело областному земуправлению. Агроуправленцы доверия не поняли, мы, мол, привыкли работать со скотом...

Принудительное оседание кочевого населения начали с формирования территориальной и административной структуры. Раскроили карту тундры на районы и утвердили руководящие штаты. Тем и ограничились. Окультурить ненца абсолютно в тот год не успели. С похожей идеей «нового порядка» к нам пришёл немец.

Тихие периоды советской истории особенно хороши тем, что политическое дуроломство, трагическое на изломах, на ровном месте приобретает естественное комическое звучание. Так что живой поток событий последнего века поразительно схож с репертуаром шекспировского театра: день — комедия, шесть — трагедия. Без зевотной середины мелодрам.

Предвоенный рай средних широт Урала выдержан в умеренных и привычных тонах абсурда. «Коллектив нашего спиртзавода, — радовал читателей «Красный Курган» в первый день сорок первого, — ознаменовал наступающий год выполнением годовой производственной программы на 115%. Завод дал в подарок материродине 1023 тысячи рублей чистой прибыли и сверхплановой продукции на 127 тысяч рублей».[12]

К любому празднику на Руси нет лучшей новости. Родинамать, по мысли уральских большевиков, должна была светиться от радости, видя, как в лоскуты пропиваются её пролетарские сыновья. Понятно. Курган, как город пока не областной и маленький, на высокий стиль и мысли вселенские не претендовал. Другое де-

ло — Пермь, заслуженно переименованная в Молотов. Тот же новогодний номер, но как профессионально исполнено!

«Сгорела в огне разрушений одна из крупнейших капиталистических держав — Франция. Опустел Париж, который французы когда-то горделиво называли «сердцем мира». На лазурных берегах Средиземноморья, в бесконечных пустынях Ливии, норвежских фиордах, по равнинам Китая и кипучим промышленным городам Англии бродит смерть. В это чёрное время, которое будущие историки назовут позорной страницей в истории капитализма, взоры всех угнетённых и эксплуатируемых народов обращены на Советский Союз. Металлист Детройта, судостроитель Сиднея, текстильщица Шанхая, моряк Марселя, феллах Египта, индусский крестьянин с берегов Ганга хранят в сердце облик великого человека, вождя и друга всего трудящегося человечества. Имя ему — Сталин! Нет в мире ничего сильнее и глубже, чем народная любовь к Сталину...»[13]

Теперь возьмём немного ниже святого. Выборы в местные органы власти прошли в «условиях небывалого политического подъема». Туда, где сыто и тепло, попали только наши. «В УНКВД Молотовской области имеются компрометирующие материалы на лиц, выдвинутых в избирательные комиссии... Приложение: список на 32 человека». «На ниже поименованных лиц в УНКВД имеются компрометирующие материалы, а потому выдвижение их кандидатами в депутаты трудящихся не рекомендую... Приложение: список на 29 человек. Начальник УНКВД Челябинской области, майор государственной безопасности Сошников».[14]

Проверили на идеологическую вшивость абсолютно всех членов избирательных комиссий и кандидатов. Сотни типичных документов со всех весей Урала с непроходным набором классовых пороков: «имел на паях мельницу до революции, держал наёмный труд», «во времена НЭПа занимался скобяной торговлей», «по материнской линии имеет репрессированных родственников», «поддерживает письменную связь с выселенными», во время коллективизации занимался присвоением кулацких вещей», «по происхождению из двоеданов».

Наша демократия — дело жуть как хлопотное и секретное. Без фильтрации она уже во втором колене вырождается в демократию буржуазную. А в третьем плодит власть бандитов откровенных. Что достаточно жестко определяет вектор политического бытия. Сначала являются красивые демагоги, их сменяют ворюги беззастенчивые и, наконец, хочется вождя. Ну а гениальным мы сделаем его сами. В ту избирательную кампанию опасными счита-

лись особи с аномалиями мировоззрения. Десятки тысяч дотошных внутриведомственных запросов по линии НКВД и госбезопасности обеспечили успех операции.

В деле выявления подозрительных неоценимую помощь оказала прогрессивная общественность. Вал добровольных доносов, захлестнувший все реальные и декоративные инстанции власти, от приёмной вождя народов и секретариата ЦК ВКП(б) до деревенских избирательных комиссий, согрел в мысли, что народ уже стал больше советским, чем нормальным. Вот стук типичный. «Москва. Наркому НКВД от гражданина Катайска Челябинской области Медведева Ивана. В газете «Челябинский рабочий» опубликовали портрет Орлова Ивана Алексеевича, секлетаря Каргапольского райкома ВКП(б), зарегистрированного кандидатом в депутаты Челябинского областного Совета депутатов трудящихся. Я узнаю в нем бывшего дизертира рабочьей и крестьянской Красной Армии... Пишу вам, штобы дизертира не пропустили».[15] «Депутат Яковлев, — стук от сторожа макаронной фабрики Прокурова, — имел трёх лошадей, трёх коров дойных, десять овец, и кроме этого нанимал чужой труд».[16]

Донос — эмбрион несостоявшегося литературного шедевра. В мире нет двух одинаковых стукачей. Пороки кандидатов в авторском исполнении граждан бдительных далеки от формально сухих признаков неблагонадежности, они убедительнее и правдивее, так как представляют жаждующих власти во всём богатстве человеческих отношений. «Окончил духовную семинарию, поэтому в Бога верит обязательно», «на собраниях говорит одно, а по пьянке кроет власть последним матом», «происхождение крестьянское, а женился на дочери урядника». С получением очередного доноса от выдвиженцев, как правило, требовали объяснений. Они защищались, как могли. Новенькие пытались как-то оправдаться, более опытные знали, что от нашего весёлого и лютого народа словом не отмашешься, поэтому обращались в партийные органы с вызовом — я или стукач! Конечно Вы, говорили партии преданному, и аккуратненько подшивали донос в его личное дело.

В качестве кандидата облсовета приехал прокурор Челябинской области Чувилов в Багарякский район. Обычное дело — встречи с массами и руководящими кадрами. Народу было что-то обещано, а кадрам (три секретаря РК и председатель райисполкома) дружески рассказано про год тридцать седьмой в УНКВД. Рассказал правду, про пытки физические и камерную обработку, про сплошную фальсификацию дел и дешёвые расстрелы. Назвал мясниками Чистова и Лапшина. Домой прокурор области вернул-

ся на день раньше доноса. Через недельку он уже сосредоточенно, как клиент подведомственных ему учреждений, сочинял объяснительную записку секретарю обкома ВКП(б). Мстительных намерений в адрес багарякских аппаратчиков прокурор не держал, настучать мог каждый из собеседников. История знает автора точно, а читатель и сам догадается.

Первая вина прокурора заключалась в том, что он плохо отозвался о Павле Чистове. Да, начальника 3 отдела Челябинского УНКВД и, по совместительству, депутата Верховного Совета РСФСР Лапшина приговором Военного трибунала войск НКВД списали на тот свет. Другим подельщикам дали сроки. Но Павел Васильевич Чистов, прокурору надо бы знать, пока не мясник. Он ещё в живых и в Верховном Совете СССР! Пришлось чистосердечно признаться и в другом грехе. Говорить о репрессиях тридцать недавних допускалось только партийным руководителям не ниже секретаря райкома. А тут, откуда не возьмись, затесался предрик, которому правды знать не положено.

Когда нет еды утоляющей или событий отвлекающих, говорят о патриотизме. После тридцать мясных, когда в отвал истории отгрузили самых живых, пришла нужда каяться или хвалиться. Мы выбрали своё. Ненависть, подвинувшись, уступила место демагогии самодовольства. Разномыслие в понятиях патриотизма и обязательно любимого отечества заставляют обратить особое внимание на предмет разногласий.

На бытовом уровне отечественный патриотизм начинается с внутренней обязанности есть тюрю, пить только русскую и закусывать солёным огурцом. В мужицкой компании приличию отматерить настырных и удачливых инородцев. Всякие идейные разновидности патриотизма генерируются на базе этих канонических требований. Сейчас в моде деидеологизированный патриотизм. Обязывающий глядеть в прошлое равнодушно чистым, уравновешивающим чувства взором. Чтобы как в математике, без слёз и вздохов. Хронология абстрактных фактов. Ну посадили и выселили кого-то, ну может лишка расстреляли. Да, бывало и голодовали. Так ведь есть и достижения. Понастроили заводов, победили, наконец, в Великой Отечественной. История не знает сослагательного наклонения, а потому надо принять всё как есть и забыть. Оставить памятники тем, которые убивали своих, кротко вспомнить про с дуру убиенных.

Задумчивый наверняка полезет в пузырь. В гражданской сваре нет, разумеется, героев. Но это не означает, что не было и сволочей. Если не принимать за самоотверженность или героизм

подрасстрельную принудиловку, то патриотов шаром покати. Тех, кого гнали в тундру, в котлованы великих строек, гнали безоружных под танки, патриотами не назовешь. Ибо «патриотизм — преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу». По толковому словарю. А здесь бессердечие, переходящее в варварскую жестокость. Патриотизм, в едкой редакции Марка Твена, есть последнее пристанище негодяя. Зло, но верно. Под высокую фразу сотворить мерзость, а потом этой же демагогией закрыться от суда истории. У памяти человеческой нет срока исковой давности. Известно, зло легче простить, чем забыть.

Перед войной все порядочные патриоты готовились к наступлению. Это потом, спустя полгода и доднесь, мы будем упрямо твердить про внезапность нападения и вероломство германских фашистов. Какой с фашиста спрос? С коммунистами же дело обстояло хитрее. Про соображения вождей писать не буду. Здесь надо работать в манерах неоспоримой мудрости. Развалясь в кожаном кресле и грея лысину под антикварным абажуром. Чтобы под «Сталин не мог понять...», «Рузвельт глубоко осознавал...», «Гитлер подумал...» и поза, и рожа творца соответствовали высокой исторической ответственности.

Про Москву предвоенную много написано и спето. «И врагу никогда не гулять по республикам нашим!» Помните. В диких уральских краях даже последняя принавозная баба знала, что война будет и скоро. С кем будем воевать и где — тоже знала. Что там Генштаб, резолюции колхозных собраний лесотундрового зауголья однозначно и хором констатировали — воевать будем там и обращали взоры на ненавистный Запад. Пусть только сунутся к нам, следовало думать вслух, мигом макнём их рылом в Ла-Манш. Все деревенские резолюции до последней буквы готовились в кабинетах партийных и в части соображений международных скрупулезно редактировались.

Патриотический настрой усугубил положительный исторический нюанс. Вождю Красной Армии Климу Ворошилову исполнилось шестьдесят. После финской, которой у нас и поныне не принято гордиться, давать Героя постеснялись. Обошлись орденом Ленина. Жители бывшего зауголья Российской империи с чмоком посадили в лужу вождя РККА и Союз нерушимый. В мире нас хорошо поняли, единодушно выпнув из Лиги наций. Указ о награждении и присвоении имени юбиляра академии Генштаба, посёлкам, предприятиям подписал Калинин с новым подсобником Горкиным. Енукидзе к тому времени уже расстреляли. Центральные газеты дали фотографию Ворошилова со Сталиным. Юбиляр

с папироской в зубах лакейски заглядывал в глаза вождю народов. Тот сосал трубку и мудро смотрел в себя. В районках фото Климента Ефремовича шли первой полосой, украшая воспоминания из героического прошлого наркома.

На Северном Урале наш юбиляр отбывал когда-то краткую ссылку, что давало повод для местечковой гордости. Одни газеты приводили снимок дома в Ныробе, где в 1913 году жил Клим Ворошилов. Дом как дом, в зависть советским ссыльным. Двухэтажный, под железом, в десять окон по фасаду. В других районках к юбилею шла картина художника Косинского «Клим Ворошилов у волостного урядника на очередной отметке». Соцреализм в каждом дюйме холста. Тут будущий нарком держится соколом, рядом с отталкивающим урядником маячит поп, сочувствие улавливается во взорах деревенских пролетариев.

«Война СССР против врагов социалистического строя, — вещала из номера в номер «Красная Звезда», — будет войной наступательной». «Нам сподручнее и легче громить врага, — уверял соотечественников красный нарком, — на его собственной территории». Чины пониже, впадая в раж необузданного советского хвастовства, обещали моментально перенести военные действия на территорию врага, как только нас тронут.

Среди кадрового состава военных и партийных всякие подозрения на иной вариант будущего воспринимались как предательство. В диктатуре даже при больших шпалах или погонах военный человек остается рабом идеологии. А с той стороны усиленно дули про грядущую пролетарскую революцию, освобождение трудящихся всего мира от гнёта капитала и интернациональный долг советского народа. В пассив интернационального долга нас загоняют всякий раз, когда патологические амбиции наших государственных мужей дают осложнения в рукозуд.

Вели мы себя очень нарывисто и, как деревенский пьяница на крыльце сельпо, куражились и рвали на себе рубаху. «Кто на нас с Адиком?» Отвращение вызывал весь окружающий мир, но особенно — мерзкая европейская демократия.

Каждая хата!
Каждый завод!
Глаза — на запад!
Кулак — на взвод!

В отличие от песенно-фронтового персонажа этого Сережку с Малой Бронной (автора «Марш-плаката», спецкора «Правды», поэта С.М.Третьякова) шлёпнули дома, на Донском кладбище. В первую же ночь после вынесения приговора — 10 сентября 1937

года. В истории советской литературы он числится умершим в 1939 году, дата смерти взята из фальшивок МГБ.

В Западной Европе обстановка, и впрямь, исключала двоемыслие. Полгода назад рухнул оплот французского империализма. Люфтваффе ежедневными налетами добивал англичан. За океаном не в струю волновалась Америка. ТАСС индифферентно, языком германских средств дезинформации, сообщал, что никакие намерения Рузвельта не в состоянии отодвинуть или предотвратить окончательное решение — разгром Англии. И вообще, США исходят из ложного представления, что Гитлер намерен установить господство над всем миром.

В условиях фатальной исторической определённости сообщения о бомбардировках британских городов в наших провинциальных газетах не доминировали, а шли серым фоном для более важных проблем подработки семматериала и зимовки общественного скота. Голову нестандартного колхозного конюха, прочитавшего местную газетёнку, нудила заноза-мысль: если скоро наступать, то куда? Граница от полюса до Чёрного моря перекрыта ближайшим другом и подельщиком. Пару лет назад фашистов ругали последними словами, а теперь обнимаемся на весь мир. Радостные сообщения о хозяйственном соглашении Союза ССР с Германией до 1942 года окончательно сбивали с панталыку.

Моим землякам, судя по политдонесениям НКВД, наступать вообще никуда не хотелось. Старики часто и озабоченно вспоминали про «первую ерманскую». Остроязычные лекторы пугали баб международным империализмом, а парней соблазняли идеей мировой революции. Которая, мол, вот-вот грянет, и копыта наших Воронков утонут в цветах освобождённых столиц Европы. Под восторженные взгляды невзрачных классовых сестер из «Роте фане» и азартных, но измученных проституцией парижанок. Зная, что сухопарые британские леди у нашего мужика не в интересе, пропагандисты генерировали здесь чистую классовую ненависть, фокусируя её на толстом коварном Черчилле.

Чему быть, размышляли идеологически ленивые земляки, того не миновать. Мировая так мировая! И находили собственные патриотические доводы. Мы своих революций нахлебались до голодного поноса, пусть потом в Европах помыкаются с наше.

Когда вожди врут, в дураках ходит народ. Газеты всей страны призывали к бдительности и требовали превратить каждый населённый пункт и предприятие в крепость социалистической обороны. Жить стало ещё веселее. Днём на работе, вечером роешь окопы, изучаешь средства химзащиты или под «ура!» бегаешь по

местности с деревянным ружьём. Военную подготовку всего населения перевели в статус обязательной общественной повинности, за уклонение от которой стали преследовать уголовно.

Технологически замена спортивного любительства внеурочной патриотической обязанностью началась с очередной партийной перестройки. В 1939 году при обкомах и райкомах ВКП(б) были созданы военные отделы, которым и ввернули дело подготовки к наступлению. Особых средств на кампанию не отпустили, разумно полагая, что деньги и патриотизм друг другу чужды. Искренняя любовь к родине подступает в непогоду и натощак, а на твердом окладе в патриотах щеголяют альфонсы России.

Возмущения со стороны местных военспецов не последовало, в то время они плохо спали, в дрёме прислушиваясь к каждому ночному шороху, — не подкрадывается ли к подъезду чёрная «маруся». Перво-наперво предстояло составить и утвердить сверху мобилизационные планы. Как всякие военные бумаги, они творились в обстановке особой секретности, из которой неохотно всплывают и сейчас. Дабы истинная цена той победы не омрачала патриотических чувств потомков, и гордыня не разменивалась на жалость к прародителям.

Мобилизационные планы предусматривали подготовку основных категорий призывников (стрелков, шоферов, санитаров, парашютистов и др.), массовые и пропагандистские оборонные мероприятия, параметры мобилизации срочников и резервистов, все то, что естественно и необходимо в условиях военной угрозы. По обязательным программам проводились занятия на предприятиях, в колхозах, творческих и научных коллективах. Учили стрелять и окапываться всё население Союза — от артистов Большого театра до младших школьников. Стандарты предмобилизационной готовности каждого советского гражданина нашли отражение в нормах ГТО, ГСО, ПВХО.

«Улица изобиловала лыжниками, чувствовалось боевое настроение. Это юные армейцы школы № 29 внезапно получили боевой приказ «Готовиться к наступлению». Вся страна, от мала до велика, играла в победную войну. Мода на спортивный тип поведения задана рабу да ленивому внешним принуждением. Первые десять демократических лет мы увлекались теннисом, теперь вот в ходу дзюдо. Тогда, после уроков финской, в гражданские обязанности прочно вошли лыжи. Про легендарную шашку и воронего коня приказали забыть. В столярных мастерских всей страны строгали и гнули новый наступательный инвентарь. Военкоматы уральских областей, сердится вместе со столицей

УралВО, срывают планы формирования лыжных батальонов. Пришлось старших школьников ставить на лыжню, а молодёжь призывных лет отправлять в кроссы.

В какую сторону следовало развернуть лыжи атакующих, не знали и дяди из военкомата. В довоенной патриотической литературе классический образ врага был представлен царскими жандармами, белыми офицерами, кадетами, эсерами и белобандитами без дальнейших определений. Оно и понятно, воевали-то сами с собой. Шедевры отечественного киноискусства довели образы до устойчивых визуальных типажей. Но после «победы» над Финляндией (воевали снова с «белофиннами») классический образ померк и агрессивного патриотизма не провоцировал.

У особи с нормальным набором человеческих достоинств патриотизм тождественен любви к Родине. И только. Ко всему, что составляет настоящее и прошлое твоего народа. Единая Родина существует, однако, для каждого как личное жизненное пространство и индивидуальная судьба. Потому генеалогия рода, образованность, жизненный опыт и результирующее всё сознание превращают патриотизм в исключительно индивидуальное, почти интимное чувство. Патриотизм вора и политического прохвоста корыстен. По тем же основаниям патриотизм нищего и честного соотечественника укорочен до бескорыстного умиления российской природой и сострадания к себе подобным.

У советского патриотизма стать особенная. Без ненависти он как уха без соли. Стоит заглянуть в энциклопедические словари от времен сталинских до позднего застоя и убедиться, — патриотом признается тот, кто искренне и беспощадно ненавидит. Взамен душевной привязанности тут жестко прописанная структура чувств и поступков. Предмет обязательной самоотверженной любви — партийная диктатура. Народная мудрость, что насильно мил не будешь, изжила себя. Дело в мере насилия. Мало-мальски убежденный материалист понимает, что собственная шкура многим из смертных дороже чувственных радостей. А враг есть всякий, думающий и поступающий внеуставно, претендующий на личное восприятие национальных ценностей.

Прелесть такой методы состоит в том, что во всех житейских ситуациях даёт основания для постоянной внутриобщественной грызни. Обложить врагом нации можно любого, чьи взгляды на отечество подозрительны или непонятны. В классическом социализме правильные мысли узаконены, вероотступники, по невежеству или интеллектуальному упрямству, последние много хуже, автоматически становятся врагами народа. Труднее в те редкие

моменты, когда предоставлено думать самому. Здесь многое зависит от того, на какой кочке российского болота имеешь счастье прозябать. И какая грёза больше разгоняет скуку сущего, если представить себя вершителем чужих судеб. Державники, соборяне, государственники, национал-всякие, патриоты коммунистической масти, демократы... Патриотов — пруд пруди, а страну круглосуточно насилуют и грабят.

Сплачивает отечество враг внешний. Иностранцев мы не любим из тех же патриотических побуждений. Не умеют они жить по-нашему: невзыскательно, зло и весело. В ту пору весь окружающий мир оставался для нас враждебно белым. Чтобы согреться, мы, как деревенская собака в холодное зимнее утро, газетно облаивали всех. Однако придать абстрактной мировоззренческой злости нужный географический вектор не успели.

За пару-тройку лет до войны, правда, наметились прогрессивные изменения в лексических определениях врага. В патриотической прозе и кино белогвардеец уступил место фашисту. Но образ последнего так и не сформировался в типаж. Как существо с явно агрессивной натурой, он оставался загадочным в национальном происхождении. Прямые намеки на немца лицемерно исключались, газеты писали о боевой дружбе с Гитлером, скреплённой кровью. Это соответствовало действительности. Волчью дружбу с германским фашизмом мы скрепили кровью разодранной Польши. Экранные редакции фашиста давали понять, что перед нами лицо европейское. Изъяснялся он сквозь зубы, но на хорошем, без надоевшего потом баварского акцента, русском.

Что у политика в голове, у соцреалистов на языке. Тем больше всех хотелось наступать. Известно, хорошая собака держится о бок с хозяином, шавка — всегда впереди. В произведениях советской классики романтика котлованов и кубометров постепенно вытеснялась темой героизма военного, романтикой завоевания мирового господства. Чтобы границами СССР стали границы мира. А о чём же ещё мечтать, мы десять лет дрались за Магнитку, за чистоту рядов, за стопудовый урожай. Надоело! Одни жертвы, голод, разруха и людской чертополох. Наиболее приемлемые версии будущей войны в исполнении лучших представителей социалистического реализма выглядели так. Даю их как успокоительное средство для тех, кто страдает патриотической изжогой и уверен в святости большевистских намерений.

В первые же сутки после нападения Германии на СССР 26 миллионов добровольцев подали заявления с просьбой зачислить их в ряды РККА. Слово автору грёзы. «Военные комиссариаты

были осаждены запасными. Они ничего не хотели слышать о днях и часах призыва. Все хотели быть сейчас же немедленно отправлены в части. Их приходилось убеждать, просить, приказывать: всем будет дана эта возможность, но строго в то время, которое указано в воинской книжке. Те, для кого это время ещё не наступило, расходились разочарованные и присоединялись к потоку, текущему на Красную площадь». Через которую в первую ночь начала войны прошли миллионы трудящихся.

То, что случилось потом, напоминает зеркальное отражение нашей собственной заспанной физиономии.

Первые самолёты германских фашистов появились в небе 18 августа в 17-00, а всего через тридцать минут последнего вражеского стервятника выдворили из воздушного пространства СССР. Вторжением на глубину два-четыре километра и закончились посягательства на нашу территорию. Спустя десяток часов, советские войска сделали из Германии всё, о чём мечтали. Сталинские соколы, разбомбив фашистские аэродромы вместе с самолётами, обеспечили наше абсолютное господство в воздухе. Тем же временем десантники ценой жизни двух летчиков преодолели зенитное ограждение противника и захватили штаб наступающей группировки. Вслед за ними тяжелые бомбардировщики легли курсом на Берлин, Нюрнберг и другие промышленные центры Германии.

На переднем крае дела обстояли ещё краше. Наша конница форсировала линию укреплений противника. Про легендарную кавалерию штатные литераторы научились писать вдохновенно. Генералы обычно готовятся к прошлой войне, а соцреалисты призваны отображать красный Апокалипсис. В синтезе получилось очень даже неплохо. Внезапное появление кавалеристов второй конной армии под командованием командарма первого ранга Голутвенко в расположении моторизованных и танковых соединений вермахта, да ещё с шашками наголо, определило исход всей кампании. Изрубив в капусту живую силу противника, кавалерия европейскими огородами устремилась к Ла-Маншу.

Фашист трухнул. Победители скептически глядели в спины убегающих тевтонов: куда вы денетесь от исторических закономерностей, вскрытых ещё классиками марксизма. В германском тылу творилось нечто судьбоносное. Пролетарии Берлина с восторгом говорили о приближении к городу советских бомбардировщиков, рабочие фирмы «Дорнье» под гул падающих бомб запели «Интернационал»... Прогрессивная общественность Германии, внезапно одумавшись, восстала и создала собственную Красную Армию. В сто пятьдесят тысяч сабель — от тихих католиков

до воинствующих атеистов. Когда боец физиологически прогрессивен, но идеологически слаб, нужен Фурманов. Вместе с поздравлением от немецких товарищей поступила просьба о помощи молодой армии нашими комиссарами.[17]

Поэт в России больше, чем поэт, он непременно алкоголик. Под наркозом интернациональных лозунгов, не иначе, Константин Симонов тогда написал:

Настанет день, когда свободу
Завоевавшему в бою,
Фашизм стряхнувшему народу
Мы руку подадим свою.

Через пару лет, отрезвев до озверения на морозном ветру действительной истории, тот же самый социалистический реалист выдаст про немцев другое:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Не о мирном труде мечтала большевистская элита Страны Советов накануне Отечественной, а о мировом пожаре. Руки до бессонницы чесались по чужому горлу. Войну ждали с нетерпением, готовым сорваться в агрессивный психоз. К сорок первому коммунистическая пропаганда и оголтелые романтики соцреализма докатились до крайней степени национального предательства. Народу, замордованному голодухой и пятилетками, тайно готовилась бойня за мировой Октябрь.

Столь же благоприятно развивалась обстановка на Восточном фронте нашей мечты. В этом сне мы воевали с японскими империалистами. И опять по сюжету, принятому на совещании писателей-оборонщиков, состоявшемся в феврале 1937 года. Тогда было принято решение бить в литературе врагов чужих так же, как это делают героические чекисты с врагами своими.

Спустя несколько часов после долгожданного нападения Японии на СССР, наши войска прорывают оборону в Манчжурии и устремляются в северные районы Китая и Кореи, где находят восторженный приём со стороны трудового населения. Выяснилось, что нас там тоже давно ждали, счастливый рассвет пришёл в страны юго-восточной Азии не с востока, а с большевистского северо-запада. Уяснив трафареты предвоенного соцреализма, нетрудно догадаться о том, что сталинские соколы в первый же день конфликта в пыль разбомбили Токио и Осаку, а отзывчивый

японский пролетариат создал Народный фронт и поднял восстание против собственного капитала.[18]

Шедевры патриотической галиматьи внесли в программы обязательного изучения в школах, на политзанятиях красноармейцев и в студенческих коллективах. Варианты нашей молниеносной победы нашли яркое выражение во многих жанрах изобразительного и сценического искусства. Мы громили врага песенно и на холстах живописи, на театральной сцене и подмостках художественной самодеятельности. Что богема? В межсезонье, где-то между ремонтом тракторов и мобилизацией коров, районки баловали земляков отрывками из патриотической фантастики, отвлекая тем самым деревенщину от чувственной печали бытия.

Война была неизбежна. Все знали повадки и устремления Гитлера. С этой стороны никаких загадок или политических головоломок не было. Как не было внезапности, столь необходимой для оправдания нашей военной бездарности. Школьники знали, к чему идёт дело. Для всего мира не были загадкой и подлинные намерения наши, вытекающие из общей концепции мирового коммунизма и нескрываемой грёзы о мировой коммуне. Варварское отношение к собственному народу, продемонстрированное раскулачкой, ссылкой, хищнической эксплуатацией и террором, могло иметь единственным логическим основанием только сумасбродную идею мирового господства.

Тайна начала второй мировой и войны Отечественной — продукт исключительно внутреннего потребления. Подлинные намерения фюрера и вождя народов мир оценил по достоинству осенью тридцать девятого, когда Польшу, как овцу, моментально порвали два хищника. Один потом расстрелял элиту польской армии, другой с немецкой педантичностью морил в газовых камерах вроде бы родной нам славянский народ.

Война была неизбежна. Только первыми напали на нас.

В народе говорят, пустому брюху молитвой не поможешь. Марксистский тезис о том же, что бытие определяет сознание, скорее всех понятен живущему впроголодь. Восхитимся и мы панорамой предвоенных колхозных полей. А заодно заглянем в кормовые ведомости земляков времён агрессивно-патриотических грёз и покорения финнов.

За пару лет до войны ценой предельного ограбления колхозов госпоставками и натуроплатой за фиктивные работы МТС можно было кое-как обеспечить городское население хлебом. Шлейф двух подряд урожайных лет и привычка есть хлеб не озираясь постепенно сошли на нет. Но с начала сорокового в секретных

партийных бумагах и спецдонесениях НКВД вновь заговорили о голоде. За год с лишним до войны. По первости это были вкрадчивые сообщения гебешников о недостатке хлеба в Копейске, Кургане, Кунгуре, Троицке, Ирбите, Соликамске и других второстепенных городах региона. Чуть позднее хлебные очереди нагло и очевидно вытянулись вдоль улиц областных центров Урала.

В Челябинской области сложилось ненормальное положение со хлебоснабжением, многократно информирует облисполком секретаря ЦК ВКП(б) Андреева на переломе 1940-1941 годов, повсеместно и постоянно огромные очереди, особенно по крупным городам. Народу в очередях столько, что опасно открывать магазины, возможны опасные для жизни и оборудования инциденты. Торговлю хлебом ведём через окна. По объективным причинам областью провален план госзаготовок предшествующего года, а потому нет возможности закрыть внутренние потребности. Кроме того, на душу населения в Челябинской области фондовых продуктов занаряжено меньше, чем в соседней Свердловской области.

Это правда и для Молотовской области. У каждой краюхи Большого Урала, получившей статус области, фонды снабжения урезались. «Ненормальное положение» с продовольствием царило на одной шестой суши. Паутина бесполезной переписки о хлебе затянула страну. Просили без надежды все инстанции власти региона, взывая веером: Микояну, Андрееву, Сталину.

Сверху помогли советом — как правильно вкушать государственный харч. Директивой ЦК и СНК приказали немедленно перевести снабжение предприятий на закрытую систему. Практически это выглядело так. Из занаряженного области хлеба в первую очередь покрывались литеры партсоветской номенклатуры и система ЗРК предприятий первой категории, в основном оборонных и тяжпрома. Из расчёта 800 граммов в сутки на работника. Остальное распределяется через открытую сеть снабжения: учреждения соцкультбыта, магазины, общепит.

Заводской распределитель спасает от голодной смерти, но не от самого голода. Так думали избранные пролетарии, пересаженные на нормированное хлебообеспечение, норовя что-то отхватить на стороне. Сразу обнаружился криминальный факт. Как только город вставал в очередь за хлебом, появлялся его перерасход в заводском общепите. Голодающий хорошо вербуется на стук. На основе оперативных разработок установили, что рабочие приходят в столовую, берут обед, к которому прилагается 200 граммов хлеба. Хлёбово по причине бескалорийности выливается, а приложение прячется в карман. Пришла война, мы поумнели до карточной

системы. За кусок, взятый в заводской столовой, стали вырезать купоны.

Введение нового порядка было вызвано взаимной враждой двух начал советской экономики — рынка и гособеспечения. После ломовых урожайных лет (1937-1938) на крестьянских базарах Южного Зауралья хлеб продавали по 3-5 рублей за пуд. Дешевле, чем в госторговле. Через кооперацию лёгкий хлеб попадал в города. Весь районный и захолустно-городской контингент номенклатуры и интеллигенции, предпочитал отовариваться на рынке, пребывая в грёзах, что социализм ушёл навсегда. На этот раз Бог земляков не услышал. В 1940 году привоз хлеба на рынки Челябинска сократился в три раза, Магнитогорска и Перми в шесть раз.[19] Как только продукты погнали через закрытую систему, рыночные цены взлетели до 100-150 рублей за пуд. Бюджетники на полвека забыли дорогу к рынку.

Все районы Урала и Приобья хором взвыли. «Нечем кормить служащих, учителей медиков, — даю самое типичное (Кировский район), — райпартсоветский аппарат обслуживается через буфет, по 1 кг на человека. Это вызывает озлобление у всех других слоев населения». Да как же не обозлиться? Государственный паёк служащим урезали по районам до 300-150 граммов. Колхознички тоже хороши. Обычная информация райкомов: у коммунаров хлеба либо нет, либо они его глухо заначили. В моду, как в недавнем прошлом, входит бартер. Потому что в магазинах открытой торговли только крабовые консервы, шоколад да велюровые шляпы.

Богатый исторический опыт прозябания выручил и на этот раз. От кормухи легко оттолкнули немощных и социально подозрительных. В убогих у нас всегда ходят учителя, медики и прочая вежливая публика, а классово чуждыми кажутся все, если с утра не емши. Чем ближе к земле, тем интереснее действительность. Перепрыгивая через местную власть, клянчили подаяние учебные заведения всего региона. Дайте хотя бы 700 кило, из Троицкого ветеринарного института, на коллектив в тысячу человек завозится всего 100 кило хлеба в день. Студенты от голода разбегаются.[20] Прислушиваться к стону педагога обычных школ не стоит. Может уши заложить. Утвердимся пока в очевидном: богатство и гордость России прирастают от нищеты и забитости её учителей. Сейчас дела схожие, но мораль совершенно другая. Вузы и школы не просят помощи у государства, а идут на панель.

«В связи с переводом на закрытую систему снабжения рабочих оборонных предприятий, — жалуются Наркомздраву Союза пермские медики, — остался нерешённым вопрос о порядке обес-

печения продуктами питания социально-бытовых учреждений».[21] Нарком здоровья под копирку отказал в помощи всем сразу. И медикам Молотовской области, и Челябинской, и Свердловской. А что он ещё мог сделать? Фонды снабжения соцучреждений и больниц уменьшились в 8-10 раз! Областные партийные органы лечили только душу голодающих. «Во исполнение постановления Молотовского обкома ВКП(б) от 18-2-1941 года за №75 необходимо... организовать среди медиков систематическое проведение политико-воспитательной работы, практически помочь медицинским кадрам в овладении марксизмом-ленинизмом, принять решительные меры к устранению высокой заболеваемости и смертности детского населения».[22]

Марксизм-ленинизм вечен, потому что покойники не умирают. А вот детская смертность и впрямь была угрожающей. По всему Приобью и Уралу. На советской диете долго не протянешь. Детский замор — первый симптом набегающего голода. «Положение с детской смертностью в области продолжает оставаться чрезвычайно неблагополучным. Смертность детей по отношению к общей смертности - 79,2 %. За сентябрь 1940 года родилось по области 9785 детей, умерло 6374... Катайский район: родилось 82 ребенка, умерло 112; Еткульский район: родилось 193, умерло 221; Юргамышский район: родилось 171, умерло 202...».[23]

Докладная записка начальника УНКВД Челябинской области майора ГБ Сошникова констатирует, что охотнее мрут детишки деревенские. Бумаге надо верить. Чекисты по мелочам не врут. Да и правда была не очень опасной. По сравнению с севером региона и Молотовской областью Южный Урал смотрелся лауреатом ВДНХ. В обкомах региона подобные документы шока не вызывали. Вот за падёж скота могли снести голову. Равно и за невыполнение планов по росту числа членов ВКП(б) и кандидатов туда же. После чисток и Коли Ежова в партии стало тихо как на погосте. А по выходному поголовью людей планов вообще не давали. Поэтому все читали, может, слегка печалились, но вслух пели про наше счастливое детство и «приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной!»

Великий советский пост, начавшийся раскулачкой тридцатого, к началу сороковых обрёл классические черты. Мясо ушло из ближайшей мечты земляков. За один предвоенный год, по секретным данным УНХУ, базарные цены на скоромное подскочили по региону в два раза. Откроем, допустим, пермский секрет. Мясо подорожало с 11 до 24 рублей за килограмм, масло с 28 до 55, яйца с 7 до 15 рублей за десяток.[24] Сытый век остался далеко за

спиной. Перед коллективизацией на месячную зарплату заводского рабочего можно было купить два центнера говядины, накануне войны — в очередь и унесёшь в одной руке. Чтобы определить, насколько мы выбрались из волчьей ямы социализма, поделим среднюю зарплату современного жителя Уральского округа на рыночную цену мяса. По мясной методике выходит, что живём мы в три раза лучше, чем до войны, и в десять раз хуже, чем до колхоза. Скотина не человек, её коммунизмом не объегоришь. Нечего жрать, она, не впадая в грёзы, подыхает.

История сливается с жизнью на уровне личности. Бросим в корзину скучные партийные бумаги и заглянем в секретные бумаги ГБ предвоенных лет. Правды там больше, ибо директивой ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года госбезопасности предписано не стрелять соотечественников как ворон, а заняться более полезной агентурно-осведомительной работой. Письмо Бадамшина Агдама Хабибуловича вождю народов перехватили на втором плече почтовой связи — на подходе к приемной Сталина. Крик души молодого инженера вернули в Челябинский обком с упрёком — куда ваши гебисты смотрят? Азиаты радикальны в хитрости или порядочности. Тут последнее.

«Четвёртый месяц не видим хлеба, чтобы получить два кило, необходимо простоять в очереди при 30-40 градусах мороза целые сутки. Можно бы использовать для этого выходные, но мы лишены и этого удовольствия, так как ходим в дырявых туфлях и демисезонном пальто... Мясо 25 рублей кг, молоко 6 рублей литр, картошка 20 рублей ведро. Спрашивается, сколько нужно зарабатывать при таких условиях, если семья 4-5 человек? 800-1000 рублей! И это голодный паёк. Чтобы жить в человеческих условиях, надо эту цифру увеличить в 2-3 раза. Я инженер, зарабатываю 600 рублей, получаю 500, комната в 15 кв. метров со всеми неудобствами и отоплением обходится минимум в 200 рублей. Остаётся 300 рублей, то есть 10 рублей в день на 3 человека, 3 кило картошки...

В результате из здорового (по природе) человека на почве постоянного недоедания, истощения я превратился в неврастеника, восприимчивого ко всем болезням. Из человека, годного на службу в качестве пилота, в негодного к военной службе вообще. Жена из цветущей, жизнерадостной, трудолюбивой комсомолки и общественницы превратилась в исхудалую нервную домохозяйку, обременённую заботой — как бы прожить завтрашний день. За два месяца только один раз она посетила общественное место — вышла на выборы, и то в чужом пальто. Ребёнок на почве постоян-

ного недоедания матери и скверных условий жизни, вследствие безвременного прикармливания чем попало на наших глазах превращается в рахита... Мне 28 лет, но я ещё не имел ни одного приличного костюма или пальто. На работу хожу в брюках, не поддающихся ни какой починке.

В нашей стране народ творит чудеса. Все они в пользу социализма. Народ безропотно пережил громадные трудности. Терпение и надежда в будущее неисчерпаемы. Но нельзя же злоупотреблять этим! Радио, газеты, кино, журналы, литература — все ежедневно твердят о сытой, счастливой, радостной и светлой, жизни. Ни одного слова о действительном положении, о причинах этих недостатков. Можно ли остаться равнодушным к таким фактам, что почти ежедневно в этих проклятых очередях раздавливают людей... О сытой и счастливой жизни мы только читаем в газетах. Где же эти счастливцы?

Я видел много людей, говорил со многими... Но ни одного я не встретил такого, чтобы он говорил о жизни так, как это выходит по радио. По истории я знаю, что квалифицированный рабочий раньше получал 30-35 рублей. Если перевести эти деньги в советские, получится 3000-3500 рублей. Пуд муки стоил 80 копеек, сейчас 100-150 рублей. Мясо стоило 12 копеек кило, теперь 25 рублей... Выходит в двести раз... Всё у нас хорошо, только не благосостояние трудящихся. За шумом аплодисментов и оваций ничего не слышно».[25]

Закончил письмо молодой человек достойно звания российского инженера. «Будьте снисходительны в отношении вопросов, если даже они смешны с Вашей точки зрения. Я писал вполне серьёзно и только голую правду». С такими бы письмами обращаться к монарху во времена просвещённого абсолютизма, а не абсолютной дикости. Парень пропал с глаз, а история Отечества тех лет так и осталась списанной с фальшивых газет.

Теперь о делах деревенских. Начну с апрельских пейзажей сорок первого. До начала войны два с половиной месяца. Двинем по солнцу. «Ставлю Вас в известность, — пишет в обком секретарь Мокроусовского РК ВКП(б) Тарасов, — о исключительно трудном положении с продовольствием в колхозах района. Последнее время вскрываются позорные для нас факты. В колхозах «Красный Октябрь», «2-я пятилетка» Б-Каменского сельсовета проверкой установлено: колхозники растаскивают павших животных для употребления в пищу. Есть случаи на почве недоедания опухания людей-колхозников. Вместо полевых работ колхозники массами выходят на поля собирать колоски, перекапывают карто-

фельные поля с целью извлечения продовольствия».[26] Далее парткадр спрашивает у старшего товарища, что делать с поголовьем общественных свиней. Пока не передохли. Корма до них почти не доходят, обжирают их колхозники. Да и с моралью что-то не ладно, свиньям наряды на отходы есть, а в продовольственной ссуде для колхозников отказывают с порога.

Голод всходил над регионом утренней зарёй. Он обычно начинался с юго-восточных, самых аграрно-нищих районов, живущих от урожая до неурожая. Это районы нынешней Тюменской и Курганской области, расположенные по правому берегу Тобола, и пограничные с Казахстаном районы Челябинской области. Наступление голодухи хорошо просматривается через географию просьб о продовольственной ссуде. В качестве статистического эскиза ситуации приведу отчёт среднего колхоза имени Сталина благополучного Камышловского района. В артели 58 мужиков, 100 баб, 38 трудоспособных подростков и стариков, 100 лошадей и 250 голов скотины. По итогам 1940 года на трудодень начислено 800 граммов хлеба, 90 копеек, 1 кг соломы. Средняя выработка по колхозу 210 трудодней. Долги перед колхозниками за прошлые годы — сотни центнеров. Это ещё не голод, хотя уже вот-вот. На семью приходится 500-600 граммов хлеба в день.[27]

«Борьба за внедрение животноводства в колхозах — это борьба за укрепление социалистических элементов в нашем сельском хозяйстве». Столь изумительно сказал в марте сорокового аграрный гений большевизма — Никита Хрущёв. По внутреннему смысловому пароксизму фраза уступает только лексическим шедеврам премьера послегайдаровских времён.

Абсолютно бесспорна злободневность хрущёвской мысли. Социализм классический возможен там, где есть баба и корова. Так вот, данные переписи 1937 года засекретили по обнаружении пропасти в численности населения. Хозяйственная статистика путём двойного учёта законтрактованного у частников скота загладила зияющую дыру в поголовье обобществленной живности. Скотина доколхозная уже вымерла, или была съедена, а советская росла лениво и нехотя. Этим обстоятельством можно объяснить совершенно постный рацион предвоенных лет.

Картина предвоенного скотомора предстанет во всех нюансах, если заглянуть в нелегальные отчёты по животноводству и спецдонесения НКВД на переломе 1939-1940 годов. Бюрократов гражданских со спины грели постановлением ЦК ВКП(б) и СНК о развитии животноводства, принятым за пару лет до Отечественной. Такие директивы издавались почти ежегодно, потери живно-

сти компенсировали конфискацией частного скота, этапами вредителей и всё затихало до бумаги очередной.

«По совхозам области за восемь месяцев 1940 года, — из спецдонесения челябинского УНКВД в обком ВКП(б), — пало 58 тысяч голов скота». Эпидемия ящура и бруцеллеза гуляла по всем крупным хозяйствам. Скорректируем секретную информацию плюсом 18 тысяч голов, бесславно павших с сентября по январь. «По имеющимся у нас данным, — другой документ секретной переписки тех же инстанций, — в колхозах Варненского района из-за сильного истощения в зиму 1940-1941 годов пало более 5000 голов скота. Только в одном колхозе «Новая жизнь» падёж составил 1300 голов... Начальник УНКВД, майор ГБ Сошников».[28]

Падёж ужасающий, доносит из Полтавского района его заместитель, капитан ГБ Булкин, трупы животных не убираются по несколько дней. На усадьбе конетоварной фермы валяются 12 трупов лошадей, павших от истощения. За фермой в степи ещё 8 трупов. Начальство пьёт до омерзения...[29]

Спецдонесения НКВД тех лет стоит читать. И вот почему. После мясорубки тридцать расстрельных у многих чекистов колени шли ходуном от страха. Произвол развернулся в антициклон, после какой-либо увесистой жалобы грехи расстрелянным списывали, а следователей-мясников, обратив в чертей, отправляли в трибунал войск НКВД. Там их быстрёхонько прятали за решетку или командировали на тот свет. Поэтому чекисты искали спасение в подхалимаже перед парторганами, в том, чтобы недостатки вскрывать и честностью искупить враньё прежнее.

«На бруцеллёзной ферме колхоза «Новый путь», — взглянем на бытовой этюд, исполненный начальником Варненского РО НКВД Савиных, — уходом за скотом занято три семьи — 13 человек, в том числе 7 детей. Живут все в одной землянке, и в этой же землянке помещены бруцеллезные телята и ягнята. Колхозники обовшивели, часты перебои с питанием. На всех колхозников и скот лишь одно ведро, этим ведром поят скот, из него же пьют воду колхозники, в этом же ведре делают тесто для выпечки хлеба. Кругом массовый падёж скота...».[30]

Вместе с грачами сорок первого на село опустилась стая интригующих директив ЦК ВКП(б) и СНК о введении сталинского хозрасчёта. Это было в новину. Раньше деревенских раскулачивали, ссылали, садили, кого и расстреливали, а теперь проектировалось брать всех на шкурный интерес. «С 1 января 1941 года, — приказывала бумага первая, — установить исчисление обязательной поставки молока государству колхозами с каждого гектара земельной площади, закреплённой за колхозом». По Уралу и При-

мельной площади, закреплённой за колхозом». По Уралу и Приобью установили единый норматив — 22 литра с гектара.[31] Колхозные бурёнки всего Союза встретили постановление ЦК и СНК от 8-1-41 голодным, но радостным мычанием. На физиономии колхозника событие оставило след, подобный тому, когда к одиннадцати туз при игре на последние штаны. Разочарование, быстро переходящее в прострацию.

Раньше всегда было лучше. А на селе и подавно. План заготовок по молоку колхозам давали под поголовье. Всё кажется вполне естественным и истинным. Так оно, если не знать колхозной диалектики. Сначала надо поставить истину на уши, а потом уж рассуждать экономически. Нет коров, — нету и плана. Это крайний вариант, доступный среднему рассудку. Практический путь к нему несколько сложнее. В заготовки уходит треть молока, более половины — телятам. Колхозник пьёт молоко от своей коровы. Чтобы продукт остался в колхозе, телят должно быть много, а коров, под которых даётся план, мало. Здесь выход только один, и он экономически иррационален, — нужен большой падёж молодняка. Эта антиистина стала достоянием варварски сметливой особи, называемой колхозником.

Переход на погектарный расчёт заготовок пресекал преступные намерения коммунаров. Новая метода ограбления уже не отбрасывала идеологической тени о «вечном и бесплатном пользовании землёй» и ещё дальше отодвигала колхозника от продукта собственного труда. Давайте посчитаем.

Среднему колхозишке аграрного Урала и Приобья, имеющему около тысячи гектаров земельных угодий и десятка три коров, раньше предписывалось сдавать девять тысяч литров молока. Сдать, значит продать что-то по условным, символическим ценам. Молоко принималось по государственной цене, минуя лукавые пересчёты по жирности, 10 коп. за литр. На госпоставках молока колхоз зарабатывал за год рыночную стоимость одной коровы, которые по весне дохли хором. В новом плановом космосе колхоз обязывался к сдаче 22 тысяч литров, с доходным эквивалентом в три с половиной павшие коровы.

Случайным совпадением объективных и субъективных начал колхоз мог выполнить план по посевам, хлебозаготовкам, выходному поголовью, наконец. Но четверть века сталинский колхоз стабильно и повсеместно не выполнял планов по заготовкам молока. Привязывая коровье вымя к гектарам, пролетарская власть хотела столкнуть колхозника с медвежьего ритма хозяйственной жизни. С замором рогатого скота и лошадей деревенский быт об-

новился до неузнаваемости. Весной, летом и осенью — каторжный труд во имя куска насущного, а зимой — сплошная спячка. Ни кормов, ни уборки стаек от навоза, ни радостных забот с молодняком. Не было пока и сельхозтехники, ремонтом которой можно бы занять деревню. Спи до ранней весны, пока не постучит наганом в дверь уполномоченный по мобилизации семян.

После коров к земле притянули кур. Кампанию с пернатыми обставили красиво. «В целях дальнейшего развития общественного птицеводства, — читаем постановление ЦК и СНК СССР № 535, — повышения его товарности и увеличения доходности колхозов». Тут вся соль созидательной политики и колхозной диалектики. Под залог светлого будущего пропиши деревне какую-нибудь повинность и силой заставь выполнить. На гектар земельных угодий колхозным пеструшкам приказали снести по семь яичек в пользу государства. Пернатые частного сектора с завистью смотрели на птицу обобществлённую, к ним судьба отнеслась без идеологических послаблений. Впредь с 30 соток колхозного двора надо было сдать 100 яиц, с тех же соток единоличных — 130 яиц. Вне зависимости от того, есть ли живность. Поделив яички на гектары, самый арифметически тупой придет к политической сути сталинского хозрасчета. К курице общенародной экономические требования были в 50 раз слабее, чем к особи частного сектора.[32] Но артельная курица, к сожалению, до конца столбового пути так и не научилась жить.

Сначала социализм завоевывают штыком, потом укрепляют наганом и кнутом, а шрамы от интенсивной перековки заживляют материальными стимулами. С выходом директивы СНК СССР № 564 на душе стало теплее. Бумагой обещалось бесплатно отдавать челябинским дояркам 15% молока, надоенного сверх 1500 литров от коровы. А если надоишь 2500, то и все 50%! Доярки и бригадиры юмора не поняли. Сверху разъяснили частности, половину сверхпланового продукта выдавать сразу, остальное в конце года. Низы упёрлись: корова не прорубь, сколько надо не зачерпнёшь. Она, до рекорда не доходя, и сдохнуть может. Что сказать утешительное человеку, купившему облигацию или лотерейный билет? Тогда ответили остроумно. После нового года производите расчёт с ударницами маслом.

Верхи и низы смеялись над одним и тем же. В регионе не бывало ни таких коров, ни доярок. Тем более, премиального масла. С учётом туфты надой на уральскую колхозную корову не вылазил за тысячу литров в год, а без туфты — спасибо скотине и за то, что выжила. С голода и недопоя она была худа, как доярка, и

скупа даже в непродуктивных отходах. А премия полагалась только при выполнения планов по всей группе коров.

Чтобы читатель понял, почему не было доярок, на премию претендующих, советую ему надоить хотя бы по три-четыре подойника в течение недели-двух. Кулаки станут круглее, чем у современного нового русского. Только не жирные, а опухшие. Кремлёвские молочные грёзы были выше физических возможностей даже колхозной бабы. Они достижимы на промышленной технологии и далеко в обход социализма.

В растениеводстве премиальную натуру ввели с урожайности выше 11,8 центнера с гектара. Деревенская мечта летала в два раза ниже. В песнях мы драли горло про стопудовый урожай, а в глаза видели только нищету. Всю войну и по всему уральскому региону никогда не выходило даже шести центнеров. А чаще это были жалкие 3-4 центнера с гектара.

Вместе с коренным населением Урала и Приобья прелести предвоенного рая познали спецпереселенцы. На этот раз лирические воспоминания не о классической крестьянской ссылке. Она свое отголодала, частью выжила, повзрослела и снова рвалась в люди. В сообщениях компетентных органов из районов её дислокации отчаяние постепенно сменяется изумлением.

Что за народ эти переселенцы, искренне удивлялся начальник ОТСП УНКВД по Магнитогорску Донченко в докладной секретарю обкома, лезут буквально во все щели советской жизни! В пединституте 150 студентов из переселенцев, четверть контингента, в горно-металлургическом — 20%, в индустриальном техникуме и педучилище — 30%, а в школе ясельных медсестер аж 80%. Ну куда это годится? В комсомол затесались 230 человек, 195 спецпереселенцев мужского пола женились на советских женщинах из вольных, 114 кулацких дочерей вышли замуж за кадровых работников, а трое даже выскочили за орденоносцев.[33] Может, что-то предпринять против этой очевидной агрессии?

Из многих северных и заугольных мест региона сообщалось, что переселенцы вросли в землю, сеют зерновые культуры, имеют огороды, держат скот и опять живут лучше нормальных советских людей. В таёжной ссылке многие строят дома на манер оставленных на родине, но лучше. В быту культурнее и поголовно отправляют детей учиться грамоте, полагая, что в советское время надежнее сидеть при должности, чем пахать или валить лес.

Сейчас о спецпереселенцах совсем иных. Когда-то, ещё в 1935 году, секретарь Челябобкома ВКП(б) Кузьма Рындин обратился с письмом к Сталину и Молотову по поводу обезлюдевшей ураль-

ской деревни. «Численность сельского населения Челябинской области, — сообщалось главным вождям, — с 1930 года сократилась на 683 тысячи человек. В результате во многих колхозах области создался острый недостаток рабочей силы. Нагрузка на одного трудоспособного при средней по области в 8,1 га во многих районах достигает до 14-23 га. В 1934 году были посланы в помощь колхозам и совхозам воинские части РККА и 26 тысяч рабочих и членов их семей.

Имея в виду, что напряжённое положение с рабочей силой в колхозах является одной из важных причин недостаточно производительного использования земель Челябинской области, а также учитывая, что в колхозах области имеется более 1 миллиона га неиспользованных пахотно-способных земель, обком, облисполком и Всесоюзный Переселенческий Комитет при СНК СССР просят разрешить переселить в колхозы Челябинской области 6000 хозяйств колхозников и единоличников из других краёв и областей. Наличие в колхозах области более 17 тысяч домов, пустующих более трёх лет, даёт возможность при сравнительно небольшом их ремонте предоставить каждой переселенческой семье в пользование отдельный дом.... Переселение 6000 хозяйств в колхозы Челябинской области значительно разрядит напряжённость с рабочей силой в колхозах и поможет ещё более их укрепить».

«Природные богатства (земля и недра) нашей области, — читаем другой документ эпохи, — из-за нехватки рабочих рук до настоящего времени используются не полностью. Посевные и уборочные кампании из года в год затягиваются, необходимые агромероприятия не выполняются, что влечёт за собой огромные потери хлеба для государства и обесценивает трудодень. Нуждаемость области в притоке дополнительных трудовых ресурсов огромна».[34] Запросы на рабов со стороны поступили ото всех областей региона. Причина дефицита рабсилы была одинаковой, мрёт энтузиаст, не доходя до социализма. Мрёт на пыльных стройках-гигантах, и на свежем колхозном ветру. Дохнет в трудоспособном возрасте и на подходе к ясельному содержанию.

Запросы сопровождались подробными графиками вселения, основанными на мудром принципе — больше переселять в те районы, откуда активнее ссылали кулаков. Заглянем в челобитную Челябинского обкома: Куртамышский район — 300 семей, Бродоколмакский — 500, Шатровский — 300 семей... Запаряженное число рабдуш не покрывало и четверти выселенных, но тут необходимо тонкое чувство меры. Проси больше, всё равно на х.. посылать — скажут на Руси просителю, потерявшему такое чувство.

Вожди встретили идею с пониманием и выселение разрешили. Сразу же выяснилось, что специально созданный для революционно-демографических сдвигов Переселенческий Комитет при СНК СССР много хуже НКВД. Работать с широкими народными массами там совершенно не умели. В области, из которых намечалось выселение, направили разнарядки с обещанием рая на новом месте. Ни сборных пунктов, ни комендатур. Не по-советски, скажу двумя словами. И аргументирую деталями. Уполномоченных от сельскохозяйственных районов Урала отправили на вербовку колхозников на Украину и в республики Поволжья. У каждого при себе был план набора и эскиз рая.

Вербовка без нагана превратилась в сплошной конфуз. «Результаты неважные, — отчитывается из Винницы уполномоченный, — желающих на переезд мало. Не помогают лекции про Шумихинский район. Здесь они имеют фруктовые сады, по трудодням получили по 4 кг зерна. Переселяться не хотят, согласны лишь некоторые, боясь мобилизации на строительство автодорог, военные работы».[35] Местные партийные и советские товарищи, добавляет агитатор, смотрят на вербовку с юмором и на призывы о помощи советуют искать дураков самим.

Эмиссар из Октябрьского района, что несколько южнее, но хуже Шумихи, и вовсе недоволен. «У нас продукты питания дешевле: яйцо — 2 рубля десяток, масло — 17 рублей, сало — 20 рублей кило, урожай 15,7 центнера с гектара... Природа у нас хорошая... А у вас цены высокие, урожаи низкие, колхозы в долгах, на трудодень мало или ничего...»[36] Так ему сказали в ответ на приглашение перебраться в Челябинскую область. Кое-где для будущих переселенцев организовали поездки к местам будущего процветания. Вскоре такую практику нашли политически вредной, взглянувшие на колхозный Урал и Сибирь, как правило, приходили в уныние и становились оголтелыми местными патриотами.

Альменевскому району для пополнения колхозных рядов выделили Платоновский и Уваровский районы Тамбовщины. Хотя я рассказывал про Альменево много лучше, чем оно есть на самом деле, жалуется агитатор Хисамов, желающих переселяться к нам не оказалось. Крестьянам Поволжья голодовать не привыкать, а туда же, закуражились. Но кто бывал в этом районе хоть раз, поймёт и вербовщика, и соблазняемых. Надо обладать гениальным воображением, чтобы воспарить иллюзиями над его невзрачной натурой и вечной нищетой.

Дело приняло серьёзный оборот, когда с Запада пошёл плотный поток трофейных беженцев и спецпереселенцев. На предмет

ускоренной социалистической акклиматизации в континентальный Союз выбрасывалось население Западной Украины и Белоруссии, Бесарабии, Буковины, оккупированной Польши и Прибалтики. Апрелем сорокового вместе с постановлением о развитии зернового производства в восточных районах СССР пришла директива ЦК и СНК о переселении в Сибирь и на Урал десятков тысяч семей из малоземельных районов страны. Челябинской области по разнарядке полагалось принять 15 тысяч семей, то есть около 75 тысяч человек. Население пяти-шести районов. К началу сорок первого более 10 тысяч семей прибыли в колхозы области.[37]

К тому же времени, по отчёту начальника Переселенческого отдела по Челябинской области Фомичёва, к 20 января 1941 года две тысячи семей успели дать тягу. Новосёлы, жалуется чиновник, бегут из колхозов ночами, сломя голову и во все стороны. Уследить за ними нельзя, но понять можно. Из тех 17 тысяч домов, опустевших в раскулачку, большую часть пустили на дрова, остальное забрали местные революционеры. Приезжие живут по баням, конюшням, сараям.

Переселенцы как в воду глядели. К зиме жрать стало совершенно нечего. Летом сосланные из Мордовии, примером, сели на станциях перевалки и хором заявили, что умирать с голода в колхозы ни за что не поедут. Избранных голосованием представителей от паникеров свозили в близлежащие колхозы. Вот, мол, смотрите: ваш хлеб стоит, вырастет, ешь — не хочу. А осенью хлеб из колхозов начисто вывезли.

Колхозники встретили новосёлов без энтузиазма. «К нашему голоду привезли голод свой?». Правления отказывали в хлебном авансирования гостей, мотивируя свои действия укором: — «Вы уже здесь, а обещанных денег на обустройство переселенцев нет!» Чтобы не переводить на колхозный котёл, их не включали в состав постоянных бригад, а держали на подхвате.

Раздражала аборигенов житейская суета новосёлов, их упрямые и напрасные попытки заработать хлеб в колхозе. Сначала им втолковывали, что житейский принцип деревенского социализма прост — торопись не заработать, а украсть. Своим-то дают отходы в конце года, а чужому только одна дорога — до Бога. Если новосёлы не внимали и отчаянно старались выполнить минимум трудодней, самых настырных вразумляли по-чёрному. Женщин-переселенок за особое усердие в будни и выход на работу в престольные праздники мазали дегтем.

Во исполнение директив областных прокуратур по аграрным районам устроили несколько показательных процессов над ревни-

телями колхозного менталитета. Кого посадили, кого обложили принудительными работами. После указа от 26-6-1940 в карательной практике стала модной принудиловка по суду с вычетами из зарплаты. Коллизию придавили до молчаливых косых взглядов. Но приросли к земле в основном те переселенцы, которые осели гуртом в вымирающих деревнях, где косоротиться в сторону пришельцев было уже некому.

Веселее и содержательнее прошла кампания по перемещению народа свеже-советского. Перед войной, в картёжной игре двух тиранов Сталин снял банк — солидные территориальные приобретения: Буковину, Бессарабию, Западную Украину и Белоруссию, Прибалтику. Воевать мы не умели. Даже финны дали нам по лапам. Но в политическом шулерстве вначале зело преуспели. Германия стала лучшей подругой Страны Советов, а Гитлер — хорошим человеком. Добрее, пожалуй, вождя нашего: нет ни голода, ни безработицы, везёт ему во все стороны.

Политические воззрения нищего примитивны, хорош тот, кто сразу накормит. В Германии, судили по советским газетам, не жизнь, а житуха! Потому в сортирах, этих прибежищах свободной мысли, появились крамольные надписи: «Долой Советы! Да здравствует фашизм!» Гебешники, информируя о том партийные органы, путались в сомнениях. Вожди кремлёвские объяснялись в любви к Гитлеру. А что давать за это простому советскому человеку? Изнутри глобально и верно расклад сил определил мастер стройучастка челябинского завода им. Орджоникидзе Усиков. «В мире два товарища, — молвил в перекур обвиняемый, — Сталин и Гитлер. Кто кого нае..т, так оно и будет!»[38]

С большевистской точки зрения, поляк поляку рознь. Иначе, есть паны наши и не наши. То же самое можно сказать про не дрессированного хохла или турка. Для лишних людей с «освобождённых» западных территорий заготовили два варианта будущего. Не имеющих ценности отправлять в отвал. Других надо было перековывать и перевоспитывать, чтобы они, работая бесплатно и голодно, научились, как мы, искренне восторгаться властью.

Про сразу улетевших в отвал скажут другие. На восток полезных изгоев везли двумя классами эшелонов. С решётками и конвоем НКВД — в концлагеря Сибири и Урала, с конвоем, но без решёток — на перековку. Первые шли как враги своего и нашего народа, вторых следовало называть переселенцами или беженцами. Лексическая тонкость, почти не улавливаемая местным уральским начальством, означала следующее. К переселенцам относились жители районов, других стран, отошедших к СССР в

результате советской оккупации. С переводом их в статус граждан Страны Советов на них распространялся привычный для нас режим духовного и материального рабства. Но с формальной стороны переселенцев, при всей неразвитости их мировоззрения, надлежало принимать за своих.

За беженцев держали жителей мест, которые ушли под оккупацию других стран. Тех, что бежали от Гитлера, а попали под Сталина. «Титаником» ушла в небытие Польша. Люд военный и гражданский отступал к корме до последнего момента. Мы никогда не любили поляков. За то, что они славяне, но с выраженными европейскими амбициями. Советская власть не любила их ещё больше. Большевистская мечта — сделать весь мир советским — утопила грезы национальные. Убежавших от немецкого фашизма в наш социализм в документах именовали беженцами-осадниками.

Лексика становится материальной силой, когда доходит до уровня директив НКВД. Переселенец, как худой, но свой, подлежал перемещению на восток со всей семьёй и пролетарским скарбом. На новом месте ему обещался угол и постоянное место жительства. С беженцем разговор был короче. Зачем тащить вглубь социализма чужую нищету и ребятню? Котомку за бок, и в вагон! Впереди его ждала романтика холодных котлованов, заводских общаг и неустроенности. В переписке тех времен царила путаница в квалификации трудресурса со стороны. Местные руководители научились быстро и визуально различать приезжих. Голый и с семьёй — переселенец, голый в одиночку — беженец.

Энтузиастов, доставшихся нам по дележу Европы, направили на строительство фундамента социализма, то есть в котлованы. Карательная практика десятилетий пошла впрок, и теперь со ссыльными обошлись экономнее. Сначала их распределили по областям и отраслям народного хозяйства. Мероприятие, лежащее в абсолютной компетенции НКВД, было проведено безупречно и явило собой образец не революционного психического акта, а планомерного созидания.

В промышленных наркоматах трудресурс оприходовали и разверстали по великим стройкам. «В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1939 года №1990-553сс об использовании в качестве рабочей силы беженцев, приказываю принять, разместить и направить на работу 5000 семей беженцев».[39] По разнарядке, приложенной к приказу наркома СССР Меркулова, чёрной металлургии Урала досталось чуть меньше полутора тысяч семей. Особо и тяжелым шрифтом напоминалось, чтобы отпущенная рабочая сила использовалась исключительно в

производстве. Наркомат по строительству СССР был более щедр. Только одному Магнитострою было отпущено 2000 семей из Западной Белоруссии. По урало-приобскому региону более 10 тысяч душ.[40] Часть белорусского этапа разместили даже в колхозах.

Про энтузиазм западных переселенцев российская история не помнит решительно ничего, потому как сам факт наличия таковых в котлованах уральских строек вызывает на физиономии летописца-ленинца не тугую задумчивость, а искреннее изумление. Заглянем в секретные отчёты о трудовых буднях забытых Богом и нами трофейных энтузиастов.

В Челябинскую область в октябре 1940 года, свидетельствует отчёт обкома партии в ЦК ВКП(б), прибыло 5 тысяч переселенцев из Северной Буковины и Бессарабии. На январь 1941 года осталось 4 тысячи. Многие из них приехали в одних рубахах. Отсутствие одежды и обуви привело по осени к массовым невыходам на работу, дающим основания для уголовного преследования. За два месяца на строительстве ЧТЗ отдано под суд за прогулы 142 беженца. На угольных шахтах Копейска за тот же период осуждено 446 бессарабов, четверть всего эшелона. Из них 75 новосёлов спрятали в тюрьму, 208 приговорили к принудительным работам с вычетом 25% заработка.[41]

Садили и штрафовали по всему Уралу вне всякой зависимости от национальных или социальных оттенков. К началу войны более десяти тысяч переселенцев, занятых в промышленности и строительстве региона, пошли под суд за нарушение трудовой дисциплины. Расследуя это обстоятельство, прокуратуры всех областей Урала указывали, что суды при вынесении приговоров явно трусят, а потому исходят только из формального факта прогулов и опозданий, не вникая в причины таковых.

Разобраться в причинах нам помогут материалы проверок труда и быта беженцев. Проверок, которые проводились по жалобам в ЦК ВКП(б). Привезённые под заморозки западные энтузиасты оказались в худших жилищных условиях, чем энтузиасты-аборигены. Бывшие кулаки как-никак обжили бараки, зарылись в землянки самостроя, успели привыкнуть к тому, что называлось социализмом. Новеньких растолкали по присутственным местам и подсобкам промышленных предприятий.

Итак, стройплощадка ЧТЗ, январь сорок первого и беженцы-буковинцы. Около тысячи изгоев размещены в трёх кинотеатрах, ежедневно не выходят на работу по 100 человек из-за отсутствия одежды и обуви, а также по причине простудных заболеваний. В

общежитиях холодно, нет горячей воды. Спят после работы на сплошных нарах и в рабочей одежде.

С первых же дней пребывания на новом месте эта категория энтузиастов сразу заголодала. При отправке эшелонов на восток беженцам обещалась высокая зарплата и возможность материальной помощи семьям. Трофейные люди социализма не знали. Не сказать, что они поверили новой власти, но заработать надеялись. Социализм настоящий их весьма опечалил. «Зарплаты не хватает на питание, — отмечено в отчёте обкома партии, — все поголовно в должниках за одежду, полученную в момент приезда. Расчётных книжек нет, постоянные обманы». На легендарном ЧТЗ под морозы выдали энтузиастам-буковинцам 260 пар бракованных бурок, которые сразу же развалились. Не для мокрых котлованов эта обувь. Деньги удержали по полной стоимости, отправив буковинцев на трёх-четырёхмесячную голодовку.[42]

Новосёлы испытали самое холодное отношение и со стороны руководителей предприятий. Народ приехал не наш: работать даром не хотят, а то и просто не умеют; газет не читают и на митинги не ходят. Беженцы из оккупированных районов Польши, сообщает Кусинский и ряд других отдаленных райкомов партии, находятся в тяжелом материальном положении. Получают пособие по 100 рублей в месяц, денег на еду не хватает, да и нет хлеба в свободной продаже. Нет у беженцев и тряпья, на которое крестьяне соглашаются обменять продукты.

Преобладающее намерение приезжих — скорее вернуться на родину, поэтому они всячески отказываются от постоянного жительства и устройства на предприятия. Доходит до свары, вытаптывают ночами картофельные посадки у тех, кто намерен перетерпеть лихие времена на чужбине. Резюмирующая часть отчётов с мест весьма укоризненна. Москва, мол, завезла к нам не пролетарски двоюродный люд, а элемент деклассированный: один держал дома парикмахерскую, другой гостиницу, многие промышляли спекуляцией. К тому же, «в культурном отношении очень мало развиты, большинство из них не опрятны».

«Одной из основных причин невыполнения плана добычи, — жалуется начальнику НКВД Сошникову и секретарю обкома Сапрыкину начальник треста «Челябуголь», — является отсутствие достаточного количества ведущей группы рабочих забойной группы, главным образом навалоотбойщиков. В погашение дефицита УНКВД направило спецссылку из бывшей Польши, 203 семьи для работы в шахтах. Из общего количества 536 человек признано комиссией способных работать по состоянию здоровья и возраста

385 человек, 191 мужчина и 194 женщины. Прибывший состав спецссылки явно непригоден не только для работы в шахтах, но и не приспособлен к физическому труду на поверхностных работах угольного производства».[43] Далее начальник «Челябугля» просит забрать у него трофейный трудресурс и отправить его туда, где от него будет хоть какая-то польза. Вот если бы наших, доморощенных спецпереселенцев...

Пусть работают, ответили из УНКВД и угольного отдела Челябобкома, ни других, ни своих больше нет.

Город уральских шахтеров Копейск перед войной стал новым Вавилоном. Сюда свезли буковинцев, бессарабов, молдаван, румын, евреев, турок и лиц со слабо выраженными национальными признаками. Пролетарии сразу стали не соединяться, а драться. Да они же просто ненавидят друг друга, удивлялись политически образованные земляки. В сварливом интернационале решили усилить политико-воспитательную работу. После трудовых смен всех засадили за изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» и закона о защите социалистической собственности. В самых буйных бараках (20 и 21) дополнительно прочитали лекцию о сердечной дружбе Фридриха Энгельса и Карла Маркса. На повсеместный вопрос «Когда нас вернут домой?» политинформаторы отвечали исчерпывающе: «Вы уже дома».

Теперь заглянем в страницы советской периодики. По рекомендации профессора Преображенского, это желательно делать только после завтрака. От неожиданного варианта лжи можно либо поперхнуться, либо насовсем испортить аппетит. Итак, газета «Звезда», орган Молотовского обкома партии. Издание в высшей степени порядочное, его имя носит одна из центральных улиц нынешней Перми. Статья «Бессарабцы» в номере за 25 января 1941 года открывается лирической сценкой. Специального корреспондента «Звезды» на подходе к общежитию, в котором проживали спецпереселенцы из Бессарабии, очаровала тонкая и радостная национальная песня, доносившаяся из окна. Зайдём вместе со спецкором на огонёк.

Общежитие оказалось прекрасно оборудованным, в светлых уютных комнатах зеркала и цветы, узорчатые шторы и портреты. Портреты вождя народов, разумеется, и здравствующих на день визита наркомов. «Очень хорошо!» — коротко ответили бессарабцы на вопросы газетчика о работе и жизни. В подтверждение чего принесли квалифицированно исполненные письма, которые, якобы, намеревались отправить на родину, но, к радости журналиста, не успели. «С открытым сердцем пишу, что работаю с большим

желанием. Зарабатываю хорошо. Деньги нам платят своевременно. Без денег не бываю никогда... Горячо полюбил советскую страну, благодарен коммунистической партии и тов. Сталину. Нравится мне здесь. Лучше некуда!».

Фрагмент письма одного из бессарабских спецпереселенцев сопровождён устной мечтой автора о службе в Красной Армии. «Сейчас я живу жизнью хорошей, — поделилась радостью представительница прекрасной половины ссылки, — и всё время вспоминаю тот день, когда Красная Армия освободила нас от румынских бояр».[44] О реальной жизни новосёлов с запада, как и жизни соотечественников от рождения, газеты не писали. О том излагалось в документах секретных, до которых и нынче-то трудно докопаться. Уровень бытового комфорта, труда и оплаты переселенцев пермского угла ничем не отличался от изложенного ранее.

Сразу после окончания Великой Отечественной эта публика выразила явное желание рвануть на Запад. Особенно досаждали осадники, сохранившие верность Польше. Но к тому времени всех сомнительных надежно пересадили на режим ссыльных. Меня здесь унижают и держат как спецпересленца, типичная жалоба западника, а я приехал в 1940 году добровольно. «В пересзде на Украину отказать!» — столь же типичный ответ.

Чтобы скорее добежать до событий трагических и великих, лишь мимоходом заглянем на самый предвоенный фронт классовой борьбы. Там шла очередная страда. На правом, хозяйственном, фланге всё было тихо и без особых перемен. «План 1940 года, — застенчиво излагает отчёт Свердловского обкома —ВКП(б),по всем показателям не выполнен всеми районами области...»[45] Неделей позднее в том же самом признался Челябобком. По итогам хозяйственного года, с некоторым оптимизмом сообщает молодая Молотовская облпрокуратура, посажены 121 директор МТС, 945 председателей колхозов, 730 заведующих фермами.[46]

Левее постреливали. Там шла кампания ликвидации ликвидаторов. Трибуналы войск НКВД судили отпетых карателей тридцать седьмого, а дома шла крупная разборка по понятиям. «После выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе органов НКВД Управление госбезопасности по Челябинской области в своей чекистской работе достигло значительных успехов. Проделана значительная работа по ликвидации вредительской деятельности в чекистской работе бывшего вражеского руководства УНКВД... Управленческий аппарат заменён, правильно осу-

ществляется поворот в деятельности Управления госбезопасности в сторону агентурно-осведомительской работы».[47]

«С августа по 10 декабря, — читаем документ забытых лет, — поступило 7636 жалоб на решения троек. Жалобы идут из Прокуратуры Союза, от сидящих в ГУЛАГе, от родственников. За это же время пересмотрено всего 702 дела на 23 тысячи арестованных». Описывая в деталях масштабы репрессий и ужас пыток в камерах челябинского УНКВД, прокурор сокрушается: поток жалоб стремительно нарастает.[48] Так что впереди многолетняя работа по пересмотру десятков тысяч дел. Фальсификация в материалах троек не имеет никаких моральных границ. Областные прокуроры сетуют на то, что проверка жалоб повсеместно поручена следователям, которые сочиняли подрасстрельную липу.

Потом пошли жалобы от семей пострадавших карателей. «Прошу как отца вмешаться ЦК ВКП(б) по делу ареста чекиста и члена партии Чернова В.Г., так как считаю, что мой муж и вся наша семья не заслужила такой кары». Жена капитана ГБ Чернова, начальника Златоустовского горУНКВД, обратилась прямо к Сталину. Расстрел, данный приговором ВТ войск НКВД от 27 октября 1940 года, чекист Чернов заработал честно. «При горотделе был устроен ледник и специальная камера с холодным душем... По установке Чернова те арестованные, которые не подписывали на себя вымышленные протоколы допросов, помещались в холодный ледник и обливались холодной водой».[49] Вспомнить бы тут про русского офицера Дмитрия Михайловича Карбышева, про ужасы концлагеря Маутхаузен. А заодно и удивиться мужеству тех земляков, что сохранили человеческое достоинство под пытками иезуитов-ленинцев.

Меж тем, мерзость раскручивалась по спирали. Каратели сдавались сами, но ещё охотнее сдавали своих осведомителей и стукачей. Показания взятых за шкуру курух просто обескураживают, сколь цена жизни земляков зависела от настроения и стиха снующих рядом тихих подлецов. Ты давай фамилии врагов народа, инструктировал тайных пособников зам. начальника 3 отдела Свердловского УНКВД Ермак, а литературно-чекистская обработка за нами. Сам он слыл большим специалистом по уголовно-вредительской фантастике.

Несколько грешно, как выяснилось Воентрибуналом, складывались и материальные подробности большого террора. Следователи-чекисты чистили квартиры арестованных профессиональнее домушников. Вначале сдуру хватали всё, со временем пришло чувство вкуса. Брали дорогие семейные вещи и золото. Начальник

3 отдела челябинского УНКВД Лапшин, к примеру, уволок домой штучное фортепиано арестованной актрисы. В постоянном интересе были ружья, часы, велосипеды. Менты на шмоне мародёрствовали походя и без разбора. Взамен уворованного в акты обыска подробно заносились документы и никому не нужная атрибутика — значки, вымпелы, почётные грамоты. В делах трибунала неоднократно указывалось, что мотивацией арестов могло быть и имущество репрессированных. В реабилитацию пятидесятых выжившие родственники заикнулись было про конфискованное имущество. Ну это уже слишком! — взъерепенились органы и подносили к носу взыскующих протоколы обыска.

Справки спецотделов областных прокуратур 1939-1940 годов, хранящиеся в секретных архивах обкомов ВКП(б), а позднее КПСС, — документы прямого обвинения во лжи. Нет, не содрогнулась партия в пятьдесят шестом, узнав о зверствах времён ежовщины и бериевщины. Народ вынес всё на собственной шкуре, а номенклатурный штат партии знал о прошлом в изуверских тонкостях. Если бы опубликовать в тридцать девятом, к примеру, письмо Сталину от следователя Челябинского УНКВД Куликова (более ста страниц!), не надо бы сенсаций XX съезда партии. В рукописи изложено всё и самым подробным образом, как-никак писал раскаявшийся мясник. Она и сейчас интереснее всех книг по этой теме. Рукопись перехватили.[50]

Мир навязанных кнутом иллюзий рушился изнутри. Кампании самоуничтожения накатывались одна на другую. Колхозом и советской властью российскую деревню измордовали до такого состояния, когда самый элементарный уровень материальной культуры народа — способность прокормить себя — становится невыполнимой грёзой, а способность самостоятельно думать — уголовным преступлением. Мы стали нищими и немыми.

Единственным проявлением национальной самобытности оставалась душа, тот инстинкт доброты и общечеловечности, который благоприобретён тяжкой историей предыдущих веков и приобщением к высоким нравственным канонам православия. Меж собой мы всё-таки остались русскими.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Это запели за полтора года до Отечественной. Скоро «Катюша» Михаила Исаковского станет гимном души и сердца всего народа. Потому, что придёт война. И потому, что чистая любовь и такая, как у нас, Родина выше всего остального.

Глава 11
Пришла беда – мы русские

Классическое киношное начало войны трагически прекрасно. Насколько это доступно в рамках социалистического реализма. Выпускной бал в роскошном колонном зале, первая любовь, рассвет. Потом левитановское «Га-а-варит Ма-а-сква!..» и разлука. Взрывы, прерывающие школьный вальс, это вообще классика чувственного восприятия советской истории тех времён. Добавив к тому столь же засзженный громкоговоритель на столбе, возвестивший о смене тихого мирного счастья военной бедой, получим законсервированный для потомков грезофарс советского патриотизма. Когда историки врут в принципе, а литература и кино тонко лгут в художественных частностях бытия.

В реальности обошлось без вальсов и грёз. Если сторонняя беда добавляется к привычной беде своей, тут не до пафоса. Сообщение о нападении фашистской Германии, застигнутое в хлебной очереди или в мыслях о том, чем сегодня накормить семью, на возвышенное чувство ненависти не претендует. Как и не романтизирует национальной летописи. Правда, патриотизм в нас сильнее разума, даже у тех, кого держим за умных. С первых дней Отечественной вся советская бытовуха, характеризуемая недавно осмелевшими историками как голодная и бесправная, внезапно стала самоотверженной и безусловно героической. С чего бы так-то? Да всё просто. Раньше пребывали в нищете от скотской покорности своему тирану, иноземное нашествие придало нашей привычной убогости внешнюю причину и высокий героический смысл. Ясно же, лучше страдать за что-то, чем просто страдать.

Войну ждали в субботу 21 июня. Гитлер выдержал паузу в день. Деревенщина жила надеждой с недели на неделю. Сначала ждали, чтобы закончить с посевной. Если до июля месяца ничего не случится, рассуждали потом, то на год мирной жизни можно

рассчитывать смело. Не глупый же этот Гитлер, какая с нами война осенью да зимой. В отличие от московских стратегов, мечтающих махом раздавить Европу, земляки догадывались, что война опять многолетней бедой повиснет над родными просторами, что платить за всё придется мужицким мясом.

Население городов и крупных райцентров региона узнало о начале войны 22 июня пополудни. До того по радио несколько раз предупредили о важном правительственном сообщении. Такой прелюдии хватило, чтобы понять все и сразу. Известие о войне шёпотом, но мгновенной судорогой пронеслось по стране. Вслух не говорили, такая информация считалась шибко антисоветской и гарантировала срок. Если действительно пришла война — ты паникер, нет войны — провокатор.

Потом выступал Молотов. Сталину нечего было сказать народу. В такой ситуации у человека порядочного есть единственный, хотя и трагический выход. Но лишь у порядочного. Вождь народов сам готовил подляну, потому от мук нравственных был далёк. Земляки стояли вокруг репродукторов толпами. Как в советской кинохронике, один в один. Только настроение было совсем иное. Не искрились глаза святой ненавистью. Соотечественники осознавали себя дураками, по чёрному объегоренными и вчера ещё добрым Гитлером, и собственным гениально глупым вождем. Да тот же Молотов, теперь патетически взывающий к народу, менее года назад, на сессии Верховного Совета, клялся в вечной любви к фашистской Германии. Прародители наши боялись о том говорить, но не стеснялись хорошо помнить.

«Эти люди, — издевался он над будущими союзниками, — почему-то решили, что Советский Союз должен воевать против Германии на стороне Англии и Франции. Можно только спросить, не потеряли ли эти поджигатели войны окончательно свои головы. Пусть воюют сами без Советского Союза. А мы посмотрим, что они за вояки!»

Киноплёнка с выступлением Молотова на съезде Советов сохранилась в Российском госархиве кино-фотодокументов. Смотрел — ну прелесть! Диктаторы уникальны, но диктатуры — все одинаковы. Наша публика, вы хорошо помните, кого мы избрали депутатами, психозно ревела как фашисты в Спорт-паласе на сеансе Гитлера. А вот Вячеслав Михайлович в жестах и чувствах был скуп. Лишь холодно искрящиеся стёкла очков выдавали крайнюю степень ненависти к буржуазному осколку Европы.

Большинство деревенских земляков узнало о войне воскресным вечером, либо в понедельник утром. «Сразу после выступле-

ния по радио тов. Молотова в райком было вызвано 25 человек партийного актива, которые были проинструктированы. 22 июня в 18 часов они выехали во все пункты района для проведения массово-политической работы».[1] Это типичный документ того трагического дня. Привычна практика чрезвычайных уполномоченных. На этот раз посланцы партии отправлялись за оброком иным. У каждого из них во френче покоилась директива о мобилизации людей и транспорта в действующую армию.

Помимо мобилизационных дел предусматривалось проведение сельских сходов, по единодушной поддержке партии и пролетарской власти, а также принятие наспех сварганенной резолюции райкома и райисполкома. Озлобленному патриотизму голодных соотечественников следовало придать нужное идейное направление. Чтобы под Родиной понималась не Россия, а Страна Советов. То, что это удалось, есть грустный исторический факт.

«А я что говорил, будет нынче война, будет!» — первая реакция деревенских пророков на известие о нападении Германии. По следственным делам весны и лета сорок первого можно судить о повсеместном увлечении криминальными прогнозами ближайшего будущего. Гебисты по-скорому высеяли буревестников, вынули их из мирской суеты и определили по зонам. Детальный разговор про аномалии деревенского патриотизма и кары за сие отложим до времён будущих, когда реабилитируют правду военных лет. Авансом скажу, что большинство народных прогнозов относительно итогов войны были разумно осторожны. Если и победим фашиста, то не числом или умением, а чисто русским терпением. Пара голодоморов подряд да раскулачка со ссылкой — после такого только войны и не хватало. Переживем, даст Бог, и Гитлера.

Как встретили уполномоченных по мобилизации на деревне? Проведённые повсеместно собрания молча и скорбно выслушали сказанное. Вал гнева прошелестел по протоколам сельских сходов, изготовленных посланцами партии и комсомола. В архивах каждого регионального обкома ВКП(б) груды томов с подобными документами первого дня войны. Пестрейшие места из них охотно цитируются всеми разновидностями современных патриотов, хотя по существу и форме протоколы трафаретны. Словеса кадра командированного, сельсоветчика да пары околоточных активистов про внезапность, вероломство и скорую победу заносить в патриотический актив не стоит. Этот пустозвон скорее обиден для национального чувства, чем приемлем как аргумент.

Война столкнула в пропасть и без того почти невыносимую жизнь. Трудную для всей страны и подавляющего большинства

граждан. Горе непреодолимой нищеты сменилось ещё большим горем предстоящих утрат. Как не сокрушаться по поводу новой беды? Искреннее желание спасти Отечество и, по возможности, себя было естественным для каждого нормального человека. Спасти именно Родину, а не разорившую дотла власть. Но партийные документы той лихой поры шулерски подменяют высокую патриотическую жертву тухлой идеологической пропастиной.

На Руси задолго до нынешних свобод думали правильно. Правда, втихаря. Для осторожного соотечественника ум есть единственная сфера абсолютной свободы. Чем головастее, тем шире внутренний мир. Интеллект, дающий метастазы в неосторожный язык, наоборот, есть первое условие поменять домашнюю кровать на лагерные нары. Популярный в те годы плакат — «Не болтай!», как воплощение будируемой секретности всего, имел больше утилитарно прикладное значение. Война уже давно шла, приходили похоронки с недавней финской, оставившей след госпиталями. Вручали их не столь явно. Голодные, оборванные спецпереселенцы с западных областей советской оккупации давали понять — под какое «воссоединение» попали «братские» народы. И хвалить своё недавнее прошлое язык не поднимался.

Гибель солдата на фронте признали патриотической жертвой с трудом превеликим. Хвастливому напоминание о понесённых им жертвах звучит упрёком. После звона о скорой победе на чужой территории вручать похоронки не очень-то комфортно. Когда потери стали измеряться сотнями тысяч, и война стала «Отечественной», явно убитых или раненых решились называть героями. Но похоронки отправляли родственникам только почтой! Пленных сначала у нас не было, потом они стали предателями, без вести пропавшим возвышенных оценок не адресовали никогда.

Самые секретные материалы той поры — документы первых обморочных месяцев. Они заслуживают того, чтобы их прятали, в них откровеннейшая ложь и чистейшая наша глупость. Пугливые провинциальные райкомы, натасканные на мысли, что с немцем мы расправимся гораздо быстрее, чем с врагами внутренними, принимали резолюции дерзновеннее письма турецкому султану. Присягнув на верность всем, кто выше, они требовали скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков и немедленного перенесения военных действий на территорию Германии. В порядке материальной и духовной поддержки Красной Армии обещалось до окончания войны закончить борьбу с кобылкой и прополку колхозной картошки.

Не рассчитывая на стихийный взрыв патриотизма среди колхозников, большевики сделали глубокий обходной маневр. Уполномоченный после изложения ситуации доставал из кармана полученный в райкоме список штатных прикормышей власти и сельских активистов, суетящихся без явной корысти. Некоторым, по выбору райпарткадра, рекомендовалось написать письма в райвоенкомат с просьбой зачислить добровольцами в РККА.

Возражения исключались, добровольно уходящим на фронт обещалось присмотреть за родителями, сохранить материальные льготы по налогам и индивидуальным поставкам. Образцы этих писем украшают партийную историю войны, выставки, музеи воинской славы, их любовно издают в каждом углу России. И не зря. Изготовлены они людьми языкастыми и идеологически подкованными, каждое лыко в строку и почти без ошибок. Духовное гармонирует с расчётом. Чем выше фраза, тем больше надежда, что родителям в тылу не дадут подохнуть с голода. С тех далёких пор этот квалифицированно исполненный муляж выдается за возвышенный глас всего народа.

Заявления простых смертных, написанные искренним порывом души, ущербны в слоге, каллиграфии и грамматике. Да и до пустого ли идеологического трёпа парню, уходящему воевать за Россию? Когда пришло время взглянуть, может в последний раз, в глаза матери, любимой, поймать и оставить в памяти скрывающуюся за поворотом крышу родной избёнки.

Заявления, искренние и должные, собрали в кучу, всех поблагодарили за проявленную верность, а кадровым большевикам интимно объяснили, что мобилизация комсомольцев и членов ВКП(б) есть дело партийное, а не государственное. Потому партии решать, где и какую патриотическую миссию выполнять кадровому составу. Номенклатурно подданных вернули по домам ждать особого приглашения, остальным приказали собираться.

«Большинство мобилизованных явились на сборный пункт в пьяном виде, имелись случаи опоздания и антисоветских разговоров... На сборный пункт района явились не к 6 часам вечера, а к 9 часам утра следующего дня. Большая часть мобилизованных отказались от медосмотра. За первые два дня в военкомат поступило... заявлений с просьбой отправить добровольно на фронт». Партийные отчеты первых дней мобилизации свидетельствуют, что в большинстве деревень известие о войне встречено не адекватно обстановке, призыв в армию сопровождается пьянкой и дебошами.

Перед горем неизбежным отступил страх. Матом в равной пропорции, кроют как Гитлера, так и вождя народов. «Куда вы

идёте? Евреев защищать?». За посягательство на честь еврея обычно давали статью 58-10 УК. «Сталин страну продал, надо расстреливать партию, а не немцев!» Такое выдал колхозник Черновского района, добавив, что лучше отсидит два года, чем пойдёт воевать за коммунистов. Дали в несколько раз больше, по самой фундаментальной статье Уголовного Кодекса. Как и Черепановой Дарье, брякнувшей на том же призывном пункте: «Если власть переменится, у меня сразу три солнышка взойдёт».[2]

Теперь о проводах и медных трубах киноклассики. Когда упитанные, ухоленные визажистами нынешние киногерои являют своей физиономией продукт сытого сталинского социализма и отправляются на фронт под марш «Прощание славянки». Парадоксальное нагромождение исторического и бытового вранья сделало хронологию первых дней Отечественной войны утонченно лживой, вполне приличной для современного глаза и уха.

Дело в том, что не было ни «Славянки», ни сытых призывников. За исполнение истинно патриотического русского марша всем духовикам вместе с руководителями Райлита и Райкультуры сняли бы голову с плеч. Вы что, сдурели? Под этот марш отправляли на империалистическую в царское время! «Марш Будённого» — да, пожалуйста! А тут произведение не реестровое, малохудожественное, старорежимное, да ещё и написанное чёрт знает кем. Автора патриотического марша можно считать без вести пропавшим на музыкальном фронте. Кто спорит, гениальная музыка иной раз спасает варварство сюжета. Киноложь легко обратить в искусство, если отправить земляков на Отечественную под музыку, скажем, Давида Тухманова. «День Победы!!!...» Прекрасная штука, даже ветеранов войны делает на двадцать лет моложе.

Вот «Маршем Будённого» патриота нынешнего не взять. Ему подавай историю, освобожденную от унизительных подробностей. Престарелым большевикам — парадные батальоны под обжигающую сердце «Вставай, страна огромная!», чуть обрусевшим — хоругви, крест и бородатую морду восемь на семь. Сущее всегда хуже должного. Если оторвать взор от стратегических карт Отечественной и присмотреться к призывникам сорок первого, к горлу подступает тошнота антипатриотическая. Эти юные доходяги и есть наше героическое прошлое?!

Действительно, бывают у нас времена, любая ложь о которых лучше голой правды. Частенько бывают. Чтобы не измываться над святым и почти не врать, загляпем в лица и биографии тех, кто ушёл на фронт первым. Согласно приказу, под всеобщую мобилизацию пошло мужское население в возрасте от 21 до 36 лет. По

существу, это был призыв первого взрослого советского поколения. В коллизиях, связанных с революцией и установлением новой власти, прошла почти четверть века. Теперь внимательнее. За плечами старших из призывного контингента лежало благополучное детство в семейной заботе и труде. Революционная смута, гражданская и обе советские голодухи пришлись на раннюю юность и годы, украшающие мужскую жизнь. С начала тридцатых многие из них попали в принудительные энтузиасты. Рабский труд в котлованах и на шахтах, голодный быт сырых и холодных бараков не располагали к нежным чувствам в адрес власти. Такие до примитивного осязания различали родину и большевизм.

Родиной для них было то, что осталось святым в памяти: родительский дом, когда-то живущий большой единой семьёй, тихая дальняя деревенька и огромная Россия, богобоязненная по жизни и шальная в пьяни. Щемила той же болью судьба брошенных на произвол судьбы родителей и детей, жалость к замордованной колхозом жене. Для них это была единственная Родина, как воплощение счастья и горькой участи.

Может, тот мифический советский фанатизм, про который пятьдесят лет поём в самозабвении глухарей, сидел в душах солдат зелёного призыва? Они родились при Ленине, ходили в советскую школу, пели и говорили что надо. Может, они наяву, но как киногерои тех лет на съемочных площадках под Алма-Атой, ходили в рукопашную под «За Родину, за Сталина!»

По военным книгам и фильмам соцреалистов легко из идиота сделать патриота. И наоборот. Сначала вспомним, что наши призывники родились в первый большевистский голодомор. Да, в те легендарные годы продразверстки, когда с красным обозом награбленного из деревни уходила жизнь. Вспомнили? И что будущие герои в малолетстве росли рахитами из-за употребления в пищу всего непотребного. Этот классический недуг вызывается дефицитом витамина «Д», ни фосфора для ума, ни кальция для арматуры. Народец потому растёт мелкий в кости, кривенький и нервный. Возраст призывной, а ростиком-то, как из 7-а класса.

Позднее, в десять-тринадцать лет голодуха накрыла их снова. Теперь голодуха вторая и колхозная. Опять колоски да отходы по осени, пропастина зимой, гнилая картошка весной и травяная дичь летом. Весной и летом, к тому же, они до комы слабели в колхозном диатезе, как шутливо называли септическую ангину — болезнь последней нищеты. Голодное отрочество творит если не умного, то шибко сообразительного, способного отличить пустые речи от запаха хлеба. Вместе с принудительным пионерским гал-

стуком и комсомолом на подростковую шею повесили обязанность вкалывать в колхозе. Ага, как взрослому, даром.

Мужика из пацана делает труд плюс воинская дисциплина для самых лихих. Только не пытка службой и работой, а труд на себя и служба на явную пользу Родине. Перед самой войной будущих защитников Отечества посадили за тракторы, потом, как снег на голову, мобилизация в ФЗО, РУ, ЖУ. Мечтая о своём, метишь мимо трудовых резервов — колония...

Итак, непобедимая и легендарная в подавляющем большинстве состояла из парней, ни разу в жизни не евших досыта. Из защитников, первой мечтой которых был кусок хлеба. Жрать хочется в окопах и строю. Можно думать о погибших высоко и честно. Если живешь не по себе, естественно Бога просить, родину жалеть, а власть материть. Это единственно возможная и простая мелодия патриотизма для нищего. Исполняемая желательно молча или пиано. Орать, что надо, заставит политрук.

Искренне умиляясь мосфильмовским шедеврам времен Отечественной, где советский боец доминирует в образе могучего, но доброго Бориса Андреева, не будем терять головы. Даже высоко эстетизированная ложь всего-навсего остаётся лишь искусством. Чтобы удовлетворить позывы холодного рассудка, полезнее заглянуть в данные медосмотров призыва. А уж потом в кадры немецкой кинохроники. Туда, где сотни тысяч тщедушных наших мальчишек, попавших в плен, тянутся усталыми колоннами на Запад. Идут из кабалы на смерть. Даже без конвоя.

В материалы призывных комиссий я заглянул, что советую сделать всем ортодоксальным до беспамятства патриотам. Сначала, до войны, данные медосмотров были обязательны, потому что надо было сортировать парней по родам войск. Редкий призывник вылазит за габариты 160 см и 50 кг. В борьбе с матёрым и сытым до наглости немцем таким маломеркам можно рассчитывать только на Бога и героизм. Позднее, когда солдатское мясо стало дефицитным, данные медкомиссии день ото дня становились менее подробными и усохли до лаконичного — «годен».

Итак, заглянем в самые рядовые и секретные документы призыва. Приказ ГКО о мобилизации в Красную Армию молодёжи 1927 года рождения. Братья славяне — вперёд! «От призыва освободить призывников местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Киргизской союзных республик, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской автономных социалистических республик... независимо от того, где эти призывники будут проживать

к моменту призыва... Временно до особых указаний, не призывать: поляков, чехословаков и евреев, являющихся польскими гражданами, крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев... Вовсе не призывать: немцев, венгров, финнов, австрийцев, румын, болгар, китайцев, корейцев, турок и греков».[3]

Понятно, кто более всего подходит для жертвоприношений во спасение большевизма. Кому прописан этот рок. За что мы облагодетельствованы великим сталинским «спасибо». Но вернёмся к анатомическим габаритам славянских героев. «Часть призывной молодёжи в физическом отношении ещё не совсем оформилась. Например, вес некоторых призывников составляет 36-39 килограммов, рост 141-149 сантиметров. Если взять всех призывников (279 человек), прошедших прописку, то средний рост составил 153 сантиметра, средний вес 52 килограмма... Политико-моральное состояние призванной молодёжи здоровое».[4] Документ серенький и взят из практики мобилизации моих однодеревенцев.

Эта правда очень секретная. Но не всякую наготу медицинских бумаг удалось прикрыть. Бывало, поступали совсем честно. «От медицинской комиссии отказался» — обычная запись в документах настоящих добровольцев. Запись понятная до национальной гордости. Какой спрос о моём росте, весе и здравии, когда Родина при смерти.

Раз не вышли телесами, пусть это будет идеалом фашистской диктатуры. Станем гордиться высоким духом наших солдат. Только сразу научимся отличать национальный дух от идеологической вони. Ненависть к агрессору — естественная чувственная реакция нормального человека. Даже переход от сытой спокойной жизни к нищете и боли человеческих утрат сам по себе страшен. Здесь у нас неоспоримые особенности. На фронт солдаты уходили воевать за Россию. А при малейшей задумчивости выходило, что шли защищать свою пожизненную нищету и бесправие. Святым долгом прикрывалась сатанинская власть. Призывали отдать жизнь за тех, которые десять лет назад разорили деревню раскулачкой, заморили вербовкой и заготовками, беспощадно отбирали продукт личного хозяйства. И садили, садили, садили. Думая серьёзнее, земляки приходили к одному. Воевать за Россию надо, но сначала бы скинуть паразитов собственных. Тех, что остались в тылу и выедут из страшной войны на чужом горбу.

Голодный мальчишка, призванный из деревни под каким-нибудь Кунгуром и раздавленный танком под Курском на третий день его войны, — это много ближе к истине, чем пышная парадная лжепись Отечественной. Жалость к погибшим и натерпев-

шимся в той войне обращает душевное и глубоко интимное страдание в то, что называется патриотизмом. Боль по ушедшим из жизни родителям жжёт сердце в лучшие минуты самосознания, и о любви к ним не кричат на площадях.

Лучшее средство излечить человека от естественной любви к малой родине и Отечеству — посадить его на иглу патриотического хвастовства. Но партия отлично разбиралась в настроениях мобилизованных и отнюдь не уповала на святое, якобы, чувство советского патриотизма. Собственный опыт захвата власти подсказывал большевикам, отрицательно заряженная солдатско-крестьянская масса, оставленная без жесточайшего контроля, представляет реальную угрозу власти, и может смести её если не в столице, то в местах концентрации мобилизованных.

Советская власть панически боялась собственной армии. Тут бы вспомнить про разгром генералитета РККА в конце тридцатых. Военные авторитеты диктатору не нужны, он сам такой. Именно поэтому вся предпризывная военная подготовка, вскоре преобразованная в систему всевобуча, проводилась с деревянными муляжами. Подлежит военному обучению, фрагмент мобилизационного плана Свердловской области, 113 тысяч человек. План подготовки на 15 февраля 1942 года 33 тысячи человек. Охвачено обучением 60 тысяч, организовано 816 военно-учебных пунктов. Материальная база ВУПов: винтовок учебных 2 тысячи штук, ружей — деревянных макетов — 23 тысячи штук, болванок ручных гранат — 20 тысяч штук.[5] С березовыми игрушками учились воевать призывники пермские и тюменские, челябинские и всероссийские.

Основной принцип мирно-принудительного энтузиазма тридцатых — одна лопата на троих — хорошо просматривается в секретной математике мобилизационных мероприятий военных лет. Но разговор не о качестве учёбы. Сформированные в тылу воинские подразделения доставлялись безоружными до самой передовой. Порой, по причине паралича всей системы снабжения армии и панического отступления, солдаты вступали в прямой контакт с противником безоружными. Логика самосохранения бесчеловечной диктатуры утилитарна — лучше солдат мёртвый, чем с боезапасом до линии фронта. В окопы передовой попадали мальчишки, до того ни разу не стрелявшие из настоящей винтовки.

Ссылки на недостаточность оружия в первые месяцы войны вполне обоснованы. Это печальный факт дезорганизации снабжения, а не принцип взаимосвязи власти и армии. Оружия было много в НКВД и охранных подразделениях ГУЛАГа. Но тут оно было функционально необходимо для самозащиты от собственно-

го народа. Но будь оружие даже в избытке, воинские части никогда не получили бы его до дислокации на передовой. Партия понимала, что имеет дело с патриотом, вполне способным повернуть штык на восток. Поэтому народ поили сентиментальной отравой, а мобилизованных брали в ежовые рукавицы такого бесправия, в сравнении с которым ГУЛАГ и колхоз смотрелись санаторием. Под каску солдата не заглянешь. Гарантией советского патриотизма стали заградотряды, комиссар с наганом, СМЕРШ и родное воинское начальство.

Позор военного провала сорок первого мы осознали задним умом. Пока только в самых общих чертах. Поток реальных событий, называемый национальной историей, материально и духовно уникален как жизнь индивида. Тождество сотворённого и понятия есть идеал, но единственный путь в ту сторону — работа с окаменевшим дерьмом прошлого.

Итак, после бессонной ночи на понедельник заглянем в местную областную газетку. Душа в печали, но без ужаса. На первой полосе сводка Главного командования Красной Армии. «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристинопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цековец, первые два в 15 км. и последний в 10 км. от границы. Авиация противника атаковала ряд наших пограничных аэродромов и населённых пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника».[6]

Вот так-то! По инерции население продолжали поить информационными помоями, создающими иллюзию, что на фронте дела идут по сталинскому плану. Лиха беда — три совсем недавно польские деревни? Завтра, значит, двинем на запад. Молотовская «Звезда», усугубляя оптимистический настрой, давала прямо на обороте сводки командования отрывок из свежей повести Николая Шпанова «Истребители», где сталинский сокол весело и зло валил с небес бомбардировщиков безымянного противника. Зачитывая такие новости призывникам, уполномоченные могли рассчитывать на сверхплановых добровольцев.

Два первых дня Отечественной районная печать была настроена ещё оптимистичнее, сообщения с деревенских собраний констатировали единодушие. В привычной манере обещалось «на звериную наглую вылазку фашизма ответить тройным ударом и сокрушить врага на его собственной территории». Голые клятвы не принимались. В нищей стране и святость на особицу. Каждое обещание, необходимо включало положительный момент. Хоть трудоднём, хоть рублём, хоть пудом картошки под осень докажи свой советский патриотизм.

Даже самый долгий день в году не бесконечен. В сводке от 25 июня только что созданное Совинформбюро сообщало о потерях за три дня 374 самолётов, главным образом от бомбёжек наших аэродромов. И тут же, дабы соблюсти паритет, соврало ещё раз про 381 сбитый немецкий самолёт. Анализ военно-стратегической обстановки первых месяцев войны — предмет новейшей макроистории. Тут многое сделано. Не менее важно знать условия материальной и духовной жизни тылового сельского населения. Знать в бытовых тонкостях, чтобы и здесь новейшая российская история стала хронологией реальной жизни, а не оставалась пожелтевшим плакатом сталинской пропаганды. В этом фрагменте Отечественной пока доминирует всеобщий трудовой героизм с лёгким вздохом сочувствия.

Вслед за указом о мобилизации военнообязанного населения пошли директивы, переводящие тыловую жизнь на особый режим. Немедленной мобилизации подлежали транспортные средства, гусеничные тракторы, часть тяглового скота. Практически весь тракторный парк был представлен имуществом МТС, совхозов и подсобных хозяйств предприятий. Сталинский социализм вообще исключал право собственности колхозов на сельхозтехнику, разрешалось иметь лишь сельхозорудия да скот. Так что мобилизация тракторов для нужд фронта прямо не ущемляла интереса деревенских. Колхозники давно мечтали выскочить из ярма МТС, а теперь грелись надеждой, что с падением объёма тракторных работ сократятся и поставки хлеба по натуроплате.

Грёзам не суждено было стать явью, хотя за первые полгода войны в РККА забрали четверть всех тракторов, имеющихся на Большом Урале. Осенью сорок первого пришло разочарование: без тракторной тяги вкалывать надо больше, а жить голоднее. МТС стали грабить деревню более изощрённо, оставляя за собой только самую хлебную часть работ — косовицу и обмолот.

В действующую армию забрали лучшую технику, где она по причине нашего панического отступления быстро оказалась тро-

фейным металлоломом Германии. Годы и судьбы миллионов, всаженные в железо тракторов и танков, не принесли России ни благополучия, ни военной мощи. Хозяйственная и военная бездарность большевизма обратила тело и дело народа в прах. Всё надо было начинать сначала.

Колхозы больше всего материально пострадали от мобилизации живого тягла. В райучреждениях и МТС лошадей держали на вспомогательных службах. В совхозах они являлись госсобственностью и выполняли не более трети объёма полевых и транспортных работ. А в колхозе лошадь — основная тягловая сила. Сто пятьдесят тысяч лошадей, взятых для Красной Армии и промышленности только за первый год войны, однозначно определили судьбу уральской колхозной бабы и коровы.

Указ президиума Верхсовета СССР «О военном положении» директировал особые условия управления территориями, ужесточил возможности миграции населения, его трудмобилизации, перевёл на прифронтовых территориях судопроизводство под юрисдикцию военных трибуналов. Спустя неделю после начала войны создается Государственный Комитет Обороны. Сообщение о создании ГКО и назначении его руководителем Сталина проходит по газетам без портретов онемевшего вождя.

Тому были железные основания. За первую неделю настроение тылового населения изменилось радикально. Все видели, кому и с кем придётся воевать. Но ещё больше не ждали такого разворота событий. Уже с 26 июля Совинформбюро впадает в чистейшую беллетристику. Никаких общих сведений о положении на фронтах. Стратегическая обстановка исчерпывается стандартной фразой — «в течение дня наши войска вели упорные и кровопролитные бои с противником на всём фронте...».

На два месяца, до провала в дальнее Подмосковье, страну перевели на пресную информационную лапшу, не дающую никакого представления о положении в армии. «Группа наших самолётов совершила успешный налёт на вражеские войска в районе К. на северо-западном направлении фронта». «Часть командира т. Коваленко уничтожила на одном из участков южного фронта...». «Партизанский отряд под командованием тов. Т. за месяц уничтожил 38 вражеских машин с боеприпасами и продовольствием...». «Группа наших самолётов в районе пункта Р. разгромила крупную танковую часть противника...». Весьма осторожные указания на новгородское, гомельское или минское направление боёв скорее дезориентировали, чем что-то объясняли. Направление-то гомельское, да сам Гомель уже захвачен немцами.[7]

Действительный ход военных действий опережал самые худшие подозрения соотечественников. Даже с учётом годами сложившегося недоверия к советским газетам. Спокойнее было бы на душе, хвались газеты наши и радио безудержно. А тут вся власть потеряла лицо. Молчит вождь, затихли лекторы и пропагандисты, райкомы и исполкомы беспокоятся только о сене и картошке. Что хочешь, то и думай, только не трепись.

Кто знал, что на свете уже нет самой могучей и непобедимой Красной Армии. Что есть десятки тысяч убитых, миллионы пленных и пропавших без вести, сотни тысяч окруженцев, бросивших технику и потерявших всякую связь с командованием и страной. Что красные маршалы знают о положении на фронте не больше Марфы Рыгаловой, суетливо прозябающей в каком-нибудь Мало-Грязнухинском сельсовете. Кому знать, что танки со свастикой неожиданно и по-хозяйски вползают в притихшие городки, ещё не видевшие отступающих советских солдат.

В августе сводка Совинформбюро даёт первые ратные итоги. «За два месяца войны германская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше 2-х миллионов человек... Немцы потеряли около 8 тысяч танков, 10 тысяч орудий, свыше 7,2 тысяч самолётов... Немецкая пропаганда называет такие фантастические цифры наших потерь: 14 тысяч танков, 14 тысяч орудий, 11 тысяч самолётов, 5 миллионов солдат, из них более 1 миллиона пленных. Это такая глупая брехня, в которую, разумеется, ни один человек, имеющий голову на плечах, не поверит.

На самом деле мы имеем за истекший период следующие потери: 150 тысяч убитыми, 440 тысяч раненых, пропавших без вести 110 тысяч человек, всего 700 тысяч человек, 5,5 тысяч танков, 7,5 тысяч орудий, 4,5 тысяч самолетов... Потери нами ряда областей и городов являются серьёзными, но не имеющими решающего значения для дальнейшей борьбы с противником и полного его разгрома».[8]

Каббалистическую статистику Совинформбюро расшифровать невозможно. Всю войну и ежедневно наши потери были меньше немецких, а в итоге мы потеряли в четыре раза больше, чем Германия на всех фронтах. Наши прародители, имеющие головы на плечах, сомневались, но молчали. «Сталин говорил в докладе, — рассуждал вслух красноармеец Силкин среди соседей по палате пермского эвакогоспиталя № 2557, — что немцев уничтожено более пяти миллионов. Это в среднем по сорок тысяч в день. А почему Совинформбюро об этом молчит?»[9] Все и повсеместно знали, что Москва врёт напропалую, но понимали, что не всякую

зудящую истину можно доверить слову. Сомнение в правдивости печати и радио квалифицировалось как прямое антисоветское действие, за которое обычно давали червонец лагеря.

На полях брани мы явили миру уникальный образец военно-стратегической бездарности, всеми сторонами фронтовой практики утверждающий, что советская власть способна карать только собственный безоружный народ. Линия фронта удерживалась не оперативным талантом краскомов, а славянским патриотическим упрямством солдат. Где с матом, где со скрипом ненависти в зубах. Но честно и насмерть. Принцип российского офицера тоже выше идеологии. Если не способен защитить собственную честь, и Родине ты не защитник! Большевики проиграли войну сразу и с треском. Выиграла войну с жертвами непостижимыми Россия.

Советскую власть на фронте представлял легендарный комиссар, призванный пистолетом остановить лавину отступления. Институт фурмановых в армии восстановили с самого начала войны. «Военный комиссар, — читаем документ, утвержденный Верховным Советом СССР 16 июля 1941 года, — является нравственным руководителем своей части (соединения), первым защитником её материальных и духовных интересов». И как особа зело нравственная, «обязан своевременно сигнализировать Верховному Командованию и правительству о командирах и политработниках, недостойных звания, насаждая твёрдой рукой революционный порядок и воинскую дисциплину».[10] Следить за тем, чтобы командиры приказывали двигаться только вперёд.

Политкомиссары со своей задачей не справились. Во-первых, кому на передовой «стукач-защитник» нужен. Да много ли навоюешь с пистолетом, даже стреляя в своих. В принципе судьба-то не завидная. Если часто размахивать стволом перед носом отступающих, втихаря замочат свои. Попадёшь к немцам, ещё вероятнее шлёпнут, но прилюдно и назидательно. И тоже без малейшей жалости. Оставили только политруков.

Фурмановых списали в песенно-поэтическую историю Отечественной. Известный нам по гуманитарной дрессировке плакат, на котором комиссар с наганом в руке поднимает в атаку солдат, является вывернутой наизнанку истиной. Есть только внешнее сходство. Пуля в комиссарском стволе предназначалась отнюдь не фашисту, а пытающемуся косануть мимо героизма советскому солдату. Но чаще было по совести и естественнее. Политруки, набранные из рядовых партии, делили на равных с солдатами тяжбу окопную и риск сложить голову за Родину. Какая идеология, когда смерть рядом? Передовая либо выбрасывает из сердца грязь

жизни мирной, либо обращает в скотину с единственным принципом — самовыживания.

Через пару с небольшим месяцев по обожаемому крайними патриотами приказу Сталина от 12 сентября 1941 года были созданы заградотряды. «Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов... Подобные явления имеют место на всех фронтах...». В исправление массового негероизма приказано: «1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надёжных бойцов, численностью не более батальона. 2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твёрдой дисциплины в дивизиях, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия».[11]

Комиссаров убрали с топорным лицемерием. Армейские командиры, мол, осознали политическую важность момента и отныне способны самостоятельно принимать верные решения. Цепь энкаведешников с ППШ и пулемётами за спиной люда окопного оказалась много убедительнее слова и ствола комиссара-одиночки. Явного успеха на фронте замечено не было, но потери возросли. Наряду с убитыми противником стали отчитываться по расстрелянным дезертирам. Вглубь страны снежной порошей разлетались извещения, адресованные местным райисполкомам и военкоматам. «Лишите всех льгот и преимуществ семью бывшего красноармейца Попкова Андрея Власовича, проживающего в с. Реполово, как дезертировавшего на сторону врага». Подобные извещения шли на родину из частей по факту прямой измены.

«Военный трибунал 102 Укрепленного района сообщает, что бывший красноармеец Медведев Георгий Михайлович, призванный Вашим военкоматом, на основании приговора от 30 сентября 1942 года осуждён, а потому и семья его лишается всяких льгот и преимуществ согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года».[12] Бумаги такого смысла исполнялись по итогам «работы» комиссара или заградотрядов. В последнем случае тонкое определение «осуждён» было дважды лживым. Суда не было, солдат был не судим, а расстрелян.

Вернемся в просторы колхозные. И тут пришла пора чрезвычайных, а потому всегда оправдываемых, решений. Современная история не осуждает сталинизм за измывательство над народом во время войны. Если фронтовик, идущий в атаку под стволом в спину, есть герой, то почему бы ни обозвать подвигом принудиловку женщин, стариков и детей, что остались в деревенском ты-

лу. Приказали, значит так надо во имя победы. Пролетарское государство ошибаться не может. До сих пор вместо реальной истории тыловой деревенщины тотальная героика намерений и голая самоотверженность.

Изменялась политическая оценка военных итогов, со временем мы нашли чёрные дыры в своём легендарном прошлом, воздвигли на площадях монументы, составили реестры погибших и без вести пропавших. Замахиваемся, порой, на легендарное. Сделали почти всё. Осталось малое — собрать останки да похоронить. Но деревня времен Отечественной остаётся в памяти по-прежнему монолитно серой, без героев, жертв и подлецов.

В первом приближении к тыловому Агрогулагу прикинем, кто ушёл воевать за победу, а кому досталось на неё работать. За первый год войны из областей Большого Урала мобилизовали в действующую армию и на обслугу более 200 тысяч колхозников. С началом Отечественной произошла поразительная социальная метаморфоза деревенщины. Бесправная и хронически голодная часть населения Страны Советов неожиданно стала самой привлекательной категорией патриотов, наиболее подходящей для фарша войны. Из всех социальных групп, мобилизованных в РККА за четыре года, доля колхозников выше всех.

Значительная часть горожан ушла под бронь. Временную отсрочку от мобилизации получили работники совпартаппарата, управления, инженерно-технический состав и самые квалифицированные рабочие оборонных и крупных промышленных предприятий. Под бронь шла молодёжь, окончившая училища трудовых резервов и принятая в штат предприятий. На принципе трудовой мобилизации работали железнодорожники, связисты, специалисты транспорта, энергетики, служб городского жизнеобеспечения. Не призывались учёные и работники искусства.

Конечно же, патриотизм прекрасен относительно и в творческом исполнении. В жизни с этим чувством много сложнее. Далеко не каждый соотечественник способен на любовь к отчизне до самоотверженности. У некоторых патриотические волнения особенно тонки, а есть и абсолютно фригидные особи. Поэтому бронь, отсрочка от военной мобилизации, для государства была необходимостью, а для большинства граждан очень желаемой льготой, спасающей от почётной обязанности и подчёркивающей особый статус. Далеко не все рвались на фронт. Очень далеко. Вокруг этого послабления всю Отечественную шла активная подпольная возня, продиктованная абсолютно рациональным кредо — лучше быть героем в тылу, чем героем посмертно.

На условия мобилизации, помимо огромных потерь, сказывался и дефицит призывного возраста. Лихие военные годы отмечены демографическим провалом, порождённым прежней нашей дерзостью — первой германской, революцией, гражданской. Потом могильный провал тридцать мясных. Но для понимания принципа подушного распределения почётной патриотической обязанности надо соскочить со зримых количественных оценок на теорию относительности. Тут как у Альберта Эйнштейна, если будешь ускоренно суетиться, дольше других проживёшь.

Таблица бронирования устанавливала контингент лиц, временно освобождаемых от призыва в действующую армию и лимиты отсрочки для отдельных промышленных предприятий. В рамках установленного лимита руководство заводов и учреждений решало вопрос о персональном составе бронируемых. Важно, чтобы лица, получающие отсрочку, подпадали под одну из категорий таблицы. Не знаю, украсит ли историю войны этот факт, но нормы бронирования от призыва по всем предприятиям безукоризненно выполнялись. А планы мобилизации — не всегда. «Все организации района, которым предоставлено право бронирования рабочих и служащих, нормы бронирования использовали полностью».[13] Финальный аккорд отчёта Шалинского района по использованию мобресурсов можно считать классическим для всей тыловой Страны Советов.

Конечно, видимое предпочтение тылового героизма бросает тень на понятие советского патриотизма, но объяснимо с позиций общечеловеческих. Тонкий различительный нюанс между героем фронтовым и тыловым стал мощным фактором укрепления трудовой дисциплины и личного произвола начальства. Что там указ от 26-6-1940? Год-полтора принудиловки. Теперь стоило выразить малейшее несогласие, чтобы слететь с брони и попасть на передовую. Только приятель сказал что-то дерзкое парторгу, вспоминает Почетный шахтер Союза Семен Лаврентьевич Верховых, через день загремел на фронт. Навсегда. Святая кара призыва в действующую армию почти заменила действие указа в отношении лиц, годных к строевой. Типичными объектами его применения стали трудоубогое старье да фезеушники.

Колхозный мужик есть существо универсальное, это обстоятельство делает его заметным персонажем советской истории. Нам с похмелья всё равно, что мочить, что мочиться. Хоть в окопе сидеть, хоть спать на току. Но во всех своих хозяйственных функциях на селе он легко заменим колхозной бабой, что делает мужскую особь малоценным субъектом деревенского тыла. Поэто-

му под бронь он не попадал ни одним плечом. Годен и всегда обязан к самой острой форме патриотизма.

Цепь взаимозаменяющих факторов не замыкается и на бабе, при дефиците окопных патриотов соввласть прибегала к мобилизации женщин на бытовое обслуживание фронта. А колхоз провисал на плечах деревенских малолеток. «Имеем 24 колхоза, 2 совхоза, 2 МТС, — читаем предпосевной вопль из Нязепетровского района, — итоги первой половины 1942 года: забрано 396 лошадей, 10 тракторов, 22 автомашины. Призвано в армию 58 трактористов, 16 тракторных бригадиров, 2 старших механика, 20 из 24 председателей колхозов, 41 из 46 бригадиров. Из плана посева 22 тысячи центнеров семян не хватает 9 тысяч».[14]

Мобилизационные планы сельских районов Западной Сибири и Урала, а также статистика мобилизационных ресурсов по конскому и людскому поголовью, объективны и неисправимы как рентгеновские снимки покойного. Соврать трудно. «На спецучёте состоят 527 человек, из них строевых 130 человек, военнообязанных 99. Коммунистов на военном учёте 78, из них под бронью 64. Комсомольцев 12 человек, под бронью 12. Легковых автомашин 4, все четвёртой категории. Рабочих лошадей 572, годных для Красной Армии нет».[15]

Отчёт Висимского района ни содержанием, ни принципом не отличается от многих сотен документов мобилизационной статистики региона. Комментариев заслуживают лишь некоторые частные детали. В том, что значительная часть местной партийно-комсомольской номенклатуры косила от фронта под бронью, читателя надо убеждать. От той войны и доднесь он воспитан на трафарете — «коммунисты, вперёд!», на зрительном представлении мужественного большевика, идущего в атаку первым. Либо это чушь кинематографическая, либо реальный продукт тонкой изворотливости. Идущим на верную смерть во имя России можно накануне всучить партбилет и переписать их искреннее и высокое самопожертвование на дебет партийный.

На передовой основная задача номенклатурного большевика — выкурить солдат из окопов вперёд. Страхом выбить из них страх перед немцем. Подавить угрозой трибунала или немедленного расстрела. Исходя из этих карательных функций, строился призыв. Партийно-комсомольская мобилизация проводилась отдельно от общегражданской и основывалась на специальных постановлениях ЦК ВКП(б). В отличие от простых смертных призванные партией отправлялись не на фронт, а на курсы политработников РККА или в военно-политические училища. Такой зигзаг обеспе-

чивал большую выживаемость кадровых призывников. При хороших погонах воевать легче, и от фашиста подальше, и жалованье за патриотизм капает.

Но большевики опорного края державы были себе на уме и упрямо косили от почётной патриотической обязанности, закрывая собственным телом не ДОТы, а бронированные тыловые должности. На фронт можно было улететь за неусердие, скупость в лести да просто по дурному случаю. Бронь — временная отсрочка. «Немедленно высылайте удостоверения советских работников, состоящих на спецучёте, для оформления отсрочек».[16] Предупредительные телеграммы рассылались обкомами и облсоветами вслед за лимитами по брони. На местах бросали всю работу, чтобы скорее выправить спасительные документы.

Итак, ранняя весна 1942 года. Страна живёт в предельной мобилизации всего и со страхом ждёт тепла. Повсеместно ходят предательские слухи, что будущим летом Гитлер вытурит нас из Европы и, не дай Бог, доберётся до Урала. Людские потери почти не возместимы. Постановлением ГКО № 1229/сс от 1 февраля 1942 года разрешено формирование запасных частей стрелковых дивизий военнослужащими запаса в возрасте до 45 лет. Приказано «на укомплектование специалистов связи, ПВО, складов, хозбытового обслуживания тылов, гужтранспортных батальонов и прочих служб использовать военнообязанных до 50 лет». Одновременно категорическим образом запретили выводить из-под мобилизации призывников 1922, 1923 и 1924 годов рождения.[17]

Заглянем в мобилизационные документы. По Уральскому военному округу за счёт перетряски воинских частей и разбронирования старших возрастов планировалось высвободить к летнему наступлению более 30 тысяч солдат. Приказ ГКО уральцы перевыполнили. Но абсолютно провалили постановление ЦК ВКП(б) по партийной и комсомольской мобилизации.

В Свердловской области, держим в руках отчёт военного отдела обкома за первый квартал 1942 года, под различными предлогами улизнуло от мобилизации 500 кадровых коммунистов и более 2000 комсомольцев. План по комсомольскому призыву не выполнили и наполовину! Увернись от армии какой-нибудь деревенский парень, моментально под суд и срок. На этот счёт есть приказ Наркомюста от января 1941-го и статья 137 УК, дробь 7, приравнивающая косаря к дезертиру. А тут — ни гу-гу. Да дело в том, что Свердловская область перевыполнила план призыва, вместо 10 тысяч в шинели одели 12,5 тысячи земляков.[18]

Ежу понятно, лучше всего мобилизация прошла в сельской местности. Особенно по призыву старших возрастов запаса. В Красную Армию забрали бригадиров, конюхов, пастухов и прочих представителей мужского колхозного штата. Юркая номенклатурная братва вместо себя отправила под ружьё деревенских запасников-перестарков. По поголовью — точно раз в раз. Те же две с половиной тысячи душ. Только грязная документальная история войны знает, чего стоил спасительный тыловой патриотизм. Когда любовь к Родине холоднее страсти к себе, в призывники запишешь чёрта с нафаней. В реестры мобилизованных заносились хронически убогие, ранних и средних фаз дистрофики, лица, выбывшие из местности и уже призванные Богом.

Предприятия, жалуется Молотовскому обкому партии облвоенкомат, срывают планы призыва, в списки для мобилизации вписывают стариков за 60 лет и сидящих в тюрьме. Много не состоящих на учёте и, наоборот, на учёте состоят покойники или бегуны. Особенно трудно с операцией разбронирования. Под бронь уводят знакомых и нужных. При выборочной проверке 10 районов выявлено только за август сорок второго более 600 человек неправильно забронированных.[19]

Окончательное решение вопроса — кого гнать на передовую, а кому быть патриотом тыловым — находилось в исключительных полномочиях обкомов ВКП(б). Все военные годы им приходилось сдерживать яростный натиск желающих отработать в тылу долг перед Родиной. По плотности бумажного ветра просьбы о дополнительном бронировании не уступают сообщениям о голоде и недостатке дров. В лимит втискивались со всей данной создателем изворотливостью. Убёг фезеушник с предприятия — больше хорошо, чем плохо. Освободилось место под бронью. Гонит пацанёнок брак, снижай ему разрядность и отправляй на фронт. Призыву не подлежали заводские рабочие, имеющие разряд выше третьего. Место малолетнего бракодела под спасительной бронью можно запорожнить человеком нужным или близким.

Деревенские всегда хороши для фронта. Тут мимо лимитов. Временные патриотические льготы предоставлялись только агрокомиссарам, которые безжалостно погоняли детско-бабий колхоз. Собственно говоря, и ехали-то они в командировку из альтернативы фронту. Осень. Впереди голодно и холодно. Но душу греет бумажка, выданная под обещание успешного выполнения плана хлебозаготовок. Да вот она. «Дать указание Облвоенкомату о предоставлении отсрочки от призыва по мобилизации за счёт лимита персонального бронирования руководящих работников Областно-

го Комитета Партии».[20] Так что где-то до февраля-марта можно прокантоваться. А там уже снова думать надо.

Районным кадрам приходилось туже. Два тонких источника выживания заставляли пребывать в постоянной тревоге. По результатам проверок условий бронирования в сельских районах спасительным контингентом подмены для местных большевиков были выписавшиеся из госпиталей солдаты да освобождённые из заключения. Первых можно было пропустить через придирчивую медкомиссию и снова одеть в шинель, вторые валились как манна небесная. При удачном стечении обстоятельств кроме кадровых патриотов привычно уводились под бронь близкие родственники, водители персональных машин, председатели райпотребсоюзов и иная полезная публика. Но ничто не спасало от гнева областного начальства. Провалил план на колхозном фронте, быть тебе политруком на передовой.

На севере региона от службы косили экзотически. «Имеют место случаи призыва националов, не владеющих и плохо владеющих русским языком, — предупреждает тундру окружной Ханты-Мансийский военкомат, — ещё раз напоминаем: таковой контингент не призывать». Не топать же на передовую самому! Пришлось в 110-часовую программу всевобуча включать краткие курсы русского языка. Тем более, призывник стрелять уже умеет и в зиму не замёрзнет. Покажи ему немца, в глаз попадёт. Но абориген Севера далёк от идеологии и образования, живёт врождённой хитростью и весьма чувствителен к житейскому опыту. Ещё вчера он изысканно матерился по-русски, а сегодня даже на предложение выпить непонимающе трясёт головой.

С уходом на фронт мужика колхозная панорама изменилась мало. Разрушение деревенской семьи, начатое раскулачкой и индустриализацией, в годы войны приобрело необратимый характер. Раньше на возвращение мужа и отца, пусть чахоточного или убогого, можно было надеяться. Вербовка, всё-таки, не прямая путёвка на тот свет. Мужики, бывало, возвращались, чтобы остановить вдовьи страдания, отремонтировать избёнку, списать спасающий от голодухи кусок хлеба, завести скотину. Теперь они уходили навсегда. За первые полгода войны с фронта не вернулся никто. Ни раненых, ни сведений о погибших. Все утонуло в бездне небывалого в российской истории отступления.

Поразительно, но в первый год войны деревенская глубинка чаще узнавала о судьбе призванных не от государства, а по случаю. Иногда через письма сослуживцев, порой приходили печаль-

ные вести от фронтовых командиров. Много, но безнадёжно писали на военкоматы и в центральные военные органы.

«Убедительно прошу сообщить о судьбе моего сына....., призванного в Красную Армию 25 июня 1941 года. Последнее письмо получено 3 сентября 1941 года, адрес: полевая почта 1435». Водопад писем с запросами о судьбе мобилизованных родственников обрушился на столицу. Самый привычный ответ тех горьких месяцев: «Сообщаем, что сведений о нахождении ..... в настоящее время не имеется. В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится».[21]

Писем от фронтовых командиров боялись. В них таилась трагическая правда. Специально созданное «Центральное Бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии», рассылая извещения о своей полной некомпетентности, оставляло в сердцах надежду. Раз нет среди убитых и умерших, значит... Для миллионов моих соотечественников эта бумажка осталась единственным напоминанием о просто пропавших отцах и братьях. Те, о ком заботиться было некому, из памяти выветрились быстро. Прошли по призывным спискам и исчезли.

В этом нет никакой вины Бюро по учёту потерь. Там сидели нормальные люди. И работе такой не позавидуешь — отыскивать угольки памяти на пожарище мировой войны. Старались. «Прошу сообщить мне о судьбе моего сына, по письму сослуживца он погиб при бомбёжке эшелона....». Работники похоронного бюро, так ещё называли это учреждение, обращались в местный военкомат с просьбой выяснить источник информации, кто написал, из какой воинской части или госпиталя. Получив ответ, запрашивали первичный адресат. В случае подтверждения факта гибели по месту проживания разыскиваемого отправляли официальное извещение. Местным властям предписывалось выдать родным официальное извещение о гибели солдата.[22]

В большинстве случаев самые печальные вести приходили в семьи из указанного выше учреждения. Проследим, как добиралась беда до обычной деревенской глухомани. Итак, стёртые патриотическим гонором подробности тех лет. «НКО СССР. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии. Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии». Бумага с таким штампом, поступившая в адрес райисполкома была обязательным сопровождением горя. А конкретным примером так.

«Председателю Самаровского райсовета. При этом высылаем извещения Ф. 4 в количестве 21 шт. на военнослужащих, погиб-

ших в боях за Социалистическую Родину для вручения их семьям на предмет возбуждения ходатайства о назначении пенсий».[23] «Форма 4» и есть та самая известная похоронка, которая пришла, и не единожды, в каждый российский дом. Извещение о смерти красноармейца, по установленной приказом НКО СССР № 138-41 форме. Ф.4 в количестве 21 штуки означало, что в несколько десятков семей Самаровского района пришла беда. Нормальный человек связан родственно со многими. На селе родство устойчиво, особенно в крутые годы.

А теперь та самая Ф 4. Похоронка.

«Председателю ..... райисполкома..

Копия райвоенкому.

При этом сообщаем, что призванный Вашим райвоенкоматом красноармеец ..... погиб в боях за Социалистическую Родину «....» «.....» 194... года. Похоронен.....».

На основе формы 4 выписывалось и отправлялось извещение родственникам.

Бумаги сопровождения приходовали, а похоронки следовало немедленно отправлять почтой по адресам. Вспомним тут Гоголя. Какая почта при наших дорогах и властях? Да еще привычная безалаберность, помноженная на советскую глухолень. Похоронки, порой, расталкивали в отдаленные углы с оказией, через командированных, а то и просто передавали её по телефону.

Про «возбуждение ходатайства о пенсии» надо сказать особо. Если судить по совести и уму, то семья военнослужащего или вдова, получившие похоронку, должны взывать к Отечеству о помощи. Так оно вроде. Но весь предыдущий документальный материал доказывает, что моральные нормы никогда не определяли действий советской власти. Вспомним уникальное большевистское жлобство в дни мирные. Вспомним о мизерных пайках и пустопорожних трудоднях. Наше «героическое» крохоборство времён Отечественной можно оправдать (и оправдывается) патриотическими спекуляциями, хотя оно аморально до очевидности, до стыдливой рези в глазах.

В понимании естественности своего поступка многие овдовевшие и осиротевшие обращались в местные органы власти с просьбой о материальной помощи и начислении пенсии за погибших. Сотни тысяч пострадавших рванулись с рукописными мольбами вверх. Самые настырные ядовито напоминали про обещания уходящим на фронт. Родители и семьи, мол, будут сыты и одеты, сквозняку в ту сторону дуть не позволим.

О материальной помощи поговорим позднее, сейчас о пенсиях. Взыскующих остановили основным законом. Чего ж вы хотите, товарищи дорогие? По нашей Сталинской Конституции защита Отечества является почётной обязанностью каждого гражданина, а потому вполне самодостаточна. Ваш погиб, значит, выполнил долг до конца. Большое спасибо. Заинтересованные до злости могут прочитать постановление СНК СССР от 5 июля 1941 года за номером 1474. Там про живых и убиенных рассказано подробно.

Для ходатайства о пенсии горемыкам следовало предоставить в РИК более двадцати бумаг самого подколодного свойства. Человеку среднего морального телосложения сразу не разобраться. Начну с примера — ответа окрвоенкома Петрова на наглые притязания колхозницы Киселёвой Евдокии Матвеевны, проживающей в дыре Чембокчино Филинского сельсовета Самаровского района. Теперь это под боком самого процветающего города России — Ханты-Мансийска. Не всё же у нас плохо, раз в тыщу лет да повезёт! Был дырой на горе, стал горой на дыре.

«Ставлю Вас в известность, что Вам пенсия по линии НКО за погибшего сына Киселёва Александра Филимоновича не полагается и назначена не будет. У Вас кроме погибшего имеются в РККА ещё два сына Константин и Николай, оба они средние командиры, получают денежное содержание, а поэтому обязаны помогать Вам. Помимо этого у Вас есть три дочери, которые также должны материально помогать своей матери».[24]

Армейская норма: полковник всегда прав, если собеседник не генерал. В нашем случае это норма нравственная. Если толкаться в метрической системе большевизма. У бабы Дуси абсолютно непроходной вариант, пока всех сыновей не перестреляют, дорога в собес ей закрыта. По СНК СССР наличие кормильцев в семье погибшего исключало гособеспечение родителей. Да и сыновья мамашу подвели, не рядовые красноармейцы, а средние командиры. Как только солдат выбивался в командиры роты, домой уходила пугающая знакомых бумага.

«Председателю райисполкома. Копия: райвоенкому. Прошу прекратить выплату денежного пособия, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года, семье военнослужащего ..... Сообщаем, что тов. ..... утверждён в должности среднего комсостава, в связи с этим его семья право на получение пособия от государства теряет».

Подлость почти не бывает абсолютной. Всё относительно не только у физиков. Вот получи, упаси Бог, Евдокия Матвеевна похоронки на Николая и Константина, тогда бегом в собес. Как ма-

тери погибшего начсостава, не имеющей право на пенсию (из-за дочерей) и не получающей от государства решительно ничего, ей положено единовременное денежное пособие в размере месячного штатного оклада сыновей на последней должности. Около 400 рублей с каждого. По ценам зимней тундры 1941-1942 годов где-то четыре-пять пудов муки.

«На Ваш запрос сообщаем, что родственники младшего политрука Птицына Николая Александровича проживают в поселке Добрино Безьяновского с/совета. Мать — Птицына Ульяна Степановна трудоспособная, работает в колхозе, брат — 16 лет, призван в школу ФЗО. Погибший Птицын Н.А. до ухода в РККА учился, и родственники на его иждивении не находились, а поэтому на основании закона данной семье за погибшего пенсия не полагается».[25] Чтобы не жать слезу из обыденщины тех лет, беру письма безо всякого выбора из почты военного комиссара Ханты-Мансийского округа. Из того тихого угла урало-сибирского региона, который пережил лихие времена сравнительно лучше других мест. И потому, что щедрая сибирская природа рядом, и больше потому, что жадная Москва далеко.

Ульяне Степановне и тысячам ей подобных в пенсии отказали вполне справедливо. Очень молодым погиб ее единственный. Сразу после школы. Не успел ни семье помочь, ни детей завести. Таким по закону надлежало умирать за Родину бесплатно.

Теперь о полном реестре претензий государства к семьям погибших красноармейцев. Претендующим на пенсию надо было представить свидетельства о рождении всех членов семьи, чтобы в число убогих не прорвались дееспособные. Наличие хотя бы одного трудоспособного исключало государственную милость. Претензии родителей не совсем престарелых принимались вместе со справкой ВТЭК, удостоверяющей инвалидность и полную неспособность к колхозному труду. Можешь работать сторожем на току, тогда за сына только спасибо.

На оставшихся от погибшего сирот требовались справки о том, что они живут в семье и не находятся на гособеспечении. К последним относили ребятишек, призванных в школы и училища трудовых резервов, а также находящихся в детских домах и интернатах. И в дополнение ко всему испрашивалась бумага, всем авторитетом власти доказывающая, — члены семьи не имели самостоятельного дохода и были иждивенцами героя.

Симбиоз безжалостного крохоборства с бюрократическим равнодушием заставил претерпевших семейную трагедию месяцами мотаться по конторам и учреждениям, выправляя хитрые бу-

маги. Некоторые, разочаровавшись, бросали хлопоты и тихо голодовали, в душе проклиная Гитлера, Сталина, время окаянное и весь этот злой окружающий мир.

Первая военная уборочная пришла совершенно неожиданно. Обычная политическая шумиха, которая предшествовала каждой колхозной страде, на этот раз отсутствовала. Над полями висела зловещая тишина. Наддеревенскому начальству хватало дел более важных и чреватых осложнениями в биографию. Местные руководители, если не подгонять их страхом, быстро эволюционируют в нормальных людей. Мобилизацию на фронт сменила мобилизация трудовых резервов в училища и школы ФЗО, на этот раз дополнительная, объявленная в июле постановлениями обкомов партии. К ноябрю сорок первого директировалось призвать по региону более 30 тысяч подростков.

К самой страде подступила новая забота — с запада пошли эшелоны эвакуации. Сначала, как и водится у нас, спасали от немца оборудование заводов. Вопроса о нравственности такого шага в истории вообще не стоит. Воспитанные на фундаментальном принципе, что общенародная скотина важнее самого колхозника, до сих пор рассуждаем патриотически рационально. Всё тогда сделано героически и правильно. Были бы станки, а работники найдутся. Начни спасать народ, не победить фашиста.

Нравственно нас оправдала история. Но не в том грубом плане, что разум выше души. Нет и нет. Разум без души обращается в шкурный интерес индивида. Во-первых, никто не бежал со слезами за отступающей Красной Армией. Особенно в западных областях Союза. Там хорошо помнили события двухлетней и годовалой давности. Помнили уходящие вглубь России эшелоны заключённых и выселяемых. Многие из них, загляни в предыдущую главу, дохли в котлованах опорного края державы. Никто не забыл о варварской конфискации земли, традиционно пребывающей в частной собственности. По уму-то от немца следовало бежать. Но куда и зачем? За два года советская власть сделала всё возможное, чтобы обыденное недоверие к кацапам переросло в устойчивую ненависть к большевизму и России. Чтобы национальное освободительное движение в этих краях стало больше антисоветским, чем антифашистским.

У славянина не отнимешь тех отличительных черт, которые сторонят его от расчётливых европейцев и народов, живущих ценностями традиционного общества. Речь о милосердии и общительности. Уходящих из-под бойни подростков в форме РККА все искренне жалели, прятали раненых и потерявшихся. Всякий нор-

мальный человек не видел в них источника пережитого накануне зла, скорее воспринимал их жертвой схлестнувшихся в войне двух бесчеловечных режимов.

Сочувствовали и жалели. Но делить с отступающими советскую судьбу никто не хотел. Деревенские континентального Союза, уже десять лет проходившие в ярме, поголовно мечтали о выходе из колхоза. Что тут говорить о тех, для кого свободная жизнь была днём только вчерашним. С крестом встречали германских «освободителей» от колхоза. Скатывались на восток лица, добровольно связавшие судьбу с новой властью, либо принудительно эвакуируемые с заводами. Отбывали с надеждой вернуться. Оставшиеся тоже связывали надежды на освобождение с Россией. Оно пришло. Но вместе с советской властью.

Документы времен эвакуации, долго будучи секретными, хорошо сохранились, они тонко передают картину всей кампании. Разложим героическое на реально осязаемое. «Основная часть оборудования и материалов выгружена под открытым небом, навалом, некомплектно. Отдельные части агрегатов разбросаны по территории завода, где ржавеют и портятся от грязи и воды... Поступающее в течение двух месяцев оборудование не учитывается... Разгрузка производится вручную, что вызвало колоссальные простои вагонов, штрафы и задолживание рабочей силы. Последняя, вследствие неподготовленности и низкой квалификации, — частая причина ущерба выгружаемому оборудованию».

«С заводом прибыло 44 человека ИТР, 8 служащих, 10 человек охраны, 43 рабочих..., станков металлорежущих — 80, три дизеля, 2 автомашины с инструментом и оснасткой... Разместить в недостроенном здании музыкальной школы... Дефицит рабочих — 1014 человек. Недостающих обеспечить путем мобилизационного набора и краткосрочных курсов... Необходимо оказать заводу немедленную помощь в строительстве — 100 человек штукатуров, каменщиков, плотников, печников».[26]

«Прибывшее из Тулы оборудование на завод 54: принято 704 станка, на 9 ноября 1941 года установлено только 250 станков... Всего прибыло 1968 человек, из них работающих 765, в том числе рабочих 105, служащих и ИТР – 660 человек».[27]

Заглянув под стреху тылового героизма, познаешь разочарование. Картинки совершенно обыденные и во многом схожие, хотя взяты из разных углов Урала — Каменска-Уральского, Кургана и Златоуста. Бесхозяйственность, привычная в мирное время, здесь вполне оправдана оторопью первых месяцев войны. Из-под немца заводы вывозили наспех, под бомбежками фашистов и стволами

чекистов. Оборудование терялось вагонами. В объяснение некомплектности штата предприятий руководители указывали, что с угрозой сдачи города рабочие не выходят на смены, поэтому даже демонтаж и погрузка промоборудования проводилась силами лиц, привлеченных органами НКВД.

Рисковал народ. Напомню, нарушения трудовой дисциплины и всякие уклонения от принудиловки в областях, объявленных на военном положении, переходили под юрисдикцию военных трибуналов, не очень склонных к юридической дребедени. Для тирании всего опаснее бдительность раба, не забывшего в себе человека. Не приведи Бог, прикорнёт надзиратель, щёлкнет осечкой ствол карателя или ударится в общечеловеческие ценности деспот. Вывернут власть наизнанку. Приди тот же девяносто первый лет на сорок-тридцать раньше, глядишь, жили бы по уму, а не по лжи. А так — из одной грязи да в другую.

Неразбериха на местах дислокации предприятий тоже понятна. Плана эвакуации не было по соображениям идеологическим. Не собирались мы никуда отступать. Поэтому маршруты эвакуации менялись по дням. Прикидочно определенное место дислокации то оказывалось совершенно непригодным для размещения по техническим причинам, то в силу дефицита рабсилы. Чтобы не задерживать подвижной состав, станки и оборудование в пожарном порядке сгружались на временно высвободившихся станциях. Все старались забраться как можно южнее. Фабрикам легкой промышленности это часто удавалось. Оборонные предприятия по преимуществу оставляли на железнодорожных станциях опорного края державы.

Разводить пары дискуссий было некогда, администрациям городов дислокации выдали планы выпуска оборонной продукции на 4-й квартал 1941 года. Передача основных созидательных функций местным органам власти была мерой вынужденной, но верной. Она остановила взаимное переталкивание ответственности между наркоматами. К тому же отраслевые наркоматы поздней осенью сорок первого дали тягу из Москвы. Промежуточное звено управления выпало. Москва авторитетом и страхом первых лиц — Сталина, Берии, Маленкова — прямо выходила на обкомы и руководителей ведущих предприятий. И аргументами да расчётами не трясла. Раз нет производственных площадей в существующих предприятиях и учреждениях, размещай новый завод под открытым небом или в театре музыкальной комедии. Никакие возражения относительно сроков и плана не принимались, по местным

органам власти предоставили полномочия на самые чрезвычайные меры по мобилизации ресурсов и труда.

Масштабы и технология эвакуации, как и срочное формирование тылового оборонного комплекса СССР, есть особый и весьма интересный фрагмент советской истории. Вряд ли долго проживет нас возвышающее, абстрактно мажорное либретто той драмы, которая разворачивалась на станциях Урала и Сибири холодной осенью сорок первого. И здесь впереди у заинтересованного интригующая тьма низких истин и подлинного героизма. Нас эвакуация интересует в той мере, насколько она связана с историей Агрогулага.

По всем директивам, регулирующим эвакуацию, следовало вместе с оборудованием отправлять на восток основной штат предприятия. Разумеется, нормальный человек, призванный на срочный переезд в тыл с родным заводом, не оставит под оккупантов ещё более родную семью. Брать разрешили только самых-самых. А нормальный руководитель выберет в дорогу скорее инженера, чем сантехника. ДИПы — в вагон, а слесарю Ивану — всего хорошего! Поэтому в эшелонах, пробирающихся вглубь страны, сидел не в стельку свой пролетарий, а народ весьма пестрый. В структуре прибывших на Урал рабочие производственного штата занимали менее трети.

Указанное обстоятельство прямо связано с Агрогулагом. Недостаток черновой рабочей силы обязывал деревенское детство и отрочество к тройной патриотической обязанности — трудиться на огороде, чтобы не умереть с голоду самому, вкалывать в колхозе, чтобы жила страна родная, и трубянить на заводах во имя Победы. Два первых удовольствия — достояние мирных лет, последнее — патриотизм в рафинированном виде. Летняя мобилизация в трудовые резервы сделала из сельских пацанов героев тыла. Детальное изложение этой страницы впереди. А легендарная ремеслуха с первых месяцев принудиловки запела свою редакцию известной песни про двадцать второе июня:

Папка воюет на фронте,
Детки ишачат в тылу...

Помимо прямой мобилизации детства, эвакуация заводов пала второй, серой тенью на деревенщину Урала и Западной Сибири. Для местного руководства прибытие эшелонов из N-ска с оборудованием какого-нибудь секретного завода было неожиданным до получения директивы от, к примеру, Лаврентия Берия с категорическим заданием — выдать до конца 1941 года 120 тысяч танковых мин, а за первый квартал 1942 — уже 300 тысяч мин. Надо

разгрузить, надо разместить, надо установить и запустить... На фоне этих проблем, грозящих при невыполнении коротким трибуналом, желудочные позывы эвакуированного персонала и его семей казались мелочными. Но они были.

До самого начала войны хлеб из региона пёрли по нарядам на запад. Даже трудно сказать это без стыда, Гитлеру. В главных папках уральских зернотрестов лежали наряды на отгрузку в Германию зерна урожая сорок первого. Для прибывающего с запада населения, само собой, сразу фондов не наберёшься. Пытались урезонить оголодавших денежным пособием, выдачей зарплаты. Ничего не получилось, в магазинах — шаром покати. Вместо помощи в строительстве и монтаже оборудования, жалуются в обкомы и облсоветы руководители объектов, рабочие и ИТР, не поставленные на продовольственное снабжение, снимаются с места и исчезают в неизвестном направлении.

Голодный соотечественник радикален в решениях и движениях. Порой даже в ущерб Родине. Вот соотечественник, сидящий на гарантированном пайке, спокоен и рассудителен, потому обязательно найдет золотое решение. Отощавшим пришлым дали по колхозу-шефу, циркулярно обязав деревенских к хлебосольству. Огрызающихся коммунаров в мирное-то время не слушали, а тут и подавно. В качестве меры компенсирующей временно свободных членов заводского персонала и относительно трудоспособных иждивенцев мобилизовали на уборочную.

Долго на отшибе стояли эвакуированные из столичных оборонных заводов. Элита советского пролетариата, сидящая на всевозможных льготах и дважды закрытых формах снабжения. Гонор часто вредит брюху. Скоро это поняли все. «В связи с резким недостатком продуктов питания, — жалуются руководители авиазаводов № 444 и 132, — рыночные цены подскочили до невероятных размеров». До войны предприятия находились в Москве и снабжались централизованно по первой категории. В уральский городишко Сим, где сыто не жили со времён царя Гороха, они прибыли с нормами победившего коммунизма. В осень все 11 тысяч рабочих голодали наравне с простыми смертными. Итак, авиазавод № 132 и декабрь сорок первого. Кроме стандартных хлебных пайков, получено за месяц 800 килограммов местного карася, 4 тонны масла и 100 кг икры. «Недопоставлено» в сравнении с московской житухой: мяса — 7,8 тонны, колбасы — 14,2 тонны, сахара — 5,5 тонны, сыра — 700 кг, макарон — 5 тонн. Ну и всякие мелкие деликатесы.[28]

Москвич порой заносчив, но не до скандальности. Привыкли и наши авиастроители. Отголодовали своё, вкалывая до обмороков во имя общей победы. Прижмёт жизнь, сменишь столичный гонор на провинциальную российскую суету, а патриотизм высокой фразы — на крайне необходимое дело.

После мобилизации в армию, ремеслуху, промышленные предприятия на деревне стало совсем тихо. Состав колхозов — бабы, дети и старики — аксиоматически гарантировал многолетний трудовой героизм. На оставшуюся от мобилизации технику вместо парней надо было кого-то садить. Подростки исключались сразу, так как они подлежали призыву в систему трудовых резервов. Единственным универсальным деревенским кадром оставались женщины. Им и предстояло оживить то железо, которое отбраковали при мобилизации техники в действующую армию.

Стремление пересадить женщин с кухни за рычаги пришло ещё в середине тридцатых. Перед войной делу придали плановую дисциплину. На девушек, окончивших курсы механизаторов, завели персональный учёт, по их трудоустройству отчитывались партийные органы. К весне 1940 года в Челябинской области, к примеру, числилось 6300 женщин-трактористок, за мирные пять месяцев следующего подготовили еще 912. Но фактически на тракторе не работало и половины того. По решению обкома при МТС и совхозах создали постоянные группы трактористок, в которые с началом войны в обязательном порядке призвали всех, ранее окончивших курсы. Дезертирок решили заново аттестовать и строго предупредили об ответственности.[29]

По этой же технологии работали соседние области. Её основы изложены в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 марта 1940 года «О закреплении женщин-трактористок». Суть документа немного не совпадает с определением. Лучше и откровеннее бы сказать «о закрепощении». Директива молодого Молотовского обкома прямолинейнее: составить списки для принудительного обучения, мобилизовать, не выпустить из вида ни одной девчонки, начиная отсчёт с 1926 года рождения.

У девахи в пятнадцать лет поступками руководит не лоб, а лобок. От колёсника они скучали. В качестве причин массового бегства женщин из МТС и совхозов названы замужество и низкое качество тракторов. В самом деле, от работы на тракторе лытали даже мужики. Внешняя плакатная привлекательность этой профессии осталась для красиво написанной истории и хорошо поставленного кино. Обмануть романтикой легко не прожившего в тракторной бригаде и дня. Остальных — никак нет.

Мы пишем не басню, а историю сталинского колхозника. В которой надо верить лишь документам очень секретным. «МТС не считают трактористов и комбайнеров своими постоянными кадрами, а считают только сезонными... Колхозы, в свою очередь, также не считают их постоянными членами колхоза. В результате этого трактористы в зимнее время ищут себе работу на стороне. Поэтому в МТС страшная текучесть кадров и непрофессионализм. Каждый год учим новых механизаторов и только на один год. Как весна, собираем по деревне умеющих сидеть за трактором. Сплошь да рядом нарушения Указа Верхсовета от 26 июня 1940 года... Девушки бегут от приставаний трактористов и бригадиров».[30]

Практика использования колхозников в МТС действительно была изощренной. С весны трактористов призывали и отправляли в тракторные бригады, где они безвылазно работали до поздней осени. Как только землю прихватывало морозом, взмёт зяби прекращали. Тракторы бросали до весны на полевом стане или в степи, а работников отпускали по домам. Получали механизаторы с выработки, поэтому за зимний период никаких начислений не было. Держать их в штате МТС пять-шесть месяцев безработными запрещалось.

Ссаженного с трактора колхозника не брали и в колхоз, там основные работы летом. Постоянно пребывая в тракторной бригаде, ничего не сделаешь в личном хозяйстве, тем самым ставишь собственное брюхо в зависимость от капризов начальства МТС. Помыкавшись разок, наш тракторист забывал всю технику и следующей весной решительно выставлял за дверь вербовщиков. Те каждый раз искали простаков заново.

Мужик плох лишь временами. Подготовленных в пожарном порядке девчонок достали не чумазые ухажёры, а родной трактор. Работать им пришлось на технике, отбракованной при мобилизации на фронт. Функциональная простота ХТЗ или «Универсала» обманчива. Характерец у них как у племенного быка в охоте. Они привередливы и непредсказуемы. Частые поломки двигателя, расплавка подшипников и, наконец, перерасход топлива — эти классические достоинства отечественной техники превратили жизнь девах в многолетнее мучение, прозванное трудовым подвигом.

Вывернуться бабе от повседневного героизма не давал указ от 26 июня 1940 года и утяжеляющие его директивы военных лет. Призрачную надежду оставляло замужество. Хоть за чёрта себя отдать, но жить домом. Хоть от козла лысого родить, но вон из бригады. Позднее, в разгар голода, антиобщественные, но естественные позывы женщин обратились в стимул. Трактористок в

бригаде кормили лучше, чем остальную публику. Тщательно закрытый бригадный котел оставлял заработок для спасения семьи. В голодуху бежать с трактора — не резон.

С туземным вариантом военного матриархата познакомимся по стенограмме заседания Ямало-Ненецкого окрсовета. Дело было вскоре после начала войны. Выразив единодушие со всем советским народом, депутаты констатировали, что в колхозах Ямала пьянство приобрело неимоверные размеры, из-за чего мужик потерял всякую хозяйственную ценность. За рыбаком и охотником не усмотришь, когда он нажрётся. Было решено выращивать кадры промысловиков из местных женщин.

«В южных районах страны, — сказал инициатор почина, — женщины заняты полностью. У нас всё наоборот, — не работают... Вся культурная работа с национальным населением должна иметь итог — высвобождение женщины для общественно-полезного труда». Депутаты с песков развили мысль в сторону экономическую, на лове женщина работает лучше мужика, а получает меньше. Кроме того, ей не надо ни бродней, ни спецовки. Она выносливее от природы. Мы ещё загляпем в женские рыболовные бригады.

Первые дни уборочной показали, что страна может остаться без хлеба. В западных районах страны, которые больше кормили, чем ели сами, урожай достался немцу. Тыловые регионы, оставшись без техники и самых работоспособных колхозников, не могли справиться с площадями. В предвоенные годы колхозы Большого Урала через раз оставляли часть хлеба под снег. Именно эти неубранные полосы становились по весне предметом особого интереса голодающих, как и причиной массовых заболеваний колхозным диатезом. Ситуация требовала мер чрезвычайных.

Принятое 25 сентября 1941 года постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении трудовой повинности запоздало, потому было крутым в обязательной и карательной частях. Тёплая пора осени отлетела, а хлеба сиротливо мокли на полях многих областей Союза. Суть документа утилитарна — к чёрту идеологию и прежние грёзы механизации, немедленно убирать всеми доступными и недоступными средствами. Во имя чего, во-первых, поголовно вытурить на поля деревенский и городской сухостой, включая номенклатуру и школьников, во-вторых, использовать простейшие крестьянские орудия — литовки, грабли, серпы.

К чести местных большевиков добавлю, призыв горожан на уборку они начали еще в августе, выдав разнарядки самым сонливым учреждениям. Но местные бумаги пугали мало. Дело заволокитилось перепиской, а о серпах власти даже боялись думать.

Хоть и красуется этот допотопный инструмент на гербе Союза, практическое его применение считалось анахронизмом, граничащим с издевательством над советским строем.

В мобилизации всех и вся на сельскохозяйственные работы сказался приступ всеобщей очумелости, характерный для военной ситуации ранней осенью сорок первого. С определением числа горожан и сельских интеллигентов, пригодных к деревенскому труду, особых проблем не возникло. Математика на уровне четвёртого класса. Взрослое население минус контингент мобилизованных на промышленные предприятия и в армию — получаем искомое. Скорректируем итог на болезных и пониженную дееспособность суррогата. По областям когда-то Большого Урала вышло около четырёхсот тысяч душ. Исключая тех, кого можно скинуть в деревню безо всяких аргументов.

Трудразвёрстку нормативно подпёрли постановлениями ЦК ВКП(б), СНК СССР, Прокуратуры СССР, Верховного Суда СССР, сквозными директивами всех местных органов управления, способными обязать и напугать. Народ забегал. С первых же дней кампании параметры развёрстки стали неоднократно корректировать завышением, чему виной и объективные трудности, свойственные движению от теории к практике, и национальные особенности этого движения. Не любит мой соотечественник жить на свету и виду, глуше угол — дольше протянешь.

Самым непривычным в кампании был сам факт направления людей в деревню. Предшествующие десять лет трудоспособных тянули из деревни за волосы: садили, ссылали, вербовали. На село отправляли лишь агрокомиссаров, призванных всколыхивать массы на выполнение планов. При интенсивной перековке по месту свершений мужика вполне возможно приучить к труду горняцкому или заводскому. Да и лесозаготовки не совсем чужды крестьянскому быту. Рыбозаготовки, вспомним главу про переселенцев, отдалённее от труда крестьянского, но в общечеловеческую натуру тоже вписываемы. Сунь сиволапого в лодку и оттолкни от берега. Не нравится тонуть — будет рыбаком-энтузиастом. Ну а к труду деревенскому приучить — дважды два. Почти каждый из нас три колена назад пас коров, а четыре — ходил в крепостных.

Под трудмобилизацию в тыловую деревню попал кадр исключительно маломощный. Даже в сравнении с бабьим колхозным штатом. То, что оказалось никуда не пригодным. В наряды, рассылаемые по городским предприятиям и коммунальным службам, включили домохозяек, младшую конторскую братию, работников образования, культуры, здравоохранения, студентов. С той же осе-

ни началось умиляющее наши души самоотверженное и героическое военное детство.

Общая схема мобилизации полуколхозников совершенствовалась в течение последующих пятидесяти лет, со временем втянув в картовно-овощной оборот даже интеллектуальную и творческую элиту Союза. В сентябре миллионы тонн копаем, в марте — те же миллионы тонн гнили выбрасываем. Как и всякий процесс социалистического строительства, она замечательна не конечным общественным итогом, а текущей наружной суетой, но в качестве устойчивого, лучше сказать — хронического, явления заслуживает особого исторического анализа. Трудовая мобилизация сорок первого нас интересует как начало того периода, который во мнении народа остаётся, безусловно, героическим. И с точки зрения общенациональной, и в оценке достоинств индивидуальных. Не дотянул до Победы — непременно герой. Удалось выжить, тут надо ещё смотреть да смотреть.

Про фронт сорок первого знают многие, а про страду того же года — никто, ошибочно полагая, что уж дома-то всё было безусловно героическим. Нет, в областях Большого Урала она прошла худо и невыгодно отличалась от предыдущих. Могла быть хуже, полагайся власти, в манеру историкам-богомазам, на благие патриотические порывы. Мой современник ленив и в принципе, и конкретно, но благодарно исключает такой порок у военного поколения. Той осенью народ не повалил из городских контор в остывшие колхозные поля. Сначала документы зафиксировали выжидательную тишину, потом интенсификацию бюрократической суеты с убедительными доводами, статистическими выкладками в пользу недосягаемости, а позднее и робкие предложения альтернативных вариантов патриотизма.

В городе семь нарсудов, искательно резонировали челябинские правозащитники, пять постоянно действующих трибуналов, несколько выездных сессий Верховных судов и трибуналов округа, а в юридической консультации всего 15 юристов... Связистов брать нельзя, время, сами понимаете, такое... Финработники пригрозили срывом планов мобилизации средств... Взывали даже просвещенцы, у которых одни гражданские обязанности. Просьбы о брони не украшают реальной истории, но они были. Многие тысячи, если полистать материалы уральских архивов. Бумаги хорошо аргументированные, из них, а не из кремлёвских деклараций приходит уверенность, что Гитлер напал на Страну Советов не вовремя. Тоску прикрыли обещанием срока руководителям учреждений, не выполнивших плана выброски рабсилы.

Труднее обстояло с неорганизованной публикой. Сначала мобилизованным разослали повестки. «На основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О введении трудовой повинности среди населения» Вы обязаны явиться в горисполком 30 сентября 1941 года для отправки Вас на уборочную. За неявку будете привлечены к уголовной ответственности».[31] Вроде бы правильный ход дела натолкнулся на изворотливость домохозяек: то дома нет никого, то повестки совсем не получали. И здесь у власти хватило сообразительности. По ранее созданным избирательным участкам назначили председателей уличных комитетов, коим и ввернули в обязанность оповестить рассеянных. Под уголовную, понятно, ответственность предулкомов.

Успех дела определялся не только формированием контингента. Трудповинных надо было доставить к месту работы. Большая часть транспорта попала под срочную мобилизацию для фронта. Поэтому оставленные в учреждениях автомашины поставили на строгий учёт и разработали график перевозки. Выполнение — под столь привычную угрозу тюрьмы. Руководители снова заартачились. Тюрьма хоть и не фронт, да и радости мало. В графики вписали всю статистическую рухлядь, лежащую на задворках ржавым железом, но висевшую на балансе предприятий.

Мы долго запрягаем, потому что шьём шубу, когда пора ехать. Тогда затеяли срочный ремонт транспорта из подножных материалов. Начальство и механики судорожно крестились, вытолкав полуторку за ворота. С этого момента нимб уголовной ответственности висел уже над черепом шофёра. А милицию заставили немедленно, без объяснений, отбирать в городе любые способные к передвижению автомашины, гужевой транспорт и направлять их на вывозку трудмобилизованных.

В казус попали с легковушками. Действительно, не из-под каждой задницы вынешь авто, даже во имя высоких патриотических намерений. Легковушки обязательно забирались для фронта. Обслуживающий партсоветскую номенклатуру автотранспорт выводили из-под мобилизации простенькой операцией — переводом его в четвёртую категорию. По этой графе учитывалась авторухлядь, совершенно непригодная для генералов. Дабы не вводить в смущение милиционеров, на персональные авто дали внятные спецномера, и служители порядка хорошо усвоили, где надо брать за загривок, а где под козырёк.

В октябре месяце вместо трудового подвига случилась каинтель. Неделю провозились с выявлением повинного контингента, другую убили на оповещение. Авралом, сразу после бумаги ЦК, в

Челябинской области выгнали на деревню 10 тысяч человек, в Свердловской немногим больше. Кое-где агропризывников отправили на деревню самоходом. «На 3-10-1941, — по отчету Челябобкома, — надо отправить 96 тысяч, выявлено к посылке 73 тысячи, послано 57 тысяч». Областные инстанции власти искрились телеграммами высоковольтного гнева. «Задание обкома партии — послать на уборку 5 тысяч человек. Послано только 4 тысячи. Немедленно организуйте посылку. Телеграфируйте выполнение 3 октября 1941 года».[32] Механизм административно-принудительного патриотизма наконец-то заработал.

К первому снежку областные и районные органы отчитались в выполнении плана трудповинности. То была туфта несусветная. Вытолкнуть на село директируемые тысячи действительно удалось, где кнутом, где ласковым обманом. Но эти черти несознательные гуртами побежали обратно! Остановить их не было никакой возможности. Колхозному фронту второй мировой заградотрядов не полагалось. На деревенской околице не установишь пулемет, или роту НКВД с ППШа. Не потому, что это смешно, просто нерентабельно. На немцев не останется.

Пошли дорогой избитой, но верной. В середине ноября специальным постановлением ЦК ВКП(б) реанимировали политотделы при МТС. Идеологические аргументы приводить не буду. Зачем начальник на деревне? К двадцатым числам ноября эмтэсовские политруки, эти буревестники очередной голодухи, плотными тёмными стаями показались на небосклоне всех не оккупированных деревень Союза. Махнём и мы туда же, чтобы понять, почём фунт трудового колхозного героизма.

Городские призывники знали о деревенской жизни немногое. Агрогулаг был закрыт от любознательных режимом пролетарской бдительности. В исполнении книжного соцреализма он выглядел иконой. Колхознику всё по х.., философ скажет лучше — адекватно. Десятилетие перековки сделало его существом беспощадным к себе и миру окружающему. У свежего человека первые шаги по столбовому пути вызывали бурю отрицательных эмоций — от крика изумления до немого ужаса. «Лошади едят зерно, но никто их не отгоняет... Засеяли озимые вручную — 12 га, они стояли три дня не заборонёнными, птицы всё съели. Из имеющихся в колхозе 42 лошадей 30 голов пало, а остальные истощены до бесконечности. Виноватых нигде нет. Машинисты уборочных машин и самосбросов косят не точёными ножами, не косят, а гладят... Колхозники приходят на работу в 9-10 часов, а в 3-4 часа уходят

домой... Хлеб на элеватор не вывозят. Пшеницу и овёс косят на сено, а скирдовать и собирать накошенное никто не озаботится».[33]

Ну нормально же всё! Нет, мобилизованный из курганского «Текстильторга» Базыкин направил свои скабрезные соображения в Белозерский райком ВКП(б). Ждал. Местные большевики прочитали бумагу с сочувствием, что взять с человека интеллигентного и, естественно, очень впечатлительного. Удивил Марью матом! Начитались в своих городах Шолохова, а настоящей сельской жизни не нюхали.

«В колхозе господствует полная анархия. Нет совершенно никакой трудовой дисциплины. В колхозе насчитывается 91 рабочий, из этого количества выходят на работу 12-15 человек. Колхозники работают не сдельно, поэтому к работе приступают, как правило, с 12 часов и заканчивают в 3-4 часа дня... Посевы озимой ржи производятся с сознательным вредительством, а именно: посев по совершенно плохо обработанной земле. Не только трава, но и бурьян выше роста человека. Бригадир тракторной бригады Макаров пьянствует, бригадой не руководит, тракторы довёл до последней степени. Сломался трактор, вместо ремонта он запряг свою лошадь и уехал с председателем колхоза в Курган, откуда приехали бессознательно пьяные...»[34]

Не патриотическое это дело — писать нагую правду. Чувство национальной гордости вздымает грудь, если молиться иконописи военных лет, сляпанной из газетных передовиц, тщательно вылизанных сводок Совинформбюро да отечественных киношлягеров. На герое герой. Низовая документальная лирика вызывает чувства рвотные. Этюды, данные выше, тиражированы в тысячах деревенских документов. От года тридцатого до конца века ушедшего. Различия лишь во внешних частностях хозяйственного абсурда. Суть же едина — колхоз он и в Отечественную колхоз.

Трудповинных встретили на селе с настроением, которое сопутствует появлению лишнего рта за голодным столом. Той осенью столичную партсоветскую бюрократию волновали вопросы более злободневные: набегающий немец и как удачнее эвакуироваться из прифронтовой Москвы. Детали трудмобилизации не прописали, скинув их на сообразительность тыловых органов. На местах решили — квалифицированным трудповинным выплачивать ползарплаты по основной работе, а кормить за счёт колхозов. Малоценный ресурс оставили без денежного довольствия.

Приписные патриоты сразу вмёрзли в голодное пространство. Половина в деревенском, другая — в городском. И между ними тоже. Пайков и прогонных трудповинным не полагалось. На стан-

циях, звучит минором во всех отчётах, сидят сотни мобилизованных без хлеба и денег. Возвращаться домой боятся, а в колхоз добраться нельзя. Коммунары категорически отказывались от услуг городских, мотивируя это тем, что сами справятся.

«Многие секретари РК и председатели райисполкомов — наехали на местное начальство обкомы, — не поняли политического значения проводимых мероприятий по мобилизации рабочей силы из городов на уборку урожая... Часто предприятия отказываются от рабсилы по причине отсутствия работы, либо продуктов питания».[35] Политически слепым у нас быть хуже, чем просто слепым. На местах прозрели и растолкали приезжающих по ближайшим хозяйствам. Проку мало, а резон есть. Толпы дармовых работников сделали историю пригородных хозяйств более живой, нежели сонная эволюция периферийных артелей. Во времена классически бедного колхоза они нещадно объедали коммунаров, в застой орды городских студентов и интеллигентов развратили аборигенов до патологической лени.

Колхозника сталинского понять можно. Живёт он за счёт собственного огорода и того, что украдёт. Приезжие в воровстве обычно неопытны, а потому обречены быть жертвой артельного общепита. А кормовой расклад тут известный. Колхозник получает харч авансом, а точнее — под выработанные трудодни. Общесоюзная норма тех лет: нет минимума, — сходи покури, пока остальные едят. У мобилизованного кредитной основы и вовсе нет. Потенциально он может сожрать больше, чем заработает, следовательно, требует бдительного содержания.

«Исполнилось три месяца пребывания в колхозе «Красный Октябрь» Курганского района, мы до сего числа не получаем ни денег в музфабрике, ни хлеба в колхозе. У нас семьи в Кургане, им тоже нечем питаться». Чем и как балалаечники жили? В данном случае воровали колхозную картошку. В городе нет колхозных огородов, оставшиеся семьи кормились, чем Бог подаст.

Резервистов колхозного фронта везде называли городскими дармоедами. Озлобленность коммунаров имела чисто гастрономические основания. Теперь из тех 10% намолоченного, которые давались к авансированию, следовало кормить принудительных помощников. На них никаких заготовительных льгот не проливалось. Иначе это был бы не героизм. Сердились колхозники и думая вдаль. А ну как по осени трудповинные уберут весь хлеб. Что тогда делать весной? Вся уральская деревня привыкла к колхозному биологическому циклу — оставлять часть хлеба под снег, чтобы весной ходить по колоски.

Перед некоторыми прибывшими на село помощниками вставала картина привычно мирная. «Всё руководство колхоза в тот день пьянствовало, а колхозников отпустили по ягоды и грибы». Вдобавок ко всему, обозвали призывников городскими дармоедами. Ситуация в принципе обычная, жаловаться на менталитет надо не в обком партии, а всевышнему. Так — вроде человек как человек, а подопьёт — скотина! И то надо понять, выпивали мужики не от веселья, а пьянка с горя у нас морально неподсудна. Доброта — удел переживших лихое и многое. Косились деревенские земляки на городских, однако, понимая безвинность и безысходность незваных гостей, делились последним куском.

Перед войной газетно утверждалось: пусть советские люди не беспокоятся — хлеба запасено на всякий критический излом событий. Говорили почти правду. Стратегические мобилизационные запасы Красной Армии по хлебу, свидетельствуют военные историки, были спланированы на целых три месяца войны. На предельный срок разгрома любого противника, предусмотренный советской моделью блицкрига. Врага будем бить на его территории, там, если надо, подкормимся.

Судьба повернулась к нам спиной. При отступлении значительная часть боеприпасов, материальных ценностей и продовольственных запасов РККА, дислоцированных на складах фронтов и армий, попала к немцам. Разумеется, что-то успели уничтожить или вывезти. Но к осени сорок первого проблема голода действующей армии обозначилась до очевидности. Непобедимая и легендарная голодала в ста километрах от собственной столицы. Урожай этого года валили серпами красноармейки и вдовы, мёрзли на картошке дети и старики. Не было столь привычных для второй половины войны американских консервов.

Есть душевная боль, пресекающая всякие посягательства рассудка. Оглушающая боль, переходящая в чувство жалости и жгучего внутреннего стыда. Свое ничтожество познаешь у свежей могилы родителей. Эта боль и есть, по-моему, первый приступ патриотизма, если смотришь в прошлое собственной страны. Жаль каждого из миллионов погибших в Великую Отечественную, и стыдно оттого, что наши никогда не евшие досыта защитники-мальчишки, России верные сыны, и погибали голодными. Гордиться ими надо. Но до высоких и громких слов подави в себе сначала изжогу национального стыда.

В октябре Наркомат обороны СССР провёл ревизию тылового хозяйства Калининского, Западного фронтов и нашел повальные нарушения дисциплины снабжения. Приказом по итогам

проверки были введены новые лимиты расхода боеприпасов и продуктов питания, основанные на строжайшей экономии всего. Несколько прижали военную номенклатуру. Нормы запасов продовольствия на армейских складах снизили до 5 сутодач. Сие значило одно, впредь армии жили на пятидневном кормовом пайке. Любая задержка — сразу голодуха. Под зиму в тыловые госпитали Урала и Приобья помимо раненых и больных со всех фронтов Подмосковья пошли солдаты-дистрофики.

Для отощавших и не сделавших пока ничего для победы, установили самый суровый режим пребывания. Они жили под подозрением, что голодом косят от фронта. Ешь, набирай телеса и больше ни-ни! Раиболыным запрещались симпатии к медперсоналу, дистрофикам и смотреть в ту сторону считалось противоестественным. Попавшим в госпиталь по увечью прощалось кое-что из нарушений режима, дистрофикам — ничего. Наряды на продукты недостаточные и плохо отовариваются, жалуется Камышловский эвакогоспиталь, у 500 прибывших с Калининского фронта дистрофиков нет никакой перспективы поправиться.[36]

Успешную оборону Москвы партийные историки поставили в заслугу Сталину, военные — Георгию Жукову, чекисты, разумеется, — легендарному разведчику Рихарду Зорге. Как человеку материалистических убеждений и познавшему голодуху с рецессией в колхозный диатез, мне кажутся убедительнее аргументы иные. В бой за Москву пошли сибирские дивизии резерва, относительно сытые и одетые. Дистрофику не ППШа, ствол САУ наведи меж лопаток, всё равно не вылезет из окопа.

Хозяйственный год деревня закончила труднее обычного. Часть хлеба всё же ушла под снег. Виной тому не только ранняя зима, но и патриархальная технология уборки. В большинстве колхозов урало-сибирской зоны вообще бросили надежды на МТС и технику. После мобилизации там остались преимущественно колесные тракторы — «Универсалы», по причине малой тяги они были рассчитаны только на пахоту. До производства самоходок, в середине пятидесятых, уборка хлеба велась агрегатом гусеничного трактора и комбайна. Веселая подбиралась бригада: чумазый тракторист, пузырь-комбайнер, чумазый тоже штурвальный и мохнатый от пыли подсобник на соломокопнителе. Знаю сам, не скучно было, что-нибудь да сломается!

Без трактора комбайн совершенно недвижим и может работать как стационарная молотилка. Может? Так и быть по сему. Технологию развернули вспять. Первым делом обязали заводы наладить производство кос и серпов. Области в пожарном порядке

требовали их десятками тысяч штук. Обстановка сложилась как на фронте, в бой за хлеб отправили без оружия. Пока обязали, пока спланировали, посыпались белые мухи. Коси коса, пока роса... По уму-то и с литовкой можно жить сыто. А когда по ноябрю и снегу, да жнешь серпом пересохшую и перемерзшую солому, тут голый трудовой героизм и самоотверженная голодуха.

Уборочная той осени не имела временных границ и годовых планов хлебозаготовок. Какие сроки, если жали по снегу и на коровах свозили снопы в бригады. Какие планы, если жрать нечего на передовой? Все забирай подчистую! «Надо работать по-военному!» — лозунг, который совершенно исключал индивидуальные претензии. На токах по февраль сорок второго молотили абы какой хлеб первой военной осени. Вымокшее под осенними дождями зерно обязательно надо просушить. Иначе к весне из него будет не хлеб, а отрава. Раньше было так. Влажное зерно за бесценок принимали элеваторы и потом сушили, а сгоревшее в буртах или проросшее — бесплатно вывозилось на спиртзаводы.

Теперь дело обернулось круче. Вывозить зерно на элеваторы и глубинки было не на чем. Машины, лошадей и сколь-нибудь сносные телеги забрали для фронта. Из 284 машин, имеющихся на 20-06-1941, оправдывается перед Свердловским обкомом начальник треста «Союззаготтранс», осталось только 155, из них работают только 20-25 автомашин. Остальные неисправны. Трест был самым крупным из заготовительных автохозяйств на Урале.

Концом ноября, перед угрозой потери урожая отдалённым районам приказали сушить с горем намолоченный хлеб прямо в колхозе, используя подручные способы. Первым средством стала деревенская русская печь. Нет, не каждая. В инструкциях райкомов предписывалось выдавать зерно для сушки строго по документам и только в дома партийных товарищей и активистов комсомольских. Остальные пусть сушат на приспособлениях колхозных. Круглосуточно и под присмотром тех же товарищей.

С той поры в быт колхозника вошла утончённая форма мелких краж — во время зимних ночных смен жарить зерно на раскалённой железине. В пору моей голодухи лучше всего для этого подходил диск лущильника. Известно, самое высокое гастрономическое наслаждение даёт шашлык из ворованного барана. Это на Кавказе, где никогда не было настоящего колхоза и советской власти. В России и горсть зерна была в радость.

Теми же временами вместе с похоронками на деревню пришли добрые вести. Про парад на Красной площади по случаю годовщины Октября, про выступление Сталина, который мудро

напомнил нам, что мы русские. «Пусть осенит вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Хорошо и вовремя сказано. Клюнет жареный петух, и безбожник перекрестится. Атеисты местные продолжали молиться вождю и все, без исключения, райкомы партии и райисполкомы газетно одобрили мудрый доклад, дав клятву великому Сталину работать без устали.

Две недели спустя Совинформбюро подтвердило факт мудрости вождя, опубликовав сводку об итогах пяти месяцев Отечественной. Если не смотреть на карту, сводка констатировала почти победу. По нашему глазу, немцы потеряли около 6 миллионов убитыми, ранеными и пленными, 15 тысяч танков, 13 тысяч самолетов, 19 тысяч орудий. Наши потери: 2122 тысячи человек, из них убитыми 490 тысяч, ранеными — 1112 тысяч, пропавшими без вести — 512 тысяч. Танков мы потеряли 7300, самолетов — 6400.

Вдогонку Совинформбюро заклеймило смехотворные измышления гитлеровских фальшивомонетчиков о том, что разбиты 389 большевистских дивизий, что мы потеряли, якобы, 8 миллионов солдат, из которых 3728 тысяч взято в плен.[37] Смешно, у нас же пленных нет вообще. Поздняя история расставила цифры потерь правильно, при всём отвращении к фашизму они оказались намного ближе к смехотворным измышлениям доктора Геббельса, чем к большевистской истине.

Моих земляков никак нельзя назвать дураками. Колхозники больше верят слухам, чем газетам или уполномоченным, жалуется из Камышловского района инструктор обкома ВКП(б). Да и впрямь. Тот же, к примеру, Захаровский сельсовет. Ведь дыра дырой, а враги снуют вдоль и поперек деревни. «Нас всех обобрали, мы сидим голодом, разуты-раздеты. Всё куда-то идёт в провал. Всё дерут и дерут, и всё не хватит. Всё немцам спровадили. Говорили запасы большие, война только началась, а все наши ремки собирают».[38] Автор криминала — Шипицина Пелагея, колхозница «Нового мира», красноармейка, муж которой лежит в госпитале, мать троих малолеток, предупреждена, что она есть натуральный фашистский рупор.

«В этом колхозе много таких слухов в пользу фашистов. Видно по всему, что поработала умелая фашистская рука. В конторе кто-то повесил вырезку из газеты со снимком «Подписание договора между СССР и Германией». В библиотеке есть книги со статьями Косиора, Косарева. Результат фашистской пропаганды: скверная трудовая дисциплина, невыполнение государственных

заданий, плохо со сбором тёплых вещей для РККА, ничего нельзя купить — молока, мяса, картошки, только меняют на вещи».[39]

Конечно, российская нищета есть самый убедительный аргумент наших оппонентов во всех сферах знания и политике. Аргумент прямого и обесчеловеченно чистого рассудка. Но если думать с душой, выйдет намного лучше. Хроническая нищета — не порок наш, а национальная самобытность. Поставь трудолюбивого и богатого рядом с ленивым, но нищим, наши ласковые симпатии на стороне пролетария. Потому что сами мы такие.

Теперь почитаем бумаги, отчётно отправляемые вверх по инстанциям: «Колхозники артели им. Калинина, обсудив доклад тов. Сталина, постановили: приступить к сдаче зерна авансом в счёт натуроплаты за услуги МТС, к 10-12-41 закончить обмолот всех хлебов, принять участие в сборе средств на танковую колонну и сдаче тёплых вещей для Красной Армии». Эта словесная ботва осталась в бумагах, из которых до сих пор вёдрами черпается идеологическая жижа, принимаемая за истину. Работали до упаду, отдавали последние гроши и собирали всё, что может помочь солдату на передовой. Так делали в России и везде во времена нашествия. Но только в Стране Советов естественному и нормальному проявлению патриотизма и человечности придавалась форма идеологического помешательства.

Поздней осенью сорок первого в деревне стало суетно. Одни ночами, в облаках морозной пыли, едва-едва пробиваемых керосиновым фонарём, молотили хлеб, другим выпала мобилизация на эвакуируемые оборонные заводы. Их штат формировался в основном за счёт сельской молодёжи. Брали путём призыва в трудовые резервы, на разгрузку оборудования, на строительно-монтажные работы. По разнарядкам в сельсовет приходили предписания. Так примерно. «Срочно мобилизовать ... человек трудоспособного возраста. Выдать документы. Мобилизовать независимо от образования. Проезд от колхоза до райцентра за счёт колхоза, на проезд железной дорогой выдать литеры».

Кровососущая система военного социализма работала безотказно. В деревню на время гнали убогих и школьников, в город навсегда вывозили трудоспособную молодежь. Почти насовсем. Легкие на поступь пытались сбежать от голода и холода к родной печи. Дома не сытнее, но в тепле. Пришлось огораживать оборонку колючей проволокой карательных директив. 26 декабря вышел Указ президиума Верхсовета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самоволь-

ный уход с предприятий». Бумага очень серьёзная, ну прямо манифест принудительного героизма.

«Всех рабочих и служащих мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, — считать на период войны мобилизованными и закрепить для постоянной работы за тем предприятием, на котором они работают».

«Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности рассматривать как дезертирство и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертиров), карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет».[40]

Дела, связанные с нарушением этой нормы, стали украшением советского криминала времён войны. Честно сказать, дезертирство с оборонных предприятий в последующие годы приняло такой размах, от которого даже у советской карательной системы началась одышка. Беглые, отметившись по месту принудительного героизма, возвращались домой, устраивались на работу в колхозе, временами выбивались в передовики и районные начальники. Местные энкаведешники терялись в сомнениях, как поступать с таким подвидом дезертиров. Прокуратура Союза спецписьмом толково разъяснила, что «всех лиц, оставшихся в сельском хозяйстве, вернуть на заводы в пятидневный срок. В случае отказа — арестовывать, независимо от выполняемой в районе работы, дела направлять в Военный Трибунал».[41]

Прокурор РСФСР Арбузов разложил эту союзную норму для упрямой составляющей русского населения. Дезертиров обычных надо судить по Указу от 26 декабря 1941 года, а сбежавших по пути следования — по статье 59, дробь шесть УК РСФСР. Эта юридическая тонкость не очень понятна для тех, кому история не предоставила аналогичного выбора. Жившие тогда с умом, из двух возможных сроков выбирали меньший. Отметился и сбежал, в любом случае идёшь мимо пятьдесят девятой, где срок солиднее, чем по Указу. Молодость живёт чувствами, позывы к свободе ещё не выветрились. Получив документы на руки, выбравшись, наконец-то, из колхоза, ветреные сыновья деревни порой бросались из теплушек под откос, ломая или ноги, или судьбу.

Через полгода после начала войны опорный край державы превратился в главный арсенал страны. Сотни стационарных заводов работали круглосуточно для победы. У тысяч станков, эва-

куированных с Запада и смонтированных прямо под открытым небом, стояли вчерашние деревенские мальчишки. Большие тысячи единиц оборудования выкапывались из сугробов, чтобы встать в строй оборонной промышленности Союза. Урал промышленный гудел от напряжения. Уходили на Запад эшелоны с призывниками. Для большинства из них это была дорога в один конец. Сказать высоко, — в бессмертие. Сказать честно, на смерть. Между этими определениями их судьбы пропасть беспамятства. Нашей молодостью на передовой и в тылу мы спасали великую страну от национального позора, порожденного хвастливой бездарностью большевизма.

Нет худа без добра. Свердловск, Пермь и другие культурные центры Урала в те суровые времена стали средоточием творческой элиты всего Союза. Кого только к нам не занесло. Академики известные и просто академики, завлабы и доценты, музыканты-лауреаты и на подходе к тому, артисты балета и балетмейстеры. Большинство с густым семейным кустом. Да что про живых и второстепенных. В тихой провинциальной Тюмени пережидала войну мумия вечно живого вождя. Коридоры и аудитории местной сельхозакадемии, в здании которой отбывал загробную ссылку Ильич, до сих пор хранят устойчивый запах, характерный для неухоженного кладбища.

С учёными мы встретимся в другой раз, а сейчас о самом тонком из искусств. Холодный декабрь сорок первого. Война у самых стен Москвы. В репертуаре свердловской государственной филармонии на этот месяц: симфонический оркестр, дирижер Паверман, симфонический концерт с участием Э.Гиллельса, хор под управлением Бендицкого, вечер лауреатов международных конкурсов Б.Гольдштейна и Я.Флиэра, авторский концерт Д.Я. Пантофель-Нечецкой, джаз под управлением Ренского (с оборонной тематикой), вечер сонат Н.Голубовской и М.Рейсона. А по воскресениям лекции-концерты «Великие классики русской музыки», лекторы Текелис, Житомирский и Цукерман.[42]

Казалось бы, какая связь высокой музыки с хроникой Агрогулага? Полярные стороны советской жизни. Здесь надо подумать. Классики русской музыкальной и исполнительской культуры: Сергей Рахманинов, Игпат Стравинский, Анна Павлова, Фёдор Шаляпин и многие другие, действительно великие и русские, спасались от большевизма по Европам и Америкам. Могилы наших гениев, украсивших историю века, разбросаны по белу свету.

На этот раз спасали от фашизма культуру советскую. Не стоит язвить по поводу того, что она представлена столь специфично.

Начисто срезав тонкий дёрн национальной культуры русского народа, большевики тем самым открыли путь самой космополитичной, то есть самой выживаемой культуре. Почти весь песенный репертуар советских лет создан композиторами-евреями. Представителями той же национальности был забит исполнительский состав и номенклатура многих творческих союзов. Новейшая советская субкультура явилась суррогатом национальной культуры, но исполненным высоко профессионально и приспособительно к новым условиям российской жизни. Презираемая зарубежной русской музыкальной общественностью, она, между тем, была единственно возможной внутри Союза.

Единственное, чего не было и не могло быть в ней, — того размаха чувств и удали, в котором проявляется подлинный дух и темперамент народа. Песни о колхозных просторах, написанные музыкантом, никогда не знавшим российской деревни, могут быть хорошими, но все же это не «Степь да степь кругом». Что же до классической музыки, то она наднациональна по сути, а особый приоритет в исполнительстве есть общепризнанный факт советской и мировой культуры. Тот, кому посчастливилось слушать «Прелюдии» великого Рахманинова в исполнении столь же великого и нашего Эмиля Гиллельса, в полной мере оценит величие подвига наших солдат и деревенских земляков. Первые защитили страну и её культуру от фашистов, оставшиеся в тылу оградили творческую элиту страны от примитивного голодомора.

Провожая год сорок первый, оклемавшийся вождь народов успел ещё раз сесть в лужу. На одном из торжественных мероприятий он твёрдо пообещал в году наступающем окончательно разгромить фашистскую Германию. Замордованный народ верил только глазам своим. Особенно тот, что сидел в окопах. Газеты, словно в наркотическом опьянении, затарабанили о близкой победе и будущем процветании. Трезвонили до той поры, пока немец, переждав распутицу, снова полез вглубь России.

В первую военную зиму Большой Урал вместе с обглоданной с запада страной разочаровался в столбовом пути. Деревня изныхала. Не кормил колхоз досыта в мирное время, нечего было ждать от него и в лихие времена. Когда-то, в послереволюционную голодуху, успели развернуться в сторону здравого рассудка. Разрешив аренду земли и наёмный труд, оживили на время село. То был НЭП — розовая мечта отечественных оппортунистов. Рай для нищих обрел реальную тень потому, что оставался ещё в каждом дворе работник, живое тягло и опыт единоличного труда.

К войне мы сожгли за собой все мосты. Тут не образно, а прямо можно было сказать: велика Россия, а отступать некуда. Позади только колхоз. Доведённая до крайней нищеты преимущественно бабья деревня. Да сельхозартель с десятком-двумя отощавших от гужмобилизации лошадёнок, опутанная разнарядками, планами, обязательствами. С бесконечными долгами по госпоставкам, натуроплате МТС и продовольственной ссуде. Ни хозяина, ни работника, ни тяглового скота.

Хозяйственные директивы начала сорок второго свидетельствуют о том, что обморочное состояние государственной власти прошло, и теперь тылового соотечественника будут жать планово и настоятельно. Постановлением ЦК ВКП(б) от 3 марта 1942 года открывается практика военно-хозяйственных планов развития народного хозяйства. Контрольные параметры доводились до областей безо всяких возражений. Местные власти развёрстывали их по административным и производственным структурам. Теперь это называлось Сталинским фронтовым заданием. В сельском хозяйстве оно означало крайнюю меру административного давления на руководителя. «Фронтовое, да ещё Сталинское!» — можешь догадаться, куда тебя денут в случае срыва.

Вообще-то административный разгон начался с первых чисел января. На фронтах, после того как немца отогнали от Москвы, установилось затишье. Теперь можно было прижать своих. Материалы Совинформбюро уходят на вторую полосу газет, вместо немца начинают долбить врагов домашних.

На Урале с началом Отечественной выявилась совсем не патриотическая тенденция. Резко увеличилось количество нарушителей трудовой дисциплины. В области, по отчёту Свердловской прокуратуры, в июне осуждено по указу 26-6-1940 — 6769 человек, июле — 8740, августе — 8114, сентябре — 8300 человек. Народ засуетился. По другим областям региона ничуть не лучше. В панораме это выглядело так. Заглянем в Танкоград и самый героический сорок первый. За год по области привлечено по указу от 26-6-1940 более ста тысяч человек, из которых 88,7 тысячи получили ИТР или тюремное заключение. Да если бы только опаздывали, дезертируют с оборонных предприятий. Там же, в докладе Начупра НКЮ РСФСР по Челябинской области Лавренкова, сказано, что более 40% уголовных дел приходится на дезертиров.[43]

Тонкости репрессивного жанра интересны и многообразны, как наша жизнь. Уголовно-героическое переплеталось ажуром. В годовщину смерти Ильича пленум Верховного Суда СССР решил проблему, с которой замучились провинциальные юристы. Из-

вестно, грамотёшки у них с писькину душу, а бумаги карательные одна коварнее другой. Как, к примеру, определять срок по совокупности, если у соотечественника уже есть за плечами исправительно-трудовые работы по суду, а ему корячится новый срок с путевкой в лагерь? Работал человек с вычетом 25 %, а потом взял да и дал тягу. К свежему сроку, решил соломоново пленум Верховного Суда СССР, надо добавить срок, рассчитанный по обменному курсу — за три дня ИТР давать день ИТЛ.

Героический народ наш прямо напрашивался на конфликт. Постановлением СНК от 13 февраля 1942 года «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве» опять достали всех, только что выбравшихся из колхозов. Ещё до нового года колхозам категорически запретили использовать хлеб на внутрихозяйственные нужды, включая кормежку мобилизованных. Без еды, жилья и работы, призывники уборочной двинулись по домам. Уехали — ну и лады! Так заканчивалась каждая авральная страда. Теперь — суши сухари колхозник.

Мобилизация сельских на предприятия и стройки неприятно отличалась от командировки в натуру. Отличалась по существу, а не в итоге. Дезертирам давали такой же срок. Колхозный режим резиновый. Нет работы, сходи по грузди. Нечего жрать, не спи на ходу, ночью картошку воруй, днём вари. На производстве сторонний промысел исключен. Деревенское отвращение к труду бесплатному пришлось искоренять по-большевистски. Спаренным циркуляром Рычкова и Бочкова (нарком юстиции и прокурор СССР) будущих героев обложили как волков. Всех руководителей обязали немедленно сообщать о фактах уклонения от мобилизации, прокурорам через 48 часов направлять дела в суды, а тем в течение трёх дней, без процедур давать срок.

От мобилизации освобождались инвалиды первых двух групп и беременные с девятого лунного месяца. Нарком здоровья СССР тут проявил уместную бдительность, приказав не полагаться на личные доводы будущих мамаш, а верить срокам беременности, установленным врачами. Освидетельствование и выдачу документов производить только по требованию предприятия, где работает попавшая в положение.[44] На тощем военном пайке и морозе беременные бегали стройными как девчонки.

Не едут бабы на лесозаготовки? Отказываются от разгрузки вагонов, ссылаясь на голод и малолетних детей? Наркомюст рекомендует в этих случаях давать отказницам от 2 до 6 лет заключения по статье 59-6 УК. В дополнение к нормативной части

предлагается опыт передовых углов Приобья и Урала — публиковать материалы в районках, именуя осуждённых предателями, изменниками Родины, дезертирами. Помогает, после такого суда забудут про малолеток и пустое брюхо.

Первая военная посевная обещала быть дюже героической. К обычным проблемам — как пахать и что сеять, добавилась еще одна — кому работать в колхозе. С осени все силы бросили на расширение посевов озимых. В мае месяце выяснилось, что многие из них повымерзли. Рожь ещё туда-сюда, до советов только её и пускали под зиму, а пшеница вымерзла. Под яровые надо было пахать много, Москва приказала хотя бы частично компенсировать потерю оккупированных хлебных районов. Но чем, как и кому, не сказала, ограничившись планами и директивами о немедленной мобилизации всего и везде.

Деревенских придавили мордой к почве постановлением президиума Верхсовета СССР от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Это была вторая попытка лечить коммунара от прогулов. Тремя годами раньше установили годовой минимум в 100 трудодней, связав его с «неотъемлемыми» правами колхозника. Нет минимума, — можно забирать приусадебный участок, так как в деревне неколхозникам жить нельзя. Так как инициативу сразу не связали с УК, отношение к ней было наплевательское.

Ранее упоминалось, что трудодень, как мера внутриколхозной пустоты, является гениальным изобретением отечественного коммунизма, более важным по исторической значимости, чем теория прибавочной стоимости Карла Маркса. До нас никому не удавалось придать экономическому терроризму столь блестящую демократическую видимость, когда общественная целесообразность нашей хозяйственной суеты определяется с кривого глаза ни разу не грамотного бригадира.

Перед войной, в два подряд урожайных года, изобретение дало совершенно неожиданную осечку. По божьей милости колхозники остались с хорошим хлебом. Дабы не культивировать впредь потребительских извращений, следовало подвести под трудодень меру стерилизующего труда. Закон диалектики о переходе количества в качество в наших руках имеет задний ход. Районным земельным органам категорически предложили «в лучшем хозяйстве по организации и выполнению всех сельскохозяйственных работ тщательно разработать нормы выработки на все производимые в колхозе работы и оценки норм в трудоднях». После одобрения норм райсоветом они становились мерой деревенского прозябания.

Москва ограничила изыск одним условием, чтобы нормы были не слабее тех, что установлены НКЗ 28 февраля 1933 года. Да, в самую скорбную из наших голодух.

По апрельской бумаге сорок второго взрослым колхозникам установили годовой минимум в 120 трудодней. Теперь трудодней, рассчитанных на предельную наркомовскую нагрузку. При жесточайших нормах физического труда и голодухе не так уж мало. Тем более, что норматив уложили в основные хозяйственные кампании — посевную и уборочную. На этот раз норматив годовой выработки подперли со стороны колхозной общественности и Уголовного Кодекса. Не расторопные обязательно лишались приусадебного участка и шли под народный суд с обычным приговором — полгода ИТР с удержанием 25% из трудодней в пользу колхоза. Четверть вычетов из ничего — пустяк, боялись другого — лишения огорода. Особенно под осень, так как повсеместно ввели практику конфискации земли вместе с урожаем.

Больше всего намучились с основной тягловой единицей тыловой деревни — бабой. Первоначальное предназначение женщины все-таки не колхоз. Природно она задана, чтобы любить, рожать и воспитывать детей. Тут вполне достаточно места для героизма, самоотверженности и подвига. Но принуждение к обязательной работе в колхозе и выработке минимума было адресовано в первую очередь деревенским женщинам. Фальшивыми фразами партийных документов о том, что в деревне много бездельников, прикрывали вполне реальный факт — часть женщин была занята исключительно содержанием семьи. Домашние заботы — приготовление пищи, стирка, уход за детьми, работа на огороде, со скотом в большинстве семей лежали на хозяйке.

Большевики в результате хозяйственных экспериментов и карательного психоза выбили мужскую часть взрослого деревенского населения до аномального перекоса. Вербовка, высылка, тюрьма... Семья без мужика называется неполной, то есть ущербной, обреченной на особые трудности выживания. Теперь пришло время обязательного героизма для ее женской и детской составляющей. По сути, наступило время окончательного разрушения российской деревенской семьи.

Не полагаясь на тщедушный колхоз, государство с середины апреля объявило о мобилизации городского населения на сельхозработы. По дежурному постановлению ЦК и СНК высылке подлежали все трудящиеся, не занятые на промышленных предприятиях, часть служащих, учащиеся 6-10-х классов и прочий отстой. Возрастной диапазон привлекаемых с долговременным

выездом на природу — от 14 до 55 лет. «Виновные в отказе от трудовой повинности, а также в задержке лиц, работающих в предприятиях и учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности, подлежат уголовной ответственности по законам военного времени».[45] Урок прошлой осени не забылся, директивой за подписью Сталина с обещанием трибунала горожан достали.

Тьмы и тьмы — так бы можно сказать о размерах мобилизации второсортных. Помимо местных горожан, в резервисты попало эвакуированное и временно не пристроенное население, школьники, а также освобождённые из тюрем и лагерей по указу Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 года.

Визуально весна сорок второго очень смахивала на год тридцать третий. Ещё до того, как выехали в поле. И не потому, что на полосы рано высыпали «подснежники» собирать оставленные с осени колоски. Давно ли от этого отвыкли? Много загодя начали готовить коров для работ в поле, курсы коровьего всеобуча развернули почти в каждой сельхозартели. А то как же! В облземуправлениях подсчитали, что каждой уральской лошади и паре быков приходится по 10 гектаров пахоты. Это даже для колесного «Универсала» норма вполне приличная. Такую же выработку положили скоту, эвакуированному из западных районов. Но такого пока было мало. Артели Смоленщины да Брянщины всегда жили впроголодь. Основная масса эвакуированного скота придёт концом лета, когда немец погонит нас из южных областей России.

Пахать можно было только на быках. Пару в ярмо — и только погоняй. Борозду они видят, но ленивы в ходу. Корову под плуг не поставишь. Одна не тянет, две не заведёшь в ярмо. Как всякие особи женского пола, они либо с хода кидаются друг на друга, либо норовят исподтишка поддеть напарницу рогом.

«Обучение сельскохозяйственным работам крупного рогатого скота в колхозах проходит крайне неудовлетворительно. Земельные органы от руководства этим делом самоустранились. В Режевском районе для выполнения сельхозработ не хватает 947 лошадей. Чтобы перекрыть этот разрыв, колхозы должны обучить использовать на сельскохозяйственных работах 530 человек крупного рогатого скота, из которых на 20 марта обучено только 91 человек. В колхозах Егоршинского района обучено 190 голов из 665 по плану. Хуже того, обученные животные порой на сельскохозяйственных работах не используются».[46]

Человека довести до скотского состояния трудно, но вполне возможно. Вопрос о том, можно ли сделать скотину образованной, остался для автора открытым. Эксперимент середины тридцатых

явно не удался. Единственное, что уразумели тогда бурёнки, — маломальское боронование. Отчёты из десятков районов о коровьем всеобуче середины сороковых, материалы по обмену опытом и прочая документация впечатляют размахом. Но не до твёрдого убеждения, что долгую эволюционную цепь от коровы до homo sapiens нам удалось замкнуть накоротко.

О судьбе колхозной коровы следовало бы написать отдельную книгу. Этой природной особи посвящена добрая половина аграрно-хозяйственных бумаг, в том числе секретных. Не умела она жить при социализме. А если принимать за героизм принудительное исполнение чужой воли, тут сплошной подвиг.

Судим по документам. Весной сорок второго МТС Урала и Приобья вспахали в колхозах менее шестой части плановых площадей (в последующие годы Отечественной — еще меньше). В объяснение непререкаемого факта политотделы ссылаются на то, что 80-90% трактористов сели за рычаги впервые и в основном это девушки. К той посевной на фронт было отправлено около трети всех колхозных лошадей. Часть живого тягла на условиях гужмобилизации постоянно пребывала на лесозаготовках и в городских предприятиях. И всё же хлеба в тот год посеяли больше, чем в сорок первом. Пока неважно, сколько собрали. Каким образом удалось взлететь?

Сразу остужу читателя, созидательная сила советского патриотизма тут не причём. Виной всему два обстоятельства, лежащие за пределами традиционной крестьянской технологии. Во-первых, корову завели-таки под плуг. По усовершенствованной супряге тридцатых: одна баба тянет коров по борозде за рога, вторая держится за рога плуга.

Другое начинание и вовсе прогрессивно. Раньше дело было так. Если вспахано меньше, чем запланировано посеять, возникала куча проблем. Теперь, принимая во внимание военное положение, разрешили сеять прямо по стерне. Да, без зяби и весновспашки. Один из лучших представителей агромарксизма Трофим Денисович Лысенко дал тому добро, сопроводив сие философским тезисом, что истина всегда конкретна. Ни один из агрономов вслух не возразил. А агрономы учёные, из тех, что орудуют не очень далеко от марксизма, всячески поддержали свежую идею. И даже внесли предложения, усугубляющие положительный эффект.

Газеты подавали как находку местных умельцев выжигание стерни перед посевом. Рацуха выглядела так. Бороны плотно обматывались вицами соломы, затем жгуты поджигали. В кострище впрягали быка, который волок его по полосе. Против ветра изо-

бретение работало безупречно. При движении по ветру быки шалели, у них обгорали копыта и хвост.[47]

Сев начали рано, но так и не закончили. К середине июня выяснилось, что там, где сеяли вразброс и по стерне, ничего не всходит. Сообщения о неладах пошли из Каракульского, Тугулымского, Егоршинского, Куртамышского и многих других районов аграрного Урала. Стали проверять. Все комиссии не без оснований подозревали, что зерно могли съесть сами севачи. Но не пойман, не враг. Подозрения в кощунстве отпали при более глубоком анализе причин.

Во-первых, практика сева по стерне поставила под сомнение основные постулаты классической агрономии. Сеять можно, а как боронить? Тучи птиц за плечами севачей настораживали. Совсем не зря. Через пару дней на полосе не найти и зернышка. Сев без подборонки по пашне имел тот же результат. Бабе за подол борону не привяжешь. А тягловый скот занят на вспашке и подвозке семян. К моменту отчета мёртвыми или заросшими исключительно сорняком стояло около 10 % площадей. В мирное время пересадили бы всех. Теперь же столица отошла в мысли, что спасение утопающих — дело самих утопающих. И выдала ряд прямо-таки оппортунистических бумаг.

Специальным постановлением в апреле разрешили создать подсобные хозяйства промышленных предприятий. Где отдали под них никчёмные земли, а самым оборонным передали совхозы-покойники. Со всем оставшимся скарбом. Инициатива растекалась вширь по отраслям и ведомствам. «Согласно приказа зам. наркома обороны СССР в текущем году при всех запасных частях области, а также в госпиталях, училищах и складах организуются подсобные хозяйства с расчётом полного обеспечения личного состава овощами и картофелем..... Военным советом установлено контрольное задание всем войсковым частям, госпиталям и училищам по посеву, развитию животноводства».[48]

Понятно? Образчик созидательной силы приказа я взял из хозяйственного опыта Красной Армии. Здесь принцип самоспасения изложен по-военному строго и бесхитростно — «без расчёта на Москву, с расчётом на полное обеспечение». Аналогичные директивы по другим, гражданским наркоматам не в пример хуже, многословны — тыры-пыры, то да сё...

С подсобными хозяйствами очень правильно поступили. В голодуху закрытые ОРСы промышленных предприятий что-то получили. За город стали регулярно вывозить своих рабочих, по-

рой не столько для труда, сколько для реанимации. С первой же осени государство обложило подсобные хозяйство оброком.

Опорный край державы передох бы с голоду в зиму на сорок третий, живи он с расчётом на столицу, колхоз, или заводские и учрежденческие подсобки. При угрозе замора советская власть сначала сбрасывает нахлебников с централизованного пайка, а потом отступает за спину единоличника. Судьбоносным оказалось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 года. Работающим в колхозах, семьям рабочих, служащих и эвакуированному из прифронтовых районов населению разрешили выделить земельные участки по 15 соток.

Летом весь регион зацвёл лоскутами картофельных соток. Что лучше всяких патриотических клятв и деклараций убеждало, — выживем и на этот раз.

И даже победим.

Глава 12
Тюря патриотическая

Виды на голод были хорошими. Действительно, со всех углов Большого Урала и тыловых областей Союза летом сорок второго поступали сообщения не менее тревожные, чем из действующей армии. Секретная статистика шептала в высокие уши о том, что для всех живущих в деревне было очевидным. Столица правде не верила, и циркулярами, один злее другого, приказывала не занижать видовую урожайность, обещая судить обманщиков по законам военного времени. Трусоватым работникам хозяйственной статистики истина не дороже своей кожи, и вскоре наверх пошла временно успокаивающая туфта.

Тогда бузу подняли местные партийные органы. За кадык схватили членов комиссий по определению урожайности. Вы тут наврёте с три короба, суть межкабинетной коллизии, а три шкуры осенью снимут с нас. И притянули к партответственности — не отправлять данные в ЦСУ без согласования с обкомами ВКП(б). Всё сделано правильно, резонировали в ответ люди облстатные, на дворе война, каждый бережёт себя, как может. Колхозы ставят урожайность 5 центнеров с гектара, не больше. В райзо, для страховки, накидывают ещё пару центнеров. А нам что, прямиком под законы военного времени? 8-9 центнеров — это минимум, не заглядывая на поля. Конфликт затянулся. До самой смерти вождя народов статистика и местная элита жили как кошка с собакой. На утверждения кадровых товарищей, что партия всегда права, слуги госстатистики монашески вздымали очи к небу и ответствовали канонически — чем выше, тем правее.

Клапан статистической туфты перекрыли и в другом месте. Категорически запретили списывать поля. Решение худое во всех смыслах. Раньше за счёт списания запущенных полос можно было пригнуть планы заготовок, подтянуть урожайность остальных площадей, на списанных полях страдовала голодная деревенщина.

Засеянные абы как и абы чем полосы следовало убирать в любом случае. Попытки скинуть вину за плохой урожай на погоду или Бога столица пресекла сразу.

Дежурное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о том, как убирать хлеб вышло аж в начале июля. Причины столь ранней озабоченности лежали не в земле. Летнее наступление немцев, не менее стремительное, чем в прошлом году, выводило из хозяйственного оборота самые хлебные регионы России. К осени Кубань и Северный Кавказ ушли под оккупацию, черноземные области Центральной России стали фронтовыми. Время сжалось, разводить переписку по мобилизации на уборочную, как прошлой осенью, было некогда. Специальным постановлением «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» тягомотину отменили. Отныне привлечение граждан для оборонных мероприятий, заготовок топлива, охраны путей сообщения, строительных работ и иных военных надобностей проводится путем мобилизации на срок до двух месяцев. И без нытья о льготах!

Дабы мобилизованные морально не качнулись, со спины их подперли бумагой партийной. «Виновные в отказе или уклонении от трудовой повинности, — гласит подписанная Сталиным норма, — а также в задержке лиц, работающих в предприятиях и учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности, подлежат уголовной ответственности по законам военного времени».[1] Может показаться, что повторяюсь. Нет, каждая бумага сверху и сбоку заканчивалась таким предупреждением. Военный трибунал, конечно же, авторитетнее суда народного, хотя уступает в принципиальности особому совещанию и расстрелу на месте.

Нарком юстиции Рычков с Прокурором Союза Бочковым довели до сведения лечебных учреждений, «что по медицинским показаниям освобождаются от мобилизации лишь лица, временно утратившие трудоспособность, на срок до восстановления, беременные и инвалиды 1 и 2 группы». А своей правобратии предписали в течение 48 часов направлять дела в суд, а судам — карать уклоняющихся от самоотверженности в течение трёх суток. Каждый из наркоматов прилепился к патриотической директиве как мог. Нарком здоровья, примером, приказал больницам не выдавать документов на руки, а переправлять их по месту работы пациентов. Большинство предприятий получили указание — немедленно снимать с пайка отказников и их иждивенцев.[2]

«Собрали в 8 часов вечера работниц завода им. Молотова. Повезли...». Дальше конспективно. У одной из деревень у машины лопнуло колесо. Шофёр ушёл в деревню ночевать, а 30 женщин

остались в кузове. У следующей деревни опять что-то сломалось, пошли пешком, 14 километров. Отработали, живя в бараке, более 20 дней. Завшивели. Кормили горохом с грязью. Ничего, война, отозвался на жалобы пьяный директор совхоза, отбывая гонять зайцев по чернотропу. Когда выпал снег, все простудились и, не дождавшись разрешения, двинулись домой. По снегу в матерчатых тапочках. Дома всех обозвали дезертирами трудового фронта.[3]

Первыми в бой за хлеб пошли уполномоченные. Следить за колхозником следовало в четыре глаза, поэтому в штате агрокомиссаров произошли существенные изменения. Членов обкома партии на все районы не хватит. Как и членов райкома на каждый колхоз. Кадровых и номенклатурных обязали бдить за колхозом наездами. Это понятно, деревня была для советской власти вторым фронтом войны.

Чтобы сделать весь народ самоотверженным, то есть заставить работать бесплатно, надо очень много политруков. На этот раз их набрали из сидящих на брони городских партийцев: снабженцев, мелких служащих, инженеров, нормировщиков, престарелых мастеров. Резервистам надлежало бдить постоянно, срок командировки определялся завершением плана заготовок. И без права выезда! Первый десант просидел в деревне с начала уборки до февраля-марта сорок третьего. Но куда денешься, под Троицком воевать всё-таки легче, чем под Сталинградом. Хоть голодно, но в котёл не попадешь. Планы хлебозаготовок все области Урала не выполнили, но и держать на селе политруков-новобранцев не имело смысла. Хлеб у колхозов отобрали так чисто, что и сами уполномоченные сначала заголодали, а потом запросились домой.

Трудно жить на деревне комиссару без нагана. Осенью, в обкоме, обещали каждому по 1 кило хлеба и литру молока в день, плюс колхозный стол. В зиму даже намёки на такую норму считались неприличными. Потребсоюзы сбросили пришлых с пайка под тем предлогом, что и свои райноменклатурные рты заткнуть нечем. Колхозники, те в одиночку давились картошкой и мякиной. «Есть ли смысл посылать человека на семь месяцев в один колхоз. Он как бы врастает в массу, обзаводится негласной семьей, сживается со многими людьми в колхозе». Сомнения секретаря Бродоколмакского райкома ВКП(б) вполне обоснованы. Какой прок от уполномоченного, вросшего в народные массы? Лишний рот — не лишний глаз, снисходительно думала в ту сторону деревня.

«В помощь колхозам в проведении уборки урожая и хлебозаготовок было послано из городов более тысячи коммунистов, которые закрепились за отстающими колхозами и сельсоветами...

Кроме того, из числа руководящих областных партийных и советских работников было послано 130 человек, по одному на МТС и район».[4] Чего ещё им надо, возмущались в Молотовском обкоме, отправляя отчёт в ЦК ВКП(б). Мы сделали всё. А что планы провалили, так погода подвела, и Бог не дал.

Комиссары-резервисты надежд не оправдали. Многие из них честно трудились по технической части, на ремонте инструмента, транспортных работах. Судя по отчётам и характеристикам, регулярно отправляемым райкомами вверх, уполномоченные не кадровой кости оказались слабы духом, и надлежащей партийной свирепости не выказали. Большевистская ненависть, как ни крути, достояние особи общественно уникальной.

До начала уборки все знали, что хлеб заберут полностью и рассчитывать можно только на своё огородное. Специальным постановлением СНК Союза планы заготовок усугубили хлебными поставками в фонд Красной Армии, иными обязательными формами вспомоществования. Обычное авансирование с нового урожая было отменено. Всё, что было похоже на хлеб, шло в выполнение фронтового сталинского задания, которое умышленно превышало возможности каждого колхоза. Внутрихозяйственное потребление надлежало закрывать только отходами.

Привычная метода воспитания коммуно-патриотических начал в соотечественнике варьируется от порки до расстрела. По многим районам Большого Урала осенью сорок второго прошли показательные судилища над председателями-предателями. Про инакомыслие земляков впереди особая глава, а пока о проявлениях инакодушия. Председатель артели имени Ленина Чашинского района Переботов размолол под видом отходов 66 центнеров готового для сдачи зерна и раздал колхозникам. Чтобы не замёрли. Вместо того, чтобы заводить в ярмо, он же сдал на мясо 15 нетелей. Колхозники выжили. Председателя расстреляли.

Нормальному человеку одинаково печально, погиб ли соотечественник в бою, либо сдох с голода в тылу. Патриоту советскому до судьбы тыловой особи высокого интереса нет. Да кого душевно стойкого взволнует факт, что той осенью за мягкосердечие по областям Большого Урала было посажено более пятисот председателей колхозов и чуть меньше сотни расстреляно.[5] Стоит ли помнить о тех, кто, во имя спасения ближних, не убоялся военного трибунала. До них ли? Вне нашей памяти толпятся миллионы соотечественников, поднявших руки вверх перед стволом шмайсера. Тут всё просто. Хохол, защищающий хохлов, — сво-

лочь! Русский — русского? Подавно. Интернационально и героически высок только тот, кто защищает советскую власть.

Хозяйственная обстановка, тем временем, ухудшалась день ото дня. Вся технологическая цепь хлебозаготовок, от серпа до элеватора, скрипела от напряжения. Уже в первый месяц уборочной приказали скошенный хлеб не скирдовать, а сушить в снопах. Возврат к древней и более трудоемкой манере страды имел один смысл, молотить хлеб будут не техникой, а вручную. Для сельских баб это означало тяжкую и простудную работу в течение всей зимы. У партийного аппарата же голова болела от другой проблемы — как при таком обмолоте немедленно вывозить хлеб из колхозов, или спасти от колхозников. Сожрут ведь! Теперь ясно, зачем в деревню направили резервистов-политруков? Ага, чтобы стеречь намолоченное зерно.

На корове, главной продуктивной и транспортной твари военного колхоза, далеко не уедешь. Провидением местных вождей и мудростью Анастаса Микояна в областях Урала разрешили открыть дополнительно более 200 глубинных пунктов для приемки зерна. Именно в тех районах, которые удалены от железной дороги на недосягаемое бурёнками расстояние. Практика показала, что транспортное плечо для бабье-коровьего агрегата не должно превышать 60-70 километров в одну сторону. Двое суток туда, двое обратно. С ночёвкой на полпути. Дальше возить нецелесообразно: коровы дохнут от истощения, а женщины до смерти простывают. Возили-то глухой зимой и по бездорожью.

В большей части случаев под ссыпные пункты пошли полуразрушенные или действующие церкви. «Принять от колхозов и совхозов Челябинской области в счёт хлебозаготовок из урожая 1942 года 90 тысяч тонн зерна с отступлением от заготовительных кондиций: ...с примесью овсюга 10%, с примесью проросших зёрен до 30% и щуплое недозревшее зерно». Это была вторая мудрость Микояна, адресованная большинству областей СССР. Месяцем позднее он разрешит сдачу зерна с влажностью до 24 процентов.[6] Надо было срочно выкачать из деревни даже все отходы. Раньше хлеб сушили на печах некоторых колхозников. Но в этот год отказались помогать даже самые доверенные. На усушку списывали очень мало. Смышлёные помощники стали было подсыпать в зерно песок, но на элеваторах хитрость разгадали и пресекли.

Чем отличается мудрость от гениальности? Это тоже очень просто. Обратимся к бумаге, подписанной настоящим вождём. «Воспретить ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, как иска-

жающие действительное положение дел с урожайностью и впредь пользоваться в оценке урожая только данными видовой оценки, производимой органами ЦСУ до начала уборки. Воспретить обкомам, крайкомам, ЦК компартий союзных республик, облисполкомам, крайисполкомам и совнаркомам республик, райкомам партии и райисполкомам пользоваться собранными от колхозов... данными о фактическом намолоте для оценки урожая в колхозах, как неправильными, занижающими фактически полученный урожай и ведущими к укрытию хлеба от поставок государству, расхищению и разворовыванию его в колхозах».[7]

Ясно? Скажи теперь, что Сталин не знал нутра колхозного. В щель между видовой туфтой и фактическим недородом просыпались все деревенские отходы, которыми в годы прошлые отоваривались трудодни. Тому, кто больше верил глазам своим, а не бычьему оку ЦСУ, сталинская директива обещала срок. И двинулись по вымороженным просторам Урала и Западной Сибири коровьи обозы с последним ресурсом деревни. Девчонки-возницы, утопая в сугробах бездорожья, простуженными голосами подгоняли тягло, и больше всего опасались за жизнь скотины. По договору, обязательно подписанному каждой, они отвечали уголовно за сохранность коров. Здоровье и жизнь колхозниц никого не интересовали. Состарившиеся в молодости женщины да тощие коровы — это всё, что осталось от сытой России после десятилетней идеологической болтовни, хозяйственного абсурда и дикости.

Пробежимся по городам и весям опорного края державы в дни самого великого сражения второй мировой. Переход от рыночной («свободной» при огромных очередях) продажи хлеба к нормальной карточной системе на этот раз не доставил особых хлопот. По опыту недавней голодухи знали, кого и как следует кормить. Ожили закрытые было ОРСы, ЗРК, всякие там спец и просто распределители. Но в первый год Отечественной было ещё суетно. Шальные обстоятельства могли вывести к случайному куску хлеба. Где прозевала кооперация, где расстарался заводской снабженец. В зиму подобрали всё до крошки.

Десять лет назад начинали с введения заборных книжек для городского населения. Теперь голод отметился массовой эмиссией ценных кормовых бумаг. Главным спасительным документом второй советской голодухи стали хлебные карточки единого государственного образца. Они строго дифференцировались по нормам. Эмиссию и распределение карточек по предприятиям и социальным группам передали особому институту — карточному бюро. Представители бюро на предприятиях и в учреждениях со-

ставляли заявку и поимённый список претендующих. Реестры на выживание согласовывались с администрацией, партийным и профсоюзным руководством. Выдача любых кормовых бумаг производилась строго по документам, удостоверяющим личность, на иждивенцев и больных требовались дополнительные бумаги.

Важнейшая функция карточных бюро — контроль движения выданных сертификатов. По мере усиления голода соотечественники проявили недюжинные способности к обману родной пролетарской власти. А прорех в дисциплине социалистического потребления — хоть отбавляй. Надо было следить за работниками областных картбюро, чтобы заказ на изготовление кормовых билетов соответствовал нарядам на централизованную отгрузку продовольствия. Секретная история той голодухи не знает ни одного случая математического равенства хлеба бумажного и натурального. Самые строгие проверки фиксируют неравенство, но обегают криминальные детали. Да потому, что здесь озоровала советская власть и её лучшие представители. Первая кормила народ обещаниями на бумаге карточек, вторые застенчиво обкрадывали земляков через спецраспределение.

Проблемы на каждом шагу. Бдительного внимания заслуживали типографии, в которых эмиссировали кормовые документы, при жёстком контроле над каждой печатной фразой во всех углах Урала ловили за руку либо воров, либо фальшивокарточников. В целях защиты от подделок ставились всевозможные штампы, печати, шифры, удостоверяющие принадлежность к какому-либо предприятию. Против этой самодеятельности активно выступала неорганизованная городская нищета. Дополнительные реквизиты на карточках отодвигали её от призаводских и железнодорожных магазинов. Те зачастую просто отказывали в продаже хлеба.

По мелкому, но много воровали работники советской торговли. В условиях дефицитной эмиссии карточек, замены хлеба разными суррогатами своевременный учёт использованных кормовых талонов затруднителен. Хлебные бумаги пускались в капустный, селёдочный, иной оборот. Отпуском не фондовых продуктов, добытых путём заготовок на местах, по хлебным карточкам злоупотребляло в основном районное звено распределения. Наряды тут никогда не покрывались поставками, хоть сдавай серо-коричневые листы хлебных литеров в сберкассу. Выловленные за капусту или рыбу карточки торговые работники позднее отоваривали хлебом.

Помимо хлебных карточек, в военный голод имели хождение менее солидные кормовые бумаги: жировые карточки, талоны дополнительного, горячего питания, литеры спецстоловых, талоны

на отдельные виды продуктов, вырезные купоны месячного абонемента, бирки разового посещения, заборные книжки ЗРК и многие, многие другие. Выпускали эти суррогаты предприятия, учреждения торговли и общепита, советские органы.

Введение в оборот кормовых документов было необходимым при нарастающем дефиците продовольствия. К началу 1943 года ни одна из областей региона не выполнила плана хлебозаготовок. Помпезно врученные фронтовые сталинские задания предательски завалили и все районы. По зерновым на уральский круг вышло чуть больше трёх центнеров с гектара, на российский — четыре с половиной. При таких урожаях только и остаётся, что матом взывать к патриотизму. Вместе с хлебом под снег ушла значительная часть колхозной картошки. В октябре, перед самыми морозами в некоторых областях сделали жест отчаяния, пожарно объявив о крохоборческом материальном стимуле, — разрешили давать бесплатно каждое десятое ведро выкопанной картошки желающим помочь совхозу. Давать, правда, врастяжку: одно ведро сразу, а другое потом-потом.

Колхозники и люди свободные на приглашение не позарились и со своих огородов не ушли. Да и не верил никто власти, ни в едином слове. Обкомы партии — опять в ноги к всемогущему Микояну. «В связи с тем, что ресурсы области не обеспечивают потребности взрослого населения промышленных городов по картофелю и овощам, необходимо: 1. Перечислить наряды для ГУЛАГов и, частично, для Красной Армии сверх 20 тысяч тонн на Омскую и Челябинскую области. 2. Прикрепить к поставкам в Свердловскую область районы Омской области».[8] В Москве к просьбам по разным овощам всегда относились ехидно, тут хлеба нет, а они с картошкой. В данном случае освободили свердловчан только от поставок зекам.

Сезонная примета советской действительности — голод начинается через пару недель после выполнения государственных планов заготовок. Обычно где-то после Рождества. В эту зиму он пришел загодя, до наступления нового 1943 года. Заявленные с осени нормы распределения хлеба поползли вниз, а областные конторы утонули в прибое жалоб. Урал клянчил еду у ЦК партии, всякие Чердыни и Троицки — на паперти обкомов.

У городских просителей было две беды. Первая — опустевшие рынки. Колхозам продавать было нечего, а на пути товаров личного подворья встала местная власть. Сельсоветы просто не выдавали разрешений на вывоз продуктов, как и просто на выезд из села. Если помните, колхозник без визы сельсовета даже в со-

седнем поселке дезертир. Сельсоветчики, боясь замора абсолютно нищих эвакуированных, заставляли продавать частную картошку дома.

Усложнял доставку продуктов в города и жёсткий режим железнодорожного транспорта. Большая часть билетов шла литерно, свободное пассажирское движение было крайне ограниченным. Хуже того, на районный базар не выехать. На корове не приходилось ездить? Знали бы, что через двадцать вёрст у неё копыта расползаются как на льду. А ляжет, убей — не встанет. Она Богом создана, чтобы гулять не спеша и по травке. Так что на городские базары попадали лишь пригородные единоличники.

В январе-феврале 1943 года на рынках промышленных центров Урала и Тюмени цены подскочили до недосягаемости. Кило пшеничной муки — 200-250 руб., говядины — 800-850, свинины — 550, масла — 1200, картошки — 60-65 рублей.[9] Месячной зарплаты заводского рабочего, если судить по ведомостям, не хватало на кило мяса. Получал он меньше, часть заработка без выдачи на руки отбирали в займы и иные благотворящие акции.

Вторая напасть городских просителей - низкий уровень отоваривания хлебных карточек и других кормовых бумаг. На начало года, жалуются предприятия оборонной промышленности Урала, продовольственные фонды обеспечены на 60-40%. «Завоз зерна в Свердловскую область в 1 кв. 1943 года, — читаем тыловую, но очень секретную бумагу, — сорван. Недогруз — 83 тысячи тонн... В настоящее время мельзаводы Главмуки стоят... В г. Свердловске остатки муки на одни сутки».[10]

Чем дальше от столицы, тем крепче голод. Районам просто не отгружали хлеб, и они тихо стонали. Покровский район: из-за дефицита вынуждены сократить выдачу хлеба, новая норма: эвакуированные — 400 гр., дети — 300 гр., служащие — 400 гр., иждивенцы — 300 гр., в детяслях — 75 гр. Камышловский район: выдача хлебных талонов сельскому населению временно прекращена. Манчажский район: на 11 тысяч человек вместо 115 тонн наряд на 93 тонны, из которых 35 тонн заменено мороженой картошкой. Нижний Тагил: «не подлежит оглашению» факт, что рабочих города с завтрашнего дня совершенно нечем кормить.[11]

На Южном Урале голодали крепче. Тутошних патриотов объехала на пьяной корове краснопрестольная. Указом президиума Верхсовета СССР от 6 февраля 1943 года Челябинскую область четвертовали, отрубив до пупка нижние конечности. Аграрные районы Зауралья, всегда кормившие Урал мастеровой, оформили в новую Курганскую область. Административный эксперимент

имел подсуконный смысл. Остановлюсь на нём подробнее, чтобы не ущемить провинциально-патриотических чувств нынешних курганцев, для которых указы от 6-2-1943 и 15-11-1959 (о награждении орденом Ленина) святее Ветхого Завета.

Над проектом новой области задумались еще в тридцать девятом. Тогда нашли экономически целесообразным оформить в самостоятельную административную единицу развитый в хозяйственном отношении уголок чернозёмных земель Зауралья. Тому были основания, регион не вписывался в структуру индустриального Урала. Столице и Госплану не нравилось то, что большая часть продовольствия, полученного в Зауралье, оставалась во внутриобластном обороте, уходила от централизованного учёта и распределения. В первых проектах сквозил экономический резон. Западные районы Зауралья планировалось оставить в границах Свердловской и Челябинской областей как резервы пригородного хозяйства промышленных центров, а новую область расширить за счёт прилегающих с севера районов, отошедших потом к Тюменской области. В таком варианте все хлебные потоки попадали под юрисдикцию Москвы.

Тридцать девятый был годом относительно сытым, радикально думать и поступать было лень. Голоднейший год войны заставил предельно централизовать продовольственные ресурсы, устранить их внутриобластное распределение. Идея организации Курганской области засверкала новыми гранями. Где найдёшь лучшее решение — отстегнуть от Челябинской области с преимущественно городским, сидящим на карточках, населением, восточные хлебные районы. Так и сделали. Но теперь кроили с учетом сиюминутного интереса. От монолита отхватили аграрные районы по самые окраины Челябинска. Новорожденная с подавляющей долей деревенских ела своё, на карточки просила мало и беспрекословно отправляла хлеб куда прикажут.

Официальная версия событий выглядела приличнее. «Сельское хозяйство Челябинской области начало быстро отставать, — лукавил секретарь свежего обкома Тетюшев, — создавшееся положение требовало радикальных организационных и других мер для преодоления этого отставания. Одной из таких мер было образование Курганской области в начале 1943 года... Однако, общие итоги работы за 1943 год колхозов и совхозов являются крайне неудовлетворительными. Не выполнены планы хлебозаготовок и продукции животноводства».[12]

Новая область стала отставать ещё быстрее. Но мрачный юмор в другом. «Курганский обком ВКП(б) убедительно просит

Вас оказать нам помощь в приобретении оборудования здания обкома. Просим выделить: 1. Бархата — 500 метров. 2. Дорожки ковровые — 1000 метров. 3. Шёлк-полотно — до 1000 метров. 4. Сукна красного и темно-синего — 200 метров. А также для того, чтобы несколько одеть аппарат, просим выделить материала бельевого и верхнего на несколько костюмов. Тетюшев».[13]

Тысячи колхозных баб, работая, как тогда говорили, с голым мочалом, смертно простывали на зимних токах. Детишек носили в садик голыми, под полой. А тут вынь да положи бархата и сукна темно-синего... Наркомтекстилю сверху приказали ни в чём не отказывать. Правительство на благоустройство областного центра отпустило 12,1 млн. рублей. Для строительства 12 жилых домов, бани, гостиницы и водопровода. Самое необходимое для бытоустройства областного аппарата. С чего бы такая милость?

Зауральский хлеб пошел мимо Танкограда на Запад. Руководителям Челябинской области, скинутой на голодный паёк, рекомендовали обратить взоры на свои южные районы, расширять производство там, где уже привыкли через раз голодовать. План заготовок сорок третьего область не выполнила, но директивой за подписью Сталина и Молотова недовыполнение перебросили на план следующего года, а часть приказали закрывать мясом.

Московский хозяйственный манёвр обескуражил облземовское начальство. Перевод планового зерна в наличное мясо по курсу 4:1 означал клиническую смерть общественного стада. Для погашения долга по хлебозаготовкам следовало сдать 26,7 тысячи голов скота. Ни в какие ворота! Почти столько же, сколько ежегодно дохло от бескормицы и колхозного ухода. Посоветовавшись в кулуарах, выход всё же нашли — закрыть амбразуру скотом частным, отобрать искомое через контрактацию. Осенью по деревенским дворам пошёл стон, забирали последних бурёнок.

И глобально, и в частностях руководящая роль партии возрастает по мере нехватки хлеба. Резать пришлось не только карту страны, но и каждый кусок. Первоначально навели порядок в капиллярах снабжения местной номенклатуры. Приказом Наркомата торговли и Центросоюза от 9 февраля 1943 года спасли от голодухи районное звено, установив месячные нормы снабжения. Кормовая ведомость на каждого совпарткадра в пограммовом масштабе выглядела так: крупо-макаронные изделия — 1500, сахара и кондитерских изделий — 500, мясо-рыбопродуктов — 2200, жиров — 600, чая — 25 с возможной заменой на 50 г. зеленого чая. В дополнение к тому полагалось 400 г. мыла хозяйственного, 2 литра керосина и 3 коробка спичек.[14]

«Снабжение по указанным нормам, — дословно по приказу, — производить в пределах 35-38 человек руководящих работников на каждый район следующей номенклатуры: секретари и зав. отделами райкома ВКП(б), председатель, зам. председателя и секретарь райисполкома и приравненные к ним, секретарь райкома ВЛКСМ, редактор районной газеты, директор МТС и начальник политотдела МТС, председатель правления райпотребсоюза и его заместитель — директор райзаготконторы, районный прокурор и народный судья, начальники райотделов НКВД и милиции, управляющий отделением Госбанка, заведующий райсвязью, директор райконторы заготживсырье и управляющий райпромкомбинатом... В столовых закрытого типа указанным работникам производить отпуск питания сверх норм, установленных настоящим приказом».[15] Отпуск продуктов приказали производить по разовым талонам, а в столовых ввести обеденные спецкарточки.

Голод лютее всего в весеннее межтравье, ещё и уже нет ничего съедобного. К лету сорок третьего у городского соотечественника уже брюхо прирастало к позвоночнику, а деревенские корчились болями от колхозного диатеза. Постановлением СНК СССР № 757-224с с июля месяца продовольственное снабжение работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных организаций развели по потребительским орбитам. К первой группе (самых сытых) отнесли руководителей республиканских и областных аппаратов, их заместителей, секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов, а также руководителей важнейших предприятий. Таковым положили продовольственные карточки по особому списку, литерные обеды и сухие калорийные пайки. Секретари сельских райкомов ушли во вторую группу, а вся номенклатурная моль — в третью.[16]

Этим до победы можно было героически ждать. Продуктовые нормы не хуже, чем во времена очень развитого социализма, когда до полного коммунизма рукой подать. Местные аппаратчики остались недовольны и на протяжении всей войны ныли о переводе во вторую продгруппу. Посещение столовой для третьей категории дискредитирует, мол, высокое звание советского прокурора, к примеру, или начальника НКВД.

Героев карательного труда услышали. По настоянию прокурора СССР Бочкова Наркомторг и Центросоюз в апреле 1943 года выдали бумагу, разрешающую пускать в закрытые столовые местных юристов и гэбистов до старших следователей включительно.[17] Ладные ребятки, одёрнув гимнастерки и вежливо пропустив вперёд старших по патриотизму товарищей, садились за льготные

столы. Тут им полагались три блюда и дополнительные двести граммов хлеба. Чуть раньше циркуляром Генерального прокурора от 8 января 1943 года на усиленный паёк перевели начальников особого отдела прокуратур.[18] И правильно сделали. Какой ты особист, если хлебаешь пролетарскую баланду.

Хорошо, когда сам сыт. Но ещё лучше, когда не всем досталось. Так не бывает! — отвечали зарвавшимся без оснований. Вот станешь секретарем райкома, трескай от пуза. А пока что — отходь! Третьесортные представители власти покуражились и, убедившись в несовершенстве социалистического распределения, начали приворовывать на стороне.

Несортовое население страны делило крохи. В который раз убирать было нечего. О видах не урожай можно судить, не глядя в натуру. Абстрактная озлобленность советских газет, переходящая в столь же безадресную ненависть, — предвестник большого голода. Вектор тревоги закладывался очередной истиной академика Лысенко — лучше сеять озимь по стерне, чем вообще не сеять. Не уродилось в лето, должно подфартить зимой. Тех, у кого туго с памятью, предупредили, «что в условиях Отечественной войны злейшими врагами Родины являются саботажники хлебозаготовок, организующие обман государства и провал выполнения плана хлебозаготовок. По отношению к этим врагам Родины Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают принимать строгие репрессии — исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагери».[19] Социальная квалификация личности упростилась до простой арифметики — не даёшь плана — враг!

По осени, когда журавлями отлетели последние надежды, очень секретной директивой СНК СССР «Об экономии в расходовании хлеба» карточные нормы урезали всему несортовому населению страны. С 21 ноября 1943 года введены следующие нормы снабжения хлебом в пограммовом измерении: рабочим и ИТР оборонки — 650-600 г., предприятиям 1 категории и рабочим промышленных предприятий Москвы и Ленинграда 600 — 550, предприятиям 2 категории — 500, служащим оборонки, Москвы и Ленинграда — 450, служащим — 400, детям школьникам — 350, иждивенцам и детям — 300.

В сельской местности нормы отпуска хлеба лимитировали сверху: рабочим — до 500, служащим — 300, иждивенцам и детям — в пределах 200 граммов.[20] Нормы устанавливались для лиц, не имеющих собственного хозяйства. В дополнение к этому была повсеместно запрещена некарточная государственная продажа хлеба. Отныне разрешалась подсортировка муки другими культурами,

поощрялось производство всяческих хлебных суррогатов. Региональное руководство уполномочили снимать с пайков любого, у кого есть хоть какой-то источник жизни, будь то личное хозяйство или огород. Во имя этого следовало скрупулёзно обревизовать каждый двор сидящих на пайке.

Нельзя сказать, что опорный край державы превратился в вымороч ное пространство нищеты. Были оазисы. Про насущный хлеб номенклатуры скажу кратко. Помимо карточек хлебных, продуктовых, дополнительных, литерных, закрытых столовых и буфетов люд кадровый имел приход с деревенской стороны. Указ о создании подсобных хозяйствах тут выполнили с оптимизмом. В ранг подсобных перевели по крупному пригородному совхозу, предоставив льготы по заготовкам. В последующие времена эти хозяйства-прикормыши стали образцом советского земледелия, а руководители — просвещёнными помещиками.

Эвакуация занесла на Большой Урал цвет отечественной науки, театральной и музыкальной культуры, медицины, литературы, тот народ, кормить который либо действительно стоило, либо было приказано. В Молотове пережил лихую годину наш балет, в Свердловске — Академия наук СССР, в Тюмени холили труп самого живого из живых, в Шадринске берегли детишек аппарата ЦК ВКП(б). Каждый город на время войны дал кров и хлеб заслуженным и просто важным. Скажу про коллег своих по труду интеллектуальному и творческому.

«Не прикрепляйте к нашей столовой посторонних лиц!» — молил секретаря обкома заведующий делами Академии наук СССР. Дело было в феврале сорок третьего. Проверили. Вместо 130 академиков в столовой харчевалось по 700-800 человек. Из них большинство совсем не подпадающих под приказ Наркомторга №170 о льготном снабжении. Народ особенно рвался в зал №1, обслуживающий академиков и ведущих научных руководителей. Ещё бы, икра кетовая, кета паровая, гусь жареный, гуляш... К тому же, можно взять пять блюд сразу. От одного запаха завалишься в обмороке. У нас такого не было с девятьсот николаевских!

Во втором зале кормили по пункту 2 — работников рангом ниже, доцентов, завлабов и 300 близких академических родственников. Тут давали по три блюда в руки. Те же три блюда подавались в кафе «Ривьера», где столовались заслуженные работники искусств.[21] Но делали это тоньше, лауреатам международных и союзных конкурсов полагалось дополнительное блюдо.

Проверкой установлен большой перерасход мяса, жиров, кондитерских изделий по спецмагазинам эвакуированной богемы.

Особенно по магазину № 5, обслуживающему исключительно артистов МХАТа. У известного коллектива и прикормыши оказались изысканными. Комиссией под началом Уполномоченного Госторгинспекции Попова обнаружена только экономия крупы. В магазине №2, работающем на сотрудников Академии наук СССР, пропусков выписано в семь раз больше, чем положено, продукты отпускают на глаз, без учёта научной степени клиентов. Вокруг академиков, отмечено в акте, бьётся большой куст дальних родственников и людей сомнительной связи с наукой.

Не вина, а беда моих земляков, что они не смогли досыта накормить самую нуждающуюся и достойную часть эвакуированного населения — ранбольных многочисленных госпиталей. Солдату великой страны должно быть сытым и хорошо вооружённым. Жаль, что нашим солдатам в той войне выпало быть советскими солдатами со всеми вытекающими из этого факта тяжёлыми последствиями. Патриотизм как движение здоровой человеческой души обращён, прежде всего, к пострадавшему за Отечество воину. И здесь исторический материал даёт абсолютные основания для искреннего восхищения нашими соотечественниками, гордости за их душевное величие и здоровье. На фоне ужасающей нищеты в их жалости и порой наивных попытках помочь видится пронзительное благородство.

В сотнях архивных дел я не нашёл фактов, уничижающих рядовых деревенских земляков. Патриотизм, как естественное и высокое движение души в декорациях не нуждается. Радость в гармонии дел и совести. Везли, отрывая от детей, последний кусок хлеба и ведро картошки, кружки мороженого молока, тёплую последнюю одежонку, лекарственные травы, мох и тряпьё для перевязки раненых. Даже дровозаготовки, всегда ненавистная форма мобилизации женщин, не вызывала возмущения, если заготавливали дрова для госпиталей. Оно и понятно — в помощи нуждались чьи-то покалеченные отцы и сыновья. Упрёки, дерзкие и вслух, адресовались власти. В этом фрагменте Отечественной прошлая история ближе всего к истине, но в деталях. Ложь в главном. Все проявления человечности и благородства народов России отписываются советскому патриотизму.

Вспомним о чисто советском и здесь. Самое начало войны. Первые людские отходы Отечественной на станциях Урала. Нет ещё помещений под госпитали, нет медперсонала, инструментов и лекарств, раненые лежат по залам ожидания вокзалов, их нечем кормить. Директивой №189 начальника Главного Политического Управления РККА, армейского комиссара 1-го ранга Льва Мехли-

са приказано всем политуправлениям округов: в 10-дневный срок укомплектовать все госпитали политработниками, вести решительную борьбу с болтовней, разглашением военной тайны, распространением ложных слухов.[22]

Медицинскому персоналу категорически запрещалось говорить с ранеными о положении на фронте, спрашивать, откуда они прибыли. Столь же строго исключались разговоры о фронтовых делах даже между ранеными. С позиций советского патриотизма ясно, главной государственной тайной была военная катастрофа. В обязанности политработника входило пресечение любых чисто человеческих отношений между персоналом и пациентами. По распорядку госпиталя сестричкам под страхом увольнения запретили всякие «амуры» с ранбольными. С целью изоляции вводился жёсткий режим, запреты на выдачу верхней одежды, ограничение свиданий и иные лимиты поведения.

Принесли бойцам поесть и поговорить с ними за жизнь? За еду спасибо, а с разговорами — к политруку. Раненый возьмёт да брякнет, под Ростовом, мол, видел, как тысячными обозами тянулись на Запад вместе с немцами казаки, бежали от колхоза. И найдёт понимание у собеседника. Или скажет, что в захваченных немецких блиндажах полно еды, которой наши в глаза не видели.

Позднее при госпиталях создадут партийные и комсомольские ячейки, красноармейские «товарищеские» суды. Провинился по мелкому, не выдавать ему штанов неделю! Полежит бревном под одеялом, одумается. Нагородил лишнего, пусть с ним разбираются сотрудники НКВД!

Коротко о пайке духовном. Устраивайтесь удобнее. «Выступления должны носить бодрый и жизнерадостный характер. Выступления бригад художественной самодеятельности регулируются и планируются только культкомиссией при ОДНТ по согласованию с ДКА. Выступления без путёвок культкомиссии не допускаются». Профессиональным артистам было несколько проще, их концерты утверждались Уполномоченным Главреперткома. Правило для всех — «при посещении госпиталей и общении с командирами и бойцами РККА соблюдать такт, не заниматься расспросами или допытываться — как, что и почему».[23]

Тема городской военной нищеты многообразна и неисчерпаема. Что касается голодухи патриотической, то она растянулась почти на десять лет — до второго пришествия «свободной» торговли хлебом в 1947 году, с тысячными очередями, обмороками хилых, собачьей склокой и мордобоем страждущих. А досыта хлеба земляки наелись лишь в урожайном пятьдесят шестом.

Природа сталинского колхоза такова, что голодуха начинается с деревни и уходит за околицу нехотя и позднее. Просьбы о помощи продовольствием — основная почта, получаемая партийными органами снизу. С начала 1943 года стон голодных задавил всю входящую информацию областных контор Урала. Писали все и куда только можно. Перед вами избранные места из переписки внутрипартийной.

«Просим продовольственную ссуду в 50 тонн ежемесячно для колхозников. Если такая помощь срочно не будет оказана, то неминуемо будут жертвы на почве голода». В районную больницу, детализирует обстановку секретарь Шатровского райкома Егоров, поступают опухшие от истощения колхозники, многие едят пропастину.[24] Вскоре пойдут и покойники. Но жителям легендарно голодного Шатровского района к тому не привыкать. Всего лишь шесть лет назад, весной 1937 года, там был людомор, за который расстрелянный чуть позднее председатель Челябинского облисполкома Советников писал объяснительную в ЦК ВКП(б). Если забыли, вернитесь к главе пятой.

Чебаркульский район: план заготовок 1943 года выполнен на 12,7%, хлеба нет, колхозники ничего не получили. Нет и отходов, их на несколько раз просортировали и сдали на элеватор.

Альменевский район: массовые невыходы на работу, голод, имеются смертельные случаи на почве голода.

Лопатинский район: в феврале отгружено 25 тонн хлеба на 5400 карточников. Не обеспечиваются даже минимальные нормы пайкового снабжения. Население района переведено на пониженные пайки: учителям и занятым на ремонте сельхозтехники — 300, иждивенцам — 100 граммов в сутки.

Троицкий район: «В колхозах не осталось никакого зерна на продовольствие.. Особенно нуждаются в продовольствии семьи красноармейцев, которые приехали в район в 1940 году по плановому переселению, кроме того, в районе имеется 96 вернувшихся с фронта инвалидов Отечественной войны, которые не имеют помощи от колхозов». Далее секретарь райкома секретно сообщает, что от недоедания опухают дети колхозников, а в ряде артелей крадут и едят павших животных.

Каракульский район: чрезвычайно тяжёлое положение. Весь хлеб обмолочен, сдавать нечего, некоторые семьи уже голодают, тем более, что урожай картофеля по району также низкий. Если не принять мер, голодовка примет широкие размеры, потому что запасы картофеля подходят к концу. Озабоченность руководства вызвало и свинопоголовье, которое нагло объедают колхозники.

Почти каждая бумага из районов открывается преамбулой — «Вам известно, что по результатам 1942 хозяйственного года колхозники ничего не получили...»

«В колхозах «Красные орлы», «14 годовщина Октября», «Коминтерн», «Путь к социализму», «Путь Ленина» и многих других выдано на трудодень от 70 до 250 граммов зерна. Голод... «Многосемейные семьи красноармейцев на почве недостатка питания истощены и неспособны к физическому труду. Так Шабанов Василий Иванович (колхоз «Коллективист» Белозерского района), 70 лет, у которого в армии 6 сыновей, ещё на иждивении 4 человека, на почве отсутствия продуктов питания голодает, а члены семьи опухли. Имеются случаи, когда из-за отсутствия продуктов питания у семей красноармейцев в данном колхозе отдельные семьи употребляют в пищу трупы павших животных». «Во многих селах Упоровского района голодают, члены семей лежат в постелях от недоедания, есть смертельные случаи. Начальник управления НКВД по Курганской области подполковник ГБ Соломатов. 5 марта 1943 года».

Щучанский район: наряды не обеспечивают карточек, выданных в точном соответствии с инструкцией ЦКБ (Центрального карточного бюро). Помимо основного населения, 2372 человека эвакуированных и 500 человек ранбольных (2 госпиталя). Нормы рабочим 400, раненым — 300, служащим — 200, детям 100 граммов в сутки. В действительности выдается рабочим — 180 , служащим — 125, детям — 60 граммов в сутки.[25]

Вспомнить бы тут про музейно-мизерную пайку блокадного Ленинграда. И разрезать её пополам. Получится весовой эквивалент тылового детского героизма. Можно рвать на себе рубаху от гордости и не задаваться вопросами — кто в пару месяцев сдал лучшую половину страны, кто не эвакуировал малых да убогих, почему не хватило хлеба в стране, где его должно быть под крышу. Не задумчивые мы.

Лицом к лицу лица не увидать. Мои земляки в нищете героизма не почувствовали. Да и чем здесь народ удивишь? Ещё в тридцать третьем умерших с голода наших соседей — казахов собирали по степи возами. А в войну и того проще, хлеб отобрали у колхозов до пыли, сделав нас предельно самоотверженными. Ни героизма, ни патриотической слезы не выжать из такого, казалось бы, пронзительного факта тыловой жизни. Красноармейка Павлова Пелагея из артели «Искра» (Частоозерский район) сначала задушила голодного ребёнка, а через сутки умерла от истощения сама. Подобной экзотики в отчётах госбезопасности тех лет полно.

Северный вариант патриотической голодухи как всегда экзотичен. «Медленно идёт вспашка зяби в Ямальском, Надымском и Пуровском районе...». С этой эпически-фантастической картины октября 1944 года начинается отчёт окружкома о делах житейски скорбных. А что? Приказали — и пашем. «Ввиду аварии судов, транспортирующих муку и другие продовольственные товары для Тазовского, Пуровского и Красноселькупского районов, наличие муки в данных районах на зиму оказалось крайне ограниченным. Организовать вывозку муки на оленях с места аварии парохода «Боцман Лайне». Учитывая, что для абсолютного большинства тундрового населения нормируемые продукты, особенно хлеб, являются единственными источниками питания, установить нормы: работающим — 700, детям — 300, иждивенцам — 300 граммов».

Окружком рекомендует в порядке компенсации за голодный паёк доверительные беседы с коренным населением о героической борьбе советского народа и прочие отвлекающие от насущного мероприятия. И одновременно в горторг отправляет бумагу, приказывающую организовать трёхразовое питание без зачёта продовольственных карточек для участников пленума окружкома партии и совещания прокурорско-судебных работников.

Для деревни самыми военными и голодными стали два года — сорок третий и сорок четвертый. Привычно пахали и боронили на живом тягле. Директивы, подписанные самим вождем народов, зло приказывали перенести на личный скот все транспортные и полевые работы. Стилистически ограненная мудрость выглядела шедевром. «Партия и правительство оказали большую помощь колхозам, освободив на время сева от гужповинности, создав благоприятные условия для использования личного тягла в борозде. И тот колхоз, который не двинет максимально возможное количество коров общественного и личного сектора в борозду, принесёт вред и государству, и себе, а руководители не могут считаться настоящими работниками социалистического земледелия».[26]

В газетно-патриотическом исполнении истина смотрелась до слез чарующей. «Хлеб на элеватор мы доставляем на своих коровах. Транспортным отрядом руководит Н.П.Боровских. Она сама работает на колхозном быке, а часто запрягает и свою корову. Старательно, без отдыха возят хлеб на своих коровах старушки Варвара и Ксения Боровских... Транспортный отряд за сутки делает один рейс в Шадринск, за 12 километров. Потерь при перевозке зерна нет».[27]

Старушки да подростки на коровах — самая живая хозяйственная деталь военного колхоза и предмет хронического восхище-

ния газетчиков прошлого (из номера в номер) да нынешних патриотов, любящих Россию до беспамятства. Старушкам фронтовых лет поклон в пояс. В покаяние за нашу непреходящую глупость, одухотворяющую мать в ярме, за позор дикой принудиловки и нищей старости. Любовь к России мимо любви к матери — зигзаг изощренного рассудка, а не свет души.

Сложна советская действительность, до зауми сложна. Благодарить надо государство за то, что твоей скотине дали два месяца отпуска с дровозаготовок. Пусть милая отдохнёт в борозде. Потому как без частной бурёнки под плугом или бороной земледелие становится антисоциалистическим. В авангарде военного колхоза рядом с бабой и подростками шла скотина единоличная. Про тварь общественного сектора писали в основном для истории. На бескормице и колхозном уходе она к апрелю сама себя не носила, на помочах вытаскивали к свежей траве. Какая тут гужповинность? В этом месте патриотической тирании остался еле уловимый аромат колхозной демократии, — позволялось определяться с супрягой. С какой коровой на пару заводить свою Марту в ярмо.

Увезли на элеватор всё? До зерна? Ну и хорошо, теперь за бухгалтерию собственного брюха. Считать — почём героизм деревенский. Деревня Волчата не самого голодного Талицкого района. Артель «Победа»: мужиков — 10, женщин — 26, подростков и престарелых — 9 человек. Разность между московской (видовой) и фактической урожайностью выглядела криво: рожь — 11,6 и 1; пшеница — 10,8 и 5,6; ячмень — 10,5 и 4,6; овёс — 12 и 4,2 центнера с гектара. Особенно не уродились корнеплоды столовые, тут жизнь оказалась хуже грёзы в десять раз. Так как Сталин всегда прав, государственные поставки натурой рассчитали с урожайности плановой, вышло, что колхоз должен много сдать и получить 24 тысячи рублей прибыли. Но всех 370 центнеров «Победы» не хватило даже закрыть обязательные поставки, не говоря о ссуде.

На момент составления отчёта волчата не выполнили и 15% плана. Ночами бабы сортировали что есть, а днём коровами отвозили на глубинку. На трудодень провизорно выпало деньгами по 3 копейки, 140 граммов хлеба и 300 граммов озимой соломы. Последнюю тонкость объясняю молодым и городским. Озимая солома в годы Отечественной была самым ликвидным средством в расчётах по трудодням. Полову и солому власть великодушно оставляла колхозам, советуя классово распределять клетчатку.

Солома яровых культур, как корм более мягкий, адресовалась скотине общественной. В целях экономии райкомы запрещали использовать её для подстилки, заставляя колхозников резать ка-

мыш. Эпилог отчёта даю дословно. «Предложения: ликвидировать дебиторскую задолженность, ликвидировать падёж скота, погасить неделимый фонд в 1 квартале, выполнить план по настригу шести и яиц, выполнить план по животноводству».[28]

На дворе стоял сорок третий. В десятках томов с колхозными отчётами удручающая однообразием панорама нищеты. В каждом документе на трудодень символические копейки, 100-300 граммов хлеба, которые не покрывают бригадной похлебки, да клок соломы. Иной раз мелькнёт нечто экзотическое — граммы мёда или той же картошки. Практически нет колхозов, выдавших хотя бы минимальный, гарантирующий выживание семьи, хлебный запас. Про то и разговора не было. Власть агрессивно заглядывалась на продукт личного хозяйства колхозников.

Теперь размажем бухгалтерию трудодня во времени. Артель «КИМ» Слободо-Туринского района. Природа — как в раю! Но это пустой мираж. За всё десятилетие сороковых реальная урожайность в 2-3 раза ниже сталинской. В голодном промежутке между сорок первым и сорок седьмым на трудодень обломилось последовательно: 500, 310, 200, 300, 350, 312, 550 граммов хлеба. Хлеще того по деньгам, у самого-самого колхозного ударника за семь лет вышло общим итогом около 400 рублей.[29] Выберись он с радости в город, встань в очередь «свободной» с 1947 года продажи хлеба, купил бы целый пуд муки. Правда, было ещё одно условие — успеть до денежной реформы.

«По установленным нормам на трудодень, — жалуется Маленкову секретарь Тюменского обкома Чубаров, — начислено 6644 центнеров рыбы, фактически выдано 3700 центнеров... Вследствие позднего выделения фондов и несвоевременной отгрузки их в округ не поступило 400 тонн муки, 31 тонна табаку, 72 тонны жиров. Недовоз продуктов срывает нормированное распределение по карточкам».[30] В рыбартелях Севера трудодень на особицу. Ждать нового года для окончательного расчёта не надо. Рыбу ловят, сдают государству, а по трудодням выдают ту же рыбу, но по союзным нормам, которые рассчитаны скрупулезнее золотого песка.

Улов по трудодню был в десять-двенадцать раз меньше фактического. Сминусуем еще 45% недоплаченного. Полученные по трудодню хвосты обменивались на продукты. Скинем и недовоз. Зато по весне сотни тонн гниющей невывезенной государственной рыбы наполняли социалистическими запахами тундру, вызывая беспокойство песцов и склонных к рассуждению аборигенов.

Было в Ямало-Ненецком округе и скрашивающее хорошее. По докладу Чубарова, благополучно обстояли дела с массово-

политической работой среди кочевого населения. Активно работали 11 красных чумов, проведена 951 беседа, созданы лекторские группы, партийно-советские работники стали чаще бывать в тундре. На руководящую работу выдвинуто 23 национала. Для них же создана окружная партийная школа. По постановлению ЦК обещалось направить в ямальскую тундру 80 комиссаров. Приехало почему-то только 35.

Прав Ильич, социализм — это, прежде всего, учёт. И преждее всего в колхозе. История трудодня полна драм, связанных с абсурдными параматематическими формами мышления. Ибо начисление трудопалочек проводил бригадир, чаще не знакомый ни с азбукой, ни с арифметикой. Первоначально квалифицировался только факт работы. «На работе была, боронила на своей корове, работала на току, ездила за соломой на быках, травила кобылку». Потом пришли нормы с разбивкой по сложности работ. Больше всего, до трёх трудодней, полагалось ставить комбайнеру, бабьи услуги на подхвате оценивались в половинку-четверть трудодня.

К началу войны порядка навести не удалось. Правления и бригадиры к учёту трудодней относились с халатностью, вполне оправданной здравым рассудком. Зачем зря напрягать ум, делить и множить то, чего нет. При проверке колхоза «Красный конь» Кочкарского района истина обрела риторически изящную форму. Зачем нам трудодни, ответствовали местные дезертиры, если по ним пять лет кряду ничего не выдают. При урожайности в 1,5 центнера с гектара лучше спать дома.

Введение с апреля 1942 года обязательного минимума трудодней с разбивкой по основным хозяйственным кампаниям не возымело должного воспитательного эффекта. Полагающиеся по указу исправительно-трудовые работы совершенно не отличались от основной деятельности колхозника — бесплатного строительства социализма. Уральские юристы уловили это сразу. В письме секретарю Свердловского обкома ВКП(б) Андрианову от 5 октября 1943 года облпрокурор Кудрин испрашивает разрешение на инициативу. Судить ленивых, суть её, надо в первом квартале, если потом не исправятся, в конце года можно притянуть их как рецидивистов, с заменой ИТР на ИТЛ.[31] Под инициативу не влазил, к сожалению, туземный колхоз. Оленеводческие бригады, уходящие в каслание, совершенно выпадали из поля зрения партийных, карательных органов и даже госстатистики.

Читатель догадается, почему между трудоднём и трудовым подвигом советская власть вставила указы о прогулах, минимуме трудодней, мобилизации и прочая, прочая. Не хочешь героически

трудиться в колхозе? Будешь вкалывать в лагере. И не вспомнят тебя добрым словом потомки, потому что к осуждённым в войну душа не лежит. Нет тебе дороги в российскую память. Износил портупею в вохре — герой. Отсидел лихое время за исполкомовским столом — тоже ветеран и герой, а ты — рецидивист поганый. Даже севшие за колоски, по «дедушкиному указу», по указу «четыре шестых», до сих пор уголовные сволочи. Под индивидуальную реабилитацию пойдут только святые партийные покойники.

Осень любого из сорок голодных. Директива стандартной всесоюзной злобы предписывает весь хлеб вязать в снопы и скирдовать, в пятидневный срок организовать подгрёбку и сбор колосьев, для чего повсеместно мобилизовать школьников. До приёмки полей по акту запрещались вспашка зяби и появление на полях кого-либо. Транспортировка зерна — только по накладным. На патриотизм никто не надеялся, а патриотизм советский требует сильнодействующих побудительных средств, кои были представлены всем репрессивным аппаратом власти.

Партийные документы требовали судить замешкавшихся с заготовками и немедленно отправлять в концлагеря. «Помни, — писали местные газеты тех дней, — каждая горсть зерна как пуля, как бомба фронту нужна!» «Без хлеба нельзя воевать, — это уже «Правда», — нельзя одержать победу. Этому учит большевистская партия, этому учат В.И.Ленин и И.В.Сталин». Исполненный плакатно и развешенный видно афоризм не интриговал смыслом, сельскому дураку без марксизма ясно, что без хлеба и за баню потяжёлому не сходить. «Остаются колоски на полях! — сердится молодой Курганский облпарт, — виновные будут безоговорочно предаваться суду и нести ответственность по закону военного времени». Всесоюзный дедушка Калинин, по указу которого за ворованные колоски расстреляли многие тысячи, рёк привычно категорически — «Каждый потерянный колосок — нож в спину Красной Армии!» «Чтобы выиграть войну, — тут вождь народов тоже попал в точку, — нужно подвести противника к пропасти и столкнуть его туда!»

Подходящих пропастей на Урале почти нет, поэтому правокарательные органы сталкивали тыловых врагов сразу в могилу или лагеря. Начиная с августа месяца, областные газеты почти ежедневно давали сообщения о хищенцах и судебных расправах над колхозным штатом. Война гремела по всему колхозному фронту второй мировой. «15 октября присуждены к расстрелу председатель колхоза имени Ильича Звериноголовского района.., председатель колхоза имени Чкалова Альменевского района... Приговором

Военного трибунала осуждены на 10 лет председатель Варгашинского райисполкома.., уполкомзага.., председатель Усть-Уйского райисполкома.., начальник райотдела НКВД.., райпрокурор...».[32]

Фамилии осуждённых назвать не могу, так как под реабилитацию попали только кавалеры пятьдесят восьмой. Посаженные за нерасторопность в карательной политике военных лет, остаются преступниками до сих пор. Нашим персонажам не повезло вдвойне, они жертвы случая. Накануне вышел указ о присуждении звания Героя Социалистического Труда Молотову, Берии, Микояну и Маленкову. На это было принято срочно отвечать самоотверженным трудом, а не ловить мух.

Все начальники — сволочи! Истина сверлёется в популярный афоризм, если советскую историю не потрошить. С ливером-то и чирок — мясо. На самом деле большинство деревенского штата уходило под суд за милосердие, за скрытую поддержку голодных колхозников. Из 100-120 председателей, осуждённых в среднем за год по областям Урала, под вышку уходило немного, человек по 7-10 на область. Только по делам заготовительным и через военный трибунал. Любимой нормой взаимоотношений парсудов и председателей колхозов была статья 109 УК, плавно переходящая в статью 59 УК. Первая карала за должностное преступление в виде сверхлимитного авансирования коммунаров. Либо дал больше, либо не то. Полагалось 15 % от урожая и отходами. При обязательном выполнении графика хлебосдачи. А с серпом да на корове, какой план? Если председатель всё же давал хлебный аванс, то получал срок по сто девятой. Вместе с уполномоченным.

Чтобы обезопасить себя районная власть часто шла на подлог. На хлеб, лежащий в колхозных амбарах, и не вывезенный на элеватор из-за отсутствия транспорта, выписывались фальшивые накладные, по которым отчитывались по заготовкам в область. За такие маневры давали пятьдесят девятую, а то и вышку. Вот почему на этап попадали и очень кадровые души.

С другой стороны, нельзя было не авансировать коммунаров. С голодухи бросят работу и уйдут колосовать, что само по себе уголовно в трех измерениях: по указу от 26-06-1940 (за прогулы), от 13-04-1942 (за невыработку минимума трудодней) и по «дедушкиному» указу «семь восьмых» (хищение соцсобственности). По отчётам областных прокуратур Урала за 1943-1944 годы ясно, что поведение деревенщины предсказуемо, но почти неисправимо.

Основная масса преступлений рассыпалась по трем указанным векторам, хотя имела общим основанием голодуху. Около 80% осужденных за нарушение трудовой дисциплины — механиза-

торы. Понятно, МТС, режим, голодом и каждый день на работу. За перерасход горючего и поломку тракторов тоже садили. За невыработку минимума трудодней толпой шли под суд женщины-красноармейки, предпочитающие сохранить детей, а не советскую власть. Городских пролетариев выделяло дезертирство с оборонных предприятий. По «дедушкиному указу» садили публику разнообразную, но сезонно, по осени, когда вся рать голодающих вылазила на опустевшие полосы.

Осядем на грунт тыловой колхозной истории. «Карпук Елизавета Петровна, 1895 года рождения, из крестьян-бедняков, имеет 5 человек детей от 17 до 7 лет, колхозница. 26 июля 1943 года похитила колосков ржи 3 кг. Судом осуждена к 2 годам лишения свободы, но учитывая, что муж находится в РККА, имеет 5 человек детей, совершила преступление впервые, суд применил «условно».[33] Случай из судебной практики Мишкинского нарсуда можно принять классическим для сельской жизни тех лет. Отчёты всех райпрокуратур аграрной зоны Урала тиражируют вверх одно, работать приходится вхолостую. Клиентов по указу «семь восьмых» столько, что не уложиться в сроки, предусмотренные УПК. Дел много, жалуется нарсудья Петуховского района Гусев, и с подходом хлеба их всё больше и больше. По делам статьи 162 УК надо выезжать в колхозы, чтобы судить, не отвлекая колхозников от уборки. Хищенцев судить заочно запрещалось. «При всём моем желании выдержать сроки невозможно, я физически не в состоянии, хотя я и штат суда работаем без выходных».[34]

Несмотря на то, что работники суда взяли социалистическое обязательство — рассмотреть 250 дел, это из другого района, количество дел, не рассмотренных (в нарушение УПК и приказов НКЮ) растёт. Преступность опережает возможности правосудия. Все мы патриоты России, но каждый самоотвержен по-своему. Ежемесячная нагрузка на одного судью, жалуется уже Москве прокурор Курганской области Скороходов, 52 уголовных дела и 41 гражданское.[35] Так что героически трудились во имя Победы не только колхозники.

С другой стороны, садить особенно и некого, хищенец пошёл совсем никудышный для карательной практики. Буквально все прокуратуры хлебных районов констатируют: стригут колоски и страдуют на убранных полях исключительно женщины, у которых мужья в действующей армии, либо детишки фронтовиков. При этом юристы ссылаются на специальную директиву Наркомюста СССР, запрещающую привлекать малолеток в возрасте до 14 лет к уголовной ответственности за кражу колосьев и нарушение ука-

за от 13-04-1942 года (за невыработку трудодней). Штрафовать родителей, пожалуйста! А садить не надо. Вот если ваш сынок утёк с промышленного предприятия, то послаблений никаких, срок как большому, по указу от 28 декабря 1940 года.

Действительно, разве это публика для уважающих себя советских юристов! Работница Кировского заготзерно Шишкина учинила кражу 3 кило зерна. Нарсуд дал ей год тюрьмы. Украла колхозница Гайнетдинова 2,2 кило пшеницы, а у неё муж на фронте, двое малолетних детей и мать 80 лет. Ну, дали ей год заключения. Папка воюет на фронте, мамка кантует в тюрьме! Троицкий нарсуд отправил на нары уборщицу мясокомбината Тюленбаеву за то, что хищенка пыталась уволочь под юбкой 700 граммов сала. Муж героически сражался с немцем, а куда делись трое ребятишек и старуха-мать, знает только Бог.[36] Хищенцев — пруд пруди, а сроки смешные. Как отчитываться, ума не приложу!

Привязывая правосудие к сельской местности, Наркомюст рекомендовал временно заменять «дедушкин указ» более слабой статьёй 162 УК, а в отношении членов семей фронтовиков даже статьёй 51 УК, допускающей условное наказание. Необходимость смягчения репрессий вытекала из очевидного факта — голодухи. Повсеместно режут колоски, скучно идёт по всем прокурорским бумагам, и везде хищенцы — из семей красноармейцев. За два самых трудных года войны в колхозах всех областей Большого Урала на трудодень в среднем начислялось менее 400 граммов хлеба. Но только начислялось! Это правда в исполнении советской статистики. Фактически ежегодно, до пятидесятых, колхозы не могли отоварить начисленные трудодни. С бухгалтерией вроде бы всё ладно, а хлеб вывезли до зёрнышка два месяца тому назад.

Сейчас осторожнее, не утоните в высшей математике лицемерия. После выполнения обязательств перед государством, МТС, фондом Красной Армии и по ссуде остаток продукта делился по трудодням. Трудодень оказывался космически пустым. Но не сразу. Пустопорожность — результат убедительной калькуляции. Все обязательства перед высокими юридическими лицами рассчитывались по видовой московской грёзе. А изымались из урожая фактического. Которого никто не знал, так как бабы до марта молотили хлеб и возили его на коровах в глубинки. Выход съестного на трудодень прикидывали делением предполагаемого остатка на начисленные трудодни. Общий итог коллизии между грёзой и действительностью — экономический идиотизм. Колхозники оставались должны сами себе. Трудодни есть, даже номинал в граммах известен, но хлеба нет.

Наркомюст предвидел такой ход дела, поэтому еще в 1937 году установил срок исковой давности по претензиям колхозников к своей артели в один год. Пока до нового урожая дело дойдёт, колхоз уже за забором исковой досягаемости. В войну говорить о задолженности прошлогодней было не принято. Позднее, когда у колхозов после разборок что-то оставалось, юристы, блефуя по мелкому, удовлетворяли копеечно-граммовые иски обиженных.

Москва верила не колхозникам, а статистике. И была права. По документам ЦСУ хлеб в деревне оставался. Каждую военную зиму примерно 20-30% хлебов уходило под снег. Посевы планировались под механизированную тягу. В мирные годы тракторные станции лытали от трудоемких весенних работ. За годы войны ни одна из сотен уральских МТС не выполнила плана тракторных работ, а средняя выработка на трактор даже с фантастическим коэффициентом советской туфты не вылазила за полторы сотни гектаров в сезон. По всем видам полевых работ. Особенно туго шло со вспашкой. Колёсники малопроизводительны и капризны. К середине лета исчерпывался лимит горючего. Кустарное, на местах, производство запчастей превратило МТС в мастерские хронического ремонта. «Трактор в поле — танк в бою!» – твердили плакаты по стенам контор и мастерских. Про фронт не скажу, а в опорном крае державы было так. По техническим и иным причинам практически не работало около половины тракторного парка МТС. Сеяли 60-70 дней, с конца апреля по начало июля.

Уборочные работы вообще потеряли всякие временные границы. Во-первых, комбайны нечем было таскать, самоходные агрегаты появятся лишь в пятидесятых. Все гусеничные тракторы мобилизовали для фронта. Механизировано убирали менее четверти полей. Можно ремонтировать комбайны в колхозах, запрашивали обком партии районы Молотовской области, и поясняли, что тянуть агрегаты в МТС не имеет смысла, они рассыпятся на ходу. В годы сталинского колхоза технику оставляли зимовать в поле. По той же причине — не дотянуть до МТС.

Обстановка осложнялась мелочным контролем за каждой горстью зерна при перевозке и на токах. Косили литовками и серпами по снегу, под метель. Именно здесь закопана главная технологическая подлость советской власти. В голодной деревне хлеб пропадал, мёрзла не выкопанная колхозная картошка. Но власть не разрешала колхозникам употребить хоть что-то в погашение голода. Принцип голодно-советской власти — на поля, не сданные по акту, ходу нет никому! Призывы Москвы расширять посевы озимых, чтобы успевать с уборкой, оказались совершенно

нереальными. По той же причине — из-за медленной уборки и слабосилия, колхозы не успевали даже вспахать зябь.

Военные годы — самая яркая страница в истории основного деревенского недуга. Эпидемия колхозного диатеза не затухала все двадцать пять лет сталинского Агрогулага. В относительно сытые годы она отступала в глухие заморные углы, в голодухи полыхала в основных сельскохозяйственных регионах Союза. Как болезнь исключительного экономического происхождения, алиментарно-септическая ангина неизлечима ни медикаментозно, ни хирургически. В обгон медицины деревенский опыт связал ее с двумя симптомами экономической дебильности Агрогулага: копеечным жмотством и шокирующей бесхозяйственностью.

Весной полосы оставленного хлеба становились предметом особого внимания голодающих. Как только сходил снег, деревня высыпала на поля собирать колоски и мёрзлую картошку. Потому нас называли подснежниками. Ничто не могло остановить земляков, ни кары власти, ни угроза смерти от отравления. Осенью убираем для государства, а весной для себя, говорили колхозники уже на моей памяти — в голодуху послевоенную. Влажные колоски, казавшиеся крупными, собирали по только что оттаявшей земле, потом сушили. Сморщенные усохшие зерна мололи на ручных жерновах. У голода память короткая, вряд ли кто знал об опасности. А она стояла на пороге.

Первые случаи заболеваний септической ангиной в областях военного Урала отмечены весной 1943 года. В отличие от классического советского голода ареал этого заболевания определяется не степенью выполнения плана хлебозаготовок. Где «успешно выполнили», то бишь вычистили под веник, там и зубы на полку. Колхозный диатез массово вспыхивает при наличии двух непременных условий: голодный коммунар и неубранный в зиму хлеб. И правда, только угрожающая жизни голодуха погонит человека в холодную степь. С другой стороны, какой смысл шариться на полях, убранных вручную. И та колхозница, что жнёт, и та, что вяжет снопы, упавший колос скорее унесёт домой, чем переступит. В нищету мирную колосовали обычно на полосах, убираемых комбайнами, там нужны не колоски, а гектары.

Лучше всего колосовать на полях, оставленных под зиму. Все твоё, что не съели зайцы. На такие полосы выходили всей деревней, бросая всякие домашние, а тем более колхозные дела. Про них знали с осени, некрасовские брошенные полоски были надеждой на выживание. Поэтому ареал эпидемии определялся площадями неубранных колхозных полей. В 1942 году в колхозах Урала

под снег ушло более миллиона гектаров зерновых. На следующий год — более 700 тысяч гектаров.[37]

В период 15-20 мая 1944 года в Мостовском и Варгашинском районах имели место заболевания септической ангиной. В Варгашах четыре ребёнка умерло в возрасте от 2 до 11 лет, госпитализировано 44 человека.

Кировский район. В Купайском сельсовете умерло 12 человек, 40 госпитализированы, в Ивановском сельсовете — умерло 7 человек, в Дубровском и Кировском сельсоветах — по 1 человеку, 70 человек с подозрениями на заболевание.[38]

И пошло-поехало. Сообщения о массовых заболеваниях потопили все инстанции власти и бессильное тыловое здравоохранение. Колхозным диатезом хворала вся деревенская Россия. По областям умирали тысячами. Первыми мёрли дети. И оттого, что слабее, и по другим причинам. Взрослые, по опыту вчерашней голодухи, знали про возможность отравления. Промывка, размол, термическая обработка зерна и прочие операции как-то снижали уровень токсинов. Детишки, дорвавшиеся после зимней голодухи до еды, не ждали и ели заплесневевшие колоски прямо в поле. Дома начиналось то, что на ломаном медицинском языке называется алиментарно-септической ангиной.

«В последние годы, — обеспокоили партийную власть медики, — в ряде областей в весенне-летние месяцы, апрель-август, наблюдается заболевание, так называемая септическая ангина. Это заболевание не относится к числу заразных».[39] Далее излагались причины эпидемии. Уральских вождей, десять лет назад ошарашенных невиданной хворью, по ошибке перестреляли накануне войны, а новые в медицине были слабы. Поэтому приняли категорически верное решение — запретить. Вскоре обкомы разослали в районы директивы общеукрепляющего действия.

Приказывалось взять под контроль полосы, на которых хлеба не успели убрать, организовать их круглосуточную охрану и настрого запретить неорганизованный сбор колосьев. Начальство местное приняло бумагу с недоумением. Никаких средств и карточек на охрану полей не дали. Осеннего объездчика легко найти, он хомяком набивал мешки с охраняемых полос. Какой дурак станет болтаться по полям, когда ни пайка тебе, ни приработка. Организованный сбор гнилого зерна обратился в коллективное отравление. Пионеры втихаря ели ядовитый продукт.

Хворь обеспокоила столицу. В постановлении СНК от 2 июля 1944 года, деловито-сухом, как будто речь идёт о падеже баранов, отмечено повсеместное распространение заболеваний септической

ангиной, особенно в Башкирии, Татарстане, Мордовии, Курганской, Молотовской, Куйбышевской, Новосибирской, Свердловской, Челябинской и других областях. В эпидемические края направили уполномоченных Наркомздрава, тысячу студентов мединститутов, выделили дефицитные лекарства — тонну стрептоцида и сульфидина, в том числе 100 кг областям Урала.[40]

Колхозный диатез бушевал по стране до начала пятидесятых. Дохли, привыкая к отраве, всё меньше и меньше. Риск разменять временную сытость на жизнь отступал вместе с голодом. Дождались милости и мудрости высочайшей. Постановлением Совета Министров СССР № 3558рс за единоличной подписью Сталина приказано Министерству заготовок и Центросоюзу «организовать через пункты заготзерно и систему потребительской кооперации обмен населению зерна, перезимовавшего под снегом в поле, на доброкачественное зерно и обеспечить отдельное хранение его на заготовительных пунктах, а также своевременную передачу его спиртзаводам для переработки».[41]

Изготовить, на манер одного из персонажей Войновича, самогон из этого самого, но частного не удалось. Никто зерно на обмен не принёс. Властям не верили абсолютно, даже вождю. Знали, что хлеба обменного нет, и не будет. Вымачивали, выпаривали, морщась и страдая брюхом ели.

Спиртное гнали из отходов жизнедеятельности государства. Зерно, картофель, другие продукты сотнями тысяч тонн обращались в говно на заготовительных пунктах, элеваторах, складах. «На глубинных пунктах области скопилось свыше 80 тысяч тонн продовольственного зерна. Вывезти это зерно на пристанционные пункты для переброски в промышленные центры, частям Красной Армии, а также передачи УГМР не представляется возможным в связи с малочисленностью автотранспорта. Значительное количество глубинных пунктов заполнили зерном всю свою емкость и вынуждены прекратить приёмку, уже сейчас, когда область не выполнила одной трети плана». Дежурная бумага уральских обкомов в адрес Микояна.[42]

Что мог сделать Анастас Иванович? Шёл к Иосифу Виссарионовичу. Вождь, выслушав и мудро покурив, в очередной раз приказывал запрягать единоличных коров. А те, добавлялось в каждой бумаге, кто ждёт от коровы только молока, дождётся всего скорее тюрьмы. Колхозниц и тягло несознательное нагружали ещё одной патриотической обязанностью — вывозить зерно с глубинок на железнодорожные станции. Дело, вроде бы, не колхозное, но на дворе время военное.

У Маленкова просили вагоны для отгрузки овощей, на станциях картошка пропадает тоннами в сутки. Толстенные тома с просьбами и воплями. Не отгрузим — тюрьма или фронт. У Андреева клянчили те же вагоны, но для отгрузки скота живого и мясопродуктов. Начальника ГУЛАГа НКВД Наседкина уговаривали дать заключённых для погрузочно-разгрузочных работ, каждый уральский обком просто умолял его открыть дополнительные лаготделения, или хотя бы пару исправительно-трудовых колоний. И большевистски солидно обещали — проблем с контингентом не будет. Дадим по своим каналам распоряжения УНКВД.

Теперь о ГУЛАГе деревенском. По-о-ехали. «За последнее время ст. Свердловск-пассажирская снимает с поездов большое количество больных и направляет их в лечебные заведения. В течение января было доставлено с вокзала 237 больных, а только за 15 дней февраля — 152 больных. Основную массу их составляют люди истощённые (дистрофики), дающие большой процент смертности, так как из-за длительного пребывания на транспорте они резко ослабевают. Вокзал даёт большое количество трупов (108 за январь)».[43] По данным НКВД и госбезопасности, подобное творилось на всех крупных пунктах перевалки.

То были люди, сломя голову убегающие от голодухи. Бежавшие наугад в последней надежде выжить. Нищета городская стремилась в деревню, так на Руси было всегда во времена хлебного дефицита. На картошке и лебеде, но подальше от тысячных очередей и гарантирующего дистрофию пайка. Навстречу ломились толпы эвакуированных, разменявших последнее тряпье на продукты, не имеющих ни собственного огорода, ни угла. Добавим к ним многие и столь же голодные тысячи неорганизованной эвакуации. Качнувшиеся сначала на восток, а с лета сорок третьего двинувшиеся обратно на запад.

А сейчас о без вести пропавших на колхозном фронте второй мировой. Только один срез во времени — весна сорок четвёртого. В областную больницу Кургана в 1943 году поступило дистрофиков 1 и 2 степени 451 человек, из них умерло в первый день поступления 48 человек, всего умерших 132 человека. На день проверки — 25 мая 1944 поступило 142 дистрофика, из них 21 умер. Сафакулевский район. За год в райбольницу поступило 59 страдающих дистрофией, 6 с летальным исходом. Юргамыш: на 25 мая того же года — 36 дистрофиков, 13 умерло. Куртамыш — из 14 дистрофиков 7 — покойники. Местные отчёты наркомздравов склоняются к антисоветской истине — карточный паёк гарантирует рост дистрофии. В обзоре, направленном секретарю Курганско-

го обкома ВКП(б) Тетюшеву, указывается, что большинство страдающих и уже умерших — дети.[44]

Перед вами нагая правда, продёрнутая через статистику облздравотделов. Будем математически бездушны и строги в мысли, чтобы отслоить покойников дистрофических от септических. В статистике это очень важно. Первые с определёнными допущениями можно принять за жертвы гитлеровского нашествия, вторые никакого отношения к этому не имеют и лежат на совести советской власти, наглухо отодвинувшей колхозников и их семьи от результатов своего труда. Если раньше, в довоенное время, абсолютная власть государства над деревней смотрелась хозяйственным абсурдом, а под пристальным взглядом — хищнической эксплуатацией во имя политических целей большевизма, то теперь это было очевидным преступлением перед народом. Политикой, которая по нормам Нюрнбергского процесса квалифицировалась как преступление перед человечностью, геноцид.

На полях не осталось бы и колоска, разреши власть молотить уходящие под зиму полосы колхозникам для собственного пропитания. Пусть даже в декабре, по снегу. Разреши — и нет патриотической голодухи! Потери с лихвой закрывали потребности деревенщины. Как не крути, сытый мужик приличнее и как работник, и как патриот России. Так, если подходить к жизни с нормами здорового рассудка и элементарной порядочности. Но в стране, инфицированной коммунистической чумой, обстоятельства складывались иррационально. С брошенных полей гнали даже по весне. Сам тому свидетель. Собирали гнилую картошку и колосовали семьями. Женщины, завидев любого в ходке или верхового, прятались в лес. Кому охота под суд. Мы, мелочь, до темноты голосили около самодельных вёдер с колосками или водянистыми картофелинами. По рёву нас потом, в сумерках, и находили.

Народ и партия — едины! Плакатное выражение гражданского идиотизма воспринимается теперь с иронией. Но как только мы становимся советскими патриотами, застарелая хворь даёт осложнение в голову. На что Сталин, деспот из деспотов, а заговори про Отечественную, снова вроде бы вождь. За мудрость которого и нашу победу заплачено десятками миллионов душ.

Народ и ВКП(б) воевали на разных фронтах. Первый защищал страну, а власть — себя. Нормальному человеку, патриоту России, а не коммунизма, одинаково жалко и солдата, павшего в бою, и ребёнка, высохшего до смерти в голоде. Судьба малого воспринимается даже больнее. Первому — боль и святая память, а вслед погибшим в тылу — боль и непреходящий стыд. Для ком-

патриота свят лишь тот, кто защищает власть. На фронте от фашиста, в тылу — от своих.

Разрешить уборку хлеба на прокорм колхознику власть не могла. Колхоз её самое главное завоевание в гражданской войне с народом. Десять лет большевики судом и кнутом ставили деревню на колени, и возвращаться к самостоятельному распределению даже пропадающего хлеба, не имела намерения в мыслях. Директивы Наркомюста и Прокуратуры СССР предупреждали местные власти — ни в коем случае не допускать списания полей до окончания хозяйственного года. Иначе, мудро догадались в Москве, деревенские кинутся страдовать на этих полосах. Кто тогда будет молотить и вывозить хлеб государственный. Пусть лучше мрут, для Страны Советов колхоз дороже колхозника. Для победы коммунизма тыловые жертвы столь же оправданы, как под забытым Ржевом, или легендарным Сталинградом.

Зерно горело в буртах на сотнях примитивных глубинок, гнило под открытым небом. Потери при транспортировке и хранении только на Урале исчислялись многими десятками тысяч тонн. Власть предпочитала отправлять гниль на спиртзаводы, чем скидывать часть хлеба на текущее потребление. Недоедал солдат, голодовало тыловое население, но столица не отпускала вожжи централизованного распределения продуктов. Дежурные и обычные бумаги тех времен. На глубинках только пяти проверенных районов Свердловской области, сигнал секретарю обкома Андрианову, более 7,5 тысячи тонн гниющего зерна. Подрабатывать его некому, вывозить нечем. Более 9 тысяч тонн хлеба, поступившего из северных областей Казахстана, испорчено совсем. Перевозят его в открытых вагонах, к которым нельзя подойти, температура доходит до 70 градусов.

На складах Заготзерно Молотовской области, излагается в строго секретной информации, направленной в ЦК ВКП(б) (всего два экземпляра!!!), 2400 тонн испорченного зерна и 25 тысяч тонн зараженного. В мёрзнущих городах и весях топтались тысячные хлебные очереди, а на базах списывались тысячи тонн испорченной хрущаком муки и заражённого клещом зерна.[45]

Масштабы тыловой бесхозяйственности ужасают, но отнюдь не чистой арифметикой. Гноили хлеб и раньше. Здесь количество переходит в качество. Тысячи тонн хлеба, испорченного на элеваторах и зернопунктах, превышают потребности выживания всего тылового населения Урала. Будем говорить только про опорный край державы. Районы клянчили по 80-100 тонн ссуды для спасения от дистрофии. Это примерно месячная норма отгрузки хлеба

в средний район с 20-25 тысячами населения и пайками 1943-1944 года. Где-то 14-15 тысяч карточных душ без учёта колхозников. Сопоставив годовые потери тех лет только по системе Заготзерно Свердловской, к примеру, области — 70 тысяч тонн с населением, учитываемым областным карточным бюро, мы статистически убежим от голода. Выходит, колхозная хозяйственная система перегоняла в говно, минуя желудок каждого фуражного уральца, по 120-130 кило в год. Чуть больше того, что земляки съедали.[46]

О переходе нужды в духовное качество. «Нету хлеба, люди болеют... В районе в глубинках лежит полно хлеба, в прошлом году остался невывезенным, хлеб портится, но колхозам не помогают. И в этом году хлеба много, никак не вывезут из глубинки 3000 тонн с лишним. Хлеб портится, не считают правильным — оказать помощь колхозам на время важнейших с/х кампаний, дать на два месяца и обновить хлеб урожаем. Как будто колхозы стали недоверчивы для Государства».[47]

Письмо председателя колхоза имени Чапаева (Махнёвский район) Калинину никто не читал. Дома председателю в помощи отказали: нету, мол, фондов для таких смелых. А в райкоме посоветовали поглубже копаться в навозе и не лезть со своим коротким умом к вождям. Выйдя на крыльцо, Михаил Егорович Макаров задумался. Думал он правильно, но антисоветски. Как продукт деревенского воспитания, он был умён наивно и упрямо. Мрут же колхозники... Вечером он отправил письмо Андрееву.

Тыловой голод не был прямым следствием нашествия, он вытекал из природы отечественного социализма, экономическая конструкция которого покоилась на Агрогулаге. Сытому человеку можно стоять у станка, не демонстрируя самоотверженности. И к трудовому подвигу натощак меньше тянет. В годы Великой Отечественной мы голодовали не во имя победы, а сдуру, как это подобает колхозникам.

Коммунар с первых месяцев столбового пути голоден, но это не героизм, а плата за рабство. История докажет сие временами последующими. Отгремят залпы второй мировой, даже на Дальнем Востоке. Мир устремится к труду и благополучию. Побеждённые станут нациями благополучными. Только на одной шестой части планеты сохранится экономическое варварство, называемое колхозом. Варварство в ореоле героической нищеты и самоотверженной принудиловки.

Голод — не тётка, а власть — не мать. Колхозники с первых лет Отечественной пытались как-то вывернуть шею из двойного ярма государственных заготовок. Определение видовой урожайно-

сти — дело хитрое. Ставить интерес государства каждый раз в зависимость от глаза и настроения местных чиновников не хотелось. Да и хлопотно всё это. Артели разбили на категории по урожайности. Теперь не надо было ехать в поля, нюхать, щупать и считать зёрнышки в колосе, озабоченно смотреть вдаль. Заглянул в бумажку на столе, ясно, артель «Светлый путь» идёт по первой категории. Хлеб — на элеватор, колхозник — на погост.

Пространство застило метелью просьб о снижении норматива урожайности и переводе в низшую категорию. Писали в Совет по колхозам при СНК, Сталину, Калинину, Андрееву, слали просьбы дуплетом и дробью. Подробные статистические приложения свидетельствовали в пользу голодающих. Ныли в основном колхозы сельскохозяйственного пояса, которых донимала старуха с косой в образе МТС. Тут рвалось, помните, с урожайности.

С девятьсот сорокового, обычный довод правлений, не понявших сути сталинского колхоза, за пять лет ни единожды не выполнена плановая урожайность, конечным итогом чего является рост недоимок. Скинуть бы надо... Урожайность с голубого глаза спасала и власть, и МТС, компенсируя с лихвой сокращение объема механизированных работ.

Социализм не дрогнул. И даже в том случае, когда полезло в пузырь эмтээсовское начальство. Запредельный уровень натуроплаты превращал активы баланса МТС в бездонную пропасть колхозных долгов. Артели отказались выдавать механизаторам гарантированный СНК паёк по 3 кг в день, потом наловчились перекатывать длинные цифры пассива из одного отчета в другой. Никакие репрессивные кары не помогают, сообщают в район политотделы. При таком трудодне работать не заставишь и круглого дурака. Трясите должников, описывайте имущество! — парировала нытье власть. Госбанк стерёг каждый поступивший на артельные счета рубль. А Москва на все просьбы великодушно обещала отсрочить долги на год-другой.

Никудышный вовсе урожай северных районов Урала и артелей, не накрытых тенью МТС, государство стригло поставками с площадей. Хозяйства усыхали от недостатка рабочих рук и тягла. Освободите колхозы от излишних площадей, умолял Андреева секретарь Молотовского обкома партии Гусаров, спишите в Госземфонд 100 тысяч гектаров, в области 707 колхозов не справляются с землёй.[48] Действительно, в среднем засевалось 50-55% пашни, в хищническом обороте оставались поля, расположенные вблизи деревень. При нагрузке на лошадь в 30-35 гектаров, по 15-20 гектаров на мальчишку-колхозника много не протянешь. Даль-

ние поля уже затягивались кустарником и мелколесьем, но план госпоставок давался на все площади.

Полгода спустя, когда задолженность некоторых колхозов перевалила за миллионы, Гусаров обратился к Маленкову и Микояну с очередной просьбой — списать с колхозов задолженность по госпоставкам в 150 тысяч центнеров хлеба, возникшую в результате завышения видовой урожайности и сокращения посевов.

Так как многие плановые задания исчислялись относительно посевных площадей, задолженность колхозов приняла форму экономической гангрены. Январь 1944. Маленкову, Микояну, Андрееву. Буквально все области просят о списании задолженности по продукции животноводства. Что получается, риторически вопрошает секретарь Молотовского обкома, при погектарной норме области надо уже сдавать по 670 литров от 100 тысяч коров. Такого молока нет и в мечтах, площади используются почти на половину, а коровы дохнут от бескормицы. Сокращение живых голов и гектаров пашни, скатывается к арифметике третьего класса секретарь, делает государственные планы заведомо невыполнимыми, нагрузка на выжившую скотину становится почти фантастической.[49]

«Прости меня старика, — пишет Калинину председатель одного из колхозов Зайковского района, — прикажи сдать все поголовье свиней в заготовки... Приказали провеять отходы и вывезти на склад заготзерно. У нас не оставили ни зерна не только для колхозников, но даже и для свиней. Кончим всё поголовье». Всесоюзный дед промолчал, а свиней уволокли на скотомогильник. Тянули на дно планы по брынзе, шерсти, яйцу, экзотической махорке, льну. Откуда взяться плановому яйцу, тем 60 штукам на несушку, огрызались райземы, если в зерновом балансе колхозов фуража для птицы совсем не предусмотрено. А оставить нельзя — сожрут сами колхозники.

Соцреализм в музыке — это не пиликание на скрипке. Так стучал в доносе преподаватель-выдвиженец на своего соперника по Ханты-Мансийскому педучилищу, выпускника консерватории. Музыка должна отражать жизнь, звать вперёд. Как заводской гудок. История исправит то, что не досмотрел Бог. Музыкант Гауфлер, объект стука, остался в доброй памяти своих учеников, его портрет в парадном холле учебного заведения. Автор писули ждал милости не от потомков, он больше рассчитывал на партию. Будучи мужиком идеологически правильным, нотной грамоты не знал, но виртуозно владел инструментом Полиграфа Шарикова.

Вот и мы с балалайкой подмышкой заглянем в неповторимую деревенскую жизнь. Чтобы история отражала реальный социализм

и звала в любую сторону от него. «В колхозе имеется кур-ферма. Несмотря на наличие на ферме 300 несушек яиц не хватает даже рассчитаться с государством. В прошлом году за яйца рассчитывались мясом. А скормили 90 центнеров зерна, за прошедшие 5 месяцев этого года скормлено курам 25 центнеров, получено по 10 яиц на одну несушку. В летнее время ферма даёт от 230 несушек от 1 до 5 яиц в день».[50]

Экономический разврат, имеющий место в артели «Победа» Егоршинского района, прикрыли. Заголодали и куры, и вороватые колхозники. По секретным данным «Главного Управления Животноводства на Урале», более 40 сельскохозяйственных районов держат кур символически, получая в год по 15-10 яиц от несушки. Есть колхозы, где курица ведёт себя как развитое млекопитающее и плодоносит раз в год. Куры, сказано далее в высоком и до сих пор секретном (ОД — ограниченный доступ) отчёте ГУЖУ, мрут преимущественно от голода, поскольку находятся в одном потребительском пространстве с колхозником. Рекомендации местных зоомарксистов — держать кур исключительно на подножном корму — пока не дали результатов, колхозная птица либо дохнет, либо рецессирует в дикость.[51]

Должен сказать несколько слов в защиту колхозной птицы. Куры и прочие пернатые не успели биологически приспособиться к режиму военного времени. По фронтовому сталинскому заданию первое яичко — государству. До выполнения плана ни одного яйца под наседку или в инкубатор! Пернатые же инстинктивно с весны заняты потомством, чтобы к холодам поставить его на крыло. Цыплята, полученные колхозом с инкубатора серединой августа, в октябре обязательно замёрзнут. Но это уже проблемы внутриколхозные. В статистике райземов поголовье колхозной птицы зеркально отразит количество проданных артели цыплят за минусом малого. Позднее зоотехник должен актировано вычесть число петушков, так как они лишь косвенно участвуют в выполнении государственного плана.

Голод военный незаметно перерос в голодуху послевоенную. Отгремела Победа. С радостью выживших и переживших, с воем вдов и истеричной пьянкой инвалидов. Казалось, что всё самое худшее позади. На станциях встречали победителей. Кинохроника тех дней помнит только торжественную встречу на вокзалах и площадях столицы. Провинциальная Россия не должна забыть другое. Как бездорожьем и оказией вчерашние фронтовики добирались в забытые Богом, но родные дали. Тянули в вещмешках американские консервы и экзотические трофейные штуковины. И

не было у деревенской нищеты более дорогих гостей, чем эти уставшие, обросшие, обовшивевшие в пути спасители Отечества. Они освободили мир от фашизма. Но дома их ждали голод, колхоз и долгая изнурительная борьба за право быть человеком.

Заглянем в экономическую душу колхозов, что вставали окрест дороги победителей. Уральская артель 1945 года начисляла в среднем на трудодень где-то 600 граммов хлеба и 40-60 копеек деньгами. Это декоративная механика начислений! Данные статсборников и осадок исторического морса. Были займы, фонды РККА, помощь тому и другому. Для деревенской России эти статистические картинки не имели никакого значения. Земляки научились жить помимо колхоза, за счёт личного хозяйства, а пребывание в артели считали чистой принудиловкой. Трудодень оставался основой жизни для убогих и ленивых.

В первый же послевоенный год власть напомнила деревенщине — кто в стране хозяин. Воевать с собственным народом партия умела. «Установить обязательное участие на уборочных работах всего проживающего в колхозах и на территории совхозов трудоспособного населения — колхозников и членов их семей, а также другого трудоспособного населения из неколхозников, как взрослых, так и подростков в возрасте от 14 лет и старше».[52] Постановлением ЦК СНК советскую барщину довели до совершенства. Уклонение от самоотверженности каралось уголовно. На Западе мы делали лицо, подкармливая и заманивая в ярмо страны Восточной Европы, а дома откровенничали до кнута.

В колхозы направили тысячи агитаторов, обещавших, что лучшей наградой за временную мобилизацию всех будет отмена в следующем году карточной системы и, следовательно, голода. Никто в это не верил и делал правильно, потому что пришёл год сорок шестой. Ранней осенью пришлось тормозить. Ссылаясь на неурожай в основных зерновых районах, ЦК и СНК перенесли отмену карточной системы на 1947 год. Вместо изобилия и отдыха от войны началась самоспасительная суета.

Если в кране нет воды, значит, кто-то выпил лишнего. Стали искать. Шмоном прошлись по всей системе карточного оборота. Председателем комиссии ЦК партии по проверке аппарата карточной системы назначили комиссара Мехлиса. Ужас охватил проверяющих при знакомстве с провинциальным бытием. Судите сами. В результате проверки 3470 предприятий, 66 карточных бюро и 44 карточно-учетных бюро в Челябинской области обнаружилось, что за август 1946 года выдано 11 тысяч пайков с завышением нормы, в сентябре — 16 тысяч. В сентябре по городу

Челябинску сидело на пайках 416 тысяч человек, в городах и посёлках области — более 900 тысяч, на селе — 275 тысяч нахлебников.[53] При таком обороте кормовых бумаг за народом никак не уследишь. Тем более за народом голодным и природно-одарённым.

Формы злоупотребления варьируются от вульгарных краж до весьма тонких извращений в отчётности. Комиссиями обкомов партии, ЦКБ и торгинспекции признано, что определить лишне съеденное не представляется возможным в силу следующих причин. Карточки печатаются бесконтрольно и без защитной сетки. На момент проверки областных карточных бюро в сейфах находили сотни тысяч карточек. И погашенных, и ещё новых.

Хуже дела с карточками дополнительного питания: литер Б, СП-2, второе горячее питание и т.д. Рабочих основных цехов хищнически объедают управленцы, их секретарши-пассии и просто жены, дети и родственники. Литеры раздаются по нужным адресам — НКВД, ГБ, нарсуды, прокуратура, военкоматы. Кормовая бумага вылезла на чёрный рынок. По отчётам милиции, торгуют ими на рынках, перед каждой заводской столовой продаются разовые талоны, как правило, торгуют литерами выходцы из братских республик Средней Азии.

Заинтриговало проверяющих отсутствие оперативного учёта клиентов, просто данные берутся по прошлому кварталу. При такой методе грешно не обмануть. Предприятия сплошь да рядом навадились скрывать факты нарушений трудовой дисциплины, чтобы получать паёк дезертиров. При знакомстве с лечебными учреждениями общественность зарделась стыдом, в корыстных и понятных целях медики неделями не приходовали покойников. Но самое страшное таилось на дне карточного омута. Оформление карточек по месту проживания и на заводах велось преступно халатно. Иждивенческий паёк, выяснилось, запрашивался и выдавался без предъявления документов. В кормовых ведомостях кого только не нашли: умерших, реэвакуированных, сидящих в казённом доме и на казённом пайке.

Проверкой установлена неправильная выдача карточек. По области, здесь о традиционно голодной и робкой Курганской, за апрель-май 1947 года выдано около полутора тысяч лишних кормовых талонов, что привело к перерасходу хлеба в 15278 кг. Не изымаются карточки у лиц, осуждённых за прогулы, есть случаи выдачи карточек неработающим родственникам, крадут их сами уполномоченные картбюро.[54]

Карточники Тюменской области вовсе посходили с ума. В Кондинском, Микояновском и Берёзовском районах додумались

выдавать пайки колхозникам. Если советская власть будет кормить ещё и колхозника, иронизируют авторы доклада, никаких хлебов не наберёшься. В натуре, ну ни в какие ворота. К примеру, в октябре 1946 года в Ямало-Ненецком округе вместо 8436 карточек выдали 20589 штук, в Ханты-Мансийском округе вместо 14303 пайков дали 35089. Потом жалуются, что на человека приходится по 150 граммов! Совершенно не выполняются указания партии о подсортировке хлеба суррогатами.

В тундре золотым дном для расторопных стали махинации с карточками охотников и рыбаков. В силу эпизодичности завоза продуктов аборигены сдавали бумаги на отоваривание и уходили в тайгу. А карточки шли в многоразовый оборот. Однако самая преступная хохма в другом. Пайки иногда давали даже членам неуставных артелей, в которых, если помните, пребывали спецпереселенцы времён раскулачки.[55]

Для нормального и сытого человека политика представляется непродуктивной суетой пустых амбициозных людей. Трудно представить коммунистические декорации на фоне товарного изобилия. Другое дело — голод. Руководящая сила коммунизма почти необходима в тех случаях, когда возникает угроза сожрать друг друга. В этом плане постановление ЦК и СНК об экономии в расходовании хлеба, принятое осенью сорок шестого, есть классика.

Директивой, во-первых, из всесоюзной кормовой ведомости выбросили весь штат рабочих и их иждивенцев в совхозах, подсобных предприятиях, МТС, работников всех видов кооперации, включая инвалидов, мелкую административную сошку в районах. Лимиты пайков деревенским урезали в 8-10 раз. Заметна любопытная взаимосвязь пространства и пайка. Чем дальше от шума городского, тем выше пропорция усечения. Райкомы зло соперничали в тысячах центнеров сэкономленного на чужом брюхе зерна. Что за порядки, сердились сельские райкомы Свердловской области, Ачитскому району первое место в руки положили, урезав пайки в десять раз! Да по нарядам обманули где-то на треть.

Второе генеральное направление экономии — сдавливание пайка всеми доступными средствами. Согласно той же бумаге с осени 1946 года оставшейся на прикорме части сельского населения положили хлебный паёк: рабочим — 500, служащим — 200, иждивенцам и детям — 150 граммов.[56] В качестве косвенных мер экономии запретили коммерческую продажу и выпечку подового хлеба, закрыли подозрительные пекарни. Во имя высокой экономии партийные органы всколыхнули соцсоревнование. Раньше в хлебе было 30% примесей, сообщали о находке пекари свердлов-

ского хлебозавода, а теперь — 40%, с 40% до 60% удалось поднять влажность формовых булок.[57]

Самым интересным моментом распределительной эквилибристики тех лет явилось радикальное изменение системы цен на продовольствие. Колхозно-советская нищета всегда покоилась на костылях пайковых и коммерческих цен. Большое различие в уровне этих розничных цен (минимум — десятикратное) и мизерные ставки цен заготовительных делали для пролетарской власти очень выгодным заготовки и реализацию продовольствия. Сталинский колхоз, уничтожающе разорительный для деревни, был самым доходным экономическим предприятием государства.

С 16 сентября 1946 года по всему Союзу вводятся новые пайковые и коммерческие цены. На Урале цена хлеба по карточному обороту поднялась с 1-90 до 5 рублей за килограмм, мяса — с 12 до 30 рублей. Снижение коммерческих цен на треть не имело значения. При такой агрессии на зарплату коммерческая торговля практически исчезла. «Совмин СССР и ЦК ВКП(б) учитывают трудности повышения пайковых цен, понимают, что здесь потребуются жертвы со стороны рабочих, служащих и крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьёзных жертв невозможно ликвидировать тяжелейшее наследие войны... Жертвы рабочих и служащих капиталистических стран ради восстановления капиталистического хозяйства чрезвычайно велики».[58]

Рассуждения пришли в партийные органы под грифом «Секретно. Не для печати». Вместе с ожидаемой новостью, что отмена карточного распределения продуктов переносится на 1947 год.

В святых местах советской истории государственная мерзость зализана до исторической необходимости. Идеологический предрассудок, что коммунизм защищал Россию, саркомой сидит в нас. Ужасающей нищетой населения мы обязаны колхозу и войне. Но отнюдь не меры по спасению замордованного населения определяли политику времен послевоенных, а воскресшее на жертвах победы стремление к мировому большевизму. Теперь можно было спекулировать угрозой новой войны, чтобы население платило унизительной нищетой за экстремизм политических прохвостов. Для того надо было снова встать в позу самых умных, сделать вчерашних союзников классовыми врагами. Мы ещё дрались в собесах за чужую тушёнку и заокеанские тряпки, но во всё горло запели про американца, заводящего через задницу патефон.

«Раньше не хватало хлеба, а теперь и хлеба, и денег». «До войны кормили тех, кто на нас напал, теперь тех, кого освободили». Так говорили на всех деревенских углах, читая хвастливые

сообщения о продовольственной помощи Восточной Европе. Гебистские сводки о политических настроениях соотечественников подряд свидетельствуют о том, что народ ума не потерял и способен отличить святое от подлого. Смысл игры с ценами уловили многие. «Собрались воевать с Америкой и Англией, — ходили пророческие домыслы по всей стране». «Нет, Америки нам пока не одолеть, — резонировали осторожные, — может, сначала только с Турцией или ещё с кем-нибудь».

К подлости хорошенько подготовились. Широкие трудящиеся массы оглушили свинцовой массой большевистской пропаганды. По городу Свердловску, отчитывается оргинструкторский отдел обкома, за один день 17 сентября проведено 186 собраний, на которых присутствовало 25517 и выступило 318 человек. Отчёты со всех мест и предприятий пошли ежедневно.[59] Выступающих подобрали очень хорошо, сотни тысяч присутствующих квалифицировались как факт единодушного одобрения.

Только газетная бумага да наивные потомки примут за правду единодушную поддержку голода. К митингам соотечественники давно привыкли, в тридцатых клеймили троцкистов, в войну — фашистов, а теперь припугнули империалистами заокеанскими. Каждый знал, чем всё закончится, — надо благодарить партию за заботу и отметить сие новыми трудовыми успехами. Кто не только слушал, но и что-то сказал, попал на зону.

Первым следствием повышения пайковых цен стало сокращение очередей. Где деньги? По вышедшему накануне Государственному займу восстановления и развития народного хозяйства СССР сумма подписки изымалась прямым вычетом из зарплаты. В прошлые годы, директивно сокрушался СНК СССР, подписка приобрела декларативный характер. Под ружьём на заём люди подписываются, а потом платить наотрез отказываются. Судить их за это вроде бы нельзя. Теперь граждан сделали поголовно самоотверженными. В просветах между получками хлеб можно было свободно купить. В провинциальных магазинах время отметилось экзотическим ассортиментом. На фоне ни кем не покупаемых крабовых консервов, шампанского, кетовой икры и шоколада гвардейского появился всеми желанный, но недоступный продукт. В столовых стало скучно. Бесталонный харч и дополнительный кусок хлеба к горячему ушли в воспоминания.

На колхозном плацу заниматься экономией совершенно бесполезно, поэтому государственный интерес сквозняком прошелестел по пассивам годовых отчётов и сосредоточился на частном дворе. Оказалось, что коммунары и неорганизованная сельская

публика научились жить мимо колхоза. Впроголодь, но мимо. Там картошка, там телок. И куры не дохнут. Выводить частника пока не стали, но размер обязательных поставок вздули до классового резона. Тем же постановлением СНК СССР отменили все льготы, к поставкам пристегнули недавно обожаемых орденоносцев и семьи военнослужащих. Под оброк уходили даже инвалиды 1 и 2 группы, если в семье имелись трудоспособные. И что совсем неожиданно, от поставок, в половинном размере, не освободили районную номенклатуру. Тридцать по району очень обиделись. Какие у секретаря райкома, к примеру, яйца? В войну, понимаем, это был жест патриотизма и единства с народом. А тут победили и опять с подойником вдоль деревни?

Свободная продажа хлеба. Она так и осталась потребительской мечтой сталинской эпохи. Социализм с человеческим лицом долго тщился накормить соотечественников скоромным, но ушёл ни с чем. Руководителям престарелого социализма было проще, они имели дело с поколениями, выросшими в нищете и наивно полагающими, что пустой желудок есть достояние всего прогрессивного человечества. Сталин работал с публикой, помнившей Россию сытой. Вся советская печать забилась в истерике радости декабрем сорок седьмого, когда «историческим» постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР отменили карточную систему.

Карточки отменили вместе с проведением денежной реформы. Население страны в раж не впадало, потому как имело опыт перехода к свободной торговле. Более того, карточная периферия встретила директиву с сожалением, вполне обоснованно ожидая худшего. «Очереди у хлебных магазинов, — информация из января 1948 года, — наблюдаются во всех районах Челябинска и достигают 200-300 человек. Выстраиваются они с самого раннего утра, а в ряде случаев с 3-4 часов ночи... В цехе №200 Кировского завода на днях ушла с работы почти половина рабочих. Все просятся во вторую смену, чтобы в первую смену отстоять в очередях».[60] В среднем на одного работающего приходится в сутки до 500 граммов и 250 граммов на члена семьи.

Хлеба дают меньше, чем до отмены карточек, это уже из провинции всех пяти областей уральского монолита, предприятия и районы отказываются от «свободной» продажи хлеба и распределяют хлеб по спискам, составленным руководителями. В сельских районах трудности с продажей хлеба ещё больше. Всю весну хлеба практически нет. Если и привозят какую-то малость, то продают тем, кто раньше получал по карточкам. В магазинах райцентров обычно хлебом торгует один магазин, у продавца которого есть

исполкомовский список. Кто в этом списке, знает только секретарь райкома партии, предрик да бог.

Хлебные очереди шумели по всей стране. Данный фрагмент истории сохранился в живой памяти моего поколения. Опыта родителей вполне хватило, чтобы отправлять нас в ночные очереди надёжно укутанными в лохмотья. С первого по седьмой класс моей первой обязанностью было пребывание в очередях.

Когда идеологический императив вредит желудку, надо от мыслительной диалектики переходить к грубому материализму. Венчает военное десятилетие поистине исторический поступок большевиков, определивший на последующие десятилетия и образ нашей жизни, и внешний вид России. Я говорю про постановление «О коллективном и индивидуальном огородничестве, садоводстве рабочих и служащих», принятом в феврале сорок девятого. Директива готовилась в тайном понимании, что колхозник никогда не накормит страны. Отдать производство хлеба в частные руки, значит амба социализму. Ленинизм жив до тех пор, пока ключ от всероссийского хлебного амбара у власти в кармане. А овощную зелень вполне безопасно скинуть на творческую инициативу голодных масс.

Однако не в осознании хозяйственной аксиомы кроется фундаментальное значение указанного административного факта, он в ювелирном определении размеров частного землепользования. В тех известных шести сотках, что были разрешены бумагой и забором которых мы надёжно отгородились от пропасти мелкобуржуазного интереса. На шести сотках, повторюсь, скорее заработаешь грыжу, чем захвораешь капитализмом. Самовыживание горожан обратилось в полезное любительство, давшее замечательные исторические плоды. Во-первых, страна выжила, народная хозяйственная самодеятельность сняла с колхозов обузу производства овощей и прочей питательной мелочи. В травоядии мы теперь можем позволить себе даже некоторый изыск.

Инициатива оживила панораму. Повсеместно города России обросли мышиными колониями садоводческих кооперативов. Задумываться о цене главного ресурса и эффективности его использования и грешно, и боязно. Сейчас участки заморожены в частной собственности, значит, жить колониям нищеты ещё долго-долго. В функционально простых и ветхих сооружениях, зло обзываемых дачами и фазендами, в усердии городских трудоголиков доныне просматривается только примитивное стремление выжить. Без тени культурного благоустройства или государственного здравого рассудка.

Большевики, подчеркну, поступили по-своему мудро. Дай они тогда по пятнадцать соток с правом строительства, через пятилетку все коммуналки бы опустели, и социализм приказал долго жить. Социализм — время коммуналок, общежитий и голода. А на шести сотках любые попытки сотворить доходное дело обречены. Тут работает принцип хронического безденежья — дорогое, да своё! Ну и пресекались попытки заботливо. Вспомним про нормативную высоту конька крыши, длину периметра садовых домиков... Про запрет личных бань...

Хлебные очереди бились по городам и рабочим посёлкам Урала до самой смерти вождя народов. Где-то год-два спустя они утихли. Народ толкался, бился холодными утрами в двери магазинов, но до остервенения не доходил. Отошёл от голодухи и колхозник. За время уборочной 1952 года, скучно излагает бумага одной из областных прокуратур, привлечено и посажено по указу «четыре шестых» 680 человек. Так было кругом, но злобой дня уже не являлось. Основной состав хищенцев свидетельствовал о прогрессивном сдвиге, красть стали не во спасение, а ради удовлетворения нашей второй после еды насущной потребности.

Деревенским в один год пятьдесят третий Бог подал дважды. Помимо смерти вождя, постановлением правительства ослабили супонь на хомуте. Прежде всего, сократили обязательные поставки с личного двора: по мясу, молоку и картошке, а недоимки прежних лет списали. Патриотическая голодуха сошла на нет и в колхозе, за что пожилые деревенские земляки сохранили тёплую память о Маленкове, подписавшем дельные бумаги. Те же, что не держали политики в голове, поняли, что от личного хозяйства и огорода стало в силу выжить.

Любую нашу голодуху можно подогнать под духовно высокое. В тридцатых нищенствовали, чтобы построить фундамент социализма. Потом пришла голодуха патриотическая. На этапе перехода к развёрнутому строительству коммунизма, в начале шестидесятых, едва не влетели в голодуху четвёртую. Классический большевистский вождь, руководитель ленинского типа, всегда начинает свои благодеяния с перековки собственного народа под соображаемый им идеал. Сталинский колхозник Никите Хрущёву не нравился: работает через пень колоду, худосочен и уныл, ибо жрёт что попадя, и главное инстинктивно тянет одеяло общественного благосостояния на себя.

Педагогическая благоглупость свелась к полной стерилизации у колхозников природных частнособственнических позывов и обращению их в пролетариев. Декабрём пятьдесят восьмого ЦК

КПСС решил, что личное хозяйство вообще коробит нравственный облик строителя коммунизма. В который раз частных коров отобрали, нет, принудительно выкупили. Чтобы никто не упрямился, выгоны распахали под окна землянок. Потерявшим коров в очередной схватке с властью рекомендовалось покупать молоко в магазине и заняться самосовершенствованием, для чего была введена система вечернего образования.

Колхозники пошли в школу, а миллион голов частного скота, деревенского и пригородного населения, — под нож. Весь пятьдесят девятый края и области круто «наращивали» производство мяса. Моему Уралу это очень удалось. Планы мясозаготовок перевыполнили почти в три раза, за что Курганская и Свердловская области были награждены орденами Ленина. Указы о награждении нас за выдающийся дурелом до сих пор являются предметом особой гордости и выбиты на гранитных стелах, украшающих административные здания областных центров. В тексте указов награда адресуется за высокий урожай. Тут нужна интеллектуальная бдительность. Прежде чем гордиться, надо бы заглянуть в статсборники тех лет. На статистическом теле страны две уральские области торчат прыщами не ростом производства зерна, а сокращением поголовья частного скота.

Чем меньше в России коммунистов, тем больше хлеба. За эту мысль, высказанную вслух, один земляк сел ещё в далёком тридцать четвёртом. В самом фантастическом сне не представить бы ему нынешнего витринного благополучия. Мы сами-то удивляемся: производим вроде меньше позавчерашнего, а прилавки ломятся! Но нынешнее изобилие не является, к сожалению, фактом элементарной хозяйственной культуры, когда народ кормит себя. Порядочным антуражем витрин мы обязаны исключительно пропасти между нашими затратами и зарплатами. И там, и там мы пока ещё колхозники. Со временем научимся по-настоящему работать и покупать. Научимся обязательно. Хуже тем, кому по старости и немощи осталось только просить да ждать. Пройдём мимо, придавив вздрогнувшую совесть холодной мыслью.

Им не привыкать.

Глава 13
«Девушки, война, война...»

Появление вкуса к правде является важнейшим симптомом очеловечивания общества и отдельной homo-особи. Вряд ли есть в советской истории период, где истина сущего зарыта столь глубоко, чем годы Отечественной. Ложь в оправдание авантюризма идеологического, бездарности и беспощадности государства к собственному народу генерируется всеми поколениями российской власти от вождя народов до современной парламентской машины. Высокие слова и пышная ритуальность нужны всем как спасение от бездушия. Власти — ясно, Отечественная война да подстёгиваемый тем же агрессивным устремлением Космос — единственное, что выпало в сухой остаток национальной гордости за прошлый век. Всё остальное обесценено до неоспоримого факта: пережили — и ладно. Пафос прошлой войны необходим и военным — как основа амбиций, нынешние не очень героические времена холодны к людям служивым. Без цензурной артподготовки воевать трудно. Вся мерзость войны на виду.

Простая героизированная ложь есть товар самого массового потребления. Страшная правда тридцатого и тридцать седьмого раздражает. Правды второй мировой соотечественник откровенно боится. Трусит увидеть, что на дне потерянного века России лежит не искорёженный остов «Варяга», а куча барачного хлама да миллионы бездарно загубленных солдат. Упаси Бог от голой истины. Сложная правда войны обывателю не по уму, проще бетонные обелиски в честь убитых, но не похороненных, аляповатые бумажные цветы на братских могилах и самый короткий путь числиться патриотом — хвастовство.

Заглянем в жизнь Агрогулага времен Отечественной через самый чистый источник информации, через переписку замордованных трудовым героизмом солдаток, стариков и детей с родны-

ми фронтовиками и властью. Через письма из окопов той далекой войны. В этом жанре врать адресату не принято.

«Живём очень плохо. Я теперь хожу по мякинам, сколько натру, то и едим. Не едим по неделе-пятидневке. Когда лошадь пропадает, мы её растаскиваем и едим. Это немыслимо, что мы дошли до пропастины».

«Федя, я живу очень плохо... Ничего нет, картошка вышла, капусты нет, хлеба дают 120 граммов мукой или 200 граммов хлебом. Детям пайка никак не хватает. Нина совсем исхудала, ходить не может. Галя лежит, как встанет, так и давай кушать, а кушать нечего. Витя совсем замирает, похудел весь. Вообщем дети совсем замирают с голода».

«Коля, я сама о себе умолчу, а Маруська Москалёва до того дошла, что я зашла к ней, а её детишки лежат и не поднимаются четверо суток, и кроме воды во рту ничего не бывало, и сама едва сидит. Дети плачут и она тоже. Так вот, Коля, мы здесь живём... Командование должно обратить внимание, а здесь на месте никому мы не нужны».[1]

Перед нами правда в кристаллах женских слёз. Отрывки из трёх писем, которых никто не читал. И не печатал. И в музейные витрины не лепил. Отправлены они в дни Сталинградской бойни нашим землякам-солдатам (двое из них в Книге Памяти), но перехвачены цензурой и до фронта не дошли.

Всю Отечественную войну между фронтом и тылом висел двойной занавес цензуры. Почта, идущая с фронта, обязательно проверялась на предмет высеивания военной тайны. Под таковой понималось любое изложение фронтовых подробностей. Категорически запрещалось указывать географические названия, ход боевых операций, виды вооружения, имена командиров, давать какую-либо информацию о потерях. Рассматривая фронтовую почту, нередко встречаешь вымаранные слова и фразы. При этом сообщается, что письмо проверено военной цензурой. Если замечаний было много, письмо просто изымали. Единственный разрешённый реквизит отправителя — номер полевой почты.

Эти ограничения ещё можно понять. Почту мог перехватить противник. Но запреты касались и описания бытовых деталей окопной жизни: питания, одежды, условий отдыха, личного здоровья. Тут цензура работала на ложь осмысленную и потому преступную. Тыловое население следовало оградить от фронтовой правды, создать иллюзию, что Красная Армия живёт и воюет так, как это написано в газетах. Разумеется, что фронтовые письма с малейшим намёком на окопную действительность беспощадно

изымались. Домой уходило чисто героическое, а ужасы той бойни мы привыкли знать по дневникам пленных немцев.

Более плотный занавес цензуры висел над героическим тылом. И здесь абсолютно вся исходящая почта контролировалась цензурой НКВД на предмет обнаружения компрометирующей истины. Военных секретов на деревне нет, но есть колхозная жизнь, которая страшнее всякой тайны. Цензура НКВД была не столь либеральной, крамолы писали много, потому литературной правкой писем занимались мало, а предпочитали, сделав реферат пронзительных и антисоветских изречений для гебистов, отправлять бумажные слёзы в печь. Наивная бабья правда была для власти страшнее фашиста. Лишь редкие шедевры эпистолярного жанра оставляли для более действенного реагирования. Пристрастно побеседовать с автором или даже привлечь.

Масштабы усечения правды можно определить косвенно, по отчетам НКВД в обкомы партии. Больше всего изымалось писем в середине войны. В сорок третьем, к примеру, по всем областям Урала ежемесячно перехватывалось более 35 тысяч крамольных писем, направленных в действующую армию.[2] В пару первых лет у тыловой цензуры работы было гораздо меньше. Жаловаться было некому. Две провальные летние кампании спутали и карты, и адреса. Основной поток писем ударился в инстанцию другую — в Бюро по учёту потерь личного состава РККА. Десятки тысяч запросов не требовали бдительного внимания. В них таилась не злость на власть и время, а страх за судьбу неожиданно замолчавших адресатов. Ответы, внешне очень похожие на похоронки, оставляли надежду, если «в списках погибших не числится».

Степень правдивости советской прессы тех лет хорошо улавливается простым сопоставлением изъятого цензурой эпистолярного и тиражируемого на весь Союз газетного материала. Сорок третий, середина военной голодухи и лучшая часть страны под немецкой оккупацией. Какую правду о солдате и тыловой жизни ждать от прессы, способной на такое. «Геббельсовские клеветники распространяют гнусные клеветнические измышления о массовом расстреле советскими органами весной 1940 года западнее Смоленска польских офицеров. В этой своей новой чудовищной выдумке они не останавливаются перед самой беззастенчивой и подлой ложью».[3]

Сейчас мы знаем, кто расстреливал, и кто не останавливался перед самой-самой мерзостью. Но по-прежнему доверяем этим преступным рукам собственную историю, её самый драматический фрагмент. Что там военно-академические издания, авторам кото-

рых критерий истины — звания и погоны, свежие монографии мальчиков от истории опираются на советскую печать как на святой источник истины. Газеты тех лет повальной модой печатали письма в обе стороны советской жизни, но только те, что отвечали канонам большевистского патриотизма. Почту крамольную забирали в ГБ. Чтобы дома не знали правды войны, а солдат — обманывался обещаниями, данными при мобилизации.

Нет, уверен, достовернее и надежнее источника информации о военных годах, чем письма, адресованные самым близким и сбитые на взлете. Равным образом и заявления во власть. Жаловаться на судьбу в столь суровое время мог человек, доведённый до отчаяния, до холодного риска пострадать за правду. Отложим в сторону отварную газетную макулатуру тех лет. Наши прародители всегда с подозрением относились к печатному советскому слову. Брешет как советское радио, — привычная на деревне характеристика лжеца. Взглянем на жизнь героев деревенского ГУЛАГа через корявые строки пожелтевших в секретном забытьи страниц.

Письма во власть. Кому их только не писали! Эта почта была предметом самого живого интереса цензуры и органов бдящих. Большая часть такой корреспонденции изымалась уже на старте. Необычный адрес на конверте — письмо в сторону и звонок куда надо. В понимании сего взыскующие старались отправить бумагу через городскую почту, где цензура была лишь выборочной. Иногда выгорало, и письмо попадало в высокие канцелярии. Письма, перехваченные на лету, оседали в органах госбезопасности и считались крамолой, а проскочившие вверх — тянулись через инстанции открытой власти (партсоветские органы, военкоматы).

«Я не знаю за себя, выживу или помру, — пишет в ЦК ВКП(б) инвалид войны Епифанов, — но хотелось бы дождаться вашего ответа и узнать, прав я или нет. Тюрьма здесь или контрреволюция, а может я тупоумный дурак. Люди по несколько дней не видят крошки хлеба, не имеют понятия о мыле и бане, заедают вши, в бараках разбиты и развалены печи, в каждой комнате кишат клопы. Столовая, из 209 рабочих только 43 столуются, остальные воруют картошку с капустой и едят без соли. Рабочие видят лишь по 200-300 граммов хлеба из овса».[4]

Тайно отправленное письмо является типичным из тех, что проскочили до адресата. Из канцелярии ЦК писуля, со штампом «особый контроль» и призывом к пролетариям всех стран, вернулась в местную парткомиссию. Та оказалась бессильной, но честной, обогатив картину иными деталями. Прозябают на деревне

все, но больше фронтовички. Они носят детей в садик голыми, под полой, там до вечера одевают их в казённое белье. Правдой оказались и те факты, из-за которых на самодельный конверт тиснули сугубый штамп. Бригадир-сатрап хронически пьянствует, любит бесхозных женщин и охоту на уток. К работницам и малолеткам беспощаден, избивает их, если те отказываются работать, сопровождая экзекуцию трёхэтажным матом.

«Я прошу Вас заставить соответствующие областные и районные власти обратить внимание на умирающую семью погибшего защитника родины». Это письмо из Краснополянского района, отправленное в Москву через городскую почту. Муж Стихиной Ирины погиб на фронте в марте 1942 года. Классически — «подо Ржевом». Оставив сиротами семь детей. «Не смотря на многие ходатайства, помощи в воспитании детей районные и сельские организации не оказали. В результате эта семья на краю гибели. Сестра от работы и систематического недоедания распухла. Двое детей 10 и 11 лет пошли по миру, девочка 8 лет в больнице. Старшая дочь, окончив курсы трактористок, из-за отсутствия хлеба работать не может. Остальные едят мякину прошлых лет».[5] Жалоба долго падала вниз. Семье фронтовика дали разовую помощь, а двоих ребятишек приняли в Шушарский детский дом.

«Я учитель математики, работаю тридцать пятый год. Голодаю самым настоящим образом. Жена доведена до такого состояния, что от слабости падает. Я еле таскаю свои опухшие ноги, зубы всё больше расшатываются. Состояние моё и жены может быть легко проверено медицинским освидетельствованием. Костлявая рука голодной смерти тянется к горлу... Сыновья с первых дней войны на фронте, защищают нашу дорогую Родину, а родители в глубоком тылу должны погибнуть с голода... На занятия хожу в пальто. Снять нельзя, брюки худые до невозможности. Сам инвалид 2 группы, жена больна сыпняком и дистрофией».[6]

Свою малую родину Балашов Иван не любил. «Я думаю, что каждый человек, побывавший в Мостовском районе, — заключает письмо отец двух красных командиров, — не сможет потом без отвращения и проклятий вспоминать о нём». В просьбе прикрепить к столовой районного партактива ему решительно отказали, дали несколько разовых талонов и кое-что из тряпья.

«Мой муж находится на фронте в действующей армии. Оставил мне детей не родных и совместных — всего 9 человек, с которыми я проживаю в очень тяжёлых обстоятельствах. Все дети раздеты, разуты и полуголодные. Обращалась за помощью в сельсовет, колхоз, в Ишимский райсобес, где получила отказ. Неужели

мой муж недостоин, чтобы его дети скитались голодными. Если невозможно помочь, оставлю детей его куда угодно, так как я не в силах жить, не имею ни своей картошки, ни смены белья. Пишу мужу, — пускай едет домой!»[7]

Эта бумага тоже нашла свой адресат — Тюменский обком ВКП(б). Корреспонденцию в местные органы власти отсеивали меньше. На конвертах обычно ставился штамп «здесь» и жалоба рвалась дальше. Шерстили письма в том случае, когда взыскующий вылазил за житейские дела и начинал плести идеологически чуждое. Колхозница из Армизонского района Паутова Татьяна, к примеру, тоже писала в обком партии, но решила утяжелить свою просьбу аргументом, взятым из письма мужа. Тот пообещал после победы вернуться и перестрелять всех, кто издевался над его семьёй. Хороший, видимо, был солдат. Документы помнят немногое из этой коллизии. Супруг вернулся победителем, а письмо Татьяны попало в рученьки НКВД на предмет реагирования.[8]

Письма, добежавшие до столицы, возвращались на родину с предписанием либо разобраться, либо ответить по существу. В первом варианте ответ об исполнении был необязателен, оснований для суеты не было. Ответ, по сути, означал перечисление мер помощи вплоть до кило картошки и обязательно расписку жалобщика в том, что отныне у него нет претензий к власти. Драма раскручивалась примерно в таком сюжете.

«Многоуважаемый тов. Жданов! С просьбой защиты обращается вдова. У меня три сына убили на фронте, двое детей где-то в приюте, я их потеряла, одна дочь со мной, муж умер. Когда бомбили в Ленинграде, все мои вещи погорели, мы выскочили в чём есть. Здесь положение убийственное, приварок жидкий, одна вода, почти без картошки и овощей. 400 граммов хлеба в день и всё. Наше начальство расхватало с поля всё себе... Инвалиды умирают по 7 человек в день.

Хозяйство есть, а инвалиды с голоду пухнут и умирают. В деревню не пускают, чтобы просить милостыню. В столовую ходим в одеялах, нет ни одежды, ни чулок, ни панталонов. Лучше бы вы поумирали — говорит начальство. Сыновья ушли добровольцами 21, 19 и 17 лет... От слёз стала почти слепой...». На маленьком листочке, вложенном в письмо Богдановой Марии Петровны, добавлено: «Всё, что я пишу — истинная правда. Будьте добры, защитите нас бедных».[9]

Ответ Молотовского областного собеса эмоционально нейтрален, хлеб выдается по нормам, обмундированием клиенты обеспечены полностью, за исключением валенок и «полупольт».

Смертность тоже в норме: за 11 месяцев 1942 года умерло всего 164 человека. Врёт старуха! — искренне возмущается секретарь Юго-Осокинского РК ВКП(б) Тихонов. На одного инвалида в котёл ежедневно закладывается: 8,5 грамма масла, 6,5 — растительного масла, 50 — крупы, 50 — муки, 2 — соли, 35 граммов луку. Чего этим привередливым старикам ещё надо?

Отобрать отступную записку у Марии Петровны не удалось.

Письма, не дошедшие до высоких ушей, в оригинальном исполнении не доступны. Можно восхищаться лишь избранными местами, попавшими в спецдонесения НКВД и ГБ. Особое внимание этих органов привлекали письма с антисоветским оттенком и критикующие местную власть.

Украшение эпистолярного жанра и чистейший источник правды военных лет — переписка семей земляков с фронтовиками. Родственнику, сидящему в окопах, идеологическую вонь гнать не будешь. У порога вечности человек становится самим собой. Треугольники, оставшиеся с войны, — самое святое воспоминание о прошлом в каждой российской семье. Иногда и единственное о не вернувшихся с Отечественной. Но тут святость и искренность не совпадают. Их развела цензура.

Вся предшествующая советская история научила лицемерию в слове и букве. Каждый соотечественник знал, что правда есть самое опасное проявление антисоветчины. На страже нашего политического единодушия стояли опричники цензуры и госбеза. Письмо, отправленное на фронт и не дошедшее до адресата, настораживало. Одних этот факт заставлял писать на фронт только то, что не царапало взгляд цензоров, другие ставили правду выше страха. Пятое-шестое письмо, уходящее в действующую армию с Урала, изымалось. Правду нещадно жгли. Потому святым и наличным осталось написанное первыми.

Глава начиналась письмами красноармеек на фронт. Притронемся снова к истине в сухом остатке спецдонесений НКВД и ГБ, а потом... Цензура не всесильна. Правда серых треугольников все-таки добиралась до фронта, чтобы жечь души наших спасителей несправедливостью и бессердечием власти. Заставляя их заботиться не только о спасении великой Родины, но и своей семьи. Солдаты писали домой не только героическое.

«Посмотрели бы Вы на нас несчастных солдаток, Вы бы сказали: «За что же наши дети и жёны мучаются?» Я до сих пор сижу без дров, лошадей не дают. Поплачешь, с тем и вернёшься. На нас никто не смотрит, говорят — много вашего брата — красноармеек. Теперь все красноармейки, и нечего ходить и плакать».

«Саша, как жить на 300 граммов. Работой нагружают, а паёк уменьшают. Зиму проживём, к весне будем валиться как мухи».[10]

«Живём на одной картошке. Не знаем, как будем работать, остались одни женщины, вся работа на нас. А кони не ходят, их поднимают, в посевную на них пахать надо».

«Хлеба причитается по 140 граммов на трудодень, но лично мы остались должны 5 кило».

«Мы живём плохо, хлеба нет, только на моем пайке с картошкой и тянем. Живём плохо, здесь кони дохнут и народ тоже. Семена велят у колхозников изыскивать. А какие семена, когда давным-давно не видели хлеба и пропадаем с голода».

«У нас в колхозе аховое положение, кони пропадают, свиньи пропадают, овцы пропадают. Хлеба нет, люди на работу не идут, ходят на ток, веют мякину для себя, голодают люди».[11]

Можно ли, судите сами, подобное пропускать на фронт? С такого не заорёшь — «За Родину, за Сталина!» Отрывки взяты из многостраничного обзора уничтоженных деревенских писем, приведённого в спецдонесении Курганского УНКВД от 23 апреля 1943 года. Ничего героического. Информация совершенно серая и единообразна во времени и пространстве. О том же доносила партии цензура всех углов Урала. Читать пухлые спецдонесения по пятидневкам утомительно. Не великодержавную гордыню, а нормальную человеческую жалость вызывает действительное прошлое. Нищета, голод, слёзы в треугольничке...

Жалобы на голодуху обычны. Загораются интересом органы пресекающие, когда авторы в интимных рассуждениях выходят на политику. Не думалось Мироновой Марье из деревни Каменское про хлебно-насущное, нет, понесла несуразное. Америка и Англия, мол, поставили нашему правительству пять условий открытия второго фронта: надеть на солдат погоны, открыть церкви, распустить колхозы, освободить из лагерей заключённых и отправить евреев на фронт. Разговоры о том шли по всей стране, разговоры жаркие, с надеждой. Всё вроде бы возможно. Сомневались в последнем. А зря. Опыт Израиля показывает, что евреи воевать умеют. Ум не вредит святому, за родину воевать надо, а за коммунизм пусть рвёт задницу тот, кому он люб.

Кто про что, а вшивый про баню. Грёза о том, чтобы вывернуть шею из колхозного ярма в годы военные стала ещё ослепительнее. «Вот весна наступит, — письменно и совсем опасно рассуждал Чумаков Алексей из Упоровского района, — немец нас опять задушит. Вот посмотрите, в апреле будут большие перемены, колхозы распустят и жизнь пойдёт хорошо, по-старому».

Ошибся земляк. В сорок первом мы бы, не торгуясь, согласились на всё. Теперь обстановка изменилась. Под Сталинградом мы спасли мир, Россию и, заодно, советскую власть с колхозом. «Ни к чему другому как гибели, — типичный отсевок писем и разговоров, — колхозный порядок не приведёт. Правители советской власти кричали, что хлеба хватит на десять лет, можно не сеять. А как началась война, колхозники погибают с голода».[12]

«Как кончится война, — мечтал земляк тюменский, — так смогут сделать вторую революцию, как в первую германскую. Не понимаю, чего смотрят люди на фронте, ведь они всё знают. Взяли бы и повернули штыки обратно». Образнее всех накатал в письме колхозник из Мостовского района: «Скоро от наших руководителей останутся одни портреты, а от народа — скелеты!»

Что у мужика на уме, у бабы на языке. «Надо сообщить мужьям на фронт, — взяла да и выложила Костоусова Ксения из Юргамыша, — что наше правительство обрекает детей на голодную смерть. Пусть они там воюют, завоевывают голодовку для своих детей». А колхозница из Больше-Сосновского района, что украшает ныне Пермскую область, Сапогова возьми да и брякни приезжему лектору — нельзя ли, мол, заодно со вторым фронтом попросить у союзников установить у нас ихнюю власть. Они же не голодуют. «Да хоть бы раз досыта поесть!» — упрямо гнула она в опасную мечту, увидев поперхнувшегося лектора.[13]

Избранные места из писем и разговоров деревенщины дают понять, что интеллектуальную эволюцию человека не остановить даже колхозом. Худой, голодный, по менталитету вроде бы абсолютный колхозник, а присмотришься, нет, всё-таки homo sapiens. Самых острых авторов вычисляли и прятали на нары.

Большая морока вышла с почтой, обошедшей цензурный шмон. По каждой области Урала переписка, связанная с ней, застыла в сотнях архивных томов. Поскольку несоветская версия прожитого не приходила нам на ум, дорогу к ним замело пылью. Но именно эти письма дают живое представление о лихой године. Во-первых, во многих случаях сохранился полный текст. Страницы, написанные на абы какой бумаге, на обратной стороне контурных карт, на листочках в забытую косую линейку, на газетах, выцветшими самодельными свёкольными чернилами или химическим карандашом, передают ощущение времени и истины. Но самое важное в сути, в том, что читал и писал солдат.

Правда обнажалась до неприличного в переписке всех сторон военного бытия. Рядовые фронтовики, получив от семьи письма, которые выворачивали наизнанку душу, обращались к ближайше-

му командиру с просьбой помощи. Командование частей, искренне понимая возмущение сослуживцев, совестило разные инстанции местной власти и требовало внимания к семье красноармейца. По рядовому составу больше обращались в райвоенкоматы и военотделы областной власти. Жалобы семей комсостава армии, как правило, вызывали обращение командования в УралВО или военотделы. Непосредственное обращение в обкомы партии, а тем более — к секретарям, могли себе позволить фронтовые партработники и командиры частей. Иногда и бойцы, сидящие в окопах передовой. А что, партбилет перед завтрашним боем дали, возьмите и на себя ответственность.

В общей массе такой переписки доля писем чисто сельских жителей мала. Поскольку жизнь на деревне отвратительнее, чем в городе, естественно ожидать, что и правда, изложенная письменно, будет здесь хуже. От цензоров требовалась большая привередливость. Деревенские, к тому же, менее изысканны в слове, и найти приемлемое для советского уха выражение факта той же голодухи или падежа скотины не способны. Не забудем и то, что сельский призывник-полуфабрикат больше годен для передовой, где долго на этом свете не задерживаются. Принять на душу слёзы матери или жены он может, но реально помочь не в состоянии. Понимая это, домашние по большей части тихо жаловались, но не просили.

Заглянем в этот пласт исторической залежи.

«Здравствуй, Ваня! Целую крепко и желаю лучшего здоровья в жизни. Ваня, письмо от тебя получила. Ты и представить не можешь, как я довольна, что ты жив и здоров. Сейчас опишу, как мы живём, ты себе представить не можешь. Печки у нас нет, выпекать хлеб негде, детей купать не можем, стирать тоже. Хозяева нас выгоняют. Сельсовет не принимает никаких мер, мы не знаем, что делать и как быть. Одним словом, не жизнь, а каторга».[14]

Солдат — за объяснениями в часть. Письмо от комиссара 23 стройполка с укором и требованием содействия сестре рядового Ивана Визгина попало в глухое ухо и оставлено без внимания. Каторгой для Анны Визгиной стала вся жизнь. Вместо помощи вскоре пришли три похоронки — на мужа, брата и племянника.

Пороемся в куче солдатских писем из другой области. «Дома у меня осталось пятеро детей от 4 до 16 лет. Жена дошла до того, что с голода умерла прямо на работе. Четыре дня лежала в лесу, и когда нашли её труп, директор лесхоза приказал зарывать без гроба, где она померла... После смерти матери уволили с работы мою дочь, одним словом, старались доморить всех моих ребят».[15]

Это из письма русского солдата, которому нет места в памяти патриотов-дальтоников. Почти миллион ребят, мобилизованных в действующую армию постановлениями ГКО СССР от 11 апреля и 26 июля 1942 года из спецпереселенцев крестьянской ссылки, мы использовали в самых жутких операциях второй мировой. Изгои с Северного Урала и Приобья стояли на Калининском и Карельском фронтах, в тех местах, где наши жертвы были самыми впечатляющими, где не умели победить даже мясом. Поныне их кости таскаются по болотам и лесам этой глухомани. По документам НКВД призванные парни ссылки прошли как «спецдобровольцы». Дело обтяпали в привычной манере большевистского лицемерия, вчерашних детей раскулаченных заставили написать заявления о зачислении добровольцами в Красную Армию.

«Я уже скоро год на фронте. Сейчас нахожусь на подступах к городу Р. Награждён медалью «За боевые заслуги»... Находясь на фронте, отдавая все свои силы, рискуя жизнью, борясь за своих жён и детей. Читая газеты, где так часто пишут про заботу о семьях фронтовиков, становится приятно, хочется ещё сильнее бить врага. Когда получаешь письма из дому о том, что семья голодает, что на просьбы о помощи следуют неизменные отказы, становится больно и обидно».[16] Далее старший лейтенант Чазов жалуется секретарю Молотовского обкома Гусарову, что его семья совершенно не получает пайка. На письма такого характера обычно следовали однотипные ответы, семье оказана единовременная помощь с перечислением благ. А склонных к жалобам предупреждали, чтобы впредь не писали на фронт.

Пехота только просит. «Я на фронте, а некоторые сволочи издеваются там над моей семьёй!» Летчик ночной бомбардировочной авиации Бондарь, получив письмо от жены, мобилизованной на сельхозработы, взвился душой: «Дурацкое положение: я на фронте, жена в колхозе, а дети в чужом городе. Они что там думают, что я не вернусь!»[17] Дети (6 и 1,5 лет) были определены в круглосуточный интернат. Директивой Калинина с 1943 года все женщины с предприятий, имеющих детучреждения, подлежали обязательной мобилизации по любому поводу.

Вертлявая советская власть моментально изменяла даже своим любимцам, стоило тем попасть под мобилизацию. «Это же абсурд, но факт, — жил честно, не наворовал на будущее». Так заканчивается письмо с фронта бывшего директора одной из МТС Исетского района в Тюменский обком партии. Жену Григория Коротова и мать четверых детей (11, 7, 5 и 4 лет) выбросили из сельпо и предложили работать в колхозе. На отказ, мотивирован-

ный заботой о детях, вчера ещё райноменклатурную единицу скинули с пайка. «Сейчас наступила зима, — читаем далее, — жена с детьми ежедневно на себе таскает дрова из лесу. Обращалась за лошадью к директору МТС, он обругал и сказал: «Лучше дам лошадь немцам, чем тебе».[18] На тылового директора наложили партийное взыскание.

«Любимый мой Борисок! Ждала-ждала благоприятного случая писать, но не могу дождаться своего выздоровления, а посему и решила тебе написать. Долго я крепилась, чтоб тебе об этом не писать. Зачем тебя, думаю, буду волновать, а поправлюсь, так всё и опишу, но... я никак не могу поправиться. И ты, равно сквозь стекло, видишь-чувствуешь, что не ладится с твоей Яринкою, в каждом письме, в каждой открыточке в первых строках только и спрашиваешь о моём здоровье. Тронута твоей нежностью и спасибо за заботу. Мне Вера не велела писать тебе о своей болезни, но, Борисок, хуже, если свернусь, и ты не узнаешь моих мыслей, стремлений к тебе, мои мечты о тебе...

С апреля я начала «поправляться» — припухать, и в одно прекрасное утро вся оплывшая и с трудом пошла на смену, а оттуда уже пошла на бюллетень. Это от истощения организма... Нет больше больших красивых глаз — слезящиеся щелки, тело как тесто или воск... Я думала, что умру, и молила Бога, чтобы ещё увидеть тебя, а Верусе написала записку, — если умру, пусть она тебе скажет, как я тебя горячо любила. Борисок, всё в питании. Но у меня уже нет вещей, которые я бы могла менять или продать. На днях я продала последнее летнее платьице, и у меня осталось одно ветхое тёмное клетчатое на всё лето и зиму.

Борисок, нет у меня на будущее никаких перспектив, потому что настоящее очень тяжёлое. Как мне продержаться — не знаю. Я очень крепко изо всех сил крепилась, но не смогла, — свалилась. Мне без тебя очень плохо, так хочется видеть тебя. Я всё время думаю о тебе и желаю тебе здоровья и быть невредимым. Целую, твоя Ируся».[19]

Из сотен прочитанных мною писем это, отправленное июнем сорок третьего в блокадный Ленинград женой красноармейца Снитковского, до рези в глазах поражает противостоянием высоких человеческих чувств и бездушием советской власти. Фронтовик решился на поступок: «Товарищ секретарь обкома ВКП(б)! Прошу Вас оказать помощь моей супруге Снитковской И.П. Жена находится в тяжёлом положении. Я Вас прошу, окажите внимание, сберегите супругу. А я со своей стороны обещаю драться ещё сильнее, ещё ожесточённее. Я больше ещё ненавижу врага, немчу-

ру проклятую. За участие в боях за г. Ленина я имею две правительственные награды. Значит, дрался неплохо... С боевым приветом Б.Снитковский. P.S. Простите, что Вас решил беспокоить таким незначительным и малым делом, и приходится отрывать от больших и серьёзных дел».

Пустяки! Письмо пустили вниз по лестнице власти. О том говорят передаточные указания. Справкой за подписью зав. военотделом Молотовского обкома, отправленной в конце августа просителю, сказано: «Ваша жена Снитковская И.П. в настоящее время здорова и работает».

Солдат не узнал ни сладкой успокоительной лжи, ни того, что написано в той записке, что осталась у Веруси. Младший сержант Снитковский Борис Евсеевич, 1909 года рождения, умер от ран 3 октября 1943 года в Ленинграде. Истории совершенно неинтересно, узнала ли Ирина о гибели своего мужа. Торная тропа утонченных женских душ — голод, истощение, сердечная недостаточность свела их на том свете через несколько месяцев.

К чёрту действительную историю тех лет, которую надо шить из миллионов истлевших заплат горестной правды! Проще ходить в приличном прикиде, сварганенном из передовиц большевистской «Правды». И петь патриотически-сентиментальное:

И теплее, и радостней
На душе у бойца
— Хором!
От такого хорошего,
От её письмеца...

С упрямыми двинем дальше. Землякам что, плохо и трудно, но всё-таки дома. Больше всего оснований жаловаться фронтовикам было у эвакуированных семей комсостава РККА и просто эвакуированных. Этим в спину особые сожаления. С началом войны эвакуированное население с запада сразу попало в преисподнюю. Речь о той части населения, что осела в уральской деревне. Семьи, содранные с мест в пожарном порядке, прибыли на место временной дислокации без запаса продовольствия, тёплых вещей и финансовых средств. На местах перевалки и приёма оказывалась только разовая помощь особо нуждающимся.

Распределение по сельсоветам не вызвало особых проблем, местное население вначале отнеслось к эвакуированным с пониманием и участием. Возмущение последовало со стороны семей комсостава РККА, эвакуированных заранее и не желавших жить в сельской местности. Время покажет, что противились они не зря. Под жилье прибывшим отдали общественные здания, большинство ушло в частные дома путём уплотнения. С нарастанием голода

вынужденные гости потянулись было в города, но областные прокуратуры жёсткой директивой пресекли всякое движение временно проживающих. На начало 1943 года в сельских районах Урала осело более 600 тысяч эвакуированных.

Проблемы возникли с их трудоустройством. В сельскую местность направлялась, как правило, неорганизованная эвакуация, та её часть, которая не могла быть использована в промышленности, матери с детьми, люди пожилые, и просто иждивенцы трудоспособных, занятых на оборонных предприятиях. Кроме того, на деревню отправили слабосильную часть спецэвакуации — семьи комсостава РККА, центральных учреждений, семьи учёных, артистов, музыкантов. Работы для такой массы колхоз не мог предоставить. Формально можно было гнать всех на ручные работы, что, кстати, и делалось, но заработка, гарантирующего выживание, колхоз не мог дать даже своим штатным коммунарам. Деревенские жили личным двором, а в колхозе отбывали барщину. Для пришлых артель на время становилась матерью родной, иные источники выживания сохли день ото дня.

На хилые плечи вчерашних горожан свалились одновременно все ожидаемые и случайные обстоятельства тыловой жизни – колхоз, голодуха, бездомовщина и боль утрат. Ситуация обещала развиться в антагонизм. Коммунар есть продукт длительного социального эксперимента. За десять лет хомут притёрся к его шее до привычки. Начальный опыт участия эвакуированных в колхозном труде осенью сорок первого дал сугубо отрицательную реакцию. Идущими по столбовому пути лучше любоваться со стороны. На возмущение приезжих по поводу того, что на трудодни ничего не дали, колхозники смотрели с лёгкой иронией.

До первого приступа голода переписка эвакуированных касалась исключительно поиска родственников, воюющих на фронтах Отечественной. Покинув родные места, они потеряли всякую с ними связь. Навстречу по органам уральской власти и военкоматам шли многотысячные запросы с фронта — солдаты разыскивали свои семьи. Трудности переезда и устройства на новом месте снимались радостью, если родственники находили друг друга.

К весне сорок второго содержание переписки приезжих с фронтом начинает сереть и сползать на темы сугубо житейские. Деревенская эвакуация постепенно врастала в голодуху. Чистый паёк делал жизнь почти невыносимой. Кроме того, аграрные районы стояли последними в очереди на отоваривание нарядов. Без картошки у нас не зимуют. Год-полгода эвакуированные поддерживались тем, что выменивали у крестьян съестное на одежду.

Городское тряпьё стало предметом особого интереса местного начальства. Между деревенскими и квартирантами стали возникать конфликты. Земляков никак не обвинишь в бесчувственности. Наоборот. Привычка делить последнее в новой большой семье превращала благотворительность хозяев в тяжёлую ежедневную обязанность. При вселении власти врали, что это не надолго и эвакуированные никого не объедят. Жители, отмечается в донесениях НКВД, начинают относиться к эвакуированным с озлоблением. Мол, завезли свой голод к голоду нашему.

Мизерное пайковое снабжение эвакуированных давало больше поводов для зависти, чем кормило. Иногда колхозники лезли в пузырь. Особенно в тех случаях, когда приезжая публика стояла на особицу, жила в претензиях. Под Белоярку, где теперь атомная электростанция, в сорок первом привезли и посадили на льготный паёк 210 человек из семей композиторов Глиэра, Мясковского, Кабалевского, Энке и других. Та спецэвакуация, о которой говорилось выше. Тут наши и вспыхнули, устроив большой скандал и требуя либо заставить работать всех в колхозе, либо посадить колхозников на такой же паёк. Гости, удачно выбравшие родственников, сообразили бумагу в УНКВД. Срочно прибывшие сотрудники взяли сторону музыки, колхозников успокоили, пообещав пересадить не на паёк, а на нары.[20]

Ещё драматичнее складывались отношения с эвакуированными евреями. В эшелонах, приходящих с запада, их доля была самой высокой. И понятно, при эвакуации тут особых раздумий не возникало. Любая шибко национальная идея начинается с материальных претензий к евреям. Страшнее, когда национальная дурь становится силой сокрушающей. Зычно декларируемый нами интернационализм, до послевоенной трансформации его в космополитизм, адресовался в большей мере евреям. Ультрареволюционные особи из других наций — венгры, латыши, поляки и прочие - составляли экзотику российской смуты, но не правило. С эвакуацией приличный контингент — врачей, инженеров, творческих работников — оставили в городах. В деревню столкнули евреев второсортных и иждивенцев.

На чернозёме провинциальной простодырости моментально вызрел конфликт, пролетарский интернационализм взялся трещинами. Даже простой эвакуированный еврей жить в колхозе не хотел, а старался осесть на предпоследней к тому инстанции, в райцентрах Урала и Западной Сибири. Читать лекции по ленинскому кооперативному плану — всегда пожалуйста! Культивировать его в деревне? Тут увольте. Интернационализм дело хорошее,

но органы бдящие на всякий случай вели поштучный учёт эвакуированных с указанным национальным оттенком. На 1 октября 1944 года, примером, в Челябинскую область прибыло 12285 евреев, из них размещено в колхозах только 185. О чём было с удовольствием доложено Еврейскому антифашистскому комитету. Дислокация в других областях региона близка к тому.[21]

Вскоре, к изумлению аборигенов, районные штаты торговли, общепита и иных привлекательных контор были монополизированы активными гостями. Местное население, умственно стоящее на том, что районное начальство есть ближняя и самая наглая часть захребетников, с холодком отнеслось к такому порыву.

Колхозники — интернационалисты по природе, на условия их прозябания никто в этом свете не претендовал. Коммунарам совершенно безразлично, кто сидит в районе. Пришлый начальник по первому следу даже лучше. Другими глазами смотрели в мир местные выдвиженцы. Со времён раскулачки ждал кормной должности в райпотребсоюзе, и нат-ко, выкуси! Какой-то Шмуль перебежал дорогу к сытой жизни. Оценка ситуации у молодых и сочувствующих была категоричной и озлобленной — немцы напали на Россию, а евреи — на Урал. Попытки противостоять ползучей агрессии встречали неожиданное сопротивление районной славянской партийной братии. Ропот стоял по тихим весям. Своих обзывали антисемитами и грозили привлечь.

«Никакого антисемитизма нет, — оправдывался на партбюро начальник Зайковского РО НКВД Васильев, — привлекать за антисемитизм некого, все руководящие посты занимают евреи. Из 40 человек работников ОРСа работает 31 еврей, русские работают только официантами».[22] Далее опер констатировал, что местные жители категорически отказываются от подселения еврейских семей. Теперь заглянем в решение бюро райкома партии. Исключительно славянского по составу. Из-за своей общей и политической безграмотности капитан Васильев не подходит на должность начальника райотдела НКВД, на собраниях партактива упрямо несёт про еврейское засилье и плохо решает проблемы с расселением эвакуированных по частному сектору. К тому же частенько и крепко выпивает.

Если говорить без идеологических ужимок, спецдонесения НКВД всех областей Урала и Приобья указывали на сложность отношений коренного населения с эвакуированными евреями. Мы всегда живём с ними рядом, но не вместе. Часто причиной ссор и требований расселения становились особенности быта, привычки повседневного поведения.

Настораживала суетная расчётливость гостей. Мы привыкли ложиться спать с пустым брюхом и чистой головой, освобождённой от забот чудотворной верой — будет день, будет и пища! Они не такие, на божью милость уповают меньше и более склонны тонко украсть, чем ежедневно отходить ко сну с урчащим от злости ливером. В отношении жилья еврейские семьи, попавшие в провинцию, были невзыскательны. В сельских райцентрах они охотно шли в старые землянки, тёплые, но подслеповатые. Это было лучшим исходом коллизии. Соседи они хорошие, а молодь, воспитываемая на уважении к образованию, часто ставилась в пример местным озорным ребятишкам.

Антисемитские настроения по отношению к городскому сектору эвакуации имели другие причины. По области, сообщают в обком свердловские гебисты, ходят упорные слухи, что с запада эвакуируют только евреев. Те, что боялись сказать вслух, стали писать подмётные письма. Про кражи продовольствия и карточек сообщалось много, но для органов специфических не интересно. Главный предмет сторонней зависти тех лет — не жратва, а способность косить от фронтового героизма. Тут пришлые порой просто смешили аборигенов. Директор завода Моеров, пишет славянский пролетарий из Красноуфимска, принимает на работу только евреев и укрывает их от призыва в РККА.

Проверили. Славянин накатал по делу. Заводской лимит брони в 14 душ был полностью закрыт специалистами самой первой производственной необходимости. Пристальным интересом сотрудников госбезопасности к персональному составу бронируемых вскрыт анекдотически-уголовный факт — все герои тыла были евреями. Снабженец Шапиро числился диспетчером, кладовщики Гольдштейн, Шумахер, Либерман, Рухинштейн и другие ходили в слесарях-лекальщиках шестого разряда.[23]

Не знаю, удалось ли загнать в окопы Отечественной Либермана с Шумахером, но в документах о фальшивой брони евреев такого юмора полно. Уводили под бронь своих везде, и вне зависимости от национальности. Однако делали это с умом. А тут. Каким воображением надо обладать, чтобы визуально представить себе слесаря шестого разряда с фамилией Рухинштейн? Врача или скрипача? Пожалуйста. Но лекальщика...

Должность или специальность, гарантирующую отсрочку от призыва, дело очень хлопотное, а порой и недосягаемое. Секретарь райисполкома, к примеру, или машинист паровоза. Торной тропой, уводящей из-под мобилизации, было вступление в члены ВКП(б). Режим призыва по партийно-комсомольской линии был

много либеральнее. Где подставишь вместо себя сверхпланового призывника, где подсуетишься с документами, удостоверяющими сугубую потребность тыла в твоих услугах. Серединой войны в партийные организации Урала хлынул такой поток заявлений от эвакуированных евреев, будто их к тому призывал сам Моисей. По спискам Курганского обкома ВКП(б) более четверти вступивших в партию в 1943 году — евреи.[24]

Слайд из отчёта Курганского военного комиссариата о мобилизации за тот же год. Из 14 тысяч граждан 1926 года рождения, призванных на военную службу в РККА, 10527 русский, 221 украинец, 186 татар, 74 башкира и 52 еврея. 31 немцу отказано в праве служить Отечеству.[25] Смирно! Слева направо рассчитайсь! В шеренге мобилизованных тем годом на фронт еврей стоял редко, через двести пятьдесят, с гаком, славянских душ, зато в тыловых партийных рядах он был каждым десятым.

Кропотливое изучение партийных списков, национальной и социальной структуры кадрового состава выводит к совершенно неизученным аномалиям человеческого поведения и проблемам биологической восприимчивости к вирусу большевизма. В партреестрах всего Большого Урала не наберётся пятка коммунистов-цыган. Высокая живучесть и мобильность этого вольного народа общеизвестна, она гарантирует и социальное здоровье. Кочевые народы Севера с весьма слабой иммунной системой беззащитны перед алкоголем и социальными паразитами. Доля большевиков среди ненецкого населения, к примеру, в десятки раз выше, чем у кочующих детей южных широт.

Правда разнолика. Факты тыловой жизни дают основания для гордости всем народам России. Заглянем в документы секретные, но иные. Жаркое лето сорок третьего. Санитарные эшелоны нарастающим валом сбрасывают в уральские эвакогоспитали десятки тысяч раненых. При отступлении, чего греха таить, значительная часть пострадавших уходила под оккупацию. Теперь мы медленно пошли на Запад, и всё увечье войны оставалось в нашем ближнем тылу. Не хватает хирургов и медицинских препаратов! — взывают уральские госпитали, низкий калораж пайков раненым, а персонал вообще кормить нечем.[26]

И только открыв пожелтевшие документы тех дней, узнаёшь истину совсем конкретную. На ремонтном конвейере Отечественной среди хирургов и иных врачей профессионального уровня доля евреев просто подавляющая. Сотни операций в год на каждого хирурга, круглосуточное пребывание на тыловом, но боевом посту. Год спустя, при реэвакуации госпиталей ближе к убегаю-

щему на запад фронту, областные и районные власти умоляли оставить хотя бы часть врачей для обслуживания местного населения, особенно пенсионеров. Из этого корпуса медиков со временем сложилась элита и гордость уральского здравоохранения.

«После умелой операции закрылись мои раны... Я до гроба не забуду имена хирургов Витебского и Пичахчи. Да и как забудешь таких людей? Я уже ступаю на свою ногу, живу очень плохо, имею пять малых сыновей... Но сейчас я счастлив и счастливы мои дети, рады, что у папки зажила нога и он снова пойдёт на комбайн зарабатывать хлеб!»[27]

Из десятков писем благодарности в адрес молодого хирурга, а потом и выдающегося деятеля отечественной медицины Якова Давидовича Витебского я выбрал это. Оно написано из Юргамыша Фёдором Варлаковым. Крестьянином, колхозником, русским солдатом, инвалидом Великой Отечественной.

Вернёмся к почте фронтовой. «Я получаю одно письмо за другим от своей семьи, в которых они пишут, что помещаются в уголке избы, окна не только без стёкол, но и ни чем не забиты, без топлива и печи, неоткуда достать топливо, не замерзать же им в холоде. Как получается на деле, не проявляется необходимой чуткости к людям, пережившим уже вторую эвакуацию». Были и такие. Фронтовик говорит о тех, что эвакуированы в 1941 году на Кубань, а с оккупацией юга России, — на Урал и в Сибирь.

«Я был призван в РККА по партийной мобилизации, — читаем письмо, написанное коряво и химическим карандашом, видимо в блиндаже, — сейчас в действующей армии, на самом переднем крае Западного фронта. Немцы в 200 метрах...». Далее политрук Савельев Пётр, ссылаясь на постановление ЦК о заботливом отношении к семьям фронтовиков, сообщает, что жена дома, в Свердловской области, голодает, дров не имеет. Хуже, над ней издеваются, не дали лошади отвезти больного ребёнка в больницу, пришлось пешком на руках нести его за 16 километров. «Мы ещё сильнее, товарищ секретарь, напряжём свои силы на разгром врага. И выполним приказ ГКО и Любимого Сталина — в 1942 году полностью разгромим врага».[28]

То было время очередной эйфории, поднятой хвастливыми речами вождя под Новый ещё более тяжёлый год. Бойцу ответили хорошо. Ваш ребёнок заболел очень некстати, колхозные лошади тогда стояли на карантине, жена ваша требует многого и должна осознавать трудности войны. Вряд ли обрадовал политрука тот факт, что для советской власти колхозный Серко дороже его ребёнка. На переднем краю думается прямее.

Заключительная тирада письма предлагала смотреть только вперёд. «Желаем вам быстрейшей победы над заклятым врагом всего прогрессивного человечества, с победой, в полном и добром здравии вернуться к своей семье!» Солдат России Савельев Пётр Федорович был ранен, но вернулся. Два родных брата, Георгий и Виктор, — нет. Один пропал без вести в первую половину Отечественной, другой погиб в 1944 году.

«Я эвакуирована с Донбасса, — отрывок из той же оперы, но иной области, — при эвакуации ничего с собой не взяла, так как уезжали за 2 часа до прихода немцев. Имея на руках двух детей, 3 месяца и 7 лет, и двоих стариков, отца-инвалида и мать. Мужа забрали на фронт, при отправке всячески обещали помогать. Как помогали? В зиму я осталась без полена дров... Я работаю в совхозе. Младшенький через пять дней умер... Старший не может ходить в школу за неимением обуви. Болен воспалением лёгких. Врачи дали справку: ребёнка надо поддерживать молоком, иначе будет открытая форма туберкулёза. Молока не дают... Силос, который варят в столовой совхоза, свиньи кушать не будут».[29]

За эвакуированную в Лысьву женщину заступаться было некому. Рядовой Красной Армии — защитник Родины, но не своей семьи. Местная власть хотя бы формально реагировала лишь на обращения авторитетные. Остальное — в отвал. Красноармеек рядовых пруд пруди, всех не осчастливишь.

«Здравствуй, Ваня! Я прошу тебя больше не писать ничего и не расстраиваться. Больше никуда не пиши, потому что бесполезно. Если бы эти люди побывали где ты, может быть... Целуем крепко. Твоя жена и дети». Из перехваченного письма ясно, что Ваня из Петуховского района был парнем настырным и, сидя в окопах, обращался с жалобами на нищету семьи к Маленкову, Шкирятову, в комиссию парткоптроля, к секретарю райкома. Семье не помогло, но кому-то надоело. Пришёл представитель обкома и взял у жены расписку, что она впредь никуда про свою жизнь писать не будет. Тут Социалистическая Родина в опасности, а ты лезешь со своей ребятнёй.[30]

«Сам я мобилизован в трудармию под Кемерово, стахановец, — жалуется секретарю Тюменского обкома Павлов Дмитрий, — а дома у меня конфисковали последнюю корову и дети голодают». Проверкой установлено: жена стахановца, гражданка Павлова из деревни Заплатиной, что находится в Босоноговском сельсовете Бердюжского района, ведет себя вызывающе непатриотически. За 1942 год она не сдала 45 кг мяса, 212 литров молока, 37 штук яиц. В 1943 году не сдала 46 кг мяса. «Как злостному несдатчику со-

гласно постановлению СНК СССР от 24 ноября 1942 года, Павловой наложен штраф в сумме 6988 рублей. Недоимку мяса, молока, яиц взыскали в натуре после суда, а за неуплату штрафа райфинотдел по решению нарсуда изъял в 1944 году корову».[31]

Женщине-матери порой совершенно неведом страх. Переписка Сталина с Черчиллем или Рузвельтом важна для большой политической истории. Потому известна до тонкостей в слоге и хитром двоемыслии. Материнские чувства прямолинейно святы. «Москва. Кремль. Сталину. Эвакуирована с грудным ребенком. Муж в армии. Оставлена на улице Молотова. Крова, помощи жду. Город Молотов, Соликамский тракт, 189».[32] На местном телеграфе схватились за голову и — в НКВД. Сырец телеграммы остался в секретном запаснике компетентных органов. Но поступок солдатки Кокиной оценили. А ну как все убогие начнут телефонировать вождю! Греха не оберёшься с этими истеричками.

«Я не раз покаялась, зачем я сюда приехала. Если бы я знала, что так мне придется жить, лучше бы умереть под бомбами немца, чем так жить».[33] Эвакуированная в Зауралье женщина пыталась пожаловаться на судьбу своему солдату Отечественной, однако сделала это неудачно. Именно эта фраза стала причиной интереса читателей из НКВД, решивших не расстраивать солдата.

Сначала семьи начсостава Красной Армии считались элитой эвакуации. Везли их на восток особняком, размещали вместе, как они жили когда-то в военных гарнизонах. Каждая семья состояла на особом учёте в райвоенкомате. Тот реальный факт, что семьи высшего и старшего комсостава РККА и ВМФ были вывезены на Урал летом сорок первого, до начала военных действий, говорит о многом. Хотя бы о том, что и у краскомов своя рубаха ближе к телу. Для всех мирских нападение было внезапным, но не для военных с ромбами и шпалами в петлицах.

Перед самой войной эта категория советской публики материально жила много лучше горожан, а тем более деревенских. Семьи высшего комсостава жили даже с претензией на роскошь: государственная дача, спецснабжение, персональное авто с шофёром, домработница по найму. Блага, которые необходимы профессионально ценному человеку. В довоенном кино краском был обязательным и абсолютно положительным персонажем.

В реальной жизни всё было куда хуже. К началу Отечественной страх тридцать седьмого не осел. Из памяти не выветрились образы вождей расстрелянных и тянувших сроки, в НКВД ещё долбили мнимых и запоздалых заговорщиков. Выжившие, но поседевшие от страха за семью, краскомы тихо благодарили Бога и

судьбу. Первый выстрел в большевистской рулетке оказался для них холостым. Офицеру, конечно же, не пристало трусить. Если впереди враг Отечества. Но перед подлостью внутренней, когда в спину бесчестье, а в затылок пуля, все бессильно равны.

Переезд и разлука многое изменили в быте военных семей. Материально семьи эвакуированных жили за счёт денег, выплачиваемых по аттестату. С началом войны офицерский состав РККА получал денежное содержание: 550, 750 и 1000 рублей для среднего, старшего и высшего командного состава. Денежное содержание почти не обналичивалось. В условиях боевых операций велик риск потери наличности. Так решило государство. Деньги краскомов перечислялись на сберкнижку. Читатель, знакомый с практикой сберегательного дела в Стране Советов, поймёт, что выручить их было почти невозможно.

При эвакуации командиры среднего и старшего звена обязательно оформляли аттестаты на получение семьёй части денежного содержания. Документы предъявлялись в районные военкоматы по месту временного жительства. Паническая эвакуация армейских семей среднего комсостава из прифронтовых областей оставила многих без аттестатов и иных средств существования. Вот почему по прибытии в тыл родственники немедленно запрашивали НКО СССР о местопребывании офицеров и возможности получения денег. Ждать приходилось месяцами.

С фронтов, навстречу, шли запросы о местопребывании эвакуированных семей. Спасение утопающих в нищете и горе родственников стало делом самих фронтовиков. Вне инициативы горе оставалась безучастным. И здесь совершенно нет вины местных военкоматов. Скорее надо констатировать если не героизм, то искреннюю самоотверженность военнослужащих тыла, на которых внезапно обрушился огромный людской оборот. Расселение и учёт армейских семей проводились одновременно с мобилизационными мероприятиями: организацией призыва, всевобуча, снабжения и элементарной экипировкой отправляемых на фронт.

Колоссальные потери первых военных месяцев сделали вообще проблематичным получение каких-либо средств. Выплата по аттестатам проводилась в том случае, если военнослужащий находился на фронте или в госпитале. Часто даже попавший в госпиталь воин, вынесенный с поля боя, не имел при себе аттестата, что серьёзно осложняло его материальное содержание. Мы привыкли цинично выставлять в музеях партбилеты фронтовиков. В этом весь советский патриотизм.

Для голодного солдата и его семьи гораздо важнее были другие документы. Если красный командир в составе действующей армии и раненых не числился, закрывались все вопросы, связанные с денежным содержанием. Семьям погибших командиров отсылалась «форма 4» с рекомендацией оформлять дела на возможное получение пенсии.

Вспомним честно, то было время, когда страна практически потеряла свою армию. На большинство запросов тыла следовали трафаретные ответы из НКО — «В составе действующей армии не числится», или из Бюро по учету потерь — «Пропал без вести». В любом раскладе для семьи, вывезенной в далёкий тыл, наступали голодные времена. Надежды на помощь кормильца исчезали за горизонтом вместе с пыльными колоннами военнопленных, уходящих на запад. Эти колонны мы увидим через шестьдесят лет в трофейной кинохронике. А тех ненаглядных, что засыпаны в окопах и раздавлены танками, что остались не учтёнными и не погребёнными, редко, в мелкую розницу находят тихие патриоты-поисковики да корыстные гробокопатели. Россия про них забыла.

«Муж отправлен на фронт 6/7-1941. С тех пор известий от него не имею... С 1 мая 1942 года не имею аттестата и получаю только пособие на шестерых детей от 14 лет до пяти месяцев. На запросы дают ответ — не числится ни в убитых, ни в пропавших без вести. Его однополчанин написал, что муж погиб. Не могу требовать помощи, потому что брак не зарегистрирован».[34] Простите нас, Анна Михайловна. Говорят, один раскаявшийся грешник стоит сотни праведников. Через полвека мы вспомнили. Ваш муж — Михаил Дмитриевич, лейтенант 223 стройбата 193 стрелкового полка, пропал без вести январём сорок второго. Под Сталинградом, который мы проиграли. Под Ржевом.

«Обращаюсь к вам с просьбой помочь мне, так как уже три месяца не получаю вестей от мужа и положение моё становится всё тяжелее. У меня пять детей (13 лет, 10, 6, 4, 1 год). Я сама работаю в колхозе, но заработка не имею. Убедительно прошу Вас, спасите моих детей от голода. Умоляю, спасите моих детей, помогите мне, так как в колхозе нет никаких продуктов, а где-либо достать, у меня нет средств».[35] Часто авторы письма прямо обращаются к цензуре с просьбой не задерживать письма и ничего не вычёркивать, объясняя, что пишут чистейшую правду.

Под напором таких вот писем НКО СССР разрешил выдавать семьям командиров авансовые, возвратные пособия. Выдавались они скорее для поддержки духа, чем тела. Пособие, гарантирующее героизм и самоотверженность, было много ниже

сумм по аттестату и подлежало возврату в случае обнаружения фронтовика и оформления документов. Власть исходила из вполне возможного криминального варианта событий. Враз да выяснится, что командир попал в плен. А тут семье следовало не пособие, а презрение, в некоторых случаях даже срок.

Вчерашние любимцы Страны Советов попали в заморную тину военного Агрогулага. «Семьи офицерского состава, — читаем документы одного из облвоенкоматов, — обеспечиваются хлебом из расчета 400 грамм на каждого человека, а в сельской местности получают мукой из расчета 7,2 кг в месяц. С 21 ноября норма хлеба снижена до 300 гр. На селе кроме хлеба ничего больше не выдается».[36] Напомню, в натуре прописанный паёк был меньше. А голодающим семьям офицеров настоятельно рекомендуется читать книгу Сталина «О Великой Отечественной войне».

Трудно даже представить всю глубину провала в жизни этого контингента эвакуированных. Колхозная обстановка, сама по себе, для большинства офицерских семей была шокирующей. Быт военных городков и гарнизонов своеобразен, он формируется под влиянием служебных отношений. Статус семейного окружения командиров взвешен его кубарями или погонами. А в колхозе, как в глухом восточном рабстве, все бесправно равны. Любить колхозную Россию без привычки очень трудно.

«Продукты питания приходится приобретать у местных жителей. Каждое утро толпы эвакуированных ходят от избы к избе с просьбой продать хоть что-нибудь поесть. Пользуясь безвыходным положением эвакуированных, местные жители стали драть высокие цены, а потом и вовсе перестали продавать продукты. Только на мену можно достать что-нибудь. И полетели наши тряпки, чтобы только поддержать наше существование. Сам председатель сельсовета оделся в брюки и гимнастёрку наших мужей, которые борются и отдают жизни за Родину.

Вышло постановление РИКа о том, что взрослое эвакуированное население не будет получать хлеба по линии сельпо, пусть ест то, что получает в колхозе на трудодни. Недавно председатель сельсовета сказал, что пришла телеграмма: «Лишить хлебного пайка детей эвакуированных». Это слишком трудно пережить... Как же будут воевать наши мужья, когда узнают, что их дети голодают, меняют последние вещи, и пришли к обнищанию.

Мы им напишем, как работники района обогащаются за счёт несчастных сирот и детей фронтовиков. Мы опишем, как гибнет неубранный урожай исключительно по вине местных руководителей... Мы не изнежены, мы выросли в трудовой семье, мы не тре-

буем сахара, мыла, масла, которых уже давно не видим. Мы лучше, чем местные руководители понимаем, какое сейчас положение. Но оставлять детей без хлеба — это преступная жестокость... Правительство послало нас спасти наших детей, а не доводить их до истощения, не губить их. Мы потеряли всё: мужей, кров. Мы и сейчас страдаем».[37]

Письмо Калинину от жён комсостава, проживавших в Егоршинском районе, цензоры НКВД изымать побоялись. Чем чёрт не шутит, всё-таки не рядовые красноармейки. Бумага вернулась с классическим предписанием немедленно исправить недостатки. Что могли сделать нищие районные власти? Кинуть обносившимся что-нибудь из американских подарков, дать по несколько килограммов гороха, вымолоченного с тех же колхозников. А во всём остальном сослаться на центральные директивы, предписывающие решительно ссаживать с пайков сельское население, включая эвакуированные офицерские семьи. Да и то правда. Чем они лучше коммунаров? В ответах местная власть неизменно язвила, что командирские жены тонко лытают от колхозной работы, ссылаясь на занятость воспитанием детей.

«На 1 декабря 1943 года, — перед нами донесение начальнику политуправления УралВО, — в Курганской области проживает семей генералов и офицерского состава 12095, в том числе эвакуированных 7262 семьи... Количество детей школьного возраста 2500 человек, дошкольного — 5001 чел. Получают по аттестатам 8769 семей, получают возвратные пособия по приказу НКО №140 — 1465 семей, совсем не получают пособия 2651 семья.

Наибольшую нуждаемость имеют семьи офицерского состава, получающие по приказу НКО №140 и не получающие никакой денежной поддержки, так как торгующие организации ничего не отпускают ввиду отсутствия нарядов. По имеющимся данным не посещают школу из-за отсутствия обуви и одежды 6798 детей фронтовиков офицерского и рядового состава».[38]

Уровень нищеты был примерно одинаковым по областям Урала. «По состоянию на 15 января 1944 года, — это из лоскута пермского, — в области учтено 240 тысяч семей военнослужащих, в том числе 30 тысяч семей офицерского состава... Из них получают пособие 89 тысяч семей, пенсии — 19,6 тысяч, по аттестату — 19,4 тысячи семей».[39] Все бумаги старательно избегают неприятной статистики и склонны к положительным художественным деталям. В бумаге пермской дыра в 10 тысяч голодных офицерских семей искусно замаскирована перечислением фактов мизерной разовой помощи. Ведро картошки, кубометр дров...

В некоторых аграрных районах офицерские семьи были основной категорией, централизованного снабжения, а потому зло конкурировали с райноменклатурой. Местная власть всеми силами старалась вытолкнуть пришлых из сжимающегося кормового пространства. Лучшее решение вопроса — столкнуть семьи фронтовиков со льготного режима в колхоз. Заявление о приёме снимало все проблемы, судьба колхозника никого не волновала. Но гости отчаянно цеплялись за свой прежний статус, не торопились разменять его на трудодень. Жёны офицеров и генералов, отмечалось в донесениях госбеза, более отзывчиво относятся ко всем мероприятиям, направленным на укрепление могущества СССР, агитация, подписка на займы, но в колхозы никак не идут.

Не хочешь быть колхозницей, работай в артели временно. Труд в колхозе при любых обстоятельствах давал основание для ревизии декларированных прав эвакуированных. Москва всячески поощряла инициативу местных властей — снимать с пайка тех, кто имел какой-то приработок на стороне. Лицемерными ссылками на заработанные трудодни сначала сняли с пайка иждивенцев офицерских жен, а потом припялись за работающих. Позднее нашли достаточным основанием снятия с пайка выделение участка. Безысходность толкала на поступок отчаяния.

«Дорогой наш отец, тов. Сталин! Здесь на нас не обращают никакого внимания... Наше правительство оказало нам помощь, чтобы спасти нашу жизнь и наших маленьких крошек-детей, послали нас в такой глубокий тыл. Но мы каемся, что поехали сюда... Дорогой наш отец, мы здесь ничего не видим кроме бездушного отношения, ненависти и издевательств над нами. Получаем мы паёк 400 гр., одни отруби, а теперь паёк снизили до 300 гр. Всё везут с полей себе, а нам ничего нет».[40]

«Во время начала военных операций, — пишет секретарю Молотовского обкома партии жена кавторанга Северного флота, — наши семьи были вывезены из Ленинграда, Одессы, Заполярья и других мест в село Полазна. Наша жизнь здесь является бесконечной вереницей издевательств и нарушений прав семейств начсостава. Ни для кого из нас не является секретом, что местное наиболее отсталое население нас ненавидит, относится к нам враждебно, что подтверждается фактами повсеместного выселения из частных домов».[41]

Письмо тех, что написали дорогому отцу и вождю, отправили в спецсектор ЦК ВКП(б) на предмет реагирования. Потом оно провалилось в глубинку. Но вряд ли офицершам что-то перепало. Пышминский район, в котором они пережидали лихолетье, вытя-

нул Отечественную плохо и может гордиться, как это сейчас общепринято, лишь количеством убитых и пропавших без вести.

Жене моряка-североморца и вовсе ответить было нечего. По спецдонесениям госбеза и НКВД, отношения между элитной эвакуацией и уральской деревенщиной вначале складывались неважно по всему региону. Виной всему естественная неприязнь нищего к начальству и достатку. Понимание и согласие пришли после того, как жёны командиров, проев всё, вышли на колхозную принудиловку вместе с бабами без исторических претензий.

В письмах с глазу на глаз, письмах личных, каждая строчка отдаёт болью чистой правды. «Сейчас, Иван Ефимович, я пропишу Вам подробно, как заботится Родина о семье фронтовика, командира и орденоносца, который с первого дня войны защищает любимую Родину. Иван Ефимович, надо прямо писать, что с приездом Вас с фронта всю семью Вы конечно не увидите. Не знаю, кто будет жив. Человек лишён главного, не будем говорить о каких-то других продуктах. Они видят 100 граммов чего-нибудь наподобие муки, и всё. Ни крупы, ни масла, ничего. Кроме 100 гр. муки или отрубей и крапивы. За крапивой ходят за шесть километров. Мама не встаёт с постели, они умыкаются, и уже нет сил сварить крапиву.

Вот их меню: в 11 сварят затягушки из этой муки с крапивой, и до 7 вечера. А вечером та же крутка муки с крапивой. Больше нечего. Лёник опух весь, не может таскать ноги, работает на подсобном хозяйстве больной, ноги как брёвна. Всё, что там приготовляют для телят, выпивает. Приходили на него жаловаться. Вот я пишу, а у самой полны глаза слёз. Лидочка уже только одни косточки. Ребятки больше не ходят в школу и на улицу, у них нет сил, всё время только в комнате. Герочка только и говорит: «Мама я хочу кушать, но молчу».

Иван Ефимович, сердце разрывается, разве можно пережить эту ужасную жизнь... Лидочка идёт и видит ужасную картину — сидит Герочка за крылечком и гложет кость после собаки, подобранную на улице. Лидочка с большим трудом смогла ее отобрать. Иван Ефимович, можно ли так жить? Вот они все боятся писать. Но я пишу только правду об ужасной жизни командира Красной Армии ... У Валерика туберкулёз, он уже дышит с трудом...». [42]

Письмо жены подполковника Сулимова Ивана Ефимовича прошило Союз изломом в несколько колен, Алапаевский район — действующая армия — военный отдел обкома партии и снова Алапаевск, и возымело действие. Судя по ответу, семье подполковника выделили 80 кило картошки, 10 гороха, 1,5 масла, 2 кило соли

и подвезли пять кубометров дров. История не помнит, сколько человек из семьи фронтовика удалось этим спасти.

Фронт донимал местные органы власти запросами: «Находясь с первых дней Отечественной войны в рядах ВВС, я был уверен, что моя семья будет обеспечена хотя бы самым необходимым для жизни». Типичная преамбула таких писем уступает место типичным вопросам: почему семья не получает денег по аттестату, почему не платят жене по трудодням, почему хлебный паёк маленький. Жившие в сталинском колхозе знают ответ на два последних вопроса.

Задержка с выплатой денежных пособий и переводов объяснялась просто. Местные партийные власти, патриоты на халяву, подписывались на все оборонные кампании. Деньги по таковым в бесспорном порядке изымались из наличности, имеющейся в районных учреждениях. А все выплаты населению приказывали покрывать за счёт внутренних ресурсов.

«Широк круг подлецов в Тюменской области...». Эпическое начало из доноса директора Туринской семилетки в НКВД можно бы взять эпиграфом к полному курсу истории России. Применительно к нашему материалу оно прямо-таки играет. После ревизии районных почтовых отделений области многомиллионную задолженность по военным переводам решили переводить на сберкнижки. С которых деньги не снять до конца войны.

На середину сорок четвертого «должны» по подписке очередного госзайма 1350 тысяч, работникам предприятий района — 1287 тысяч, учителям — 155 тысяч, по переводам и пенсиям — 189 тысяч рублей. На счетах колхозов абсолютный финансовый вакуум. Такова бухгалтерия типично аграрного угла Тюменской области. Между тем, жители Голышмановского района, речь о нём, исправно патриотически давали взаймы государству, охотно и тысячами сбрасывались на общеуральские танки и колхозные самолёты. Откуда такое самопожертвование и большие деньги?

В других областях приоритет государственного кармана реализовали иначе. На 1 июля 1944 года, читаем бумагу одной из облпрокуратур, задолженность по оплате переводов, пенсий, пособий составила 84 миллиона рублей. Причина — невыполнение районных планов мобилизации финресурсов. Потому «повсеместна практика непосредственного перевода всех выплат (переводов, пенсий и пособий) в руки налоговых органов в погашение подписки на займы и других обязательств».[43]

Акселерат-потомок будет восхищаться самоотверженностью прародителей, и кривить рожу по поводу социальной эволюции.

Вот, мол, были люди! Нам не чета. Голодом сидели, а последние тысячи отдавали на всякие самолёты и танковые колонны.

Да, были люди в наше время! Как и соотечественники нынешние, они были нормальными. Отечество или смерть — этот выбор делается не в тылу. Из тыловой альтернативы — советская власть или семья абсолютное большинство выбрало бы личное. Героев из себя творили не мы, фипорганы, транзитом перегоняющие нищенские копейки из одного государственного кармана в другой. Отголодовавших в очередях и пустых надеждах солдаток, а также детей фронтовиков кормили словесами большевистского патриотизма. Вся историко-патриотическая литература светится самодовольством, цитируя газетный утиль времен Отечественной про поголовную финансовую самоотверженноть.

Смею заявить, не держало в руках то героическое поколение денег, которые оно, якобы добровольно, отдало на оборонные мероприятия. Металл тех танковых колонн и эскадрилий выплавлен не из нашей воли к победе, он — сплав слёз и нищеты детей и красноармеек. К такому выводу придёт всякий, кто во имя честного имени России отодвинет в сторону советские патриотические лубки и познакомится с несекретной тыловой бухгалтерией тех лет, с механизмом безналичного перевода долга государственного в патриотический долг населения.

Парт-патриотическое жульё зашевелилось по многим районам. Инициаторам «починов» очень не хотелось на передовую. Перемахнём через одну дыру между светло-газетной самоотверженностью и тёмной истиной. Из Камышловского РК ВКП(б) позвонили в артель «Новая жизнь» и потребовали найти коммунара, который сдаст 110 тысяч рублей на эскадрилью «Свердловский колхозник». Сумма — умопомрачительная! Миллионом трудодней не закрыть. Но дело было не впервой, и ужаса на физиономиях главных персонажей не отразило.

Взяли бригадира Верзилова и приказали ему зарезать скотину. Будь спок! — заверили «инициатора-патриота», в накладе не останешься. А у того две тёлки, за убой которых по постановлению СНК полагался срок. Бригадир уже отсидел дважды: 5 лет за кражу и 6 — за убийство. Из райкома разрешили обменять одну тёлку на колхозного быка.

Денег от продажи в городе бычьего мяса не хватило. Райком потребовал от председателя артели Анфилофьева доплатить 29 тысяч, о герое успели написать в газете и сообщить в обком. В артельной кассе не было ни копейки. Госбанку было велено немедленно, в обход ноющих пенсионеров, вымести всю наличность

и дать «Новой жизни» кредит, который моментально выписали бригадиру в порядке аванса. В тот год по трудодням колхозникам не выдали ни копейки. Но тут такой случай. Всё отправили на самолёт.

За тёлку Верзилову дали должность председателя в соседнем колхозе имени Кагановича, а в уплату аванса — возможность украсть сено в родном колхозе и продать соседней артели.[44]

Колхозники Урала и Приобья был нищими поголовно, а потому все газетные сообщения о многотысячных пожертвованиях деревенских в пользу РККА инициированы и инсценированы партаппаратом. Именно за это кадровых большевиков и держали вдали от фронта, чтобы придать изощренной форме ограбления броскую фикцию патриотического почина. Тот же грабёж, но как высоко подброшено!

«Секретная» переписка тыловых нищих с фронтовиками постепенно выплывет на свет белый. В бумажном навозе архивов кое-что осталось. Только вряд ли она будет принята за истину тех лет. По нынешним меркам национального величия больше подходит другое. «Огромными усилиями Коммунистической партии, Советского правительства и всего нашего народа в Советском Союзе была создана мощная материально-техническая база, позволившая оснастить все рода войск и виды Вооруженных Сил современной по тому времени боевой и транспортной техникой, вооружением, обеспечить их всеми другими видами материальных средств, а также создать необходимые мобилизационные запасы этих средств на случай войны».[45] Врать вдогонку прожитому, особенно давно прожитому, намного легче.

Это взято из военно-демагогического, то есть самого пошлого, сочинения по истории Отечественной. Когда авторы генерал-академики. И тут, и в исторических фолиантах цивильных капээсэсовцев от науки, буква далека от пережитого как автобиография рецидивиста от его судебно-следственного дела. Но уставшим от настоящего соотечественникам читать это приятнее.

Действительно, патриот с вынутой из позвоночника арматурой советской идеологии становится гибче, начинает чувствовать нюансы и сможет отличить боль душевную от обычных симптомов геморроя. Национальная идея, если она не вызрела до образа всенародного диктатора, аморфна и мечется в широкой амплитуде: от трезво-инстинктивного вопроса — на что бы выпить? — до выпимши осмысленного и спасительного ответа — бей жидов!

Свобода и благополучие граждан без претензий на международное величие кажутся нам ценностями, достойными каких-

нибудь Швеций, Голландий и прочей географической мелочи. Нам нужна героизированная национальная цель, чтоб до изможденья в морде и теле либо спасать мир, либо править им. Собственно, это одно и то же, добровольно за нами всё равно никто не пойдёт.

Прежде, чем отправиться на ток вместе с самоотверженными колхозницами, заглянем в письма оригинального жанра. «Дорогой брат Борис! Мне здесь очень тяжело. Надо мной и нашей семьёй здесь буквально издеваются, творя всякие бесчинства. Я не могу ничего поделать. Мне не только не помогают, а даже не хотят со мной разговаривать. Вчера в присутствии председателя сельсовета участковый милиционер Скороходов вытолкнул меня из сельсовета, издеваясь над моим ранением, заявляя, что он меня выбросит и я буду ковылять на своей культяпке. Хотел огреть его костылём, но боялся упасть. Я же приходил в сельсовет с жалобой о выдаче мне положенного. Нас выселяют из квартиры, а куда я денусь с больной матерью?»[46]

С письма Исаака Либенсона брату-фронтовику начнем знакомство с жизнью ещё одного колоритного персонажа военной деревни — инвалида второй мировой. Демонстративно милосердными и внимательными к участникам войны мы стали спустя двадцать лет после Победы. К мученикам тыла снизошли душой на полтора десятка лет позднее. К тому времени многочисленная рать «пузырей», «самоваров», «чайников», «культяпых» и всякой масти ампутантов и контуженых, украшающая обстановку тех лет, тихо вымерла, не отягощённая нашей заботой.

Современники сороковых хорошо помнят этот хромающий и ползающий на самодельных тележках отстой Отечественной. Покалеченные герои и защитники нищенствовали на вокзалах, рынках, пели по вагонам и пристаням про синий платочек и «Катюшу», слепо перебирая кнопки гармоней или клавиши трофейных аккордеонов, в последней стадии горькой пьяни таскались у забегаловок и магазинов. Мы многое забыли. При виде сегодняшних гордых, а порой надменных, ветеранов, в памяти невольно встают образы тех, к которым опоздали душой.

Очень скоро вчерашние герои стали обузой пролетарской власти. После излечения, жаловалось начальство госпиталей, тяжело раненые и ампутанты, не торопятся покидать приюты, так как всех страшит жизнь на пособие. Вообще судьба эвакогоспиталей складывалась трудно. В Красной Армии, армии нищеты и бесправия, оборот обмундирования, вооружения и прочего снабжения отставал от людооборота потерь и ранбольных.

Принятые перед войной директивы о том, чтобы демобилизованный солдат сдавал немедленно военную форму для вновь мобилизованных, теряли всякий смысл. С фронтов шло тряпьё окровавленное, простреленное. Планы ремонта и стирки обмундирования при всём героизме женщин тыла не могли угнаться за темпами войны. По причине отсутствия экипировки приходилось содержать на пайке излечившихся и годных к боевым операциям, а также покалеченных основательно. Последних спасал дефицит костылей и протезов, а пугала опасность подохнуть с голода, особенно тех, у которых спасительная семья и малая родина остались в далёкой оккупации.

Часть прокажённых Отечественной после выписки из госпиталей была направлена по месту жительства. Они и составили ту экзотику послевоенных лет, которая щемит сердце болью и гордостью одновременно. В деревне трудоспособному инвалиду место одно — мелкое начальство. Однорукие председатели, бригадиры на костылях, помятые войной учётчики и кладовщики. Работы в колхозе много, нет кормного места. На ущербных распространялись требования минимума трудодней и все прелести уголовного преследования. С поставками индивидуального двора поступили тонко и хитро. Инвалиды первой и второй группы освобождались от таковых, если в семье не было трудоспособных.

По райцентрам и городам комиссованных направляли в учреждения промкооперации. Позднее, когда ущербные пошли стеной, решили создавать чистые промартели инвалидов, имеющие мизерные льготы. В них ремонтировали обувь, одежду, мебель, катали валенки, занимались тем, что может делать человек потерявший здоровье, но не надежду. Цеплялись за жизнь потерявшие, казалось бы, всё. «В борьбе с немецкими оккупантами за Родину три раза ранен, один раз тяжело ранен в голову, сейчас навсегда потерял зрение. После излечения, чтобы жить и работать, я научился играть на баяне. Прошу купить мне баян по государственной цене, либо помочь в его приобретении».[47] В просьбе инвалида Стрельникова Федора Ивановича, направленной секретарю Молотовского обкома партии Гусарову, было отказано. Ну нет фондов! Да и просьба-то очень типичная. Много молодых потерявших зрение фронтовиков связывали будущее с этим весьма сомнительным, по советской морали, занятием.

Нетрудоспособный отсев войны либо растолкали по домам инвалидов, этой скрытой обители тихого вымирания, либо распределили по родным семьям — доживать оставшееся в нищете и забвении. В недолгие послевоенные годы тёплыми летними вече-

рами забытые, но настоящие герои Отечественной выползали на крыльцо и лавочки у палисадников. Почти у каждой крестьянской избы. Культи, костыли, печальные, рано постаревшие лица... Россия послевоенная, ушедшая из памяти без высоких слов.

Власть жмёт мой паёк, жалуется вверх Прошутин Гавриил из Голышмановского района, на пенсию не прожить. «Жизни не жалели за Родину, а теперь приходится милостыню просить... В ларьке ни хлеба, ни сахару, ни круп. К 1 Мая привозили водку, всё расхватали по начальству. Неужели инвалиды войны не заслужили поллитровочку?»[48] Туда же, убогий, подумали в Тюмени и приказали местному райпотребсоюзу выдать инвалиду лишь соль и спички. А письменно добавили, что пенсия хоть и маленькая, но правильная. До войны проситель работал трактористом, а всем деревенским инвалидам пособие давали туго и мало.

По трезвому уму обида горше, за Социалистическую Родину Гавриил Прошутин отдал обе ноги и кисть левой руки.

«Почему партийное начальство курит папиросы, — возмущается инвалид из соседнего района Пелевин, — а фронтовику, коммунисту однорукому в папиросах отказывают?»[49] Коммунист ты только в окопе, дали понять инвалиду, а тут сиди и не рыпайся. Садите табак и рубите махру, типично отвечали жертвам этого слабого порока. И были правы, наряды на фабричное казённое курево не покрывали потребностей райноменклатуры. А какой ты начальник с козьей ножкой в зубах?

«Живой человек ценится ниже, чем животное». Так начинается письмо семейного коллектива Пантелеевых. Отец — инвалид войны, семья — семь человек. «Работоспособны только малыши: дочь Эвелина — 5 класс, сын Вова — пионер, 2 класс, дочь Галя — 6 лет, дочь Валя — 3 годика. Носят себе и нам питание — траву: крапиву, медунки, пиканы, лист липовый, лебеду, клевер полевой... От голода падаю. Писал везде, просился на приём к Чубарову и Кошелеву (руководители Тюменской области — **А.Б.**). Никто меня не принял, а в деревне говорят, что бывший капитан Пантелеев Алексей Васильевич сошёл с ума в поисках какой-то правды. Если будет продолжаться антигосударственная практика со стороны руководителей, особенно коммунистов, и будут искажаться законы Советской власти на 30-м году, то я прямо приеду в ЦК ВКП(б) сам и сдам свой партбилет, который сейчас у меня могут отобрать...

Дорогой вождь и учитель тов. Сталин! Прошу обязательно уведомить меня, иначе они всё спрячут под сукно. Только Вы бессмертны, а руководители приходят и уходят. Некоторые строят

работу в корыстных интересах. Надо — я укажу список. С коммунистическим приветом весь мой семейный коллектив».[50]

Коммунизм противопоказан людям порядочным. Принятый как честное мировоззрение или вера, он обращает всю жизнь в пытку. Отслуживший в РККА пятнадцать лет инвалид-капитан Пантелеев, пытался разжалобить Сталина, ЦК ВКП(б), прокуратуру Союза. Дело было уже после Победы, в голодном сорок седьмом. Со своей правдой он надоел всем до икоты. Местная прокуратура, наконец, согласилась во мнении с прогрессивной деревенской общественностью и официально нашла у инвалида и коммуниста буйное помешательство ума.

Коммунизм, Алексей Васильевич, штука хитрая. Для кого это вера, а для кого — изощрённая манера выживания. Списывали в небытие большевиков и покруче. Жизнь инвалидов, замороженная в сотнях архивных томов с просьбами и жалобами, есть превосходная иллюстрация тому. «Голодаю, еле ношу ноги, за сорок лет революционной деятельности что-то сделал». Старый большевик Иванов обратился в ЦК. Член партии с 1904 года, сидел в Иркутске, Владивостоке, организатор Красной гвардии в тех местах. В Благовещенске охранял со своим отрядом отобранные у Колчака ценности, а потом сдал их в Чите в банк... Был создателем подпольной типографии».[51]

Куда круче? Такому бы первый паёк и досыта. Когда делишь последний кусок, прошлые партийные заслуги не имеют ни какого значения. Потому свердловская власть резонировала трезвее. Иванов спекулирует своим прошлым и желает одного, чтобы его снабжали наравне с руководителями, хотя работает сторожем. Эк куда занесло старого! Ну не наглец ли? Прочитав ответ, наш сторож-большевик долго втуне думал и понял, что где-то далеко-далеко в юности крепко ошибся сам.

Живущий дома инвалид безвреден. Попишет-попишет и тихо умрёт в родном доме. Опасен неорганизованный отход Отечественной. С начала сорок второго во все подразделения НКВД и ГБ Урала пошли сообщения о бесчинствах инвалидов в городах. Возвращающиеся из госпиталей хромые, безрукие, контуженные солдаты Страны Советов сразу монополизировали рынки, где спекулировали всем, что подвернётся под руку.

В городах работает не более 40% инвалидов, констатирует сводка пермской областной милиции за 1942 год. Инвалиды не хотят работать, так как у них паёк больше пайка работающих. Со скрипом из госпиталя и никак на работу. Основное занятие — спекуляция, погромы в очередях. Купленные вино и табак прода-

ют в 5-10 раз дороже. Кроме того, пенсию, хоть и мизерную, нельзя задерживать. Буйные инвалиды просто нападают на сотрудников и могут перебить окна в учреждениях.[52]

«В 1944 году по области 400 инвалидов Великой Отечественной войны осуждены уголовно. Особое распространение имеет среди них спекуляция. При продаже дефицитных товаров они, спекулируя своими заслугами, врываются в очереди, терроризируют и угрожают гражданам, покупают и перепродают. Рынки становятся прибежищем спекуляции и уголовщины».[53]

На сложность работы с людским отходом жаловалась вся уральская милиция. Хотя прокуратура разъясняла, что нормы уголовного права в полной мере распространяются на инвалидов, действительное отношение к ним определялось в большей мере естественной человеческой жалостью. На пенсию инвалида из рядовых РККА совершенно не прожить, даже в одиночку. Как и на пенсию инвалида из среднего комсостава — 360 рублей в месяц. Это все знали, но не хотели видеть. Потому забирали под суд только способных к пребыванию в заведениях ГУЛАГа, способных передвигаться и что-то делать. Они и проходили по отчётам уголовных репрессий.

Ампутанты и двинутые фронтом основательно оставались недосягаемыми для карательных органов. Они ползали по рынкам и улицам городов, истерично и вызывающе несли антисоветчину. Надоедали до конца сороковых, пока их не скинули принудительно в дома инвалидов.

Вспомним и тех, в ком ни горе, ни нужда не помяли человека. По закону они могли быть восстановлены на довоенной работе. Если, конечно, могли её выполнять. К чести прокуратуры скажу, что она всегда стояла на стороне фронтовиков, порой требуя от предприятий хоть куда-то устроить пострадавшего. Для многих это было спасением себя и физическим, и нравственным. Поистине героическая повседневность этих людей осталась вне нашей памяти. «Инвалидам с ампутированными конечностями сделаны приспособления для работы. У одного из инвалидов ампутирована правая нога по бедро, ему ни сидеть, ни стоять нельзя. Для него подвешена сетка, на которой он в полулежачем состоянии занимается сборкой ответственных деталей».[54]

Когда читаешь это, не знаешь — гордиться надо или стыдиться... Это Россия. Но Россия советская.

Заглянув в чёрную дыру уральской истории, представленную эпистолярным наследием, вернёмся на светлые сельские улицы.

Зайдём в контору типичного колхоза, который, судя по годовому отчёту, слывёт передовым. Итак.

«Правила внутреннего распорядка сельхозартели «Ударник» Нижне-Утятского сельсовета.

Рабочий день в колхозе начинается на месте работы не позднее 5 часов утра и заканчивается не ранее 9 часов вечера с перерывом на обед 2 часа, с 12 до 2 часов дня. Начало и окончание работы объявляется звуковым сигналом — колокол, удар по железу и т.п. Лодырь в тылу всё равно, что трус на фронте. И тот, и другой — предатели интересов нашей родины.

Для тех, кто занят не полностью (доярки) должны дорабатывать на других местах. На кормление грудного ребенка даётся полчаса, через каждые три часа. Детские учреждения должны работать с 4 утра до 10 вечера.

Нарушители трудового распорядка в тот же вечер штрафуются на 5 трудодней или исключаются из колхоза с лишением прав пользования усадьбой, огородами и пастбищами.

Если бригада даёт урожай (удой) меньше среднего по колхозу, правление вычитает из дохода бригады 10% трудодней».[55]

В этом манифесте столбовой путь как на ладони. Распорядок жёстче, чем в фашистском концлагере. Областная газета подала его образцом организации колхозной жизни и рекомендовала для повсеместного внедрения. Напомню, что режим труда предписан женскому и малолетнему коллективу с полным отсутствием продовольственного содержания. Только работа!

Нарушитель военно-трудового режима, пусть даже малолетний, сразу оказывался в невесомости голода, у него отбирался последний, данный Богом, источник выживания. Работа или голодная смерть — вот суть колхозной дисциплины. Но особенно умиляет математическая основа бригадной самоотверженности. Средняя величина полагает количественные различия исходных данных. Но только в советской экономике равнодушно-точная математика становится карательным инструментом хитрожопой власти. Ровно у половины колхоза, выходит по-нашему, правление постоянно должно удерживать 10%-ный штраф.

На Севере трудовой героизм ещё выразительнее. «Большей частью на рыбалке труд женский, — читаем записки фельдшера, — не имеют обуви, холодная почва, холодная вода, вязкая грязь — няша дает большой процент женских заболеваний... Всё время женщины по пояс в няше и согреться негде. Начальство гонит план и за всё это расплачивается медик. Ты, говорит начальник, нарочно их освобождаешь от работы, ничего им не сделается, сры-

ваешь только план... Каждый уполномоченный говорит — вот у вас рабочая сила. А придут они на приём к врачу, боже мой, геморрой, пороки сердца, больная печень и пр. И все просят освобождение». Отчёт написан прямо по газете с броским заголовком — «Дадим Родине больше рыбы!»[56]

Колхозный хомут хорошо пригнали по крестьянской шее. Но вожжи тянула власть местная, тоже никогда не забывающая собственного промысла. Героизм героизмом, однако, лучше скинуть эту честь на чужие плечи. Колхозную выю надежно оседлали райкомы, райисполкомы, местные карательные органы. Патриотизм безотносительно к национальности и должности встречается только на передовой, в глубоком тылу уровень патриотических претензий зависит от чина. Кто выше, тот и лучше. Разбросанная по рангам национальная гордость есть основание для изощрённых вариаций подлости — от подворных хлебных шмонов до склок при распределении американских подарков.

Общеизвестно, подозрительная пролетарская власть держала совграждан под постоянным оперативным оком и ухом. Стучали не только по случаю неосторожно выпавшего слова. Объектом особого внимания сексотов штатных и курух завистливой души был кусок на соседском столе. В отчётах структур НКВД в обкомы партии постоянно сообщалось о преступном наличии хлеба у некоторых колхозников. Оперативно выявленные сытые подлежали особой проверке, конфискованное просто или под устное обещание считалось практическим вкладом НКВД и ГБ в дело мобилизации внутренних резервов. Заработанное, примером, накануне Отечественной, в урожайный год, и экономно спрятанное грозило хозяину неприятностями. Найденное обычно выгребали под хлебозакуп с переводом цены в погашение недоимок.

Картинка с натуры Шумихинского района, взятая из донесения зав. политотделом облвоенкомата. Артель «Стальной конь». Уполномоченные райкома партии несколько часов пытали в конторе красноармейку Плаксину Марию, пока не заставили её отписать государству все 50 килограммов зерна, заработанные за весь год в колхозе, и два центнера картошки со своего огорода. Чем будут жить трое малолетних детей и 80-летняя старушка мать колхозницы, ни кого не волновало. У другой колхозницы и красноармейки Азбукиной Ефимии, имеющей трёх малолетних детей, выбили 70 кило зерна, из 120 заработанных в году, и те же два центнера собственной картошки.

Сотни страниц секретных донесений майора Курганского облвоенкомата Банника можно бы опубликовать до строчки. В каче-

стве первозданной правды о тыловом «героизме» земляков, не испоганенной продажными историками. «Честь имею!» — мог бы отрекомендоваться их автор потомкам, как настоящий русский офицер, порядочный и склонный к сочувствию человек.

К люду эвакуированному претензии местной власти носили более возвышенный характер. Районное начальство сплошь и рядом выменивает за бесценок вещи эвакуированных за продукты и услуги. Такова оценка ситуации в политдонесениях НКВД и ГБ обкомам. Товарный паритет выглядел очень криво. Председатель Альменевского РИКа за 42 кило картошки купил у эвакуированной семьи отрез на шинель и гимнастёрку, редактор районки за картошку выменял у жены погибшего офицера дом.[57]

Товарный ресурс эвакуации оказался коротким. Более содержательную историю имеют взаимоотношения местной власти с тыловым колхозом. Районная номенклатура шерстила коммунаров на каждом километре столбового пути, но особенно лихо во времена самой патриотической голодухи. Тянули всё, что попадётся под руку. Кража стала жизненной необходимостью, когда райаппарат обложили индивидуальными поставками. Сельские революционеры скотины не держали, и ухаживать за ней не умели. Потому уводили из артелей тварь продуктивную. Из колхозов Чесменского района, отчет Челябинской облпрокуратуры за сорок третий, взяли по корове два бывших и два действующих секретаря райкома, прокурор, зам. начальника политотдела МТС, начальник карьера, предрик — даже две коровы и другие ответственные товарищи. Уполномоченные, констатирует далее бумага, повсеместно берут хлеб в подшефных хозяйствах.[58]

Отберите награбленное у номенклатурных, призывает секретаря ЦК ВКП(б) Андреева зоотехник из Ялуторовска Наумов. В колхозах района не остаётся скота: зам. предрика взял корову в колхозе «Красный Октябрь», начальник райНКВД взял в артели имени Седова 5 овечек и 2 поросёнка, секретарь райкома отобрал у «Светлого Пути» корову-рекордистку, по корове стянули у колхозов зав. РЖО, начальник райземуправления, райвоенком... Спекулируют и воруют все работники аппарата, сообщает письмом в тот же адрес начальник городского отдела НКВД, протокольно и строго аргументируя криминал дополнительными фактами. Секретарь райкома партии и председатель райисполкома увели из госпиталя по пианино... [59]

Информация о скрытом грабеже колхозов является типичным фрагментом докладов всех областных прокуратур Урала и Приобья. В одном углу начальство крадёт скотину под видом продажи

семьям фронтовиков, в другом оформляет как реэвакуацию скота в освобождённые районы. Третий покупает в колхозе стельную корову, а через пару месяцев возвращает её дороже, оставив для сдачи индивидуальных мясозаготовок телёнка. Но, как у нас это принято, вор тот, кто тянет мало и по ночам.

В Викуловском районе, типичное сообщение облпрокурора Токарева в Тюменский обком, предрик Стадник, начальник райзо Сазонов и директор МТС Рунков практически распоряжаются колхозным имуществом. В год Победы из одного колхоза имени Фрунзе взято 5 коров, 105 овечек, 10 свиней, 18 телят, 48 центнеров хлеба, 13 центнеров мяса, 50 кг сала 112 кг масла, 11 центнеров картошки... Кроме того, взято большое количество продуктов начальником местного РО НКВД.[60]

Привычка считать каждого в погонах начальником, а равно и старшим патриотом, сидит в нас биологически. Но трусость наша видна только свежему человеку. Юристу с колхозниками просто невозможно работать, возмущается попавшая в Мокроусовский район женщина-адвокат, при появлении сотрудников НКВД, сельсоветы готовы сфабриковать любые обвинительные материалы и на кого угодно. Колхозников в открытую грабят на рынках менты, под предлогом борьбы со спекуляцией. Деревенские боялись появляться с товаром, а будучи ограбленными, молчали. Пожалуешься, сельсовет сварганит по просьбе НКВД такую справку, что хоть в ноги обидчикам падай.

Особую изворотливость местная власть явила в объегоривании пролетарского государства. Как мы были принципиальны и идеологически надменны, пока заставляли сдавать продукт чужого личного двора! Москва опустила сельскую райпоменклатуру до уровня шнырей, обязав сдавать те же литры, пуды и килограммы. Деревенским что, они привыкли и к труду, и к грабежу. А тут надо было вертеться. Выручила большевистская закалка. Сначала все прижали уши и напрочь отказывались что-то сдавать. Сверху нажимали, угрожая лишением должности и сбрасыванием с брони. Угроза влететь под патриотическую обязанность возымела действие, но партийной морали не изменила.

Картинки с голой натуры. Из 3790 хозяйств Карачайского района на 1 июня 177 хозяйств вообще не приступали к сдаче Большинство из них районный актив. Пермско-Сергинский район: не сдают молоко секретарь райкома, председатель райисполкома, ни один инструктор райкома, ни один пропагандист... Только после описи имущества приступили к сдаче молока директор МТС и оперуполномоченный РО ГБ. Многие руководители учреждений,

это уже из протоколов бюро Тюменского обкома, работники партийного и советского актива не выполняют индивидуальные обязательства по сдаче продуктов животноводства.[61]

Лытала от индивидуальных заготовок райноменклатура по всему региону. Потом приноровилась и стала доить колхозников. На требуемую величину поставок из колхоза выписывались продукты и сдавались в зачёт обязательств. Всякие там шерсть, яйцо и мясо. Хуже обстояло с молоком, его сдавали ежедневно. Секретарю райкома иногда разрешалось закрыть молокозаготовки маслом. А остальные волокли из колхоза коров. Прошу вызвать меня в Москву для разъяснения обстановки, типичная просьба отчаявшихся правдоимов, местные руководители в круговой поруке, воруют и лезут в партию, чтобы улучшить материальное положение и улизнуть из-под мобилизации.

Самые мерзкие сюжеты возникали при дележе американских подарков. Позднее, в послевоенный приступ величия, мы нашли отвратительные слова в адрес и ленд-лиза вообще, и гуманитарной помощи американского населения. Мы назовем дарёное обносками, никак не компенсирующими наш вклад в разгром фашизма и людские потери, будто жители далёкого Техаса или Аризоны хоть сколь-нибудь виновны в политической проституции большевизма накануне второй мировой войны. Серые тыловые земляки относились к подаркам с благодарностью и пониманием, потому что сами отправляли последнее на фронт.

Великодержавные претензии власти контрастировали с той мелочной суетой, которая сопровождала распределение дарёной одежды и обуви. Согласно инструктивному письму о порядке приёма, хранения и распределения американских носильных вещей, таковые должны передаваться бесплатно домам инвалидов, интернатам, детдомам, инвалидам 1 и 2 группы. Но из бумаги в бумагу собесов всех уровней и компетентных органов всех углов региона кочуют факты массовой кражи подарков лицами, далекими от вклада в победу.

«Распределение американских вещей-подарков проводилось формально, в результате чего тем инвалидам, семьям погибших фронтовиков и военнослужащих, которые предпочитали бывать частыми гостями этих отделов (собесов — **А.Б.**), а не заниматься общественным трудом, выдавали несколько раз. Особенно это относится к работникам райсовета, райсобеса. Зам. председателя Заречного РИКа за 1945-1946 годы получил вещей-подарков 81 штуку, из фондов отечественных товаров — 26 вещей. Председа-

тель райсовета за полтора года получил 73 вещи, заведующий госсобесом — 38 вещей, зав. отделом Госбанка — 38 вещей».[62]

Не виноватые они! Хитрые американцы сами провоцировали криминальное поведение соотечественников в быту. Ладно там «Виллисы» со «Студебекерами». Не чета, конечно, нашей «Эмке» и полуторке, но хотя бы сравнимо. Никакими политическими императивами и расстрельными декретами не остановить женщин, проходивших всю юность в обмотках и рваных телогрейках, перед этим воплощением потребительской грезы: «комбинация розовая шёлковая, блузка шёлковая, платье розовое шёлковое, юбочка шёлковая белая, лифчик шёлковый розовый, платье бархатное жёлтое, халатик шёлковый розовый, платье шёлковое голубое, с цветочками». Реестр украденного на полпути великолепия взят из акта обследования одного из райсобесов Тюменской области. Но крали везде и одинаково охотно.

В Велижанском районе, кинемся глубже в пампасы болотные, американские подарки раздали всем руководящим работникам. На складе спрятаны, из акта проверки, дохи, пальто, костюмы, свитера. Святотатственное воровство прикрыто липовыми документами с фальшивыми расписками убогих в получении. Ходко шло в сторону и отечественное. Из полученных с Ивановской текстильной фабрики 425 метров мануфактуры для красноармейских семей по адресу попало меньше половины. В районе было 455 семей, потерявших на фронте кормильцев. И два порядочных человека в районном аппарате — райвоенком и председатель собеса.[63] По их письму в область и прибыла проверка. Во многих других местах аппаратных предателей не нашлось.

Принцип распределения другого носильного аксессуара — обуви высветим типичной и очень секретной бумагой тех лет. Итак, год сорок четвёртый, директива председателя облисполкома только что созданной Тюменской области. «Утвердить распределение кожобуви индивидуального пошива на октябрь 1944 года по Тюменской фабрике Обллегпрома — 450 пар: медработникам — 45 пар, учителям — 45, семьям фронтовиков — 45, инвалидам Великой Отечественной войны — 30, работникам НКВД — 15, облпарткомсомолсоветактиву — 210 пар».[64]

Кому война, а кому мать родна. Прав был Михаил Евграфович, утверждая, что за оглушающе патриотической риторикой обычно прячется махровый казнокрад. Тысячи уголовных дел по фактам кражи тёплых вещей, обмундирования и продуктовых посылок на фронт хранят архивы судов. Категорический императив уголовной России — «Не воруй мало — попадёшь!» работал

безотказно и на фоне Отечественной. Крали не только по адресу ближних потребностей. Казнокрада не остановить не святым, ни матом. Руководители районов, злится Молотовский обком партии, отнеслись безответственно к ремонту машин для Красной Армии. Наиболее дефицитные запчасти выданы облисполкому, автоинспекциям, другим полезным делу самоспасения организациям. Из 175 шин для легковых «Эмок», отпущенных строго на ремонт военного транспорта, 140 колес ушли машинам местного начальства, из 260 колес для ЗиС-5 на сторону ушло 180 штук.[65]

Бедность — не порок, она мать бесправия. Под голод и холод военного времени на деревне творился такой махровый произвол, который только и можно допустить под оглушающий патриотический аккомпанемент, когда ежедневная бытовая бесчеловечность маскируется державными интересами. То, что садили и штрафовали по всему горизонту пролетарского лжесудия: за прогулы и невыработку трудодней, за колоски и краденые горсти, за порчу техники и перерасход горючего, за не то сказанное, возмутительно нравственно, но объяснимо в рамках советского законодательства. Сейчас разговор о варварстве, не имеющем никаких границ.

Когда на деревне один мужик, чаще помятый войной, приходится на пять дворов, а производственный штат колхоза полностью забит женщинами, малолетками и стариками, никаких ограничений для административного и личного произвола нет.

Своя шкура ближе к телу. На этом принципе строились личные отношения между колхозником и деревенской властью. Если за срыв плана заготовок председателю артели или сельсоветчику гарантировалась тюрьма, мотивы их поведения выползали за пределы человеческого. Председатели артелей, сквозит в документах прокуратур Урала и Приобья, нещадно бьют женщин-колхозниц и подростков. Тем же занимаются и руководители МТС. Самосуд привычен по любому нарушению трудового режима: за опоздания, ранний уход с работы, невыработку заданий. При этом среди деревенских сатрапов бытует мнение, что их кулаки справедливее народного суда, потому как синяки портят только морду, а не биографию колхозников.

Произвол и жестокость обычно определялись состоянием дел текущих. Любое осложнение с заготовительными кампаниями грозило семьям красноармеек прямым грабежом и унижением человеческого достоинства. Не тянет колхоз выходное поголовье, тотчас же запрещается выпас частного скота на пастбище. Одновременно вывозится со двора и покосов заготовленное для лично-

го скота сено. Всё сделано правильно, отвечала власть на жалобы ограбленных. Читайте директивы, там по-русски написано.

«Разрешить правлениям колхозов после сбора сена для выполнения поставок государству, полного обеспечения общественного скота кормами и создания установленных страховых запасов отводить для сенокошения колхозным дворам, колхозники которых выполняют установленный минимум трудодней, оставшуюся часть естественных сенокосов, а также разрешить обкашивание дорог и пустошей». Ясно? Так что, хозяюшка, выбирай: либо ты злостная хищенка, либо продаёшь корову пролетарскому государству. Обе стороны хорошо знали, ни полного обеспечения, ни страховых кормовых фондов в колхозе отродясь не бывало.

Туго с планом по шерсти и картошке? Выход один — стричь частных овечек. А ничего-ничего, в райкоме нас поймут, на дворе война. Пустили под снег артельную картошку и овощи? Не беда. Соберём по индивидуальным погребам и оформим как закуп. Дохнут на колхозной ферме лошади и коровы? А вы распишите их под личную ответственность колхозникам, чтобы ни одной бесхозной скотины. Всё справедливо, пусть собственным двором отвечают за сохранность общественного поголовья.

Хозяйственное насилие обращалось в творческий произвол при мобилизации на внеколхозные работы. Тут над женщинами и подростками измывались все, кому не лень: бригадиры, председатели, сельсоветчики и уполномоченные. С рёвом отправляли девчонок в зимние обозы с хлебом, на лесозаготовки. Надо ехать по дрова или за соломой для ферм, какие проблемы, опять женщин в сани и вперёд. И никто не откажется. Не потому что советские патриоты, отказников просто снимали с колхозного пайка. Ну а если в артели хлеба нет вовсе, чаще прибегали к обычному рукоприкладству. Повсеместно. Отметелить робкую бабу или беззащитную девчонку — это за милую душу. Ежемесячно в Курганскую областную прокуратуру поступало более пятисот заявлений о жестокости и произволе в колхозах. В Челябинскую — более тысячи. Писали самые упрямые, но большинство колхозниц жаловаться боялись и становились шёлковыми после первых же уроков принудительного патриотизма. Проревелась ночью в подушку, а назавтра снова и покорно в ярмо.

Были и творческие находки принуждения, эксплуатирующие иные элементарные потребности живой человеческой особи. Подлость не знает границ, доказательством тому бесчисленные факты изощрённого издевательства над земляками со стороны околоточных сатрапов. В Бардымском районе, примером, в избах непо-

слушных выставляли и увозили в сельсовет рамы. Да, зимой. Чтобы не прятались по печкам от трудового героизма. В других углах Урала забивали печные трубы или увозили со двора всё, чем можно было топить избу. «Холодно возить февралём зерно на элеватор? — вспыхнул злой фантазией председатель одного из сельсоветов родной области, — идите копайте могилы, на деревне четыре не погребённых покойника».

Подфартило голодающим коммунарам артели «Борьба», что в Бардымском районе, дали весной сорок четвёртого продовольственную ссуду — 500 кило гороха. А вывозить нечем. Председатель мобилизовал весь наличный штат — 48 человек, включая молодь, — дал по мешку и направил пешком до городка Оса. Где-то сто вёрст в оба конца. На инструктаже категорически, с угрозой тюрьмы, каждому было приказано в мешок даже не заглядывать.

Коммунары не выдержали пытки и на обратном пути съели 213 кило дарёного продукта. Но поступили почти мудро, уравняв в весе содержимое своих мешков. Для солидарной ответственности. «Что делать с хищенцами?» — взвился чувствами и рассудком озадаченный председатель и обратился сначала за советом в райком партии. Виды были тревожными, за два центнера гороха всё равно кого-то должны посадить: либо колхозников, либо самого председателя. В райкоме посоветовали шухера пока не поднимать, а срочно и во внесудебном порядке произвести у взрослых колхозниц конфискацию имущества. Письменный акт справедливости констатирует, что в погашение недостачи у коммунарок изъято 4 подушки, 3 самовара, 2 пальто, 2 ведра и 2 чугунка.[66]

«Юность требует хотя бы небольшого развлечения и в военное время, — пишут девчонки одного из пермских колхозов, — а нас в деревне лишают всего, категорически запрещают и позорят советских девушек. Предрик Дудин оскорбляет нас и сравнивает с девушками капиталистических стран».[67] Действительно, уполномоченный и озабоченный РИКовец, услышал песню над вечерней деревней, ещё не выполнившей фронтового задания, вознегодовал и разогнал кучку девчонок, обозвав всех проститутками. Малолетние патриотки, уверенные, по образованию, что проституция есть единственный промысел женщин буржуазного мира, крепко обиделись и написали в райком ВЛКСМ.

Во многих углах Урала и Приобья охотились за деревенскими солдатками, впавшими в иной грех. Мыльной информации Совинформбюро и советских газет верили мало, потому военными годами процветало суеверие и гадание на картах. Практически ежевечерне женщины собирались у кого-нибудь из обнаруживших

в себе талант и просили погадать на своего короля. С ухудшением положения на фронтах власть паливалась злом к оккультизму и хиромантии. «По указу от 6-07-1941 года привлечена к судебной ответственности Швецова Мария. Она гадала на картах красноармейкам, давая информацию, вызывающую тревогу».[68]

Дело весьма типичное и было в Осинском районе. Правду о фронте запретил говорить Мехлис, а эти несли Бог весть что. Одна утверждает, что фашисты захватили Ленинград, а теперь нацелились на Чердынь. Другая, нервно раскладывая пасьянс, прочит немецкий десант в соседнем Карагайском районе. У третьей бубновый король, предмет интимного интереса клиентки, вообще из колоды исчез. Военная правда была темнее мракобесия гадалок. Вскоре после начала войны НКВД стало охотиться на гадалок по всему региону. Указом от 6-07-1941 года им обещался казённый дом и дальняя дорога. Как паникёрам и распространителям ложных слухов. И слухов достоверных. По информации Пермской прокуратуры только за разглашение факта о взятии немцами Киева в области посажено более тысячи человек.

Если не верить слухам и картам, надо думать самому. А задумчивый да языкастый — патриот совсем никудышный. С работы её уволили по статье 168-й, как политически неблагонадёжную. Немцев учительница Юргинской сельской школы называла культурной нацией, прилюдно говорила, что Советское правительство знало о будущей войне с Германией, а потому загодя эвакуировало семьи военных в Сибирь. После допроса начальник местного НКВД обозвал девушку, отказавшуюся подписать фальшивый протокол, шпионкой, диверсанткой, контрой и антисоветчицей. Та дерзко ответила, что на свете есть человек, которого она ненавидит больше, чем Гитлера. Наверняка, прикинул мент, это я или Сталин, и пообещал набить училке морду.

Директор школы Филиппов, узнав о дерзости подчинённой, моментально её уволил и отдал распоряжение подсобникам — выбросить вещи из комнаты Медовиковой, загнать на огород шпионки школьных свиней. Сам же извинился перед начальником НКВД за поведение бывшего педагога, после чего, для вящей гарантии, разобрал в опустевшей комнате дымоход. В ответе на жалобу диверсантки в облвоенкомат местным кадрам посоветовали быть тактичнее и откровенную дуру не гнать. У неё же два брата погибли за Родину. Хоть не в Отечественную, но всё же... Один — под Хасаном, другой — в финскую, зимой сорокового.[69]

Была ещё одна сторона бытового произвола, характерная именно для времён Отечественной. Не знаю, считать ли героиз-

мом противостояние красноармеек притязаниям тыловых номенклатурных кобелей, или отнести его в моральные достоинства российской матери и солдатки. Приставали везде: где принуждали всей силой большевистской власти, где пытались купить подачками голодающей семье. Альтернативой — дашь или не дашь — донимали и молодух, и свежих вдов. То председатель шантажирует тем, что не выпускает молодую с полевого стана неделями, то риковский уполномоченный грозится за недоимки увести со двора последнюю корову, а бригадир без слов и дальних обещаний лапает за каждым углом. Верность верностью, но и от факта, что на те, легендарно лютые, годы приходится большая часть внебрачных детей, тоже не увернёшься.

Внешне партийная власть смотрела на ловеласов неодобрительно, тема женской верности и долга не сходила с газетного языка. Но знакомство с персональными и апелляционными делами кадровых большевиков убеждает, блудосуета таковых, как предмет внутрипартийного разбирательства, уступает лишь фактам хозяйственных провалов и казнокрадства. Иногда левацкий уклон оправдывали «семейным тяготением на почве социальной ущербности жены» (из кулаков, священнослужителей, торговцев, классово подозрительных), чаще требовали материальных гарантий исправления (досрочное выполнение заготовок, подписки на заём и благотворительные почины). Самым радикальным средством подавления порочной наклонности тылового кадра, сравнимым с кастрацией, стала угроза отправки на фронт.

Отойдём подальше от этой мерзости, чтобы женское рабство снова стало выглядеть героическим. Восхитимся собой со стороны. Наши соотечественницы пережили всё. Спасибо им!

Если ума, силы и смелости мужского населения страны не хватает, чтобы защитить собственное достоинство и имущество, честь жены, семьи и рода, если даже оно трусит заглянуть в правду прошлого, остаётся немногое. Хвалиться. И впредь полагаться на героизм матерей, жён, сестёр, дочерей. Разменивать естественную красоту и женственность прекрасной половины России на бабью физическую и душевную выносливость.

Глава 14
«Папка воюет на фронте ...»

В стране, где всерьёз гордятся голодной самоотверженностью детей, нормальных родителей нет. Культ детского героизма — достояние государств с бесчеловечной идеологией, в которой отвергаются самые элементарные нравственные нормы. Таковой является редакция большевистского социализма. Вместо естественной любви и родительской заботы социальный эмбрион попадает в агрессивный мир взрослого идиотизма. Физическое насилие над ребёнком, особенно вне семьи, общепризнанно преступлением, заслуживающим уголовного наказания. На уважении к правам ребёнка основаны морально-этические основы воспитания и образования. Требование самоотверженности от существа, не познавшего ценности жизни, преступно вдвойне.

Эксперименты над малолетками большевизм начал с первых лет советской власти. Агрессию открыла глубокая идеологизация всей системы образования и досуга. Создание советских учебников — дело весьма хлопотное и долгое. Со временем протащили в буквари мировоззрение нашей исторической исключительности, а также непримиримости ко всему, что лежит вне официально лимитированных взглядов. Относительно высокий уровень изучения технических и математических дисциплин, характерный для отечественных школ прошлого, объяснялся трудностями их идеологической интерпретации.

Творчество в предметах податливых осложнилось внутренними дрязгами, переходящими в массовый террор. Монопольная идеология, единая национальная идея тоже, всегда субъективно представлены диктатором. Потому концепции идеального мироустройства подвержены не мыслительной эволюции, а вымирают вместе со своими создателями. На резких виражах истории из учебников выхеривались только абзацы и портреты, при смене вождей их содержимое менялось радикально.

От этапа к этапу социалистического строительства развивалась методика школьной дрессировки. Высокая требовательность церковно-приходской школы и старой гимназии уступила место классовому подходу к оценке способностей. Второгодничество и низкую успеваемость признали оппортунистически опасными, как феномены, ущемляющие исторические амбиции пролетарских детей. Конечным итогом классовой методики стал подавляющий приоритет идеологического воспитания над образованием.

Умный и добрый ребёнок, как продукт приличного образования и воспитания в семье, обретает способность жить собственным интеллектом и по наследуемому аршину порядочности, чем и определяется диапазон его внутренней свободы. Любовь к родителям, уважение к пращурам и вытекающие из этого чувства наследные обязанности есть элементарная основа патриотического поведения. Патриот — человек, у которого долг обусловлен любовью, а не наоборот. Разумеется, в коммунистической модели рая таковой не нужен. Интеллект и структура личности вообще заданы идеологией и полагают прямо противоположное — подавление собственного мнения, покорность и исполнительность. Культивирование этих качеств — основная задача всей системы социалистического воспитания от детского садика и пожизненно.

В достижение начертанного на лозунгах социальное знание кастрируется до идеологии, а естественной детской любопытности относительно дыры между написанным и живым придаётся характер неприличного антиобщественного поведения. Конечным результатом такой образованности может быть только лицемерие, раздвоенность внутреннего и внешнего интеллектуального бытия. Ребёнок более склонен верить сказке. С возрастом веру в книжный идеал вытесняет практическое знание, но мир самостоятельных размышлений и оценок остаётся либо совершенно интимным, либо замкнут тесным кругом семьи и близких друзей

Семейное воспитание, по сути, является становлением патриотических ценностей. Постепенно расширяя круг общения и деятельности, молодой человек проходит путь от осознания себя как члена семьи до понимания своего национального и гражданского статуса. Путь от малой родины до Отечества. Феноменология личности воспроизводит процесс становления, по Гегелю, «мирового духа» и реальную диалектику общества. Естественный путь становления личности никогда не выведет к пониманию советского патриотизма, ибо последний основан на долге внешнему принципу. Чужой ум, как и душа, — всегда потёмки, однако нормы внешнего поведения можно вдолбить.

Первым барьером в технологии комвоспитания стала крестьянская семья. Сложившиеся веками родственные и внутридеревенские связи никак не вписывались в нормы советского детства. Понятные и естественные отношения в озлобленной лексике были названы патриархалыными, мещанскими, а то ещё злее - мелкобуржуазными. Взамен привычного малолеткам всучили новые формы взаимообязательного общения - пионерию с комсомолией. Исключительно школе юных ленинцев мы обязаны тем, что со временем естественная детская доброта обратилась в повальное сыновнее предательство, радикальное политическое хулиганство.

Даже положительные с виду действия, по которым ностальжирует нынешняя педагогическая общественность, были лицемерны и искусственны по сути. Особенно умиляет будируемое накануне войны тимуровское движение. Придуманный штатным, но талантливым соцреалистом сюжет пригоден только для выехавших на летние дачи сытых отпрысков столичной номенклатуры. В деревенской жизни тех лет лишних рабочих рук не было, даже детских. Чтобы в семье вырос работник, ребёнка с малых лет приучали к усложняющимся год от года хозяйственным обязанностям. Коллективная игра в тимуровцев есть всего лишь хорошее мероприятие, которое всё равно надоест. Вот если захочется сложить дрова в поленицу из личной жалости к бабе Маше...

Предмет моего интереса — не «пионеры и школьники, которые наравне со всем героическим советским народом»... Этим штампом заикаются почти все, говорящие о военном детстве, возможно не подозревая, что пышной лексической формой прикрывается преступление против детства. Здесь рассказ о тех деревенских соотечественниках, по детству которых прошла беда Отечественной.

Прежде, чем хвалить или хвалиться, вспомним как неоспоримый факт, что война большинство из них обратила в безотцовщину. Утроим миллионы призванных на фронт отцов и получим масштабы пока потенциального детского героизма. При ответе на вопрос — «кто виноват?» не надо пошлить, ссылаясь на вероломство и внезапность. Перед нами дети. Для армии в миллионы солдат, десятки тысяч танков и самолётов, самый большой и толстый генералитет да при гениальном вожде такого аргумента нет.

К безотцовщине деревенское детство начало привыкать со времен раскулачки, принудительной вербовки и всесоюзных облав по заказам ГУЛАГа. Текучая безотцовщина, определённая сроками вербовки и отсидки родителей, экономически принуждала малолеток к каторге. По колхозной отчётности предвоенных лет, зелень

человеческая, начиная с 12-летнего возраста, проходила обязательной статьёй трудоспособного штата. На пару со стариками. Следовательно, и планы государственных заготовок прикидывались на шеи сопливых и шаркающих.

С началом Отечественной тыловая безотцовщина почти без промедления обращалась в сиротство с перспективой героизировать всю оставшуюся жизнь. Катастрофа первого года войны лишила отцов уже миллионы детишек. Правда большинству из них досталась патриотически-сомнительная участь сироты пропавшего без вести родителя. Полноценный сирота Страны Советов — с похоронкой на руках, бумагой, подтверждающей факт гибели отца. Среди без вести пропавших, понималось всеми, много плешных, поэтому они проходили по статистике жертв войны, но в большевистском уме держались как потенциальные предатели.

Позднее, когда наладили учёт фронтовых потерь, пошли преимущественно сироты без отягчающих судьбу фактов. У детдомовцев послевоенных лет обстоятельства потери родителей стали предметом особого культа. Всем хотелось иметь отца, погибшего под Сталинградом или Берлином. На родственников, потерявшихся без вести, лепились наивные детские легенды.

Больше всего хлебнули горя дети, завезённые из оккупированных областей Союза. Относительно легче сложилась судьба малолеток, попавших в эвакуацию вместе с родителями. До лихоты намыкались те, кто прибыл в учреждениях соцвоса (детприемники, детдома, интернаты). Советизация «освобожденных» нами районов Западной Украины и Белоруссии имела результатом такую же беспризорщину, что и раскулачка в наших краях. Рядом с детдомовцами на восток везли ребят из медучреждений и пионерских лагерей. Война началась в самую середину летних каникул.

Эшелонирование детей в тыл считалось приоритетным объектом эвакуации после демонтированного оборудования и основного штата промышленных предприятий. Но далеко не самым срочным. Отступление и связанные с этим эвакуационные мероприятия вообще не предусматривались мобилизационными планами СССР. Планы ввоза и дислокации многих тысяч плешных европейцев — да! Но пришлось вот. Поскольку хаос, связанный с перевозкой детишек, не грозил трибуналом, он оставался бездушно рациональным. Вагоны с малолетками медленно тянули через всю страну, временами останавливая на полустанках, высаживая больных, и подыскивая места размещения.

К нам вагоны детской эвакуации стали прибывать сентябрём сорок первого. А позднее пошёл основной контингент — ребятиш-

ки из приютов соцвоса и дети второй столицы. Впереди эшелонов, обгоняя гудок, летели телеграммы о срочном приёме и размещении детей. Никаких согласований и дебатов, предписание и неукоснительное исполнение. «Кочкарь. РИК. Направляем 150 взрослых и 150 детей из Ленинграда. Разместите в Степном. Для детей шлите крытые машины, шубы, одеяла». «Галкино. РИК. Направляем в Чумляк 340 детей 4 детинтернатов Ленинграда. Немедленно шлите транспорт, крытые машины, шубы. 14-11-1941». «Кунашак. ПредРИКа. 13 часов направляем детдом, количеством 150 детей. Обеспечить транспортом и тёплыми вещами. 8-12-1941». «Шатрово. РИК. Примите Шадринске 400 эвакуированных детей». «Кыштым. РИК. Встречайте 100 эвакуированных семей совпартработников Ленинграда, одновременно встречайте детясли — 60 человек».[1]

Были ли предпочтения? Да сплошь и рядом. Если в мирной жизни мы сидим на разных пайках, то уж беда-то для нас обязательно разная. Номенклатурное поголовье рвало из осаждённых столиц во все лопатки. Если где и можно найти абсолютное воплощение лозунга «Коммунисты — вперёд!», то это платформы эвакуации. Первой очередью в вагоны садили семьи партсоветской номенклатуры, эти поезда быстро и почами уползали из опасной зоны бомбёжек. Эвакуируемых сбрасывали не абы куда, а размещали по городам и сразу ставили на довольствие. Примерно так. «Свердловск. Эвакопункт. Просим содействовать продвижению 20 вагонов 800 с детьми Коминтерновского района города Москвы».[2] Или так. «Управление делами ЦК ВКП(б) просит Вашего указания Челябинскому Облторготделу выделять детскому комбинату в Шадринске фонды продуктов и молока для указанных целей (усиленное диетическое питание) детям эвакуированных семей работников аппарата ЦК ВКП(б), находящихся в Шадринске. Список детей, которые будут обслуживаться через детский комбинат в Шадринске, представит зам. директора тов. Попов. Управляющий делами ЦК ВКП(б) Д.Крупин».[3] Документы, подобные письму, адресованному секретарю Челябобкома Патоличеву, сопровождали каждую партию номенклатурной эвакуации.

Детишки рядовые выбирались в тыл трудно, порой трагически трудно. Обратимся к документам. Ленинград, детдом № 80. Выехали из блокадного города 25 августа 1942 года. По дороге несколько человек были сданы в больницы. Судьба таковых решалась Богом и местными врачами. Большинство детей истощены до дистрофии, у многих цинга, чесотка... До Ханты-Мансийска доб-

рались через полтора месяца, откуда распределены в Сургутский и Песчанский детские дома.[4] Всю дорогу детишки голодали.

«В Глядянском районе размещено 350 детей, эвакуированных из Ленинграда. При перевозке детей на станции Курган оказалось 7 человек обмороженных, которых поместили в Курганскую больницу, у двух из них пришлось ампутировать ноги. Всего же больных оказалось 30 человек, эти дети были в таком состоянии, что их невозможно было перевозить. Из перевезённых в район детей 30% болеют чесоткой, все дети крайне истощены. Большинство детей в летней одежде, в сандалиях и рваных ботинках, имеют по одной паре изношенного белья, совершенно не имеют постели. 150 человек детей в возрасте от 3 до 6 лет. Перевозка затянулась потому, что на 80-110 км везти детей на лошадях или в открытых машинах было нельзя. Взяли два автобуса».[5]

В ноябре-декабре того злого года по всему Уралу и Приобью ползли обозы с детишками из оккупированных областей страны. Малолетки безропотно платили здоровьем и ещё неосознанной жизнью за преступления большевизма. За авантюристическую идею молниеносного покорения Европы, за военную бездарность в войне реальной и оборонительной. Значительная часть детишек, прибывающих в наш регион, делала второе колено эвакуации. Детские дома и молодь в розницу перевозили из областей Нечерноземья, куда их скинули по первости. К концу сорок первого стратеги большевизма поняли, что от немца лучше сбежать, чем воевать с ним. Готовые отступать до Урала, они приказывали сирот, устроившихся было в Ярославской, Вологодской и других областях, сталкивать дальше на восток.

Мотающиеся с места на место детские эшелоны вконец запутали ситуацию. Именно на тот трагический момент войны приходится большинство разбитых семей. Эвакуированные с заводами или оставшиеся в оккупации родители совершенно не знали, куда вывезены дети. Справочные бюро всесоюзного Переселенческого Комитета и его областных отделов утонули в запросах с мест эвакуации, фронтов и госпиталей. «Я тяжело ранен и нахожусь на излечении в Кисловодске, и сейчас не знаю, где находится моя семья. Раньше она проживала в БССР».

В силу подвижной хаотичности эвакуации союзный Переселенческий Комитет не обладал достаточной информацией, надо было писать веером в возможные области дислокации. «По данным Переселенческого отдела, — классический ответ, — Ваша семья не зарегистрирована прибывшей в Челябинскую область». Радость приходила редко и не надолго. Горькая правда жизни,

изложенная в письмах отыскавшихся детей и родственников, вновь жгла вроде бы оттаявшее от горя сердце.

Теперь прикинем на местность судьбу несчастных детишек. Привозят в район, не имеющий ни метра жилья, кроме частного, 200-400 детей детсадовского и младшего школьного возраста. Нижний возрастной лимит советского патриотизма много меньше критерия гражданской зрелости. По этой причине молодь старше 14 лет подлежала обязательному трудоустройству. Привозят на село полураздетых дистрофиков, страдающих всеми недугами, сопровождающими беспризорность и нищету. Шуб и теплых вещей, необходимых для спасения ребятни, у деревенских не было и в помине. Государственный статус овечьей шкуры наглухо отучил земляков от шитья тулупов и полушубков. А что оставалось от времён лучших, подлежало сбору и отправке в действующую армию. Принудительным сбором тёплых вещей для наших солдат и другими всесоюзно патриотическими акциями мы обязаны той же военной бездарности большевизма. Вместо сытой и тёплой Европы РККА пришлось зимовать в окопах под Москвой.

И кормить малолетних гостей было совершенно нечем. К моменту их приезда на пустых колхозных токах гуляли холодные ветры. Под присмотром уполномоченных бабы со сдержанным матом домолачивали последнее. И немедленно, на коровах, вывозили на глубинки. Пока оформят приезжих в новое детучреждение, пока выбьют наряды в области и районе, пока что-то привезут из одежды и съестного, судьба сирот Страны Советов военного призыва полностью определялась благородством моих деревенских земляков. Заворачивали не родных, но своих детишек в ветхое тряпьё, толкали простуженных на печь, садили за стол вместе с собственной ребятней. Оставим пока приезжих школьников наедине с их проблемами, чтобы заглянуть в героическое прошлое самых забытых свидетелей той великой драмы — детей ясельно-детсадовского возраста.

Хуже всего живется детям там, где в ходу плакаты тирана с ребёнком на руках. Диктатура – первый враг детства. За всеми декоративными советскими кампаниями по защите ребёнка кроется голый расчет — освободить женщину от основного инстинкта и превратить её в активную тягловую особь. Вспомним про феминизацию нашей промышленности. Сделать деревенскую женщину строителем социализма совсем просто, достаточно завербовать или посадить кого надо. На фронт из деревни выдергивали последних мужиков, преимущественно механизаторов. Действуя по логической схеме: каждый нормальный тракторист может стать танки-

стом, а каждая здоровая баба — трактористом, за год с лишком до неожиданной войны развернули массовую техучебу молодух.

С первой военной осени начались героические будни грудных и яслельных детишек. История мытарств, совершенно не интересная для высокой политики и забытая потомками по неразумению. Пока мать работает на току, есть какая-то возможность сбегать и накормить сброшенного на чужие руки ребёнка. С пересадкой на трактор или комбайн она вытряхивается из семьи насовсем и переходит на трудовой режим тракторного стана. С эволюцией деревенской матери в трудовую героиню открывается история самой варварской формы соцвоспитания. До этой поры колхозы обычно не заводили детских садов и яслей. Ребёнок воспитывался в семье, на время отлучки родителей в поле малолетки оставались под присмотром стариков и старших детей. Теперь им предстояло делить «самоотверженность и героическую судьбу» вместе со всем советским народом.

«В артели «Красный самолёт» помещение яслей занято наполовину под квартиру переселенцев, дети стеснены в одну комнату, где находится 12 детей площадочного возраста и 7 яслельного. Белья совсем нет, имеется 7 коек, а 12 ребят спят на голом полу. Грудным детям питание не обеспечено. Матери работают далеко и не имеют возможности ходить кормить своих детей. В помещениях очень много мух». «Ясли на 18 коек, оборудование плохое, белья нет, на 18 детей дают 4 литра молока. Грудное вскармливание не организовано, матери направляются на работу за 9-10 км от ясель. Разъездная комиссия облздрава предложила организовать сбор грудного молока, на что председатель ответил: «Возить грудное молоко на лошади смешно. Возьмите бочку и наберите на целый месяц. За телят судить будут меня, а если сдохнут дети — то их родителей!»[6] И председатель колхоза «Смычка», и инструктор по Ковригина, составившая акт обследования, были правы. Коммунист Катайцев судил по партийным понятиям, медработник — по совести. Председатель прожил своё вяло, а Мария Ковригина через десяток лет стала министром здравоохранения СССР.

Это первые эскизы предвоенных детских лет. Потом мы приблизимся к действительности настолько, что героическое пойдет ядовитыми пятнами национального позора. Серой отчетной макулатуры о быте колхозных яслей в архивах тьма. Но материал этот для историка-профессионала не привлекателен. Хотя, по существу, деревенская малышня есть самое гвардейское поколение Отечественной. Среди них, вскормленных баландой из отходов и мякины, с соской из жёваной ржанины, встретивших жизнь в тряпье и хо-

лоде, нет ни героев, ни предателей. Есть только просто выжившие и вымершие без вести.

Первые месяцы принудительной женской мобилизации показали, что вытравить основной инстинкт не удаётся даже указом о прогульщиках и летунах. Криминал зрел по обе стороны разорванного материнства. Опрокидывая всякие уголовные нормы, матери побежали из бригад. С другой стороны, по всей стране резко подскочила детская смертность. Большинство умерших — малолетки бессловесного ясельного возраста. В зиму 1941-1942 годов к дистрофии добавилась простуда, детские учреждения, особенно для эвакуированных, оказались совершенно не готовыми к холодам: ни дров, ни тёплой одежды.

После зимней мобилизации баба и на деревне оказалась в дефиците. «В связи с необходимостью большего участия женщин-колхозниц в работах, — из спаренной директивы Челябобкома и Облисполкома от 24 февраля 1942 года, — заранее обеспечьте организацию яслей простейшего типа и детских площадок с выделением для этого дела менее трудоспособных женщин-колхозниц, а также привлечь к этой работе учительниц».[7] Бумага списана с государственных директив, сопровождающих любой акт мобилизации женщин, будь то промышленное предприятие, лесозаготовки или военное строительство.

Детсады «простейшего типа», эти приюты лагерного содержания сельских малолеток, создавались туго. «В части обеспечения ясель, — читаем документ тюменской райтундры, —имеется ряд решений правлений колхозов, которые остались лишь на бумаге. У всех председателей колхозов мотивировка и ссылка на неотпуск сельпо продуктов питания, нет средств. Договора о создании яслей колхозы не выполняют». Действительно, ни денег, ни хлеба, ни детских продуктов в колхозе нет, а за молоко, отправленное в ясли, проверяющие Комитета заготовок дают нагоняй. Выпоенное телятам ещё куда ни шло, а отправленное в детский сад считается злостно разбазаренным.

Только бездетная женщина способна возвыситься до советского патриотизма. Предавать детей и родителей во имя власти — достояние немногих. Мать, пусть даже номенклатурно подданная, всё-таки больше любит ребёнка. При виде условий содержания малышни многие из солдаток наотрез отказывались доверять своих детей государству и колхозу. Запомним, это были дети воюющих или уже погибших отцов. Для большинства матерей они были олицетворением всего: опалённой войной любви, прошлой семьи, единственной надежды на счастье.

Бабьи слёзы и вздохи власть пресекла. По Указу Верховного Совета СССР от 7 августа 1943 года трудоспособных матерей, имеющих малолеток, следовало на жалость не испытывать, а мобилизовать на все виды работ с вручением путёвки в детский сад. Если и на этот раз мамаши станут ерепениться, гнать их немедленно под военный трибунал, лепить из них не героев тыла, а дезертиров. Детишек, если не обнаружится родственников или опекунов, переводить на полный пансион как круглых сирот Страны Советов. Указ подписал Калинин, всегда пребывающий на переднем крае большевистской морали.

Жизнь заплела державную подлость в хитрый узелок. Не всё на Руси так плохо. Годом-тремя позднее деревенские матери и вдовы, дабы спасти семью от голодной смерти, настырно просили забрать малолетних детей в детские дома, где хоть как-то кормили. В случае отказа некоторые женщины шли в прогулыный рецидив, зарабатывая отсидку по указу от 26 июня 1940 года. Многочисленные просьбы об устройстве голодающих в приюты не означали отказа от родительских обязанностей, просили принять детей на срок голодухи. Обычно отказывали, ссылаясь на перегруз приютов действительными сиротами, и только в случаях возникновения замора детей в колхозных яслях или на дому местные власти давали разрешение, оговаривая сроки пребывания.

Чтобы читать советскую историческую классику о школьниках военных лет, надо иметь мозолистое сердце. Иначе может защемить клапаны от гордости. И глаза надо беречь. Чтобы не полезли на лоб от удивления. Как же мы из таких хороших выродились в нынешних? Голая правда военного отрочества нашей старости не украсит. Поэтому взятая с газетных полос и комсомольских отчетов идеологическая туфта, коей до сих пор набита летопись военного детства, выглядит много патриотичнее и привлекательней. Раз темно впереди, значит рай где-то позади. Это сейчас не на что посмотреть, в детстве мы были хоть куда!

А если документально и честно, то в годы те ходили мы не в пионерах, а в очень голодных. 150-200 граммов хлеба в сутки, раз твои родители служащие, и ничего, когда колхозники. С этого материального базиса и начнём экскурс в героическое прошлое. У нормального ребёнка желудок говорит громче разума. Всегда! Тем не менее, входим в деревенский класс, скажем, года сорок второго. На стене плакат — «Спасибо Великому Сталину за наше счастливое детство!». На другой — тоже великий вождь, только в протокольной позиции. Остальное документально точно. «На почве систематического недоедания 20 учителей страдают истощением,

из них 8 человек — острой дистрофией. Все учителя — жены фронтовиков, среди учителей есть больные туберкулезом, страдающие нарывами на почве истощения».[8]

Вы наш депутат, жалуются Маленкову учителя из Режевского района, и хорошо помним, что на выборах много нам обещали. В школах полно дистрофиков среди учащихся и педагогов. Но даже справки врача, удостоверяющие заболевание, не помогают. Пайков не дают, ссылаясь на трудности военного времени. Если смотреть не в печатные дацзыбао, а в рукописные отчеты о медико-санитарном состоянии школьников, героическое восприятие прошлого уступит место обычному стыду. По всему Уралу и Приобью детишки вместе со взрослыми держали патриотический пост.

Ребятня военных времен и отголодовала досыта, и отмёрзла. Перед Отечественной подавляющая часть городских помещений и абсолютно весь сельский жилой фонд сидели на индивидуальном, преимущественно печном, отоплении. В города завозился уголь, а на деревне и в пригородах с ранней весны начинался заготовительный сезон. Каждый старался поскорее выбить место в деляне, напилить и наколоть дров на предстоящую зиму. Поленицы сухих веснодельных дров под навесом свидетельствовали о том, что в доме хороший хозяин и зимой в ладони дуть не придётся.

Материалистически осмыслив, что тепло, наряду с хлебом, является условием выживания, пролетарская власть национализировала лесной ресурс до последнего сучка. Самостоятельная порубка или даже сбор валежника, квалифицировались хищением соцсобственности и прямо вели под «дедушкин указ». Каждое полено стало распределяться классово. На месте распределением угля и дров занимались райтопы, снабжая дровами организации и номенклатурно-теплолюбивых. Остальным за право вырубки следовало платить. Последний пассаж уводил заготовку в криминал. Колхозники предпочитали дрова красть. «Отец, слышишь, рубит...». А я сидел на телеге и колотил палкой в пустое ведро, чтобы рыскающие в темноте волки не порвали корову.

С уводом мужика из деревни в избах захолодало. Заготовка дров попала под случай, так как дело это для одинокой женщины непосильное. В войну стало ещё стуже. Сначала сожгли то, что было под рукой и казалось не очень нужным. Из второй мировой российская деревня вышла беззаборной и бездворной. Окружье городов взялось насыпухами из ворованного шлака, а сельские земляки лесостепных районов полезли в землянухи, сложенные из пластов дёрна. Землю под усадьбу давали только ударникам, и то со скрипом, о лесоматериале для строительства жилья в войну и

говорить было стыдно. Пещерные условия имели две стороны — в сооружениях самостроя было теплее, но очень клопотно.

Поголовная мобилизация гужтранспорта на весенние сельхозработы и вывозку хлеба зимой изменила весь хозяйственный строй. Заготовка топлива по весне ушла в прошлое, теперь привыкали к иному — как печь топить, так за дровами ехать. Дежурными постановлениями Совнаркома СССР каждую зиму народ подмобилизационно выгоняли в лес. Главным историческим персонажем этих свершений была опять же колхозная баба. Дровозаготовки проводились зимой именно потому, что в это время у коммунарок был относительный просвет между колхозными работами. Местная власть приходовала заготовленное и распределяла. Второй струной всех писем и во все углы власти были жалобы на холод. От населения отталкивались талонами на дрова, которые следовало вывозить самостоятельно.

Колхозникам готовых райтоповских дров не полагалось. Нужда заставила брать всё из-под ноги. Помалу возили дровишки на себе. Утрами ребятня, старики, женщины, избегая взоров бдящих, с санками отправлялись в ближайший лес. Ловить таких нарушителей легко, но не совсем интересно, так как под уголовную ответственность они не влазили. То вдова, то полные сироты, то престарелые родители уже героически павшего. Оперативная работа без срока по суду или через ОСО на протяжении всей первой истории НКВД считалась делом совершенно пустым. Вот городских младохищенцев, а больше их родителей, иногда уголовно доставали. Те мошкарой лепились на проходящие составы с углём и сбрасывали крупные куски под откос, чтобы потом их собрать. На краденом топливе жили пристанционные и придорожные трущобы всех уральских городов.

Солиднее дрова крали почами. Обычно втихаря валили где-нибудь лесину, пилили и прятали кряжи в траве. А тёмным временем вывозили на телеге. Короткой летней почи едва хватало, чтобы сделать одну ходку в лес на своей Бурёнке. Пяток раз сползаешь за лето, зимой на печке отогреешься. Дома с дровишками следовало работать тоже осторожно. В самый холодно-голодный сорок третий кое-где стали практиковать самую революционную технологию заготовки — конфискацию частного топлива. Чтоб делу дать законный вид и толк, сельсоветчик с каким-нибудь пристяжным требовали с хозяина ордер на наличные дрова. Предуголовная ситуация, когда дровишки есть, а ордера — нема, вынудила земляков совсем бросить заготовку летом. Пусть шипят в печи сырые поленья, но зато на душе тихо. По двору бе-

лыми клочьями ползает метель, не за что зацепиться самому бдительному большевистскому взгляду.

Робкие и убогие с властью не конфликтовали, заготавливая кизяки — кирпичи из навоза и соломы. У колхозной коровы тех лет, сидящей на соломенном рационе, навоз был похож на верблюжий и горел хоть недолго, но жарко. Запахи, сопровождающие горение этого суррогата, напоминают автору глубокое детство и первые ароматы малой родины, но словесно почти непередаваемы.

В большинстве сельских школ детей привлекали к организованному сбору сухостоя для школы. Когда заготовить дрова не удавалось, школьники либо мёрзли, либо вообще отказывались ходить на занятия. Лучший вариант событий нашёлся быстро, уже в сорок третьем. Местные районо установили для школ план дровозаготовок, разверстав его подушно. Каждый ученик обязывался либо выставить норму в организованных заготовках, либо нести дрова из дома. Полено в руки, и бегом на уроки. В случае невыполнения плана приказывалось не допускать детей до занятий. Позднее местную инициативу нашли вредной, так как провалилась посещаемость. Нормальные родители рассудили, что ребёнку лучше сидеть дома. Вы их поймёте.

Зимой сорок третьего со всех углов Урала и страны пошли сообщения о катастрофическом сокращении учащихся. По самым голодным районам и эвакуированным детским учреждениям — на 40-50%. Под напором дистрофии, холода, отсутствия сносной одежды и обуви опустели классы. Куда там в школу, стучали в ужасе районо, вообще на улицу детишкам не в чем выходить. И кормить нечем, ежедневно то дети, то учителя валятся в голодные обмороки. Просили, клянчили, иногда даже истерически требовали хоть чего-нибудь. Детскую статистику повело. В морозном тумане растаяли сотни тысяч отроков. Деревенский подгон спрятался от голодной обязаловки на печках и в лохмотьях.

Стали выявлять дезертиров школьного фронта. В спины сердобольных родителей упёрся ствол сталинского закона о всеобщем и обязательном образовании. Он вышел как раз посерёдке войны. Директивой предписывалось сначала оприходовать всех детей в возрасте от 8 до 15 лет, а затем турнуть всех в школу. При сопротивлении благому начинанию со стороны родителей сельсоветам предписывалось немедленно оформлять на таковых дела в суд. За противодействие мероприятиям советской власти.

Приступ любви к всеобщему образованию может вогнать доверчивого в патриотическую слезу. Война в самом центре России, а Сталин думает о детишках! Реветь не надо. Любовь по расчёту

греет не сердце, а карман. Сушит глаза вполне здравая мысль — зачем учить малолеток. Чтобы потом тысячами отправлять под немецкие пули? Не учить их собирались, а учитывать. С уходом из школы крестьянские дети выпадали из принудительно организованного героизма и возвращались в нормальную семейную жизнь, пусть голодную и в холоде. Стране Советов нужны были не дети, а бесплатный детский труд. Потому требовался пронзительно лицемерный повод, чтобы снова завести детишек в оглобли пионерско-комсомольских и колхозных обязанностей.

Правильно считать российских малолеток научили постановлением СНК РСФСР от 12 октября 1943 года. Данные приказали брать из похозяйственных книг, учитывающих крестьянское имущество, а также живое поголовье. До тяги к образованию частную скотину учитывали тщательнее детей. Сами судите: сельхозналог, план по молоку, мясу, мобилизация на сев и под седло. К учёту мелкой людской наличности относились даже небрежно. Ну кто раньше знал, что дело дойдет до детского героизма? Дезертиры ясельно-детсадовских заведений заботливую власть совершенно не интересовали, потому ревизии не подлежали. На сопливого минимум трудодней не накинешь.

Кампания по возвращению детей в школы пошла комом. Похозяйственные книги, неслось из глубинки, особенно из приобской тундры, не дают возможности точно определить количество детей искомого возраста. Считайте методом подворного обхода, посоветовали сверху. От привычной, на скорую руку, туфты сельсоветчиков оберегла прокуратура, оповестившая низы, что в случае обнаружения на селе бесхозных подростков старше 12 лет, местные кадры полетят под суд за укрывательство дезертиров. С правовой точки зрения все нормально.[9] А нравственно кинуло в сторону. Исключить обвинение в сокрытии желторотых дезертиров легко. В отчётные бумаги районных отделов образования просочились дети-покойники. Тут сельсоветчиков понять можно, за ошибки в сторону завышения никаких кар не обещалось.

С начала Отечественной и до конца пятидесятых по шее деревенских подростков подогнали хомут минимума трудодней. «В связи с создавшимся напряжённым положением в колхозах и совхозах области с выполнением плана сельхозработ направить на работу в колхозы и совхозы: ... 2. Учащихся 6-9 классов неполных средних и средних школ (села и города)... Установить, что каждый привлечённый на сельхозработы, должен отработать в колхозах не менее 40-50 трудодней (в совхозах — 30 смен)».[10]

Особо бдительного внимания заслуживали старшеклассники. Уход из школы подростка старше 14 лет косвенно квалифицировался как дезертирство. И вот почему. Этот возраст попадал под мобилизацию в ФЗО, всякие РУ, ЖУ и считался основным, да и последним, трудовым ресурсом военной промышленности. Следовательно, отрок Страны Советов становился уже полноценным объектом уголовного преследования. Младшеньких дезертиров трудового фронта при рецидиве воспитывали через наказание родителей, либо направляли в детскую трудколонию.

По сталинскому закону сорок третьего ввели плату за обучение в старших классах средней школы. За образовательным хозрасчётом у нас всегда прячется тонкая подляна. Современный вуз, переведённый на коммерческую основу, превратился в институт благородных девиц для прекрасной половины бездельников. За пять лет пребывания в студенчестве, пусть даже очень платном, есть надежда выдать дщерь замуж. Сильную половину престижная форма паразитизма спасает от армии и обременительной экономической самостоятельности.

Тогда платное образование стало школой выживания для номенклатурного подгона. С какого бока у колхозника возьмутся деньги? От мобилизации в систему трудовых резервов спасались дети, удачно выбравшие родителей. Отпрыскам оргинструктора, к примеру, даже сельского райкома не к лицу РУ, ЖУ или ФЗО. Туда дорога наследникам пролетариата и трудового крестьянства. Просторылым отрокам с претензиями на интеллектуальный образ будущей жизни давали от ворот поворот. Школам категорически запрещалось допускать до занятий лиц, внесённых в списки мобилизованных в трудовые резервы.

Очаровательно мы выглядим там, где разговор заходит о трудовых и очень героических буднях деревенских школьников. Но тут надо нырять не глубже полос хвастливой советской прессы и пионерско-комсомольских отчётов. Где родился, вступил и жил только любовью к советским идеалам. Упаси Бог провалиться под лабзы коммунистической идеологии, засосёт, затянет в болото самых низких документальных истин.

«1. Создать из учащихся старших классов во главе с учителями-комсомольцами бригады по 5-6 человек, которые должны работать у молотилок, веялок, сортировок... Организовать выход учащихся старших классов после уроков в ночную молотьбу.

2. Организовать пионерские дозоры на полях, токах, складах, зернохранилищах и сушилках по охране зерна от порчи, хищений, а также организовать пионерские дозоры по выявлению зерна.

3. Организовать шефство пионеров и школьников над конём (подноска корма, воды, наведение чистоты в конюшне, а также уход за конём на станах, молотилках).

4. Организовать пионеров на сбор и починку мешкотары, сбор веревок, сбруи для упряжи.

5. Организовать из пионеров и школьников бригады по 3-5 человек на зерносушилки для перелопачивания зерна...

7. Установить круглосуточное дежурство школьниц в детсадах и яслях по графику, утверждённому директором школы.

8. Установить дежурство пионеров и школьников на колхозных кухнях, стоянках бригад. Обязанности дежурных — пилить и колоть дрова, мыть посуду, установить контроль за своевременной подвозкой воды и продуктов в бригады.

10. Организовать бригады на подсобные работы при складах, молотилках, сушилках».[11]

Деревенский ребёнок — существо универсальное, безответное и выносливое. Его героическая и самоотверженная судьба была решена директивами обкомов ВЛКСМ, типичный образец которых приведен выше. И совершенно безразлично, что по данному поводу думали настоящие родители. С началом Отечественной относительно трудоспособные детишки Страны Советов становились непосредственно подданными партии и пристяжного комсомола. Директивы детского рабства штамповали все этажи власти, но так как небольшевистские детские организации у нас не прижились, обязательства адресовались всем школьникам. Гоните всех деревенских малолеток в пионеры, требовали сверху, иначе в летние каникулы их не достать.

Заложенные в бумагах нормы детской самоотверженности довели до начальства школ и прочих заведений соцвоспитания, где героизм директивно включили в расписание учебных занятий и графики поведения вне таковых. Предпочтение отдавалось бесплатному труду и всевозможным кампаниям по сбору вещей, подписке на заём. Понятно, что любая аномалия поведения сразу квалифицировалась как нарушение режима военного времени, с видами на раннее предательство.

За юными героями надо было следить в оба. Чтобы самоотверженность стала абсолютной, пионерию и комсомолию, ранее преимущественно школьные и зимние игры, перевели на круглогодичный режим. На деревне даже более летний режим, нищей родине от мальца больше проку на току, чем в классе. Всю Отечественную и послевоенную голодуху детские души пребывали в постоянном нервотрясе от фронтовых заданий, сборов, отчётов,

агрессивных стенгазет и суровых наставлений партийных товарищей. Из беличьего колеса детского и юношеского принудительного героизма не давали выскочить никому.

Колхозный режим, как совершенное воплощение сталинской конституции, отреагировал на веление времени ещё категоричнее. Всю деревенскую молодь от 12 и выше включили в трудоспособный штат колхозов со всеми вытекающими из этого факта достоинствами. Ежедневная и обязательная явка на все летние сельхозработы. По нормам школьникам предписывалось отработать 50 трудодней минимума. Кому довелось работать по колхозцентровским расценкам, прикинет цену детского патриотизма. Остальным поясню, что за обычные работы на току по перелопачиванию зерна, погрузке-отгрузке, за прополку посадок и полив, за самый изнурительный физический труд, малолетке выходило по 0,25-0,5 трудодня. На выполнение прописанного минимума уходило все тёплое время года.

Сначала газетно и привычно соврём: «С первых дней уборочных работ все пионеры и школьники района активно включились в сельскохозяйственные работы». От этого штампа рябит в глазах при чтении местной прессы тех лет. С него начинается любой нынешний экскурс в историю военного детства. Тогда все знали, что это абсолютная ложь, знали молча. Малолеток просто вытолкнули на бесплатную принудиловку. Теперь мы задыхаемся от гордости. А как же? «Ученица 5-д класса Полтавской школы Гречущева выработала за лето 250 трудодней, ученик 7 класса этой же школы Долганов — 150 трудодней. Ученик 5 класса Кизил-Чиликской школы Коркин Серёжа — 135 трудодней, работая машинистом на сенокосилке, руководил звеном из двух сенокосилок. Его звено выполняло норму на 150-200%, соревнуясь со звеном Артемьева Сени. За 42 рабочих дня ученица 2 класса Которова Маня выработала 67 трудодней (колхоз «Путь к коммунизму»)».[12]

Теперь мысленно поставьте на место Мани, Серёжи и Сени своих детей, пусть они бесплатно и голодом вкалывают всё лето. Что, жалко? И в глазах детишек огонька не видно? Скажите им серьёзно и важно что-нибудь про продовольственную безопасность России. Опять не помогло? Не расстраивайтесь, они у вас нормальные, как и те, что жили шестьдесят лет назад. Вот пообещают в случае отказа детскую колонию, сами отправите малолеток в колхоз. А самоотверженными и героями их сделают наёмные словоблуды из газеты и общественной науки.

В отличие от оборонных мероприятий мобилизация детского труда в сельском хозяйстве лицемерно называлась платной. Всю

Великую Отечественную уральский трудодень, и детский тоже, был легче мечты. Принудительный героизм наших родителей был ещё лицемерно-восторженнее потому, что заставляли работать детишек, еле носящих ноги от голодухи.

Война, давно ожидаемая, но ставшая в силу стратегической бездарности вероломно-провальной, высасывала из страны сначала мужское, а потом и женское население. Сразу после нового 1942 года началась мобилизация женщин в возрасте от 19 до 25 лет для стирки и ремонта военного обмундирования. С фронтов поступало огромное количество вещевого имущества солдат. На каждую из областей — десятки тысяч шинелей и ватных телогреек, штанов и гимнастёрок, портянок и обмоток, рубах и кальсон, сапог и валенок. Людооборот войны был невиданным, нового обмундирования не хватало даже новобранцам передовой, что говорить про штрафников, штурмовиков или клиентов госпиталей

В банно-прачечный сервис войны брали женщин с лёгким изъянцем. Лучших — цветущих и годных к строевой — с весны 1942 года стали призывать для службы в ПВО. «Мобилизации подлежат, — читаем постановление одного из обкомов партии, — физически здоровые комсомолки в возрасте от 19 до 25 лет, в числе мобилизованных 40% должны иметь полное среднее образование, остальные не менее 5-7 классов».[13] Бумага рекомендует местным властям «организовать тёплые товарищеские проводы».

Позднее молодых женщин призвали для службы во вспомогательных частях. Директивно так. «Приказываю: 1. Приступить к укомплектованию женских комсомольско-молодежных подразделений местных стрелковых войск, дорожно-эксплуатационных частей и войск связи... из числа комсомолок и женщин, не состоящих в комсомоле, в возрасте от 18 до 26 лет физически здоровых и годных к строевой службе в Красной Армии...»[14]

Тут бы, под напором высоких чувств, промурлыкать под нос что-нибудь героическое: «И боец молодой вдруг поник головой...». Те, у кого впереди разум, промолчат. Возраст призываемых женщин даёт понять, что на фронт отправляются красноармейки, жёны воюющих. И, самое главное, матери, мобилизация которых загоняет деревенских детей в полное сиротство. Призыв в основном шёл за счёт сельских женщин, на прекраснейшей городской половине держался производственный штат заводов.

Готовить универсальный полуфабрикат социализма к самой патриотической работе приказали с мая 1943 года. Тут надо было учить всему и без отрыва от производства. Инстинктивная женская любовь, как и ненависть, не идёт дальше семьи, поэтому тре-

бовались усилия, выходящие за адресованную призывникам мужского рода 110-часовую программу всевобуча. Особенно по идеологической части. Ничего, освоились. Днём с серпом, по вечерам с чисто березовым суррогатом трехлинейки.

Призыв в армию женского контингента наряду с отвлечением трудоспособных женщин на заготовки дров и леса, мобилизацией на промышленные предприятия и в систему трудовых ресурсов покоробил облик сталинского колхоза до неузнаваемости. Равнодушно-заспанная физиономия коммунара довоенных времен утонула в прошлом, по столбовому пути устало шагали тщедушные, с преждевременно постаревшими лицами подростки. Несовершеннолетние рабы Страны Советов. Те, кому придется протопать многие десятилетия советской нищеты и, под старость, стать первыми жертвами нищеты постсоветской. Шагали пока даже не колхозники, устав артели и сталинская конституция фарисейски запрещали использование детского труда.

И раньше малолетки становились невольными жертвами войны. Невольными! Теперь же детскими судьбами бесчеловечно, но осознанно рассчитывались и за экономический авантюризм пятилеток, и за бездарность военную. Из выгребной ямы сорок первого страна вытаскивала себя за волосы. Держать фашиста во имя спасения России приходилось не умом, и самым примитивным способом — солдатским мясом. Теперь выкачивали всё население, сколь-нибудь способное к окопам или труду на эвакуированных заводах. Уже ко второму лету войны за детским штатом деревни устойчиво закрепились многие хозяйственные операции, к которым в добрые времена ребятню не подпускали без присмотра родителей. Колхозные огороды, прополка и травля кобылки, сенокос, работа на току, летний уход за скотом — всё это стало патриотической обязанностью исключительно малолеток. Помимо этого, на детство распространялась вся система изнуряющих поборов в пользу вдруг обедневшей РККА: сбор и вязание тёплых вещей, взносы на всевозможные оборонные мероприятия.

К вопросу детской эксплуатации парторганы отнеслись вполне серьёзно, приказав колхозам завести на малолеток трудовые книжки. В первый год тылового героизма из-за отсутствия комментариев к постановлению ЦК и СНК о преследовании сопливых негодяев, не выполнивших минимума трудодней, стали было оформлять дела в суды. А как судить? Малолетки не являются членами колхоза, из чего вычитать 25%, если припаять таковым ИТР, нет у них и огорода. Пожилых дезертиров отправляли под трибунал. А если дезертир колхозного фронта бегает с рогаткой за

воробьями? Ладно, решили на пленуме Верховного Суда СССР, судить подростков до 16 лет за трудодни не будем. Пусть их донимает комсомол.[15] А вот к юным дезертирам с промышленных предприятий надо применять меры как к призывникам ФЗО и ремесленных училищ. Тем по указу от 28 декабря 1940 года положили трёхлетнюю отсидку.

Между советским патриотизмом и малолетним рабством есть просвет только лексический, содержательно они близнецы, ради спасения сумасбродных идеалов большевизм легко кинул в костер войны зеленую поросль нации. Героическое тыловое детство — продукт большевистской пропаганды, когда подлость в отношении беззащитного ребёнка подается высоким самодвижением юной души. Подлость очень хорошо просчитанная. Выжившим пасынкам военных лет оставлено единственное почётное место в истории Отечественной — ребяческий героизм. Реальное сиротство, беспризорщина, повсеместная голодуха и холод, ставшие причиной деградации и массового вымирания детей России, работают больше на возвышающую ложь, чем на уничижительную истину. Лучше слыть героем, чем страдальцем. Они правы до тех пор, пока в оценке ушедшего века Отечества потомки не преодолеют большевистского хвастовства, пока не вернётся к ним естественная способность к состраданию. Боюсь, не дотянут они до нашего выздоровления. Не потому ли так капризно-завистливо моё поколение к иной, относительно свободной и сытой, молодости нынешних лет?

ВЛКСМовские активисты, отрабатывая косяк от фронта, нещадно будировали безнадзорную детскую массу. То настаивали на поголовном участии в тимуровском движении, то призывали создавать везде комсомольско-пионерские фонды помощи кому-то, то прямо обязывали школы заключать договора с колхозами на поставку малолетних рабов. «На полях Челябинской области, — две строки из отчёта секретаря обкома ВЛКСМ, — сейчас работает 56602 учащихся неполных средних школ. Работают, как правило, отлично. Соревнуясь, ребята стараются не отставать от взрослых».

Дело было летом сорок второго. На колхозные и совхозные просторы Урала выгнали около четверти миллиона школьников. Большинство призыва падало на героев деревенского происхождения, унаследованные от родителей покорность и забитость легко принять за самоотверженность и подвиг.

Постановлением ЦК и СНК о мобилизации на сельхозработы к Агрогулагу пристегнули городских школьников. Конвейер эксплуатации детского труда работал уже без скрипа. Авральную

самодеятельность сорок первого года заменили пролетарской дисциплиной. Из городских старшеклассников неполных средних школ (дети 12-14 лет) сформировали отряды и выгнали вместе с учителями на колхозную натуру. Артелям и совхозам предписали устроить малолеток с жильём, обеспечить работой и питанием. Срок принудиловки определялся хозяйственной ситуацией. С начала летних полевых работ и до глубокой осени. Младшие школьники привлекались к труду путём организованных выездов в пригородные хозяйства.

Городские призывники работали в основном на прополке полей, заготовке сена, а осенью занимались подработкой зерна на току. Им чаще всего поручались самые трудоёмкие, порой изнурительные и малоценные виды работ. Кому посчастливилось перелопачивать бурты горящего зерна плицами, хорошо знает и лихо, и расценки за него. Местные школьники старались закрепиться за обслуживанием сельхозорудий, живого тягла, попасть на колхозный огород. Там тоже мимо хлеба, но можно кое-что урвать в обход трудодня: косилкой втихаря заготовить сено для личной скотины, попутно подвезти из леса сухостоину или валежник.

Места для подвига тогда хватило почти всем, а бытовые мелочи из жизни первопроходцев можно вспомнить походя. «Мама, может ты сумеешь похлопотать за меня. Я работаю в поле, питание очень плохое. Живём мы в курятнике, спать очень холодно».

«В результате полного отсутствия мыла у детей появились массовые накожные заболевания. Из 42 детей, прошедших медосмотр, только 6 детей здоровы, остальные имеют заболевания. Кроме того, уже 7 суток дети не видят хлеба, питаются жидкой кашицей, так как во всем Октябрьском районе остановились мельницы».

«С 13 по 17 число кормили нас только один раз в сутки, давали по 300 граммов хлеба. Живём мы в конюшне и валяемся на голом полу безо всего, даже соломы нет. К нам относятся очень плохо».[16]

Лоскуты прорвавшегося в документы детского горя никого не волнуют. Откуда знать ребёнку, что в тот год солома пошла дефицитом. Тут не до школьников, спасти бы скот. Солому, на сей счёт были особые директивы, даже коровам подстилать запретили. Когда в поле работает исключительно ребятня, на сытую зиму у бурёнок надежды плохие, сенокос всё равно останется игрой, а не делом. По осени райкомы обязали свезти к фермам солому озимых культур, от которой даже верблюда пронимает икота.

В том, что мобилизованным детишкам пришлось скитаться по конюшням и курятникам, виноват исключительно Гитлер. Угораздило изверга напасть на нас раньше, чем мы на него. В лучшем раскладе событий на скотском режиме прозябали бы изнеженные народы покоренной Европы. А так — сплошной героизм даже в бытовых мелочах. На деревне, кроме ферм, всё либо сожгли голодными зимами, либо заселили эвакуированными.

Документы о варварском отношении к мобилизованным школьникам в годы их массового призыва не секретны. По итогам каждой осенней кампании в тысячах бумаг районо и школ о том написано ну до скуки много. Просто эти документы лежат ниже уровня нравственной и научной досягаемости штатных историков. Нырять в прорубь истины даже за оклад доктора наук не стоит. Поэтому диссертабельно надежнее скользить по блестящей глади газет и партийно-комсомольских директив, отчётов о свершениях наших голодных, но зело героических малолеток. Скользить восторженно и патриотически гордо. Ведь как хорошо думалось и писалось о миллионах погибших солдат до того всплывшего навозом мерзкого факта, что их останки полвека таскаются не погребёнными по всей осовеченной Европе.

Особой статьёй военного и послевоенного сиротства шли детдомовцы. Вспомним честным словом про местных воспитанников и про детишек эвакуированных, которых оставили вниманием в начале главы. К войне основная волна региональной беспризорщины, вспенённая раскулачкой, ссылкой и большим террором, пошла на убыль. Старший контингент соцвосовской безотцовщины либо тихо вымер, либо подошёл к трудоспособному возрасту. Перешагнувших 14-летний барьер воспитанников, переданных промышленным предприятиям, ждала героическая судьба раба-гегемона. Детские сельские дома тихонько обзавелись собственным хозяйством и практически стали жить даже лучше колхозной ребятни. Малолетние клиенты, ранее привезённые из западных осовеченных районов Европы, смотрели в мир безучастно, и ни режима, ни психологического фона детских домов не изменили.

В этом углу системы соцвоспитания война передёрнула все. Изменились организационная сеть детских приютов, их состав, взаимоотношения с местным населением и властью. Большая часть эвакуированных осенью сорок первого детдомов размещалась в сельских населённых пунктах. Жилой фонд и все системы обеспечения городов были перегружены работниками эвакуированных предприятий и учреждений. В общественных зданиях, как правило, размещались производственные мощности и оборудова-

ние, а муниципальное и частное жильё уплотнялось с каждой волной эшелонов с запада.

Размещение детской эвакуации преимущественно в сельской местности нашли целесообразным и по другой причине. Полагалось, и верно, что в деревне больше возможности самообеспечения, за счёт колхозов и подсобных хозяйств. В первых эшелонах прибыло чистое сиротство — воспитанники детдомов из оккупированных областей. Поступали они организованно и с воспитателями, что позволяло уплотнить частью новосёлов местные детдомы. Только часть. Расширять сеть детдомов пришлось под давлением неорганизованной беспризорщины, поступающей от транспортных служб и детских распределителей.

Позднее стали прибывать дети из Ленинграда. То были ещё не сироты, а жертвы блокады. История трагедии, называемой блокадой, хорошо известна, поэтому можно представить, кого на холодных полустанках встречали мои земляки. Большая часть поступающих партиями малолеток формировалась из детей, совсем недавно живших в семье и в относительном бытовом благополучии. Вторая советская столица всегда жила где-то между Москвой и провинцией.

Дети войны и блокады находились на грани голодной смерти. Сопровождали такие группы люди случайные, не имевшие особого педагогического опыта. Из эвакуированных несирот формировались интернаты, отличные по режиму от детдомов и рассчитанные на временное содержание. С местных кадров, ответственных за соцвоспитание, особо спрашивалось за обеспечение и устройство детей-ленинградцев. Судьба последних считалась более героической в сравнении с мытарствами местной и эвакуированной из других краев Союза сиротской шушеры. Полагалось вполне естественным, что первый случайный кусок должен достаться детям, вынутым из колыбели революции.[17]

Эвакуированных малолеток расталкивали по самым глухим углам Урала и Приобья. Для формируемых походя интернатов и детских домов совершенно не было нарядов на хлеб и иное продовольствие, не предусматривались и фонды вещевого обеспечения прибывших. Колхозники, на благодеяние которых мудро рассчитывалась сиротская эвакуация, к тому времени сами сидели на картошке. Сердобольность пайковых земляков сменилась чувствами несколько иными, когда сверху всей системе сельпо приказали снабжать эвакуированных детей из районных хлебных фондов. Жизненные колеи местных прикормышей власти и эвакуированных малолеток опасно пересекались.

В топографическом пасьянсе ситуация выглядела масштабно. На начало 1942 года в Челябинской области, типичным примером, находилось около 300 эвакуированных детских приютов, в которых спасалось от нашествия 38 тысяч детей. Это плюсом к 110 детдомам собственным и 11 тысячам родных сирот.[18] Просим уточнить суммы, ассигнованные на содержание, благоустройство и ремонт детских домов, взвыли местные власти, каким образом организовать питание, нормы, каким образом распределять, чтобы исключить объедание воспитанников персоналом приютов. Ближе к зиме к голодным стенаниям добавлялись истерические просьбы дров и тёплой одежды.

Материалистически-бытовой аспект детского героизма — как хвастливой заднице крапива истины. Вылазим, ребятки, приехали! На 1 января 1942 года, по отчёту переселенческого отдела и облоно, прибыло 10300 ленинградских детей в возрасте от 3 до 15 лет, которые размещены в 37 районах. Создано заново 96 интернатов. Все дети переэвакуированы из Ярославля. «Так как уезжали летом, нет одежды, нет даже смены белья. Ехали в теплушках, все простудились и завшивели, есть случаи заразных заболеваний... Так как дети поступили только в декабре, заготовки овощей не было, молока нет даже для дошкольников... Совершенно нет пайков для персонала детдомов и интернатов».[19]

В лирической части документа с сожалением отмечено, что эвакуированный контингент плохо приспособлен к колхозному климату, в сравнении с местной выносливой и работящей детворой приезжие смотрятся активными нытиками. Шокированные реалиями тылового социализма, городские переселенцы жалобно заскулили. Воспитанники, к примеру, Кусинского костно-туберкулёзного диспансера вместо сбора денежных средств или мхасфагнума (шёл вместо ваты) для Красной Армии коллективно и упрямо строчили жалобы во все тяжкие — от канцелярии вождя народов до местного райисполкома.

«Систематически дети недоедают. 28-31 октября дети не получали хлеба совсем, а затем получили по 300 вместо 500 граммов. Такие случаи недостачи хлеба бывают очень часто. Помимо хлеба дети не получают полную норму остальных продуктов питания... Утром чай б/с и по три картошки без хлеба, на обед — суп и картошка, ужин — чай и картошка в мундире, но без жиров». Во французском Париже осенью сорок третьего царил откровенный бардак, а в нашем, челябинском, — сплошной детский героизм, о чём и свидетельствует цитируемый материал.

«Окна не застеклены, рамы не промазаны, наружные двери не утеплены, печи не отремонтированы... Дети, как правило, не раздеваются, спят и принимают пищу в пальто и шапках. В комнатах воспитанников грязно, холодно, неуютно. Обнаружено много клопов, тараканов и вшей. Внешний вид воспитанников неопрятный, дети бледные, худые, истощённые... Совершенно раздеты малышки 3-4 лет, которые из-за отсутствия белья и одежды целыми днями сидят на своих коечках... Имеется 15 жестяных кружек на 116 человек и ни одной ложки».[20]

После прогулки по нашему Парижу, где всё закончилось рекомендацией комиссии кормить воспитанников лучше и развивать среди них социалистическое соревнование, загляпем в места не столь экзотические. Губернский, к примеру, детдом для ленинградских малолеток-дошколят. Недалеко, в ста верстах севернее Челябинска и рядом с пышешним атомным комбинатом «Маяк». Из сотни привезённых воспитанников за 1943 год 15 детей умерли от голода, после чего часть острых дистрофиков передали в Кыштымский дом ребенка.[21] Что скажешь, война... Потери вполне сопоставимые с передовой где-нибудь под Ельней.

На героическую самоотверженность были обречены все дети региона. «Воспитанники детских домов области, — теперь листаем манускрипты Свердловского облоно, — встречают наступающую зиму плохо обеспеченными обувью, одеждой и постельными принадлежностями. Особенно в тяжёлом положении оказались те 5600 сирот и детей фронтовиков, которые приняты в детские дома в текущем году. Недостаточность централизованных фондов и низкое отоваривание их привело к тому, что 4500 воспитанников не имеют кожаной обуви и валенок, 7200 человек — зимних пальто и шапок, в детдомах не хватает 8500 матрасов, 7200 подушек, 8000 одеял... Решение Облсовета об изготовлении 70 тысяч пар обуви из утильного брезента не реализуется, не получено ни пары. Ходатайство Облоно перед УралВО и главным интендантом Красной Армии генерал-майором Драчёвым о выделении для детей фронтовиков, воспитывающихся в детских домах, нетабельного и утильного имущества, осталось без удовлетворения».[22]

На дворе стоял год сорок четвёртый. Утиля, как и пленных, в Красной Армии не бывает. В опорках и обмотках на запад шагали рядовые даже некоторых линейных частей. Посмотрите кинохронику. Еды, обуви и обмундирования не хватало до самых восстановленных границ Союза. Действительно, родные освобождённые просторы, ошпаренные раскулачкой и войной, теплили только душу. Полегчало с переходом границ. Даже то, что осталось от

буржуазной Европы после Гитлера, в сравнении с нашим колхозом казалось раем. Освободители перешли на подножный харч, что позволило сменить голодомор сорок третьего на просто голод второй половины сорок четвёртого и года победного. Потом, правда, пришёл год сорок шестой.

В нашем регионе командование УралВО последними словами крыло районы, отстающие с ремонтом и стиркой солдатского имущества. Порой власти военные обращались к органам карательным, если обмундирование терялось, списывалось или использовалось в качестве спецодежды. До ребятни ли тут?

«Прибывшие в сентябре 1942 года дети были настолько слабы, что не могли двигаться, была угроза смертных случаев. Дети после еды лежали в постели не шевелясь». «Не имеем с осени никаких запасов: ни рыбы, ни грибов, ни ягод. На 136 детей всего 80 пальто, 53 шапки (30 совсем рваные), брюк — 224, ботинок 113 пар (50 — совсем непригодны). Кормят детей болтушкой, давая ей разные экзотические названия. Молоко от коров идёт на питание дошколят и на выпойку телят». При медобследовании обнаружено: из 118 воспитанников 8 туберкулёзников, 17 — болезнь лимфоузлов, 19 — бронхит, 15 — ревматизм, 19 — болезни дёсен и зубов, 40 — дистрофики, 7 — чесотка, 11 — конъюнктивит.[23]

Коллизия имела место в широтах, идеальных для ссылки, в широтах, где когда-то прозябал светлейший князь, генералиссимус и сын конюха Александр Данилович Меншиков. Эскизы героической натуры взяты из быта детдомов тюменской тундры — Берёзово, Шайтанки и Кедрового. Зачем тащить сирот в эти суровые края? Этим вопросом никто не задавался. По привычке везли.

Тюменская область до изумления огромна. Сползём теперь на самую южную точку этого административного колосса. «Материально-бытовые условия содержания детей в детдоме исключительно скверные. Помещение не отремонтировано, в корпусах, где находятся дети, холод, грязь. Вода совершенно отсутствует, дети умываются во дворе снегом, снег употребляют вместо питья, ходят полураздетые и полуразутые... От непосильных работ и тяжёлого материального положения, а также зверского отношения со стороны администрации совершают частые побеги и кражи, взламывают замки, крадут и кушают мороженую картофель. Набрасываются и избивают воспитателей».[24]

Акт обследования детского дома № 33 Масляпского района завершают факты мародёрства. Райвоенкомом, заведующим районо и директором из подсобного хозяйства украдены гуси, кабан, корова и некоторые продукты пайкового ассортимента. Объедали

приюты везде, где брюхо выше совести. А где последней не было вовсе, царил произвол, определяемый исключительно личными способностями к подлости. Директор указанного детдома вывез 14 самых бойких ребятишек в казахстанскую степь и бросил.

Интернатовское бытие лишь в самом начале несколько отличалось от детдомовского. Всё-таки не сироты, эвакуированы родителями из-под оккупации и блокады во имя спасения. Пока то да другое обменяли на хлеб, пока изредка помогали родители... Первый приступ официальной заботы и суеты быстро сменился привычным равнодушием. На вопли интернатовской оравы стали реагировать спокойнее, а потом, до самой реэвакуации на запад, вовсе не отличали её от классических сирот. «Централизованные наряды на хлеб не отовариваются по причинам, лежащим вне нашей компетенции, круп нет в наличии даже в Заготзерно, мясопродукты и жиры не отгружены по причине невыполнения областного плана заготовок, молоко колхозы не отпускают в силу низких надоев и высоких планов». Так отталкивались от воплей возмущения руководители приютов. То была чистая правда. Даже мизерные средства, которые давали на содержание интернатов и детдомов, обычно не осваивались. Купить всё равно было нечего, деньги безналом уходили на патриотические почины.

«Тов. Сталин! У нас много пишут и особенно говорится как заботятся о детях фронтовиков. На самом деле, заботы этой совершенно нет... В настоящее время мой сын находится в интернате №175 Красново Исетского района. Дети там ужасно голодают. Как правило, все свои пальтишки и платья отдают колхозникам в обмен на несколько картошек. Это считается в порядке вещей. Мой сын на почве недоедания болел целых три месяца. Учительница пишет, что дети худы, глаза вваливаются...»[25] Письмо матери из Ленинграда, отправившей ребёнка в тыл, весьма типичная бумага.

Питерские детишки оказались слишком чувствительными к голодному режиму; быстро променяв привезённое тряпье, они, как всякий клиент Агрогулага, не имеющий собственного огорода, заголодали. Сопровождающие и ребята повзрослее тотчас же принялись катать жалобы во власть и родителям. Встреч кипели негодованием родители-блокадники. Зачем везли детей в Сибирь, если они там мрут с голода? Волна истерических жалоб пришлась на 1942-1943 годы и вскоре схлынула. Взыскующие поняли, что письма в народную власть надежно перехватывались цензурой. Обращалась к председателю омского облисполкома, жалуется Великому Сталину наша блокадница, Калинину, — всё безрезультатно, верно и это письмо пойдёт в мусорную корзину. Ошиблась

мамаша, её письмо стало документом истории. До Сталина его не пропустили, но жалоба попала в архив секретной переписки обкома партии с УНКВД.

В Отечественную и годы послевоенные приютская сеть Урала и Приобья зыбко дышала. Волны сиротства и беспризорщины накатывались одна за другой. Постановлением СНК СССР от 21 января 1943 года «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» в приюты исключительным порядком разрешили принимать детей погибших фронтовиков. С приходом голодомора в колхозную деревню красноармейки и матери-одиночки скопом кинулись в начальство с просьбами забрать малолеток в детские дома для спасения от голодной смерти. Ни артели, ни семья не гарантировали выживания. Колхозные дети, жаловалась в ЦК ВКП(б) жительница Аромашевского района, сидят только на картошке и мрут с голода, а дети служащих и рабочих в детучреждениях снабжаются централизованно. Женщина попала в десятку, потому как сразу же после письма в ЦК ее долго третировала местная власть, а потом определила в психушку.[26] Могло быть и хуже. За очевидное, высказанное вслух, полагался срок.

В самом деле, в сравнении с колхозным прозябанием даже детские дома казались раем. Местным властям разрешили персонально определять кандидатов на государственное содержание, исходя из установленных лимитов. Матерей сразу предупредили о сроке — не более года. Выбирать приходилось из многих тысяч просьб. Двум моим двоюродным сестрёнкам, Валентине и Надежде, повезло. У них отец уже в сорок первом погиб под Смоленском. Младшую Фаину оставили при матери по малолетству. Моей маме категорически отказали, иждивенцев только двое, муж в армии, но живой. Да, и брак официально не зарегистрирован.

Тем, кому было невтерпёж, решались на лихое. По сообщениям милиции, с сорок третьего резко участились случаи подкидывания детей в возрасте 3-5 лет. Обычно с записочками — как зовут ребёнка и обещанием забрать после голодухи. Выявленных родителей, если это удавалось, жестоко клеймили от имени прогрессивной советской общественности, и отдавали под суд.

Иногда решались и на такое. «Не имея своего подсобного хозяйства, получая незначительное количество продуктов на трудодни, выработанные в колхозе «Новая жизнь», где она состоит членом со дня его организации, Говорова вела нищенский образ жизни, в силу чего осенью 1948 года проводила детей по железной дороге в Тюмень. Дети были задержаны и определены в детский

дом № 5 и № 72 Н-Тавдинского района, где они находятся в настоящее время».

18 февраля 1949 года народным судом Ишимского района Говорова Агафья Васильевна была приговорена к одному году тюремного заключения. Суд принял во внимание смягчающие обстоятельства. В октябре 1948 года председатель артели, подозревая Говорову в объедании животных, выселил её вместе с детьми из колхозной избушки, находящейся на территории скотного двора. И хотя старший сын обвиняемой, несущий службу в Советской Армии, с жалобой в областную власть опоздал, всё закончилось хорошо. Его братишки и сестрёнки выжили. Матери, отбарабанившей срок от звонка до звонка, по освобождении передали детей на предмет дальнейшего семейного прозябания.[27]

Часть воспитанников соцвоса шла полуторными сиротами. Примерно так — отец погиб, а мать в заключении по указу семь восьмых. Встречайте, мы прибыли надолго, на срок отсидки мамаши. Все директивные бумаги по эвакуации и устройству детей предписывали отдавать малолеток опасного возраста на патронирование или усыновление.

С осени сорок четвёртого началась реэвакуация детей на запад страны. Но напряжённости с размещением и содержанием малолеток не убавилось. Одолевала беспризорщина местная. Изо всей системы соцвоса и трудовых резервов молодёжь дезертировала сломя голову. Бежали из подыхающей с голода деревни. Матери-колхозницы, видя безысходность, отправляли детей по миру в уход. В самостоятельную беспризорную жизнь на станциях, рынках, в очередях. До начала пятидесятых докладные ДПР и милиции фиксируют: примерно половина беспризорников — дети, сбежавшие из голодающих, но живых семей.

Беспризорщина накатывалась прибоем и стояла тихими омутами. Большая часть соцвосовской клиентуры Урала поступала из транспортных и территориальных отделений милиции. Дорожники работали с мигрирующей по всему Союзу детской шпаной, участковые и РУПы стерегли её местную разновидность. Из сохранившихся документов можно уловить заметные различия в поведении основных категорий сиротства.

Относительно тихая местная беспризорщина поступала в систему соцвоса по классическим причинам: отец погиб на фронте, мать умерла с голода или сидит в заключении. Местные отделы образования, не имея никаких средств на поддержку, вносили народившихся сирот в заявку на детдом, подписывали таковую в

милиции и направляли вверх. Тонкие районные ручейки сливались в нарастающий поток.

Области относились к запросам снизу весьма холодно, местные приёмыши воспринимались чистыми иждивенцами. Под сирот войны, коими была забита детдомовская сеть региона, как и под централизованно направляемых воспитанников отпускались средства. В крайнем случае, можно было взывать или клеймить. Именно потому, что ни память о павших, ни совесть, ни боль страшно пережитого в тылу ещё не пересохли, детдомовцы послевоенных лет материально жили много лучше сверстников деревенских. Это было заметно даже в пятидесятых. Но бытие детдомовца никогда не было предметом зависти. Что заменит ребёнку тёплый взгляд и ласковые руки самого единственного человека в мире — матери?

Первой в подозрениях шла беспризорщина деревенская. Вместо мобилизации внутренних резервов на выполнение планов патронирования и усыновления, возмущались областные наробразы, сельские районы отгружают нахлебников. «Колхозы проводят антигосударственную политику, — жалуется райкому начальник Ишимского ДПР, — они отправляют сирот в детприёмники».[28] Не возмущайтесь, старшина Сувач, судя по должности, был добрым человеком. Милиционер перерождается в мента, когда свой карман ставит выше долга. А тут никакой корысти. Скажу, что жаловались на колхоз многие уральские детдомы и ДПРы. У детей, потерявших последнего кормильца, в коммуну на законных основаниях изымалось всё.

Напомнить основания? На колхозной земле садить картошку и держать скотину может только член сельхозартели. Единоличников, не выполняющих твердых заданий (первые главы этой книги), выселяли из собственных домов под предлогом конфискации земли под усадьбой. Колхозник, во-вторых, всегда жил в кредит у власти — налоги, недоимки по индивидуальным заготовкам, по подписке на заём. Обобранных за долги сирот колхозы сталкивали на государственное обеспечение. Это и вызывало справедливое негодование с мест предварительного воспитания.

Раз колхозы поступают антисоветски, сбрасывая иждивенцев на пролетарское государство, надо их наказывать по-советски — куском. И всплыла инициатива — отправлять ограбленных беспризорников на принудительное патронирование в артели, отобравшие семейное имущество. Идея в жизнь не пошла. Никто не хотел возвращаться в голодную деревню. Да и в НКВД знали, что

колхоз — плохой отчим, способный естественную и искреннюю любовь к малой родине обратить в искреннюю ненависть.

Теперь взглянем на справедливость извращённо, с позиций колхоза. В середине тридцатых, в пору второй советской кампании по борьбе с беспризорностью, руководимой не Феликсом Дзержинским, а Генрихом Ягодой, изъятие имущества у детей, оставшихся без родителей, обусловили колхозной опекой. Забираете всё имущество с сиротского двора, — пишите в отчимы коммуну имени Надежды Крупской. И чтобы ваши прикормыши дальше околицы не совались. В городах своих беспризорников хватает.

Десять лет — украшение Уголовного Кодекса РСФСР, но не срок для вечно живой и подозрительной теории. Прокуратуры уральских областей освежили память земляков, продублировав директиву от мая тридцать пятого. Эта бумаженция обещала срок за хроническое уклонение от душевного благородства. В первую голову, за невыполнение планов принудительного патронирования и усыновления.[29]

Но колхозы, и особенно сельсоветы, продолжали уклоняться от отцовства и упрямо клянчили места в детских домах. Заглянем в типичный сорок седьмой. По отчётам Тюменской прокуратуры, за год снято с товарняков 3600 беглых и беспризорных, чуть менее того поступило от территориальных отделов милиции. Через детские распределители пропущено три тысячи ребятишек: семьсот человек отдано на колхозное патронирование, усыновлено только 54 ребёнка. Возможности трудоустройства беглых детей и сирот, заботится прокуратура, в области ограничены. Облоно даёт очень мало путёвок в детские дома, потому надо бы несколько ремесленных училищ и детскую колонию.[30]

Не станем корить в бессердечии ни местную власть, ни земляков. На патронирование и усыновление в деревне не было никаких средств. Вспомним, что творилось в колхозных яслях и детсадах. Кому в голодуху нужны лишние рты? Посылать за колосками по осени и за гнилой картошкой по весне? Был только страх. За погибель своих детишек от дистрофии или колхозного диатеза отвечаешь перед Богом и собственной совестью. Заморил приёмного ребенка, — муки душевные плюс тюрьма неотворотная. Что председателю колхоза, что отчиму-частнику. В нищей благотворительности больше резона, чем души..

У власти местной душа тоже не железная. Десять-пятнадцать лет назад беспризорность лезла только в глаза. Сирот кулацких было принято не жалеть, как-никак классовые враги. Пожировали своё, говорил в спину раскулаченным малолеткам завистливый и

всегда нищий строитель деревенского социализма. Преступное движение души находило оправдание хотя бы в том, что за плечами кочующих по баням, скотным дворам и сельсоветам беспризорников оставалось розовое пятно семейного благополучия и короткого детского счастья.

Беспризорники сороковых были чистыми пасынками Страны Советов. Тем поколением, у которого позади темнела только нищета. Они родились в голодуху тридцатых, их детство утонуло в голодухе военной. Краденые колоски по осени да гнилая картошка по ранней весне. Из года в год. Власть отобрала у них самое дорогое, что связывало их с родиной. Святым и неотъемлемым достоянием беспризорника сороковых оставался последний взгляд уходящего на фронт отца и умершей или взятой в НКВД матери.

Колхозы и сельсоветы отказывались от опеки и патронирования сирот по вполне понятной и естественной человеческой жалости. Лишними ртами были даже свои дети. Поэтому деревенская власть искала любую возможность устроить сирот в детские дома. Столь же искреннее желание двигало поступками матерей-колхозниц. О том свидетельствуют тысячи писем во все инстанции с просьбой забрать детей в детдом хотя бы на год и таким образом спасти их от голодной смерти.

В Курганской области существует 3 детраспределителя с лимитом 110 человек. Смотрим отчёт за 1944 год, направленный в прокуратуру РСФСР. За последние четыре месяца поступило 863 беспризорника, из которых 63 вернули родителям, 600 сдали в детдома, 76 — в колонии, 80 направлено на производство. Вся система приютов и иных воспитательных учреждений забита до невозможности. В области 97 детдомов с 10688 воспитанниками, 56 интернатов на 4710 человек, 3 детдома для малолетних инвалидов, 2 — трахомных, 4 дома ребенка. Кроме того, имеются две детские трудколонии на 500 человек.[31]

Возможности, итожит ситуацию облпрокуратура, не покрывают годового поступления беспризорников. Приходится отказывать в приёме детей погибших фронтовиков и направлять преимущественно местных малолеток на принудительное патронирование. Последнее мало эффективно, так как закреплённые за бесхлебным колхозом дети тотчас же возвращаются к бродяжничеству. Бегут даже из колоний.

В Свердловской области 6 детских распределителей (областной центр — 2, Нижний Тагил, Серов, Красноуфимск и Каменск-Уральский). За 1944 год оприходовано более девяти тысяч детей, основная причина поступления — нищенство и сиротство, более

тысячи клиентов — опасные дистрофики. Заглянем в лучший из приютов, ДПР №1. Ежедневное поступление 25-45 человек. Дети раздетые, ходят босиком (картина февраля 1944 года). На контингент в 350 клиентов имеется 30 пар обуви. Из-за отсутствия мест в детдомах ДПРы превращаются в сиротские стационары.[32]

Конфликт между настырной милицией, в ведении которой находились детские реформатории, и субтильными педагогами, отвечавшими за наше счастливое детство, имел следствием лишь ропот последних. В приютах, мол, и так содержится тридцать тысяч воспитанников, да более двенадцати тысяч заявлений от голодающих вдов лежат под сукном.

Детдомовское сиротство не исчерпывается материальными невзгодами. На протяжении всей соцвосовской истории непрерывно совершенствовалось идеологическое истязание детей. Троцкисты, враги народа и фашисты, как персонажи мобилизующие, утонули в прошлом. «При детском доме создана первичная партийная организация, состоящая из 13 коммунистов, создана школа по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», которую посещают все коммунисты и весь воспитательный состав детдома. Изучают 4 главу, налаживается методическая работа». Из земных радостей Юговскому детдому Молотовской области в апреле 1947 года отпущено 2 тонны мороженой картошки, 2 тонны квашеной капусты и тонна солёных огурцов.[33]

Методобъединение приютов Оханска хвастануло тем, что воспитатели шести школьных и трёх дошкольных детских домов изучили доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Согласившись с критикой негодяев от литературы, педагоги запросили 200 пальто, 370 пар валенок, 300 одеял, 880 пар обуви. Обком ограничился словами благодарности.[34]

Дети, поступающие из детприёмников, жалуются в обком партии тюменские педагоги, уже преступники. Из областного ДПР были направлены в один из приютов Казанского района 13 детей. Пока оформляли на них подорожные бумаги, гости обокрали кассу Облоно и скрылись. Детские дома, сообщается в жалобе, отдают сучьей войной, полыхающей во взрослом ГУЛАГе. Приезжие сразу же наводят свои порядки, избивают воспитанников. Если прибывают фраера, наоборот, обязательно колотят и третируют новеньких. Некоторые уже прошли детучреждения почти всего Союза. Часто транспортная милиция привозит туберкулёзников, сифилитиков, трахомных и страдающих иными опасными заболеваниями. Малолетних уголовников, с которыми детдома не могут справиться, переталкивают друг другу, фальсифицируя докумен-

ты. Воспитанники-рецидивисты в одном приюте больше года не живут. Побольше бы детских колоний — мечта всех уральских детдомовских воспитателей.[35]

Воспитанников-рецидивистов сняли с шеи гражданских педагогов инструкцией «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР», от 21 июня 1943 года. Серьёзная бумага, подписанная Рычковым, Бочковым и Берией, обязывала немедленно направлять в колонии подростков в возрасте от 11 до 16 лет, задержанных за хулиганство и мелкие кражи, беспризорных, не имеющих родителей и определённого места жительства, воспитанников детдомов, нарушающих внутренний распорядок, дезорганизующих нормальную постановку учёбы и воспитания. Отбор клиентуры проводился тоже органами бдящими. В колонии направляли злостных детдомовских дезертиров, малолетних спекулянтов и рыночных воришек, уличное хулиганье. На пути более серьезных действий стоял УК. Промежуточное между детдомом и ГУЛАГом воспитательное звено находилось в ведении НКВД и полагало соответствующий статусу режим.

В приютах нормального типа жизнь поддерживалась подсобным хозяйством да идеологическим наркозом. Голодных детишек втягивали во взрослые игры — заставляли собирать деньги в помощь РККА, покупать облигации и участвовать в лотереях, вязать и шить тёплые вещи для фронта. Летними месяцами заготавливали дрова и продукты, работали в колхозе. Если нечем больше, хвались нравственно высокой нищетой. Только во время войны, сквозит во многих отчётах районо, учащимся серьёзно прививаются навыки физического труда.

Ещё бы! И в школе война способствует лучшему восприятию материала. Школа времен Отечественной требовала политической насыщенности занятий. Урок русского языка? Пиши изложение на тему «Убей немца». Физика — дай сложение сил на примере полёта пули. Историю вообще можно держать на поводке минутной действительности. К примеру так, каким последним орденом награждён тов. Сталин? Или: каковы условия выхода союзных республик из СССР? Последний вопрос обычно считался завальным. Кто мог знать, что республики тараканами разбегутся, как только отечественный коммунизм одолеет старческая немощь.

Дети колхозные и воспитанники системы соцвоса, от яслей до трудовой колонии НКВД, есть герои. Всё величие их подвига состоит в самом факте самовыживания, в том, что мы сейчас есть. Тут приходится говорить о высоком с оттенком горечи. Ибо глав-

ный фронт детской Отечественной лежит там, где царствуют чистый героизм и самоотверженность, не замутнённые никакими подозрениями запоздалого разума. На оборонных и промышленных предприятиях глубокого тыла.

Война и героическая тыловая принудиловка для деревенских детей наступили не внезапно. Гитлер здесь больше свидетель, чем преступник. Стратегия мирового господства преступна, прежде всего, по отношению к собственной стране. Отечественный коммунизм, агрессивный ко всему окружающему миру, в планах предельной милитаризации и военной коммунизации Европы полагался на хищническую эксплуатацию населения, включая детей. Всесоюзные репрессии и абсурдно расточительная форма индустриализации привели, в конце концов, к дефициту трудовых ресурсов. Глубокая физиологическая и нравственная деградация населения стала прямым следствием великих строек, этих муравейников примитивного физического труда, и хронической голодухи. Вместо крепко сложенного, самостоятельного работника и хозяина времён доколхозного процветания Россия получила трусоватого заморыша-колхозника и покорного во всём гегемона.

Велика Россия, но не бесконечна. Уже за два-три года до войны встала проблема структурного сдвига во всем механизме занятости. Чтобы выжимать из примитивной кооперации рабского труда пушечное мясо мобилизационных возрастов, стали подыскивать замену. Из всех тюрем и мест временного заключения вытолкнули уголовно-подследственную публику в лагеря ГУЛАГа. Любовь к прекрасному полу уступила место хозяйственному резону, началась принудительная феминизация промышленных предприятий. А милитаризованная до абсурда экономика пошла в разнос и постоянно требовала новых жертв.

Наконец дошла очередь до малолеток. Начали кампанию далеко из-за поворота. «В нашей стране полностью уничтожена безработица, навсегда покончено с нищетой и разорением в деревне и городе, ввиду этого у нас нет таких людей, которые бы вынуждены были стучаться и проситься на фабрики и заводы, стихийно образуя, таким образом, постоянный резерв рабочей силы для промышленности».

Концентрированная ложь преамбулы достойна основного содержания указа от 2 октября 1940 года. «Признать необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек путём обучения городской и колхозной молодёжи определённым профессиям в ремесленных училищах, желез-

нодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения... Государственные трудовые резервы находятся в непосредственном распоряжении Совета Народных Комиссаров СССР и не могут быть используемы наркоматами и предприятиями без разрешения правительства».[36]

Обучали профессиональному мастерству и раньше. Где в форме индивидуального ученичества (сначала подсобник, потом подмастерье), где организованно. До объявления мобилизации при крупных промышленных предприятиях имелись собственные фабрично-заводские училища. Для городской пролетарской молодёжи такое обучение было делом престижным, поэтому набирали в школы добровольно, но не абы кого, а лишь из семей заводского персонала. Деревенские попадали редко.

Теперь дело ставилось по-социалистически, в форме живого конвейера детского рабства. «Обязать председателей колхозов ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по 2 человека молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16-17 лет в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет».[37] Сразу отбросим нормативную часть директивы, через полгода произвол, объясняемый военным временем, смёл все преграды на масштабах самого гнусного ограбления крестьянских семей.

Остановимся на существе мероприятия. Перед войной более 80% штата уральских колхозов составляли женщины. Типичная деревенская семья выглядела изрядно помятой, хозяйка-одиночка работала в колхозе днями и ночами, а забота о дворе и огороде, единственная возможность как-то выжить, лежала на стариках и детях. Муж и отец либо тянул срок, либо столь же бесплатно работал на каком-нибудь Промстрое. Все надежды на будущее связывались с подрастающими детьми. Но власть сатанела всё больше и больше. С той осени сорокового помимо оброка мясом, картошкой, молоком и прочим продуктом, следовало рассчитываться с пролетарским государством живыми детскими душами.

Основной принцип набора исключал всякие человеческие претензии юного раба — личные планы будущего, интеллектуальные и профессиональные предпочтения, иные обстоятельства. Создали Главное управление трудовых резервов при Совнаркоме СССР — подростковый вариант ГУЛАГа. Материальной базы для учебного процесса и жизни мобилизованных подростков не было. С московских высот на Союз обрушился поток бумаг с предписанием «потребовать, обязать и возложить», сулящий местной вла-

сти очередную головную боль, а подопытной ребятне — героическое будущее.

Призыв осуществлялся в порядке принудительной вербовки. Сначала в училища и ФЗО нашего региона брали только своих подростков. Документально романтика первого призыва выглядела невзыскательно. Решением Свердловского облисполкома от 31 октября 1940 года объявили мобилизацию трудрезервистов, определили контингент, приказали создать призывные комиссии, и развели по районам наряды. Исполкомы расписывали оброк по сельсоветам, а те по колхозам. Правления артелей судорожно искали крайних, потому как между приказом и исполнением лежало три дня. Даже сыновьям покорного колхозника такие крутые зигзаги судьбы не по нервам. Колхозу вменили обязанность — обеспечить призывников питанием, одеждой и бельём.

А вот первый шаг сельских подростков на каторгу обставили весьма торжественно. По области выписали 16 тысяч путёвок и литеров для проезда к месту учёбы. На вокзалах устроили проводы с речами и наказами тех, кто за это деньги получает. До мест дислокации доехало только 15300 призывников.[38] Власть столкнулась с совершенно неожиданным явлением — колхозная ребятня оказалась почти биологически упрямой и склонной к массовому и организованному дезертирству.

В предчувствии каторги дезертировали подростки всех краёв и областей Союза. Кое-где, на манер охраны беспризорников, попытались сопровождать группы призывников эвакуаторами, но затея оказалась безуспешной. В большевистском сознании росла убеждённость, что малолетки вполне заслуживают быстрых и радикальных мер социалистического воспитания. Не научились ещё резервисты правильно держать напильник, а пролетарская власть огородила их забором уголовной ответственности. Указ от 28 декабря 1940 года заложил прочный фундамент героизма, пообещав дезертирам ФЗО и училищ от трёх до семи лет заключения.

Гениальность идеи, заложенной в создании системы детских трудовых резервов, обнаружилась менее чем через год. С началом Отечественной и последующей мобилизацией мужчин сырым малолетним полуфабрикатом станочников, слесарей и прочих профессий худо-бедно закрыли прорехи производственных штатов. Тотчас же по всем регионам Страны Советов объявили дополнительную мобилизацию в трудрезервы. Отныне все провалы наших фронтовых операций и трагические в своих масштабах потери отзывались двойным горем крестьянской семьи. Болью утрат на фронте и горем расставания с малолетками, уходящими на тыло-

вую каторгу. Когда в дом приходит похоронка на мужа и путёвка для сына в РУ или ФЗО. Здесь очень уместно сказать о патриотизме, о сознании неотвратимого долга перед Родиной, свалившегося на то поколение. О высоком чувстве, которое не развязывает хвастливый язык, а седит душу и волосы.

Три первых года потери на фронтах Отечественной значительно опережали все возможности подготовки рабочих в системе трудрезервов. Надо было любыми средствами возмещать потери мобилизации на фронт. Конвейер детской эксплуатации запустили на предельные обороты. В сентябре 1942 года СНК СССР принимает постановление «Об организации в 1942 году краткосрочной подготовки в школах ФЗО рабочих массовых профессий и дополнительном призыве (мобилизации) в эти школы молодёжи». Скоро корпуса многих промышленных предприятий и конвейеры военных заводов превратятся в подростковые муравейники. Чем больше потерь на фронте, тем моложе персонал.

Слабонервный впадёт тут в слезливый патриотизм. Тогда же газетчикам и райлитам настоятельно рекомендовали не акцентировать особого внимания на очень ранних проявлениях трудового героизма, а если прижмёт случай давать фотографии, либо подыскивать особи постарше, либо давать снимки общим планом, без озабоченных детских физиономий. Для освещения чисто детского героизма есть «Пионерская правда».

В целях ускорения трудооборота малолеток, чтобы они не застревали на стадии учёбы, предпочтение отдавалось школам ФЗО, как более краткосрочной подготовке. Через них погнали профессионально черновые специальности, где ремесло лежит недалеко от сырого физического труда. Многие РУ и ЖУ переводились на интенсивно укороченные программы обучения, в случае крайней необходимости занятия обрывались и воспитанников перебрасывали на предприятия. Иногда это называлось производственной практикой, чаще зачисляли в основной штат завода с пониженной разрядностью. Из деревенского пацана можно сделать героя в неделю пещерных условий бытия, токарем — много дольше. Полуфабрикат нуждался в серьёзной доработке на заводе, во имя этого директивно подхлестнули индивидуальное ученичество.

От ускоренной мобилизации фезеушников деревня отощала до бабье-девчоночьего штатного скелета. Посмотрите на фотографии колхоза военных лет. В историю смотрят постаревшие с голодухи и вдовства женщины да боевой штат артелей — девчонки 12-14 лет, сверстниц которых, по нынешнему воспитанию, не скоро заставишь помыть посуду на кухне. Аграрные районы взвыли

от обиды и, ссылаясь на отсутствие деревенской молодежи, просили освободить от мобилизации в трудовые резервы.

Жалобу Нагайбакского района можно считать типичной для ситуации тех дней. Суть бумаги — нет ни лошадей, ни коров, ни людей для мобилизации вне района. Трудоспособных 4286 человек, включая 900 подростков от 12 лет и 2800 женщин. По нарядам мобилизации на 1943 год выпь да положи 2800 человек. Откуда такие души взять? Но власть была непреклонна.[39]

Потом заскулили области. На 1 января 1943 года в сельских районах области, из документов Свердловского обкома партии, числилось молодёжи от 14 до 17 лет 121,6 тысячи человек. На август призвано в РККА — 21 тысяча, в ФЗО и РУ — 18,5 тысячи, учится в школах Наркомпроса — 16,2 тысячи человек. Свободной молодёжи — 46,4 тысяч, большинство работает в колхозах, и призвать в школы ФЗО дополнительно 13 тысяч невозможно. В лучшем случае — 6-7 тысяч малолеток.[40]

За два года войны сельскохозяйственное население в границах вновь образованной области, жаловался Москве Курган, сократилось на 106 тысяч человек. То было абсолютная правда, по всему Уралу за годы Отечественной колхозное население сократилось на 40%. При этом мобилизацией на фронт и в промышленность выбивалась лучшая, наиболее трудоспособная часть колхозного штата. Из области, опять про Курган, мобилизовано 16800 в трудовые резервы и 17000 мальчишек по линии военкоматов в оборонку Урала. Это более трети подросткового контингента деревни! И тут всё верно. Система трудовых резервов Урала почти на 70% формировалась за счёт деревенской молодежи.[41] Этим фактом определено и наше внимание к вопросу.

Иногда аграрные области освобождали от мобилизации колхозников в промышленность. Когда голодуха заставляла считать деревенских людьми. Постановлением ГКО от 4 мая 1944 года, к примеру, юную, но замордованную, как колхозную лошадь, Курганскую область освободили от мобилизации сельского населения в промышленность. Но от оброка в пользу трудовых резервов не освобождали никогда. Тому были очень основательные причины.

Со второго года войны стало ясно, что собственным детством региона не закрыть потребностей военной промышленности. К зиме с 1942 на 1943 год на Урал начали завозить рабочую силу и подростков из других краёв и областей Союза. Для совершенно черновой работы, высвобождающей мобилизованных земляков от самых ломовых затрат, волокли экзотический народ из Средней

Азии. Специально в систему РУ, ЖУ и ФЗО Урала везли подростков из областей центральной России и республик Поволжья.

В целях дополнительной и ускоренной подготовки в 1943 году школами ФЗО более 10 тысяч кадров массовых профессий Челябинский обком ВКП(б) выпросил у СНК СССР право на завоз подростков от 15 до 17 лет: 4000 — из Тамбовской области, 2000 — из Саратовской области, 2500 — из Чувашской АССР.[42] Остальное покрывалось дополнительным призывом местных ребятишек. Каждая из областей опорного края получила от пролетарского государства по оброчному лоскуту России.

В деле мобилизации подростков в ремесленные и железнодорожные училища была ещё одна закавыка. В ФЗО безо всякой писанины и чтения можно научить, к примеру, штукатурить стены, класть кирпич или набивать опоки в литейных цехах. По большинству заводских профессий машиностроения подготовка требовала элементарной грамотности и технических знаний в объеме неполной средней школы. В довоенное время подавляющая часть деревенской детворы Урала, да и развитой части всей России, привыкла к семилетке.

Ввоз подростков в систему РУ и ЖУ из национальных окраин Союза был ограничен. И потому, что образование там носило больше ритуальный, чем интеллектуальный характер, и в силу незнания нацменами русского языка. Внутренний, российский источник детской рабочей силы чуть не пересох самой серединой Отечественной. По причине голодухи и разутости-раздетости деревенских детей школы опустели. О том мы уже знаем. Но именно тут и зарыта собака.

Забота о всеобщем образовании, осенившая власть осенью сорок третьего, шла не от души, она диктовалась шкурным расчётом. Если сократится выпуск семилеток, то кого же принимать в ремесленные и железнодорожные училища? Неграмотных? Во времена дополнительного набора деревня шалила, порой отправляя по нарядам таковых. Способных понимать с глаза перегоняли в школы ФЗО. А с кругом неграмотными призывниками разводили руками. Дурак неподсуден. Даже самому гуманному суду в мире.

Героизм начинался с первого дня мобилизации. Колхозы, обязанные отправлять резервистов с запасом еды и белья, сами мёрзли в хронической голодухе и всеобщей голожопости. Наоборот, какие-то надежды выезжающие и их семьи связывали с получением угла и твёрдого пайка, обмундирования и в последующем заработка. Самые хитрые из мобилизованных грелись короткой мечтой. Приехать, получить обмундирование — и домой!

Приехали. В Челябинск, возьмём, осенью сорок второго. Помещение отстроенное наспех и сырое. Со стен и потолков течёт, вторых рам нет, от сырости в помещении стоит туман. Общежитие оборудовано двойными нарами, столов нет. Тумбочек, табуреток и умывальников тоже. При вопросе о постельном белье комендант кривит недоумением лицо. И кипятка не варим.

Чего вы хотите, дорогие? На дворе Отечественная. Приехали в город, четырежды уплотнённый эвакуированными. Да, в общежитии ремесленного, что при заводе № 200, особых удобств нет. Но так везде, по всей стране. Поверим тому. «В общежитии гуляет ветер, холодно. Перед нашим приходом ребята разобрали часть крыльца и употребили его на топливо. Бельё у них грязно-коричневого цвета, лопается от грязи. Вид у большинства такой, что они давно уже не мылись в бане. Верхняя рабочая одежда ещё более грязная, промасленная и рваная. Большинство не имеет смены белья, не имеет никакой одежды кроме рабочей. Обувь у большинства совершенно разбитая. Ноги мокрые и грязные...»[43] Члены комиссии отметили отсутствие должного питания и наличие болезней у воспитанников ремесленного училища при свердловском заводе № 63. Если бы знать про такую жизнь, ответил проверяющим один воспитанник, лучше бы остаться под Гитлером. Подыхать всё равно, за то хоть сытым.

Кинем взор несколько западнее и в самое-самое начало. Пол грязный, белье засалено, ежедневно учащиеся рубят на дрова деревянные нары. За второе полугодие областными трудовыми резервами «недополучено» 18 тысяч пар обуви. Отсутствие обуви — основная причина массовых невыходов на работу. Вместе с обувью за второе полугодие 1941 года «недополучено» 35 тысяч пар чулок, 9 тысяч пальто на вате, 13 тысяч телогреек... Не выдерживаются нормы питания. Вместо 6 рублей в день воспитанников кормят абы чем на 2-3 рубля.

А теперь тот же предвоенный рай в акварели. «Столовые находятся в антисанитарном состоянии. На столах нет клеёнок, посуды не хватает, отсутствуют ложки, ученики пьют суп и едят жидкое из мисок и тарелок без ложек». Любое поступление едового инвентаря, оправдательно констатирует комиссия, компенсируется массовой кражей чашек и стаканов и варварским их боем.[44]

С этого начиналась героическая летопись трудовых резервов. Если, разумеется, писать историю строителей, а не строек. «Бытовые условия учащихся плохие. Общежитие находится в антисанитарном состоянии... В комнатах грязно, столы имеются только в отдельных комнатах, на 5-7 человек приходится табуретка, кипя-

чёной воды нет. Питание учащихся организовано неудовлетворительно, жиры, как правило, заменяются яичным порошком. Капуста и картошка выдаются мороженными. Учащимся ФЗО до сих пор не выдано обмундирование. Директор объясняет это боязнью, что после выдачи обмундирования учащиеся сбегут».[45]

Документальный пейзаж взят из года победного и одной из пермских школ фабрично-заводского обучения. Ценители бытового героизма найдут в архивах всех областей страны многотомье документально зафиксированного варварства. Но нужен ценитель выносливый, однообразие многих тысяч отчётов загоняет в скуку. Но это не главное. Читать бумаги о массовых издевательствах над детьми России во всяких РУ, ЖУ, ФЗО просто стыдно. Душа пятится от патриотического восторга к стыду. А от стыда — к элементарной жалости.

Обязательное по закону обмундирование фезеушники обычно не получали. И не могли получать. Судите сами. За недостачу по стирке гимнастёрок и кальсон, за потерю пары ремонтируемых армейских сапог отдавали под суд. А тут на тебе, какого-то деревенского мальчишку одень с ног до головы. Учились и работали в тряпье, что осталось от родителей. Ещё хуже с обувью. На многих предприятиях военной поры наладили массовое производство самоделок — брезентовой обуви с деревянными или кордовыми (от шин) подошвами. Сабо советской модели называли ласково — ЧТЗ. Пермский край славился тем, что в большом ходу у рабочих и резервистов были лапти. Американские подарки сюда не доходили, ручейки заокеанской халявы иссыхали на верхних этажах распределения. Пёрли все, кому доставалось по чину, кто хватал походя и по менталитету.

Выдавать обмундирование боялись даже тогда, когда появилась такая возможность. После окончания войны форменную одежду фезеушникам заказали промкомбинатам, обслуживающим фронтовиков, а также разрешили использовать для пошива утильное имущество Советской Армии. Но резервисты лучше выглядеть не стали. Казённая одёжка легко пошла в обмен на продукты питания, ее нещадно крали, она стала предметом расчётов по картёжным и иным долгам. Да надолго ли её хватит, если в одном и том же и в пир, и в мир, и в добрые люди. С выдачей обмундирования дёргались масштабы дезертирства.

Голод и невыносимые бытовые условия вынуждали робких деревенских мальчишек к побегам. На протяжении всей Отечественной и пяти-семи лет после неё дезертирство фезеушников было одним из самых живых мест уголовной практики. Масштабы

косвенного сопротивления бесчеловечному режиму, делают честь тому поколению мальчишек, ничуть не меньшую всячески восхваляемой самоотверженности. Бежали с первой ступени пожизненной каторги, бежали на каждом её изломе. Умение защитить себя от скотства окружающей жизни есть несомненное достоинство человека. Хотя власть упрямо преследовала малолетних дезертиров, она не могла обвинить их в тунеядстве. Летели назад, в деревню, чтобы выжить самому и помочь семье.

Ремесленники дезертируют из многих училищ и школ ФЗО, информирует обком ВКП(б) Пермская прокуратура весной сорок третьего. Бегут сотнями в месяц, а с началом холодов ещё веселее. По всем областям Урала отмечен криминальный факт — малолетние дезертиры год от года становятся всё смелее и наглее. За 1945 год, опять сокрушается Пермская облпрокуратура, сбежало более трёх тысяч человек, почти каждый четвертый. В год нашей Победы из системы трудрезервов Урала сбежало более десяти тысяч фезеушников.[46]

Не принимаете должных мер, назидательно парировали кадровые большевики, вот и бегут. Карательные органы писали обиженные бумаги. Ловим, мол, и садим по мере возможности, но в оправдание ссылались на обстоятельства, лежащие вне компетенции НКВД и его подручных. «Живем в бараке... На 150 кв. метров 50 человек... Сплошные нары... Завелись клопы, столько, что невозможно спать... Отработав 11 часов, ищем спасение на чердаке или на улице, на траве... Питание плохое. Ничего не дают, потому что ремесленники. Кто жалуется, отбирают карточки и снимают с котлового питания».[47] Конспект с дикой натуры барака №10 СУГРЭС оригинален в одной бытовой тонкости, но содержательно банален. Варварство было повсеместным и, на этот раз, действительно оправдывало юристов.

Помимо житейских стимулов дезертирства, были и иные позывы. Достаточно вспомнить, что мобилизовали-то детей. Причем детей голодных лет, они в сравнении с нынешними десятилетками выглядели заморышами. Здесь бы тоже до высоких слов надлежало заглянуть в медицинские справки резервистов. Сплошь 30-40-килограммовые герои трудового фронта и каждый третий дистрофик. Зам. по политчасти свердловского РУ №18 приложил к отчёту анализ писем своих подопечных. Многие воспитанники, излагал он, из деревни и не привыкли жить без родителей. Втихаря хнычут. Письма из деревни до того плаксивые, что читать невозможно. Потому и бегут ребята.

Подливают масла в огонь письма сбежавших. «Хорошо, — рвут душу, — живу в Ташкенте или на Кавказе!» Это в уши голодным и стынущим. Эвакуированных из Москвы трудрезервистов вообще не удержать. Услышали по радио, что немца отогнали от столицы, ломанулись группами.[48] У воспитанников, потерявших родителей, осторожно сообщают политруки, в большом авторитете жизнь беспризорников, многие готовы обменять всё на свободу.

Скоро закон пишется, да туго дело лепится. Ловить и карать скользких малолеток оказалось хлопотно. Хотя бы потому, что дезертиров много. Большие десятки тысяч. Переписка с местными органами власти и милиции заволокитила всё начинание. Указ от 28-12-1940 настаивал на быстрых и решительных мерах по борьбе с дезертирством. Документы, поданные на розыск фезеушников, считались криминальным вторсырьем. Приоритетно вели дела по дезертирам оборонки. Отчасти беглецов отлавливали органы транспортной милиции, из детраспределителя таковых либо возвращали по месту учёбы, либо отправляли в колонию. Под суд попадал рецидивный сорт малолеток.

Тех беглецов, что засветились на малой родине, а таковых было большинство, надлежало немедленно вернуть в училища, либо сообщать о них в милицию. На предмет привлечения к суду. Потревоженные дезертиры предпочитали менять судьбу и часто успевали скрыться. Вне досягаемости оставались малограмотные и не достигшие 14 лет. И те, и другие не подлежали мобилизации, но коварный случай сильнее закона. Не можете придраться ко вчерашнему фезеушнику, методировали облпрокуроры местных правозащитников, хватайте за хищение обмундирования. Без штанов далеко не улизнёт. Из Кособродской школы ФЗО, пример классический, хором дезертировали 70 человек. На пути в никуда их перехватила транспортная милиция. Вернуть казённую форму никто не мог, из одежды больше ничего на них не было. Резервистам тотчас пригрозили «дедушкиным указом» с видом на лагерь. Ребята выбрали раскаяние и ФЗО.

В карательной практике опыт тоже приходит с годами. От военных лет остались десятки тысяч заочных приговоров на детей-беглецов, растаявших бесследно в советских пространствах. Тысячи запросов на дезертиров оседали в местных органах НКВД. Большая часть приговоров по этим делам, докладывали суды, приговоры заочные. Хватит, решил зимой 1948 года измученный прокурорский штат Урала и упростил процедуру поиска до целесообразного бесправия. На места одновременно с запросами о беглецах стали направлять ордера на арест.

После Отечественной ввели в практику мобилизацию ремесленников через военкоматы. Подошедшие призывные возрасты направлялись в школы ФЗО, где обучались специальностям угольной и металлургической промышленности. Министерству обороны предписывалось «зачесть рабочим, призванным для работы в угольной промышленности и на строительстве шахт, время работы на шахтах в срок службы в Советской Армии, проводя военное обучение этих рабочих по месту работы во вневойсковом порядке». С этих резервистов спрос был особый. Письмом Генпрокурора СССР от 16-12-1948 года разъяснялось, что лица, призванные в школы ФЗО военкоматами несут ответственность в уголовном порядке по статье 59-4 УК РСФСР.[49]

Цветочки ремесленного быта вызревали в горькую ягоду самостоятельной заводской жизни малолеток. После училища, по закону, выпускник должен был четыре года отработать на том предприятии, куда его направили. Трудовая биография вчерашних деревенских мальчишек начиналась привычно, по-советски. «При выпуске училище нас одеждой и обувью не обеспечило. С первого дня выпуска у нас отняли трёхразовое питание и кормят один раз в день — первое блюдо без жиров, второе — та же капуста, но без воды. Общежитие завод дал — подвал, в котором до нашего прихода был свинарник. В этом же подвале живёт 30 человек эвакуированных из Ленинградской области».[50]

«Нары выстроены в два яруса на двух человек в каждом ряду. Девушки, живущие в этом общежитии, называют свои спальные места стойлами. На каждом стойле написано имя живущей здесь девушки: Нина, Маруся, Лиза и т.д. В таких холодных и сырых стойлах девушки проводят своё свободное время. Они лежат там, укрывшись ветхими байковыми одеялами и пальтишками, не раздеваясь, потому что в комнатах страшный холод, нигде не топится ни одна печь из-за отсутствия дров... Они по полтора месяца не ходят в баню. Ребята ловят вшей и соревнуются — у кого больше... Все переболели дизентерией». Молодежь фабрики «Уралобувь», заключает акт обследования, политически здорова. В музейной истории этого предприятия сохранились фотографии девчонок из «фронтовых бригад», читающих «Правду» и берущих повышенные обязательства. Вам место в тюрьме, говорил им в глаза комендант фабричного общежития и соглашался с ответом, что в тюрьме, наверное, лучше.[51]

Завод № 56, более 70% рабочих — дети от 14 до 17 лет. Войдём на предприятие с житейского тыла. Все матрасы сброшены с нар на пол, под ними спят ребята. Иначе холодно. До трети ребят

в холодные дни не выходят на работу — нет ни одежды, ни обуви. Но боятся, по указу от 26-6-1940 года за прогулы выселяют из общаги. Хлебные карточки съедают к 20-му числу, потом голодают. Летом воруют картошку на индивидуальных огородах.[52]

Чем дальше от столицы Урала, тем гуще бытовой и трудовой героизм малолеток. И коллективы политически здоровее. Басьяновское торфопредприятие, 4000 человек. Большинство — девушки и ребята из ФЗО, мобилизованы из Тамбовской области, Татарии, Башкирии, Мордовии. В столовой №4 на 1700 человек 60 мисок, простаивают за обедом по 2-3 часа. Поэтому режим прозябания такой: завтрак с 3 до 5 утра, ужин — с 8 до 12 ночи. Ту часть акта, где излагается санитарное состояние кухни и столовой, цитировать не буду. Тошно. Антураж дополняют мерцающие как северное сияние вспышки эпидемий да утонувшее в грунте арестное помещение. Хотя контингент вроде бы покорный, итожит отчёт, за четыре месяца сбежало только 536 малолеток.[53]

Магнитка — кузница нашей Победы. Легенда от первого дня строительства до начала приватизации. Мощные чугунные мужики, стоящие на постаменте заводского мемориала, внушают уважение и гордость. Жаль, что реальные прототипы этих богатырей были совершенно другими. Всю Отечественную у доменных печей и мартенов отстояли тощие деревенские подростки, прошедшие ускоренный курс ремеслухи. Отдав родине за высокие слова детство, юность и здоровье.

«В общежитиях поселка им. Дзержинского, где живут 7000 человек, 4000 рабочих не обеспечены одеялами и вынуждены укрываться грязной верхней одеждой... Во многих общежитиях имеется завшивленность... Большинство общежитий расположено в землянках, в которых живут 12 тысяч человек». Несмотря на наступление холодов, акт составлен ноябрем сорок второго, ни одно из общежитий Магнитостроя не отапливается, так как на дрова и уголь совершенно нет фондов.

Режим питания молодых спасителей Отечества усугубляет героизм до подлости. Рабочим предприятий перестали давать продкарточки на руки, заменив их пропусками в столовую. Зачем? Чтобы отстегнуть разуто-раздетых прогульщиков, дезертиров и вообще плохих людей. Талоны ежедневно выдавались бригадирами на рабочих местах. На завтрак встаем в 4 утра, за обедом стоим с 2 до 5, а ужинаем до 12 ночи.[54] А куда ты, дорогой товарищ, денешься. Голодного в сон не тянет, да и не проспишь.

В придонной тине героических времен гольянами барахтались малолетки, попавшие на предприятия в обход трудовых резервов.

Таких направляли из детраспределителей, детдомов, из выловленной милицией беспризорщины. Завод для совершенно бесхозного резерва становился абсолютным воплощением родителя, власти и Родины. Проследим путь хотя бы одной партии чернорезервистов. В конце 1941 года Кировоградскому медеплавильному заводу был передан на трудоустройство 41 подросток 13-14-летнего возраста.

«Встретили ребят плохо, обувью и одеждой не обеспечили, надлежащего питания не организовали, вследствие чего они заболели дистрофией. Дети оборваны и в данное время полубосые. Производственных навыков им не прививают, а используют на черновых работах и побегушках. Из 41 человека в данное время насчитывается 17 человек, остальные разбежались и один умер». На момент жизнеописания, 2 января 1945 года, пасынки питались подачками, страдали дистрофией первой степени и работали на морозе. Особенно умиляли героизмом девчонки — в галошах, летних чулках, головы повязаны косынками, и без рукавиц.[55]

Малолетки, бегущие из РУ и ФЗО, шли под суд по указу от 28-12-1940 года. Всё-таки документ предвоенный и слабоватый, стоило дезертиров пугануть крутым словом, те легко соглашались стать казёнными слесарями до полной победы коммунизма. Вот пролетарий, бегущий с предприятий оборонки и приравненных к ней отраслей, кадр совершенно другой. За ним гнались с указом от 26-12-1941 года. Директива военного времени, бумага той поры, когда мы хватались за соломину.

С начала Отечественной и до вчерашних пор пленных и дезертиров у нас совершенно не было. Военную катастрофу двух летних кампаний мы списали на вероломство немца. Переживших кошмары фашистской неволи отправили в лагеря ГУЛАГа. Тем и зачистили историю второй мировой до блеска. По мере эволюции от идеологического идиотизма к национальному самосознанию постепенно признали факт потери миллионов солдат в плену, и даже печально вздохнули в ту сторону.

Ну а с дезертирами трудового фронта пока у нас хронический тромбоз, тут в голове не прояснило и поныне. Понять сбежавших из собственного ада, в том числе малолеток, мы не готовы, потому как Отечество тех лет привычно отождествляем со Страной Советов. Реабилитировали раскулаченных, сосланных, политически ненаших, политически немых, но выронивших правду вслух и получивших за это ВМН или лагерь по 58-10. Но упорно держим в уголовниках детей, единственным проступком которых было стремление выжить. Блаженствуем, скользя по тонкому льду патриотической лжи, — годами мальчики, а какими героями были!

Итак, Серовский металлургический завод, сорок второй. В конце лета направлена группа выпускников ФЗО из Кирова, Казани, Калинина — 1400 человек. К ноябрю 415 малолеток сбежали. В доменный цех взяли 42 парня, через месяц убежало 20, в мартене из 38 сбежало 11, в ремонтном — из 83 осталось 29, в литейном — из 48 малолеток дезертировало 43. Завозили, мол, мальчишек обманом, обещали хорошее питание, одежду, жильё. В общежитии они сразу понимают, что их нагрели. Из переданных Лысьвенскому металлургическому заводу за пять лет 5567 выпускников местных школ ФЗО убежали с завода 3650 человек. Из завезённых в «Комипермьлес» 395 окончивших ФЗО, через год осталось только двое.[56] Чтобы попасть в Коми, ответили с унылым юмором терпеливые, не надо учиться. Работаем и живём рядом с зеками, ни чуть не лучше. Дезертиры прикинули, что разумнее рискнуть и украсть, чем кантоваться на режиме ФЗО и лагерной баланде.

При условиях, которые созданы для работающих подростков, не бежать невозможно. Так комментируют ситуацию почти все комиссии по линии прокуратур региона. Масштабы дезертирства с оборонных предприятий огромны, сотня тысяч в год по пяти областям Урала и Приобья. С упорным ростом криминала. Можно с приближением оперировать только фактами, зафиксированными военными трибуналами и прокуратурой. Где-то 15-20 тысяч подследственных на область с очными и заочными приговорами.[57]

Предприятия по многим ранее указанным причинам занижали число прогульщиков и дезертиров. Надо принять во внимание и хронический рецидив среди дезертиров-подростков. Из ДПР мальцов вернут на производство, а они опять в бега. Под суд попадало чуть больше трети бежавших, остальные скрывались. Прокуратура Союза требовала оформлять заочно приговоры на всех скрывшихся, но на местах считали это просто бесполезным.

Из огромной массы беглых более 70% приходится на малолеток 14-17-летнего возраста, силой и обманом вовлечённых в адские условия труда и быта. У автора нет никаких моральных оснований упрекать детей в проступках, обвинять в измене идеалам или Родине. Да и называть ребёнка дезертиром кажется предосудительным. Это были нормальные крестьянские дети. Их Родиной была Россия, а мачехой стала Страна Советов. Они любили и малую родину, и большое Отечество. Нет их вины в том, что счета советского патриотизма оказались выше детских возможностей. Судьбы малолеток пошли разменной мелочью.

Завальные дела с массовым дезертирством бросали власть в истерику. Подростка не заведёшь под норму, подобную приказу вождя от 18 июля 1942 года. В понимании, что малолетки бегут не от заводского труда, а от голода и холода, в январе 1944 года постановлением ГКО дезертирам обещали прекращение уголовного преследования, если беглец немедленно вернётся на предприятие. Власти поверили ещё раз, третий-четвёртый подросток вернулся и написал подробное объяснение.

Упрямых и мечтающих о свободе пуганули постановлением СНК СССР от 29 июля 1944 года. За распространённый ранее среди молодёжи рецидив побегов гарантировался срок заключения до очень зрелого возраста. Повлияло и тут. За девять месяцев 1944 года, из отчёта облпрокуратуры, арестовано пять тысяч дезертиров оборонки, 1050 приговоров выписано заочно. До постановления СНК с предприятий Кургана бежало примерно по 200 человек в месяц, а теперь значительно меньше.[58]

Плохо организована оперативная работа, шуровали провинцию прокуратура Союза и областные инстанции. По розыскным заданиям ловится 10-15% дезертиров. За август-сентябрь 1944 в Лысьву, примером, поступило 569 заданий на отлов, выявлено всеми видами поиска только 57 дезертиров. В Соликамске, откуда бежали тоже с большим удовольствием, по 147 розыскным заданиям отловлено лишь 25 беглых.[59] За низкую раскрываемость преступлений ряду райначальников НКВД дали по 10 суток ареста. Местные власти, жаловались в ответ зоркоглазые стражи, отмахиваются формальными справками о том, что дезертир на селе не живёт. А тот в открытую ходит на вечёрки. Надо допрашивать с пристрастием знакомых — посоветовали сверху.

Часто матери прятали и не отпускали своих малолеток на городскую работу. Дома тот же голод, но на родной печи. Вычислишь проклятого, опять проблемы. Надо этапировать в Военный трибунал, а у дезертира ни одежды, ни обувки. Сидит на печи без штанов. Что делать с девками-дезертиршами оборонки, спрашивают районы, те же сразу выходят замуж. Приходишь к таким с заочным приговором и ордером на арест, а они показывают брюхо. Организовали 367 массовых облав, пишет Генпрокурору СССР Горшенину прокурор Молотовской области, 8 прочёсываний лесов, выставили 12 заслонов, но малолетки бегут. Как снег сойдет, вдвое плотней.[60]

В отличие от фронтового дезертирства беглые оборонки както учитывались. Не надо статистических выкладок о дезертирах по месяцам и кварталам, рекомендует уставший от цифири проку-

рор РСФСР Волин коллегам нижестоящим, а также сведений о росте числа беглых. Прокурорам области и всей страны это хорошо известно, а вот с сохранением государственной тайны дело очень осложняется. Но напрасно волновался оберюрист РСФСР, мы секретность храним свято. Трудовой героизм тыловых соотечественников запятнан правдой пока значительно меньше, чем героизм фронтовой.

Весной сорок четвёртого с подачи прокурора Молотовской области Куляпина обком партии предложил Генпрокурору Союза радикальный вариант борьбы с дезертирством в тылу. Дела на беглецов, резонировал автор проекта, оформляются долго, месяц-полтора. За это время дезертир, обходя станции и города, пешком утопает в тридесятое царство. Местный розыск, естественно, исключён, а всесоюзный невозможен. НКВД в 70% случаев беглого не находит и даёт справку, согласно которой прокурор выносит постановление о предании дезертира Военному трибуналу. Там быстро выносится заочный приговор. Оборонное предприятие вместо работника получает копию приговора.

Не приходовала работника оборонка и в том случае, если преступника все же изловили, он достается ГУЛАГу. Сначала его этапировали в трибунал для очного приговора. За те два-три месяца, что он просидит под следствием, молодой работник станет полным дистрофиком. В лагере из него тоже не работник. Поэтому приходится постоянно выкачивать малолеток из деревни и отвлекать на ловлю дезертиров весь штат карательных органов. Муторно это всё.

Новационная часть проекта сводилась к следующему. Надо создать комиссии по борьбе с дезертирством, через которые наладить возвращение беглецов предприятиям до самого конца войны. Основным инструментом комиссий предлагались заградотряды, подобные тем, что обеспечивали фронтовой героизм. Дислокация тыловых заградотрядов должна быть секретной и эффективной, вокруг крупных промышленных центров и оборонных комплексов. Пойманных не стоило тащить через судебные дрязги, рекомендовалось посадить их спокойно после окончания Отечественной. А сейчас создать из дезертиров рабочие батальоны для самого принудительного производственного режима. Штрафбаты тыла. Для чистого трудового героизма не выпускать провинившихся с предприятий вообще.[61]

Отечественная — время многих упущенных побед. В том числе и в сражениях с собственным народом. Предложение, совершенное в идее и частностях, где-то застряло. Десятки тысяч

малолеток бежали с предприятий, шныряя по региону в статусе преступников-заочников. «Не допускайте, — требовала Военная прокуратура, — передачи дел в Воентрибунал на заочное рассмотрение без проведения местного активного розыска и использования всех возможностей к розыску и задержанию дезертиров».[62]

К голоду не привыкнешь. Как только питание и условия жизни стали хотя бы немного лучше, не хорошие, а просто выносимые подростком, школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища превратились в заведения порядка и трудолюбия. И хотя бежали из трудовых резервов до самой отмены принудительной мобилизации, явление это сходило на нет. Вскоре после войны из уголовной практики исчезло определение «дезертир», которым нарочито подчеркивалась особая опасность преступления. Бегство научились квалифицировать как подростковое хулиганство, если за беглым не числилось обмундирование.

Послевоенная деревня голодухой и трудовым режимом культивировала стремление к дезертирству в привычном направлении — из колхоза в город. В пору моей юности, в конце пятидесятых, сырая деревенская молодежь начинала себя в трудовых резервах.

Если глядеть правде в глаза, стоя на принципе, что нищета и бесплатный труд есть две стороны тылового героизма, надо бы в почтении склонить голову перед туземным людом Средней Азии, завозимым на Урал в годы Отечественной. Действительно, по эту сторону колючей проволоки островов ГУЛАГа и лагерей военнопленных хуже его никто не жил. Штрих в штрих канонические условия прозябания и совершенная форма рабства, когда излишни всякие идеологические доводы принуждения, ибо невольник даже не понимает языка приказов.

В основании любого хозяйственного тоталитаризма лежит ломовой физический труд. Экономика произвола крошится айсбергами, если возникает дефицит тех, кто может и обязан брать больше, кидать дальше. В том великая большевистская целесообразность системы ГУЛАГа. Лишь с помощью крайнего насилия над личностью можно столь расточительно использовать чужой физический труд и здоровье нации. В частном крестьянском хозяйстве полно тяжких изнурительных работ, но потому-то оно столь выживаемо, что физическая нагрузка на человека и домашний скот экономна и возмещаема питанием. Лучше всего работника и лошадь кормят на вспашке и сенокосе.

Цена стратегической военной ошибки большевизма — те двадцать семь миллионов погибших. Несчетными миллионами умерших тихо и не героически мы заплатили за ошибки в стратегии

тыла. С эвакуацией заводов на Урал перехватило все источники рабсилы. Дефицит рабочих, способных к черновой работе по разгрузке и установке оборудования, объяснялся просто. Мы эту часть российского населения вымордовали довоенными пятилетками или спрятали за колючку. Поэтому с первых месяцев Отечественной прибегли к мобилизации всех и вся. Лаготделения ГУЛАГа потянулись из таёжных районов примитивной лесозаготовки к промышленным центрам. Вот тут-то и подвернулся судорожной памяти сонный феодальный Восток.

Первые партии энтузиастов экзотической масти прибыли ранней весной сорок второго. Заглянем в полные недоумения глаза приезжих. С грачами в адрес завода №8 НК вооружений поступала партия в 614 человек из Узбекистана и Таджикистана. Помощников из «братских республик» приняли по-советски.

«Все узбеки очень тесно размещены в землянках в два яруса. Причём многие из них спят втроём на двух топчанах. Простыней и одеял нет. Рабочие вынуждены спать в рабочей одежде и ночами зябнут. Несколько человек сильно простыли и заболели, 5 человек из них умерли. Среди приезжих есть больные сифилисом, трахомой».[63] Не заладились и отношения с хозяином. Азиаты получали зарплату позднее и меньше аборигенов.

Лето сорок третьего гости кое-как перекантовались, а к зиме стало совсем лихо. Особенно тем, кто приехал в осень. К голоду подступал холод. В области, из бумаг Свердловского обкома партии, на конец 1943 года работает 26800 нацменов из республик Средней Азии. Общего числа южан, мобилизованных в промышленность Урала, не знал никто. Все данные, конечно же, были приблизительны, так как туземная рабмасса была весьма текучей.

Эшелонами, приходящими с юга, власть отталкивалась от предприятий оборонки. Те скулили, что вместо нормальных местных мужиков, способных работать и не есть, им подсовывают хилых телом фезеушников да неквалифицированных нацменов. Через пару-тройку месяцев те же предприятия просили партийное руководство областей отгрузить дистрофиков на родину. Умоляли, когда несчастные выходили на последнюю прямую. На фоне замора сообщения о дезертирстве азиатов принимались без привычного ожесточения, даже с пониманием.

По тресту Свердлпромстрой в течение декабря-апреля (1942-1943 годы) выбыло 642 нацмена, из них по болезни отправлено домой 347 человек, умерло от разных болезней — 68, дезертировало 90 человек. Для Уралмашзавода сначала «завербовали» 916 узбеков. Дорогой 90 призывников дали тягу. По акту от 2 декабря

1942 года принято 826 работников. Через год на заводе осталось 230 душ. Расход такой: дезертировало 156 человек, 39 — умерло, более двухсот посадили за нарушения разных указов. Куда делись остальные, никто объяснить не мог.[64]

Для металлургических заводов Нижнего Тагила мобилизовали на юге 7087 (приход всегда точен до души) человек, из них 3842 узбека, 1257 казахов, 1215 туркменов, 1086 киргизов. Хотя эти города рядом, но Тагил во всём на порядок хуже Свердловска. Выходцев из Средней Азии аллах забирал сотнями, но местного мартирологического ландшафта украсить не смог. Здесь ошеломительно быстро мёрли спецпереселенцы, воспитанники ГУЛАГа и военнопленные. На Нижний Тагил не упала ни одна бомба, но по плотности покойников времён Отечественной на гектар городской площади он не уступит той же Хиросиме или городу Ленина.[65]

Есть ли предел той дикости, которую потом беззастенчиво обзовут трудовым героизмом? Порой кажется, что нет. Тавдинский лесокомбинат сорок третьего. На лесозаготовки брошено 2417 узбеков. Раздетых, разутых, голодных. С июня по декабрь умерло — 207, дезертировало — 283, отправлен по болезням (дистрофия, травмы, простуда) домой — 741 человек.

В самом начале сорок четвёртого ЦК компартии Узбекистана разослал обкомам Урала гневные письма о недопустимости впредь отправки демобилизованных и больных трудармейцев без одежды и запаса еды. Варварство же, товарищи уральские большевики, из вагонов выносим либо дистрофиков, либо трупы. Потом пошли письма из других братских республик. Куда смешнее, даже Куусинен озаботился положением эвакуированных из Карелии.[66]

Акты обследования быта азиатов по предприятиям однообразно унылы. Во всех общежитиях холодно, печи совершенно не топятся по причине отсутствия дров. Рабочие спят одетыми и в обуви. Порой признаётся, что южане против холода слабее наших фезеушников, ввиду чего сплошные простудные заболевания. На заводах, имеющих горячие цеха, пацменам-стахановцам разрешили ночевать в производственных помещениях. Потом ахнули, теплолюбивые братья совались куда не попадя. В пекло лезли и вездесущие фезеушники. После ряда несчастных случаев ночёвки в цехах запретили, пришлось возвращаться в холодные бараки.

Особенно тяжко пришлось женщинам-пацменкам. По восточному воспитанию они на роль локомотива истории не претендуют, в поведении всегда робки и почти незаметны. Воспитать из них энтузиасток не удалось даже самыми изощрёнными педагогическими мерами. Подсылали комсомолок славянской масти, пробо-

вали довести высокое через толмача, — не вняли. На физических земляных работах они не дотягивали и до половины нормы, что по законам военного времени каралось лишением пайка. Жалели их, и домой отправляли первыми партиями.

Народ наш веками вёл кочевой образ жизни, пишут в обком партии казахи, мобилизованные из-под Гурьева, к физическому труду почти не приспособлены. Мы привыкли к жирной пище— мясо, молоко, кумыс, густой чай, а еду здешнюю — редьку, турнепс и кислую капусту — желудок не принимает. Заставляют. Поешь через силу, несёт мимо всего.[67]

Ничего, усмехнулись обкомовские большевики Урала, привыкнете. Русские тоже первый раз строят социализм и до этого пропастину недолюбливали. Природа — вещь мягкая. По всем газетам Союза той порой летело лозунгом — «Заставить лошадь есть силос!». Лошадь! А уж homo sapiensa, будь он таджик или киргиз, сдвинуть в желудочных предпочтениях — плёвое дело.

Но нацмены по-итальянски ерепенились. Молча не ели — и баста! В лучшем случае отдавали несъедобное русским или меняли на хлеб. «Обед готовится без учёта национальных особенностей и привычек. Узбеки и таджики не кушают рыбы, колбасы, грибов, квашеной капусты. Все узбеки своих ложек не имеют и супа пьют из миски, а второе кушают грязными руками, так как мыть негде, да и мыла нет».[68] Это в каждом добросовестном акте обследования. Выходило, что из тылового пайка азиату-герою оставалась только мизерная хлебная составляющая.

Кинем последний взгляд через плечо обедающего энтузиаста из низких широт. Итак, кормовое меню работающих, к примеру на Уралмаше, узбеков. 100 граммов картошки и 50 граммов капусты утром и вечером. В обед — 200 граммов картошки и 200 граммов капусты, из овощей 35% несъедобны (гниль). Украшением стола идёт местный карась с выходом на душу — 25 граммов, из которых 15 граммов приходится на кости, а 10 — на мясо. Есть на складе рис, тонкость местная, но его полностью забирает столовая ИТР. Среди работающих на Уралмаше советских азиатов, из секретной партбумаги, 11 туберкулёзников, 75 дистрофиков, 91 желудочно больной, 137 страдают иными хворями.[69]

Помимо чисто материалистических проблем южной вербовки, возникли трудности с идеологическим воспитанием. Всё свободное летнее время нацмены либо скучают по родине, либо воруют картошку на индивидуальных участках. В некоторых районах имели место жуткие расправы аборигенов с огородными ворами. Привычка есть овощ из-под ноги толкнула южан на колхозные и

подсобные участки. В воровстве они примитивны, отмечено в милицейских бумагах, схватил и побежал... Пришлось доходчиво объяснять, что государственный картофель и даже капустные листья много дороже частных, за них полагается десять лет лагеря.

Перевоспитание нацменов решили начать с изучения «Краткого курса истории ВКП(Б)», для чего понадобилось вызывать с юга толмачей. Большинство не знало русского языка, и читать не умело. Местам рекомендовалось изыскивать внутренние ресурсы. Решением Свердловского обкома ВКП(б), например, организовали месячные курсы по подготовке агитаторов, преимуществом в наборе пользовались физиономии восточного покроя. Кадровым большевикам установили единый, раз в месяц, партийный день заботы об инородцах.

Совместно с ОБДББ (Общество борьбы с детской безпризорностью и безнадзорностью) проводились заседания, разрабатывались мероприятия. В столице Большого Урала открыли чайханы, украшенные портретами членов политбюро и плакатами на актуальные темы. К чаю подавали газеты «Правда Востока», «Кызыл Узбекистан», «Кызыл Таджикистан», «Кизил Киргизстан». «Выписали было инвентарь для культурного отдыха и книги. Всякие там шашки и домино нацмены моментально обменяли на еду, а сочинения Шекспира, Пушкина и Лермонтова раньше растащили интеллектуально жадные аборигены.[70]

*
* *

Малолетки горьких лет Отечественной и лет послевоенных остались в нашей памяти героями. Так оно, если не впадать в размышления. Будь у них выбор, детишки предпочли бы просто детство. Мирное и счастливое. Беспризорник выбрал бы семью. Тогда «героический» выбор сделал за них большевизм. И этот выбор был определён целями, лежащими не только вне интересов российского детства, но даже вне элементарных нравственных принципов человеческого общежития.

Демократическая власть под давлением большинства может ошибаться в политике внутренней и внешней. Диктатор — никогда, ибо его поступки полностью обусловлены безудержной страстью к господству, собственный народ становится первым доступным средством удовлетворения этой страсти. Вождь с ребёнком на руках — вот самое лицемерное выражение дикого произвола и бессердечия. Не могу без стыда смотреть, как

проходимцы нынешние, рвущиеся во власть, демонстративно ласковы к несчастным в детстве и убогим в старости.

Беспризорщина захлёстывает города и веси нынешние. Шелестит лохмотьями на фоне новой России, пёстрой в нищете и аморальной роскоши. Но это кровная родня сирот Страны Советов. Они дети одного порока. Массовое сиротство и безотцовщина — главный симптом деградации государства, семьи и личности. Когда власть замыкается на собственных интересах, выдаваемых за государственные, семья разваливается под гнётом глухого индивидуализма, а души большинства обычных граждан становятся непробиваемы для детского горя.

У беспризорника нет родины, потому что нет ни семьи, ни родителей. Вырастет — не будет Отечества. Если Родина, как и мы, пройдёт равнодушно мимо.

Глава 15
Ярмо для победителя

День был солнечный и тёплый. На парящихся завалинках грелись отощавшие и грязные до первых дождей куры. По подсыхающим сельским улицам уже можно было проехать на ходке. Вдоль заборов и плетней, там, где двумя неделями раньше крались как по тонкому льду, втягивая ноги в задницу и боясь оставить обувь в грязи, легли тропки. Весна — она и глухой голодной деревне в радость. Да и настроение было хорошее, все со дня на день ждали хороших вестей из Германии. И пришли они, ожидаемые, неожиданней, чем начало самой-самой Отечественной.

Вдруг у магазина, что напротив нашей избёнки, страшным, за пределами души и рассудка, голосом, взвыла женщина. Потом, где-то в соседях, вторая. Прорвалось сдерживаемое нечеловеческими усилиями горе. Последние стоны отчаяния уходящей с кладбища России. Репродуктор на крыше райисполкома объявлял о нашей Победе.

Пьяненький одноногий инвалид, сидящий на крыльце дежурки, судорожно дёрнулся вверх. Подкинув правый костыль, ловко перехватил за низ, и со страшной силой переломил его об угол магазина. Отбросив напотмашь обломок в улицу, он в инстинктивной радости шагнул вперёд оставленной где-то ногой, и полетел в лужу. Хватаясь рукой за штакетник ограды, вчерашний солдат бил вторым костылём по грязи и что-то очень матерно и нервно кричал в тёплое майское небо. Мы победили!!!

Поздним летом сорок пятого на деревенских горизонтах появились демобилизованные. Директивно, на сей предмет вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) и много-много бумаг сопутствующих, полагалось встречать победителей торжественно и достойно их заслуг. Под первые эшелоны так и получилось. В областных центрах и на крупных железнодорожных станциях прове-

ли митинги с речами и подарками, из ближних окрестностей за фронтовиками пригнали украшенные транспарантами телеги.

Районам приказали встречать демобилизованных хлебом-солью, а системе потребсоюза — создать местные резервы продуктов и промтоваров, укоротив нормы снабжения встречающих. Все чин-чинарём. Дабы потомки видели нашу радость, кое-где встречи засняли на киноплёнку. Сейчас эту хронику телевидение и кино замылили до дыр в связи с интенсивным провоцированием свежей национальной идеи и новейших разновидностей патриотизма, под которыми чаще всего понимается ретушированный до внешней привлекательности большевизм. Не будь, дескать, Сталина, колхоза да заградотрядов, не одолеть бы нам немца.[1]

Оставим высокой истории первые эшелоны с победителями, и двинем тихонечко в сторону, вслед за теми, кто победил и вернулся не под фанфары. В руках типичный райкомовский отчёт о встрече — из Аргаяша, что украшает сейчас самое грязное место Челябинской области. Да и всей России. Сентябрь победного. Прибыло 45 человек, из них 25 рядовых, офицеров нет, 3 члена партии. Фронтовикам вручили посылки: по полкило водки, селёдки, конфет и 300 граммов сала. До и после были речи. Такие, как везде. Местная экзотика пробивалась тонкими пронзительными штрихами. Из села Метлино, которое ровно через двенадцать лет, в сентябре пятьдесят седьмого, снесёт аварийным атомным взрывом, молодёжь приехала за своими солдатами на велосипедах.[2]

Сценарий торжества можно считать каноническим для всего региона, если отвлечься от злой выходки рока. В дальнейшем встречи демобилизованных перестали быть пожарными мероприятиями, демонстративная торжественность уступила место естественному ходу вещей и искренней человеческой радости. Правда, партия и НКО неоднократно подпаливали хвост региональному начальству, требуя обязательного торжественного ритуала. Но демобилизация растянулась на многие месяцы, вчерашние солдаты возвращались в розницу, да и не на что было хронически праздновать. Продовольствия и промтоваров для создания фондов помощи демобилизованным в районе совершенно нет, так обычно отвечали с мест. Солдатам Великой Отечественной в райцентре говорили хорошие слова, крепко жали руку и вручали бумажку, обязывающую родной колхоз встретить героя как следует.

Всю осень победного и начало сорок шестого по просторам Урала и Приобья растекались уставшие воины России. Шли от жилья к жилью. Межпоселкового транспорта в ту пору почти не было. Про автомашины деревня забыла, лошадей мобилизовали на

уборочную. Не ехать же за победителем на корове, да ещё за 50-70 вёрст. До Берлина дошёл, а домой босиком прибежит!

До жилья они обычно добирались к вечеру, отмахав пешком два-три десятка километров. Путников встречали радушно, в избы, где они останавливались на ночлег, собирались все женщины околотка. Кормили-поили, что Бог подал, в холода топили баню и выжаривали из одежды вошь. Затем подробно и серьёзно расспрашивали фронтовиков. И понятно, лишь комиссованный да демобилизованный могли сказать о войне правду. Отечественной в редакции газетных полос и сводок Совинформбюро тогда не верили. Острая боль утрат долгие годы защищала нас от агрессивного хвастовства. Каждая из пришедших грелась надеждой, может солдатик что-то знает про её Ивана, без вести пропавшего где-то под Курском ещё в сорок третьем.

Гости рассказывали о фронтовом тоже серьёзно, не переходя даже под хмельком в золотушное бахвальство. Это сейчас, что ни фронтовик, то прошёл от Москвы до Берлина, и всё со штыком наперевес. В сорок победные говорили и слушали знавшие истинную цену войны. В самом деле, возвращались больше братья и сыновья из последних эшелонов мобилизации. Они, слава Богу, умели держать нравственную дистанцию между собой и заслугами солдат, полегших в первые годы ада Отечественной. Позднее все высокие слова постепенно приватизируют выжившие. Да и распутных газетчиков, способных набить героический колер по грязно-серой фронтовой канве, тогда было ещё мало.

Родина встретила победителей нищетой, особенно заметной на столбовом колхозном пути. Неузнаваемо изменился внешний облик родных мест. И до Отечественной деревня несла шрамы коллективизации, а теперь дошла до повсеместной убогости, которая была особо унизительной для процветающих в недавнем прошлом лесостепных сельскохозяйственных районов. За военные годы земляки спалили деревянную оснастку жилья до голых срубов, все хозяйственные постройки и заборы. Много ли привезёшь дров на коровёнке, к тому же и выписать их не на что. По нехватке леса в самой таёжной стране мира деревенщина полезла в примитивные землянухи. Из пластов дёрна с земляным полом. Кто вспомнит исполосованные мелким плугом, под пласт, послевоенные деревенские околицы. Что творилось в душе побывавшего в буржуазных Европах солдата, знает только Бог.

Вот кто-то с горочки спустился... Из романтической гимнастёрочки нашему герою не придётся вылазить несколько лет. Страна обносилась до лохмотьев. Раньше в сельпо можно было

что-то купить под индивидуальный хлебозакуп. Теперь — ни зерна, ни товаров. Какие подарки для демобилизованных, не сдержался жалобой в СибВО военком Вагайского района, пришедшие с фронта солдаты и инвалиды за неимением жилья спят на полу в комнатах райвоенкомата, все товары выдаются по карточкам лишь партработникам. Жена-учитель ходит в школу в моей шинели, и не снимает её, потому что под шинелью ничего. Из портянок шьёт детское, а из кальсон — кофту. Я коммунист, пишет старший лейтенант, привык к трудностям. Но сколько же можно![3]

Привычные для российской деревни тулупы, полушубки, валенки ушли через обязательный сбор вещей для Красной Армии. Тот, кто тут думает о соотечественниках хорошо, прав. Мёрзли как собаки, но отдавали. Размышляя, однако, совсем в другую сторону. Десятки тысяч полушубков и валенок, сотни тысяч носков шерстяных и меховых варежек, отправленных деревней на фронт, не говоря о многом другом, есть, по сути, шкура, содранная живьём с тылового населения. Это не выпадающая из памяти сельских старух стынь холодных ночных токов и хроническая простуда многосуточных зимних обозов. На бурёнках и быках. Так что юность, проведённую в лохмотьях да опорках, можно считать и высокой жертвой, и подлинной ценой правды о советской власти. Ради ложно-высокого мы забыли всё. Страдавшие воочию, помнили большевистское бахвальство о том, что муками лет предвоенных создана сильнейшая в мире армия, гарантирующая и безопасность, и нахрапистость нашей внешней политики.

Хлебом-солью солдат на околице не баловали. По трудодням в Отечественную вообще разучились что-то получать. Работали в колхозе, но жили мимо него. В годы возвращения с фронта большинство колхозов натуральных выплат по результатам года не производили, статистически средние шестьсот граммов на трудодень растворялись в осеннем авансе, принудительной благотворительности и столь же непререкаемой задолженности артелей перед колхозниками. Героев фронта встретила привычная для героев тыла голодуха. Именно потому с первых месяцев победы по Стране Советов разбежались волны директив, обязывающих всех и вся помогать демобилизованным и семьям погибших.

И с победителями хлопот полон рот. К весне сорок шестого число демобилизованных по региону перевалило за четверть миллиона. Чем их кормить? Проблемы продовольственного снабжения городских решились просто. Вернувшимся фронтовикам выдали хлебные карточки, дополнительная эмиссия которых усушила паёк остальных и пропорционально удлинила очереди. В

ответ на просьбы провинции об увеличении продовольственных фондов области советовали уважительно относиться к победителям и изыскивать внутренние резервы. Местные власти хитрили по-своему, обязательные сведения о помощи фронтовикам и семьям погибших забивали мелкой поимённой фактурой: кому, когда и что выдано, кому подвезены дрова, выделены участки... В область сообщали о выданных вдове пяти килограммах гороха, или пуде картошки. От чтения суетного фактажа устают глаза, но за ним удачно скрыта общая панорама бедности.

С демобилизованной деревенщиной дела обстояли проще. На родной околице вчерашний защитник Отечества и герой снова превращался в серого колхозника. Эта метаморфоза определяла впредь его взаимоотношения с государством, укладывающиеся в популярный трафарет — за ратный подвиг спасибо, а теперь на подвиг трудовой. И все претензии по поводу пропитания, дров и одежды — к родному колхозу. Пышные речи торжественных встреч тут быстро сменились директивами накачки — почему демобилизованные отдыхают больше положенного тому месяца. Гнать их немедленно на работу, предупредив, что окопная биография никак не освобождает от уголовной ответственности за невыполнение минимума трудодней.

И тут случилась коллизия, которая нашла многообразные формы выражения и определила экономико-психологический цвет всей послевоенной деревни, от Победы до смерти Сталина. Дело даже не в том, что выработка трудодней на одного колхозника, подстёгиваемая в годы войны патриотическим кнутом, а больше страхом уголовного наказания, в два первых послевоенных года резко упала. Главное в другом. Далеко не каждый победитель вообще связывал будущее с колхозом, прикидывая в уме, что фронтом заслужил вольную. К тому подвигли и лестные слова при торжественных встречах. Мечтая выскользнуть из хомута, победители рванулись в города. В первую голову те, у которых война основательно повыбила семейный куст, ровня и старшие полегли на фронте, а предки перемёрли от нищеты.

Ситуация положительно располагала к тяге. Совет Министров СССР в апреле 1946 года снова директировал срочную вербовку рабсилы и тягла в порядке трудгужповинности. Промышленность и лесозаготовки Уральского региона, замордованные до тошноты, взывали к партии и Богу. Докатились, неслось с Крайнего Севера, не выполняются поставки рабсилы даже УралВостокЛАГу! Через годик, с выходом указа «четыре шестых», лагерный контингент освежат и доведут до кондиции, а пока промвербовкой с переселе-

нием на постоянное жительство привезли многие тысячи человек из областей и республик Поволжья.

Тем сразу и всё не понравилось. «Мы приехали помогать, — жалуются вербованные из Мордовии в Красновишерский ЛПХ, — а тут всей техникой управляют репрессированные кулаки, немцы, крымские татары, а директор — еврей!» Проверили. Очевидного вреда от выселенных славян, немцев, крымских татар и прочих евреев не обнаружено. А голод, холод и полтора квадратных метра барака на душу — это, товарищи пацмены, для таких широт вполне нормально. Ехали не в отпуск, а на подвиг.

Демобилизованные деревенские земляки охотнее бежали в города, под крыло заводов и учреждений. Где паёк хоть маленький, но почти ежедневно. Ловить дезертиров со столбового пути было некому. Все карательные органы по инерции тонули в делах о беглых с предприятий. На все запросы о канувших в пространства демобилизованных областные прокуратуры давали квалифицированные рекомендации и полезные советы. Будет удача, и дезертиры обнаружатся на предприятиях города, немедленно оформляйте дела в суд по закону 1938 года (за неимение трудовых книжек), по указу от 26-6-1940 года (за самовольный уход с предприятия), по указу от 15-4-1942 года (за невыработку минимума трудодней). По совокупности уголовных деяний будет весьма поучительно.[4]

Из двух третей демобилизованных уральцев, что пришлись на деревенщину, большинство пустили привычным столбовым путём. На голодный энтузиазм не взять и обычного колхозника. Даже кнутом. А победителю второй мировой с первого захода литовку в руки не сунешь. И в спину матом не турнёшь. Первые месяцы он ещё пыжился героем. Артельно-сельская бюрократия: бригадиры, звеньевые, учётчики, кладовщики, в сельсовете при печати сидеть, — куда ни шло, а сразу в хомут, да ни за что! Эмоциональный фон сведений о трудоустройстве демобилизованных, восторженный концом сорок пятого, за полгода прокис до паники. Фронтовики на колхозную работу явно не спешили.

Сейчас хорошо известно, что вернувшийся с бойни, пусть даже справедливой, психически надломлен и к напряжённому созидательному труду временно не способен. А наши фронтовики пришли домой с самой жестокой мировой, пришли в самый разгар третьей советской голодухи. Хотя Отечественная война закончилась, с тоской отмечалось буквально во всех отчётах областных прокуроров Генпрокурору СССР Горшенину, преступность неуклонно растёт и принимает совершенно неожиданные формы.

«Наличие преступности в СССР, — лезли в спасительную идеологическую казуистику рыцари лжесудия, — есть доказательство того, что страна находится в капиталистическом окружении и что пережитки капитализма в сознании некоторой части людей ещё живут. Пережитки капитализма в сознании людей являются основной причиной, порождающей опаснейшие виды преступлений».[5] Действительно, с чего бы это простой советский человек на работу ползёт только из-под палки и ежеминутно норовит что-нибудь скоммуниздить.

Земляки с теорией советского права были знакомы плохо, потому, спасаясь от голодухи, либо вкалывали днями и ночами в личном хозяйстве, либо стремились на городские заработки. Расставшиеся с надеждой нашли самый короткий путь к самозабытью. Деревня взялась пьянством и инстинктивным куражом. Демобилизованные пропивались до нитки за вчерашнюю Победу и нищету настоящего. Пили с голодухи и холода, от возвращённого колхозного рабства. Часто и по причине семейного разлада.

Пока фронтовики тянули окопную службу, бронированные совпарткадры и управленцы артельные эксплуатировали баб и девок где и как придётся. Пользовали грубо, как вещь бесхозную, почти исключая вероятность ответственности. Кто защитит, в войну с фронта приходили только калеки. Кобели под бронью знали, что многие вдовы и солдатки не откажут. Хорошо говорить и петь о женской верности, но это высокое чувство вполне конвертируемо в кусок хлеба или ведро отходов, если дома замирают с голода дети. Любовь и верность. Что может быть выше для женщины и солдатки? Материнство.

Женщин, сожительствующих с немцами, после освобождения оккупированных районов вытаскивали на народ за волосы, и давали обмораживающий чувства срок. Не любили их и потом, в лагерях. А вот согрешивших с большевиком или сочувствующими ждал только суд демобилизованного супруга.[6]

Пьяный в дым победитель для власти много безопаснее победителя трезвого и думающего. Легко куражиться даже разрешали. Если порок доминировал над чувствами, фронтовики крали что попадя, а порой, свалившись с нравственной тропы, брали самогон под залог боевых медалей и орденов. В последнем случае обух правосудия с треском опускали на головы совратителей. Натурпримером вот так. Колхозницу из артели «Новый быт» Верх-Салдинского района Максимову Ульяну выселили из Свердловской области в Якутию за «систематическую подрывную работу по разложению колхоза», которая выразилась в том, что поимено-

ванная споила трёх подряд председателей артели, давая самогон под залог. Должники оказались нечистыми на руку, долго лытали, и колхозница, завистливому чужая беда двух своих стоит, принесла в райком партии заложенные ими под самогон партбилеты, орден Славы и несколько медалей.[7]

Мой дядя, Завьялов Анатолий, «спецдоброволец» и штрафник, пришёл с фронта с кучей медалей и чахоткой. Вскоре хворь скрутила его основательно, и он остался беспомощным. Кормила его жена, с утра до ночи работавшая на советскую власть, а остальное время на огороде. Во многих дворах изрядно покалеченные войной мужики только украшали семейный куст. Тёплыми вечерами дядя выползал на брёвнышко у землянки и рассказывал ребятишкам о фронте. За то, что излагал не так как надо, приходили из НКВД и ругали. Я скоро и без вас умру, отвечал. Свои медали он порой цеплял на ошейник Полкану. Смеялся, когда пёс пытался освободиться от звенящего груза. Будь я здоров, отвечал корящим, пропил бы. Толку-то от них никакого, повесили и забыли. Одну медаль он расклепал мне на биту для игры в чику.

Послевоенные горожане тоже не заслуживали восторженного взора. Возвращение вчерашнего фронтовика к промышленной принудиловке шло занозисто. Заводской паёк тех лет держал в сухом теле работающего, сбрасывая заботу о его семье на Бога. Естественно, что победители старались найти кусок на стороне, одни тайно садили картошку и овощи, другие доставали лишнюю копейку, продавая уворованное с предприятий. Трущобы промышленных центров переживали золотые годы послевоенной черно-рыночной стихии и сопутствующей тому мелко-уголовной романтики, достойно отражённые в отечественном детективе. Во времена «Чёрной кошки», Володи Шарапова и Глеба Жеглова нужда гнала на рынок не только социальные отбросы.

Рост преступности и криминальной активности населения, пережившего войну, вынудил власти принимать чрезвычайные меры. Ровно через год после победы принимается постановление ЦК ВКП(б) «О политической работе среди демобилизованных из Вооружённых Сил Союза ССР». Общий смысл бумаги — необходимо навести большевистский порядок в стране, урезонить зарвавшихся победителей и загнать их снова в оглобли социализма. Но до уголовно-воспитательной работы по существу, которая в основном легла на плечи карательных органов, надо было поставить кое-какие декорации.

К концу сорок пятого эйфория побед постепенно улеглась. Столица ещё клокотала торжественными приёмами и приказами

генералиссимуса, а на деревне стало спокойнее. Главная беда прошла. Почту встречали без испуга, боялись лишь писем из госпиталей. Дикий вой баб, получивших похоронку, всё реже рвал деревенскую тишину. Плакали ночами и втихаря. Ужас потерь уступал место нудной хронической боли да съедающим душу предчувствиям беспросветного вдовства или старческого одиночества. Угасающей надеждой жили семьи, родные которых пропали без вести. Беда заставит умнеть. Все мимо сводок Совинформбюро понимали, что творилось в начале войны.

Уставший от бойни, но осознавший силу народ надо было снова брать на короткий поводок. Под Новый год привычный хозяйственный нервотряс дополнили очередной политической кампанией, назначив на 10 февраля 1946 года выборы в Верховный Совет СССР. Газеты изо дня в день твердили, что выборы означают восстановление принципов социалистической демократии, заложенных в Сталинской Конституции и несколько помятых, якобы, в Отечественную. Что тут скажешь против? До войны было лучше. Хотя бы потому, что не было войны.

Остановлюсь на избранных страницах кампании, так как считаю её самой лицемерной во всей истории советского избирательного фарса. Пронзительнейшая по демагогии и хвастовству, она проводилась в стране, замордованной пятилетней войной и пятнадцатилетней кряду голодухой, в стране, только что и бездарно потерявшей треть взрослого мужского населения. Помимо трети раненых и контуженных. Кинем в пассив победы мигом состарившуюся от трудомора юность Страны Советов.

С основами социалистической демократии мы уже знакомы. О первых опытах её культивирования в урало-сибирской деревне излагалось ранее. Теперь посудачим о классике. «Великий Сталин — наш первый кандидат!» Вне зависимости от того, в академическом ли коллективе, или среди кочевников приполярной тундры проводилось предвыборное собрание, оно было единообразно ритуальным. Поголовная явка, обязательное выдвижение вождя, бурные овации и столь же обязательное единодушие. Аномалии поведения исключались органами безопасности.

Затем следовало выдвижение штатных любимцев народа, обозначенных в секретной директиве ЦК ВКП(б). В этом месте механизм демократии усовершенствовали, национальные и отраслевые вожди из терминологии исчезли. Вождь был один и гениальный. Остались соратники и верные ученики Великого Сталина. Копаться в списке соратников не предоставлялось. Разнарядки на депутатов составили с умом, с учётом национальных предпочтений.

Грузинам по душе Берия, армянам — Микоян, железнодорожникам — Каганович, пищевикам — снова Микоян. На массовых предвыборных совещаниях записных любимцев выдвигали скопом, предоставляя им полную свободу выбора мест торжества.

Сплав прочности и изящества обеспечивался более широким представительством в кандидатском корпусе военачальников, научных и творческих работников, а также робких представителей из рабоче-крестьянской среды. Именно с того времени броское разнотравье депутатов на всех уровнях представительной власти стало выполнять чисто декоративную функцию. Чем тоталитарнее режим, тем махровее демократический занавес.

Всё правильно. В депутате по вызову полезны не претензии на власть, а молчаливый авторитет. Нет ни того, ни другого, — гордись от имени всего пролетариата. Баланс пустой демократической процедуры с реальной диктатурой — несомненная классика сталинского социализма. Чуть ослабь вожжи, и прощай советская Россия. Натянул их до храпа, — не видно демократии.

Политика — искусство преимущественно сольного исполнения. Партию диктатора Иосиф Виссарионович спел хорошо. Исполнению же национальной политики «а капелла» надо долго учиться. Изумительный пример абсурдного сочетания человеческих талантов с властными претензиями дали нам первые опыты парламентаризма. Парад немых трибунов и глухой публики. Шабаш личностей. Что не особь, то околоточный самородок, которому статус депутата дарит недостающую возможность ежедневно учить и спасать Россию. Жаль, что Государственная Дума заметно деградирует в профессионализм. Умнеющие от созыва к созыву придумки, спасаясь от геморроя, навадились отлынивать от заседаний. Парламент, оказалось, не подиум, а толкучка, где профессиональное политическое жульё старается выгодно продать интересы своих избирателей. Конъюнктуру этого рынка и принято считать настоящей демократией.

В сорок шестом творческую элиту тщательно отфильтровали и самых идейно устойчивых представили для выдвижения. Из одарённых аграрников нашему региону достались два самородка — вице-президент ВАСХНИЛ Николай Цицин и будущий народный академик Терентий Мальцев.

Талант первого обнаружился ещё на скамье Саратовского сельскохозяйственного института. Это произошло на встрече студентов с Иваном Мичуриным. Великий преобразователь природы в беседе со студентом Цициным смотрелся озабоченным и, глядя

через плечо собеседника куда-то в будущее, сказал судьбоносное: «Омолодить бы надо старушку-пшеничку!»

Сказано — сделано. Через три года молодой учёный Цицин, вопреки возражениям консервативных агрономов и практиков, вывел пшенично-пырейный гибрид. А чуть позднее, в 1935 году, на основе скрещивания травы с культурой создал многолетнюю пшеницу № 34085, которая, судя по агитационной печати, могла давать по 4-5 урожаев за три года без пересева. Представляете? Никакой мороки ни с семенами, ни с тракторами, ни с коровами. И по полтора урожая в год. Агрономический рай! Тот же Мичурин сказал, что многолетняя пшеница — это значительно больше, чем открытие Америки. Вождь народов, будучи подозрительным во всём, похвалил агрореволюционера более сдержанно и безотносительно других достижений человечества.

«Используя дикорастущие, — продолжим изучение агитки, — Н.В.Цицин получил гибриды: между рожью и житняком, озимой рожью и пыреем, элимусом и пшеницей. Скрещивание элимуса с культурными злаками обещает самые неожиданные результаты. Элимус имеет до 1000 зёрен в колосе, рожь и пшеница только 30-40 зерен. Гибриды с этим дикарем позволяют создать новые сорта пшеницы с содержанием нескольких сот зёрен в колосе. В последние годы В.Н.Цицин проводит работы по гибридизации травянистых растений с древесными». Успешно прививал горох, скажу без научных деталей, на жёлтую акацию.

«Мы хотим, — слово нашему агроКолумбу, — чтобы то, что до сих пор росло на траве, стало расти на деревьях. И, наоборот, то, что мы привыкли видеть растущим на деревьях, стало бы расти на траве. Разве не заманчиво иметь гороховое дерево или травянистую форму яблок».[8]

Мужик парил в зените, вешая горох на уши широких народных масс. Региональные учёные и агрономы зло завидовали гению, потому что сами в науке даже не подпрыгивали. Одни изощрялись в опытах с посадкой картофельных глазков, другие беспомощно бились мухами в тенётах хозяйственной каузальности. Как, к примеру, сеять зерновые по стерне, потому что пахать не на чем, потому что передохли лошади и коровы, потому что не заготовили кормов, потому что...

Время девальвирует всё не очевидно пустое. В сорок шестом не выросло ничего, ни на деревьях, ни в траве. Не уродились и гибриды. Была самая середина третьей советской голодухи. Сытыми мы не живали далеко впредь. Надо было, видимо, начинать опыты по гибридизации с себя. Чтобы много работали и мало ели.

А мы, не объегорив природы с первого захода, стали покупать хлеб в Америке, которую открыл ихний Колумб.

Второй деревенский кандидат-самородок золотых гор не обещал, и внешне был воплощением задумчивой простоты. Замечательно о нём сказал поэт Сергей Васильев:

Он не кончал институтов,
Он не кончал академий,
Не получал, пока что,
Международных премий.
В каждом рисковом деле
Выйти ошибка может.
Люди его поддержат,
Сталин ему поможет.

Крепкий единоличник, самоучка-опытник, колхозный полевод. Солидное начало биографии Терентия Мальцева в авторитет любому деревенскому мужику. От настырных молодух хоть на полатях прячься, или каждой осенью женись. Нет, занесло Христова избранника в политику.

Короткий путь в мудрость, минуя образование, — удел шарлатанов да волшебников. Мгновенное ощущение всезнания в обход начальной школы даёт, ещё быстрее, увлечение марксизмом. «Несколько лет назад, — сказал самородок в беседе с корреспондентом областной газеты, — я начал изучать диалектический материализм. Передо мной открылся новый мир. Я убедился, что, владея марксистско-ленинской идеологией, можно не созерцать природу, а переделывать её...».[9]

Преобразование природы молодой агродиалектик начал с ближайших окрестностей. Сначала в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам вымел амбары земляков по сельсовету. Потом, в тридцать третьем, с помощью марксизма и местного ГПУ определил на нары по статье пятьдесят восьмой учёного-агронома и своего учителя Крутиховского. Это был первый шаг Терентия Семёновича в агромарксизм.

Раздражающе образованному авторитету зауральского земледелия сначала дали вышку. За антисоветский взгляд на сроки высева яровых. Москва заменила высшую меру лагерным червонцем. У нас ум полезнее всего на парах. В силу сугубой одарённости зек-ученого, которая нашла проявление в эффективности шлюзовых работ при строительстве Беломорканала, Крутиховского вывели под условно досрочное освобождение. Остальные годы он работал на Дмитровской опытной станции, но с марксистами от земли впредь обходился ласково.[10]

В науке нет широкой столбовой дороги... Для тех, кто не ладит с властью. Тесная дружба с ВКП(б) и ГПУ определила дальнейшую биографию будущего народного академика. Депутат райсовета, делегат союзного съезда колхозников, депутат облсовета, депутат Верхсовета СССР, — таковы ступени вненаучного взлёта Терентия Мальцева. Это за каких-то пятнадцать лет, почти не выезжая из деревни. Позднее он вовсе прописался на представительских местах, став абсолютным кандидатом во власть или на награду, штатным украшением любого политического игрища.

Чтобы быть почитаемым при жизни, надо быть сильным. Уважение потомков основано на истинном уме и добродетели. Афоризм Гельвеция вполне применим к оценке заслуг Мальцева. Одни восторгаются гениальностью академика и требуют создания дома-музея на его родине. Поклонники агроталанта в основном представлены коммунистами, для них он последний и, казалось бы, надёжный фетиш прошлого. У сомневающихся свой резон — большинство кумиров советского прошлого под пристальным документальным взглядом оказались тряпичными идеологическими куклами. Алексей Стаханов, Пётр Дьяков, Павлик Морозов...

Хозяйственная статистика Урала и Приобья, игнорируя местные патриотические претензии, не зафиксировала заметного роста урожайности зерновых на момент активной творческой деятельности народного академика. Следы агрономического прогресса отсутствуют и на показателях Курганской области, где агромарксизм с Мальцевым доднесь популярнее православия и Христа. На унылом тренде предвоенной, военной и послевоенной голодухи ни одной положительной зазубрины.

Сухая цифирь отразила факт роста урожайности в 1965-1980 годах, во времена мощного инвестирования деревни, перехода к интенсивным технологиям. Кратное увеличение поставок техники, минеральных удобрений, средств защиты продуктивных культур, заметный рост оплаты труда доказали, что шелест наличного рубля даже при советской бесхозяйственности много эффективнее шороха самодеятельной агрономической мысли.

Отсутствие прямых улик гениальности заставляет искать косвенные доказательства во вненаучной деятельности полевода. Народный чудотворец просто необходим власти, представленной полуграмотными политическими проходимцами. Как реальное воплощение созидательной силы пролетариата в пику заносчивой университетской науке. Ареал народных академиков и самородков строго ограничен, но не диаматом, а знанием арифметики. Прочитавший труды Мальцева не найдёт в них корректного научного

анализа, принятого за норму в агробиологии. Самый лояльный обнаружит, смущаясь, что он «синтезировал данные науки в собственную систему». Но какой след в общественной жизни! Вот он на фотографии с Будённым, вот с секретарем ЦК КПСС, вот с каким-то тоже очень знаменитым с писателем.

Конечно, дело не в конкретном образе шадринского земляка, а в типичном явлении. Из многих нынешних десятков тысяч докторов и кандидатов наук большинство претендуют на звание народных учёных. Хоть грешно про убогих, но скажу. Треть из них специалисты по научному коммунизму и атеизму, истории КПСС, марксистской философии, политэкономии и другим водянистым по содержанию и покойным по возрасту наукам.

В научно-интеллектуальном отставании признаваться неудобно. Что мы глупее других? Да нет, не глупее, в смысле житейской изворотливости даже одарённее многих. Просто десятилетия и поныне научный труд оценивается не результирующим всё рублём, а статусом. Звание и должность даются пожизненно. Мир сто раз перевернётся, наука встанет на голову, а ты уйдёшь на пенсию и в преисподней, при котле, будешь состоять доцентом.

При неуважении к денежной оценке творческого труда, характерном для стран нищих, остается единственная мера одарённости — уважение со стороны власти. Тут петь надо идеологически поставленным голосом, потому что пропуск в народные выписывает только партийный или государственный чиновник. Так что полагаться надо всегда на слух и вкус власти или Минкульта В науке народных дают обычно за выслугу лет без образования.

Почему Исаак Ньютон не народный академик Великобритании, а Майкл Джексон не народный артист США? Да потому, что у них нет Хьюстонского районного управления сельского хозяйства Техасской области. Нет по естественной непадобности.

Сегодня статусный пустоцвет дурит пуще прежнего. Инфляция фетишей обгоняет девальвацию советских святых. Вымирают просто институты. Всё университеты да академии. Это следствие испуга, пережитого в 1994 году, тогда пообещали оставить на федеральном бюджете только крупные учебные центры. В провинции научная номенклатура жидка. Инспекторы Минобразования, страшась сокращения, бросились в российские пампасы, где нашли многих аборигенов внешне очень похожими на профессоров. Некоторым посоветовали срочно оформить документы на повышение. Сотни яловых профессоров и доцентов, народившихся по удачному случаю, возвысили наш статус до университетского и академического. Вчерашние институты снова встали в очередь у

федерального бюджета. Меж собой хвалиться новыми погонами не принято, но косануть перед мирскими не западло.

В качестве конкретного персонажа Терентий Мальцев даже симпатичен. Тянул всю жизнь лямку провинциального полевода. В меру собственной образованности служил России. Повезло, что проскочил годы тридцать жестокие. Как типичный выдвиженец, говорил и поступал так, как того требовала партия. В годы суровые научная принципиальность вредила шее, потому он был агрессивен к агрономическому оппортунизму, под которым тогда понималась действительная наука. Есть тому документальные свидетельства. Но Бог ему судья.

Не сомневаюсь, что полевод был счастливым человеком. Радость творчества выше земных забот. Особенно для одарённого человека. Имей он достаточное образование, вне всяких сомнений стал бы настоящим академиком. Но тогда бы и жизненный путь сложился иначе. Пришлось бы сидеть не в почётных президиумах, а вкалывать в шарашке или хлебать лагерную баланду. Как многие приличные отечественные академики: Дмитрий Лихачёв, Андрей Сахаров, Сергей Королёв, Андрей Туполев...

Выборы прошли празднично. Иначе и быть не могло, какникак первое мирное мероприятие. Блок коммунистов и беспартийных победил оглушающе — 99,7%. Лёгкая географическая аномалия — чем юго-азиатистее, тем выше единодушие, никого не удивит даже сейчас. Региональные секретари обкомов прошли обязательным ассортиментом. Первая сессия Верховного Совета тоже прошла гладко. Голосовали как надо. Делегациями встречались с известными военачальниками и писателями. Депутаты от Свердловской области сфотографировались с маршалом Жуковым. Курганским достался лишь Рокоссовский...

Сразу после социалистической демократии взялись за деревню. Здесь тоже надо было начинать чуть ли не сызнова. За годы войны все научились жить вокруг колхоза. Артельный труд превратился в чистую барщину, потому как трудодень потерял всякую связь с мерой трудовых затрат, оплатой и имел значение лишь по отношению к обязательной годовой выработке. По колхозам области, читаем отчёт Тюменского обкома партии за 1947 год, на трудодень выпало в среднем по 52 копейки деньгами, 380 граммов зерна, 204 грамма картошки, 11 граммов овощей, 384 грамма соломы и 7 граммов молока. Нет ни одного района, где бы на трудодень выдавалось больше рубля и 700 граммов хлеба.

Что деревенские рубали и хлебали, подсчитайте сами, если известно, что средняя выработка на колхозника за тот год соста-

вила 212 трудодней. До еды кое-что вычтем из того, что начислено. Колхозы области остались должны колхозникам 34 тысячи центнеров хлеба и 10 миллионов рублей. План хлебозаготовок, выполнили 15% колхозов, план поставок мяса и молока не выполнил ни один район.[11] Из «итого граммов», доставшихся колхознику, изымем обязательства по госзайму восстановления народного хозяйства, в тот год мужика молотили с особым остервенением.

Знакомство с годовыми отчётами колхозов всего региона сопровождает чувство патриотической изжоги, когда гордость и любовь к Родине замешаны на голом сострадании. Другим бы ни за что не выжить. Во спасение России женщины и дети безропотно ходили в колхозном ярме всю Отечественную. Тянули с миной озабоченности и злой целеустремленности. Теперь, во имя и брюхо советской власти, надо было влазить в ярмо и вчерашнему герою фронта, чтобы походя жрать лебеду да отходы.

Приручение народа-победителя к послевоенному порядку начали с мер общережимного воспитания. Чтобы не сорвать очередной хозяйственный год, апрелем сорок шестого ЦК ВКП(б) и СовМином СССР принимается постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартелей в колхозах». К высокофальшивой букве колхозного устава большевики обращались всякий раз, когда не срабатывала подлость откровенная.

Деревенщина выжила и прозябала вопреки колхозу, потому нарушений оказалось много. Хоть пруд пруди. Начали с налаживания учёта штата колхозов, трудодней и выполнения минимума. В первом приближении к действительности обнаружилась чёрная дыра между трудоспособным населением деревни и колхозным штатом. Крайне подозрительная социальная прослойка росла шагреневой кожей. Кого тут только не было! И демобилизованные, но забывшие про колхоз, и инвалиды Отечественной, и ушедшие в самостоятельный житейский промысел, и состоящие на сельсоветском учёте дезертиры.

В некоторых районах понятие «колхозник» вообще обрубили до преступно короткого смысла, исключив из подлежащих барщине подростков и стариков. Сказано же русским языком в бланках нархозстатистики, что к трудообязанным относятся все жители деревни — от 12 лет и до погоста. Конечно, подростки в штат колхоза не входят, но свои 50 трудодней выработать обязаны.

Подушный учёт определил задачи борьбы на ближайшую перспективу. По всем звеньям прокуратуры первически прошли директивы — наглухо исключить миграцию колхозников и запретить вербовку их в промышленность. Теперь районная власть гнала

уполномоченных по оргнабору в шею, с неохотой выполняя лишь централизованные наряды на рабсилу. Беглых уральская прокуратура рекомендовала уголовно прищучить за нарушение паспортного режима, кадровым службам предприятий надлежало проверить персонал на предмет замаскировавшихся колхозных дезертиров.

Много хлопот доставили инвалиды Отечественной. Городские противились нищей промысловой кооперации, куда их толкала власть. На деревне по этому почётному статусу надлежало давать вольную от колхоза инвалидам второй группы. И правильно, кровью заслужили! Но вылезло непредвиденное. Убогие смотрелись вызывающе свободными на фоне колхозной принудиловки.

А прямые подозрения вызывал другой факт. В некоторых районах доля инвалидов, имеющих право жить мимо колхоза, опасно и круто поползла вверх. «Комиссии ВТЭК, — озаботились партия и советская власть, — плохо знают врачебно-трудовую экспертизу, устанавливают 3 группу инвалидности там, где нет противопоказаний к выполнению работ по своей профессии, и 2 группу инвалидности, — где по характеру заболевания и степени функциональных нарушений не противопоказана работа в облегчённых условиях».[12] В вину тюменским, к примеру, врачам поставили возмутительный факт — удельный вес инвалидов войны 2 группы в Ялуторовском районе составил 25%, в Бакаловском — 31%, а в Омутнинском районе — аж 34%! [13]

Аномально высокий уровень инвалидности был обнаружен в сельскохозяйственных районах других областей региона. Врачи вместо трудовых рекомендаций и воспитательных бесед, клиширует в партийных бумагах, легко выдают фронтовикам освобождение от работы. Собесы лукаво разводили руками. У нас, мол, есть планы трудоустройства убогих, их обучения и выведения из нужды. А делает инвалидами ВТЭК. Веским аргументом злокозненности врачей континентального Урала можно считать другой факт. В Ямало-Ненецком национальном округе, примером, врачей нет вообще, и потому самый низкий удельный вес инвалидов, освобождённых от колхоза. Всего каких-то 11%!

Выскочивший из колхоза, знали все, сам выберется из нужды. Кроме пенсии, военные инвалиды первой и второй группы освобождались от обязательных поставок с личного двора. Наметившуюся было уловку — переписывать хозяйство на убогих — прокуратура раскусила сразу и пресекла, объяснив сельсоветам, что обложение должно строиться не на формальном праве собственности, а на фактическом участии членов семьи в хозяйственных делах. Смотрите, кто копает огород и следит за скотом.

Выживанием колхозника, чего греха таить, мы обязаны исключительно российской земле. В годы Отечественной власть сквозь пальцы смотрела на увеличение огородов, давала участки под овощи эвакуированным, разрешала пользоваться сенокосами и пашней подсобным хозяйствам предприятий. Ослабевшие колхозы исключительно живым тяглом с трудом обрабатывали ближние угодья. Ша, ребятки! — сказала власть большевистская землякам, только что победившим фашизм. И приказала немедленно изъять лишние земли в пользу колхозов и земельного фонда.

Кампания сразу обратилась в привычный шумно-злой ритуал с поиском врагов и показухой расправ. «Захватчиков колхозных земель — к ответу!» — парила публику пристяжная пресса. Обжигающую лексику газет военной поры переадресовали старикам и инвалидам, засадившим картошкой пару лишних соток. Вдоль огородов и задворков забегали с саженями озабоченные землемеры. Сотни тысяч гектаров заброшенной пашни затягивало в регионе кустарником и дурным сорняком, но частные огороды дотошно перемеряли вдоль, поперёк и наискось. Не о земле беспокоилась власть, понимал и землемер, и шагающая рядом вдова, надо было снова абсолютной нищетой загнать деревню в артель. Как сделали пятнадцать лет назад.

В этот раз и прокуратура сработала на опережение. Обратите внимание на законность пользования земельными участками, предупреждала она директивами места, присмотритесь к разделам дворов, за этими действиями может скрываться желание получить лишние 15 соток. Легко сказать про законность, а произвол — дело исключительно творческое, потому как плодит проблемы на каждом изломе чужой судьбы. Как, к примеру, прикажете поступать с огородами колхозных дезертиров или выбывших из артели по старости? Отбирать ли участки у неколхозного состава деревни? И что делать с урожаем, выращенным на излишних сотках?

Нет проблем только у советской прессы, у той впереди только задачи. Газеты стали мерзко хулить соотечественников и земляков, обзывая буржуазными перерожденцами тех, у кого плетень выходил за уставные габариты.

На упрёк колхозника не взять. Где привык, где не подал вида. Всякий нищий более отзывчив на воздействие материальное, пусть и грошовое. По этой причине взаимные утробные претензии коммунара и родной власти сложны до полной невозможности законодательного оформления. Так что любой конфликт порождает и произвол, и творческое начало.

«Имеет ли право колхоз забрать урожай огородных культур у колхозника, который выбыл из артели и намерен продать посеянные им на приусадебном участке овощи до созревания?»

«Если установлен факт передачи колхозником приусадебного участка в аренду, то имеет ли право колхоз претендовать на снятие урожая овощей?»

«Можно ли перечислять в колхоз зарплату колхозников-отходников, работающих на стороне, и как возмещать её трудоднями?»

«Надо ли возмещать колхознику стоимость семян при исключении его из колхоза и конфискации приусадебного участка?»[14]

Инструктор Березовского райсельхозотдела был человеком педантичным и затребовал разъяснений у начальства ханты-мансийского. Окружной инструктор Аверин плохо подумал о чиновнике из тундры, доставшим его пустяковыми запросами, и, ориентируясь политической целесообразностью, кратко ответил — да, да и нет! А хрен его знает, — мысленно ответил он на сложный четвёртый вопрос и запечатал конверт.

Конфликт принял форму многолетних домогательств, каждая из сторон упрямо и тупо тянула своё. Одна тянула из высокого принципа, другая — из непреходящей нужды. Лишне засеянное реквизировали, вырывали, запахивали. «Прошу закрепить за мной в пожизненное пользование земельный участок в размере 30 соток для того, чтобы я мог успешно провести начатые мною работы по насаждению плодовых деревьев».

Письмо учителя из Ялуторовского района Ракитина Леонтия председателю СНК сопровождало ходатайство колхозников артели «Память Куйбышева». Хорошо зная, с кем имеет дело, автор конспективно изложил резон. Я, мол, инвалид второй группы, и в колхозе работать не могу. Если не дадите участок, мне не выжить, придется принимать меня в дом инвалидов. По законам наследственности я проживу ещё где-то лет двадцать. Расходы на меня составят более 50 тысяч рублей. Участок таких денег не стоит...[15]

Леонтий Григорьевич только просил. Его похвалили и назидательно присовокупили, что садоводством можно заниматься и на колхозной земле. Как раз об ту пору разгонялась кампания по садам и прудам. С обязательным монументом великому Сталину. К той же мысли, что умом Россию не понять, Иван Зольников из села Шеркалы (около тысячи километров севернее) пришёл совершенно иным путём. Нарушитель вторгся своим огородом в так называемый бичевник, прибрежную полосу, переданную в

пользование речникам. В первый год кампании по восстановлению колхозной справедливости зольниковскую картошку выдрали зеленью и побросали в Обь. На второй год — рационально и по осени конфисковали. Что делать с картошкой и захватчиком ныпче, испрашивает автор отчётной бумаги.[16]

По всей Стране Советов обрезали, а порой начисто отбирали, огороды, запрещали выпас скота на земле данной Богом, но прописанной колхозам. За скотину внеколхозного штата, пойманную на выпасе, требовали уплатить штраф. Криминал за изгородью подворья, карался уголовно. А народ наш дюже сметливый. Председатель одной из артелей Чердынского района, к примеру, разрешил колхозникам сеять рожь для себя на отдаленной полосе. Хлеб уродился, но кто-то настучал на инициаторов. В Березовском районе той же области по колхозам разбросали посевы для аппарата райкома партии. Повсеместно в колхозах скрывали свои посевы управленцы МТС.[17]

«Не допускать отвода излишних неиспользованных земель колхозов во временное пользование других организаций без разрешения Министерства сельскохозяйственных заготовок». Так требовала власть. Подсобные хозяйства городских предприятий и индивидуальные посадки горожан тоже попали под кампанию зачистки. Во все инстанции полетели жалобы. Обиженные доказывали, что участки ими разработаны из ранее непригодных для пашни угодий, что за время войны в них вложено много труда, что без участков работникам никак не выжить. С подсобными хозяйствами дело заволокитилось перепиской, а индивидуальные посадки за городом просто отдавали колхозам.

Единоличников когда-то выкуривали из соображений идеологических. После Отечественной частник попал в объект произвола не регламентированного ни нравственно, ни теоретически. Так, помесь большевистского самодурства с чёрной завистью. Особенно много жалоб поступало от лиц, держащих скот. «Почему не стали принимать в деревенский табун скот жителей, не состоящих в колхозе?», «Почему отбирают накошенное сено?» — вот типичное содержание жалоб. Была война, отвечали РИКи и сельсоветы, не до вас было. Вот и подзабыли, что такое советская власть и большевистский порядок на деревне.

Настоящий колхозник по утру должен шагать в контору, а не на рынок. Так оно, если бы получать что-то по трудодням, а в сельпо можно бы что-то купить. На протяжении всей истории Агрогулага таковое оставалось киношной грёзой. Потому жил мой деревенский земляк двояко: вкалывал в социализме, а потреби-

тельски — либо прозябал в скорлупе натурального хозяйства, либо толкался в мелкотоварном обороте, обзываемом спекуляцией. Самыми радикальными средствами, спасающим колхозника от разлагающего влияния рынка, признаны обсолютная нищета и вездесущее НКВД. Когда категорически нечего продавать и совершенно нечего купить.

Весенним постановлением СНК СССР сорок шестого обязательные индивидуальные поставки вздули, стерилизовав тем самым зыбкие корыстные мечты деревенщины. При повальном невыполнении всех хозяйственных планов и артелям было не до коммерции. Таким образом, и шмоны, и агрессивная оперработа НКВД на рынках имела вполне логичные основания — большая часть товарооборота здесь обеспечивалась краденым.

Свободную торговлю продуктами нормируемого ассортимента закрыли в первые месяцы войны. Под страхом самой жестокой уголовной расправы. Тем не менее, всю Отечественную и годами послевоенными повсюду гудел чёрный рынок. Это было самое живое и криминальное место городов. Предлагалось всё — от трофейных «Вальтеров» до фальшивых хлебных карточек. Разумеется, дела о спекуляции украшали отчётность карательных органов. Страшнее всего карали за продажу карточек, поэтому имеющие возможность кражи предпочитали их сначала отоваривать и торговать хлебом. Пойманным повсеместно давали 5-7 лет. Даже в том случае, если продал собственный паёк.

Особенно трясли за «спекуляцию» табаком. Пожилые соотечественники вспомнят, что в те годы табак сеяли почти в каждом огороде. Где-то до пятидесятых, до появления в свободной продаже «гвоздиков» и «Бокса», деревня жила только самосадом. Листья сушили в тени, потом мелко рубили, молодой лист шёл первым сортом, остальное гнали в крупную махру. Колхозам давали планы заготовок по махорке, которые ежегодно проваливались.

На чёрном рынке курево долго оставалось самым дефицитным и доступным для производства в частном хозяйстве товаром, не подрывающим продовольственных ресурсов семьи. Это и раздражало пролетарскую власть. Арестовали, к примеру, учительницу Коркину, открыто обменявшую 50 граммов самосада на кусок хозяйственного мыла, и дали шесть лет тюрьмы. Секретарь райкома был очень занят, на телефонный вопрос судьи, что делать с учителкой-спекулянткой, рассеянно ответил, что шести лет ей хватит за глаза. Когда осуждённую выводили из суда под конвоем, до КПЗ её провожала толпа родителей и школьников. До грехопа-

дения она двадцать лет проработала в местной школе. Срок потом скостили до шести месяцев ИТР, но от педагогической работы отстранили по причинам сугубо моральным.[18]

Воспитательная прелюдия в мелко-уголовном миноре звучала не долго. Широкие народные массы распоясались донельзя и прямо-таки провоцировали обострение исторической перспективы. И то надо бы понять, тоскливо жить натощак, да ещё и без событий, отвлекающих от пустой повседневности. Всякая голодуха, а это была уже третья в Стране Советов, взывает к укреплению социалистической законности, совершеннейшим вариантом которой считается карточная система и подпираемый высшей мерой культ общенародной собственности. Чем пустее брюхо, тем ответственнее и выше мы в нравственном измерении.

Основные события начались с указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «О хищении государственного и общественного имущества», «четыре шестых» — в гулаговском обиходе. Указ как указ, с типично советским лагерным диапазоном от 5 до 20 лет. Привередливых к историческим подробностям возьмёт интерес, зачем понадобилась новая директива о хищенцах, когда уже 15 лет безотказно работал «дедушкин указ» — «семь восьмых»? Копающийся в навозе тех лет даже заметит, что с июля 1947 года в бумагах карательных органов репрессии по указам разведены по особым графам отчётности.

Указ от 7-8-1932 года — алмаз социалистической законности, бриллиант чистой, но пролетарски простой огранки. Десять лет или вышка. Никаких промежуточных параметров. Ещё долго после войны указ оставался классикой деревенской карательной практики. Это и логически, и юридически в унисоне. Раз соцсобственность — основа советского строя, то означенные «дедушкиным указом» нормы — фундамент советского законодательства. И потому всякий хищенец, механически трансформируется во врага народа. Вор, развил суть оного вождь народов в году сорок седьмом, есть шпион, а потому права на жизнь в Стране Советов не имеет. Лучше честная, втихаря, смерть с голодухи, таково основное кредо большевистского гуманизма, чем алчные притязания на священную и неприкосновенную.

Суть нового указа в прогрессивном переходе от факта преступления к мере ответственности, легче сказать — в разновесе сроков отсидки. В годы Отечественной и сразу после войны изменился объект уголовного преследования. В хищенцах ходили исключительно старухи-матери, постаревшие от вдовства молодухи да детишки защитников Отечества. Колосовали и крали на то-

ках из-за голодухи. Давать таким пусть даже червонец лагеря не поднималась рука. Немного, конечно, трусили, а ну как вернувшиеся с фронта солдаты обломают рога обидчикам своей семьи. Всю войну Наркомюст если не рекомендовал подводить голодных хищенцев под относительно мягкую статью 162 УК, то и не настаивал на применении к ним указа «семь восьмых». Местные власти порой просто закрывали глаза на «преступления» горсточников.

Снижение судимости по указу «семь восьмых» в годы войны в значительной мере объяснимо и реальным сокращением фактов покусительства на артельное имущество и продукт. Подлинный, а не декларируемый идеологически, патриотизм, основанный на понимании чрезвычайной опасности, деформировал нравственные оценки тыловой деревенщины. Ранее чуждая колхозная собственность теперь воспринималась как действительно национальное достояние. Изъятие урожая, столь драматичное каждой осенью, в суровую годину признавалось вполне естественным и необходимым поступком власти. Не было и привычного вредительства, рассчитанного на задержку хлебосдачи.

Нынешние старушки самого пожилого поколения сокрушаются по поводу своей молодости, утопленной в принудиловке и нищете. Однако, самым ослепительным пятном биографии многие из них считают годы Отечественной, когда бессмысленная в принципе колхозная принудиловка обрела высокий статус личного и общенационального подвига. Годы жестокие, но подарившие им счастье гордо смотреть в прошлое и настоящее.

Воровать было зазорно. Многочисленные факты мелких хищений всегда возникали из нищеты, граничащей с голодной смертью. После войны всё стало на свои места. Мирная жизнь освободила от мук патриотической совести. В первые же лета на колхозные поля выползли деревенские доходяги, резко возросло количество хищений в городских потоках еды. Судебная статистика зафиксировала устойчивый рост активных форм хищений — краж со взломом в торговле, на транспорте и оптовых базах.

Остановить криминальный порыв могли только меры чрезвычайные. Таковые и полагались указом «четыре шестых», полный колер от 5 до 20 лет заключения. Свежая норма злосудия не отменяла «дедушкиного указа», оставляя за ним самые броские дела с запахом расстрела. Уже с начала 1948 года Верхсуд СССР отметил как тенденцию, положительно характеризующую развитие советского правосудия, тот факт, что две трети хищенцев шли в ГУЛАГ по свежей уголовной норме.[19]

С момента опубликования указа от 4 июня 1947 года, докладывает в прокуратуру СССР и РСФСР прокурор Тюменской области, проведено областное совещание органов правопорядка, проведены кустовые совещания, командированы в районы работники областного аппарата. За месяц проведены сотни докладов, в районах организовано 12 показательных процессов, опубликовано в прессе 24 судебных приговора, 137 человек посажено.[20] Доклад не произвёл должного впечатления. Карательные органы старых областей Урала работали и свирепее, и масштабнее. Всё мило напоминало год тридцать второй. Газеты взялись инеем ненависти к своим, вместо сводок Совинформбюро пошли материалы показательных процессов и обширные списки арестованных.

Жизнь приблизилась на вытянутую руку, её основная драма пришла на родную околицу. В ультракрасном свете последнего указа тихая деревня выглядела ужасно. «Председателем колхоза «Красный пахарь» работает Устинов, ранее осуждённый за разбазаривание колхозного имущества. Председателем колхоза «Политотделец» работает Самойлик, отбывавший наказание в лагерях за разбазаривание колхозного имущества. Председателем колхоза «Землероб» работает Мильков, был осуждён за присвоение продуктов и подделку документов. Председателем сельхозартели «Декабрист» работает дважды судимый за антиколхозные дела Коновалов. Председателем колхоза «12 лет Октября» был поставлен Юдин, который, провалив посевную, из колхоза сбежал. Вместо него поставили неизвестного Дуванова, которого вскоре осудили на 5 лет за кражу в колхозах соседнего Туринского района. Вместо Дуванова был поставлен Пахомов, который оказался бывшим кулаком. Сбежавшего Юдина нашли и снова поставили председателем колхоза имени Чкалова».[21]

Но устреми сквозь воздух силу зрения,
И ты увидишь — люди там сидят...»

Учение Данте Алигьери всесильно, потому что верно даже в России. Действительно, стоит пристальней взглянуть на бытие самого соломенного захолустья (выше приведена картина Ирбитского района), чтобы увидеть драму, вполне достойную всеисторической комедии. Кто-то уже своё отсидел, кто-то тянет срок в чистилище, называемом казённым домом. Не сидевших нет.

Примером классического подхода можно взять дело по обвинению сторожа сельхозартели «Звезда» Косулинского сельсовета Петрова Ивана. Было замечено, что семья мужика ест другим в зависть. Нет ни скорби на морде, ни квёлости в ходьбе. Протокол внезапного обыска от 17 ноября 1946 года фиксирует чудо: в за-

кромах обнаружено 63 центнера зерна и 190 кг муки. Сердце голодных патриотов зашлось в ненависти к досыта евшим, и 12 марта 1947 года приговором Курганского облсуда Ивану Петровичу дано 10 лет с конфискацией. По указу «о пяти колосках». Зерно отобрали сразу, во время обыска.[22]

Спокойно отсидеть своё Петрову не удалось. Коллегия Верховного Суда РСФСР вернула дело с требованием обосновать факты хищения. Тем более, что в обвинении через строку говорилось о систематических кражах. Конечно же, пояснили местным юристам, наличие такого запаса в голодуху морально омерзительно. Тут вас большевистски можно понять. Но хотя бы один факт кражи подоприте аргументами, ведь срок-то даётся за хищение!

Кинулись искать хищение. Отрезвел и привыкший было к камере кассационный. На неоспоримый, казалось бы, довод обвинения, — у простого советского человека, мол, никогда не может быть столько много хлеба, он уверенно показал, что хлеб заработан им с двумя родными сестрами за 1937-1946 годы. В дело легла справка, удостоверяющая получение по трудодням за десять лет более 300 центнеров. Верно, в уникально урожайном тридцать седьмом, да и в тридцать девятом, колхозы Зауралья давали по 10-15 кг зерна на трудодень. Даже при средней годовой выработке на троих выходило приличио.

Хлеб удачных лет, о том говорилось раньше, пролетарское государство промотало. А умная от голода деревенщина надёжно спрятанным частным хлебом дотянула почти до половины войны. Если питаться без извращений, где-то 15-17 пудов в год, давил оперов арифметикой скользкий хищепец, выходило, что остаток вполне реален и факт кражи не доказуем даже косвенно.

В ответ обвинение сварганило акт лабораторного анализа зерна. Бумага констатировала: по своим биологическим характеристикам конфискованная рожь и пшеница сходны, якобы, с зерном урожая 1945 и 1946 годов. А на выданное по трудодням этих лет не дотянуть и до дня Парижской Коммуны. Петрову упрямо лепили «дедушкин указ». Областной суд, однако, нашёл представленный следствием акт стопроцентно липовым. Во-первых, точно идентифицировать хлеб вообще нельзя, виновата в том наука. Во-вторых, бумагу написали спустя два года, после того как изъятый хлеб давно и махом съели.

Нельзя сказать, что суд Верховный и областной однозначно приняли сторону макушинского мужика. Скорее, наоборот. К алхимическому анализу хлеба, без подозрений съеденного в позапрошлом году, там и сям отнеслись с лёгкой иронией. Но было

два факта, отягчающих корпоративную солидарность. За месяц с небольшим до обыска у Ивана Петрова вышло постановление ЦИК, обязывающее всех советских юристов учиться. В Курганской облпрокуратуре, к примеру, из 126 оперативных работников юристов в законе было только 11 человек. Имеющих высшее образование.[23] Остальные — выдвиженцы и избранники случая.

Среди штата облсуда профессионалов нашли ещё меньше: в процентах и в поголовном исчислении. При таком дисбалансе силы и ума привычнее крыть обвиняемого не аргументами, а матом. Чуть позднее, при обсуждении закрытого письма Генпрокурора СССР о моральном облике сотрудников, выяснилось, что работники юстиции крепко зашибают и страдают иными, естественными для этой должности, пороками.

80% штата облпрокуратуры — люди партийные, сообщает начальнику следственного отдела прокуратуры СССР Шейнину и начальнику следственного отдела прокуратуры РСФСР Гинцбургу прокурор следственного отдела Молотовской области Хенкина Шура Зольевна. Но что удивительно, примерно столько же (82%) не имеют юридического образования. Штатно верхнее звено в системе советского правосудия смахивало ни синедрион, верховный суд Иудеи, однако национальный перекос предметом судебно-прокурорской отчётности не являлся и проблем не вызывал.[24]

На совершенстве милиции пока не настаивали, полагаясь здесь исключительно на опыт. Из 348 работников, входящих в номенклатуру Молотовского, к примеру, обкома, 324 большевика, а половина имеют низшее образование. Отчёты из районов звучат успокаивающе: образования нет, но политически грамотен. В элементарном объяснении это так — читать не умеет, но партийные газеты выписывает. Восходящее движение кадров строится по схеме «ГУЛАГ — райотдел УМВД». Набил руку на зеках, можешь работать с обычными совгражданами.[25]

Продуктивная практика вызывала не гордость, а раздражение у высшего гулаговского начальства. Кизеллаг, Усольлаг и иные лесолаги постепенно теряли лицо и обезначаливались. Докатились, жаловался родной партии начальник Ныроблага, на руководящих должностях в лагпунктах работает 667 клиентов по статье 58-10! Есть таковые даже в аппарате управления лагерем.

Всякое право, удивил старосветскую публику Карл Маркс, есть право буржуазное. Удивил ещё в позапрошлом веке. Известно, что Европе в диковину, нам в привычку. Пролетарского права нет и быть не может. Тем и живём, сколько себя помним. Мужику нужен кнут да уголовный кодекс, как мера его применения. А

ежели и писана бумага, называемая конституцией, дышло закона держат те, кому держаться за него положено. Образование тут не при чём. На Руси со времён царя Гороха государственность насажена на административный кол: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». От того не умом, позвоночником чувствуем: качать права вверх — занятие не более эффективное, чем мочиться в жару на светило.

Только в рыночной демократии стало ясно, что знание и природная умственная изворотливость необходимы юристу. Если он мечтает быть юристом продажным. Служителю Фемиды Советской вполне хватало погон и чина. Предубеждение всегда сильнее истины. Служебная записка курганскому облпрокурору Кавешникову от 3 марта 1948 года доказывает сие применительно к ровной местности. Из 16 юристов-заочников, направленных в институт, только один (следователь Лебяжьевской прокуратуры) успешно сдаёт сессии. Остальные учатся скверно и обнаружили посредственные знания только по истории партии и политической экономии. Сверху же требовали в обвинительных бумагах впредь блюсти элементарную грамотность.

Второй факт случился в разгар наших коллизий, в сорок восьмом. Неожиданно вышел приказ генпрокурора республики, предупредивший о недопустимости впредь в приличных уголовных делах (указы «семь восьмых», «четыре шестых» и иные классические нормы совюра) вопиющей правовой безграмотности, то есть необоснованного приглашения к отсидке. Если Иван вышел на улицу без шапки, отнюдь не следовательно, что он побежал за водкой. Сонмище ошибок в документах свидетельствовало о безграмотности, а уродливые силлогизмы доказательств уличали в профессиональной бездарности местных юристов.

На государственной службе последняя директива начальства, безусловно, выше мировоззрения и морали. К липе с мест стали придираться. В провинциальных судах приказ генерировался до лёгкого обморока. Вернёмся к делу хищенца Петрова. Тот же Курганский облсуд своим решением от 22-5-1949 оправдал Ивана Петровича за недоказанностью хищения. А куда денешься? Подследственный кинул в обвинение чугунный аргумент — в последние два года краж колхозного хлеба не зафиксировано, и присовокупил документацию «Звезды», в которой хлебный баланс сведён в ажур до зёрнышка.

Заставь трусливого юриста Богу молиться... «Вы чё, мужики?» — взметнулся душой прокурор РСФСР Баранов. В добрые времена за такое можно было без дебатов расстрелять пол-России.

Разделите-ка шесть тонн на колоски и горсти. А вы махровому хищенцу камеру нараспашку! Да, краж пока не зафиксировано. Но это не значит, читаем в протесте прокурора, что их не было. Были сомнительные списания на усушку, отходы. Конфискованный у Петрова хлеб был в мешках с маркировкой «Звезды». Нет свидетелей? Значит, ворюга очень хитрый. Дело, тремя словами, можно было оживить.

Окончательное решение юридического казуса, когда есть ворованный хлеб, но нет факта кражи, отнесём на профессиональные достоинства прокурора республики. В мелких доводах он проиграл. Отходы съели колхозники, а мешки числились за Петровым по документам. Но облсуд совершенно не принял во внимание обстоятельство, тонко подмеченное автором протеста. Дом хищенца находился в двадцати шагах от колхозной сушилки. Сколько тонн можно натаскать горстями за десять лет? Если даже бегать домой по нужде не с пустыми карманами... Допустить, что колхозник при таких благоприятных условиях не станет воровать, никак нельзя. Прокурор республики лучше всех знал, что не ворующих колхозников нет. Потому придавил уголовное дело абсолютным, как могильная плита, аргументом: такого не может быть, потому что не может быть никогда!

Судить хищенца-победителя труднее, чем простого советского человека без исторических претензий. На суде вчерашний фронтовик или герой тыла часто кидался в амбиции, дерзко жестикулировал костылями, а при аресте нехорошо звенел медалями. Принцип «За прошлое спасибо, а за дела нынешние держи ответ!» всё-таки имел моральный тормоз. Потому гирю наказания, равную весу жизни подсудимого, раздробили на разновесы. Чтобы исключить конфликт между героическим прошлым и уголовным настоящим, у осуждённых медали и ордена изымались, с хищенца сбрасывались воинские звания и прочая патриотическая позолота. Всё делали правильно. Для большевиков колхоз был много дороже Родины. Он кормил и давал власть. Поэтому за Отечество в основном били чужих, за колхоз — только своих.

Ещё сложнее отправить на нары замордованную военной принудиловкой колхозницу. Тот очевидный до усталости глаз факт, что только на женских и детских спинах держался тыл прошедшей Отечественной, будил чувство стыда в самых преданных и решительных. В эту сторону умолкала даже привычная ко всему большевистская пропаганда. Перед безропотным подвигом подчинения не склонили головы лишь лакеи от партийной истории, вымазав красным дёгтем убогих и непорочных. Отчёты каратель-

ных органов с каждой уборочной всего десятилетия сороковых вызывают обычный человеческий стыд.

Кудымкар, отчёт прокурора. Вилесов Максим, 72 лет, 20 июня 1947 года похитил путём стрижки колосьев 1 килограмм колхозной ржи. Пойман на месте преступления и отдан под суд.

Нытвенский район, отчёт прокурора. Турбакова Екатерина, колхозница сельхозартели имени 16 съезда партии, путём срезания ржи похитила 2 килограмма зерна. Осуждена по указу от 4 июня 1947 года к 5 годам лишения свободы.

Частинский район, из отчёта райпрокурора. В колхозе «2-я пятилетка» колхозницы Жилина Мария и Голдотина Надежда настригли ржи по 5 килограммов. Осуждены по указу «четыре шестых» к 5 годам лишения свободы каждая.

Ныробский район. Из докладной облпрокурору. Сивухина Харитонья хлеб из колхоза не получает, а каждую ночь производит размол зерна на ручной мельнице. У многих колхозников имеются ручные мельницы. «12 сентября 1947 года я в правлении колхоза решил побеседовать с сыном Сивухиной, в возрасте 8 лет. Последний сказал, что мама каждую ночь носит домой снопы необмолоченные... 13-09-1947 в квартире Сивухиной был произведён обыск, при этом было обнаружено 8 необмолоченных снопов ячменя, в печи был поставлен для сушки ржаной колос, в подвале зарыта в земле банка с ячменём — 12 кило».[26]

«Усилить меры по применению указа от 4 июня 1947 года, — долбила генпрокуратура республики энкаведешников, склонных к жалости и милосердию, — имеют место случаи, когда работники милиции, не отрицая факта преступления, незаконно отказывают в возбуждении уголовных дел по мотивам малозначимости его или целесообразности привлечения».[27] Далее напоминается о политической сути указа, а также разъясняется, что меру ответственности должен определить суд. Пролетарская власть, мол, итак бесконечно добра: по новой бумаге вместо расстрела или червонца дают только пять лет заключения.

Таким манером, выбор уголовной нормы определялся исключительно личными предпочтениями местных юристов. Жалость одолевает ко вдове-хищенке, вешай на неё указ «четыре шестых». Там есть выбор сроков заключения. Нет сочувствия, гони её подлую под «дедушкин указ». А мы двинем на восток, навстречу времени и светлому будущему.

Год 1950-й. Курганская область. Колхозницы Дружинина и Аничекова по сговору между собой систематически совершали хищение ржи посредством стрижки колосьев на полях артели

«Дружба» Мишкинского района. Всего похищено зерна 3 кг 200 граммов. В сельхозартели «Эконом» Щучанского района колхозница Нечикотова из настриженных колосьев наколотила 2 кг зерна ржи и была задержана с поличным. Бабы сели по указу «четыре шестых». В докладной, направленной прокурору РСФСР Баранову, сообщается, что из посаженных в сентябре месяце 120 колхозников 78 пойманы на колосках. За осенний квартал таковых оказалось более пятисот человек.[28]

Мелким хищецам давали по пять лет. Как везде. Украшали каждый отчёт дела по явным преступлениям. «Член колхоза «Путь к коммунизму» Мокроусовского района Доставалов, работая на перевозке зерна от комбайна на колхозный склад, похитил 84 кг зерна ржи, которое было обнаружено при обыске на квартире. Жена арестованного — Санина М.И., знала, что муж похищает колхозное зерно, но не донесла органам власти. Народным судом Мокроусовского района Доставалов по статье 4 указа от 4 июня 1947 года осужден к 12 годам заключения, а его жена Санина по статье 5 указа 4-06-1947 к двум годам лишения свободы». Семья Бондаренко из Макушинского района за 50 кг зерна получила 27 лет лагерей, отец — 15, сын — 10, хозяйка — 2 за недонос.[29]

И всё это, напоминаю, творилось на фоне хронической задолженности колхозов по трудодням. Отобрав хлеб до гулкой пустоты амбаров, государство потом лицемерно корило артели за долги колхозникам. В затхлых районах Урала долги остались неотоваренными до хрущёвских времен. После того, как решительный Никита Сергеевич «простил» государственные долги по облигациям, заикаться о долгах колхозных было смешно.

Мы с мамой в сорок седьмом нашли место — кради, не хочу. Днём уходили на займище и собирали вызревшие шишки камыша, просушенным пухом которых вся деревня набивала подушки. Тогда мы ещё не подозревали, что они очень стильно смотрятся в высокой хрустальной вазе. Ночью выбирались на ближнюю полосу страдовать. Колосья не резали, а продёргивали вместе с корнями. Сноп уносили с собой в займище, обмолачивали, солому без опаски выбрасывали. Знали — по воде и собаке не взять след.

Мама ночью уходила в деревню порожняком, а я утром и в наглую тянул большой мешок с шишками, внутри которого был спрятан узелок. Между деревней и болотом хлебов и охраны не было. Сытому в голову не придёт, что займище можно пройти насквозь. Ночью зерно мололи на рушалке (ручная деревянная мельница) нашей одинокой хозяйки Веры Полыгаловой и подме-

шивали в разный травяной отвар. Вера была такой же нищей, беспартийной и совесть имела вполне человеческую.

В каждом отчётном документе про уборочную кампанию сталинских колхозов, местами исключая 1939 и 1940 годы, таких уголовных примеров полно. Пусть бумага самая никудышная, лишь бы с грифом «секретно», свидетельствующем о крамольной правде. Во спасение своё власть молотила земляков снопами. Десятки тысяч горсточников по Уралу и Приобью. Сотни тысяч вдоль времени и поперёк всего Союза Советских Социалистических Республик. Вспомните про них, когда увидите измазанные газетной ложью витрины краеведческих музеев или кадры псевдопатриотической хроники тех лет.

Крали и те, что добрались до первых ступенек деревенской власти. Но тут в криминал гнал не морально оправдывающий голод, а национально-непреходящий порок. Из груды дел выберем что-нибудь близкое к сюжету образцовому. Председатель артели «Пролетарка» Лопатинского района Лобанов, член ВКП(б), совместно с сочувствующим бригадиром Старцевым получили со склада 56 кг зерна для покупки сена, которое продали и вырученные деньги пропили. Осенью 1949 года бугор продал 112 кг пшеницы, деньги израсходовал на водку. 28 мая 1950 года по договоренности с тем же Старцевым совершили хищение 1180 кг семенной пшеницы. Пропили. По указу «четыре шестых», закроем дело, председателю дали 8 лет заключения.[30]

Приведённый сюжет отражает общий вектор житейской эволюции колхозного председателя. «Без предварительной беседы тов. Мальгин задал мне первый вопрос: «Почему я не выполнил график хлебозаготовок первой пятидневки ударного декадника?» Я ответил, что график не выполнил потому, что нет тягловой силы, мобилизованная автомашина хлеб не возит по случаю плохой погоды. Продолжая, тов. Мальгин возбужденно сказал: «Вам что, жизнь надоела?» «Нет, не надоела» — ответил я. «Вы когда пошли сюда, попрощались с женой? — продолжал секретарь райкома, — ну хорошо, вызовем сюда милиционера, арестуем, посадим тебя, дадим лет 15, как саботажнику...» Тут вошёл милиционер Воробьёв, которому Мальгин приказал увести меня».

Председателя колхоза имени Кирова Юго-Осокинского района Менщикова вывели их кабинета секретаря райкома под конвоем в 12 часов ночи. После мучительной беседы в РО милиции с него взяли подписку — выполнить план хлебозаготовок к 10 октября 1948 года. В случае срыва, предупредили, получишь обещанные секретарём райкома пятнадцать лет. В первом часу ночи

секретарь райкома Мальгин пригласил в кабинет следующего председателя. Если не выполнил график, ошарашил он входящего, пойдешь вслед за ним. И кивнул в спину уводимого милицией Меньщикова.[31]

Совершенно типичная ситуация, связанная с предметом нашего интереса. Эволюция из председателя в зека имела краткий промежуточный этап. Завалив какой-нибудь очередной ударный декадник, трусливый колхозный бугор бросался от страха в пьянку. Пил крадучись. Тот, у кого резон преобладал над страхом, рационально усугублял драму, и пил в открытую на ворованное. За пьянкой обычно не стоит политического суемыслия, поэтому судили здесь милосерднее. За тонну с гаком зерна, украденного по трезвому расчёту, нашему лопатинскому председателю дали бы 15 лет. А тут вышло в два раза дешевле. К слову сказать, севший за пьянку уважаем и в лагере.

Городские кавалеры указа «четыре шестых», как и полагалось, крали более сноровисто. Естественно, тянуть что-то через заводскую проходную да под настороженным оком охраны опаснее, чем по осенней ночной степи. Не было ни одного крупного предприятия или учреждения, где бы ни завелись свои хищенцы. Со временем режущее слух «украл» в общественном сознании заменили нейтральным — «достал». Чаще криминальный интерес определялся ассортиментом выпускаемой продукции.

«Личным обыском в проходной будке трикотажной фабрики у работницы Ануфриевой обнаружены две пары трусов...»[32] Хисматуллина Фатиха, работница мельзавода № 2, похитила 1,3 кило теста, с чем и была задержана на проходной. Суд оценил преступное деяние в год принудиловки. Челябинская прокуратура опротестовала приговор суда как неоправданно мягкий и нарушающий политическую суть указа. Во-первых, не ИТР, а ИТЛ, и срок добавить бы надо. Вот рабочего ОСМУ-22 Назарова Петра осудили политически правильно. Через щель вагона он похитил 1,5 кило ячменя и получил за это семь лет лагерей.[33]

Голодуха проветривает ум до озарения. Тянули в мешках, спрятанных под одеждой, выносили продукт в вёдрах с водой, резали хлеб и съестное полосами, чтобы пряталось за голенища сапог, делали подкопы и перебрасывали через заборы... Женщины, рассчитывая на галантность охранников, ховали краденое в пазухи и иные более интимные промежности. Не помогало. При регулярных шмонах стояли на проходных очередями.

Теперь, с победой над немцем, и своих можно было крутить в бараний рог. После военного мора и мобилизации в лагерях ГУ-

ЛАГа мест — хоть прячь весь Союз нерушимый. Спрос на зека огромный. Перелимита в КПЗ и местных тюрьмах нет! радостно сообщали прокуратуры региона в столицу. Судим много, но нахлебников казны не держим. Гоним, мол, в лагеря прямо со скамьи подсудимых. Даже, хи-хи, кассационных. Вот с детскими колониями хреново, теснота и завшивленность.

Потому что Россия поредела, работник стал в цене, к зекам стали хозяйственно присматриваться местные власти. Москва выразила недовольство корыстными намерениями областей, расталкивающих заключённых по своим заводам и стройкам. Письмом министра внутренних дел СССР Круглова секретарям обкомов было доступно разъяснено: зек является достоянием общенародным, потому работать должен там, куда укажет государство. Вслед за этим областям Урала и Приобья пошли наряды на каторжный ресурс для 501 и 502 стройки (железная дорога Лабытнанги—Салехард—Надым), строительства объектов 859 и 817 (атомный комбинат Челябинск—40) и других великих строек новой эпохи.[34]

С героической историей всего советского народа россияне пока знакомятся по изданиям специалистов от КПСС. Надоест, пусть отдохнут на диетическом отваре учебников, полученных милостыней. Мы же вернёмся в уральскую деревню. Земляков тех лет гладили не только против шерсти, но и вдоль кармана. С окончанием войны облегчённо вздохнуть не дали. Надо было бороться с разрухой, полностью списанной на германский фашизм, поднимать с колен колхоз, городить по периметру Союза социалистический лагерь и бдить за международным империализмом. Между амбициями и возможностями легла финансовая пропасть.

Сначала была ксива. «Секретарю обкома ВКП(б) и председателю Облисполкома. Секретно. Постановление Правительства о выпуске «Второго государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» будет передано 4 мая 1947 года в 16-00 по московскому времени, а 5 мая будет опубликовано в газетах. Организуйте коллективное прослушивание передачи и сразу приступайте к подписке. Реализацию нового займа среди рабочих и служащих необходимо провести организованно под лозунгом «Трёх-четырёхнедельный заработок в заём государству!», а среди колхозников и единоличников не менее 250 рублей».[35]

Назавтра, по горячим следам, местные газеты уже подавали лозунг как единодушное желание работниц какой-нибудь фабрики, достойное всеобщей поддержки. С колхозниками почин никак не ладился. Хитро щурясь, те соглашались дать взаймы родному государству трудоднями. Но соввласть ощерилась. Приказали ка-

тегорически — трудодней и обязательств по итогам хозяйственного года у деревенских не брать! Великое дело — опыт. В прошлом, сорок шестом, кампанию подписки провели быстро, а по осени колхозники лукаво разводили руками. Берите хоть сейчас соломой озимых культур. «Проведение подписки на селе среди колхозников, трактористов МТС должно сопровождаться внесением наличных денег в счёт подписки с окончанием полного сбора средств в мае 1947 года».[36] Торопись быть патриотом!

Чтобы уложиться в плановые сроки, некоторые районы приспособились начинать подписку задолго до объявления таковой. Откровенно жульничали. Под патриотический самогон проскочит всякая мерзость. В погашение стребованных под патриотические угрозы обязательств химичили во все тяжкие. Почту заставили в счёт подписки перегнать все поступления денег на село: пенсии за погибших, компенсационные выплаты по вкладам, почтовые переводы. Сумму подписки кидали на колхоз, и тот немедленно закрывал ее кредитом банка. Колхозники рассчитывались с артелью скотом. Конечно, радоваться бы надо, что скотина дотянула до весны, но раз такой случай... Не сидеть же за недоимки, сумма подписки, как только высыхали чернила, считалась обязательным госплатежом со всеми возможными уголовными последствиями.

Во времена чрезвычайного патриотизма разговор с крепостными совсем короткий. За отказ от лесозаготовок, инструктировал места начальник управления Наркомюста РСФСР по Челябинской области Лавренков, отправляйте отказников под статью 59-6, в которой от двух до шести лет тех же заготовок, но в лагере.[37] После таких судов и публикации материалов в районках отказники побегут в лес с полуслова и в чунях на босую ногу. Так же рекомендовалось поступать с недоимщиками. Помогло. Лучше пусть ведут со двора тёлку, чем хозяина. Каждый оставался при своем: у государства — деньги, у артели — долг и скот, у колхозника — облигации. Плюсом к колхозной барщине и оброку обязательных индивидуальных заготовок пошел оброк патриотический.

Изымать деньги из карманов путём займов, как показал опыт времён индустриализации, всё-таки утомительно. На все жульнические ходы и патриотические увещевания власти у населения складывается устойчивый иммунитет. Ещё куда ни шло отдавать последние копейки на помощь фронту, рассуждали многие, но в мирное время, увольте! Говорить о принуждении излишне, в городских предприятиях сумма подписки принималась пристяжным профкомом и немедленно изымалась из зарплаты. В деревне высокие обязательства грузились на загривок колхоза, после чего

разносились по душам. Покорных грабили тихо, сомневающихся и безденежных предварительно будировали.

Идея всесоюзного шмона обрела форму денежной реформы. Замена купюр с изменением масштаба цен и доходов — любимый экономический инструмент политиков недалёких, но очень претендующих. Монетарный вариант «Интернационала» — «до основания, а затем...» — содержит столько броских преимуществ, не воспользоваться которыми было бы идеологически грешно. В самом деле, обмен денег позволяет просветить граждан на инфекцию корысти и хирургически подавить таковую, установив лимит обмена. Эмиссия новых купюр оглушающе эффективна в борьбе с хроническим дефицитом и спекуляцией. Достаточно сбрить денежные доходы населения до скудного текущего пропитания, и духовно высокая нищета общественной жизни гарантирована.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1947 года «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» газеты сразу назвали историческим. Как же, всё свободно покупаешь на свежие деньги. Чем не социализм? Суть происходящего лежала на дне шумно изданной директивы. Чтобы предупредить неизбежный с отменой карточек дефицит промышленных товаров и столь же естественную спекуляцию, следовало обрезать карманы советских граждан. Пайковые цены на продукты подняли загодя, в сорок шестом. Власть работала в манерах щипача-профессионала. Для обмена наличности под обмен в пропорции 10:1 установили лимит. Вклады переводили в новые деньги без ограничений.

Лимит обмена бил, прежде всего, по номенклатурному карману. У пролетарской публики и провинциальной интеллигенции денежных запасов не держалось. У колхозников денег не велось вообще. Весь партийный и советский аппарат встал на уши. Что тут началось! В некоторых городах и районах пакеты с правительственным постановлением вскрыли преждевременно и приняли самоспасительные меры. Серый аппаратный люд прятал сбережения через торговую сеть. Магазины моментально опустели. Даже совершенно ненужные товары брали на время, а наличность оформляли как выручку и сдавали в банк. Когда всё улеглось, товары возвращали в магазины для реализации. Торговля соглашалась сотрудничать на условиях солидарной ответственности.

Внезапные проверки товарных остатков в торговой сети, проведённые в некоторых городах по настоянию прокуратуры, дали просто ошеломляющие результаты. Выходило, что декабрь месяц магазины торговали воздухом. Выручку сдали в банк, а товары

лежат на полках целёхонькие. Сначала излишек с удовольствием приходовали в пользу государства, а с комбинаторами не знали что делать. Товарный и денежный излишек есть, а бумаги, по которой надо бы садить, нет.

Учтите, разъяснила союзная прокуратура, что меры государства носят не только экономический, но и политический характер. Понятно, ответили в углах России. Сие переводилось так: судить надо по революционным понятиям, а сроки давать предельные. В суде обвинение апеллировало к двум по выбору самым воспитательным указам — «семь восьмых» и «четыре шестых». В большинстве случаев подсудимые торгаши держались на следствии достойно и не сдавали старших подельщиков.

Номенклатура областного полёта жульничала солиднее, имея дело с работниками местных финорганов и сберкасс. Самая торная дорога к спасению собственных накоплений — оформление вкладов в сберкассу задним числом. Так делали повсеместно. 14 декабря 1947 года можно было объявить всесоюзным праздником — днем советского депозитария. За рекордное и добровольное вложение средств. Из наших изворотливее всех, по обзору союзной прокуратуры, оказались партсоветские работники Молотовской области. Ужаснувшись новостью, одинаково подумали и бросились в сберкассу заведующий финансовым и сельскохозяйственным отделом облисполкома, зам. начальника облсвязи, первый и второй секретарь Кагановического райкома ВКП(б), третий секретарь соседнего по областному центру Молотовского райкома, директор завода имени Сталина... Народ подбегал важный, но озабоченный и нервный.

Еле-еле успокоились. Городская сберкасса открыла всем вклады вчерашним числом. Но больше всех радовались обычно холодные чекисты. Штатом областного управления МГБ они собрали 73 тысячи рублей и оформили фиктивный вклад на самых доверенных товарищей. Чекист — он и в Перми не промах. Так думал их шеф, начальник облуправления МГБ. В день денежной реформы генерал-майор был собран и спокоен. Конверт с правительственной директивой он вскрыл загодя, потому действовал основательно. В дополнение к собственной заначке, оформленной вкладом, он плюсанул 34 тысячи кредита, который пожарно и преступно оформил за день до реформы в той же сберкассе.[38]

По уголовным делам, связанным с махинациями вокруг обмена денег, пропустили преимущественно работников торговли и аппарат местных сберкасс. Примерно так. «За два первых месяца 1948 года осуждён 31 работник сберегательных касс: 15 — от 5 до

10 лет, 11 — от 10 до 15 лет заключения».[39] Лучшие сроки давались за финансовую смекалку сотрудников сберегательных учреждений, рвущих на ходу подмётки у мошенников со стороны. Поступающие деньги они оформляли на собственные счета, правильно полагая, что хитрозадые клиенты не побегут жаловаться. Номенклатурных рвачей пожурили по месту основной работы.

В нашем примере с молотовскими чекистами сняли с работы только начальника секретариата Владимирова. Так надо! — таинственно сказали обидевшемуся было секретарю. И то правда, не стоять же в очередях обменных пунктов сотрудникам самых компетентных органов. Тем более генералу. Оформить фальшивые вклады и поручили начальнику канцелярии.

По причине полного отсутствия наличности и депозитных сбережений денежная реформа не произвела на деревенщину ни раздражающего, ни воспитательного эффекта. Колхозник жил в полной и естественной гармонии с окружающей средой, исключая посредство товарно-денежных отношений. Питался натуральным продуктом собственного огорода, хлебной мякиной, если таковая выпадала по трудодням. Кое-что приворовывал.

Колхозная барщина, экономически бессмысленная в принципе, после войны потеряла оправдание со стороны патриотической необходимости. В 1947 году, из отчёта в Совет колхозов, более 20 тысяч тюменских коммунаров не осилили минимума трудодней. По Уральскому региону отлытали от ярма более 100 тысяч человек. Трудовая дисциплина, определяемая военным режимом, таяла как утренний туман. Раньше на работу гнала совесть, истинное желание быть вместе со страной. Теперь совесть ложилась поперёк дороги. И вот почему.

Карательная политика по указу о минимуме трудодней на глазах теряла объект преследования. В той же Тюменской области из 20 тысяч колхозников, не уложившихся в обязательный лимит, 8 тысяч — малолетки от 14 до 12 лет, 12 тысяч — женщины.[40] Малолеток за невыработку минимума садить не разрешалось, местным прокуратурам советовалось карать родителей. Колхозниц уводило из-под указа другое обстоятельство. На послевоенные годы пришелся демографический взрыв, вполне понятный рост рождаемости. Победители возвращались в семьи. Во имя вечной жизни и смысла жизни личной заводили детей жёны и невесты не вернувшихся со второй мировой. Через два десятка лет этот праздник возвращения к жизни даст о себе знать переходом средних школ на сдвоенные выпускные классы.

Молодые и счастливые матери выбирали судьбу между барщиной и семьёй. Закрытые по голодухе детские сады и ясли обращали естественный материнский выбор в преступное деяние. Однако на пути уголовного преследования мамаш встал принятый ещё в июле 1944 года указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны детства». По бумаге, больше декларативного, нежели практического свойства, обещалось увеличение декретного отпуска, единовременного пособия при рождении третьего и последующих детей, некоторые пайковые льготы.

В плане демографического хозрасчёта документ был слаб. Всякие материнские и детские пособия и поныне остаются самым ветреным обязательством государства, а тогда обещанные выплаты сразу ушли в нарастающий пассив долга и в актив женского патриотизма. Призывы плодить семейную гвардию, когда мужья и женихи на фронте, а на дворе голод, выглядели не то чтобы нелепыми, а просто оскорбительными и для красноармеек ещё ждущих, и для свежих вдов.

Колхозникам ни пайков, ни льгот по ним не положено, поэтому деревенские матери подпадали только под блага морального поощрения, в коих указ от 8-07-1944 был необыкновенно щедр. Впредь решили награждать матерей, родивших и вырастивших 10 детей, орденом «Мать-героиня». Орден «Материнская Слава» вручали за 7-9 детей, «Медаль материнства» — за 5-6 детей. Благодарность матери похвальна в любой форме.

Внешне кампанию обставили солидно, особенно в первые послевоенные годы. Были созданы наградные комиссии и отделы, сохранившиеся реестры награждённых, в укор тощей бухгалтерии материальных пособий, просто фундаментальны. Конечно, матери России заслужили большего. Но в фильтрационных материалах по награждениям святость и мерзость лежат рядышком. В свет государственной милости попадали только матери социально непорочные. Исключались претензии со стороны репрессированных по разным приступам классового озлобления, да просто подозрительные. Из кулаков, из служителей культа, из уголовно активных.. Какая тебе медаль, старая, забыла, что твой третий сын тянул срок по статье 162 УК за кражу комбикормов со свинофермы? А у тебя и того хуже, старший сын дезертировал из колхоза, а младший попался на колосках.

Решения о награждении орденами и медалями принимались по достижении последним ребёнком годовалого возраста. Учитывались и дети, погибшие на фронтах Отечественной. Нет! — сер-

дито отвечала власть на глупые материнские запросы, можно ли включать в состав семьи детишек, умерших от голодухи во время войны. Умерших в возрасте старше годика. Матери уходили озадаченными, для них (и для Родины) одинаково больно за погибших на глазах и где-то под Вязьмой.

Классика отличается от творческой серости способностью многократного пользования. Как ни крути статьями Уголовного Кодекса, а всё-таки лучшим средством загнать деревню в колхоз остается выселение. Власть осознала это весной сорок восьмого. Прикинув ленинский кооперативный план на послевоенную местность, партия пришла к выводу, что массово выселять уже некого, а потому кампания должна быть образцово показательной с высоким воспитательным эффектом. Объектом культивируемой ненависти полагалась та часть деревенщины, что жила или пыталась жить в обход колхоза. На враждебный класс она не тянула ни числом, ни внешними атрибутами, что потребовало творческих усилий в области политического сквернословия.

Указанные и многие другие соображения по этому вопросу нашли почти идеальное воплощение в указе президиума Верхсовета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Директива призывала навести в деревне большевистский порядок и решительно бороться за укрепление трудовой дисциплины. Во имя святой цели — спасения колхоза — приказывалось выслать лиц, «которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный, паразитический образ жизни, подрывают трудовую дисциплину в сельском хозяйстве и своим пребыванием в селе угрожают благосостоянию колхозов, колхозников и их безопасности».[41] Заглянем в душу и дела деревенских паразитов той далекой романтической эпохи.

В прессе указ не печатался, что прямо свидетельствовало о серьёзности намерений и одеревенелости моральных принципов власти. Начали с устного пересказа сути. Сразу по прибытии с всесоюзного инструктажа секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов были проведены совещания по технологии будущей кампании. Учить карательный аппарат следовало основательно. Раньше, в тридцатых, кулака до выселения мордовали года полтора-два. Пока не убедили простоумых, что он классовый враг. Теперь предстояло изыскивать паразитический элемент сразу, причём из невыразительной околоточной ровни.

И на этот раз приказали выселять демократически. Надо учесть опыт Украины, разъяснял председатель Челябинского облисполкома Белобородов, чтобы не было провалов и отказов в выселении. Хохлы, прожившие без колхозов два года оккупации, если и не смогли избежать советского нашествия, то затаили глубокую неприязнь к столбовому пути. И сдавать друг друга большевикам не хотели. Районы и хозяйства для проведения показательный акций надо выбирать с умом, инструктировал председатель облисполкома районных соратников. В Каракульском районе, например, паразит на паразите, 80% населения подлежит выселению, подавляющее большинство. Вы представляете, что будет при голосовании! Ходить по сомнительному пути открытой демократии нет необходимости.[42]

Простую демократию заменили демократией социалистической. Областное совещание секретарей райкомов и предриков, пожарно проведённое в Свердловске 5 июня, приняло решение — обеспечить выступления в поддержку выселения по 5-10 колхозников на каждом собрании и добиться единогласного голосования. Успех дела обеспечивали ударные бригады, сколоченные из областного партаппарата. Для усиления страхо-воспитательного эффекта в группы ввели работников МВД и МГБ. Немедленно, после совещания, бригады отбыли на передний край.[43]

Подбор паразитического элемента поручили местной власти. Высокое доверие вогнало сельсоветы в ступор. Никаких визуальных, экономических или, на крайний случай, бытовых признаков, выделяющих паразита из толпы однодеревенцев, область не дала. Честно сказать, не знали таковых и областные большевики. Подходите индивидуально, довели настырным, были бы кандидатуры, а сослать — дело плёвое. Из тенденциозных разговоров меж инструктажами кое-кто понял, что под паразитами понимается неколхозное население деревни. Низы терзались сомнениями и относительно числа выселяемых. Тут проблема виделась с первого взгляда. При самом нахрапистом подходе к делу не набрать и трети того, что выкинули в тридцатом.

Подберите первым делом особей для показательных собраний, ответили области. И добавили: кандидатура должна быть действительно мерзкой, а не искусственно дутой куклой. Сверху знали, при появлении сотрудника МВД, ещё хуже МГБ, сельсовет сдаст любого колхозника, накатает на него такую бодягу, что хоть на первом суку вешай. Оно и по делу. Где их искать плохих-то? Все деревенские ничтожны перед иконописным образом колхозника. С другой стороны, все хорошие, потому что терпят барщину.

На подбор параэлемента и оформление сопроводительных документов сельсоветам и РИКам дали всего три дня. Работу следовало провернуть секретно, а документы с нарочным отправить в обкомы партии. Списки планируемых к выселению требовали и райотделы милиции, на предмет предотвращения побегов или превентивного ареста. Одновременно сельсоветам категорически запретили выдавать справки на выезд за пределы деревни. Отделы кадров городских предприятий получили приказ — временно приостановить наём рабочих из сельской местности.

Внизу опять взвыли. Не по-советски, мол, всё делается. Обкомы утонули в срочных запросах. Как, например, быть с имуществом выселяемых. Описывать? Раскулачивать? Забирать всё, или только то, что приглянется? Передавать добро в колхоз, или устраивать, как в прошлый раз, торги? Действительно, интерес к чужому имуществу в какой-то мере влиял на подбор кандидатур параэлемента. Если уж выселять, рассуждали в сельсовете, так с возмещением суетных и моральных мук.

Как быть с работниками совхозов? А старатели и железнодорожники? Один работает на предприятии, а вся семья занимается частным хозяйством. Как быть с фронтовиками, которые не спешат на колхозные поля? Как поступать с семьями колхозных дезертиров, что работают в городе? Они ведь пользуются и колхозной землёй, и выпасами. Самые наглые сельсоветчики даже заикнулись о семьях районной номенклатуры. Народ видит, что последний райкомовский пропагандистишко бережёт свою жену от колхоза пуще, чем от стороннего мужика.

По работникам совхозов области велели обождать. Даст Москва добро, пустим их вторым эшелоном. Семьи дезертиров карать можно и желательно, только не надо трогать дряхлых. С ними опять будет морока. А дезертир пусть сам выбирает свою судьбу. Сбежит с предприятия, посадят по указу от 26-06-1940, сбежит удачно и здесь появится, — выселим. Бывших фронтовиков выселять разрешили с условием — ставить их в последнюю очередь. На остальных категориях сограждан низам советовалось не жечь внимание, а сосредоточиться на околоколхозном населении, поражённым частным корыстным интересом.

Так или иначе, время добежало до собраний по выталкиванию лишних. «12 июня 1948 года райком ВКП(б) в присутствии секретарей Челябинского обкома ВКП(б) Белобородова и Бездомова провел партийное собрание первичной партийной организации колхоза «Миасское», на котором присутствовали из 3 членов ВКП(б) — 3 человека, из 3 кандидатов в члены ВКП(б) — 2 чело-

века... Принято решение о выселении 3 семей...»[44] Сначала было жутко трудно. Два секретаря обкома, секретарь райкома, гебист, два мента и пятеро местных активистов, всё для того, чтобы выпихнуть из села двух стариков и четырёх престарелых женщин.

Инициаторы затеи хорошо понимали, что стреляют по чучелам. «Указ, как острое оружие, мы должны направить против паразитов, тогда сотни честных людей придут на их место... Выселение будет уроком для всех колхозников».[45] В каждом углу и времени России есть краснобаи, способные на гениальные перлы глупости. Закавычена фраза из выступления на деревенском собрании руководителя одной из ударных бригад Свердловского обкома партии.

По причине отсутствия нормативных признаков паразита и лимитов выселения кампания приняла характер творческого экспромта, движимого советской завистью и интимным интересом к чужой жизни. Обычно собрание открывалось точно по сценарию. Приезжий партийный секретарь разводил пары, начиная с критики международного империализма, так теперь назывались вчерашние союзники, и со временем добирался до их пособников, окопавшихся в колхозной деревне. Милиция и обязательный гебист производили положительное впечатление выправкой и суровым взглядом в окружающее. Председателю сельсовета, или нештатному местному активисту, когда голова был безграмотен, поручалось зачитать предварительное постановление деревенской партячейки. Если большевиков на селе не водилось, бумагу называли решением актива. И теперь в активистах ходили способные продать соседа за мелкую услугу.

Вот тут-то и всплывало конкретное, прикладное к ситуации определение социального паразита. «Баландина Агафья Фёдоровна, 1909 года рождения, в колхозе работать не стала, завела в личном пользовании 4 головы крупного рогатого скота, купила сепаратор и у себя открыла сепараторный пункт». Кизильский райком партии и райисполком с удовольствием утвердили выселение. «Раздувала свое подсобное хозяйство до 2 коров, 3 подростков, 5 овец, приусадебный участок 0,30 га, извлекая большие нетрудовые доходы от хозяйства и спекуляции».[46] Эту тоже выселили. Чтобы не омрачала социалистическую панораму Сосновского района. Ибо единственным справедливым доходом в колхозной деревне признавался трудодень, а всякая продажа своего продукта обзывалась спекуляцией.

Большинство из осуждённых от имени прогрессивной сельской общественности обвинялись в преступных намерениях вер-

нуться к единоличному труду. Глядя на них, отмечалось во всех документах партии и карателей, колхозники испытывают чувство зависти и негативно относятся к артельному производству. Возражения сельских паразитов о том, что индивидуальные поставки выполняются в срок и полностью, вызывали раздражение и отводились как не имеющие никакого отношения к обвинению. Речь, мол, идёт об участии в колхозном труде, а не ваших гражданских обязанностях.

Особенно крепко жарили земляков с хозяйственными аномалиями. Живущий рыбалкой — паразит откровенный. Тоньше прикопаться, так и хищенец. Рыба-то общенародная. Тем же крыли и охотников. На Севере ещё туда-сюда, бей и сдавай дичь по договору, а в лесостепной зоне ты тунеядец. «Систематически проявлял свои рваческие тенденции, — по обвинению Нечаева Николая из Варненского района, — большую часть времени, как слесарь и кузнец, уделял работам на сторону... Проводил антиколхозную агитацию, что все колхозы держатся только на тюрьме».[47]

«Гражданин Никитин ведёт паразитический образ жизни, — тут действительно ни в какие ворота, — зарабатывает себе средства игрой на гармони, питаясь и пьянствуя на вечеринках частных лиц».[48] Убил, можно сказать, мужик в себе божий дар. Шёл бы в колхозную самодеятельность, да наяривал ферматами: «Могучая!!! Кипучая!!!..» Теперь, глядишь, сидел бы в президиуме собрания.

Безжалостно давили самых живых. Один тайком держит лошадь и прирабатывает извозом, другой по договору ладит дома, печи и гробы, третий даёт напрокат быка-производителя, тот из шерсти сомнительного происхождения катает по заказам валенки. Все паразиты, все! «Колхозница Тихонова А. А., жена погибшего воина Советской Армии, в период войны, имея крепкое хозяйство, вышла из колхоза. В 1946 году её заставили вернуться в колхоз. Позднее она опять самовольно оставила колхоз. Имея транспортный инвентарь и живое тягло (быка), оказала упорное сопротивление при его изъятии».[49]

Последний сюжет юридически сложен и требует комментариев. Быка отобрали у вдовы с трудом, но правильно. Обладание телёнком мужского рода таило в себе неприятность, которую совершенно не приняла в расчёт поименованная гражданка Кузнецкого района. По достижении дееспособного возраста бычок превращается в быка-производителя. В средство производства, частная собственность на которое категорически осуждена ещё Карлом Марксом. Если воспользоваться услугами коновала, скотина становится волом. Да, тем же средством производства, на

этот раз тягловым. Закон суров, но это закон. Не успела своевременно съесть бычка, закон на стороне социализма.

Далеко не всегда у обвинения доставало экономических аргументов. Частенько приходилось полагаться на информацию, возникающую в процессе обсуждения. Гоните на собрания женщин, приказывали знакомые с украинским опытом большевики, они знают всё и про всех. И обязательно скажут, если найдёте эрогенные зоны самолюбия. К радости инициаторов уральской кампании собрания вскипели таким водоворотом межудворных сплетен и бытовых помоев, что хоть любого бери за загривок.

До революции жила в кулацком хозяйстве, в настоящее время имеет дом, корову, другой скот и двух дочерей. По экономической характеристике колхозница артели «Красный Октябрь» Костарева Анна на высылку в Якутию не тянула. В сомнительном кулацком статусе она ходила до десятилетнего возраста, а потом тридцать советских лет мыкалась в нищете. Председатель сельсовета из неясных истории соображений, то ли не дала, то ли по врождённой злобе, усугубил дело припиской, что обвиняемая бегает от мужа на сторону. Можно представить, как отреагировала на прочитанное вслух обезмужиченная толпа.[50]

«Она знает одно, свой огород, корову и приготовление обеда для своего мужа» — в сердцах выдала соседка про обвиняемую. Дело было на собрании в колхозе имени Молотова Нагайбакского района. Бабью зависть секретарь райкома принял за призыв жить высоко и содержательно. Действительно, виновница имела всё необходимое для женского счастья: тридцать соток, три коровы и мужа. Одного, но любимого. Голосовали единогласно. Выселяйте, съехидничала в последнем слове социальная паразитка, обогащайтесь тут без нас, вы уже как-то пробовали.[51]

На собрание в деревне Темряс Кунашакского района сельсовет подобрал кандидатуру слабую, экономически почти не проходную. Не ворует, не рвёт заработков на стороне. Неожиданно, под конец собрания, её соседка нашла динамичное продолжение темы, обвинив Марию Терентьевну в проституции. Обсудили всё, что интриговало. Не глядя на то, что за выселение проголосовало явное меньшинство, предрик Слабинский, ответственный за мероприятие, приказал начальнику райотдела милиции Валееву арестовать проститутку и этапировать в райцентр. Там её посадили в холодную. Наутро райисполком утвердил приговор на выселение, а райком ВКП(б) через день его отменил.[52]

И поступил резонно. Факт проституции просто исключался обстоятельствами дела. В сорок с гаком, именно в таком возрасте

застала подсудимую драма, да на деревне исключительно женской, баба и даром никому не нужна. Во-вторых, за живой товар нечем было платить. На трудодень не купишь и стакана семечек. В таком случае, резюмировали в райкоме партии, интимная близость возможна лишь по чистому произволу, либо по обоюдному согласию. Да, отдавались за ведро отходов или кусок пропастины с колхозного склада. Было нередко. Но такое самопожертвование во спасение семьи ближе к героизму, нежели к корыстной похоти.

Часто судьба паразитического элемента решалась в нервических судорогах толпы. Казалось бы, всё складывается удачно, вокруг активно сочувствующие взгляды, вздохи, реплики. Вдруг откуда-то сатана вынес на круг красную сваху, активистку по поборам: «Этот негодяй так и не подписался на заем!» Мгновенно взоры однодеревенцев взялись инеем, в них холодно искрилось чувство мести. Обманутые подписчики и вкладчики никогда и никому не простят упрямого разума или разумного упрямства. Под единогласное «за» паразита уводят к милицейскому ходку.

Трудно проводить кампанию среди татарского и башкирского населения, жалуются в уральские обкомы с мест. То молчаливый и полный бойкот всех мероприятий, то непредсказуемый и непонятный радикализм. Азия середины не знает. В деревне два драчливых родовых куста — Файзуллины и Муртазины. На собрание пришло больше Муртазиных. Проголосовали решение — выселить Файзуллиных...

Пожарно проведённая серединой лета кампания постепенно двигалась от разового испуга к хроническому издевательству. По осени обкомы отчитались перед Москвой по выселенному паразитическому элементу и накрутили хвост отстающим. «Проверкой установлено, — читаем постановление Тюменского обкома, — партийные и советские органы Викуловского, Велижанского, Сорокинского, Аромашевского, Упоровского и других районов неудовлетворительно руководят проведением в жизнь указа президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года... Много колхозников не выполняют минимума трудодней».[53]

Неужели есть места, где живут ещё хуже нас, недоверчиво подумали парткадры самых дремучих районов аграрного Приобья, и приказали сельсоветам подобрать дополнительную партию паразитов. Удивление возвышало, всю жизнь сюда только ссылали, а теперь вот довелось и высылать.

Не обошлось без привычного дуроломства. Из некоторых обезлюдевших в войну районов погнали в ссылку стариков. Живут долго, а в колхозе не работают. Общее собрание одного из сёл

Кунгурского района выселило, не моргнув от стыда ни единым глазом, вдову Солодовникову Анну с пятью малолетними детьми и старухой-матерью 75 лет. Муж у паразитки погиб на фронте. Другие районы навадились гнать подростков. Все работают, значит, малолеток нет, — так огрызнулся предрик одного из пермских районов. Вспылил и секретарь Нязепетровского РК ВКП(б), когда из Златоустовского пересыльного пункта вернули по болезни часть выселенных из района тунеядцев. Что, предъявлять к ним требования как к курсантам авиашкол?[54]

Кое-где перебрали с контингентом, в национальных колхозах Кизильского района, к примеру, нашли вирусы паразитизма в каждом четвёртом сельском жителе и всем прописали дальнюю дорогу. Сверху заставили присмотреться внимательнее. «Многие выселенцы, — ещё один акт проверки, — перед отправкой в Якутию находятся в тюрьме №1 города Молотова, и жалуются на неправильное выселение. Некоторые действительно нездоровы: пороки сердца, неспособность к физическому труду, женские болезни».[55]

В Якутию никому не хотелось. Взятые на испуг коммунары вроде бы зашевелились. Изо всех углов аграрного Урала и Приобья пошли обнадёживающие вести. «Собрание дало положительный результат, — информирует обком руководитель ударной аппаратной бригады их Верхотурского района, — на другой день — 24 июля в колхозе «Ленинский путь» все колхозники, в том числе и предупреждённые, вышли на работу в 5 часов утра и трудились до позднего вечера, перевыполнив норму в полтора-два раза». Накануне из деревни вытолкнули Воложанину Матрену, упорно желающую жить мимо колхоза. Её эффектно, при всем собрании, арестовали и увезли в райцентр. Дома остались покорные рабы «Ленинского пути».[56]

«Выход колхозников на работу увеличился на 12%, а производительность труда — на 20-25%». Сообщая о том в Челябинск, уполномоченный по Кусинскому району поделился своими соображениями. Заметно, что чем больше выселяешь, тем выше трудовая дисциплина. В колхозах, где собрания по указу ещё не проводились, народ спит на ходу. Поторопиться бы надо, а то придётся голодовать и этот год. За две недели работы с указом от 2 июня 1948 года, отчитывается перед ЦК ВКП(б) Тюменский обком, проведены сотни собраний, после которых наблюдается резкий подъём трудовой дисциплины. К примеру, в колхозе «20 лет Октября» Абатского района до указа ежедневно выходило на работу по 80 человек, после указа — по 120![57]

Позднее обком сообщит Москве, что благодаря исторической директиве сэкономлено более 90 тысяч трудодней. Экономия достигнута двумя путями: ужесточением учёта и штрафных санкций. Раньше палочки ставились за факт выхода на работу, теперь бригадиры смотрят в нормы и расценки. Введены прогрессивные штрафы за нарушение трудовой дисциплины. Из подобной туфты, поступившей из других областей и краёв, столица собралась было высеять почин — передать сбережённые трудодни государству. По ним бы за милую душу содрали с колхозов ещё что-то. При дотошном анализе экономия оказалась плодом кабинетной фантазии.

Молодость даже в нищете останется молодостью, временем, к которому в возрасте тянется сентиментальная память. Вторая половина сороковых была на уральской деревне порой хоть и не весёлой, но живой. То выселяли местных, то вселяли к нам, то ловили на околице американских шпионов...

Их привезли в нашу деревню пыльным летним днем. Выгрузили с детишками и тряпьём на базарной площади. Народ сбился посмотреть на диковинных переселенцев, которые, по словам, чем-то нам здорово навредили. Черноволосые большеглазые и худые, они смахивали на цыган, но от неунывающего кочевого люда их отличало полное отсутствие украшений и подавленность. То состояние, когда с горем смиряются как с судьбой. Говорили тихо между собой, не глядя на окружающих.

Бестактное деревенское любопытство вскоре сменилось сочувствием. Робко заговорили с пришлыми. Те, что помоложе, знали русский, но произносили слова с каким-то мягким акцентом. «Кулаки?» — спросили переселенцев. «Нет, молдаваны». Потом малолетки далёкой Молдавии будут вместе с нами хлебать нищету, ходить в школу, петь про Сталина. Они научатся есть ворованный льняной жмых, нас изредка будут угощать присылаемыми с родины грецкими орехами и полукашей-полухлебом, что зовётся мамалыгой.

На удивление и зависть деревенских взрослые выселенцы начали разводить сады. У нас в этом деле дальше огурцов и тыквы тяму не хватало. Под началом Христофора Сытника на пустыре, за конторой, разбили большой совхозный сад. До активного плодоношения яблони и груши не дожили, затея высохла под грузом государственных планов по косточковым и цитрусовым... Потом им дали свободную. Когда разбегались по жизни, друг и сосед по землянухам выселенец Адик Пузановский подарил мне бесценное — детекторный приемник «Комсомолец».[58]

Выселяли на Урал и в Северное Приобье народу много и всякого. Места для ссылки здесь действительно идеальные: нищета, скука, холод, склонные к сопереживанию аборигены. Все массовые карательные кампании советской власти, так или иначе, касались земляков. Сороковые годы были особенно суетными: ссылали и переселяли аборигенов, ото всюду завозили репрессированных, начали освобождать крестьян, сосланных в тридцатых.

2 июня 1944 года в Ново-Лялинский леспромхоз прибыла первая партия спецпереселенцев очередной, инициированной постановлением ГОКО, карательной кампании. 2836 человек, в том числе 826 детей младше 12 лет, 421 ребёнок старше этого возраста, 473 престарелых, 29 инвалидов, 28 круглых сирот. Вполне обычная половозрастная структура ссылки по национальному признаку. Советская власть беспощадно расправлялась с семьями (родителями и детьми) тех, кто не хотел мириться с большевистским рабством. По нацсоставу партия была пестрой — большинство репрессированных крымские татары, а так как заметали подчистую, попались болгары, армяне, греки и цыгане.[59]

Ясно, что гнали на Север не работников, место дислокации и характер производственной деятельности избирались со злым расчётом — предельно, до угрозы физического вымирания осложнить жизнь репрессируемых. Жителей знойного Крыма отправляли в тайгу на лесоповал, детей степной Калмыкии толкали в болотистое Приобье на рыбозаготовки.

Вернёмся в Новую Лялю. На лесоповал нарядили более семьсот человек, но работы не получилось. У приезжих не было ни практического опыта, ни инструмента. На бригаду в 5-10 человек выдавали по пиле и топору. Первые дни таёжной принудиловки отмечены высоким травматизмом, неизбежным, когда лес валят среди бестолково снующих людей. Искусство положить лесину удобно для кряжевания и трелёвки тоже требует жертв.

Сразу выяснилось главное, трудом, даже сверхгероическим, не выжить. Заработанных грошей не хватало на оплату пайков, да и выдавали деньги раз в три-четыре месяца. Уже в сентябре сорок четвёртого приехавшие разутыми и раздетыми южане поняли разницу между Крымом и Средним Уралом. «Как правило, — теперь дословно по отчёту, — люди отдыхают, спят, кушают на полу. Общежития, переоборудованные под комнатную систему, более похожи на скотный двор, чем на жильё для людей».[60] В зиму начался мор. Местные жители, из обвыкшихся спецпереселенцев той, кулацкой, ссылки, помогали как могли. Но на дворе стояла самая грустная пора Отечественной.

В болоте сгниёт всё. С точки зрения этого практического знания лучше места ссылки, чем топкие низины Северного Приобья трудно найти. В самом деле, так. Если индустриальным областям Урала требовалась ломовая и квалифицированная рабская сила, в Югорию можно было сливать последний отстой ссылки. Тайга, болота, далеко от лишних глаз, почти невозможно убежать. Таёжные богатства освобождали власть от главных забот, с момента размещения спецссылка могла основательно рассчитывать только на подножный корм. По переписи 1949 года в Тюменской области находилось 62 тысячи спецпереселенцев: немцы, кулаки, калмыки, украинцы, литовцы, указники, побывавшие в плену совграждане, оуновцы, сектанты. Статистика тут с душком. Ссыльная молодь хоть и сидела на комендантском режиме, по отчётам проходила свободной.

Таёжно-болотный интернационал делал местную жизнь очень содержательной и динамичной. Доморощенный немец в основном использовался на промышленных стройках, в Агрогулаге он бы и не прижился по причине врожденной трудоспособности и уважения к чужой собственности. Выходцы из Балтии повсеместно ходили в пасынках, потому как не умели скрыть отвращение к нашему социализму и прибыли в бессрочную ссылку. Калмыкам, молдаванам, сектантам и прочей лишней публике одна дорога — в болотный колхоз. Западные украинцы привыкли жить в тепле, работать в полную силу и в полное брюхо есть. Видя как голодают и мёрзнут двоюродные славяне, начальник одного из ссыльных лесоучастков Чусовского района изложил свой дальний резон. Зимой, сослался он на опыт прошлого, карточки вам отоваривать не будут, так что копайте себе могилы, пока земля не промёрзла.

Поляков, и пастырный же народишко, надо было воспитывать издалека. Прежде всего, и словом, и рукой агитировать за советское гражданство. НКВД ещё в феврале 1943 года приказало навести порядок среди осадников, сбежавших в тридцать девятом от Гитлера к Сталину. Порядок виделся в списании таковых на баланс СССР. Приказом № 00265 за демонстративный отказ от советского паспорта полагался срок по статье 16-192 УК РСФСР. Возьмёт пан в руки серпастый и молоткастый, комментировала вещь прокуратура, станет товарищем. Тогда меняйте тюрягу на ссылку. Своих мы уважаем.[61]

Трудное это дело, жаловался тюменский прокурор по спецделам Генпрокурору СССР генералу Вавилову, после многих страниц криминального фактажа. Поляки Полупанов и Андерс вслух говорят, что СССР обманул своих граждан о добровольном при-

соединении Западной Украины и Западной Белоруссии. Слава богу, мол, что конференция союзников защитила суверенность Польши, а то бы Сталин сделал её республикой СССР. Польских офицеров, несут абы что осадники, расстреляли в Катынском лесу большевики, а не немцы. Польский народ никогда не простит этого Советам. Меня в Польшу не отпустят, говорят другие, я там расскажу о советской жизни.[62]

Сектанты ещё более упёртые, сквозит в документах спецпрокуроров. «Работать в колхозе, значит отдать душу чёрту, пойти против Бога... Умрём, но помогать Советам не будем!» Нервную сентенцию Марии Левки можно принять канонической реакцией верящих в Бога на идущих по столбовому пути.[63]

Как быть с украинцами-западниками, спрашивали комендатуры у своего начальства и партийных товарищей. Начислять трудодни и давать аванс натурой, или пусть вкалывают за так? Работают они в колхозах хорошо. Но ведь бендеровцы!

Большинство спецпереселенцев, из бумаги о калмыках, продолжают находиться в тяжёлых материальных и жилищных условиях. 552 семьи не имеет крыши над головой. Это в ноябре месяце. Управляющие рыбтрестом Тобольска, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов отнеслись к делу формально. Наблюдаются вспышки эпидемиологических заболеваний: сыпняк, брюшной тиф, детские болезни. За первое полугодие 1945 года смертность достигла 3% от всего контингента.[64] С такими темпами, успокоились в обкоме партии, ещё можно долго жить.

На переломе сороковых-пятидесятых зашевелилась классическая крестьянская ссылка. За 15-20 лет каторжно-кулацкий контингент поредел и постарел. От горя и голодоморов. До войны молодёжь высасывали промышленные стройки, потом призыв в школы трудовых резервов. Постановлениями ГКО от 11 апреля и 26 июля 1942 года в Красную Армию мобилизовали миллион кулацких сынов. В парадной истории Великой Отечественной они прошли в общей героической массе. Секретная переписка НКВД квалифицирует их «спецдобровольцами». В этом фрагменте лицемерие большевизма не знает границ. Части, сформированные из «спецдобровольцев», назвали сталинскими.

Средние возрасты переселенцев угадали под тридцать мясные. Пожилые мёрли на каждом извороте трагикомического дурелома, называемого советской властью. В конце сороковых комендантский режим крестьянской ссылки становился анахронизмом. Кого стеречь-то? Новому поколению таёжные холодные места были малой родиной. Взрослые дети многих спецпереселенцев, с кото-

рыми автору пришлось встречаться, с сентиментальной грустью вспоминают Красновишерск, Гари, Ныроб, Перегребное, Ивдель, Самарово. На глазах слёзы, когда скажешь, что их родного спецпосёлка уже нет.

А состарившихся в ссылке на исторической родине никто не ждал. Движимые скорее желанием гражданского освобождения, нежели стремлением к переезду, некоторые подавали ходатайства о снятии с режимного учёта. Бумаги долго мотались по инстанциям, обрастая документами и согласованиями, будируя в органах карательных и секретных большевистскую бдительность. Самая дикая драма крестьянской России заканчивалась так.

«Утверждаю»	«Санкционирую»
.....	.....
Начальник УМГБ по Тюменской области полковник Соловьев	Областной прокурор Тюменской области Акатов
12 сентября 1951 года	15 октября 1951 года

П/комендант Микояновского РО МГБ Рыбкин, рассмотрев личное дело № 553 на спецпереселенца, бывшего кулака Бурдакова Михаила Евдокимовича, 1901 года рождения,

НАШЁЛ,

Что Бурдаков Михаил Ефимович на основании постановления Ялуторовского райсовета депутатов трудящихся в 1930 году был раскулачен и выслан в деревню Малый Атлым Микояновского района Тюменской области.

В период выселения в состав семьи входили:

1. Глава семьи — Бурдаков Михаил Евдокимович, 1901 г. рожд.
2. Жена — Волынкина Анна Петровна, 1902 г. рожд.
3. Сын — Бурдаков Степан Михайлович, 1925 г. рожд.
4. Сын — Бурдаков Пётр Михайлович, 1927 г. рожд.
5. Мать — Бурдакова Агафья, 1865 г. рожд.
6. Отец — Бурдаков Евдоким, 1865 г. рожд.

За период нахождения в ссылке в семье Бурдакова произошли следующие изменения:

1. Сын — Бурдаков Степан Михайлович, 1925 г. рожд., сбежал в 1934 году.
2. Сын — Бурдаков Пётр Михайлович, 1927 г. рожд., умер в 1933 году.
3. Мать — Бурдакова Агафья, 1865 г. рожд., сбежала в 1934 году.
4. Отец — Бурдаков Евдоким, 1865 г. рожд., умер в 1932 году.

В настоящее время спецпереселенец, бывший кулак Бурдаков Михаил Евдокимович, 1901 г. рожд., и жена — Волынкина Анна Петровна, 1902 г. рожд., проживающие в деревне Малый Атлым Микояновского района, возбудили ходатайство о снятии их с учёта спецпоселения как красноармейскую семью. О чём предоставлены соответствующие документы. На основании изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Спецпереселенцев, бывших кулаков Бурдакова М.Е., 1901 г. рожд., и его жену Волынкину А.П., 1902 г. рожд., с учёта снять и из ссылки освободить.

П/комендант Микояновского РО МГБ.

Согласен: Начальник Микояновского РО МГБ, капитан Шатрок.

Согласен: Начальник 9 отдела УМГБ, майор Лысов».[65]

Постановляющая часть документа выдает причину, по которой семья Бурдаковых получила волыную. При мобилизации ссыльной молодёжи на фронт советская власть обещала освободить от режима семьи призывников. После ужаса раскулачки и депортации спецпереселенцев обязали выкупать свое освобождение жизнью выросших в неволе сыновей. Пока ребята гибли на фронтах Отечественной, власть и пальцем не пошевелила во исполнение обещаний. Вспомнили про них после войны.

В нашем случае преступно сбежавший из мест поселения девятилетний Степан Бурдаков успел подрасти и даже повоевать за Родину, за Сталина. А замри он с голодухи тогда, в Малом Атлыме, как братишка Петя, не видать бы РККА лишнего солдата, а родителям — освободительных льгот.

«За время пребывания в спецпоселении, — писали тем, кто освобождался на общих основаниях, — лично себя не опорочил, компрометирующими материалами местное РО МГБ не располагает. Нарушений режима не имеет, взысканиям не подвергался, антисоветски себя не проявил». И освобождали искалеченных произволом на основании приказа МВД и Генпрокурора СССР №00868/208сс.[66]

Освобождали в розницу и с большим скрипом. То это неладно, то из родственников кто-то сидел. Выселяли — на весь эшелон одна загогулина председателя РИКа, а теперь на одного освобождаемого пять подписей и три печати. Сопоставить миллионные реестры выселенных, репрессированных оптом и семьями, с количеством разовых талонов на списание с режима мы не в состоянии по той причине, что большевизм жив. Он здравствует в наглеющих поступках наследников ВКП(б)-КПСС, он духовно оберегаем

у власти пребывающими и вышедшими из комсомольской номенклатуры. Спасительная нравственная глухота наша им необходима до тех пор, пока самое гнусное преступление перед Россией не обратится в далёкий и безболезненный исторический факт. Тогда и курс истории России двадцатого века визажисты подработают до приличного.

Особливо раздражают материальные претензии реабилитированных. Сказано же — вы нормальные, как все. Зря прёте, кулачьё недобитое. Имущество ваше давно съели, износили и порушили строители светлого будущего, которое оказалось, как бы тут выразиться деликатнее, деструктивной иллюзией.

Освобождение спецпереселенцы встретили разно. Одни моментально снялись с места и выехали на родину. Другие, что родились в ссылке и похоронили здесь родителей, искать тёплые места не собирались. И поныне основное население всего ареала крестьянской ссылки, исключая горячие оазисы нефтегазовой лихорадки, представлено потомками спецпереселенцев. Особенно Приобье, северная часть Свердловской и Пермской областей. В посёлках на Нижней Оби, по Лозьве, Вишере, Сосьве история ссылки ещё жива в основных героях, сидящих летними вечерами на лавочках у состарившихся вместе с хозяевами домов. Но невероятнее всего факт массового возвращения ссыльных в родные таёжные палестины.

Семью Сайфитдинова Абдулжалея из Ялано-Катайского района раскулачили в первую карательную кампанию. И сослали на Север зимой тридцатого. В документах сопровождения указано, что глава семьи «кулак, эксплуататор батраков, лишенец, индивидуально обложен, агитатор против Советской власти, саботирует во всех мероприятиях правительства и местного населения».

Заодно с главой семьи, которому шёл восьмой десяток, в места отдалённые отправились: жена, сын Ганей со снохой и двухмесячная внучка Гашура. Кулак как кулак, и маршрут классический. Эшелоном 7010 со станции Чумляк до Тюмени. Далее до Тобольска по зимнему тракту, потом, по лету, туда-сюда на баржах, пока августом месяцем не пристали к высокому правому берегу Оби. Село Перегребное. Там и стали на комендантский учёт.

В первые две зимы умерли старшие родители и сноха. Тут бы, согласно законам и декларациям советской власти, отпустить несчастного сына и внучку домой. Тем более, что старшее поколение всей крестьянской ссылки, которому адресовалась классовая ненависть, долго не протянуло. Не надо думать плохо о том, что скверно в идеале. Тогда никого не освободили. Репрессию против

Сайфитдинова-отца сбросили на плечи сына, полусироты-внучки и далеко будущих внуков.

На основании приказа МВД СССР и Генерального Прокурора СССР от 1946 года Сайфитдинов Ганей и его дети Дина, Нажиб, Фарит, Зайтуна и Фуат с учёта спецпоселения сняты 18 сентября 1952 года. Малая родина, которую помнил только глава семьи, встретила поселенцев такой нищетой, которая невыносима физически, а нравственно оскорбительна. Намыкавшись в поисках работы и жилья, единодушно решились на самое непредвиденное. В Омске сели на пароход. Слезами намокли глаза, когда над водной гладью Большой Оби показались знакомые очертания высокого правого берега. Перегребное! Соседи помогли встать на ноги, отец снова пошёл работать. Родиной всем и навсегда стало Приобье.[67]

Кроме подорожных документов ссылки, никаких документов в обоснование раскулачивания, изъятия имущества и выселения нет. Так ответила прокуратура внукам Абдулжалея Сайфитдинова во времена оптовой реабилитации. Понять юристов можно. Ну кто же знал, что придётся возиться с этим историческим мусором. Во многих национальных районах Большого Урала при раскулачивании и выселении либо вообще никакой писанины не велось, либо документы составлены безграмотно, фамилии высылаемых записаны карандашом, порой с нетрезвого слуха. А внукам Абдулжалея и Ганея лукаво рекомендовано обратиться в нарсуд. Чтобы взыскать с забытого властью и аллахом Сафакулевского района стоимость имущества, отобранного семьдесят лет назад.

Драма массовых выселений и переселений, как самое эффективное средство коммунистического воспитания, не обошла стороной и жителей тех мест, куда обычно ссылали непокорных. Ханты, остяки, манси, ненцы... Какой, казалось бы, вред поступательному движению коммунизма от затерянных в бескрайних просторах аборигенов тундры.

Э-э, однако. Покорные и тихие с виду народы, не вписавшись в крутые виражи социалистического дурелома, обнаружили такое человеческое и национальное достоинство, которое украсило бы историю любого этноса. Это тем более удивительно, если учесть, что малым народам приходилось защищаться один на один с дикой и беспощадной властью. Дважды за десятилетие тридцатых-сороковых национальные меньшинства Севера вставали под пули.

Эксперименты с окультуриванием аборигенов Ямала начались до Отечественной войны с административного деления территорий, находящихся в хозяйственном пользовании кочевых народов. К проблеме вернулись сразу после Отечественной. Не в силу ре-

волюционной суетливости, в ямальской тундре начался замор по нисходящей биологической цепи: нету оленей — нету ненца. За военные годы поголовье оленей — основы национального бытия — сократилось в три раза. Сколько вымерло ненца, история не помнит. Ладно бы военный налог, в уплату которого ушла большая часть индивидуального скота. Патриотизм не чужд населению российской тундры. Да и у кого повернется язык хулить нищету самопожертвования?

Северный олень, выяснилось в результате исторического эксперимента, биологически не задан на социализм. Естественные, веками сложившиеся маршруты каслания исходили из рационального использования весьма ограниченных кормовых ресурсов. Летом использовались пастбища Северного Ямала, где меньше гнуса, зимой стада откочёвывали в лесотундру. Время каслания на юг определялось погодными условиями. В дождливые и холодные осени стада уводили на юг раньше, во спасение от гололедицы, грозящей массовым падежом. Чтобы не нанести урона соседям, маршруты каслания были предметом взаимных договоров.

Административное, а затем и колхозное землеустройство распластали Ямал и окрестную тундру в лоскуты. Кроили большевистские варяги, решительные, но ни бельмеса не понимающие в хозяйственном быте кочевников. Ненцы, как песец, влетели в капкан. Амплитуда каслания замкнулась периметром административных границ, стада оленей безжалостно вытаптывали слабые ягельники Северного Ямала. Не было никакой возможности откочевать на юг и в случае гололедицы.

Дело тут зело хитрое. Если есть район, значит должен быть райком, исполком и районный план заготовок, выполнять который обязан каждый смертный. А с началом Отечественной ещё и районный лимит хлебных карточек и целевого, под заготовки, снабжения. При выходе стада за пределы района теряется основной источник жизни. «Ненцы, — объяснил суть дела один из пострадавших аборигенов, — не стали каслать на Хэнскую сторону потому, что нам запретили сдавать пушнину в другой район».

«Районные работники, — фрагмент исповеди другого ненца, — запретили нам каслать зимой на юг. С нами тогда много не разговаривали, а только сказали — сдавайте песца здесь, так как в других районах вам хлеба не дадут». Наиболее сильно сказал Окетто Сади: «Всё время каслал на юг, пока колхозов не было. А как колхозы организовались, перестал каслать». Монологи взяты из докладной уполномоченного Тюменского обкома.[68]

В первые же годы каслания по-новому ягельники Севера свели на нет, мор скота принял ошеломляющие даже для советской бесхозяйственности масштабы. По данным окружного земуправления, за год дохло 30% оленей. В структуре тундрового населения высветился оригинальный социотип — безоленный кочевник. Чистый полярный пролетарий. Сдавленный между северным полюсом и колхозом ненец заголодал. В секретных отчётах партийных органов и органов бдящих отмечено оживление кулацко-шаманских настроений. А в зиму с сорок третьего на сорок четвёртый, на манер событий десятилетней давности, полярный люд поднял бузу против «родной» власти. В тундре это называется Мандолой.

Здравый смысл руководил поступками сынов Арктики. Чтобы спасти оставшееся оленье поголовье, и, разумеется, себя, ненцы распустили колхозы, раздали оленей в личное пользование и побежали в сторону полюса, подальше от большевиков. Советская власть догнала контрреволюционеров, с самолёта выбросили роту автоматчиков, которые расстреляли зачинщиков, 50 человек арестовали и вывезли в Омск. Никто из них не вернулся на родину. Тыловому Ямалу остались сотни сирот и вдов.[69] Страна Советов воевала с немцами, автоматные очереди и стон ненецкого населения погасли в белом безмолвии.

Сверху ситуацию искусно загладили. Постановлением ЦК ВКП(б) факт голодухи в Заполярье признали и выразили искреннейшее сочувствие. Помощь пришла по классической схеме: если колхоз покойник, надо направить туда штатного парторга. В сорок четвёртом на севере Ямало-Ненецкого округа организовали два новых района — Гыдоямский и Тамбейский с населением в полторы и две тысячи аборигенов соответственно.

По минимальному штатному расписанию на район приходилось 65 руководящих работников (13 — райком ВКП(б), 31 — райисполком, 4 — райком ВЛКСМ, 6 — НКВД и НКГБ, 3 прокурора, 3 судьи). С домочадцами выползало за двести пятьдесят нахлебников.[70] Под районные организации заняли школьные и больничные здания. Через секретаря тюменского обкома Чубарова запросили у Маленкова сотню-другую спецпереселенцев, украсив челобитную железным доводом — работать некому.

Постановление ЦК ВКП(б) предусмотрело «резкое улучшение материального положения» ненцев. Декларация ввергла в восторг авторов партийной и новейшей истории Ямала, изготовленной совсем-совсем недавно. «Даже в трудные военные годы советская власть не забывала о развитии далёких окраин, о развитии Севе-

ра...»[71] Про голод, выселение, Мандолу и автоматчиков серединой Отечественной и в современной истории этого края — ни слова.

Весьма ограниченные ресурсы топлива и продовольствия, адресованные кочевникам, не могли погасить голода. Практически речь шла о реанимации целого народа. С учётом хронического недовоза пайковая норма хлеба доходила до 200-150 граммов в сутки. Это в вымороженных просторах Ямала и для безоленных кочевников. Правда много хуже, кочевники хлебов советских и не видели. Речь идёт о пайках советскому штату Ямала.

«Районные организации, — секретно доносит Маленкову секретарь окружкома Зенков, — заняты поиском топлива и продуктов для себя, коренному населению ничего не остаётся». Тем не менее, отчёт о медико-санитарном состоянии коренных жителей полуострова в меру оптимистичен: дистрофия остаётся массовой, но смертность от неё постепенно сокращается.[72] А номенклатурно-пришлые не выдержали. Вскоре Тамбейский и Гыдоямский районы закрыли, служащих перевезли на юг Ямала.

Полярный скотомор усугубила столь же удивительная яловость, причину которой усмотрели в слабом материальном стимулировании кочевников. Действительно, в артелях материкового Агрогулага за удачную случку скотнику платили 40 копеек. Две-три пачки махорки. На севере табак нужнее и дороже. Кочевники отдавали за него русским последний кусок. Но хозрасчёт тогда не пошёл, хотя постановлением ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1945 года приказали увеличить поголовье оленей в два раза, спутав, видимо, оленей с зайцами.

Путь к сердцу и гениталиям самца лежит через желудок. Общедоступную истину попытался разъяснить на сессии окружного совета представитель коренного населения. Если у меня в стаде 200 быков и все они мобилизованы на транспортные работы, сказал он политически образованным депутатам, то ничего не поможет. Хоть матери пастуха, хоть деньги обещай. К тому же, на замордованного в перевозках и голодного хора в общественном стаде приходится по 30-40 голодных важенок. Сытому единоличному хору до дрожи в суставах хватает 15 самок.

Наша история легко укладывается в диалектическую триаду — годы пьяные, окаянные и переходные. Самые клятые времена пришлись в Заполярье на сорок седьмой. По стране катились вагоны с выселенцами: молдаванами, оуновцами, указниками и прочими, прочими. Дошла очередь до ямальских ненцев. Не справившись с замором скота и трудящихся, партийные власти решили принудительно переселить ненцев в южные районы по-

луострова. Руководствовались логикой: если на Север высылают подыхать, то ссылка на юг выглядит жизнеутверждающе. По причине полного уничтожения ягельников приказали закрыть Северный Ямал для хозяйственного использования на 20 лет.

Ссылать на юг приходилось впервые. При богатом опыте переселения миллионов с двумя-тремя тысячами робких туземцев справились моментально. Угроза была проста и категорична: никто ваших песцов и тюленей закупать не будет, пайка впредь тоже не получите, в зиму обязательно сдохнете. Потому пожитки в нарты — и к Обской губе! «Когда переселяли, — из свидетельств Окотето Сади, — говорили, что есть закон, который обязывает всех ненцев ловить рыбу для государства. А мы ловили рыбу только для себя». «Приехал председатель райисполкома Шуткин, — излагает другой участник той драмы, — и сказал, что надо ехать, посадили на пароход и повезли».[73]

Так разговаривали с безоленными пролетариями. Для них всеямальский исход заканчивался в двух поселках на Обской губе — Тамбее и Се-Яхи. Отсюда их водой отправляли в Сале-Хард, Яр-Сале, Новый Порт, Пуйко, расселяли в колхозах «Харп», им. Сталина, им. Ворошилова, им. Шмидта.

Скопление туземной нищеты в местах перевалки привело к массовым заболеваниям и мору. «На Тамбей, — по показаниям Ладукая Нгыче, — собрали много бедноты. На десять километров всё стояли чумы, а работы не было. Жить было нечем. Много народу умерло, в каждом чуме был покойник». Опрос некоторых участников исхода, проведенный три года спустя завотделом обкома ВКП(б) Дроздовым, дает ужасающую картину массовой голодухи и смертности переселенцев. Бумага, адресованная секретарю обкома партии, ни в коей мере не является признанием вины, а обосновывает необходимость новой кампании — переселения ненцев выживших обратно, на север Ямала.[74]

Аборигенов, имеющих оленей, на пароход не приглашали, их отправили на юг полуострова своим ходом. Марш-каслание в тысячу с лишним километров завершило дело пролетаризации ямальских ненцев. «Когда я начал каслание с Дровяного в Яр-Сале, — эпически излагал Вэнга Сэроку по прибытии, — у меня было 18 оленей. Половина оленей погибла при каслании, а остальных съел сам. Сейчас у меня нет оленей». Но Вэнга не считал себя самым несчастным. Многие пришли без оленей, а некоторые потеряли в пути детей и пожилых родителей.

В итоге кампании с Северного Ямала выселили 312 хозяйств, свыше 80% населения. Осталось 70 хозяйств, на время вывернув-

шихся из-под Советской власти.[75] Преимущественно из тех, что жили по побережью Карского моря. С закрытием в начале войны факторий, скупающих пушнину, они тоже хлебнули лиха. Но выживание здесь в меньшей степени связано с оленеводством. Можно рыбачить, охотиться на птицу, добывать тюленя. Диких гусей можно было заготовить на три-четыре месяца.

В заполярной высылке много экзотики. Но самое типичное в ней то, что переселенцев на юге Ямала никто не ждал. Прикидочно решили включить их в рыболовецкие колхозы. На месте оказалось, колхозникам-рыбакам самим в зиму делать нечего. «Из-за неудовлетворительной обеспеченности колхозов гребным флотом и орудиями лова, — констатирует докладная окружкома в ЦК ВКП(б), — многие из переселенцев остались без работы. Они не имеют опыта в рыбном промысле». Проблема, конечно же, заключалась не в промысловом невежестве ненцев. Ссыльные крестьяне тоже не ахти какие рыбаки, но проблем не создали. Нацменам не хватило лодок и сетей.

При отсутствии личного хозяйства, отмечено в секретном документе Ямало-Ненецкого окружкома партии, заработки выселенных с севера не обеспечивают минимального прожиточного минимума, потому имеют место массовая дистрофия и смертность. Особенно зимой. Ничего удивительного, по всей стране этим годом пылала третья советская голодуха. Штатным-то колхозникам рыбартелей выдавали на трудодни половину заработанного и только рыбой. А тут ещё отмена хлебных карточек, за которой последовало резкое сокращение лимитов снабжения.

«Снижение лимита, — взывал к области секретарь окружкома Мальцев, — резко ухудшает снабжение, создает реальную угрозу массовых заболеваний и к весне может привести к массовому выезду русского населения из округа». Чуть позднее надежда во взоре ненца погаснет совсем, в тундру нагрянет многотысячная экспедиция «Обьстроя», чтобы начать проектные работы по 501-502 сталинским стройкам, секретному причалу в поселке Новый Порт, размещению лагерей для энтузиастов ГУЛАГа. Проектантам в погонах, понятно, всегда первый кусок.

Полгода революционных преобразований в корне изменили быт и внешний облик бывших детей тундры. Они неуловимо быстро проскочили статус пролетария, затем простого советского человека, сразу обратившись в бомжей. Отсутствие постоянной работы, жилья и продовольствия стало основным достоянием их повседневного бытия. Случайный летний заработок на путине не снимал угрозы голода. Зимой они кололи дрова в районных орга-

низациях, работали истопниками, сторожами и в прислуге, возили воду. Были на подхвате.

«Зачем нас переселяли, — с тоской спрашивал уполномоченного обкома ВКП(б) один из прибывших в Яр-Сале, - у меня теперь нет ни одежды, ни чума, ни угла в каком-либо доме, я сплю где придётся, иногда в холодных сенях у русских...» Такой вопрос мог задать каждый. Ответить на него не осмелился никто!

Хорошо быть русским и коммунистом, тихо рассуждал абориген, зарываясь на ночь в меховые лохмотья, есть хлеб, жильё, водка. Пьют так, как можно пить только на Ямале, тайно капнул про партийных товарищей Маленкову один из местных руководителей. До бесчувствия. Осетра не сдают государству, а едят сами. И гребут всех женщин, не впадая в классовую брезгливость. Дошло до того, что третий человек в округе пользовал ссыльную немку. Пьянку простили, а по факту более серьёзного порока командировали политуполномоченного — молодую и неподкупную комсомолку. Ситуация была близка к разврату, отчиталась, допросив всех очевидцев, комсомолка, но факта не было — фрау не дала.[76]

Своим изредка тоже везёт, гнала холодную летаргию зависть почти уснувшего аборигена, вон заведующему Красным чумом платят 1200 рублей в месяц, чум-работнику — 250, а толмачу даже 550 рублей. И работы никакой. Националы выполняют декоративную роль во всех партсоветских органах, интимно жалуется Маленкову секретарь окружкома партии. Депутат Верховного Совета СССР Неру работал в окружкоме, всем мешал, уволили под предлогом отправки на учёбу. Вот вернулся, не знаем, куда его приткнуть. Может начальником Красного чума?

С толпой переселенцев в центры уже осовеченной тундры прибыли сотни убогих. «Тамбейский район закрыт, — читаем докладную председателя Ямальского райисполкома, — все переселены на юг. Из переселенцев 270 иждивенцев, 106 детей, 41 сирота. Они никакого участия в колхозном труде принять не могут, и в районе нет источников финансирования. Нужна государственная помощь». Жалость обуяла весь партийный и советский аппарат. У далёкой областной Тюмени просили средств на организацию дома престарелых на 100 человек, яслей-сада и детского дома.[77]

Пока бумага всплывала по бюрократическим каналам, изменилась стратегия вопроса. Полярные бомжи и оскверняли фасад полярного социализма, и надоели субъективно. В соответствии с постановлением Тюменского обкома ВКП(б) от 27 января 1949 года «Облрыболовпотребсоюз» заставили открыть на Северном Ямале промыслово-охотничьи хозяйства и фактории. К нам вер-

нулась вполне здравая мысль, что оставлять без хозяйственного освоения такой огромный полуостров было бы преступно.

В реализацию таковой постановлением Совета Министров СССР от 11 декабря 1950 года Генштабу Советской Армии приказали передать Министерству сельского хозяйства РСФСР подробные и ранее засекреченные топографические карты Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов.[78] Колхоз опять двинулся к полюсу, оставалось туда же шугануть болтающихся где-то поблизости ненцев...

В соседней северной Югре с окультуриванием аборигенов дела шли тоже неважно. «У колхозников до сих пор живы вековые традиции монопольного владения рекой, озером, песком, где другой рыбак не может промышлять. Основной причиной такого организационно-хозяйственного уклада является разобщённость. Работа, жизнь и быт выпадают из-под общественного контроля и воздействия».[79]

Какой тут к чёрту социализм, когда, к примеру, в рыбартели имени Калинина 64 семьи и все живут отдельно на огромной территории от Пимского сора до Березовского района. Около 25 тысяч квадратных километров. Половина какой-нибудь Швейцарии. Где коммунаров тундры носит — совершенно не ясно. Некого ни призвать, ни всколыхнуть.

Аграрная революция пошла здесь по восходящей кривой — единоличный промысел, рыбартель, артель сельскохозяйственная. На начальной стадии прогресса предстояло объединить земли и труд промысловиков, создать административные центры, куда в принудительном порядке согнать коренное население. И, разумеется, перевести жизнь на план и трудодень. В дальнейшем мыслилось не ждать милостей от природы, и организовать вокруг центров сельскохозяйственные угодья. Таежным единоличникам, не осознавшим ленинско-сталинской национальной политики, надумали выдавать платные билеты на право промысла.

Получилось ни рыбы, ни хлеба. Обычные «недовозы», «выполнения плана снабжения в неполном объеме», а проще голодухи опорочили высокую тундровую утопию. На 1 января 1950 года в административные центры колхозов согнали 1150 хозяйств коренного населения. Половина из них оставили безо всякого жилья. «Оседлый образ жизни, — томно вздыхает окружком ВКП(б), — оказался экономически необеспеченным. Поэтому началось обратное расселение, колхозники из центров оседлости разбегаются в юрты и чумы...»[80]

В той же рыбартели имени Калинина решили построить центральную усадьбу в поселке Пим. Но коммунары наотрез отказались ехать. И правильно сделали. С переходом на режим колхоза рыбу забирали в погашение плана заготовок, остаток, если таковой был, авансом распределяли по трудодням. Дурная весть и в тундре летит быстрее хорошей. Все знали о судьбе тех, кто соблазнился колхозом. Весной невывезенная плановая рыба гнила сотнями тонн на многих пристанях Оби, а колхозники голодали.

Суетная наша история! Сегодня тюменская тундра представлена десятками нефтегазовых оазисов. Безмолвие вымороженных пространств оживляют факелы перекачек. На автовокзалах и железнодорожных станциях бьются толпы вахтовиков со всей страны и двоюродного Зарубежья. Кажется, что только здесь, Россия работает, а не торгует.

Где-то там, где синий горизонт сливается с низким небом, живут истинные хозяева этой богатой земли. Народы, которым, по выражению Александра Карстена, от природы даны «светлый инстинкт, наивная простота и добродушие». Качества, располагающие к дружбе и делающие совершенно беззащитными перед подлостью.

Вернёмся на континент.

К началу пятидесятых всё стало на свои места. Колхозника снова завели в оглобли социализма, сделали тихим и покорным. Душевный подъём народа, вызванный победой в Великой Отечественной, власть расчётливо и настойчиво придавила. Все лавры победы отписывались гению Великого Сталина, даже столь привычная трескотня о руководящей роли партии потеряла самостоятельный смысл и теперь только фонировала высокой лести. Из памяти соотечественников выдавливались трагические страницы первых лет войны, лишения в тылу, имена недавно почитаемых полководцев. О гордости рядового победителя и говорить не приходилось. Фронтовые заслуги не спасали ни от голода, ни от произвола. Победу украли. О ней забудут до шестьдесят пятого, когда с давно прошедшей войны снимет последний оброк славы четырежды герой и маршал застоя.

Солдат, освободивший Европу от нацизма, не смог спасти собственную страну от чумы большевизма.

Слава Богу, что и тираны смертны.

Глава 16

Вышли мы все из колхоза

Страна рабов не может быть великой. Триумф деспота создаёт иллюзию национального взлёта, а по существу оплачен нищетой народа, переходящей в трагедию. Особенности расчётов определяются исключительно личностными качествами и политическими предпочтениями диктатора. Либо это губительная для нации внешняя авантюра, либо многолетнее измывательство над собственным народом. Из двух зол хуже последнее. Военное поражение быстро отрезвляет национальный рассудок; наоборот, душевное рабство, порождённое трусливым долготерпением, трудно изживаемо, а порой и вовсе неизлечимо.

Чтобы определить социальные параметры прародителей в пространстве сталинского социализма, не надо хвататься за конституцию. Она никогда не была нормативом ни для власти, ни для народа. Не берите в руки и советских газет, идеологический обман входил в их первую служебную обязанность. Образованные по ветхозаветной истории ВКП(б)-КПСС при упоминании о колхознике восторженно круглят глаза, но в отношении к его конкретной и живой особи брезгливы. Отроки, познавшие нынешний курс истории отечества, изготовленный более обрусевшими кэпээсэсовцами, легко и криво усмехнутся в адрес прародителей. Без тени заинтересованности и сострадания. Ибо бесплатный, из-под палки труд они более склонны считать рабством. А трудовой героизм раба — и есть адресат той самой кривой усмешки.

Заключая колхозную хронику, попытаемся найти место деревенского коммунара в политической клетке советского общества. Вспомните, с какого возраста дети колхозника становятся гражданами Страны Советов? По конституции — когда получают паспорт, с 16 лет. А вот и ошиблись! Колхознику паспорта не

положено вообще. Вне зависимости от места прозябания и возраста. Поэтому его потомки с выходом к совершеннолетию автоматически становятся членами артели, но не гражданами. У крестьянских детишек права и ответственность разбегаются со школьной парты. Как подмобилизационные особи, они на учёте с пятого (в войну со второго) класса. Городские ещё играют в «Будь готов!», а наши уже проходят по отчётности как трудоспособные. Уголовная ответственность достаёт их в 12 лет. Двумя годами старше их накрывает мобилизация на заводы и в ремеслуху.

Исторический рывок потенциального колхозника в статус простого советского человека, имеющего паспорт с двумя штампами, обозначен двуединой пролетарской тропой: колхоз — ФЗО — завод. Чему соответствует эволюционно-бытовая схема: родная землянуха — барак ФЗО — барак заводской — барак семейный.

Размялись? Теперь вопрос чуть сложнее. Пришла в семью колхозника невеста из вольных. Из городских, к примеру. Дура, конечно. Или из женщин страстных. Куда её нетерпеливую писать? В единоличники? Да нет же, ей один путь — в крепостные. Если потом разойдутся, мужика посадят, хуже — останется вдовой, быть ей навечно колхозницей.

Столь же сомнительна возможность попасть деревенскому ухажёру в городские примаки. Баррикадами встали субъективные и исторические обстоятельства. Какому родителю, скажите на милость, нужен в коммуналку голозадый и беспашпортный? Да никто его не выпустит из деревни. В архивах тысячи писем в сельсоветы с просьбой дать вольную для устройства личной жизни. Сплошные отказы. По высокой любви, в порядке исключения и только через обком партии давали разрешение на переезд кадровым работникам. А тут с сеновала да к городской бабе. Сельсоветские знали, что в деревенской душе нет никаких эстетических и моральных ограничений для бегства из колхоза. Хоть восьмым браком с Бабой-Ягой, но за родную околицу и с паспортом.

После войны, когда и захудалый мужик поднялся в цене, некоторые демобилизованные зацепились было за городских вдов. Но прокуратуры настояли на срочной и поголовной проверке паспортного режима населённых пунктов. К тому их подталкивали сельские власти: если на призванных на фронт колхозников нет похоронок, почему они не вернулись в артель. Не очень бдительные сожители улетали под уголовную ответственность, от которой могло спасти раскаяние и послушный ход в ярме.

В демографии тех и последующих лет не раз отмечалось, что свежие городские невесты напрочь игнорируют деревенских уха-

жёров. Включая ударников. При слове «колхозник» самая дебелая и заспанная делала гримасы. Нутро частенько томительно вздымалось, не мужик — конь с яйцами. Но разум холодно протестовал — всё равно колхозник!

В социальном вакууме жила и деревенщина, попавшая в город по воле очередного призыва в трудовые резервы. Жила своим миром рабочих общежитий, по законам нищего и требовательного социализма. Ходишь в бетонщиках и родом из Бердюжского района, не ломись в городские интеллигенты, потому как рылом не вышел. Бери в жёны энтузиастку из соседнего барака. Тамарку из трампарка. Опять же землячка — из соседнего Упоровского района. Молодая семейная деревенщина постепенно втягивалась в ритм призаводских бараков и посёлков самостроя, закладывая культуру и обычаи первого поколения советских пролетариев.

К началу пятидесятых деревня выглядела монолитно колхозной. Неимоверными поборами, угрозой тюрьмы за недоимки и ссылки единоличника, в конце концов, вытравили. Вместе с теми, кто паразитировал на самостоятельном образе жизни. Как и в предыдущие репрессивные кампании отдуваться за всё пришлось коммунару. Советская власть наконец-то победила единоличника в качестве физической и социально чуждой особи, перебросив на колхозника заботы, связанные с содержанием личного хозяйства. Той части деревенской экономики, без которой сталинский колхоз не прожил бы и года.

Только с дальнего подхода колхоз кажется системой прямой эксплуатации деревенщины. Формой устойчивого рабовладельческого хозяйства, весьма эффективной для оголтелой государственной власти и варварски расточительной с точки зрения ресурсов национального развития. Возможно, что так он и задумывался, но получился много хитрее. На протяжении четверти века сталинский колхоз ни в одной отрасли сельского производства не мог существовать без демонстративно презираемого большевизмом индивидуального крестьянского хозяйства. Анализ взаимосвязи двух хозяйственных антиподов показывает, что оскорбительным нищенством мы обязаны исключительно колхозу, а фактом экономического и национального выживания — самостоятельным хозяйственным усилиям сельского населения России.

Через двадцать минут после начала войны, когда советские бомбардировщики (из повести Н.Шпанова «Первый удар») взяли курс на Нюрнберг и Берлин и перелетали государственную границу СССР, сталинские соколы заметили, как тучные колхозные

нивы сменились чахлыми полосками индивидуального хозяйства. Это история, исполненная свысока и соцреалистически.

Соцстатистически наш колхозный прогресс представлен убедительнее. Рост валового сбора зерновых и овощей, отражённый в многочисленных арифметических сборниках, свидетельствует, с одной стороны, о преимуществах столбового пути, с другой стороны, — о нашей порочной страсти к перееданию. Прочитавший эту книгу знает, что в сборники попала та самая видовая, из Москвы, урожайность, которая отличается от фактической как бегемот от велосипеда. Статистическая деза нужна была, чтобы пугать мировой империализм и кормить советскую гордость. Но не брюхо соотечественника.

Ложь стратегическую сменила ложь наследственная. Потомки неоднократно и патриотически оправданно исправляли цифирь прошлого в нужную сторону. Чем дальше от колхоза, тем он розовее. Секретная истина, допуск к которой снизу ограничивался членами бюро обкомов и председателей облисполкомов, бережно хранится в архивах. Разглашение таковой каралось уголовно. Сейчас гарантией сохранности той секретной нищеты является наша нищета нравственная. А чуть живая память миллионов пожилых соотечественников о двух колхозных заморах скоро растает во времени, очистив горизонт для новой социалистической идеи. Не исключаю, что сытые отроки будущих лет, на манер разночинцев, снова озаботятся судьбой лениво-убогих и покраснеют умом.

Прежде всего, колхоз варварски загнал землю. Расширение запашки при сокращающихся технических возможностях, падеже и мобилизации в промышленность тяглового поголовья, вело к хищническому использованию ближних к посёлкам земель, снижению их биологической продуктивности. Тракторной тягой даже в лучшие периоды не обрабатывалось и четверти колхозных площадей, в основном поблизости от тракторного стана. МТС брали те виды работ, которые через механизм перерасчёта в «мягкую пахоту» давал дутую выработку (боронование, культивация).[1]

Агрономическое варварство дополнялось полным отсутствием селекционной работы. Хаты-лаборатории и опытные станции могли давать только благопристойные советы, потому что реальный процесс заготовки и хранения семян полностью определялся ходом государственных хлебозаготовок, основной принцип которых известен. До выполнения плана — никаких фондов! Государство не оставляло колхозникам ни пуда лишнего зерна. Семена январём и на коровах вывозились в глубинки Заготзерно, а в апрельскую распутицу на тех же коровах тянули их обратно.

Чаще всего семенные проблемы решались не селекционно, а оперативно, проще говоря, сводились к авральному весеннему шмону единоличников. Коммунары к тому времени обычно голодали. Заглянувший в приходные документы таких мероприятий убедится, что три-четыре частных хозяина обеспечивали местные артели семенами. Государство смело вывозило из артелей весь хлеб, полагаясь на запасы единоличника. Если не было средств выкупить, власть прибегала к методам сугубо революционным.

Откуда у единоличников хлеб? Да из колхоза. Сообразительный чуждый элемент удачно эксплуатировал благоприобретённый порок коммунаров — выразительное отвращение к труду. По осени, когда колхоз выбивался из колеи хлебозаготовок и местному начальству светила тюрьма, падали в ноги частным хозяевам. Те, справившись со своими заботами, нанимались в колхоз. По договору. Кто только ни работал в колхозе. И единоличники, и эвакуированные, и спецпереселенцы из националов. Колхоз — чисто русское заведение, точно подметил агрокомиссар Тюменского обкома, местные ханты напролом и насовсем бегут из колхоза в тайгу, а сосланных калмыков и немцев в артель не загонишь палкой, они предпочитают работать только по найму.[2]

В сельхозартели имени Тельмана, аргументирует ту же мысль уполномоченный из другого уральского угла (Краснополянский район), за уборку 1946 года пленным немцам выдано 205 тысяч рублей зарплаты. План заготовок бывшие фашисты перевыполнили, а нашим тельмановцам обошлось по пять копеек на трудодень.[3] Единоличники отечественные в советские деньги не верили, потому брали за работу хлебом, который весной и продавали колхозам. Не так просто, а под товары. Государство получало хлеб, работающие по найму — какой-то эквивалент затрат, а коммунарам оставался высокий статус строителя деревенского социализма. Областные власти ругались по поводу рваческих наклонностей частников больше для виду, зная, что наёмники выручат и с уборкой, и в посевную. Власть московская ненавидела частников идеологически, поэтому считала таковых абсолютно вредными.

По мере выживания единоличника изменялась и технология производства зерновых. Ежевесенние семенные погромы сошли на нет. Колхозников трясти бесполезно. Теперь приходилось клянчить семенной материал у государства в ссуду, что вело к росту задолженности. Какая селекция, сеяли абы чем. Дарёному коню в зубы не смотрят. Виды на сытую жизнь в будущем году определялись сложной причинной зависимостью: если государство облаго-

детельствует ссудой, если семена не съедят севачи, если что-то взойдёт, если будет погода, если Бог подаст...

В заслугу частнику поставим и лучшую часть посевной. Колхозная панорама самых патриотических времён немыслима без коровы под бороной или телегой. А чья корова попала в историю? Во имя истины стоит задуматься и тут. Общественная скотина к весне либо дохла до арматуры, либо улетала под авансовый забой, чтобы украсить план мясозаготовок будущего года, а не скотомогильник. Какое из неё тягло, вожжи под брюхо и к потолку подтягивали. На ногах не держится, упадёт — сдохнет. Корова ест стоя, так создатель придумал, лёжа она только пережёвывает.

Чья бы коровы мычала... А частная и тут ходила в главных и непризнанных персонажах советской истории. Ежегодная мобилизация касалась в первую очередь бурёнок-индивидуалок. Колхозную скотину без высоких и грозных слов можно заводить в ярмо, только не потянет она.

В самый момент своего рождения сталинский колхоз посадил всю страну на хронический пост. Через год-другой соотечественники пересели с хлеба на картошку. Рост сбора зерновых, отражённый графически и статистически, не мог перекрыть советской бесхозяйственности и государственной бестолковости. Будет хлеб, будет и песня, сказал последний классик марксизма. Прав Леонид Ильич. Поэтому многое из того, что мы поём с душой, унылое.

Жить совсем неплохо, когда есть картоха! Такое и ещё правильнее сказал в пятьдесят втором мой друг Толя Пердя, когда мы ели у костра печёнки из ворованной картошки. Всю четверть века, что утонула в сталинском колхозе, земляки просидели на собственной картошке. Трудно даже представить масштабы голодухи, надумай большевики национализировать производство второго хлеба России. Неудачный опыт первых лет коллективного огородничества привёл агрокомиссаров и агромарксистов к мысли, что достижение полного коммунизма в овощеводстве есть дело далёкой перспективы, а сейчас экономически выгоднее перевести коммунара на натуральный оброк по всему ассортименту витаминосодержащих продуктов.

Основная часть заготовок картошки покрывалась обязательными поставками с индивидуальных огородов. К этой форме грабежа деревню приучили сразу. Скрытая подлость состояла в том, что частная картошка не могла выскочить на рынок до выполнения планов колхозами и сельсоветами. А тут дело такое, ежегодно по районам сотни гектаров овощей уходили под снег. Повторюсь — из года в год! Власть терпеливо и коварно ждала середины зи-

мы, после чего разрешала (в январе-феврале месяце) продажу частной картошки, зная, что с наступлением холодов основной массе колхозников не вывезти овощи на рынок. Зимой на корове ездить не приходилось? И, слава Богу. Холод перешибает всякую экзотику. На городские базары потому попадали лишь продукты пригородных зон. Остальное деревня могла сдать только кооперации по государственным ценам. Так и делали. Корыстные наклонности колхозников пресекли умело.

В Великую Отечественную и сразу после научились есть картошку по-советски. Серединой войны основные производящие западные районы Союза находились под оккупантами. Вина в том немецких захватчиков очевидна. Вина, на меньшую половину объясняющая дефицит картошки, который стал повсеместным и в глухом тылу. Голоднее пришлось не только потому, что фронт сел на уральскую и сибирскую картошку. Тут причины домашние. Многолетняя практика ограбления деревенских огородов, ужесточение режима частного землепользования, условий реализации на рынке, в конце концов, привели к сокращению производства. Перевод колхозников на трудовой распорядок военного времени, с которым читатель уже знаком, не сулил овощного благополучия. Для собственного огорода деревенщине оставили лунные ночи.

Зарёй сорок третьего стало невтерпёж и со вторым хлебом. После освобождения ближнего Подмосковья Сталин хвастливо пообещал, что в сорок втором мы немца разгромим полностью. В весну эвакуированное население засобиралось домой, и разводить огороды большинство в голове не держало. Земляки деревенские и пригородные, давно привыкшие к наихудшему раскладу событий, по поводу быстрого разгрома Германии не изъяснялись, а молча и старательно засадили огороды.

Летом, когда накатилась вторая волна эвакуации, все поняли, что зима будет голоднее прошлой. И верно, ближе к весне сорок третьего начались картовные шмоны. Назывались они госзакупом, но от обычного грабежа отличались только патриотическим аккомпанементом произвола. Теперь решили воевать как получится, потому заставили все колхозы, совхозы и пригородные хозяйства как можно больше садить картошки. Проблемы возникли с семенами. Частник их засыпает с первых вёдер урожая и бережёт лучше картошки едовой, а в колхозах, сколько ни пробовали, семена не ведутся: то гниют, то замерзают, а чаще съедаются.

Истина конкретна и всегда прячется где-то около марксизма. Образцом творческого применения вечно живых идей и утонченной, даже возвышенной нищеты, от которой першит в горле у

всякого советского патриота, можно считать события, связанные с постановлением СНК СССР о втором деревенском продукте. «Ни одного клубня картошки не должно быть съедено без срезания верхушек для посадки!» — так определили суть совнаркомовской директивы уральские газеты. Избегая общей моральной оценки событий, изложу только инновационную составляющую проекта. Полностью забирать картошку у колхозника нельзя — подохнет с голода. Но урвать толику, необходимую для посадки, вполне возможно, если кроить каждый клубень по агромарксистски: государству — вершки, а хозяину — жопку.

Газеты всех уровней с еженедельной настойчивостью разъясняли, как правильно срезать глазки и хранить их до посадки. Для преодоления естественной скупости голодных граждан были привлечены лучшие учёные Страны Советов, а также агроумы деревенские, талантливые от рождения. Некоторые делились опытом высаживания картофельной рассады, другие убедительно доказывали, что все питательные вещества находятся в жопке клубня, а не верхушке. Агрономическая наука взлетала до волшебства, на опытных делянках удавалось получать рассаду даже из обломившихся ростков. Научный прорыв на стыке колхозной нищеты и агромарксизма открыла статья академика Лысенко, разъясняющая, как кроить картофелину, дабы соблюсти баланс интересов семьи и родной власти.[4] Вскоре за это и другие не менее гениальные вещи академик получит звание Героя Социалистического Труда.

Всякая массовая советская кампания начинается с провокации молодёжи. Всесоюзная сельхозакадемия имени Ленина объявила конкурс среди школьников на лучшего сборщика и хранителя верхушек клубней картофеля. По отчёту организаторов, в сорок третьем к затее привлекли 570 тысяч школьников. Исходная патриотическая норма на одну пионерскую душу — 5 кило верхушек клубней — оказалась непосильной для голодающих деревенских малолеток. Сельские школы Урала и Приобья отнеслись к идее неважно, сославшись на то, что интеллигентов в деревнях нет, а остальные привыкли картошку не чистить, а варить её в мундире. Взрослым учреждениям общепита и торговли дали задания по заготовке и хранению верхушек клубней.

Кампании по сбору картовной кожуры проводились до самого конца третьего советского голода, возвышая еле заметный нюанс бытовухи до социальной драмы. Нет же худа без добра. Колхозные полосы, засаженные картофельной рассадой, совершенно не нуждались в охране. Серыми июньскими ночами деревенские хищенцы-ползуны вырывали клубни с полос традиционной посадки.

По колхозную картошку ходили как по ранние грибы. За ночь по ведру. И пять лет пойманному с ведром. При смягчающей вину дистрофии. А на полях новейшей технологии кротам-хищенцам копать нечего. По истечении срока давности признаюсь, что имею в этом деле некоторый личный опыт. Рыли с мамой в бригаде колхоза «Пролетарский путь». Искать клубни на ощупь совсем нетрудно, в лунках земля мягче. Надо только успеть до первого дождя. Правда, потом очень стыдно, когда видишь на знакомой полосе плешины, заросшие бурьяном.

Про учёных не забыли. Агрономы-картофелеводы на долгое послевоенное будущее стали любимцами и украшением пролетарской аграрной науки. Понятно, картошка — последний бастион голодающей России. Теоретики выживания они, в большинстве своём, не дотянули до того, что называется подлинной наукой, передним краем борьбы интеллекта с мраком стихии. Некоторые под старость оторвались от земли в чисто рассудочный агромарксизм, другие честно, с микроскопом и опытом, искали изощренные пути телесного выживания современников. Те же герои без права выбора, но достойные нашей благодарной памяти. Нет вины провинциального учёного в том, что дважды за четверть века гениальные вожди мирового пролетариата во спасение собственной шкуры махом отдавали немцу по полстраны. Обрекая на смерть и муки голода её покорных рабграждан.

Четверть века сталинский колхоз, как система варварской принудиловки и вопиющей бесхозяйственности, эксплуатировал частные хозяйственные наклонности деревенщины. Без личного подворья и огорода это порождение большевистского произвола не протянуло бы и одной пятилетки. В традиционно главной отрасли — земледелии хозяйственный абсурд колхоза заметен под пристальным взглядом. А в животноводстве экономическая дикость впечатляет с первого подхода, впечатляет трагикомическими сюжетами натуры и броской дурью их идеологического и псевдонаучного сопровождения.

Хронический замор живого колхозного тягла и продуктивных тварей — от тёлок до кур составляет самую трагическую и пока ещё неосмысленную учёными страницу русского социализма. Катаклизм не вписывается ни в рамки исторического материализма, ни в общую теорию биологии и нужен где-то гений свежего Вернадского, чтобы умственно объять геологические параметры нами сотворённого. Перед масштабами колхозного скотомора меркнет поражающий чужой рассудок советский людомор. Даже времен военных и тридцать седьмого.

Классическое признаётся на заросших могилах его авторов. Вот и поразмышляем, стоя у оградки. Итак, год пятьдесят третий, позади самый социалистический из социализмов. И область непоправимо советская. По данным Курганского облисполкома, в первый послесталинский год статотчётное поголовье крупного рогатого скота составило 377 тысяч, забито в погашение поставок и на общепит 7600 голов, а 42200 издохло. Из 700 тысяч овец 25 тысяч использовано по уму, 68 тысяч уволокли на скотомогильники. Не раз было сказано, что самая коварная судьба у советской свиньи. В тот год из 230 тысяч сдохло по причине бесхозяйственности более 80 тысяч голов.[5]

Пейзаж несколько тоскливый, но примите все детали за истину в последней инстанции. «Секретные» данные облисполкома подтверждаются столь же «секретными» материалами областной прокуратуры. Добавить бы надо и то, что пало, не привлекая внимания органов правозащитных. Будь скотина частной, убоиной бы обжирались до лиха. И в окопах, и в тылу на печке. А пока корова священна и неприкосновенна, кушай ворованную пропастину.

На протяжении всей истории сталинского колхоза основным и, казалось неисчерпаемым, источником роста общественного животноводства был частный сектор. Скотину отбирали по соображениям классовым и идейным, по мобилизации и просто так, вымогали по контрактации и в погашение долга патриотического. В хозяйственную карательную политику заложили утончённую подлость. У частника забирался только скот продуктивный. С высоты государственного интереса тут всё рационально просто — вероятность замора молодняка на колхозных фермах несравненно выше, чем, скажем, у какой-нибудь бабы Груни. Пусть она и возится со своей Мартой пару лет. Чтобы не надумала дурное, надо подпереть заботу о тёлке угрозой тюрьмы в случае падежа или забоя. Всякому советскому по происхождению подсознательно ясно, что государству выгоднее содержать одного энкаведешника, чем сотню-другую колхозных телят.

Впав в охоту, бабагрунина телуха сразу улетала под обязательную контрактацию. Дальнейшая судьба персонажей и особей определялась хозяйственной тактикой колхоза. Если до планового поголовья было далеко, корову забирали до того. Естественно, телёнок колхозной скотины становился достоянием общенародным. В лучшем варианте бабусю оставляли в тихой радости новых забот. Марта могла протянуть на колхозной ферме два-три года, после чего её волокли на скотомогильник, либо в опережение божьей милости, отправляли под авансовый забой.

Военная история урало-сибирских Бурёнок и иной живности сложилась не столь скучно, как в первом колхозном десятилетии. Конечно, артельный режим вкупе с подмобилизационной дисциплиной определяли главное. Серединой войны начался скотомор, масштабы которого ужасают и сами по себе, и в сопоставлении с массовой голодухой населения. В колхозах и совхозах Курганской области за сорок третий год подохло 48 тысяч лошадей, более 80 тысяч голов крупного рогатого скота, многие десятки тысяч свиней.[6] Мор висел над всем опорным краем державы, от границ с Казахстаном до Полярного Ямала, от Перми до Омска. Внутри областей и районов скот судорожно перегонялся в хозяйства, имеющиеся хоть какие-то запасы кормов. Стаи волков сопровождали такие гурты, потому что животные повально дохли на перегонах от бескормицы и холода.

Заготовка сена и иных кормов для скота — самая ломовая летняя работа. Кто косил, знает. И работа эта не для мальчишеских и девчоночьих рук. Массовый падёж колхозники предсказывали ещё первой военной осенью, некоторые предлагали сбросить до зимы колхозное поголовье, сдать с лета упитанный скот. Краснопрестольная директивно гнула святой показатель выходного поголовья, и будировала почины один смешнее другого. «Приучить лошадь к силосу!» — призывали тыловые газеты в ту зиму. Натура упряма, лошадь кислого не ест. В отчётах местных новаторов в райкомы сплошной отрицательный опыт. Кони либо мрут в поносе, либо дохнут принципиально.

Прокуратура, подстёгиваемая секретным постановлением ЦК о сохранности конепоголовья, начала кампанию отлова нерадивых колхозников, а также уличённых в варварском отношении к коню. Спрятали несколько сотен конюхов за решётку. Примером так. Колеговой Анне из пермского колхоза «Пятигорский» выдали 65 кило овса для двух лошадей. Коммунарка взяла да и скормила овёс двум своим малолетним детишкам. Мальцы выжили, а кони пали. Матери дали полтора года тюрьмы за варварское отношение к колхозным лошадям.[7]

Весь север аграрного Урала жаловался на Ныроблаг, который своими трофейными пфердами заразил всё поголовье соседних колхозов африканским сапом и другими экзотическими хворями. В ответ на предписания противоэпидемических троек (были и такие) гулаговское начальство разводило руками и мудро резонировало. Чего ж вы хотите, товарищи дорогие, в колхозах мрёт советская скотина, а тут трофейная кляча да ещё в руках зека.

С погружением в документальные глубины единоцветно кумачовое прошлое рассыпается весёлым спектром политического и хозяйственного абсурда. Крупный колхоз «Красный Октябрь» Висимского района. Всё как везде и год сорок четвёртый. Из 86 артельных кобыл ветфельдшер освободил от случки 7 животных, не способных держаться на ногах. Освободил под акт, который приложили к объяснительной записке в райком партии. Там требовали 100-процентного покрытия. Остальные лошадки прошли по отчёту как жеребые. В действительности 26 кобыл уклонились от плановой случки, 21 абортировала по причине невыносимого ухода и нагрузки, а 17 жеребят подохло в первый же месяц.[8]

«Москва. Кремль. 3 апреля 1943 года. Постановление СНК СССР. Разрешить в индивидуальном пользовании на одну семью вместо свиньи трёх овец с приплодом не старше одного года».[9] Документ подписан Сталиным. Пошляк-перерожденец будет скалить зубы. И зря. В директивном абзаце кладезь государственной мудрости. Давайте думать державно и правильно.

В голодуху свинья в России не жилец. Частная ещё туда-сюда, а общенародная — никуда. Если кормить нечем, отправь её жоркую вдоль деревни, как в Африке или Грузии. Правда, пускать свинью в саморост боязно. Память у нее никудышная, может дом забыть. Допустимо, что хищники сожрут. По зимней деревне военных лет волки ходили вразвалку, а лето отсыпались за огородами. Где лежит государственная мудрость? В Кремле точно знали, что в сорок третьем весь подножный корм выедят сами колхозники. А раз нет свиньи, от мясопоставок останутся только недоимки. Окончательный блеск на истине навели правоверные учёные, доказавшие, что в военных условиях овца много полезнее свиньи. Она не столь привередлива в уходе, летом пасётся в стаде, а с колхозника и в экономическом, и в буквальном смысле можно драть три шкуры.

Короткая история процветания нашего свиноводства приходится на те времена, когда животных кормили на убой смесью импортного американского фуража с импортными голландскими биодобавками. Мяса, помните, не было никогда, но достаточное предложение голов, ножек на холодец и хрящевых конечностей прямо свидетельствовало о наличии большого поголовья.

Новация, инициируемая партией серёдкой сорок третьего, себя не оправдала ни с научной, ни с практической стороны. Москва приказала кормить общественную свинью (а будет от того прок, то и скотину рогатую) сопропелем, болотной тиной. Наука услужливо забежала вперёд, доказывая, что в сопропеле тьма всяких

витаминов, что там их много больше, чем в комбикормах. К фермам подвезли грязь болотную. Скот рогатый оказался брезгливым, а колхозные свиньи впали в массовый мор по причине закупорки кишок и запоров на выходе. Многочисленные и повсеместные опыты с кормлением животных еловыми лапами, болотными кочками, камышом и прочими суррогатами лишь усугубили драму.

Весной сорок третьего перед тоскливым фактом скотозамора ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли супрягой постановление «О мерах увеличения скота в колхозах, совхозах и повышения его продуктивности». Типичная советская ксива, обязывающая к диалектическому изменению природы. «Установить, как обязательное мероприятие, покрытие всех коров не позднее 60 дней после отёла, свиноматок — после отъёма поросят, овцематок — 1,5 месяца после отбивки ягнят, тёлок — в возрасте 18-24 месяца, ярок — 12 месяцев, свинок — 9 месяцев... Обеспечить животноводческие фермы производителями из расчёта в среднем на 1 быка 30-40 коров, одного хряка на 10-12 свиноматок, 1 барана на 20-30 овцематок». И далее. «Запретить колхозам на время войны производить убой и продажу молодняка в возрасте до одного года».[10]

Перевод колхозной скотины на режим военного времени — дело весьма хлопотное. Фронтовые сталинские задания на 1943 год по случке и выходному поголовью предательски завалили все области и районы Большого Урала и Приобья. Этот год стал рекордным по колхозной бесхозяйственности.

Стали искать крайних. Свердловский обком партии увидел причину в низкой действенности соцсоревнования среди доярок и скотников. Ханты-Мансийский окружком с ужасом обнаружил, что в сельском хозяйстве работает только шестая часть кадрового комсостава округа, а в 103 колхозах большевиков нет совсем. На областном семинаре животноводов молотовские чекисты рекомендовали присмотреться к обслуживающему скот персоналу. Куда это годно, на некоторых фермах работают спецпереселенцы и даже немцы! Может скот дохнет от хлопкового жмыха, предложил свою причину зоотехник Черновского района. Экзотический для наших мест суррогат использовался повсеместно. Кворум отверг версию с порога, колхозники же не мрут, хотя везде жмых воруют и едят. Автору приходилось грызть грязно-жёлтые плитки хлопкового отхода. Мерзость. За лакомство у нас шёл жмых льняной.

Особенно раздражало то, что в частном секторе падежа не было вовсе. А коровы телились регулярно. Высокую яловость общественных бурёнок оригинально, но квалифицированно объяснил зоотехник Чусовского района. Во время случной кампании

колхозная корова, было сказано, обычно находится в столь неудовлетворительных телах, что не будит в быке никаких желаний.

Действительно, какие половые эмоции могут вспыхнуть у скотины, только что и еле выползшей из-под бороны. Её участь вызывала естественную жалость со стороны земляков и лучших представителей агромарксизма. Животноводы просто матерились в сторону бога и власти. Рекомендации интеллектуалов по рациональному использованию универсального живого механизма были изворотливо тонки и являли собой пример продуктивного синтеза общебиологической теории с историческим материализмом.

«При умеренной работе и достаточном кормлении, — успокаивал скорбящих профессор института Рубин, — коровы немного понижают надои, но повышают содержание в молоке сухого вещества жира... Не рекомендуется работа на коровах за 2-3 месяца до отёла и вскоре после него. Перерыв для работающих коров должен быть установлен 2-3 часа, 1-1,5 часа на кормежку, 1-1,5 часа на пережёвывание».[11]

В России и математика-то верна только местами, чего требовать от биологии. Если вывозить зерно к элеваторам на коровах да по февральской стуже, то вероятность того, что они будут доиться сметаной, равна нулю. Это доказано повсеместным уральским опытом. За ходку коровьего обоза от, к примеру, моей родной деревни до станции, 120 километров на круг, три дня в одну сторону и три в другую, замерзало две скотины из десяти. Коров жалко. Про возниц сказать что-то определённое, кроме того, что они нещадно простывали, трудно. Биология замордованных баб и малолеток советскую науку не волновала.

Советская статистика и история нашли для оскорбительного скотомора нейтральную лексическую форму — «поголовье общественного стада несколько снизилось». Патриотически воспитанный читатель отнесёт сие на трудности военного времени без тени вины на колхоз или советский строй. Пристальное внимание к факту действительного сокращения рогатого, примером, скота на четыреста тысяч голов, отмеченное в легальной статистике за 1943 год по областям Большого Урала, закинет любопытного в сферу паранормального. По данным областных прокуратур, только передохшего в колхозах и совхозах скота было примерно столько же. Часть скота пропала без внимания правокарательных органов. Колхозники, понятно, воровали пропастину. А чем же выполнялись фронтовые сталинские задания?

Всё материалистически хитро. В индивидуальном секторе падежа животных совсем нет, сокрушались хозяйственные и кара-

тельные органы. А по книжной статистике и тут провал. Изъятием частного скота перекрывался и мор, и плановые мясозаготовки. Общественное стадо от колхозного ухода и бескормицы рано, или поздно отбывало на скотомогильники, а частной живностью рассчитывались с пролетарским государством. От хозяйственного апокалипсиса спасало личное подворье. За всю историю сталинского колхоза у крестьян выкупили или отобрали несколько десятков миллионов голов. «Покупка скота у населения имеет решающее значение для выполнения плана роста поголовья». Фрагмент порочной тайны взят из доклада секретаря Свердловского обкома ВКП(б). Верящий советской статистике не найдёт в отчётной цифири хозяйственных провалов большевизма. Они заштукатурены конфискацией частного скота. Тогда же все знали, что колхоз перегоняет через себя чужой скот.

Всякий даже воспроизводимый ресурс ограничен. «Падёж не может быть перекрыт закупом скота у населения, — жалуются местные власти, — у частников просто нет такого количества, хотя принимаются все меры давления на колхозников и единоличников». Для выполнения плана надо закупить у населения 600-700 голов скота, сообщает в Молотовский обком исполком маленького Ильинского района, придётся забирать каждую третью частную корову. Колхозники будут сопротивляться, с ними не рассчитались за скот, взятый в прошлом году. Можно прикинуть число изымаемой у населения частной скотины, умножив ильинские порывы на 150-180 аграрных районов Урала и Югры.[12]

Спустившийся на уровень первичной колхозной информации снова попадает в мир паранормальных явлений. По многим колхозам падёж скота превышает наличное поголовье. Артель «Большевик» Камышловского района — на начало 1946 года числилось 31 лошадь, пало 49, колхоз «Ударник» Буткинского района — было 49, пало 66 голов... По коровам разрыв между отчётными и павшими особями ещё больше. Нетрудно догадаться, что такие колхозы успевали отправить на скотомогильники и артельный, и частично законтрактованный скот частников.

Общая картина скотомора, подобно замору homo sapiens, обращает горе в бесчувственную статистику. Зримее и осязаемее факты воспринимаются по мере приближения к земле. «При перегоне скота из Омутинска в Тюмень, — дело было в первую послевоенную осень, — пало 200 голов, при перегоне из Упоровского района в Тюмень прирезано от истощения 97 голов. В декабре на тюменской базе «Заготскота» имелось 1500 туш вынужденно забитого (от истощения) скота, среди которого обнаружено 274 ту-

ши явной падали». По данным годовых отчётов сорок пятого, на областных заготовительных базах Большого Урала, явной и почти пропастины числилось более 20 тысяч туш. Прирезано и актировано падалью на перегонах — более 30 тысяч голов.[13]

Конечно, несколько кощунственно вздыхать по каким-то сотням тысяч издохших лошадей и коров в стране, где замордованных, убиенных дома и на фронтах соотечественников принято калькулировать приблизительными миллионами. К опасным для советского патриотизма сравнениям подталкивает еретическое знание хозяйственной истории. В доколхозном Урале прасолы и заготовители покрывали убытки падежа собственными деньгами, потому заботились о скоте человечески. И забитую тушу кроили экономически изощрённо. Чего там пресловутые рога и копыта! Кишки умудрялись толкнуть Европе за золото.

Провалимся дальше, в тихую глубину деревенского замора. Слезем с ходка и загляпем, наугад, в правление артели «18 партсъезд» Ялуторовского района. Оставим без внимания типичный зауральский пейзаж и углубимся в суть хозяйственной деятельности партсъездовцев. За шесть лет (1942-1948) в колхозе забито 12 лошадей, издохло — 60, забито коров 130, пало от бескормицы и колхозного ухода — 220 голов. Ну там голов полсотни задрали волки и десятка три, как на фронте, без вести пропавших. По другой живности полынья между съеденным и издохшим шире.[14]

В другие колхозы Тюменской области заглядывать не стоит. Я детально изучил оборотки поголовья, представленные в земуправления южных районов. «18 партсъезд» находится в среднем месте статистической Андромеды, его хозяйственные показатели можно считать классическими.

Сфера любых аномалий всегда прикрыта режимом государственной секретности. На всякий непредвиденный случай. Отчёты о падеже скота до войны, в годы Отечественной и до сих пор хранятся под грифом «ОД» — ограниченный доступ. И правильно. Не всем должно знать о том экономическом абсурде, который называется русским социализмом. Информация об ужасающей бесхозяйственности была достоянием областных, республиканских и союзного уровня вождей, которые понимали преступный по отношению к народу характер советской хозяйственной системы. Партийная диктатура преступна не только в явных репрессиях против народов бывшего Союза — ссылках, гулаговском режиме и физическом уничтожении миллионов. Она в большей мере преступна экономически. От бесчеловечности явной можно оттолкнуться высокими декларациями, а приспичит — размашисто перекре-

ститься вслед убиенным. А без преступной экономики в образе колхоза деревенского и заводского большевистский социализм немыслим вообще.

В понимании того за разглашение любой информации о падеже скота виновных догоняли уголовно. На протяжении всей истории сталинского колхоза. Сотни тысяч голов хронического падежа в колхозах, совхозах, на заготовительных базах Большого Урала означали абсолютное обнищание соответствующего числа деревенских семей. Переведем эти факты хозяйственного варварства в примитивную арифметику сельской жизни. Корова всегда оставалась кормилицей и основой личного подворья, спасая крестьянскую семью от голода, а детей и от рахита. Выживали те, у которых на столе был стакан молока. Без коровы деревенская семья — нищета совершенно невыносимая.

Переводить издохших коров лихолетья в золотой эквивалент убытков и сложно, и кощунственно. Так ведь? Выразим его в голодных душах homo soveticus. Четыреста тысяч коров того же сорок третьего — это столько же спасенных от голода деревенских семей, или всё детское поколение опорного края державы. История не любит сослагательного наклонения, скажет человек живущий по ветру. Прошлое непоправимо, соглашусь, но познаваемо. Верни деревенским скот, или хотя бы не отбирай выращенного на личном дворе, — не было бы голодухи и той повальной детской смертности, что усугубляла горе военных потерь. Стыд и ужас сопровождают изучение документов секретной и бесчеловечной советской бесхозяйственности. В самые суровые времена деревенские голодовали на фоне повального скотомора. Пересчитай тыловые потери на служивых, и выйдет, что многих десятков тысяч тонн скотского мяса, свинины, баранины, конины, потерянных от падежа только на Урале за один сорок третий, хватило бы паре фронтов на всю Отечественную.

«Разрешить купить тёлку в одном из колхозов, выполнивших план развития животноводства, за счёт контрактации по заготовительным ценам».[15] Так ответили из ЦК ВКП(б) инвалиду Отечественной войны Вахромееву из Ирбитского района. Его просьба белым лебедем парила в самых высоких инстанциях московской власти. Из обкома партии она попала в Наркомат земледелия, оттуда в Совнарком, совласть испросила разрешение у ЦК ВКП(б). Через восемь месяцев бумага тихо опустилась на ладони просителя. Таков обычный путь подобных заявлений, которые в основном шли от инвалидов войны. Скот замирал тысячами в районе, но

официально вытянуть скотину из общенародной собственности в частную было почти невозможно. Как вернуть с того света.

Типичен и ответ. По сути, это обычная подляна в вежливой бумажке. Колхозов, выполнивших план развития животноводства, в Ирбитском районе не бывало. Не было их по всему Уралу. В отчёте Сталину, которые ежегодно и ритуально требовали от райкомов, местные кадры в тот год обещали: «Хоть в настоящее время свиней в колхозах района нет, но их поголовье увеличим в три раза». Ссылка на закуп через контрактацию тоже туманна. Во времена голодухи и скотомора на деревне не было коров в свободном рыночном обороте. Колхозы высасывали из личного хозяйства всё и даже больше. Порой отбирали последнюю корову.

Внизу кишела обычная колхозная жизнь. В высоких научных и творческих кругах, тем временем, шла диалектически предумышленная борьба видов. Видов на жизнь. Но от биологической эволюции, названной Чарльзом Дарвиным естественным отбором, она отличалась в корне, потому как была отбором идеологическим. Разом с деревенскими пришлось выправлять поступки и мировоззрения колхозников, пребывающих вне Агрогулага. Начали с самой ветреной интеллектуальной публики, в коей после Отечественной возобладали сначала политически неопределённые, а потом мещанские и даже буржуазные проявления.

С обсуждением постановления ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба», извиняется Свердловский обком, мы опоздали на целый день. 16 февраля проведено совещание секретарей парторганизаций и директоров консерватории, филармонии, музтехникума, музыкальной школы, всех театров города. Поддержали. Особенно активно прошло обсуждение среди заводских коллективов. Рабочие литейного цеха УВЗ, к примеру, вскрыли «коренные пороки, антинародный характер произведений не только Шостаковича, Мурадели, Хачатуряна, Мясковского, но и их учеников и последователей на Урале». Пишите вы слишком сложно и идеологически туманно, ажно уши закладывает. Так было сказано в лоб Якимову, Эйгесу, Штаубу и иным местным музыкантам.[16]

В паровозном депо станции Челябинск собравшиеся после смены путейцы поругали отщепенцев из журналов «Ленинград» и «Звезда», а в резолюции потребовали очистить репертуар от малохудожественных и вредных произведений, заставить артистов филармонии и оперного театра изучить «Краткий курс истории ВКП(б). В порядке первых практических мер дисциплинирования культуры предложено запретить танго и исполнение обывательски-мещанских романсов. По результатам проверки заведений

культуры отмечены лучшими клубы Челябинского кузнечнопрессового завода имени Сталина и Миасского папилочного завода, где идейных аномалий не обнаружено ни в репертуаре, ни во внешнем оформлении.[17]

Музыканты ещё как-то огрызались, уверяя, что пишут для далёких и образованных потомков. Вольнодумцев от кино и театра махом выперли из столиц в Тмутаракани. Соцреалисты от слова по жизни много изворотливее соседей богемы, они успели заглянуть кому и куда надо. «У писателей появилась небезосновательная надежда, что Обком ВКП(б) и дальше будет оказывать им руководящую помощь в их творческой деятельности».[18] Письма литературно-лакейского жанра за подписью Генерального Секретаря Союза Советских писателей А.Суркова и секретаря Правления ССП А.Сафронова разнесло почтой по всем областям и республикам Союза. Хых! — сказал бы тут восхищённо и кратко товарищ Сухов. Руководящая помощь!

Однако главный идеологический недуг в образе космополитизма обнаружился в биологической науке. Почти кругом Страна Советов жила по-марксистски, только в этом углу естествознания учёные думали извращённо. До самого лета сорок восьмого. Августовская сессия ВАСХНИЛ учинила воспитательный погром, объявив чуждым, буржуазным и даже антисоветским всё, что знала биология до Мичурина и Лысенко. Врагами социалистического мировоззрения стали австрийский естествоиспытатель Грегор Мендель, американский биолог Томас Морган, немецкий зоолог Август Вейсман. С фатально-беспощадной эволюционной определённостью, заложенной в теории наследственности (народный вариант — не родит свинья бобра...), невозможно взлететь выше неба, Бога и разума. Не сотворить мечту на халяву. Крылья пролетарскому уму даёт агрессивная диалектика природы да рассчитанная на авось гибридизация. Вот уж действительно прав Михаил Евграфович, совершенно невозможно определить, на что способна умственная неразвитость.

Докторов наук — 1, кандидатов — 10, членов ВКП(б) — всего 3. Совсем отсутствуют коммунисты в двух отделах: «Флоры и растительности Урала» и «Биологические основы лесоводства». Так печально выглядел штат Института Биологии Уральского отделения АН СССР при проверке на наличие в творческом коллективе вейсманистов-морганистов. Прежде всего, штат оказался социально засорённым. Киршин — был в плену, освобождён канадскими властями, что несовместимо со званием советского учёного. Венгеров и Пекарский — из дворян, а это ещё хуже.

Глаголев — проживал в МНР, Хренов — состоял в партии левых эсеров. И такой бардак почти по всем отделам.

«Сотрудники Института в течение трёх лет со дня организации руководствовались теорией, основанной на реакционных «идеях» морганиста Шмальгаузена. Результаты ничтожны. Директор Института Биологии Патрушев строил работу, исходя из бесплодной идеи Вейсмана-Шмальгаузена в отрыве от неотложных сегодняшних проблем сельского хозяйства Урала. Лженаучные «идеи» вейсманизма-морганизма преподносились т. Патрушевым в его статьях и с трибуны сессий Института Биологии как основа всей работы Института, тогда как прогрессивное учение Мичурина-Лысенко игнорировалось, и велась борьба против него».[19]

Морганистов и прочую биологическую нечисть взяли в крутой оборот. Тех, кто не сумел связать биологию с марксизмом, категорически выперли изо всех научных и учебных институтов. Коллективы взялись пожаром дерзких склок, на которые способны лишь голодные и нервные интеллектуалы. Дрались меж собой, за должности, а не место в науке. Открыто цепляющихся за упадочнические теории почти не было. Порой даже радовались тому, что сверху их квалифицировали космополитами. Если бы назвали биологическими троцкистами, рассуждали про себя, тогда — хана! Сначала бы посадили с показухой, а потом втихушку шлёпнули.

После проверки персонала тщательно санировали библиотеки. Брезгливо, как аспидов, выносили на кострища «Проблемы дарвинизма» и «Факторы эволюции» Шмальгаузена, «Генетику» Рокицкого, «Динамику развития организмов» Заводовского и иную лженаучную макулатуру. Стеллажи запорожнили томами классиков марксизма и светил пролетарской биологии.

Чтобы не плодить извращенцев смолоду, ЦК ВКП(б) принял постановление «Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических заведениях». Действовали правильно. Пролетарский ребёнок, в отличие от сытого и ленивого в мыслях буржуазного отрока, более склонен к живой диалектике и материалистическому пониманию мира. Проверили и школы.

«Учащиеся школ не воспитываются в духе передовой мичуринской материалистической биологии. Многие учителя не раскрывают существа мичуринского учения, как нового высшего этапа в современной материалистической биологии, а некоторые их них вопросы общей биологии и дарвинизма преподносят в духе реакционного вейсманизма. Так преподаватель школы №5 Тюмени Страхова строение клетки и её деление объясняла в свете менделевской хромосомной идеи. Преподаватель школы №26 Сапожни-

кова освещала материал в духе морганистов. Рассказывая об образовании новых видов, она ничего не сказала об учении Мичурина и мичуринцев».[20]

Отчёты из сотен школ Урала и Северного Приобья полны ужаса. Особенно из сельских школ. Преподавание биологии в Аромашевском, Сорокинском, Дубровинском, Велижанском и других районах, злится, к примеру, Тюменский обком, ведётся слабо, сущность и значение мичуринского учения изучается поверхностно в отрыве от практики социалистического сельского хозяйства.

Вернём упущенное истории, взглянем с высот пролетарской биологии на колхозную действительность. В том же Велижанском районе при обследовании базы Заготскота «было установлено, что по состоянию на 1 октября 1949 года имеющиеся в наличии 1083 головы скота находятся в изгородях из жердей, частично под навесами, не защищающими от ветра, подвезённых кормов не имеется, в результате чего скот обречён на заболевания и гибель». Интриговать не буду, сдохло чуть меньше половины. В колхозах Дубровинского района тем годом пало 1792 головы скота, сдано государству 967, забито — 854, съедено волками 129 голов. Источник информации — авторитетнее некуда, докладная секретная записка прокурора области Токарева в обком ВКП(б).[21]

Да разве дерзкую колхозную диалектику объяснишь абстрактными законами наследственности, выведенными на опытах с горохом или дрозофилами. Тут напрямую, с колхозником и коровами, не всё сразу получается. Урожай в том году тоже и по всему региону не возвышал марксистской биологии.

Неважно шли дела в Тюменской области и с прикладной биологией. Выращивать национальные кадры, то есть обращать добродушных аборигенов в воинствующих большевиков, Москва приказала ещё до увлечения биологией, в 1945 году постановлением ЦК «Вопросы Ямальского окружкома». Директива обкомовская «О состоянии и мероприятиях по подготовке и выращиванию национальных кадров» шла в жизнь туго. На Ямале из 121 партработника националов 22 человека, в Югории из 100 большевиков аборигенов всего только 13.[22] Нет, биологически кадры росли, но плохо и долго зрели политически. И здесь эволюция восстала против диалектики насилия. Создали специально для местных партшколы. Но те не вняли. Не умея придать скуке вид интеллектуальной озабоченности, слушатели с первых слов лектора впадали в близкий к летаргии сон. Год на морозе, и на пару часов в тёплое помещение. Представляете? Изучать «Краткий курс истории ВКП(б)», жалуются пропагандисты, никого не заставишь. В

международной обстановке совершенно не ориентируются, а порой идеологически просто слепы. В Пуровском районе, услышав от лектора ответ, что в США нет тундры, курсанты выразили искреннее сочувствие американским империалистам...

Правильно, то бишь по-колхозному, понимать литературу, музыку, биологию, а равно и вести себя, к началу пятидесятых научили всех. И городских, и сельских. Принимать нищету, произвол и откровенную ложь как естественный фон общественного бытия. Главный продукт социализации России — превращение соотечественника из гражданина в колхозника, из личности в тягловую особь. Столкнуть огромную, патриархальную страну с многовекового фундамента материальной культуры, до анемии вытравить национальную историческую память, в клочья разодрать родовые и семейные связи, — это действительно выдающееся историческое достижение отечественного коммунизма. И уникальный по тяжести и продолжительности случай общенациональной хвори. Работа на то, что скоропостижно пало или неспособно жить вообще, представляет наше основное увлечение в прошедшем веке.

В марте пятьдесят третьего городские соотечественники, стоя часами в хлебных очередях, хором и навзрыд плакали по преждевременно ушедшему вождю. Честно сокрушались. Смешно сказать деревенскую правду, на колхозных собраниях бабы, вынесшие на плечах голод и холод, горе фронтовых потерь, загнанные советской властью до изнеможения, валились иной раз в обморок при сообщении о смерти Сталина. Местные отчёты информируют о подобных происшествиях с гордостью, квалифицируя таковые как проявление безграничной любви простого народа к вождю. Любовь зла. Через три года Никита Хрущёв намекнул, что ревели мы совсем зря. Однако натуру единственным, даже очень убедительным фактом не своротишь. Потому и выздоравливали мы плохо. Но у большинства деревенских теплилась надежда, что произойдут какие-то изменения к лучшему. Конечно, рассуждали здраво, для единоличного хозяйства у деревни уже нет ни сил, ни хозяйственного опыта. Пусть колхоз кормит городских, если иначе невозможно, а вот послабления с индивидуальными заготовками сделали бы сносной жизнь крестьянскую.

27 марта 1953 года, то есть сразу после смерти Сталина, объявляется широкая амнистия всем заключённым до 5 лет, под которую попали в основном уголовники. Указом от 8 сентября того же года под амнистию попали осуждённые по «дедушкиному указу». Амнистировать колхозника не было никакой возможности. В отличие от питомцев ГУЛАГа клиенты агроГУЛАГа срока заклю-

чения не имеют. Столбовой путь был проложен классиками на века. Даже в те времена, когда отечественная наука билась в истерике вопроса, сохранятся ли деньги при коммунизме, судьба колхоза оставалась однозначно определённой — будет всегда.

Колхоз остался в живых, но одновременно с амнистией уголовному элементу пришли послабления и братии деревенской. В пятьдесят третьем отменили индивидуальные поставки зерна, снизили нормы по мясу, молоку и картошке. Были списаны долги прежних лет, а совершенно абсурдные для русской деревни заготовительные требования исключили совсем. Третья советская голодуха постепенно сходила на нет и в колхозе, за что пожилые деревенские земляки сохранили тёплую память о Маленкове.

Вышли мы все из колхоза. Все как один в плане социального происхождения, а некоторые и в смысле конкретного житейского поступка. Совершенно безразлично, прозябал ли соотечественник на трудодне, жировал ли на партийно-государственной должности, считал ли годы по заводскому гудку, или тянул приличный национальному опыту срок. По натуре чувств и умственному покрою мы хронические колхозники.

Идеологически одичавший и оставшийся без присмотра, разбрёлся простой советский человек стадами по лжетравию свободы. Одни восторженно пялят глаза на фасады чужих концепций, другие неумело безответственно молятся. Те, кому двигаться в кривом пространстве мешает коммунистический склероз, зреют самомнением и зло вещают о грядущих революциях.

В каждом поступке, в каждой физиономии соотечественника неизгладимая харизма колхозника. Вне зависимости от должности и достатка. Мгновенное ограбление государства, названное приватизацией, возможно только в стране, где уважение к капитальной стоимости выбито у граждан до импотенции. Десятилетиями нас карали уголовно за корыстный взгляд в сторону священной и неприкосновенной. Пусть сгниёт, сгорит, подохнет или вымерзнет, но ни в коем случае не попадёт в трудовые частные руки. Факты деревенского хозяйственного погрома, фрагмент которого изложен в самом начале книги, есть лишь финальный, а потому и выразительнейший, акт общенационального экономического вандализма, порождённого очередной социальной утопией. Безосновательной уверенностью, что обратить вчерашнего колхозника (не важно, сельского или городского) в собственника можно разовой государственной милостью, изменением формального права владения. Вот и барахтаются в рыночном безбрежье, скорее инстинктивно, чем осмысленно, близорукие мои соотечественники. Близорукие в своём огородно-квартирном хозяйственном мироощущении.

И моментально разбогатеть можно только в стране колхозников, где не труд и интеллект являются основанием личного успеха, а административный произвол и моральная распущенность. Загляни в любую провинциальную дыру и убедись в вечном для России: на самых кормных местах и при капитале — прожившие всю жизнь в корыстной лжи: либо недавний партхозактив, либо «новые русские» из обнаглевшей номенклатурной комсомолии.

Путь от собственника до действительного хозяина много дольше. Значительную часть аморально приватизированного обязательно просадят в изощренном чревоугодии. Ведь личный и общественный опыт предпринимательства — дело многих-многих десятилетий. Так что от естественного хода вещей нам никак не увернуться. Начнём сызнова, с личного труда, лежащего в основе текущего благополучия. Созданный усилиями поколений семейный капитал укрепит кровородственные связи и обязательства. Чтобы не стыдиться за нищету родителей и детей. Со временем придёт понимание собственности как исключительного продукта труда, а не житейского случая. Советскую зависть к чужому благополучию постепенно сменит естественное уважение ко всякой собственности, труду и богатству.

По-моему, это единственный путь из колхозников домой. Не только к материально обеспеченному бытию. Вспыхнут, уверен, национальным достоинством и подлинной верой наши души. Будем любить Отечество по-русски - не хвастаясь, а жалея. Не беда, что лучшие места в храме уже заняты вчерашними воинствующими атеистами, которым всё едино: распять или с креста снять. Допустим, что на этот раз их вера — не промысел, а свет души.

Истина и духовное совершенство утверждаются без насилия, сказал один порядочный француз, для этого достаточно гражданской свободы, веры и добросовестного труда. Только путь утомительно долгий. И очень, оборони Господи, опасный. Как бы патриотически угорелые проходимцы снова не посадили народ на иглу очередной социальной утопии, в которой наша очевидная, национальная или классовая, исключительность и укороченный вектор общественного прогресса: прямо — семь, в обход — четыре.

Где снова концлагерь, колхоз и пожизненный героизм.

Александр Базаров
Лесники
1986-2004 г.г.

Источники информации

Принятые сокращения

ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области.
ГАКО — Государственный архив Курганской области.
ГАОПДКО — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области.
ГАТО — Государственный архив Тюменской области.
ГАХМАО – Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа.
ГОПАПО – Государственный общественно-политический архив Пермской области.
ОГАЧО – Объединённый государственный архив Челябинской области.
ТОЦДНИ — Тюменский областной центр документации по новейшей истории.
ЦДОО СО — Центр документации общественный организаций Свердловской области.
Названия других архивных учреждений даны полностью.

Глава 2. Рождество колхозное

1. Сборник статей по статистике Урала. Свердловск. 1927.
2. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск. 1927. Стр. 77.
3. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 897.
4. ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.
5. ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 947. Л. 4.
6. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 98. Л. 159.
7. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 130.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 204. Л. 45.
9. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 65.
10. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 908. Л. 56.
11. ОГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 563. Л. 9.
12. ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1974. Л.5.
13. ОГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3138. Л. 118.
14. История советской социалистической экономики СССР. М. 1977. «Наука». Т. 3. Стр. 484.
15. В отличие от Наркомюста и прокуратуры, предпочитающих штрафные санкции, родная партия всегда стояла на том, что недоимщиков вслед за этим надо садить.
16. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 874. Л. 61.

17. «КПСС в резолюциях...» М. 1984. Т. 4. Стр. 237.
18. Напоминание о жёстком контроле над товарными ресурсами присутствует в каждой московской депеше начала 1928 года: от 6, 8, 26 января, 13 февраля...
19. В истории Страны Советов это одна из первых, а потому наглых, попыток массового обмана населения через фикцию товарного обмена. Последующий вскоре отказ от отоваривания сумм подписки заложил здоровую основу хронического недоверия к государству.
20. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-5. Л. 14.
21. ОГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 743. Л. 30.
22. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 24.
23. То было золотое время советской власти, карательные операции давали высокую эластичность по заготовкам. Народ боялся годовалой отсидки. Через пару-тройку лет он и на червонец лагеря станет плохо реагировать.
24. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-5.
25. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 904. Л. 176.
26. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 904. Л. 181.
27. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 904. Л. 178-180.
28. ОГАЧО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 157. Л. 35.
29. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 65.
30. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 203.
31. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1693а. Л. 282.
32. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1470. Л. 24.
33. ОГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1963. Л. 181.
34. ГАОПДКО. Ф. 13.Оп. 1. Д. 1683а. Л. 181.
35. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1683а. Л. 283.
36. Последнюю версию событий, связанных с деяниями Петруши Дьякова, можно прочитать: Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады». Тюмень. 1999. Изд-во Ю.Мандрики.
37. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. СР-1.
38. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 21; Д. 1076. Л. 22.
39. Служители культа были в особом интересе комсомольских активистов. И нынешнюю молодёжь тянет на варварство духовное. То, что взрослый бережливо украдёт, молодой изощрённо переломает.
40. ОГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2699. Л. 38-39.
41. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 985. Л. 70.
42. ГАКО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 473. Л. 57.
43. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. СР-1а. Л. 9.
44. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. СР-1а. Л. 9.
45. История советской социалистической экономики СССР. М. 1977. «Наука». Т. 3. Стр. 327-328.
46. Газета «Правда». 1929 год. 3 ноября.
47. «КПСС в резолюциях...» М. 1984. Т.4. Стр. 337.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 352. Л. 46.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 76. Л. 80.
50. Сталин И.В. Соч. Т. 12. Стр. 166-169.
51. Газета «Правда». 1930 год. 11 января.
52. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922. Л. 234.
53. ОГАЧО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2719.

54. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 486. Л. 295.
55. СЗ. 1930. № 6. Стр. 66.
56. СЗ. 1930. № 9. Стр. 105.
57. Газета «Красный Курган». 1930 год. 30 января.
58. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 108.
59. ГАХМАО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 59. Л. 12.
60. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.
61. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 25.
62. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.
63. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 88.
64. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 54. Л. 29.
65. СЗ. 1930. № 9. Стр. 105.
66. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 91.
67. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 91.
68. ГАКО. Ф. 319с/804. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.
69. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 54.
70. ОГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 641. Л. 28.
71. ОГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 641. Л. 28.
72. Типичные документы, на основе которых выдворяли крестьян с родины. Образцы документов освобождения от ссылки приведены в последних главах книги.
73. ГАКО. Ф. 319с/804. Оп. 1. Д. 18. Л. 36.
74. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 127.
75. ГАТО. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 53.
76. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 924. Л. 8.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 447.
78. ГАТО. Ф. 865. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
79. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 225.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 225.
81. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ.

Глава 3. Трудодень за лень

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 244.
2. Газета «Красный Курган». 1930. 5 апреля.
3. Газета «Красный Курган». 1930. 16 апреля.
4. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1076. Л. 121.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 192.
6. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 108. Л. 50. Стрижка коммунарок, практикуемая в районах интенсивного советского земледелия, была последней стадией женской пролетаризации. Таковой предшествовало принудительное изъятие в фонд коммуны семейных ценностей, украшений, второй смены белья. Другие (кроме волос и тяги) естественные достоинства женщины денежно не котировались.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 190.
8. Мистеров и джентльменов нам ни напугать, ни потрясти не удалось. Но мечта Ваша, Иосиф Виссарионович, жива и поныне. По уровню жизни нас обогнали

многие нищие страны, но мы высокомерно равняемся в ходу только на Америку.

9. Все областные газеты Союза. 1930. 17 июля.
10. ЦГА РСФСР. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 57. Л. 218.
12. Опыт Щучанского и других агрогородов уже тогда доказал, что строительство социализма невозможно даже в отдельно взятом районе.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 120-122.
14. ЦДОО СО Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 139.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 4. Л. 112.
16. Газета «Красный Курган». 1930. 6 июля.
17. ГАСО. Ф. 148с/91. Оп. 1 Д. 33. Л. 87, 89.
18. Все газеты Урала в начале октября 1930 года.
19. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 954. Л. 13.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 954. Л. 13.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 101-103.
22. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32а. Л. 174.
23. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 119. Л. 59.
24. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 978. Л. 84.
26. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 133. Л. 6.
27. ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 7. Д. 66. Л. 112.
28. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.
29. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 64.
30. ЦДОО СО Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 71.
31. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 124. Л. 89.
32. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 184.
33. ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 197.
34. Спасибо Еремею Айпину. Его роман «Божья матерь в кровавых снегах», написанный по материалам Казымского восстания, есть удачная попытка отыскать высокое в трагических изломах прошлого. Отыскать, минуя назойливую и живучую идеологическую ложь.
35. ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 107. Л. 85.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 49.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 978. Л. 55.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 113.
39. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 954. Л. 239.

Глава 4. «Дедушкин указ»

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 235. Л. 56.
2. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 235. Л. 58.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 39.
4. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 6. Л. 117.
5. Постановление ЦИК и СНК от 20 мая 1932 года. Через три месяца кары за свободную торговлю подтянут до уровня репрессий за хищение социалистической собственности.

6. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 299.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 124.
8. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 300.
9. Газета «Правда». 1932. Август.
10. ГАСО. Ф. 91/с-148. Оп. 2. Д. 96.
11. Подобные директивы принимались повсеместно. К охране хлебов допускались партийные, комсомольцы, сочувствующие, но с обязательным разрешением уполномоченного райкома партии, РИКа, а лучше — ГПУ.
12. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 42. Л. 199.
13. ГАСО. Ф. 1854. Оп. 3. Д. 51.
14. Газста «Челябинский рабочий». 1934. 1 августа.
15. Газета «Челябинский рабочий». 1934. 1 августа.
16. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 2. Д. 96. Л. 14.
17. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 2. Д. 96. Л. 105.
18. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 2. Д. 96. Л. 106.
19. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 32.
20. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2.
21. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
22. ГАСО. Ф. 148. Оп. 6. Д. 9.
23. ГАСО. Ф. 148. Оп. 6. Д. 95.
24. ГАСО. Ф. 148. Оп. 6. Д. 23.
25. ГАСО. Ф. 148. Оп. 6. Д. 39.
26. ГАСО. Ф. 91/с-148р. Оп. 3. Д. 303.
27. ТОЦДНИ. Ф. 995. Оп. 1. Д. 156.
28. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3830. Л. 12.
29. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3830.
30. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 2-3.
31. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 65.
32. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
33. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
34. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.
35. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 236. Л. 120.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 226. Л. 50.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 226. Л. 50.
39. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186. Л. 2.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 105.
41. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 115. Л. 6.

Глава 5. Сирота Страны Советов

1. ГАСО. Ф. 223. Оп. 6. Д. 8. Л. 156.
2. Фамилия и имя репрессированной, а равно и родителей, в первых редакциях главы были изменены по её просьбе. Боялась. Потому недоумевающим старожилам бывшего спецпосёлка Ингисоим, где отбывала ссылку героиня, при-

шлось объяснить, что под псевдонимом скрывается Екатерина Романовна Карпенко. Эту они помнят.

3. Два года назад спецпосёлок Ингисоим закрыл свою историю. В Берёзово и ближние населённые пункты выехали последние и самые пожилые.
4. Здесь живая память точно совпадает с историей уже воспроизведённой. Фамилии репрессированных родственников и соседей Карпенко подтверждает «Книга расстрелянных» Рафаэля Гольдберга, мартиролог жителей Тюменской области, погибших в годы большого террора.
5. ГАКО. Ф. 315. Оп. 4. Д. 2. Л. 53.
6. ГАКО. Ф. 315. Оп. 4. Д. 2. Л. 53.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 50.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 50.
9. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 56.
10. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
11. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 12. Л. 197.
12. ГАКО. Ф. 319с-804. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
13. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 100.
14. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 119, 244.
15. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1576.
16. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 1.
17. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 27.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 437. Л. 141.
19. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1583. Л. 55.
20. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 100.
21. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1623. Л. 39.
22. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1854. Л. 1.
23. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 1.
24. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 6.
25. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1377. Л. 13.
26. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 6.
27. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 56.
28. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 167.
29. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 312. Л. 8.
30. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 156.
31. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 526. Л. 68.
32. ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1613. Л. 68.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 410.
34. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. Л. 56.
35. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. Л. 55.
36. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3674.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 142.
38. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 525. Л. 11.
39. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.
40. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 142. Л. 61.
42. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 58.
43. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.
44. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 61.

45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 150. Л. 59.
46. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 67. Л. 11.
47. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 363.

Глава 6. Ребячье мясо

1. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1014. Л. 58.
2. ГАОПДКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1014. Л. 37.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 4. Л. 50.
4. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 36.
5. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 270; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4710. Л. 177.
6. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 30.
7. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 29.
8. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3616. Л. 2.
9. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2955. Л. 63.
10. ОГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 103.
11. ОГАЧО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 468. Л. 130.
12. ОГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 152.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 188. Л. 15. Данный циркуляр можно принять за эталон услужливости и расторопности советских правозащитных органов. Лицензии на массовые репрессии выдавались обычно через день-два после выхода озлобленной партийной директивы.
14. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 188.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 8.
16. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3940. Л. 10.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 21.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 188. Л. 4.
19. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 6.
20. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 22. Л. 342.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183; Оп. 10. Д. 225. Л. 84.
22. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
23. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 65. Л. 6.
24. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 183, Л. 43.
25. ЦДОО СО. Ф. У. Оп. 11. Д. 182. Л. 2.
26. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 17.
27. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 42. Л. 153.
28. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 266.
29. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.
30. ОГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 82.
31. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 2818. Л. 19, 83.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 86.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 37.
34. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 37.
35. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 37.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 37.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 50, 81, 92.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 224-254.
39. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 174. Л. 25.

40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 3-4.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 49.
42. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 238. Л. 78.
43. Лоскутное одеяло сообщений взято из «Отчёта о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев в Уральской области», подготовленным ОСП ПП ОГПУ.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165. Л. 154-158.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 53.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 42-43.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 94-96.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 53; Оп. 12. Д. 98. Л. 58.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 82.
50. По свидетельствам Чернова П.А., Носковой Н.К., Кочкина Н.А. и по материалам предыдущей главы снят документальный телефильм «Сирота Страны Советов», который прошёл на ОРТ, Санкт-Петербургском телевидении (5 канал) и некоторых региональных телекомпаниях.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 110.
52. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 75.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 106.
54. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 130.
55. ОГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626. Л. 412.
56. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 133.
57. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149.
58. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 124.
59. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 954.
60. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 178.
61. ГАКО. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
62. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 328.
63. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 325-329.
64. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 170. Л. 39.
65. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4713.
66. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4725. Л. 23.
67. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4722. Л. 153.
68. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4710. Л. 75-85.
69. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4711. Л. 176.
70. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 221.
71. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 224.
72. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 65. Л. 443.
73. ТОЦДНИ. Ф. 700. Оп. 3. Д. 3. Л. 4.
74. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 230. Л. 442.
75. История советского рабочего класса. М. 1984. Т. 2. Стр. 242.
76. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 207. Л. 49.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 241. Л. 112.
78. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 230. Л. 44.
79. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 207. Л. 183.

81. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 203. Л. 78.
82. История советского крестьянства. М. «Наука». 1986. Т. 2. Стр. 381.
83. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 100. Л. 24.
84. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 100. Л. 24.
85. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 20-25.
86. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 20-25.
87. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 663. Л. 15.
88. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 7.

Глава 7. Энтузиасты на этапе

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 270. Л. 27.
2. История советского рабочего класса. М. «Наука». 1984. Т. 2. Стр. 7.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 189.
4. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2941. Л. 22, 107 и далее.
5. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 543.
6. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 188.
7. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 532.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 7.
9. ГАКО. Ф. 775. Оп. 1. Д. 356. Л. 45.
10. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2941. Л. 315.
11. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4481. Л. 1.
12. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 75.
13. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 75.
14. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 4481. Л. 35.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 196. Л. 94-100.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 51-53. План был в высшей степени прикидочный и составлен накануне высылки. Сравнение его с реальной дислокацией спецпереселенцев через год (ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 51-53) даёт примерно такой же эффект, как сопоставление контрольных цифр и итогов всех советских пятилеток.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 224-230.
18. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 63. Л. 62.
19. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 20.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 47.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 47.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 183.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 170.
24. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 202.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 202.
26. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 189.
27. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 185-186.
28. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 183; ГАСО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1241. Л. 3.
29. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 231.
30. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165.
31. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 63.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 47.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 94. Л. 7.

34. ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1241. Л. 9.
35. Это не документ конкретной сделки, а типовой бланк.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 34-45.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 34-45.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 94. Л. 2.
39. ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1244. Л. 8.
40. ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1244. Л. 8.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 14.
42. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 120.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149.
44. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.
45. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 90.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 12, 17.
47. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 3. Л. 181.
48. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 1. Л. 115.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 16.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 9.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 1.
52. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 198. Л. 3.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 4. Л. 2.
54. ГАКО. Ф. Р-775. Оп. 1. Д. 376. Л. 26.
55. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 170. Л. 44.
56. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 15. Л. 49.
57. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3806в.
58. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 151. Л. 108; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 114.
59. ГАОПДКО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 44. Л. 44.
60. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 525.
61. ТОЦДНИ. Ф. 866. Оп. 5. Д. 16.
62. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 712. Л. 45.
63. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 712. Л. 45, 60.
64. ОГПЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 32. Л. 11.
65. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 481. Л. 112.
66. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 712.
67. ОГАЧО. Ф. Р-148-91. Оп. 1. Д. 30. Л. 30.
68. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 478. Л. 56.
69. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 375. Л. 7.
70. Предупреждение печаталось на типовых бланках исходящих писем и должно быть поставлено в актив совстского права. Заслуга местной печати состояла в предварительной квалификации деяний, изложенных в заметке. Каким образом? Примерно так. «В спецотдел Челябинской областной прокуратуры. Редакция газеты «Челябинский рабочий» направляет вам заметку селькора ..... о действиях правления колхоза «Коминтерн» с признаками на статью 58-10 УК».
71. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
72. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 318. Л. 170.
73. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3800. Л. 10.
74. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 222.
75. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3489. Л. 14.

76. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3800. Л. 10.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 49.
78. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 4041. Л. 37.
79. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 478. Л. 59.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 137.
81. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 576. Л. 17, 53.
82. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 235. Л. 22.
83. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 725.
84. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 119. Л. 39.
85. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 135. Л. 85.
86. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 212. Л. 172.
87. ОГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.
88. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.
89. ГАСО. Ф. 854. Оп. 1. Д. 116.
90. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 118.
91. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 336.
92. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 19.
93. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 23. Л. 195.
94. Газета «Челябинский рабочий». 1931. 27 августа. Попытки переименовать крупные населённые пункты Урала предпринимались неоднократно. Трудно назвать город, большевистские кадры которого не претендовали бы на освежение ландшафта. Раз бога нет, зачем Златоуст или Богословск? Кампании оживлялись к юбилеям революции и вождей или по поводу ареста прежних кумиров.
95. ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 3051. Л. 10.

Глава 8. Чертогон

1. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 20.
2. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 22.
3. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 95.
4. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 954. Л. 146.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 217. Л. 192.
6. ГАКО. Ф. Р-775. Оп. 1. Д. 376. Л. 73.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214. Л. 92.
8. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 85-125.
9. ГАСО. Ф. Р-148-91. Оп. 1. Д. 30. Л. 30.
10. ОГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 626.
11. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 169. Л. 166.
12. ОГАЧО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 37. Л. 83-92.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186.
14. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 162. Л. 69-70.
15. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 22. Л. 170.
16. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 75.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 375. Л. 7.
18. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14283. Л. 365.
19. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.
20. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 151. Л. 101.

21. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 151. Л. 20.
22. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 521. Л. 14.
23. ТОЦДНИ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 170. Л. 5-117.
24. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 11.
25. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 91.
26. «КПСС в резолюциях...». М. 1984. Т. 5. Стр. 89.
27. ОГАЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. Л. 140-150.
28. ГАОПДКО. Ф. 67. Оп. 42. Д. 10. Л. 64.
29. ОГАЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 7. Л. 140.
30. ОГАЧО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-6.
31. ЦДОО СО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 509. Л. 37.
32. ЦДОО СО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 510. Л. 22-73.
33. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 187. Л. 65.
34. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
35. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.
36. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 127. Л. 17 и далее.
37. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 156. Л. 57.
38. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 101.
39. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 12. Трудно представить деревню тех лет без самодельной люльки, подвешенной на пружине к потолочной матке, керосиновой лампы, без стёкол и ручной мельницы. Бабушка одной рукой качает ребёнка, другой крутит рушалку.
40. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 107-114.
41. Газета «Челябинский рабочий». 1934. 20 апреля.
42. Про существование этой секретной антиконституционной штуки, применявшейся до 1956 года, обвиняемый узнавал в конце смертного приговора. Остальную большевистскую общественность с нею познакомил Н.Хрущёв на XX-м съезде партии.
43. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 123.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 45.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 34.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 144.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 234. Л. 68.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 145. Л. 24, 42.
49. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 145. Л. 24, 42.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114. Л. 53.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114. Л. 57.
52. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 145. Л. 68.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114. Л. 98.
54. ГАОПДКО. Ф. 99. Оп. 2. Д. 115. Л. 6, 8, 29.
55. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 239. Л. 75.

Глава 9. В преисподней коммунизма

1. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. М. 1991. Стр. 217.
2. Там же.
3. Поступками многих добровольных стукачей руководило явное желание попасть на штатную оперативную работу в НКВД. Оклад, портупея с кобурой,

паёк и обмундирование, все боятся — вполне приличный ассортимент мечты. Иногда, как в этом случае, фантазия взлетала выше возможного.
4. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. М. 1991. Стр. 221.
5. Газета «Уральский рабочий». 1937. 28 января.
6. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 224. Л. 47.
7. Газета «Уральский рабочий». 1937. 29 января.
8. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 2.
9. ГАОПДКО. Ф. 92. Оп. 2. Д. 172. Л. 4.
10. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 90. Л. 50.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 114.
12. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 4. Л. 106.
13. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 4. Л. 208-214.
14. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 126-135.
15. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19268. Т. 2. Л. 1.
16. ГАОПДКО. Ф. 67. Оп. 9. Д. 41. Л. 15.
17. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 92-93.
18. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 4. Л. 24.
19. ГАКО. Ф. 805. Оп. 1 Д. 15. Л. 87.
20. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 3. Л. 35.
21. Материалы Свердловской областной партийной конференции. 14-19 июня 1937 года.
22. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 1. Л. 25.
23. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 89-125.
24. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 89-125.
25. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 19-30.
26. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 270.
27. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 3. Л. 81-86.
28. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 125-135.
29. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34014.
30. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23657. Л. 21-29.
31. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 156.
32. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 2. Л. 162.
33. Газета «Челябинский рабочий». 1937. 27 октября.
34. Реабилитирован, как и все региональные вожди. Сообщение о том есть в «Отчёте о работе КПК при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС».
35. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 41.
36. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 159. Л. 12.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 159. Л. 31.
39. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 521. Л. 16.
40. Газета «Челябинский рабочий». 1937. 14 декабря.
41. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 23.
42. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 335. Л. 11.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 107. Л. 22.
44. Газета «Уральский рабочий». 1937. Октябрь.
45. Газета «Челябинский рабочий». 1937. 18 октября.
46. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 101-117.
47. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 101-117.

48. Архив УФСБ по Челябинской области. Следственное дело 266867.
49. Архив УФСБ по Челябинской области. Следственное дело 266867.
50. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 525. Л. 142.
51. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 46 и далее.
52. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 50.
53. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 187.
54. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 165. Л. 1.
55. Этот документ приведён для того, чтобы не возникало никаких сомнений относительно главного преступника в советской истории России. Каратели НКВД всегда оставались только подсобниками. Тот же Дмитриев, пытая руководителей прежних, лакейски ёрзал на стуле перед новыми назначенцами ЦК ВКП(б).
56. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 85.
57. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 138. Л. 1.
58. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 72 и далее.
59. В «каменных колунах» ходили только крупные номенклатурные особи. Применение таковых носило ограниченный характер, лишь при обработке аппаратных кадров, в среде которых «колуны» имели авторитет. Для не облизанного властью мужика партийный «товарищ» оставался начальствующей стервой, ранее волокущей в социализм, а теперь — к расстрелу.
60. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 166. Л. 202 и далее.
61. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 300. Л. 40.
62. Собрание по осуждению вчерашнего коллеги проводили немедленно по получении известий из НКВД. Расторопностью пытались отвести подозрения. Чтобы выдержать в испуге весь коллектив (кто следующий?), чекисты частенько сообщали о «врагах народа» спустя два-три дня.
63. Сообщения о награждении славных советских чекистов прошли во всех газетах Союза.
64. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17368. Т. 5. Л. 92-117.
65. Очерки по истории Тюменской области. Тюмень. 1994. Стр. 181.
66. Политические процессы 30-50-х годов. М. 1991. Стр. 81.
67. Цит. по журналу «Карта». 1994. №1. Стр. 3-4.
68. 1937-й на Урале. Свердловск. 1990. Стр. 163.
69. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 76. Л. 102 и далее.
70. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 101. Л. 20.
71. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 336. Л. 103.
72. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 27.
73. Совстский донос многообразен, как сама жизнь. Целина для многих направлений общественных исследований. Заметный рефрен в цитировании обусловлен личными симпатиями автора к сфере науки, образования и классической музыки.
74. ГАОПДКО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 213. Л. 44.
75. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 112. Л. 79.
76. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 99. Л. 108.
77. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 197.
78. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 119. Л. 190.
79. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3. Л. 97.
80. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 238. Л. 42.

81. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 102. Л. 61.
82. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 524. Л. 9.

Глава 10. Глаза — на запад! Кулак — на взвод!

1. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 541. Л. 5.
2. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 300. Л. 85.
3. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 544. Л. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Ф. 541. Л. 109.
6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 506. Л. 252.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 300. Л. 9.
8. ГАКО. Ф. 903. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
9. Просьбу о вступлении Финляндии в СССР не дождались, хотя предприняли для того всё необходимое, вплоть до открытой агрессии. Нас хорошо в мире поняли, что и гарантировало соседней стране суверенитет.
10. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 1.
11. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 16.
12. Газета «Красный Курган». 1941. 1 января.
13. Газета «Звезда». 1941. 1 января.
14. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. ДД. 166. Л. 38.
15. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 166. Л. 63.
16. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 166. Л. 66.
17. Так разворачивались события по соцреалисту Николаю Шпанову. В его повести «Первый удар» нашли достойное литературное воплощение бредовые идеи отечественного большевизма о мировом господстве. И его военные планы. В художественной интерпретации самых оголтелых грёз большевизма Николай Шпанов был талантлив. Потому современные литературные энциклопедии и словари брезгливо обходят это имя.
18. На японском фронте мы пошли в атаку за восемь лет до войны реальной. По роману «На Востоке» другого соцреалиста — Петра Павленко. С театральной сцены нас призывали в наступление В. Киршон, А. Афиногенов и многие другие.
19. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 500. Л. 66.
20. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 500. Л. 66.
21. ГАОПДКО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 281. Л. 87.
22. ГАОПДКО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 281. Л. 91.
23. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 166. Л. 153.
24. ГАОПДКО. Ф. 1о5. Оп. 7. Д. 281. Л. 23.
25. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 500. Л. 50-55.
26. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 500. Л. 41.
27. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 641. Л. 131.
28. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 506. Л. 28.
29. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 506. Л. 29.
30. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 506. Л. 32.
31. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 1. Л. 12.
32. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 1. Л. 42-46.
33. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 497. Л. 43.

34. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 312. Л. 62.
35. ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.
36. ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.
37. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 596. Л. 1; Оп. 3. Д. 497. Л. 119.
38. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 154. Л. 91.
39. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 154. Л. 112.
40. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 154. Л. 121.
41. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 506. Л. 13;
42. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 138. Л. 12.
43. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 497. Л. 67.
44. Газета «Звезда». 1941. 25 января.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 299. Л. 1.
46. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
47. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 160. Л. 218.
48. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 166. Л. 202.
49. ОГАЧО. Ф. 1317. Оп. 21. Д. 14. Л. 314, 464-465.
50. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 165. Исповеди палачей перед Лаврентием Берия имеются в архивных фондах каждого обкома партии и областных прокуратур. Мясники, спасаясь от трибунала, выкладывали все подробности пыток и фабрикации следственных дел. Эти подробности были даже предметом разговоров на коммунальных кухнях в домах, где проживали чекисты.

Глава 11. Пришла беда — мы русские

1. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 142. Л. 4.
2. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 12. Л. 64; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 142. Л. 36. В этом фрагменте военной истории мы особенно трусоваты, потому стоим на том, что с объявлением войны все ломанулись в добровольцы. Не все. И далеко не все. Желающих поражения большевистскому режиму было едва ли меньше желающих спасать Россию.
3. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 162. Л. 209.
4. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 162. Л. 160.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 274. Л. 67.
6. Сводка Главного командования Красной Армии. 1941. 23 июня.
7. Истинное положение на фронтах тыловые земляки узнавали от поступающих в госпитали раненых. Вот почему начальник политуправления РККА Лев Мехлис с первых дней войны запретил медперсоналу всякие личные контакты с ранеными, приказал бороться с разглашением военной тайны.
8. Все газеты Союза. 1941. 23 августа.
9. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 264. Л. 46.
10. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 403.
11. У заградотрядов были особые функции, тут требовался не героизм, а героическая подлость. Стрелять в своих очень неловко. Как только линейные части выбивались противником, и дезертирство исключалось, карательные цепи отходили в тыл. Не меньшую головную боль доставляло власти тыловое дезертирство. Тут за спиной беглеца вставал советский закон, который есть «не мёртвая догма, а живое оперативное выражение воли партии». Постановлени-

ем СНК СССР от 18 октября и 4 ноября 1943 года приказывалось гнать дезертиров принудиловки под статью 58-14, где «контрреволюционный саботаж... вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела».

12. ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176. Л. 55.
13. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 223. Л. 26.
14. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 336. Л. 79.
15. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 223. Л. 11.
16. Партия никогда не доверяла процесс бронирования предприятиям или военкоматам. Все лимиты и списки на отсрочку от патриотической обязанности утверждались райкомами партии.
17. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 223. Л.7.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 223. Л. 49.
19. ГОПАПО. Ф. 105. Д. 454. Л. 65.
20. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 255. Л. 39.
21. ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176. Л. 35.
22. Неофициальная информация о гибели солдата приносила горе, но исключала государственную благотворительность к семье погибшего, начисление пенсий или единовременных пособий. Имел силу только факт, проходящий по документам Бюро потерь НКО.
23. ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176. Л. 25.
24. ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176. Л. 277.
25. ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 176. Л. 40.
26. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 145. Л. 11.
27. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 145. Л. 131.
28. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 145. Л. 160.
29. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 226. Л. 50.
30. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 311. Л. 124.
31. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 124. Л. 78.
32. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 226. Л. 82.
33. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 124. Л. 82.
34. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 36. Л. 69.
35. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 151. Л. 85.
36. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 226. Л. 78.
37. Сводка Совинформбюро. 1941. 28 ноября.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 170. Л. 29.
39. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 170. Л. 30.
40. Указ опубликован в новогодних выпусках газет. Рядом с обещаниями закончить разгром Германии в 1942 году.
41. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 15. Л. 95.
42. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 237. Л. 34.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 300. Л. 75; ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 3. Л. 22.
44. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 224. Л. 2, 3, 4.
45. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 224. Л. 10-15.
46. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 99. Л. 96.
47. Газета «Красный Курган». 1944. 7 апреля.
48. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 151. Л. 42.

Глава 12. Тюря патриотическая

1. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 224. Л. 13.
2. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 224. Л. 3.
3. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 150. Л. 138.
4. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 499. Л. 1.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 336. Л. 150.
6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 2. Л. 186, 220.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 2. Л. 228.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 99.
9. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 223. Л. 100.
10. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 227. Л. 12.
11. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 227. Л. 32-77.
12. Газета «Красный Курган». 1944. 26 февраля.
13. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 153. Л. 20-24.
14. ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.
15. ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.
16. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 151. Л. 13.
17. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 119. Л. 16.
18. ГАКО. Ф. 1239. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
19. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 150. Л. 208.
20. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 151. Л. 130.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 227. Л. 23.
22. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 72.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 237. Л. 3-5.
24. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.
25. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 164. Л. 4; Д. 162. Л. 13; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 336. Л. 154, 155, 328.
26. Газета «Красный Курган». 1944. 24 мая.
27. Газета «Красный Курган». 1944. 15 октября. Такими материалами были забиты местные газеты всего урало-приобского региона. Думаю, что и всего тылового Союза. Можно это и сейчас принять за чистейший воды трудовой героизм. Если отбросить к чёрту память и совесть. Память заставляет искать подлинного виновника пожизненного героизма наших прародителей, а совесть вообще негодует при виде матерей России, ходящих под ярмом.
28. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1186. Л. 300-306.
29. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5845. Л. 203.
30. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 147.
31. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 860. Л. 53.
32. Газеты осени сорок третьего и сорок четвёртого мило смахивали на печать жуткого тридцать седьмого. Все неудачи на фронте внутреннем списывалась на происки врагов околоточных.
33. ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 20. Л. 57.
34. ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 20. Л. 63.
35. ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
36. ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 3. Л. 173а.
37. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск. 1990. Стр. 70.

38. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 91-104.
39. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 147. Л. 113. Постановление СНК СССР от 2 июля 1944 года «О дополнительных мерах по борьбе с септической ангиной».
40. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 147. Л. 113.
41. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 1. Л. 58.
42. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 152. Л. 101.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 111. Л. 14.
44. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 161. Л. 77-90.
45. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 862. Л. 274-275; ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.
46. Эти сопоставления весьма приблизительны, так как не учитывают масштабы порчи зерна на примитивных глубинных пунктах, число которых в каждой области исчислялось несколькими сотнями.
47. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5351. Л. 55-56.
48. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 499. Л. 58.
49. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 10. Д. 147. Л. 18.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 83. Л. 6.
51. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 2. Д. 72.
52. Документ ежегодного тиражирования, директирующая часть всегда одинакова, различия улавливаются лишь в преамбуле, привязке очередной мобилизации к тому или иному событию.
53. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 311. Л. 126.
54. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 76. Л. 43.
55. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 281. Л. 118.
56. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 311. Л. 6.
57. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 73.
58. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 36. Л. 43.
59. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 14-21.
60. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 194. Л. 1.

Глава 13. «Девушки, война, война...»

1. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 94 и далее.
2. В действительности арестованных писем было значительно больше. К примеру, в марте 1943 года в Курганской области — 6 тысяч, Челябинской — 12 тысяч. Экстраполяция этих данных УНКВД на весь Урал и привела автора к указанным 35 тысячам. Если принять во внимание, что население Свердловской и Пермской областей больше, а цензура ничуть не либеральнее, получится больше.
3. Про «гнуснейшую ложь» геббельсовских клеветников прописали все газеты Союза апрелем 1943 года. Чтобы подчеркнуть, с какими гадами мы имеем дело. Для остального мира факт расстрела тысяч польских офицеров органами НКВД был гнуснейшей правдой.
4. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 112. Л. 114.
5. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 113. Л. 20.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 168. Л. 158-162.
7. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 94. Л. 26.
8. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 42.
9. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 151. Л. 129.

10. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 1-2.
11. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 67 и далее.
12. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 77.
13. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 71; Ф. 11. Оп. 2. Д. 836. Л. 15; ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 10. Д. 240.
14. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 714. Л. 233.
15. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 71. Л. 55.
16. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 150. Л. 99.
17. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 490. Л. 239.
18. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 95. Л. 19.
19. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 489. Л. 119 и далее.
20. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 172. Л. 41-44.
21. ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 80.
23. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 88. Л. 51.
24. Анализируя реестры новоиспечённых большевиков, автор руководствовался не их анкетными данными, а типичными еврейскими фамилиями. Статистически аномалия нейтрализуется тем фактом, что подавляющее большинство мобилизованных в партию на передовой — русские.
25. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 160. Л. 205.
26. ГАКО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 7.
27. ГАКО. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 3.
28. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 181.
29. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 489. Л. 46.
30. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 171. Л. 8.
31. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 94. Л. 61.
32. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 490. Л. 281.
33. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162.
34. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 489. Л. 50.
35. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162.
36. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 160. Л. 184.
37. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 230.
38. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 160. Л. 184.
39. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 10. Д. 244. Л. 161.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 113. Л. 27.
41. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 151. Л. 96.
42. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 113. Л. 61.
43. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 15. Л. 106.
44. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп.
45. Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М. 1977. Стр. 43.
46. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 161. Л. 140.
47. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 490. Л. 106.
48. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 94. Л. 83.
49. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 94. Л. 45.
50. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 77. Л. 130.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 112. Л. 62-64.
52. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 454. Л. 35.

53. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164. Л. 21.
54. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 226. Л. 45.
55. Артель «Ударник» приказала долго жить. Палестины, в которых процветал трудовой режим патриотического ада, видны из моего окна. Общего фона хозяйственной разрухи они не портят. А что дано создателем, тополя над Тоболом и чистое Круглое озеро, даже прекрасны.
56. ГАХМАО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29. Л. 133.
57. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 161. Л. 134.
58. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 353. Л. 82.
59. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 79. Л. 72; Оп. 15. Д. 75. Л. 146.
60. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 103. Л. 163.
61. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 135. Л. 115.
62. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 215. Л. 78.
63. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 331. Л. 347.
64. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 230. Л. 93.
65. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 454. Л. 69.

Глава 14. «Папка воюет на фронте...»

1. ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 4. Л. 17-56.
2. ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.
3. ОГАЧО. Ф. 299. Оп. 7. Д. 111. Л. 49.
4. ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 7.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 221. Л. 2.
6. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 544. Л. 56.
7. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 151. Л. 17-26.
8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 2367. Л. 97.
9. Судить полагалось за противодействие образованию детишек. Любовь Сталина к детству, словоблудили газетчики, выше родительской любви.
10. Эта норма детской эксплуатации работала до начала шестидесятых.
11. Цит. по книге «Эти детские военные годы». Челябинск. 2000. Стр.63.
12. Там же. Стр. 68.
13. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 838. Л. 13.
14. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 161. Л. 106.
15. ГАКО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
16. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 16. Д. 151. Л. 85.
17. Состояние ленинградских детей проходило особой статьёй по всем видам соцвосовской отчётности. Оно и понятно, этих полагалось возвратить домой. Хотя большинство родителей вымерло в блокаду, тогда любые разговоры о заморе в городе Ленина считались агрессивной антисоветчиной.
18. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 221. Л. 8-13.
19. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 221. Л. 4 и далее.
20. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 223. Л. 45.
21. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 2367. Л. 121.
22. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 111. Л. 82.
23. ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 5, 8-14.
24. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 79. Л. 8.
25. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 168. Л. 108.

26. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 111. Л. 56.
27. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 6. Д. 72. Л. 9.
28. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 21. Д. 252. Л. 30.
29. Как и десять лет назад в первую очередь под подозрение попали родственники беспризорных. По РИКам прошли бумаги с запросами на выживших родственников тех ребятишек, что пребывали в ДПРах. На этот счёт проверили и воспитанников детдомов, чтобы в их среду не затесались прикормыши не штатные.
30. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 21. Д. 252. Л. 18.
31. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 21. Л. 231.
32. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 111. Л. 15.
33. ГЛПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 518. Л. 71.
34. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 518. Л. 16.
35. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 21. Д. 252. Л. 47.
36. Это предпоследний акт национализации крестьянской семьи. Мужчин государство отобрало давно, женщин мобилизовали во имя трудового героизма, теперь в собственность СНК перешли подростки. Остались малолетки, беспризорные по жизни, но идеологически курируемые школой и пионерией.
37. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М. 1966. Стр. 363.
38. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 67-70.
39. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 350. Л. 51.
40. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 28.
41. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск. 1990. Стр. 41.
42. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 151. Л. 105.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 174. Л. 1.
44. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 320. Л. 1-15.
45. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 175. Л. 100-105.
46. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 135. Л. 99.
47. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 321. Л. 36.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 321. Л. 38.
49. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 296а. Л. 1, 2.
50. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221.
51. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 174. Л. 8.
52. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 174. Л. 8.
53. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 100.
54. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 217. Л. 9-33.
55. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 861. Л. 3-5.
56. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 135. Л. 104.
57. Масштабы дезертирства фронтового ужасают до национального стыда. Лучше бы их совсем не знать. Тыловым дезертирством, более массовым, вряд ли кого удивишь. Бежали не от труда, бежали от ада советской бытовухи.
58. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 8. Л. 9-10.
59. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.
60. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 103. Л. 87.
61. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 и далее.
62. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 65. Л. 125.

63. ЦДОО СР. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 37.
64. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 128. Л. 3-30.
65. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 127. Л. 55.
66. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 128. Л. 30.
67. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 112. Л. 49-50.
68. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 104. Л. 37.
69. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 127. Л. 53.
70. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 127. Л. 59.

Глава 15. Ярмо для победителя

1. В Государственный архив кино- и фотодокументов сейчас не прорвёшься. Мода на кинохронику сталинских лет подчинила телевидение и кинематограф. И самое больное здесь то, что эта старина, ценная сама по себе, подаётся как документальная истина тех лет. Правды в ней не больше, чем в художественно прекрасных «Кубанских казаках».
2. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 241. Л. 16-18.
3. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 71. Л. 61.
4. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 36. Л. 31.
5. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 22. Л. 53.
6. Часто этот суд был несправедливым. Послевоенные годы полны семейных драм. Иногда они возникали из подозрений в неверности, чаще их провоцировал сам победитель, ушедший в запой и загул.
7. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 223. Л. 219.
8. Газета «Красный Курган». 1946. 3, 25 января.
9. Здесь Терентий Семёнович прав. Тому, кто не видел прямой связи своей науки с марксизмом-ленинизмом, место в шарашке, а не светской науке.
10. Этот фрагмент биографии Мальцева подробно и честно исследован моим земляком Иннокентием Хлебниковым. Но всё же это донкихотство. На стороне идеологического мифа о самородке вся местная номенклатурная рать.
11. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 251. Л. 101-103.
12. ТОЦДНИ. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 7. Л. 60.
13. ТОЦДНИ. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 7. Л. 60; Оп. 1. Д. 8. Л. 38.
14. ГАХИАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 676. Л. 229.
15. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 814. Л. 46.
16. ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 999. Л. 11.
17. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 113. Л. 119-121.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 117. Л. 30.
19. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.
20. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 19. Л. 137.
21. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 223. Л. 36.
22. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 149. Л. 9-18.
23. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 132. Л. 135.
24. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 85. Л. 37.
25. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 10 и далее.
26. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 3. Д. 109. Л. 23-145.
27. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 36. Л. 38.
28. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39. Л. 27.

29. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 39. Л. 9; Оп. 1. Д. 143. Л. 7.
30. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 50. Л. 27.
31. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 131. Л. 162.
32. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 22.
33. ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5а. Д. 11. Л. 194, 211.
34. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 132. Л. 12.
35. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 77. Л. 28.
36. ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 77. Л. 28.
37. ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 3. Л. 59.
38. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 4 и далее.
39. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 132. Л. 74.
40. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 251.
41. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 164. Л. 27.
42. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 162. Л. 17.
43. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 223. Л. 160-162.
44. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 164. Л. 1.
45. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 223. Л. 175.
46. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 201. Л. 17.
47. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 165. Л. 134.
48. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 233. Л. 169.
49. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 201. Л. 2.
50. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 164. Л. 98.
51. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 162. Л. 45.
52. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 201. Л. 26.
53. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 21. Д. 63. Л. 24.
54. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 189. Л. 11; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 164. Л. 31.
55. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 14. Д. 189. Л. 13.
56. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 223. Л. 215.
57. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 154. Л. 31.
58. Адика, Адриана Георгиевича Пузановского, угораздило стать депутатом трёх созывов Государственной Думы. Он с детства подавал неясные надежды.
59. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 226. Л. 44.
60. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 226. Л. 44.
61. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
62. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 2. Л. 29.
63. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 2. Л. 30.
64. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60. Л. 89.
65. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 14. Л. 103; Для получения такого документа надо было собрать пачку бумаг, удостоверяющих, что политически непорочен, а в нравственном облике не уступишь святому Николаю Угоднику.
66. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 14. Л. 103;
67. ГАКО. Ф. 2107. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
68. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 316. Л. 1 и далее.
69. На внутренних фронтах Страны Советов ничего особо героического не происходило, поэтому в вполне естественно не нашло места в официальной науке.
70. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 147. Л. 43.
71. Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард. 2000. Стр. 508.
72. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 122. Л. 155.

73. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 316. Л. 1 и далее.
74. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 316. Л. 1.
75. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 122. Л. 5.
76. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 122. Л. 18, 136.
77. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 122. Л. 158.
78. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 1. Л. 143.
79. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 430. Л. 20.
80. ГАХМАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 431. Л. 393.

Глава 16. Вышли мы все из колхоза

1. Методика расчётов за работы, произведённые МТС, заслуживает особого и очень бдительного исследования. Некоторые фокусы из жульнической калькуляции с показателем «мягкой пахоты» даны в книге Корнилова Г.Е. «Уральская деревня в период Великой Отечественной войны». Свердловск. 1990. Стр. 20-21.
2. ТОЦДНИ, Ф. 124. Оп. 2. Д. 18. Л. 97.
3. ГАСО. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 862. Л. 167.
4. Всесоюзная детская кампания по сбору картовной кожуры была инициирована ЦК ВКП(б) в самом начале 1944 года. За предшествующий год она обратилась из робких научных рекомендаций во всеобщий патриотический долг.
5. ГАКО. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 108. Л. 29.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 153. Л. 42-63.
7. ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 85. Л. 81.
8. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 262. Л. 16.
9. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.
10. Попытки перевести общественное поголовье на режим ГУЛАГа предпринимались неоднократно и всегда безуспешно. Скотина, как и отечественный подвид homo-sapiensa, покорно вымирала, но безо всяких претезий на реабилитацию.
11. Газета «Красный Курган». 1943 год. 6 апреля.
12. О взаимоотношениях советской власти и личного крестьянского двора в нашем регионе честно и хорошо сказано в книге Денисевича В.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985). Екатеринбург. УРО. 1991.
13. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 12. Л. 8.
14. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 21. Д. 230. Л. 102.
15. Все кампании по борьбе с бескоровностью колхозников и инвалидов войны проводились путём изъятия частного скота. За присвоение колхозной коровы наказывали даже номенклатурно штатных.
16. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 196. Л. 50.
17. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 230. Л. 13.
18. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 129. Л. 131.
19. ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 336. Л. 71-76.
20. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 40. Д. 13. Л. 8.
21. ГАТО. Ф. 1103. Оп. 6. Д. 50. Л. 81-94.
22. ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 29. Л. 88 и далее.

Список используемых сокращений

Адмотдел — одна из структур местной исполнительной власти.
Адмссылка — ссылка во внесудебном порядке.
АСЭ — антисоветский элемент.
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина, основной институт прикладного агромарксизма.
Верхсуд — Верховный Суд Союза ССР, РСФСР.
ВишЛАГ — уральский филиал Соловков, 4 отделение СЛОН.
ВК ВС — Военная Коллегия Верховного суда СССР, РСФСР.
ВМН — высшая мера наказания, вышка.
ВПШ — Высшая партийная школа.
Всевобуч — система всеобщего обязательного военного обучения.
ГКО — Государственный Комитет Обороны.
Главлит — система всеобъемлющей советской цензуры.
ГПУ — Главное политическое управление.
ГУГБ — главное управление государственной безопасности.
ГУЛАГ — главное управление лагерями.
ГУ РКМ — Главное Управление Рабоче-Крестьянской милиции.
ДПР — детский приёмник временного содержания беспризорных и распределитель по системе соцвоса.
ДТО — дорожно-транспортный отдел.
ЖУ — железнодорожное училище в системе трудовых резервов.
Заготзерно, Заготскот, Заготживсырьё — институты советской системы заготовок сельхозпродукции.
ЗРК — закрытый рабочий кооператив.
Интегралсоюз — система потребительской кооперации на Севере.
Исправдом — местная тюрьма временного содержания.
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь, самая радикальная мера коммунистического воспитания

ИТР — исправительно-трудовые работы, заочная форма ИТЛ.
ИТР — инженерно-технические работники, представители самоотверженного интеллектуального труда.
КИМ — Коммунистический Интернационал Молодёжи, сыграл в ящик истории одновременно (в 1943 году) со своим родителем — Коминтерном для пожилых.
КК РКИ — Контрольная комиссия Рабоче-Крестьянской Инспекции, один из элементов формальной советской власти.
Комзаг — комитет по заготовкам при СНК СССР.
Комсод — комиссия или комитет содействия чему-то, обычно инициируются при проведении массовых карательных кампаний.
КПЗ — камера предварительного заключения.
МГБ — Министерство государственной безопасности.
МОПР — Международная организация помощи борцам Революции, одна из кровососущих общественных организаций.
МТС — машинно-тракторная станция.
ЛПХ — леспромхоз, лесопромышленное хозяйство.
НКО — Народный комиссариат обороны
Наркомздрав, НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения.
Наркомзем, НКЗ — Народный комиссариат земледелия.
Наркомпрод — Народный комиссариат по продовольствию
Наркомюст, НКЮ — Народный комиссариат юстиции.
Начупр — начальник управления.
НКВД - Народный комиссариат внутренних дел.
Облзу — областное земельное управление.
ОКО — областной комендантский отдел, структура управления крестьянской ссылкой
ОО ПП — оперативный отдел представительства ОГПУ.
ОСО — особое совещание, самый авторитетный в СССР внеправовой карательный институт.
ОСП ПП ОГПУ — отдел спецссылки представительства ОГПУ.
ПП ОГПУ — региональное Полномочное Представительство Объединённого Государственного Политического Управления.
Райзо — районный земельный отдел.
РИК — районный исполнительный комитет.
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
РУ — ремесленное училище в системе трудовых резервов СССР.
РУП — районное управление.
СНК СССР — Совет Народных Комиссаров Союза ССР.
Соцвос — система социального воспитания.
УИТЛ — управление исправительно-трудовыми лагерями.
УНКВД — областное управление НКВД.

Уралсовет — формально главный орган советской власти в нашем регионе.
Уралтруд — отдел Уралсовета, разрабатывающий трудомобилизационные мероприятия.
ФЗО — система фабрично-заводского обучения.
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР.
Чекатифа, Чекаящур и т.п. — чрезвычайные комиссии по борьбе с замором трудящихся и скота.
ЧТЗ, ХТЗ, НАТИ — марки советских тракторов.

Оглавление

От автора 5
Глава 1. ***Остановите хозяина!!!*** 7
Глава 2. ***Рождество колхозное*** 13
Глава 3. ***Трудодень за лень*** 63
Глава 4. ***Дедушкин указ*** 101
Глава 5. ***Сирота Страны Советов*** 141
Глава 6. ***Ребячье мясо*** 191
Глава 7. ***Энтузиасты на этапе*** 249
Глава 8. ***Чертогон*** 321
Глава 9. ***В преисподней коммунизма*** 375
Глава 10. ***Глаза — на запад! Кулак — на взвод!*** 445
Глава 11. ***Пришла беда — мы русские*** 497
Глава 12. ***Тюря патриотическая*** 553
Глава 13. ***«Девушки, война, война...»*** 599
Глава 14. ***«Папка воюет на фронте...»*** 645
Глава 15. ***Ярмо для победителя*** 701
Глава 16. ***Вышли мы все из колхоза*** 763
Источники нформации 787
Список сокращений 812

БАЗАРОВ Александр Александрович

ХРОНИКА КОЛХОЗНОГО РАБСТВА

Редактор *А. Базаров*
Корректор *О. Мурашова*
Обложка – *Ю. Прожога.*

Сдано в набор 24.05.2004. Подписано в печать 4.08.2004.
Бумага офсетная № 1. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Petersburg
Объем 51,0 физ. печ. л. 47,94 усл. печ. л.
Тираж 2500 экз. Заказ 1360.

Издательство «Возвращение»
ЛР № 030440 от 9.10.92.
Адрес издательства:
123436, Москва, ул. Маршала Бирюзова, 34/58
E-mail:vozvrashchenie@bk.ru
Электронный адрес автора: abazarion@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУИПП «Зауралье»,
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Коротко об авторе

Сельская средняя школа.
Училище трудовых резервов.
Атомное объединение "Маяк".
Экономический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
Аспирантура МГУ.
Кафедра экономической теории
Курганской сельхозакадемии.
Кандидат экономических наук.
Член Союза писателей России.
Статьи, монографии по аграрной
теории и истории России.

ISBN 5-7157-0147-3

9 785715 701473 >

Издательство
"Возвращение"
Москва 2004